
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.
ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ
ОКТЯБРЬ, 1891

СОДЕРЖАНІЕ.

ОКТЯБРЬ, 1891 г.

См. слѣд. стр.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ XLVI

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XLVI

1891

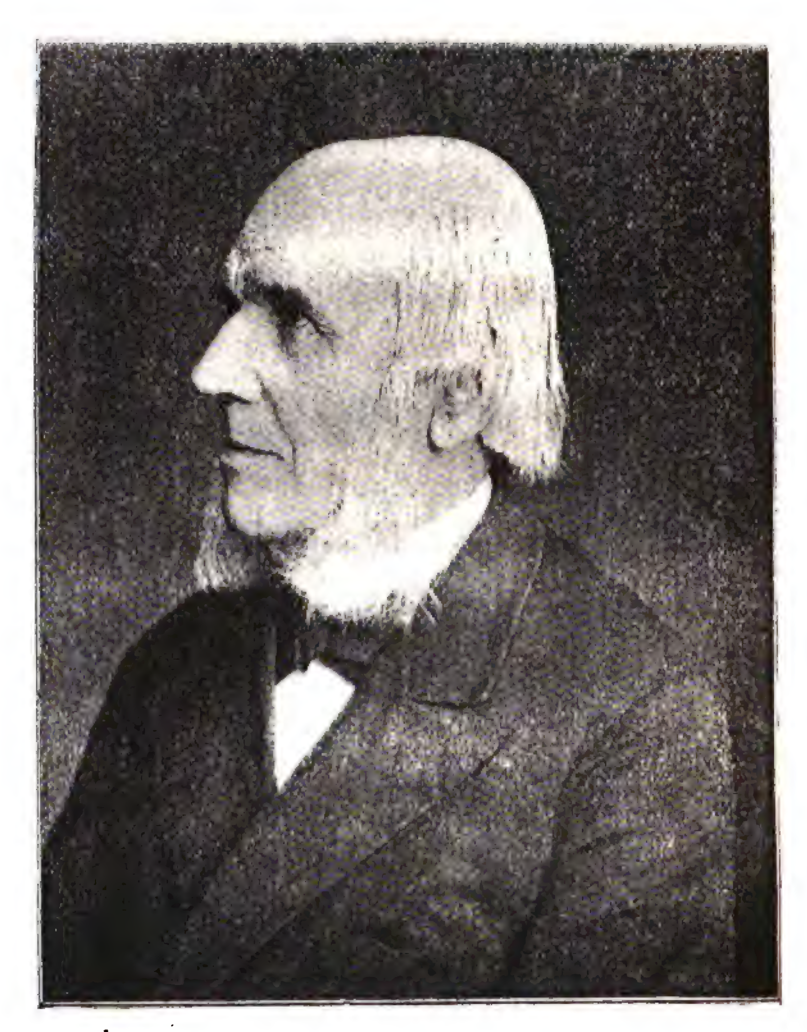

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1891

СОДЕРЖАНІЕ СОРОКЪ ШЕСТОГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

АЛЬБЕРТЪ ВИКЕНТЬЕВИЧЪ СТАРЧЕВСКІЙ

Дозв. ценз. спб., 27 сент. 1891 г.

ТАЛЬЯНСКАЯ ЧЕРТОВКА [1].

Историческая повѣсть.

VI.

Навожденье.

ПОЧТИ три года минуло съ тѣхъ поръ, какъ князь Михаилъ Алексѣевичъ уѣхалъ за границу — и словно сгибъ да пропалъ на чужбинѣ. Болѣе полугода не было о немъ никакихъ извѣстій и старая княгиня нигдѣ мѣста себѣ не могла найти, горюя о сынѣ и его дѣткахъ-сиротахъ. Чего-чего она не дѣлала! И молебны заздравные служила, и къ Троицѣ-Сергію пѣшкомъ на богомолье сходила, и гадала о сынѣ сама на всѣ лады, и другимъ гадать о немъ поручала... Наконецъ, пришло по нѣмецкой почтѣ письмо изъ Питера и съ нарочнымъ было прислано изъ Москвы въ Братовщину.

— Письмо! Отъ Мишеньки письмо! Ахъ, Господи!—засуетилась старая княгиня, вертя въ рукахъ загадочную грамотку. — Эй, дѣвки! Дѣвки! Зовите скорѣе сюда Степанъ Максимыча, а коли его не сыщете, за попомъ Михайлой бѣгите...

И княгиня Марья Исаевна, тяжело дыша, и не выпуская изъ дрожащихъ рукъ завѣтное письмо, усѣлась на своемъ обычномъ

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLV, стр. 529.

мѣстѣ, нетерпѣливо выжидая прихода Степана Максимовича Хвостова, который приходился князю Михаилу по покойной женѣ шуриномъ и по сосѣдству часто бывалъ и гащивалъ въ домѣ Голицыныхъ.

Черезъ нѣсколько времени, проворныя дѣвки, разсыпавшіяся во всѣ стороны, розыскали Степана Максимовича гдѣ-то въ саду, въ малинникѣ, и привели къ княгинѣ. Это былъ высокій и сухощавый брюнетъ лѣтъ 35, цыганскаго типа, съ копной густыхъ, черныхъ, кудрявыхъ волосъ на головѣ и небольшими подстриженными усиками. Маленькіе, каріе глазки его очень бойко и быстро посматривали изъ-подъ темныхъ, рѣзко-обрисованныхъ бровей, которыя онъ то вскидывалъ, морща лобъ, то сдвигалъ въ одну черную линію надъ хитро-прищуренными глазами.

— Что твоей милости такъ спѣшно занадобилось, матушка-княгиня, Марья Исаевна?—спросилъ Хвостовъ, входя въ комнату съ улыбкою, широко оскаливая, какъ жемчугъ, бѣлые зубы. — Я было только къ малинѣ присталъ, а твои дѣвки и приникнуть къ ней не дали...

— Да вотъ... Читай, читай, батюшка, скорѣе... Отъ Мишеньки-голубчика грамотка съ нарочнымъ получена,—поспѣшно перебила Хвостова княгиня, подавая ему развернутое письмо.

— Отъ князь Михайлы—отъ зятеньки дорогого?... Наконецъ-то провѣщился!

И принявъ письмо изъ рукъ старой княгини, Хвостовъ сталъ читать его истово и громко, лишь изрѣдка запинаясь на отдѣльныхъ неразборчиво писанныхъ словахъ.

Письмо князя Михаила походило на большую часть писемъ того времени и состояло главнымъ образомъ изъ обычныхъ, такъ сказать, казенныхъ фразъ и выраженій и, конечно, менѣе всего сообщало свѣдѣній о немъ самомъ и его жизни за границей. Начиналось это письмо съ обращенія къ матери, которой князь Михаилъ «до сырой земли челомъ билъ», продолжалось очень длиннымъ перечнемъ дядюшекъ и тетушекъ, которымъ онъ посылалъ поклоны, и заканчивалось словами: «а дѣтямъ моимъ—дочери Елисаветѣ и сыну Николаю благословеніе мое родительское на вѣки нерушимое».

Но старая княгиня, не смотря на всю немногосложность этого посланія, слушала его съ умиленіемъ, безпрестанно утирая слезы и приговаривая:

— Ахъ, голубчикъ мой сизенькій! Ахъ, сердешный мой! Гдѣ-то онъ теперь по бѣлу свѣту скитается?

— А вотъ тутъ, матушка-княгиня,—сказалъ Хвостовъ, заканчивая чтеніе письма,—еще приписочка есть...

— Ну, ну! Читай—все читай!

— Тутъ внизу приписано: «городъ Венецыя зѣло дивенъ и

весь на водѣ стоитъ; по проточнымъ водамъ на гундалахъ замѣсто извозчиковъ московскихъ ѣздимъ».

— Что же это за гундалы такія? — спросила княгиня.

— А Христосъ его знаетъ... Должно быть, судёнки какія-нибудь подобныя, чтобы по водѣ плавать.

— Въ судёнкахъ — и по водѣ! — воскликнула княгиня, всплеснувъ руками. — Вотъ напасть-то! Чего-чего онъ тамъ, голубчикъ мой, на чужбинѣ-то не натерпится!..

И она бережно сложила письмо, поцѣловала его и положила въ кіотъ, за иконы.

Черезъ полгода опять пришло письмо, точь-въ-точь такое же, какъ и первое — съ тѣми же челобитьями, поклонами и благословеніями. Только въ припискѣ къ нему значилось: «въ городѣ Флоренскѣ мнѣ житье привольное и всякій овощъ круглый годъ ни почемъ».

Послѣ этого письма прошелъ слишкомъ годъ — и о князѣ Михаилѣ не было ни слуху, ни духу. Княгиня Марья Исаевна только тѣмъ себя и утѣшала, что заставляла своихъ внучатъ—дѣтей князя Михайла—доставать письма отца изъ кіота и терпѣливо слушала, какъ они по складамъ читали эти немудрыя посланія.

Въ началѣ третьяго года путешествія князя Михаила, княгиня получила отъ него еще одно письмо, которое ее особенно растревожило, потому что въ припискѣ къ нему было сказано: «живу теперь въ городѣ Наполѣ, что стоитъ на морѣ, а надъ тѣмъ городомъ гора превысокая неугасимымъ огнемъ пышетъ и весь городъ спалить грозитъ».

— Ахъ, Господи! Матерь Божія! Праведная! Ограда наша Нерушимая! Сохрани ты его отъ бѣдъ и напастей! — воскликнула старая княгиня, когда Хвостовъ прочелъ ей эти строки. — И на что ему подъ этою огненною горою жить? — на что ему по бѣлу свѣту скитаться, когда и тутъ хорошо?

Съ полученія этого письма княгиня стала опять такъ тревожиться о своемъ голубчикѣ, что мѣста себѣ не находила, ничѣмъ заняться не могла — все только о сынѣ тужила, все только за жизнь и здоровье его трепетала...

Наконецъ пришло письмо, въ которомъ князь Михаилъ извѣщалъ мать-княгиню, что онъ собирается «изъ Наполя» назадъ, въ Москву, и просилъ выслать ему тысячи двѣ денегъ на расплату съ долгами и на путешествіе.

Княгиня посердилась на то, что «такую уйму денегъ приходится отправить къ сыну разомъ», однакоже тотчасъ приказала продать запасный хлѣбъ, лѣсокъ порядочный промытила троицкимъ монахамъ, пустошь отличную заложила сосѣду, призаняла у своей хвостовской родни — и отправила тѣ деньги по назначенію...

«По крайности онъ изъ-подъ этой горы-то огненной уѣдетъ!» — думала княгиня Марья Исаевна, утѣшая себя надеждою на близкое свиданіе съ сыномъ и возможность еще разъ обнять и поцѣловать его передъ смертью.

Но минуло еще полгода — а о сынѣ и слухъ запалъ.

— Что это, Господи! — жаловалась однажды княгиня Степану Максимовичу.—Теперь я ужъ и въ толкъ не возьму: — ни самъ не ѣдетъ, ни письма̀ не шлетъ!

— Мудрено что-то, матушка-княгиня! — отозвался Хвостовъ, хитро прищуривая глазки.—Давно бы надо быть ему въ Москвѣ... Да видно—Божье-то крѣпко, да и вражье-то лѣпко...

— Какое тамъ вражье? Что ты это городишь, батюшка?!—нѣсколько обиженнымъ тономъ переспросила княгиня. — На немъ, чай, тоже крестъ есть: — его не скоро обусурманишь...

— Матушка-княгиня! Не то я сказать хотѣлъ, — спохватился умный и смѣтливый Хвостовъ, — не такъ ты меня и уразумѣть изволила!.. Я больше на женскій полъ намекаю: — женскій полъ въ тальянской землѣ ужъ очень привадливъ (всѣ это говорятъ) — кого хочешь опутаетъ!..

— Это ты пустое говоришь! — съ досадой перебила Хвостова старая княгиня.—Развѣ для князь Михайлы дѣвка за диковинку? Тутъ ужъ чего ему привольнѣе было?.. Бери любую!

— Такъ-то оно такъ, княгинюшка, да здѣшнее-то тамъ не пригоже кажется, а тамошнее — слаще меду! Вотъ хоть бы царь Петръ Алексѣевичъ (блаженной памяти):—ужъ на что̀ богатырь былъ?—А супротивъ нѣмки Монсовой устоять не могъ! Жену-царицу, какую красавицу писанную—и ту забылъ!.. А князь Михайло человѣкъ вдовый, молодой...

— Такъ что же, что вдовый? Развѣ ему здѣсь невѣстъ не найдется!.. Кажись, непочатой уголъ—и красавицы есть, и богатыя, и княжескаго рода... Такъ развѣ можетъ онъ ихъ на иноземку смѣнять?..

— Чего не знаю, того и сказать не смѣю! — осторожно отозвался Хвостовъ.—А только отъ Прошки съ Васькой (какъ вернулъ ихъ сюда князь Михайло изъ-за рубежа) точно, что слышалъ, будто онъ тамъ съ какою-то тальянкою путается.

— Охота тебѣ было этихъ пьяницъ слушать! Мало ли что они тебѣ на князь Михайла наплетутъ!

— Да вѣдь я ихъ, матушка-княгиня, по твоему же приказу допрашивалъ и крестъ цѣловать заставлялъ, что не солгутъ... Ну, вотъ они и сказали...

— И слышать объ этомъ не хочу! — съ досадою проговорила княгиня. — Только о томъ ежедёнъ и молю Бога, чтобы охранилъ Онъ его и отъ горы огненной, и отъ всякихъ козней вражескихъ.

Дверь, въ это время, легонько скрипнула, и въ комнату вошла Ѳешка Шустрянка.

— Что тебѣ? — обратилась къ ней княгиня, видя, что Ѳешка пришла къ ней за какимъ-то дѣломъ.

— Савелъ Прокофьичъ къ тебѣ, государыня княгиня, изъ Москвы съ вѣстями прибылъ.

— Савелій? Зови его сюда! Ой, батюшки, съ какими-то вѣстями? — засуетилась княгиня. — Ужъ нѣтъ ли новаго постоя въ нашемъ княжескомъ домѣ, — или пожаромъ не полохнуло ли?

— Пытали мы его допрашивать, государыня! — сказала Ѳешка. — Да вишь не сказывается; говоритъ, съ очей на очи съ тобой переговорить нужно.

— Ну, такъ зови же его! Зови скорѣе! Чего ты стала?

Черезъ минуту въ комнату вошелъ сѣдой и сгорбленный старичокъ, въ поношенномъ нѣмецкомъ платьѣ изъ домотканины. Истово перекрестившись на иконы, онъ низенько поклонился княгинѣ и Хвостову и сталъ у притолки, въ ожиданіи вопроса княгини, то перебирая пальцами пуговицы кафтана, то поглаживая бритый, сморщенный подбородокъ.

— Ну, Прокофьичъ! Что у тебя за скрытыя рѣчи для меня припасены? Что за вѣсти? Какая ихъ тебѣ сорока на хвостѣ принесла.

— Охъ! матушка-княгиня! — заговорилъ съ нескрываемымъ волненіемъ старикъ. — Не знаю, говорить ли мнѣ?..

— Говори, говори, все какъ есть! — поспѣшно перебила его старая княгиня. — Степанъ Максимычъ намъ свой, родной и близкій человѣкъ... Что и услышитъ, того не пронесетъ!

— Да вѣдь, матушка, дѣло-то какое, значитъ, небывалое! Надо быть такъ, что я самого князь Михайла на Москвѣ видѣлъ?...

— Что ты? Ополоумѣлъ что ли?! — воскликнула княгиня. — Да вѣдь онъ отсель за тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ. Померещилось тебѣ...

— То-то вотъ и оно, что не померещилось! На первый-то разъ, какъ я его встрѣтилъ, я такъ и подумалъ: надо быть такъ — померещилось? А какъ на другой-то день опять съ нимъ столкнулся на томъ же мѣстѣ, вижу, онъ самый, нашъ батюшка!

— Да какъ же это было-то? Говори скорѣе! — почти крикнула Марья Исаевна.

— А тутъ, матушка, за Пречистенскими воротами, базарчишко этакій есть: яблочишки да грушу, да овощъ всякій свозятъ на продажу... Я тутъ, грѣшнымъ дѣломъ кое-какіе запасишки для твоего княжего московскаго дома покупалъ — и вижу тоже яблочки покупаетъ съ возу этакій господинъ хорошій и, надо быть, онъ, какъ двѣ капли воды, на князь Михайла Алексѣевича схожъ.

— Ну, ну! — торопила старая княгиня.

— Первый-то разъ усумнился я, старымъ своимъ глядѣлкамъ не повѣрилъ. А на другой-то день, какъ увидѣлъ, говорю себѣ: надо быть такъ, либо это самъ князь, либо навожденье дьявольское... Да, перекрестясь, и подхожу къ нему; въ поясъ поклонился, говорю: такъ и такъ, давно ли въ Бѣлокаменную пожаловать изволилъ? И только было хотѣлъ къ ручкѣ приложиться... А онъ какъ всполошился, шапку на брови надвинулъ, епанчею запахнулся, да не сказавъ ни слова, отъ меня въ сторону. Сѣлъ на извозчика и былъ таковъ.

— Что же за напасть такая? Это ужъ и точно не навожденіе ли какое!—проговорила съ испугомъ княгиня.—Статочное ли дѣло! Можетъ ли онъ въ Москву пріѣхать и къ намъ не поспѣшить?..

— А надо быть, такъ, что пріѣхалъ, государыня!—увѣренно проговорилъ Прокофьичъ.—Извозчикъ, что князя батюшку возилъ съ базара—знакомцемъ оказался... Я розыскалъ его на Прѣснѣ и говорю: куда, молъ, сѣдока вчера возилъ?.. А ужъ извозчикъ здѣшній, надо быть такъ, первый соглядатай! Вотъ говоритъ: въ Нѣмецкую слободу возилъ. Я говорю: и домъ заприметилъ? Какъ, говоритъ, не заприметить, коли я его туда не впервой вожу... Онъ тутъ, надо быть такъ, съ мѣсяцъ живетъ.

— Съ мѣсяцъ?! И къ намъ глазъ не кажетъ!—воскликнула княгиня въ ужасѣ, вскакивая съ своего мѣста.—И въ слободѣ Нѣмецкой укрывается, когда свой княжескій домъ въ Мертвомъ переулкѣ пустёхонекъ стоитъ! Нѣтъ, чуетъ мое сердце, что тутъ бѣда какая-то виситъ надъ нами... Степанъ Максимычъ! Будь другъ! Сейчасъ вели закладывать!.. Въ Москву съ нимъ поѣзжай—все все разузнай мнѣ! Пожалѣй меня, старуху! Пожалѣй и дѣтокъ Мишенькиныхъ, сиротъ безпокровныхъ! Да всю правду, какъ есть и доведи до меня!.. Всю, всю!

— Поѣду, матушка княгиня, поѣду! Всю подноготную развѣдаю!—сказалъ Хвостовъ, поспѣшно поднимаясь съ мѣста.—Мы съ Прокофьичемъ его розыщемъ по горячему-то слѣду; разузнаемъ все, какъ есть, и мигомъ тебя оповѣстимъ... Ну, ѣдемъ что ли, старина!

— Надо быть такъ, что ѣдемъ и розыщемъ!—сказалъ старикъ въ смущеніи разводя руками.

— Поѣзжайте и возвращайтесь поскорѣе!—проговорила Марья Исаевна, благословляя ихъ обоихъ и поскорѣе выпроваживая ихъ изъ комнаты.

Но какъ только они скрылись за дверью, несчастная мать закрыла лицо руками и опустилась въ свое кресло: она уже не старалась удерживать рыданій, которыя ее душили...

VII.

Тайна Нѣмецкой слободы.

Подъ Москвой, за Землянымъ городомъ, на правой сторонѣ рѣчки Яузы, еще съ половины XVII вѣка, стояла особнякомъ «Новоиноземская слобода», болѣе извѣстная въ народѣ подъ названіемъ «Нѣмецкой слободы». Свое офиціальное названіе «Новоиноземской» слобода получила отъ того, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ повелѣно было всѣмъ жившимъ въ Москвѣ иноземцамъ отвести земли на Яузѣ, «гдѣ бывала старая иноземская слобода», разоренная до основанія въ смутную эпоху междуцарствія. По указу государеву, всѣ иноземцы, при поселеніи ихъ за Яузою, были раздѣлены «на три статьи» и, сообразно принадлежности къ той или другой статьѣ, надѣлены опредѣленнымъ участкомъ земли. И не смотря на то, что подъ эту иноземскую слободу отведены были между рѣчкою Яузою и ручьемъ Кокуемъ пустыри, изрытые ямами и заваленные кучами мусора, поля и огороды, заглохшіе крапивою и бурьяномъ,—ужъ лѣтъ десять спустя, москвичи не могли надивиться той перемѣнѣ, которая произошла съ мѣстностью, отведенною подъ слободу. Зажиточные, акуратные и оборотливые иноземцы застроили пустыри массою красивыхъ и чистенькихъ домиковъ, раздѣленныхъ на правильные кварталы широкими мощеными улицами; высокія крыши домовъ, крытыя черепицею, весело выглядывали изъ-за зелени опрятныхъ и кудрявыхъ палисадниковъ, разведенныхъ передъ домами; три каменныя кирки, съ высокими шпилями, обитыми бѣлымъ желѣзомъ, высились надъ домами слободы; причудливо подстриженныя деревья вытянулись вдоль улицъ чистыми рядами. Надъ дверьми пивныхъ вывѣсились зеленыя и красныя деревянныя кружки; надъ цирюльнями—желѣзныя жерди съ нанизанными на нихъ тремя мѣдными блюдцами; надъ булочными—золоченые крендели. Слобода закипѣла жизнью и движеніемъ, зажила бойко, шумно и весело...

Во времена Петра, когда иноземцы пріобрѣли въ Россіи такое громадное, преобладающее значеніе — Нѣмецкая слобода разрослась, расширилась, расползлась во всѣ стороны, украсилась обширными и богато-застроенными дворами богачей Фанъ-деръ-Гульстовъ, фонъ-Буксгофеновъ, Кельдермановъ, Блюментростовъ, Марселисовъ, и стала походить на настоящій нѣмецкій городокъ, въ которомъ обще-германская опрятность и любовь къ порядку проявлялись рядомъ съ русскою привычкою жить широко и привольно. И вотъ рядомъ съ маленькими и простенькими домиками простыхъ бюргеровъ, ремесленниковъ и лавочниковъ, въ Нѣмецкой слободѣ возникли и высокія двухъ-этажныя хоромы нѣмцевъ-богачей, съ

стекольчатыми галлереями, съ балконами и террасами, съ обширными садами, въ которыхъ были выкопаны пруды съ островками и мостиками, а по густымъ темнымъ аллеямъ раскиданы бесѣдки, гроты и статуи...

Въ Нѣмецкой слободѣ, густо населенной иноземцами, выѣхавшими въ Россію изъ всѣхъ странъ Европы, не смотря на различіе національностей и вѣроисповѣданій, сложился съ теченіемъ времени одинъ общій сплошной типъ, по которому жители слободы сразу отличали «своего» отъ чужихъ, пришлыхъ людей; и за такими пришлыми людьми, если они поселялись въ слободѣ на житье, всѣ обыватели-сосѣди, словно по уговору, долгое время слѣдили самымъ тщательнымъ образомъ, зорко наблюдали каждый шагъ новаго гражданина слободы, взвѣшивая каждое его слово, соображая, въ какой именно степени онъ подчиняется установленнымъ въ слободѣ обычаямъ, въ какой степени соотвѣтствуетъ нравамъ и понятіямъ большинства слобожанъ и соблюдаетъ ли тѣ порядки и приличія, которые вмѣнялись въ Нѣмецкой слободѣ въ обязанность каждому благонадежному и добропорядочному бюргеру.

Вотъ почему и неудивительно, что всѣ сосѣди колбасника Роберта Унбира были весьма непріятно поражены поселеніемъ въ его домѣ какихъ-то странныхъ (можно почти сказать «таинственныхъ») жильцовъ, которые выдавали себя за мужа и жену, заявили хозяину, что пріѣхали изъ Италіи за полученіемъ какого-то наслѣдства, а въ сущности явились въ слободѣ Богъ вѣсть откуда,—словно съ неба свалились!.. Сосѣдъ Унбира, сапожникъ Кноспе, очень хорошо помнилъ и всѣмъ, направо и налѣво, съ надлежащею подробностью разсказывалъ, какъ эти жильцы явились въ домѣ колбасника. Онъ самъ видѣлъ, какъ сначала подошелъ къ воротамъ Унбира какой-то господинъ въ темномъ плащѣ и въ пуховой шляпѣ, нахлобученной на глаза, прочелъ вывѣшенное на воротахъ объявленіе о квартирѣ, сдававшейся въ надворномъ флигелѣ, и тотчасъ завернулъ въ колбасную.

— А я какъ разъ въ это время и покупалъ у Унбира мою любимую ливерную, которую отлично приготовляетъ его Мальхенъ (такъ разсказывалъ Кноспе пріятелямъ своимъ).—И вдругъ, я вижу, входитъ какой-то господинъ, и все въ плащъ кутается, хоть на дворѣ было очень тепло, и погода была ясная. Въ плащъ кутается и какъ-то этакъ боязливо озирается по сторонамъ, словно боится, что кто-нибудь сейчасъ возьметъ его за шиворотъ... Подошелъ къ Унбиру, и заговорилъ съ нимъ по-нѣмецки—плохо очень заговорилъ—сталъ о квартирѣ спрашивать и, не торгуясь, согласился на цѣну Унбира... А тотъ—вы знаете—не промахъ на этотъ счетъ! Тутъ я ушелъ домой; а въ тотъ же день этотъ господинъ и мебель въ квартиру прислалъ и вечеромъ, когда стемнѣлось, самъ пріѣхалъ въ большущей фурѣ... Вынесъ оттуда какіе-то узлы и

ящики, а потомъ вывелъ и женщину, закутанную темнымъ покрываломъ—и такъ быстро провелъ ее во флигель, что изъ домашнихъ Унбира никто ее и разглядѣть не успѣлъ...

Само собою разумѣется, что эти таинственные пріѣзжіе обратили на себя всеобщее вниманіе сосѣдей и на нѣкоторое время сдѣлались предметомъ всякихъ толковъ и пересудовъ. Неутомимый въ разсказахъ и наблюденіяхъ сапожникъ Кноспе сталъ на нѣкоторое время центромъ цѣлаго кружка праздныхъ и любопытныхъ бюргеровъ, которые приходили къ его лавчонкѣ спеціально съ тѣмъ, чтобы узнать какія-нибудь новости о загадочномъ жильцѣ. Къ Унбиру, который былъ грубъ и не разговорчивъ, съ разспросами не обращались; но за то гера Кноспе засыпали вопросами и догадками.

— Ну, что? Какъ теперь? Что слышно объ этихъ голубкахъ?—спрашивали въ одинъ голосъ пріятели и сосѣди Кноспе.

— Не повѣрите, коли вамъ скажу? — съ плутоватой усмѣшечкой отзывался словоохотливый Кноспе. — Вотъ три недѣли, какъ они живутъ во флигелѣ на дворѣ Унбира; а никому еще не удалось увидѣть эту женщину, которую пріѣзжій выдаетъ за свою жену!..

— Да какъ же такъ? Вѣдь есть же у нихъ прислуга какая-нибудь. Да и она сама вѣдь тоже—баба, такъ ужъ вѣрно не утерпѣла: свела же съ кѣмъ-нибудь знакомство во дворѣ? — допрашивали сапожника пріятели.

— Ни съ кѣмъ! Жена и дочки Унбира ужъ какъ старались—да ничего вишь сдѣлать не могли... Этотъ ревнивецъ никого не допускаетъ порогъ переступить! Самъ соръ выноситъ за двери; самъ принимаетъ обѣдъ, который готовятъ имъ въ кухнѣ Унбировъ, самъ ѣздитъ на базаръ за овощами и фруктами, которые его жена (или тамъ кто она ни на есть) варитъ себѣ сама и приправляетъ по-своему. Да это что? Я больше вамъ скажу!.. Когда онъ уходитъ изъ дома, то запираетъ флигель на ключъ. Да еще и ключъ-то въ карманъ кладетъ!.. И такъ до самаго его прихода—домъ словно мертвый! Ставни въ немъ не открываются и двери на запорѣ...

— Странно! Очень странно! — говорили, покачивая головами, пріятели Кноспе. — Тутъ, очевидно, кроется что-то темное и не доброе...

Затѣмъ, всѣ эти толки о таинственныхъ жильцахъ, поселившихся во дворѣ колбасника Унбира, разносились изъ лавочки Кноспе по всей слободѣ и въ сосѣднемъ кнейпѣ служили темою шумныхъ споровъ, смѣлыхъ предположеній и нелѣпѣйшихъ догадокъ.

Однажды, когда въ этомъ кнейпѣ, въ сотый разъ, безплодно обсуждался тотъ же вопросъ и по поводу его даже затѣялся горячій споръ между аптекаремъ Трейбергомъ и кистеромъ Мальмомъ, сапожникъ Кноспе воскликнулъ:

— А! Вотъ и самъ Робертъ Унбиръ жалуетъ сюда! Авось мы отъ него услышимъ нынче что-нибудь новенькое о его таинственныхъ жильцахъ?

И весь кружокъ, собравшійся около аптекаря и кистера, привѣтливо поднялся на встрѣчу румяному толстяку, наперерывъ зазывая его къ своему столику, на кружку пива.

Послѣ обычныхъ «Mo-en» и «Wie geht's», когда толстый колбасникъ, кряхтя и пыхтя, усѣлся на свое мѣсто, и, отхлебнувъ глотокъ, другой изъ кружки, сталъ глубокомысленно набивать свою фарфоровую трубку, аптекарь Трейбергъ прежде всѣхъ прервалъ наступившее было молчаніе и спросилъ Унбира, попыхивая изъ своей трубочки:

— А ну-ка, сосѣдушка! Пораскажи намъ,—сказалъ аптекарь—что у тебя за постояльцы завелись?.. Говорятъ — какіе-то мудреные, особенные?..

— Ужъ и особенные!—съ досадою проговорилъ Унбиръ, раскуривая трубку.—Попались они всѣмъ вамъ на языкъ! Только о нихъ во всей слободѣ и разговору!.. А по-моему, коли денежки исправно платятъ—чистоганомъ...

— Смотри! Какъ бы тебѣ за нихъ не пришлось самому поплатиться,—замѣтилъ, покачивая головою, кистеръ Мальмъ.

— Это почему?—преважно пробасилъ Унбиръ, даже не оборачиваясь въ сторону говорившаго.

— А потому, что твой жилецъ и самъ какъ-будто прячется, и эту женщину, съ которою онъ пріѣхалъ — тоже никому не показываетъ...

— Да развѣ жъ онъ обязанъ тебѣ показывать свою жену?—не безъ ироніи отозвался Унбиръ, осушая свою кружку.—И если точно онъ запираетъ ее на ключъ, какъ уходитъ, и не впускаетъ къ себѣ прислугу въ домъ—кому до этого какое дѣло?

— А правда ли,—спросилъ Унбира одинъ изъ его сосѣдей,—будто твои жильцы весь день спятъ, а ночь проводятъ въ саду, въ бесѣдкѣ:—поютъ, и музыка у нихъ слышна?.. Вѣдь это же не порядокъ!

— Да кто же имъ играть запретитъ? Намъ не мѣшаютъ спать такъ кого же могутъ они обезпокоить... Кому отъ нихъ бѣда? Покамѣстъ будутъ деньги платить исправно — пускай живутъ, какъ знаютъ...

— Да точно ли они тѣ самые, за кого себя выдаютъ? Тутъ нѣтъ ли темнаго какого дѣла?.. даже преступленія?.. — осторожно вступился аптекарь Трейбергъ.—Какъ бы не пришлось тебѣ за нихъ отвѣтить...

— Ну, и отвѣчу все, чтò знаю!.. Вамъ-то тутъ о чемъ забота?—огрызнулся Унбиръ, ударяя кулакомъ о столъ.

— Предостеречь хотимъ пріятеля! — сказалъ Кноспе. — И ужъ если пошло на откровенность, я тебѣ скажу, что вотъ ужъ третій день я вижу, какъ тутъ у насъ по улицѣ бродятъ какіе-то подозрительные люди и всѣ дома осматриваютъ, всѣмъ прохожимъ заглядываютъ въ лицо, какъ будто бы розыскиваютъ или подстерегаютъ кого-нибудь...

— Ну, этакихъ бродягъ мы можемъ проучить по-свойски! — закрнчалъ Унбиръ. — Да и почемъ ты знаешь, что они именно моихъ жильцовъ розыскиваютъ, а не сапожнаго мастера Кноспе, который вѣчно суется не въ свое дѣло!..

— Полно, полно! Стоитъ ли ссориться изъ-за пустяковъ!—вступился кистеръ Мальмъ.—Дѣло все же въ томъ, добрѣйшій Унбиръ, что осторожность никогда никому не мѣшаетъ...

Унбиръ уже готовился отвѣчать и самому кистеру какою-то рѣзкою выходкою, когда на порогѣ кнейпа явился одинъ изъ его младшихъ подмастерій и сказалъ, что двое какихъ-то господъ изъ Москвы подъѣхали къ воротамъ его дома и желаютъ переговорить съ хозяиномъ о какомъ-то дѣлѣ.

— Вотъ, видишь ли?—сказалъ Кноспе, который тѣмъ временемъ успѣлъ ужъ заглянуть въ окно.—Не даромъ я говорилъ тебѣ: вѣдь это тѣ самые, которыхъ я примѣтилъ...

Унбиръ бросилъ въ сторону Кноспе свирѣпый взглядъ и не безъ тревоги поспѣшилъ изъ кнейпа черезъ дорогу, къ дому.

У воротъ его дома, около его колбасной лавки, стоялъ грязный и оборванный московскій бородачъ-извозчикъ, который только-что высадилъ двоихъ какихъ-то москвичей: — высокаго черняваго господина въ темной епанчѣ и пуховой шляпѣ и сѣденькаго сгорбленнаго старичка, въ платьѣ нѣмецкаго покроя, сшитомъ изъ домотканины.

— Да ты, Митричъ, туда ли насъ завезъ?—спросилъ извозчика старичокъ.

— Туда, батюшка Савелъ Прокофьичъ, туда! Вѣстимо!

— Да тутъ, кажись, и жилья-то нѣтъ? За палисадникомъ одна лавка... Тутъ ему негдѣ и быть!

— Сюда я его разовъ съ пятокъ возилъ! Тутъ онъ сходилъ и уходилъ вотъ въ эфти самыя ворота. Ужъ какъ же мнѣ не знать? Что я намѣтилъ глазомъ—то и свято!

Пріѣзжіе опять повертѣлись передъ воротами, о чемъ-то переговариваясь между собою въ полголоса и привлекая къ себѣ вниманіе всѣхъ прохожихъ, когда извозчикъ указалъ имъ кнутовищемъ на лавку и сказалъ старику:

— Да ты бы, Савелъ Прокофьичъ, въ лавкѣ-то спросилъ бы! Вѣдь самъ хозяинъ въ лавкѣ и сидитъ!

— А и то правда, батюшка Степанъ Максимовичъ! Надо быть такъ—спросимъ... Вѣдь въ спросѣ зазору нѣтъ!

Но мальчишка-подмастерье, стоявшій у воротъ, заявилъ, что хозяина въ лавкѣ нѣтъ и побѣжалъ за нимъ въ сосѣдній кнейпъ.

Когда почтенный геръ Унбиръ подошелъ къ Хвостову и Прокофьичу и они обмѣнялись съ нимъ поклонами, толстый колбасникъ встрѣтилъ ихъ не очень привѣтливо, и остановился передъ ними молча, пуская клубы дыма изъ своей трубки и подозрительно оглядывая ихъ изъ-подъ насупленныхъ бровей.

— У насъ до тебя дѣльце есть, хозяинушка!—приступилъ было къ нему Прокофьичъ.

— Нэ понимай? — лаконично отвѣчалъ колбасникъ, покачавъ головой и пуская клубы дыма.

— Какъ же быть-то? Степанъ Максимычъ, поговори ты съ нимъ по-ихнему!—сказалъ Прокофьичъ, обращаясь къ Хвостову.

Хвостовъ, ни слова не знавшій по-нѣмецки, пожалъ плечами и безпомощно сталъ оглядываться по сторонамъ. Но мальчишка-подмастерье взялся быть толмачемъ и вывелъ изъ затрудненія.

При помощи его, Хвостовъ и Прокофьичъ узнали, что на дворѣ Унбира, во флигелѣ, живетъ какой-то итальянскій купецъ съ молодой женой, а «русскаго господина» никакого нѣтъ, и не было, да и «едва ли во всей нѣмецкой слободѣ найдется».

Хвостовъ и Прокофьичъ переглянулись между собою и сказали, обращаясь къ подмастерью:

— Мы неженатаго ищемъ...

— Скажи имъ, что мы неженатыхъ не пускаемъ къ себѣ во дворъ!—съ достоинствомъ замѣтилъ Унбиръ.—У насъ три дочери взрослыя!

— Ну, надо быть такъ, что не туда заѣхали! Прощенья просимъ!—сказалъ Прокофьичъ, снимая шляпу, и повернулъ было къ извозчику.

Но въ это самое мгновенье калитка скрипнула и на порогѣ ея показался жилецъ Унбира, въ темной епанчѣ и въ шляпѣ, нахлобученной на глаза.

— Да вотъ онъ самый и есть,—кого мы ищемъ-то!—воскликнулъ вдругъ Хвостовъ.

— Князь-батюшка! Соколикъ нашъ ясный! — завопилъ Прокофьичъ, бросаясь цѣловать руки князю Михаилу.

Князь Михаилъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, метнулся было въ сторону, но, взглянувъ на лица окружавшихъ его людей, понялъ, что притворство ни къ чему не поведетъ.

— Дней пять ужъ ищемъ мы тебя по слободѣ, князь Михаилъ Алексѣевичъ! — сказалъ Хвостовъ, обнимая Голицына, который стоялъ какъ вкопанный.

— Покои тебѣ, батюшка, въ твоихъ княжескихъ хоромахъ приготовлены—а ты въ какую щель—прости Господи—залѣзъ! — радостно говорилъ Прокофьичъ.

— Да... Я знаю... Спасибо вамъ... Я переѣду къ вамъ завтра... Я здѣсь на время только... Такъ было нужно! — бормоталъ чуть слышно растерявшійся князь Михаилъ, обращаясь то къ Хвостову, то къ Прокофьичу.

— Ну, ладно, ладно — понимаемъ! — отвѣчалъ ему Хвостовъ, подхвативъ его подъ руку и увлекая къ извозчику.—Поѣдемъ съ нами — перетолкуемъ обо всемъ... А тамъ переѣзжай себѣ, когда захочешь!

И онъ почти насильно усадилъ его съ собою рядомъ. Прокофьичъ спѣшно взобрался на козлы, бородачъ-извозчикъ зачмокалъ, задергалъ возжами—и экипажъ покатилъ по дорогѣ къ Преображенскому.

Геръ Унбиръ, которому подмастерье передалъ содержаніе разговора между Голицынымъ и пріѣзжими москвичами, былъ до такой степени изумленъ и озадаченъ всею сценою, происшедшей у воротъ, что даже и тогда, когда извозчичья повозка скрылась за поворотомъ улицы, онъ все еще стоялъ на томъ же мѣстѣ, то поднимая густыя брови, то покачивая головой:

— «Я не хотѣлъ ихъ обмануть!—думалъ почтенный геръ Унбиръ...—Кто же могъ знать, что онъ—русскій князь? И притомъ свой домъ имѣетъ, а у меня флигель нанимаетъ! Нѣтъ,—я теперь согласенъ съ аптекаремъ Трейбергомъ, что тутъ дѣло нечисто, и даже съ сосѣдомъ Кноспе, что тутъ могутъ выйти хлопоты!»

И онъ, съ нѣкоторой тревогой на сердцѣ, направился къ себѣ въ лавку, избѣгая любопытныхъ взглядовъ и разспросовъ собравшейся около воротъ толпы, и спѣша на совѣщаніе съ своей почтенной супругой.

VIII.

«Она сама!»

Во дворѣ дома колбасника Унбира, въ самомъ углу, былъ маленькій, но очень уютный флигелекъ, съ двухъ сторонъ окруженный тѣнистымъ садикомъ, а двумя остальными выходившій въ огородъ и во дворъ. Стѣна, которою флигелекъ выходилъ въ огородъ, была сплошная, безъ оконъ и дверей; съ надворья къ флигельку вело небольшое крытое крылечко, на которое выходило окно и дверь. Остальныя окна домика обращены были въ садъ. Но окно, выходившее на крылечко, было всегда прикрыто ставнемъ; дверь (особенно въ отсутствіе князя) нá-глухо заперта... Изъ-за густой зелени сада никто не выглядывалъ, не показывался по цѣлымъ днямъ, и только изрѣдка, въ лунныя ночи, видно было съ надворья, сквозь рѣшетчатый заборъ, какъ между деревьями мелькало что-то бѣлое... Но въ этотъ день, послѣ той странной встрѣчи, которая произошла у воротъ, когда таинственный жилецъ

Унбира уѣхалъ съ незнакомцами въ городъ и не возвращался до вечера, во флигелькѣ было замѣтно нѣкоторое оживленіе и даже тревога. Любопытныя дочки Унбира успѣли подсмотрѣть, что ставень, прикрывавшій окно на крылечкѣ, нѣсколько разъ пріотворялся и чьи-то черныя очи пугливо и пристально выглядывали на мгновеніе изъ-за ставня... А какъ стало темнѣть—стройная женская фигура, вся въ бѣломъ, появилась подъ тѣнью клена, свѣсившаго черезъ заборъ сада свои лапчатые листья, и словно замерла въ ожиданіи, неподвижно, какъ статуя...

Наконецъ, чьи-то поспѣшные шаги раздались на улицѣ, калитка хлопнула, и князь Михаилъ, быстро перейдя дворъ, взбѣжалъ на крылечко флигелька, отперъ дверь трепетною рукою и, переступивъ черезъ порогъ, заперъ за собою дверь на крюкъ.

— Sei tu!—раздался радостный голосъ въ темнотѣ, и двѣ нѣжныя руки обвились около его шеи и замерли въ крѣпкомъ объятіи.

— Si; io sono, cara Julia!—прошепталъ князь Михаилъ, обращаясь къ той, которая его встрѣтила.

— Пойдемъ! Скорѣе пойдемъ сюда, гдѣ свѣтлѣе... Дай посмотрѣть на себя! Дай взглянуть тебѣ въ очи!—говорила Джулія, лаская его и быстро увлекая за собою въ сосѣднюю комнату, гдѣ на столѣ горѣли двѣ свѣчи, въ тяжеломъ мѣдномъ шандалѣ.

Она подвела его къ столу—и вдругъ отскочила отъ него, словно ужаленная.

— Мать Пресвятая! Дѣва Пречистая!—воскликнула она, ломая руки и прижимая ихъ къ груди.—Что съ тобою? На тебѣ лица нѣтъ! Ты блѣденъ, какъ покойникъ въ гробу... Чѣмъ ты встревоженъ? Что случилось? И гдѣ ты такъ долго сегодня пропадалъ?

Князь Михаилъ, блѣдный и страшно взволнованный, поникъ головою—и молчалъ, отъ времени до времени тяжело вздыхая и боязливо оглядываясь по сторонамъ.

— Да говори же, говори!—почти крикнула Джулія, крѣпко хватая его за руку и впиваясь въ его глаза своими большими, пламенными черными очами.

— Ради Бога, тише! Тише!—заговорилъ онъ въ испугѣ.—Насъ могутъ услышать...

— Кто можетъ услышать?.. Кого ты боишься? Растолкуй же мнѣ скорѣе:—я ничего не понимаю!

Князь Михаилъ въ отчаяньи всплеснулъ руками, потомъ схватился за голову и, опускаясь на стулъ, проговорилъ:

— Мы открыты!.. Все, все пропало!

— Открыты?.. Все пропало? — повторила она, съ недоумѣніемъ вглядываясь въ него.—Что это значитъ?

— Мои родные... Моя мать... Мои слуги... Всѣ узнали, что я здѣсь... въ Москвѣ... Всѣ требуютъ, чтобы я немедленно переѣзжалъ въ мой домъ...

— Ну, такъ что же? Переѣдемъ... Тамъ намъ вѣрно будетъ лучше, чѣмъ здѣсь!—сказала Джулія, улыбаясь.

— Да нѣтъ же!.. Тебѣ нельзя туда ѣхать... Какъ можно?! Пойми—я долженъ туда одинъ...

Джулія вдругъ отступила отъ князя Михаила и гордо выпрямилась. Черныя очи ея сверкнули какъ молнія.

— Одинъ?—повторила она, глухо и нервно.—Одинъ? А я—твоя жена—не могу за тобою слѣдовать?

— Теперь... не можешь... Они и знать не должны, что ты моя жена...

— За кого же должны они,—всѣ эти люди,—принимать меня? А? За кого—скажи... Скорѣе скажи мнѣ!

Князь Михаилъ почувствовалъ приближеніе бури—и ужасно смутился. Онъ пожималъ плечами и растерянно смотрѣлъ по сторонамъ, избѣгая пламенныхъ взоровъ Джуліи.

— А!! Ты молчишь—ты не отвѣчаешь мнѣ! — вскричала она, блѣдная и трясясь отъ гнѣва.—Ты не смѣешь здѣсь, въ твоей землѣ, объявить о томъ, что ты женился на дочери простого, но честнаго римскаго гражданина! Ты не смѣешь сознаться передъ своими слугами въ томъ, что твоя жена иноземка и католичка?!. Ты даже не смѣешь покраснѣть за меня, когда твои родные принимаютъ меня за твою любовницу, за продажную женщину, которую ты купилъ на свои дукаты и червонцы!.. А развѣ жъ ты купилъ меня? Развѣ я продалась тебѣ? Говори!

— Джулія! Джулія!—взмолился князь Михаилъ. — Ради Бога замолчи! Чтò ты говоришь?

— Нѣтъ! Не замолчу!—продолжала Джулія, болѣе и болѣе увлекаемая своимъ порывомъ.—Не замолчу! Я напомню тебѣ, какъ долго, какъ упорно, какъ неотступно ты за мною ухаживалъ, какъ ты почти полгода словно тѣнь бродилъ за мною слѣдомъ, какъ ты молилъ и плакалъ, упрашивая меня, чтобы я согласилась быть твоею женою! Какъ ты униженно, робко просилъ о томъ же моего отца! Какъ ты клялся ему страшнымъ именемъ Божіимъ, что ты посвятишь мнѣ всю свою жизнь, что ты дашь мнѣ покой и счастье!.. И ты—ты, послѣ всего этого—не смѣешь теперь открыться своимъ роднымъ, что ты на мнѣ женатъ? Ты хочешь бросить меня одну... одну! О!

— Да не бросить—неправда!—закричалъ, наконецъ, князь Михаилъ какимъ-то дѣтски жалобнымъ голосомъ, простирая руки къ Джуліи.—Я только на время... долженъ уйти къ нимъ, пожить съ ними... А потомъ я имъ скажу, я передъ ними сознаюсь... Пойми!

— Не понимаю, не могу и не хочу понять! Ты не можешь меня здѣсь оставить—ты долженъ взять меня съ собою, ввести въ свой домъ, въ свою семью, и сказать имъ смѣло, прямо: «вотъ моя жена!» Тогда никто не посмѣетъ насъ разлучить!...

— Да нѣтъ же! Нѣтъ! — пытался вразумить ее князь Михаилъ.—У насъ такъ нельзя... Это не въ обычаѣ! Мы не смѣемъ жениться на иноземкахъ, на католичкахъ...

— Зачѣмъ же ты женился? Зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ этого до свадьбы? Можетъ быть, ты и самъ тоже не смѣлъ принять моей вѣры, не смѣлъ со мною молиться въ одномъ храмѣ?..

Князь Михаилъ въ ужасѣ поднялся съ мѣста и замахалъ руками.

— Джулія! Джулія! Ради Бога объ этомъ ни слова! Никому! Никто не долженъ этого знать... Если узнаютъ это—я могу погибнуть... погибнуть!

И онъ со страхомъ обводилъ кругомъ смущеннымъ, растеряннымъ взоромъ.

— Такъ вотъ ты каковъ!?—съ горькою усмѣшкою продолжала Джулія, останавливаясь передъ княземъ Михаиломъ и складывая руки на грудь.—Ты обѣщалъ мнѣ покой и счастье, сулилъ почетъ и богатства, а самъ теперь трепещешь за себя, пугаешься своихъ родныхъ и близкихъ, словно ты совершилъ какое-то преступленіе! Если ты затѣмъ женился на мнѣ, чтобы увезти съ собой, въ свою холодную и скучную Московію, и здѣсь бросить меня на посмѣшище людямъ, такъ лучше отпусти меня!.. Или ты позабылъ, что я для тебя все бросила: родную страну, друзей, милыхъ, и дорогого сыночка моего, наше дитя, дитя первыхъ, горячихъ восторговъ любви... Ты все забылъ?.. Такъ отпусти же меня, не держи здѣсь, какъ узницу, какъ рабу свою, безъ воли, безъ свѣта...

И вдругъ, на полусловѣ, она порвала свою пламенную рѣчь, вызванную бѣшенымъ порывомъ... Ей показалось, среди тумана, который заволокъ ей очи, что она слышитъ чьи-то рыданія... Оглянулась—и точно увидѣла, что князь Михаилъ, припавъ къ столу и положивъ голову на руки, плачетъ горько, неутѣшно, неудержимо... Ей прямо бросились въ глаза его затылокъ и плечи, которые судорожно приподымались и вздрагивали отъ рыданій... Только тутъ она опомнилась и сама испугалась того, что надѣлала.

— Микэль! Мой дорогой Микэль! Прости, прости меня! — воскликнула она, бросаясь къ князю Михаилу и опускаясь около него на колѣни.—Прости, прости свою глупую, злую, гадкую Джулію! Не плачь, пожалуйста не проливай слезъ! Лучше прибей меня... Больно прибей... Я того стою! Ахъ, прости, прости!

И она обвивала шею его своими чудными руками, она прижимала его къ груди своей, цѣлуя и лаская его, какъ малаго ребенка, и ластилась къ нему, какъ котенокъ ластится къ матери, согрѣтый тепломъ камелька...

— Ну, вотъ! Вотъ! Какой ты добрый, милый! Ты прощаешь меня — не правда ли? Да?.. Ты перестанешь плакать?.. Погоди, сейчасъ я приголублю тебя такъ, какъ ты любишь... Какъ ты

любилъ прежде—тамъ, подъ небомъ родной Италіи... Я разогрѣю тебѣ твое сердце, въ которомъ течетъ ваша холодная сѣверная кровь...

И, быстро поднявшись, она вынула изъ волосъ тотъ высокій гребень, который придерживалъ на затылкѣ ея тяжелую, густую темную косу, мотнула головой и чудные волосы обильною, блестящею, ароматною волною охватили ея плечи и шею, скатились на спину и на руки, ниспадая темнымъ, шелковистымъ покровомъ почти до колѣнъ.

— Погоди, я прикрою ими тебя!—шаловливо улыбаясь, сказала Джулія, подсаживаясь къ князю Михаилу, который любовался ею сквозь слезы. — Вотъ такъ! Вотъ такъ! Я обовью тебя, обмотаю моими волосами, я сольюсь съ тобою, неразрывно сольюсь—и пусть посмѣютъ насъ разлучить—разъединить...

И продолжая ласкаться къ нему, она окинула его густымъ покровомъ своихъ чудныхъ волосъ, она обмотала ихъ пряди около его шеи и плечъ, она прильнула къ нему своимъ гибкимъ и сильнымъ станомъ... И то обнимала его, нашептывая ему нѣжныя, сладкія рѣчи любви, то слегка прикасалась къ его щекамъ и шеѣ своими жаркими устами...

И князь Михаилъ, отъ порыва отчаянія, къ которому онъ былъ приведенъ горькими упреками Джуліи, сталъ постепенно переходить къ тому страстному экстазу, который — увы! Джулія слишкомъ часто умѣла вызывать въ немъ... Голова у него закружилась... Огненные круги забѣгали въ отуманенныхъ очахъ... Ему казалось, что какой-то огромный, мощный змѣй, постепенно обматываясь около него, заключаетъ его въ свои кольца, и нѣжитъ его, и ластится къ нему, и смотритъ ему въ очи пламенными очами—и увлекаетъ его отъ земли куда-то вдаль, въ высь безпредѣльную...

Онъ бѣшено рванулся къ ея устамъ — и на время забылъ все на свѣтѣ...

IX.

Какъ быть?

Въ домѣ князей Голицыныхъ, что въ Мертвомъ переулкѣ, за Пречистенскими воротами, замѣтно было въ послѣднихъ числахъ сентября 1729 года какое-то необычайное оживленіе. Въ теченіе 5 лѣтъ, домъ стоялъ пустой, необитаемый, какъ бы забытый всѣми... Ворота его были постоянно, наглухо заперты; окна закрыты ставнями; обширный дворъ успѣлъ обильно порости травою; крыльцо передъ главнымъ входомъ разсѣлось и покривилось. Ни въ домѣ, ни въ надворныхъ флигеляхъ, не было замѣтно никакихъ признаковъ жизни: только густой и темный старинный садъ, примыкавшій къ дому, попрежнему шумѣлъ и шелестилъ надъ княжескими хо-

ромами своими широколиственными вѣтвями, да косматый дворовый песъ, сквозь подворотню, сердито ворчалъ и лаялъ на прохожихъ.

И вдругъ—старый домъ ожилъ и прозрѣлъ всѣми своими окнами; ворота его открылись настежъ; дворъ—тщательно очищенный отъ травы, усыпанный пескомъ и чисто-выметенный — наполнился шумомъ и движеніемъ. Забѣгала по двору и засуетилась около крыльца княжеская дворня; старый Савелъ Прокофьичъ, побрякивая ключами, сталъ гоголемъ расхаживать отъ княжескихъ хоромъ къ кладовымъ и амбарамъ, или къ поварнѣ и конюшнѣ, отдавая приказанія матушки-княгини. Обозы съ свѣжимъ деревенскимъ припасомъ стали еженедѣльно наѣзжать на черный дворъ княжихъ хоромъ; а нарядныя колымаги, коляски и кареты, запряженныя цугами, то и дѣло подкатывали каждый день къ крыльцу Голицынскаго дома, въ которомъ княгиня Марья Исаевна поселилась на зиму не одна, а съ обоими своими сыновьями,—князьями Михаиломъ и Василіемъ—и съ обоими внуками, дѣтьми князя Михаила. При старой княгинѣ, въ качествѣ постояннаго совѣтника и ближайшаго довѣреннаго, переселился въ Москву и Степанъ Максимычъ Хвостовъ, лишь изрѣдка отлучавшійся въ деревню, для надзора за хозяйствомъ. Вся княжеская семья была въ сборѣ; въ домѣ было и шумно и многолюдно — но на лицахъ всѣхъ домашнихъ Марьи Исаевны была написана такъ же забота и тревога, которая не сходила съ лица самой княгини.

— Не на радость она, матушка наша, свое насиженное гнѣздо покинула!—говорилъ дворовымъ Савелъ Прокофьичъ, — не на радость сюда въ городъ переѣхала: сокрушилъ ее сынокъ возлюбленный!

— Да чѣмъ же онъ такъ ее донялъ? — допрашивали старика его пріятели изъ княжеской службы.

— Чѣмъ донялъ? Тѣмъ и донялъ, что голову истерялъ! Вернулся изъ Тальянской нѣметчины самъ не свой. Чуетъ материнское сердце, что порча на сына напущена,—а какъ ее снять, невѣдаетъ!.. Вотъ она князь Василья-то изъ Питера и выписала на совѣтъ. Какъ-молъ съ князь Михайломъ быть?.. Что съ нимъ завести дѣлать?

Старый Прокофьичъ вѣрно передавалъ душевное настроеніе княгини Марьи Исаевны, которое черезъ ея приближенныхъ старыхъ слугъ отражалось и на всѣхъ княжескихъ дворовыхъ. Весь домъ княгини дѣйствительно жилъ ея жизнью, сочувствовалъ ея горю, сокрушался ея заботами, волновался ея безъисходной тревогой... Всѣ слуги, отъ старшаго дворецкаго и до послѣдняго поваренка, наблюдали и слѣдили за каждымъ шагомъ князя Михаила, который такъ заботилъ нѣжную мать, и каждое утро доводили до ея свѣдѣнія, черезъ Селиверстыча или черезъ Таньку Кривую и

Ѳешку Шустрянку, все, что̀ нужно или важно было знать старой княгинѣ.

Каждое утро начиналось съ того, что у всѣхъ дворовыхъ на устахъ былъ одинъ и тотъ же вопросъ:

— Дома ли князь Михайло ночевалъ—или къ своей чертовкѣ отлучался?

И всегда находились въ дворнѣ свѣдущіе люди, которые могли отвѣчать на эти вопросы утвердительно, и при томъ еще весьма обстоятельно доложить—возвратился ли онъ изъ Нѣмецкой слободы, и въ которомъ именно часу, или еще вовсе оттуда не возвращался? Вслѣдъ за этимъ существеннѣйшимъ вопросомъ, поднимались и другіе, менѣе важные, но также необходимые для свѣдѣнія старой княгини.

— Каковъ вернулся князь Михайло? Хмуренъ ли? Веселъ ли? И каковъ на взглядъ? И что̀ спросилъ онъ—и съ кѣмъ заговорилъ, вернувшись—и что̀ изволилъ кушать съ утра—и не пожелалъ ли чего приказать къ обѣду?

И на всѣ эти, заранѣе поставленные, вопросы, черезъ босую почту, до ушей княгини каждое утро доходили самые обстоятельные отвѣты; но общій выводъ изъ трехъ-недѣльныхъ наблюденій надъ княземъ Михаиломъ былъ до такой степени неутѣшителенъ, что старая княгиня начинала терять всякую надежду на исцѣленіе сына отъ «заморской порчи»... Она выписала въ Москву изъ Питера сына Василія, младшаго брата князя Михаила, служившаго во флотѣ, и въ теченіе первыхъ дней его пребыванія въ Бѣлокаменной, каждый день призывала къ себѣ на совѣщаніе и его, и Степана Максимовича.

— Охъ, посовѣтуйте, други милые-сердечные! — жаловалась имъ старая княгиня; — посовѣтуйте, что̀ мнѣ съ Мишенькой дѣлать? Какъ его исцѣлить? Какъ его отъ этой чертовки вызволить?

Князь Василій ничего не отвѣчалъ на эти каждодневно повторяемые вопросы и только грызъ ногти съ досады; Степанъ Максимовичъ, до поры до времени, тоже отмалчивался.

— Вѣдь вы посмотрите на него, полюбуйтесь! Взглянуть вѣдь страшно—каковъ онъ сталъ изъ себя? Синій, блѣдный, худой,—словно двѣ досточки сложены? Еле въ чемъ душа держится... А глаза-то, глаза? Ввалились—какъ изъ ямы смотрятъ... Да тусклые, тусклые такіе! И волосики-то тоже какъ порѣдѣли... О-охъ, Мишенька, сокрушилъ ты меня со своей... будь ей пусто, проклятой!

— Чтожъ такъ-то сокрушаться, матушка! — рѣзко вступился князь Василій,—я бы на вашемъ мѣстѣ съ ней вотъ какъ расправился бы... По морскому, по нашему:—за бортъ! И вся недолга!

— Это что же значитъ?—со страхомъ возразила княгиня.—Утопить, что ли? ахъ, грѣхъ какой! Богъ съ тобой, что ты это, Васенька! Да и онъ-то самъ что̀ бы намъ сказалъ?

— Ну, вотъ то-то и есть, что вы сами—ни изъ короба, ни въ коробъ!—съ досадою проговорилъ князь Василій.—А еще на совѣтъ насъ зовете!

— Да, вѣдь, голубчики мои! Сами вы посудите: что же это будетъ? Вѣдь изведетъ она его, проклятая, въ конецъ... Вѣдь онъ съ нею ночи на пролетъ безъ сна проводитъ, какъ у нихъ въ Тальянской землѣ заведено... А сюда изъ слободы пріѣдетъ, ко мнѣ даже и глазкомъ не глянетъ—и бухъ въ постель... И спитъ безъ просыпу полдня! И за обѣдъ придетъ, молчитъ, ни съ кѣмъ ни слова... И ѣствой моей гнушается; говоритъ, въ Тальянской землѣ экой дряни не ѣдятъ... Это о хлѣбѣ-то Божьемъ! Господи! грѣхъ какой... Только квасъ нашъ ему понутру приходится... Все бы онъ пилъ, все бы пилъ... Квасъ къ нему Сенька жбанами такъ и таскаетъ. Да все со льдомъ! Нутро что ли она ему такъ разжигаетъ? Зельемъ ли его поитъ? И все то, все то я надъ нимъ перепробовала, безъ вѣдома его я перепробовала! А облегченья все-то нѣтъ и нѣтъ!

Старая княгиня, послѣ этого признанья, начинала плакать; а ея совѣтчики, пользуясь этимъ обычнымъ переходомъ, поднимались со своихъ мѣстъ и на цыпочкахъ уходили изъ княгининой комнаты на свою половину.

Князь Василій, пораженный тѣмъ, что у него происходило передъ глазами, много разъ обсуждалъ съ Хвостовымъ то странное положеніе, которое занялъ въ семьѣ князь Михаилъ, вслѣдствіе своей таинственной связи... И каждый разъ онъ слышалъ отъ Хвостова тѣ же рѣчи.

— Съ княземъ Михаиломъ неладное творится... Хорошаго тутъ ничего ждать нельзя! Ты на него только взгляни:—на всѣхъ звѣремъ смотритъ! Ни подойти къ нему, ни подъѣхать... Молчитъ, насупившись,—ни съ кѣмъ ни слова. И каждаго шороха пугается, и чуть увидитъ, что хотятъ съ нимъ о его чертовкѣ заговорить—сейчасъ въ кусты! Шмыгнетъ къ себѣ въ комнату — и поминай какъ звали! А когда изъ дома-то идетъ—видалъ ли ты, какъ озирается во всѣ стороны, и идетъ-то все, словно крадучись... И она-то его извела, видимо, да и онъ-то самъ головой не крѣпокъ изначала... Самъ знаешь, какія съ нимъ обмиранья бывали... Тутъ ждать хорошаго нечего—одно слово!

— Такъ какъ же ты думаешь? Что же будетъ?

— А будетъ тò, что она его въ конецъ изведетъ, изсушитъ, дуракомъ сдѣлаетъ, да и денежки, и земельки-то всѣ ваши черезъ него въ свой карманъ перепуститъ!

— Какъ же такъ? Быть не можетъ!—кипятился князь Василій.—Не позволю разорить себя... Пусть подѣлитъ насъ матушка!.. Пусть онъ свое, а не мое на вѣтеръ пускаетъ!

— Легко ли дѣло! Что сказалъ? Да матушка-то въ немъ души

не чаетъ... Она васъ подѣлить не захочетъ—а прійдется тебѣ, князь Василій, за его дурость отвѣчать!

— И слышать не хочу!—восклицалъ въ отвѣтъ на эти рѣчи князь Василій.—Мнѣ мой алтынъ подай; а твой рубль, пусть при тебѣ остается!..

— Ну, коли такъ ты говоришь, такъ надобно объ этомъ дѣлѣ намъ съ тобою покрѣпче умомъ-разумомъ раскинуть и что̀ ни на есть придумать половчѣе, чтобы и твое-то княжеское добро оберечь, и моихъ-то сиротъ, сестриныхъ дѣтокъ, не раззорить...

Подготовивъ недальновиднаго князя Василія такими бесѣдами, Хвостовъ уже смѣло пошелъ къ намѣченной цѣли. Воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, онъ отвелъ однажды князя Василія въ сторону, и сказалъ ему твердо и рѣшительно:

— Разузналъ я всю подноготную. Выслѣдилъ краснаго звѣря по горячему слѣду до самого ло̀гова... Знаю всѣ его ухватки, всѣ узлы и петельки, какія онъ выплясываетъ, чтобы свой слѣдъ схоронить... И растянулъ я кругомъ его такія тенёта, что ему отъ насъ никуда не улизнуть...

— Ну, ну, дальше-то что?—торопилъ Хвостова князь Василій.

— А дальше-то и всего только одно. Намъ съ тобою надо бить на то, чтобы князь Михайла съ чертовкой разлучить и подъ опеку взять...

— Да что ты, Степанъ Максимычъ? Какъ подъ опеку его возьмешь? Вѣдь онъ же самъ намъ въ руки не дастся—да и матушка-то тоже...Какъ это можно?..

— Князь Михаилъ-то, братецъ твой, и отъ природы головой слабенекъ; и отъ службы при блаженной памяти государѣ Петрѣ Алексѣевичѣ абшидъ по слабости здоровья получилъ... А если, теперича, мы энту чертовку-то его къ рукамъ приберемъ, да деньгами или чѣмъ другимъ къ ней подкупимся, чтобы только она его въ покоѣ оставила—и она его оставитъ! Тогда-то вѣдь онъ ужъ голову-то навѣрно потеряетъ—тогда мы изъ него хошь веревку вѣй, хошь вѣникъ вяжи. На все пойдетъ?

— Такъ-то оно такъ... Да вѣдь, какъ же это брата-то вдругъ слабоумнымъ сдѣлать? Не ладно, какъ будто-бы!

— А неладно, такъ и жди-сиди, пока онъ раззоритъ тебя!—съ усмѣшкой отозвался Хвостовъ.—Ужъ и то до меня доходятъ слухи, что онъ и тутъ занялъ, и тамъ перехватилъ—отъ матери свою зазнобу хоронивши... Расплачивайся, какъ придутъ должники-то его,—изъ одного кармана!

— Да нѣтъ же, голубчикъ Степанъ Максимычъ! Я это такъ только... Зачѣмъ же мнѣ за его долги платиться? Я тебѣ вѣрю и во всемъ готовъ съ тобою за одно идти... Вѣдь намъ изъ-за его чертовки не погибать же!

— Ну, коли такъ, дружище!—весело сказалъ Хвостовъ.—Такъ

ты давай мнѣ руку и побожись вотъ на этой иконѣ, что пойдешь со мной въ огонь и въ воду! Я, братъ, законы знаю и по закону дѣло такъ поверну, что и комаръ носу не подточитъ! И ты все свое княжеское достоянье къ рукамъ приберешь, и отъ меня сиротскаго добра, какъ своихъ ушей не увидать...

— Вотъ тебѣ Никола угодникъ, что я во всемъ съ тобою за одинъ, и ни въ чемъ тебя не выдамъ!—сказалъ князь Василій, подымая руку къ иконѣ, висѣвшей въ углу.

— Вотъ же тебѣ и моя рука, князь Василій! — сказалъ Хвостовъ, протягивая руку Голицыну.—И медлить намъ съ тобою не приходится... Завтра поутру попытаюсь переговорить съ матушкой-княгиней—а тамъ ужъ, съ ея согласья, князя Михаила призовемъ къ отвѣту... А въ случаѣ чего и пригрозимъ! А коли съ нимъ поладимъ — увидимъ, какъ намъ половчѣе дѣло съ этой чертовкой порѣшить?

— Верши, какъ знаешь, Степанъ Максимычъ!—сказалъ князь Василій, крѣпко пожимая руку Хвостова.—Знай только одно:—гдѣ рука моя, тамъ и голова!

X.

Изловили звѣря.

На другой день, у Хвостова съ старой княгиней начались какія-то секретнѣйшія совѣщанія, для которыхъ они запирались ежедневно въ молельнѣ княгини, въ теченіе недѣли, часа на два и болѣе. Приближенныя и довѣренныя лица княгини, прислушиваясь и присматриваясь, замѣтили только, что княгиня не разъ выходила изъ моленной заплаканная; кто-то подслушалъ даже, что на весьма настойчивые доводы Хвостова княгиня говорила жалобно:

— Голубчикъ! Жаль мнѣ его... Знаю, что онъ виноватъ — а жаль! Своя кровь.

Послѣднее совѣщаніе было дня за два до Покрова, и старый Селиверстычъ самъ слышалъ, какъ княгиня, на этотъ разъ, выходя изъ своей комнаты, сказала Степану Максимовичу:

— Инъ будь по твоему, голубчикъ! Тебѣ лучше знать—ты законникъ. Я тебѣ больше ни прикословить, ни перечить не буду.

Наступилъ Покровъ. Въ этотъ день, князь Михаилъ очень поздно вернулся изъ Нѣмецкой слободы, гдѣ онъ провелъ ночь; въ сосѣдней церкви уже благовѣстили къ «Достойной», когда князь, заднею калиткою, съ переулка, вошелъ въ садъ, примыкавшій къ дому и направился къ своему флигелю. Онъ ежился и пожимался отъ рѣзкаго, осенняго холода, кутаясь въ свой плащъ, и сумрачно поглядывалъ по сторонамъ на деревья, съ которыхъ вѣтеръ безжалостно срывалъ ихъ послѣдній покровъ, посыпая дорожки сада темными, съеженными листьями, шуршавшими подъ ногою. Вдругъ

чья-то рука тяжело опустилась на плечо князя Михаила... Онъ вздрогнулъ,—и увидѣлъ передъ собою Хвостова и брата Василія, которые шли за нимъ слѣдомъ.

— Поздненько ты нынче отъ своей зознобы ворочаешься, зятенекъ дорогой!—сказалъ Хвостовъ, вглядываясь въ лицо князя Михаила и оскаливая свои бѣлые, ровные зубы.

— А тебѣ какая обо мнѣ забота? Или ты присматривать за мною приставленъ?—отозвался князь Михаилъ, хмуря брови.

— Присматривать не присматриваю, а что мы тутъ продрогли, тебя ожидавши, такъ это точно!—рѣзко отчеканилъ Хвостовъ.

— А кто тебѣ ждать велѣлъ?

— Матушка княгиня, Марья Исаевна, велѣла—и мнѣ, и князю Василію. Вы, молъ, его дождитесь въ саду и какъ его встрѣнете, ко мнѣ ведите! Какъ изволишь видѣть, такъ мы и сдѣлали.

— Я къ матушкѣ послѣ загляну, а теперь,—началъ было отговариваться князь Михаилъ, высматривая, какъ бы ему юркнуть въ сторону.

Но Хвостовъ и князь Василій заступили ему дорогу и князь Василій сказалъ твердо:

— Матушка приказала тебѣ немедля быть у нея по важному... семейному дѣлу. Идемъ съ нами!..

И, подхвативъ его подъ руки, они двинулись къ домовому крыльцу, почти насильно увлекая его вслѣдъ за собою.

Смущенный этою неожиданною встрѣчею, князь Михаилъ шелъ подъ конвоемъ Хвостова и брата Василія, какъ провинившійся школьникъ... Онъ даже не пытался имъ сопротивляться, даже не проявлялъ никакихъ признаковъ самостоятельности... Хвостовъ и князь Василій провели князя Михаила изъ сѣней прямо въ опочивальню княгини, а изъ опочивальни въ моленную, гдѣ они застали княгиню Марью Исаевну на молитвѣ передъ ея богатой образницей. Она стояла на колѣняхъ, обернувшись спиною ко входной двери, и клала земные поклоны, въ полголоса произнося: «Спаси и сохрани насъ отъ козней дьявольскихъ!»

Потомъ она медленно поднялась съ молитвы, обернула къ князю Михаилу свое заплаканное и покраснѣвшее отъ слезъ лицо, и строго сказала:

— Гдѣ же это ты, сынокъ возлюбленный, пропадаешь? На дворѣ праздникъ великій, люди въ церковь Божію спѣшатъ, а кто въ церковь не можетъ попасть, тотъ дома на молитвѣ стоитъ... А ты блудъ творишь? окаянничаешь?..

Князь Михаилъ молчалъ, насупивъ брови и понуривъ голову.

— Нѣтъ, ты не отмалчивайся! Говори мнѣ все на чистоту! Потому ужъ не въ-терпёжъ мнѣ стало на твои окаянства смотрѣть... Говори, съ какою это ты тальянскою чертовкою связался?.. Съ какою...

— Не смѣй такъ обзывать ее!!—вдругъ крикнулъ князь Михаилъ, топая ногою.

— Вотъ полюбуйтесь, други милые!—воскликнула княгиня, обращаясь къ Хвостову и князю Василію. — Полюбуйтесь, каково сынокъ на мать покрикиваетъ! Вотъ она до чего его довела, домыкала—эта чертовка-то заморская, эта самая послѣдняя...

— Не смѣй!!—бѣшено рявкнулъ князь Михаилъ, сверкая глазами и судорожно сжавъ кулаки.—Ты ее не знаешь... не видала...

Князь Василій и Хвостовъ ухватили князя Михаила за плечи и попятили назадъ.

— Коли такъ ты изволишь съ своею матерью разговаривать,—крикнула, въ свою очередь, и Марья Исаевна,—такъ я тебѣ объявляю свою волю: чтобы нога твоя не смѣла больше переступать ея порога, чтобы ты въ Нѣмецкую слободу и глазъ не казалъ... Сегодня же всѣ ѣдемъ въ Братовщину, и оттуда—ни ногой!

— Я никуда отсюда не поѣду!—сказалъ князь Михаилъ, пугливо озираясь по сторонамъ.—Я здѣсь долженъ быть... Я съ нею не разстанусь, и никто насъ разлучить не можетъ!

— Или ты думаешь, что я на тебя да на эту мерзавку и управы не сыщу? Да я къ губернатору поѣду, государю челомъ бить стану, — я тебя вотъ какъ скручу! Не послушаешь матери, послушаешься телячьей кожи!

— Матушка!—жалобно заговорилъ князь Михаилъ, падая передъ матерью на колѣни.—Не кляни ее, пощади насъ! Вѣдь она жена моя... жена богоданная!

И онъ, закрывъ лицо руками, зарыдалъ какъ ребенокъ...

— Жена!!—разомъ отозвались всѣ, и смолки, въ недоумѣніи поглядывая другъ на друга.

Хвостовъ, однакожъ, спохватился первый и сказалъ насмѣшливо:

— Зятенекъ дорогой шутитъ! Какая же она жена?.. Глаза отводишь!

— Я говорю тебѣ—жена!—настойчиво подтвердилъ князь Михаилъ, оборачиваясь къ нему.—Мы съ ней повѣнчаны... въ Божьей церкви повѣнчаны!

— Въ какомъ приходѣ? Не дозволишь ли узнать?—насмѣшливо спросилъ Хвостовъ.

— А коли ты тамъ, въ Тальянской землѣ повѣнчанъ,—вступился князь Василій,—такъ это не въ-зачетъ... Для православнаго этотъ бракъ незаконный! И мы его признать не можемъ!

— Законный! Законный!—отчаянно воскликнулъ князь Михаилъ.—Не православный я! Я, для того, чтобы на ней жениться, отрекся отъ родныхъ и близкихъ... Я вѣру перемѣнилъ!.. Окатоличился...

И онъ, какъ бы самъ пугаясь своего признанія, закрылъ лицо руками и снова зарыдалъ.

Всѣ онѣмѣли отъ изумленія. Княгиня больше всѣхъ была поражена; ноги у нея такъ и подкосились: она опустилась на лавку у стѣны и, медленно крестясь, все только твердила про себя:

— Съ нами крестная сила! Огради насъ святыми твоими ангелами отъ навожденія дьявольскаго!

Хвостовъ опять заговорилъ первый.

— Матушка княгиня! Истинно ты говоришь: навожденіе дьявольское! Ушамъ бы не повѣрилъ я, кабы не самъ князь Михаилъ въ своемъ грѣхѣ сознался! Но ужъ какъ ни какъ, а такъ дѣлу быть нельзя, коли мы всѣ не хотимъ изъ-за него подъ отвѣтъ попасть. Вѣдь если только объ этомъ, обо всемъ, кто ни на есть при Святѣйшемъ Сѵнодѣ прознаетъ, — объ этомъ его богоотступничествѣ! такъ вѣдь ему въ Сибири мѣста не сыщется!.. Да и насъ-то всѣхъ въ тайную канцелярію потащатъ... Изъ-за него еще въ застѣнокъ угодишь!

— Въ Сибирь!?. Тайная канцелярія... Застѣнокъ... Пытки!!.— закричалъ вдругъ князь Михаилъ, вскакивая и растерянно оглядываясь по сторонамъ.—Нѣтъ, нѣтъ! Спасите, спасите, не погубите... Ее не погубите!

И онъ трясся всѣмъ тѣломъ, и съ мольбою обращался ко всѣмъ.

— Коли такъ, чтобы и тебя, и ее бусурманку спасти,—сказала, нѣсколько смягчаясь, старая княгиня,—такъ ты насъ слушайся! Если ты не хочешь, чтобы эта... твоя... тальянка угодила въ застѣнокъ за совращеніе тебя съ пути истиннаго—за то, что она тебя обусурманила, такъ ты немедля съ нами выѣзжай отсюда; а Степанъ Максимычъ поѣдетъ въ слободу—пусть переговоритъ... И денегъ на отбытіе дадимъ ей, пусть ѣдетъ по-добру-поздорову къ себѣ на родину.

— Степанъ Максимычъ? Нѣтъ ужъ лучше бы я самъ!—нерѣшительно проговорилъ князь Михаилъ.

— И думать не моги!!—крикнула старая княгиня.—Прокляну, если ослушаешься! А отъ нея и праху не останется!..

Князь Михаилъ, не подымаясь съ колѣнъ, печально и покорно понурилъ голову, не смѣя болѣе перечить матери, которая тотчасъ воспользовалась выгодами своего положенія.

— У васъ тамъ все готово?—спросила она Хвостова и князя Василія.

— Все, матушка! Приказа твоего ждемъ.

— Такъ сейчасъ велите подавать колымагу къ крыльцу—сейчасъ и ѣдемъ!.

Князь Василій и Хвостовъ исчезли за дверью, а князь Михаилъ, въ какомъ-то страшномъ оцѣпенѣніи все еще стоялъ попрежнему на колѣняхъ среди комнаты, понуря голову, безсильно опустивъ руки, безсмысленно и тупо устремляя глаза въ одну точку.

— Сокрушилъ ты меня, Михаилъ!—проговорила княгиня, об-

ращаясь къ нему.—Обусурманился и грѣхъ великій принялъ на душу! И мнѣ за тебя въ отвѣтѣ передъ Богомъ быть...

Дверь скрипнула, Хвостовъ и князь Василій въ дорожномъ платьѣ явились на порогѣ. Изъ-за ихъ спинъ выглядывали четверо дюжихъ гайдуковъ.

— Поѣдемъ, Мишенька!—обратился князь Василій къ брату, похлопывая его по плечу.

Князь Михайло поднялся, словно на пружинахъ, мутными, хмурыми глазами окинулъ комнату и всѣхъ присутствующихъ и медленно, покорно вышелъ въ опочивальню княгини.

Сенька поспѣшно накинулъ на него темную епанчу, нахлобучилъ теплую шапку и князь Михайло, сопровождаемый княземъ Василіемъ и четырьмя гайдуками, двинулся черезъ сѣни къ крыльцу, у котораго стояли двѣ колымаги, запряженныя шестериками. Въ одну изъ нихъ сѣлъ князь Михаилъ, а рядомъ съ нимъ помѣстился князь Василій. Два гайдука помѣстились на запяткахъ; двое другихъ влѣзли на козлы. Въ другую колымагу сѣла княгиня съ Ѳешкой Шустрянкой и съ внучатами. Хвостовъ, усаживая ее въ колымагу, успѣлъ ей шепнуть:

— Ну, матушка княгиня, все какъ по маслу идетъ! Смотрите только, не упустите тамъ, грѣшнымъ дѣломъ, соколика-то...

— И-и-и, что ты? Что ты? На шагъ изъ хоромъ не выпустимъ. Ты-то вотъ съумѣй тутъ съ чертовкой-то его поладить!—отвѣчала княгиня.

— Небось, справлюсь!—сказалъ самоувѣренно Хвостовъ, оскаливая свои бѣлые зубы.—Такъ стисну ее, что и писку не будетъ!

— Съ Богомъ!—сказалъ кто-то въ передней колымагѣ, которая разомъ тронулась съ мѣста, заворачивая по двору отъ крыльца къ воротамъ. За нею, грузно колыхаясь и потряхивая кузовомъ, сдвинулась и вторая—и обѣ поползли со двора въ переулокъ.

XI.

Самъ попался.

Хитрый и пронырливый Хвостовъ не даромъ говорилъ князю Василію, что онъ выслѣдилъ «краснаго звѣря по горячему слѣду» и что «всѣ его ухватки, всѣ узлы и петли на пути его узналъ!» Дѣйствительно, онъ долго выслѣживалъ князя Михаила въ его тайныхъ скитаніяхъ изъ дома въ Мертвомъ переулкѣ до Нѣмецкой слободы, и превосходно зналъ всѣ его уловки, всѣ увертки, которыми онъ старался сбить съ толку слѣдившихъ за нимъ людей. Степанъ Максимовичъ досконально зналъ, до какого перекрестка князь Михаилъ ѣзжалъ на одномъ извозчикѣ, гдѣ бралъ себѣ новую подставу, гдѣ онъ долженъ былъ шмыгнуть проходнымъ дворомъ въ переулокъ, черезъ какую церковную ограду переходилъ,

въ какія лавки онъ заглядывалъ по пути, запасая всякую всячину для своей зазнобы... Крадучись за нимъ неслышною и незамѣтною тѣнью, Хвостовъ выслѣживалъ князя Михаила почти до самыхъ дверей флигеля, въ которомъ жила Джулія, подмѣтилъ, какъ онъ всходилъ на крыльцо, отряхая ноги о ступени, какъ, вложивъ ключъ въ скважину замка, дважды пріударялъ косточками кисти въ дверь и подслушалъ, что онъ отвѣчалъ, когда его окликалъ извнутри женскій голосъ.

Одного только ни разу не удалось добиться Хвостову—увидать эту загадочную иноземку, которая такъ увлекла, такъ околдовала его зятя... Какъ ни старался онъ, подъ разными предлогами, пробираться и подходить къ флигелю и со стороны сада, и отъ рѣки, и со двора изъ-за рѣшетки; какъ ни старался онъ проникнуть нескромнымъ взоромъ внутрь флигеля, заглядывая въ скважины плотно притворенныхъ ставень—онъ ни разу не видалъ Джуліи... Только однажды, подъѣхавъ къ садику на челнокѣ по Яузѣ, онъ, при лунномъ свѣтѣ, подмѣтилъ въ кустахъ что-то бѣлое, слышалъ даже, какъ кто-то потихоньку наигрывалъ умѣлой, искусной рукой на какомъ-то струнномъ инструментѣ, какъ бы стараясь подобрать голосъ къ пѣснѣ... Потомъ изъ кустовъ донесся до него звучный и сильный голосъ чуждой, непонятной ему пѣсни—грустной, заунывной, тоскливой... Пѣсня эта по временамъ обрывалась на полусловѣ; звучный и сильный голосъ дрожалъ... Хвостову почудилось даже, что онъ слышитъ вздохи и рыданія... Но сколько онъ ни ждалъ, пѣвунья не вышла изъ куста, а луна зашла за тучу и темная мгла прикрыла непроницаемою тѣнью густо разросшійся садикъ при флигелькѣ Унбира. Теперь, когда Хвостову, по уговору съ старой княгиней, предстояло увидѣться съ «тальянской чертовкой» съ глазу на глазъ, объясняться съ нею, говорить, быть можетъ, даже грозить ей—смѣлый Степанъ Максимовичъ, припоминая эту пѣсню, эти вздохи и рыданія, ощущалъ нѣкоторое волненіе, которое его самого удивляло.

— Ну, что за чорты! Баба—такъ баба и есть! Повидалъ я ихъ на своемъ вѣку всякихъ! Чего же тутъ еще? Съумѣю и съ этой обойтись...

Но ему, противъ воли припоминались тщетныя попытки увидать эту загадочную незнакомку, и воображеніе рисовало ее такими яркими красками, облекало ее въ такія формы, что Хвостовъ долго не могъ даже составить себѣ опредѣленнаго плана дѣйствій противъ этой иноземной очаровательницы.

Наконецъ, онъ придумалъ дѣйствовать такъ: ѣхать въ нѣмецкую слободу въ тотъ же вечеръ; закутавшись въ плащъ князя Михаила и нахлобучивъ на глаза его шляпу — постучать у дверей флигеля на его манеръ, отпереть дверь ключемъ, который оказался въ карманѣ его плаща, и такимъ образомъ проникнуть

въ гнѣздо этой «чертовки», этой незванной гостьи въ семьѣ Голицыныхъ...

«А дальше что же?.. раздумывалъ Хвостовъ.—Скажу, что князь Михаилъ боленъ... Что его надолго увезли изъ Москвы и она не увидитъ его болѣе. А тамъ скажу, что княгиня Марья Исаевна велитъ ей денегъ дать... Пусть выѣдетъ отсюда на родину къ себѣ! А если не захочетъ — пригрожу и ей, какъ князю Михаилу, тайной канцеляріей.

И, разрѣшивъ такимъ, повидимому, легкимъ способомъ весьма мудреную задачу, Степанъ Максимовичъ, для собственнаго успокоенія увѣрилъ себя, что все произойдетъ именно такъ, какъ онъ предполагалъ. Ему казалось, что она должна будетъ ему повѣрить, что она и деньги возьметъ, и на отъѣздъ согласится, и если даже не согласится, то ужъ непремѣнно испугается его угрозъ...

Въ этихъ мысляхъ, Степанъ Максимовичъ дождался вечера. Когда стемнѣлось и на колокольнѣ сосѣдней церкви часы пробили восемь—онъ позвалъ на свою половину Голицынскаго доѣзжачаго Сережку Лютого (бойкаго и расторопнаго малаго), и приказалъ ему осѣдлать двухъ коней. Когда кони были поданы къ крыльцу, Хвостовъ накинулъ плащъ князя Михаила, нахлобучилъ на глаза его шляпу, вскочилъ въ сѣдло, и съѣхалъ со двора. За нимъ мелкой рысцой потрусилъ и Сережка, слегка покачиваясь на сѣдлѣ и побрякивая уздечкой.

Было уже около десяти часовъ вечера, когда Хвостовъ и его спутникъ, задами объѣхавъ Преображенское, переѣхали по мосту черезъ Яузу и остановились у въѣзда въ Нѣмецкую слободу. Здѣсь Степанъ Максимовичъ сошелъ съ коня, передалъ поводья въ руки Лютого и сказалъ ему строго:

— Смотри, не задремли! Коня не проморгай! Стань у моста, и, чуть только свисну, скачи навстрѣчу мнѣ къ слободѣ!

— Будь безъ опаски, Степанъ Максимовичъ! Только свисни— я какъ листъ передъ травой передъ тобой стану!

Слобода еще не спала. На улицахъ и въ переулкахъ ея еще было замѣтно нѣкоторое движеніе. Ставни еще не во всѣхъ домахъ были заперты; кой-гдѣ мерцали въ окнахъ огоньки; а въ пивныхъ и кнейпахъ, ярко-освѣщенныхъ, еще слышался шумъ, говоръ, пѣсни. Откуда-то издали доносились отдѣльными мѣрными тактами звуки степеннаго нѣмецкаго вальса.

На пути къ знакомому дому, Хвостовъ повстрѣчалъ нѣсколько почтенныхъ бюргеровъ, которые возвращались домой, преважно разсуждая о чемъ-то между собою, и даже не обратили вниманія на Хвостова. Его плащъ и шляпа были имъ хорошо знакомы... Одинъ изъ встрѣчныхъ нѣмцевъ, обернувшись вслѣдъ Хвостову, даже процѣдилъ сквозь зубы, какъ бы желая себя провѣрить:

— Fürst? Nicht wahr?

— Ja wohl,—протянулъ его спутникъ.

И оба разошлись по домамъ, совершенно спокойные.

Но Хвостовъ, быстро шагавшій мимо домовъ и садиковъ, мимо лавокъ и заборовъ, былъ далеко не спокоенъ... На душѣ у него было прескверно... Онъ чувствовалъ, что дѣлаетъ что-то неладное, что собирается, какъ воръ, проникнуть въ чужой домъ, переступить черезъ порогъ, за который онъ еще вчера не смѣлъ бы, и не долженъ былъ переступать.

Вотъ наконецъ онъ у калитки... Но онъ берется не смѣло за щеколду, и долженъ сдѣлать надъ собою нѣкоторое усиліе, чтобы распахнуть калитку настежъ и перейти, а не перебѣжать дворъ до крылечка флигеля. Взбѣжавъ на ступени крыльца, онъ совсѣмъ позабылъ отряхнуть ноги о ступени, какъ это дѣлалъ князь Михаилъ, и сердце его сильно билось въ груди, когда онъ стукнулъ въ дверь два условные удара.

— Sei tu?—раздался обычный возгласъ изъ-за двери.

— Jo sono—произнесъ спѣшно и нетвердо Степанъ Максимовичъ, поворачивая ключъ въ замкѣ. Затѣмъ онъ быстро отворилъ дверь, переступилъ порогъ и тотчасъ притворилъ дверь за собою.

Въ тотъ же мигъ двѣ нѣжныя женскія руки обвились около шеи Хвостова, сильный, одуряющій ароматъ пахнулъ ему въ лицо и чьи-то горячія уста коснулись его щеки. Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ осмотрѣться или опознаться въ полумракѣ присѣнка, прежде чѣмъ онъ успѣлъ вглядѣться въ лицо женщины, которая встрѣтила его такой лаской, отуманившей голову Хвостова, эта женщина схватила его за руку и быстро, сильно повлекла его за собою въ освѣщенную сосѣднюю комнату, гдѣ на столѣ горѣли двѣ свѣчи и лежалъ какой-то струнный инструментъ, въ родѣ сурны... Здѣсь, у стола, она выпустила руку Хвостова и обернулась къ нему, что-то ласково лепеча на своемъ чудномъ, звучномъ языкѣ.

Хвостовъ увидѣлъ передъ собою женщину выше средняго роста, стройную, прекрасную, съ живымъ, выразительнымъ лицомъ; густыя, волнистыя пряди темныхъ волосъ спадали ей на полуобнаженныя плечи и руки и едва прикрывали роскошную грудь; большіе, темные глаза горѣли яркимъ пламенемъ изъ-подъ темныхъ, почти прямыхъ бровей; маленькій ротикъ привѣтливо улыбался, выказывая два ряда зубовъ, бѣлыхъ какъ жемчугъ... Но все это только на мгновеніе мелькнуло передъ смущеннымъ взоромъ Хвостова.

Едва только красавица взглянула ему въ лицо, она вдругъ вскрикнула, быстро отскочила въ сторону, схватила съ окна что-то блестящее и запрятала въ складки своего платья; а затѣмъ, сурово сдвинувъ брови, выпрямилась во весь ростъ и стала у стѣны между дверью въ садъ и дверью въ сѣни... Строгій взоръ ея, устре-

мленный прямо въ лицо Хвостову, выражалъ вопросъ, недоумѣніе, опасеніе; но не выражалъ испуга...

— Кто ты? — смѣло спросила она, хотя и не совсѣмъ чисто, по-русски своего непрошеннаго гостя.

— Я... я... Меня... прислалъ къ твоей милости... князь Михаилъ Голицынъ,—нерѣшительно забормоталъ Хвостовъ.

— Кто ты?!—еще настойчивѣе повторила Джулія...—Говори...

— Я его братъ... его... Онъ боленъ и велѣлъ тебѣ сказать...

— Ты лжешь, ты дурной человѣкъ, я тебѣ не вѣрю! Ты обманулъ меня—вошелъ какъ онъ, съ его ключемъ... Уйди! Оставь меня.

— Я не уйду отсюда!—сказалъ Хвостовъ, нѣсколько оправляясь отъ перваго смущенія, и даже начиная досадовать на себя и горячиться.—Я долженъ съ тобою говорить...

— Я тебя не знаю, и не хочу съ тобою говорить,—твердо сказала Джулія.—Уйди, или я позову сюда людей!

— Ты должна меня выслушать!—крикнулъ Хвостовъ, топнувъ ногою.—Меня прислала къ тебѣ мать князя Михаила... И она, и мы всѣ требуемъ, чтобы ты его оставила, чтобы ты отсюда уѣхала!..

— Я повторяю тебѣ,—уйди отсюда!.. Слушать тебя я не хочу,—сказала Джулія также твердо.—Уѣхать отсюда не могу, пока мнѣ не велитъ это сдѣлать мужъ мой, князь Микель...

— Онъ не мужъ тебѣ! Ты не смѣешь называть его мужемъ,—возразилъ Джуліи Степанъ Максимовичъ.—Мы заставимъ тебя его оставить—или упрячемъ тебя въ тюрьму, въ Сибирь упечемъ!

— Въ тюрьму? Въ Сибирь? За что? Что я вамъ сдѣлала? Пусть мой мужъ прикажетъ мнѣ—и я его покину... Я уѣду! Но тебѣ я не вѣрю! Не онъ тебя ко мнѣ прислалъ съ этими злыми рѣчами... Ты самъ пришелъ—пришелъ обмануть и оскорбить меня! Сейчасъ же уходи—уходи!

И глаза ея засверкали, голосъ задрожалъ; она повелительно указывала ему на дверь, которая выходила на крыльцо.

— Не уйду!—крикнулъ взбѣшенный Хвостовъ, хватая Джулію за руку и крѣпко сжимая ее.—Не уйду, пока ты меня до конца не выслушаешь...

Но въ ту же минуту что-то молніей сверкнуло въ другой рукѣ красавицы, и тонкій стилетъ два раза вонзился въ руку Хвостова. Онъ вскрикнулъ, выпустилъ руку Джуліи, и она какъ безумная бросилась въ сѣни, изъ сѣней на крыльцо, во дворъ—и громкими, отчаянными криками стала призывать на помощь.

Хвостовъ въ первое мгновеніе ошалѣлъ и растерялся... Онъ даже сообразить не могъ всего, что съ нимъ произошло. Но когда онъ услышалъ на дворѣ шумъ и голоса людей, сбѣгавшихся на крики Джуліи, когда онъ при томъ же еще почувствовалъ, что горячая кровь бѣжитъ у него въ рукавъ кафтана — онъ понялъ только одно, что ему надо бѣжать, скорѣе бѣжать, куда глаза гля-

дять! Не смѣя сунуться во дворъ, гдѣ еще разъ ему нужно было столкнуться съ «чертовкой», онъ сбросилъ съ себя плащъ князя Михаила, позабылъ на столѣ его шляпу, и бросился къ двери въ садъ. Въ два прыжка очутился онъ въ кустахъ и стремглавъ побѣжалъ къ берегу Яузы... Онъ безпрестанно натыкался на деревья, путался въ вѣтвяхъ, спотыкался о корни — и къ ужасу своему слышалъ у себя за спиною крики людей, лай собакъ, спущенныхъ съ цѣпи, топотъ погони... По улицамъ уже раздавались голоса ночныхъ сторожей, кричавшихъ: «Diebe! Diebe!»; — къ крикамъ примѣшивался сухой и рѣзкій звукъ трещотокъ. Казалось, что вся слобода поднялась на ноги...

Хвостовъ все это слышалъ, и, не помня себя отъ страха, который все болѣе и болѣе овладѣвалъ имъ, бѣжалъ какъ заяцъ вдоль по берегу Яузы, къ знакомому броду. Перемахнувъ черезъ два плетня, онъ добрался, наконецъ, до этого брода, перебѣжалъ его, мѣстами по щиколодку увязая въ тинистомъ днѣ рѣченки, мѣстами по поясъ погружаясь въ леденисто-холодныя, мутныя струи ея... Вотъ, наконецъ, онъ добрался до берега, кой-какъ вскарабкался по скользкому откосу и опрометью пустился къ мосту, у котораго ждалъ его Сережка Люто̀й съ конемъ въ поводу. Добѣжавъ до коня, дрожащій отъ холода, запыхавшійся, Хвостовъ еле-еле взобрался въ сѣдло и, не произнеся ни единаго слова, пустилъ коня во весь опоръ по знакомой дорогѣ къ Преображенскому.

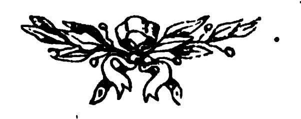
Только уже отъѣхавъ съ версту отъ слободы, Хвостовъ нѣсколько оправился отъ испуга и пришелъ въ себя. Онъ на скаку сдержалъ коня, при помощи Сережки, спѣшно перевязалъ пораненную руку платкомъ, и, обернувшись на сѣдлѣ, злобно процѣдилъ сквозь зубы:

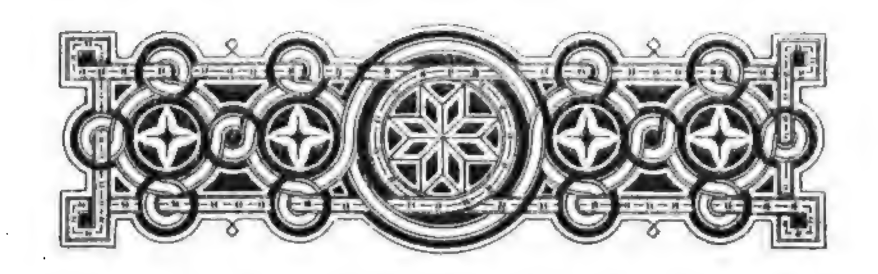
— Погоди ужо, чертовка тальянская! Я тебѣ это попомню: — въ долгу у тебя не останусь!

И погрозивъ кулакомъ какому-то невидимому врагу, онъ снова, въ хвостъ и въ голову, погналъ своего коня.

П. Полевой.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

РУССКІЙ ДВОРЪ ВЪ 1728—1733 ГОДАХЪ.

По донесеніямъ англійскихъ резидентовъ.

I.

НѢТЪ НЕДОСТАТКА въ источникахъ для исторіи Россіи при Петрѣ II и въ началѣ царствованія императрицы Анны Іоанновны. Не говоря о разныхъ сборникахъ архивныхъ матеріаловъ, мы располагаемъ для изученія этого времени цѣлымъ рядомъ записокъ и депешъ иностранныхъ дипломатовъ, проживавшихъ тогда въ Россіи и наблюдавшихъ за ходомъ дѣлъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Такъ, напр., давно извѣстны мемуары герцога Лирійскаго, игравшаго особенно выдающуюся роль при русскомъ дворѣ въ это время; его донесенія къ испанскому правительству были также изданы, хотя лишь въ извлеченіи, въ сборникѣ г. Бартенева «Осмнадцатый вѣкъ». На депеши саксонскаго резидента Лефорта давно было обращено вниманіе профессоромъ Германномъ въ Марбургѣ; донесенія Мардефельда, прусскаго дипломата, были напечатаны въ «Сборникѣ Императорскаго Историческаго Общества»; С. Н. Шубинскимъ были изданы, въ русскомъ переводѣ, письма леди Рондо, заключающія въ себѣ характеристику важнѣйшихъ лицъ при русскомъ дворѣ именно въ это время и пр.

Не смотря на довольно обильный запасъ свѣдѣній о лицахъ и событіяхъ въ Россіи при Петрѣ II и Аннѣ, уже сдѣлавшійся до-

стояніемъ исторической литературы, нельзя не привѣтствовать новыя данныя объ этомъ же предметѣ. Въ недавно изданномъ шестьдесятъ шестомъ томѣ «Сборника Историческаго Общества» заключаются «Донесенія и другія бумаги англійскихъ пословъ, посланниковъ и резидентовъ при русскомъ дворѣ съ 1728 по 1733 годъ», т. е. донесенія англійскихъ дипломатовъ Уарда и Рондо. Обратить вниманіе читателей «Историческаго Вѣстника» на содержаніе этихъ бумагъ составляетъ цѣль нашей статьи.

II.

Въ общей сложности характеръ содержанія бумагъ англійскихъ дипломатовъ съ 1728 до 1733 г. сходенъ съ разсказами другихъ дипломатовъ этого времени. Всѣ они, находясь при русскомъ дворѣ, не имѣли возможности составить себѣ точное понятіе о состояніи Россіи вообще и ограничивались наблюденіемъ двора, событій въ центрѣ государства. Каждый изъ этихъ дипломатовъ старался узнавать подробнѣе о видахъ русскаго кабинета, о частностяхъ придворнаго быта, о настроеніи умовъ въ средѣ вельможъ и царедворцевъ. Каждый изъ нихъ заботился о томъ, какъ бы вступить въ болѣе или менѣе интимныя сношенія съ тѣмъ или другимъ изъ русскихъ министровъ, или какъ бы—часто посредствомъ подкупа—открывать тайны русскаго кабинета, или быть посвященнымъ въ секреты закулисной придворной жизни. Благодаря этому, вниманіе, обращаемое на лица, въ донесеніяхъ дипломатовъ, стоитъ на первомъ планѣ. Въ нихъ преобладаетъ нѣкоторая мелочность при обсужденіи значенія фактовъ, при характеристикѣ личностей современниковъ. Разсказы о придворныхъ интригахъ занимаютъ самое видное мѣсто и очень часто имѣютъ характеръ сплетней. Анекдотическія черты въ этихъ разсказахъ играютъ довольно важную роль и не всегда заслуживаютъ довѣрія. Внутренняя политика, вопросы администраціи и законодательства, обращаютъ на себя вниманіе этихъ наблюдателей гораздо менѣе, нежели явленія внѣшней политики. Постоянно имъ приходилось имѣть въ виду интересы того государства, представителями котораго они служили. Очень часто интересы одного государства сталкивались съ интересами другихъ; и въ такихъ случаяхъ эти дипломаты старались вредить другъ другу въ глазахъ русскихъ вельможъ. Характеристика дипломатовъ въ донесеніяхъ ихъ собратьевъ иногда оказывается очень невыгодною. Интриги прорываются наружу. Такова картина, представленная въ этихъ донесеніяхъ. Въ мемуарахъ, писанныхъ нѣсколько позже, схватываются главныя общія черты историческаго теченія дѣлъ, въ донесеніяхъ, напротивъ, воспроизводятся минутныя впечатлѣнія; въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть подведенія итоговъ, они похожи на фотографіи.

Понятно, что англійскіе дипломаты смотрѣли на политическія событія, происходившія въ Россіи, съ точки зрѣнія англійской политики. Англію, напр., особенно интересовало состояніе русскаго военнаго флота и англійскіе дипломаты весьма тщательно собирали данныя объ этомъ предметѣ; далѣе, англо-русскія торговыя сношенія занимаютъ очень видное мѣсто въ этихъ депешахъ. Къ тому же авторы ихъ, Уардъ и Рондо, въ качествѣ консуловъ, обращали главное вниманіе на обезпеченіе матеріальныхъ интересовъ англійскихъ купцовъ въ Россіи.

Скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ лицахъ. И Уардъ, и Рондо, уже извѣстны въ русской исторической литературѣ, благодаря изданнымъ г. Шубинскимъ «Письмамъ леди Рондо». До брака съ Рондо, эта замѣчательно образованная и симпатичная англичанка, письма которой служатъ довольно важнымъ источникомъ для исторіи придворнаго быта при Петрѣ II и при Аннѣ Іоанновнѣ, была супругою Уарда. Уардъ скончался въ январѣ 1731 года, а въ ноябрѣ того же года его помощникъ, а затѣмъ преемникъ въ должности англійскаго консула въ Россіи, Клавдій Рондо женился на вдовѣ Уарда. О потерѣ перваго мужа и о вступленіи въ бракъ со вторымъ мужемъ разсказываетъ леди Рондо въ письмахъ къ своей подругѣ, находящейся въ Англіи. Сношенія между Уардомъ и Рондо были самыя пріятельскія, какъ это видно, между прочимъ, изъ письма Рондо къ Джордону Тильсону изъ Москвы отъ 29-го ноября 1731 г., гдѣ сказано между прочимъ: «Я, какъ вы знаете, много обязанъ покойному консулу Уарду, съ которымъ во все время пребыванія его здѣсь всегда жилъ дружно, какъ съ роднымъ братомъ. Мнѣ кажется, я не могъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ жениться на его вдовѣ, женщинѣ очень достойной. Бракъ нашъ совершился 23-го ноября въ присутствіи графа Остермана... въ этомъ краѣ очень тяжко жить одинокимъ человѣку, желающему всею душою посвятить себя дѣлу» (401[1]). Очевидно, Уардъ, а за нимъ и Рондо, занимались не только политикою, но и коммерческими предпріятіями. Рондо 27-го мая 1732 года писалъ лорду Гаррингтону: «Женившись на вдовѣ консула Уарда, оставившаго здѣсь множество текущихъ счетовъ и неоконченныхъ дѣлъ, я разорюсь, если меня отзовутъ прежде, чѣмъ они будутъ окончены» (463).

Рондо и Уардъ прибыли въ Россію въ іюлѣ 1728 года. Въ это время двора уже не было въ Петербургѣ: Долгорукіе успѣли увезти молодого императора Петра II еще въ началѣ этого года въ Москву. Консулъ Уардъ и его помощникъ Рондо оставались въ Петербургѣ до марта 1729 года. Вѣроятно, консульскія, а, быть

---

[1]) Цифрами въ скобкахъ обозначаются страницы LXVI-го тома «Сборника Историческаго Общества».

можетъ, и коммерческія дѣла заставили ихъ пребывать въ Петербургѣ, гдѣ находились конторы англійскихъ негоціантовъ. Не раньше, какъ весною 1729 года они переселились въ Москву, здѣсь Уардъ умеръ въ началѣ 1731 года, а Рондо оставался въ Москвѣ до переселенія двора въ Петербургъ въ началѣ 1732 года.

Достойна вниманія характеристика Уарда и Рондо въ письмѣ герцога Лирійскаго отъ 12-го іюня 1730 года. Онъ пишетъ: «Теперь бы кстати его британскому величеству, не теряя времени, прислать инструкціи и дать характеръ полномочнаго посланника одному изъ двухъ находящихся здѣсь его агентовъ, которые суть: консулъ Уардъ и г. Рондо. Первый, какъ я слышалъ, имѣетъ друзей въ Англіи, которые хлопочатъ, чтобъ ему дали характеръ министра. Но жаль, если министромъ здѣсь будетъ г. Уардъ, а не другой: онъ честный и почтенный человѣкъ, но не понимаетъ политическихъ дѣлъ такъ, какъ г. Рондо, проведши всю свою жизнь въ торговыхъ операціяхъ; и, пожалуй, покажется не особенно даже приличнымъ дать ему характеръ министра, когда онъ теперь занятъ поставкою суконъ. Въ пользу Рондо говорятъ слѣдующія обстоятельства: онъ съ самаго дѣтства воспитался въ политическихъ дѣлахъ и пріобрѣлъ въ нихъ довольно опытности; онъ въ хорошихъ сношеніяхъ съ графомъ Остерманомъ, который имѣетъ о немъ хорошее понятіе и цѣнитъ его» и пр.[1]). Въ другомъ мѣстѣ Лирія называетъ Рондо человѣкомъ весьма способнымъ и искреннимъ[2]).

Уардъ и Рондо, прибывъ въ Россію, сначала не были дипломатами въ точномъ смыслѣ. Въ качествѣ консуловъ они не имѣли особеннаго значенія, и Уардъ, прибывъ въ Москву весною 1729 г., сначала даже безуспѣшно требовалъ аудіенціи у императора. Поэтому сперва Уардъ, затѣмъ Рондо, неоднократно представляли о необходимости дать имъ «характеръ» посланника, указывая, что это дастъ имъ возможность дѣйствовать особенно успѣшно въ пользу англійской торговли (42—43). Рондо, прибывшій въ Москву весною 1729 года, не раньше какъ черезъ годъ познакомился лично съ Остерманомъ. Въ мартѣ 1730 года Остерманъ въ бесѣдѣ съ датскимъ дипломатомъ Вестфалемъ высказалъ удивленіе тому, что Рондо не успѣлъ еще побывать у него (173—174). Скоро послѣ этого завязалось близкое знакомство между Рондо и русскимъ министромъ, который, какъ кажется, полюбилъ представителя Англіи. Рондо писалъ лорду Гаррингтону въ ноябрѣ 1730 года: «Въ теченіе послѣдней болѣзни вицеканцлера, я часто имѣлъ случай видѣться съ нимъ, такъ какъ графъ не разъ говорилъ мнѣ, что мое общество ему пріятно. Разговоръ нашъ обыкновенно имѣлъ пред-

---

[1]) «Осмнадцатый вѣкъ». III. 77—78.

[2]) Тамъ же, стр. 105.

метомъ европейскія дѣла» (247). А далѣе въ іюлѣ 1731 года: «Я имѣю часто свиданія съ графомъ Остерманомъ, я позволяю себѣ считать его очень ко мнѣ расположеннымъ».

Вопросъ о превращеніи англійскаго консула въ настоящаго дипломата занималъ Рондо все время до достиженія этой цѣли осенью 1731 г. Такъ, напр., онъ писалъ 7 декабря 1730 года: «Мнѣ очень прискорбно слышать жалобы нашихъ купцовъ на продажу прусскаго сукна. Позволю себѣ еще разъ замѣтить, что, имѣй я опредѣленное положеніе, а, слѣдовательно, и возможность видѣться съ теперешними фаворитами такъ же часто, какъ баронъ Мардефельдъ, ему бы не удалось провести это дѣло, какъ онъ провелъ его» (262). По случаю кончины Уарда, Рондо писалъ въ началѣ 1731 года: «Теперь положительно необходимо становится дать мнѣ здѣсь опредѣленное положеніе, дабы я въ состояніи былъ служить интересамъ его королевскаго величества и получилъ возможность съ помощью друзей нашихъ внушить здѣшнему двору образъ мыслей, противуположный тому, котораго онъ держался до сихъ поръ. Почтительнѣйше прошу ваше превосходительство доложить его величеству, что я провелъ въ Россіи почти три года, тратя все свое содержаніе на одни почтовые расходы, не говоря уже объ издержкахъ, въ которыя вовлекали меня необходимыя сношенія и пр. Здѣсь безъ денегъ ничего не дѣлается» (280—281). И лѣтомъ 1731 года Рондо просилъ объ этомъ же: «Если его величество дастъ мнѣ характеръ (so send me a character — т. е. назначитъ меня посланникомъ), это окажетъ величайшую пользу нашимъ торговцамъ; они страдаютъ оттого, что не имѣютъ представителя, который бы могъ заступиться за нихъ» (341). Наконецъ въ августѣ 1731 г. лордъ Гаррингтонъ писалъ, что Рондо получитъ желанное званіе (the King will soon give yuo a character), кредитивы, инструкціи и пр. (357). Въ это же время Рондо писалъ о желаніи графа Остермана видѣть его не въ званіи резидента, но въ званіи посланника (envoy), и что въ такомъ случаѣ со стороны Россіи тотчасъ же будетъ отправленъ въ Англію дипломатъ съ соотвѣтствующимъ званіемъ (355).

Впрочемъ, и до формальнаго превращенія въ настоящаго дипломата Рондо разыгрывалъ роль таковаго. Въ его письмѣ къ лорду Гаррингтону отъ 13-го (24-го) сентября 1731 года сказано: «Меня никогда не обходили въ приглашеніяхъ на офиціальныя празднества, хотя въ этихъ случаяхъ приглашеній рѣдко удостоивался кто-либо, кромѣ представителей иностранныхъ государствъ или знатныхъ особъ» (371).

Рондо осенью 1731 года сдѣлался резидентомъ (386). Инструкціи, составленныя для него 31-го августа, напечатаны цѣликомъ въ «Сборникѣ» (360—365). Въ нихъ постоянно говорится объ Аннѣ Іоанновнѣ какъ о «Czarinna». Значитъ, англійское правительство

намѣревалось отказывать Россіи въ признаніи императорскаго титула. Говорить о «царскомъ величествѣ» въ торжественной аудіенціи, о которой просилъ новый резидентъ, было невозможно. Объ этой аудіенціи, происходившей 11-го ноября 1731 года, Рондо писалъ, описывая внѣшній ходъ церемоніи, между прочимъ: «Въ виду того, что при здѣшнемъ дворѣ никто по-англійски не понимаетъ, нѣкоторые друзья посовѣтовали обратиться къ ея величеству на французскомъ языкѣ... я употребилъ титулъ «императорское величество», употребленный также въ письмѣ короля. Здѣсь никто изъ имѣющихъ честь говорить съ государыней никогда не употребляетъ термина «царское величество» и пр. (391). Рѣчь Рондо и отвѣтъ на нее Остермана напечатаны въ «Сборникѣ» (394—396).

Сдѣлавшись резидентомъ, Рондо все еще не былъ доволенъ своимъ положеніемъ. 5-го февраля 1732 года онъ писалъ: «Здѣшній дворъ желаетъ видѣть въ Россіи представителя Великобританіи, облеченнаго характеромъ высшимъ, чѣмъ тотъ, которымъ облеченъ я. Здѣсь очень любятъ видѣть дворъ окруженнымъ послами (ambassadors) или посланниками (envoys), и были бы очень рады пожалованію мнѣ званія посланника. Повѣрьте, что я упоминаю объ этомъ не изъ желанія получить высшій санъ; надѣюсь, что своимъ стараніемъ съумѣю послужить его величеству и въ качествѣ резидента, такъ какъ здѣсь у меня много друзей, которые уже помогли мнѣ установить добрыя отношенія между дворами великобританскимъ и русскимъ» и пр. (411). Въ письмѣ Рондо, отъ 26-го августа, сказано: «Прошу вашего ходатайства о возведеніи меня въ званіе посланника въ случаѣ, если рѣшено будетъ дворами великобританскимъ и русскимъ обмѣняться такимъ назначеніемъ. Льщу себя надеждою, что съумѣю выполнить соотвѣтствующія обязанности не хуже другого: пробывъ въ Россіи около четырехъ-пяти лѣтъ, я ознакомился съ нею и пріобрѣлъ не мало друзей среди вліятельныхъ здѣсь людей» (499—500).

Въ Англіи на все это смотрѣли иначе. Не только Рондо не сдѣлался посланникомъ, но даже весною 1733 года вмѣсто него назначенъ былъ посланникомъ нѣкто Форбесъ, который отправился въ Россію лѣтомъ этого же года. О его пребываніи въ Копенгагенѣ на пути въ Россію упомянуто въ письмѣ его, лорда Форбеса, отъ 2-го іюня 1733 г. (611 и слѣд.). Если будетъ издано вообще продолженіе этихъ бумагъ, заимствованныхъ изъ лондонскаго архива, мы узнаемъ подробнѣе о дѣятельности Форбеса въ Россіи. Въ составленной для него инструкціи занимаетъ видное мѣсто польскій вопросъ, особенно важный въ то время по поводу перемѣны, происшедшей на польскомъ престолѣ. Впрочемъ, пребываніе Форбеса въ Россіи было лишь краткимъ эпизодомъ и главныя обязанности слѣдить за событіями въ Россіи и при случаѣ вести переговоры съ графомъ Остерманомъ лежали, какъ и прежде, на Рондо.

Быть можетъ назначеніе послѣдняго посланникомъ не состоялось потому, что онъ не принадлежалъ къ аристократіи, а скорѣе считался представителемъ средняго класса. Онъ былъ въ сущности такимъ же негоціантомъ, какъ и Уардъ. Характеромъ англо-русскихъ сношеній обусловилось обращеніе особеннаго вниманія на коммерческіе обороты, и тутъ Рондо, какъ экспертъ, могъ быть полезнымъ посредникомъ между Россіею и Англіею. Вотъ что онъ пишетъ 1-го апрѣля 1732 года: «Мнѣ удалось склонить здѣшнихъ министровъ на обѣщаніе купить около 400,000 ярдовъ англійскаго солдатскаго сукна, что очень огорчило пруссаковъ, надѣявшихся, что выгоднѣйшая отрасль нашей торговли въ Россіи—поставка сукна впредь предоставлена будетъ имъ исключительно. Буду очень счастливъ, если мнѣ удастся совершенно разочаровать пруссаковъ въ этомъ отношеніи и со временемъ вполнѣ упрочить эту отрасль торговли за нами, на что крѣпко надѣюсь, имѣя счастье состоять къ русскимъ министрамъ въ отношеніяхъ на столько хорошихъ, что мнѣ удалось склонить ихъ къ заказу въ нынѣшнемъ году столь значительнаго количества сукна подданнымъ его величества» (441—442).

Рондо былъ сыномъ французскаго протестанта, онъ выселился въ Англію и вполнѣ свыкнулся со второю родиною. О немъ неоднократно упоминаетъ вдова Уарда до вступленія съ нимъ въ бракъ. Такъ, напримѣръ, кажется, ни къ кому иному, какъ къ Рондо относятся слѣдующія выраженія въ письмахъ г-жи Уардъ, писанныхъ въ 1731 году [1]). «Этотъ господинъ имѣетъ титулъ, ленту, великолѣпный экипажъ и большое состояніе»... «Онъ взялъ на себя трудъ убѣдить меня въ своей привязанности, чего я никогда не ожидала отъ его соотечественниковъ»... «Лицо это, на сколько я могла узнать его характеръ, живя въ одномъ съ нимъ домѣ, имѣетъ достоинства, умъ, природную доброту и много ровности (?). Онъ очень уважаемъ мужчинами, хотя обстоятельство это и не можетъ имѣть вліянія на мой выборъ. Не знаю, поступлю ли я такъ, какъ обыкновенно поступаютъ всѣ женщины, но признаюсь, что чувствую къ нему большое уваженіе и почтеніе». А скоро послѣ этого, превратившись изъ г-жи Уардъ въ г-жу Рондо, она писала: «Вы не должны удивляться тому, что я перемѣнила фамилію, такъ какъ вы, кажется, были увѣрены, чѣмъ должна была кончиться та нерѣшительность, въ которой я находилась» и пр. [2]). Можно думать, что бракъ былъ счастливый, какъ

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что хронологія писемъ леди Рондо въ изданіи С. Н. Шубинскаго представляетъ собою ошибки—первыя письма относятся не къ 1730 году, а къ 1729-му (стр. 1, 6, 11, 15), пятое не 1730—31, а къ 1730-му (стр. 20); одиннадцатое и двѣнадцатое, въ которыхъ идетъ рѣчь о Рондо, нужно отнести не къ 1732-му, а къ 1731-му (стр. 40 и 44) и т. под.

[2]) См. изданіе «Письма леди Рондо», стр. 40, 44—45, 47.

это видно изъ нѣкоторыхъ замѣчаній въ позднѣйшихъ письмахъ леди Рондо. Къ тому же она чрезъ мужа пріобрѣла нѣкоторое значеніе въ высшихъ сферахъ общества. Первый мужъ ея былъ лишь консуломъ и не могъ имѣть столь близкихъ отношеній ко двору, какъ Рондо, который занималъ мѣсто резидента, пользовался расположеніемъ графа Остермана и часто бывалъ при дворѣ. Разсказы въ письмахъ леди Рондо о ея участіи въ придворныхъ празднествахъ, о бесѣдахъ съ высокопоставленными лицами, о ея личномъ знакомствѣ съ императрицею Анною Іоанновною, даютъ намъ нѣкоторое понятіе о видномъ мѣстѣ, занимаемомъ ея мужемъ въ высшихъ сферахъ русскаго двора, о той роли, которую онъ игралъ въ качествѣ представителя Англіи.

III.

Уардъ и Рондо, какъ уже было сказано, пріѣхали въ Россію лѣтомъ 1728 года, и потому въ ихъ донесеніяхъ встрѣчаются лишь отрывистыя и случайныя, такъ сказать ретроспективныя, данныя о событіяхъ, совершившихся въ Россіи до того времени. Въ видѣ исключенія, однако, мы находимъ въ этой коллекціи бумагъ довольно важные матеріалы и для исторіи Россіи до 1728 года. Такъ, напримѣръ, къ письму Рондо отъ 29-го августа 1729 года приложена копія очень подробнаго донесенія датскаго дипломата Вестфаля къ датскому королю отъ 24-го апрѣля[1]) 1729 года. Здѣсь очень подробно разсказана (стр. 71 — 87) біографія извѣстнаго любимца Петра Великаго, Петра Андреевича Толстого, по случаю кончины послѣдняго въ ссылкѣ. Въ этой біографіи сообщаются нѣкоторыя любопытныя частности о перемѣнѣ на престолѣ въ 1825 году, о томъ, какъ австрійскій дипломатъ Рабутинъ, а также датскій дипломатъ Вестфаль, старались въ минуту кончины Петра Великаго дѣйствовать въ пользу Петра Алексѣевича и о стараніяхъ Толстого отстранить сына Алексѣя отъ престолонаслѣдія. Далѣе въ этомъ донесеніи Вестфаля встрѣчаются довольно важныя замѣтки о дѣятельности Толстого въ качествѣ русскаго дипломата въ Константинополѣ, объ отношеніяхъ Екатерины къ Монсу и пр.

Меншикова Уардъ и Рондо не застали въ Петербургѣ. За нѣсколько мѣсяцевъ до ихъ пріѣзда онъ былъ удаленъ отъ дѣлъ и отъ двора. Но для характеристики этого вельможи довольно любопытно слѣдующее замѣчаніе въ донесеніи Рондо отъ 30-го мая 1729 года: «Если довѣрять слухамъ, русскій дворъ не сдѣлалъ въ иностранныхъ сношеніяхъ ни шагу съ самаго дня паденія князя

---

[1]) Какъ кажется, тутъ есть въ изданіи нѣкоторая неточность. Число на этомъ письмѣ (стр. 71) показано «24 avril (5 mai v. s.)» (значитъ «vieux style»), а въ русскомъ переводѣ: «24 апрѣля (5 мая н. ст.)».

Меншикова. Пока князь стоялъ у кормила, все шло прежнимъ порядкомъ, но затѣмъ не предпринималось ничего существеннаго: ни съ кѣмъ изъ европейскихъ монарховъ не заключалось никакихъ договоровъ, ни передъ кѣмъ не принято ни малѣйшаго обязательства» (46).

Въ качествѣ консуловъ Уардъ и Рондо не бывали при дворѣ и едва ли имѣли возможность часто видѣть молодого императора Петра II и составить себѣ по собственнымъ наблюденіямъ точное понятіе о характерѣ и качествахъ этого государя. Въ этомъ отношеніи другіе дипломаты, напримѣръ, герцогъ Лирійскій, часто бывавшій при дворѣ и иногда приглашавшій Петра II и весь дворъ къ себѣ, находились въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи. Тѣмъ не менѣе и въ донесеніяхъ Уарда и Рондо попадаются болѣе или менѣе любопытныя замѣчанія о личности юнаго монарха. Еще проживая въ Петербургѣ, они узнавали кое-что о дворѣ, переселившемся въ Москву. Такъ, напримѣръ, сказано о Петрѣ II: «Остерману очень не легко, такъ какъ его величество крайне непостояненъ въ своихъ склонностяхъ: сегодня хочетъ одного, завтра совсѣмъ противнаго, что̀ крайне неудобно для его министровъ, лишенныхъ возможности держаться какой бы то ни было опредѣленной системы» (14). Этотъ неблагопріятный отзывъ о характерѣ Петра Алексѣевича вполнѣ подтверждается замѣчаніями въ донесеніяхъ другихъ дипломатовъ. Петру тогда было 13 лѣтъ. При несовершеннолѣтіи государя и при отсутствіи точнаго закона о регентствѣ до достиженія Петромъ совершеннолѣтія, нельзя удивляться тому, что положеніе правительства было не прочнымъ и что людямъ въ родѣ графа Остермана, приходилось бороться со множествомъ затрудненій. Вообще, все оказывалось шаткимъ, неопредѣленнымъ. Въ Петербургѣ ходили слухи объ опасномъ положеніи юнаго государя. Уардъ писалъ въ августѣ 1728 года: «Здѣсь втайнѣ идутъ слухи, будто его величество въ Москвѣ заболѣлъ. Болѣзнь эта, вѣроятно, является послѣдствіемъ безпорядочной жизни, которой молодой монархъ, повидимому, предается со всѣмъ пыломъ юности и безконтрольной власти» (7).

Англичане довольно подробно уже въ Петербургѣ узнавали о неудовлетворительномъ теченіи дѣлъ въ древней столицѣ. Такъ, напримѣръ, сказано въ донесеніи Рондо отъ 19-го сентября 1828 года: «Шафировъ подумываетъ о сверженіи барона Остермана, котораго царь пожалуй и цѣнитъ, но съ которымъ чувствуетъ себя не совсѣмъ свободнымъ (not perfectly easy), видя въ немъ что̀-то въ родѣ дядьки, а такія отношенія не всегда по сердцу юнымъ монархамъ». «Вы не можете представить себѣ,—сказано далѣе въ этой депешѣ,—какъ здѣсь жалуются на ходъ дѣлъ. Никакой опредѣленной системы управленія нѣтъ; никакихъ жалобъ не слушаютъ; очень многіе разоряются. Царь думаетъ исключительно о развле-

ченіяхъ, объ охотѣ, а сановники о томъ, какъ бы сгубить одинъ другого» (19). Пріѣхавъ въ Москву, англійскіе дипломаты могли вскорѣ убѣдиться въ томъ, что неблагопріятныя извѣстія о печальномъ состояніи дѣлъ въ центрѣ государства не были лишены основанія. Особенно мрачною чертою въ этой картинѣ государственнаго и придворнаго быта Россіи не только Уарду и Рондо, но и другимъ наблюдателямъ, представлялось то обстоятельство, что баронъ Остерманъ не имѣлъ достаточнаго вліянія на Петра. Англичанамъ казалось, что Россія коснѣетъ въ какомъ-то застоѣ. Вотъ что сказано въ донесеніи Уарда отъ 5-го іюля 1729 года: «Перемѣны, совершенныя въ Россіи за послѣднее тридцатилѣтіе, почти ничего не измѣнили въ природныхъ наклонностяхъ русскаго народа: онъ также равнодушно, даже съ отвращеніемъ, относится ко всякому дѣлу; здѣсь всякое дѣло едва начинается тогда, когда бы уже слѣдовало кончать его». И дальше: «Вблизи государя нѣтъ ни одного человѣка, способнаго внушить ему надлежащія, необходимыя свѣдѣнія по государственному управленію; ни малѣйшая доля его досуговъ не посвящается совершенствованію его въ познаніи гражданской или военной дисциплины. Часы свободные отъ верховой ѣзды, охоты, развлеченій, проходятъ въ слушаніи пустыхъ розказней о томъ, что̀ случилось съ такимъ-то или такимъ-то. Природа, правда, не обидѣла государя, но и лучшая почва остается безплодною, если къ ея обработкѣ не приложить хотя бы нѣкотораго труда. Единственный дѣловой человѣкъ—Остерманъ, и онъ заваленъ работой» и пр. (56).

Испанскій посолъ, герцогъ Лирійскій, не переставалъ настаивать на томъ, чтобы дворъ опять переселился въ Петербургъ и этимъ пріобрѣлъ бы вновь значеніе и вѣсъ въ обще-европейской политикѣ. Хотя Англія не въ такой мѣрѣ, какъ Испанія, желала въ то время усиленія Россіи и ея вліянія на европейскую политику, все-таки Уардъ и Рондо не могли не обращать вниманія на застой дѣлъ въ Россіи, на упадокъ многаго начатаго при Петрѣ Великомъ. Рондо писалъ въ августѣ 1828 года: «Его величество моря не любитъ, потому нельзя ожидать, чтобы онъ вернулся въ Петербургъ. Если такъ, то великіе замыслы его дѣда вскорѣ обратятся въ ничто. Уже работы въ Кронштадтѣ почти прекратились, онѣ по крайней мѣрѣ ведутся очень лѣниво» (4). Въ другомъ письмѣ Рондо замѣтилъ: «Недавно, когда баронъ Остерманъ попробовалъ было склонить государя къ возвращенію въ Петербургъ, его величество отвѣчалъ: «Что̀ мнѣ дѣлать въ мѣстности, гдѣ кромѣ болотъ да воды ничего не видать?» (8). Въ сентябрѣ Рондо писалъ: «Старые бояре всѣми мѣрами постараются помѣшать поѣздкѣ государя на зиму въ Петербургъ; они охотно бросятъ свои прекрасные петербургскіе дома, лишь бы остаться въ Москвѣ и жить тамъ по старинѣ» (21). Годъ спустя, Рондо писалъ изъ Москвы по случаю на-

водненія въ Петербургѣ: «Опасаюсь, какъ бы частыя наводненія не разрушили когда-нибудь этого города. Если когда-нибудь царь и вознамѣрится вновь переселиться туда, наводненія всегда будутъ служить старо-русской партіи предлогомъ отклонять его величество отъ выполненія этого намѣренія: они найдутъ неудобною для государя жизнь въ мѣстности, гдѣ онъ постоянно подвергается какой-либо опасности» (107).

Дворъ, какъ извѣстно, оставался въ Москвѣ до начала 1732 г. Сообщая въ сентябрѣ 1728 года о переводѣ монетнаго двора со всѣми приборами для чеканки монеты изъ Петербурга въ Москву, Рондо замѣчаетъ: «Это вселяетъ во всѣхъ убѣжденіе въ нежеланіи его величества возвратиться сюда» (13).

И въ другихъ событіяхъ англичане могли видѣть реакціонное движеніе противъ мѣръ, принятыхъ Петромъ Великимъ. Въ сентябрѣ 1728 года Рондо писалъ изъ Петербурга: «Сюда изъ Москвы присланъ надняхъ указъ возвратить прежнимъ собственникамъ или наслѣдникамъ ихъ имущества, отобранныя у нихъ за участіе въ заговорѣ царевича [1]) Этотъ указъ очень тяжело отзовется на нѣсколькихъ знатныхъ семьяхъ, получившихъ упомянутое имущество. Особенно пострадаютъ получившіе участки земли въ Петербургѣ; большинство изъ нихъ, въ угоду покойному царю, построило себѣ прекрасные дома и теперь вынуждено будетъ безотговорочно возвратить землю со всѣми возведенными на ней постройками» (14—15). Другимъ симптомомъ реакціи было явленіе, о которомъ Рондо писалъ изъ Москвы 30-го мая 1729 года: «Хорошіе иностранные офицеры чуть не ежедневно одинъ за другимъ просятъ отставки и возвращаются на родину. Отставка дается безпрепятственно; отсюда видно, что русская политика сильно измѣнилась со времени кончины покойнаго царя» (49—50).

Любопытны нѣкоторыя свѣдѣнія о сестрѣ Петра II, Натальѣ Алексѣевнѣ, напримѣръ, о значеніи двухъ лицъ, къ ней приближенныхъ, Анны Крамеръ и графа Лютоля, о которыхъ мало сказано въ другихъ источникахъ (3), о болѣзни и кончинѣ великой княжны, скончавшейся, впрочемъ, до пріѣзда обоихъ англичанъ въ Москву. О ней писалъ Рондо въ декабрѣ 1728 года: «Множество добрыхъ качествъ покойной царевны вызываютъ глубокія сожалѣнія о ней: одни называютъ ее матерью Россіи, другіе—покровительницею иноземцевъ» (29).

Другія подробности, относящіяся къ послѣднему времени царствованія Петра II, не особенно важны. Рондо разсказываетъ о постоянно повторявшихся поѣздкахъ молодого государя, страстно полюбившаго охоту, о проектахъ женить его на принцессѣ Бевернской или на принцессѣ Мекленбургской, а затѣмъ о помолвкѣ его

[1]) Алексѣя Петровича (въ 1718 г.).

съ княжною Екатериною Алексѣевною Долгорукою. При этомъ Рондо замѣчаетъ: «Увѣряютъ, что невѣста всегда съ особеннымъ уваженіемъ относилась къ иностранцамъ. Это великое событіе, вѣроятно, вызоветъ при дворѣ большія перемѣны, а можетъ быть, и паденіе барона Остермана, который всегда былъ противъ этого брака» (110). Всѣ эти данныя и вообще разсказы о членахъ семейства Долгорукихъ не представляютъ собою ничего новаго, такъ какъ мы изъ другихъ источниковъ, а именно изъ донесеній Лефорта, Мардефельда и герцога Лирійскаго, знаемъ достаточно подробно объ отношеніяхъ молодого государя къ семейству Долгорукихъ, въ особенности о дружбѣ его съ княземъ Иваномъ Долгорукимъ.

IV.

Благодаря прекрасному труду проф. Д. А. Корсакова о воцареніи Анны Іоанновны всѣ подробности перемѣны на престолѣ, происшедшей въ 1730 году, сдѣлались достояніемъ науки. При богатствѣ матеріала, которымъ могъ пользоваться авторъ этой образцовой монографіи, нельзя было ожидать открытія новыхъ данныхъ, которыя могли бы существеннымъ образомъ дополнить или хотя бы сколько-нибудь измѣнить взглядъ на этотъ чрезвычайно любопытный эпизодъ. Однако, все-таки нѣкоторыя замѣчанія въ депешахъ Рондо заслуживаютъ вниманія, и поэтому мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать краткія выдержки изъ этого новаго матеріала. «Это великое событіе»,—пишетъ Рондо 19-го января 1730 года по поводу избранія на царство Анны Іоанновны,—«конечно, разрушило всѣ надежды голштинской партіи, которая пыталась возвести на престолъ сына герцога Голштинскаго и цесаревны Анны Петровны или цесаревну Елисавету Петровну» (130). О кандидатурѣ сына Анны Петровны (Петра III) въ депешѣ Рондо отъ 2-го февраля сказано: «Здѣшній дворъ недоволенъ вѣнскимъ кабинетомъ за то, что какъ разъ передъ кончиной царя графъ Вратиславъ, баронъ Крамеръ [1]) и графъ Бонде [2]) предлагали русскимъ министрамъ послать за сыномъ герцога Голштинскаго, дабы онъ находился здѣсь на случай, если бы государь по несчастію умеръ безъ наслѣдниковъ. Баронъ Крамеръ заявилъ свое мнѣніе Остерману, который направилъ его къ канцлеру, графу Головкину. Крамеръ передалъ этотъ отвѣтъ Вратиславу и Бонде и между ними было рѣшено, что графъ Бонде, прекрасно объясняющійся по-русски, попытается узнать взгляды канцлера на занимающій ихъ вопросъ. Но не успѣлъ онъ, придя къ графу Головкину, упомянуть о пріѣздѣ юнаго герцога, какъ графъ пришелъ въ неописанный гнѣвъ

---

[1]) Брауншвейгскій резидентъ.

[2]) Голштинскій дипломатъ.

и прямо замѣтилъ, что герцогу помогали изъ состраданія, а не потому, что онъ женатъ на дочери Петра I. Принимая все это во вниманіе, я очень надѣюсь, что герцогу де-Лирія и Вестфалю удастся отвлечь царскій дворъ отъ императора» и пр. (132—133).

Что касается до вопроса объ ограниченіи монархической власти, то у Рондо встрѣчаются по этому поводу не имѣющія значенія замѣчанія. Ему казалась легко возможною коренная перемѣна въ государственномъ правѣ Россіи. Такъ, напримѣръ, онъ писалъ 2-го февраля 1730 года: «Если русскіе воспользуются настоящими обстоятельствами, имъ, пожалуй, дѣйствительно удастся освободиться отъ установившагося рабства» (133). Сообщая «пункты» или «кондиціи», которыя были подписаны Анною въ Митавѣ, Рондо замѣчаетъ: «Русскіе во всякомъ случаѣ зашли слишкомъ далеко, чтобы идти вспять, почему почти всѣ (the most people) ожидаютъ важныхъ перемѣнъ» (134). Разсказъ о государственномъ переворотѣ 25-го февраля, имѣвшемъ слѣдствіемъ возстановленіе самодержавія, въ письмѣ Рондо отъ 26-го февраля ничего не прибавляетъ къ тому, что уже до сихъ поръ было извѣстно объ этомъ достопамятномъ событіи. Гораздо подробнѣе говорится о немъ въ письмѣ неизвѣстнаго лица, приложенномъ къ донесенію Рондо (151—156). Любопытны нѣкоторыя подробности событій непосредственно слѣдовавшихъ за государственнымъ переворотомъ 25-го февраля, въ донесеніи Рондо отъ 12-го марта 1730 г. (164—168).

О личности и характерѣ императрицы Анны Іоанновны въ донесеніяхъ Рондо говорится немного. Въ самое первое время этого царствованія, Рондо, въ качествѣ консула, не часто имѣлъ доступъ ко двору и поэтому не имѣлъ возможности составить себѣ точное понятіе объ Аннѣ. Въ донесеніи отъ 20-го апрѣля 1730 года сказано: «Ея царское величество показала себя монархиней весьма энергичной и смѣлой: безъ этихъ качествъ ей врядъ ли бы удалось предотвратить значительное ограниченіе своей власти, такъ какъ для измѣненія настоящей формы правленія соединились между собою весьма вліятельные роды, на которые теперь смотрятъ очень косо» (182). Нѣкоторыя черты придворнаго быта не лишены интереса. Лѣтомъ 1730 года Рондо писалъ: «Государыня проживаетъ въ настоящее время въ Измайловѣ, гдѣ живетъ чрезвычайно роскошно. Еженедѣльно, по четвергамъ и субботамъ, послѣ полудня, представители иностранныхъ государствъ отправляются туда привѣтствовать ея величество и постоянно возвращаются вполнѣ довольные благосклоннымъ пріемомъ» (199). Въ концѣ октября Рондо доносилъ: «Ея императорское величество переѣхала изъ Измайлова въ свой новый московскій дворецъ—прелестный деревянный домъ въ 70—80 комнатъ. Государыня выстроила этотъ дворецъ потому, что не желаетъ жить въ каменномъ домѣ, такъ какъ русскіе считаютъ каменныя постройки нездоровыми въ здѣшнемъ климатѣ» (246).

Извѣстно, что, благодаря вліянію Бирона, императрица очень полюбила верховую ѣзду и по цѣлымъ часамъ находилась въ манежѣ. Въ донесеніи Рондо отъ 14-го іюня сказано: «Такъ какъ императрица и ея министры чрезвычайно цѣнятъ англійскихъ лошадей, позволю себѣ замѣтить, что, еслибы его королевскому величеству было угодно прислать сюда нѣсколько лошадей въ подарокъ,—онѣ были бы приняты русскимъ дворомъ съ особеннымъ удовольствіемъ» (330).

Всѣ современники говорятъ о необычайной роскоши и пышности при дворѣ императрицы Анны Іоанновны. Особенно расточительность на гардеробъ была предметомъ удивленія и отчасти неудовольствія репортеровъ-дипломатовъ. Относящіеся къ этому отзывы встрѣчаются и въ донесеніяхъ Рондо. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ въ началѣ 1731 года [1]): «Вы не можете вообразить себѣ, до какого великолѣпія русскій дворъ дошелъ въ настоящее царствованіе, не смотря на то, что въ казнѣ нѣтъ ни гроша, а потому никому ничего не платятъ, что тоже много содѣйствуетъ общимъ жалобамъ. Не взирая, однако, на недостатокъ въ деньгахъ, огромныя суммы тратятся придворными на великолѣпные костюмы для маскарада, предположеннаго здѣсь въ непродолжительномъ времени; кромѣ того, изъ Варшавы со дня на день ожидается прекрасная труппа актеровъ, присылаемая королемъ польскимъ для развлеченія ея величества, всѣ мысли которой отданы удовольствіямъ и заботѣ о томъ, какими бы богатствами и почестями осыпать графа Бирона и какъ обогатить его брата» (272—273). По случаю коронаціи Анны Уардъ писалъ въ маѣ 1730 года: «Празднества продолжались восемь дней. Во все это время дворъ являлся въ чрезвычайномъ блескѣ; въ заключеніе же празднества сожженъ былъ фейерверкъ, котораго, пожалуй, не увидишь гдѣ бы то ни было на бѣломъ свѣтѣ,—такова высшая степень цивилизованной роскоши (polise luxury), достигнутая Россіею въ непродолжительное время» (190). О фейерверкѣ, по случаю другого придворнаго празднества, Рондо писалъ въ началѣ 1731 года изъ Петербурга, что это удовольствіе стоило сто тысячъ кронъ (crowns) (414). Въ декабрѣ 1731 года, онъ же описываетъ очень подробно великолѣпные костюмы всѣхъ участвовавшихъ въ празднествѣ дня св. Андрея Первозваннаго (402). «Не могу выразить»,—писалъ онъ немного позже,—«до чего доходитъ роскошь двора въ одеждѣ; я бывалъ при многихъ дворахъ, но никогда не видалъ такихъ вороховъ золотого и серебрянаго галуна, нашитаго на платья, такого обилія

[1]) Въ англійскомъ подлинникѣ, очевидно по ошибкѣ показано число «4-го января 1730 г.». А въ русскомъ переводѣ безсмыслица «4-го января 1830—31 г.». Неужели было такъ трудно видѣть, что это донесеніе не могло относиться къ 1730 году.

золотыхъ и серебряныхъ тканей. 3-го февраля тезоименитство императрицы; слѣдовательно, предстоитъ новое празднество и потому никто не хочетъ думать о дѣлахъ, всѣ заняты приготовленіемъ изящныхъ костюмовъ. Не могу, однако, представить себѣ, чтобы такая роскошь могла продолжаться долго; она разоритъ большинство знатныхъ русскихъ фамилій, изъ которыхъ нѣкоторымъ приходится продавать помѣстья, чтобы покупать платья» (410). Въ концѣ 1732 года Рондо писалъ о приготовленіяхъ къ какому-то придворному празднеству: «Всѣ озабочены, какъ бы добыть возможно блистательные наряды. Вы не можете представить себѣ, до какого безумія русскіе вельможи доходятъ въ своихъ нарядахъ, а это вынуждаетъ и представителей иностранныхъ дворовъ подражать имъ, что составляетъ большіе расходы. Не явись мы въ такомъ же блескѣ, какъ и прочіе придворные, насъ бы осмѣяли» (540). 27-го января 1733 года Рондо писалъ: «Завтра день рожденія ея величества, все будетъ сіять великолѣпіемъ, такъ какъ платье въ 150—200 фунтовъ здѣсь считается самымъ обыкновеннымъ явленіемъ» (548).

Хотя уже вскорѣ послѣ воцаренія Анны Іоанновны начали поговаривать о переселеніи двора въ Петербургъ, но переселеніе это состоялось не раньше какъ въ самомъ началѣ 1732 года. Въ сентябрѣ 1730 года Рондо доносилъ: «Императрица прямо заявила о своемъ намѣреніи ѣхать въ Петербургъ нынѣшнею зимою и пригласила всѣхъ представителей иностранныхъ государствъ послѣдовать за нею. Тамъ она останется до лѣта, осмотритъ флотъ, а затѣмъ посѣтитъ Нарву, Ревель, Ригу и Митаву. Не извѣстно, впрочемъ, возвратится ли она сюда послѣ этой поѣздки. Это будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ того, кто возьметъ верхъ при дворѣ: старо-русская партія или нѣмцы» (235). Въ январѣ 1731 года [1]) Рондо писалъ: «Заявленіе ея величества о томъ, что она въ теченіе этой зимы въ Петербургъ не поѣдетъ, наполнило сердца всѣхъ ея подданныхъ живѣйшею радостью. Они ничего такъ не боялись, какъ возвращенія въ городъ, основаніе котораго разорило дворянъ при Петрѣ I, такъ какъ въ Петербургѣ имъ все, что бы ни понадобилось, приходилось покупать на наличныя деньги: продукты изъ брошенныхъ въ этой мѣстности деревень продавались дешево или, за отсутствіемъ двора изъ Москвы, даже вовсе не находили себѣ покупателей. Эта перемѣна подаетъ надежду, что друзьямъ нашимъ, наконецъ, удастся одолѣть нашихъ враговъ» (275).

Эти замѣчанія весьма рельефно рисуютъ положеніе дѣлъ въ Россіи и Европѣ. Были государства, которыя желали процвѣтанія,

---

[1]) И тутъ, какъ на всѣхъ донесеніяхъ отъ стр. 270 до стр. 292 показаны числа: такого-то января или февраля «1730—1731 г.» (!!).

развитія могущества Россіи, въ томъ числѣ Испанія; поэтому дюкъ де-Лирія желалъ переселенія русскаго двора изъ Москвы въ Петербургъ; Англія, напротивъ, желала держать Россію въ черномъ тѣлѣ и поэтому ея дипломатъ радовался застою, тѣсно связанному съ пребываніемъ русскаго двора въ Москвѣ. Не даромъ еще осенью 1727 года Лирія писалъ въ Испанію изъ Вѣны: «Нужно опасаться, чтобы деньги Англіи не заставили царя навсегда поселиться въ Москвѣ. Тогда бы я не далъ и четырехъ плевковъ за союзъ съ Россіею и пускай она возится съ персами и татарами: вѣдь государствамъ Европы тогда она не можетъ сдѣлать ни добра, ни зла. Флотъ и торговля погибнутъ, старые московиты, считая за правило держаться какъ можно дальше отъ иностранцевъ, поселятся въ Москвѣ; вслѣдствіе всего этого московская монархія возвратится къ прежнему своему варварству». И этотъ образъ мыслей испанскаго дипломата высказывается во многихъ другихъ донесеніяхъ, писанныхъ имъ во время пребыванія въ Россіи [1]).

Какія причины, наконецъ, заставили правительство при Аннѣ Іоанновнѣ перевести дворъ въ новую столицу, мы не знаемъ въ подробности. Изъ депешъ герцога Лирійскаго извѣстно, что Остерманъ всегда стоялъ за пребываніе двора не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ; что же касается Миниха, котораго вліяніе росло уже въ самомъ началѣ царствованія Анны Іоанновны, то онъ приписывалъ себѣ, какъ видно изъ его записокъ, главную долю въ рѣшеніи императрицы покинуть Москву [2]).

Впрочемъ, многое, вѣроятно, могло зависѣть и отъ усмотрѣнія Бирона. Мы находимъ въ недавно изданныхъ донесеніяхъ саксонско-польскаго резидента, Лефорта, замѣчаніе, достойное особеннаго вниманія, относящееся къ плану учредить новую столицу. Лефортъ писалъ въ декабрѣ 1731 года: «На будущій годъ на границахъ Ливоніи и Курляндіи, между Ригою и Митавою, построятъ загородный дворецъ и назовутъ его Аннабургомъ. Со временемъ здѣсь образуется мѣстечко, затѣмъ городъ и, наконецъ, резиденція. На будущее лѣто тутъ предполагается свадьба наслѣднаго принца прусскаго, который сохранитъ свое положеніе, а его потомки получатъ право на русскій престолъ. Аннабургъ будетъ цвѣтущимъ городомъ и резиденціею, достаточно близкою, чтобы во всякое время подать помощь избранному въ мечтахъ герцогу курляндскому Бирону, въ пользу котораго царица откажется отъ всѣхъ своихъ притязаній на Курляндію и прусскій дворъ тотчасъ же уступитъ ему права свои на это герцогство» [3]).

---

[1]) См. «Отголоски», 1881 г., № 9, стр. 401—408.

[2]) «Je la persuadai d'établir sa residence à Petersbourg». См. его «Ebauche pour donner une idée de la forme du gouwernement en Russie». Copenhague, 1774, стр. 80.

[3]) «Сборн. Ист. Общ.», т. V, стр. 442.

Нигдѣ, кромѣ этого донесенія Лефорта, мы не нашли свѣдѣнія о проектѣ создать новую столицу, мѣстоположеніе которой соотвѣтствовало бы главнымъ образомъ интересамъ Бирона. Быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ существовалъ такой проектъ. Едва ли Лефортъ могъ все это выдумать. Личные и придворные интересы стояли тогда на первомъ планѣ.

V.

Настоящихъ политическихъ партій въ то время въ Россіи не было и не могло быть. Личный разсчетъ, частный интересъ, замѣняли какую-либо общую программу. Когда при Петрѣ II обсуждался вопросъ о возвращеніи двора въ Петербургъ, Рондо писалъ въ ноябрѣ 1728 года: «Голицынымъ нѣтъ повода удерживать царя непремѣнно въ Москвѣ, какъ удерживаютъ его тамъ Долгорукіе, большія помѣстья которыхъ расположены въ окрестностяхъ древней столицы» (26).

Ненависть противъ иностранцевъ была тѣсно связана съ нарушеніемъ интересовъ русскихъ людей чрезъ привилегированное положеніе Бирона, Лёвенвольде и пр. при дворѣ. Все это было скорѣе вопросомъ частной конкуренціи, нежели предметомъ національнаго антагонизма, или религіозной нетерпимости, какъ видно, между прочимъ, изъ враждебнаго отношенія другъ къ другу нѣмцевъ между собою и русскихъ между собою. Таково по крайней мѣрѣ впечатлѣніе, которое мы выносимъ при чтеніи донешъ Рондо. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ 11-го мая 1730 года: «Дворянство повидимому очень недовольно, что ея величество окружаетъ себя иноземцами. Биронъ, курляндецъ, прибывшій съ нею изъ Митавы, назначенъ оберъ-камергеромъ; многіе другіе курляндцы также пользуются большою милостью, чтò очень не по сердцу русскимъ, которые надѣялись, что имъ отдано будетъ предпочтеніе. Полагаютъ, не думаетъ ли графъ Остерманъ воспользоваться всѣми этими новыми фаворитами, чтобы захватить веденіе дѣлъ вполнѣ въ свои руки, а затѣмъ, укрѣпившись, пожертвовать ими или отправить ихъ обратно въ Курляндію» и пр. (191). Немного позже, Рондо писалъ: «Полагаю, что Бирону долго не удержаться; мнѣ думается, не для того ли Остерманъ допустилъ осыпать этого господина столькими почестями и богатствами, чтобы русскіе возненавидѣли его и вице-канцлеръ получилъ возможность со временемъ уничтожить его, какъ уничтожилъ всѣхъ прочихъ фаворитовъ» и пр. (201). Въ январѣ 1731 года въ донесеніи Рондо сказано: «Старорусская партія съ большимъ смущеніемъ глядитъ на ходъ дѣлъ въ государствѣ и на то, что она не пользуется довѣріемъ государыни, которая вполнѣ и рѣшительно находится подъ вліяніемъ

фаворита, графа Бирона, двухъ графовъ Лёвенвольде, П. И. Ягужинскаго и барона Остермана. Всѣ эти лица — иностранцы; они постоянно окружаютъ государыню; ни одна ея милость не дается помимо ихъ, и это бѣситъ русскихъ» и пр. (271—272). Въ апрѣлѣ 1731 года, Рондо доносилъ: «Государыня пожаловала Бирону свой портретъ, украшенный прекрасными алмазами; графъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ благосклонность ея величества» (308). О довольно характеристичномъ эпизодѣ Рондо писалъ лѣтомъ 1731 года: «6-го іюля государыня должна была обѣдать у графа М. Г. Головкина, но оберъ-камергеръ имѣлъ несчастіе, сопровождая ее, упасть съ лошади и вывихнуть себѣ ногу, и она вернулась съ нимъ во дворецъ. Этотъ случай вызываетъ размышленія у каждаго: очень странно, что ея величество не поѣхала къ графу Головкину и не обѣдала у него только потому, что графъ Биронъ не могъ быть съ нею» (340).

Въ это время при русскомъ дворѣ находился графъ Потоцкій, пользовавшійся нѣкоторымъ довѣріемъ императрицы. Въ «Исторіи Россіи» Соловьева приведено замѣчаніе, сдѣланное Потоцкимъ въ бесѣдѣ съ французскимъ дипломатомъ Маньяномъ: «Боюсь, чтобы русскіе теперь не сдѣлали того же съ нѣмцами, что сдѣлали съ поляками во время Лжедимитрія». А въ депешѣ Рондо отъ 2-го августа 1730 года сказано: «Потоцкій дѣлаетъ все возможное, чтобы раздражить русскую знать противъ теперешнихъ фаворитовъ. Онъ заявляетъ даже опасенія, какъ бы съ ея величествомъ не приключилось какого несчастія, такъ какъ всѣ русскіе въ отчаяніи, видя какимъ значеніемъ пользуется поднявшійся изъ ничтожества графъ Лёвенвольде» (247). Особенно важнымъ намъ кажется слѣдующее объясненіе переселенія двора въ Петербургъ въ письмѣ отъ 9-го августа 1731 года: «Многіе думаютъ, что дворъ пробудетъ въ Петербургѣ долѣе, чѣмъ предположено, потому что русское дворянство въ высшей степени раздражено противъ нынѣшнихъ фаворитовъ, которые въ случаѣ какого-либо приключенія съ императрицею считаютъ себя, вѣроятно, болѣе безопасными въ Петербургѣ, чѣмъ въ Москвѣ; оттуда имъ не трудно пробраться въ Швецію или вообще выбраться изъ Россіи, о чемъ нельзя и думать, пока они проживаютъ въ Москвѣ» (350).

Съ другой стороны нельзя было отрицать, что императрица нуждалась въ иностранцахъ и что, напримѣръ, обойтись безъ Остермана было почти невозможно. Въ этомъ смыслѣ высказался и С. М. Соловьевъ въ «Исторіи Россіи», основываясь на находившемся въ его распоряженіи матеріалѣ. Такъ разсуждали и иностранные дипломаты того времени, близко знакомые съ Остермано́мъ и зорко слѣдившіе за теченіемъ дѣлъ. Рондо писалъ при Петрѣ II: «Всѣми дѣлами занимается исключительно баронъ Остерманъ, и онъ съумѣлъ сдѣлаться на столько необходимымъ, что

безъ него русскій дворъ не можетъ ступить ни шагу. Когда ему не угодно явиться въ засѣданіе совѣта, онъ сказывается больнымъ; а разъ барона Остермана нѣтъ—оба Долгорукіе, адмиралъ Апраксинъ, графъ Головкинъ и князь Голицынъ въ затрудненіи: они посидятъ немного, выпьютъ по стаканчику и принуждены разойтись; затѣмъ ухаживаютъ за барономъ, чтобы разогнать дурное расположеніе его духа, и онъ такимъ образомъ заставляетъ ихъ соглашаться съ нимъ во всемъ, какъ пожелаетъ» (18). «Баронъ Остерманъ единственный изъ всѣхъ министровъ знаетъ толкъ въ иностранныхъ сношеніяхъ» (47). Понятно, что Рондо, какъ впрочемъ и другіе дипломаты, особенно часто и подробно въ своихъ донесеніяхъ говоритъ объ Остерманѣ, описывая подробно его болѣзни, останавливаясь на частностяхъ, направленныхъ противъ него, интригъ и пр.

Иностраннымъ дипломатамъ было гораздо легче слѣдить за событіями при дворѣ, за лицами находившимися въ самомъ центрѣ государства, чѣмъ составить себѣ понятіе о настроеніи умовъ въ народѣ. Газетъ не было; общественное мнѣніе было очень слабо развито. Вотъ почему люди въ родѣ Рондо развѣ только по недостовѣрнымъ, большею частію, слухамъ, по нѣкоторымъ мѣропріятіямъ правительства и въ особенности по доходившимъ до нихъ извѣстіямъ о кое-какихъ политическихъ процессахъ, могли выводить заключенія о настроеніи умовъ въ государствѣ вообще.

Въ самомъ концѣ 1730 года, Рондо сообщилъ своему двору довольно важное извѣстіе: «17-го декабря всѣхъ удивилъ сборъ гвардіи передъ дворцомъ въ пять часовъ утра. Около десяти часовъ генералитетъ и знатныя особы собрались въ большую церковь и вновь присягнули на вѣрность ея величеству и лицу, которое ей угодно будетъ назначить своимъ наслѣдникомъ или своею наслѣдницею. Вся гвардія повторила ту же присягу, а затѣмъ изданъ манифестъ» (407). Очень скоро послѣ того, дворъ, а нѣсколько раньше и Рондо, переселились въ Петербургъ. 14-го января 1731 года Рондо писалъ: «За нѣсколько дней до моего отъѣзда изъ Москвы, ея величество приказала всѣмъ своимъ подданнымъ, герцогинѣ Мекленбургской съ дочерью, и принцессѣ Елисаветѣ, принести новую присягу, текстъ которой я при семъ прилагаю. Эта новая присяга навела многихъ на размышленія; фельдмаршалъ же Долгорукій позволилъ себѣ по этому поводу какія-то шутки и непочтительныя слова объ особѣ ея величества и о настоящемъ правительствѣ вообще, за что 19-го декабря подвергся аресту и приговоренъ къ смерти, однако, государыня даровала ему жизнь и приказала отправить его въ Шлиссельбургъ, гдѣ онъ находится въ строгомъ заточеніи» (407).

Впрочемъ, терроръ господствовалъ и раньше. Въ одномъ изъ донесеній Рондо сказано: «Здѣсь каждый, произнося малѣйшее

слово о правительствѣ, боится собственной тѣни» (28). Уже вскорѣ послѣ воцаренія Анны ходили слухи о томъ, что такъ называемые верховники, составители «пунктовъ» или «кондицій» находятся въ опасности. Называя ихъ «those republican gentlemen» [1]), Рондо замѣчаетъ: «Можетъ быть, наказывать ихъ считаютъ пока преждевременнымъ, а простить ихъ никогда не могутъ» (185). Нѣсколько раньше Рондо писалъ: «При здѣшнемъ дворѣ произошли большія перемѣны: почти всѣ Долгорукіе подверглись высылкѣ, подъ видомъ назначенія на различныя должности въ отдаленныя провинціи, или на житье въ свои деревни, хотя ходятъ не лишенные основанія слухи «будто вслѣдъ за ними отправлены другія приказанія, долженствующія застигнуть опальныхъ на пути и будто эти новыя распоряженія значительно отличаются отъ первыхъ. Всѣ поражены этой внезапной перемѣной въ судьбѣ именитаго рода, еще недавно всемогущаго. Поговариваютъ, что это только начало, что той же участи скоро подвергнутся и всѣ прочія лица, выражавшія желанія измѣнить существующую форму правленія, между которыми много нашихъ друзей, хорошо знакомыхъ съ дѣйствительными интересами родины и заботившихся разрушить происки вѣнскаго двора. Въ виду всего этого, приходится озаботиться пріобрѣтеніемъ новыхъ друзей» и пр. (180). И не много позже: «Мы со дня на день ожидаемъ, что всѣ лица, стремившіяся измѣнить существующую форму правленія, будутъ высланы въ Сибирь или другія отдаленныя провинціи» (182). Въ юнѣ 1730 года, Рондо доносилъ: «Долгорукіе отправлены въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири: князь Алексѣй Григорьевичъ съ дочерью, нареченною невѣстой покойнаго государя и со всѣми прочими дѣтьми—въ Березовъ, гдѣ умеръ Меншиковъ; князь Василій Лукичъ — въ Соловецкій монастырь, на Бѣлое море, гдѣ кончилъ дни свои знаменитый графъ Толстой. Многіе другіе члены той же семьи также высланы въ отдаленнѣйшія мѣстности. Разсказываютъ будто эта дальняя ссылка вызвана поведеніемъ князя Алексѣя Григорьевича: въ первоначальномъ мѣстѣ ссылки онъ приглашалъ къ себѣ всѣхъ окрестныхъ дворянъ, которые и съѣзжались къ нему, причемъ дочери его оказывали почести, какъ дѣйствительной императрицѣ, что̀ очень не понравилось ея величеству: она, быть можетъ, опасалась, какъ бы Долгорукіе когда-нибудь не подняли мятежа» (204).

Не лишены интереса и другіе разсказы о политическихъ преступленіяхъ и о случаяхъ террора при Аннѣ Іоанновнѣ. Объ опалѣ Румянцева въ донесеніи Рондо отъ 7-го іюня 1731 года разсказано слѣдующее: «Внезапное паденіе Румянцева нѣкоторое время было здѣсь выдающимся предметомъ разговоровъ, какъ въ обществѣ, такъ

---

[1]) Русскій переводъ «вольнодумцы» намъ кажется слишкомъ свободнымъ (стр. 185).

и въ частныхъ домахъ... Румянцевъ... мѣсяцевъ пять-шесть тому назадъ прибылъ изъ Персіи, куда въ прошлое царствованіе отправленъ былъ какъ бы въ ссылку, хотя и принималъ участіе въ дѣйствіяхъ арміи, въ той мѣстности расположенной. Не успѣлъ онъ прибыть сюда, какъ на него отъ нынѣшней государыни посыпались богатства и почести, почему на него стали глядѣть, какъ на одно изъ наиболѣе любимыхъ ею лицъ. Внезапное счастіе ослѣпило его: онъ возмечталъ, что ему все дозволено. Когда однажды императрица, призвавъ его въ свой кабинетъ, заявила, что, вполнѣ довѣряя ему, намѣрена назначить его президентомъ комерцъ-коллегіи, т. е. на одно изъ почетнѣйшихъ и выгоднѣйшихъ мѣстъ въ имперіи, онъ позволилъ себѣ рѣшительно отказаться отъ этой должности, прибавивъ, что финансовыхъ дѣлъ не понимаетъ, что даже подъ страхомъ лишиться живота и имущества, не станетъ служить ея величеству нигдѣ, кромѣ арміи, тѣмъ болѣе, что русскіе финансы находятся въ безпорядкѣ, при которомъ ему, человѣку незнакомому съ финансовымъ управленіемъ, ихъ не уладить. Увлекшись, онъ высказалъ еще многое, что́ не понравилось государынѣ. Она приказала ему удалиться, и немедленно собрала тайный совѣтъ, которому и передала на обсужденіе все происшедшее между нею и генераломъ». «Всѣ мы,—отвѣчалъ канцлеръ Головкинъ, рабы твои и тебѣ подобаетъ держать насъ, какъ таковыхъ, въ строгости, и показать примѣръ этой строгости на Румянцевѣ, который осмѣлился такъ говорить съ тобою. Если не сдѣлаешь этого, русскіе — таковъ уже ихъ характеръ — сядутъ тебѣ на голову». Услыхавъ такое мнѣніе совѣта, императрица приказала сенату судить генерала по всей строгости законовъ. Сенатъ, собравшись немедленно, менѣе чѣмъ черезъ четыре часа вынесъ Румянцеву единогласный смертный приговоръ, имущество же его постановилъ конфисковать. Государыня, однако, была на столько милостива, что даровала ему жизнь; говорятъ даже, что родовыхъ вотчинъ у него не отымутъ. 24-го мая его съ женою и дѣтьми отправили въ ссылку подъ строгою стражей.. Это дѣло всѣхъ здѣсь очень удивило, хотя, кажется, примѣровъ подобныхъ превратностей судьбы въ Россіи такъ много, что видя, какъ сильнаго человѣка лишаютъ всего имущества и отправляютъ въ Сибирь, удивляться не приходится» (326—328).

О катастрофѣ Румянцева саксонско-польскій резидентъ Лефортъ разсказываетъ иначе, въ депешѣ отъ 31-го мая 1731 г.: «Говорятъ, что онъ подвергся немилости по двумъ причинамъ: во-первыхъ по дѣламъ съ оттоманскою Портою, чему я не вѣрю, ибо онъ давно подвергся бы наказанію, если бы согрѣшилъ въ чемъ-либо при переговорахъ, а во-вторыхъ за то, что болталъ много лишняго (à trop jasèe), даже про царицу. Это возможно, но мнѣ кажется, что главная причина его несчастій произошла отъ его ссоры съ Би-

рономъ». Впрочемъ, нѣсколько позже, въ депешѣ отъ 4-го іюня 1731 года, Лефортъ разсказываетъ объ опалѣ Румянцева уже сходно съ донесеніемъ Рондо [1]).

И въ другихъ донесеніяхъ англійскаго резидента попадаются болѣе или менѣе любопытныя данныя о симптомахъ неудовольствія при Аннѣ. О слѣдующемъ эпизодѣ, случившемся осенью 1732 года, мы знаемъ также кое-что изъ другихъ источниковъ. Рондо доносилъ 7-го октября 1732 года: «Здѣсь (въ Петербургѣ) недавно схватили и посадили въ заточеніе нѣсколько лицъ изъ русскаго духовенства, въ томъ числѣ двухъ архіепископовъ», а 14-го октября: «говорятъ, что духовныя лица заключены за распространеніе возмутительныхъ листковъ, чрезвычайно непочтительно отзывающихся о ея величествѣ и министрахъ. Одинъ изъ такихъ листковъ найденъ былъ на большомъ дворцовомъ подъѣздѣ, вслѣдствіе чего изданъ указъ, предписывающій каждому, кто бы нашелъ подобные листы на улицѣ, или гдѣ бы то ни было, сжигать ихъ немедленно, не читая» (522—524).

VI.

Весьма значительная часть депешъ Рондо касается внѣшней политики. Въ этомъ отношеніи упомянутый томъ «Сборника Историческаго Общества» можетъ считаться первоклассным источникамъ и не уступаетъ изданіямъ донесеній дюка де-Лирія, Мардефельда, Лефорта и проч. Всѣ эти дипломаты слѣдили съ особеннымъ вниманіемъ за всѣми подробностями вопроса о значеніи Россіи въ обще-европейской политикѣ. Россія очень незадолго до пріѣзда Рондо въ эту страну превратилась въ первоклассную державу. Спрашивалось: успѣетъ ли она удержаться на высотѣ могущества и вліянія послѣ Петра Великаго, создавшаго новый флотъ и новое войско, одерживавшаго побѣды надъ шведами и игравшаго важную роль въ системѣ государствъ Европы? Этотъ вопросъ считался важнымъ и доброжелателями и врагами Россіи. Англія, на этотъ счетъ расходившаяся со взглядами Испаніи и желавшая, чтобы Россія лишилась того значенія, которымъ она пользовалась при царѣ-преобразователѣ, опасалась конкуренціи ея на моряхъ и особенно тщательно слѣдила за судьбою созданнаго Петромъ флота. Англія желала находиться съ Россіею въ торговыхъ сношеніяхъ, сбывать туда свои товары, превратить нѣкоторыя отрасли торговли съ Россіею въ англійскую монополію. Все это находилось въ самой тѣсной связи со степенью культуры, занимаемой Россіей, со средствами бывшими въ распоряженіи русскаго народа.

---

[1]) «Сборникъ Ист. Общ.», V, 428—430.

На этотъ счетъ довольно любопытны нѣкоторыя замѣчанія общаго свойства въ донесеніяхъ Рондо. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Москву, онъ называетъ въ одной изъ своихъ депешъ Россію «дикою страною» (51). О взглядѣ Англіи на Россію мы узнаемъ изъ инструкціи составленной лордомъ Гаррингтономъ для Рондо, въ сентябрѣ 1731 года, т. е. въ то время, когда Рондо изъ консула долженъ былъ превратиться въ резидента. Здѣсь по поводу вопроса объ императорскомъ титулѣ сказано о перемѣнѣ, происшедшей въ эпоху Петра Великаго слѣдующее: «Титулъ императорскій употреблялся еще и тогда, когда на Московію смотрѣли, какъ на сторону варварскую, чуждую формъ и церемоніаловъ, принятыхъ Европою, когда къ ней обращались въ напыщенномъ стилѣ, съ разрисованными грамотами, какъ обращаются къ Марокко и къ государствамъ востока. Со времени Петра I, Россія предъявляетъ притязанія на измѣненія въ прежде установленномъ стилѣ, и мы съ своей стороны должны относиться къ этимъ измѣненіямъ съ особенною осмотрительностью» (367). Англійскому министру слѣдовало бы въ этомъ мѣстѣ прибавить, что «притязанія» Россіи поддерживались перемѣною нравовъ въ центрѣ и полтавскою битвою. Спрашивалось только: съумѣютъ ли преемники Петра, подобно ему, содержать въ должномъ порядкѣ главнѣйшія средства для поддержанія политическаго авторитета Россіи? Въ какомъ состояніи будутъ послѣ него находиться войско и флотъ?..

Въ донесеніяхъ англичанъ встрѣчаются многія данныя, относящіяся къ этому предмету.

Въ сентябрѣ 1728 года, Рондо писалъ изъ Петербурга: «Графъ Вратиславъ убѣдилъ было министровъ устроить подъ Москвою лагерь на 10,000 человѣкъ, дабы его величество обучался военному дѣлу. Совѣтъ графа имъ понравился, но заботы о содержаніи такого лагеря заставили ихъ перемѣнить рѣшеніе. Другіе прибавляютъ, будто устройство лагеря не состоялось въ виду жалкаго состоянія солдатскихъ мундировъ, которые показать совѣстно» (19). Неоднократно Рондо указываетъ на то обстоятельство, что иностранныхъ офицеровъ удаляютъ изъ русскаго войска и что эта мѣра дорого можетъ обойтись, какъ не согласная съ правилами, которыхъ придерживался Петръ Великій.

Гораздо болѣе, по мнѣнію Рондо, бросался въ глаза упадокъ флота. Съ самой первой минуты пріѣзда въ Россію, Уардъ и Рондо наблюдали за состояніемъ флота и наводили справки по этому предмету. Сообщая разныя частности, сюда относящіяся, Рондо писалъ въ августѣ 1728 года: «Значительная часть судовъ къ службѣ не пригодна; притомъ людей не хватитъ и на половину наличныхъ судовъ. Имѣю основаніе полагать, что, при встрѣчѣ на морѣ, десяти англійскихъ линейныхъ кораблей будетъ достаточно для уничтоженія всего русскаго флота, почему русскіе, надо полагать,

постараются избѣгать подобной встрѣчи» (9—11). Около этого времени, въ Килѣ скончалась герцогиня голштинская Анна Петровна. За ея тѣломъ отправлены были три корабля. Рондо писалъ въ октябрѣ 1728 года: «Многіе негодуютъ на адмирала и капитановъ, увѣряя, что они сбились съ пути. Не смотря на благопріятную погоду, одинъ изъ трехъ кораблей получилъ течь и заходилъ въ Ревель, при чемъ въ немъ оказалось около семи футовъ воды: два другіе корабля пришли въ Данцигъ, пробывъ въ морѣ около мѣсяца» (22). Далѣе Рондо разсказываетъ о вяломъ ходѣ работъ на верфяхъ, такъ что комплектъ русскаго флота не могъ не убавляться (23). Упоминая о плаваніи нѣкоторой части флота для обученія моряковъ, Рондо замѣчаетъ (лѣтомъ 1729 г.): «Корабли не выйдутъ за горизонтъ Кроншлота, слѣдовательно моряки научатся немногому» (50). Въ донесеніи отъ 10 іюля 1729 года сказано: «Морское дѣло остается попрежнему въ пренебреженіи, и большинство знатныхъ русскихъ, служившихъ во флотѣ, оставили эту службу... 8-го іюля скончался командоръ Лэнъ, англичанинъ, строившій прекрасныя укрѣпленія Кроншлота. Онъ считался однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ инженеровъ въ Европѣ, и смерть его великая утрата для Россіи, гдѣ нѣтъ человѣка способнаго поддерживать его сооруженія» (59). Въ апрѣлѣ 1730 года, Рондо писалъ: «Ея величество заявила, что желаетъ поставить флотъ на ту же ногу, на какой онъ находился при дядѣ ея, императорѣ Петрѣ I. Это заявленіе, быть можетъ, послужило также поводомъ къ слухамъ о намѣреніи государыни посѣтить Петербургъ на короткое время» (177).

Послѣ переѣзда двора въ Петербургъ, флотъ оказался въ довольно жалкомъ положеніи. Рондо писалъ 12-го февраля 1732 года: «Мнѣ неоднократно приходилось въ своихъ донесеніяхъ упоминать о крайнемъ небреженіи, въ которомъ флотъ и вообще морское дѣло находятся въ Россіи со смерти Петра Великаго. Хотя на это дѣло и затрачены были въ началѣ громадныя суммы, а затѣмъ ежегодно ассигновалось по милліону семисотъ тысячъ кронъ, дворъ, прибывъ сюда, нашелъ флотъ въ самомъ жалкомъ видѣ: меня увѣряли, будто едва шесть или восемь военныхъ кораблей способны выйти въ море, да приблизительно столько же можно вывести изъ кронштатскаго порта на показъ весною, когда ея величество, какъ слышно, намѣрена произвести смотръ; прочія же суда, такъ красиво наполняющія гавань, не могутъ выйти изъ нея. Узнавъ о такомъ небреженіи къ флоту, государыня приказала произвести строгое слѣдствіе, дабы найти виновныхъ» и проч. (416). Въ февралѣ 1733 года, Рондо писалъ о результатѣ работъ комиссіи о флотѣ: «Не смотря на то, что въ Кронштадтѣ красуется болѣе тридцати военныхъ кораблей, едва пять-шесть изъ нихъ могутъ выйти въ море; остальные же столько чинились, что дальнѣйшее

исправленіе ихъ стало невозможнымъ» (550). Въ приложеніяхъ къ депешамъ Рондо (621—629) напечатаны списки русскимъ кораблямъ, и къ нимъ сдѣланы примѣчанія въ родѣ слѣдующихъ: «Корабли построенные ранѣе 1721 года (т. е. изъ всѣхъ 35 не менѣе 27) къ службѣ негодны», или «всѣ галеры, построенныя болѣе чѣмъ три-четыре года тому назадъ, или неисправны или и вовсе къ службѣ не пригодны» и т. п.

Говоря очень подробно объ англо-русскихъ сношеніяхъ, Рондо, какъ уже выше было сказано, обращалъ особенное вниманіе на торговыя дѣла. При Екатеринѣ I дѣло дошло чуть не до разрыва между обѣими державами, а при Петрѣ II уже самый пріѣздъ въ Петербургъ и Москву Уарда и Рондо свидѣтельствовалъ о желаніи Англіи сблизиться съ Россіею. Впрочемъ, эти дипломаты не считали союза съ Россіею особенно выгоднымъ для Англіи, такъ какъ внутренній разладъ въ Россіи лишалъ ее, по мнѣнію иностранцевъ, возможности имѣть вообще значеніе въ области внѣшней политики (24). «Примиреніе съ Россіею» Рондо считалъ дѣломъ особенно выгоднымъ развѣ только для англійскихъ купцовъ, занимавшихся торговыми дѣлами въ Россіи (28). По мнѣнію Рондо, Россія гораздо болѣе, нежели Англія, имѣла основаніе желать сближенія между обѣими странами. Въ октябрѣ 1729 г. онъ писалъ: «Торговля съ Великобританіею несомнѣнно наиболѣе выгодная для русскихъ: мы покупаемъ у нихъ вдвое болѣе, чѣмъ продаемъ имъ; слѣдовательно они пользуются своими товарами возможно-выгодно, получая за нихъ только дѣйствительно потребное количество нашего товара, за остальное же наличныя деньги. Впрочемъ, торговля съ Россіей представляетъ большія выгоды и для Великобританіи: пріобрѣтая кораблестроительный матеріалъ на половину за деньги, на половину въ обмѣнъ на товаръ, мы половину стоимости необходимаго для нашего флота матеріала сохраняемъ за собою» и пр. (104). Воцареніе Анны Іоановны казалось англійскому консулу событіемъ выгоднымъ для Англіи. Онъ писалъ: «Новая государыня всегда любила Великобританію и, проживая здѣсь, держала возлѣ себя нѣсколькихъ англичанъ» (130). Впрочемъ, и Остерманъ оказался другомъ англичанъ и часто бесѣдовалъ съ Рондо о выгодахъ сближенія между обѣими державами (см. напр. 189). Вообще же, нѣмцы, какъ казалось англійскому консулу, придерживались взгляда на выгодность союза съ Австріею, «а за насъ», писалъ Рондо, «все старое россійское дворянство, съ нетерпѣніемъ ожидающее сверженія фаворитовъ» (236). Въ ноябрѣ 1731-го года, Рондо писалъ: «я не премину хлопотать о заключеніи торговаго договора между Великобританіей и Россіей, опасаюсь, что уладить это дѣло окажется нелегко: русскій дворъ не имѣетъ надлежащихъ понятій о торговлѣ и, пожалуй, заподозритъ, что такой договоръ будетъ ему невыгоденъ» (393). Заключеніе коммерческаго трактата

пока не состоялось, но Рондо продолжалъ заботиться о немъ и въ мартѣ 1732 г. въ особомъ приложеніи къ одному изъ своихъ донесеній представилъ очень подробную записку о состояніи англійской торговли въ Россіи, при чемъ указывалъ на тѣ неудобства, съ которыми приходилось бороться англійскимъ купцамъ (424—432). Впрочемъ, Рондо успѣлъ дать этимъ дѣламъ благопріятный оборотъ; особенно былъ онъ доволенъ сдѣлкою о поставкѣ англійскаго сукна для русской арміи (447—448). Въ маѣ 1732 года, былъ обнародованъ указъ, въ силу котораго купцамъ, не исправно уплатившимъ пошлину, грозили смертною казнью. Купцы британской факторіи обратились къ Рондо съ просьбою о защитѣ; Рондо велъ по этому дѣлу переговоры съ Остерманомъ, и распоряженія коммерцъ-коллегіи были измѣнены въ смыслѣ желаній англичанъ (455—461). Для исторіи англо-русскихъ торговыхъ сношеній за это время донесенія Рондо служатъ незамѣнимымъ источникомъ (см. напр. 513—521). Чисто политическіе вопросы въ дипломатической дѣятельности Рондо не играли важной роли. Тутъ онъ и не имѣлъ вліянія. Такъ, напр., проектомъ брака брауншвейгскаго принца Антона Ульриха съ мекленбургскою принцессою Анною Леопольдовною Англія была очень недовольна и лордъ Гаррингтонъ поручилъ Рондо противодѣйствовать этому проекту (548), но Рондо не имѣлъ никакой возможности исполнить желаніе министра (560). За то въ польскомъ вопросѣ, поднятомъ по поводу кончины короля Августа II, интересы Россіи и Англіи шли рука объ руку, и Рондо, ведя переговоры по этимъ дѣламъ, былъ очень доволенъ своими успѣхами (570—574). Впрочемъ, въ концѣ 1731 г., въ Англію былъ отправленъ русскій дипломатъ князь Кантеміръ и сношенія между Россіею и Англіею сдѣлались болѣе оживленными. До отъѣзда въ Англію, князь, которому тогда было лишь 28 лѣтъ, обѣдалъ у Рондо, который затѣмъ въ письмѣ къ Гаррингтону хвалилъ необычайныя способности молодого дипломата (392), личность котораго въ Англіи произвела самое благопріятное впечатлѣніе (444).

О сношеніяхъ между другими государствами и Россіею въ депешахъ Рондо встрѣчаются не особенно важныя свѣдѣнія. За то мы въ нихъ встрѣчаемъ довольно любопытныя данныя о личности дипломатовъ, въ это время пребывавшихъ при русскомъ дворѣ. Такъ, напр., попадаются отзывы объ испанскомъ дипломатѣ Лирія, записки и донесенія котораго занимаютъ столь видное мѣсто между источниками для исторіи этого времени. Рондо писалъ между прочимъ: «Герцогъ де-Лирія вполнѣ преданъ удовольствіямъ; трудно предположить, чтобы онъ могъ заняться важными дѣлами; развѣ около него есть незамѣтный дѣлецъ» (5), и въ другомъ письмѣ о немъ же сказано: «его свѣтлость ни о чемъ, кромѣ веселья, не помышляетъ» (18); и дальше: «онъ ничѣмъ дѣльнымъ не занятъ и

большой пріятель молодого князя Долгорукаго» (47). Неоднократно Рондо порицалъ чрезмѣрную роскошь въ домѣ испанскаго посла; встрѣчаются далѣе замѣчанія о стараніяхъ герцога отвлечь Россію отъ союза съ Австріею, объ участіи Лирія въ придворныхъ празднествахъ, о разныхъ приключеніяхъ съ нимъ случившихся и пр.

Довольно важную роль при русскомъ дворѣ игралъ въ это же время саксонско-польскій резидентъ Лефортъ, о которомъ Рондо замѣчаетъ, разсказывая о случившемся съ нимъ приключеніи, что его «всѣ считали скорѣе мелочнымъ торговцемъ (a peddling merchant) нежели дипломатомъ (60). О вліяніи Россіи на Польшу посредствомъ подкупа польскихъ вельможъ Рондо пишетъ въ концѣ 1729 года (109). Достоенъ вниманія проектъ брака польскаго короля Августа II съ императрицею Анною Іоанновною, о которомъ упомянуто въ донесеніяхъ Рондо отъ 1731 года (311 и 413). Мы не помнимъ, чтобы въ другихъ источникахъ упоминалось объ этомъ предметѣ. Переговоры по этому поводу вела жена Лефорта. Рондо пишетъ: «Въ случаѣ, если бы этотъ замыселъ удался, его величество намѣренъ отречься отъ польскаго престола въ пользу сына, въ разсчетѣ, что, занявъ россійскій престолъ, въ состояніи будетъ силою принудить республику къ избранію сына, если бы оказалось невозможнымъ склонить ее на это избраніе болѣе правильнымъ способомъ» (311). Замѣчанія Рондо о событіяхъ по случаю кончины Августа II (557) не имѣютъ особеннаго значенія и важнѣйшіе успѣхи военныхъ операцій Минниха относятся уже къ нѣсколько позднѣйшему времени.

Къ Австріи Англія въ это время относилась враждебно. Поэтому отзывы англичанъ объ успѣхахъ дипломатической дѣятельности Рабутина при Екатеринѣ I, или графа Вратислава при Петрѣ II и въ началѣ царствованія Анны—весьма неблагопріятны. Императоръ Карлъ VI не щадилъ средствъ для того, чтобы подарками повліять на Бирона. Такъ, напримѣръ, послѣдній лѣтомъ 1730 года получилъ портретъ императора, осыпанный бриліантами, цѣною по крайней мѣрѣ въ 5,000 фунтовъ стерлинговъ. «По смерти Петра I австрійскій императоръ»,—какъс казано въ депешѣ Рондо отъ 22-го іюня 1730 года,— «раздаетъ здѣсь, въ видѣ подарковъ, по крайней мѣрѣ 50,000 фунтовъ въ годъ, кромѣ того, что расходуетъ на содержаніе трехъ представителей при русскомъ дворѣ» (200). О пожалованіи Бирону имѣнія въ Силезіи Рондо писалъ въ ноябрѣ 1732 года (530).

И Пруссію англичане не любили. Конкуренція въ сбытѣ суконъ имѣла слѣдствіемъ сильное нерасположеніе Рондо къ барону Мардефельду. Неоднократно англійскій резидентъ пишетъ о великанахъ, которые отправлялись въ Пруссію въ подарокъ королю Фридриху-Вильгельму I (304, 453, 533). Кромѣ того, Анна Іоанновна подарила однажды прусскому королю двѣ галеры чрезвычайно богато

отдѣланныя (527). Въ свою очередь прусскій король обрадовалъ Анну, пожаловавъ Бирону тѣ помѣстья въ Пруссіи, которыя когда-то принадлежали князю Меншикову (578).

Сношенія между Франціею и Россіею въ то время были неоживленными, и французскій дипломатъ, Маньянъ, не игралъ при русскомъ дворѣ сколько-нибудь важной роли. Поэтому о немъ почти вовсе не упоминается въ донесеніяхъ Рондо. И датскія дѣла не казались ему достойными вниманія. Между прочимъ, упомянуто, что изъ Даніи ожидаютъ нѣкоторое число прекрасныхъ лошадей, которыхъ датскій король подарилъ Бирону и генералу Салтыкову (527). И изъ Швеціи былъ полученъ такой же подарокъ, а именно 22 маленькія черныя «уландскія» лошади для императрицы (511). Довольно любопытно слѣдующее замѣчаніе о шведско-русскихъ сношеніяхъ послѣ Петра, въ депешѣ Рондо отъ 19-го сентября 1728 года: «У русскихъ какъ будто является опасеніе, что они не въ состояніи будутъ долго удержать за собою Ливонію, такъ какъ многія знатныя лица, получившія тамъ помѣстья, стараются сбыть ихъ возможно скорѣе мѣстнымъ уроженцамъ. Такое настроеніе, по замѣчанію барона Цедеркрейца (шведскаго посланника), стало проявляться немедленно вслѣдъ за кончиной покойнаго царя; потому,—прибавилъ онъ,—шведское правительство, вѣроятно, не теряетъ надежды рано или поздно возвратить себѣ эту прекрасную провинцію» (20).

Въ донесеніяхъ Рондо говорится и объ отношеніяхъ къ восточнымъ государствамъ, къ Турціи, Персіи и Китаю, однако тутъ нѣтъ ничего особенно важнаго, неизвѣстнаго изъ другихъ источниковъ. Ко времени пребыванія Рондо въ Россіи относится окончаніе персидской войны. Англійскій резидентъ разсказываетъ о страшной смертности въ русскомъ войскѣ, находившемся въ Персіи, и о другихъ поводахъ къ уступкѣ завоеванныхъ персидскихъ провинцій Гиляни, Мазендерана и Астрабада. Ко времени пребыванія Рондо въ Россіи относится и пріѣздъ китайскаго посольства. Описывая роскошь конвоя и каретъ при аудіенціи китайскихъ дипломатовъ, Рондо замѣчаетъ: «Сами послы и свита ихъ были плохо одѣты и имѣли довольно жалкій видъ» (277). Церемоніалъ аудіенціи описанъ подробно въ приложеніи къ донесенію Рондо (283) и пр.

Изъ нашего краткаго очерка видно, въ какой степени изданіе донесеній Уарда и Рондо заслуживаютъ вниманія историковъ и сколь видное мѣсто LXVI томъ «Сборника Историческаго Общества» занимаетъ среди источниковъ исторіи пятилѣтія отъ 1728—1733 годовъ. Нельзя не пожелать, чтобы продолженіе депешъ англичанъ, по крайней мѣрѣ до окончанія царствованія Анны Іоанновны, явилось въ ближайшемъ будущемъ.

А. Брикнеръ.

ВОСПОМИНАНІЯ ТЕАТРАЛЬНАГО АНТРЕПРЕНЕРА.

Воспоминанія эти записаны мною со словъ престарѣлаго провинціальнаго антрепренера, Николая Ивановича Иванова, справившаго уже давно пятидесятилѣтній юбилей своей театральной дѣятельности. Въ настоящее время, это самый старый русскій актеръ, бывшій очевидцемъ первыхъ шаговъ провинціальныхъ сценъ и способствовавшій съ рѣдкой энергіей ихъ широкому развитію. Онъ исколесилъ положительно всю Россію и вездѣ былъ желаннымъ гостемъ, такъ какъ его труппа всегда отличалась прекраснымъ составомъ. Ивановъ умѣлъ цѣнить таланты, умѣлъ ихъ найти и группировать,—въ этомъ его главная заслуга. Съ его легкой руки пошли въ ходъ многія знаменитости и столичныя сцены обязаны ему не однимъ десяткомъ даровитыхъ актеровъ, силы которыхъ окрѣпли на подмосткахъ его театровъ.

Всю свою долгую жизнь Николай Ивановичъ провелъ въ безпрерывныхъ путешествіяхъ по градамъ и весямъ Россійской имперіи. Съ удивительной быстротой онъ переѣзжалъ изъ края въ край своей родины, услаждая земляковъ театральнымъ зрѣлищемъ. Антрепренерствовалъ онъ преимущественно въ поволжскихъ городахъ, но былъ и въ Сибири, и въ Привислянскомъ краѣ, и даже на такихъ лечебныхъ курортахъ, какъ Гапсаль, Эзель и проч. Поименовать всѣ города, въ которыхъ онъ игралъ, значило бы—перечислить добрую половину «росписи населенныхъ мѣстъ Россіи», а потому ограничимся только главными: Казань, Оренбургъ, Архангельскъ, Екатеринбургъ, Ирбитъ, Омскъ, Томскъ, Рига, Ревель,

Ярославль, Рыбинскъ, Нижній-Новгородъ, Динабургъ, Витебскъ, Кострома, Тверь, Новгородъ, Самара, Саратовъ, Симбирскъ и многіе другіе.

Въ его памяти сохранились подробныя воспоминанія о прожитомъ времени, пестромъ по разнообразію впечатлѣній, встрѣчъ и знакомствъ. Имена и факты онъ передаетъ съ отчетливостью, достойною удивленія, если принять во вниманіе его восьмидесятилѣтній возрость, относительно же хронологіи—этого сказать про него нельзя: цифры весьма туго поддаются его припоминанію, а потому во многихъ мѣстахъ приходится прибѣгать къ приблизительному времени. Впрочемъ, это нисколько не мѣшаетъ занимательности воспоминаній старѣйшаго антрепренера, близкаго пріятеля П. М. Садовскаго, Д. Т. Ленскаго, И. В. Самарина, В. И. Живокини, а отчасти В. В. Самойлова, М. С. Щепкина, Павла Васильева, и многихъ другихъ артистовъ.

М. В. Шевляковъ.

I.

Мое происхожденіе.—Отецъ.—Пребываніе въ Костромѣ.—Кадетскій корпусъ.—В. Е. Обрѣзковъ, антрепренеръ-помѣщикъ.—Генералъ А. С. Карцевъ.—Первое посѣщеніе театра.—Дебютъ въ оперѣ «Русалка».—Мой первый заработокъ.—Поступленіе въ актеры.—Учительство.—Домашній театръ Карцева.—Арестъ.

Мой отецъ, германскій подданный Жіофъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ владѣльцемъ большой фабрики въ Москвѣ, которую унаслѣдовалъ отъ своего отца, поселившагося въ Россіи вмѣстѣ съ своимъ семействомъ въ концѣ прошлаго вѣка. На этой фабрикѣ выдѣлывали берды—инструментъ для тканья полотна. По роду промышленности—моего отца москвичи называли Бярдниковымъ, и кличка эта такъ привилась, что, послѣ 1812 года, отецъ выбралъ ее своею фамиліей при переходѣ въ россійскіе граждане, который состоялся согласно высочайшему указу о принятіи иностранцами подданства Россіи или немедленнаго выѣзда изъ нея.

Передъ вторженіемъ въ Москву французовъ, отецъ вмѣстѣ съ моею матерью и мною, тогда груднымъ младенцемъ, отправился въ Кострому. Фабрику свою онъ, разумѣется, оставилъ на произволъ судьбы. Въ достопамятный пожаръ она сгорѣла дотла, совершенно раззоривъ отца, потому что въ огнѣ погибло все цѣнное и необходимое для продолженія работъ, если бы онъ захотѣлъ, по истеченіи тяжелаго времени, приняться за свое дѣло опять. Онъ ничего не могъ спасти, при торопливомъ выѣздѣ изъ Москвы, кромѣ небольшого пакета съ наличными деньгами, которыхъ не хватило бы ни на какое, даже самое скромное, начало фабричной дѣятельности. Такимъ образомъ, отецъ принужденъ былъ бросить вся-

кія попытки стать на прежнюю дорогу и продолжать безбѣдное существованіе.

Въ силу матеріальныхъ стѣсненій, пришлось остаться въ Костромѣ совсѣмъ и перебиваться съ копѣйки на копѣйку, тѣмъ болѣе, что вывезенный изъ Москвы капиталъ приходилъ къ концу и намъ грозила нищета, а между тѣмъ семейство наше съ каждымъ годомъ увеличивалось и предъявляло отцу все бо̀льшія и бо̀льшія требованія. Внимая голосу нужды, отецъ пристроился на какое-то малооплачиваемое мѣсто и занималъ его до самой смерти, случившейся въ началѣ двадцатыхъ годовъ, когда я былъ еще подросткомъ.

Не задолго до своей кончины, отецъ отдалъ меня въ кадетскій корпусъ, который временно находился въ Костромѣ. Этотъ корпусъ со всѣми своими воспитанниками въ двѣнадцатомъ году былъ переселенъ изъ Москвы въ нашъ городъ и, по истеченіи сравнительно большого времени, снова былъ водворенъ въ свое прежнее московское помѣщеніе. Въ Костромѣ онъ занималъ большое зданіе на нынѣшней Кишеневской, а въ то время Русиной, улицы, которое впослѣдствіи было перестроено въ театръ, впрочемъ, существовавшій весьма непродолжительное время.

Вскорѣ по поступленіи моемъ въ корпусъ, вышелъ приказъ, въ которомъ говорилось, что въ корпусахъ могутъ учиться только дѣти потомственныхъ дворянъ, а такъ какъ я значился купеческимъ сыномъ, то меня уволили въ числѣ прочихъ несчастныхъ разночинцевъ. Проучился я всего на всего семь мѣсяцевъ и этимъ ограничилось мое образованіе. Значитъ, всю жизнь я руководствовался только тѣми премудростями, которыя могъ усвоить въ этотъ короткій періодъ времени.

Будучи восьми лѣтъ, я пѣлъ на клиросѣ въ церкви Всѣхъ Святыхъ, на Дворцовой улицѣ, и обладая вѣрнымъ слухомъ, музыкальною памятью и недурнымъ альтомъ, я сдѣлался замѣтнымъ пѣвчимъ и встрѣтилъ какъ со стороны причта, такъ и со стороны прихожанъ, поощреніе, выражавшееся пока въ ласкахъ...

Антрепренеръ костромского театра, Василій Евграфовичъ Обрѣзковъ, богатый помѣщикъ, имѣвшій болѣе 800 душъ крестьянъ, услыхавъ мое пѣніе въ церкви, присталъ къ моему отцу, чтобы онъ разрѣшилъ мнѣ выступить въ его театрѣ, въ партіи мальчика въ старинной оперѣ «Русалка». Обрѣзковъ объяснилъ надобность во мнѣ тѣмъ, что ни одинъ изъ мальчугановъ его дворни, и дворни генерала Карцева, не оказывается способнымъ къ музыкѣ и не можетъ справиться съ незначительнымъ въ вокальномъ отношеніи номеромъ оперы. Отецъ согласился и, по просьбѣ Обрѣзкова, повелъ меня въ театрѣ смотрѣть первую часть «Русалки», которая состояла изъ четырехъ частей, исполнявшихся не въ одно представленіе разомъ, а дробившихся на четыре отдѣльныя. Изъ по-

сѣщенія театра, по мнѣнію антрепренера, я долженъ былъ вынести понятіе объ элементарныхъ условіяхъ сцены и ознакомиться съ технической стороной исполненія. Въ первой части у меня выхода не было; я долженъ былъ выступить во второй...

Труппа Обрѣзкова состояла почти только изъ его дворовыхъ и отчасти дворовыхъ Александра Степановича Карцева, генерала въ отставкѣ, тоже богатаго костромского помѣщика, мецената и любителя изящныхъ искусствъ, которому принадлежалъ и театральный оркестръ, состоявшій изъ семидесяти музыкантовъ, во главѣ съ нѣмцемъ-капельмейстеромъ, получавшимъ солидное жалованье отъ своего патрона. Кромѣ оркестра, Карцевъ имѣлъ два хора, спеціально церковные, мужской и женскій, которые тоже изрѣдка принимали участіе въ театрѣ. Александръ Степановичъ положительно благодѣтельствовалъ Обрѣзкову, не взимая съ него ни копѣйки ни за актеровъ, ни за оркестръ, ни за хоры. При такихъ благопріятныхъ условіяхъ, разумѣется, антрепренеру было очень выгодно содержаніе театра, особенно если принять во вниманіе ничтожную стоимость помѣщенія и совершенно безплатную труппу. За то и мѣста были баснословно дешевы, такъ что ни для какого бѣдняка не было затрудненіемъ посѣщать спектакли.

Многіе изъ дворовыхъ актеровъ Обрѣзкова были положительно талантливыми личностями и не даромъ пользовались расположеніемъ публики, смотрѣвшей на крѣпостныхъ комедіантовъ надменно и съ пренебреженіемъ. Изъ актеровъ по спеціальности, не принадлежавшихъ къ дворнѣ Обрѣзкова или Карцева, были только двое—бывшій артистъ московскаго Малаго театра Ширяевъ и дворянинъ Василій Карповичъ Васильевъ, позднѣе поступившій на сцену петербургскаго казеннаго театра. Оба они были очень талантливы и цѣнились костромичами по достоинству. Слѣдуетъ упомянуть объ оригинальномъ составленіи афишъ въ то время: дворовыхъ прописывали прямо именемъ и прозвищемъ, а актеровъ съ воли или людей принадлежащихъ къ привилегированнымъ классамъ общества, называли только по фамиліи, передъ которой выставлялась буква г., обращавшая на себя особенное вниманіе публики, привыкшей видѣть передъ собой только невольныхъ исполнителей. Писались, напримѣръ, афиши такъ:

Простаковъ	Андрей Волковъ.
Простакова	Маланья Найденая.
Митрофанъ, недоросль . .	Иванъ Кошелевъ.
Скотининъ	Г. Васильевъ и т. д.

На меня театръ произвелъ восторженное впечатлѣніе, и я съ съ лихорадочнымъ наслажденіемъ слѣдилъ за дѣйствіями актеровъ на сценѣ, искусно передававшихъ различныя душевныя состоянія, порывы, любовь, страхъ, ненависть. Особенно приковала мое вни-

маніе такая же маленькая дѣвочка, какъ и я, игравшая роль Лиды, дочери русалки Лесты. Съ этой минуты я полюбилъ театръ всею силою души и эта любовь сохранилась во мнѣ на всю жизнь.

Во второй части «Русалки» я вмѣстѣ съ Лидой появлялся на сценѣ изъ волшебнаго яйца и пѣлъ дуэтъ, очень не сложный въ музыкальномъ отношеніи. Слова этого дуэта въ моей памяти сохраняются до сихъ поръ:

«Насъ пара. Мы будемъ
«Примѣромъ другихъ (?),
«Цѣлуемся, любимъ
«Не меньше большихъ.
«Мы такъ же умѣемъ
«Рѣзвиться, плясать.
«Но только не смѣемъ
«Себя показать».

Благодаря своему слуху, я быстро усвоилъ мотивъ и съ двухъ репетицій бойко провелъ свою роль, за что удостоился большихъ похвалъ Обрѣзкова и получилъ отъ него въ подарокъ таллеръ, имѣвшій цѣну четыре съ полтиной на ассигнаціи. Этотъ первый заработокъ я долго сохранялъ, какъ дорогое воспоминаніе моего дѣтства, но пожаръ кронштадтскаго театра четверть вѣка тому назадъ истребилъ его вмѣстѣ со всѣмъ моимъ имуществомъ.

Послѣ удачнаго исполненія партіи въ «Русалкѣ», мнѣ стали поручать всѣ дѣтскія роли, которыя въ старинномъ репертуарѣ встрѣчались чаще, нежели въ нынѣшнемъ. Но за нихъ мнѣ не не полагалось уже никакого вознагражденія, кромѣ любезныхъ словъ, которыми надѣлялъ меня Карцевъ.

Отецъ, умирая, оставилъ меня, мальчика одиннадцати лѣтъ, главою семейства, состоявшаго изъ пяти душъ. Положеніе наше было ужасно—средствъ къ существованію никакихъ. И если бы не Обрѣзковъ, взявшій меня къ себѣ на службу въ качествѣ актера на десятирублевое жалованье, то всѣмъ намъ грозила роковая перспектива, осложнявшаяся старостью матери и малолѣтствомъ моихъ трехъ сестеръ. Времена были удивительно дешевыя и на мое десятирублевое (ассигнаціями) содержаніе могла существовать семья, разумѣется, не позволяя себѣ особой роскоши и излишествъ, но вполнѣ сыто и достаточно.

Впрочемъ, актерствовалъ я въ театрѣ Обрѣзкова не очень долго, всего года два. Меня переманилъ къ себѣ Карцевъ для занятій съ его крѣпостными дѣтьми, изъ которыхъ онъ думалъ создать актеровъ. Для этой цѣли онъ отдалъ въ мое распоряженіе цѣлый домъ, ранѣе занимаемый разными приживалками и приживальщиками и устроилъ въ немъ сцену. Опредѣленнаго жалованья онъ мнѣ не положилъ, но далъ даровую квартиру, столъ и все необходимое, изрѣдка награждая и деньгами. Кромѣ того, Карцевъ разрѣшилъ мнѣ устроивать спектакли и пускать на нихъ публику

за плату, которая поступала всецѣло въ мою пользу. Подъ моимъ руководствомъ вырабатывались актеры и, въ концѣ концовъ, образовалась цѣлая труппа. Моя фанатическая преданность дѣлу видимо нравилась Карцеву, и онъ, увѣровавъ въ мои преподавательскія способности, поручилъ мнѣ нѣсколько взрослыхъ изъ своихъ крѣпостныхъ, которые съ серьезнымъ видомъ проходили у меня, пятнадцатилѣтняго мальчика, курсъ драматическаго искусства. Въ то время все совершалось очень просто.

Мои спектакли посѣщались публикою охотно въ виду необычайно дешевой платы за входъ. Это обстоятельство послужило поводомъ къ раздору между Обрѣзковымъ и Карцевымъ, который отнялъ отъ Обрѣзкова свой оркестръ, лишилъ его хора и запретилъ своимъ актерамъ выступать на его сценѣ. Въ это время мнѣ было уже лѣтъ шестнадцать.

Оркестръ и хоры перешли ко мнѣ и мои спектакли, даваемые два раза въ мѣсяцъ, стали пользоваться еще бо́льшею популярностью. Обрѣзковъ сталъ рѣзко пенять на Карцева и во всеуслышаніе обвинялъ меня, своего случайнаго конкурента, въ умышленномъ уронѣ его дѣла. Не ограничиваясь частными жалобами, онъ сдѣлалъ губернатору Ганскау офиціальное донесеніе на меня, «что вотъ-де какой-то мальчишка, по наущенію генерала Карцева, устроилъ театръ и отбиваетъ у него публику».

Губернаторъ приказалъ полиціймейстеру арестовать меня и допросить, на какомъ основаніи я занимаюсь антрепризой безъ разрѣшенія начальства?

Полиціймейстеръ призвалъ меня къ себѣ и арестовалъ. Карцевъ, узнавъ объ этомъ, немедленно отправился къ губернатору.

— По какому праву вы арестовали моего любимца, утѣшавшаго всю мою дворню?

— Мнѣ сказали, ваше превосходительство, то-то и то-то...

— Вы тутъ только и живетес плетнями,—съ презрѣніемъ замѣтилъ Карцевъ и прибавилъ:—если вы, генералъ, ссориться со мной не хотите, тотчасъ доставьте ко мнѣ Иванова.

— Ну, разумѣется, его сейчасъ же освободятъ,—сказалъ Ганскау,—тутъ очевидное недоразумѣніе...

Тонъ разговора Карцева съ губернаторомъ былъ вѣроятно слѣдствіемъ того вѣса, который онъ имѣлъ при дворѣ...

Въ тотъ же день меня освободили изъ-подъ ареста, и я съ прежней энергіей принялся за свое театральное дѣло. Обрѣзковъ же послѣ этой исторіи не особенно долго держалъ театръ; ссора съ Карцевымъ ему много повредила, лишивъ его самой главной и крупной поддержки.

II.

Ширяевъ.—В. К. Васильевъ.—Ярославскій антрепренеръ Лисицынъ.—Къ исторіи Ярославскаго театра.—Моя фамилія.

Въ моей памяти очень свѣжо сохранились воспоминанія о двухъ «вольныхъ» актерахъ обширной труппы Обрѣзкова,—Ширяевѣ и Васильевѣ, съ которыми я сдружился, не смотря на огромную разницу въ нашихъ лѣтахъ.

Имя Ширяева я позабылъ, быть можетъ потому, что оно не было «на слуху», т. е. рѣдко кто называлъ его по имени и отчеству, а все больше величали «господиномъ Ширяевымъ». Актеромъ онъ былъ безусловно талантливымъ и во многихъ трагическихъ роляхъ не имѣлъ соперниковъ, не только на нашей провинціальной сценѣ, но даже, какъ говорили, на петербургской, казенной.

Какъ товарищъ, онъ былъ не оцѣнимъ; всегда ласковый, обходительный, добрый. Всѣ искренно привязывались къ нему, и онъ привязывался ко всѣмъ, оказывавшимъ ему расположеніе... Быть можетъ, онъ достигъ бы славы и значенія, если бы не предательская чарка съ водкой, загубившая на Руси не одну самародную силу, избыточно надѣленную искрою Божьей.

Ширяевъ былъ однимъ изъ первыхъ приверженцевъ реализма на сценѣ и противниковъ ходульности, выражавшейся главнымъ образомъ въ рѣзкой приподнятости разговорной рѣчи, ея неестественной пѣвучести, часто переходившей въ завываніе, и угловатомъ манерничаньи. Между тѣмъ, актеры того времени весь свой успѣхъ основывали почти исключительно на этой ходульности, эфектной и пріятной для невзыскательныхъ зрителей, цѣнившихъ въ актерѣ прежде всего зычность голоса и натянутость, которыя, не смотря на всю свою фальшивость, теребили ихъ податливые нервы.

Ширяевъ не выносилъ подобныхъ исполнителей, присноравливавшихся ко вкусу публики и невѣжественно попиравшихъ законы эстетики и естественность. Бывало, указывая на такихъ актеровъ, онъ раздраженно замѣчалъ Обрѣзкову:

— У васъ не актеры, а собаки! Вишь какъ развылись! Вы бы приказали ихъ метлой разогнать!..

А самому актеру обыкновенно говорилъ:

— Ты кто? Ты собака!

— То-есть, какъ же это вы такъ...

— И дрянная собака,—не лаешь даже, а воешь...

Но всѣ его замѣчанія и указанія оставались, разумѣется, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ понятіяхъ тогдашнихъ театраловъ никакъ не укладывалось чувство сценической правды.

Изъ жизни Ширяева я помню одинъ замѣчательный фактъ,

который приписывался, какъ остроумная продѣлка, многимъ провинціальнымъ знаменитостямъ, но на самомъ дѣлѣ, авторомъ его является этотъ находчивый человѣкъ.

Ширяевъ почти всегда нуждался въ деньгахъ и у него, бывало, не заваляется ни одна копѣйка. Обрѣзковъ ссуждалъ его рѣдко и не охотно, такъ что ему вѣчно приходилось прибѣгать къ стороннимъ займамъ; впрочемъ, и эти сторонніе займы имѣли предѣлъ, не потому, чтобы онъ не расплачивался, — нѣтъ, онъ былъ очень аккуратенъ и честенъ, а потому, что его жалѣли и на сколько было возможно берегли, такъ какъ всѣ его деньги поглощались цѣликомъ виноторговлею.

Въ одну изъ критическихъ минутъ, когда въ кредитѣ получился безусловный отказъ, — а это было незадолго до его бенефиса,—онъ отправляется къ костромскому епископу Самуилу Запольскому-Платонову и рекомендуется актеромъ мѣстной труппы.

Нѣсколько удивленный такимъ визитомъ, Самуилъ, однако, любезно его принимаетъ и освѣдомляется, чѣмъ можетъ быть онъ для него полезенъ?

— Развозя билеты на свой бенефисъ, — отвѣтилъ Ширяевъ, отвѣсивъ низкій поклонъ,—и визитируя всѣхъ почтенныхъ представителей города, я не осмѣлился пропустить ваше преосвященство.

— Очень благодаренъ за вниманіе,—началъ было владыко, — но, какъ вамъ, разумѣется, не безъизвѣстно...

— А у меня для васъ припасено крайнее къ выходу кресло,—перебилъ его Ширяевъ, доставая изъ кармана билетъ.

— Я вѣдь не могу посѣщать никакія зрѣлища...

— Отчего же?—наивно спрашиваетъ Ширяевъ.

— Потому что духовному чину не приличествуютъ свѣтскія удовольствія, отчуждающія отъ мысли о молитвѣ и порождающіе всякіе соблазны.

— А не посѣщая театра, что-нибудь слушать можете?

— Могу.

— Хотите я вамъ оду Державина «Богъ» продекламирую?

— Продекламируйте.

Ширяевъ всталъ въ позу и такъ прочелъ оду, что епископъ пришелъ въ восторгъ и за билетъ, оставленный Ширяевымъ на столѣ, расплатился двадцатью пятью рублями. На эти деньги бенефиціантъ «пожилъ въ сласть», такъ что бенефисъ его пришлось отложить на неопредѣленное время.

Василій Карповичъ Васильевъ былъ тоже трагикомъ и тоже талантливымъ. Я помню оба его пребыванія въ Костромѣ—до и послѣ принятія на петербургскую сцену, а также и страдальческую кончину его. Василій Карповичъ былъ замѣчательно красивъ и представителенъ: безукоризненная внѣшность его, при высокомъ ростѣ

и умной, съ правильными чертами, физіономіи, приковывала къ себѣ взоры многихъ представительницъ прекраснаго пола и возбуждала затаенное соревнованіе. Счастливой побѣдительницей оказалась жена знатнаго помѣщика К., очень изящная и привлекательная барыня. Завязался несложный, но таинственный романъ, продолжавшійся впрочемъ не долгое время, по причинѣ отъѣзда Васильева въ Петербургъ на дебюты, которые устроилъ ему какой-то вліятельный знакомый. Онъ дебютировалъ на Александринской сценѣ въ трагедіи «Фингалъ» и сразу занялъ въ казенной труппѣ не послѣднее мѣсто. Публика принимала его хорошо, и онъ слылъ опаснымъ соперникомъ Каратыгина. Довольный столичнымъ успѣхомъ, Василій Карповичъ раздобылся отпускомъ и совершилъ поѣздку въ Кострому, гдѣ было для него такъ много пріятныхъ воспоминаній. Тотчасъ же Обрѣзковъ поставилъ нѣсколько экстроординарныхъ спектаклей «съ участіемъ артиста императорскихъ театровъ», стараго знакомца и любимца костромичей, и взялъ хорошіе сборы.

Васильевъ встрѣтился съ г-жей К. и въ сердцахъ молодыхъ людей снова вспыхнула прежняя страсть, о которой какимъ-то образомъ уже зналъ «грозный и старый» К.

Очень неосторожный Василій Карповичъ, въ одинъ изъ темныхъ вечеровъ отправился въ усадьбу К., отстоявшую отъ Костромы въ десяти-двѣнадцати верстахъ, и ловко прокрался на условное мѣсто, памятное по прежнимъ свиданіямъ. Но какъ велико было его разочарованіе, когда вмѣсто миловидной г-жи К., предъ нимъ выросла внушительная фигура самого обманутаго супруга, окруженнаго толпой крѣпостныхъ, съ злорадствомъ поджидавшихъ появленія непрошеннаго гостя! За измѣну жены, К. жестоко отомстилъ Васильеву, котораго еле-живымъ доставили въ гостинницу. Тотъ же возница, который отвозилъ его цѣлымъ и невредимымъ въ усадьбу, привезъ его искалѣченнымъ обратно и сообщилъ, что К—скіе крѣпостные вынесли его изъ рощи, уложили въ тарантасъ и приказали скорѣе убираться съ ихъ земли, чтобы еще хуже не было...

Ночью Васильевъ послалъ за мной номерного, который съ испуганнымъ выраженіемъ лица, чуть не вломился въ мою квартиру и сталъ требовать, чтобы я немедленно отправился къ Василію Карповичу.

— Чтò съ нимъ?—спросилъ я посланнаго, торопливо одѣваясь.

— К—скіе мужики его избили!

Вхожу въ номеръ Васильева и вижу ужасную картину: онъ лежитъ полураздѣтый на кровати; все лицо, грудь, руки, въ кровавыхъ ссадинахъ и подтекахъ.

— Чтò съ вами?—бросился я къ нему.

— Плохо, братъ, Николай!—отвѣтилъ онъ, съ трудомъ переводя

дыханіе.—Изуродовали... Грудь протоптали... Душу выбили... Самосудомъ.

— Кто и за что̀?

— За дѣло, братъ.... чужихъ женъ не люби...

Я было заикнулся о докторѣ, Васильевъ отъ его помощи отказался наотрѣзъ.

— Никто не спасетъ,—сказалъ онъ.—Мнѣ этой ночи не пережить...

Въ этомъ и я не сомнѣвался, такъ былъ онъ не милосердно изувѣченъ; глаза постоянно закатывались подъ лобъ, придавая его лицу мученическое выраженіе, а изъ груди вырывались томительные вздохи. Послѣ непродолжительнаго молчанія, онъ вдругъ приподнялся на локтѣ и довольно бодро произнесъ:

— Умираю, Николай!

Я всталъ у его изголовья на колѣни, онъ прислонился ко мнѣ и испустилъ послѣдній вздохъ.

Васильева скромно похоронили; о причинахъ его внезапной смерти никто не допытывался; власти постарались не поднимать непріятной исторіи и, такимъ образомъ, этотъ возмутительный самосудъ остался безнаказаннымъ и все дѣло кануло въ Лету.

Вскорѣ послѣ этого событія, умеръ А. С. Карцевъ, и я остался было не у дѣлъ, такъ какъ костромской театръ въ то время пустовалъ. Тутъ я задумалъ уѣхать куда-нибудь и поступить въ труппу, что и случилось осенью 1829 года. Съ тѣхъ поръ началась моя скитальческая, актерская и антрепренерская жизнь, продолжавшаяся до первой половины 1880 годовъ.

Ярославскій антрепренеръ Лисицынъ прислалъ за мной своего режиссера съ предложеніемъ вступить въ составъ его труппы на очень выгодныхъ условіяхъ, т. е. на 15-ти рублевое ассигнаціями жалованье въ мѣсяцъ, которое своимъ размѣромъ польстило моему самолюбію и представляло въ переспективѣ достаточную жизнь.

Началъ я у Лисицына прямо съ первыхъ комическихъ ролей и этого амплуа придерживался все время моего служенія сценѣ. Впрочемъ, въ мой репертуаръ также входили оперныя и оперетныя партіи, часто не согласныя съ моимъ амплуа, но за то подходившія подъ мой теноръ. Въ то время мы не смѣли быть разборчивыми въ роляхъ, а играли безъ всякихъ отговорокъ и разсужденій то, что̀ приказывали и, замѣчательно, что никакая перетасовка ролей иллюзіи не нарушала и талантовъ не уродовала. Каждый актеръ былъ актеромъ въ широкомъ значеніи этого слова и такое вѣрное отношеніе къ искусству имѣло благотворное вліяніе на развитіе провинціальнаго театра.

Между прочими, у Лисицына служили: знаменитый актеръ, изъ дворовыхъ Обрѣзкова, Варнавій Ивановичъ Карауловъ, какимъ-то образомъ освободившійся отъ крѣпостной зависимости и посвятив-

шій себя всецѣло театру; комикъ-буффъ Орліанскій, принадлежавшій къ дворнѣ князя Урусова, и сынъ петербургскаго купца Михаилъ Яковлевичъ Алексѣевъ, необыкновенный комикъ въ жизни и злодѣй на сценѣ, для каждой пьесы, въ которой онъ исполнялъ какую бы то ни было роль. Кстати, нужно замѣтить, что въ то крѣпостное время, господа-помѣщики, отпускавшіе своихъ дворовыхъ актерствовать у частнаго антрепренера, получали сами за нихъ жалованье, и ни одинъ изъ этихъ подневольныхъ не смѣлъ посягать ни на копѣйку, имъ же заработанную. Нѣкоторые помѣщики, въ чаяніи такихъ удобныхъ доходовъ, самолично занимались выработкой драматическихъ талантовъ у своихъ крѣпостныхъ, причемъ особенное стараніе прикладывали къ тѣмъ, которые давали надежду сдѣлаться трагиками, потому-что этого рода актеры цѣнились разсчетливыми антрептенерами дороже. Изъ дворни князя Урусова, кромѣ Орліанскаго, были еще другія, второстепенныя силы и въ общемъ онъ за нихъ получалъ достаточную цифру, которой завидывали весьма многіе сосѣди-помѣщики.

Послѣ Лисицына, ярославскій театръ попалъ въ руки Струкова и Соколова, у которыхъ я продолжалъ службу въ слѣдующій сезонъ. Послѣ этого, я снялъ въ компаніи съ нѣсколькими товарищами костромской театръ и сдѣлался полноправнымъ распорядителемъ. Вслѣдъ за этимъ, я взялъ ярославскій театръ и держалъ его вмѣстѣ съ рыбинскимъ. Въ отдѣльную антрепризу эти театры не отдавались,—нужно было непремѣнно брать оба и играть зимой—въ Ярославлѣ, лѣтомъ — въ Рыбинскѣ. Это было вызвано тѣмъ, что на лѣтній театръ находилось гораздо больше охотниковъ, нежели на зимній, такъ какъ Рыбинскъ въ лѣтнее время представляетъ изъ себя громадный торговый пунктъ и въ немъ гоститъ много пріѣзжаго народа, не скупящагося на удовольствія, а Ярославль ординарный городишко, съ извѣстнымъ числомъ осѣдлыхъ жителей, удѣляющихъ на театръ скудные остатки экономіи. Оба эти театра принадлежали тогда губернскому архитектору Панькову, отъ котораго, послѣ моей антрепризы, вышеупомянутый Алексѣевъ пріобрѣлъ ихъ въ собственность. О дальнѣйшей судьбѣ ярославской сцены разскажу въ слѣдующей главѣ, а эту закончу эпизодомъ съ моей фамиліей.

При антрепризѣ Лисицына игралъ я подъ фамиліей Иванова, которую выбралъ еще въ Костромѣ, когда упражнялся на сценѣ Карцева. Моя настоящая фамилія казалась не звучной и неудобопроизносимой для театральныхъ афишъ, и я перемѣнилъ ее на этотъ слишкомъ заурядный псевдонимъ, выкроенный изъ моего отчества. Пріобрѣтя въ Костромѣ кое-какую популярность подъ этой фамиліей, я такъ и остался навсегда Ивановымъ, и не только на сценѣ, но даже и въ жизни. Случилось это такимъ обыкновеннымъ образомъ: когда мнѣ понадобился паспортъ и я обратился

за нимъ въ присутственное мѣсто, то тамъ, знавшіе меня лично чиновники, не разспросивъ толкомъ кто и что я, любезно угодили мнѣ надписью «купецъ Николай Ивановъ Ивановъ». Впослѣдствіи, когда у меня было нѣсколько взрослыхъ сыновей и когда по отжившему закону купеческіе дѣти солдатчинѣ не подлежали, я даже вносилъ гильдейскій капиталъ, дававшій мнѣ права уже дѣйствительнаго купца.

III.

М. Я. Алексѣевъ.—Его антреприза.—Горькая шутка.—В. А. Кокоревъ.—Поѣздка въ Вологду.— Опять Ярославль.— Случайная антреприза.— В. А. Смирновъ.— Его братья.—Анекдотъ съ губернаторомъ.

Михаилъ Яковлевичъ Алексѣевъ былъ большимъ любителемъ сцены, изъ-за которой претерпѣвалъ довольно продолжительное время бѣдствія и крайнюю нужду, но актеромъ былъ положительно невозможнымъ. Онъ еще въ юности, но будучи уже женатымъ, убѣжалъ отъ своего отца, покинувъ жену съ ребенкомъ, и пристроился къ ярославскому театру, въ которомъ переходилъ съ рукъ на руки, отъ одного антрепренера къ другому. Жалованье, разумѣется, онъ получалъ мизерное, на которое едва можно было существовать. Отецъ же его имѣлъ громадное состояніе, доходившее чуть не до милліона; но недовольный поведеніемъ сына, старикъ не помогалъ ему ни копѣйкой, хотя пріютилъ у себя его соломенную вдову съ малолѣтней дочерью. Конецъ долготерпѣнію Михаила Яковлевича наступилъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда его отецъ «волею Божею отыде къ праотцамъ». На долю единственнаго сына досталось почти все богатство, скопленное копѣйками въ продолженіе десятковъ лѣтъ.

Передъ отъѣздомъ въ Петербургъ за наслѣдствомъ, Алексѣевъ устроилъ на занятыя деньги большой вечеръ, на которомъ, кромѣ всей труппы, присутствовали многіе городскіе обыватели, между прочимъ и владѣлецъ театровъ, архитекторъ Паньковъ, съ которымъ тутъ же на словахъ онъ и условился относительно купли обоихъ театральныхъ зданій. Всю труппу онъ уговорилъ въ полномъ ея составѣ остаться служить у него, причемъ пообѣщалъ увеличить каждому окладъ жалованья,—всѣ, разумѣется, охотно согласились. Меня онъ выбралъ режиссеромъ и, безъ сравненія со всѣми остальными, назначилъ большое содержаніе.

Въ Ярославскомъ театрѣ я еще продолжалъ хозяйничать, а рыбинскій уже принадлежалъ Алексѣеву, такъ что по окончаніи зимняго сезона, мы переѣхали въ Рыбинскъ, согласно циркулярному посланію новаго антрепренера, адресованному на мое имя изъ Петербурга, а деревянный ярославскій театръ тотчасъ же былъ

преданъ разрушенію. Вмѣсто него строился каменный, существующій до сихъ поръ. Осенью въ Рыбинскъ пріѣзжалъ Алексѣевъ: получилъ отчеты, расплатился со всѣми, велѣлъ намъ отправляться на мѣсто служенія, а самъ снова уѣхалъ въ столицу за окончательнымъ раздѣломъ наслѣдства. Въ этотъ пріѣздъ онъ былъ очень важенъ, надмененъ и напускно серьезенъ; перемѣна матеріальнаго положенія значительно измѣнила его въ самый короткій срокъ.

Мы отправились въ Ярославль и размѣстились по гостинницамъ въ ожиданіи Алексѣева, который по какимъ-то важнымъ обстоятельствамъ задержался въ Петербургѣ болѣе предположеннаго времени, хотя сезонъ давно уже слѣдовало бы начинать. Наконецъ, въ одно прекрасное утро, когда мы, актеры, по обыкновенію, собрались въ трактиръ «Лондонъ» своей компаніей чайку попить, появляется Алексѣевъ вмѣстѣ съ какимъ-то господиномъ и, удостоивъ насъ по пути легкимъ поклономъ, проходитъ въ сосѣдній кабинетъ. Нашъ антрепренеръ имѣлъ видъ сумрачный и недовольный; его слишкомъ неучтивое привѣтствіе, брошенное намъ мимоходомъ, обидѣло насъ. Съ понятнымъ недоумѣніемъ мы замолкли и стали прислушиваться къ разговору Алексѣева, долетавшему до насъ изъ сосѣдняго кабинета довольно явственно,—Михаилъ Яковлевичъ видимо не стѣснялся нашего близкаго присутствія и даже съ умысломъ говорилъ такое, что̀ мы должны были намотать на усъ. Алексѣевъ сообщалъ своему знакомому, что онъ везетъ изъ Петербурга замѣчательную труппу и что мы для него не годны, не подъ стать его столичнымъ знаменитостямъ. Такія разсужденія антрепренера, разумѣется, насъ ошеломили. Куда отправишься по среди сезона? Вездѣ полно, никто въ актерахъ не нуждается. Въ особенности насъ угнетало то, что мы кругомъ были должны: и въ гостинницѣ, и въ лавкахъ, и въ трактирѣ. Обиженные и оскорбленные, разбрелись мы по домамъ обдумывать въ отдѣльности свое безвыходное положеніе.

Нѣсколько дней спустя, я случайно встрѣтился на улицѣ съ В. А. Кокоревымъ, въ то время только-что начинавшимъ свою дѣятельность по откупу и временно проживавшимъ въ Ярославлѣ. Онъ разспросилъ меня о продѣлкѣ Алексѣева съ нами, которая въ разныхъ варіаціяхъ стала уже извѣстна всему городу, и освѣдомился, что намѣрены мы, оставшіеся не удѣлъ, предпринять теперь для обезпеченія своего существованія? Я ему откровенно признался, что мы совершенно теряемся въ распланировкѣ своихъ будущихъ дѣйствій.

— Поѣзжайте,—сказалъ онъ,—въ Вологду. Тамъ театра нѣтъ и не было. Вамъ, вѣроятно, будутъ тамъ очень рады.

— Гдѣ же мы будемъ играть, если тамъ нѣтъ театра?

— Въ моемъ домѣ.

— А сцена, декораціи,—началъ было я пересчитывать всѣ за-

трудненія, которыя сопряжены съ денежными тратами, для насъ немыслимыми, но Кокоревъ меня перебилъ, добродушно улыбаясь:

— А ужъ это не ваше дѣло... Вы только скажите, согласны ли ѣхать въ эту глушь.

Разумѣется, я согласился отъ лица всѣхъ моихъ товарищей.

Кокоревъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе о передѣлкѣ своего громаднѣйшаго вологодскаго дома въ театръ, и торопилъ насъ отъѣздомъ, чтобы работа шла подъ нашимъ наблюденіемъ. Онъ открылъ намъ въ Вологдѣ кредитъ въ различныхъ лавкахъ, подарилъ массу полотна подъ декораціи; словомъ сдѣлалъ все для нашего блага и ничуть этимъ не кичился.

Когда до слуха Алексѣева дошла вѣсть о нашемъ отъѣздѣ въ Вологду, онъ прибѣжалъ ко мнѣ, какъ къ главному распорядителю товарищества, и сердито заговорилъ, пересыпая каждую фразу своей излюбленной поговоркой «какъ того, какъ его»...

— Не смѣете уѣзжать...

— Это почему же?—спокойно спросилъ я.

— Потому, что... какъ того, какъ его... у меня служить обязались...

— Да вѣдь мы не нужны вамъ, вы выписываете петербургскую труппу.

— Какъ того, какъ его... Я пошутилъ съ вами...

— Такъ не шутятъ, Михаилъ Яковлевичъ.

Оказалось, что Алексѣевъ хотѣлъ только постращать насъ петербургской труппой, которую вовсе и не приглашалъ и которой вовсе и не существовало въ столицѣ, такъ какъ въ Петербургѣ въ то время не существовало никакихъ частныхъ сценъ, отъ которыхъ можно бы было позаимствовать актеровъ. Своею горькою шуткой онъ полагалъ возбудить въ насъ большее почитаніе къ его персонѣ и, главное, разсчитывалъ на нашу добровольную скидку той прибавки къ жалованью, которую полгода тому назадъ намъ пообѣщалъ. Разумѣется, совершить мировую было уже поздно, такъ какъ Кокоревъ въ своемъ вологодскомъ домѣ приступилъ къ работѣ, и съ Алексѣевымъ, по его собственной винѣ, мы разошлись окончательно. Онъ оказался въ критическомъ положеніи: театръ готовъ, а труппы нѣтъ. И пришлось ему набирать кое-какихъ захудалыхъ актеровъ, свободныхъ отъ ангажемента по причинѣ своей негодности. Само собой понятно, что дѣла его пошли плохо и разсчетливый антрепренеръ понесъ крупные убытки.

Въ Вологдѣ насъ встрѣтилъ радушный пріемъ. Жители съ нетерпѣніемъ ожидали открытія театра, который вышелъ очень вмѣстительнымъ и крайне симпатичнымъ.

Оркестръ мы привезли изъ Ярославля съ собой. Онъ состоялъ изъ дворовыхъ людей помѣщика Брянчанинова, который отпу-

стилъ его съ нами безвозмездно по просьбѣ того же Кокорева, принимавшаго въ насъ такое дѣятельное участіе.

На первомъ спектаклѣ присутствовала вся вологодская знать, во главѣ съ губернаторомъ. Успѣхъ нашъ съ каждымъ днемъ росъ болѣе и болѣе; сборы были прекрасные. На долю каждаго изъ насъ выпадала солидная сумма, такъ какъ арендной платы за помѣщеніе мы не платили, оркестру тоже, даже плотники были отъ Кокорева даровые. Разумѣется, при такихъ условіяхъ намъ жилось хорошо и мы никогда не ушли бы изъ этого хлѣбнаго уголка, если бы наша труппа не распалась, благодаря вмѣшательству флигель-адъютанта Барановскаго, пожелавшаго облагодѣтельствовать нѣкоторыхъ изъ членовъ нашего общества, опредѣленіемъ ихъ на казенную петербургскую сцену. Этотъ Барановскій, впослѣдствіи ярославскій губернаторъ, былъ командированъ въ Вологу для рекрутскаго набора. Въ Вологдѣ онъ жилъ довольно продолжительное время и, какъ большой любитель театра, посѣщалъ всѣ наши спектакли. Нѣкоторые изъ исполнителей ему нравились, и онъ пообѣщалъ пристроить ихъ на столичную сцену. И дѣйствительно, по отъѣздѣ въ Петербургъ Барановскаго, въ началѣ великаго поста, дирекція Императорскихъ театровъ выписала отъ меня Дмитріева, Башкирова, Константина Громова [1]) и другихъ, фамиліи которыхъ за давностью я забылъ совершенно. Потерявъ даровитыхъ товарищей, мы были принуждены и сами разойтись въ разныя стороны, хотя въ нашей оставшейся группѣ и были такія безусловно талантливыя личности, какъ Яковъ Андреевичъ Романовскій, отецъ извѣстной въ настоящее время провинціальной драматической артистки А. Я. Романовской, и Александръ Ивановичъ Красовскій, авторъ популярной комедіи «Женихъ изъ ножевой линіи».

Впослѣдствіи, театръ Кокорева обращенъ былъ снова въ жилое зданіе, а въ городѣ построенъ настоящій, въ которомъ мнѣ привелось въ разное время антрепренерствовать два раза.

Послѣ Вологды я держалъ театры: казанскій, вятскій, костромской и снова ярославскій. Послѣдніе два даже одновременно. Антреприза ярославскаго театра далась мнѣ въ руки совершенно случайно, я не искалъ ее, она сама навязалась. Эпизодъ этотъ интересенъ по характерной обрисовкѣ того времени, дающій понятія о простотѣ нравовъ отжившихъ людей.

Дѣло было такъ:

На первой недѣлѣ великаго поста, проѣздомъ изъ Костромы въ Москву, остановился я на одинъ день въ Ярославлѣ, въ гостин-

---

[1]) Женатаго впослѣдствіи на актрисѣ Вормотовой, извѣстной Петербургу подъ фамиліей Громовой. Она прослужила на сценѣ Александринскаго театра около полувѣка и умерла не такъ давно въ преклонныхъ лѣтахъ.

ницѣ «Лондонъ». Выхожу въ общій залъ и вижу сидящихъ за однимъ столомъ трехъ старыхъ знакомыхъ: актера Ивана Ивановича Лаврова, ярославскаго помѣщика Ваксмана и бывшаго антрепренера Бориса Соловьева. По происходившему между ними спору, я заключилъ, что это претенденты на аренду мѣстнаго театра.

— Всѣ 600 душъ заложу, а не уступлю театра!—кричитъ Ваксманъ.

— Моя мошна потолще всякой! — заявляетъ Лавровъ, доставая изъ-подъ полы холщевый мѣшокъ съ металлическими деньгами и побрякивая ими.

— А я тоже очень богатъ!—вставляетъ Соловьевъ.

Замѣтивъ мое появленіе, они чуть не въ одинъ голосъ произнесли:

— А! И ты пожаловалъ сюда! Напрасно только,—не дадимъ тебѣ театра... Рыломъ не вышелъ! На сегодняшніе торги и не подступайся!

— Зачѣмъ онъ мнѣ?!—постарался я ихъ успокоить.—У меня есть свой, костромской...

— Ладно, разсказывай... Нашелъ тоже дураковъ! Такъ тебѣ и повѣрили! Лучше отъѣзжай по добру, по здорову.

Задорный ихъ тонъ меня и удивилъ, и разсердилъ. Я отошелъ отъ нихъ, а они быстро собрались и вышли изъ гостинницы. Я пошелъ за ними безъ предвзятаго намѣренія вступать съ ними въ борьбу, а просто посмотрѣлъ, что это будетъ за шумный торгъ. Являемся въ сиротскій судъ. Городской голова Соболевъ, поджидавшій ихъ, сейчасъ же приступаетъ къ дѣлу.

— Театръ этотъ ходилъ въ прошломъ году за 1,500 рублей,—сказалъ онъ.—Кто теперь предложитъ больше?

Претенденты молчатъ. Соболевъ предлагаетъ снова тотъ же вопросъ, опять молчаніе. Разочарованный въ своемъ предположеніи услыхать необыкновенно горячій торгъ и даже разсерженный этимъ обстоятельствомъ, я накинулъ пятьдесятъ рублей. Признаюсь, у меня было злостное намѣреніе подлить масла въ огонь, но, увы! мое поползновеніе оказалось тщетнымъ.

Видимо, самъ Соболевъ дивился такой рѣшительной уступкѣ со стороны Ваксмана, Лаврова и Соловьева.

— Ивановъ даетъ 1550, произнесъ онъ,—а вы, господа?

— Вѣдь переторжка будетъ?—спросилъ кто-то изъ нихъ.

— Да, послѣ завтра.

— Ну, мы тогда потолкуемъ!—многозначительно проговорилъ Ваксманъ и вмѣстѣ съ своими пріятелями покинулъ залу присутствія. Вся эта процедура меня задѣла за живое, и я задумалъ во что бы то ни стало завладѣть театромъ. Своими манерами, тономъ, они возбудили во мнѣ непреодолимое желаніе восторжествовать

надъ ними. Для этого пришлось дѣйствовать окольными путями. Отправляюсь къ секретарю сиротскаго суда и безъ церемоніи завожу съ нимъ откровенный разговоръ:

— Можно ли, спрашиваю, сдѣлаться арендаторомъ театра безъ переторжки?

— Нельзя,—отвѣчаетъ.

— Ну, а если, говорю,—я предложу вамъ за совѣтъ сто рублей.

— Подумаю!

— А много ли времени нужно вамъ на размышленіе?

— Немного: деньги въ столъ, совѣтъ на столъ.

— А вѣрно ли будетъ?

— Ручаюсь!

Я, разумѣется, вручилъ ему обѣщанное и спросилъ:

— Какимъ же образомъ мы это сдѣлаемъ?

— Приходите сегодня ко мнѣ, на квартиру, въ восемь часовъ вечера—все дѣло покончимъ.

Являюсь къ нему въ назначенное время и застаю у него собственницу театра, вдову М. Я. Алексѣева, опекуншу своей дочери. Секретарь указалъ намъ на одинъ пунктъ контракта покойнаго Алексѣева съ городомъ, въ которомъ говорилось, что владѣлецъ театра можетъ по желанію отдать въ аренду свое зданіе или оставить его за собой, т. е. быть лично антрепренеромъ, при чемъ если онъ оставляетъ за собой, то объ этомъ просто дѣлается заявленіе въ сиротскій судъ, а если отдаетъ въ аренду, то таковая должна состояться непремѣнно при посредствѣ городскаго управленія съ публичныхъ торговъ. Этотъ пунктъ секретарь ловко развилъ въ намекъ такого хитраго рода: Алексѣева можетъ оставить театръ на свое имя, быть его фиктивной антрепренершей, а на самомъ дѣлѣ отдать его по домашнему договору мнѣ, мнимому сотоварищу. Наведенные на мысль, мы повели въ этомъ тонѣ разговоръ. Алексѣева оказалась сговорчивой и охотно согласилась на 1500 рублевую арендную плату и половину чистой прибыли. Призвали тотчасъ же маклера (въ то время такъ называли нотаріусовъ) и заключили условіе, въ которомъ, между прочимъ, было выговорено, что она, Алексѣева, не будетъ вмѣшиваться ни въ режиссерскія, ни въ хозяйственныя дѣла, а кассиръ при театрѣ будетъ отъ нея.

Долгое время она искала вѣрнаго человѣка, которому было бы можно довѣриться и, наконецъ, обрѣла такового въ лицѣ віолончелиста театральнаго оркестра, Василія Андреевича Смирнова, служившаго еще у ея покойнаго мужа и, повидимому, очень благонадежнаго.

Изъ музыканта онъ превратился въ кассира и должность свою несъ съ похвальнымъ рвеніемъ и удивительнымъ усердіемъ, хотя въ его новой дѣятельности встрѣчалась масса недоразумѣній и

курьезовъ, благодаря его излишней суетливости и услужливости всѣмъ и каждому.

У Смирнова было два брата, которые тоже служили при театрѣ, одинъ въ качествѣ ламповщика, другой—билетера. Всѣ они были полузаиками и у каждаго изъ нихъ было по роковому словцу, которое вклеивалось въ каждую фразу и лишало ихъ рѣчь пониманія и смысла. У Василія Андреевича было поговоркою: «да, потому что, да», у средняго брата-билетера: «значитъ, значитъ», а у младшаго: «того, этого, того». И когда, бывало, они соберутся вмѣстѣ и заведутъ о чемъ-нибудь разговоръ, то для всякаго посторонняго было большимъ наслажденіемъ послушать ихъ милую бесѣду, впрочемъ, всегда оканчивающуюся, благодаря полному непониманію другъ друга, жестокими ссорами.

Однажды, въ бытность Смирнова кассиромъ, приключилось такое непріятное недоразумѣніе съ губернаторской ложей.

Шла какая-то новая пьеса съ заманчивымъ названіемъ. Билеты въ театръ брались на расхватъ. Въ день спектакля, когда въ кассѣ не было ни одной ложи, является нѣкій богатый помѣщикъ, бывшій въ контрахъ съ губернаторомъ, и проситъ ложу. Смирновъ отвѣчаетъ, что всѣ распроданы.

— Не можетъ быть!—сомнѣвается помѣщикъ.—Посмотрите хорошенько.

— Да, потому что, да...—затороторилъ Смирновъ, подавая ему билетную книжку.—Если не вѣрите, сами взгляните...

— А вотъ ложа!—воскликнулъ помѣщикъ, указывая на литерную губернаторскую.

— Да, потому что, да... эта не продажная, — это его превосходительства...

— Что̀ за вздоръ! Получите за нее и кончено! Сегодня губернаторъ въ театрѣ не будетъ, потому что къ нему гости изъ Петербурга пріѣхали...

Услужливый Смирновъ освѣдомился объ этомъ у полицейскаго, случайно находившагося тутъ же. Тотъ отвѣтилъ утвердительно, что дѣйствительно у губернатора гости. Сдѣлавъ изъ этого выводъ, что его превосходительству некогда посѣтить театра, Василій Андреевичъ съ спокойной совѣстью вручилъ помѣщику билетъ на ложу и получилъ съ него деньги.

Вдругъ, къ его ужасу, передъ самымъ спектаклемъ, пріѣзжаетъ человѣкъ отъ начальника края и заявляетъ, чтобы въ ложу было приставлено два лишнихъ стула.

— Поздно-съ, объявляетъ ему Смирновъ.—Ложа его превосходительства продана...

— Какъ такъ?

— Думали, что они не будутъ... Да, потому что, да...

Посланный удаляется и черезъ четверть часа передъ кассой

появляется внушительная фигура чиновника по особымъ порученіямъ.

— Какъ смѣли продать губернаторскую ложу?

— Да, потому что, да...

— Это еще что за новость!

— Да, потому что, да...

— Кому продана?

— Да, потому что, да...—забормоталъ совсѣмъ растерявшійся Смирновъ.

На этотъ громкій разговоръ прибѣжали оба брата Смирнова. Чиновникъ къ нимъ:

— Что это у васъ тутъ за сумасшедшій посаженъ? Заладилъ «дакать» и ничего отъ него не добиться...

— Значитъ, значитъ... это братъ... значитъ, значитъ...

— Что такое? Всѣ вы языка лишены, что ли?

Младшій братъ хотѣлъ поправить старшихъ и часто заговорилъ:

— Того, этого, того... они заи-и-икаются... того, этого, того...

— Да это сумасшедшій домъ, а не театръ!—съ ужасомъ воскликнулъ чиновникъ, быстро удаляясь отъ кассы.

Такъ губернатору и не пришлось въ этотъ день побывать въ театрѣ, а помѣщикъ съ торжествующимъ видомъ возсѣдалъ въ его ложѣ. Этотъ случай еще болѣе обострилъ ихъ отношенія, и безъ того незавидныя, а мнѣ пришлось выслушать гнѣвный выговоръ отъ его превосходительства.

IV.

Нарушеніе контракта.—Продѣлка Смирнова съ вдовой Алексѣева.—Его женитьба.—Смирновъ въ роли владѣльца театра.

Торги на ярославскій и рыбинскій театры, къ удивленію Ваксмана, Лаврова и Соловьева, не состоялись. Они такъ обозлились, что стали вооружать публику противъ меня, думая этимъ подорвать мои дѣла, но дѣла, противъ чаянія, пошли такъ хорошо, что я и Алексѣева положили въ карманъ чистой прибыли за одинъ зимній сезонъ по тысячѣ рублей слишкомъ. Моимъ конкурентамъ это не давало покоя и они придумали натравить на меня Соболева, поднявшаго, по ихъ наущенію, дѣло о нарушеніи условія, заключеннаго мною съ Алексѣевой, какъ неправильнаго, ибо по достовѣрнымъ источникамъ выяснялось, что я являюсь самостоятельнымъ антрепренеромъ, а не пайщикомъ, а она—наоборотъ. Дѣло это долго тянулось, переходя изъ инстанціи въ инстанцію, и кончилось, какъ и слѣдовало ожидать, не въ мою пользу: рѣшено было немедленно нарушить со мной контрактъ, но только рѣшеніе

это послѣдовало слишкомъ поздно: въ началѣ марта мнѣ объявили его, а въ концѣ февраля кончился мой контрактъ...

Послѣ меня ярославскій театръ имѣлъ нѣсколько антрепренеровъ, но кассиромъ въ немъ все время пребывалъ Смирновъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся его владѣльцемъ и вотъ какимъ образомъ.

Черезъ кого-то провѣдалъ онъ, что въ рукахъ одной небогатой помѣщицы Прасковьи Михайловны (фамилію ея теперь я не помню) находится вексель покойнаго Алексѣева въ 10,000 рублей, который былъ имъ выданъ незадолго до смерти,—такъ сказать, въ благодарность за долговременную ея благосклонность къ нему. Эта взаимная благосклонность ни для кого не была секретомъ, точно такъ же какъ и то, что отношенія супруговъ Алексѣевыхъ ограничились только совмѣстнымъ житьемъ въ одномъ домѣ. Векселю своему Прасковья Михайловна не давала никакого хода—отчасти потому, что свѣжа еще была память объ Алексѣевѣ, а главное—изъ скромности, изъ нежеланія сдѣлаться даже на самый короткій срокъ злобою дня въ городѣ. Всѣмъ этимъ тонко воспользовался Смирновъ. Въ одинъ прекрасный день онъ явился къ векселеобладательницѣ и объявилъ ей безапеляціонно, что по имѣющемуся у нея векселю Алексѣева она ничего не получитъ.

— Какъ? Почему?—удивилась помѣщица.

— Да, потому что, да... нѣтъ ничего у Алексѣевой!

— Какъ ничего? А театръ?

— Да, потому что, да... театръ-то?.. А вашъ векселекъ-то въ какую сумму?

— Десять тысячъ рублей.

— Хе-хе-хе!—притворно разсмѣялся Смирновъ.—Да, потому что, да... А театръ-то всего тысячи четыре стоитъ,—и то бы, разумѣется, ладно, да лиха бѣда въ томъ, что покрупнѣе вашего векселя послѣ Алексѣева остались, такъ-что на вашу долю и грошей не наберешь...

Пошли обычные разспросы, разъясненія, окончившіеся тѣмъ, что Смирновъ предложилъ взять ей за свой вексель отъ него тысячу рублей и этимъ окончательно удовлетвориться. Эту сдѣлку предусмотрительный заика мотивировалъ тѣмъ, что, намѣреваясь жениться на дочери покойнаго Алексѣева, онъ хочетъ предварительно, разумѣется не безъ согласія невѣсты и ея родительницы, покончить со всѣми кредиторами миролюбивымъ образомъ, чтобы хоть нѣсколько застраховать будущее своихъ въ скоромъ времени близкихъ родственниковъ. Причемъ присовокупилъ, что и другіе кредиторы Михаила Яковлевича согласились на подобную сдѣлку и этимъ оказали неизмѣримое благодѣяніе. Прасковья Михайловна поддалась на эти увѣщанія и отдала Смирнову десятитысячный вексель за тысячу. Но Смирновъ, передъ выплатой денегъ, «для бóльшей вѣрности» попросилъ на оборотѣ бланка сдѣлать полную передаточную надпись на его имя.

Заручась этимъ документомъ, является онъ къ Алексѣевой и начинаетъ очень смѣлый разговоръ относительно своего сватовства на ея дочери, едва достигшей семнадцати лѣтъ и взаимно влюбленной въ молодого капельмейстера. Разумѣется, та отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ, на который Смирновъ спокойно заявилъ, что въ его рукахъ находится десятитысячный вексель ея мужа, по которому она вѣдь не въ состояніи уплатить, а это влечетъ къ ея полному раззоренію, такъ какъ для удовлетворенія его придется съ аукціона продавать театръ, единственную и вѣрную ея поддержку. Къ этому Смирновъ смиренно добавилъ, что въ его сватовствѣ странно видѣть корыстную цѣль, наоборотъ—имъ руководитъ священное чувство выручить изъ бѣды уважаемое семейство.

И что же? Подъ угрозою раззорительнаго процесса, молоденькая и хорошенькая Θекла Михайловна Алексѣева, противъ всякаго желанія, принуждена была сочетаться бракомъ съ несимпатичнымъ, грубымъ и мелочнымъ Смирновымъ, къ которому въ видѣ приданаго перешли ярославскій и рыбинскій театры. Съ этого времени онъ выступилъ на антрепренорское и режиссерское поприще. Какъ антрепренеръ онъ былъ купецъ-маклакъ, какъ режиссеръ убійца всякаго дарованія, въ силу своего безусловнаго непониманія дѣла. Театры держалъ онъ много лѣтъ и составилъ кругленькій капиталецъ, на который впослѣдствіи существовалъ безбѣдно; впрочемъ, ему было бы достаточно и одной арендной платы за театръ, современемъ значительно увеличившейся.

V.

Знакомство съ московскими актерами.—Намѣреніе поступить на императорскую московскую сцену.—Н. А. Коровкинъ.—Его протекція.—Въ театральной дирекціи.—Верстовскій, Щепкинъ, Ленскій и Сдобновъ.—Анекдоты про Ленскаго.

Часто бывая въ Москвѣ, я перезнакомился со всѣми выдающимися силами Малаго театра, въ числѣ которыхъ были такіе колосы, какъ П. С. Мочаловъ, М. С. Щепкинъ, П. М. Садовскій, В. И. Живокини и др. Въ то время не было запрета казеннымъ актерамъ выступать на провинціальныхъ подмосткахъ не только лѣтомъ, въ каникулярное время, но даже и въ разгаръ сезона, разумѣется, если только они не были заняты. Поэтому большинство столичныхъ представителей сцены были не прочь отъ знакомства съ провинціальными антрепренерами, которые держали театры въ сосѣднихъ съ Москвою городахъ. Они пользовались свободными вечерами—зимой, а лѣтомъ—цѣлыми мѣсяцами, и выступали на частной сценѣ съ большимъ удовольствіемъ. Ими руководило двоякое чувство: и себя показать и заработать нѣкоторую

толику денегъ, въ которыхъ почти всѣ они нуждались, такъ какъ оклады того времени были незначительные и строго разсчитанные. Когда я держалъ театры въ Ярославлѣ, Твери, Рыбинскѣ, Вышнемъ Волочкѣ, Смоленскѣ, Орлѣ, Тулѣ, они у меня гастролировали все время, такъ что рѣдкая недѣля зимой проходила безъ участія какого-нибудь московскаго премьера. Нужно оговориться, что на лѣтніе сезоны ѣхали ко мнѣ «обыгрываться» преимущественно молодые актеры, актеры же съ именемъ пріѣзжали только на спектакли. Впрочемъ, Живокини пробылъ одно лѣто у меня въ Твери въ качествѣ режиссера и исполнителя, а самъ я въ то время хозяйничалъ въ Костромѣ; такъ же служилъ сезонъ и Корнелій Полтавцевъ. Нельзя не упомянуть о характерномъ фактѣ относительно вліянія на сборы, какъ гастролера, Прова Михайловича Садовскаго. Всѣ, даже второстепенные артисты, такъ называемыя «заѣзжія знаменитости» имѣли благотворное значеніе на разборъ билетовъ и представляли своимъ именемъ извѣстный интересъ; такой же замѣчательный художникъ, какъ Садовскій, сборовъ не дѣлалъ. Это достопримѣчательное явленіе, которое я до сихъ поръ не могу себѣ объяснить. Больше всего могъ дѣйствовать на публику, безспорно, Павелъ Степановичъ Мочаловъ, милый и задушевный человѣкъ, привязчивый и добрый товарищъ. Онъ пользовался обширной популярностью и оцѣнка его таланта характеризуется двумя словами, произносимыми провинціальными его поклонниками, «неподражаемый трагикъ». Когда онъ выступалъ, публика буквально ломилась въ театръ и сборы были феноменальные, но его гастроли были слишкомъ рѣдки, онъ не особенно любилъ выѣзжать изъ Москвы и все свободное время охотнѣе посвящалъ губительной чаркѣ. Щепкинъ то же бывалъ рѣдкимъ гостемъ, говорятъ, по своей природной лѣни; публика также чрезвычайно любила его, и онъ былъ магнитомъ для сборовъ.

Служить въ такомъ талантливомъ обществѣ, какъ вышеупомянутые артисты, было моею завѣтною мечтою, не приводимою въ исполненіе лишь потому, что я не надѣялся на свои актерскія силы и стѣснялся хлопотать о себѣ. Въ старое время актеры были скромнѣе и даже самолюбивѣе: они не сами навязывались на большую сцену, а терпѣливо ожидали когда ихъ пригласятъ на нее. И то время было самымъ цвѣтущимъ въ исторіи россійскаго театра...

Моя мечта стала вдругъ близкою къ осуществленію, когда въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ Ярославлѣ я познакомился съ Николаемъ Арсентьевичемъ Коровкинымъ, авторомъ многихъ извѣстныхъ водевилей. Онъ меня видѣлъ въ какой-то комической роли и я ему понравился на столько, что онъ самъ предложилъ мнѣ свое ходатайство относительно поступленія на столичную сцену. Ему это было легко сдѣлать, такъ какъ онъ занималъ должность секретаря при директорѣ императорскихъ театровъ А. М. Гедеоновѣ.

— Вы не лишнимъ будете и у насъ!—сказалъ онъ.—Я похлопочу, если хотите... Вотъ пріѣзжайте великимъ постомъ въ Москву,—я васъ своему генералу и представлю. Онъ каждую весну бываетъ въ Бѣлокаменной.

Великій постъ по обыкновенію я проводилъ въ Москвѣ и высматривалъ для своего театра актеровъ, но на этотъ разъ мое пребываніе въ столицѣ имѣло совершенно другое значеніе,—я выжидалъ пріѣзда Гедеонова, а вмѣстѣ съ нимъ и Коровкина, обнадежившаго меня въ смыслѣ устройства на казенную сцену положительнымъ образомъ. Когда они пріѣхали, съ душевной тревогой отправился я къ Николаю Арсентьевичу напомнить объ его обѣщаніи. Онъ принялъ меня очень любезно и сказалъ, что говорилъ уже генералу обо мнѣ и тотъ согласился подписать со мной контрактъ. Онъ велѣлъ явиться мнѣ на другой день въ театральную контору въ пріемные часы и розыскать его, а ужъ онъ самъ представитъ меня директору. Я такъ и сдѣлалъ. Коровкинъ, представляя меня Гедеонову, отозвался обо мнѣ, какъ объ актерѣ, слишкомъ восторженно и лестно.

— Жаль, что постъ теперь, — сказалъ Александръ Михайловичъ,—а то бы я самъ присутствовалъ на вашихъ дебютахъ, но, впрочемъ, я вѣрю Николаю Арсентьевичу и принимаю васъ на высшій окладъ, т. е. 600 р. въ годъ.

Мнѣ, разумѣется, не оставалось ничего больше дѣлать, какъ съ благодарностью согласиться.

При выходѣ изъ кабинета Гедеонова въ пріемную, ко мнѣ подошелъ управляющій московскими театрами Алексѣй Николаевичъ Верстовскій, съ которымъ я былъ знакомъ только шапочно, и спросилъ:

— Нанимались?

Я всталъ въ тупикъ отъ такого рѣзкаго вопроса и, нѣсколько задѣтый за самолюбіе, отвѣтилъ:

— Нѣтъ,—меня пригласили.

— Пригласили?—удивленно посмотрѣлъ на меня сквозь очки Верстовскій и медленно забарабанилъ двумя пальцами правой руки по большой табакеркѣ, которую держалъ въ лѣвой. — Пригласили?—повторилъ онъ.—Не слыхалъ что-то... И что жъ вы покончили?

— Покончилъ.

— Приняты?

— Принятъ.

— Хорошо, мы это увидимъ!

Такой недружелюбный тонъ будущаго моего начальника меня озадачилъ. Не успѣлъ я сдѣлать отъ него двухъ шаговъ, какъ ко мнѣ подошелъ Щепкинъ и тихо спросилъ:

— Что̀ вамъ сказалъ Верстовскій?

Я передалъ ему нашъ разговоръ.

— Не хорошо!—произнесъ Михаилъ Семеновичъ, сдѣлавъ одну изъ типичныхъ своихъ гримасъ.— Не съ того конца зашли... Гедеоновъ-то уѣдетъ, а этотъ здѣсь останется...

Послѣ Щепкина меня сталъ исповѣдывать Дмитрій Тимоѳеевичъ Ленскій, извѣстный острякъ и водевилистъ:

— Зачѣмъ къ тебѣ подходилъ Щепкинъ?

— Спрашивалъ о разговорѣ моемъ съ Верстовскимъ?

— Съ нимъ лишняго не болтай, — шепнулъ мнѣ Ленскій и спросилъ:—А какой разговоръ былъ у тебя съ Верстовскимъ?

— Не дружелюбно встрѣтилъ мой пріемъ въ составъ московской труппы.

— А ты къ нему раньше не заходилъ?

— Нѣтъ...

— Ну, не бывать добру... Погибъ! Затретъ онъ тебя...

Къ намъ подошелъ актеръ Сергѣй Сдобновъ и, узнавъ обо всемъ происшедшемъ, сказалъ мнѣ:

— Плюнь ты на все это! Пойдемъ со мной, я тебя рекомендую саратовскому антрепренеру Богданову. У него служба хорошая, это меценатъ, помѣщикъ,—жалованье дастъ 1,500 рублей и обезпеченный бенефисъ тысячу.

Обезкураженный затрудненіями и непріятностями, встрѣтившимися на первыхъ шагахъ серьезнаго начинанія, я поступилъ по совѣту Сдобнова: подписалъ контрактъ съ Богдановымъ и уѣхалъ въ Саратовъ, не дожидаясь никакихъ результатовъ отъ дирекціи театровъ.

Такъ и остался я только при желаніи на счетъ службы на казенной сценѣ, манящей къ себѣ двояко: почетнымъ положеніемъ и обезпеченнымъ существованіемъ. Особенно послѣднее имѣетъ громадное значеніе въ жизни каждаго театральнаго дѣятеля, волею судебъ мыкающагося по провинціямъ. Никакой крупный талантъ ни на минуту не гарантированъ отъ нищеты, вся его отрывистая жизнь строится на случайныхъ сцѣпленіяхъ обстоятельствъ, ухудшающихся годъ отъ году болѣе и болѣе въ силу утрачивающейся молодости, въ театральномъ мірѣ цѣнимой высоко,—а въ переспективѣ почти всегда — голодная, безпріютная старость. Доля провинціальнаго актера тяжелая, безформенная и забитая. Вотъ почему всѣ мечты и желанія у него сводятся къ одному — какъ бы пристроиться на казенную сцену и выслужить какой-нибудь пенсіонъ, чтобы не умереть съ голоду подъ старость. Старанія каждаго провинціальнаго актера въ этомъ смыслѣ безусловны, а потому тѣ, которые называютъ ихъ людьми безпечными, беззаботными, отчаянными, должны отказаться отъ своего обвиненія.

Кстати, упомянувъ о Ленскомъ, я припомнилъ нѣсколько его остротъ и экспромтовъ, на которые онъ былъ неподражаемымъ мастеромъ. Его находчивость была извѣстна всѣмъ и каждому, его остроты облетали Москву и твердо запоминались любителями.

Какъ-то, во время представленія трагедіи «Эдипъ въ Афинахъ» я былъ на сценѣ Малаго театра и стоялъ за кулисами вмѣстѣ съ Ленскимъ. Къ намъ подошли два брата Орловы, Илья и Павелъ, игравшіе: первый—Креона, второй—Тезея. Дмитрій Тимоѳеевичъ, какъ бы представляя мнѣ ихъ, произнесъ, указывая на того и другого:

«Вотъ вамъ Креонъ, вотъ вамъ Тезей.
«И дуралей, и ротозѣй».

Дѣйствительно, оба они были не хватающими звѣздъ съ неба и, кромѣ того, жестоко преданными живительной влагѣ.

Послѣ перваго дѣйствія, къ Ленскому подошелъ Илья Орловъ и что-то сказалъ ему жалобнымъ тономъ; вслѣдъ за нимъ явился и Павелъ Орловъ, тоже что-то не громко сообщившій Дмитію Тимоѳеевичу. По физіономіи ихъ можно было заключить, что они не особенно довольны другъ другомъ, что между ними произошло какое-то недоразумѣніе. Когда они удалились, я спросилъ Ленскаго:

— На кого они тебѣ жаловались?

Онъ отвѣтилъ экспромтомъ:

«Илья Орловъ винитъ Орлова Павла въ пьянствѣ.
«А тотъ его винитъ и въ пьянствѣ и въ буянствѣ».

Ленскій не покидалъ своей страсти къ остротамъ и каламбурамъ ни въ какія минуты жизни. Иногда, въ самые грустные моменты, онъ разражался какимъ-нибудь «кислымъ» (какъ самъ онъ отзывался о своихъ остротахъ) словомъ, приводившимъ всѣхъ окружающихъ въ неудержимый хохотъ, вовсе неприличный случаю.

Такъ, когда горѣлъ Большой театръ въ Москвѣ, Дмитрій Тимоѳеевичъ стоялъ на театральной площади и съ слезами на глазахъ смотрѣлъ на печальную картину пожарища.

Я въ это время былъ въ Москвѣ и тоже присутствовалъ на этомъ памятномъ зрѣлищѣ. Совершенно случайно столкнулся я въ толпѣ народа съ Ленскимъ.

— Плачь!—сказалъ онъ мнѣ.—Смотри чего мы лишаемся...

Между прочимъ, я припомнилъ ему, что онъ самъ когда-то говорилъ, что оба театра, и Большой, и Малый, снабжены многочисленными кранами, вполнѣ охраняющими ихъ отъ пожара.

— И если дѣйствительно имѣются такіе краны, закончилъ я,— то отчего около нихъ не дежурили сторожа на всякій случай. Они бы моментально затопили весь театръ водой.

— Развѣ не видишь какъ его затопили,—сказалъ съ горькой улыбкой Ленскій.—Такъ затопили, что и погасить не могутъ.

Въ купеческомъ клубѣ Ленскій бывалъ часто. Всѣ члены считали за особое удовольствіе его посѣщенія и на перебой старались ему угодить; онъ это высоко цѣнилъ и оказывалъ купеческому клубу видимое предпочтеніе передъ всѣми другими.

Купеческій клубъ до сихъ поръ сохранилъ о немъ массу анекдотовъ, передаваемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Вотъ два изъ нихъ:

Какъ-то къ Ленскому, стоявшему около клубскаго буфета, подходитъ какой-то господинъ, должно быть изъ провинціаловъ, и обращается съ заискивающимъ вопросомъ:

— Кажется, имѣю удовольствіе разговаривать съ господиномъ артистомъ Ленскимъ?

— Да я съ вами еще не разговариваю.

— Ну, полноте чваниться! О васъ я много слышалъ хорошаго...

— А мнѣ о васъ ничего хорошаго не удавалось слышать!

— Хе-хе-хе! Ну, вотъ ужъ и пошелъ!.. Не хотите ли лучше со мной бутылочку вина распить?

— Зачѣмъ только разъ пить, мы можемъ и нѣсколько разъ.

Случился, однажды, въ клубѣ скандалъ: сидѣвшіе въ столовой два гостя поссорились и затѣмъ одинъ другого ударилъ бутылкой по головѣ. Учинившихъ это безобразіе торжественно повели въ контору клуба для составленія протокола, а вмѣстѣ съ ними пригласили туда же и Дмитрія Тимоѳеевича, какъ очевидца происшествія.

— Вы видѣли, — спрашиваетъ Ленскаго дежурный старшина, составлявшій протоколъ,—какъ г. N. ударилъ по головѣ г. Z.?

— Не видалъ,—отвѣтилъ совершенно серьезно свидѣтель, — а слышалъ, что сильно ударили по чему-то пустому.

Въ заключеніе еще одна очень удачная шутка Ленскаго. Встрѣчается онъ на Тверской съ однимъ своимъ знакомымъ и спрашиваетъ:

— Куда и откуда?

— Изъ дома, — отвѣчаетъ тотъ, — къ своему кредитору долгъ несу.

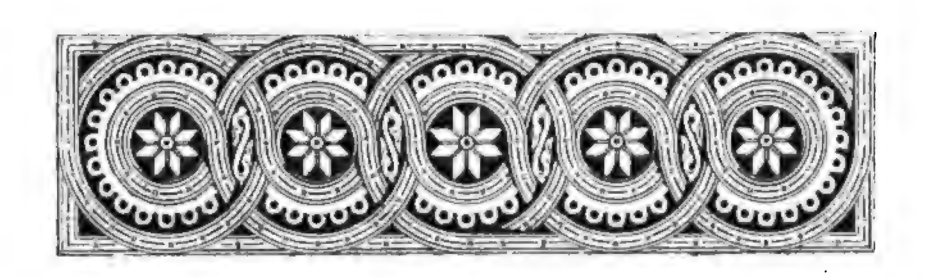
— Кто же тебѣ вѣритъ? Что это за феноменъ?

— Алексѣй Ивановичъ Простой.

— Познакомь-ка меня съ такимъ простымъ, отъ котораго можно было бы деньгами позаимствоваться. Не одному тебѣ пользоваться его простотой...

Н. Ивановъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЧТО ТАКОЕ САЛЮТИЗМЪ?

(Салютисты въ Швейцаріи).

I.

Въ ШВЕЙЦАРІИ нѣсколько озабочены шумною дѣятельностью такъ называемыхъ салютистовъ или чиновъ извѣстной «Арміи Спасенія».

Салютисты, годъ отъ году, все болѣе и болѣе расширяютъ кругъ своей пропоганды и, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ ростутъ всѣ европейскія арміи, ростетъ и Армія Спасенія. Еще два-три года назадъ въ Швейцаріи было всего нѣсколько сотенъ салютистовъ, теперь ихъ уже тысячи, сформированные въ боевые единицы: роты, бригады, дивизіи и корпуса. Салютисты теперь не только успѣшно вербуютъ прозелитовъ, но справляются и съ равнодушіемъ публики и съ такъ называемыми гоненіями и преслѣдованіями властей. Были уже случаи и закрытія салютистскихъ сборищъ, были и заключенія въ тюрьмы за неумѣстную пропаганду среди рабочихъ,—но чины Арміи не унываютъ и, въ надеждѣ на торжество своего дѣла, идутъ впередъ. Интелигентная часть общества, правда, не любитъ салютистовъ, лица духовныя пытаются всячески ослабить ихъ пропаганду,—а принципъ швейцарской вѣротерпимости даже подвергся,—въ дѣлѣ салютизма,—серьезному испытанію, ибо власти не разъ пытались и не перестаютъ пытаться наложить руку на свободное проповѣдываніе салютизма, но принципъ все еще живетъ—и салютисты пока не очень стѣснены.

Къ антипатіямъ интелигентной части общества салютисты относятся довольно равнодушно: ихъ прозелиты въ массѣ бѣднаго и темнаго народа. Они довольствуются тѣмъ, что нашли доступъ въ эту массу и до интелигенціи имъ нѣтъ дѣла. Женщины у нихъ орудуютъ всѣмъ... Ихъ форма (синяя юбка, кофта и шляпа-кибиткой) красуется повсюду и нужно отдать справедливость ихъ дисциплинѣ и стройности организаціи: по первому приказанію, отъ имени «генерала»—они идутъ куда указано и остаются на своемъ «посту» до отозванія, совершая каждый день, по нѣсколько разъ, свой culte, свое богослуженіе, и притомъ всегда съ большимъ шумомъ и трескомъ.

Кто не видалъ салютистскихъ «собраній», тотъ не можетъ составить себѣ представленія о томъ, что это за culte. Салютисты утверждаютъ, что это ничто иное какъ богослуженіе и требуютъ отъ своихъ слушателей должнаго почитанія, но при всемъ стараніи они успѣли только достигнуть, и то при помощи полицейскихъ агентовъ, соблюденія тишины, не успѣвъ, однако, внушить никакого уваженія къ своеобразнымъ пріемамъ своего богослуженія. Теперь уже постороннія лица правда не смѣются громко, какъ это было прежде, но ухмыляются безъ стѣсненія и безъ церемоніи обмѣниваются вопрошающими и недоумѣвающими взглядами.

Представьте себѣ обширное подвальное помѣщеніе. Потолокъ низкій, сводчатый, стѣны сѣрыя, сырыя; ряды простыхъ бѣлыхъ скамеекъ человѣкъ на триста; своды поддерживаются деревянными столбами, обвернутыми яркой красной матеріей... Помѣщеніе освѣщается двумя лампами. На кускахъ красной матеріи, развѣшенныхъ по стѣнамъ повсюду виднѣются надписи большими золотыми или серебряными буквами: «Добро пожаловать», «Да будетъ воля Господня», «Оставьте ваши сомнѣнія и заботы» и проч. и проч. На скамьяхъ все блузники въ самыхъ безцеремонныхъ позахъ; на боковыхъ скамьяхъ довольно много женщинъ всякаго возроста. У дверей четыре полицейскихъ.

Предъ скамьями столбъ; за столбомъ эстрада на вышинѣ четырехъ ступеней. На столбѣ надпись «Побѣда»... На эстрадѣ сидятъ «обращенные», на скамьяхъ «необращенные»—лицомъ другъ къ другу... Вся аудиторія поетъ громкими голосами; нѣкоторые орутъ во всю мочь; на эстрадѣ человѣкъ пятнадцать хлопаютъ въ ладоши и два тамбурина также на эстрадѣ звенятъ и трещатъ. Припѣвъ:

«Toujours joyeux à la guerre
«Sans frayeur!
«Elevons la banniere
«Du Sauveur!»

повторяется по пяти и по десяти разъ кряду; женскіе голоса въ публикѣ заливаются; салютистки на эстрадѣ, закрывъ глаза,—

заливаются пуще всѣхъ. Мотивъ самый веселый изъ числа національныхъ, всѣмъ извѣстныхъ, а слова въ книжкѣ «Гимновъ арміи Спасеній», всѣмъ предлагаемой тутъ же. Одна изъ салютистокъ стоитъ около столба съ надписью «Побѣда» и все время машетъ рукою, какъ бы дирижируя пѣніемъ.

Только-что окончилось пѣніе, выступаетъ салютистка-проповѣдница. Она восторженно разсказываетъ, какъ обрѣла спасеніе въ рядахъ Арміи; какъ она безуспѣшно и долго искала удовлетворенія своей духовной жажды, пока не утолила ее въ ученіи своего «генерала». Ее ничто не занимало, ея жизнь была пуста, жалка, грѣховна. Удовольствіе? Но послѣ удовольствія—является желаніе новыхъ удовольствій! Чтеніе? Но чтеніе не даетъ спокойствія душѣ! Работа? Но можетъ ли удовлетворить работа, когда чувствуешь на себѣ бремя грѣха! И вонъ она, наконецъ, нашла желанное спокойствіе въ Арміи... Тутъ только она познала, что значитъ быть постоянно въ общеніи съ Богомъ, чувствовать Его близость, сбросить съ себя бремя грѣховъ и оставить это бремя за дверьми того храма, гдѣ молятся салютисты... Она спасена, она счастлива, она постоянно созерцаетъ Бога и ей теперь открыты пути къ небесамъ...

Проповѣдница, едва окончивъ послѣднее слово, затягиваетъ веселую пѣсню, всѣ подхватываютъ, два тамбурина звенятъ и трещатъ... Припѣвъ еще веселѣе, чѣмъ прежде. Сто разъ прокричали:

«Joie, joie, joie! c'est la joie qui regne dans l'Armée;
«Joie, joie, joie dans l'Armée du Salut.
«Sang et feu! Sang et feu! c'est là notre devise;
«Au combat, au combat, que partout elle nous conduise».

Проповѣдница скрылась на эстрадѣ, но тотчасъ же выступила другая. Эта прежде всего закрыла глаза и, сильно жестикулируя, стала разсказывать о преслѣдованіяхъ салютистовъ. Имъ-де отказываютъ въ работѣ — потому что они салютисты и предлагаютъ работу не иначе какъ подъ условіемъ отказа отъ салютизма, — но они остаются тверды въ своихъ убѣжденіяхъ. Имъ-де отказываютъ въ наймѣ квартиръ, если не покинутъ салютизма, но и здѣсь они остаются вѣрны своимъ принципамъ. Имъ-де не даютъ мѣстъ ни въ конторахъ, ни въ мастерскихъ, но они все-таки не измѣняютъ своему Богу... И все это потому, добавляетъ проповѣдница, потому что они не подлецы!

И эта проповѣдница, закончивъ свою импровизацію — потихоньку затягиваетъ пѣсенку хотя и религіозную, но чрезвычайно веселаго напѣва. И опять десять разъ сряду, подъ трескъ и звонъ тамбурина, все собраніе выкрикиваетъ:

«Que c'est beau,
«Etre bien sauvé
«Que c'est beau,
«Parfaite liberté!»

И такъ каждый вечеръ. Послѣ 8 часовъ culte уже въ полномъ разгарѣ. Зала полна блузами; на эстрадѣ всѣ «обращенные» и «спасенные» съ знаками S на воротникѣ (Salut),—въ залѣ всѣ необращенные (inconverti), проповѣдницы (ихъ гораздо болѣе чѣмъ проповѣдниковъ)—такъ и обращаются къ публикѣ, называя всѣхъ inconverti и, приглашая поскорѣе сдѣлаться converti и перейти на эстраду, съ правомъ ношенія двухъ S. S.

Эти приглашенія всегда дѣлаются въ формѣ донельзя настойчивой, почти повелительной.

«Мои возлюбленные братья», — обращается, напр., проповѣдница, послѣ цѣлаго часа проповѣди, — мои милые братья! Я надѣюсь, что каждый изъ васъ воспользуется этимъ вечеромъ, чтобы узнать Христа! Не теряйте времени, не колебайтесь, поспѣшите узнать сладость общенія съ Нимъ. Вы, вѣдь, видите, какъ мы счастливы, получивъ свѣтъ отъ нашего Спасителя! О какое блаженство не знать ни заботъ, ни трудовъ,—потому что Онъ знаетъ наши нужды.—Мы съ Нимъ всегда—и Онъ съ нами также.—Мы глядимъ на Него, Онъ на насъ! Неправда ли, возлюбленные, какая это сладость. Только покайтесь, только обратитесь! Взгляните (показываетъ на эстраду)—какъ они счастливы! О, каждый изъ нихъ вамъ самъ скажетъ это»...

На эстрадѣ поднимается юноша лѣтъ восемнадцати.

«Я, говоритъ онъ, не взирая на мою молодость уже испыталъ разныя невзгоды жизни;—я считалъ себя несчастнымъ,—но теперь я счастливъ, я счастливъ! Тысячу разъ я счастливъ, найдя полное успокоеніе въ Арміи Спасенія... Теперь я только смотрю на Бога—и ни о чемъ не думаю»...

Встаетъ другой converti и говоритъ:

«Я счастливъ, что могу громко заявить, что обязанъ Арміи своимъ спасеніемъ... Я былъ горькій пьяница; я проводилъ время въ кабакахъ, — но десять дней тому назадъ я обратился на путь спасенія.—Теперь я другой человѣкъ.—Я могу только пожелать каждому изъ васъ (обращается къ публикѣ) обратиться немедленно»...

Поднимается съ эстрады солдатъ, но не солдатъ Арміи Спасенія, а настоящій швейцарскій пѣхотинецъ, въ военной формѣ съ тесакомъ у бедра—и заявляетъ, что и онъ познalъ свѣтъ и благо ученія салютистовъ и теперь счастливъ, беззаботенъ и доволенъ!

«Въ казармѣ я не слышалъ,—добавилъ этотъ воинъ,—ничего кромѣ сквернословія—теперь я каждый день слышу божественное слово. О не теряйте времени, обратитесь!»...—взываетъ онъ къ публикѣ.

По очереди затѣмъ встаютъ дѣвушка лѣтъ шестнадцати, старуха за шестьдесятъ, итальянецъ — очевидно каменщикъ, потому что весь въ известкѣ и всѣ, одинъ за другимъ, заявляютъ, какъ они счастливы, попавъ въ ряды Арміи. Итальянецъ добавляетъ къ этому, что, обратившись на путь спасенія, онъ остался однако

ревностнымъ католикомъ и что никто его не заставляетъ отречься отъ своей вѣры.—Онъ и салютистъ и католикъ.

Только-что кончились эти признанія обращенныхъ,—какъ вновь выступаетъ одна изъ проповѣдницъ и еще разъ взываетъ къ необращеннымъ, предлагая воспользоваться этимъ можетъ быть послѣднимъ случаемъ спастись...

— Кто знаетъ,—говоритъ она какимъ-то мрачнымъ голосомъ, обращаясь къ блузникамъ...—кто знаетъ, можетъ, тотъ изъ васъ, который считаетъ себя самымъ сильнымъ и здоровымъ—умретъ въ эту ночь...

Длинное воззваніе къ обращенію безпрестанно прерывается возгласами съ эстрады—«Аминь! Аминь!» произноситъ то одинъ, то другой «обращенный»... «Алилуія! Алилуія!» вторятъ съ другого конца эстрады...

Совершаются ли когда-либо внезапныя обращенія подъ дѣйствіемъ такихъ настойчивыхъ приглашеній,—намъ не случалось видѣть,—но разсказываютъ, что ревностныя салютистки не всегда проповѣдуютъ въ пустынѣ и нерѣдко какой-нибудь горемыка-рабочій, придавленный нуждой и горемъ, просидѣвъ два-три вечера у салютистовъ, подъ гнетомъ душевной тяжести, бросается къ эстрадѣ, моля о спасеніи...

Этого достаточно, чтобы горемыку сейчасъ же записали въ ряды Арміи и, записавъ, закабалили на нелегкую службу салютизму. За то салютисты тутъ же проявляютъ, въ самой неистовой формѣ, свой восторгъ: павъ, съ какимъ-то грохотомъ, на колѣни они громко благодарятъ Бога за новаго обращеннаго—и оглушительно поютъ соотвѣтственный cantique или psaume,—повторяя веселый припѣвъ нѣсколько десятковъ разъ.

Собственно на такіе случаи сочинены даже особые cantiques и особые псалмы и ихъ-то поютъ при каждомъ новомъ обращеніи. Одна изъ этихъ пѣсенъ кончается развеселымъ припѣвомъ:

«Je suis un soldat, gloire à Jésus
«Combattant pour mon Sauveur!
«Je suis un soldat, gloire a Jésus
«Je serai plus que vainqueur!!»

А въ другой,—хоръ ранѣе обращенныхъ, послѣ радостныхъ восторговъ по случаю пріобрѣтенія новаго борца въ Арміи Спасенія,—поетъ радостно и восторженно, прихлопывая въ ладоши и потрясая бубнами:

«Retrouvé! Retrouvé
«Un enfant prodigue retrouvé
«Son pere a pour jamais
«Oublié ses forfaits
«Gloire soit à Dieu
«Il est retrouvé,
«Retrouvé! Retrouvé!»

Что такое однако солютизмъ и въ чемъ заключается секретъ его успѣха? Но прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ необходимо сказать два слова о двухъ недавнихъ событіяхъ въ исторіи Арміи Спасенія.

II.

Въ началѣ мая нынѣшняго года, состоялись единовременно два большихъ собранія салютистовъ—одно въ Цюрихѣ, другое въ Ренанѣ (Renens) близь Лозанны. На послѣднемъ присутствовалъ и предсѣдательствовалъ самъ генералъ Бутсъ, или какъ его называютъ салитисты «Notre géneral». Оба собранія имѣли цѣлью установить болѣе тѣсное сближеніе между воинами Арміи Спасенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, посчитать такъ сказать свои силы. Въ Ренанъ собралось 2,000 человѣкъ;—сколько было въ Цюрихѣ мнѣ неизвѣстно. Въ салютистской газетѣ «Cri de guerre» ренанское собраніе было названо «смотромъ салютистскихъ войскъ». Оно пришлось какъ разъ на Вознесеніе. Еще за нѣсколько дней до смотра, въ Ренанѣ уже дѣятельно готовились къ принятію воиновъ Арміи Спасенія: воздвигали шатры и палатки, строили кухни, увѣшивали гирляндами палатку для самого генерала. Въ день собранія, поѣзда со всѣхъ сторонъ доставляли салютистовъ. Всѣ были въ установленной формѣ: синее кэпи, синій кафтанъ и штаны;—красные канты и на кэпи, и на кафтанѣ, и на штанахъ. Воины-женщины или солдатки (soldate) и офицерши (officieres) явились также въ присвоенной имъ формѣ: синяя юбка и кофта съ красными ленточками и шляпа кибиткой—съ красной же лентой, на поляхъ которой вышито: «алилуія». У всѣхъ на воротникахъ S. S.

Въ самой большой палаткѣ, на задней ея стѣнѣ, на красномъ фонѣ желтыми буквами было изображено: «Генералъ,—вашъ швейцарскій народъ говоритъ вамъ, — добро пожаловать» — по бокамъ разныя другія надписи. Надъ особой эстрадой надпись: «Сопротивляйтесь злу!» «Славимъ Бога!»—Деревянные столбы, поддерживающіе палатку, украшены знаменами всѣхъ кантоновъ; хоръ музыки и всѣ офицеры «генеральнаго штаба арміи» (l'etat major de l'Armèe du Salut) стоятъ отдѣльно. Все притихло въ ожиданіи генерала.

Входитъ генералъ, сопровождаемый маіоромъ Косанде и коммисаромъ Бутсъ-Клиборнъ (зять генерала). Его привѣтствуютъ цѣлымъ взрывомъ возгласовъ: кто произноситъ «аминь! аминь!»—кто кричитъ—«алилуія!»—Послѣ краткой молитвы, генералъ произноситъ рѣчь, которая можетъ служить образцомъ того темнаго языка, на которомъ генералъ вообще обращается къ своей арміи. Вотъ эта рѣчь:

«Господи! Призываемъ Твое благословеніе! Намъ нужно Твое благословеніе! Мы покинули свѣтъ и взошли на гору! Тамъ уже

воздвигнуть алтарь и тѣло Іисуса на немъ! Все, что на этомъ алтарѣ свято: — алтарь освящаетъ даръ. Да принесетъ туда каждый всего себя, свое я, свое имущество, свое семейство, — во славу Господа и ради спасенія Швейцаріи! Да дѣйствуетъ изъ васъ каждый такъ, какъ онъ *долженъ* дѣйствовать—а не такъ какъ требуетъ лживый и насмѣшливый свѣтъ;—да дѣйствуетъ такъ, какъ нужно предъ лицомъ вѣчности, которая уже близка, — предъ лицомъ великаго бѣлаго трона! О, да проникнетъ свѣтъ этого трона въ сердце каждаго изъ васъ!

«Боже, пошли на насъ огонь! Ты видишь эти массы людей приходящихъ и уходящихъ, безразличныхъ, холодныхъ къ жизни вѣчной! Боже, зажги горнило, въ семь разъ сильнѣе обыкновеннаго,— и да пожретъ это пламя всякую гордость, всякую свѣтскость, всякій эгоизмъ, всѣхъ идоловъ, все, что исходитъ не отъ Тебя... Обостримъ нашу жажду спасенія до того, чтобы продать все для достиженія перла высокой цѣны!

«Освяти маіоровъ, освяти капитановъ, освяти коммисаровъ, освяти генерала! Мы просимъ ниспослать на насъ струю, потокъ, море, океанъ благословенія и спасенія! Аминь.»

Вотъ вступительная рѣчь Бутса—безъ всякихъ пропусковъ... Генералъ говоритъ не иначе, какъ по-англійски,—но стоящіе съ нимъ рядомъ Косанде и Клиборнъ передаютъ тотчасъ же по-французски. Какъ ни темна была рѣчь генерала, но собраніе пришло въ умиленіе.

Послѣ рѣчи, Бутсъ сейчасъ же приступилъ къ толкованію притчи о засохшей смоковницѣ. Генералъ поставилъ вопросъ довольно рѣзко: кто не приметъ ученія салютистовъ, тотъ да будетъ проклятъ, какъ была проклята смоковница; кто не покается, тотъ не дастъ никакихъ плодовъ, какъ не дала ихъ засохшая смоковница... Впрочемъ, добавилъ генералъ, вы еще можете возвратиться къ Богу,—если вы *сегодня же* покаетесь въ вашихъ грѣхахъ... Еще не поздно и еще не произнесено то проклятіе, отъ котораго погибла смоковница.

Большая часть дальнѣйшихъ толкованій генерала была на этотъ разъ направлена къ поддержанію въ салютистахъ того духа необузданной, можно сказать, пропаганды своего ученія, которая положена въ основу всего дѣла. Генералъ энергично упрекалъ своихъ воиновъ въ недостаткѣ рвенія...

«Еще недавно—такъ говорилъ генералъ—вы были чисты сердцемъ, вы горѣли огнемъ желанія спасать погибающія души; каждый изъ васъ хотѣлъ сдѣлаться офицеромъ арміи; вы были готовы отдать на дѣло нашей любезной арміи все ваше время, ваше имущество, ваши семьи. Ваше сердце было преисполнено хвалы Господу; ваша жизнь была безконечная алилуія (un allêluia perpétuel); вы были покрыты плодами, какъ смоковница! Увы, теперь, вы не

проливаете слезъ надъ душами «необращенныхъ» — вы не поете, ваши пожертвованія ничтожны, источникъ ихъ иссякъ, — ваши плоды опали! вы засохли, вы увяли... Вы стали заботиться о томъ, что скажутъ;—каждый изъ васъ боится оскорбить какого-нибудь дядю, отъ котораго вы ожидаете получить, по завѣщанію, какую-нибудь корову или лошадь... О подумайте! Дѣло идетъ не о коровѣ или лошади, о спасеніи души,—и сегодня вы имѣете прекрасный случай принести на алтарь арміи какую-нибудь жертву» и т. д. и т. д.

Генералъ говоритъ очень, очень долго, — но рѣчь его кажется еще длиннѣе, когда ее слышишь на двухъ языкахъ. Генералъ кончаетъ еще разъ приглашеніемъ «обратиться» и предлагаетъ жаждущимъ этого обращенія подойти къ эстрадѣ... Встаетъ одинъ, затѣмъ другой, третій, пятый, десятый... Но все это, сколько можно было замѣтить, были уже ранѣе «обращенные»,—но еще не одѣтые въ полную форму Арміи Спасенія, по крайней мѣрѣ, на воротникахъ пиджаковъ и жакетокъ у многихъ изъ нихъ я замѣтилъ S. *S*. Тѣмъ не менѣе достаточный эфектъ былъ произведенъ и на другой же день въ газетѣ «Cri de guerre» было объявлено о массѣ лицъ вновь обратившихся и ушедшихъ изъ этого собранія «съ сердцемъ облегченнымъ и исцѣленнымъ». Но таково уже ученіе салютистовъ, что показная сторона у нихъ играетъ первенствующую роль.

Послѣ рѣчи генерала, проголодавшіеся салютисты разсѣеваются по прилегающимъ полямъ и лугамъ и удовлетворяютъ голодъ въ общей трапезѣ.

Послѣ обѣда «собраніе» возобновляется. Говоритъ коммисаръ Вутсъ-Клинборнъ. Онъ начинаетъ съ благодарности мѣстнымъ властямъ.

«Наша армія, говоритъ онъ, не убиваетъ, не воруетъ, не нарушаетъ законовъ и конституціи. На эстрадѣ этой (показываетъ на эстраду), нѣтъ ни преступниковъ, ни мошенниковъ... Напротивъ, армія облегчаетъ властямъ ихъ бремя, обращая и спасая тѣхъ, которые нарушаютъ законы... Да благословитъ Богъ Швейцарію и ея власти». Коммисаръ увѣряетъ, что другихъ цѣлей армія не имѣетъ, какъ спасеніе душъ. «Двадцать шесть лѣтъ назадъ, говоритъ онъ, былъ только одинъ салютистъ—notre chér Général—теперь мы имѣемъ десять тысячъ офицеровъ, пятьдесятъ тысячъ солдатъ и десять тысячъ уже готовы къ обращенію».

Коммисаръ торжественно распечатываетъ тутъ же десятокъ депешъ изъ Франціи, Бельгіи, Италіи и пр. съ поздравленіями и благословеніями, призываемыми на салютистовъ. Изъ Англіи телеграфируютъ, что три тысячи салютистовъ обѣщаютъ вѣрность до могилы. Изъ Италіи обѣщаютъ вѣрность генералу.

Самъ генералъ выступаетъ вновь и опять призываетъ къ обращенію. Онъ еще разъ внушаетъ солдатамъ посвятить себя все-

цѣло и навсегда службѣ арміи и заявляетъ, что у арміи масса дѣла.

«Австрія, говоритъ онъ, открываетъ намъ свои объятія, Венгрія насъ зоветъ, Южная Америка также открыта для насъ, словомъ, насъ зовутъ отовсюду. Предубѣжденіе противъ насъ ослабѣваетъ, въ Швейцаріи оно исчезло совсѣмъ»[1]).

«Призываю, заканчиваетъ генералъ, еще разъ благословеніе Бога на всѣхъ храбрыхъ воителей и воительницъ (guerriers et guerrières) Швейцаріи. Пусть всѣ, которые хотятъ встрѣтиться со мной въ небесахъ, поднимутъ руку!»

И тысячи рукъ поднялись какъ по командѣ.

Тутъ начался обмѣнъ рукопожатій. Къ Бутсу стали подходить массами. Въ числѣ подошедшихъ были и нѣкоторые русскіе, носящіе извѣстные имена. Салютисты съ пѣснями стали направляться къ желѣзнодорожной станціи. «Аллилуія» повторялась безсчетное число разъ и все веселѣе и веселѣе.

Въ ближайшемъ же номерѣ «Cri de guerre» было объявлено, что салютисты одержали новую блестящую побѣду надъ необращенными, и что даже эхо окрестныхъ горъ твердило: «Побѣда! Побѣда!»

На другой день послѣ смотра, въ Ренанѣ происходилъ «военный совѣтъ». Окруженный многочисленными офицерами своего генеральнаго штаба, а также капитанами, маіорами, адъютантами, большинство которыхъ были женщины[2]), генералъ воспользовался еще разъ случаемъ, чтобы укрѣпить и наставить своихъ подчиненныхъ.

«Наша армія, сказалъ онъ, несомнѣнно божественнаго происхожденія (de fabrication divine). Она призвана къ великой побѣдѣ. Офицеръ арміи не можетъ имѣть успѣха, если онъ самъ не святъ (s'il n'est pas un saint). Посвятите себя дѣлу полностью; откажитесь отъ денегъ, отъ удовольствій, отъ привязанностей. Никогда не читайте ничего только для развлеченія, читайте лишь то, чтò можетъ вамъ помочь въ достиженіи вашей цѣли, т. е. въ обращеніи грѣшниковъ на путь спасенія», и т. д.

За нѣсколько времени до «смотра» въ Ренанѣ, генералъ Бутсъ устроилъ въ Лозаннѣ, въ театрѣ, нѣчто въ родѣ публичнаго чтенія, на которомъ пропагандировалъ свой извѣстный планъ под-

---

[1]) Въ журналѣ салютистовъ «En avant» печатаются въ настоящее время длинныя корреспонденціи о томъ, какъ въ кантонѣ Невшатель власти тѣснятъ салютистовъ самымъ рѣшительнымъ образомъ и изъ этихъ корреспонденцій видно, исчезло ли предубѣжденіе противъ салютистовъ или нѣтъ.

[2]) Въ правилахъ салютистовъ (reglements), хотя говорится о солдаткахъ (soldates), капитаншахъ (capitaines), адъютантшахъ (adjutantes), получившихъ всѣ эти чины самостоятельно, за службу въ Арміи Спасенія, но вообще принято разумѣть подъ солдатами и солдатокъ, а подъ офицерами, также и офицершъ.

нятія общества и улучшенія соціальнаго положенія низшихъ классовъ (plan de relèvement social). По обыкновенію генералъ явился въ формѣ, съ огромной свитой «офицеровъ» обоего пола, расположившихся на сценѣ и, въ теченіе часа, объяснялъ публикѣ, переполнившей маленькій театръ, свой планъ соціальной реформы. Коммисаръ Клиборнъ служилъ ему переводчикомъ.

Планъ этотъ, какъ извѣстно, составляетъ предметъ отдѣльнаго сочиненія [1]) и представляется, по словамъ самого Бутса, «чудеснѣйшимъ средствомъ всеобщаго спасенія».

Въ общихъ чертахъ планъ этотъ уже извѣстенъ, но можетъ быть будетъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ генералъ самъ думаетъ объ осуществленіи этого плана и какъ онъ приступилъ къ его исполненію, для чего, какъ извѣстно, онъ уже добылъ и средства. По собственному исчисленію Бутса, ему требуется для начала дѣла 2 милл. 500 тысячъ франковъ и, затѣмъ, ежегодно по 750 тыс. франковъ. Сумма огромная, но при настойчивости салютистовъ вообще и въ особенности самого генерала, нельзя сомнѣваться, что эти средства будутъ имъ добыты. Болѣе позволительны сомнѣнія относительно осуществимости самаго плана соціальнаго возрожденія общества, хотя, излагая свои соображенія, реформаторъ, повидимому, не сходитъ съ практической почвы, исключивъ, конечно, все, что касается до «спасенія душъ», «искорененія пороковъ» и обращенія всѣхъ людей въ святыхъ солдатъ Арміи Спасенія.

Генералъ Бутсъ начинаетъ свой планъ съ такого тезиса: нельзя думать о спасеніи душъ того класса, который называется подонками общества, если, прежде всего, не позаботиться объ матеріальномъ обезпеченіи спасаемыхъ. Прежде чѣмъ говорить впавшему въ порокъ человѣку объ исправленіи, нужно ему обезпечить пищу, одежду, жилище и работу. Всѣ проповѣдники, всѣ миссіонеры, всѣ благотворители, могутъ это подтвердить, говоритъ Бутсъ, и, пока человѣку не обезпечены средства для существованія, онъ будетъ глухъ ко всѣмъ проповѣдямъ.

Будущаго объекта операціи своего «плана» генералъ Бутсъ приравниваетъ къ простой извозчичьей лошади. Чтобы имѣть возможность работать, лошадь требуетъ корма и заботъ, въ случаѣ паденія лошадь требуетъ посторонней помощи, чтобы подняться. Подобно сему, говоритъ Бутсъ, и всякій падшій человѣкъ требуетъ во-первыхъ, чтобы ему помогли подняться, а во-вторыхъ требуетъ пищи и работы, но, какъ и извозчичья лошадь, имѣетъ право получать пищу не иначе какъ только за работу. Отсюда выводъ: никто не имѣетъ права на какую бы то ни было матеріальную помощь арміи, если помощь эта не будетъ отработана. Что касается

[1]) «Въ Трущобахъ Англіи» (In darkest England).

до работы, то Бутсъ берется ее достать для всѣхъ, какъ бы ни было велико число лицъ требующихъ работы.

Генералъ съ крайнимъ прискорбіемъ отзывается о деморализующемъ дѣйствіи благотворительности даромъ, безъ соотвѣтственнаго отработка. Въ теченіе своей лекціи онъ много разъ повторяетъ, что работа есть для всѣхъ, рѣшительно для всѣхъ, и утверждаетъ самымъ положительнымъ образомъ, что можно пристроить къ дѣлу и бродягъ, и нищихъ, и преступниковъ, и пьяницъ, и проститутокъ, и бездомныхъ, и дѣтей, потерявшихъ родителей... «За дисциплину, добавляетъ генералъ, я отвѣчаю!»

И вотъ генералъ, на трехъ стахъ страницахъ убористой печати, подробно излагаетъ свои соображенія объ устройствѣ: 1) городскихъ колоній, 2) колоній земледѣльческихъ, внутри государства (именно въ Англіи), 3) колоній заморскихъ, 4) ночлежныхъ пріютовъ, 5) особыхъ бригадъ изъ лицъ освободившихся изъ тюремнаго заключенія, 6) деревенскихъ пріютовъ для падшихъ женщинъ, гдѣ они будутъ заниматься разведеніемъ деревьевъ и другихъ предметовъ сельскаго хозяйства, 7) убѣжищъ для излеченія пьянства, 8) заведеній для борьбы посредствомъ мыла и щетки съ господствующею въ разныхъ подвалахъ и логовищахъ грязью, 9) особыхъ бригадъ для собиранія отбросовъ въ городахъ и утилизаціи ихъ, и т. д. Все это описано съ величайшими и весьма интересными подробностями.

Этотъ-то планъ объяснялъ въ Лозанскомъ театрѣ генералъ Бутсъ своимъ слушателямъ и закончилъ сообщеніемъ результатовъ уже достигнутыхъ.

«Мы, сказалъ генералъ, уже извлекли изъ разныхъ вертеповъ пятнадцать тысячъ падшихъ женщинъ и тысяча изъ нихъ возвратилась къ честной жизни. Всѣ наши мастерскія въ полномъ дѣйствіи. Мы купили за четырнадцать тысячъ ф. стерл., землю въ Англіи, для первой земледѣльческой колоніи и 150 человѣкъ уже отправляются туда на водвореніе. Мы открыли, два мѣсяца назадъ, первое убѣжище для освобожденныхъ изъ тюрьмы и помѣстили туда 46 человѣкъ. Предъ моимъ отъѣздомъ изъ Англіи сюда, открыта фабрика спичекъ, которую мы назвали «свѣтомъ изъ трущобъ Англіи [1]).

«Вспомните о бѣдныхъ, принимайтесь за дѣло, и да благословитъ васъ Богъ!» Такъ закончилъ свое чтеніе глава и единственный распорядитель и руководитель Арміи Спасанія.

III.

Чѣмъ, однако, должна быть объяснена столь успѣшная пропаганда салютизма и что такое самый салютизмъ?

---

[1]) Эти спички пущены въ продажу по самой дешевой цѣнѣ, но плата рабочимъ на фабрикѣ повышена противъ другихъ фабрикъ.

Если спросить салютиста—въ чемъ заключается его ученіе,—онъ скажетъ: «наше ученіе есть проповѣдь «чистаго христіанства». Во имя Христа, пострадавшаго за все человѣчество, мы желаемъ спасти также все человѣчество! У насъ нѣтъ ни литургіи, ни опредѣленнаго богослужебнаго культа, мы руководимся только дѣйствіемъ Св. Духа и стремленіемъ ко всеобщему благу»...

— У насъ все такъ просто, такъ просто, какъ проще не можетъ быть,—говорила мнѣ одна салютистка.—Нужно только отдать все свое сердце, всего себя Богу — и больше ничего не нужно... Нѣтъ такого человѣка, который не понялъ бы нашего ученія... Такъ у насъ все просто, все понятно...

Можетъ быть, эта простота и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенная доступность всѣхъ салютистскихъ сборищъ объясняютъ, хотя отчасти, видимое сочувствіе темныхъ массъ этому ученію, но, конечно, есть и другія причины быстраго распространенія салютизма. Съ своей стороны противники салютизма утверждаютъ, что это ученіе просто безнравственное, что темный народъ не можетъ устоять противъ назойливой пропаганды проповѣдниковъ и проповѣдницъ, что въ основаніи всего лежитъ не иное что, какъ скандалъ.

Не безъ основанія говорятъ эти проповѣдники, что шумная, гласная, дѣятельность Арміи Спасенія, всѣ эти процессіи съ гикомъ и гамомъ, составляютъ только показную сторону дѣла и что за публичною проповѣдью о спасеніи душъ, скрываются такія проявленія дѣятельности салютистовъ, которыя даже не подлежатъ оглашенію... Генералъ, безгранично господствующій надъ душами «обращенныхъ» и напоминающій другого генерала, распоряжающагося также цѣлой арміей духовныхъ воиновъ, уловляющихъ души,—не представляетъ, по мнѣнію многихъ, явленія хоть сколько-нибудь симпатичнаго. Своеобразная, даже слишкомъ своеобразная военно-духовная іерархія Арміи Спасенія, съ замѣтнымъ въ ней преобладаніемъ женскаго элемента, яростное проповѣдничество молодыхъ салютистокъ, выработанная въ Арміи система шпіонства, балаганность и театральность ихъ собраній и пр., все это возбуждаетъ то негодованіе и протестъ, то удивленіе и отвращеніе публики...

Самые индиферентные и вѣротерпимые въ дѣлахъ вѣры, всѣ относящіеся безразлично и равнодушно къ безчисленнымъ здѣсь религіознымъ толкамъ и сектамъ, отзываются о салютистахъ и ихъ дѣятельности съ иронической улыбкой и многозначительнымъ пожиманіемъ плечъ. Между тѣмъ Армія ростетъ и ростетъ, средства и дѣятельность ея увеличиваются, кругъ дѣятельности расширяется [1])

---

[1]) Въ печатныхъ изданіяхъ Арміи говорится также о салютистахъ въ Россіи, безъ указанія, однако, гдѣ они находятся. Нѣкоторыя салютистскія брошюры переводены на русскій языкъ. Во французской Швейцаріи салютисты водворились уже въ 87 отдѣльныхъ пунктахъ.

и швейцарское правительство уже не считаетъ возможнымъ относиться безразлично къ дальнѣйшему процвѣтанію салютизма на швейцарской почвѣ [1]).

Чтобы разобраться въ противурѣчивыхъ сужденіяхъ о салютистахъ, казалось бы, лучше всего познакомиться съ ихъ такъ называемыми регламентами, съ ихъ журналистикой и корреспонденціей въ журналахъ и, такимъ образомъ, съ документами въ рукахъ, высказать свое заключеніе. Нужно однако принять во вниманіе, что не всѣ регламенты доступны желающимъ съ ними ознакомиться и несомнѣнно, что въ ученіи салютистовъ есть сторона таинственная, секретная, недоступная не только для такъ называемыхъ «не обращенныхъ», но и многимъ обращеннымъ не вполнѣ извѣста.

Изъ находящихся въ моемъ распоряженіи двухъ регламентовъ—для солдатъ и для офицеровъ—можно вполнѣ ознакомиться съ сущностью салютизма. Документы эти очень интересны и заслуживали бы полнаго перевода (съ англійскаго) уже собственно для того, чтобы ярче выяснилась самая полная несостоятельность салютизма какъ «религіи» или просто какъ секты, но по обширности этихъ регламентовъ они могутъ быть здѣсь приведены только въ краткихъ извлеченіяхъ. Необходимо замѣтить, что авторъ обоихъ регламентовъ «notre Général».

Въ солдатскомъ регламентѣ всего двѣнадцать главъ, но захватывающихъ, такъ сказать, всю жизнь «Солдата Спасенія» (Soldat du Salut). Это нѣчто въ родѣ Корана. Тутъ самымъ подробнымъ образомъ излагается, что солдатъ долженъ дѣлать съ того момента, какъ онъ обратился, получилъ спасеніе и самъ принялся за спасеніе и обращеніе другихъ... Что онъ долженъ читать, какъ молиться, съ кѣмъ водить компанію и съ кѣмъ нѣтъ, какъ онъ долженъ вести себя въ обществѣ и какъ въ своей семьѣ, какъ относиться къ прислугѣ, къ сосѣдямъ, къ знакомымъ, какъ держать себя въ качествѣ жениха или невѣсты (бываютъ въ Арміи и невѣсты-солдаты); на комъ слѣдуетъ предпочтительно жениться и на комъ нѣтъ (на «не обращенныхъ» воспрещается безусловно жениться или выходить замужъ) и т. д. Однимъ словомъ, какъ и въ Коранѣ, предусмотрѣно все. Далѣе подробно объясняется, какъ держать въ чистотѣ свое тѣло и платье, какъ воздерживаться отъ всякихъ излишествъ, какъ писать письма, какъ развивать въ себѣ память, способность разсуждать и наблюдать, какъ лечиться, какъ ходить за больными, какъ умирать, хоронить, носить трауръ.

Болѣе подробную инструкцію, обнимающую всю духовную и матеріальную жизнь едва ли возможно составить... Но особенно интересны тѣ двѣ главы инструкціи, въ которыхъ излагается «цѣль

---

[1]) Большая часть нѣмецкихъ кантоновъ не допускаютъ вовсе салютистовъ.

и устройство Арміи» и «Борьба Арміи». Вотъ главныя положенія этихъ двухъ главъ.

Цѣль арміи заключается въ спасеніи людей и въ признаніи ими, т. е. спасенными, единственнымъ своимъ руководителемъ и главою самого Бога.

Устроитель арміи руководился принципами св. Писанія, методами прежнихъ великихъ религіозныхъ реформаторовъ, ежедневными указаніями самого провидѣнія и непосредственнымъ руководительствомъ Св. Духа.

Такъ какъ въ Новомъ Завѣтѣ не указано никакого образца для созданія на землѣ царства Христова, то устроитель арміи счелъ нужнымъ взять за образецъ устройство церкви іудейской, организованной самимъ Богомъ. Такъ какъ апостолъ Павелъ былъ несомнѣнно генераломъ той Арміи Спасенія, которая существовала въ его время, то на такомъ же основаніи современная Армія Спасенія имѣетъ своего генерала.

Такъ какъ опытъ вѣковъ свидѣтельствуетъ, что наилучшій способъ управлять людьми достигается военной организаціей и дисциплиной, то именно этой организаціи и отдано предпочтеніе предъ всѣми другими...

Никакимъ образомъ не можетъ быть допущено, чтобы въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ много лицъ стремятся къ одной цѣли, существовало разногласіе въ мнѣніяхъ о наилучшемъ способѣ достиженія этой цѣли, а потому долженъ быть избранъ и признанъ кто-либо единственнымъ руководителемъ дѣла, а остальные должны повиноваться.

Такое единоличное управленіе нисколько, однако, не исключаетъ его божественнаго происхожденія, такъ какъ Богъ всегда управлялъ людьми посредствомъ своихъ избранныхъ.

Такъ объясняется въ солдатскомъ регламентѣ цѣль и устройство Арміи Спасенія и, помимо тѣхъ завиральныхъ идей, которыя высказаны создателемъ Арміи, никто, конечно, не заподозритъ генерала Бутса въ излишней скромности и недостаткѣ самомнѣнія.

Не менѣе интересна глава «о борьбѣ».

Въ чемъ заключается «религія» солдата Арміи,—спрашиваетъ генералъ, — и отвѣчаетъ: «спастись самому, остаться спасеннымъ навсегда и сдѣлаться спасителемъ другихъ». Разъ уже спасенный солдатъ Арміи,—для того чтобы остаться спасеннымъ и спасать другихъ,—обязывается слѣдовать извѣстному символу вѣры... Въ этомъ довольно длинномъ символѣ, скрѣпляемомъ подпискою всякаго новаго салютиста, особенно интересны нѣкоторые пункты: «Я вѣрую,— говорится въ символѣ, — въ божественность происхожденія Арміи; вѣрую въ истину ея ученія, вѣрую, что я спасенъ; вѣрую, что принадлежа къ Арміи, я совершенно освятился и преобразился и таковымъ останусь до второго пришествія Христа. Я навсегда отка-

зываюсь отъ свѣта и его обычаевъ, грѣховныхъ наслажденій и удовольствій и обязываюсь быть, всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ, храбрымъ солдатомъ Арміи... Я отрекаюсь навсегда отъ спиртныхъ напитковъ, употребленія морфія, опіума и какихъ бы то ни было наркотиковъ. Отрекаюсь отъ всякаго безнравственнаго чтенія, безнравственныхъ разговоровъ, отъ безчестныхъ поступковъ, обмана и оскорбленій кого бы то ни было. Я объявляю торжественно, что посвящу всего себя, все мое время, силы, деньги, имущество, на нужды Арміи и на ея побѣдоносную войну во имя спасенія человѣчества. Обязываюсь всѣми способами защищать, отстаивать и поддерживать принципы Арміи Спасенія» и т. д.

Изъ этой краткой выдержки уже видно совершенно ясно, что вступленіе въ Армію вполнѣ поглощаетъ, мало того, закабаляетъ салютиста на службѣ спасенія человѣчества,—и потому, когда въ проповѣдяхъ салютистовъ слышатся длинныя разглагольствованія—о полной будто-бы свободѣ дѣйствій и убѣжденій такъ называемыхъ «обращенныхъ»,—о совмѣщеніи католицизма или какой-либо другой религіи съ салютизмомъ, о томъ, что отъ салютиста не требуется ничего, кромѣ «чистаго сердца» и проч.,—то всѣ эти разглагольствованія ничто иное какъ пустыя рѣчи... Живя среди салютистовъ можно скоро и вполнѣ убѣдиться, что совмѣщеніе салютизма съ какой-либо религіей невозможно и что салютисты никогда ни въ какія церкви не ходятъ, а посѣщаютъ только свои собранія. Такихъ ежедневныхъ посѣщеній требуетъ отъ салютистовъ и самый ихъ регламентъ...

Въ дальнѣйшемъ изложеніи главы «о борьбѣ» приведены всевозможныя наставленія къ достиженію успѣха въ обращеніи и спасеніи душъ... Каждый подписавшій символъ вѣры долженъ немедленно ринуться въ борьбу... У всякаго солдата, говоритъ регламентъ, найдется какой-нибудь талантъ, который онъ обратитъ на пользу Арміи... Никто да не смущается первыми неуспѣхами... Пусть-де не обращаютъ вниманія на насмѣшки и оскорбленія «необращенныхъ». Пусть каждый знаетъ, что во всемъ мірѣ нельзя найти лучшаго случая работать во славу Божію, какъ въ Арміи Спасенія...

Далѣе идутъ подробнѣйшія правила о ношеніи формы, объ устройствѣ «корпусовъ» [1]), о любви къ товарищамъ, объ отданіи чести при встрѣчѣ (поднятіе къ небу указательнаго пальца), о молитвѣ, пѣніи, собраніяхъ на открытомъ воздухѣ, демонстраціяхъ, о томъ какъ говорить предъ публикой и пр., и пр.

---

[1]) Корпусомъ называется собраніе людей, помѣщающихся въ одной залѣ. Корпусомъ завѣдуетъ капитанъ, почти всегда женщина. Такимъ образомъ сколько отдѣльныхъ залъ, столько и корпусовъ. Капитаны перемѣщаются каждые шесть мѣсяцевъ—«во избѣжаніе привязанности къ мѣсту».—Генералъ Бутсъ считаетъ въ своемъ распоряженіи 5,000 корпусовъ.

Регламентъ требуетъ, чтобы всѣ обращенные немедленно прекратили ношеніе серебряныхъ или золотыхъ цѣпочекъ, драгоцѣнностей, серегъ, цвѣтовъ, перьевъ на шляпахъ и какихъ бы то ни было принадлежностей моды. При молитвѣ безусловно требуется закрыть глаза, голову держать высоко... Когда кто-либо громко молится всѣмъ прочимъ предлагается, въ удобный моментъ вставлять слово «аминь» или «алилуія». Всякій солдатъ можетъ разсчитывать, по мѣрѣ своего усердія и рвенія, на производство въ офицеры,—но ранѣе девятнадцати лѣтъ никто произведенъ быть не можетъ. Послѣ вечернихъ собраній солдаты и офицеры одного пола не имѣютъ, ни подъ какимъ видомъ, права входить въ помѣщеніе офицеровъ и солдатъ другого пола,—ибо это можетъ подать-де поводъ къ пересудамъ.

Особенно требуется отъ каждаго чина Арміи распространеніе салютистскихъ печатныхъ листковъ.

Каждый солдатъ обязанъ, во славу Божію и ради всеобщаго спасенія, всемѣрно хлопотать о распродажѣ газетъ: «En avant» и «Cri de guerre» такъ какъ, говоритъ регламентъ, Армія Спасенія обязана болѣе всего успѣхамъ своего дѣла удачному распространенію своихъ печатныхъ изданій... Каждый солдатъ обязанъ поставить себѣ въ строжайшую обязанность не только продать, еженедѣльно, нѣсколько экземпляровъ этихъ журналовъ,—но купить ихъ самъ, читать ихъ своимъ сосѣдямъ, своимъ друзьямъ, знакомымъ, своему семейству и всѣмъ къ кому онъ имѣетъ какія-либо отношенія по ремеслу или занятіямъ.

Въ заключеніи этой главы неожиданно встрѣчается такое грустное признаніе: «въ большинствѣ народъ вовсе не хочетъ слушать проповѣди спасенія и не желаетъ собираться въ нашихъ залахъ и собраніяхъ, а потому нужно идти на встрѣчу толпѣ, на улицу, ибо тѣ обращенные, которые составляютъ особенно цѣнные трофеи Арміи, пріобрѣтены на улицѣ»...

Вотъ, въ существенныхъ чертахъ, весь солдатскій регламентъ.

Изъ двухъ частей офицерскаго регламента,—часть вторая вовсе изъята изъ обращенія и недоступна публикѣ,—часть первую можно раздобыть, хотя съ трудомъ. Трудно сказать какая изъ двухъ частей болѣе интересна,—но нельзя не признать, что составитель регламента, самъ Бутсъ, (Ordres et regulation for the Salvetion Army)—вошелъ здѣсь уже въ такія подробности всѣхъ способовъ уловленія душъ въ ряды Арміи Спасенія,что стоитъ только ознакомиться съ этими подробностями, чтобы все ученіе notre Général было полностью дискредитировано.—Если сказать, что весь регламентъ проповѣдуетъ и поощряетъ всякую фальшь, то это будетъ слишкомъ мягкое опредѣленіе того направленія, которое проникаетъ офицерскій регламентъ... Тутъ просто обманъ, шпіонство, шантажъ, безстыдная комедія, іезуитизмъ... Вотъ для подтвержденія нѣкоторые изъ образцовыхъ тезисовъ офицерскаго регламента.

Всякій офицеръ долженъ считать, что онъ призванъ подчинить обитаемый имъ городъ «божественной власти» (т. е. салютизму). Для этого офицеръ долженъ изучить городъ (торговлю, строенія, улицы, переулки и пр.) и выработать въ себѣ быстроту соображенія и практическій взглядъ на вещи. Онъ долженъ чаще ходить на почту и телеграфъ и узнавать кто съ кѣмъ въ какихъ сношеніяхъ. Пусть офицеръ показываетъ всѣмъ окружающимъ, что онъ чрезвычайно набоженъ. Пусть, не стѣсняясь никакими приличіями, входитъ повсюду смѣло, изобрѣтая разныя для того предлоги. Ему это нужно, чтобы все знать. Онъ долженъ непремѣнно внимательно наблюдать за тѣмъ, съ кѣмъ онъ говоритъ, чтобы узнать податливъ этотъ человѣкъ или строптивъ... Онъ обязанъ умалчивать обо всемъ, что дискредитируетъ Армію; онъ хорошо сдѣлаетъ, если не будетъ терять времени на убѣжденіе въ правотѣ нашего дѣла... Всѣмъ пасторамъ онъ долженъ говорить, что вовсе не конкурируетъ съ ними и что Армія никогда не посягала и не посягаетъ на совращеніе кого-либо изъ той вѣры, въ которой онъ пребываетъ...

Если кто-либо начнетъ упрекать офицера въ разныхъ несообразностяхъ салютизма,—напр., проповѣдничество женщинъ [1]), то регламентъ совѣтуетъ не спорить и не убѣждать, а скорѣе переходить на другіе предметы...

«Возбуждайте, говоритъ регламентъ, повсюду удивленіе и ожиданія. Оповѣщайте большими надписями:—идетъ-де отрядъ Арміи Спасенія или ожидается-де такой-то краснорѣчивый проповѣдникъ. Чтобы достигнуть во что бы то ни стало устройства нашихъ собраній, подкупайте полицію. Всякая новизна привлекаетъ толпу и чѣмъ удачнѣе первый дебютъ, тѣмъ болѣе жертвъ вы соберете... Собирайте денежныя пожертвованія вездѣ и всюду; имѣйте при себѣ ящики, блюда, сумки, кошельки... Дабы содержаніе Арміи не обременяло главную квартиру, извлекайте деньги изъ народа. Если офицеръ ловокъ и рѣшителенъ, онъ успѣетъ много собрать... Не пропускайте ни одного человѣка.

Въ эстрадѣ для обращенныхъ регламентъ видитъ всю силу. «Устроивайте эстраду такъ, совѣтуетъ регламентъ, чтобы производить впечатлѣніе; мѣняйте сцены, производите эфекты, ставьте новыхъ людей; показывайте, какъ бы со сцены, все въ лучшемъ видѣ... Не проповѣдуйте на тексты, а слѣдуйте внушенію св. духа и выдавайте публикѣ, какъ бы все это шло отъ самого Бога.

«Толпа превосходно подчиняется рѣшительному человѣку и удачная демонстрація на счетъ какого-нибудь иностранца [2]) производитъ неизгладимое впечатлѣніе...

---

[1]) Именно этотъ примѣръ «несообразности» приведенъ въ офицерскомъ регламентѣ.

[2]) Въ инструкціи очень подробно разсказано какъ процессія, захвативъ, по пути, какого-нибудь заѣхавшагося иностранца, затаскиваетъ въ свое сборище

«Чаще появляйтесь въ печати, такъ какъ журналы живутъ полемикой и всегда расположены помѣщать статьи, которыя что-либо превозносятъ или что-либо порицаютъ... Пріобрѣтайте расположеніе корреспондентовъ, поставщиковъ новостей, журнальныхъ завсегдатаевъ, платите деньги за помѣщеніе вашихъ статей, ибо чѣмъ болѣе журналы будутъ о насъ говорить или даже если они пойдутъ противъ насъ, тѣмъ болѣе мы пріобрѣтемъ интереса и тѣмъ болѣе у насъ будетъ слушателей... Офицеръ, который не съумѣетъ обратить на себя вниманіе журналистики, много потеряетъ.

«Не объявляйте никогда, что наши борцы-офицеры оплачиваются жалованіемъ, говорите, что всѣ сборы идутъ-де на наемъ помѣщенія, на отопленіе, освѣщеніе, а офицеры борятся изъ-за принципа. Всякій офицеръ долженъ хвалить своего предшественника. Всѣ офицеры могутъ оставаться на мѣстахъ подъ условіемъ абсолютнаго повиновенія распоряженіямъ генерала. Никакихъ возраженій о невозможности исполненія какихъ бы то ни было приказаній не должно быть; никакихъ петицій, никакихъ заявленій, никакихъ объясненій противъ сдѣланныхъ распоряженій не принимается. Никакого выборнаго начала и никакого контроля въ Арміи не существуетъ, все исходитъ отъ нашего высшаго руководителя (autocrate).

«Офицеръ долженъ держать своихъ солдатъ подъ своимъ постояннымъ давленіемъ. Онъ можетъ дозволить вотированіе какого-нибудь вопроса, но только въ пользу такого рѣшенія, котораго онъ самъ желаетъ достигнуть.

«Устроивайте шествія и процессіи всегда и вездѣ; чѣмъ чаще и торжественнѣе тѣмъ лучше, устроивайте ихъ по два, если можно по четыре раза въ день; останавливайтесь на пути, произносите рѣчи, дирижируйте музыкой и пѣніемъ, идите въ нѣсколько рядовъ мужчинъ и женщинъ, со знаменами, съ криками «алилуія»... Берите города вашею проповѣдью, и т. д., и т. д.

Приведенныхъ выписокъ, кажется, достаточно, чтобы понять къ какимъ пріемамъ прибѣгаютъ салютисты и на какіе инстинкты массы разсчитаны ихъ эфекты. Эти выдержки краснорѣчиво говорятъ сами за себя и не требуютъ длинныхъ комментарій — съ бо̀льшею откровенностью трудно было изложить сущность офицерскихъ обязанностей отнюдь не рыцарскаго характера. Обманъ темнаго люда, лицемѣріе и самое беззастѣнчивая эксплоатація невѣжественной массы—вотъ что преподано въ руководство господамъ офицерамъ обоего пола.

Намъ остается добавить немногое къ сказанному, чтобы сдѣлать общее заключеніе о достоинствахъ ученія салютистовъ.

и, оглушая его всевозможными способами (пѣніе молитвъ, проповѣди и пр.), заставляютъ его заявить желаніе зачислиться въ Армію Спасенія. Всѣ эти махинаціи съ иностранцемъ изображены съ рѣдкимъ безстыдствомъ.

Дикая военно-религіозная организація, будто бы внушенная самимъ Богомъ, самозванный, будто бы, на подобіе апостола Павла генералъ, правящій абсолютно и безконтрольно, ни съ чѣмъ несообразная и ничѣмъ неоправдываемая проповѣдь женщинъ [1]), шумныя уличныя демонстраціи, театральность такъ называемаго богослужебнаго культа, эксплотація бѣдности и невѣжества, іезуитское давленіе на душу, шпіонство и взаимное соглядатайство, обираніе темныхъ массъ—вотъ главныя черты ученія новыхъ спасителей человѣчества...

А не исчислимое зло и рознь, поселяемыя въ семьяхъ, гдѣ заведется салютистъ? А нижніе и офицерскіе чины обоего пола? А невѣсты-солдаты? А дикій гамъ, грохотъ и трескъ въ собраніяхъ? Развѣ все это не скандалъ?

Единственная реальная заслуга салютистовъ, это ихъ обширныя благотворительныя операціи, ихъ широкая помощь матеріально-нуждающимся, ихъ успѣшная дѣятельность по извлеченію падшаго и погрязшаго въ порокахъ человѣчества изъ разныхъ вертеповъ пьянства, игры и разврата. Но въ виду полной безконтрольности этихъ операцій и тутъ возникаетъ вопросъ: идутъ ли на полезное употребленіе всѣ тѣ громадныя средства, которыя собираютъ салютисты или эти средства расходуются нецѣлесообразно и расточительно [2]).

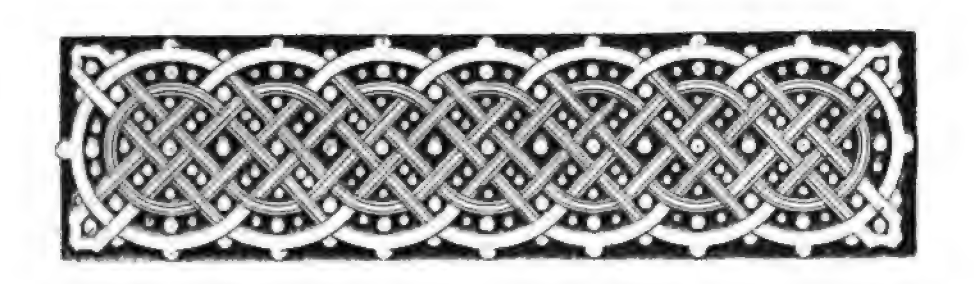
Но за признаніемъ достойной похвалы благотворительной дѣятельности салютистовъ — вопросъ о безвредности или вредности ихъ религіознаго ученія уже не можетъ, кажется, вызвать никакихъ противурѣчивыхъ толковъ. Никакая благотворительность не искупаетъ того насильственно-грубаго порабощенія душъ и эксплоатаціи невѣжества и бѣдноты; никакая совѣсть и никакое религіозное убѣжденіе не могутъ примириться ни съ цѣлями Арміи Спасенія, ни съ пріемами практикуемыми Арміей будто бы для достиженія этихъ цѣлей... Ложь и обманъ, очевидно, не могутъ быть положены въ основу какого-либо религіознаго ученія или толка.

Н. Дингельштедтъ.

---

[1]) См. I. Посл. къ Тим. Гл. 2 ст. 11 и 12. Тамъ же. I. Посл. къ Кор. Гл. 14 ст. 34. Въ обоихъ посланіяхъ женщинамъ воспрещается проповѣдывать и учить народъ.

[2]) Офицеры-салютисты, обоего пола, получаютъ жалованье; капитанъ холостой 21 шил. въ недѣлю, женатый—27 шил., на каждаго ребенка прибавляется одинъ шил. въ недѣлю. Капитанъ-женщина получаетъ 15 шил. въ недѣлю.

НА ЗАРѢ МОЕЙ ЖИЗНИ.

(Воспоминанія абхазскаго крестьянина изъ времени послѣдней русско-турецкой войны).

I.

Родители мои жили до послѣдней русско-турецкой войны въ сел. Псырдцха, Сухумскаго отдѣла, къ востоку отъ Ново-Аѳонскаго Симоно-Конанитскаго монастыря, а въ настоящее время мы, трое братьевъ, живемъ съ матерью въ поселкѣ Абгархуквъ, Лыхненской общины, Гудаутскаго участка, Сухумскаго округа, Кутаисской губерніи. Отца у насъ нѣтъ: онъ умеръ въ 1879 году. Отецъ мой былъ крестьянинъ и занимался земледѣліемъ. Когда его родители умерли, и онъ самъ остался безпомощнымъ сиротой, то, чтобы не оставить хозяйства дѣда и продолжать его, онъ женился, еще молодымъ, на моей матери, дочери тоже крестьянина изъ сел. Ацы близь м. Гудауты. Мать моя помогала отцу во всѣхъ его работахъ; даже, когда онъ уѣзжалъ куда-нибудь по дѣлу на цѣлое лѣто (онъ раза три ѣздилъ въ Карачай, Кубанской области, для покупки скота), она одна за него трудилась и исполняла всѣ его работы, какъ въ домѣ, такъ и въ полѣ, съ помощью знакомыхъ. Отецъ жилъ съ ней въ любви и согласіи до самой своей смерти.

Помню одинъ разсказъ моей матери, который произвелъ на меня особенно жалостное впечатлѣніе. Мать разсказывала мнѣ, что когда

еще меня не было на свѣтѣ, въ ближнихъ къ намъ деревняхъ появилась оспа, скоро перешедшая и въ нашу деревню. Первой заболѣла моя мать, за ней всѣ дѣти, потомъ служанка и т. д., словомъ всѣ, за исключеніемъ отца, вся наша семья и всѣ наши люди [1]) лежали больными. Отцу пришлось прислуживать всѣмъ больнымъ; но такъ какъ иногда ему было необходимо отлучаться въ горы, чтобы присмотрѣть тамъ за скотомъ, то больные оставались дома одни безпомощными: некому было подать имъ напиться и сварить какую-нибудь пищу, приходилось мучиться отъ голода и жажды. Изъ сосѣдей никто не хотѣлъ идти къ нимъ на помощь, боясь заразы; даже и тогда, когда умеръ одинъ больной изъ прислуги, то отцу одному пришлось предать землѣ его тѣло. Какъ ни берегли себя отъ заразы наши сосѣди, но послѣ того, какъ вся наша семья выздоровѣла, заболѣли оспою нѣсколько семействъ сосѣдей; къ нимъ также никто не ходилъ и они также оставались безъ помощи, а потому мой отецъ, оставивъ своихъ семейныхъ, только-что вставшихъ съ постели, сталъ ходить къ заболѣвшимъ и прислуживать имъ. Всѣ они очень удивлялись, что отецъ не боялся заразы. Отецъ такъ и не заразился. Мать, разсказывая все это, прибавляла: «Посылаетъ болѣзнь на людей Богъ, и потому не хорошо бояться болѣзни и укрываться отъ нея: «Отъ Бога и въ сундукѣ не схоронишься» [2]); Богъ вездѣ найдетъ. Вотъ видишь ты нужно всегда прислуживать больнымъ, не боясь никакой заразы, какъ это дѣлалъ твой отецъ. И за это Богъ будетъ хранить тебя отъ болѣзней».

Изъ приведеннаго разсказа матери видно, что отецъ мой былъ человѣкъ добрый. Хотя онъ не зналъ грамоты, но уважалъ грамотныхъ людей и вѣрилъ имъ.

У него жилъ одинъ работникъ изъ имеретинъ, который, будучи лѣнивъ къ работѣ, всегда уговаривалъ отца, чтобы онъ построилъ лавку и сдѣлалъ его приказчикомъ; при этомъ онъ увѣрялъ, что хорошо обученъ грамотѣ и умѣетъ считать. Отецъ поддался его убѣжденіямъ, завелъ лавку и сдѣлалъ его приказчикомъ, но многихъ хлопотъ и заботъ стоила ему послѣ эта лавка. Когда приходилось провѣрять приказчика, то онъ провѣрялъ его по кукурузнымъ зернамъ. Это дѣлалось такъ: сколько пудовъ продавалось

---

[1]) Въ то время въ Абхазіи еще было рабство. Абхазія дѣлала частыя набѣги на черкесовъ и забирала ихъ въ плѣнъ; черкесы въ свою очередь дѣлали набѣги на Абхазію и брали въ плѣнъ абхазцевъ. Плѣнники эти и были рабами: ихъ продавали, и каждый состоятельный хозяинъ, будь онъ крестьянинъ, дворянинъ или князь, могъ покупать ихъ и заставлять работать; мой отецъ не долго держалъ рабовъ: еще раньше освобожденія крестьянъ, онъ освободилъ своихъ людей, но они сами не хотѣли отъ него уходить и попрежнему, какъ семейные, помогали ему въ его работахъ.

[2]) Абхазская пословица.

чего-нибудь, столько откладывалось отцомъ и кукурузныхъ зеренъ. Всѣ эти зерна хранились въ разныхъ мѣшечкахъ, и сколько было разныхъ предметовъ сбыта, столько было и мѣшечковъ. Мѣшечки эти были для отца его конторскими книгами. Отца часто обманывали, и онъ думалъ, что будь онъ грамотный, обмануть его было бы нельзя. Помню, какъ увѣрялъ онъ маму, что знать грамоту очень хорошо и что онъ отдастъ насъ въ школу, какъ только мы подростемъ.

Мать моя была такая же добрая, какъ и отецъ. Она была ко всѣмъ жалостлива, особенно къ дѣтямъ, какъ къ своимъ, такъ и къ чужимъ: если бывало увидитъ, что у чужого мальчика плоха одежда, то найдетъ какую-нибудь нашу одежду, изъ которой мы выросли, и одѣнетъ мальчика.

У меня было двое старшихъ братьевъ, которые и теперь живы. Мы всѣ братья жили дружно и ладили съ сосѣдскими мальчиками, которые насъ любили и не обижали.

Когда мой старшій братъ подросъ, отецъ отдалъ его одному священнику для обученія грамотѣ. Братъ находился у священника года два, послѣ чего поступилъ въ Сухумскую городскую школу, гдѣ проучившись тоже два года, поступилъ переводчикомъ къ одному баталіонному командиру, полковнику Араблинскому. Насъ же, меня съ другимъ братомъ, отецъ отдалъ въ монастырскую школу, гдѣ насъ учили нотной гаммѣ. Мѣсяца черезъ два насъ выпустили изъ этой школы, по случаю объявленія послѣдней русско-турецкой войны.

II.

Разъ, когда отецъ пахалъ, а я стоялъ около, одинъ изъ сосѣдей нашихъ окликнулъ отца и сказалъ ему: «Посмотри на море!» Когда мы посмотрѣли на море, то были поражены множествомъ пароходовъ, представлявшихъ своими мачтами густой лѣсъ, который темнѣлъ на горизонтѣ. Отецъ ужаснулся, не зная причины появленія такого множества пароходовъ, а я восхищался этимъ зрѣлищемъ. На другой день послѣ появленія пароходовъ, вся наша деревня была въ невыразимомъ страхѣ отъ пушечныхъ выстрѣловъ, доносившихся къ намъ, какъ раскаты грома. Къ вечеру того же дня, мы узнали, что пришли турки и что между ними и русскими началась война; затѣмъ узнали также, что турки овладѣли Сухумомъ, который отстоялъ въ 20 верстахъ отъ нашей деревни. Мать плакала, отецъ не зналъ что̀ дѣлать, сокрушаясь о сынѣ, который, какъ я уже упоминалъ, служилъ въ русской службѣ, въ Сухумѣ, у баталіоннаго командира Араблинскаго. Услыхавъ плачъ матери, я тоже заплакалъ, хотя и не понималъ въ чемъ дѣло. Родителямъ неизвѣстно было ничего объ ихъ сынѣ:

убитъ онъ турками въ числѣ русскихъ, или живъ; спрашивать объ этомъ было некого, потому что въ то время сообщенія съ русскими никто не имѣлъ.

Турецкій паша привелъ всѣхъ абхазцевъ къ присягѣ на вѣрноподданство Турціи и приказалъ имъ идти на войну противъ русскихъ, а моего отца посадилъ въ тюрьму, говоря, что не выпуститъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не вызоветъ своего сына отъ русскихъ и не представитъ его къ нему, чтобы узнать отъ него о положеніи русскаго войска. Паша пригрозилъ отцу даже смертью, если онъ не представитъ сына. Однако, послѣ двухъ-недѣльнаго, строжайшаго ареста, по ходатайству нѣкоторыхъ абхазцевъ, которые были приближены къ пашѣ и знали моего отца, послѣдній былъ освобожденъ изъ тюрьмы; но при этомъ ему было приказано идти вмѣстѣ съ другими на войну. Отецъ пошелъ, надѣясь увидать своего сына у русскихъ. Чрезъ нѣкоторое время часть абхазцевъ вернулась съ войны, а остальные были убиты. Сосѣди наши, которые были съ отцомъ на войнѣ, вернулись къ намъ не съ доброй вѣстью: они разсказывали матери, какъ отецъ былъ съ ними въ сраженіяхъ, какъ онъ не стрѣлялъ въ русскихъ, говоря: «развѣ я могу стрѣлять въ своего собственнаго сына, можетъ быть, еще живого!» какъ турки, замѣтивъ, что отецъ не стрѣляетъ, пригрозили ему смертью, потомъ, какъ онъ стрѣлялъ въ сторону, гдѣ русскихъ вовсе не было, какъ подходилъ къ каждому трупу убитаго русскаго солдата и осматривалъ его, ожидая найти въ немъ своего сына, и наконецъ, какъ во время одной битвы онъ пропалъ безъ вѣсти.

Я не въ состояніи выразить того чувства, которое овладѣло моею матерью послѣ такой убійственной вѣсти. Домъ нашъ былъ наполненъ воплями и рыданіями мущинъ (знакомыхъ и родныхъ), женщинъ и дѣтей (я съ братомъ и двѣ сестры).

И такъ мы лишились и отца и брата.

Турецкій паша объявилъ абхазцамъ, что не можетъ устоять противъ русскихъ и принужденъ оставить Абхазію, причемъ предложилъ имъ ѣхать съ нимъ въ Турцію, гдѣ они будутъ, по его словамъ, ходить въ золотѣ. Абхазцы согласились и начали собираться. Мать же, узнавъ объ этомъ, страшно испугалась: она ни за что̀ не хотѣла покинуть свою родину. Но для этого ей нужно было бѣжать съ дѣтьми въ лѣсъ и укрываться до выѣзда турокъ и возвращенія русскихъ; а къ намъ именно приставленъ былъ тогда караулъ, и мы уже не могли бѣжать. Съ недѣлю мы сидѣли подъ карауломъ, а затѣмъ намъ было приказано немедленно отправиться на берегъ моря, куда собрались всѣ абхазцы изъ трехъ селеній для выѣзда въ Турцію.

И вотъ, мы—мать, двѣ сестры мои съ ихъ мужьями, изъ которыхъ одинъ былъ имеретинъ, а другой—грекъ, и я съ бра-

томъ,—въ концѣ іюля мѣсяца, утромъ, чуть свѣтъ, оставивъ домъ и все свое движимое и недвижимое имущество, отправились въ въ назначенное мѣсто. Дорогой мать плакала и другіе были скучны, а мы съ братомъ радовались тому, что увидимъ пароходъ, который уже рисовался въ нашемъ воображеніи. Помню, какъ дорогой я спорилъ съ братомъ относительно устройства парохода: братъ говорилъ, что онъ имѣетъ видъ дома, а я увѣрялъ, что пароходъ вовсе не домъ, а громадная бочка съ толстыми обручами. На берегу было множество народа, на морѣ стоялъ большой военный турецкій пароходъ съ пушками, которыя высовывались изъ люковъ; ихъ черныя, какъ пасть звѣриная, жерла, пугали меня. Взяли насъ всѣхъ на пароходъ и онъ отправился въ Гудаутъ; тамъ дали съ парохода нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ по Гудауту, а затѣмъ пароходъ пошелъ въ Сухумъ и оттуда прямо въ Турцію.

Пароходъ былъ переполненъ людьми, которые страдали отъ недостатка пищи, а еще больше отъ недостатка воды. Воды абхазцамъ, послѣ трехъ дней пути, совсѣмъ не стали давать. Взрослые пили морскую соленую воду; такъ какъ пить ее было противно, то нѣкоторые подбавляли туда, не знаю для чего, перецъ. Въ пищу давались сухари, но твердые, какъ камень. Этими сухарями у меня содрало всю кожу съ нёба и губъ. Всѣ страдали отъ желудочныхъ болей; и всего болѣе дѣти; они плакали, кричали, просили пить; а матери были не въ силахъ утолить ихъ жажду. Вода была кругомъ, дѣти видѣли ее и отъ этого еще больше кричали. Болѣзни дѣлались смертельными; преимущественно гибли дѣти. До сихъ поръ передо мной живо рисуется эта потрясающая картина. Надъ умирающими плакали не одни родители, но и всѣ женщины и родственники; матери кричали, рвали на себѣ волосы. Когда всѣ утомлялись отъ плача и крика, наступала на короткое время тишина, а затѣмъ снова раздавались плачъ, вопли и крики. Трупы малютокъ бросали въ море, не взирая на отчаянное сопротивленіе матерей... Я помню, какъ одна мать ни за что не хотѣла, чтобы ея ребенка выбросили въ море и долго скрывала его смерть. Абхазцы знали объ этомъ, но молчали. Она держала мертваго ребенка на рукахъ, прижавъ его къ груди, и когда кто-нибудь изъ турокъ проходилъ мимо, начинала разговаривать съ нимъ, какъ съ живымъ. Такъ скрывала она его до тѣхъ поръ, пока на пароходѣ началъ распространяться трупный запахъ. Тогда сдѣлали обыскъ и нашли мертваго ребенка; но мать и тутъ не хотѣла отдать его, и когда ребенка все-таки вырвали изъ ея рукъ и бросили въ море, она сама пыталась броситься за нимъ. Ее съ трудомъ удержали. Крикъ этой матери и до сихъ поръ раздается въ ушахъ моихъ.

Наконецъ, пароходъ присталъ къ турецкому городу Самсону, гдѣ насъ высадили, и, оставивъ на жгучемъ песчаномъ берегу моря, подъ палящимъ солнцемъ, велѣли не расходиться до особаго приказанія. Болѣзни среди абхазцевъ все усиливались; они умирали каждый день десятками. Только и слышались похоронные вопли по умершимъ.

Наконецъ, явился паша, чтобы опредѣлить число прибывшихъ абхазцевъ и при этомъ спросилъ ихъ: по доброй ли волѣ они пріѣхали и всѣ ли магометанскаго вѣроисповѣданія? Тогда моя мать, двое зятей, я съ братомъ и сестры, выступили впередъ, и мать сказала, что мы пріѣхали не по своей волѣ, но что насъ взяли силой и мы не магометане, а христіане. Тогда паша съ бѣшенствомъ крикнулъ на насъ и пригрозилъ, что всѣхъ насъ перерѣжетъ; я страшно перепугался, уцѣпился за мать и началъ плакать. Паша велѣлъ насъ отдѣлить отъ прочихъ махаджировъ[1]) и отвести въ какой-то домъ, гдѣ приставили къ намъ караулъ, такъ что мы уже не могли выходить со двора.

Я былъ все время здоровъ и веселъ; меня занимали большіе дома, какихъ я не видывалъ въ Абхазіи. Цѣлые часы просиживалъ я у окна и смотрѣлъ на улицу, на проходящихъ турокъ, которые удивляли меня своими красными фесками и широчайшими шароварами; приводили меня въ изумленіе и закутанныя фигуры, съ закрытыми лицами, часто проѣзжавшія мимо нашего окна на бѣлыхъ ослахъ безъ сѣделъ. Смотря на нихъ спереди, видно было, что онѣ опоясаны поясами, изъ-подъ которыхъ торчали большіе куски хлѣба. Это были турецкія женщины.

Разъ, паша позвалъ насъ къ себѣ и съ угрозами принуждалъ принять ихъ вѣру, но мать сказала за всѣхъ насъ: «мы ни за что̀ не перемѣнимъ своей вѣры». Тогда паша запретилъ зятьямъ имѣть сообщеніе съ нами; они были отдѣлены и къ намъ ходить не смѣли. Въ теченіе полутора мѣсяца паша каждую недѣлю и всегда врознь призывалъ то насъ, то зятей.

Намъ онъ говорилъ будто зятья уже приняли магометанскую вѣру и что мы должны сдѣлать то же самое, иначе онъ велитъ убить насъ; а зятьямъ говорилъ, будто мы согласились принять магометанство и приказывалъ, чтобы и они приняли, иначе грозилъ ихъ повѣсить. И мы и зятья все-таки отказывались твердо, что ни за что̀ не измѣнимъ своей вѣры, хотя бы насъ десять разъ вѣшали.

Чрезъ два мѣсяца, по требованію русскаго консула, насъ отправили въ Константинополь. Какъ узналъ русскій консулъ о нашемъ положеніи, я не знаю. Въ Константинополѣ намъ было хорошо,

---

[1]) «Махаджиры» — значитъ переселенцы. Всѣхъ абхазцевъ, взятыхъ изъ Абхазіи силой или обманомъ, турецкое начальство называло переселенцами.

благодаря тамошнимъ богатымъ грекамъ: изъ казны намъ давали кормовыя деньги по 10 коп. на душу, а греки отъ себя давали по 20 коп. и, кромѣ того, еще доставляли пищу.

Мы прожили въ Константинополѣ три мѣсяца; затѣмъ, русскій консулъ, по нашей просьбѣ, отправилъ насъ обратно на Кавказъ. Чрезъ десять сутокъ нашъ пароходъ, безъ особыхъ приключеній, присталъ къ мѣстечку Шекватили, близь Озургетъ. Оттуда начальство отправило насъ на подводахъ въ гор. Кутаисъ. По дорогѣ умерла одна изъ моихъ сестеръ. Когда мы прибыли въ Кутаисъ, намъ отвели квартиру отъ казны, гдѣ мы и жили, не имѣя никакого извѣстія о братѣ и отцѣ; мы и не надѣялись ихъ увидѣть: думали, что ихъ давно уже нѣтъ на свѣтѣ. Какъ же мы изумились, когда вдругъ одинъ изъ зятей прибѣжалъ къ намъ и объявилъ, что отецъ живъ и находится въ заключеніи. Зять нашелъ отца слѣдующимъ образомъ: утромъ онъ пошелъ на базаръ для покупки провизіи и, когда проходилъ мимо тюрьмы, увидалъ отца выглядывавшаго изъ-за желѣзной рѣшетки тюремнаго окна. Тогда онъ прибѣжалъ и разсказалъ намъ объ этомъ. Мы тотчасъ же отправились къ смотрителю тюрьмы и стали просить у него позволенія повидаться съ отцомъ. Получивъ позволеніе, мы пошли въ тюрьму. Солдаты вывели къ намъ больного отца. Увидѣвъ насъ, онъ хотѣлъ броситься къ намъ, но солдаты удержали его, и насъ близко къ нему не подпустили: мы стояли на разстояніи одной сажени и плакали отъ радости, какъ онъ, такъ и мы. Первый вопросъ матери отцу состоялъ въ томъ, нашелъ ли онъ сына и живъ ли онъ? Отецъ сказалъ, что сынъ живъ и что онъ нашелъ его, но только не знаетъ, гдѣ онъ находится въ настоящее время. Мы не говорили о смерти сестры, отецъ былъ едва живъ и мы боялись убить его этимъ извѣстіемъ. Мы сказали ему, что сестра не совсѣмъ здорова и потому осталась дома. Караульные не дали намъ больше разговаривать и увели отца.

Наконецъ, дошла къ намъ вѣсть и о братѣ. Чрезъ одного человѣка мы узнали, что братъ находится въ Зугдидахъ. Мы телеграфировали туда и братъ пріѣхалъ чрезъ три дня. Трудно описать радость матери, когда она увидѣла сына, о которомъ думала, что его уже нѣтъ въ живыхъ. Когда она успокоилась отъ радости, то первымъ вопросомъ ея брату было, какъ онъ нашелъ своего отца? Братъ разсказалъ все, и я приведу здѣсь его разсказъ отъ лица его самого.

III.

«Когда турки напали на насъ въ Сухумѣ, — началъ свой разсказъ братъ, — мы вышли оттуда и чрезъ нѣсколько часовъ весь городъ былъ въ пламени—турки подожгли его. Мы остановились недалеко отъ Сухума. Полковникъ подозвалъ меня къ себѣ и ска-

залъ: «вотъ, Алексѣй, твои братья, абхазцы, измѣнили намъ, русскимъ, а ты чтò скажешь? Останешься ли такимъ же преданнымъ, какимъ былъ до сихъ поръ? Если хочешь ѣхать къ своимъ, то даю тебѣ честное слово, что я отпущу тебя, только скажи мнѣ объ этомъ». Я отвѣчалъ ему, что останусь такимъ же преданнымъ Россіи, какимъ былъ.

«На другой день утромъ началась страшная битва. Какъ пчелы жужжали непріятельскія пули. Въ день битвы была страшная, невыносимая жара и мы утомились до крайности. Въ полдень битва прекратилась; полковникъ отдыхалъ въ своей палаткѣ и я былъ около него. Одинъ офицеръ изъ передоваго отряда донесъ полковнику, что захваченъ живымъ одинъ изъ непріятелей; тогда полковникъ послалъ меня узнать, не абхазецъ ли пойманъ.

«Я пошелъ и увидалъ своего отца. Руки и ноги у него были туго перевязаны, и онъ, закрывъ глаза, лежалъ на солнцѣ. Вокругъ него стояли вооруженные солдаты. Я окликнулъ его, но онъ былъ безъ памяти и не узналъ меня. Я просилъ ротнаго командира, чтобы онъ приказалъ перенести отца въ тѣнь и отпустить веревки, которыми онъ былъ связанъ. Вернувшись къ полковнику, я разсказалъ ему все, чтò видѣлъ; онъ пожалѣлъ и отца, и меня, и обѣщалъ помочь отцу по возможности.

«Когда отецъ пришелъ въ сознаніе, его допросили, но не чрезъ меня, а чрезъ другого переводчика. Отецъ передалъ переводчику, что онъ съ русскими не хотѣлъ драться, а самъ бѣжалъ къ нимъ, надѣясь увидать сына, что онъ никогда не былъ противъ русскихъ и не стрѣлялъ по нимъ. Ему замѣтили, что по ружью видно, что онъ стрѣлялъ? Отецъ отвѣтилъ, что онъ не могъ не стрѣлять, но стрѣлялъ на воздухъ: «Я зналъ, что тамъ сынъ мой, какъ же я могъ стрѣлять по сыну?»

«Если ты самъ хотѣлъ передаться русскимъ, сказали ему, то почему же тебя взяли съ оружіемъ? Отецъ отвѣтилъ, что онъ не зналъ, что для этого нужно было быть безъ оружія, да если бы и зналъ, такъ все равно не могъ бы сгоряча догадаться и бросить ружье.

«Послѣ допроса, отца прислали въ здѣшнюю тюрьму, гдѣ вы и видѣли его. Я до сихъ поръ хлопочу объ освобожденіи его, и мнѣ обѣщали, что его скоро освободятъ»...

«Намъ съ отцомъ, прибавилъ братъ, ничего не было извѣстно о васъ. Мы думали, что вы не поѣдете въ Турцію, а убѣжите куда-нибудь въ лѣсъ, но боялись, что васъ найдутъ турки и перебьютъ всѣхъ. Какъ только турки ушли, я съ разрѣшенія начальства поѣхалъ домой, но наше селеніе оказалось пусто, въ немъ не было ни одной человѣческой души, и, когда я увидалъ и нашъ домъ пустымъ, сердце мое сжалось. Смотрю, по двору бѣгаютъ куры, и собаки наши голодныя воютъ. Въ домѣ все раскидано,

разбросано, столы опрокинуты. Не долго думая, пошелъ я искать васъ, надѣясь, что вы скрываетесь въ лѣсу; искалъ васъ вездѣ, въ знакомыхъ мнѣ лѣсахъ и трущобахъ, гдѣ только человѣку можно было укрываться; звалъ васъ громкимъ голосомъ, говоря, что я, молъ, Алексѣй, не бойтесь меня и отзовитесь, но все было напрасно. Возвратившись, я долго сидѣлъ въ нашемъ пустомъ домѣ и плакалъ. Ну, думаю себѣ, сразу лишился я всѣхъ родныхъ и остался сиротой, но дѣлать нечего: на все воля Божья. Всталъ и поѣхалъ обратно. Когда я ѣхалъ, дорогой мнѣ встрѣчались лошади, коровы и буйволы, оставленные выѣхавшими абхазцами, но я, удрученный горемъ, конечно, и не подумалъ задержать и присвоить ихъ себѣ, хотя имѣлъ отъ начальства на это право; но когда я увидалъ, что нѣкоторыхъ изъ нашихъ собственныхъ коровъ, Какушъ, Валишъ [1]) и др. гонятъ какіе-то абхазцы изъ селенія Лыхны [2]), мнѣ стало жалко, а потому я отобралъ ихъ отъ абхазцевъ. Но онѣ не долго жили: заболѣли чумой и всѣ подохли. Вообще, послѣ переселенія абхазцевъ, свирѣпствовала страшная чума и много скота погибло».

Мать съ грустью слушала разсказъ брата, и, глубоко вздохнувъ, только замѣтила, что на все воля Божья.

Мнѣ слѣдуетъ разсказать еще о смерти отца.

Проживъ въ Кутаисѣ мѣсяцъ, братъ отправилъ насъ въ Абхазію. Когда мы уѣзжали изъ Кутаиса, отецъ просилъ мать оставить ему средняго брата.

— Когда вы уѣдете, говорилъ онъ, то я буду думать, что все это я только во снѣ видѣлъ, а когда будетъ Костя на глазахъ, я буду вѣрно знать, что и васъ всѣхъ видѣлъ не во снѣ, а тоже наяву.

Мать оставила брата.

Доѣхавъ до Зугдидъ, послѣдняя сестра заболѣла и тоже умерла, а мы остальные, наконецъ, добрались до своей родной Абхазіи. Такъ какъ въ нашемъ селеніи никто не жилъ и намъ однимъ оставаться тамъ было страшно, то мы поѣхали къ знакомымъ въ селеніе Ачандара. Тогдашній начальникъ Гудаутскаго участка отвелъ намъ землю въ поселкѣ Абгархуквъ, гдѣ мы живемъ и въ настоящее время.

Отца освободили изъ тюрьмы вскорѣ послѣ выѣзда нашего изъ Кутаиса. Когда онъ ѣхалъ съ моимъ среднимъ братомъ и еще съ однимъ провожатымъ, то дорогой узналъ о смерти двухъ дочерей. Тогда болѣзнь его ухудшилась, и онъ, предчувствуя, что умретъ, велѣлъ везти себя въ свое родное и теперь опустѣвшее селеніе.

---

[1]) Какушъ, Валишъ—имена коровъ.

[2]) Абхазцы нѣсколькихъ селеній остались и не поѣхали въ Турцію, такъ какъ русскіе успѣли къ тому времени прогнать турокъ, а турки второпяхъ не успѣли всѣхъ захватить, и эти-то вотъ оставшіеся абхазцы и забирали скотъ, оставленный выѣхавшими въ Турцію.

Его привезли, и когда внесли въ пустой покинутый нами домъ, онъ сказалъ, что дальше не поѣдетъ: здѣсь умерли его отецъ, мать, здѣсь же и онъ умретъ... Братъ остался съ отцомъ, а провожатый поѣхалъ къ намъ (мы жили въ 20 верстахъ отъ нашего бывшаго селенія), чтобы извѣстить, что отецъ зоветъ насъ къ себѣ домой. О томъ что онъ плохъ, отецъ не велѣлъ сказывать, но смерть приближалась, и онъ, чувствуя это, велѣлъ брату принести ему воды изъ того ключа, изъ котораго всегда пилъ. При помощи брата, онъ заживо обмылъ себя всего этой водой, какъ обмываютъ мертвыхъ; велѣлъ согрѣть чаю, выпилъ нѣсколько глотковъ, а потомъ сказалъ брату, Костѣ, чтобы онъ забилъ дверь снаружи, а самъ шелъ къ берегу, на встрѣчу намъ.

Желалось ли отцу скорѣе увидѣть насъ, что онъ послалъ къ намъ на встрѣчу брата, или онъ отослалъ его отъ себя только потому, что боялся напугать его своей смертью, такъ какъ тотъ былъ еще мальчикъ, сказать этого я не могу. Братъ не смѣлъ ослушаться отца и пошелъ къ берегу. Отецъ остался одинъ, и когда мы всѣ вошли къ нему, часа черезъ три послѣ того, то живымъ его уже не застали. Онъ лежалъ мертвымъ.

Такъ умеръ отецъ мой.

Мнѣ грустно подумать, что кто-нибудь, пожалуй, не повѣритъ мнѣ, что отецъ мой никогда не былъ измѣнникомъ.

Если бы отца всѣ знали такъ, какъ мы, то никто и не подумалъ бы усомниться въ его честности. Но отца нашего знали коротко только мы одни, и разсказать о немъ такъ, чтобы и другіе его также узнали, я едва ли съумѣлъ.

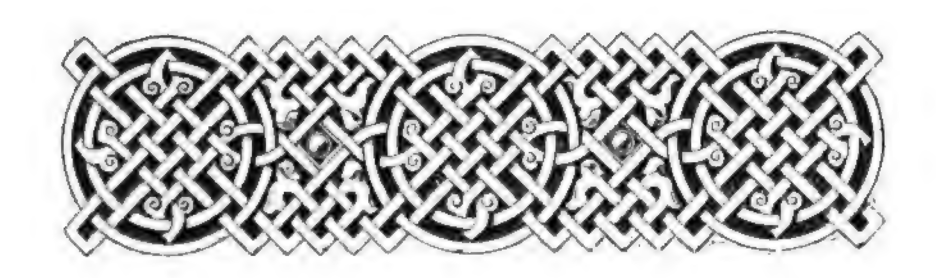
Послѣ смерти отца намъ его замѣнилъ братъ. Служа у полковника, онъ постоянно находился при немъ и во время сраженій. Полковникъ въ битвахъ всегда былъ во всемъ бѣломъ и на бѣломъ концѣ; турецкія пули летѣли въ него, какъ въ мишень, а братъ всегда былъ близь него. Полковникъ часто говорилъ ему: «Ты еще молодъ, не опытенъ,—береги себя!» Не принуждалъ его быть около себя, но братъ не покидалъ его.

Полковникъ любилъ брата, и, по его представленію, братъ получилъ георгіевскій крестъ и медаль за храбрость. Онъ былъ представленъ даже въ офицеры; но несчастная судьба отца повредила сыну.

Послѣ войны, братъ еще оставался служить, и, исполняя намѣренія покойнаго отца, отдалъ меня въ Сухумскую горскую школу, гдѣ я учился на казенный счетъ. Поступилъ я въ школу, не зная ни буквы и не понимая ни одного русскаго слова; но у меня была большая охота къ ученію и я учился прилежно.

Чрезъ три года я кончилъ курсъ въ школѣ и меня послали въ Хонскую учительскую семинарію, но тамъ, за неимѣніемъ вакансіи, меня не приняли.

И. Ладарія.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ ВЪ ИЗДАНІЯХЪ 1891 ГОДА.

ДОЛГІЙ пятидесятилѣтній срокъ, въ теченіе котораго произведенія Лермонтова составляли частную собственность, не могъ не отразиться, какъ почти всегда бываетъ, неблагопріятнымъ образомъ какъ на распространеніи ихъ въ читающей публикѣ, такъ и на изученіи ихъ съ точекъ зрѣнія литературной и исторической. Трудно допустить, чтобы труды одного, двухъ лицъ, которымъ собственникъ-издатель поручалъ приготовленіе къ изданію произведеній поэта, могли достигать тѣхъ же результатовъ, какіе получались бы при изученіи поэта многими лицами; къ тому же личная воля и вкусы издателя и редактора рѣшали, чему изъ этихъ произведеній быть въ читающей публикѣ и чему не быть. И уже одного этого было достаточно, чтобы великій русскій поэтъ оставался представленнымъ въ изданіяхъ не полно и болѣе или менѣе односторонне. Если и находились другія лица, посвящавшія себя на болѣе близкое изученіе его произведеній, то труды этихъ другихъ лицъ фатально обрекались на безплодность,—опубликованіе результатовъ этихъ трудовъ въ большинствѣ случаевъ нарушало бы права собственника. Естественнымъ слѣдствіемъ этихъ обстоятельствъ, во всей ихъ сложности, необходимо было то, что̀ Лермонтовъ далеко еще не былъ изученъ и не представленъ въ литературѣ русской съ должной обстоятельностью. Такъ было, и даже теперь остается, съ произведеніями Пушкина, такъ было и по отношенію къ произведеніямъ Лермонтова.

Истеченіе, 15-го іюля настоящаго года, срока литературной собственности на произведенія Лермонтова вызвало новый интересъ къ поэту, и множество изданій явились отраженіемъ этого. Въ то же время и изученіе поэта сразу же подвинулось впередъ. Еще задолго до 15-го іюля, нѣсколько лицъ, спеціально изучавшихъ Лермонтова, стали подготовлять изданія, провѣренныя по рукописямъ, что̀ было въ высшей степени необходимо, такъ какъ тексты лермонскихъ произведеній, и даже такихъ произведеній, которыя печатались при жизни Лермонтова, были недостаточно изучены и установлены, и вносились въ изданія въ искаженномъ видѣ. Одни изъ готовившихся изданій, по своей дешевизнѣ и общедоступности, имѣли цѣлію распространеніе въ публикѣ великихъ произведеній великаго поэта; другія, вмѣстѣ съ тѣмъ, служили дѣлу серьезнаго изученія ихъ. И то, и другое представляетъ несомнѣнный шагъ впередъ въ дѣлѣ литературной образованности въ нашемъ отечествѣ.

Въ настоящей статьѣ мы остановимся главнымъ образомъ на изданіяхъ серьезнаго характера, служащихъ дѣлу изученія Лермонтова. Такихъ изданій, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію [1]), собственно три:

1) Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Первое полное изданіе В. Ѳ. Рихтера, подъ редакціею Пав. Ал. Висковатова. Т. I: Лирическія стихотворенія; т. II: Поэмы; т. III: Поэмы и библіографія; т. IV: Драматическія произведенія; т. V: Проза, и т. VI: Біографія. Москва. 1891.

2) Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Провѣренное по рукописямъ изданіе, подъ редакціей и съ примѣчаніями И. М. Болдакова, библіотекаря Императорской Публичной Библіотеки. Въ пяти томахъ. Изданіе Елизаветы Гербекъ. Москва. 1891.

3) М. Ю. Лермонтовъ. Сочиненія. Т. I и II. Художественное изданіе т—ва И. И. Кушнерева и К° и книжнаго магазина П. К. Прянишникова. Москва. 1891.

---

[1]) Въ печати появлялись осужденія меня по тому поводу, что я, самъ редактировавшій одно изъ изданій («Нивы»), писалъ о другихъ, указывая ихъ достоинства и недостатки. Но, кажется, изученіе мною рукописей и печатнаго текста Лермонтова для моего изданія нисколько не препятствуетъ, если не способствуетъ мнѣ понимать хорошія и слабыя стороны тѣхъ изданій, которыя я разсматривалъ... Пусть другіе какъ хотятъ критикуютъ мое изданіе: я буду признателенъ за всякое полезное указаніе, и хорошо сознаю и самъ все несовершенство моего труда.

I.

Изданіе подъ редакціей г. Висковатова по своимъ цѣлямъ и задачамъ стоитъ во главѣ лермонтовскихъ изданій текущаго года. Это изданіе, что̀ называется, «ученое», т. е. если и не разъясняющее, то долженствующее дать матеріалы для разъясненія характера и исторіи творчества поэта. Съ этой точки зрѣнія, мы имѣемъ право предъявить къ нему совершенно особыя требованія какъ въ отношеніи полноты, такъ и обработки текста. Варіанты, которые свободно могутъ отсутствовать въ изданіяхъ, преслѣдующихъ иныя цѣли, въ изданіи г. Висковатова должны бы быть на лицо; текстъ произведеній Лермонтова долженъ быть воспроизведенъ въ немъ съ извѣстною послѣдовательностью, недопускающею смѣшенія списковъ и замѣны варіантами главнаго текста, принятаго за основаніе; примѣчанія должны съ точностью и опредѣленностью указывать какъ эти списки, положенные въ основаніе, такъ и тѣ, изъ которыхъ взяты тѣ или другіе варіанты. Всѣ эти данныя, указывающія исторію произведеній, могутъ не быть въ изданіяхъ, назначенныхъ просто для чтенія, но ни въ какомъ случаѣ не могутъ отсутствовать въ изданіи научномъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что г. Висковатовъ оказалъ несомнѣнныя услуги дѣлу изученія Лермонтова, какъ своей предъидущей дѣятельностью, отыскавъ и напечатавъ многія, до того неизвѣстныя, произведенія нашего поэта, такъ и самымъ изданіемъ, которое представляетъ конечный результатъ всей этой предъидущей дѣятельности. Но, предъявивъ вышесказанныя требованія, мы найдемъ неизбѣжнымъ образомъ, что изданіе г. Висковатова далеко не вполнѣ удовлетворяетъ имъ, оставляя будущимъ изслѣдователямъ еще довольно широкое поле дѣятельности.

Одинъ изъ критиковъ новыхъ изданій Лермонтова, именно г. Якушкинъ («Русс. Вѣдом.», № 239), становясь на точку зрѣнія полноты изданія г. Висковатова по отношенію къ варіантамъ (преимущественно черновымъ, содержащимся въ рукописяхъ Чертковской библіотеки), показалъ, что оно неудовлетворяетъ болѣе или менѣе строгимъ требованіямъ. И доказательства, которыя онъ приводитъ, можно расширить до чрезвычайно большой степени. Если мы ограничимся главнѣйшими и совершеннѣйшими произведеніями Лермонтова, то найдемъ сравнительную бѣдность въ показаніяхъ варіантовъ въ изданіи г. Висковатова. Остановимся для примѣра хотя бы на извѣстномъ прекрасномъ стихотвореніи Лермонтова «Споръ». Въ изданіи г. Висковатова мы найдемъ отсутствующими слѣдующіе варіанты: 4-й стихъ стихотворенія былъ первоначально: «Шелъ (вм. «Былъ») великій споръ»; стихи «И желѣзная лопата въ каменную грудь»... первоначально были: «И желѣзныя лопаты—Лѣсъ раз-

роютъ твой»; стихи «Люди хитры хоть и труденъ—Первый былъ скачекъ» первоначально читались: «Берегися, первый труденъ—Только былъ скачекъ», да и эти стихи были передѣланы изъ «Первый шагъ побѣды труденъ», или «Знай, что первый шагъ лишь труденъ—И хоть ты высокъ»; стихъ «Ужъ девятый вѣкъ» первоначально читался «Ужъ десятый вѣкъ»; стихи «Дальше вѣчно чуждой тѣни—Моетъ желтый Нилъ» первоначально были: «Тамъ напрасно жадный тѣни—моетъ вѣчный Нилъ...»; стихъ «Вотъ у ногъ Іерусалима» первоначально былъ «Тамъ, вокругъ Іерусалима»; стихи «Нѣтъ, не дряхлому востоку» и проч. первоначально были «Нѣтъ, не старому востоку—Побѣдить (вм. «Покорить) меня!»—«Не гордись (вм. «Не хвались») еще заранѣ»; стихъ «Мчатся пестрые уланы» (у г. Висковатова «Скачутъ легкіе уланы») первоначально былъ «Скачутъ съ пиками уланы»; стихъ «Батареи мѣднымъ строемъ» былъ «Батареи грознымъ строемъ»; стихъ «И томимъ зловѣщей думой» имѣетъ черновые варіанты «И надменной полонъ думой», а еще «И тяжелой полонъ думой», а слѣдующій стихъ первоначально читался «Полонъ гордыхъ (вм. «черныхъ») сновъ...» и т. д. Мы привели еще не всѣ варіанты, но и ихъ достаточно, чтобы показать, во-первыхъ, какъ много отсутствуетъ ихъ въ изданіи г. Висковатова, и во-вторыхъ, какую интересную картину созданія этого стихотворенія рисуютъ они. И то, что мы показали относительно стихотворенія «Споръ», имѣетъ примѣненіе къ довольно большому числу стихотвореній. (Объ измѣненіяхъ же, которыя въ немъ сдѣланы г. Висковатовымъ, будетъ сказано ниже). Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ другихъ стихотвореній. Въ «Сказкѣ для дѣтей» г. Висковатовымъ пропущенъ слѣдующій варіантъ послѣдней строфы, со стиха «Своихъ друзей» и проч.

«Друзей старинныхъ много бъ я узналъ
«Среди толпы избранниковъ; улыбки
«И лица лгали дерзко; голосъ скрипки...
«Всѣ суетились, говорили вдругъ...
«Отрывки фразъ носилися вокругъ»...

Въ стихотвореніи «Я не хочу чтобъ свѣтъ узналъ» не приведенъ варіантъ 4-го стиха: «Узнаютъ только вм. («Тому судья лишь») Богъ да совѣсть». Въ стихотвореніи «Кинжалъ» опущенъ варіантъ второй строфы:

«Лилейная рука тебя мнѣ поднесла,
«И очи черныя твоей подобно стали,
«То вдругъ тускнѣли, то сверкали;
«И надпись мнѣ твою красавица прочла».

Въ стихотвореніи «Выхожу одинъ я на дорогу» не приведенъ варіантъ послѣдней строфы:

«День и ночь чтобъ голосъ мнѣ отрадный
«Про любовь разсказывалъ и пѣлъ,
«И чтобъ дубъ зеленый и прохладный
«Надо мной склонялся и шумѣлъ».

Думаемъ, что приведенныхъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы показать, въ чемъ дѣло. Замѣтимъ, что мы не выбираемъ стихотворенія, а беремъ первые попавшіеся большіе варіанты. Замѣтимъ еще, что, если, напримѣръ, варіантъ изъ «Сказки для дѣтей» не имѣется ни въ одномъ и изъ другихъ вышедшихъ изданій, то варіантъ изъ стихотворенія «Выхожу одинъ я на дорогу» значится въ изданіяхъ подъ редакціею г. Болдакова и подъ редакціею гг. Ефремова и Буковскаго (изд. Кушнерева и пр.), совсѣмъ не имѣвшихъ въ виду дать изданія научныя.

Въ «Нов. Вр.» отъ 20-го іюля № 5527 мы показали, что тексты лермонтовскихъ произведеній, какъ они напечатаны въ изданіи г. Висковатова, не отличаются правильностью. Ошибки, которыхъ мы не считаемъ нужнымъ вновь приводить, и число которыхъ все-таки довольно значительно, усложняются еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ мы тамъ показали, г. Висковатовъ неосторожно позволялъ себѣ вносить въ текстъ измѣненія, и на основаніяхъ весьма шаткихъ. Напомнимъ читателю, что въ стихотвореніи «Въ Воскресенскѣ» г. редакторъ совершенно неосновательно измѣнилъ стихъ «Гдѣ ликъ отшельниковъ звучалъ»—въ «Гдѣ гласъ отшельниковъ звучалъ», что онъ печатно самъ и призналъ. Этотъ примѣръ выразителенъ. И такихъ измѣненій въ текстѣ можно бы найти нѣсколько. Между прочимъ подобныя измѣненія дѣлались въ сферѣ знаковъ препинанія, къ явной невыгодѣ текстовъ. Такъ, мы уже указывали на испорченные этимъ путемъ стихи въ «Измаилъ-Беѣ»:

«Но въ цвѣтѣ жизни умирать...
«Селимъ, ты не поѣдешь съ нами».

Это именно г. Висковатовъ измѣнилъ въ своемъ изданіи многоточіе между двумя приведенными стихами въ запятую, при чемъ безконечно пострадалъ смыслъ ихъ: вмѣсто двухъ мыслей, именно, вмѣсто раздумчиваго замѣчанія Измаила, что тяжело и жалко умирать въ цвѣтѣ лѣтъ, и затѣмъ короткаго приказанія Селиму,—получилось одно длинное и неестественное приказаніе: «Селимъ, ты не поѣдешь умирать съ нами во цвѣтѣ лѣтъ». И опять подобныхъ измѣненій въ текстѣ у г. Висковатова встрѣчается довольно много.

Изученіе рукописей приводитъ нерѣдко къ необходимости измѣненій въ прежде печатавшемся текстѣ. Тутъ вопросы чистоты и правильности текста тѣсно соприкасаются съ примѣчаніями, въ которыхъ должны быть оговорены и оправданы всѣ подобныя измѣненія. Къ этому сопоставленію примѣчаній и текста въ изданіи

г. Висковатова мы теперь и переходимъ. Остановимся прежде всего на примѣрѣ, на нашъ взглядъ, необыкновенно типичномъ и поучительномъ. Въ примѣчаніи г. Висковатова къ стихотворенію «Послѣднее новоселье» сказано:

«На листѣ, съ коего печаталось стихотвореніе (онъ находится въ Лермонтовскомъ музеѣ), исправленія сдѣланы, однако, не рукою поэта. Напримѣръ, стихъ 17 измѣненъ такъ: «Одинъ замученъ мщеніемъ безплоднымъ» вмѣсто: «Одинъ, замученный враждою неумѣстной», а ему соотвѣтствующій стихъ: «И, какъ простой солдатъ, въ плащѣ своемъ походномъ», вмѣсто: «И, въ боевомъ плащѣ, какъ ратникъ неизвѣстный». Мы возстановили первоначальный текстъ. Также вмѣсто исправленнаго: «степяхъ египетскихъ» мы возстановили: «пескахъ египетскихъ». Вмѣсто: «священный этотъ прахъ» мы возстановили: «его священный прахъ». Вмѣсто: «великой жатвы»—возстановили: «грядущей жатвы». Мы возстановили по рукописи (еще 2 стиха), хотя чужая рука и исправила ихъ и затѣмъ всегда печаталось: «Вокругъ того, кто ждалъ въ своей пустынѣ—Такъ жадно столько лѣтъ спокойствія и сна!»

Посмотримъ теперь насколько измѣненія, изложенныя въ примѣчаніи, находятъ основанія въ рукописяхъ. Г. Висковатовъ считаетъ поправки въ бѣловой рукописи сдѣланными не рукою Лермонтова. Но внимательное изученіе рукописи можетъ приводить къ совершенно иному выводу, къ тому именно, что вся рукопись можетъ возбуждать нѣкоторое сомнѣніе въ подлинности руки Лермонтова, поправки же безъ сомнѣнія принадлежатъ Лермонтову. Во всякомъ случаѣ единоличное рѣшеніе, сдѣланное г. Висковатовымъ, не давало ему права на измѣненія; онъ могъ высказать свои сомнѣнія въ примѣчаніи, но не долженъ былъ портить текстъ, вводя въ него несомнѣнно болѣе слабые стихи на столь шаткихъ основаніяхъ; а едва ли найдется кто-нибудь, который призналъ бы внесенные г. Висковатовымъ стихи лучшими прежнихъ. Но допустимъ, что г. Висковатовъ былъ такъ твердо убѣжденъ въ правотѣ своего мнѣнія, что сдѣлать измѣненія считалъ себя обязаннымъ; въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ бы измѣнить и стихъ «На ризу **чудную** могущества и славы», въ которомъ слово «чудную» написано тою же, по мнѣнію г. Висковатова не Лермонтовскою, рукою, по зачеркнутому «гордую». Очевидно г. Висковатовъ долженъ былъ и слово «чудную» замѣнить словомъ «гордую», разъ онъ считалъ свои соображенія правильными, а онъ этого не сдѣлалъ. Какъ видитъ читатель это уже произволъ: въ одномъ мѣстѣ г. редакторъ измѣняетъ по своему вкусу, въ другомъ оставляетъ прежнее, опять-таки согласно съ своимъ вкусомъ и желаніемъ... Но далѣе это стремленіе г. редактора представить стихотворенія Лермонтова въ возможно лучшей формѣ, при помощи выбора варіантовъ, сказывается еще рѣзче; такъ слова «Въ **пескахъ** египет-

скихъ» вмѣсто «Въ степяхъ египетскихъ» взяты не изъ этой, какъ ни какъ, а все-таки бѣловой рукописи (тетр. 15), а изъ черновой рукописи Публичной Библіотеки. А между тѣмъ въ этой черновой первоначально написано «пескахъ» и зачеркнуто, написано снова «въ пескахъ» и снова зачеркнуто, затѣмъ сверху написано «степяхъ»—и опять зачеркнуто. Очевидно Лермонтовъ колебался въ выборѣ слова, въ бѣловую же внесъ слово «степяхъ». Ясно, что г. Висковатовъ не имѣлъ никакихъ основаній возвращаться къ первоначальному варіанту. Подобнымъ же способомъ и съ такими же въ сущности основаніями сдѣланы и всѣ другія измѣненія въ стихотвореніи. Такимъ образомъ текстъ «Послѣдняго новоселья» представляетъ собою нѣчто сборное, составленное изъ трехъ редакцій стихотворенія: черновой, бѣловой безъ исправленій и исправленной бѣловой. Понятно, что текстъ этотъ лишенъ всякой авторитетности, и всякій, кто довѣрится ему, сдѣлаетъ ошибку. Точно также и въ «Спорѣ» нѣтъ послѣдовательнаго примѣненія одного текста. Въ этомъ стихотвореніи г. Висковатовъ замѣняетъ стихи: «Онъ настроитъ дымныхъ келій» и «Въ глубинѣ твоихъ ущелій» стихами: «Онъ настроитъ тѣсныхъ келій» и «Въ дымной мглѣ твоихъ ущелій» на томъ основаніи, что издатели могли измѣнить ихъ изъ находящихся въ черновой рукописи. Но та же черновая даетъ слово «глубинѣ», только зачеркнутое, и это указываетъ, что Лермонтовъ самъ воротился къ нему, какъ ему нерѣдко случалось возвращаться къ первоначальному варіанту; не могли же издатели, измѣняя Лермонтова, попадать на слова, имъ зачеркнутыя. А затѣмъ измѣненіе стиха: «Мчатся пестрые уланы» въ «Скачутъ легкіе уланы» опять не имѣетъ основаній въ рукописи, въ книжкѣ В. О. Одоевскаго: тамъ по зачеркнутому чернилами написано именно такъ, какъ печаталось: «Мчатся пестрые»; измѣненіе же стиха «Скачутъ и гремятъ» (баттареи) въ «Между нихъ гремятъ», сдѣланное г. Висковатовымъ, и совсѣмъ неудобно, потому что «между нихъ» было въ карандашномъ наброскѣ стихотворенія передѣлано изъ «Позади гремятъ», а въ наброскѣ чернилами «между нихъ» зачеркнуто и сверху написано: «Скачутъ и гремятъ», какъ и печаталось всегда. И здѣсь мы имѣемъ слѣдовательно помѣсь изъ варіантовъ карандашныхъ и чернильныхъ, зачеркнутыхъ и оставленныхъ.

Указываемыя нами стихотворенія не единичные примѣры, а свидѣтельствуютъ объ общемъ характерѣ редактированія г. Висковатова. Такъ какъ разъясняемые нами вопросы имѣютъ важное значеніе для будущихъ изданій нашего великаго поэта, то мы и позволимъ себѣ остановиться на примѣчаніяхъ подробнѣе и обстоятельнѣе, хотя ограничимся болѣе извѣстными стихотвореніями Лермонтова. Вотъ передъ нами стихотвореніе «Два великана» — и въ немъ стихъ «Но улыбкою одною», вмѣсто прежде печатавша-

гося «Но улыбкой роковою», который и приведенъ г. Висковатовымъ въ варіантахъ. Но въ бѣловой рукописи (тетр. 15 Лерм. муз.) этотъ стихъ читается какъ онъ всегда печатался; «Улыбкою же одною» принадлежитъ черновой рукописи (тетр. 20),—и опять такая замѣна ничѣмъ не оправдывается. Если же г. Висковатовъ считалъ названную черновую рукопись болѣе авторитетною, то послѣдовательность предписывала ему измѣнить и стихъ «Изъ далекихъ чуждыхъ странъ» въ «Изъ далекихъ южныхъ странъ», такъ какъ слово «южныхъ» написано рукою Лермонтова. Опять значитъ одно въ стихотвореніи измѣнено, другое при тѣхъ же обстоятельствахъ оставлено, по желанію г. редактора. Далѣе. Въ примѣчаніи къ «Русалкѣ» г. Висковатовъ приводитъ варіантъ предпослѣдняго стиха «И шумя и крутясь»... Но этотъ стихъ есть въ началѣ второй строфы, и варіантъ состоитъ совсѣмъ не въ этомъ; бѣловая рукопись (тетр. 15) даетъ его вотъ въ какой формѣ, ко всей послѣдней строфѣ:

«Такъ пѣла русалка... и пѣла одна
«Непонятной печали полна;
«И шумя и крутясь колебала рѣка»... и проч.

И намъ непонятно, почему г. редакторъ выбралъ незначительный стихъ, оставивъ характерные остальные. Въ примѣчаніи къ «Узнику» сказано: «Варіантъ этого стихотворенія въ изданіяхъ сочиненій Лермонтова, подъ названіемъ «Желаніе», относился къ 1836 году и признавался самостоятельнымъ стихотвореніемъ. По нашему мнѣнію этотъ помѣщенный у насъ варіантъ представляетъ собою редакцію, отвергнутую самимъ поэтомъ, потому что въ немъ встрѣчаются такіе курьезы какъ»... Но, не смотря на кажущіеся г. Висковатову курьезы въ стихотвореніи «Желаніе», оно находится въ 15 тетр. Лермонтовскаго музея, притомъ послѣ «Узника» черезъ многія стихотворенія, какъ стихотвореніе самостоятельное, и это обстоятельство лишаетъ всякой авторитетности примѣчаніе г. Висковатова. Къ стихотворенію «Молитва странника» примѣчаніе гласитъ: «Подъ этимъ заглавіемъ стихотвореніе находится въ письмѣ къ М. А. Лопухиной... Хотя въ изданіи 1840 года... оно названо просто «Молитва», но мы возстановили прежнее названіе для того, чтобы отличить отъ другой извѣстной молитвы». Въ этомъ примѣчаніи пропущены весьма важныя указанія, которыя, казалось бы, давали г. Висковатову гораздо большее основаніе на измѣненіе заглавія, чѣмъ желаніе отличить стихотвореніе отъ другого: именно читателямъ было бы совсѣмъ не лишнимъ знать, что заглавіе «Молитва странника» находится и въ бѣловой рукописи Лермонтовскаго музея, дающее, быть можетъ, не безъосновательный поводъ предположить, что слово «странника» выброшено по желанію издателя, когда стихотвореніе печаталось въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№ 7, 1840 г.),—о по-

слѣднемъ обстоятельствѣ въ изданіи г. Висковатова ничего не сказано. Въ примѣчаніи къ стихотворенію «А. Г. Хомутовой» сказано: «Относится издателями къ 1841 году. Есть основаніе думать, что оно писано раньше, около 1836 года, какъ полагалъ А. П. Шанъ-Гирей на томъ основаніи, что Лермонтовъ съ слѣпымъ поэтомъ Козловымъ особенно часто видѣлся въ этомъ году. Но такъ какъ вѣрныхъ данныхъ нѣтъ, то мы стихотвореній и не перенесли». Но читателямъ опять не дурно было бы знать обстоятельства, разсказанныя г. А. Хомутовымъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1866 г., которыя очень подтвердили бы мнѣніе автора о времени написанія этого стихотворенія. Примѣчаніе г. Висковатова здѣсь страдаетъ отсутствіемъ весьма необходимаго даннаго. Къ стихотворенію «Любовь мертвеца» въ примѣчаніи (подъ текстомъ) просто сказано о бывшихъ заглавіяхъ: «Влюбленный мертвецъ»—такъ озаглавлено въ рукописи Лермонтовскаго музея. «Новый мертвецъ», «Живой мертвецъ»—озаглавлено въ рукописи Публичной Библіотеки». Но, кажется, г. Висковатову слѣдовало внимательнѣе ознакомиться съ автографомъ этого стихотворенія въ тетради 21 Лермонтовскаго музея, имѣющимъ высокую важность. Автографъ этотъ случайно найденъ вклееннымъ въ экземпляръ сочиненія Лермонтова изд. 1842 г., купленный на толкучемъ рынкѣ въ Петербургѣ А. Н. Аксаковымъ, который и пожертвовалъ его недавно Лермонтовскому музею; изъ этого автографа, сверхъ зачеркнутаго приводимаго имъ прежняго заглавія, г. Висковатовъ узналъ бы, что предпослѣдній стихъ «Покоя, мира и забвенья», Лермонтовъ собственноручно исправилъ, зачеркнувъ слово «Покоя» и надписавъ надъ нимъ «Ты знаешь». Въ той же тетради, въ автографѣ стихотвореніе «Сосна», онъ увидѣлъ бы, что первый стихъ этого стихотворенія слѣдуетъ печатать «На сѣверѣ **дикомъ**», (а не «**дальнемъ**»). Мы ограничимся приведенными примѣрами, кажется, съ съ большой очевидностью доказывающими, что будущій издатель съ нѣкоторою осторожностью долженъ будетъ относиться къ примѣчаніямъ г. Висковатова, какъ и къ его тексту произведеній Лермонтова.

Повидимому юношескія стихотворенія поэта стоятъ нѣсколько въ иномъ положеніи: написанныя въ тетрадяхъ и обыкновенно не имѣющіяся въ другихъ редакціяхъ, они не могутъ читаться различно. Но вотъ передъ нами стихотвореніе «Прекрасны вы поля въ землѣ моей родной». Послѣдніе стихи въ рукописи читаются такъ: «Но этотъ снѣгъ»...

«Не веселитъ мнѣ сердца никогда.
(Онъ холоденъ, какъ мѣсяцъ свѣтлорогой»)

Стихъ зачеркнутъ и сверху:

{Онъ холоденъ красою) неизмѣнной

Три первыхъ слова зачеркнуты и замѣнены словами:

«Его одеждой хладной (оставлено:) неизмѣнной
«Сокрыта («имъ»—зачеркнуто) отъ очей могильная гряда
(И въ той могилѣ много, очень много)

Стихъ зачеркнутъ.

«И позабытый прахъ,—но мнѣ, но мнѣ безцѣнный...»

Первоначальная редакція здѣсь, слѣдовательно, исправлена авторомъ. Если исключить зачеркнутыя мѣста, то мы получимъ:

«Его одежной хладной неизмѣнной
«Сокрыта отъ очей могильная гряда
«И позабытый прахъ,—но мнѣ, но мнѣ безцѣнный»...

Между тѣмъ г. Висковатовъ, игнорируя не зачеркнутыя слова «Его одеждой хладной» и вводя зачеркнутое слово «имъ», вмѣсто «отъ очей», и цѣлые зачеркнутые стихи и, пропустивъ повтореніе слова: «но мнѣ», печатаетъ:

«Онъ холоденъ, какъ мѣсяцъ свѣтлорогой,
«Сокрыта имъ могильная гряда,
«И въ той могилѣ много, очень много
«И позабытый прахъ, но мнѣ безцѣнный»...

Очевидно, г. редакторъ игнорируетъ волю автора, и въ главномъ текстѣ печатаетъ то, что̀ могло бы быть помѣщено развѣ только въ варіантахъ. Здѣсь передъ нами такой же случай, какіе мы указывали уже выше, — случай произвола и подчиненія текста личному вкусу со стороны редактора. И потому, повторяемъ, изданіе г. Висковатова, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, не можетъ служить для будущихъ издателей основаніемъ.

Это положеніе равно относится не къ однимъ лирическимъ стихотвореніямъ, а и къ поэмамъ. Такъ, «Измаилъ Бей», напримѣръ, печатавшійся и въ прежнихъ изданіяхъ довольно исправно, тѣмъ не менѣе требовавшій нѣкоторыхъ новыхъ исправленій, остался у г. Висковатова исправленнымъ не всегда. Слѣдуя, очевидно, личному вкусу, онъ, напримѣръ, въ гл. XXVII, ч. 3, поэмы исправляетъ стихъ «Никѣмъ невидимый потокъ»—въ «Никѣмъ невѣдомый»,—какъ въ рукописи; и въ то же время въ гл. III печатаетъ «И заманивъ толпы ихъ за собой», въ то время, какъ въ рукописи стоитъ «И заманивъ полки ихъ за собой». Что-нибудь одно: или редакторъ довѣряетъ рукописи, или не довѣряетъ ей; но во всякомъ случаѣ нужна послѣдовательность въ пользованіи ею.

Въ выше названной статьѣ нашей мы указывали на рѣзкое разногласіе поэмъ «Каллы»—и особенно «Аула Бастунджи», какъ они напечатаны въ изданіи г. Висковатовъ, съ извѣстными рукописными списками. Эти разногласія обнимаютъ собою цѣлыя строфы. Между тѣмъ, въ примѣчаніи г. Висковатовъ указываетъ на списки Хохрякова, въ Публичной библіотекѣ и Лермонтовскаго музея, и

только прибавляетъ, что онъ «имѣлъ въ рукахъ еще два списка», замѣчая при этомъ, что «списки отличаются другъ отъ друга незначительными варіантами, или, вѣрнѣе, исправленіями текста». Но изученіе указываемыхъ г. Висковатову рукописей дастъ, какъ мы говоримъ, весьма отличный отъ напечатаннаго имъ текстъ, и будущій издатель, особенно въ виду произвола, допускаемаго г. Висковатовымъ въ стихотвореніяхъ, не можетъ отнестись къ его тексту Лермонтовскихъ поэмъ иначе, какъ съ сомнѣніемъ; онъ непремѣнно долженъ будетъ обратиться къ самимъ рукописямъ, съ которыхъ г. Висковатовъ печаталъ свои произведенія, когда они поступятъ въ одно изъ общественныхъ учрежденій.

Отмѣтимъ въ поэмахъ изданія г. Висковатова одну, по нашему мнѣнію, весьма грубую ошибку. Въ «Бѣглецѣ» — прежде печатались и остались неисправленными и у г. Висковатова стихи: «Селима звалъ онъ прежде другомъ;—Старикъ пришельца не узналъ». Изъ всего смысла поэмы очевидно, что Гарунъ, «младшій сынъ» семьи,—молодой человѣкъ. Не нужно знать съ особенною подробностью нравы кавказскихъ горцевъ, чтобы испытать нѣкоторое сомнѣніе въ «дружбѣ» его съ старикомъ,—старики пользуются на Кавказѣ великимъ уваженіемъ и почтительностью со стороны молодежи. И дѣйствительно, рукопись Чертковской библіотеки исправляетъ второй стихъ: «Селимъ пришельца не узналъ». Такимъ образомъ у г. Висковатова не подвергнуты критическому разсмотрѣнію и такія совершенныя поэмы, какъ «Бѣглецъ», печатавшіяся, нужно прибавить, и прежде довольно правильно.

Особенное значеніе г. Висковатовъ придаетъ найденной имъ «послѣдней» редакціи «Демона». Въ статьѣ, нѣкогда посвященной ей, онъ съ особеннымъ удареніемъ настаиваетъ на значеніи этой редакціи. «Въ нашемъ спискѣ—говоритъ онъ тамъ: дѣло происходитъ иначе»... «Въ такомъ видѣ поэма получаетъ иное значеніе». По мнѣнію г. Висковатова, Лермонтовъ, познакомившись съ легендой о возможности спасенія для «Демона» при посредствѣ любви къ нему читаго земного существа, именно эту легенду кладетъ въ основаніе поэмы въ послѣдней редакціи, и что сообразно этому, онъ описаніе страстныхъ волненій Тамары въ монастырѣ переноситъ въ конецъ первой части «Демона», оставляя ей собственно для монастыря самыя чистыя чувства. При встрѣчѣ же Демона съ ангеломъ «поэтъ рисуетъ въ прекрасныхъ стихахъ состояніе духа Демона, съ тонкимъ психологическимъ анализомъ», и «борьба ангела съ Демономъ получаетъ совершенно иной видъ и значеніе». Анализируя эту послѣднюю редакцію, однако, приходится испытывать не одно недоумѣніе. Отъ перенесенія строфъ въ первую часть дѣло собственно нисколько не измѣняется. Во второй части вы находите, во II гл., прежніе стихи: «Но и въ монашеской одеждѣ,—Какъ подъ узорною парчой,—Все без-

покойною мечтой—Въ ней сердце билося, какъ прежде». Значитъ, все осталось по старому, «какъ прежде», и то, что видитъ нашъ редакторъ въ «послѣдней редакціи», является какъ бы противорѣчіемъ дѣйствительной поэмѣ и въ этой самой редакціи. А дальше еще безповоротнѣе противорѣчатъ мысли г. Висковатова стихи: «Полна тревожнымъ ожиданьемъ—Вся предалась она мечтаньямъ,—Все передъ нею онъ стоялъ. Страсть безотчетная, какъ тѣнью, Жизнь осѣнила передъ ней...» Но г. Висковатовъ указываетъ на слѣдующіе дальше стихи, въ которыхъ «былое встаетъ изъ мрака забвенія» передъ Тамарою,—и «душа ея полна ясныхъ сновъ...» Но вотъ эти стихи:

«То думы радостной волна
«Ее охватитъ, и былое
«Встаетъ изъ мрака, какъ живое,
«И ясныхъ сновъ душа полна.
«Тѣснятся въ ней воспоминанья,
«Изъ дѣтства ранняго сказанья
«Родной и милой старины.
«Ея тревожныя мечтанья
«Опять съ нему обращены...» и проч.

На нашъ взглядъ эти стихи — слабы, лишены обычной силы и колоритности Лермонтовской. «Былое—какъ живое»...», «воспоминанья—сказанья» и вдругъ послѣ этого «какъ живсго» и «воспоминаній сказаній»—безъ перерыва—мечтанья «къ нему». Ужъ если Лермонтовъ писалъ эти стихи, то въ минуты совсѣмъ не вдохновенныя... Но вотъ и сцена между Демономъ и ангеломъ, написанная «прекрасными» стихами, по отзыву г. Висковатова Демонъ «чуетъ (!!) вѣяніе (??) Бога». Видя ангела онъ говоритъ:

«Оставь ее! Межъ ней и мною
«Не становись: она моя!
«Мы связаны судьбой одною
«И ей какъ мнѣ ты не судья.
«Подъ чарой ясной благостыни (??)
«Я счастье лучшихъ дней ловлю(!)»...

Видите ли, Демонъ «ловитъ счастье» «подъ чарой благостыни» (??), да еще не простой «благостыни», а «ясной». Это ужъ совсѣмъ плохіе стихи, очевидно. Еще нѣсколько подобныхъ же плохихъ стиховъ, — и вотъ все то новое, что есть въ «послѣдней редакціи» «Демона». И нужно помнить еще, что новый элементъ, врывающійся съ этими стихами въ поэму, становится въ противорѣчіе съ общимъ содержаніемъ поэмы, вноситъ въ нее едва уловимое, но несомнѣнное раздвоеніе. Вопросъ объ этой «послѣдней редакціи» «Демона», по нашему мнѣнію, стоитъ открытымъ пока еще, подлежащимъ критическому изслѣдованію, которое и явится возможнымъ при поступленіи рукописи въ общественное учрежденіе.

Примѣчаній къ поэмѣ у г. Висковатова очень мало, и они знакомятъ только съ внѣшней исторіей рукописи. Вообще, кстати замѣтимъ, примѣчанія г. Висковатова бѣдны указаніями на литературныя вліянія, подъ которыми создавались произведенія Лермонтова: читатель только и имѣетъ въ нихъ указанія на Байрона, да незначительныя на Барбье; съ лучшими примѣчаніями въ этомъ смыслѣ читатель познакомится въ изданіи подъ редакціей г. Болдакова.

Проза и драмы изданы г. Висковатовымъ значительно лучше, чѣмъ стихотворенія и поэмы, что обусловливалось самымъ ихъ характеромъ. Въ статьѣ въ «Нов. Вр.» мы указывали на нѣкоторое отсутствіе необходимыхъ исправленій; можно еще указать въ «Героѣ нашего времени» на отсутствіе весьма важныхъ варіантовъ. Напримѣръ, въ сценѣ дуэли Печорина съ Грушницкимъ, г. Висковатовъ, по нашему мнѣнію, совершенно не основательно опустилъ въ высокой степени характерныя, выброшенныя позже авторомъ, подробности. Въ обычной редакціи послѣ словъ капитана Грушницкому: «Трусъ!» слѣдуетъ выстрѣлъ. Но въ первоначальной редакціи послѣ слова «Трусъ!» говорится: «Грушницкій обернулся ко мнѣ: хотите помириться? — Вы подлецъ! — стрѣляйте!» (отвѣчаетъ Печоринъ). Выстрѣлъ раздался...» И дальше есть подобная же подробность. «А вы, господинъ Грушницкій, вы подлецъ!..» и пр.—говоритъ Печоринъ. И если можно неособенно сожалѣть объ отсутствіи въ изданіи г. Висковатова многихъ другихъ варіантовъ (хотя имъ всѣмъ мѣсто въ ученомъ изданіи), то нельзя не посѣтовать на отсутствіе варіантовъ столь важныхъ, какъ приведенные, рисующихъ въ особенномъ свѣтѣ Печорина, по первоначальнымъ представленіямъ автора.

Общіе выводы наши объ изданіи г. Висковатова, конечно, ясны. Для обыкновеннаго чтенія, въ виду относительной правильности текста, приложенія нѣсколькихъ портретовъ, довольно большой біографіи, а также примѣчаній, знакомящихъ до извѣстной степени съ рукописями и вообще происхожденіемъ текстовъ, изданіе г. Висковатова представляетъ, быть можетъ, лучшее. Но съ другой стороны оно не удовлетворяетъ требованіямъ серьезнаго научнаго изданія и не можетъ служить основаніемъ для будущихъ изданій: текстъ его и примѣчанія требуютъ провѣрки по рукописямъ. Даже въ біографіи Лермонтова, написанной г. Висковатовымъ, какъ это уже высказано въ «Вѣстн. Евр.» (сентябрь), «мы встрѣчаемъ не столько объективныя изслѣдованія, сколько выраженіе его личныхъ взглядовъ и лирическіе эпизоды, отчасти и неидущіе къ дѣлу...» Съ этимъ мнѣніемъ невозможно не согласиться. Мы остановились такъ долго на изданіи г. Висковатова потому, что оно возбуждало наибольшія ожиданія и по своему исполненію остается все-таки главнымъ.

II.

Изданіе Лермонтова, вышедшее подъ редакціей и съ примѣчаніями г. Болдакова, библіотекаря Императорской Публичной Библіотеки, преслѣдуя спеціальныя цѣли, не имѣло въ виду дать полное собраніе сочиненій нашего поэта. Но въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, что собственно относится къ двумъ первымъ томамъ, оно должно быть признано лучшимъ, наиболѣе отвѣчающимъ задачѣ изданія, не лишеннаго научнаго характера. По нѣсколько странному и едва ли цѣлесообразному распредѣленію матеріала,—о чемъ уже и говорилось въ печати,—первый томъ изданія посвященъ прозаическимъ произведеніямъ Лермонтова и во главѣ изданія стоитъ, такимъ образомъ, «Герой нашего времени». И знаменитый романъ этотъ проредактированъ г. Болдаковымъ съ рѣдкимъ вниманіемъ. Редакторъ собралъ всѣ варіанты изъ черновой рукописи Публичной Библіотеки и печатавшихся текстовъ, и подробно сообщаетъ всѣ необходимыя свѣдѣнія какъ объ этой рукописи, такъ и печатныхъ текстахъ повѣстей, составляющихъ «Героя нашего времени». Но г. Болдаковъ не ограничился этою цѣнною работою, а по мѣстамъ даетъ любопытнѣйшія указанія, иногда филологическаго характера. Такъ по поводу фразы: «не знаю навѣрное, вѣрю ли я теперь предопредѣленію...» г. редакторъ замѣчаетъ: «солицизмъ, вмѣсто «вѣрю ли я въ предопредѣленіе». По поводу же фразы: «не имѣя, какъ они, ни надежды» и пр. онъ говоритъ: «Фраза эллиптическаго характера и имѣетъ смыслъ: не имѣя, какъ наоборотъ имѣли они, ни надежды» и т. д. Подобныя замѣчанія, если не всегда, то во многихъ случаяхъ окажутся не безполезными, напримѣръ, учителямъ русскаго языка и словесности. По поводу «Фаталиста» авторъ ставитъ не безъ основанія вопросъ, не послужилъ ли темою для разсказа случай съ товарищемъ Байрона Long'омъ, разсказанный англійскимъ поэтомъ въ «Мемуарахъ» его, которыми Лермонтовъ зачитывался еще въ юности. Критическій и литературно-историческій элементъ вообще у г. Болдакова присутствуетъ въ гораздо большей степени, чѣмъ въ другихъ изданіяхъ. Текстъ «Героя нашего времени» вывѣренъ совершенно. Къ сожалѣнію, послѣдняго нельзя сказать о «неоконченныхъ повѣстяхъ» и объ «Ашикъ-Керибѣ», гдѣ встрѣчаются ошибки.

Второй томъ, посвященный стихотвореніямъ и поэмамъ зрѣлаго періода творчества Лермонтова, носитъ характеръ той же серьезной работы. Обширное литературное образованіе даетъ редактору возможность указать на нѣкоторыя сближенія произведеній Лермонтова съ произведеніями европейскихъ писателей. По поводу, напримѣръ, стихотворенія—«И скучно, и грустно», онъ приводитъ соотвѣтствующія строки изъ Вольтера и Байрона. Говоря о произ-

веденіяхъ съ заимствованными темами, напримѣръ, изъ Гёте, изъ Гейне, г. Болдановъ не ограничивается простыми указаніями, а тщательно сравниваетъ произведенія Лермонтова съ тѣми, которыя вдохновляли его. Но какъ ни внимателенъ былъ г. редакторъ къ своей задачѣ, онъ не избѣгъ ошибокъ и погрѣшностей, которыя указать мы считаемъ своимъ долгомъ. Такъ, примѣчаніе къ стихотворенію «Любовь мертвеца» ясно указываетъ, что г. Болдаковъ не ознакомился, подобно г. Висковатову, съ поступившимъ недавно въ Лермонтовскій музей бѣловымъ автографомъ стихотворенія, о которомъ мы говорили выше, и потому стиха: «Ты знаешь, мира и забвенья» у него нѣтъ ни въ текстѣ, ни въ варіантахъ, равно какъ нѣтъ указанія и на заглавіе «Влюбленный мертвецъ». Несмотря на пользованіе рукописями Чертковской библіотеки, г. Болдаковъ не сдѣлалъ исправленія стиха въ «Бѣглецѣ», о которомъ мы говорили выше. Небрежно просмотрѣнъ г. редакторомъ бѣловой автографъ «Отчизны», почему остались неисправленными нѣсколько стиховъ и т. д. Г. Болдаковъ далеко не воспользовался и многими варіантами лучшихъ стихотвореній Лермонтова, которыя были бы совершенно не лишними. Такъ, при стихотвореніи «Споръ» отсутствуютъ всѣ варіанты, приведенные нами выше. Отсутствуетъ и варіантъ послѣдней строфы «Сказка для дѣтей», а варіанты первыхъ строфъ переданы не точно. Мы приводимъ только примѣры; но приводя ихъ, мы не желали бы быть поняты неправильно. Указываемыя ошибки, конечно, уменьшаютъ цѣнность изданія; но достоинства его сравнительно настолько значительны, что читатель долженъ помириться съ недостатками.

Есть, впрочемъ, въ изданіи нѣчто, что мы отказываемся понимать. Мы говоримъ о такъ называемомъ «четвертомъ очеркѣ» «Демона». Такимъ четвертымъ очеркомъ г. Болдаковъ ставитъ прежде печитавшійся, представителемъ котораго въ Лермонтовскомъ музеѣ является «копія съ копіи» В. Р. Зотова. По этому поводу, справедливо указывая на «рукописную редакцію» Ульянова-Булконова, какъ на «представляющую большой интересъ для критическаго изученія текста поэмы», г. редакторъ замѣчаетъ, что будто бы рукопись Ульянова «представляетъ собою нѣчто въ родѣ своднаго текста второго и четвертаго очерковъ «Демона». Но это совершенно невѣрно; наоборотъ, копія Зотова представляетъ собою сводный текстъ Ульяновскаго и второго и затѣмъ позднѣйшихъ списковъ, и она, эта «копія», лишена всякаго значенія.

Чтобы дать вкратцѣ представленіе объ этой «редакціи» «Демона», мы сопоставимъ нѣсколько строфъ. Въ стр. 6-й списка говорится: «О, море, море! Какъ прекрасны» и т. д. а въ стр. 7—20 (сходныхъ съ III — XXVI главнаго текста) говорится все о Кавказѣ, и море остается не причемъ. Но это все еще возможно: Лермонтовъ, желая описать «Демона» на Кавказѣ, могъ по пути

заставить его перелетѣть и черезъ море. Но вторая часть поэмы въ «копіи» г. Зотова уже окончательно обнаруживаетъ ни съ чѣмъ несообразное смѣшеніе двухъ мѣстъ дѣйствія. Въ строфахъ 1, 2 и 3 дѣйствіе изъ горъ Кавказа опять переносится къ морю, и у стѣнъ монастыря «прохлады полны, однообразно бились волны», а въ строфѣ 4 (сходной съ 4-й главнаго текста) «на сѣверъ видны горы», «грузинка молодая» «съ горы спускается крутой», и между горами на сѣверъ «стоялъ всѣхъ выше головой Казбекъ, Кавказа царь могучій....» Съ какого же это моря на сѣверъ видѣнъ Казбекъ?... Не ясно ли, что мѣсто монастыря въ «копіи» г. Зотова взято изъ второго или Ульяновскаго списка, а дальше идетъ все Грузія, изъ позднѣйшихъ списковъ, и «Демонъ въ обитель прилетѣлъ» (въ стр. 7) туда, гдѣ покровъ воздушный ужъ холмы Грузіи одѣлъ». Сцены Демона съ Тамарой не касаются мѣстъ дѣйствія, и предполагается, что оно происходитъ въ Грузіи. Но вотъ наступаетъ смерть Тамары, и опять «высокій берегъ спалъ» и «океанъ забушевалъ» (стр. 14). Гдѣ же это океанъ въ Грузіи? А въ стр. 15 снова является Кавказъ и церковь, «межъ снѣговъ Казбека», «славное имя Гудала», «рубежъ зубчатыхъ льдовъ» и т. д. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что разсматриваемая «копія» есть просто даже несогласованный сводъ разнообразныхъ частей изъ разнообразныхъ, разныхъ временъ рукописей. Такому серьезному изслѣдователю слѣдовало бы увидѣть это, тѣмъ болѣе, что г. Висковатовъ высказалъ это раньше въ общихъ чертахъ. Къ тому же «копія» ничего въ себѣ не заключаетъ, чего̀ бы не было или въ Ульяновскомъ спискѣ, за исключеніемъ немногихъ стиховъ. («Надъ утомленною землей...» и проч.), или въ главномъ текстѣ. Но за то Ульяновскій списокъ рѣзко и послѣдовательно отличается отъ позднѣйшихъ редакцій «Демона» мѣстами дѣйствія при морѣ. И г. Болдакову, въ виду признаваемаго имъ значенія списка, слѣдовало бы напечатать его, вмѣсто «копіи съ копіи» г. Зотова, отличающейся столь странными непослѣдовательностями.

Первыми двумя томами и оканчивается въ изданіи г. Болдакова все, что̀ проредактировано съ должнымъ вниманіемъ. Текстъ драмъ въ третьемъ томѣ уже является перепечаткой изъ прежнихъ изданій съ значительными искаженіями, а примѣчанія кратки и не характерны. Въ четвертомъ и пятомъ томѣ многое перепечатано опять или изъ прежнихъ изданій или изъ журналовъ (какъ «Аулъ-Бастунджи», «Каллы» и пр.) съ текста г. Висковатова. Словомъ, въ трехъ послѣднихъ томахъ никакого редактированія не видно, и біографическій очеркъ Лермонтова написанъ, очевидно, не г. Болдаковымъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ ничего, на что̀ ссылался онъ въ предполагавшейся біографіи въ своихъ примѣчаніяхъ къ первымъ двумъ томамъ. Такимъ образомъ, только два тома изданія съ именемъ г. Болдакова имѣютъ цѣну и значеніе; остальные не

представляютъ ничего обработаннаго, полны ошибокъ. Многія произведенія представлены въ нихъ въ отрывкахъ, какъ это было въ прежнихъ изданіяхъ.

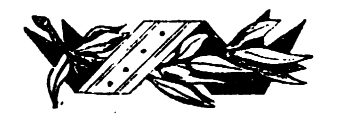
Художественное изданіе Кушнерева и Прянишникова преслѣдуетъ прежде всего цѣли художественныя. Но и правильность текста обращала на себя вниманіе издателей. «Текстъ,— говорится въ предисловіи,—благодаря любезнымъ указаніямъ нашего извѣстнаго библіографа П. А. Ефремова, вновь пересмотрѣнъ и исправленъ по рукописямъ поэта Н. Н. Буковскимъ (однимъ изъ основателей Лермонтовскаго музея; Н. Н. посвятилъ много времени на изученіе рукописей поэта). Къ сожалѣнію, какъ мы указывали въ «Нов. Вр.» отъ 14 авг. № 5552, это заявленіе издателей не совсѣмъ оправдывается: въ изданіи осталось нѣсколько неточностей и довольно важныхъ ошибокъ въ текстѣ; а такъ какъ несомнѣнно Н. Н. Буковскій—одинъ изъ настоящихъ знатоковъ лермонтовскаго текста, то недосмотры эти должны быть отнесены на счетъ именно издателей, не съумѣвшихъ поставить дѣло печатанія изданія въ наиболѣе благопріятныя условія.

Въ печати уже не разъ заявлялось, и въ этомъ мнѣніи сошлись всѣ,— что и художественная сторона изданія не безукоризненна. Большинство рисунковъ показываетъ, что художники наши не справились— нѣтъ сомнѣнія — съ трудной задачей иллюстрировать высоко поэтическія произведенія Лермонтова. Постоянно наталкиваешься на случаи, когда рисунокъ не только не достигаетъ полнаго соотвѣтствія съ поэтическимъ текстомъ, но и показываетъ, что художникъ не далъ себѣ труда вдуматься въ содержаніе произведенія иллюстрируемаго. Характернымъ примѣромъ можетъ служить рисунокъ къ стихотворенію «Воздушный корабль». На немъ изображенъ корабль, плывущій по воздуху, между тѣмъ какъ въ текстѣ онъ несется «по синимъ волнамъ океана». Художникъ не понялъ, что корабль этотъ—«воздушный» совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, въ томъ именно, что это — не дѣйствительный предметъ, а неосязаемое видѣніе, а совсѣмъ не въ томъ, что онъ носится по воздуху. Даже самые лучшіе рисунки не соотвѣтствуютъ тексту въ смыслѣ внутреннемъ, не передаютъ поэтическаго содержанія лермонтовскихъ произведеній. Вообще говоря, однако, изданіе исполнено недурно, и оно заставляетъ сожалѣть о томъ, что иллюстраціонное искусство почти совершенно отсутствуетъ у насъ. Въ концѣ каждаго тома приложены многочисленные варіанты; но они, притомъ отдѣленные отъ главнаго текста, въ подобномъ художественномъ изданіи особенной роли играть не могутъ. Въ изданіи напечатаны только лучшія произведенія Лермонтова; для остальныхъ издатели обѣщаютъ выпустить третій томъ.

Одновременно съ названными изданіями, или спустя небольшой промежутокъ, вышелъ рядъ изданій, не претендующихъ на внесеніе въ произведенія Лермонтова чего-либо новаго, а представляющіе простую перепечатку изданій прежнихъ и разсчитанные на массу читателей. О нихъ много говорить не приходится. Нельзя, однако, не пожалѣть, что нѣкоторыя изъ нихъ заявили претензіи, которыхъ выполнить не могли. Такъ, изданіе г. Павленкова, подъ редакціей г. Скабичевскаго, назвало себя полнымъ, не будучи таковымъ, и только прибавивъ къ тексту глазуновскихъ изданій «Княгиню Лиговскую», «Юношескую повѣсть» и кое-что другое. Но оба названныя крупныя произведенія, какъ нарочно, были прочтены по рукописямъ очень небрежно, съ массою искаженій текста до полной безсмысленности (см. «Нов. Вр.» № 5427),—и они просто таки испортили изданіе, особенно при небрежности редактора, не потрудившагося свѣрить эти произведенія даже съ первымъ печатнымъ текстомъ. Гораздо цѣлесообразнѣе поступили изданія, какъ приложеніе къ «Живописному Обозрѣнію», которое частію перепечатало нѣкоторые тексты изъ прежнихъ изданій (можетъ быть также съ невѣрныхъ, испорченныхъ копій), а частію воспользовалось вновь вышедшими, изъ которыхъ взяло многія дополненія и исправленія (см. «Нов. Вр.» № 2552). Редактору здѣсь можно сдѣлать тотъ упрекъ, что онъ недостачно внимательно дѣлалъ заимствованія. Такъ, перепечатывая въ свое изданіе (во II т., стр. 517), очевидно, изъ изданія «Нивы» стихотвореніе «Кто въ утро зимнее...» онъ беретъ стихъ: «Далеко такъ по небу унесенъ»; но ему нужно было заглянуть въ опечатки этого изданія и онъ нашелъ бы, что слѣдовало напечатать: «Далеко имъ по небу унесенъ», какъ это напечатано и во всѣхъ другихъ изданіяхъ. И такихъ примѣровъ недостаточнаго вниманія, могущихъ служить дополненіемъ къ указаннымъ въ № 5552 «Нов. Вр»., можно бы привести довольно много.

Всѣ подобныя изданія, конечно, серьезнаго значенія не имѣютъ, но послужатъ къ распространенію въ читающей публикѣ произведеній Лермонтова.

Арсеній Введенскій.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ О ЛИЦАХЪ ВЪ ЛЕРМОНТОВСКОЙ ПОЭЗІИ.

Всякому, нѣсколько знакомому съ Лермонтовской поэзіей, извѣстно, что она въ высокой степени индивидуальна: во многихъ, крупныхъ и мелкихъ, произведеніяхъ Лермонтова находимъ мы прямое или косвенное изображеніе личности самого поэта,— и потому его поэзія служитъ лучшимъ источникомъ для исторіи его внутренней жизни. Сосредоточенный въ самомъ себѣ, Лермонтовъ любилъ слѣдить за малѣйшими движеніями своего душевнаго сознанія. Человѣческая душа, начиная съ его собственной, представляла для него глубокій интересъ: «Исторія души человѣческой, — говоритъ онъ въ предисловіи къ журналу Печорина, — хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнѣе и не полезнѣе исторіи цѣлаго народа». Въ его поэзіи находимъ мы довольно много лицъ, имѣющихъ характеръ литературныхъ типовъ. Разсмотрѣніе ихъ можетъ составить весьма любопытную историко-литературную задачу, къ рѣшенію которой предлагаемъ мы здѣсь нѣкоторый, приведенный въ извѣстную систему, матеріалъ. Ограничиваемся на этотъ разъ характеристикой личностей, взятыхъ поэтомъ изъ современной ему культурной среды.

Въ культурной средѣ родился и по преимуществу жилъ Лермонтовъ; поэтому совершенно естественно, что изъ нея взято имъ въ свою поэзію и наибольшее число лицъ. Изъ нихъ остановимся мы на наиболѣе рѣзко выставленныхъ поэтомъ. Прежде всего передъ нами Арбенинъ. Тутъ встрѣчаемся мы съ пріемомъ Лермонтова рисовать лицъ съ однимъ именемъ въ разныхъ произведеніяхъ; лица эти по своимъ существеннымъ свойствамъ имѣютъ

между собою связь, что совершенно ясно указываетъ на желаніе автора—обрисовать извѣстное лицо наиболѣе полно; у Лермонтова видна тутъ какая-то привязанность къ разъ выбраннымъ именамъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, и этотъ пріемъ поэта, при извѣстной осторожности, значительно облегчаетъ задачу наблюдателя. Съ Арбенинымъ встрѣчаемся мы у Лермонтова въ трехъ произведеніяхъ: въ драмѣ «Странный человѣкъ» (1831) (Владиміръ Павловичъ Арбенинъ), въ драмѣ «Маскарадъ» (двѣ редакціи—1835 и 1836) (Евгеній Александровичъ Арбенинъ) и въ отрывкѣ повѣсти 1841 г. (Александръ Сергѣевичъ Арбенинъ). Что за личность Владиміръ Павловичъ Арбенинъ? Уже самое заглавіе драмы отчасти его характеризуетъ: онъ—**странный** человѣкъ. Арбенинъ высказывается самъ о себѣ болѣе опредѣленно: онъ не можетъ и не хочетъ уступать мелочнымъ требованіямъ жизни, какъ другіе, а потому считаетъ себя не рожденнымъ для свѣта. Разъ убѣдившись въ своей отчужденности отъ людей и чувствуя въ то же время свое превосходство предъ ними, онъ начинаетъ ихъ презирать. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это — сердце, исполненное желанія любить; желаніе, однако, остается безъ исполненія, такъ какъ Арбенинъ уже слишкомъ далекъ отъ обычныхъ интересовъ жизни. Такая неотвратимая противоположность между стремленіями Арбенина и дѣйствительностью естественно приводитъ его къ сознанію себя несчастнымъ: о счастіи онъ вспоминаетъ только изъ отдаленнаго, едва мелькнувшаго дѣтства; послѣдующая жизнь представляется ему рядомъ самыхъ тяжелыхъ душевныхъ страданій. Ощущеніе своего несчастія усиливается для Арбенина еще тѣмъ, что онъ, по собственнымъ словамъ, носитъ «тяжелую ношу самопознанія», вѣчно роясь въ своей душѣ и растравляя ея раны. Арбенинъ съ дѣтства отличался крайней мечтательностью; его душа съ дѣтскихъ лѣтъ «искала чего-то чудеснаго», стремилась къ великому, и не мудрено, что ему пришлось разочароваться въ дѣйствительной жизни. У него нѣтъ опредѣленнаго дѣла (его поэтическія занятія для него болѣе развлеченіе, чѣмъ дѣло), онъ скучаетъ: его душа и умъ ищутъ случайныхъ впечатлѣній, между которыми для Арбенина особое значеніе имѣетъ женская любовь. Въ драмѣ онъ является въ положеніи человѣка, потерпѣвшаго неудачу въ своей страстной привязанности: другъ его перебиваетъ у него невѣсту, что является довольно естественнымъ, такъ какъ любовь Арбенина, вслѣдствіе его страстной натуры и особыхъ требованій, предъявляемыхъ имъ къ этому чувству, отзывается характеромъ эгоизма. Однако Арбенина никакъ нельзя назвать эгоистомъ вообще, и отзывъ о немъ Натальи Ѳедоровны, что у него доброе сердце, имѣетъ свое оправданіе въ его дѣйствіяхъ: съ одной стороны его добрыя наклонности доказываются вмѣшательствомъ въ отношенія между матерью и отцомъ, гдѣ онъ проситъ

отца простить мать, тронутый ея тяжелымъ положеніемъ; съ другой стороны его трогаютъ до глубины души разсказы крестьянина о жестокомъ обращеніи съ мужиками одной помѣщицы, и онъ предлагаетъ послѣднія средства своему пріятелю, чтобы тотъ могъ ихъ выкупить. Такимъ образомъ, Арбенинъ представляется личностью съ положительными и отрицательными свойствами, однако совмѣщенными не такъ, какъ можно наблюдать это во множествѣ людей, встрѣчающихся въ обыкновенной жизни. Страстная натура Арбенина, неспособная управлять собой и регулировать свои крайности, дѣлаетъ изъ него человѣка дѣйствительно страннаго, котораго съ перваго взгляда трудно понять, встрѣтивъ его въ жизни; этимъ объясняются разнорѣчивыя мнѣнія о немъ его знакомыхъ: одни находятъ его добрымъ, другіе—злымъ; одни видятъ въ немъ простого повѣсу, другіе—человѣка искренняго, съ душой пламенной, хотя и нѣсколько легкой; впрочемъ, всѣ признаютъ въ немъ гибкій и колкій умъ. Жизненное свое поприще кончаетъ Арбенинъ очень печально: онъ сходитъ съ ума и вскорѣ умираетъ. Такой конецъ героя пьесы наилучшимъ образомъ показываетъ симпатіи къ нему автору. Сочувствіе Лермонтова къ своему герою видно, впрочемъ, и изъ другихъ данныхъ: мы знаемъ уже, что Арбенинъ иногда отдавалъ свой досугъ поэтическимъ занятіямъ; въ драмѣ помѣщены нѣкоторыя его стихотворенія съ признаніями о себѣ, и эти стихотворенія встрѣчаемъ мы независимо отъ пьесы въ видѣ собственныхъ признаній Лермонтова (напр. стихотворенія: «Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ чудеснаго искала...» и «Когда я унесу въ чужбину...»). Кромѣ того, въ небольшомъ предисловіи къ піесѣ Лермонтовъ прямо высказываетъ свое сочувствіе къ герою драмы, который «подавалъ столь блистательныя надежды и отъ одной безумной страсти навсегда потерянъ для общества»; своимъ произведеніемъ хотѣлъ поэтъ «оправдать тѣнь несчастнаго»; въ этомъ же предисловіи Лермонтовъ совершенно опредѣленно говоритъ о томъ, что всѣ лица піесы списаны имъ съ натуры. Всѣ эти данныя могутъ служить указаніемъ на то, что въ характерѣ «страннаго человѣка» Лермонтовъ изобразилъ самого себя или вѣрнѣе—какъ мы теперь, въ качествѣ позднѣйшихъ наблюдателей, можемъ сказать—извѣстный моментъ въ развитіи своего собственнаго характера. Впрочемъ, не станемъ болѣе останавливаться на этомъ предметѣ и переходимъ къ Евгенію Александровичу Арбенину въ «Маскарадѣ». Въ характерѣ Арбенина между двумя редакціями «Маскарада» нѣтъ существенной разницы, что впрочемъ довольно естественно, такъ какъ вторая редакція отдѣлена отъ первой временемъ не болѣе одного года. Между Арбенинымъ «Страннаго человѣка» и «Маскарада» есть несомнѣнная и тѣсная психологическая связь; это — одно и то же лицо, представленное въ разные моменты жизни: тамъ въ лѣтахъ юношества, здѣсь —

въ зрѣломъ возростѣ. Самъ Арбенинъ не разъ вспоминаетъ въ «Маскарадѣ» о своей молодости, которую онъ, рожденный «съ душей кипучею, какъ лава», провелъ шумно и безплодно, въ какихъ-то неясныхъ порывахъ; онъ былъ тогда «неопытенъ», «заносчивъ», «опрометчивъ»; послѣ того прошло много времени, въ продолженіе котораго онъ «все видѣлъ, все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ»; прежніе порывы любить смѣнились у него мало-по-малу ненавистью и презрѣніемъ къ людямъ; свѣтъ его не понялъ — и онъ оставилъ этотъ свѣтъ, «холодно закрывъ объятья для чувствъ и счастья на землѣ»; въ молодости искалъ онъ горячихъ привязанностей, часто бывалъ любимъ, но самъ никого не могъ полюбить, какъ бы хотѣлъ. Чтобы наполнить чѣмъ-нибудь жизнь, онъ искалъ развлеченій: игралъ, путешествовалъ, пріобрѣталъ друзей, но вездѣ видѣлъ только зло, и, «гордый передъ нимъ нигдѣ не преклонился» — словомъ, онъ пришелъ къ полному разочарованію въ жизни и жить ему стало «тяжко и скучно». Въ эту пору кто-то подалъ ему совѣтъ жениться, «чтобъ имѣть святое право ужъ ровно никого на свѣтѣ не любить»; но тутъ случилось иначе—и пылкая душа Арбенина снова проснулась; онъ полюбилъ свою жену,— «прекрасное», «нѣжное» и «покорное созданіе»; однако, любовь эта была не такого рода, чтобы примирить Арбенина съ самимъ собой и съ жизнію: это было временное возвращеніе тѣхъ же порывовъ, которыми жила душа Арбенина въ молодости и которыхъ искала она по своей природѣ; и послѣ женитьбы онъ продолжалъ оставаться всѣмъ чужой, скучать и напрасно искать повсюду развлеченій; страсть его къ женѣ проснулась только въ видѣ ревности, когда онъ совершенно напрасно вообразилъ себя обманутымъ мужемъ; и тогда онъ является безпощаднымъ мстителемъ за свою мнимо нарушенную честь. Съ такими чертами представляется намъ Арбенинъ въ тотъ моментъ своей жизни, когда онъ является дѣйствующимъ лицомъ въ драмѣ «Маскарадъ». Если бы даже онъ и не говорилъ о своей молодости, въ немъ не трудно было бы видѣть воскрешеннаго Влад. Павл. Арбенина въ пору зрѣлости: съ такой вѣрностью все-таки установлена поэтомъ эта внутренняя связь. Отсюда совершенно понятно опредѣленіе, которое дѣлаетъ своему мужу Нина: «ты странный человѣкъ», говоритъ она въ отвѣтъ на его признаніе. Въ первой редакціи «Маскарада» Арбенинъ и кончаетъ какъ Владиміръ Павловичъ въ «Странномъ человѣкѣ»: онъ сходитъ съ ума. Я уже упомянулъ, что во второй редакціи «Маскарада» личность Арбенина не потерпѣла значительныхъ измѣненій въ своихъ внутреннихъ чертахъ сравнительно съ первой редакціей; поэтому для нашихъ цѣлей нѣтъ нужды останавливаться на этой передѣлкѣ; замѣтимъ только, что тутъ Арбенинъ кончаетъ не сумасшествіемъ и смертью, а удаляется «въ изгнаніе» съ твердымъ намѣреніемъ никогда болѣе не воз-

вращаться. Впрочемъ, такое измѣненіе во внѣшней судьбѣ героя пьесы обусловлено было соотвѣтствующими перемѣнами въ другихъ подробностяхъ фабулы.

О третьемъ лермонтовскомъ лицѣ, носящемъ имя Арбенина, не можемъ мы дѣлать никакихъ рѣшительныхъ заключеній, такъ какъ отрывокъ повѣсти, въ которомъ это лицо фигурируетъ, очень невеликъ. Видно только, что Александръ Сергѣевичъ Арбенинъ принадлежитъ, по словамъ автора, къ числу «любопытныхъ и страстныхъ» людей, что вскорѣ послѣ появленія его на свѣтъ его мать разъѣхалась съ его отцомъ по неизвѣстнымъ причинамъ (ср. такую же подробность въ «Странномъ человѣкѣ»), что въ дѣтствѣ сильно развивалась въ немъ мечтательность, которая замѣняла ему обычныя дѣтскія игрушки. Ребенокъ этотъ зналъ ужъ «мучительныя безсонницы»; «задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданія тѣла, увлекаясь грезами души». На этихъ подробностяхъ обрывается повѣсть. Нельзя сказать, какое лицо думалъ изобразить Лермонтовъ въ Александрѣ Сергѣевичѣ Арбенинѣ, но можно видѣть, что указанныя подробности не противорѣчатъ соотвѣтствующимъ чертамъ въ характерахъ двухъ предшествующихъ Арбениныхъ, и что лицо это, по мысли поэта, должно было принадлежать къ той же категоріи.

Переходимъ теперь къ другому лермонтовскому лицу, которымъ съ любовію занимался поэтъ во вторую, зрѣлую, половину своей дѣятельности — къ Григорію Александровичу Печорину, являющемуся въ неоконченномъ романѣ «Княгиня Лиговская» (1836 г.) и въ «Героѣ нашего времени» (1839—1840 гг.). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это—двѣ послѣдовательныя попытки нарисовать одно и то же лицо, какъ несомнѣнно и то, что въ это лицо поэтъ внесъ не мало и своихъ собственныхъ чертъ; это послѣднее обстоятельство роднитъ Печорина съ Арбенинымъ, и первый, подобно второму, имѣетъ всѣ достоинства матеріала для психологическаго изученія личности поэта. Оставляя и тутъ (какъ и относительно Арбенина) этотъ послѣдній вопросъ въ сторонѣ, будемъ разсматривать Печорина только лишь какъ литературный образъ. Изъ обстоятельствъ внѣшней жизни Печорина «Княгини Лиговской» извѣстно, что онъ, происходя изъ богатаго дворянскаго рода, получилъ въ дѣтствѣ не вполнѣ правильное воспитаніе, поступилъ затѣмъ въ Московскій университетъ, но вскорѣ отправленъ былъ въ Петербургъ, въ юнкерскую школу. Повѣсть застаетъ его въ званіи кавалерійскаго офицера, живущаго въ Петербургѣ и пользующагося, благодаря своимъ связямъ, удовольствіями большого свѣта. Авторъ не разъ указываетъ на умъ и сердце своего героя; свободныя проявленія того и другого нерѣдко отчуждали Печорина отъ свѣта и побуждали его даже сатирически относиться къ тому кругу, въ которомъ онъ родился и жилъ. Такое настроеніе поддерживалось у

него и уколами самолюбія, которое страдало у Печорина, потому что онъ обладалъ невыгодной наружностью и много терялъ въ отношеніяхъ своихъ къ женщинамъ. Женская любовь въ его жизни, какъ и у Влад. Павл. Арбенина, играла видную роль. Въ своей средѣ Печоринъ принадлежалъ къ числу людей не совсѣмъ обыкновенныхъ; принятые обычаи, мода, не подавляли его личности; онъ жилъ своими мыслями, своими чувствами, неохотно довѣрялся окружающимъ и иногда презиралъ ихъ, чувствуя надъ ними свое превосходство. Поэтъ отмѣчаетъ въ натурѣ Печорина нѣчто «сильное и потрясающее», что̀ обличало въ немъ характеръ и волю. Къ характеристикѣ этой личности должно быть отнесено и то, что онъ былъ «партизанъ Байрона», т. е. поклонникъ его страстной поэзіи, какъ ни казалось бы это противорѣчащимъ его беззаботному, равнодушному и лѣнивому виду, его «бычачьимъ нервамъ». Поэтъ не скрываетъ, можетъ быть, совершенно непроизвольно и менѣе симпатичныхъ сторонъ своего героя: онъ, не любя, усердно ухаживаетъ въ свѣтѣ за одной дѣвушкой, пользуясь этимъ какъ средствомъ пріобрѣсти нѣкоторую свѣтскую извѣстность. Онъ не чуждъ мелкаго чувства зависти, когда другой человѣкъ, совершенно случайный и изъ иного круга, своей красотой произвелъ мимолетное благопріятное впечатлѣніе на женщину, которую нѣкогда въ юности любилъ Печоринъ, но которая потомъ вышла замужъ за другого. Однако, должно прибавить къ чести Печорина, что онъ не усумнился въ этомъ дурномъ чувствѣ тотчасъ же и признаться, совершенно его осуждая.

Въ наиболѣе полномъ опредѣленіи является это лицо подъ тѣмъ же именемъ въ «Героѣ нашего времени». Можно сказать, что это — самая тщательная и удачная изъ всѣхъ попытокъ Лермонтова нарисовать лицо, занявшее его воображеніе. Печоринъ «Героя нашего времени» очень охотно о себѣ высказывается (то въ своемъ дневникѣ, то съ разными лицами: Максимомъ Максимычемъ, докторомъ Вернеромъ, княжной Мэри), анализируя движенія своей души и факты своей жизни подобно Влад. Павл. Арбенину. Изъ этихъ признаній мы узнаемъ, что условія его дѣтства сложились неблагопріятно и имѣли дурное вліяніе на его характеръ; рожденный со многими хорошими свойствами, онъ, однакоже, ихъ вскорѣ утратилъ и пріобрѣлъ противоположныя: онъ былъ скроменъ, его обвиняли въ лукавствѣ — и онъ сталъ скрытенъ; онъ глубоко чувствовалъ добро и зло, его никто не ласкалъ—и онъ сталъ злопамятенъ; будучи отъ природы угрюмъ среди веселыхъ дѣтей, онъ былъ за это унижаемъ—и сталъ завистливъ; готовый любить, онъ не встрѣчалъ сочувствія—и выучился ненавидѣть. Такимъ образомъ явилось у него отчужденіе отъ людей и презрѣніе къ нимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ безнадежный взглядъ на собственную жизнь; онъ сдѣлался нравственнымъ калѣкой, у котораго одни свойства перестали существо-

вать совершенно и навсегда, другія еще продолжали дѣйствовать. Подобно Евгенію Александр. Арбенину, Печоринъ много жилъ въ свѣтѣ, напрасно ища въ немъ забвенія своей мучительной скуки. Разумѣется, свѣтскія удовольствія ему опротивѣли, какъ надоѣли потомъ книги, опасности военной службы на Кавказѣ. Подобно Арбенину же, онъ встрѣтилъ послѣ этого Бэлу и думалъ, что нашелъ въ этой любви тихую пристань; однако ошибся и заскучалъ снова. Печоринъ чувствуетъ себя совершенно несчастнымъ, достойнымъ сожалѣнія; признаетъ въ себѣ душу, испорченную свѣтомъ, воображеніе безпокойное, сердце ненасытное. Изъ дѣйствій Печорина въ повѣсти и изъ его собственныхъ признаній мы узнаемъ, что это послѣднее свойство направлено имъ въ дурную сторону: какъ въ «Княгинѣ Лиговской», такъ и тутъ онъ настойчиво ухаживаетъ за дѣвушкой—съ единственной цѣлью вскружить ей голову. Доведя свою интригу до конца, онъ цинически признается княжнѣ Мэри, что ее не любитъ и что надъ ней только смѣялся. Тутъ мы встрѣчаемся съ такимъ свойствомъ Печоринской души, которое составляетъ одну изъ отличительныхъ ея особенностей: это—тщеславіе и эгоизмъ. Онъ дѣлаетъ объ этомъ въ своемъ дневникѣ такія откровенныя признанія: «я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что̀ встрѣчается на пути; я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы... Первое мое удовольствіе—подчинять моей волѣ все, что̀ меня окружаетъ. Возбуждать къ себѣ чувство любви, преданности и страха—не есть ли первый признакъ и величайшее торжество власти?» Отсюда уже само собой вытекаетъ его опредѣленіе счастія, что «счастіе—насыщенная гордость», т. е. состояніе удовлетвореннаго эгоизма. Это—голосъ чувства и непосредственнаго пониманія практики жизни, такъ какъ Печоринъ очень хорошо понимаетъ, что это—зло, и наклонность къ нему въ своей душѣ объясняетъ подобнымъ же злымъ отношеніемъ къ нему самому со стороны другихъ: «зло порождаетъ зло; первое страданіе даетъ понятіе объ удовольствіи мучить другого». Печоринъ вообще поражаетъ противорѣчіемъ теоретическаго пониманія жизни съ собственной практикой; онъ самъ говоритъ, что въ немъ «два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслитъ и судитъ его»; однако же это противорѣчіе смягчается у него безпощаднымъ и откровеннымъ признаніемъ и самоосужденіемъ. Если прислушаться къ нему внимательнѣе, то можно услышать отъ него вещи, крайне выгодно его характеризующія: онъ сознаетъ свои «мелкія слабости, дурныя страсти»; онъ знаетъ, что, увлекшись приманками пустыхъ страстей, «утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій—лучшій цвѣтъ жизни», за что̀ иногда себя презираетъ; собственную неудовлетворенность въ любви къ женщинамъ онъ объясняетъ тѣмъ,

что «ничѣмъ не жертвовалъ для тѣхъ, кого любилъ», что «любилъ только для себя, для собственнаго удовольствія». О привлекательныхъ сторонахъ Печорина съ женской точки зрѣнія очень своеобразно и тонко высказывается Вѣра въ своемъ письмѣ къ нему: «Въ твоей природѣ есть что-то особенное, тебѣ одному свойственное, что-то гордое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, что̀ бы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая; никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ, ни въ комъ умъ не бываетъ такъ привлекателенъ, ни чей взоръ не обѣщаетъ столько блаженства, никто не умѣетъ лучше пользоваться своими преимуществами и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты». Любовь Печорина къ Вѣрѣ очерчена въ повѣсти какими-то неясными чертами, но и эти черты могутъ дать намекъ на то, что Печоринъ былъ способенъ къ страсти продолжительной и не совершенно эгоистической. Къ числу симпатичныхъ чертъ Печорина должна быть отнесена и его положительная искренность: объ этомъ свидѣтельствуетъ не только поэтъ въ предисловіи своемъ къ журналу Печорина, но и самъ Печоринъ характеромъ своихъ сужденій о себѣ, какъ это мы уже видѣли. Онъ строго судитъ о Грушницкомъ, полагая, что тотъ принадлежитъ къ числу людей, которыхъ «просто прекрасное не трогаетъ, которые важно драпируются въ необыкновенныя чувства, возвышенныя страсти и исключительныя страданія», что «производить эфектъ — ихъ наслажденіе».

Сравнительно съ героемъ «Княгини Лиговской» Печоринъ въ «Героѣ нашего времени» представленъ человѣкомъ крайне нервнымъ. Онъ самъ говоритъ о своей особой впечатлительности: прошедшее пріобрѣтаетъ надъ нимъ великую власть; всякое воспоминаніе о минувшей печали или радости болѣзненно ударяетъ въ его душу. Вслѣдствіе этой же крайней нервности настроеніе его подвержено постояннымъ перемѣнамъ, какъ объ этомъ разсказываетъ наблюдавшій его Максимъ Максимычъ. При всемъ этомъ тѣмъ болѣе поражаетъ сила духовной природы Печорина, хотя бы даже въ болѣзненныхъ ея проявленіяхъ.

Совершенно естественно, что при такихъ безотрадныхъ для сознанія Печорина данныхъ, которыя представляетъ ему его природа и его жизнь, онъ мало дорожитъ послѣдней, потому что уже не надѣется на счастіе и глубоко чувствуетъ томительную скуку своего существованія. Онъ съ легкимъ сердцемъ идетъ на дуэль съ Грушницкимъ, отправляется путешествовать въ Америку, Аравію или Индію, все равно, съ печальной надеждой гдѣ-нибудь умереть на дорогѣ. Съ жизнію, такимъ образомъ, онъ въ сущности совершенно покончилъ, отказавшись отъ всякаго активнаго въ ней участія и обрекши себя случайнымъ впечатлѣніямъ до столь же случайной смерти.

Въ Печоринѣ мы видимъ окончательное завершеніе того лите-

ратурнаго образа, который постоянно носился передъ воображеніемъ Лермонтова и въ «Героѣ нашего времени» явился послѣднимъ результатомъ его творческой работы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы видимъ изъ этой повѣсти, насколько выросъ Лермонтовъ, къ послѣднимъ годамъ своей жизни, не только въ своемъ художественномъ дарованіи, но и въ общихъ своихъ понятіяхъ и взглядахъ. Отношеніе поэта къ Печорину въ «Героѣ нашего времени» совершенно ясно: не смотря на видимое сочувствіе поэта къ положительнымъ сторонамъ этого типа, очень легко замѣтить, что поэту ясны были и всѣ его недостатки. Въ заглавіи повѣсти заключается несомнѣнная иронія. Мало того: въ предисловіи авторъ говоритъ, что Печоринъ—это «потретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія въ полномъ ихъ развитіи»; онъ старался нарисовать въ этой повѣсти «современнаго человѣка, какимъ онъ его понимаетъ», и въ свойствахъ этого типа положительно видитъ «болѣзнь» вѣка. Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ повѣсти, въ разговорѣ съ Максимомъ Максимычемъ, авторъ осуждаетъ разочарованіе Печорина какъ моду: оно, «начавъ съ высшихъ слоевъ общества, спустилось къ низшимъ, которые его донашиваютъ».

Проходя мимо другихъ мужскихъ лицъ, менѣе ярко очерченныхъ Лермонтовымъ, въ родѣ Вулича, Грушницкаго, Сашки, остановимся изъ представителей культурной среды въ лермонтовской поэзіи еще нѣсколько на Максимѣ Максимычѣ. Типъ этотъ—совершенно простой, часто встрѣчающійся въ среднихъ классахъ нашего общества и удивительно вѣрно и мѣтко схваченный поэтомъ въ двухъ первыхъ главамъ «Героя нашего времени». Характеристическія его особенности отчетливо оттѣняются сопоставленіемъ его съ Печоринымъ; трудно представить двѣ личности болѣе противоположныя по основнымъ своимъ чертамъ, чѣмъ Печоринъ и Максимъ Максимычъ. У добраго штабсъ-капитана нѣтъ никакихъ притязаній относительно своей личности; онъ не задается никакими высшими вопросами, не обращается къ жизни ни съ какими особыми требованіями; онъ не понялъ поэта, когда тотъ говорилъ ему о модномъ разочарованіи Печорина. Но онъ не чуждъ уваженія къ культурѣ, съ презрѣніемъ отзываясь объ осетинахъ, что они не способны ни къ какому образованію; въ другомъ мѣстѣ, онъ скромно причисляетъ себя къ «необразованнымъ старичкамъ», которымъ не угнаться за современной молодежью. У этого старика очень чуткое и даже нѣжное сердце. Онъ съумѣлъ оцѣнить добрыя свойства Печорина, его искренность и благородство характера; онъ, человѣкъ безродный, «не догадавшійся во время запастись женой», проведшій лучшіе годы свои среди непривѣтливой службы на Кавказѣ, однако же всѣмъ сердцемъ привязался къ дикаркѣ Бэлѣ, какъ дочери, и «радъ былъ, что нашелъ, кого баловать». Участіе его въ отношеніяхъ Печорина и Бэлы трогательно отъ начала,

когда онъ содѣйствуетъ Печорину добыть Бэлу, и до конца, когда онъ старательно украшаетъ ея гробъ черкесскими серебряными галунами. Разсказъ Максима Максимыча о смерти Бэлы показываетъ, что его привычка видѣть смерть въ госпиталяхъ и на полѣ сраженія нисколько не очерствила его сердце, оно было переполнено чувствомъ самой неэгоистической любви, искавшей себѣ исхода въ отношеніяхъ Максима Максимыча къ Печорину и Бэлѣ. Тамъ и тутъ старикъ обманулся: Бэла ниразу не вспомнила о немъ передъ смертью, а Печоринъ довольно холодно съ нимъ простился, уѣзжая въ Персію, можетъ быть, навсегда. Но съ какимъ добродушіемъ переноситъ это Максимъ Максимычъ, стараясь оправдать и ту и другого! «И вправду молвить: что же я такое, чтобы обо мнѣ вспоминать передъ смертью», говоритъ онъ по поводу смерти Бэлы. На Печорина онъ слегка разсердился за его небреженіе, но сколько опять-таки скромности и добродушія въ той ироніи, съ которой онъ говоритъ о послѣдней своей встрѣчѣ съ Печоринымъ! На глазахъ у него были въ эту минуту слезы; но никто, зная Максима Максимыча, не обвинитъ его въ плаксивой сантиментальности: у него просто въ высшей степени мягкое и отзывчивое сердце. Этотъ человѣкъ, съумѣвшій привыкнуть къ свисту пули, не можетъ однако же привыкнуть быть равнодушнымъ къ красотамъ кавказской природы и способенъ увлекаться ими до самозабвенія, что и вызываетъ у поэта слѣдующее замѣчаніе: «въ сердцахъ простыхъ чувство красоты и величія природы сильнѣе, живѣе во сто кратъ, чѣмъ въ насъ, восторженныхъ разсказчикахъ на словахъ и на бумагѣ». Въ Максимѣ Максимычѣ нѣтъ ни малѣйшей доли горделиваго отношенія къ людямъ; строгому судьѣ можетъ даже показаться неумѣстной и навязчивой его фамильярность въ выраженіяхъ своего сочувствія; но все это въ немъ до такой степени безхитростно, естественно, цѣльно и своеобразно-глубоко, что служитъ только къ оттѣненію общей его душевной красоты. Сочувствіе поэта къ Максиму Максимычу выражено весьма опредѣленно. Созданіе этого типическаго лица дѣлаетъ великую честь поэтической зрѣлости Лермонтова въ эту пору, особенно если принять въ разсчетъ отношеніе поэта къ Печорину. Литературный образъ Максима Максимыча позволялъ возлагать великія надежды на Лермонтова какъ поэта, который уже совершенно независимо въ то время могъ наблюдать нѣкоторыя явленія жизни и имѣлъ всѣ данныя сдѣлаться впослѣдствіи глубокимъ и вѣрнымъ изобразителемъ современной русской дѣйствительности во всей ея полнотѣ.

Галерея женскихъ лицъ у Лермонтова изъ культурной среды очень невелика и по полнотѣ и художественности обработки далеко уступаетъ мужскимъ. Вотъ, напримѣръ, передъ нами Нина въ «Маскарадѣ». По словамъ Арбенина, это—слабое, прекрасное,

нѣжное, покорное созданье, «ангелъ красоты»; она безгранично любитъ мужа и своей преданностью успѣла навремя внушить интересъ къ жизни даже этому уже совершенно разочарованному во всемъ человѣку. Умъ ея—очень обыкновенный, воли—почти никакой; она вся—чувство. По первой редакціи пьесы она поставлена въ очень трагическое положеніе, умирая невинной жертвой ложныхъ подозрѣній мужа; во второй редакціи она выставлена нѣсколько иначе, такъ какъ дѣйствительно увлечена княземъ, но отъ этого характеръ ея не измѣняется. Нина въ «Маскарадѣ»—можетъ быть сочтена типической представительницей современной поэту женской культурной среды. Къ этому же разряду принадлежитъ и другая Нина въ неоконченной «Сказкѣ для дѣтей» (1841), не имѣющая, впрочемъ, съ Ниной въ «Маскарадѣ» никакой непосредственной связи. Вторую Нину поэтъ успѣлъ обрисовать лишь въ пору ея дѣтства; она ростетъ въ обществѣ суроваго старика-отца и строгой англичанки, «какъ ландышъ за стекломъ». Дѣйствительная жизнь до нея совсѣмъ не касалась, и она вся уходила въ мечты. А между тѣмъ это была натура одаренная:

«. . . . . душа ея была
«Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно.
«Для мукъ и счастья, для добра и зла
«Въ нихъ пищи много. .

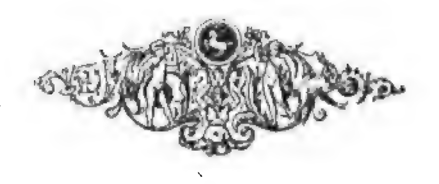
Однако, эти богатыя силы развивались неправильно и безплодно; изъ Нины готовилась свѣтская дѣвушка, усердно и самостоятельно изучавшая про себя всѣ тонкости кокетства. «Сказка» прерывается выѣздомъ Нины на первый балъ, гдѣ появленіе ея было замѣчено свѣтомъ.

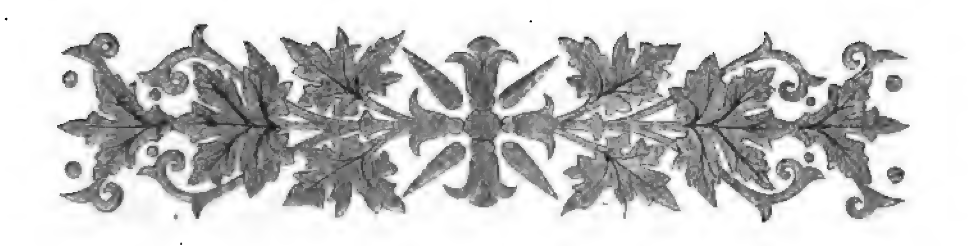
Къ этому же свѣтскому кругу должна быть отнесена и княжна Мэри. Представивъ въ обѣихъ Нинахъ два момента изъ жизни свѣтской женщины — дѣтства и положенія замужемъ — въ этомъ третьемъ лицѣ поэтъ представилъ намъ третій моментъ—въ пору увлеченія дѣвушки чувствомъ первой любви. Увлеченіе княжны Мэри Печоринымъ, вѣроятно, похоже на то, какое готовилось для Нины въ «Маскарадѣ». Это увлеченіе, по своему, глубоко, сильно и серьезно. Въ отношеніяхъ между Печоринымъ и Мэри послѣдняя, безъ сомнѣнія, вызываетъ сочувствіе; Печоринъ же очень много проигрываетъ тутъ въ глазахъ читателя. Въ Мэри много истинной женственности, деликатности, искренности и благородства, не смотря на недостатки ея односторонняго воспитанія. Когда она свободно отдается своему чувству, побужденія ея совершенно чисты. Мы не можемъ судить изъ повѣсти, есть ли у нея характеръ, но у нея есть извѣстная выдержка и тактъ. Хотя, по словамъ доктора Вернера, Мэри знаетъ алгебру, читала Байрона по-англійски и любитъ разсуждать о чувствахъ, страстяхъ и проч.,

однако, она далека отъ педанства и въ сущности остается дѣвушкой вполнѣ свѣтской.

Изъ женскихъ лермонтовскихъ лицъ данной среды намъ остается еще сказать два слова о Вѣрѣ въ «Героѣ нашего времени». Первымъ очеркомъ ея, дѣйствительно, можетъ быть сочтены, какъ полагаютъ нѣкоторые, княгиня Вѣра Лиговская въ отрывкѣ романа того же имени, но, перенесенная въ «Героя нашего времени», она настолько была измѣнена, что установить теперь тѣсную связь между этими лицами становится очень труднымъ. Въ Вѣрѣ представленъ новый моментъ въ жизни свѣтской женщины: она замужемъ, даже во второй разъ, но не можетъ освободиться отъ старой привязанности къ Печорину, рискуя и жертвуя для него всѣмъ, начиная съ собственнаго спокойствія и кончая мнѣніемъ свѣта. Въ Вѣрѣ есть что-то исключительно привлекательное и серьезное, чѣмъ она становится выше и обѣихъ Нинъ и княжны Мэри. На ней лежитъ видимое сочувствіе поэта, не смотря на случайность и мимолетность чертъ, которыми она изображена въ повѣсти. Эта особенность ея есть признаки обнаруженнаго ею характера и извѣстной твердости воли, хотя Печоринъ и отрицаетъ въ Вѣрѣ, какъ и въ большинствѣ другихъ женщинъ, присутствіе «упорнаго характера». Тутъ, такимъ образомъ, проясняется отчасти идеальный взглядъ поэта на женщину, нигдѣ имъ вполнѣ не выраженный, такъ какъ онъ не успѣлъ создать ни одного полнаго, съ своей точки зрѣнія близкаго къ идеалу, женскаго характера.

Е. Пѣтуховъ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. В. СТАРЧЕВСКАГО.

РУССКАЯ журналистика только съ эпохи Екатерины II можетъ считать годы своего прочнаго существованія. Сто двадцать-тридцать лѣтъ для развитія серьезной печати, какъ авторитетнаго органа общественной жизни съ ея многообразными интересами, несомнѣнно вліяющими и на ходъ государственныхъ дѣлъ,—не Богъ-знаетъ какое продолжительное время для укрѣпленія этого новаго, дѣятельнаго фактора современнаго прогреса. И однако отъ царствованія покровительницы Державина и Фонвизина и преслѣдовательницы Новикова и Радищева остались только двѣ офиціозныя газеты: одна въ Москвѣ, другая въ Петербургѣ. Мудрено ли, что при такой недолговѣчности періодическихъ органовъ печати сами журналисты не заживаютъ, какъ говорится, чужого вѣка, а съ трудомъ кончаютъ свой собственный, далеко не на лаврахъ и не въ довольствѣ и отдыхѣ, какихъ заслуживаетъ маститая старость, трудившаяся десятки лѣтъ на пользу общую. Еще недавно хоронили мы Нестора русской журналистики, болѣе полувѣка работавшаго на этомъ тяжеломъ поприщѣ, но все-таки не успѣвшаго довести свой журналъ до этого срока, котораго не достигало еще ни одно частное изданіе,—а добровольно закрывшаго свою газету на 21-мъ году ея существованія, но не отъ недостатка силъ и средствъ, и не отъ равнодушія къ ней русской публики. Въ прошломъ мѣсяцѣ исполнилась полувѣковая годовщина литературной дѣятельности другого журналиста, память котораго заслуживаетъ уваженія, а полезные труды—добраго слова.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, какъ извѣстно, на живыхъ писателей о Россіи смотрѣли косо, но къ мертвымъ, особенно иностраннымъ, относились благосклонно. 20-го сентября 1841 года вышелъ изъ печати первый томъ «Сказанія иностранныхъ писателей XVI столѣтія о Россіи», на латинскомъ языкѣ. Книга, какъ слѣдуетъ, была посвящена министру народнаго просвѣщенія Уварову и онъ сдѣлалъ издателя членомъ-кореспондентомъ археографической комисіи — награда не особенно важная, но все-таки удивившая строгихъ блюстителей бюрократическихъ прерогативовъ, такъ какъ членъ этотъ былъ не болѣе какъ студентъ 4-го курса Петербургскаго университета, а студентамъ не полагается быть членами никакихъ учрежденій. Гораздо существеннѣе была другая помощь, оказанная студенту министромъ: онъ испросилъ у государя сто червонцевъ на изданіе второго тома, и томъ этотъ появился въ августѣ слѣдующаго года подъ названіемъ «Historiae Ruthenicae scriptores exteri soeculi XVI». Въ это изданіе вошло 20 писателей, и свѣдѣнія объ нихъ и объ ихъ трудахъ сообщались въ особыхъ введеніяхъ, приложенныхъ къ каждому тому и написанныхъ авторомъ также на латинскомъ языкѣ. Кто же былъ этотъ авторъ, серьезный латинистъ въ эпоху, когда прелести классицизма еще не были у нась достаточно оцѣнены и не служили краеугольнымъ камнемъ образованія русскаго человѣка? Откуда студентъ явился такимъ знатокомъ языка, которому плохо учились и семинаристы? Дѣло объяснялось тѣмъ, что авторъ—полякъ и католикъ, былъ уроженецъ нашего западнаго края, гдѣ латынь лежала въ основаніи воспитанія шляхты, а въ судьбѣ его, до поступленія въ Петербургскій университетъ, было не мало переворотовъ.

Альбертъ-Войтехъ Викентьевичъ Старческій происходилъ изъ дворянъ Волынской губерніи, переселившихся туда въ половинѣ прошлаго вѣка изъ воеводства Сандомирскаго, земли Серадзской, въ польскомъ королевствѣ. Онъ родился 29-го апрѣля 1818 года, въ деревнѣ Ивкахъ, въ трехъ верстахъ отъ Богуславля, бывшаго тогда уѣзднымъ городомъ Кіевской губерніи, стало быть родился на коренной русской землѣ, но ополяченной до того, что послѣ первоначальнаго воспитанія въ родительскомъ домѣ, мальчикъ въ 1827 году былъ отданъ въ парафіальную кошеватскую школу, въ мѣстечкѣ Кошеваты, Таращанскаго уѣзда, принадлежавшемъ графу Дзялынскому. Эту школу содержалъ классически-образованный уніатъ Схабитскій, съ братомъ своимъ уніатскимъ священникомъ, но мальчикъ пробылъ въ ней не болѣе года, учась латыни, польской грамматикѣ, географіи и ариѳметикѣ. Въ 1831 году онъ поступилъ въ Каневское повѣтовое училище отцовъ базиліанъ, но въ томъ же году оно закрылось по случаю холеры. Старчевскій снова вступилъ въ него въ слѣдующемъ году, но опять долженъ былъ его оставить, такъ какъ училище было наконецъ закрыто

окончательно какъ польское. Съ годъ мальчикъ воспитывался еще въ домѣ бывшаго маршала Головинскаго, въ Николаевкѣ, гдѣ выучился бѣгло говорить по-французски и, наконецъ, 15-ти лѣтъ, поступилъ въ первую кіевскую гимназію, преобразованную Е. Ф. Брадке, но вышелъ изъ нея черезъ годъ, изъ третьяго класса, рѣшивъ приготовиться къ поступленію въ открывшійся тогда университетъ св. Владиміра.

Въ 1835 году онъ выдержалъ вступительный экзаменъ, но университетское начальство не приняло его до разъясненія министерствомъ просвѣщенія вопроса, какъ слѣдуетъ поступить въ подобномъ случаѣ? Ему было разрѣшено только—посѣщать VII-й классъ гимназіи. Отвѣтъ министерства, по обыкновенію, затянулся, такъ что Старчевскому пришлось въ слѣдующемъ году держать экзаменъ во второй разъ и, наконецъ, уже онъ поступилъ на юридическій факультетъ. Римское право читалъ тамъ братъ знаменитаго поэта Мицкевича,—и на латинскомъ языкѣ. Молодой студентъ оставался, впрочемъ, не болѣе года въ Кіевскомъ университетѣ и въ 1837 г. перешелъ въ петербургскій, на тотъ же факультетъ. Здѣсь онъ вскорѣ нашелъ мѣсто завѣдующаго пансіономъ полковника А. В. Полонскаго и приготовлялъ учениковъ къ поступленію въ корпусъ путей сообщенія. Въ 1840 году, 23-хъ-лѣтній студентъ, перейдя въ 4-й курсъ, отправился въ Италію преимущественно съ цѣлью изучить на мѣстѣ археологическія раскопки Геркуланума, Помпеи и Стабіи. Проѣхавъ всю среднюю Европу отъ Любека до Неаполя, студентъ познакомился въ Римѣ съ кардиналомъ Меццофанти, и говорилъ съ нимъ на малороссійскомъ языкѣ, которому прелатъ выучился у галичанина-уніата Нечипора. Вернувшись въ Петербургъ, Старчевскій, въ декабрѣ 1840 года, отправился вторично за границу, на этотъ разъ съ педагогической цѣлью, наставникомъ дѣтей барона Петра Казимировича Мейендорфа, и слушалъ лекціи въ Берлинскомъ университетѣ.

Эта довольно разнообразная Одиссея молодыхъ годовъ будущаго русскаго писателя продолжалась и въ слѣдующіе годы. Въ 1842 г. отъ историческихъ трудовъ онъ перешелъ къ юридическимъ, и составилъ извлеченіе изъ свода законовъ, карманный кодексъ, въ родѣ «Кодекса Наполеона». Профессоръ Шталь, у котораго Старчевскій слушалъ лекціи государственнаго права, представилъ это извлеченіе извѣстному Савиньи. Тотъ явился въ русское посольство и просилъ автора—составить на нѣмецкомъ языкѣ конспектъ своего труда. Это было исполнено и Савиньи хотѣлъ перевести конспектъ на французскій языкъ, но этому помѣшалъ появившійся въ 1844 году французскій переводъ полнаго X тома свода законовъ. Во время пребыванія своего въ Берлинѣ въ 1841 и 1842 годахъ, Старчевскій составилъ тамъ другое извлеченіе изъ нашихъ законовъ, касающееся правъ иностранцевъ въ Россіи: «Die russische

Gesätze Ausländer betreffend» и получилъ за него 500 талеровъ, а издатель книги — медаль. Старчевскій перевелъ также по-французски нашъ комерческій уставъ и подарилъ трудъ свой французу Мерсье, гувернеру сыновей барона Мейендорфа. Въ то же время, отъискавъ въ берлинской публичной библіотекѣ колекцію портретовъ и автографовъ разныхъ историческихъ лицъ, Старчевскій сдѣлалъ выборъ изъ 30,000 портретовъ и составилъ «Galerie Slave» изъ 360 славянскихъ дѣятелей, описавъ и біографіи ихъ. Берлинскій книгопродавецъ Беръ издалъ этотъ сборникъ, но русская цензура запретила ввозъ этой книги въ Россію. Тогда же молодой труженикъ отыскалъ въ придворномъ королевскомъ архивѣ реляціи бранденбургскихъ посланниковъ въ Россіи, въ XVII столѣтіи, и копіи съ этихъ обширныхъ рукописей были поднесены въ Москвѣ А. И. Тургеневымъ Николаю I, который передалъ ихъ въ архивъ иностранныхъ дѣлъ. Воспользовавшись свѣдѣніями, доставленными Тургеневымъ, о матеріалахъ по русской исторіи, хранящихся въ архивахъ и библіотекахъ западной Европы, Старчевскій составилъ первый, обстоятельный каталогъ русскихъ и иностранныхъ матеріаловъ для исторіи Россіи. Каталогъ этотъ находится въ библіотекѣ, оставшейся послѣ П. П. Демидова.

Но все это были работы иноязычныя и спеціальныя: русской журналистикой Старчевскій началъ заниматься въ 1843 году, сдѣлавшись сотрудникомъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» по исторической критикѣ и славянской этнографіи и филологіи. Въ этомъ же году онъ разбиралъ архивъ и библіотеку Петра Андреевича Вяземскаго, а въ слѣдующемъ преподавалъ славянскія нарѣчія Н. Н. Карамзину и составилъ граматики десяти славянскихъ нарѣчій (остающіяся до сихъ поръ въ рукописи). Первыми значительными русскими трудами его явились: «Литература русской исторіи съ Нестора до Карамзина» (напечатана въ журналѣ «Финскій Вѣстникъ») и «О заслугахъ оказанныхъ государственнымъ канцлеромъ Николаемъ Петровичемъ Румянцевымъ русской исторіи». Въ 1845 г. онъ написалъ «Жизнь Николая Михайловича Карамзина» для «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ взялъ было на себя отдѣлъ исторической критики, но сотрудничество его въ этомъ журналѣ окончилось въ томъ же году, такъ какъ редакторъ находилъ историческіе взгляды Старчевскаго уклончивыми и недостаточно прогресивными, а оцѣнку значенія Карамзина неудовлетворительною. Тогда молодой историкъ оставилъ журналистику и принялъ на себя редакцію «Энциклопедическаго словаря», а когда изданіе это остановилось, сдѣлался, съ 1849 года, редакторомъ «Библіотеки для чтенія». Любопытную исторію этихъ двухъ изданій разсказалъ самъ Старчевскій въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Какъ редакторъ перваго оконченнаго русскаго словаря, не смотря на всѣ его недостатки и промахи — Старчевскій безспорно

заслуживаетъ благодарность публики, особенно при тѣхъ цензурныхъ и матеріальныхъ препятствіяхъ съ какими ему приходилось бороться въ теченіе стольких лѣтъ. Какъ редакторъ журнала, онъ игралъ второстепенную роль, завися вполнѣ отъ Сенковскаго и издателей, и не имѣя средствъ дѣйствовать самостоятельно. Послѣ семилѣтней работы онъ принужденъ былъ оставить журналъ, поднять который уже не было возможности, до того публика извѣрилась въ софизмахъ барона Брамбеуса, писателя безспорно замѣчательнаго, но бывшаго тогда въ журналистикѣ не болѣе какъ талантливымъ клоуномъ. Только такія добродушныя и довѣрчивыя натуры, какъ Старчевскій, могли серьезно увѣрять, что Гречъ, Булгаринъ и Сенковскій пустились въ журналистику, «воспламенясь любовью къ отечеству» и желая противодѣйствовать вторженію въ Россію ложныхъ политическихъ идей.

Совершенно самостоятельнымъ редакторомъ Старчевскій явился въ 1856 году, преобразивъ «Сынъ Отечества» въ дешевую еженедѣльную газету. Успѣхъ ея былъ огромный: въ первые же годы у нея было болѣе двадцати тысячъ подписчиковъ—такъ велика была у лицъ средняго образованія потребность въ подобномъ изданіи; велось оно умѣло и разнообразно и приносило небывалые барыши редактору, бывшему въ то же время и издателемъ, то-есть полнымъ хозяиномъ предпріятія. Изъ скромной квартиры на окраинѣ города, въ Зелениной улицѣ, близь перевоза на Крестовскій островъ, Старчевскій переѣхалъ въ купленный имъ домъ строителя Исаакіевскаго собора Монферана у Почтамтскаго мостика, наполненный сокровищами археологіи и изящныхъ искусствъ. Вслѣдъ затѣмъ редакторъ пріобрѣлъ другой огромный домъ Румянцевскаго музея, переведеннаго въ Москву. Но неожиданное благосостояніе человѣка, не имѣвшаго до того времени никакого состоянія и жившаго литературнымъ трудомъ—было не продолжительно, архитектура не уживалась съ журналистикой, спекуляція съ покупкою домовъ оказалась неразсчетливою: домъ музея требовалъ большихъ затратъ на передѣлки въ частныя квартиры. На кровати принадлежавшей Маріи-Антуанетѣ и составлявшей одну изъ рѣдкостей монферановскаго дома, привыкшій къ скромному ложу труженикъ не могъ найти покоя отъ преслѣдовавшихъ его назойливыхъ кредиторовъ. По своей непрактичности онъ сдѣлался сверхъ того жертвою разныхъ хищниковъ и эксплуататоровъ чужого труда и, черезъ тринадцать лѣтъ, долженъ былъ уступить право на изданіе «Сына Отечества» лицу, вовсе не причастному не только къ литературѣ, но и къ русской граматикѣ. Въ 1869 году, потерявъ плоды всѣхъ своихъ долгихъ трудовъ, Старчевскій взялъ на себя редакцію и изданіе «Сѣверной Пчелы». Это была еще бо́льшая ошибка, чѣмъ архитектурные проекты: возвратить къ жизни газету, отравленную булгаринскимъ духомъ, было немыслимо и Стар-

чевскій довелъ ее только до 12-го февраля 1870 года. Тогда,—какъ ни тяжело это было,—онъ поступилъ въ редакторы къ собственнику «Сына Отечества» Успенскому, владѣльцу мучного лабаза. Еще семь лѣтъ и три мѣсяца несъ онъ тяжелый редакторскій трудъ по газетѣ, созданной его дѣятельностью, но теперь завися отъ человѣка, видѣвшаго въ ней только такое же торговое дѣло, какъ продажа бѣлотурки. Такое редакторство Старчевскій вынесъ только до апрѣля 1877 года. Тогда онъ обратился къ лингвистическимъ и спеціальнымъ работамъ, составилъ «Спутникъ русскаго человѣка въ Средней Азіи», заключающій въ себѣ болѣе 50,000 словъ узбекскихъ, сартскихъ, таджикскихъ и киргизскихъ; «Русскую реальную литературу въ царствованіе Александра II»; «Военно-техническій указатель съ 1867 по 1877 годъ»; «Памятникъ послѣдней восточной войны 1877—1878 гг.».

Но редакторская жилка въ немъ не переставала биться и онъ нѣсколько разъ пробовалъ пристроиться къ разнымъ изданіямъ отцвѣтавшимъ, неуспѣвъ расцвѣсть. Съ 1-го февраля 1879 года до мая 1881 года онъ редактировалъ газету «Современность», осенью 1881 года «Улей», съ 1882 года «Эхо», официальнымъ редакторомъ котораго былъ генералъ Макшеевъ, отправившійся потомъ въ мѣста не столь отдаленныя, а издательницей сдѣлалась съ половины года г-жа Звиноградская до марта 1883 года. Съ половины мая слѣдующаго года Старчевскій сдѣлался редакторомъ «Родины», преобразовавъ ее и сдѣлавъ изъ нея еженедѣльную газету, но съ 1885 года издателемъ ея является г. Пономаревъ и въ маѣ свергаетъ редактора, который окончательно разстается съ журналистикой, но работать не перестаетъ, а обращается къ лингвистическимъ трудамъ, къ составленію словарей, разговоровъ и граматикъ разныхъ языковъ. Сначала вышелъ въ свѣтъ «Русскій Мецофанти» для европейскихъ языковъ, выдержавшій въ три года три изданія и разошедшійся въ числѣ 8,000 экземпляровъ. Потомъ съ пособіемъ отъ генеральнаго штаба вышло нѣсколько «Переводчиковъ» съ турецкаго, персидскаго, сартскаго и китайскаго языковъ; затѣмъ книгопродавецъ Березовскій поручилъ ему составленіе книгъ «Наши сосѣди» и два «Переводчика-проводника по окраинамъ Россіи» (въ одномъ 44 языка, въ другомъ 26), также пограничные переводчики по западной и южной или азіатской границѣ. При поддержкѣ литературнаго фонда и содѣйствіи г. Гуревича, вышелъ «Кавказскій толмачъ», заключающій въ себѣ 27 кавказскихъ нарѣчій. Затѣмъ вышелъ «Странникъ-толмачъ по Индіи, Тибету и Японіи». Все это весьма полезныя изданія; менѣе существенную пользу можетъ принести начатый имъ въ нынѣшнемъ году «Русскій объяснительный словарь» непонятныхъ или неясно понимаемыхъ словъ русскаго книжнаго и народнаго языка «со всѣми областными нарѣчіями и съ славянскимъ языкомъ». Для та-

кого труда надо быть присяжнымъ филологомъ, Далемъ, Буслаевымъ, Срезневскимъ. Гораздо болѣе значенія имѣетъ другой только-что предпринятый имъ трудъ «Русскій морской толмачъ» во всѣхъ портахъ Европы, Азіи и сѣверной Африки на 50-ти языкахъ, которыми говорятъ прибрежные жители этихъ странъ свѣта. Изданіе, составленное для морского министерства, выйдетъ къ началу навигаціи будущаго года.

И за всѣ эти лингвистическіе труды, требующіе особенной усидчивости, акуратности, утомительнаго чтенія коректуръ, огромныхъ справокъ, А. В. Старчевскій принялся когда ему перешло уже за 70 лѣтъ. И также, въ 74 года, сверхъ всѣхъ этихъ работъ, онъ усердно читаетъ еще коректуру русскаго брокгаузовскаго словаря, исправляя его промахи и, какъ онъ самъ выражается «выметая порядочно мусору», какимъ напичкалъ его покойный профессоръ, превосходный человѣкъ, но взявшійся не за свое дѣло. Можно ли послѣ всѣхъ этихъ добросовѣстныхъ, неустанныхъ работъ не почтить теплымъ привѣтомъ полувѣковую дѣятельность неутомимаго труженика? А сколько еще статей помѣстилъ онъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, монографій, воспоминаній, литературныхъ очерковъ, оставивъ редактированіе эфемерныхъ журналовъ. Много ли такихъ работниковъ встрѣтишь въ наше время, которое «и жить торопится и наживать спѣшитъ»?

А. В. Старчевскій принадлежитъ къ людямъ тридцатыхъ годовъ и могъ бы начать въ то время литературное поприще, такъ какъ родился въ первое десятилѣтіе нынѣшняго вѣка. Сверстниковъ его осталось уже не много: кромѣ ученыхъ—ихъ только двое и всѣ они почти начали писать въ журналахъ въ сороковыхъ годахъ, какъ Старчевскій; это — А. Д. Галаховъ и А. П. Милюковъ; всѣ они старше его и людей сороковыхъ годовъ, которыхъ также осталось немного. Семидесятѣтніе писатели у насъ также рѣдки, какъ бѣлые вороны...

Изъ треіхъ поляковъ, занимавшихъ выдающееся мѣсто въ русской журналистикѣ, Старчевскій, менѣе даровитый, какъ Сенковскій, гораздо выше Булгарина, «запятнавшаго насъ своимъ братствомъ», по словамъ Пушкина. Всѣ три соплеменника пріобрѣли литературою, не въ примѣръ русскимъ людямъ, благосостояніе—хоть и не прочное. Изъ всѣхъ статей Старчевскаго самою любопытною была бы—«о томъ, какъ я разбогатѣлъ и отчего разорился». Можетъ быть, онъ когда-нибудь и напишетъ ее въ назиданіе потомкамъ, а до тѣхъ поръ и собратья его по журналистикѣ и публика отнесутся конечно сочувственно къ плодотворной, добросовѣстной, труженической дѣятельности юриста, энциклопедиста, историка, лингвиста и старѣйшаго представителя современной русской журналистики.

В. З.

СИБИРСКІЕ ДИПЛОМАТЫ XVII ВѢКА.

(Посольскіе «статейные списки»).

Разнообразна была въ XVII вѣкѣ дѣятельность сибирскихъ служилыхъ людей. Въ какихъ только роляхъ и на какихъ поприщахъ мы не встрѣчаемъ ихъ: въ роли администраторовъ, ратныхъ людей, дипломатовъ, мореходовъ, финансовыхъ дѣятелей, сельскихъ хозяевъ, горныхъ инженеровъ и проч., и проч. Ко всему повидимому они были годны и ни отъ какого «государева дѣла» не отказывались.

Особенный интересъ представляетъ дипломатическая служба сибиряковъ. Никакой дипломатической школы въ Сибири не было (въ родѣ Посольскаго Приказа, игравшаго роль школы для московскихъ дипломатовъ), но каждый рядовой служилый человѣкъ въ Сибири могъ ожидать, что волею судебъ онъ получитъ дипломатическую «посылку» къ какому-нибудь «мунгальскому царю», калмыцкому «тайшѣ», «князцу» и т. п. Не смотря, однако, на явное диллетантство этихъ случайныхъ дипломатовъ, ихъ «посольская служба» шла какъ слѣдуетъ: они не только соблюдали въ точности всѣ посольскіе обычаи и церемоніалы того времени, словно заправскіе дипломаты, но и достигали дѣйствительныхъ результатовъ по существу порученнаго имъ посольскаго дѣла. Установленіе политическихъ и торговыхъ сношеній съ независимыми и полунезависимыми владѣтелями сосѣднихъ съ Сибирью мунгальскихъ, киргизскихъ, калмыцкихъ и др. странъ, нерѣдкія дипломатическія

побѣды надъ ними, всѣ мирныя завоеванія порубежныхъ земель путемъ посольскихъ переговоровъ—все это было дѣломъ этихъ непатентованныхъ дипломатовъ, отбывавшихъ «посольское дѣло» на ряду со всякимъ другимъ «государевымъ дѣломъ». Они оставили намъ любопытные «статейные списки» своихъ посольствъ, представляющіе цѣнные матеріалы не только для политической исторіи среднеазіатскихъ владѣній XVII вѣка и нашихъ сношеній съ ними, но и для географіи и этнографіи центральной Азіи.

Изъ немалаго ряда «статейныхъ списковъ» XVII в., сохранившихся въ столбцахъ Сибирскаго Приказа (въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи), предлагаю (въ своемъ пересказѣ, съ сохраненіемъ всѣхъ характерныхъ выраженій подлинниковъ) три «статейныхъ списка» изъ числа болѣе древнихъ. Каждый изъ нихъ отличается тѣми или другими характерными особенностями.

Первый «статейный списокъ» разсказываетъ о посольствѣ въ 1640—1641 гг. Тобольскаго боярскаго сына Меньшого-Ремезова къ калмыцкому Контайшѣ [1]). Меньшой Ремезовъ — типъ наивнаго дипломата, наивнаго до такой степени, что когда на первой аудіенціи у Контайши онъ, держа предъ нимъ свои «посольскія рѣчи», не замѣтилъ, что калмыцкій царекъ былъ совершенно пьянъ и ничего не могъ понять изъ рѣчей посланника... На второй аудіенціи, происходившей на другой день, самъ Контайша долженъ былъ сознаться Ремезову, что наканунѣ онъ былъ пьянъ и ничего «не помнитъ»: а ты—говорилъ онъ послу—тѣ рѣчи нынѣ мнѣ скажи трезвому вдругіе» (въ другой разъ)... И Ремезовъ «говорилъ въ другой рядъ рѣчь сполна»... Врядъ ли извѣстенъ въ дипломатическихъ лѣтописяхъ другой подобный фактъ!..

Еще фактъ, свидѣтельствующій о простотѣ Ремезова: когда въ одномъ улусѣ, на глазахъ у Ремезова, отбирали въ подарокъ русскому государю отъ имени Контайши «добрыхъ инохотцевъ» и вмѣсто того нарочито выбрали «самыхъ худыхъ»—Ремезовъ ни единымъ словомъ не протестовалъ противъ этой явной насмѣшки и повелъ «самыхъ худыхъ инохотцевъ» въ Тобольскъ...

Но этотъ же наивный дипломатъ временами обнаруживалъ и большую энергію, и разумную распорядительность. Такъ, когда на обратномъ пути ѣхавшіе съ Ремезовымъ въ Тобольскъ послы Контайши вздумали въ Барабинской области требовать ясакъ съ государевыхъ ясачныхъ людей, Ремезовъ такъ энергично протестовалъ, что послы отказались отъ своихъ намѣреній.

Второй «статейный списокъ» говоритъ о посольствѣ Тобол скаго «толмача» Панфила Семенова къ мунгальскому Цысанухану въ 1649—1651 гг. [2]). Званіе «толмача» не даетъ права пред-

[1]) Сибирскаго Приказа столбецъ № 115, лл. 18—40.
[2]) Сибир. Приказа столбецъ № 220, лл. 78—92.

полагать, что Семеновъ былъ профессіональнымъ дипломатомъ: толмачи въ сибирскихъ городахъ назначались главнымъ образомъ для сношеній съ мѣстными инородцами, участіе же въ посольскомъ дѣлѣ не было для нихъ обязательнымъ. Очень часто роль толмачей въ посольствахъ играли мѣстные инородцы, или же бухарцы—русскіе подданные, поселившіеся въ нѣкоторыхъ сибирскихъ городахъ ради торговли.

При томъ же, во главѣ посольства къ Цысану-хану поставленъ былъ собственно Тобольскій боярскій сынъ Ерофѣй Заблоцкой, при которомъ Панфилъ Семеновъ состоялъ только толмачемъ. Но дорогою къ Цысану-хану Заблоцкой былъ убитъ «Брацкими людьми», и Семенову волею-неволею пришлось стать во главѣ посольства. Послѣ убійства Заблоцкаго, Семеновъ хотѣлъ вернуться въ Тобольскъ, но «мунгальскіе люди» принудили его продолжать путь къ Цысану. Не задолго предъ прибытіемъ посольства Цысанъ умеръ, и Семенову пришлось вести переговоры со вдовою хана Тайкою и зятемъ его Турукай-Табуномъ. Семеновъ нисколько не растерялся въ новомъ для себя положеніи и держался съ достоинствомъ... Онъ такъ вошелъ въ роль представителя «великаго государя», что сталъ требовать отъ могущественныхъ и независимыхъ мунгальскихъ владѣтелей, чтобы они «шертовали» (присягали) русскому государю «на вѣчное холопство» и платили бы ему «дани»... Но Тайка и Турукай гордо отвѣчали ретивому Панфилу, что они «въ холопствѣ ни у кого не бывали» и «даней» никому не платили.

Третій статейный списокъ говоритъ о пребываніи у Мунгальскаго царя Чичина (это—тотъ же Цысанъ-ханъ), въ 1647 г., Енисейскаго казачьяго десятника Константина Иванова Москвитина [1]). Въ офиціальномъ смыслѣ это собственно не посольскій «статейный списокъ», а «распросныя рѣчи» Москвитина съ товарищи, случайно попавшихъ къ царю Чичину. Они посланы были совсѣмъ не къ Чичину и не для посольскихъ переговоровъ съ кѣмъ-либо другимъ, а для «провѣдыванья серебряной руды». Но увлеченные своими поисками, они зашли далеко и очутились въ Мунгальской землѣ, гдѣ и должны были принять на себя роль добровольцевъ-дипломатовъ. Тѣмъ интереснѣе, конечно, отчетъ Москвитина о его дипломатическихъ подвигахъ...

Дѣйствительно, Москвитинъ совершилъ нѣсколько подвиговъ. Не имѣя никакого порученія къ мунгальскимъ владѣтелямъ, онъ однако очень ловко нашелся и завелъ сношенія съ ними по предмету своей главной миссіи: онъ сталъ выпытывать о мѣсторожденіяхъ серебряной руды въ Мунгальской землѣ... При этихъ сношеніяхъ Москвитинъ отправлялъ «посольское дѣло» честь-честью: говорилъ, какъ слѣдуетъ, привѣтственныя рѣчи, докладывалъ въ

---

[1]) Сибирск. Приказа столбецъ № 308, лл. 840—847.

надлежащихъ выраженіяхъ «о здоровьѣ великаго государя», подносилъ дешевенькіе дары, тонко оговариваясь, что они подносятся «посылкою, а не въ подарки»...

Но у царя Чичина Москвитинъ не получилъ аудіенціи и вотъ по какому характерному случаю, гдѣ нашъ казачій десятникъ проявилъ выходящую изъ ряда гражданскую доблесть...

Передъ аудіенціей, приближенные Чичина сказали Москвитину съ товарищи, что они должны «видя юрту (царя)—передъ нею кланятися и садитца на колѣнкахъ»... Но Москвитинъ и его товарищи, «памятуя крестное цѣлованье» и «не бояся Мунгальского царя слова къ нему не пошли и государева жалованья—посылки ему не дали»...

Къ удивленію, и Чичинъ, и его приближенные очень добродушно отнеслись къ такому ослушанію Москвитина и отпустили его изъ царскаго улуса «съ честію, бережно»—дали провожатыхъ и проч.

Разсказу Москвитина о пребываніи у Турукая и Чичина предшествуетъ очень цѣнный документъ «роспись» пути въ Мунгальскую землю. Помимо массы географическихъ данныхъ (особенно подробно описываются попутныя рѣки), «роспись» содержитъ нѣсколько любопытныхъ этнографическихъ свѣдѣній, преимущественно о религіи мунгаловъ: Москвитинъ, очень тонкій наблюдатель; описываетъ мунгальскихъ «болвановъ» и «писаныя лица», говоритъ объ ихъ «книгахъ», богослужебныхъ обрядахъ и проч. Всѣ эти любопытныя данныя извлекаю въ своемъ мѣстѣ, отбрасывая болѣе спеціальныя подробности (перечни рѣкъ, разстоянія между ними и т. п.).

Перехожу къ изложенію содержанія двухъ «статейныхъ списковъ» и разсказа К. Москвитина.

I.

«Статейный списокъ» посольства Меньшого-Ремезова къ Калмыцкому Контайшѣ, 1640—1641 гг.

3-го іюня 1640 г. Ремезовъ получилъ «наказную память» отъ Тобольскихъ воеводъ кн. Петра Ивановича Пронскаго съ товарищи (что были—Өедоръ Ивановичъ Ловчиковъ и дьяки Иванъ Трофимовъ и Андрей Галкинъ) и въ тотъ же день выѣхалъ съ своими спутниками (атаманъ Тугаринъ Панютинъ, Тарскій казакъ Иванъ Перфильевъ, пашенный крестьянинъ Андрей Рѣпинъ и др.) изъ Тобольска. Ремезову предписывалось ѣхать къ соляному озеру Ямышъ, подлѣ котораго кочевали Контайша и Кулатайша, для передачи имъ «государева жалованья», «за ихъ прежнія къ государю службы». Отъ имени государя имъ посылались серебряные «кубки», «братины» и «ковши», «золотые» и «цвѣтные атла-

сы», «камки» и «добрыя сукна». Прибывъ къ озеру Ямышу, Ремезовъ долженъ разспросить въ калмыцкихъ кочевьяхъ о времени пріѣзда къ озеру Контайши и Кулатайши, а когда они пріѣдутъ—послать къ нимъ «служилаго добраго человѣка, которой колмацкому языку умѣетъ», чтобы предупредить ихъ о своемъ пріѣздѣ и узнать—когда они «велятъ къ себѣ быть».

Отъ Тобольска до Тары Ремезовъ ѣхалъ 2 недѣли и 2 дня. Проживъ на Тарѣ 10 дней, двинулся дальше и 27-го іюля прибылъ къ озеру Ямышу. Контайши и Кулатайши не было еще здѣсь, и въ ожиданіи ихъ Ремезовъ занялся другимъ порученнымъ ему дѣломъ «учалъ соль въ государевы суды грузить».

Вскорѣ Кулатайша прислалъ «своихъ улусныхъ людей» Демку-батыря съ товарищи и тобольскаго «юртовскаго татарина» Балыцеря Итѣева, который раньше Ремезова былъ посланъ изъ Тобольска къ Контайшѣ «съ вѣстью». Они стали требовать, чтобы Ремезовъ «объявилъ» имъ присланные отъ государя дары, обѣщая что Контайша и Кулатайша «учнутъ государю служить—соль на верблюдахъ своихъ въ государевы суды возить». Ремезовъ «объявилъ» имъ дары, прося передать Кулатайшѣ, что онъ долженъ самъ придти къ Ямышу за государевымъ жалованьемъ.

Поджидая Кулатайшу, Ремезовъ двѣ недѣли прожилъ у озера. Но тайша не явился, а прислалъ сына Сакила и брата Турлака, которые объвили, что Кулатайша «занемогъ» и проситъ Ремезова къ себѣ въ улусъ.

«Нагрузя суды солью, въ полной грузъ», 15-го августа Ремезовъ отпустилъ ихъ въ Тобольскъ, съ партіею служилыхъ людей подъ начальствомъ атамана Тугарина Панютина, а самъ того же числа отправился къ Кулатайшѣ, съ его посланными, куда и прибылъ на шестой день.

Кулатайша сейчасъ же явился въ «станъ» Ремезова и сталъ требовать выдачи назначенныхъ ему государевыхъ даровъ. Ремезовъ отказалъ, сылаясь на то, что ему «прежъ указано дать государево жалованье Контайшѣ, а ему Кулатайшѣ послѣ».

На другой день Кулатайша пришелъ къ Ремезову съ женой и дѣтьми, и снова сталъ требовать выдачи даровъ, угрожая въ противномъ случаѣ, «задержать» его въ своемъ улусѣ, не давать «корму» и подводъ и проч. Мало того: тайша грозилъ, что «велитъ къ себѣ взять назадъ» государевыхъ Барабинскихъ ясачныхъ людей... Но Ремезовъ стоялъ на своемъ. Тогда тайша прислалъ къ нему «съ тѣмъ (же) угрознымъ словомъ» Контайшина «лутчего человѣка» Корѣку и Тобольскихъ толмачей Петрушку Сабаева и татарина Балыцеря Итѣева. Они уговаривали Ремезова, что если онъ исполнитъ просьбу Кулатайши, то за это ему не будетъ «отъ государя опалы, а отъ воеводъ никакова гнѣву».

Опасаясь, чтобы Кулатайша дѣйствительно «дурна какова не учинилъ надъ государевыми Барабинскими ясачными людьми» и вообще, чтобы не произошло «ссоры въ томъ какой», Ремезовъ наконецъ благоразумно уступилъ и отдалъ Кулатайшѣ «всѣ сполна» назначенные ему «по росписи» государевы дары, причемъ говорилъ рѣчи «противъ наказу», а затѣмъ «виномъ поилъ довольно» тайшу, его жену, дѣтей и «лутчихъ улусныхъ людей».

Кулатайша держалъ у себя Ремезова 10 дней, собираясь самъ сопровождать его къ Контайшѣ. Служилые люди, Тобольской конный казакъ Панфилъ Семеновъ и татаринъ Итѣевъ, напередъ Ремезова посланные изъ Тобольска къ Контайшѣ «съ вѣстью», прожили шесть недѣль у Кулатайши, который не пропустилъ ихъ дальше, даже «корму» не давалъ имъ.

Наконецъ, 31-го августа, Ремезовъ выѣхалъ вмѣстѣ съ Кулатайшой, но послѣдній доѣхалъ только до Бѣлыхъ озеръ, откуда вернулся въ свой улусъ, сказавшись больнымъ, а Ремезову далъ провожатыхъ.

24-го сентября Ремезовъ пріѣхалъ на урочище Исютъ, въ улусъ «большой жены» Контайши. Самъ тайша находился въ походѣ «противъ мунгалъ».

Не доходя «днища» до улуса «большой жены», толмачъ Сабаевъ и татаринъ Итѣевъ отправились съ товарами въ улусъ «средней жены» Контайши.

10-го октября вернулся Контайша въ улусъ «большой жены» и на другой день «велѣлъ» Ремезову «быть у себя съ государевымъ жалованьемъ». Ремезовъ отправился на аудіенцію «въ цвѣтномъ платьѣ». Передъ нимъ шли и торжественно несли дары толмачъ Панфилъ Семеновъ, Тарскій казакъ Иванъ Перфильевъ, пашенный крестьянинъ Андрей Рѣпинъ, юртовскій татаринъ Тенійко Итѣевъ и 9 контайшиныхъ людей. Явившись къ Контайшѣ, Ремезовъ «говорилъ рѣчь»:

— «Божіею милостію великаго государя царя и великого князя Михаила Θедоровича всеа Русіи самодержца и многихъ государствъ государя и облаадателя, его царскаго величества воеводы кн. П. И. Пронской да Θ. И. Ловчиковъ, да дьяки И. Трофимовъ да А. Галкинъ, велѣли тебя Контайшу о здоровьѣ спросить!»

«А изговоря рѣчь», Ремезовъ поклонился Контайшѣ, который «вставъ, спрашивалъ о здоровьѣ» государя. Ремезовъ отвѣчалъ:

— «Божіею милостію великій государь нашъ... (титулъ), на своихъ великихъ преславныхъ государствахъ Россійскаго царствія по ся время далъ Богъ здорово!»

Затѣмъ Ремезовъ произнесъ обширную рѣчь (4 листа), въ которой перечислилъ разные случаи послѣдняго времени, говорившіе о добрыхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ Контайши. Такъ Ремезовъ указалъ, что въ 1635 г. тайша прислалъ на Тару «государевыхъ

измѣнниковъ—Варабинскаго князца Когутейка и ясачныхъ людей, которые измѣнили» въ 1629 г. Тогда же онъ вернулъ на Тару 100 семей (и съ ними 1,000 коней) государевыхъ ясачныхъ людей, которыхъ Кулатайша «взялъ войною, безъ ево Контайшина велѣнья». Затѣмъ, Контайша отговорилъ «иныхъ тайшей» отъ похода «подъ сибирскіе города»—«отъ войны унималъ» ихъ и «пословъ ихъ лаялъ и бить хотѣлъ, и ножъ на нихъ вынималъ»... и проч., и проч.

За эти дружественныя отношенія—говоритъ Ремезовъ,—великій государь, «по отпискѣ» Тобольскихъ воеводъ, «твою Контайшину многую службу и радѣнье гораздо похваляетъ», и въ знакъ своего благоволенія приказалъ отпустить изъ Тобольска «къ себѣ» въ Москву Контайшиныхъ пословъ Уруская и Коеду. Нынѣ-де эти послы уже выѣхали изъ Тобольска.

«А выговоря рѣчь», Ремезовъ вручилъ Контайшѣ назначенные ему «по росписи» дары, затѣмъ его, жену, дѣтей и другихъ присутствовавшихъ «государевымъ жалованьемъ—виномъ поилъ довольно»... На аудіенціи присутствовали между прочимъ «Илдень-тайша, Урлюковъ сынъ, да четверы послы—Бухарскіе, Казачьи орды, Янгиря-царевича да Далай-Лабы».

Контайша «государево жалованье пріималъ сидя», и Ремезовъ сталъ выговаривать ему, женѣ его Абахай и шурину Илдень-тайшѣ, что «Контайша пріимаетъ государево жалованье невѣжливо—сидя, а въ иныхъ-де во многихъ государствахъ цари и короли государево жалованье пріимаютъ съ большою честью—стоя, а не сидя»...

Контайша отвѣчалъ, «что онъ человѣкъ степной и никаково рускаго чину не знаетъ»...

Тѣмъ и окончилась первая аудіенція. На другой день Контайша призываетъ Ремезова и говоритъ:

— «Какъ-де ты приходилъ съ государевымъ жалованьемъ и говорилъ многія рѣчи, а я-де тово не помню, потому что былъ въ то время пьянъ»!..

— «Говорилъ-де я тебѣ, что ты Контайша государево жалованье пріималъ невѣжливо—сидя»...

— «Въ томъ-де я передъ великимъ государемъ виноватъ—въ то время былъ пьянъ... А ты тѣ рѣчи нынѣ мнѣ скажи трезвому вдругіе!»...

И Ремезовъ «говорилъ въ другой рядъ рѣчь сполна!»...

Контайша отвѣчалъ, что онъ «государю служить радъ, а иныхъ-де тайшей свою братью ко государеву жалованью силою призвать ему не умѣть», кто же добровольно пойдетъ на то—онъ будетъ содѣйствовать соглашенію русскихъ съ тѣми тайшами... Затѣмъ Контайша просилъ, чтобы государь отпускалъ въ его землю по 50—100 человѣкъ торговыхъ русскихъ людей и бухарцовъ. Но бо-

лѣе всего тайша просилъ прислать ему разные предметы, именно—«пансырь», «шеломъ доброй», «жемчюгу и корольковъ», «да для пищальнаго дѣла на время бронника», «да по прежнему ево челобитью—куровъ индѣйскихъ, и собачекъ маленькихъ, и свиней, числомъ по десятку, да 2 пѣтуха, да 2 борова некладеныхъ и песиковъ»...

Затѣмъ Контайша сталъ жаловаться Ремезову:

— «Ты-де Меньшой пришелъ ко мнѣ съ государевымъ жалованьемъ—съ подарками, а съ другую-де сторону моихъ Контайшиныхъ людей государевы люди идутъ воевать!»... Кулатайша прислалъ ему «вѣсти», что русскіе ратные люди идутъ чрезъ Барабу въ Томскъ—«воевать киргизъ», Контайшиныхъ подданныхъ. Если его киргизы въ чемъ виноваты предъ государемъ—пусть ему скажутъ: онъ «своихъ людей отъ дурна велитъ унять», а не послушаютъ они его—онъ самъ, тайша, обратится тогда за помощью къ государевымъ воеводамъ!..

На эти упреки Ремезовъ отвѣчалъ, что онъ ничего не знаетъ о походѣ русскихъ ратныхъ людей противъ киргизовъ, но знаетъ, что тѣ киргизы «были государевы ясачные люди и государю ясакъ платили» въ Томской и другіе остроги.

Контайша нисколько не задумался надъ этимъ замѣчаніемъ и очень добродушно замѣтилъ, что ничто не мѣшаетъ и съ одного вола двѣ шкуры драть! пусть-де государь беретъ съ тѣхъ киргизовъ свой ясакъ, «а онъ-де Контайша емлетъ съ нихъ свой ясакъ»... Ремезовъ не нашелся на это отвѣтить...

Не задолго передъ отъѣздомъ Ремезова, пріѣхалъ къ Контайшѣ братъ его Чокуртайша, заявившій Ремезову, что онъ готовъ быть «подъ высокою рукою» русскаго государя и надѣется получить государево жалованье. Причемъ Чокуръ упрекалъ русскихъ за излишнее вниманіе къ Кулатайшѣ: «а пожаловалъ-де государь Кулатайшу невѣдомо за что, а Кула-де какой тайша?!... брата моего Контайши Кула холопъ!»... Дѣйствительно, Ремезовъ «провѣдалъ», что «тотъ Кула не тайша», а живетъ-де онъ Кула у Контайши приказнымъ человѣкомъ въ тѣхъ улусахъ, гдѣ онъ Кула кочуетъ, а ково-де Контайша похочетъ на ево мѣсто послать, и онъ-де тово и пошлетъ»...

Къ сожалѣнію, Ремезовъ «провѣдалъ» все это слишкомъ поздно, когда государевы дары давно уже были въ рукахъ мнимаго тайши. Конечно, не Ремезовъ былъ виноватъ въ этой ошибкѣ: вручая дары Кулатайшѣ, онъ дѣйствовалъ по наказу Тобольскихъ воеводъ...

Вскорѣ Контайша отпустилъ Ремезова съ урочища Саракубокъ. Вмѣстѣ съ нимъ поѣхали въ Тобольскъ послы Контайши и Чокуртайши—Теншунъ съ товарищи. Зачѣмъ они были посланы и «что съ ними (тайши) послали, чѣмъ государю челомъ ударить»—Ремезовъ не знаетъ.

Возвращался онъ чрезъ улусы Кулы, гдѣ его задержали 10 дней, такъ какъ Контайшины послы «выбирали у Кулы въ улусѣ инохотцевъ добрыхъ, чѣмъ государю челомъ ударить, по Контайшину приказу». Но вмѣсто «добрыхъ инохотцевъ» калмыцкіе послы «выбрали государю лошади самые худые!»

Кула не далъ подводъ Ремезову, такъ что онъ вынужденъ былъ идти дальше на своихъ коняхъ. До Барабы шли они 10 дней «съ великою нужею, голодъ терпѣли и души свои сквернили—ѣли кобылятину»...

Въ Барабѣ Контайшины и Чокуровы послы вздумали требовать ясакъ съ государевыхъ ясачныхъ людей. Ремезовъ энергично протестовалъ, доказывая, что Барабинская волость принадлежитъ Россіи и что послы отправлены въ Тобольскъ, а не въ Барабу для сбора ясака... Послы уступили Ремезову. Онъ слышалъ отъ ясачныхъ людей, что осенью пріѣзжалъ къ нимъ Кула и «силою ималъ» съ нихъ ясакъ—«лисицы и рыбу и икру»... Но сами же ясачные барабинцы сознавались Ремезову, что они «ѣздятъ къ Кулѣ бить челомъ другъ на друга объ управахъ, а въ Тарской городъ (т. е. къ русскимъ воеводамъ) не ѣздятъ».

Ремезовъ прожилъ въ Барабинской волости «на Сартланѣ», 7 дней, отдыхая отъ тягостей предъидущаго пути. Затѣмъ онъ отправился въ Тару, куда ѣхалъ 2 недѣли и 3 дня, а отъ Тары до Тобольска—12 дней. Въ Тобольскъ вернулся 3-го февраля 1641 года.

II.

«Статейный списокъ» посольства П. Семенова къ Мунгальскому Цысану-хану, 1649—1651 гг.

13-го іюня 1649 г. Тобольскіе воеводы Василій Борисовичъ Шереметевъ и Тимоѳей Дмитріевичъ Лодыгинъ, да дьяки Третьякъ Васильевъ и Вас. Атарской, отправили Тобольскаго боярскаго сына Ерофѣя Заболоцкаго, подъячаго Вас. Чаплина и толмача Панфила Семенова (это тотъ самый П. Семеновъ, съ которымъ мы уже встрѣчались въ предъидущемъ «статейномъ спискѣ»), съ 6 казаками, въ Мунгальскую землю къ Цысану-хану и къ зятю его Турукаю-Табуну. Вмѣстѣ съ Заболоцкимъ выѣхалъ и Цысановъ посолъ Седикъ съ товарищи. Кромѣ того, къ посольству присоединилось нѣсколько русскихъ промышленныхъ людей. Всего было въ посольствѣ 22 человѣка.

Заболоцкой везъ къ Цысану и Турукаю «государево жалованье»—каждому по серебряному золоченому кубку «съ кровлями» (крышками), хану въ 2 фунта, а зятю его въ $1^1/_2$ фунта, затѣмъ по 2 «портища сукна багряцу, да по лундышу зеленому, мѣрою по 5 аршинъ сукно»...

Отъ Тобольска до Енисейска посольство двигалось очень медленно—16 недѣль и 3 дня!... Въ Енисейскѣ Заболоцкой зимовалъ и только лѣтомъ слѣдующаго 1650 года, именно 7-го іюня, Енисейскій воевода Ѳедоръ Полибинъ отпустилъ посольство въ дальнѣйшій путь. 17 недѣль двигались они до урочища Соры, за Байкаломъ. Остановившись здѣсь, Заболоцкой отправилъ къ Цысану, съ требованіемъ «подводъ», казаковъ Петра Чюкмасова и Якова Кулакова. 3 недѣли поджидалъ онъ подводъ въ урочищѣ Соры.

7-го октября 1650 г. Ерофѣй Заболоцкой, сынъ его Кириллъ, подъячій Чаплинъ, казаки Вас. Бессоновъ, Терентій Соснинъ, Афан. Сергѣевъ и Як. Скороходовъ и промышленный человѣкъ Сергѣй Михайловъ «вышли изъ дощаника (судна) и отошли (отъ берега) сажень со сто, расклали огонь и у огня грѣлись»... Толмачъ же Панфилъ Семеновъ, мунгальскій посолъ Седикъ и 12 промышленныхъ людей «остались у государевой казны въ суднѣ». Вдругъ неожиданно на грѣвшихся у костра налетѣла партія «Брацкихъ людей», около 100 человѣкъ... Несчастный Заболоцкой и его товарищи не успѣли и за оружіе схватиться, какъ Брацкіе люди всѣхъ ихъ «побили до смерти и ограбили, и ружье, что съ ними было поймали, и къ Панфилку съ товарищи къ судну приступали», стрѣляя по дощанику изъ луковъ. Но Семеновъ съ товарищи «отъ тѣхъ воровъ въ дощаникѣ отсидѣлись» и государевы дары «уберегли».

Оставшись во главѣ посольства, толмачъ Панфилъ Семеновъ 13 дней поджидалъ въ Сорахъ отправленныхъ за подводами казаковъ Чюкмасова и Кулакова, а когда они прибыли «съ подводами» въ сопровожденіи 30 мунгалъ, Панфилъ не хотѣлъ ѣхать «въ Мунгалы, съ государевымъ жалованьемъ, безъ Ерофѣя Заболоцкаго и безъ подъячаго», и собирался чрезъ Байкалъ вернуться въ Баргузинской острогъ, къ приказному человѣку Василію Колесникову. Но прибывшіе мунгальскіе люди «сильно взяли» Семенова и 2 казаковъ и «повезли съ собою въ Мунгалы». Съ ними поѣхалъ и Седикъ, а промышленные люди остались на дощаникѣ.

По дорогѣ въ улусъ ханскаго зятя Турукая-Табуна (на р. Кынгѣ, куда ѣхали 12 дней) Семеновъ узналъ, что еще до его пріѣзда въ мунгальскую землю умеръ Цысанъ-ханъ, «а осталась отъ него жена его Тайка», которую они «наѣхали на урочищѣ на рѣкѣ на Тулѣ».

Вскорѣ по пріѣздѣ, Турукай и Тайка «велѣли» Семенову «быть у себя на посольствѣ». Семеновъ отправился съ 2 казаками «а государево жалованье несли съ собою».

Явившись къ Турукаю и Тайкѣ, Семеновъ началъ рѣчь съ того, что тобольскіе воеводы отправили къ Цысану и Турукаю

«посланниковъ» Заболоцкаго и Чаплина, но что Брацкіе люди—подданные Турукая—убили ихъ, а безъ нихъ вручить государевы дары «и о посольскомъ дѣлѣ говорить—некому...» Семеновъ просилъ «сыскать» тѣхъ «воровъ» и пограбленные ими «животы» отдать ему.

Тайка и Турукай обѣщали «сыскивать» тѣхъ «воровъ» и просили Панфила «о посольскомъ дѣлѣ говорить» и отдать государево жалованье. Затѣмъ они спросили «про государево здоровье».

Панфилъ отвѣчалъ, какъ слѣдуетъ, что «Божіею милостію великій государь... далъ Богъ здорово». Затѣмъ «объявилъ имъ государево жалованье». Турукай и Тайка «въ то время стояли, а говорили: дай Богъ великій государь... здоровъ былъ на многія лѣта!» Они спрашивали о здоровьѣ тобольскихъ воеводъ, на что Панфилъ отвѣчалъ по посольскому обычаю, и самъ спрашивалъ о здоровьѣ Турукая и Тайки.

Когда исполнили эти обычныя церемоніи, Семеновъ сталъ говорить «о дѣлѣ», именно о посольствѣ Седика, просившаго отъ имени Цысана и Турукая о «подданствѣ» великому государю, на что-де послѣдній согласенъ... «А изговоря то все», Панфилъ «поднесъ» дары Турукаю и назначенные Цысану передалъ Тайкѣ. Они благодарили за царскіе дары.

Затѣмъ Семеновъ снова повелъ рѣчь о «подданствѣ»—требовалъ, чтобы Турукай и Тайка «шертовали» предъ нимъ на «вѣчное прямое холопство» великому государю, заговорилъ даже о «дани»... Но Турукай и Тайка «въ то время противъ тѣхъ Панфиловыхъ рѣчей отвѣту ничего не дали»... Въ заключеніе Панфилъ объявилъ о невозможности исполнить просьбу Цысана (переданную Седикомъ въ Москвѣ) относительно присылки «аргамака добраго», такъ какъ до мунгальской земли «аргамака довести не возможно» за «дальнимъ путемъ»»...

При окончаніи аудіенціи, Панфилъ просилъ отпустить его и товарищей въ Тобольскъ и дать провожатыхъ, ссылаясь на то, что мунгальскіе послы были отпущены изъ Тобольска «честно, безо всякаго задержанья»... Но эта просьба не была исполнена: Турукай 30 недѣль держалъ у себя русскихъ, затѣмъ отправилъ ихъ къ Тайкѣ, которая также продержала ихъ 10 недѣль, поджидая Турукая, откочевавшаго на р. Шилку, будто бы для розыска убійцъ Заболоцкаго и его товарищей. Наконецъ, послѣ вторичной просьбы объ отпускѣ, Тайка разрѣшила Семенову отъѣздъ.

На прощальной аудіенціи Семеновъ просилъ Тайку, чтобы она отправила съ нимъ своихъ пословъ и дала бы ему провожатыхъ до Тобольска. Тайка отвѣчала, что пословъ не пошлетъ, «потому что Цысана-хана у нихъ не стало, а осталось отъ него 10 женъ (и) 12 сыновъ и нынѣ-де у нихъ въ мугальской землѣ смятенье и земля стала въ разстроеньѣ, а какъ-де земля устроитца

и царя выберутъ», тогда отправятъ своихъ пословъ къ великому государю, о которомъ слышали, что онъ «во многихъ земляхъ великъ и славенъ»... Что касается шертованья на вѣчное подданство и платежа «дани», Тайка рѣшительно заявила, что «мунгальской царь и люди его напередъ сего въ такой неволѣ не бывали и никому не служивали, и дани съ себя и съ людей своихъ не давывали»... О присланныхъ съ Семеновымъ царскихъ дарахъ Тайка замѣтила, что они «противъ Цысановыхъ даровъ, чѣмъ Цысанъханъ великому государю челомъ ударилъ—не будетъ (т. е.—не соотвѣтствуютъ) и не дослано»... Про «убойство» Заболоцкаго съ товарищи она обѣщала «сыскать» и сообщить въ Тобольскъ.

Тайка дала Семенову подводъ и провожатыхъ къ Турукаю, которому приказывала проводить русскихъ до Баргузинскаго острога.

По пріѣздѣ къ Турукаю, Семенову вскорѣ велено быть у него «на отпускѣ». Турукай жаловался, что не смотря на посольство Седика, посланнаго съ просьбою унять набѣги русскихъ служилыхъ людей на порубежные мунгальскіе улусы—эти набѣги продолжаются попрежнему, напримѣръ, недавно воевали мунгальскіе улусы Енисейскій боярскій сынъ Иванъ Галкинъ и Баргузинскій «прикащикъ» Василій Колесниковъ... Ерофѣй Заболоцкой проѣзжалъ вскорѣ послѣ недавняго набѣга Колесникова, и Брацкіе люди приняли партію Заболоцкаго за «воинскихъ людей» и считали себя въ правѣ побить ихъ... Эти Брацкіе люди кочуютъ теперь «невѣдомо гдѣ и «сыскать» ихъ «нынѣ не мочно», но какъ только они будутъ найдены—Турукай «указъ имъ учинитъ»...

Относительно «подданства» великому государю Турукай повторилъ рѣчи Тайки, что они мунгалы «въ холопствѣ ни у кого не бывали» и проч. Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—когда мунгалы изберутъ царя, то «учнутъ они (между собою) говорить (о подданствѣ) и къ царскому величеству о томъ вѣдомо учинятъ»...

Турукай «ударилъ челомъ великому государю въ дарѣхъ—чашку золотую невелику», затѣмъ отпустилъ Семенова въ Баргузинскій острогъ, давъ подводы и 10 провожатыхъ. Но на третій день по отъѣздѣ изъ улуса Турукая эти «провожатые на дорогѣ Панфилка Семенова съ товарищи ограбили—и ружье, и запасъ, и всякую рухлядь, и подводныя лошади отняли, и побить хотѣли до смерти, а сами воротились назадъ»... До Баргузинскаго острога Семеновъ и его 2 спутника «шли пѣши 9 дней, большою нужею и голодомъ».

Когда они жили въ улусахъ Турукая и Тайки, то получали отъ нихъ «кормъ» только около 5 недѣль, а все остальное время кормились на свой счетъ—истратили на это 27 рублей. Кромѣ того, Турукай и Тайка «взяли сильно товаровъ» у Семенова и его товарищей—кожъ, суконъ и проч., на 50 руб., «а за то ничево не дали»...

На урочищѣ Соры Семеновъ не нашелъ ни своего «дощаника», ни остававшихся здѣсь русскихъ промышленныхъ и «гулящихъ людей»: не дождавшись Панфила, они «ушли за море» (Байкалъ) въ Брацкій острогъ. Соединившись здѣсь съ ними, Семеновъ поѣхалъ въ Енисейскъ, а отсюда вернулся въ Тобольскъ.

III.

Разсказъ К. Москвитина о поѣздкѣ къ Мунгальскому царю Чичину, 1647 года.

Весною 1647 года казачій атаманъ Василій Колесниковъ отправилъ изъ Ангарскаго острожка енисейскихъ служилыхъ людей: казачьяго десятника Константина Иванова Москвитина, Ивана Самойлова и «новоприборнаго охотника» Ивана Ортемьева, по рѣкѣ Баргузину и на озеро Еравня—«провѣдывать серебряной руды и серебра, гдѣ родитца, и въ которомъ государствѣ, и у какихъ людей»...

Переправясь черезъ Байкалъ, шли они до рѣки Баргузина и этою рѣкою до «Баргузинской степи», откуда направились къ рѣкѣ Ангѣ. На дальнѣйшемъ пути встрѣтили они озеро Алтанъ, рѣку Китимъ, озеро Туркунъ и озеро Еравня, откуда вышла рѣка Ока («а Ока рѣка велика и глубока — стругами по ней ходить мочно»...)

Около озера Еравни начинаются мунгальскіе улусы «князцовъ» Тулукъ-Селенги, Дергоуса и др. Проѣхавъ нѣсколько улусовъ, русскіе вышли на рѣку Уду и по ней спустились въ рѣку Селенгу, которая такъ «велика», что «съ берегу на другой черезъ рѣку голосу человѣческого не слышать. А большими стругами, опричь малыхъ легкихъ струговъ, ходить по ней нельзя, потому что быстра и мелка, а пришла въ островахъ и въ розсыпяхъ (меляхъ). А люди по ней кочюютъ мунгальскіе. А пошла она, Селенга, въ Байкалъ озеро; а изъ какова мѣста та рѣка вышла — и про то мунгальскіе люди не сказали»...

Съ рѣки Селенги черезъ 5 дней прибылъ Москвитинъ въ улусъ «мунгальскаго большово князя» Турукая-Табунана (зять царя Чичина,—см. «статейный списокъ» II. Семенова). У Турукая юрты войлочные, (о)пушены бархатомъ лазоревымъ, а въ юртахъ подзоры камка на золотѣ. А платье носятъ по-Брацки — тулупы бархатные и камка на золотѣ»...

Особенно любопытны замѣчанія Москвитина о религіозной обрядности мунгаловъ: «а кому они молятца—и то написано всякими розными красками по листовому золоту, а лица писаны по листовому золоту человѣческіе, а подписи писаны по томужъ золоту противъ лицъ на другой сторонѣ, а по чему золото навоже-

но—и то невѣдомо. А иные у нихъ болваны серебряные вол... (неразобрано)..., въ поларшина, золочены. И тѣ ихъ болваны и писаные лица ставлены по ихъ вѣрѣ въ мечетяхъ войлочныхъ. И книги у нихъ по ихъ вѣрѣ есть же, а писаны по бумагѣ, а бумага такова жъ какъ и русская. А молятца они мунгальской князь Турукай-Табунанъ и люди ево предъ тѣми своими болваны и написанными лицами на колѣнкахъ стоя, и по книгамъ своимъ говорятъ своимъ языкомъ, и обѣихъ рукъ упираютъ пальцами себя въ лобъ, и падаютъ предъ ними (болванами) въ землю, и вставая опять говорятъ по книгамъ. А передъ болвановъ и написаныхъ лицъ, въ кое время они имъ молятца—ставятъ чаши серебряные съ горячимъ угольемъ, а на уголь кладутъ ладанъ росной»... (л. 342).

«Добрыхъ конныхъ людей» у князя Турукая-Табунана около 20 тысячъ. Какъ онъ, такъ и царь Чичинъ и подчиненные имъ князцы—«кочевники, а не сѣдячіе люди».

Выѣхавъ изъ улуса Турукая, черезъ 4 дня прибыли на рѣку Орконъ, «а кочюетъ по ней мунгальской царь Чичинъ, не съѣзжая». У царя Чичина на берегу рѣки Оркона расположено 9 «юртъ, а юрты у него пушены повольную (наружную) сторону бархатомъ лазоревымъ, а что у него въ юртахъ есть—и то не вѣдомо»...

Москвитинъ слышалъ отъ мунгаловъ про рѣку Шилку, что къ ней есть «дорога» изъ мунгальскихъ улусовъ и что рѣка та «многолюдна»—кочуютъ по ней «тынгусы, а ниже ихъ сѣдячая орда», но городовъ у нихъ и большово человѣка нѣтъ, а ясакъ платятъ мунгальскому царю Чичину. А хлѣбъ у нихъ и овощи всякіе родитца, и избы у нихъ по русскому. А Шилкаде пошла въ Студеное море»...

Всѣ эти любопытныя свѣдѣнія заимствованы изъ «росписи» пути въ Мунгалію, представленной Москвитинымъ Енисейскому воеводѣ Ѳедору Потапову Полибину. Дальнѣйшій же разсказъ о пребываніи Москвитина у Турукая и у Чичина взятъ изъ 3 документовъ, которые носятъ такія заглавія: 1) «приходъ служилыхъ людей» К. Москвитина съ товарищи «къ мунгальскому князю Турукаю-Табунану» (л. 344), 2) «приходъ служилыхъ людей къ мунгальскому царю Чичину» (л. 345) и 3) «приходъ» на обратномъ пути опять къ Турукаю (л. 347).

Въ первое свиданіе съ Турукаемъ Москвитинъ съ товарищи поднесли ему слѣдующіе нехитрые дары: 1 бобра, 1 выдру, 1 рысь, пару соболей и «вершокъ[1]) сукна лазореваго»... Когда при этомъ

---

[1]) Здѣсь разумѣется не нашъ вершокъ (мѣра), а «вершокъ шапочной», т. е. такое количество сукна, какое шло на покрытіе верха шапки. Во всякомъ случаѣ и это—очень ничтожные размѣры.

поднесеніи Москвитинъ «про государское величество и жалованье ему князю рѣчь говорилъ»—Турукай «всталъ» и «слушалъ» рѣчь, а дары «принялъ и поднялъ на голову, и государю поклонился», затѣмъ спросилъ: «для-де чево государь вашъ васъ къ намъ послалъ? земли-де нашей и насъ провѣдывать и смотрѣть?..»

Москвитинъ прямо отвѣчалъ, что они посланы «провѣдать про серебряную руду и про серебро: гдѣ та серебряная руда есть, и и какъ изъ той серебряной руды серебро дѣлаютъ, и въ которомъ государствѣ или въ которой землѣ, и какіе люди у той серебряной руды живутъ»...

Турукай отвѣчалъ, «что-де у него серебряной руды нѣтъ, а есть-де серебряная руда у Богды-царя, и серебро, а которое-де царство» — того онъ не сказалъ, а замѣтилъ только, что «тотъ царь по ихъ вѣрѣ (sic) силенъ..., а снарядъ-де у него пушки мѣдные большіе, и всякое огняное ружье есть, потому жъ, какъ и у вашего государя»... Онъ совѣтовалъ Москвитину ѣхать къ царю Чичину, «для того что онъ Турукай-Табунанъ подъ его рукою», при томъ же Чичинъ «вѣдаетъ-де про него, царя Богду»...

Турукай далъ Москвитину «вожей» къ Чичину. Передъ улусомъ Чичина русскихъ встрѣтилъ «царевъ посольскій дьякъ» и спрашивалъ о цѣли ихъ пріѣзда. Они заявили о желаніи видѣть Чичина. Но въ тотъ день царь ихъ не принялъ и «велѣлъ имъ дати юрту добрую и честь»...

На другой день тотъ же «дьякъ» заявилъ Москвитину: «только-де у нихъ есть отъ ихъ государя подарки, и онъ-де (Чичинъ) ихъ велитъ къ себѣ призвать».

Москвитинъ отвѣчалъ: «государь нашъ своихъ государевыхъ служилыхъ людей велѣлъ къ нимъ иноземцомъ посылать не бояся ихъ, потому что государь нашъ надо всѣми невѣрными и непокорными цари грозенъ и силенъ! А послалъ-де нашъ государь... свое государево жалованье: однорядку сукна голубово, да 3 бобра, да 3 выдры, да вершокъ сукна красново — дати ему мунгальскому царю посылкою, а не въ подарки»...

Тогда царь Чичинъ велѣлъ «вести къ себѣ» русскихъ, «а идучи имъ велѣлъ: видя юрту свою — передъ нею кланятися и садитца на колѣнкахъ» (т. е. полэти)...

«И служилые люди, милостію Небеснаго Царя, и паметуя ево государево царево и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи крестное цѣлованье и милость, не бояся его Мунгальскаго царя слова — къ нему не пошли и государева жалованья ему посылки не дали» (л. 346).

«И мунгальскій царь Чичинъ велѣлъ... ихъ служилыхъ людей покоить и поить и кормить довольно», а затѣмъ «проводить» ихъ къ Турукаю «съ честію, бережно».

«На походѣ» Москвитинъ разспрашивалъ провожавшаго ихъ «дьяка» про серебряную руду. Дьякъ отвѣчалъ, что «серебряной руды и серебра есть у Богды-царя много въ горахъ, въ каменю», но то мѣсто охраняется сильнымъ отрядомъ въ 20 тысячъ человѣкъ, отлично вооруженныхъ: «одежа ихъ—куяки желѣзные подъ камками и подъ дорогами (матерія), а кони у нихъ потому жъ подъ желѣзными полицами, а бой ихъ огняной всякой—пушки и всякой нарядъ, какъ-де и у вашего государя. А берегуть-де тое серебряную руду у него Богды-царя отъ китайскаго и отъ нашего мунгальскаго государствъ...» Впрочемъ, Богда-царь позволяетъ присланнымъ отъ царя Чичина людямъ «ломати серебряную руду», въ обмѣнъ на соболи. «А словутъ-де тѣ люди желлинцы, которые тое серебряную руду берегутъ...»

У царскаго зятя, Турукая-Табунана, на обратномъ пути Москвитинъ съ товарищи встрѣтили такой же радушный пріемъ, какъ и въ первый разъ: Турукай «воздалъ честь» русскимъ... Для поднесенія великому государю онъ передалъ Москвитину свои дары—«золота усичекъ (отсѣчекъ, кусокъ) да чашку серебряную». Кромѣ того, Турукай пообѣщалъ, что на дняхъ «для нашего государя царя... посылаетъ по тое серебряную руду къ Богдѣ-царю, съ собольми, 150 человѣкъ»... Вернутся они не скоро, такъ какъ идутъ туда отъ улуса царя Чичина «въ одну сторону 3 мѣсяца, коньми».

Вообще, Турукай-Табунанъ заявилъ, что онъ «хочетъ быть покоренъ» русскому государю, со всѣми своими «улусными людьми», въ доказательство чего онъ «отдалъ нашему государю своихъ улусныхъ людей 200 человѣкъ (въ какой именно мѣстности—Москвитинъ не говоритъ), и ясаку съ нихъ впредь себѣ имати не хочетъ. И они служилые люди (Москвитинъ съ товарищи) взяли съ тѣхъ» ясачныхъ людей «50 соболей» ясаку.

Отпуская русскихъ изъ своего улуса, Турукай-Табунанъ далъ имъ провожатыхъ до р. Баргузина. Добравшись благополучно до Ангарскаго острожка, Константинъ Москвитинъ и Иванъ Ортемьевъ (Иванъ Самойловъ умеръ на обратномъ пути отъ царя Чичина) явились здѣсь къ атаману Василію Колесникову и передали ему дары государю отъ Турукая-Табунана—«золото и чашку серебряную». Отсюда они отправились въ Енисейскій острогъ, куда прибыли въ началѣ октября 1647 г. и гдѣ дали воеводѣ Ѳ. П. Полибину отчетъ («роспись» и «приходы») о своемъ путешествіи въ Мунгалію.

Н. Оглоблинъ.

ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ВЪ ОРЕНБУРГСКОМЪ КРАѢ ВЪ 1837 ГОДУ [1].

I.

ВЪ 1837 ГОДУ, государь наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, по желанію, императора Николая Павловича, предпринялъ поѣздку по Европейской Россіи и по Сибири.

Путь слѣдованія его высочества сначала предполагался отъ Петербурга до Тобольска, черезъ Вологду, Ярославль, Кострому, Вятку, Пермь и Екатеринбургъ. Отъ Тобольска обратно на Кунгуръ, Челябинскъ, Златоустовскій заводъ, Уфу, Бугульму, Чистополь, Казань, Симбирскъ и въ Сызрань. Отсюда же маршрутъ указывалъ путь на Саратовъ, Пензу, Тамбовъ, Калугу, Смоленскъ, Москву, затѣмъ на Нижній-Новгородъ, а оттуда опять черезъ Москву, въ Курскъ, Харьковъ, Полтаву и Кіевъ, куда предполагалось прибыть 16-го августа, если бы цесаревичъ выѣхалъ изъ Петербурга 25 апрѣля. Но впослѣдствіи, когда получено было донесеніе, что дороги въ Вологодской губерніи неудобны для проѣзда, маршрутъ высокаго путешественника измѣнился. Новый путь слѣдованія шелъ отъ Петербурга въ Новгородъ, Тверь, Корчеву, Угличъ и Ярославль. Отсюда на Ростовъ и Кострому, изъ которой черезъ Макарьевъ на Унжѣ въ Ветлугу, на Пермь и Тобольскъ. По этому маршруту его высочество, не заѣзжая въ Уфу, долженъ былъ изъ Златоуста повернуть на Оренбургъ и Уральскъ, съ цѣлію на мѣстѣ познакомиться съ бытомъ и жизнью оренбургскихъ

---

[1]) По документамъ оренбургскихъ архивовъ и матеріаламъ оренбургскаго статистическаго комитета.

и уральскихъ казаковъ. Изъ Уральска же путь чрезъ Бугульму продолжался по прежнему маршруту.

О путешествіи его высочества въ Оренбургѣ узнали, 25 марта, изъ сообщенія генералъ-адъютанта Перовскаго, командующаго войсками Оренбургскаго края, который въ это время былъ въ Петербургѣ и оттуда писалъ начальнику штаба отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, генералъ-майору Рокассовскому, о предполагаемой поѣздкѣ по Россіи великаго князя и о посѣщеніи его высочествомъ Оренбургской губерніи.

Эта радостная вѣсть скоро облетѣла Оренбургскую губернію. Радостью забились сердца всѣхъ, и стараго, и малаго, при этомъ извѣстіи. Трепетно ждалъ каждый видѣть обожаемаго наслѣдника россійскаго престола.

Ко дню пріѣзда цесаревича, предполагавшагося въ первыхъ числахъ іюня, начались обычныя для такого торжественнаго случая приготовленія. Начальство усиленно готовилось къ пріему дорогого гостя. Сдѣлано было распоряженіе собрать въ Оренбургъ, для представленія его высочеству, всѣ войска, находящіяся въ окрестныхъ крѣпостяхъ, станицахъ и квартирующія въ другихъ городахъ губерніи. Дороги, мосты и гати приводились въ наилучшее состояніе, особенно по селеніямъ военныхъ сословій и по казачьимъ линіямъ. Для сопровожденія великаго князя были назначены заблаговременно конвойныя команды отъ казаковъ, башкиръ и отъ кордонной стражи. Начальствующимъ лицамъ, назначеннымъ для сопровожденія великокняжескаго поѣзда, вмѣнено въ обязанность показывать его высочеству всѣ «достопамятныя заведенія или историческіе предметы любопытства», встрѣчающіеся на пути. Помимо этого, Перовскій распорядился приготовить планы и карты Оренбурга и Уральска съ ихъ окрестностями, карту Илецкаго района, Илецкой защиты, Оренбургскихъ старой и новой линій и квартирнаго расположенія войскъ.

Изъ Петербурга его высочество выѣхалъ 2-го мая. Свиту его составляли: князь Ливенъ, генералъ-адъютантъ Кавелинъ, полковники Юркевичъ и Назимовъ, д. с. с. Арсеньевъ и д. с. с. Жуковскій, воспитатель царевича и нашъ знаменитый поэтъ, который безотлучно находился при немъ. Кромѣ того, въ составъ свиты входили графъ Вьельгорскій, Паткуль и Адлербергъ — товарищи дѣтскихъ игръ царевича.

Великокняжескій поѣздъ состоялъ изъ десяти экипажей, каждый шестерикомъ, и двухъ фельдъегерскихъ телѣжекъ, по тройкѣ лошадей. Его высочество ѣхалъ въ своей коляскѣ. Впереди шелъ дормезъ князя Ливена, а позади коляски Кавелина, Жуковскаго, Юрьевича, Назимова и камердинера его высочества. Въ составъ поѣзда не входили только телѣжки фельдъегерей, коляска подъ кухней и повозка для магазейнъ-вахтера, выѣзжавшія обыкновенно раньше главнаго поѣзда, на десять-двѣнадцать часовъ.

Доѣхавъ до Тобольска, великокняжескій поѣздъ пробылъ тамъ два дня и повернулъ на Челябинскъ, уѣздный городъ Оренбургской губерніи, куда прибылъ 6 іюня. Отсюда его высочество поѣхалъ въ Міясскій заводъ, гдѣ осмотрѣвъ золотые пріиски, двинулся далѣе на заводъ Златоустовскій, въ которомъ осматривалъ производство оружія и, между прочимъ, 9 іюня входилъ на уральскую сопку, находящуюся въ 10 верстахъ отъ города въ восточномъ направленіи. Высота ея 2,941 футъ надъ уровнемъ моря. Говорятъ, что во время подъема на нее свита далеко отстала отъ великаго князя, и онъ одинъ забрался на неприступный гребень, оставивъ за собой даже проводниковъ.

На сопкѣ этой есть три утеса. Одинъ изъ нихъ лѣвый и самый меньшій носитъ названіе «утесъ Александра». Съ южной стороны его виднѣется надпись, когда-то должно быть съ позолоченными, а теперь только окрашенными сурикомъ буквами:

А.
1837 года
9 іюня.

Надпись эта, какъ разсказываютъ, сдѣлана карандашемъ самимъ наслѣдникомъ, отчего и утесъ получилъ названіе «Александровскаго».

Впослѣдствіи буквы усердіемъ златоустовскихъ гражданъ были высѣчены и позолочены.

II.

Въ Оренбургѣ пріѣзда его высочества ждали съ нетерпѣніемъ. Всѣ улицы и всѣ зданія, какъ передъ великимъ праздникомъ, чистили и приводились въ порядокъ. Въ назначенный для пріѣзда царевича день, 12 іюня, улицы, по которымъ долженъ былъ проѣзжать его высочество, украсились флагами и вензелями. Казачій форштадтъ—первое предмѣстье города Оренбурга, черезъ который не минуемъ былъ проѣздъ великокняжескаго поѣзда, вычистился точно на смотръ. По приказанію генералъ-адъютанта Перовскаго, всѣ дома и всѣ даже лачужки въ немъ были выкрашены бѣлой глиной. Народъ еще съ утра, одѣвшись въ лучшія одежды, толпами, стекался за форштадтъ, чтобы не пропустить поѣздъ царевича. Глаза всѣхъ были устремлены на Орскую дорогу, откуда ожидался великій князь. Крыши форштадскихъ домовъ покрылись ожидающими казачками. Верстахъ въ двухъ отъ форштадта, на высокомъ бугрѣ, какъ разъ на дорогѣ, маячили махальные. Нетерпѣніе замѣчалось на всѣхъ лицахъ.

Чу! на войсковой казачьей церкви св. Георгія Побѣдоносца [1]) одинъ разъ ударили въ колоколъ. Вдали чуть замѣтно показалась

[1]) Первая и старѣйшая церковь г. Оренбурга.

пыль. Всѣ встрепенулись. Народъ заволновался. Начальство засуетилось. Еще немного,—прошло нѣсколько минутъ въ томительномъ ожиданіи—и коляска великаго князя, вздымая облака пыли, ровно въ 3 часа пополудни, въѣхала въ городъ.

Его высочество, при въѣздѣ въ крѣпость, посреди восторженныхъ криковъ народа, прямо направился въ Преображенскій соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ духовенствомъ съ крестами.

Отслушавъ благодарственный молебенъ о благополучномъ путешествіи и приложившись къ кресту, великій князь отправился на отведенную для него квартиру, въ домъ Тимашева, гдѣ въ то же самое время квартировалъ и командующій войсками Оренбургскаго края.

Послѣ обѣда, въ 6 часовъ, его высочеству представлялись всѣ военные начальники, находившіеся при штабѣ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса. Великій князь милостиво разговаривалъ съ ними и разспрашивалъ нѣкоторыхъ о прежней и настоящей службѣ.

Послѣ этого, его высочество поѣхалъ осматривать тюремный за́мокъ, богадѣльню, военный госпиталь, строющуюся казарму на крутомъ берегу рѣки Урала [1]), батальонъ военныхъ кантонистовъ и Неплюевское училище [2]).

Куда бы не слѣдовалъ цесаревичъ, всюду его провожали несмѣтныя толпы народа. Воздухъ оглашался радостнымъ «ура», которое не смолкало. Этотъ день для жителей Оренбурга былъ днемъ радости, днемъ великаго торжества. Патріотическое чувство каждаго выливалось наружу.

Поздно вечеромъ, великій князь возвратился въ домъ своего пребыванія. Народъ сгрупировался передъ квартирой его высочества и радостные клики опять полились неудержимой рѣкой. Посреди восторженной толпы можно было видѣть представителей всѣхъ народностей, населяющихъ Оренбургскій край. Тутъ были и русскіе, и татары, и башкиры, и киргизы, и чуваши, и мордва, и тептяри, и солдаты гарнизонныхъ войскъ, и казаки, и даже малороссы. Со всѣхъ концовъ обширнаго края съѣхались они видѣть лицо августѣйшаго сына державнаго владыки.

Помимо представителей военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, ко дню прибытія его высочества въ Оренбургъ, сюда пріѣхали ханъ Внутренней Киргизской орды, султаны-правители трехъ частей Малой орды, оренбургскій магометанскій муфтій Абдулсалямъ Габдрафиковъ и нѣсколько человѣкъ киргизскихъ біевъ и почетныхъ старшинъ.

---

[1]) Казарма строилась для противодѣйствія киргизскимъ набѣгамъ, почему она до сихъ поръ носитъ названіе Николаевской оборонительной. Для лучшей защиты и для удобства стрѣльбы окошки у нея были устроены въ видѣ призмы.

[2]) На этомъ мѣстѣ теперь городской театръ.

Первую ночь пребыванія его высочества въ Оренбургѣ жители, кажется, не смыкали глазъ. По всѣмъ улицамъ взадъ и впередъ двигались толпы народа. Весь городъ освѣтился разноцвѣтными огнями. Улицы блистали различными шкаликами, разныхъ формъ и цвѣтовъ фонариками, плошками и вензелями. Торжество было полное. Восходъ лѣтняго солнца засталъ еще горожанъ на улицахъ.

Вновь наступилъ жаркій іюньскій день. Солнечные лучи, переливаясь, скользили по крышамъ городскихъ построекъ. Оренбургъ весь пришелъ въ движеніе. По улицамъ тамъ и сямъ замелькали синіе мундиры казачьихъ вѣстовыхъ и эполеты блестящихъ ординарцевъ. Народныя массы текли въ Преображенскій соборъ. Передъ домомъ Перовскаго толпились военные и гражданскіе чины. Великій князь еще спалъ.

Въ 6 часовъ утра его высочество изволилъ проснуться и, напившись чаю, принималъ у себя оренбургскихъ гражданскаго губернатора и губернскаго предводителя дворянства съ чиновниками гражданскаго вѣдомства и дворянами. Слѣдомъ за ними представлялись ханъ Внутренней Букеевской орды, султаны-правители зауральной орды, киргизскіе біи и оренбургскій муфтій. Послѣдній на арабскомъ языкѣ привѣтствовалъ великаго князя отъ лица всѣхъ магометанъ Оренбургскаго края.

«Благословенъ твой пріѣздъ, сынъ великаго падишаха. Да будетъ надъ тобой благоволеніе Божіе. Мы правовѣрные молимъ Аллаха и Его великаго пророка, да пошлетъ онъ тебѣ силы, мужество и здоровье совершить путешествіе по родному отечеству. Приносимъ тебѣ наше искреннее вѣрноподданническое чувство любви и преданности и просимъ тебя повергнуть къ стопамъ акпадишаха чувства благоговѣйной приверженности. Да сохранитъ Аллахъ нашего государя на счастье и славу всѣхъ народовъ, населяющихъ его государство. Да дастъ ему и тебѣ Аллахъ орлиныя очи, львиное сердце и мудрость змѣи. И будемъ тогда мы наслаждаться миромъ и благоденствіемъ».

Такова была рѣчь муфтія. Великій князь остался очень ею доволенъ, благодарилъ муфтія и просилъ его передать магометанамъ свою благодарность. Впослѣдствіи, рѣчь эта вмѣстѣ съ переводомъ была послана Перовскимъ министру внутреннихъ дѣлъ графу Блудову, который представилъ ее государю. Николай Павловичъ приказалъ благодарить всѣхъ оренбургскихъ магометанъ, а Габдрафикову выразилъ монаршее благоволеніе [1]).

Слѣдомъ за муфтіемъ, его высочество принималъ оренбургскихъ купцовъ, которые поднесли хлѣбъ и соль. Послѣ этого Александръ Николаевичъ поѣхалъ въ Преображенскій соборъ, гдѣ выслушалъ божественную литургію, по окончаніи которой отправился осматривать выстроенныя за крѣпостью для парада войска.

---

[1]) Изъ письма гр. Блудова къ Перовскому.

Парадирующіе полки стройно расположились за городомъ на обширномъ плацу, между Оренбургомъ и Бердской казачьей слободкой. Впереди, ближе къ крѣпости, въ одну линію стояли два оренбургскихъ линейныхъ батальона № 2-й и 3-й. За ними выстроились полки: № 1-й оренбургскій казачій шести эскадроннаго состава, сводный оренбургскій въ 6 сотень[1]) и четыре вновь обмундированныя сотни башкиръ. Въ тылу же, съ сотней башкирскихъ панцырниковъ, растянулись № 8-й и 9-й конно-артилерійскія батареи оренбургскаго казачьяго войска.

Его высочество верхомъ подъѣхалъ къ войску, поздоровался съ полками и, въ сопровожденіи начальствующихъ и свиты, осмотрѣлъ ихъ. Восторженное «ура», переливаясь, долго не смолкало на привѣтствіе августѣйшаго атамана.

Великій князь, осмотрѣвъ войска, пропустилъ ихъ церемоніальнымъ маршемъ. Старые воины не ударили лицомъ въ грязь передъ наслѣдникомъ престола. Полки красиво и лихо прошли мимо августѣйшаго инспектора. Александръ Николаевичъ остался вполнѣ доволенъ ими.

Послѣ парада, его высочество приказалъ башкирскимъ сотнямъ и конно-артилерійскимъ батареямъ произвести ученье. Четыре башкирскія сотни, довольно порядочно обученныя кавалерійскому строю и только-что вооруженные вмѣсто луковъ винтовками, удачно произвели примѣрную атаку и спѣшиваніе. Артилеристы подъ прикрытіемъ этой импровизированной, но очень лихой кавалеріи, совершили отчаянный выѣздъ на позицію. Великій князь былъ въ восторгѣ и благодарилъ, какъ башкиръ, такъ и казаковъ.

Сотня башкирскихъ панцырниковъ, выведенная на смотръ нарочно въ національной одеждѣ, не участвовала въ маневрированіи. Александръ Николаевичъ повелѣлъ назначить ее въ конвой себѣ при поѣздкѣ въ Илецкую защиту.

Въ 6 часовъ вечера того же дня государь наслѣдникъ удостоилъ своимъ присутствіемъ скачки на верблюдахъ и лошадяхъ, бывшія за рѣкой Ураломъ, въ семи верстахъ отъ города, въ степи, куда по этому случаю стеклись въ значительномъ числѣ разнородные обитатели здѣшняго края.

Проѣздомъ на скачку его высочество завернулъ на оренбургскій мѣновой дворъ, извѣстный своей торговлей съ азіатскими народами. Здѣсь Александръ Николаевичъ осматривалъ внутренность двора, укрѣпленія его, лавки, внутренній азіатскій дворикъ, церковь свв. Захарія и Елисаветы, обо всемъ разспрашивалъ и всѣмъ интересовался. Мѣстныя власти насколько могли удовлетворяли любопытство великаго князя.

[1]) Прежде онъ носилъ названіе Непремѣннаго полка.

За мѣновымъ дворомъ его высочество встрѣтили двое киргизъ, которые, одѣтые въ національные богатые костюмы, на чистомъ русскомъ языкѣ представились великому князю, одинъ въ качествѣ ординарца, другой—вѣстового. Александръ Николаевичъ улыбнулся такому оригинальному представленію, сдѣланному по распоряженію Перовскаго, и милостиво разспрашивалъ киргизъ о ихъ житьѣ-бытьѣ. Первый изъ нихъ оказался казачьимъ урядникомъ и имѣлъ медаль за взятіе Парижа, которую получилъ, находясь по собственному желанію въ одномъ изъ оренбургскихъ казачьихъ полковъ, участвовавшихъ въ Отечественной войнѣ. Это еще больше заинтересовало великаго князя. Онъ, не обращая вниманія на свиту, всю дорогу до скачекъ разспрашивалъ своего ординарца объ эпизодахъ войны 1812 года.

Послѣ скачекъ, Александръ Николаевичъ посѣтилъ кочевья киргизъ и аулы (таборы) башкиръ близь мѣноваго двора, и удостоилъ присутствіемъ своимъ игры и увеселенія этихъ народовъ. Въ одной изъ киргизскихъ кибитокъ, убранной зеленью и украшенной флагами, для угощенія дорогихъ гостей были приготовлены прохладительные напитки. Послѣ объѣзда временныхъ жилищъ кочевниковъ, великій князь со свитой заѣхалъ сюда на нѣсколько времени отдохнуть, а отсюда послѣ получасоваго отдыха поѣхалъ на балъ, даваемый мѣстными дворянами въ честь его пріѣзда, въ нарочно устроенной для того галлереѣ, въ рощѣ за рѣкой Ураломъ.

По пути туда произошелъ не безъинтересный случай, который, между прочимъ, слѣдуетъ привести здѣсь. Дѣло заключалось вотъ въ чемъ:

Генералъ-адъютантъ Перовскій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ко времени отдыха его высочества, послѣ осмотра степныхъ ауловъ, къ кибиткѣ былъ доставленъ кумысъ, какъ прохладительное питье. Доставить лучшій киргизскій кумысъ взялся киргизъ Мурзакаевъ. Но почему-то о кумысѣ забыли и вспомнили только тогда, когда стали подъѣзжать къ рощѣ. Несчастный же Мурзакаевъ все время по пятамъ слѣдовалъ за блестящей кавалькадой и думалъ, вотъ-вотъ потребуютъ его. Первый вспомнилъ о кумысѣ Перовскій.

— Ваше высочество! — вскричалъ онъ, — вы не изволили еще испробовать нашего кумыса, какъ предполагали.

— А гдѣ же онъ? — спросилъ великій князь.

Перовскій махнулъ рукой и передъ изумленной свитой, точно изъ земли, въ халатѣ, на маленькой лошаденькѣ, съ громаднымъ кожанымъ турсукомъ въ одной рукѣ и съ деревяннымъ саганомъ [1]) въ другой, выросъ Мурзакаевъ.

---

[1]) Саганъ—деревянная довольно объемистая чашка съ ручкой, предназначаемая исключительно для питья кумыса.

Мигомъ соскочилъ онъ съ лошади, развязалъ турсукъ, налилъ въ саганъ кумысу и съ поклонами поднесъ великому князю. Свита, стоя въ почтительномъ отдаленіи, съ улыбкой смотрѣла на оригинальные, невиданные еще пріемы киргиза. Нѣкоторые, брезгливые, даже поморщились. Дѣйствительно, не особенно пріятно было видѣть какъ засаленными грязными руками киргиза, изъ такого же неопрятно-содержимаго сосуда, похожаго цвѣтомъ на дегтяной лагунъ (боченокъ), выливается какая-то мутная, бѣловато-синеватая жидкость.

Великій князь попробовалъ кумысу, поморщился и отплюнулъ.

— Да, оригинальный напитокъ,—сказалъ онъ,—но непріятный... Спасибо, старина,—обратился онъ къ каргизу,—напрасно мы тебя побезпокоили.

Великій князь двинулся дальше. Мурзакаевъ же, думая, что его высочество обидѣлся за что-нибудь на него и не выпилъ всей чашки такого драгоцѣннаго для киргиза напитка, стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Тогда только онъ пришелъ въ себя, когда свита царевича скрылась изъ глазъ и передъ нимъ въ чашкѣ, выпавшей у него изъ рукъ, блестѣли русскіе червонцы.

— Ай, ай, какой добрый царскій сынъ,—долго послѣ этого вспоминалъ онъ.

На танцовальномъ вечерѣ, въ рощѣ, Александръ Николаевичъ много танцовалъ и былъ любезенъ и ласковъ со всѣми. Онъ пробылъ тамъ довольно долго. Въ 12 часовъ вечера только возвратился онъ въ городъ, отзываясь съ удовольствіемъ обо всемъ видѣнномъ въ тотъ день.

14-го іюня, великій князь былъ на разводѣ, наряженномъ отъ 2-го Оренбургскаго линейнаго батальона, которому до развода въ своемъ присутствіи приказалъ произвести ученье. Батальонъ прекрасно дѣлалъ построенія; Александръ Николаевичъ остался очень доволенъ имъ и благодарилъ нѣсколько разъ и солдатъ, и офицеровъ.

Послѣ этого, царевичъ, принявъ конныхъ ординарцевъ отъ башкирскихъ панцырниковъ и произведя имъ ученье, въ 10 часовъ утра со всей свитой отправился въ Илецкую защиту, знаменитую каменной солью. Тамъ онъ осматривалъ всѣ заведенія Илецкаго солянаго промысла, производство работъ, посѣтилъ каторжную тюрьму и, произведя смотръ ротѣ Оренбургскаго линейнаго батальона, квартирующей тамъ, вечеромъ того же дня возвратился обратно въ Оренбургъ.

На другой день, его высочество, рано утромъ, благополучно выѣхалъ изъ Оренбурга по тракту на г. Уральскъ, провожаемый мѣстными властями и массой народа.

За время трехдневнаго пребыванія Александра Николаевича въ Оренбургѣ городъ радовался и торжествовалъ. Жители восхищались любезностью и ласковымъ обращеніемъ великаго князя. Еще больше увеличился восторгъ горожанъ, когда его высочество, выѣзжая изъ города, сказалъ русское «спасибо» собравшимся проводить его жителямъ за ихъ радушный пріемъ. Плѣненный ласками царскаго сына, народъ долго и далеко бѣжалъ за коляской отъѣзжающаго великаго князя, напутствуя его благопожеланіями и возсылая мольбы о здравіи и долгоденствіи обожаемаго наслѣдника престола.

III.

Быстро летѣлъ великокняжескій поѣздъ по пути къ Уральску. На встрѣчу ему тамъ и сямъ мелькали казачьи выселки, форпосты и уметы, едва выглядывающіе изъ густосотканнаго и далеко растянутаго по всему прибрежью Уральному пестраго ковра луговъ. Дорога змѣйкой извивалась между волнъ степнаго пространства. То она, перескакивая, овраги, перепрыгивая бугры, подбѣгала къ Уралу, то, вдругъ круто поворачивая въ сторону, бѣжала отъ него, какъ бы желая скрыться, затеряться въ зеленѣющей шири равнинъ. Нельзя было не залюбоваться прелестнымъ пейзажемъ, открывавшимся передъ глазами высокихъ путешественниковъ. Степь— широкая, необозримая степь, говорила сама за себя.

Колыхаясь посреди такихъ красотъ природы, великокняжескій поѣздъ приближался къ какой-нибудь станицѣ. Прибытія его тамъ ужъ ждали съ нетерпѣніемъ. Жители-казаки, всѣ, и старый, и малый, одѣтые по праздничному, далеко еще за околицей встрѣчали великаго князя, привѣтствуя его восторженными кликами. Его высочество милостиво отвѣчалъ на привѣтствіе своихъ казаковъ. Радостные крики воинственныхъ сыновъ Россіи вновь оглашали окрестность и лились до тѣхъ поръ, пока коляска царевича не скрывалась изъ глазъ въ безпредѣльной дали.

Въ Уральскъ его высочество ждали 16-го іюня. Всѣ войсковые чины собрались въ этотъ день въ домъ войскового атамана, гдѣ предполагалась и квартира великому князю. За городомъ были поставлены махальные. Войсковая площадь г. Уральска съ самаго утра была запружена казаками и казачками, одѣтыми въ національные костюмы.

Ровно въ полдень, вдали за городомъ, показалась густая пыль, и черезъ часъ коляска великаго князя въѣхала на площадь; высокій путешественникъ прослѣдовалъ прямо на квартиру.

Отдохнувъ здѣсь немного, Александръ Николаевичъ изволилъ принимать войсковыхъ чиновниковъ. Затѣмъ отправился осматривать городъ и войсковыя заведенія, послѣ чего присутствовалъ

при закладкѣ храма во-имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, въ основаніе котораго положилъ первый камень.

Вечеромъ въ тотъ же день великій князь смотрѣлъ на примѣрное весеннее и осеннее рыболовство, устроенное для этого случая на р. Уралѣ.

Чтобы судить объ этихъ рыболовствахъ уральскихъ казаковъ и знать чтò это такое, не лишнимъ будетъ сдѣлать здѣсь краткое описаніе имъ.

Весеннее рыболовство или плавня, такъ называемое по-уральски севрюжье рыболовство, именующееся такъ потому, что въ это время попадаются однѣ севрюги, начинается въ апрѣлѣ, тотчасъ по вскрытіи льда подъ Уральскомъ, и продолжается около двухъ мѣсяцевъ на всемъ пространствѣ рѣки отъ Уральска до моря. Для плавни этой, какъ и для всѣхъ промысловъ, назначается день, избирается атаманъ, при которомъ находится пушка, по выстрѣлу изъ которой всѣ собравшіеся на промыселъ казаки прямо съ берега пускаются въ воду, на маленькихъ бударахъ, вмѣщающихъ въ себѣ только одного человѣка, и каждый начинаетъ выкидывать опредѣленной длины сѣть.

Употребляемыя въ это время сѣти состоятъ изъ двухъ полотенъ, одного рѣдкаго, другого частаго, для того, чтобы между ними лучше запутывалась рыба, идущая съ низовьевъ рѣки. Одинъ конецъ этой сѣти привязанъ къ плавающему боченку или къ куску дерева, а другой держится рыболовомъ за двѣ веревки.

Для привала назначается извѣстный пунктъ или рубежъ и противъ него разбивается атаманская ставка; около нея всѣ должны оканчивать ловлю. Окончаніе возвѣщается опять пушечнымъ выстрѣломъ.

Осенняя плавня начинается 1-го октября и кончается въ ноябрѣ. Она имѣетъ то отличіе отъ весенней, что, во-первыхъ, здѣсь употребляются сѣти другого вида, сплетенныя на подобіе мѣшка, которымъ рыбу какъ бы черпаютъ: сѣти эти называются ярыгами; а во-вторыхъ,—ею управляетъ не одинъ, а два рыболова, въ двухъ бударахъ по обѣимъ сторонамъ. А для того, чтобы одинъ большей ярыгою не захватилъ больше пространства и слѣдовательно больше рыбы, чѣмъ другой, у котораго сѣть меньше, то для ярыгъ разъ навсегда установлена извѣстная мѣра.

Начинается осенній промыселъ такъ же, какъ и прочіе, подъ начальствомъ особаго атамана и съ назначеннаго рубежа. Когда на извѣстномъ мѣстѣ выловятъ рыбу, то опять собираются туда, гдѣ атаманъ, и ѣдутъ далѣе до слѣдующаго рубежа или, говоря языкомъ казаковъ, дѣлаютъ другой ударъ.

Вотъ такое примѣрное рыболовство и было устроено для смотра его высочества. Великому князю понравились оригинальныя рыб-

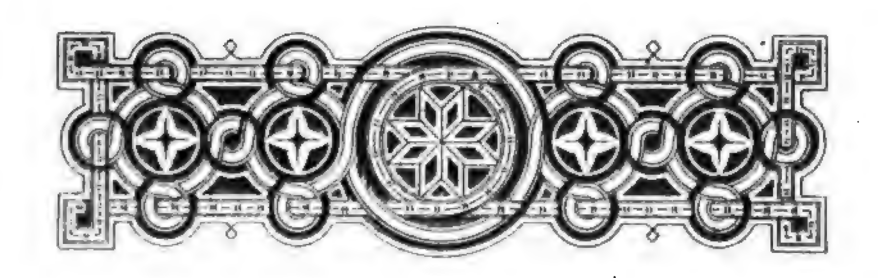
ныя ловли уральскихъ казаковъ. Здѣсь онъ увидѣлъ всю ловкость и молодечество этихъ лихихъ воякъ.

Особеннаго, такъ называемаго строеваго, инспекторскаго смотра не было произведено Уральскому казачьему войску. Его высочество видѣлъ въ одиночку только конвойныя команды казаковъ, разставленныя по линіи, да взводъ лейбъ-гвардіи Уральской сотни. Но обо всемъ видѣнномъ имъ, великій князь изволилъ отозваться съ удовольствіемъ. Особенное вниманіе его было обращено на бытъ и занятія Уральскихъ казаковъ. Александра Николаевича радовало благосостояніе усердныхъ слугъ престола и отечества.

На другой день, въ 8 часовъ, его высочество выѣхалъ изъ Уральска по направленію на Казань. Казаки съ изъявленіемъ глубокой преданности къ своему августѣйшему атаману далеко за городъ провожали великаго князя.

П. Юдинъ.

ШЕСТИСОТЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ ШВЕЙЦАРІИ.

Если, ПУТЕШЕСТВУЯ по Швейцаріи, не останавливаешься только на одной прелести ея чудной природы, гдѣ покрытыхъ снѣгомъ, гдѣ густо заросшихъ зеленью, горъ, ея вѣчно бурливыхъ потоковъ и водопадовъ, ея очаровательныхъ озеръ,—если хотя нѣсколько присмотришься къ жизни этой страны, нельзя не подивиться ея крайней оригинальности. Вотъ вамъ прежде всего крошечное государство въ три милліона жителей, которое, какъ бы на зло всѣмъ современнымъ проповѣдямъ о національности, вмѣстило и перепутало между собою три народности: нѣмцевъ, французовъ и итальянцевъ. Въ одномъ мѣстѣ вы слышите нѣмецкую рѣчь (признаться съ очень сквернымъ жаргономъ), тамъ чистѣйшій французскій языкъ, среди котораго выросъ Ж. Ж. Руссо, въ третьемъ мѣстѣ говорятъ по-итальянски. И ни одна изъ этихъ націй и не думаетъ и не желаетъ поглощать другую, какъ, напр., пруссаки поглощаютъ поляковъ. Здѣсь нѣтъ государственнаго языка; все пишется и печатается на трехъ языкахъ сразу и ничему это не вредитъ. Франція исконный врагъ Германіи; въ Италіи въ учебникахъ проповѣдуютъ ненависть къ французамъ; а здѣсь всѣ эти три національности такъ примирились между собой, что часто вы имъ и не подъищете раздѣла. Французы кантона Во по своимъ воззрѣніямъ и стремленіямъ гораздо ближе къ нѣмцамъ Берна и Базеля, чѣмъ къ французамъ Фрибурга, съ которыми живутъ бокъ-о-бокъ, и которые, въ свою очередь, гораздо болѣе раздѣляютъ взгляды нѣм-

цевъ Люцерна, чѣмъ эти нѣмцы рядомъ съ ними живущихъ нѣмцевъ же Берна. Языкъ такъ перепутанъ, что въ одномъ и томъ же городѣ Фрибургѣ подъ горой говорятъ по-нѣмецки, а на горѣ по-французски. Государство такъ странно сложено изъ различныхъ элементовъ, что, напр., на озерѣ Лугано есть деревенька, принадлежащая итальянскому королевству, вся со всѣхъ сторонъ окруженная швейцарскимъ кантономъ Тессино, и не желающая слиться съ своими швейцарскими единоплеменниками. И все-таки, не смотря на все это, Швейцарія остается единой и несомнѣнно, что во всѣхъ ея разноплеменныхъ сынахъ гораздо больше патріотизма къ ихъ общему отечеству, чѣмъ въ какомъ-нибудь фарисеѣ-патріотѣ, признающимъ любовь къ отечеству въ униженіи чужихъ національностей и нерѣдко въ восхваленіи именно такихъ чертъ своей, которыя особенно достойны сожалѣнія, если не порицанія. При всей разновидности швейцарскихъ кантоновъ, они гораздо дружнѣе между собой, чѣмъ, напр., Баварія съ Пруссіей, какъ бы не кичились эти послѣднія своимъ германскимъ единствомъ. Недавно Бернская газета «Bund» попрекнула Женеву въ недостаткѣ патріотизма, придравшись къ слабымъ оваціямъ на праздникѣ гимнастовъ; это подняло цѣлую полемику и женевцы горячо отстаивали такое обидное обвиненіе. Еще больше дивишься замѣчательному швейцарскому единству, когда оглядишься на внутренній строй страны. Здѣсь каждый кантонъ (не болѣе какъ съ обыкновенный уѣздъ русской губерніи) составляетъ государство въ государствѣ, имѣетъ не только свою окраску, свои обычаи, но даже свои законы. Довольно сказать, что смертная казнь (какъ возмездіе за убійство), отмѣненная почти во всѣхъ кантонахъ, въ двухъ-трехъ еще существуетъ (напр. въ Люцернѣ). Въ томъ же государствѣ то же преступленіе на сотню сажень разстоянія карается различно. Тоже и въ дѣлѣ религіи. Соприкасающійся на сѣверѣ съ протестантскимъ населеніемъ, а на югѣ съ населеніемъ переполненнымъ радикалами, кантонъ фрибургскій отличается особенно ревностнымъ католицизмомъ: тутъ живетъ и высшее католическое духовенство Швейцаріи, тутъ же, въ университетѣ, съ прошлаго года, учрежденъ католико-теологическій факультетъ. Бокъ-о-бокъ живутъ самые разнообразные взгляды, отъ безвѣрія до фанатизма, и согласно работаютъ сообща, не чуждаясь другъ друга. Тоже и въ воспитаніи. Наполеонъ III, стараясь обезличить націю, довелъ воспитаніе французскаго юношества до необычайнаго формализма. Темы на экзаменаціонныя сочиненія разсылались по всему государству въ запечатанныхъ конвертахъ, и вся школьная Франція въ одинъ и тотъ же день и часъ строчила сочиненія на одну и ту же тему. Въ Швейцаріи каждый кантонъ ведетъ свои школы по своему; не только у каждаго свои учебники, свои программы, но даже свое распредѣленіе времени ученья, часы занятій, вака-

ціи и т. п. Даже налоги, не федеральные (т. е. общегосударственные), а кантональные, въ разныхъ кантонахъ различны. Гдѣ избраны управлять кантономъ радикалы, тамъ налоги распредѣляются такъ, чтобы они наибольшей тяжестью падали на болѣе достаточныхъ людей, гдѣ же администрацію составляютъ люди болѣе умѣренныхъ воззрѣній, тамъ обложеніе находится внѣ зависимости отъ достатковъ плательщиковъ. Радикальный кантонъ «Во» недавно постановилъ законъ о привлеченіи къ налогу живущихъ въ кантонѣ иностранцевъ (сообразно съ числомъ лѣтъ; сперва только въ нѣкоторой доли налога, потомъ къ полному налогу). Налогъ этотъ (по истеченіи десяти лѣтъ пребыванія въ кантонѣ) очень тяжелый (до 20% съ дохода) разсердилъ иностранцевъ, многіе годы осѣвшихъ на житье въ Веве и Лозаннѣ, и они переселились рядомъ, въ Женеву, гдѣ съ нихъ ничего не возьмутъ, живи только и плати налогомъ косвеннымъ, чрезъ свои потребленія. Словомъ, если бы захотѣть подробно разсмотрѣть насколько эти маленькіе кантоны, составляющіе одно государство Швейцарію, отличаются другъ отъ друга, можно было бы написать цѣлую книжку; а между тѣмъ всѣ они живутъ въ полномъ согласіи, съ полнымъ сочувствіемъ къ независимости и благоденствію общаго отечества во всѣхъ его частяхъ.

Въ нынѣшнемъ году, какъ извѣстно, была маленькая война въ итальянскомъ кантонѣ Тессино; но это не было дѣломъ спора кантоновъ между собою, а простое усмиреніе возставшихъ противниковъ закона. Тессинскіе радикалы хотѣли захватить кантональную власть не путемъ выборовъ, а насильственно, смѣстили умѣренныхъ правителей и засадили ихъ по тюрьмамъ. Федеральное въ Бернѣ (общегосударственное) правительство вступилось за законъ и силою присланнаго войска возстановило порядокъ. Надо къ этому замѣтить, что бернское правительство само радикальное и членъ его, Кюнцли, посланный въ Тессино для водворенія прежней умѣренной администраціи кантона, тоже радикалъ. Тѣмъ не менѣе они вернули не особенно симпатичную себѣ администрацію, потому что за ней было конституціонное право, она существовала на основаніи выборовъ. Сочувствуя взглядамъ бунтовщиковъ, нельзя было сочувствовать способу ихъ дѣйствій. Тессинскихъ революціонеровъ радикаловъ судили въ Цюрихѣ и оправдали. Судьи, вѣроятно, удовольствовались тѣмъ, что законный порядокъ былъ возстановленъ. Кюнцли, бывшій на судѣ въ качествѣ свидѣтеля противъ обвиняемыхъ, по оправданіи ихъ, пожималъ имъ руки. Въ средѣ умѣренныхъ швейцарцевъ, этотъ фактъ былъ признанъ судейскимъ скандаломъ, и долго послѣ газеты спорили о томъ, не было ли со стороны Кюнцли нѣкотораго давленія на судъ въ пользу ему единомышленныхъ подсудимыхъ. Какъ бы то ни было, законъ всецѣло вошелъ въ силу и въ кантонѣ Тессино, и въ судѣ,

и очень можетъ случиться, что когда придетъ время новыхъ выборовъ, бунтовщики-преступники будутъ выбраны въ заправилы кантона.

Все это показываетъ высокую степень культуры этой страны; то есть, такъ сказать, той почвы, на которой поднялась эта разнообразная растительность. Здѣсь, какъ и всюду, существуютъ, разумѣется, и страсти, и борьба, и вообще свои темныя стороны жизни; но на пути сознанія насколько общее благо есть источникъ личнаго блага, на пути почти даже инстинктивнаго врожденнаго пониманія у всѣхъ—въ чемъ именно общій интересъ захватываетъ личный, тутъ Швейцарія опередила многія другія страны. Этой культурой швейцарцы обязаны, прежде всего, своей природѣ, которая обусловила ихъ жизнь, ихъ исторію. Они прошли чрезъ хорошую школу необходимости и нужды. Въ нынѣшнемъ году они считаютъ своей исторіи шестьсотъ лѣтъ и 1-го августа (новаго стиля) изъ конца въ конецъ по всѣмъ горамъ и долинамъ отпраздновали свой юбилей. Чѣмъ же именно отличился этотъ августъ 1291 года, что ему данъ такой почетъ? Швейцарія далеко еще не была свободна въ это время и строй ея въ этомъ году ничѣмъ не измѣнился, и потомъ еще многія столѣтія страна вынесла немало превратностей судебъ, вплоть до порабощенія ея Наполеономъ. Между тѣмъ 1291 годъ дѣйствительно былъ замѣчательный въ исторіи Швейцаріи. Вотъ что случилось въ это время.

Жители горной страны, въ постоянной борьбѣ съ дикой природой и благодаря трудно доступнымъ мѣстамъ ихъ селеній, швейцарцы рано развили въ себѣ и сметку жизни, и любовь къ независимости. Все-таки и тамъ и здѣсь имъ приходилось уступать силѣ полуразбойничьихъ мелкихъ властителей, графовъ, герцоговъ, зависѣть отъ навязанныхъ имъ распорядителей, въ числѣ коихъ были и монастыри, и духовныя лица,—управляться разными ставленниками, давившими народъ. Чтобы избавиться отъ этого, нѣкоторыя долины прямо обращались къ императорамъ Германіи, подчиняя себя ихъ непосредственной власти. Конечно, властительство императоровъ являлось болѣе фиктивнымъ, но все-таки давало возможность не признавать власти подчиненныхъ императору феодаловъ и даже иногда находить въ немъ защитника. Въ XIII столѣтіи, однако, случилось такъ, что заявлявшій права на нѣкоторыя долины Швейцаріи и главнымъ образомъ на долину Швицъ, графъ Рудольфъ Габсбургскій былъ избранъ императоромъ. Волей-неволей пришлось ему подчиниться. Впрочемъ, его владычество не было особенно тягостно; но, когда въ 1291 году онъ умеръ, его швейцарскимъ подданнымъ естественно приходилось опасаться за свою судьбу. Кто будетъ избранъ новымъ императоромъ? захочетъ ли новый принять ихъ подъ покровительство? кому попадутъ они въ руки? какъ къ нимъ отнесется новый властитель? Все это были

вопросы сильно тревожившіе горныхъ поселянъ, привыкшихъ уже къ довольно независимому строю жизни. Подъ этимъ вліяніемъ жители трехъ долинъ: Швицъ, Ури и Унтервальденъ, заключили между собой договоръ о взаимной помощи и согласіи, въ августѣ 1291 года. Договоръ этотъ сохранился, онъ написанъ по-латыни и его-то юбилей и праздновала вся Швейцарія, видя въ немъ, и вполнѣ справедливо, зародышъ своей свободы и культуры.

Въ договорѣ этомъ значится слѣдующее:

«Во имя Бога. Аминь. Утверждая союзы для прочнаго спокойствія и мира, тѣмъ самымъ заботятся о честности и общественномъ благополучіи. Потому да будетъ извѣстно всѣмъ, что люди долины Ури и долины Швицъ, и общины людей лѣсистыхъ горъ нижней долины, въ виду лукавства времени, чтобъ защищать себя и свое имущество и лучше сохранять свое устройство, съ доброю вѣрою, обѣщали отстаивать другъ друга помощью, совѣтомъ и всякимъ добрымъ дѣломъ, тѣломъ и душой, среди самыхъ долинъ и внѣ ихъ, всею ихъ властью и всѣми силами, противъ всѣхъ и каждаго, кто бы задумалъ употребить насиліе надъ кѣмъ-нибудь изъ договаривающихся, захотѣлъ оскорбить ихъ или нанести вредъ ихъ личности или состоянію. И во всѣхъ случаяхъ, когда это будетъ нужно, обѣщала каждая изъ этихъ общинъ бѣжать другой на помощь и за свой счетъ, насколько потребуется, сопротивляться нападкамъ зложелателей и отмщать обиду. Они поклялись, поднимая руки, что будутъ хранить этотъ договоръ, безъ всякихъ затаенныхъ мыслей, возобновляя такимъ образомъ свой древній, клятвенно скрѣпленный, союзъ. При этомъ все-таки всякій долженъ будетъ, сообразно съ своимъ положеніемъ, оставаться послушнымъ своему господину и ему служить. Мы такъ же съ общаго согласія съ единодушнымъ сочувствіемъ обѣщали и постановили, что мы не допустимъ и не примемъ въ вышеозначенныя долины никакого судью, который бы купилъ эту должность за деньги или получилъ ее какимъ-либо другимъ подобнымъ способомъ. Если же случился бы какой-нибудь споръ между договаривающимися, то должны собраться наиболѣе разсудительные изъ нихъ и унять раздоръ между спорящими, какъ найдутъ это справедливымъ,—и еслибъ какая-нибудь сторона не подчинилась ихъ рѣшенію, всѣ договаривающіеся должны соединиться противъ нея. Сверхъ того, постановлено, что кто измѣннически и безпричинно убьетъ другого, если его захватятъ, самъ будетъ наказанъ смертью, какъ того требуетъ его злодѣяніе, исключая случая, когда сможетъ доказать свою невинность,—и если онъ убѣжитъ, ему будетъ воспрещено возвращеніе въ отечество. Заступники и укрыватели такого злодѣя должны быть изгнаны изъ долинъ, пока снова не будутъ призваны на основаніи должныхъ для сего причинъ. Кто же днемъ или въ тиши ночной принесетъ кому-либо изъ договаривающихся вредъ поджогомъ, тотъ навѣки

не будетъ считаться соотечественникомъ. И если кто-нибудь станетъ въ долинахъ защищать или укрывать помянутаго злодѣя, тотъ будетъ обязанъ возмѣстить убытокъ пострадавшаго. Далѣе, если одинъ изъ договаривающихся ограбитъ имущество другого или какимъ-либо способомъ нанесетъ ему ущербъ, то, когда среди долинъ найдется имущество виновнаго, оно будетъ у него отнято, чтобъ по справедливости возмѣстить убытокъ пострадавшаго. Еще тоже никто не долженъ брать съ другого денежныхъ обязательствъ, исключая развѣ если кто объявленъ должникомъ кого или поручителемъ, да и тогда это можетъ быть допущено только по особому дозволенію судьи. Кромѣ того, всякій обязанъ повиноваться своему судьѣ, а въ случаѣ надобности долженъ самъ указать судью въ долинѣ, которому онъ подчиненъ. Если кто-либо откажется подчиниться рѣшенію судьи и если такое упорство нанесетъ вредъ комунибудь изъ договаривающихся, то всѣ союзники обязаны заставить строптиваго дать требуемое удовлетвореніе. Еслибъ возникла борьба или ссора между которыми-либо изъ договаривающихся и еслибъ одна сторона отказалась подчиниться праву и дать удовлетвореніе, то союзники обязаны другой сторонѣ помочь. Вышеписанныя постановленія и рѣшенія, на общее спасеніе и благо, должны, коли Богу будетъ угодно, сохраняться навѣки; въ подтвержденіе чего, по требованію договаривающихся, эти положенія были изготовлены и укрѣплены печатями помянутыхъ общинъ и долинъ. Постановлено въ году Господа Христа 1291, въ началѣ августа мѣсяца».

Уже самый текстъ этого договора прямо показываетъ, что онъ не былъ однимъ изъ тѣхъ политическихъ документовъ, которыми иныя государства только отводятъ глаза другъ другу, нарушая обѣщанное почти въ минуту обѣщанія. Нѣтъ, здѣсь было только письменно формулировано то, что̀ вошло въ плоть и кровь у всѣхъ, что̀ сознавалось всѣми, какъ необходимое условіе въ жизни. Договоръ даже никѣмъ не подписанъ, неизвѣстно кто его и сочинялъ, до такой степени это было общее дѣло, всѣмъ одинаково близкое, знакомое, всѣми единодушно исполненное. Какъ видно и изъ самого документа, союзъ договаривающихся существовалъ уже давно, его только возобновили, потому что всѣми чувствовалось, что только взаимная помощь давала возможность спокойнаго труда, добропорядочной жизни, благосостоянія. Это не былъ союзъ на какое-нибудь завоеваніе, даже не на возстаніе противъ существующаго; въ договорѣ очень вскользь говорится про «луковыя времена»—и прямо указывается на то, чтобъ всякій сообразно положенію былъ послушенъ и служилъ своему господину. Это былъ договоръ взаимнопомощи, какъ обороны противъ всякаго насилія, извнѣ и внутри страны, противъ всего непризнаннаго за право. И въ этомъ отношеніи договоръ высказывается рѣзко и опредѣленно. Они не допускаютъ себѣ судьи, не связаннаго съ ними общими интересами

жизни, они не только внѣ своихъ долинъ, относительно врага-чужестранца, но даже и между собой, и въ дѣлахъ частнаго лица, договариваются о взаимонопомощи. Избранные люди рѣшаютъ всякій споръ и если кто рѣшенію не подчинится, противъ того должны возстать всѣ. Всякій, становящійся на сторону насильника, вора, поджигателя, считается такимъ же преступникомъ. Словомъ, противъ всего, что мѣшаетъ честному труду и скромному благостоянію, встаетъ взаимопомощь. Эти двѣ стороны человѣческихъ отношеній: уваженіе чужой независимости и взаимнопомощь, такъ и легли въ основу культуры и всей исторіи этой страны. Я особенно напираю на слово «страны», такъ какъ за шестьсотъ лѣтъ жизни и между швейцарцами были отступленія, есть они и теперь. Такъ, напримѣръ, маленькая страна не мало выкинула изъ себя разбаловавшихся воинственными подвигами своихъ сыновъ; у многихъ европейскихъ властелиновъ-угнетателей солдатами служили швейцарцы; но, даже и среди этой аномаліи, они носили въ себѣ вліяніе своей культуры: это не были солдаты-завоеватели, это большею частью были тѣлохранители своего господина, отличавшіеся геройской вѣрностью ему, смѣло жертвовавшіе за него жизнью. Извѣстный громадный монументъ въ Люцернѣ, умирающій левъ работы Торвальдсена, сооруженъ въ память швейцарцамъ, павшимъ при защитѣ королевскаго дворца Тюльери въ первую французскую революцію; но странность появленія такого памятника въ республиканской Швейцаріи объясняется тѣмъ, что онъ чествуетъ въ павшихъ не воинственную отвагу, а именно честность исполненія принятаго на себя долга, непоколебимость заступничества и помощи. Общей культурѣ страны всѣ такія отступленія не мѣшали. Страна даже еще въ легендахъ народныхъ отличительною чертой являла гуманность, отсутствіе насилія, взаимнопомощь. Въ этихъ легендахъ часто говорится, что, когда общинамъ удавалось захватить живьемъ своего угнетателя, его не убивали, а выпроваживали подъ конвоемъ вонъ изъ страны.

Битва при Моргартенѣ (15-го ноября 1315 г.), въ которой собравшіеся для обороны швейцарскіе крестьяне съ высоты скалъ закидали каменьями отборный отрядъ рыцарскаго войска, показала къ какимъ результатамъ въ Швейцаріи можетъ повести согласіе и взаимнопомощь. Туземцы почувствовали свою силу, сосѣди поняли, что съ этими крестьянами считаться не легко. Договоръ трехъ общинъ былъ возобновленъ. Не прошло и полсотни лѣтъ, какъ къ союзу присоединились другія вольныя общины: Цюрихъ, Гларусъ, Цугъ и наконецъ Бернъ, одинъ изъ главныхъ и самыхъ древнихъ городовъ по богатству и значенію. Въ началѣ XVI столѣтія союзъ состоялъ уже изъ 13 мѣстъ союзничества, остальные позже и наконецъ послѣдніе—такъ потомъ названные кантоны, присоединились только въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Такъ среди

этой взаимнопомощи обороны отъ сосѣдей и постояннаго труда прошли 600 лѣтъ скромной жизни швейцарцевъ. Гористая страна давала и богатую растительность, и животныхъ, и звѣря, но пользоваться ими можно было только при посредствѣ усиленнаго труда,—и не смотря на этотъ трудъ, горы были дороги туземцу, потому что въ нихъ было легко обороняться. Такимъ образомъ горы пріучили къ труду и скромной жизни, а внѣшніе враги къ согласію. Правда, богатый и воинственный Бернъ проявлялъ иногда и завоевательныя наклонности, но самъ чувствовалъ ихъ несостоятельность, понимая, что безъ помощи союзниковъ онъ не могъ бороться съ чужестранцами и иногда даже считаться съ королями, какъ съ равными. Оттого и его воинственныя наклонности больше уходили на помощь и защиту другихъ. Самое накопленіе богатствъ въ городахъ не могло развить безпутную роскошь, это вѣчное сѣмя всякаго деспотизма и безправія; слишкомъ ужъ рано и много приходилось швейцарцамъ оглядываться по сторонамъ и крѣпко держаться другъ друга. Помянутыми основными чертами быта швейцарцевъ много объясняется ихъ культурность; это ясно выступаетъ во всей ихъ жизни и даже въ ихъ юбилейномъ празднествѣ.

Праздновала конечно вся Швейцарія, но центромъ празднества былъ намѣченъ городъ Швицъ. Хотя этотъ городъ далъ названіе всей Швейцаріи, но теперь его значеніе давно отошло на второй планъ. Швицъ небольшой кантональный городишко, затерявшійся въ горной долинѣ, сравнительно бѣдный и жалкій. Прямо въ Швицъ даже нѣтъ желѣзной дороги; она останавливается въ мѣстечкѣ Севенъ, въ получасѣ ходьбы отъ города. Но жители долины Швицъ при зародышѣ Швейцаріи были самый энергичный, самый независимый народъ. Есть повѣріе, что Швицъ былъ зачинщикомъ договора трехъ общинъ, который и найденъ и хранится въ архивахъ Швица, наконецъ, Швицъ одержалъ побѣду при Моргартенѣ. Швицу и надлежало быть первымъ въ общемъ патріотическомъ торжествѣ. Самолюбивый Бернъ, гдѣ засѣдаетъ общегосударственное правительство, сдѣлалъ правда маленькую уловку, своего рода сепаратизмъ. Бернъ придрался къ тому, что основаніемъ города считаютъ 1191 годъ и рѣшилъ кстати отпраздновать свое основаніе, чрезъ недѣлю послѣ общаго торжества. Это какъ-бы дало городу право въ день общаго юбилея попридержаться и выслать свои власти въ Швицъ, не умаляя своего самолюбія. Еще задолго до праздниковъ объ нихъ много шумѣли въ прессѣ. Появилось, по поводу ихъ, цѣлая масса изданій, изъ коихъ нѣкоторые весьма солидные труды по исторіи швейцарскихъ конституцій, по исторіи Берна и т. п. помимо множества популярныхъ брошюръ такого же рода. Повсюду образовались комитеты празднества, газеты публиковали ихъ циркуляры и приглашенія праздновать великій день.

Въ Швицъ, кромѣ представителей отъ всѣхъ кантоновъ, разныхъ депутацій, корреспондентовъ газетъ, наѣхало слишкомъ до 20,000 народу. Конечно. желѣзныя дороги этому помогли; не только увеличили количество поѣздовъ, но и цѣну проѣзда сбавили наполовину. Въ Швейцаріи существуетъ очень хорошее правило, что по воскресеньямъ билетъ съ обратнымъ проѣздомъ стоитъ тоже, что и билетъ въ одинъ конецъ. Это даетъ возможность людямъ небогатымъ въ воскресенье съѣздить куда-нибудь по сосѣдству. Это правило было примѣнено и къ билетамъ для проѣзда на праздники въ Швицъ и Бернъ. Праздники повсюду начались въ церквахъ. Люди различныхъ вѣроисповѣданій и даже люди невѣрующіе всѣ прежде всего собрались въ церковь. Но и съ своей стороны церковь художественно разукрасила свою молитву музыкальными номерами органа и хоровымъ пѣніемъ. Программа музыкальная была напечатана. Вообще швейцарское духовенство не только не отвернулось отъ этого либеральнаго праздника, но приняло въ немъ самое горячее участіе. Въ церквахъ читались архіепископскія посланія, священники говорили рѣчи о согласіи, братствѣ, трудѣ. Въ Швицѣ священникъ Марти прямо сказалъ, что—«самому Господу Богу было угодно чтобы въ монархическія эпохи, среди монархическихъ государствъ, Швейцарія сохранилась бы государствомъ свободнымъ. Много скипетровъ съ тѣхъ поръ сломилось, много государствъ исчезло, а мы остались».—Въ устахъ духовенства, почти всегда идущаго объ руку съ монархизмомъ, такія слова особенно знаменательны. Интересно такъ же, что и швейцарцы, служащіе въ папской гвардіи, праздновали въ Римѣ день зародыша свободы своей страны. Но всего замѣчательнѣе то, что обѣ патріотическія пьесы, исполненныя на главныхъ двухъ праздникахъ, въ Швицѣ и Бернѣ, были написаны священниками. Радикальный Бернъ самъ поручилъ священнику эту почетную работу. Вечеромъ 1-го августа (какъ и въ слѣдующій вечеръ) по всѣмъ швейцарскимъ горамъ появились такъ называемыя «огни радости» — т. е. зажжены костры. Не было такого маленькаго мѣстечка, вокругъ котораго не блестѣло бы нѣсколько костровъ; словно отраженіе небесныхъ звѣздъ общимъ огнемъ радостнаго единенія раскинулись они по всей Швейцаріи. Одинъ досужій журналистъ высчиталъ, что на пространствѣ 37,000 квадратныхъ верстъ, составляющихъ территорію Швейцаріи, горѣло до $18^1/_2$ тысячъ костровъ; почти на каждыя двѣ версты по костру. Да еще устроивались эти костры старательно, па болѣе высокихъ мѣстахъ; жителямъ для этого иногда приходилось лѣпиться по опаснымъ отвѣсамъ и тропинкамъ. Въ Швицѣ на скалистой горѣ Митенъ былъ даже зажженъ крестъ, сдѣланный изъ желѣза съ керосиновыми лампами. Во множествѣ мѣстъ были зажжены фейерверки. Но собственно главнымъ образомъ праздникъ разыгрался 2-го августа, въ воскре-

сенье (а для Берна 15 и 16 августа). Въ составъ праздника входили пріемы депутацій, взаимныя поздравленія, рѣчи въ церквахъ, на площадяхъ, на обѣдахъ, представленія пьесъ патріотическаго содержанія, торжественныя процессіи, дѣтскіе праздники, народные праздники и т. п.

Конечно, официальные ораторы высказались главнымъ образомъ въ Швицѣ и Бернѣ, но можно съ достовѣрностью сказать, что едва ли былъ хотя одинъ самый крошечный городокъ Швейцаріи, гдѣ бы въ этотъ день, на какой-нибудь лужайкѣ, мѣстный витія не напоминалъ собравшейся толпѣ разсказъ о первоначальномъ союзѣ трехъ кантоновъ, не проповѣдовалъ объ единствѣ, братствѣ, взаимопомощи и свободѣ. Никто къ этому не обязывалъ, ни передъ какимъ начальствомъ этимъ не выслуживались, ни даже передъ соотечественниками, потому-что даже газеты не могли помянуть, не только всѣ рѣчи, но даже всѣхъ ораторовъ. Но это явилось общимъ возгласомъ согласія и взаимнопомощи, какъ радостное сознаніе своей силы и счастья. Правда, въ рѣчахъ попавшихъ въ печать, тамъ и здѣсь слышатся намеки на борьбу и споръ, на ссоры и развитіе страстей, но и эти намеки служили только поводомъ къ порицанію всякой малѣйшей розни и прославленію взаимнопомощи. «Мы должны помнить, говорилъ итальянскій ораторъ бурнаго кантона Тессино, что какова бы ни была разница нашихъ воззрѣній, мы сыны единаго отечества, всѣмъ намъ одинаково дорогого, и развивать въ себѣ чувство взаимнаго уваженія, подъ покровомъ братскаго почитанія, коего высшій результатъ есть миръ». И общее впечатлѣніе всѣхъ этихъ рѣчей можно характеризовать словами другого нѣмецкаго оратора, говорившаго въ Швицѣ: «Наша сила не только въ дыханіи свободы, которое принесено намъ неукротимымъ орломъ Альпъ, но и въ союзѣ всѣхъ дѣтей страны, внѣ различія ихъ мнѣній. Великая польза такихъ праздниковъ заключается въ объединеніи общинъ».

Особенно казовой частью праздниковъ были представленія патріотическихъ, спеціально для праздника написанныхъ, пьесъ. Эти спектакли исполнялись подъ открытымъ небомъ, на временныхъ, нарочно для того устроенныхъ, сценахъ съ мѣстами для нѣсколькихъ тысячъ зрителей. Самые выдающіеся изъ этихъ спектаклей были въ Швицѣ и Бернѣ, гдѣ зрителей собиралось болѣе чѣмъ по десятку тысячъ. Въ Швицѣ исполнялось произведеніе папскаго каноника Марти, въ Бернѣ священника Вебера. Оба автора видимо мало знакомы съ драмическимъ и сценическимъ дѣломъ и взяли себѣ въ образецъ представленія драмы страстей Господнихъ въ Обераммергау. Швейцарскіе патріотическіе спектакли явились прямымъ подражаніемъ этихъ представленій Баварскаго Тироля. На большой лужайкѣ были устроены на высокихъ подмосткахъ обширныхъ сценъ громадные порталы. Въ Швицѣ

это была просто деревянная арка, съ большими деревянными же баринями по бокамъ, отъ которыхъ въ обѣ стороны, справа и слѣва, шла стѣна; за нее въ краяхъ и уходили актеры. Подобнаго же рода устройство было и въ Бернѣ, съ тою только разницей, что въ Швицѣ за аркой была занавѣсъ, которая мѣнялась, представляя различныя декораціи, а въ Бернѣ средняя часть сцены все время спектакля оставалась неизмѣннымъ павильономъ огромныхъ размѣровъ, даже не очень красиваго вида; за то въ Бернѣ, передъ сценой, была устроена большая эстрада для 750 пѣвцовъ и музыкантовъ. Скамьи для зрителей, вбитыя прямо въ землю, шли амфитеатромъ; при чемъ въ Бернѣ для этого воспользовались склономъ горы, внизу которой и поставили сцену. Сводъ небесный былъ покровомъ этого театра и окружающіе прелестные виды горъ окаймляли живой декораціей сцену. Въ Швицѣ, однако, изъ-за такой полувоздушной постройки пришлось помокнуть актерамъ и зрителямъ подъ дождемъ. Сыгранныя пьесы или, такъ называемая, праздничная игра (Festspiel) состояли изъ ряда сценъ, воскресившихъ передъ зрителями выдающіеся моменты швейцарской исторіи. Конечно, ни дѣйствія, ни въ истиномъ смыслѣ сценическаго исполненія, тутъ быть не могло. Актерамъ приходилось говорить чуть не на полверсту передъ собой и играть безъ всякихъ кулисъ и боковыхъ декорацій. Оттого рѣчь занимаетъ самую малую роль въ этихъ спектакляхъ: за то данъ большой просторъ хоровому пѣнію. Всѣ сцены очень коротки и едва поминаютъ событіе. Нѣсколько сотъ актеровъ, набраныхъ изъ мѣстныхъ жителей, выходили на эстраду толпой болѣе для картины разнообразныхъ костюмовъ. Сцены воинственныхъ побѣдъ представлялись довольно курьезно. Появятся актеры съ боковъ на центральную сцену, поговорятъ объ ужасѣ предстоящаго сраженія и уйдутъ; потомъ чрезъ минуту опять приходятъ заявить, что сраженіе выиграно. И довольно храднокровно высказываютъ они и печали свои, и радость, за что съ нихъ, какъ не присяжныхъ артистовъ, взыскивать нельзя, но отъ этого спектакль не выигрываетъ. Спектакль, исполненный въ Швицѣ, былъ интереснѣе спектакля въ Бернѣ; уже по одному тому, что моменты исторіи всей Швейцаріи и ея легенды полны фактовъ самоотверженія, союзовъ взаимнопомощи, тогда какъ исторія одного Верна, по преимуществу, отличается военными подвигами, очень однообразными, да еще, какъ сказано, проявляющимися на этой сценѣ въ довольно забавномъ видѣ. Къ тому же режиссеры Швица воспользовались еще одной стороной обераммергаускихъ представленій, чѣмъ не воспользовались бернцы. Въ Швицѣ сцены послѣдовательныхъ историческихъ моментовъ отдѣлялись другъ отъ друга живыми картинами, во время коихъ пѣлъ хоръ. Это и само по себѣ для такой сцены наиболѣе удобный способъ представленій, да и даетъ возможность помянуть наи-

болѣе симпатичныя историческія легенды. Спектакль въ Швицѣ начинается тѣмъ, что небольшая бродячая община появляется въ горахъ Швейцаріи; къ нимъ выходитъ богиня свободы, позволяетъ тутъ поселиться, но говоритъ, что чрезъ многія сотни лѣтъ она придетъ требовать отчета отъ ихъ потомковъ, какъ они воспользовались страной. Во второй сценѣ взятъ моментъ юбилейнаго договора послѣ смерти Рудольфа Габсбургскаго (1291 г.). Представители трехъ долинъ собрались и заключили союзъ—«навѣки! навѣки! навѣки!» — величественно повторяютъ всѣ унисономъ. За симъ слѣдуетъ живая картина: «выстрѣлъ Вильгельма Телля». Третья сцена есть возвращеніе побѣдителей послѣ битвы въ Моргартенѣ (1315 г.). Авторъ пьесы въ Швицѣ вообще выказалъ болѣе сценической сметки, чѣмъ авторъ Бернской. Прямо взятъ результатъ битвы и избѣгнуты неловкія отправленія на нее за кулисы. За симъ живая картина представляетъ другого швейцарскаго героя, Винкельрида, который, чтобъ дать возможность своимъ прорваться въ ряды враговъ, направившихъ на нихъ копья, схватилъ въ охапку сколько могъ копій, пронзившихъ его грудь, но сдѣлавшихъ брешь въ рядѣ враговъ, въ которую швейцарцы и ринулись. Четвертая и пятая сцена представляетъ освобожденіе союзниками швейцарцами Бернскаго города Муртена, отъ осаждавшихъ его бургундскихъ войскъ Карла Смѣлаго (1476 г.). Сперва лагерь бургунцевъ, ихъ хвастливость, увѣренность въ побѣдѣ, веселье, пляски,—потомъ лагерь швейцарцевъ, воодушевленіе войскъ Цюриха и Люцерна, пришедшихъ на помощь бернскимъ союзникамъ. Въ этихъ сценахъ есть немножно закулисной войны, но окончательно она разражается на сценѣ и потому все-таки производитъ извѣстную иллюзію. Въ пятой сценѣ выставлено собраніе представителей швейцарскаго союза (1481 г.) въ городѣ Стонсѣ; когда разбогатѣвшіе отъ побѣдъ швейцарскіе города стали укорять другъ друга въ неправильныхъ дѣлежахъ, что едва не повело къ междоусобной войнѣ, но слова монаха, укорявшаго въ раздорѣ и отсутствіи любви къ отечеству, образумили спорящихъ и укрѣпили союзъ. За симъ снова живая картина: въ Салотурнѣ, (1533 г.) въ распрѣ между католиками и протестантами, католики уже зарядили пушку, чтобы стрѣлять въ своихъ соотечественниковъ, но одинъ изъ членовъ магистрата, Николай Венги, бросился къ дулу пушки и закричалъ, что только сквозь его тѣло они будутъ стрѣлять въ своихъ и тѣмъ остановилъ кровопролитіе. Шестая сцена переноситъ зрителя къ тяжелымъ временамъ владычества надъ Швейцаріей французовъ; когда, послѣ подавленнаго возстанія въ Унтервальденѣ, собрались въ городѣ Стонсѣ сироты убитыхъ, и Песталоцци взялъ ихъ на свое попеченіе. Наконецъ, послѣдняя сцена аллегорическая: является Гельвеція на высокомъ пьедесталѣ; къ ней на поклонъ, въ національныхъ одеждахъ, явля-

ются всѣ кантоны, дѣти духа горъ и т. п. Гельвеція благодаритъ ихъ и говоритъ, что они выполнили то, чего отъ нихъ ожидала свобода (въ первой сценѣ). Не замѣчательно ли, что вся эта картина 600-лѣтней исторіи Швейцаріи такъ полна самоотверженія, союза, взаимнопомощи, и такъ, при всѣхъ ея побѣдахъ, чужда хвастливой воинственности, шовинизма (чѣмъ немножко страдаетъ спектакль Берна); здѣсь воюютъ главнымъ образомъ, только защищаясь и помогая другъ другу отстаивать независимость. Авторъ умѣлъ чутко сохранить гуманный и непритязательный духъ народа. Даже побѣдители при Моргартенѣ, освободившіеся отъ враговъ, хотѣвшихъ поработить ихъ, говорятъ про этихъ враговъ: «не высокомѣрно надо къ нимъ относиться, а съ сожалѣніемъ, вспоминая о вдовахъ и невѣстахъ лишившихся мужей и жениховъ». И въ другомъ мѣстѣ въ разгаръ побѣды вырывается восклицаніе крестьянокъ: «Ужасно! кругомъ все мертвые! тысячи мертвыхъ!—Боже будь къ нимъ милосердъ!» «Въ финалѣ спектакля, Гельвеція, принимая привѣтствіе, говоритъ прежде всего: хотя я не любительница роскоши, но въ сегодняшній день я допускаю праздничный нарядъ! Спектакль кончился народнымъ гимномъ, во время котораго вся публика встала, сняла шляпы и единодушно, всѣми тысячами голосовъ, присоединилась къ пѣнію пѣвцовъ.

Въ другихъ кантонахъ 1-го августа тоже исполнялись пьесы патріотическаго содержанія приблизительно въ томъ же родѣ. Въ Бругѣ играны сцены А. Фрея; въ Ленцбургѣ сочиненіе какихъ-то двухъ дамъ и т. д.

Не малое значеніе въ общественномъ торжествѣ имѣли тоже, такъ называемые, дѣтскіе и народные праздники. Дѣти никогда не забыты въ швейцарскихъ празднествахъ; на сей разъ имъ роздали отъ общаго правительства какую-то памятную картинку, гравюру, съ надписями объ единеніи и первомъ союзѣ долинъ; въ иныхъ кантонахъ роздали книги. Но вообще большихъ тратъ на эти праздники администрація не дѣлаетъ. Устроивается лужайка, или праздничное мѣсто съ навѣсами, съ лавками и столиками для банкетовъ и всякаго рода угощеній. (Въ Швицѣ и Бернѣ эти навѣсы были громадны, на нѣсколько тысячъ потребителей). Является одинъ или нѣсколько оркестровъ музыки, всегда почти даровые оркестры музыкальныхъ обществъ; иногда устраивается самое дешевенькое развлеченіе для дѣтей (какая-нибудь мачта съ навѣшанными на ней перочинымъ ножемъ, чернильницей, карандашами) вотъ и все. Веселитесь, какъ знаете, забавляйте сами другъ друга. Искусственнаго старанія веселить и угощать на счетъ государственныхъ или общественныхъ денегъ тутъ нѣтъ. Все требующее большихъ расходовъ (спектакли, торжественныя шествія) должно окупаться зрителями; остальные же расходы сравнительно ничтожны. На банкетахъ (обѣдахъ и завтракахъ) каждый платитъ

самъ за себя; безплатно угощаютъ только приглашенныхъ: депутаціи, корреспондентовъ газетъ; да и то не особенными разносолами. Швейцарцы на ѣду не взыскательны и угощаются обѣдомъ въ три франка съ виномъ, на простыхъ столахъ, обтянутыхъ бумагой вмѣсто скатертей. Даже дѣти покупаютъ себѣ лакомства (булки и пряники) сами, въ тутъ же появляющихся шалашахъ продавцевъ. Поразительна добропорядочность, которая даже въ дѣтяхъ проявляется на этихъ празднествахъ. Я видѣлъ въ маленькомъ городишкѣ Эглѣ столики съ лакомствами до того окруженные толпою дѣтей, что продавцы не успѣвали никого удовлетворить. Дѣти брали лакомства сами и иному приходилось простоять нѣсколько минутъ, добиваясь, чтобъ старуха продавщица взяла его деньги. Одна дѣвочка лѣтъ восьми въ суматохѣ схватила булку и уже начала ее ѣсть, но тутъ только вспомнила, что приготовленная монета осталась въ ея рукахъ; она пробилась чрезъ толпу къ продавщицѣ и еле-еле дозвалась ее, чтобы отдать деньги. Ко всему этому надо прибавить, что и необходимые праздничные расходы городовъ въ значительной дозѣ пополняются доброхотными дателями; для чего комитеты празднествъ прямо, чрезъ газеты, обращаются къ публикѣ, приглашая къ пожертвованіямъ. И жертвуютъ не только деньгами, но и натурой, особенно виномъ, которое потому и называется «почетнымъ» (vin d'honneur). Между тѣмъ, праздники эти очень оживленны. Дѣти и участники народнаго праздника, разряженные, разукрашенные цвѣтами, съ музыкой, проходятъ процессіями по городу на мѣсто праздника. Тутъ дѣти играютъ (подъ надзоромъ наставницъ): мальчики-гимнасты дѣлаютъ упражненія, взрослые танцуютъ, угощаются. Въ Бернѣ и дѣтскій и народный праздники разыгрались на половину на сценѣ (устроенной для спектакля). Посторонніе зрители платили за мѣста, но исполнители праздника за свои исполненія ничего не получали. На сценѣ хоромъ пѣли тысячи школьниковъ и школьницъ, мальчики-гимнасты, подъ руководствомъ учителей, дѣлали очень интересныя упражненія, дѣвушки танцовали. Въ народномъ праздникѣ, между прочимъ, была устроена борьба на сценѣ попарно, въ которой побѣда остается за тѣмъ, кто положитъ противника на спину. До сотни паръ боролось послѣдовательно и такъ какъ это зрѣлище становилось однообразнымъ, во время борьбы выступилъ десятокъ тирольцевъ и они пропѣли нѣсколько пѣсенъ; потомъ вышелъ какой-то крестьянинъ съ горнымъ рожкомъ, такимъ длиннымъ, что широкій конецъ его долженъ лежать на землѣ. Горный музыкантъ протрубилъ какіе-то неистовые звуки, но видя что его своеобразная музыка не производитъ впечатлѣнія, высоко поднялъ шляпу и самъ прокричалъ себѣ одобреніе. Словомъ: то тѣ, то другіе, являлись то зрителями, то исполнителями,—и веселіе было общее: безпрестанно раздавался смѣхъ и аплодисменты, хору, гимнастамъ,

побѣдителю-борцу. И по всей Швейцаріи въ малыхъ размѣрахъ повторилось то же самое, повторяется при каждомъ празднествѣ, и большое вліяніе имѣютъ эти праздники на развитіе вкуса къ пѣнію, къ музыкѣ, силѣ и ловкости. Швейцарскіе народные хоры славятся; гимнастическія упражненія стройностью, ловкостью и красотой могли бы поспорить съ инымъ балетнымъ номеромъ, а при борьбѣ, изъ сотни паръ, боровшихся въ Бернѣ, и въ пятой долѣ не было побѣдителей: большинство такъ и расходилось въ ничью; настолько равны были и силы и ловкость борцовъ.

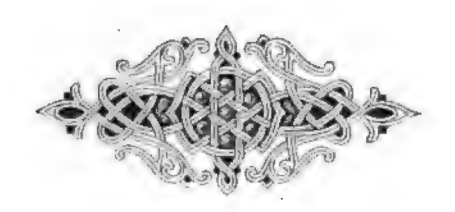
Торжественныя процессіи составляютъ любимую часть празднествъ швейцарцевъ. Всякое сборище начинается тѣмъ, что сходятся въ извѣстномъ мѣстѣ и процессіей идутъ по городу съ музыкой, съ знаменами, съ разными атрибутами, съ бутонбернами и повязками на рукѣ, иногда даже закостюмированные. Процессіи дѣтскаго и народнаго праздниковъ въ Бернѣ собирали толпу зрителей, и по всему проходу ихъ раздавались то дружный смѣхъ, то аплодисменты. Дѣти шли корпораціями и школами: гимнасты-мальчики въ легкихъ гимнастическихъ костюмахъ, дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ, разукрашенныя цвѣтами, въ соломенныхъ шляпахъ; множество дѣтей было закостюмировано и, разумѣется, все какими-нибудь представителями труда. Шли крошечные рыбаки и несли въ сѣтяхъ огромную рыбу, работники корзинъ, столяры, садовники, гномы (дѣти съ бородами) чернорабочіе, портнихи, молочницы, пастушки съ живыми баранами, прачки и т. п. Другая школа (дѣвочекъ) раздѣлила своихъ ученицъ на 22 группы, по числу кантоновъ, и трехъ передовыхъ каждой группы нарядила въ національный костюмъ. Но самыми главными процессіями явились историческія процессіи въ Швицѣ и Бернѣ. Такія процессіи разрабатываются особо, какъ спектакль; художники для нихъ готовятъ рисунки, и городскіе жители считаютъ за честь въ нихъ участвовать. Такія процессіи устроиваются всюду въ Европѣ; это рядъ хронологически послѣдовательно идущихъ историческихъ лицъ и костюмовъ съ аллегорическими группами и т. п. Разумѣется, всюду въ большинствѣ случаевъ тутъ проходятъ военные герои завоеватели; особенность же швейцарскихъ процессій именно заключается въ томъ, что тутъ видишь послѣдовательный ходъ утѣснителей и защитниковъ отечества. То Гесслеръ, Рудольфъ, герцогъ Савойскій, Карлъ Смѣлый и проч., то Темпль, то несутъ тѣло Винкельрида и т. п. Въ Бернѣ, между прочимъ, шла группа благотворительницъ, положившихъ основу разнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ города, шли представители жатвы, работники сыра, народная свадьба, крещеніе ребенка; въ Швицѣ—колесница горъ: Митенъ, Риги, Юнгфрау и др., не говоря уже о томъ, что колесница Гельвеціи, окруженная 22 кантонами, и тамъ, и здѣсь, была самая нарядная.

Наполеонъ III любилъ устроивать народные праздники для парижанъ на казенныя деньги, твердо памятуя о требованіи древнихъ римлянъ хлѣба и зрѣлищъ. Въ Швейцаріи и отдаленной тѣни ничего подобнаго нѣтъ,— здѣсь и празднество является на основаніи взаимнопомощи и единенія; каждый участвуетъ въ праздникѣ, чѣмъ можетъ; тутъ всѣ хозяева и всѣ гости, всѣ угощаютъ и всѣ угощаются. Обычай чисто демократическаго свойства сказался въ Женевѣ: тамъ отдѣльныя улицы и кварталы составляли особые банкеты, жители разныхъ профессій и интересовъ собирались вмѣстѣ только въ виду сосѣдства, потому что праздникъ былъ общій. Есть-что то захватывающее въ этой толпѣ здоровыхъ, веселыхъ лицъ, въ этой молодежи и дѣтяхъ, разукрашенныхъ цвѣтами, идущихъ стройными рядами, поющихъ десятками тысячъ голосовъ и празднующихъ свою свободу, свое единеніе, братство. Этотъ высокій подъемъ духа и общей радости, это искреннее участіе въ ней каждаго—есть доводъ большой культуры народа и его нравственной силы.

Конечно, эта культура, дѣлая страну все болѣе и болѣе демократичною, отзывается нѣкоторымъ недостаткомъ удобствъ у болѣе образованныхъ классовъ; особенно если сравнить ихъ жизнь съ тѣмъ, какъ живется въ другихъ государствахъ Европы. Отсюда развитіе здѣсь ученаго пролетаріата, который и разлетается во всѣ страны свѣта; но за то едва ли гдѣ весь народъ живетъ въ такомъ довольствѣ, въ такой разумной свободѣ, съ такимъ пониманіемъ своего права и долга, съ такимъ сознательнымъ участіемъ въ самоуправленіи, какъ здѣсь. Въ Швейцаріи нѣтъ громадныхъ богачей, но никто не умираетъ съ голоду, никто изъ-за нищеты не застрѣливается, не отравляется, какъ это бываетъ даже въ такихъ богатыхъ странахъ, какъ Франція, Англія, Германія. Если гдѣ въ горахъ у васъ попросятъ подаянія, такъ и то больше изъ баловства, развиваемаго богатыми иностранцами, чѣмъ изъ дѣйствительной нужды. Всякій трудомъ зарабатываетъ жизнь, а для тѣхъ, кто не можетъ трудиться, существуетъ много благотворительныхъ общественныхъ учрежденій,— и даже юбилейный праздникъ ознаменовался новымъ открытіемъ такого учрежденія. Если вы, во время завтрака, пройдете по дорогѣ, гдѣ рабочій въ лохмотьяхъ день цѣлый долбитъ какой-нибудь камень, вы увидите, что этотъ рабочій ѣстъ и хорошій хлѣбъ, и мясо, ветчину, фрукты, нерѣдко пьетъ виноградное вино. Вся Швейцарія покрыта виноградниками, но экспорта вина отсюда нѣтъ, все выпивается на мѣстѣ. Какъ бы высоко вы не забрались въ горы, въ любой хижинѣ вы встрѣтите молоко, сыръ, хлѣбъ, постель, и гдѣ можно цвѣты на окнѣ или въ грунтѣ. Помянутое, нѣсколько стѣсненное положеніе образованныхъ классовъ, ихъ стремленіе искать заработка за границей отечества, видимо, однако, нисколько не оста-

навливаетъ тяготѣнія страны къ высшему образованію. Переполненіе въ маленькомъ государствѣ людей образованныхъ не мѣшаетъ процвѣтанію въ немъ пяти блестящихъ университетовъ (всего на 3 милліона жителей) нѣсколькихъ академій, политехнической школы. Разумѣется, въ нихъ образовывается не мало и иностранцевъ, но главный контингентъ учащихся все-таки швейцарцы. Стало быть и стѣсненіе образованныхъ классовъ только относительное, разбивающееся передъ скромными требованіями отъ жизни швейцарца, который ясно сознаетъ, что болѣе равномѣрной оплаты труда, чѣмъ здѣсь, не встрѣтишь нигдѣ. Удовлетвореніе малымъ въ жизни, трудъ, честность, вѣрность, суть отличительныя черты швейцарца, за что даже и выходцы швейцарскіе всегда и всюду цѣнились, какъ хорошіе неутомимые работники. Все это, конечно, выработалось вѣками и въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ развивается съ дѣтскихъ лѣтъ, — и основой всему опять-таки служитъ глубокое, чуткое пониманіе общихъ интересовъ и взаимнопомощь. Оттого и не удивительно, что историческій документъ, положившій начало этому единенію, такъ высоко чтится страной и что годъ его написанія празднуется, какъ начало свободы и благосостоянія всего швейцарскаго народа.

В. Крыловъ.

ПАРИЖЪ ТРЕХЪ МУШКЕТЕРОВЪ [1].

ВО ФРАНЦІИ эпоха, отъ 1627 до 1660 года, послужившая фономъ для знаменитыхъ героевъ Александра Дюма-отца, не отличалась благородствомъ. Духъ Возрожденія—пробужденіе мысли и стремленіе къ изслѣдованіямъ—сдѣлалъ свое дѣло на югѣ — и побѣдоносно проникъ въ Англію, Голландію и Швецію и остановился передъ увѣнчанными лаврами воинами Кромвеля и Густава Адольфа. Въ Италіи, Испаніи и Франціи, великія событія, завоеванія земель, открытія новыхъ міровъ, переродились въ ничтожные подвиги дуэлистовъ и интригановъ, и благодаря имъ семнадцатое столѣтіе является стоячимъ болотомъ среди могущественной рѣки Возрожденія и бурнаго потока Революціи.

Среди этихъ-то новыхъ условій народилась дюжинная личность. Внѣ узкихъ взглядовъ своего времени, не имѣя ничего общаго съ скучными лѣтописями безцѣльныхъ заговоровъ, ни съ какими набѣгами, гоненіями, голодами, появляется поразительная фигура въ плащѣ, въ высокихъ сапогахъ со шпорами, съ рукою на рапирѣ, съ закрученными усами кверху, настоящій наѣздникъ,

---

[1]) Этотъ этюдъ заимствованъ изъ американскаго журнала «Scribner's Magazine». Онъ даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ его заглавіе. Это—не только описаніе стараго Парижа временъ Людовика XIII. Тутъ предлагается читателю сжатая, но всесторонняя характеристика людей и нравовъ цѣлой трети XVII столѣтія съ ея вкусами и модами, дуэлями и фрондершами, а въ заключеніе авторы этюда—Е. Г. и Е. У. Блашфельдъ—вѣрно оцѣниваютъ и значеніе безсмертнаго произведенія Александра Дюма-отца, и мастерство этого французскаго писателя, какъ историческаго романиста. Ѳ. В.

всегда готовый выпить, подраться, веселый, безстрашный, по своему благородный, своеобразный типъ человѣка,—типъ Атоса, Портоса, Арамиса и д'Артаньяна—излюбленный типъ своего времени, олицетворявшій собою идеалъ—«un beau coup d'épée»,—хорошій ударъ шпагою.

Этотъ типъ у Дюма показываетъ себя въ четырехъ видахъ. Его герой переживаетъ всевозможныя перепетіи, которыхъ хватаетъ на 11 томовъ. Съ Ришелье онъ появляется передъ «La Rochelle», съ Карломъ I въ Англіи, съ дворомъ молодого Людовика XIV—въ Фонтенбло, въ Сенъ-Жерменѣ и всего болѣе въ Парижѣ.

Этотъ Парижъ мушкетеровъ былъ небольшой городъ, тѣсный, узкій, весь въ башняхъ, окруженный точно поясомъ, валами, которые замыкались плотно двумя зàмками. Въ одномъ зàмкѣ-дворцѣ жилъ самъ король — это былъ Лувръ; другой предназначался для его враговъ — Бастилія. Ее теперь не существуетъ, а въ современномъ Луврѣ мушкетеры не узнали бы прежняго Лувра. Еще раньше ихъ времени онъ уже сталъ утрачивать свой мрачный оттѣнокъ феодализма и началъ принимать радостный видъ Возрожденія — совсѣмъ какъ тѣ кавалеры, сопровождавшіе д'Артаньяна, когда они сбросили тяжелыя латы стараго времени и появились въ битвѣ въ плащахъ и камзолахъ, въ немъ еще оставались прежнія рѣшетки, ворота, стѣнные зубцы, вмѣсто теперешнихъ галлерей, и это была настоящая крѣпость.

Между Лувромъ и строгимъ стражемъ—Бастиліею—лежалъ городъ. Въ немъ обыватели трудились, женились, умирали, въ этой сѣткѣ узкихъ улицъ на извѣстномъ разстояніи толстою ниткою казались проѣзды и проходы, которые назывались именами святыхъ или именитыхъ людей; дома были до того нагромождены одинъ на другой, что, казалось, точно они забрались на чьи-то плечи, чтобы выбраться изъ тѣсноты, и были рады-радехоньки, когда появлялся какой-нибудь монастырскій садъ, чтобы вздохнуть на просторѣ. Такихъ монастырей было не мало, но всѣ они находились по большей части за окраиною города и днемъ ихъ бѣлыя стѣны безобразили улицы города, а ночью они бывали притономъ разбойниковъ и убійцъ. Парижъ все еще дѣлился на 3 части: городъ, cité и университетъ. Университетомъ называлась часть Парижа къ югу отъ Сены, за горою св. Женевьевы, гдѣ школа Абеляра разрослась въ цѣлую группу училищъ, и гдѣ архитекторы были заняты постройкою новаго Парижа — для Ришелье строили Сорбонну, Люксанбургскій дворецъ для королевы-матери, и закладывалась St.-Sulpice.

Cité на островѣ являлась почтеннымъ потомкомъ Лютеціи Паризіи, и выдѣлялась своею величественною главою—церковнымъ куполомъ и державою—олицетворяя собою и посохъ, и скипетръ—соборъ и Palais de Justice. Вся эта часть Парижа была въ баш-

няхъ и башенькахъ. Тамъ дальше надъ Парижемъ возвышалась церковь «Notre Dame», не какъ теперь среди широкой площади, но вся окруженная лачугами, которыя точно цѣплялись за нее, какъ нищіе за одежду Христа.

Тѣснѣе и скученнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, была улица около ратуши, этого центра города, но не настоящаго сердца Парижа, которое билось здѣсь слабо, такъ какъ вблизи этого мѣста находились огни «La grève», площади казни.

Современный туристъ врядъ ли заглянетъ въ Парижъ временъ д'Артаньяна и, конечно, не поселится въ центрѣ его; онъ больше стремится къ бульварамъ, живетъ въ одномъ изъ большихъ отелей Луврскаго квартала и исколеситъ его вдоль и поперекъ, посѣщая ратушу, «Notre Dame» или Люксанбургскій дворецъ. Узкіе переулки стараго времени неудобны для прогулокъ, и нынѣшнему туристу не до историческихъ улицъ вообще. Онъ можетъ жить цѣлые годы въ Парижѣ и никогда не заглянуть въ нихъ; для туриста, какъ и для современной парижанки, весь интересъ Лувра сосредоточенъ на его магазинахъ. Это алтари женскаго поклоненія, и для многихъ посѣтителей блескъ выставленныхъ «nouveautés» затмѣваетъ собою великолѣпіе историческихъ лилій на зданіи, стоящемъ напротивъ. А между тѣмъ старый Парижъ весьма интересенъ и его не трудно обозрѣть.

Д'Артаньянъ удивился бы современной распланировкѣ и затруднился бы найти въ немъ «Cité» 1648 г., — изъ 108 правильныхъ квадратовъ, заключающихъ въ себѣ современную столицу, 12 раскинуты на бывшемъ городѣ мушкетеровъ, стѣны котораго по правому берегу Сены врѣзывались въ Тюльерійскій садъ, отрѣзали уголъ сада теперешняго Пале-Рояля, тянулись къ сѣверу бульваровъ, затѣмъ настоящимъ укрѣпленіемъ продолжались до самой Бастиліи. Еще во времена молодости мушкетеровъ эти стѣны не были сплошнымъ укрѣпленіемъ, и осады большихъ городовъ были уже не въ модѣ. Генрихъ II сдѣлалъ эти стѣны ниже, а Ришелье продѣлалъ въ нихъ бреши для дворца кардинала, по его завѣщанію превращеннаго въ Пале-Рояль и въ собственность короля. Буржуазная жизнь давно прорвалась черезъ эти стѣны и пробралась черезъ укрѣпленныя ворота въ предмѣстья, но до сихъ поръ старинные дома находятся при своихъ прежнихъ границахъ, — ихъ цѣлыя сотни отъ Бастиліи до Лувра и отъ бульвара Сенъ-Дени до Сенъ-Жерменъ dès Près; ихъ не трудно узнать,—они такъ и сохранили отпечатокъ времени, какъ тѣ кавалеры и дамы 1627 г. въ фижмахъ и камзолахъ. Взгляните на гравюры Восса, какія все важныя фигуры, какъ гордо у нихъ откинуты головы; пройдитесь по старинной улицѣ и посмотрите на всѣ эти подпоры домовъ, тутъ гуляли, катались и пили. Эти дома, построенные безъ всякаго порядка, не въ линію, напоминаютъ собою солдатъ Людо-

Кавалеры временъ д'Артаньяна.
(Въ саду Люксанбурга).

вика XIII, которые носили форму, какую кто хотѣлъ, тогда какъ войска Людовика XIV были построены всѣ въ ряды и уравнены жезломъ сержанта, точно такъ и дома его времени были распланированы Лемерсье и Мансартомъ. Со всѣхъ сторонъ вы находите эти старинныя зданія — въ скучной улицѣ Guénégaud, гдѣ Атосъ остановился въ 1648 г. по приказанію Карла Великаго; въ улицѣ «Vieut Colombier», въ которой подъ башнями St.-Sulpice теперь раздается грохотъ омнибусовъ Одеона,—тамъ Атосъ въ 1660 г. съ молодымъ Вражелономъ выставлялъ своихъ лошадей, въ этомъ кварталѣ лавокъ, теперь заполненныхъ церковными принадлежностями—чашами, купелями, подсвѣчниками—которыя могли бы украшать Арамиса въ его бретонскомъ епископствѣ, и всякими статуями съ сіяніями, похожими на образъ «Notre Dame», надъ дверьми кабака д'Артаньяна, на площади de Grève. До сихъ поръ сохранилось окно съ видомъ на статую Генриха IV, изъ котораго были видны Аркуръ и Фонтраль, когда они отправлялись на большой бронзовой лошади красть плащи обывателей, узкія улицы въ Marais, гдѣ отдавались какъ эхо драки наѣздниковъ, объѣзжавшихъ кварталъ Маріонъ Делормъ, съ пѣшеходами, которые дѣлали на нихъ нападенія. Старинные фасады глядятъ на Центральные рынки, ихъ прежніе владѣльцы не забыты. Кольберъ изъ мрамора, колѣнопреклоненный, стоитъ въ St.-Eustache, сдѣланы дощечки и бюсты надъ бывшими домами Мольера и Руссо. Прелестный фонтанъ Жанъ Гужона служитъ памятникомъ ему на Place des Innocents. Не сохранились только лавки съ лентами, во дни д'Артаньяна такъ бойко торговавшія надъ костяками, которыми былъ окруженъ скверъ и которые публично выставляли свои кучи смѣющихся череповъ народонаселенію, сохранившему средневѣковое равнодушіе и влеченіе къ изображенію смерти.

Больше всего сохранилось этихъ каменныхъ памятниковъ въ части города между Ратушей и Бастиліей. И теперь въ этомъ скромномъ кварталѣ маленькія лавчонки пріютились подъ остатками прежнихъ дворцовъ, точно Самсоновы пчелы въ остовѣ льва. Башни Возрожденія, которыя видѣли великаго короля Генриха гуляющимъ съ своимъ министромъ въ роскошномъ дворѣ отеля Сюлли, смотрятъ теперь на прачекъ, развѣшивающихъ бѣлье на рѣзные фасады; школьные мальчишки и дѣвчонки играютъ теперь подъ фресками и масками отеля д'Ормесонъ и подъ реставрированными изваяніями Лавалеттъ. Между готическими башнями дворца архіепископа Сенса сдѣлана вывѣска огромными буквами: «Отдается подъ торговлю или мануфактурныя издѣлія», тогда какъ башня, которая возвышается надъ знаменитымъ отелемъ де-Бургонь, театра итальянскихъ актеровъ Мазарини, теперь тоже составляетъ часть школы; ее подпираютъ бревна. Только прелестный отель

Карнавале продолжаетъ цѣниться въ память прошлаго, хотя его владѣтельница, съ 1689 по 1696 гг., очаровательная г-жа Севинье, была бы не мало удивлена, увидавъ бывшій пріютъ цѣлаго ряда именитыхъ владѣльцевъ превращеннымъ въ «Музей французской революціи»; ея родословное древо послужило къ тому, чтобы скрыть въ себѣ сѣкиру вонзенную въ его корень.

Эти старыя улицы такъ мало измѣнились, что стоитъ прищурить глаза, чтобы увидать ихъ, какими онѣ были прежде напримѣръ, Rue

Костюмъ мушкетеровъ.
(Съ изображеніемъ Лувра XVII вѣка).

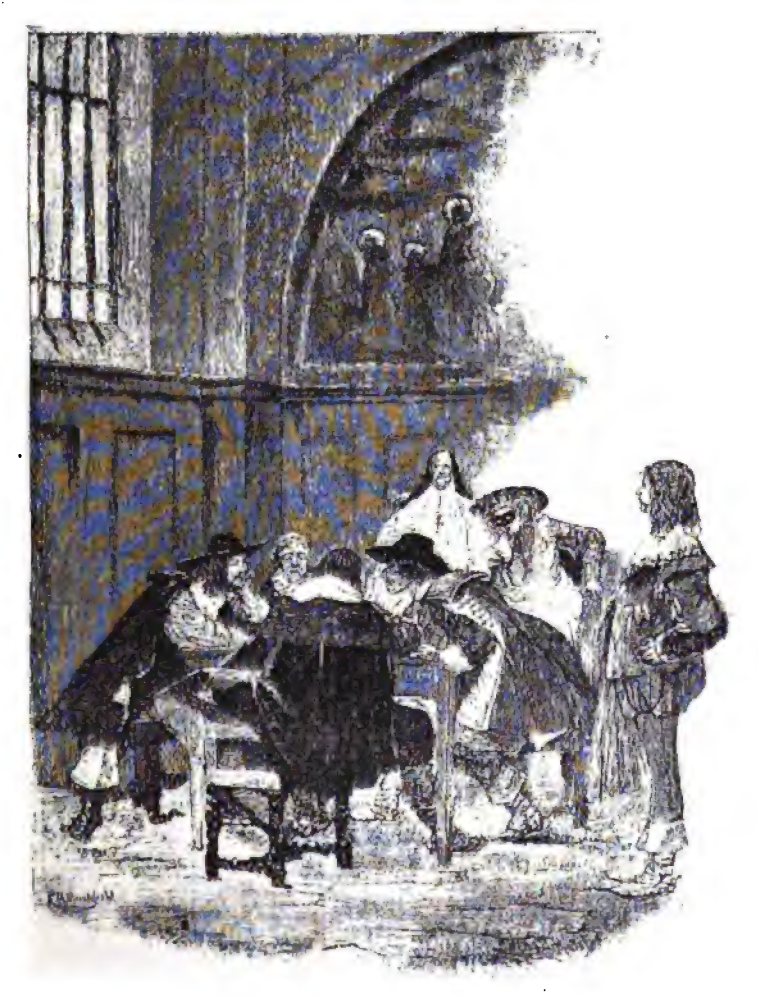
Tiquetonne, въ которой жилъ д'Артаньянъ. Время, надѣлавшее столько дыръ въ Старомъ Парижѣ и проложившее широкую улицу Turbigo отъ центральнаго рынка къ Place de la République, пощадило улицу Tiquetonne. Въ ней все распивочныя — здѣсь онѣ процвѣтаютъ. Современные блузники такъ же толпятся около кружки толстаго стекла, какъ нѣкогда кавалеры въ камзолахъ съ буфами или въ «pourpoint» съ лентами, около столовъ съ деревянными чашками и оловянными кувшинами. Нѣкоторыя изъ этихъ лавокъ очень стары; еще длинныя перья большихъ войлочныхъ шляпъ стирали гущу вина съ ихъ скамеекъ, большія шпоры звучали на ихъ по-

рогахъ, въ одномъ углу сохранился треугольникъ съ навѣсомъ, обвитый виноградомъ, здѣсь, безъ сомнѣнія, подъ вечеръ, Атосъ и Портосъ сидѣли и попивали, поджидая д'Артаньяна, который долженъ былъ проѣзжать мимо. Въ семнадцатомъ столѣтіи это было очень оживленное, интересное для наблюденій мѣсто, ибо маленькія улицы тогда были только проходами и передъ нашими мушкетерами происходила вся толкотня, вся суетня Парижа; мимо нихъ проходили уличные торговцы съ ихъ товарами; пажъ съ соколомъ своего господина на рукѣ, членъ магистрата въ длинномъ кафтанѣ, передъ которымъ слуга несетъ его книги; монахъ, торгующійся съ починщикомъ старой обуви по поводу своей заплатки на сандаліи; городской стражъ, развеселый въ своемъ трехцвѣтномъ одѣяніи— голубаго, бѣлаго и краснаго цвѣта; разряженныя дамы съ высоко поднятыми платьями, даже швы ихъ платьевъ убраны роскошными кружевами; кавалеры, осторожно ступающіе въ своихъ галошахъ, подвязанныхъ ремнями къ тоненькимъ сапогамъ, съ воронко-образными верхами, изъ которыхъ спускались цѣлыя волны кружева, у сапоговъ всегда бывали тяжелыя шпоры, иногда изъ массивнаго серебра, которыя часто измѣнялись подъ вліяніемъ моды. Такъ какъ это была эпоха культа верховой ѣзды, то кавалеры, даже безъ лошадей, въ силу дэндизма, скорѣе бы надѣли ножны безъ шпаги, чѣмъ сапоги безъ шпоръ. Иногда проходилъ мимо эскадронъ блестящихъ жандармовъ, съ головы до ногъ покрытыхъ стальной броней, отживавшей свой вѣкъ. Солдаты ненавидѣли ее за тяжесть, а шлемъ за то, что онъ портилъ волосы, которые развѣвались по плечамъ, и усы, кверху закрученные особымъ маленькимъ инструментомъ, который назывался «bigotera».

Если мы возьмемъ современную улицу St. Denis, уничтожимъ боковые тротуары, мостовую, вывѣсимъ на окна огромныя вывѣски, дотронемся палочкою Сандрильоны до современныхъ огромныхъ парижскихъ омнибусовъ, превратимъ ихъ въ кареты временъ Людовика XIV, сократимъ число повозокъ и увеличимъ число наѣздниковъ, то передъ нами воскреснетъ улица St. Denis временъ Ришелье и Мазарини. Въ серединѣ XVII столѣтія «chariots» загромождали всѣ улицы и Бассомпіерръ, отсидѣвшій нѣсколько лѣтъ въ Бастиліи, по возвращеніи оттуда былъ пораженъ видомъ кэбовъ, которые назывались его именемъ, и омнибусами или «carosses à cinq sous», этимъ дешевымъ транспортомъ, устроеннымъ по мысли Паскаля. Герцогъ де-Руанезъ въ 1661 г. воспользовался этою «pensée», разработалъ ее, но не смотря на данную ему привилегію, омнибусы впали скоро въ немилость—столѣтіе не было еще готово для идеи равенства.

Частные экипажи или «chariots» были огромныя повозки, въ которыхъ помѣщалось по 8 человѣкъ и даже больше; такую-то повозку поджидали мушкетеры, когда она неслась въ галопъ по пред-

мѣстью Сентъ Антуанъ отъ воротъ монастыря Кармелитовъ съ бѣдной маленькой m-me Бонасьё, выглядывавшей изъ окна—громадная машина изъ дерева и кожи, съ большими гвоздями, съ занавѣсями изъ генуэзскаго бархата, съ колесами на необыкновенно большомъ разстояніи, движущаяся комната, въ которой можетъ свободно по-

Заговоръ.

мѣститься цѣлое семейство. Кареты позднѣйшаго времени, которыя ежедневно совершали трактъ изъ Сентъ Жермена въ Фонтенбло цѣлою вереницею, каждая по 6 лошадей, съ придворными дамами и фрейлинами, а молодой Людовикъ верхомъ около дверцы Ла-Валльеръ, были тоже громадныя, но это шедевры изящества въ деталяхъ, и до сихъ поръ ихъ можно видѣть въ Музеѣ—въ Клюни

или въ сараяхъ Версаля. На Rue St. Denis часто раздавались трубные звуки изъ «Maison du Roi» и проѣзжали, прозванные по цвѣту своихъ лошадей—черные мушкетеры—компанія, состоящая изъ ста человѣкъ, которая ѣздила по четыре врядъ—Атосъ, Портосъ, Арамосъ и д'Артаньянъ съ ихъ славнымъ капитаномъ во главѣ—мосье де-Тревилль, правою рукою короля и заклятымъ врагомъ двухъ кардиналовъ, а сзади ѣхали трубачи въ красномъ. Первоначально они были королевскими карабинерами, но скоро взялись за мушкеты и уже при третьемъ ихъ командирѣ, мосье де-Тревилль или Труавилль, съ которымъ мы знакомимся съ первыхъ главъ «Мушкетеровъ», они превращаются въ знаменитый корпусъ разсказа — въ «Corps d'élite».

Сыновья герцоговъ поступаютъ въ рядовые, и д'Артаньянъ не разъ упоминаетъ, что капитанъ королевскихъ мушкетеровъ происходитъ изъ маршаловъ Франціи. Костюмъ у нихъ былъ роскошный, ихъ отличительный признакъ — свѣтло-голубой казакинъ съ большимъ серебрянымъ крестомъ на груди, на спинѣ и на рукавахъ, большая шляпа съ перьями, высокіе мягкіе сапоги до бёдеръ, тогда какъ во времена Бражелона сапоги были крѣпкіе съ ботфортами— огромные сапоги, которые изъ Англіи перешли въ Фонтеноа и оттуда въ Бленгеймъ, побывали въ Фландріи и на постоялыхъ дворахъ, и на поляхъ битвъ, и въ нихъ ѣздятъ верхомъ на картинахъ Вандермейлена.

Тревилль былъ открытымъ врагомъ Ришелье; Мазарини унаслѣдовалъ эту вражду и ему удалось распустить этотъ отрядъ. Но Людовикъ XIV вскорѣ возстановилъ его, прибавивъ еще второй эскадронъ, въ которомъ онъ былъ титулованнымъ начальникомъ и въ 1660 г. при въѣздѣ своемъ въ Парижъ показалъ его во всемъ блескѣ. Д'Артаньянъ въ своихъ воспоминаніяхъ заявляетъ, что въ ленты его лошади было вложено цѣлое состояніе.

Мѣсто, которое меньше всего измѣнилось въ Парижѣ съ 1647 г. послѣ 20-ти лѣтъ разлуки, это большая свѣтлая Place Royale, нынѣ «Place des Vosges». Это было излюбленное мѣсто элегантнаго Парижа во времена Людовика Справедливаго. Вмѣсто стараго Palais des Tournelles, разрушеннаго Екатериною Медичи, послѣ того какъ ея молодой мужъ погибъ отъ копья Монтгомери, Генрихъ IV построилъ четыреугольникъ домовъ, которые не подверглись никакому измѣненію съ тѣхъ поръ, какъ рабочіе вставили медальонъ съ изображеніемъ добраго короля съ бородою, съ лицомъ обращеннымъ къ главному фасаду или съ тѣхъ поръ, какъ нѣкая Мари Рабютэнъ де-Шанталь впервые увидѣла свѣтъ въ одномъ изъ этихъ самыхъ отелей. Статуя Людовика XIII верхомъ, гдѣ онъ изображенъ полунагимъ, воинственнымъ, въ туникѣ, въ котурнахъ, находилась тамъ и въ дни д'Артаньяна, сдѣланная изъ мрамора, совсѣмъ такая же, какъ и теперь, она была въ пятнахъ отъ солнеч-

Случайная дуэль.

ныхъ лучей, которые падали на нее черезъ дрожащую зелень окружающихъ ее деревьевъ. Угрюмое лицо Медичи, съ развѣвающимися волосами, глядитъ на веселыя пестрыя клумбы цвѣтовъ, на фонтаны и на безконечную линію крутыхъ крышъ, которая тянется до маленькой церкви de Visitation, гдѣ m-lle де-Файеттъ единственная женщина, которую любилъ бѣдный Людовикъ, надѣла монашескій вуаль.

Подъ аркадами, окружающими этотъ четыреугольникъ, въ видѣ сіянія расходятся дворики, гдѣ въ клѣткахъ развѣшаны птицы поющія на солнцѣ, фонтаны, окруженные растеніями.

Кокетливыя дѣвушки-служанки, во вкусѣ Босса, наполняли водою свои оловянные кувшины. Такъ и видишь мечтательную, томную «precieuse», облокотившуюся на окно, украшенное маскою Возрожденія и фресками; золоченныя кареты, въѣзжающія въ ворота или какого-нибудь чваннаго кавалера шатающагося около дверей съ вызовомъ на поединокъ. Весь этотъ скверъ и теперь представляетъ собой настоящую картину, когда дѣти играютъ тамъ, гдѣ прежде дрались взрослые; бывшіе бакалейщики и торговцы полотномъ читаютъ газеты подъ тѣнью деревъ, а мосье Прюдонъ смѣется надъ своимъ «Figaro» тамъ, гдѣ нѣкогда говорили и гуляли Малэрбъ и Нинонъ. Высокія покатыя крыши возвышаются надъ старыми фасадами краснаго, желтаго и коричневаго цвѣта, чрезвычайно нѣжныхъ и мягкихъ красокъ, а надъ всѣмъ этимъ, надъ сѣрымъ бархатомъ вершинъ домовъ, перламутровое низкое небо, столь знакомое любителямъ Парижа. Свѣтское общество Арамиса было вѣрно себѣ, избравъ Place Royale для своихъ дуэлей и прогулокъ. Съ самаго начала шестнадцатаго столѣтія эта площадь была мѣстомъ борьбы, ареной турнировъ, и кровавыя воспоминанія связаны съ ней, что̀, вѣроятно, и дѣлало ее столь дорогой. Тутъ былъ убитъ Генрихъ II, тутъ же погибли въ дуэли съ приближенными Анжу самые храбрые «mignons» Генриха III и были похоронены съ большою почестью по близости церкви св. Павла—въ церкви св. Людовика, и неутѣшный король самъ написалъ имъ эпитафію. Тутъ же—еще въ дни Артаньяна, вопреки королевскому «эдикту», продиктованному Ришелье и крайне необходимому въ такое время, когда за 20 лѣтъ (10 изъ нихъ прошли въ настоящей войнѣ) было убито французскихъ кавалеровъ больше на дуэляхъ, чѣмъ на войнѣ, графы Бутвилль и Шапелль ради бравурства дрались подъ прибитымъ эдиктомъ и потомъ за свое неповиновеніе поплатились жизнью на эшафотѣ.

Позднѣе, при болѣе мягкомъ управленіи, бѣлокурая герцогиня де Лонгвилль и г-жа Монбазонъ, двѣ соперницы «Frondeuses», присутствовали при поединкѣ своихъ обожателей, Гиза и Колиньи. Фортуна по обыкновенію улыбнулась Венерѣ Фронды; ея любовникъ Гизъ пронзилъ своего противника. Но эта площадь

Костюмъ отряда черныхъ мушкетеровъ во времена Ришелье.

не была исключительнымъ достояніемъ дуэлистовъ. Въ хорошую погоду, послѣ ранняго обѣда, на ней появлялся весь цвѣтъ XVII столѣтія. Маріонъ Делормъ провѣтривала свои драгоцѣнныя кружева подъ аркадами; Ботрю, невѣрующій, проходя мимо Распятія, дѣлалъ поклонъ, и когда одинъ изъ пріятелей его воскликнулъ однажды: «Какъ, Бортю, развѣ у васъ съ Богомъ измѣнились отношенія?—Онъ отвѣтилъ: «Мы раскланиваемся, но не разговариваемъ». Не смотря на свой атеизмъ, Ботрю былъ любимцемъ ко-

роля и при Людовикѣ XIII, говоритъ Ла Брюйеръ, этотъ царедворецъ носилъ свои собственные волосы и былъ свободомыслящимъ, тогда какъ при его преемникѣ носилъ парикъ и былъ ханжою. Г-жа Скаронъ, трудившаяся надъ этою перемѣною, старалась ввести «религію въ моду» и часто переходила эту площадь по пути изъ своей маленькой квартиры, гдѣ ея мужъ-калѣка первенствовалъ надъ парижскимъ бомондомъ на знаменитыхъ ужинахъ, гдѣ остроуміе замѣняло яства; Артэниса, основательница перваго французскаго салона и хозяйка знаменитаго «Hotel de Rambouillet» рѣдко появлялась въ скверѣ. Она рѣдко выходила изъ дому, который сама построила по своему плану для себя и для остроумныхъ людей своего кружка, и который послужилъ моделью для Люксанбурга и для половины самыхъ изящныхъ отелей Парижа. На Place Royale Бюсси Рабютэнь ухаживалъ за прелестной г-жей Мираміонъ, прежде чѣмъ онъ ее увезъ насильно, какъ герой или сказочный разбойникъ, прежде чѣмъ нашъ храбрый д'Артаньянъ не освободилъ ее.

Басомпьеръ нашелъ не мало нововведеній, помимо экипажей, по своемъ возвращеніи изъ долгаго заключенія въ Бастиліи, что было тяжелымъ испытаніемъ для него, такого красиваго, изящнаго, остроумнаго молодого человѣка. Тогда вошло даже въ обычай называть молодыхъ людей, имѣющихъ претензіи на моду или красоту, «Бассомпіерами». Онъ былъ одѣтъ не по модѣ до перваго свиданія съ королевскимъ портнымъ,—съ тѣхъ поръ, какъ онъ считался королемъ моды, костюмы подверглись существенной перемѣнѣ и, безъ сомнѣнія, ему было не легко восхищаться своими преемниками, между которыми первое мѣсто заняли Кадене и графъ де Шонъ. Кадене первый ввелъ въ моду длинный локонъ, длиннѣе остальныхъ волосъ, перевязанный лентою, который въ его честь былъ названъ «Cadenette«—достойная выдумка и самый главный подвигъ этого маршала Франціи.

Нѣсколько позже, другой франтъ, герцогъ д'Аркуръ, въ свитѣ котораго историческій д'Артаньянъ отправляется въ Англію, появляется на Place Royale съ большою жемчужиною въ лѣвомъ ухѣ. На слѣдующій же день цѣна на жемчугъ поднялась вдвое и всѣ цирюльники въ Парижѣ были завалены работой. Даже угрюмый англійскій король Карлъ Стюартъ слѣдуетъ модѣ, судя по его портрету работы Ванъ-Дика. Изобрѣтателю этой моды было дано прозвище «Cadet la perle», и Миньяръ, рисуя его къ кирасѣ и портупеѣ, не забылъ сдѣлать ему сережку въ ухѣ. Дэнди обыкновенно отличались отвагой и эти господа, такъ легко относившіеся къ жизни, удивительно какъ заботились о своей наружности, не жалѣли труда по уходу за нѣжностью и бѣлизною кожи, которую такъ легкомысленно подставляли подъ удары рапиры. Эти руки, владѣвшія такъ мастерски кинжаломъ и саблею, были нѣжны и

мягки, какъ у женщины, и эти грозные дуэлисты спали въ папильоткахъ. Въ придумываніи какого-нибудь новомоднаго камзола, въ заказываніи кружева въ Пале Роялѣ, въ выборѣ лентъ или въ придумываніи, куда посадить какой-нибудь драгоцѣнный камень, проводили большую часть времени. Они увлекались туалетами и косметиками не менѣе любой парижанки. Духи кипариса, миндальныя отруби, испанскія румяны на туалетѣ, не мѣшали героямъ того времени рисковать жизнью на королевской службѣ или въ защиту чести. Въ французскихъ кавалерахъ сохранилось гораздо больше средневѣковыхъ доблестей, чѣмъ въ буржуазіи, и понятіе ихъ о чести и объ охраненіи ея, были достойны самого Донъ-Кихота. Въ интересахъ ея незапятненности, проболтавъ высокопарно далеко за полночь съ какою-нибудь «precieuse», нерѣдко рано утромъ такой рыцарь чести пробирался по площади, закутанный въ плащъ, въ шляпѣ съ перьями, надвинутой на глаза, направляясь къ безлюднымъ берегамъ Сены или за монастырь босыхъ кармелитовъ, гдѣ наши друзья впервые познакомились съ д'Артаньяномъ; изъ такихъ странствій нерѣдко онъ возвращался еще осторожнѣе, но уже не на своихъ ногахъ,—его несли на плечахъ его слуги. Видно, горяча была молодая кровь, если требовались такія кровопусканья, а общество жило въ странныхъ условіяхъ, если дуэль считалась не только благороднымъ препровожденіемъ времени, но и наслѣдіемъ древняго «суда Божія»;—единственнымъ критеріумомъ истины, единственнымъ средствомъ узнать которое изъ двухъ мнѣній справедливо. Каждое затрудненіе являлось Гордіевымъ узломъ, который разсѣкался способомъ Александра Македонскаго, какъ и холодное лезвіе было сильнѣе всякихъ аргументовъ, оно уничтожало самыя закоснѣлыя убѣжденія. Въ тѣ времена перо не имѣло такого значенія, какъ шпага; въ тѣ времена не писалось газетныхъ статей, не бывало личныхъ объясненій, по поводу недоразумѣній и обидъ; всѣ недоразумѣнія, начиная отъ вопросовъ вѣры до банта на башмакахъ, устранялись тѣмъ же способомъ, и кавалеръ прибѣгалъ къ своей шпагѣ такъ же инстинктивно, какъ насѣкомое — къ жалу. Встрѣчались бойцы самымъ вѣжливымъ образомъ, шляпы съ перьями снимались, отвѣшивались поклоны до земли, комплименты перекрещивались точно рапиры и, только когда одинъ изъ нихъ былъ побѣжденъ сладкими словами, предоставлялось мѣсто стали; въ этомъ двойномъ поединкѣ—слова и оружія, какъ настоящіе мусульмане, они вѣрили, «что рай въ тѣни перекрещенныхъ шпагъ». Отъ испанцевъ они научились тонкостямъ восточной учтивости. Этотъ обмѣнъ любезностей происходилъ иногда и передъ настоящими сраженіями на поляхъ битвъ, и враги передъ битвою иногда еще утромъ объяснялись въ любви и любезностяхъ. Во время осады Лериды, комендантъ этого мѣста каждый день посылалъ мороженое и апель-

сины Конде, а въ La Rochelle, Букингэмъ поднесъ Туарасу дюжину дынь и предложилъ ему при этомъ сдаться на капитуляцію. Туарасъ, чтобы задобрить свой отказъ, послалъ въ придачу двѣнадцать банокъ кипарисоваго порошка и шесть бутылокъ флеръ-д'оранжевой воды. Эти генералы—достойные предки тѣхъ мужей, которые въ Фонтенуа, съ шляпою въ рукахъ, говорили англичанамъ: «Messieurs de la garde, tirez les premiers».

Кавалеръ того времени отвлекъ насъ въ сторону отъ Place Royale, гдѣ онъ шатался, болталъ и ухаживалъ по предписанной модою

Любезное приглашеніе къ стычкѣ.

программѣ, по «Carte du tendre», въ которой все было предусмотрѣно въ области нѣжныхъ чувствъ; тамъ были указаны всѣ ступени самой сильной страсти отъ ея зародыша въ періодѣ «деликатнаго вниманія» до ея смерти «въ холодныхъ водахъ равнодушія» или достиженія высшаго блаженства «на горѣ взаимнаго чувства». Типичнымъ примѣромъ женской взаимности къ кавалеру, изучившей съ нимъ программу чувства, изложеннаго въ «Carte», была Марія де Роганъ, герцогиня де Шеврезъ. Она самая характеристичная особа своего времени и наиболѣе извѣстная. Приближенная Анны Австрійской, подруга Букингэма, врагъ Ришелье, кошачья лапка испанскихъ заговорщиковъ, она играла значи-

тельную роль въ царствованіе двухъ королей. Олицетворенная интриганка (и какая хорошенькая!), заговорщица, она причиняла Ришелье и Мазарини больше хлопотъ, чѣмъ цѣлая дюжина Шалэ и Бофоровъ; плодовитая на всякія выдумки не хуже самого д'Артаньяна, чудесная наѣздница, спеціалистка въ обращеніи со шпагою и пистолетомъ, носившая панталоны и камзолъ также свободно, какъ платье и юбку, эта Frondeuse была развращенное и вмѣстѣ съ тѣмъ очаровательное существо, хорошо извѣстное всѣмъ историкамъ XVII столѣтія, ибо она часто бывала первымъ двигателемъ событій. Она не была Клориндою, не смотря на свои мужскія доблести, она, точно пушокъ отъ одуванчика, носилась по вѣтру каприза, безъ всякаго принципа или выдержки, употребляла своихъ любовниковъ точно шахматной игрокъ для самыхъ отчаянныхъ превратностей фортуны, въ которыхъ она, съ непослѣдовательностью балованнаго ребенка, перехитряла кардиналовъ и разматывала политическія дѣла Европы, какъ какой-нибудь мотокъ шелка отъ вышиванья. При Ришелье воля такихъ дамъ была нѣсколько ограничена, но за то въ правленіе его болѣе слабаго преемника, г-жи Шеврезъ, Лонгвилль, Бульонъ, были королевами Парижа и Фронды. Онѣ были признанными предводительницами партій. Чтобы доставить удовольствіе г-жѣ де-Лонгвилль, Тюренъ отсталъ отъ роялистовъ. Послѣ того какъ «Péronne» сдалась, маршалъ д'Окэнкуръ написалъ г-жѣ Монбазонъ: «Péronne est à la belle des belles».

Гастонъ Орлеанскій адресуетъ свое письмо къ фрондершамъ: «Mesdames les comtesses, marechales de camp dans l'armée de ma fille contre le Mazarin». Эта самая дочь «la grande Mademoiselle», когда парламентъ и принцы отказали Конде въ содѣйствіи, сражаясь въ St. Antoine, раскрыла ворота Парижа раненымъ и бѣжавшимъ и поспѣшила въ Бастилію, гдѣ направила оружіе на королевскую армію, хотя «этими выстрѣлами она убила мужа», какъ говорилъ Мазарини, подразумѣвая проектированное замужество Mademoiselle съ ея двоюроднымъ братомъ Людовикомъ XIV, которое сдѣлалось невозможнымъ послѣ ея смѣлаго поступка.

Изображеніе Place Royale безъ этихъ амазонокъ было бы не полно; но въ высокихъ сапогахъ, въ мужскомъ плащѣ, съ пистолетами въ чулкахъ, съ испанскимъ письмомъ въ подкладкѣ камзола ни г-жа де-Шеврезъ, ни г-жа де-Лонгвилль не показались бы веселой толпѣ. Когда «Frondeuse Duchesse», какъ ее звалъ д'Артаньянъ, появлялась съ своимъ хвостомъ обожателей—героями оружія и пера—Конде, Конти, Тюреномъ и Марсильякомъ, герцогомъ де-Рошфуко, болѣе извѣстнымъ потомству, какъ блестящій авторъ «Maximes»—она бывала въ нарядѣ, въ какомъ ее изобразилъ Нантейль. Тутъ же можно было встрѣтить Бофора, этого идола рыночныхъ женщинъ, широкоплечаго, съ желтыми волосами, или друга его де-Реца,

парижскаго архіепископа, заговорщика, «изъ всѣхъ людей менѣе всего духовное лицо». Цѣлый Парнасъ поэтовъ направлялся въ голубую комнату отеля де Rambouillet: Вуаторъ, Вальзакъ, Малэрбъ (который спасался отъ холода въ трехъ душегрѣйкахъ и одиннадцати парахъ носковъ), молодой Корнель—первые академики Ришелье; Mademoiselle де Скюдери, авторъ знаменитыхъ романовъ «Cyrus» и «Clélie», и Mademoiselle де-Гурнэ, которую потомство помнитъ не столько за то, что она написала «Ombre», сколько потому, что ея кошка «Piaillon», съ четырьмя котятами, была на пансіонѣ у Ришелье.

Разительнымъ контрастомъ веселаго типа лицъ духовныхъ Арамиса или де Реца являлась иногда на площадь зловѣщая фигура, въ монашескомъ одѣяніи, пѣшкомъ. Едва она приближалась къ веселымъ групамъ, голоса смолкали, дамы дѣлали низкіе реверансы, шляпы кавалеровъ опускались до самой земли передъ сѣдымъ высокопреосвященствомъ кардинала.

Оскорбительными должны были казаться всѣ эти учтивости гордому епископу де Нойонъ, Клермонъ-Тоннерръ, который, будучи очень боленъ, просилъ Бога быть милосердымъ къ его величію, и онъ же, однажды, во время обѣдни, остановилъ молодыхъ людей, болтавшихъ между собою, слѣдующими словами: «Вы, кажется, думаете, господа, что вамъ лакей служитъ обѣдню?»

Другимъ, болѣе любезнымъ духовнымъ лицомъ, былъ молодой Босюэтъ, который 12-ти лѣтъ сказалъ свою первую рѣчь въ отелѣ de Rambouillet, однажды, вечеромъ послѣ 12-ти часовъ, что послужило поводомъ Вуатюру замѣтить: «Я никогда еще не слыхалъ, чтобы проповѣдывали такъ рано и такъ поздно».

И такъ, Place Royale была излюбленнымъ мѣстомъ аристократіи; король же гулялъ въ садахъ люксанбургскаго дворца или въ дворахъ Лувра; Ришелье и Мазарини предпочитали тихій, зеленый садъ дворца Cardinal; но есть садъ, гдѣ можно было всѣхъ встрѣтить, и аристократовъ, и кардиналовъ, и короля, это—«Jardin de la noblesse francaise dans le quel ce peut cueiller leur manière de vetemens», для котораго Авраамъ Боссъ «avec privilège du Roi» собралъ самые роскошные цвѣты. Мы видимъ ихъ въ этихъ листахъ пожелтѣвшихъ отъ времени, въ большихъ красныхъ фоліантахъ, украшенныхъ потемнѣвшими лиліями. Въ этихъ драгоцѣнныхъ старинныхъ гравюрахъ, эти мудрыя и шаловливыя дѣвы, эти блудные сыны, эти аллегорическія фигуры четырехъ элементовъ или семи временныхъ дѣяній милосердія, всѣ въ костюмахъ своего времени, покровители артиста, восхищались собственными типами и модами. Здѣсь мы видимъ Арамиса въ церкви, изящно исполняющаго свою службу, преклонивъ колѣно на бархатную подушку, съ изящнымъ служебникомъ подъ мышкою, или подающимъ св. воду какому-нибудь кающемуся грѣшнику; въ группѣ

Женскій костюмъ временъ Фронды.

Съ современной гравюры.

гвардіи его наихристіанскаго величества д'Артаньянъ крутитъ усъ съ видомъ побѣдителя; миледи улыбается и обмахивается вѣеромъ во время танцевъ; m-me Бонасье маленькими шажками пробирается черезъ толпу, въ черной маскѣ на ея хорошенькомъ лицѣ и съ письмомъ за корсажемъ, разукрашенномъ лентами; въ комнатѣ, отдѣланной вышитыми панно, съ тщательно закрытыми свинцовыми форточками, съ большою дверью запертою на ключъ, несчастная страсть Портоса, пересчитываетъ деньги; въ красивомъ молодомъ человѣкѣ, подающемъ милостыню у дверей прелестнаго загороднаго дома въ Blois, мы узнаемъ Атоса; мы не ошибаемся назвавъ Портосомъ хозяина, за спиной котораго стоитъ «Mousqueton», предсѣдательствующимъ за столомъ уставленнымъ всякими яствами. Пріятно вспомнить, что быть можетъ д'Артаньянъ любовался этими самыми гравюрами и покупалъ ихъ на своемъ пути на «Pont Neuf» или около «Cimitiére des Innocents», гдѣ ихъ продавали и гдѣ они были развѣшаны длинными рядами къ удовольствію, вѣчно стоявшей передъ ними, толпы.

Если бы мы пожелали взглянуть на королей, королевъ и всю знать, разодѣтую въ костюмы коронаціи, въ семейныхъ бриліантахъ, Нантейль намъ покажетъ ихъ; если намъ особенно интересны аристократы въ роскошныхъ костюмахъ и гордыхъ позахъ, то стоитъ только проштудировать потреты Миньярда. Портреты Босса проще, болѣе домашніе, въ нихъ нѣтъ той важности; въ его Аннѣ Австрійской нѣтъ той красоты, которая сводила съ ума Букингэма. Граверъ не могъ передѣлать ея большого носа, ея слабо очерченнаго подбородка, ея толстую нижнюю губу, столь характеристичную особенность ея фамиліи; вся прелесть ея заключалась въ ея краскахъ, въ ея атласной кожѣ, въ ея сіяющемъ лицѣ, «и въ самой прелестной рукѣ и кисти руки цѣлой Франціи»; короткіе рукава, съ буфами, обшитыя кружевами, особенно выдѣляли ее. Она очень хорошо знала свои преимущества и до конца жизни сохранила особое пристрастіе къ широкимъ воротникамъ и отворотамъ на рукавахъ, которые оттѣняли ея красоту. Только за сорокъ лѣтъ, благодаря долгому лежанью въ кровати по утрамъ и четыремъ блюдамъ въ день, бѣлокурая богиня Букингэма превратилась въ «grosse suissesse», подходящую къ де Рецъ, который, ухаживая за ней, получилъ слѣдующій совѣтъ отъ г-жи де-Шеврезъ: «восторгайтесь ея нѣжною кожею, ея прелестною ручкою, и вы можете дѣлать съ ней, что̀ хотите».

Людовикъ XIII съ его худенькимъ, темнымъ, меланхоличнымъ лицомъ является разительнымъ контрастомъ къ круглолицей красотѣ Анны. Типъ Медичи обличается его длиннымъ подбородкомъ, его орлинымъ носомъ, его впалыми темными глазами, въ которыхъ не было ничего общаго съ кроткимъ, добродушнымъ Генрихомъ IV. Вѣчно больной, вѣчно возящійся съ лекарствами, любящій только

охоту, которой онъ не могъ часто заниматься по нездоровью, окруженный домашними врачами—женой, матерью и братомъ, бывшими въ постоянномъ заговорѣ противъ его трона и даже его жизни, онъ видѣлъ въ своихъ приближенныхъ, въ своихъ фаворитахъ и друзьяхъ враговъ—заговорщиковъ противъ него и дѣвицы, которую онъ любилъ, молодой де-ла-Файеттъ, которую заключили въ монастырь за то, что она принадлежала къ партіи королевы.

Онъ былъ настоящій Медичи по своимъ капризамъ, по своему равнодушію и по недостатку чувства. «Сенъ-Марсъ скорчилъ порядочную рожу»,—были его слова, когда его бывшій любимецъ взошелъ на эшафотъ; а смерть Ришелье, его единственнаго друга, не подсказала ему ничего, кромѣ словъ: «скончался великій политикъ».

Съ тѣмъ же невозмутимымъ спокойствіемъ онъ назначилъ въ регентши своему сыну женщину, которая была всегда врагомъ и его, и страны, а когда за нѣсколько дней до смерти онъ спросилъ дофина, котораго только-что окрестили, какъ его зовутъ и получилъ въ отвѣтъ: «Людовикомъ XIV»,—отецъ отвѣтилъ ему спокойно: «покуда еще нѣтъ». Храбрые мушкетеры любили и служили въ сущности несчастному призраку короля.

Мазарини Босса—полный, красивый, съ лукавымъ взоромъ—былъ, вѣроятно, портретомъ болѣе «L'illustrissimo facchino», чѣмъ сантиментальнаго прелата Лувра; его Людовикъ XIV—настоящій испанскій инфантъ—съ толстыми щечками и пуговкой вмѣсто носа; ни малѣйшаго сходства съ худымъ ипохондрикомъ отцемъ, въ этомъ кругломъ толстощекомъ личикѣ «Dieudonner», прежде чѣмъ побѣда и парикъ не украсили его чела. Филиппъ де Шампань изобразилъ Ришелье въ его кардинальскомъ одѣяніи; яркій красный цвѣтъ превратилъ блѣдное лицо въ сѣропепельное; ввалившіяся щеки и впалые глаза говорили, какимъ разбитымъ физически былъ человѣкъ, который несъ на своихъ плечахъ политику Генриха Великаго и спасъ Францію отъ судьбы Австріи и Испаніи.

Исторія свидѣтельствуетъ, что храбрые мушкетеры стояли не за хорошее дѣло, но и многіе молодые дворяне заблуждались вмѣстѣ съ ними и считали Анну за оскорбленную и заброшенную жену, видя въ ней Шимену изъ «Cid'a» Корнеля; испанскіе романы, испанское іезуитство, испанскія матеріи, были злобою дня—какъ же могла испанская королева, съ такимъ прелестнымъ личикомъ, съ такими красивыми приверженцами какъ г-жи Отвилль, Фаржисъ и Шеврезъ, потерпѣть неудачу, обращаясь къ рыцарству молодежи Франціи? Гордое, сумасбродное лицо Конде, благородная, красивая голова Тюрена; лѣнивая, смѣющаяся г-жа де-Лонгвилль, печальные герои Фронды, всѣ остряки, красавицы, ученые, всѣ они намъ знакомы по гравюрамъ національной библіотеки, по памятникамъ, бюстамъ и портретамъ Лувра и Версаля. Англійскіе характеры—Букингэмъ, Карлъ I, Генріэтта Марія—ихъ не разъ

изображалъ Ванъ-Дикъ, вкладывая въ свои благородные образцы граціозную томность, безотчетную меланхолію гончихъ собакъ, которыхъ онъ такъ часто помѣщалъ позади ихъ позъ, или портреты Лелли, изображающіе веселаго монарха и растрепанныхъ нимфъ, «его семи совѣтчицъ»,— все это служитъ доказательствомъ того, что знамя красоты измѣняется изъ вѣка въ вѣкъ.

За фономъ для своихъ разсказовъ Дюма обращается естественно къ эпохѣ интригъ. Онъ предпочитаетъ ударъ рапиры удару тяжелаго меча, «Coup d'estoc»—«coup de taille». Его драма — драма «de cape et d'épée», какъ ее всегда называли французы, его діалогъ — показная маска, подъ которой скрывается мечъ для нападенія и защиты.

Вся эпоха Людовика XIII и Мазарини была маской и кинжаломъ, заговоромъ и дуэлью. Дюма вводитъ насъ въ среду раззолоченныхъ персонажей драмы; его симпатія на сторонѣ благородства и хотя онъ относится съ недовѣріемъ къ принцамъ, но королевская кровь никогда не отождествляется имъ съ нечистой кровью. Хотя онъ и былъ другомъ и біографомъ Гарибальди, но его артистической натурѣ болѣе отвѣчали живописныя стороны двора. Рыцарство и великодушіе, великодушіе, которое съ родни расточительности, храбрость граничащая съ безразсудной смѣлостью — были его любимыми добродѣтелями. Онъ защищаетъ Фуке и ненавидитъ Кольбера; любитъ финансиста расточительнаго, а не бережливаго; всецѣло симпатизируетъ идеалу того времени—бретерству. Интриги Ришелье и дворянъ, англійская революція, Фронда и плѣненіе молодого Людовика XIV, были превосходнымъ матеріаломъ для романиста, и еслибы тѣ, кто считаетъ многое вымышленнымъ въ романахъ Дюма, прослѣдили изъ страницы въ страницу исторію Франціи, съ «Мушкетерами» съ «Dame de Monsoreau» и «Quarante Cinq», они были бы поражены, какъ близко онъ придерживается историческихъ фактовъ, какъ искусно онъ пользуется дѣйствительными событіями, какъ толково все обосновываетъ на нихъ. Воображеніе его какъ нельзя лучше является ему на помощь, когда требуется какое-нибудь остроумное слово отъ Людовика XIV, или то, чтобы представить Карла II скучнымъ, надменнымъ героемъ, но самыя событія оказываются взятыми изъ исторіи. Правда, иногда въ одной главѣ этихъ событій бываетъ слишкомъ много, и нѣкоторые критики готовы согласиться съ тѣмъ ребенкомъ, который, говоря о мальчикѣ де'Артаньянъ, сказалъ: «Я думаю, что все это могло приключиться со многими разными мальчиками, но я не могу себѣ представить, чтобы все это случилось съ однимъ мальчикомъ».

Справедливость подобной критики, оправдываемой книгой Дюма, въ отдѣльности взятой, оказывается подлежащей сомнѣнію при чтеніи мемуаровъ Реца или Шарля де Базъ де Кастельморъ, «Cheva-

lier d'Artagnan». Дюма былъ Бонапартъ по части романа; у него герои были вѣчно заняты, всегда наготовѣ передъ своими врагами, и онъ никогда не останавливается передъ многочисленностью событій, подобно тому нѣмецкому офицеру, который говорилъ о Наполеонѣ: «Обыкновенно мы все лѣто маршировали и контръмаршировали, не теряя и не выгадывая ни одной мили, а теперь явился человѣкъ невѣжественный, сумасбродный, который летаетъ изъ Булони въ Ульмъ, изъ Ульма въ середину Моравіи, и затѣваетъ сраженія въ декабрѣ, вся система его тактики чудовищно-неправильная».

Наши мушкетеры, которые постоянно въ дѣйствіи, все время дерутся на не правой сторонѣ, съ той самой минуты, какъ намъ представляютъ ихъ въ передней мосье де Тревилль, до тѣхъ поръ, покуда мы не разстанемся съ ними въ шестомъ томѣ.

Наши герои—роялисты, каждый изъ нихъ—настоящій аристократъ до конца ногтей; вѣруя въ божественное право и преимущества благороднаго происхожденія, они убѣждены, что дворянинъ имѣетъ привилегію давить буржуа, бить своего слугу, запугивать судью; что народъ есть мулъ для тасканія тяжестей; и относительно своихъ предразсудковъ ихъ можно уподобить той маркизѣ, которая узнавъ о смерти одного развратнаго аристократа, сказала: «Богъ дважды подумаетъ, прежде чѣмъ рѣшиться проклясть человѣка его положенія».

И все-таки они симпатичны намъ. Г-жа Роланъ писала о своихъ любимыхъ авторахъ: «Плутархъ—моя Библія, Руссо—мой Служебникъ, а Монтэнь—мой другъ; это не значитъ, чтобы я любила все безъ исключенія, что онъ написалъ, но въ словахъ «мой другъ» выражается все». И какіе это дорогіе для читателя друзья эти «Мушкетеры», какъ часто въ ихъ миломъ обществѣ читатель находитъ утѣшеніе отъ тоски, болѣзни и заботъ. На сколькихъ пирахъ онъ съ ними не перебываетъ въ парижскихъ тавернахъ и придорожныхъ трактирахъ, какъ часто незамѣченными они сопровождали его по узкимъ улицамъ и по широкимъ дворамъ ихъ стараго города. Сколько удовольствія доставляетъ безконечное разнообразіе и безграничное величіе ихъ выдумокъ. Какъ намъ отрадны ихъ добродѣтели—неисчерпаемое великодушіе Атоса, уваженіе Портоса къ способностямъ товарищей, неисчерпаемая изобрѣтательность д'Артаньяна, преданность Арамиса этому trio; въ нашъ вѣкъ строгой критики, безпристрастныхъ мнѣній, неистощимаго анализа даже относительно поступковъ нашихъ друзей, неуклонная безупречность героевъ Дюма въ отношеніяхъ другъ къ другу не можетъ не вызывать симпатій, не смотря на то, что они постоянно пьютъ и дерутся. Въ нихъ оживаетъ прежняя французская веселость, духъ предпріимчивости, которыми отличались легіоны галловъ въ страшномъ походѣ Красса, которые шутили и пѣли при

заходящемъ солнцѣ подъ цѣлымъ дождемъ пареянскихъ стрѣлъ и которые на вопросъ римскихъ солдатъ—страшно ли имъ? — отвѣтили, смѣясь: «Да пускай хоть небо свалится намъ на головы». Эта веселость, представляющая собой видъ самой мужественной храбрости, это презрѣніе къ опасности и есть нота, преобладающая въ романѣ, которая согрѣваетъ кровь, какъ благодатное вино.

Дѣйствительно, весь этотъ циклъ, съ его языческимъ идеаломъ дружбы, съ апоѳеозомъ мужественныхъ добродѣтелей—храбростью, вѣрностью, постоянствомъ благотворно вліяетъ въ эпоху слабыхъ нервовъ и нерѣшительности; въ немъ мы дышемъ здоровою атмосферою, которая дѣйствуетъ такъ же живительно, какъ чистый воздухъ и свѣтъ солнца; при чтеніи этихъ страницъ насъ обдаетъ свѣжимъ морскимъ вѣтромъ, лѣснымъ воздухомъ, пропитаннымъ запахомъ разогрѣтыхъ солнцемъ сосенъ и свѣжей землей, взрытой копытами лошадей. Если по-временамъ до насъ доносится запахъ духовъ изъ королевскаго алькова или промелькнетъ элегантный дамскій туалетъ, то впечатлѣніе его сейчасъ же сглаживается вспыхиваніемъ пороха или букетомъ фляжки бургундскаго. Только по-временамъ воскуряется ѳиміамъ, а вообще насъ окружаетъ свѣжій воздухъ, въ которомъ раздаются удары желѣзныхъ подковъ и музыка стали объ сталь; то она несется съ известковыхъ утесовъ Англіи, то мимо опочиваленъ Фонтенбло или вдоль узкихъ улицъ стараго Парижа.

Всякій, кому доводилось галопировать, драться и смѣяться съ «Мушкетерами», разстается съ ними не безъ сожалѣнія и когда приходится окончательно проститься съ ними, то ощущаешь извѣстнаго рода пустоту, тоску, что прекратилось это пріятное сообщество; но какъ въ сказкѣ «Тысяча и одна ночь» въ одной тонкой вазѣ помѣщался добрый геній, который могъ заполнить всю землю и небо своими дарами, стоитъ намъ только раскрыть первую часть «Трехъ Мушкетеровъ» и наши герои опять оживаютъ и молодѣютъ, и мы можемъ всегда повторять вмѣстѣ съ д'Артаньяномъ его послѣднія слова: «Athos, Porthos, au revoir!»

ПЕРСИДСКІЙ ШАХЪ И ЕГО ДВОРЪ.

Дорога въ Персію.—Тегеранъ.—Шахъ и его гаремъ.—Законныя жены.—Наслѣдникъ престола.—Зилле-Султанъ и его семья.—Министры.—Мелькумъ-ханъ и массонская ложа въ Тегеранѣ.—Политика шаха.—Вліяніе Англіи въ Персіи.

ПО ОРЛОВСКО-ГРЯЗЕ-ЦАРИЦЫНСКОЙ желѣзной дорогѣ, а потомъ по широкой, съ живописными берегами, Волгѣ добираетесь вы до Астрахани. Здѣсь кончается цивилизованная Россія и начинается мало-по-малу полудикая Азія. Дербентъ гораздо болѣе уже походитъ на восточный, чѣмъ на русскій городъ: его грязныя, узкія улицы и базары носятъ чисто азіатскій колоритъ. Далѣе—двухдневная остановка въ Баку съ его огнепоклонниками и улицами, поливаемыми нефтью. Еще далѣе, на двѣнадцатый день миновавъ Ленкоранъ, вы достигаете Энзели, гавани Решта. Надъ вами голубое небо, солнце немилосердно обдаетъ васъ палящими лучами, а вдали виднѣются горы съ покрытыми снѣгомъ вершинами. Вы—въ Персіи, поэтическомъ Иранѣ, родинѣ Хозрева Нуширвана и Аббаса Великаго, странѣ премудраго Саади и причудливаго фантазера Хафиза, въ томъ дивномъ краѣ, гдѣ юноши стройны «какъ кипарисъ», а дѣвушки и женщины «похожи на газелей», гдѣ кальянъ навѣваетъ сладострастныя грезы и гдѣ при помощи презрѣннаго металла любой разбойникъ съ большой дороги можетъ сдѣлаться министромъ...

Изъ Решта на лошадяхъ вы достигаете Тегерана, столицы страны, которой управляетъ дружественный намъ монархъ,—ум-

ный, либеральный и добродушный Наср-ед-динъ шахъ, «царь царей» (шахи́нъ-шахъ) и «прибѣжище вселенной» (кибла̀-и-алэ̀мъ),—его неизмѣнные титулы.

Тегеранъ большой и оживленный городъ. Повсюду шумные базары, нагруженные верблюды и мулы. Мелькаютъ женщины въ бѣлыхъ чадрахъ, тихо проходитъ престарѣлый мулла въ зеленомъ халатѣ, скачетъ всадникъ на красивомъ конѣ, важно выступаетъ дервишъ въ остроконечной шапкѣ и леопардовой шкурѣ на плечахъ,—вотъ онъ останавливается предъ вами и проситъ милостыню. Все это характерно и колоритно!

Въ этомъ-то оригинальномъ и красивомъ городѣ живетъ властелинъ Персіи, 112-й наслѣдникъ знаменитаго Кира, шахъ, наружность котораго намъ хорошо извѣстна, какъ не разъ бывавшаго въ Россіи, къ которой онъ чувствуетъ большую симпатію, выгодами которой мы могли бы, конечно, воспользоваться несравненно больше, еслибы не постоянные промахи традиціонно бездѣйствующей русской дипломатіи на Востокѣ и противодѣйствіе, которое она всюду встрѣчаетъ со стороны сильной, настойчивой и богатой Англіи.

Наср-ед-динъ шахъ человѣкъ средняго роста, сухощавый, мускулистый и сильный, съ очень смуглымъ лицомъ слегка турецкаго типа династіи Каджаровъ, которой онъ является четвертымъ представителемъ, съ сѣдой коротко подстриженной бородой и черными умными и полными жизни глазами. Шахъ близорукъ и постоянно носитъ очки, что не мѣшаетъ ему, однако, быть однимъ изъ лучшихъ стрѣлковъ и охотниковъ Персіи. Шахъ говоритъ громкимъ, нѣсколько рѣзкимъ голосомъ, который кажется еще громче и рѣзче отъ почти шопота окружающихъ его придворныхъ, не смѣющихъ говорить иначе съ своимъ владыкой. Обладая большими сокровищами, среди которыхъ находится одинъ изъ крупнѣйшихъ бриліантовъ Персіи, такъ называемый д е р ь я̀-и-н у р ъ, т. е. море свѣта,—«царь царей» одѣвается очень скромно и показывается въ своихъ драгоцѣнныхъ каменьяхъ не иначе, какъ въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, не болѣе одного-двухъ разъ въ годъ.

Пользуясь, не смотря на свои 63 года, прекраснымъ здоровьемъ и страдая лишь изрѣдка припадками невральгіи, да иногда истощеніемъ силъ отъ чрезмѣрныхъ гаремныхъ удовольствій, шахъ, однако, чрезвычайно мнителенъ. При его особѣ состоитъ докторъ французъ, г. Толозанъ, который по нѣскольку разъ въ день навѣщаетъ своего царственнаго паціента, немедленно являясь по его зову и отравляя этимъ существованіе и свое, и своего повелителя.

Обыкновенно лѣтомъ и весной шахъ встаетъ въ 4—5 час. утра, какъ и всѣ вообще на Востокѣ, гдѣ въ 8—9 час. утра зной уже даетъ себя чувствовать, но за то отдыхаетъ днемъ. Въ 12 час. онъ

завтракаетъ. Шахъ садится на коверъ по-турецки, со скрещенными подъ себя ногами, а передъ нимъ ставятъ нѣсколько десятковъ разныхъ блюдъ, среди которыхъ преобладаютъ баранина, рисъ и пилавъ, и онъ выбираетъ изъ нихъ по вкусу, не прибѣгая, конечно, къ помощи вилокъ и пользуясь вмѣсто нихъ руками, а жажду утоляетъ холоднымъ шербетомъ (прохладительнымъ питьемъ, приготовляемымъ изъ сока свѣжихъ плодовъ, а также фруктоваго сиропа) и молокомъ. Придворные соблюдаютъ при этой церемоніи полную тишину, а рабы молчаливо и подобострастно прислуживаютъ. Иногда шахъ прерываетъ молчаніе, обратившись къ кому-либо съ вопросомъ, и получаетъ короткій, рабски почтительный отвѣтъ. Нечего и говорить, что присутствующіе при этомъ стоятъ, что исполняется и принцами, которые приступаютъ къ трапезѣ тотчасъ послѣ того, какъ окончитъ ее шахъ; затѣмъ начинаютъ утолять голодъ придворные, а остатки жадно вылизываетъ шахская челядь. Во время царскаго обѣда, который подается не ранѣе 8—9 час. вечера, по восточному обычаю обѣдать послѣ захода солнца, играетъ обыкновенно духовой оркестръ или туземные музыканты. Шахъ большой любитель музыки и держитъ при своемъ дворѣ нѣсколько оркестровъ, болѣе, кстати сказать, шумныхъ, чѣмъ гармоничныхъ. Насколько серьезный любитель музыки шахъ видно изъ того, что присутствуя въ театрѣ въ Астрахани, въ первую поѣздку по Европѣ, онъ особенно одобрялъ звуки настраиваемыхъ во время антрактовъ инструментовъ. При обѣдѣ присутствуетъ цѣлый штатъ сановниковъ, а именно: гофмейстеръ, начальникъ шахской охраны (ферраштъ-баши), министры юстиціи, иностранныхъ дѣлъ и финансовъ, егермейстеръ и верховный визирь. Кромѣ нихъ, тутъ же находятся и менѣе крупные придворные чины, какъ-то: шталмейстеръ, командиръ гвардіи, завѣдующій телеграфами, лейбъ-медикъ, лейбъ-поэтъ и придворный художникъ. Послѣ обѣда шахъ проходитъ обыкновенно въ эндерунъ (внутренніе покои) или гаремъ, число обитательницъ котораго, ревниво охраняемыхъ суровымъ ходжа-баши, или главнымъ евнухомъ и его помощниками, достигаетъ, какъ говорятъ, весьма крупной цифры трехсотъ, считая тутъ же, впрочемъ, дѣтей и рабынь-негритянокъ. Увѣряютъ, что число «красотъ гарема» въ послѣднее время сильно увеличилось, какъ бы подтверждая премудрую русскую поговорку «сѣдина—въ бороду, а бѣсъ—въ ребро!» Каждая шахская привязанность имѣетъ особое помѣщеніе, свой штатъ прислуги, экипажи, брилліанты и опредѣленный доходъ. Не заслужившія же особаго вниманія гаремныя затворницы или же только-что поступившія въ сераль пріобрѣтенія живутъ сообща подъ наблюденіемъ старой фаворитки, играющей въ отношеніи ихъ роль матери.

Главная фаворитка носитъ обыкновенно какой-нибудь особый титулъ, или, вѣрнѣе, курьезное прозвище, оффиціально за ней закрѣпляемое, какъ, напримѣръ, «услада государства», «утѣшеніе страны» и т. п. удивительныя клички. Пріобрѣтенія для гарема дѣлаются довольно часто и иногда гуртомъ. Способъ же отдѣлываться отъ успѣвшихъ уже надоѣсть женъ и фавориток очень простъ, скоръ и не лишенъ остроумія. Обыкновенно не практикуется ни традиціонный мѣшокъ для бросанія въ море, ни удушенія, ни отравленія,—все происходитъ очень миролюбиво: какого-нибудь провинціальнаго генерала, или и самого губернатора, увѣдомляютъ, что его величество шахъ, «прибѣжище вселенной» и проч., жалуетъ ему жену изъ своего сераля—и царскій подарокъ принимается съ величайшимъ восторгомъ!

Каждую среду въ сералѣ происходитъ своеобразный смотръ. Шахъ обходитъ своихъ женъ, и тутъ-то именно и происходитъ традиціонное бросаніе платка приглянувшейся,—своеобразный обычай, который и до сихъ поръ не вышелъ изъ употребленія. Нечего и говорить, какихъ громадныхъ издержекъ стоитъ гаремъ и какимъ раззорительнымъ бременемъ ложится онъ на казну страны весьма бѣдной, съ каменистой, неплодородной почвой, первобытнымъ земледѣліемъ и незначительными производительными силами.

Теперь перейдемъ къ законнымъ «подругамъ жизни» его иранскаго величества и повелителя правовѣрныхъ. Главная жена шаха, т. е. первая по времени заключенія брачнаго договора, дочь Али-Ахмедъ-мирзы, приходится ему троюродной сестрой и правнучкой Фатхъ-Али-шаху, семья котораго была такъ многочисленна, что послѣ его смерти осталось въ живыхъ 110 его потомковъ! На ней шахъ женился когда ему было пятнадцать лѣтъ, еще при жизни своего отца, Махмудъ-шаха, по его личному выбору. Она — мать наслѣдника престола, вели-акда, Музаффаръ-ед-дина-мирзы, и пользуется, если не любовью, такъ какъ бракъ съ ней имѣлъ политическую подкладку, то большимъ уваженіемъ своего царственнаго супруга и безспорнымъ вліяніемъ на дѣла. Въ прошломъ году, лѣтомъ, она ѣздила въ Вѣну лечиться отъ болѣзни глазъ. Произведенная однимъ изъ лучшихъ вѣнскихъ окулистовъ операція оказалась неудачной, и принцесса, вернувшись на родину, отправилась искать исцѣленія въ Мешхедъ, у могилы высокочтимаго шіитами имама — Ризы. Во время пути Эмин-и-Акдасъ (такъ оффиціально называется первая супруга шаха) посылала со всѣхъ станцій по нѣсколько телеграммъ въ Тегеранъ, шаху, въ которыхъ справлялась о его здоровьѣ и описывала свое путешествіе, такъ что телеграммами и отвѣтами на нихъ изъ Тегерана телеграфная линія была занята буквально съ утра до ночи! Въ священномъ Мешхедѣ, куда принцесса пріѣхала въ сопровожденіи тысячи сарбазовъ (солдатъ), она была принята съ величайшей торжественностью и по-

честями и едва успѣла войти въ приготовленное для нея помѣщеніе, какъ ей былъ уже преподнесенъ богатый пишкешъ, т. е. подарокъ,—нѣсколько мѣшковъ серебряной монеты и кони въ роскошной сбруѣ, — отъ попавшаго въ царскую немилость бывшаго вице-губернатора Хорасана, который вмѣстѣ съ этимъ просилъ у принцессы заступничества предъ шахомъ. Супруга «царя царей» обѣщала разсмотрѣть его дѣло и, если онъ окажется правымъ, просить за него у «прибѣжища вселенной».

Вторая, по старшинству, жена шаха также съ нимъ въ родствѣ, хотя и отдаленномъ. Она дочь одного изъ сыновей все того-же плодовитаго Фатхъ-Али-шаха. Тегеранская молва приписываетъ ей сварливый характеръ. Третья жена шаха, пользующаяся особымъ его расположеніемъ и носящая названіе Анисъ-уд-Даулэ, т. е. подруга государства, очень толста, недурна собой и, какъ говорятъ, чрезвычайно добраго и симпатичнаго нрава. Она сопровождала даже своего супруга и повелителя до самой Москвы, во время перваго путешествія шаха, но сдѣлалась предметомъ столь сильнаго любопытства желавшихъ, хоть однимъ глазкомъ, посмотрѣть на этотъ «цвѣтокъ гарема», что шахъ отправилъ ее, къ великому ея огорченію, обратно въ Персію. Анис-уд-Даулэ пользуется большимъ вліяніемъ, но не злоупотребляетъ имъ въ свою пользу. Вся ея семья, родоначальникъ которой былъ простой деревенскій мельникъ, въ большомъ фаворѣ и трое изъ ея родственниковъ занимаютъ видныя должности при дворѣ, хотя не пользуются хорошей славой. Четвертая и послѣдняя жена, такъ какъ ни одинъ «правовѣрный» не долженъ, по Курану, имѣть болѣе четырехъ законныхъ женъ—акдй, причемъ незаконныхъ можетъ заводить сколько хочетъ, — мать принца Наиб-ус-Султанэ, очень любимаго шахомъ. Эта дама тоже не царскаго происхожденія, будучи дочерью маймаръ-баши т. е. придворнаго архитектора.

Время шахскихъ женъ проходитъ въ взаимныхъ визитахъ, посѣщеніяхъ родственниковъ, катаньи въ придворныхъ каретахъ, музыкѣ, разсказываньи и слушаньи сказокъ, купаньи, куреньи и безконечныхъ сплетняхъ, до которыхъ «прекрасный полъ» Востока гораздо болѣе падокъ, чѣмъ западныя его представительницы. Катаясь въ неуклюжихъ каретахъ, напоминающихъ наши старинные рыдваны, «звѣзды гарема» не слишкомъ прячутъ себя отъ любопытныхъ взоровъ европейцевъ и охотно даютъ возможность полюбоваться своими прелестями, изъ которыхъ самая обаятельная — черные, выразительные глаза и задорная улыбка красныхъ, какъ кораллъ, губокъ, слегка защищенныхъ прозрачнымъ фереджè — фатой, которую подчасъ затворницы и совсѣмъ сбрасываютъ, позволяя тѣмъ каждому, улучившему этотъ благопріятный моментъ, вдосталь насмотрѣться на ихъ смуглыя, характерныя лица, на которыхъ гаремное заточенье наложило оттѣнокъ скуки и безучастности.

Въ старину въ Персіи былъ курьезный обычай, въ силу котораго ни одинъ мужчина, старше 10 лѣтъ, не смѣлъ находиться на пути слѣдованія жены или дочери шаха. Нарушителей этого закона казнили безъ дальнихъ околичностей. Время, конечно, беретъ свое,—этотъ варварскій обычай отошелъ въ вѣчность, Азія цивилизуется мало-по-малу, но сераль остался все той же неприкосновенной твердыней, какой былъ сотни лѣтъ назадъ. Не смотря на множество легендъ о разныхъ гаремныхъ грѣшкахъ и романахъ, можно смѣло утверждать, что большинство изъ нихъ пустой вымыселъ и что ни одинъ мужчина (исключая ближайшихъ родныхъ) не входилъ въ таинственный царскій гаремъ, кромѣ шаха, а если и попадалъ въ этотъ земной Магометовъ рай волею благосклонной судьбы, то не выходилъ оттуда живымъ.

Шахъ очень любитъ стрѣльбу и охоту. Сопровождать его во время охоты считается за величайшую милость и царедворцы наперерывъ стараются добиться этого знака вниманія, употребляя для этого всевозможныя интриги! Интриги и подкупъ царятъ въ Персіи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо на Востокѣ. За деньги тамъ можно достигнуть положительно всего, — и высокаго положенія и покровительства. Мимолетная прихоть шаха, полновластнаго повелителя, безконтрольно распоряжающагося жизнью и смертью своихъ подданныхъ, также играетъ въ Персіи громадную роль. Такъ, напр., многіе изъ придворныхъ достигли высокихъ степеней въ государствѣ только потому, что изощрились въ искусствѣ омовенія головы. Шахъ особенно любитъ это омовеніе, которое практикуется всѣми на знойномъ Востокѣ, гдѣ оно почти необходимо. Придворный цирюльникъ, дошедшій въ этомъ важномъ дѣлѣ до недосягаемаго совершенства, получаетъ большое содержаніе, а придворные, съумѣвшіе угодить въ этомъ шаху, какъ сказано, сдѣлали свои карьеры.

Шахъ отлично играетъ въ шахматы (шатренджъ) и, можетъ быть, не уступилъ бы ни Чигорину, ни Стэйницу, если бы удостоилъ этихъ гяуровъ сыграть съ ними партію.

Смотры войскамъ весьма занимаютъ шаха. Доклады министровъ онъ выслушиваетъ очень внимательно, но съ особеннымъ интересомъ внимаетъ начальнику полиціи, который долженъ передавать монарху всевозможные городскіе слухи, новости и сплетни, до которыхъ шахъ, также какъ и его гаремъ, страстный охотникъ.

Насръ-ед-динъ добродушенъ и противъ пролитія крови. Онъ либерально отмѣнилъ законъ, по которому шахъ долженъ присутствовать при совершеніи казни. Казни, однако, весьма часты въ Персіи. Самое же обычное и распространенное наказаніе въ Иранѣ—это палки. Персидское правосудіе вездѣ и ко всѣмъ примѣняетъ это простое, но дѣйствительное, наказаніе, глубоко убѣжденное въ его необходимости. Попавшійся съ поличнымъ воришка, злостный банкротъ, провинившійся въ чемъ-либо губернаторъ,—всѣ они на-

казываются палками, въ томъ или иномъ, конечно, количествѣ ударовъ, смотря по важности проступка. Персіяне такъ привыкли къ палкамъ, что у нихъ существуетъ даже особый глаголъ чубъ хурденъ, что означаетъ слово въ слово съѣсть палку, т. е. быть побитымъ палками. Истый персіянинъ ни за что̀ не повѣритъ, что въ Европѣ обходятся безъ палокъ, которыя окружаютъ даже особу его персидскаго величества, не показывающагося въ народѣ иначе, какъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ палачей въ красныхъ кафтанахъ, и цѣлой толпы ферраш ей, тѣлохранителей, грубо разгоняющихъ длинными палками толпу, тѣснящуюся около «повелителя правовѣрныхъ». Палки такъ и гуляютъ по спинамъ добрыхъ мусульманъ и причиняютъ иногда значительные ушибы.

Шахъ часто ѣздитъ верхомъ въ сопровожденіи свиты и собственнаго конвоя изъ 100—200 всадниковъ, безъ котораго никуда не показывается.

Послѣ покушенія на жизнь шаха бабидовъ (на четвертый годъ по восшествіи его на престолъ, а именно въ августѣ 1852 г.), приверженцевъ религіозно-соціальной секты, имѣвшей въ исходѣ 40-хъ годовъ большой успѣхъ въ Персіи, произведшей смуты и вооруженныя возстанія во многихъ персидскихъ областяхъ и съ трудомъ подавленной пытками и казнями,—владыка Ирана никогда не возвращается по той же дорогѣ и передвигается съ возможной быстротой. Прозелитовъ бабизма и до сихъ поръ много въ Персіи и шахъ постоянно пребываетъ подъ страхомъ новыхъ смутъ и новаго покушенія на его жизнь.

Преслѣдованія бабидовъ, не прекращающіяся со дня появленія Наср-ед-дина на тронѣ своихъ предковъ, принимаютъ по временамъ особенно острый характеръ, когда шахское правительство нападаетъ на слѣдъ тайныхъ общинъ этихъ смѣлыхъ и симпатичныхъ новаторовъ, разсѣянныхъ по разнымъ угламъ Персіи. Въ прошломъ году эти преслѣдованія приняли именно такой острый характеръ, вслѣдствіе чего бабиды цѣлыми сотнями стали переселяться къ намъ, на югъ Россіи, на Кавказъ и въ Закаспійскую область. [1])

Насколько законный наслѣдникъ персидскаго престола вели-акдъ, Музаффаръ-ед-динъ-мирза, не обладаетъ никакими талантами и всецѣло поглащенъ одуряющей жизнью гарема, настолько принцъ Зиллэ-Султанъ, старшій сынъ шаха, пользуется уваженіемъ и популярностью. Зиллэ-Султанъ означаетъ собственно тѣнь царя,—названіе, какъ нельзя болѣе подходящее къ принцу Масуду, такъ какъ онъ очень похожъ на своего отца. Подобные звучные титулы, какъ напримѣръ, «подпора государства», «кинжалъ государства», «око

---

[1]) См. нашу статью о бабидахъ, — «Персидскіе сектанты въ Закавказьи», «Историч. Вѣстникъ, іюнь 1890 г.

царя» и др., искони введены были персидскими царями, какъ знакъ особаго расположенія къ своимъ ближайшимъ вѣрнымъ слугамъ. Эти прозвища, само собою разумѣется, не наслѣдственны.

Зиллэ-Султанъ сынъ простолюдинки, деревенской дѣвушки, съ которой, какъ ходитъ молва, шахъ познакомился въ деревнѣ, когда она полоскала бѣлье на берегу рѣчки. Еслибы не происхожденіе, Зиллэ-Султанъ, котораго шахъ любитъ больше всѣхъ сыновей, давно былъ бы провозглашенъ наслѣдникомъ престола, чего нельзя сдѣлать, такъ какъ, по установленному Фатхъ-Али-шахомъ закону, наслѣдникъ престола долженъ быть царскаго рода, какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны. Впрочемъ, по всей вѣроятности, шахъ рѣшится со временемъ объявить его наслѣдникомъ престола, такъ какъ законный теперешній наслѣдникъ, сынъ принцессы царской крови, слишкомъ ничтоженъ во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы устраненіе его отъ власти могло вызвать неудовольствіе въ странѣ.

Зиллэ-Султанъ—замѣчательно богато одаренная натура. Не получивъ почти никакого образованія, онъ поражаетъ своимъ умомъ, здравымъ смысломъ и тонкимъ пониманіемъ людей. Если бы принцъ получилъ европейское образованіе, онъ былъ бы тогда вполнѣ замѣчательнымъ человѣкомъ въ своей странѣ, гдѣ его не только уважаютъ, но и любятъ за симпатичный, обходительный характеръ и демократическія тенденціи, составляющія основу его политики. Будучи самъ изъ народа, онъ окружаетъ себя людьми не знатнаго происхожденія и этимъ привлекаетъ сердца черни, на поддержку которой всегда можетъ разсчитывать въ случаѣ весьма вѣроятной будущей борьбы съ наслѣднымъ принцемъ послѣ смерти шаха.

Съ 1871 г. принцъ управляетъ Испаганью, гдѣ постоянно и живетъ. Съ этого времени именно и начало его популярности. Назначенный испаганскимъ губернаторомъ въ тяжелыя для Персіи времена повсемѣстнаго народнаго броженія, явившимся результатомъ дурнаго управленія областями и разныхъ экономическихъ невзгодъ, Зиллэ-Султанъ, будучи тогда еще только 27-ми лѣтъ, блестяще оправдалъ довѣріе отца и сразу выказалъ замѣчательныя административныя способности. Онъ умѣло положилъ конецъ разнымъ безпорядкамъ, царившимъ въ Испагани болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и успокоилъ настроеніе умовъ, пугавшее тегеранскій дворъ призракомъ возстанія.

Принцъ любитъ и знаетъ военное дѣло и старается поднять его до уровня европейскихъ требованій. Въ войскѣ, которое находится у него въ округѣ въ отличномъ состояніи, обученное австрійскими инструкторами и вооруженное усовершенствованными ружьями, онъ еще популярнѣе, чѣмъ въ народѣ.

Губернаторъ многихъ обширныхъ провинцій, любимый наро-

домъ, обожаемый войскомъ, умный, энергичный и, конечно, хитрый, какъ истый иранецъ,—Зиллэ-Султанъ — самая крупная теперь фигура въ Персіи послѣ шаха. Тегеранскій дворъ его ненавидитъ за его популярность и безъ устали клевещетъ на него шаху, а шахъ, чувствуя въ немъ силу, побаивается его, хотя и очень къ нему привязанъ, какъ къ сыну своей первой любви. [1]).

Принцу теперь около 42 лѣтъ, но на видъ онъ гораздо моложавѣе. Онъ атлетическаго сложенія, съ сильной мускулятурой, широкоплечій, съ курчавой головой и маленькими красивыми руками, которыми онъ очень гордится. Принцъ сильный брюнетъ, носитъ одни усы, а лицомъ и голосомъ напоминаетъ шаха. Онъ очень заботится о своей наружности и костюмѣ и считается законодателемъ персидской моды.

Зиллэ-Султанъ былъ женатъ на дочери перваго министра (который, по приказанію шаха, былъ потомъ задушенъ) и не такъ давно овдовѣлъ. Его девятнадцатилѣтній сынъ, Джелалъ-уд-Даулэ (слава правительства)—губернаторъ Шираза, которымъ онъ управляетъ подъ непосредственнымъ руководствомъ отца. У него есть еще нѣсколько дочерей. Дядя его высочества, такъ называемый Ханъ-ди (ханъ-дядя), завѣдующій придворными конюшнями принца, совсѣмъ простой и грубый персіанинъ, не дающій забывать о демократическомъ происхожденіи своего августѣйшаго племянника.

Принцъ либералъ своего времени. Онъ страстный поклонникъ Европы и съ жаромъ слѣдитъ за европейской прессой. Онъ выписываетъ «Temps», «Daily News», «Times», «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» и нашъ «Journal de S.-Pétersbourg» и заставляетъ ежедневно читать себѣ, въ переводѣ, изъ нихъ выдержки.

Религіозные взгляды принца такъ далеки отъ присущаго мусульманамъ фанатизма, что онъ присутствовалъ, напримѣръ, въ 1884 году на церемоніи водосвятія въ армянской церкви въ Испагани, о чемъ было напечатано въ газетѣ «Ферхенкъ» и что привело въ ужасъ истыхъ мусульманъ, считающихъ невѣрнаго предметомъ презрѣнія и ненависти.

Весной 1886 г. Зиллэ-Султанъ сильно хлопоталъ о мѣстѣ перваго министра шаха, и шахъ уже склонялся на это, но, благодаря, интригамъ своего брата (отъ другой матери) Наиба-ус-Султанэ

---

[1]) По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Персіи шахъ очень парализовалъ шансы Зиллэ-Султана на успѣхъ coup d'etat съ его стороны послѣ своей смерти, рѣшивши женить старшаго сына наслѣдника престола на дочери своего третьяго сына Кіамирана-мирзы, Наиб-ус-Султанэ, нынѣ военнаго министра, который по смерти шаха, сдѣлается фактическимъ обладателемъ Тегерана и, конечно, будетъ энергически отбиваться отъ Зиллэ-Султана, чтобы передать власть Музаффаръ-ед-дину, съ воцареніемъ котораго дочь Кіамирана-мирзы сдѣлается наслѣдницей, а зять—наслѣдникомъ персидскаго престола.

не получилъ желаемаго, несмотря на всѣ старанія своей матери, Ифатъ-уд-Даулэ (цѣломудріе государства), уже успѣвшей состарѣться и потерять прежнее значеніе въ глазахъ своего супруга.

Мы уже сказали, что наслѣдникъ престола, управляющій Азарбайджаномъ и живущій въ Тебризѣ, личность не только ничѣмъ не выдающаяся, но даже ничтожная. Прибавимъ, что онъ ярый фанатикъ въ противоположность шаху, отнюдь не отличающемуся религіозной нетерпимостью. Принцъ въ полномъ подчиненіи у духовенства, которое нигдѣ, кромѣ развѣ Испаніи, не пользуется такимъ громаднымъ вліяніемъ, какъ въ Персіи. Шахъ недолюбливаетъ своего наслѣдника и даже, говорятъ, лѣтъ 6—7 назадъ, не хотѣлъ давать ему провинціи въ управленіе. Благодаря лишь вмѣшательству Зиллэ-Султана, вмѣшательству, сдѣланному съ тонкимъ расчетомъ показать свое вліяніе на шаха и тѣмъ унизить Музаффаръ-ед-дина мирзу, — Наср-ед-динъ отмѣнилъ свое первоначальное рѣшеніе. Можно вообразить, какъ этой притворно-родственной услугой была уязвлена гордость престолонаслѣдника!

Вернемся, однако, къ шаху. Послѣ перваго же посѣщенія Европы, шахъ возвратился домой подъ сильнымъ впечатлѣніемъ видѣннаго въ чужихъ краяхъ и съ твердымъ намѣреніемъ заставить Персію вкусить какъ можно болѣе отъ плодовъ цивилизаціи. Шахъ поторопился освѣтить, между прочимъ, свой дворецъ-газомъ и даже пытался ввести электричество, но такъ какъ не платилъ французу, устроившему это освѣщеніе, то въ одинъ злополучный вечеръ дворецъ «царя царей» очутился въ темнотѣ. Дѣло, однако, сладилось, шахъ основалъ даже газовый заводъ и выписалъ машины для электричества, такъ что теперь дворецъ съ площадью и нѣкоторыя улицы освѣщены на славу. Подражая европейскимъ монархамъ, шахъ отвѣчаетъ теперь на поклоны, чего не считалъ нужнымъ дѣлать раньше. Для персіянъ, уѣзжающихъ за границу, заведено, въ подраженіе Европѣ, нѣчто въ родѣ паспортной системы. Далѣе кажется цивилизующее вліяніе Европы на шаха не пошло, и когда, во время второго заграничнаго путешествія, онъ ѣхалъ на пароходѣ по Каспійскому морю, то ему вдругъ пришла фантазія улечься спать подъ столомъ дамской каютъ-кампаніи, а на столъ поставить свои туфли! Во время той же поѣздки «прибѣжище вселенной», сидя за обѣденнымъ столомъ во дворцѣ одного монарха между двумя дамами царской крови, протянулъ одной изъ своихъ августѣйшихъ собесѣдницъ спаржу, отъ которой самъ только-что откусилъ, желая тѣмъ оказать сосѣдкѣ высокую и рѣдкую честь покушать отъ одного блюда съ потомкомъ Кира. Тогда же, на балу у московскаго генералъ-губернатора, покойнаго князя В. А. Долгорукова, его иранское величество, подойдя къ одной московской аристократкѣ, не отличавшейся ни красотой, ни молодостью, ни полнотой, которую шахъ очень цѣнитъ въ прекрасномъ полѣ, гро-

могласно произнесъ, указывая на нее пальцемъ, на своемъ особомъ французскомъ жаргонѣ: «Laide, maigre, vieille, je veux, — ne danse pas!», чѣмъ не мало смутилъ собравшуюся чествовать «царя царей» московскую знать и радушнаго хозяина дома. Впрочемъ, бывали случаи и совершенно обратные: шахъ плѣнялся европейскими женщинами и расточалъ имъ восторженныя похвалы. Во время перваго посѣщенія Петербурга, Наср-ед-динъ такъ увлекся знаменитой тогда львицей полусвѣта, Камилъ де-Ліонъ, что предложилъ ей заключить съ нимъ, за весьма крупное вознагражденіе, брачный договоръ, въ силу коего знаменитая куртизанка дѣлалась супругой шаха на недѣлю, со всѣми правами законной жены, что разрѣшается мусульманскими законами и сплошь и рядомъ практикуется на Востокѣ.

Насколько путешествія по Европѣ мало вліяютъ на восточныя привычки «повелителя правовѣрныхъ», видно и изъ того, что во время послѣдняго, третьяго, путешествія шаха по Европѣ, весной 1889 года, его сопровождалъ гаремный любимецъ, двѣнадцатилѣтній, красивый мальчуганъ, по имени Мелиджэкъ, сынъ придворнаго лакея, носящій, не смотря на свою юность, громкій титулъ Азизъ-ус-Султона (любимецъ царя) и пожалованный шахомъ въ генеральскій чинъ. Неотлучное пребываніе его при особѣ «царя царей» вызвало даже въ обществѣ и прессѣ сантиментальное объясненіе въ томъ смыслѣ, что шаху предсказаны, будто бы, долгіе годы жизни все время, пока его любимецъ будетъ при немъ. Какъ, навѣрно, смѣялись надъ этой романической легендой персіяне, у которыхъ на каждомъ шагу встрѣчаются такіе мальчики-фавориты,—обычай, заимствованный ими изъ классической Эллады и получившій на Востокѣ право гражданства еще со временъ Геродота.

Изъ персидскихъ министровъ наибольшимъ вліяніемъ на шаха пользуется еще совсѣмъ молодой—не болѣе 32 лѣтъ,—его первый министръ,—министръ внутреннихъ дѣлъ Мирза-Али-Аскаръ-Ханъ, носящій титулъ Э м и н ъ - С у л т а н а. Онъ съ пятнадцати лѣтъ при дворѣ, состоя сначала при особѣ шаха, въ числѣ самыхъ ближайшихъ придворныхъ. Въ 1885 г. онъ былъ назначенъ министромъ двора, а съ 1887 года начинаетъ рости его вліяніе. Послѣ увольненія бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ, Муширъ-уд-Даулэ, Эминъ-Султанъ завѣдуетъ въ сущности всей иностранной политикой Персіи, хотя оффиціально иностранными дѣлами управляетъ Кавамъ-уд-Даулэ, малоспособный и безличный, хотя и получившій образованіе за границей. Въ настоящее время Эминъ-Султанъ (т. е. повѣренный царя) главный государственный человѣкъ въ Персіи, имѣющій громадное вліяніе на ходъ и внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ этой страны. Это хитрый и умный честолюбецъ, при этомъ обладающій симпатичной внѣшностью и образованіемъ. Онъ боль-

шой поклонникъ Англіи, и, благодаря его поддержкѣ, англійское вліяніе въ Персіи пріобрѣтаетъ все больше и больше силы. Эминъ-Султанъ сопровождалъ шаха во время его послѣдняго путешествія въ Европу, въ 1889 г.

Министръ путей сообщенія, почтовыхъ дѣлъ и предсѣдатель верховнаго государственнаго совѣта, Мирза-Али-Ханъ, имѣющій титулъ Эминъ-уд-Даулэ, т. е. повѣренный государства,—человѣкъ также довольно образованный и прекрасно владѣющій французскимъ и отчасти англійскимъ языками, чего нельзя сказать про Эминъ-Султана, совсѣмъ не знающаго иностранныхъ языковъ. Въ 1872 году онъ былъ назначенъ личнымъ секретаремъ шаха и въ этой должности сопровождалъ своего повелителя въ первую его поѣздку заграницу, въ 1873 г. Это очень дѣятельный министръ, которому Персія обязана улучшеніемъ ея дорогъ и трактовъ.

Министръ народнаго просвѣщенія, горныхъ дѣлъ, торговли и телеграфовъ, Али-Кули-Ханъ-Мухберъ-уд-Даулэ, отлично знаетъ торговлю и финансы, но весьма посредственный блюститель за просвѣщеніемъ, которое весьма хромаетъ въ Персіи, не смотря на пресловутый даръ-ул-фенунъ (домъ наукъ) въ Тегеранѣ,—высшую школу, болѣе внушительную по названію, чѣмъ по преподаванію, которое тамъ ведется.

Министръ государственныхъ имуществъ, завѣдывающій печатью въ Персіи и редакторъ оффиціальныхъ персидскихъ газетъ «Иранъ», «Эттела», «Echo de Perse» и журнала «Шеревъ» (съ рисунками), — Махмедъ-Хасанъ-Ханъ-Экбаль-ус-Султанэ (счастіе государства) не можетъ похвастаться оживленіемъ персидской прессы, органы которой являются, съ одной стороны, перечнемъ сухихъ придворныхъ извѣстій, а съ другой наивнымъ панегирикомъ шаха и его сановниковъ «столповъ государства». Справедливость требуетъ однако же, вмѣнить ему въ заслугу его старанія объ учрежденіи въ Тегеранѣ даръ-ул-терджумэ (мѣсто переводовъ), особое учрежденіе для переводовъ на персидскій языкъ разныхъ книгъ и статей. Газета «Ферхэнкъ» (прогрессъ), издающаяся въ Испагани и редактируемая чуть ли не самимъ Зиллэ-Султаномъ, весьма отличается отъ только-что названныхъ органовъ и простымъ, сравнительно, языкомъ, и независимостью взглядовъ и интереснымъ содержаніемъ статей. Это единственная сносная персидская газета.

Армянинъ Джагангеръ-ханъ весьма интеллигентный, знакомый съ новыми языками,—состоитъ министромъ изящныхъ искусствъ, какъ ни странно звучитъ это по отношенію къ мусульманскому востоку, гдѣ искусства строго запрещены Кураномъ. Время, однако, взяло свое, и фанатичная Персія имѣетъ даже особаго покровителя искусствъ, которому, впрочемъ, нечего дѣлать въ Персіи, гдѣ художники не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о перспек-

тивѣ и ограничиваются копированіемъ курьезныхъ картинъ своихъ знаменитыхъ предшественниковъ, а скульпторовъ и вовсе не существуетъ. Впрочемъ, его стараніями арсеналъ съ весьма интересными образцами цѣннаго стариннаго вооруженія приведенъ въ отмѣнный порядокъ.

Одинъ изъ наиболѣе одно время приближенныхъ къ шаху придворныхъ Мелькумъ-Ханъ, извѣстный персидскій дипломатъ, впалъ недавно въ немилость у своего повелителя. Въ началѣ царствованія шаха, въ пятидесятыхъ годахъ, еще будучи молодымъ человѣкомъ (онъ почти ровесникъ шаху), Мелькумъ-ханъ открылъ въ Тегеранѣ массонскую ложу. Пусть читатели не удивляются этому странному, можетъ быть, съ перваго взгляда факту, такъ какъ мистическая сторона западнаго массонства какъ нельзя болѣе подходитъ подъ спиритуалистическое направленіе многихъ мусульманскихъ сектъ, въ особенности же процвѣтавшаго въ Персіи суфизма въ его мистико-пантеистическимъ ученіемъ, аллегоріями и таинственными повѣріями его современныхъ представителей — дервишей. Такъ дервишескій толкъ бахташей (носящихъ это названіе отъ своего основателя Хаджи Бахташа) окончательно видоизмѣнялся въ массонство съ многочисленными ложами и строго соблюдаемой символикой вольныхъ каменщиковъ. Близъ Каира есть монастырь бахташей, гдѣ, по словамъ одного извѣстнаго нашего ученаго соотечественника, Вл. С. С—ва, посѣтившаго его, происходятъ собранія восточныхъ фран-массоновъ, ничѣмъ почти не отличающіяся отъ засѣданій западныхъ ложъ.

Наср-ед-динъ былъ сначала однимъ изъ ревностныхъ членовъ тегеранской ложи Мелькумъ-хана, которая сильно волновала умы въ Персіи, развивая либеральныя религіозно-соціальныя теоріи. Однако, послѣ вышеупомянутаго покушенія на его жизнь бабидовъ, шахъ почувствовалъ отвращеніе къ либеральнымъ новымъ идеямъ. Ложа была закрыта, а основатель ея бѣжалъ въ Турцію. Черезъ 20 лѣтъ онъ былъ милостиво прощенъ и былъ сначала министромъ внутреннихъ дѣлъ, а потомъ посланникомъ въ Лондонѣ. Его отецъ испаганскій армянинъ, состоялъ долгое время переводчикомъ при нашей миссіи въ Тегеранѣ. Потомъ онъ служилъ въ Петербургѣ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, также въ качествѣ переводчика, вышелъ затѣмъ въ отставку, получилъ пенсію отъ нашего правительства и жилъ въ Константинополѣ, въ домѣ своего друга, Ахмедъ-Вефика-паши, бывшаго великаго визиря.

Бросая общій взглядъ на личность шаха, нельзя не признать въ немъ разумнаго и добродушнаго монарха, несравненно болѣе сдѣлавшаго и дѣлающаго для своей страны, чѣмъ его отецъ и дѣдъ, Фатхъ-Али-шахъ, въ особенности послѣдній, проводившій большую часть своего времени въ гаремѣ, достигшемъ при немъ ужасающихъ размѣровъ.

Вступивъ на престолъ въ очень трудное время революціоннаго движенія бабидовъ, взволновавшихъ всю страну, и многихъ другихъ смутъ и возстаній (мирзы Кавамъ—еддина-бегбаханскаго, произведшаго волненія въ Фарсѣ, туркмена Мурадъ-Ишана, захватившаго крѣпость Ак-Кале близь Астробада и др.), шахъ могъ бы сдѣлаться подозрительнымъ и врагомъ всякаго прогрессивнаго движенія. Этого, однако, не случилось и справедливость требуетъ признать въ теперешнемъ правителѣ Ирана склонность къ просвѣщенію и реформамъ, насколько, конечно, всего этого можно требовать отъ восточнаго деспота, ставящаго выше всего свой минутный капризъ и признающаго за законъ свой безграничный произволъ.

Уже одно то, что шахъ три раза предпринималъ путешествіе по Европѣ, не смотря на усиленные протесты со стороны могущественнаго фанатичнаго духовенства, смотрящаго на такія поѣздки какъ на грѣховное для истаго правовѣрнаго дѣло, показываетъ въ шахѣ большую дозу силы воли и болѣе серьезные нравственные запросы отъ жизни, чѣмъ какіе были у его предшественниковъ, запросы, которые влекли его лично ознакомиться съ Западомъ.

Шахъ очень заботится о войскѣ, хотя въ этомъ отношеніи пальма первенства вполнѣ принадлежитъ Зиллэ-Султану, доведшему войска въ управляемыхъ имъ провинціяхъ до блестящаго положенія. Желая поставить свою армію на западную ногу, шахъ выписалъ изъ Австріи полковника Шевновскаго съ 20 офицерами, которые и постарались выправить на австрійскій манеръ персидскихъ сыновъ Марса. По приказанію шаха, 7,000 чел. пѣхоты и 600 артиллеристовъ были обучены по-европейски. Въ 1889 году шаху, подъ вліяніемъ видѣннаго въ Россіи, пришла мысль завести у себя полкъ по образцу нашихъ казачьихъ. Для этой цѣли былъ приглашенъ изъ Россіи полковникъ Домонтовичъ съ нѣсколькими офицерами, которые и выполнили въ скоромъ времени свою задачу.

Благодаря шаху, въ Персіи появился телеграфъ, а въ послѣднее время шахъ сталъ заботиться о проведеніи желѣзныхъ дорогъ въ Персіи. Въ 1887 году Бельгійскому анонимному обществу дана была концессія на устройство желѣзной дороги отъ Тегерана до Шахъ-Абдулъ-Азима, что и приведено теперь въ исполненіе. Кромѣ этого, предполагается проведеніе желѣзныхъ дорогъ изъ Требизонда въ Тебризъ и Тегеранъ и изъ Бушира въ Испагань и Тегеранъ.

Самъ хорошо, по своему, образованный и даже пишущій недурные стихи, шахъ, опять-таки не смотря на протесты духовенства, послалъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ вышеупомянутомъ даръ-ул-фенунъ, доканчивать свое образованіе за-границу, желая имѣть въ нихъ впослѣдствіи учителей, ознакомленныхъ съ западной наукой.

Таковъ шахъ Наср-ед-динъ какъ человѣкъ и монархъ внутри своей страны.

Какимъ же является онъ въ сношеніяхъ съ другими государствами, какова его политика и вліяніе какой державы преобладаетъ теперь въ Персіи?

Какъ истый мусульманинъ и сынъ своего народа, шахъ придерживается традиціонной политики Востока, т. е. внѣшняго миролюбія и дружбы со всѣми и внутренняго преклоненія 'предъ силой и золотомъ. Вотъ почему, не смотря на увѣренія оптимистовъ, значеніе Россіи въ Персіи совершенно ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ громаднымъ престижемъ, которымъ пользуется въ Иранѣ Англія, которая ведетъ вмѣстѣ съ Германіей упорную подпольную борьбу противъ нашего вліянія и нашей торговли въ Персіи. Англійскіе и нѣмецкіе товары наполняютъ персидскіе рынки и, благодаря своей дешевизнѣ, съ успѣхомъ конкуррируютъ съ русскими произведеніями, торговля которыми производится къ тому же крайне небрежно и безпорядочно. Наша торговля будетъ, безъ сомнѣнія, совсѣмъ подорвана, если нѣмцамъ удастся получить концессію на вышеупомянутую постройку желѣзной дороги изъ Требизонда черезъ Эрзерумъ въ Тебризъ и Тегеранъ, о чемъ сообщалось недавно и въ иностранной и въ нашей печати. Эта дорога отрѣжетъ Закавказье отъ прямаго пути въ Персію, а внѣшняя торговля Персіи и Арменіи направится въ Требизондъ помимо Батума.

Что же касается до желѣзной дороги изъ Бушира на Испагань-Тегеранъ, къ постройкѣ которой уже приступаютъ англичане, то, помимо ея важнаго торговаго значенія, стратегическое значеніе ея очевидно, такъ какъ, соединяя сѣверную и восточную часть Персіи съ Персидскимъ заливомъ, она даетъ полную возможность англичанамъ, въ случаѣ надобности, направиться къ Герату, пересѣкая намъ путь въ Персію и къ Авганистану, при несомнѣнной, конечно, поддержкѣ со стороны южно-персидской арміи подъ начальствомъ ихъ сторонника,—Зиллэ-Султана.

Англія, не смотря на свою искони эгоистическую политику въ Персіи и униженіе, которому она подвергла ее, заставивъ, въ 1857 г. навсегда отказаться отъ Герата,—благодаря настойчивости и золоту не утратила, а пріобрѣла еще большее вліяніе въ Персіи. Намъ трудно бороться и конечно не легко создать себѣ прочное положеніе въ Персіи, но несомнѣнно также и то, что не слѣдуетъ забывать о немъ, а мы именно и грѣшимъ этимъ, такъ какъ добровольно отказываемся отъ борьбы съ нашими соперниками въ Персіи, не съумѣвъ донынѣ побѣдить ихъ интриги, мѣшающія намъ приступить къ постройкѣ желѣзной дороги отъ Каспійскаго моря къ Тегерану, концессія на которую уже давно нами получена.

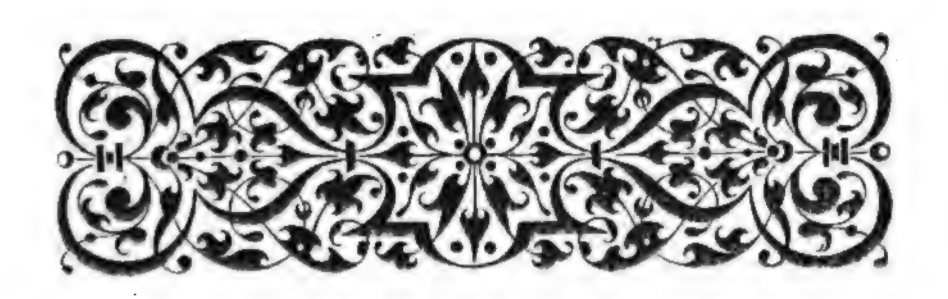
Благодаря неудачамъ русской дипломатіи въ Персіи за послѣдніе десять лѣтъ, наше вліяніе въ этой странѣ значительно поко-

леблено, и потребуется много времени, чтобы поставить его на подобающую высоту.

Все это очень грустно, и нельзя безъ горечи смотрѣть на то, что въ то время какъ англичане съумѣли пріобрѣсти себѣ въ Персіи такія важныя отрасли государственной жизни, какъ судоходство по р. Каруну, открытіе Рейтеровскаго банка въ Тегеранѣ и выпускъ ассигнацій, дотолѣ неизвѣстныхъ въ Персіи, монополія эксплоатаціи всѣхъ персидскихъ рудниковъ, устройство шоссейной дороги отъ пристани на Карунѣ до Тегерана и право на монополію торговли табакомъ, — мы завоевали себѣ лишь право на открытіе одной спичечной фабрики во всей странѣ,—успѣхъ болѣе, чѣмъ ничтожный, который могъ бы вызвать улыбку, еслибы дѣло не шло о русскихъ интересахъ и русскомъ достоинствѣ.

С. Уманецъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Д. А. Корсаковъ. «Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка». Казань. 1891.

Книга профессора Казанскаго университета Д. А. Корсакова состоитъ изъ ряда историческихъ монографій, печатавшихся съ 1878 по 1888 годъ въ русскихъ историческихъ журналахъ. Намъ нѣтъ необходимости особенно распространяться объ этой книгѣ, такъ какъ большая часть статей, вошедшихъ въ нее, печаталась на страницахъ «Историческаго Вѣстника» и «Др. и Нов. Россіи», а потому мы дадимъ читателю лишь общее понятіе объ ея характерѣ и содержаніи.

Рядъ совершенно отдѣльныхъ историко-біографическихъ очерковъ г. Корсакова образуетъ, однако, нѣчто цѣльное, благодаря тому, что очерки относятся къ одному времени (съ кончины Петра I до воцаренія Екатерины II), времени очень интересному, ознаменовавшемуся, съ одной стороны, господствомъ временщиковъ, а съ другой—борьбою родовитыхъ русскихъ бояръ между собою и съ нѣмцами, оттѣснявшими ихъ отъ двора и кормила правленія. Мы находимъ тутъ біографическіе очерки: Н. А. Кудрявцева (сотрудника Петра I), князей И. А., С. Г. и В. Л. Долгорукихъ и княгини Н. Б. Долгорукой (урожденной Шереметевой), одного изъ образованнѣйшихъ людей того времени, князя Д. М. Голицына, злополучнаго А. П. Волынскаго и его конфидентовъ (Еропкина, Хрущова, Соймонова и др.), историка В. Н. Татищева и цѣлую группу сторонниковъ воцаренія Екатерины II (Бестужева-Рюмина, Панина, Шувалова, Орлова, Дашковой и др.); а такъ какъ всѣ эти лица, такъ или иначе, соприкасались съ другими дѣятелями того времени, то передъ читателемъ открывается цѣлая картина общественной жизни той эпохи.

Картина выходитъ очень невеселою: чуть ли не на каждомъ шагу приходится встрѣчаться съ жестокостью, невѣжествомъ, казнокрадствомъ, произволомъ, доносами, интригами и беззаконіями. Общій безотрадный тонъ смягчается развѣ только исторической перспективой, не позволяющей измѣрять прошлаго мѣркою другого времени, такими самоотверженными и безконечно-любящими характерами, какъ княгиня Н. В. Долгорукая, да такими просвѣщенными людьми, какъ князь Д. М. Голицынъ и В. Н. Татищевъ, у которыхъ хоть и были тоже изъяны[1]), но были въ то же время и положительныя достоинства. Слова Пушкина: «ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!»—какъ нельзя болѣе кстати поставлены эпиграфомъ къ одному изъ очерковъ. Время, когда «нельзя было лечь вечеромъ въ постель въ увѣренности, что на другое утро проснешься дома», а не гдѣ-нибудь въ казематѣ, когда никто не былъ гарантированъ отъ дыбы и смерти, когда кара постигала не однихъ только осужденныхъ, но и всѣхъ ихъ родственниковъ, близкихъ и дальнихъ, и когда такимъ образомъ истреблялись цѣлыя фамиліи, какъ, наприм., князей Голицыныхъ въ 1737 году, Долгорукихъ и др.,—такое время, дѣйствительно, можно назвать ужаснымъ. Изложеніе г. Корсакова отличается фактическою обстоятельностью и самымъ живымъ интересомъ. Намъ кажется только, что онъ заплатилъ нѣкоторую дань исторической перспективѣ, а именно: точно подавленный сплошнымъ мракомъ и желая скрасить и осмыслить ту эпоху, онъ какъ-то черезчуръ подчеркиваетъ въ положительномъ смыслѣ факты, гдѣ проявилось положительное наше сознаніе и національное достоинство: борьбу московской знати съ иноземцами, попытку верховниковъ ограничить самодержавіе Анны Іоанновны и борьбу шляхетства съ верховниками. Намъ кажется, что борьба съ иноземцами была не столько плодомъ національныхъ стремленій и сознательнаго плана, сколько борьбою чисто личной. Въ этой ужасной борьбѣ русскіе и нѣмцы одинаково поѣдали другъ друга: въ числѣ противниковъ Меншикова мы находимъ и русскихъ, напр., Долгорукихъ, Толстого, а самымъ сильнымъ преслѣдователемъ Долгорукихъ и Голицыныхъ является Волынскій; Волынскаго, въ свою очередь, преслѣдуютъ не только Остерманъ и Биронъ, но и Куракинъ, Неплюевъ и др. Бирону принадлежитъ только послѣдній ударъ, когда все уже было подготовлено. Онъ любилъ Волынскаго, пока не былъ противъ него возстановленъ. Но достаточно посмотрѣть на составъ высшихъ судовъ, судившихъ тогдашнихъ временщиковъ и «случайныхъ людей», даже на составъ одного только «генеральнаго собранія», которое судило князя Д. М. Голицына и состояло изъ 20 чисто русскихъ, самыхъ отборныхъ фамилій, чтобы видѣть, насколько сами русскіе участвовали въ взаимномъ истребленіи. Не даромъ Волынскій повторялъ удачныя слова одного юродиваго того времени: «намъ, русскимъ, не надобенъ хлѣбъ,—мы другъ друга ѣдимъ и съ того сыты бываемъ». Только благодаря этому и могло существовать такъ называемое «нѣмецкое правительство». Несомнѣнно, оно было ужасно, несомнѣнно, что въ народѣ существовало на него сильное недовольство, но отзвукъ это недовольство находило только въ весьма немногихъ передовыхъ людяхъ того времени, да и то стоявшихъ одиноко или въ сторонѣ отъ событій; борьба же велась только тѣми, кому

---

[1]) Князь Голицынъ не могъ не порадѣть родному человѣчку—князю Кантемиру; а у Татищева были злоупотребленія по Оренбургской экспедиціи.

нѣмцы стояли поперекъ ихъ собственной дороги, и велась не во имя общественныхъ интересовъ и какихъ-нибудь принциповъ, а чтобы занять ихъ мѣсто. Ссора Волынскаго съ Остерманомъ была чисто личною, а противъ Миниха онъ привлекъ на свою сторону Бирона. Хоть онъ и мечталъ иногда или, какъ самъ выражался, «забиралъ паче мѣры ума» и развивалъ иногда передъ конфидентами разные политическіе планы, но планы эти до того были смутны и до того переплетались съ личными честолюбивыми замыслами, что не можетъ, кажется, подлежать сомнѣнію, что почва подъ ними была личной. Знаменитый нѣмецкій тріумвиратъ также постоянно ссорился между собою, и ссорился вовсе не для отвода только глазъ, а серьезно. Такое ужъ было тогда время—«суетное и опасное», какъ тогда говорили. Личные интересы расширялись до государственныхъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, одушевляли только очень немногіе лучшіе умы того времени; большинство же стремилось къ власти и выгодамъ, и или умно и разсчетливо пользовалось ими, какъ Разумовскій, или дѣлало какой-нибудь рискованный шагъ и пропадало, какъ Долгорукіе, достигшіе до сочиненія духовнаго завѣщанія на престолонаслѣдіе отъ имени Петра II въ пользу его невѣсты изъ своего рода. Мы не вдаемся въ критическое разсмотрѣніе стремленій и плановъ верховниковъ, которые были въ сущности олигархическими, и болѣе широкихъ шляхетскихъ проектовъ, хотя и подъ ними была почва личныхъ счетовъ за положеніе съ верховниками, а говоримъ только, что такія общественныя стремленія одушевляли лишь очень немногихъ и прежде всего встрѣчали препятствіе въ тогдашней разровненности общества, во всеобщей враждѣ и преобладаніи узкихъ личныхъ интересовъ, благодаря чему замыслы верховниковъ не удались, а шляхетское движеніе такъ и не вышло изъ періода броженія. Анна Іоанновна, по восшествіи на престолъ, преспокойно разорвала «кондиціи» верховниковъ и, въ отвѣтъ на это было всеобщее молчаніе, а иниціаторъ, стоявшій во главѣ дѣла, князь Д. М. Голицынъ, остался совершенно одинокимъ. Мало этого, къ нему черезъ нѣкоторое время придрались, по самому незначительному поводу, судили его, какъ мы сказали, чисто русскіе люди, изъ которыхъ у каждаго было не меньше грѣховъ, чѣмъ у него, и безъ всякаго милосердія присудили къ заключенію въ Шлиссельбургъ, гдѣ онъ и умеръ.

Словомъ, историческая перспектива не должна, какъ намъ кажется, ни уменьшать, ни увеличивать однихъ явленій на счетъ одновременныхъ съ ними другихъ. Но это нисколько, однако, не мѣшаетъ книгѣ г. Корсакова быть очень хорошей и интересной. Въ заключеніе упомянемъ, что въ концѣ книги еще приложены три рецензіи автора: двѣ о книгахъ г. Семевскаго—«Царица Прасковья» и «Царица Екатерина I и Монсы» и о книгѣ г. Кобеко—«Цесаревичъ Павелъ Петровичъ». С. К.

Веске. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Казань. 1891.

Русская ученая критика въ долгу передъ памятью безвременно скончавшагося финолога. Его капитальный трудъ оцѣненъ пока только съ филологической стороны. Культурно-историческіе результаты кропотливаго и, къ сожалѣнію, незаконченнаго изслѣдованія не были до сихъ поръ отмѣчены. Мы беремъ на себя смѣлость посильно восполнить этотъ существенно важный для русскаго историка пробѣлъ.

Финскій міръ входитъ съ давнихъ поръ существеннымъ, хотя и пассивнымъ, факторомъ въ русскую исторію. Онъ представляетъ собою первый объектъ, на который направлена была завоевательная дѣятельность еще разрозненныхъ русскихъ племенъ и княжествъ; онъ въ теченіе вѣковъ поставляетъ матеріалъ, изъ соединенія котораго съ славянскими стихіями вырабатывается великорусская народность. Мы знаемъ цѣлый рядъ потонувшихъ въ славянской массѣ финскихъ племенъ средней Россіи — Мещеру, Мурому, Мерю, Весь. Какъ совершился этотъ процесъ поглощенія однихъ этнологическихъ элементовъ другими, наши древніе источники не говорятъ, и историкамъ приходится ограничиваться догадками, въ лучшемъ случаѣ заключеніями отъ позднѣйшихъ явленій того же порядка. Изслѣдованіе покойнаго Веске проливаетъ яркій свѣтъ на этотъ вопросъ, отодвигая эпоху, съ которой можно начать изученіе отношеній финскаго міра къ славянскому, далеко за хронологическіе предѣлы нашей первоначальной лѣтописи.

Языкъ имѣетъ свою хронологію. Формы словъ мѣняются во времени такъ же, какъ формы жилищъ, одежды, орудій: за періодомъ, когда русскій говорилъ сондъ, грендон, онда, наступилъ періодъ, когда тѣ же слова стали произноситься: судъ, гряду, уда и т. п. Періоды эти нельзя, конечно, заключить въ точныя хронологическія рамки. Лингвистическія эпохи удобнѣе всего сравнить съ археологическими. Концомъ періода, когда русскіе употребляли носовые звуки, можно съ большими предосторожностями принять эпоху первыхъ памятниковъ славянской письменности; его начало уходитъ въ глубокую даль прошедшаго, въ пору обособленія славянъ изъ нераздѣльной первоначально славяно-лето-германской группы аріевъ. Формы заимствованныхъ словъ могутъ такимъ образомъ служить указаніемъ на періодъ, когда они были заимствованы. Прочность выводовъ обезпечивается признаннымъ въ лингвистикѣ фактомъ, что чужое слово замираетъ у народа въ той формѣ, въ какой онъ его заимствовалъ.

Построенная на этихъ основныхъ идеяхъ работа Веске даетъ намъ возможность понять тѣ условія, въ силу которыхъ такъ незамѣтно для исторіи исчезли извѣстныя первоначальному лѣтописцу финскія племена: процесъ асимиляціи финскаго міра тянулся цѣлые вѣка, прежде, чѣмъ на Руси зародилась исторіографія.

Къ эпохѣ существованія въ славяно-русскихъ говорахъ носовыхъ звуковъ, «юсовъ», относятся весьма важныя заимствованія, сдѣланныя финами у славянъ. На первомъ планѣ слѣдуетъ поставить финскія слова, имѣющія свой источникъ въ славяно-русскомъ корнѣ сонд— (суд—); таковы финскія suntjia — распорядитель, suunta—порядокъ, suunittaa (вмѣсто древ. suundittaa) — направлять, эстонскія suńd — принужденіе, судъ, suńdima—судить, мстить, suńdija—правитель, судья, ливонское sunn (вмѣсто sund)—судить, судья. Рядъ этихъ древне-славянскихъ по формѣ корня словъ показываетъ, что къ эпохѣ юсовъ въ славяно-русскихъ говорахъ относится заимствованіе финами у славянъ одного изъ важнѣйшихъ элементовъ организованнаго общества. Къ словамъ заимствованнымъ въ древнѣйшій періодъ славяно-финскихъ отношеній слѣдуетъ отнести термины, относящіеся къ земледѣлію, скотоводству и техникѣ: фин. siemen, эст. seemen, вепс. semen—сѣмя—др. сл. сѣмен, фин. kuomen, вотск. koomina — др. сл. гумьно, фин. naatti — листья и стебли корнеплодныхъ растеній—др. сл. нать—сте-

бель, ботва, фин. ijes (ikes) — иго, ярмо, эст. ike — др. сл. игос, игес, фин. hurtta, эст. hurt—борзая охотничья собака—др. сл. хрътъ рус. хортъ—видъ охотничьихъ собакъ, вѣроятно, др. сл. конь (фин. koni), яръ (фин. jäärä баранъ, эст. jäär) фин. palttina — др. сл. платьно, эст. waap—краска, waapama—красить—др. сл. вапъ—краска. Картина древнѣйшихъ доисторическихъ отношеній финскаго міра къ славянскому можетъ быть дополнена еще нѣсколькими чертами, хронологія которыхъ опредѣляется не менѣе точно, хотя и на основаніи другихъ данныхъ. Сравнительное изученіе финскихъ нарѣчій показало, что было нѣкогда время, когда западные финны и мордва составляли одну этнографическую группу и говорили однимъ діалектомъ. Время этого сожительства лежитъ за предѣлами древнѣйшихъ историческихъ свидѣтельствъ: древнѣйшія извѣстія нашихъ лѣтописей представляютъ эту группу уже разорванной — финновъ и эстовъ на берегахъ Балтійскаго моря, мордву на Окѣ. Мѣстомъ былого жительства этой объединенной групы считается среднее Поволжье (мы думаемъ—нынѣшнее Нижегородское, оба берега). Встрѣчая въ словаряхъ этихъ разрозненныхъ нынѣ племенъ одни и тѣ же слова и притомъ въ одной формѣ, мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что заимствованія сдѣланы въ древнѣйшій періодъ совмѣстной жизни названныхъ племенъ. Такихъ словъ пока отмѣчено немного (конечно, благодаря неудовлетворительности мордовскихъ словарей обоихъ нарѣчій), но они очень характерны и важны для историка. Мы имѣемъ: фин. lato, эст. lado, морд. lata—амбаръ, овинъ, фин. rotu, вепс. rodu, морд. rod—поколѣніе, родъ. Особенный интересъ представляютъ слова, по отношенію къ которымъ обѣ хронологическія примѣты совпадаютъ: фин. onte, onteva—дуплистый имѣетъ паралель въ мокша-морд. undu, эрзя-морд. undov, эст. punga—пуговица имѣетъ паралель въ морд. pongovlems—застегивать эст. sang—ручка, angu—вилы, филы, фин. hanko—вилы имѣютъ паралель, въ эрзя-морд. sango вилы. Употребляясь у разрозненныхъ позднѣе племенъ, эти слова были заимствованы въ періодъ совмѣстной жизни и притомъ тогда, когда русскіе славяне употребляли еще въ своей рѣчи носовые звуки: фин. onte (lö) соотвѣтствуетъ др. славянскому корню онтлъ, эст punga — др. сл. понг— (рус. пуг—овица), фин. hanko — др. сл. сонкъ, лит. szanku. Изъ этого совпаденія оказывается, что періодъ совмѣстной жизни западныхъ и приволжскихъ финновъ совпадаетъ съ періодомъ юсовъ въ исторіи русскаго языка..

За цѣлыя столѣтія до тѣхъ поръ, какъ была написана первая строка нашей первоначальной лѣтописи началось такимъ образомъ культурное подчиненіе финскаго міра славянскому. Разцвѣтъ этого вліянія русско-славянской культуры на финновъ запада относится къ первымъ столѣтіямъ нашей исторіи. Съ XIII вѣка финны подчиняются шведскому вліянію, эсты нѣмецкому, но вѣка германскаго вліянія не успѣли вытравить изъ западно-финскихъ нарѣчій слѣдовъ былого культурнаго вліянія славяно-руссовъ. Языкъ остается неподкупнымъ свидѣтелемъ того, что подъ вліяніемъ русскихъ славянъ складывался въ древности внѣшній бытъ западныхъ финовъ, явилась вмѣсто чума-коты бревенчатая постройка съ окнами (фин. и вотск. аккуна, эст. акап) вмѣсто отверстія, служившаго дверью съ воротами (фин. veräjä, эст. wärat', ливон. väärod), пріобрѣтено было знакомство съ хозяйственными пристройками въ видѣ клѣтей, хлѣвовъ (отн. клѣти см. выше, фин. läävä—р. хлѣвъ), съ ремеслами и ору-

діями труда. Отъ русскихъ славянъ финны заимствовали и нѣкоторые изъ пищевыхъ растеній—ярицу, вешну (фин. vehna), пшеницу (фин. nisu), рѣпу (фин. rierpu), горохъ (фин. rokka).

Наибольшее количество заимствованій приходится на область общественныхъ и семейныхъ отношеній. Мы уже видѣли, что понятіе о родовомъ союзѣ финны заимствовали у русскихъ славянъ въ періодъ совмѣстной жизни мордвы и западныхъ финновъ. Можетъ быть, къ этому періоду относится и заимствованіе термина «семья» (фин. heimo—родъ, эст. hoim—родня). Изъ этого же источника заимствованы финнами слова, служащія для обозначенія правового положенія человѣка въ обществѣ—свобода (фин. vapas вм. vapata, эст. waba, wabadus; лив. vabad), воля (эст. woli), для обозначенія торговыхъ отношеній — торгъ (фин. turku — торговая площадь, эст. turg— базаръ, торговая площадь. лив. törg), товаръ (фин. tavara — имѣніе, собственность, товаръ), мѣра (фин. määrä, эст. määr, лив. määr, вепс. mär), для отношеній гостепріимства—гость (фин. kosti, эст. kos't), пиръ (фин. piirro, вотск. piiru, вепс. piir), для отношеній взаимной помощи — толока (фин. talkoo, эст. talgu), для обозначенія предѣловъ поземельныхъ владѣній—край (фин. raja — граница, рубежъ, эст. raja—граница, край), копица (эст. kupits—межевой курганъ), для обозначенія осуждаемыхъ обществомъ и религіей нравственныхъ отношеній—курва (фин. kurva—распутная женщина) грѣхъ (фин. räähkä). Изъ славяно-русскаго источника фины заимствовали психологическіе термины—умъ (фин. uumi, numa), толкъ (фин. tolkku, эст. и вепс. tolk), дума (фин. tuuma), дуракъ (turakka), ласковый (фин. laskava, laska). Къ числу важныхъ заимствованій слѣдуетъ отнести славяно-русскія названія цвѣтовъ—синій (фин. sini, эст. sini, sinine, вотск. sininee, вепс. sin', ливон. sinni), бурый (фин. puurru). Къ древнимъ заимствованіямъ у современныхъ эстовъ-лютеранъ относятся слава räästol — р. престолъ, rist — крестъ. Покойный Веске замѣчаетъ по поводу этихъ словъ, что на основаніи ихъ первое знакомство эстовъ съ христіанствомъ слѣдуетъ отнести къ времени предшествующему появленію нѣмцевъ въ Балтійскомъ краѣ.

Изъ перечня заимствованныхъ въ эту относительно позднѣйшую эпоху словъ оказывается, что славяно-русское вліяніе шло, все усиливаясь, по путямъ, которые были намѣчены еще въ древнѣйшій періодъ: оно глубоко измѣняло внѣшній бытъ и общественныя отношенія финновъ. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что тамъ, гдѣ оно продолжалось, не прерываемое никакими политическими перемѣнами, какъ въ Финляндіи и Прибалтійскомъ краѣ, финны медленно русѣли и на мѣстахъ ихъ древнихъ жилищъ — въ области Муромы, Веси, Мери, въ Заволочьи — незамѣтно для нашихъ старыхъ бытописателей оказалось русское населеніе—русское по языку, полурусское по крови.

Значеніе труда Веске этимъ не исчерпывается. Прежде, чѣмъ говорить о другихъ его результатахъ для русской исторіи, мы позволимъ себѣ небольшое отступленіе и опредѣлимъ въ какомъ отношеніи стоитъ онъ къ ранѣе напечатанной книгѣ Альквиста: «Культурныя слова западно-финскихъ нарѣчій» («Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen». Helsingfors. 1875).

Альквистъ такъ же, какъ и Веске, пользуется языкомъ, какъ культурно-историческимъ источникомъ: онъ пытается на основаніи общихъ собственно финскихъ и затѣмъ цѣлаго ряда заимствованныхъ словъ опредѣлить, какъ слагалась древне-финская культура. Ученая добросовѣстность не

остановила его предъ мало лестными для національнаго самолюбія выводами; онъ призналъ, что собственно-финская древняя культура не поднималась надъ уровнемъ нынѣшней вогульско-остяцкой, что всѣми усовершенствованіями въ области скотоводства, земледѣлія, домашняго устройства, одежды, пищи, общественныхъ отношеній финны обязаны болѣе развитымъ сосѣдямъ—германцамъ, литовцамъ и славянамъ. Большую часть тѣхъ заимствованій у славянъ, на которыя мы встрѣчаемъ указанія въ неоконченной книгѣ Веске, констатировалъ и Альквистъ. Въ числѣ заимствованныхъ у славянъ словъ и съ ними культурныхъ элементовъ онъ указываетъ и такія, которыхъ Веске не успѣлъ коснуться. Картина славянскаго вліянія на финновъ у Альквиста выходитъ такимъ образомъ полнѣе. Значеніе книги Веске заключается, однако, въ томъ, что онъ выдѣлилъ изъ заимствованныхъ финнами элементовъ славянскіе и имѣлъ смѣлость, будучи финномъ-эстомъ, сдѣлать ихъ предметомъ спеціальнаго изслѣдованія. Затѣмъ, оцѣнивая книгу Веске, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что Альквистъ, какъ это давно уже было замѣчено Андерсономъ, относитъ тѣ или другія слова къ заимствованіямъ изъ славянскаго или другого источника, не указывая основаній, въ силу которыхъ онъ признаетъ данное слово славянскимъ или инымъ, и времени, когда оно могло быть заимствовано, отнимая этимъ у своихъ выводовъ значительную часть исторической цѣнности. Веске съ замѣчательной тщательностью восполняетъ въ своей книгѣ этотъ пробѣлъ. Страницы 141—158 даютъ намъ законы звуковыхъ соотвѣтствій, на основаніи которыхъ мы можемъ признать происшедшими изъ одного источника слова, имѣющія различный видъ въ различныхъ финскихъ нарѣчіяхъ; начиная съ стр. 159 идутъ формулы соотвѣтствій славянскихъ и русскихъ звуковъ съ финскими. Этихъ формулъ, «правилъ» Веске даетъ 16, но число ихъ должно было значительно увеличиться въ послѣдующихъ выпускахъ его труда. Законы звуковыхъ соотвѣтствій, формулированные Веске, представляютъ собою прочный фундаментъ, на которомъ дальнѣйшіе изслѣдователи могутъ достроивать начатое имъ зданіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ они могутъ служить мѣркой для оцѣнки тѣхъ этимологическихъ упражненій, къ которымъ нерѣдко прибѣгаютъ наши историки и археологи-любители для основанія своихъ выводовъ. Значеніе этихъ законовъ увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что на основаніи ихъ могутъ рѣшаться — и въ книгѣ Веске рѣшаются — спорные вопросы, когда извѣстное культурное слово можно признать заимствованнымъ или изъ германскаго, или изъ литовскаго, или изъ славяно-русскаго источника. Такіе спорные случаи открываютъ доступъ въ область научнаго изслѣдованія политическимъ тенденціямъ; спорные вопросы рѣшаются на основаніи политическихъ симпатій — въ пользу сѣверо-германскаго или даже литовскаго вліянія въ ущербъ славяно-русскому. Веске не разъ констатируетъ въ своей книгѣ эту подчасъ, вѣроятно, безсознательную политическую тенденцію въ произведеніяхъ финскихъ филологовъ и показываетъ ея несостоятельность (см. стр. 167, 175, 183—184, 196—197, 199, 202, 205, 222, 225, 254).

Ученіе объ эпохахъ, которыя слѣдуетъ различать въ заимствованіяхъ, составляетъ не менѣе важное преимущество книги Веске надъ трудомъ его предшественника. Въ то время, какъ Альквистъ довольствуется указаніемъ, что такое-то слово имѣетъ славянское или русское происхожденіе, Веске отчетливо различаетъ слова, заимствованныя у русскихъ въ сравнительно

позднѣйшій періодъ, слова, заимствованныя у славянъ въ доисторическія времена, наконецъ, слова, заимствованныя у славо-лето-германцевъ въ періодъ ихъ совмѣстной жизни и, такимъ образомъ, расширяетъ хронологическіе предѣлы, въ которыхъ историкъ наблюдаетъ взаимодѣйствіе славянскаго и финскаго міровъ.

Занятый въ разсматриваемомъ выпускѣ своего труда подборомъ матеріала, Веске едва намѣчаетъ тѣ выводы, которые должны были бы явиться въ результатѣ его изслѣдованія. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ онъ даетъ, однако, понять, что кромѣ культурно-историческихъ вопросовъ его занимали вопросы историко-географическіе — вопросы о древнѣйшихъ мѣстахъ обитанія финновъ. Древнѣйшія историческія свидѣтельства по этому вопросу даетъ наша первоначальная лѣтопись, но уже со временъ Кастрена начинается рядъ попытокъ заглянуть за ея хронологическіе предѣлы, въ болѣе отдаленное прошлое. Выдвигая заимствованія, сдѣланныя финнами изъ древне-славянскаго и литовскаго источниковъ и сохранившіяся въ одинаковой формѣ у западныхъ и волжскихъ представителей племени, Веске находитъ необходимымъ допустить, что въ періодъ нераздѣльной еще жизни финны были сосѣдями не жившихъ никогда на сѣверѣ славянъ и литовцевъ и въ эту пору сдѣлали у этихъ послѣднихъ рядъ важныхъ культурныхъ заимствованій (стр. 138, 303).

Есть еще вопросъ, при изслѣдованіи котораго историкъ долженъ будетъ обратиться къ книгѣ Веске; это вопросъ объ этнологическомъ отношеніи угро-финскаго міра къ арійскому. Финновъ принято считать вмѣстѣ съ тюрками членами огромной семьи монголоидовъ. Сравнительное изученіе финскихъ и арійскихъ языковъ поколебало въ послѣднее время у нѣкоторыхъ финнологовъ вѣру въ прочность этого положенія. Лингвисты обнаружили рядъ такихъ словъ которыя являются общими у финновъ съ арійцами, но не могутъ считаться заимствованными финнами у арійцевъ или наоборотъ. Присутствіе этого общаго лексическаго матеріала заставило нѣкоторыхъ ученыхъ предположить, что угро-финны были нѣкогда связаны родственными узами съ арійцами и, рано оторвавшись отъ этихъ послѣднихъ, утратили исподволь и подъ вліяніемъ чуждыхъ элементовъ черты своей первоначальной природы. Гипотеза эта только поставлена. Нужно много изслѣдованій, чтобы обосновать или отвергнуть ее, но ея историческій интересъ внѣ сомнѣнія. Не этимъ ли давнимъ родствомъ будетъ когда-нибудь объясненъ тотъ фактъ, что финны оказываются болѣе способными къ асимиляціи съ арійцами, чѣмъ стоящіе съ ними на одной степени культуры и предполагается родственные монголоиды—тюрки? Въ книгѣ Веске, одного изъ сторонниковъ этой гипотезы, историкъ найдетъ значительный, хотя только сырой, матеріалъ по этому вопросу. Мы сказали все, что могли, по поводу труда покойнаго финнолога. Читатель согласится, конечно, что этотъ трудъ заслуживаетъ полнаго вниманія русскаго историка. И. С.

Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1890). А. М. Скабичевскаго. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1891.

«Исторія новѣйшей литературы» г. Скабичевскаго начинается вопросомъ: «слѣдуетъ ли ставить Гоголя во главѣ новаго періода литературы съ эстетической точки зрѣнія и со стороны содержанія его произведеній?»

И авторъ увѣряетъ, что не слѣдуетъ, «если мы постараемся уяснить себѣ болѣе точно и опредѣленно, чѣмъ же собственно писатели сороковыхъ годовъ и послѣдующіе были обязаны Гоголю». «Если,—говоритъ авторъ «Исторіи»,—«мы будемъ разсматривать вліяніе Гоголя съ одной эстетической точки зрѣнія, будемъ считать его родоначальникомъ натурализма въ Россіи, то намъ со всѣхъ сторонъ (?) могутъ возразить: чѣмъ же не натуральны «Повѣсти Бѣлкина», «Капитанская дочка»? Пушкинъ потому уже имѣетъ болѣе правъ считаться первымъ образцомъ натуралистовъ въ Россіи, что онъ всестороннѣе Гоголя...» Мы имѣемъ тутъ нѣсколько «новыхъ» мыслей: считать кого-либо родоначальникомъ натурализма, значитъ разсматривать его вліяніе съ одной эстетической точки зрѣнія; кто всестороннѣе, тотъ имѣетъ болѣе правъ считаться натуралистомъ въ литературѣ. Не правда ли, удивительныя мысли! Такъ какъ Шекспиръ всестороннѣе всѣхъ поэтовъ міра, то, читатель, натурализмъ никогда послѣ него не возникалъ въ Англіи, а равно и во всѣхъ другихъ странахъ. Но продолжимъ доказательства автора. «Въ томъ-то и дѣло,—авторитетно заявляетъ онъ,—что натурализмъ является въ русской литературѣ вовсе не въ видѣ coup d'état, внезапнаго открытія... Это не воинственный завоеватель (!), вторгшійся Богъ вѣсть, откуда» (!!). И опять новыя мысли: чтобы быть творцомъ натурализма, нужно ввести его «въ видѣ coup d'état», или, по крайней мѣрѣ, «внезапнаго открытія»; нужно еще уподобиться «воинственному завоевателю, вторгшемуся, Богъ вѣсть, откуда и разомъ перевернуть все вверхъ дномъ»... «Гоголь является вовсе не такимъ новаторомъ, которые вводятъ нѣчто совершенно небывалое...»—продолжаетъ разсуждать авторъ, нисколько не смущаясь. Какъ видитъ читатель, съ первыхъ страницъ «Исторіи» онъ вводится въ рядъ совершенно комическихъ мыслей. И авторъ по этой части долженъ быть признанъ неистощимымъ. Любопытно, однако, что на стр. 427 мы читаемъ: «Какъ и всѣ писатели сороковыхъ годовъ, Островскій ведетъ свое начало отъ Гоголя...» Правда, авторъ прибавляетъ: «но, подобно имъ, прямое происхожденіе отъ Гоголя нисколько не помѣшало ему создать свою особенную школу, и съ первыхъ же пьесъ онъ становится на совершенно самостоятельную почву»... Но кто же когда сомнѣвался въ томъ, что вліяніе великаго писателя, вносящаго новое въ литературу, вовсе не лишаетъ самостоятельности талантливыхъ послѣдователей, а геніальнымъ не мѣшаетъ даже создавать и новую школу? Въ короткой рецензіи нѣтъ возможности въ точности опредѣлить характеръ книги; но приведеннаго примѣра, думается достаточно, чтобы ясно показать спутанность и, какъ бы это выразить... недальновидность литературныхъ представленій и понятій нашего автора.

Сообразно началу, носитъ странно-комическій характеръ и вся «Исторія». Тутъ вы найдете, что «въ этомъ періодѣ (у Майкова) преобладали стихотворенія антологическія, совершенно отрѣшенныя отъ живой дѣйствительности», какъ будто «антологическій» есть ближайшій синонимъ словъ «отрѣшенный отъ дѣйствительности». Но авторъ, что называется, не унимается, и увѣряетъ, что произошло потомъ «паденіе» таланта Майкова, да еще «печальное» паденіе, когда онъ обратился опять къ антологической поэзіи. Неизмѣримая узость понятій сказывается въ подобныхъ характеристикахъ; критикъ говоритъ: или пой въ мою дудку, или—будетъ паденіе. Неужели автору не извѣстно, что можно оставаться геніально талантливымъ

въ антологической поэзіи и безконечно бездарнымъ въ самоновѣйшемъ по направленію стихоплетенія? Но узко-партійная рутина такъ глубоко сидитъ въ авторѣ, что напримѣръ, г. Фругъ, накропавшій десятка три весьма не прекрасныхъ стихотвореній, въ «Исторіи» является безъ всякаго «паденія», и авторъ восхваляетъ его за «идеалы вполнѣ земледѣльческаго характера»! По истинѣ—открытіе! Въ стихотвореніяхъ г. Фруга, конечно, никакой «земледѣльческой поэзіи» совсѣмъ нѣтъ и не было; но за то какъ прогрессивно и «гуманно» выдуманы «земледѣльческіе» идеалы у сына Израиля, каковые сыны, какъ извѣстно, въ дѣйствительности бѣгутъ отъ «земледѣльческихъ идеаловъ».

Примѣры, приведенные нами, имѣютъ общее для «Исторіи» значеніе: въ ней все, что не думаетъ по шаблону «шестидесятыхъ годовъ», объявляется «обскурантнымъ», что слѣпо слѣдуетъ этой рутинѣ, превозносится. И потому вы встрѣчаете такія комическія сопоставленія, что Тургеневъ «не успѣлъ усвоить новое, положительное міросозерцаніе», хотя, по автору очень былъ либеральный человѣкъ; а вотъ г. Короленко въ своемъ «Снѣ Макара» «обнаруживаетъ человѣка, стоящаго вполнѣ на уровнѣ вѣка по своему образованію», т. е. на томъ самомъ уровнѣ, котораго достигъ самъ г. Скабичевскій. Про Майкова, сверхъ вышеприведеннаго, говорится, что въ концѣ концовъ онъ «пошелъ далѣе служенія чистому искусству, проникшись... славянофильскими тенденціями школы почвенниковъ и сдѣлался жертвою фанатическаго обкурантизма»! Еще бы, ужъ если перешелъ къ воззрѣніямъ почвенниковъ, то какъ необкурантъ! А вотъ Надсонъ—тотъ опять стоялъ на высотѣ самаго настоящаго образованія (т. е. сходнаго съ образованіемъ самого г. Скабичевскаго), какъ это слѣдуетъ изъ всей характеристики этого поэта, хотя онъ умеръ въ слишкомъ молодыхъ лѣтахъ, чтобы успѣть выработать серьезныя воззрѣнія.

Та... недальновидность, которая сказывается въ указанныхъ выше воззрѣніяхъ автора «Исторіи», дѣлаетъ не совсѣмъ пріятными для писателей его отзывы, даже самые лестные. Едва ли даже г. Фругъ останется благодаренъ г. Скабичевскому за «земледѣльческіе идеалы». Еще менѣе останутся довольны, напримѣръ, гг. Альбовъ и Баранцевичъ за увѣреніе, что будто бы они «пессимисты». Перваго авторъ нашъ настойчиво увѣряетъ, что онъ находится подъ вліяніемъ Золя, Флобера и т. п.; напрасно г. Альбовъ заявлялъ печатно, что онъ «къ стыду своему» совсѣмъ не читалъ названныхъ писателей,—недальновидность автора соединяется съ упрямствомъ и настойчивостью, и онъ повторяетъ свое мнѣніе, вѣроятно на такомъ же основаніи: «ну, чтожъ, что не читалъ; такъ могъ и долженъ былъ читать, въ качествѣ беллетриста»,—выраженіе, какъ припомнитъ читатель, базаровское. Включая въ «Исторію» все, до литературныхъ цыплятъ, авторъ нашъ третируетъ ихъ, какъ большихъ особей, разсказывая про нихъ, въ какой «конурѣ кто жилъ, кто раздаетъ билеты кондукторамъ, кто когда сошелся съ такой-то и такой-то дѣвушкой и пр., и пр.». Какъ будто все это Шекспиры да Гете, каждая черта жизни которыхъ должна быть извѣстна. И думается, многіе изъ современныхъ писателей, еще слава Богу, здравствующіе, читая о себѣ подобныя подробности и чувствуя себя еще не похороненными, не доброе слово скажутъ автору «Исторіи», выставившему ихъ на свѣтъ Божій въ через-чуръ откровенномъ видѣ...

Узкая партійность, соединенная съ недальновидностью, такъ велика у

автора «Исторіи», что онъ не хочетъ признавать нѣкоторыхъ писателей, Кто не знаетъ въ Россіи г. Кота-Мурлыку, автора извѣстныхъ «Сказокъ» и многихъ повѣстей,—если и не отличающагося такимъ образованіемъ и талантомъ, какъ г. Короленко, однако же и не Богъ знаетъ какъ уступающему въ этомъ отношеніи хотя бы г. поэту Дрожжину и инымъ, имена ихъ Ты же, Господи, вѣси. И однако же о г. Дрожжинѣ есть слова въ «Исторіи», а о г. Котѣ-Мурлыкѣ, какъ и о нѣсколькихъ другихъ, напримѣръ, о несомнѣнно талантливомъ и симпатичномъ беллетристѣ Щегловѣ,—ни слова. Собственно говоря, авторъ поступилъ правильно только относительно ихъ, впрочемъ,—потому-что странно вводить въ «Исторію» множество писателей, еще только начавшихъ дѣятельность, и относительно которыхъ пока еще вопросъ оставятъ ли они имена въ исторіи литературы. Но для послѣдовательности слѣдовало и ихъ включить въ число «историческихъ» писателей, или же, причислить къ нимъ, въ смыслѣ умолчанія, и болѣе, чѣмъ «сто одного» другихъ писателей. Потому-что исторія литературы есть... А впрочемъ, можно ли говорить серьезно по поводу столь комической книги, по поводу «Исторіи», появленіе которой представляетъ собою тоже поистинѣ своего рода «исторію»... В. А.

Помощь самообразованію. Сборникъ публичныхъ лекцій, популярно-научныхъ статей и литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ, издаваемый и редактируемый врачемъ А. Ѳ. Тельнихинымъ. Выпуски I и II. Саратовъ. 1889—90.

Помощь самообразованію. Популярно-научный и литературный иллюстрированный журналъ, издаваемый и редактируемый А. Ѳ. Тельнихинымъ. Саратовъ. 1891. №№ 1 и 2.

Г. Тельнихинъ предпринялъ изданіе сначала сборника, а затѣмъ журнала, подъ названіемъ: «Помощь самообразованію», цѣль котораго опредѣляется имъ слѣдующимъ образомъ: — «Значительное число людей, не получивъ законченнаго образованія, стремится восполнить пробѣлы знанія чтеніемъ, накидывается съ жадностью на каждую попадающуюся въ ихъ руки книгу; но, затративъ массу времени и труда, достигаетъ результатовъ ничтожныхъ, вслѣдствіе отсутствія системы въ попыткахъ къ самообразованію. Такое положеніе дѣлаетъ желательнымъ появленіе изданія, которое бы въ видѣ свода публичныхъ лекцій и популярныхъ статей, составленныхъ лучшими популяризаторами всего міра, давало бы свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія, въ формѣ болѣе удобопонятной и привлекательной, чѣмъ сухіе, многими обѣгаемые учебники. При обдуманно-послѣдовательномъ подборѣ статей, такое изданіе, соединивъ труды популяризаторовъ знанія всего міра, явилось бы руководителемъ и матеріаломъ для систематическаго чтенія, «помощью самообразованію».

Стремленіе помочь людямъ въ дѣлѣ ихъ интелектуальнаго развитія, желаніе дать имъ «матеріалъ и руководство для систематическаго чтенія»—заслуживаетъ полнаго сочувствія со стороны всѣхъ, вѣрящихъ въ силу знанія. Но осуществленіе этого намѣренія—дѣло очень трудное; особенно же трудно оно въ провинціи и при недостаткѣ матеріальныхъ средствъ, на что жалуется г. Тельнихинъ. И потому къ его изданію нельзя предъявлять слишкомъ строгихъ требованій.

Чтó же даютъ первые четыре выпуска «Помощи Самообразованію?» Разсматривая ихъ содержаніе, мы видимъ преобладаніе въ нихъ статей естественно-научнаго характера. Нѣкоторыя изъ работъ этого рода (частію перепечатки) подписаны именами извѣстныхъ спеціалистовъ. Таковы, напр., статьи профессоровъ — Сорокина — «О долговѣчности растеній», Любимова — «Бактеріи и ихъ вліяніе на здоровье человѣка», Фаминцына — «Психическая жизнь простѣйшихъ организмовъ». Отличается затѣмъ полнотою отдѣлъ прикладныхъ знаній, къ которому относятся статьи: «О пожарахъ въ Россіи», «Пишущая машина», «О приготовленіи чучелъ» и другія, въ выборѣ которыхъ редакція, кажется, не держится опредѣленной системы. Искусству также отводится почетное мѣсто; такъ, здѣсь печатается переводъ сочиненія Э. Байэ — «Обзоръ исторіи искусствъ». Кромѣ того, въ каждомъ выпускѣ находимъ фототипію съ какой-нибудь извѣстной картины («Сикстинская Мадонна» Рафаэля, «Даная» Ванъ-Дейка и др.). По нашему мнѣнію, эти фототипіи (не всегда удачно выполненныя) и объяснительныя замѣтки къ нимъ (напр., выписка изъ Жуковскаго о Сикстинской Мадоннѣ) могли бы быть выпущены безъ ущерба для цѣли изданія, тѣмъ болѣе, что онѣ увеличиваютъ цѣну послѣдняго. Тоже мы думаемъ и относительно беллетристики, въ защиту которой такъ краснорѣчиво говоритъ редакторъ (выпускъ II, стр. 1—2), ссылающійся при этомъ на Шекспира и Достоевскаго. Велико, конечно, образовательное значеніе названныхъ и подобныхъ имъ писателей, но отъ этого разсказы, помѣщаемые въ «Помощи Самообразованію» ничего не выигрываютъ. Они способны только наводить скуку на читателей, отнимая между тѣмъ мѣсто у статей, которыя существенно необходимы въ журналѣ, имѣющемъ своею цѣлью знакомить людей, не получившихъ систематическаго образованія, со всѣми отраслями знанія. Такъ, въ разсматриваемыхъ выпускахъ очень слабо представленъ отдѣлъ общественныхъ наукъ: исторіи, соціологіи и политической экономіи. Изъ статей данной группы мы можемъ съ удовольствіемъ отмѣтить только одну,— это—«Экономическое ученіе Маркса», представляющую собою сокращенный переводъ прекраснаго сочиненія Каутскаго. Эта статья—лучшее на русскомъ языкѣ популярное изложеніе системы великаго нѣмецкаго экономиста.

Вообще же, какъ видно, редакція не обращаетъ должнаго вниманія на эту область знанія, чѣмъ только и можно объяснить неумѣстныя,—если гдѣ-либо, то, конечно, здѣсь,— сужденія авторовъ нѣкоторыхъ статей, касающихся соціально-экономическихъ вопросовъ. Напримѣръ, въ статьѣ А. Карамышевой «Швейная машина и ея значеніе въ быту современнаго общества»—говорится, что изобрѣтеніе швейной машины было благодѣяніемъ для женщинъ, занимающихся шитьемъ, и что пѣсня Томаса Гуда «О рубашкѣ» «отошла въ настоящее время въ область преданія». Такимъ образомъ, г-жѣ Карамышевой неизвѣстно, что введеніе машиннаго производства не только не было «благодѣяніемъ» для трудящихся массъ, а даже, напротивъ, положеніе ихъ отъ этого ухудшилось.

Мы сочли нужнымъ сдѣлать нѣсколько, наиболѣе существенныхъ, замѣчаній объ изданіи г. Тельнихина потому, что, желая ему успѣха и распространенія среди читателей, для которыхъ оно предназначено, мы желаемъ въ то же время, чтобы оно все болѣе и болѣе приближалось къ осуществленію идеи, одушевляющей редактора. С.

Н. П. Загоскинъ. „Наука исторіи русскаго права. Ея вспомогательныя знанія, источники и литература" („Библіографическій указатель"). Казань. 1891.

Нельзя не привѣтствовать названнаго труда проф. Загоскина,—труда, не имѣвшаго до сихъ поръ себѣ подобнаго въ области науки исторіи русскаго права. Указатель г. Загоскина долженъ пополнить собою крайне ощутительный пробѣлъ въ русской историко-юридической наукѣ, не обладавшей до сихъ поръ никакимъ порядочнымъ указателемъ источниковъ и литературы. «Мы имѣемъ, говоритъ проф. Загоскинъ въ предисловіи къ своему труду, указатели русской литературы по отдѣльнымъ сферамъ правовѣдѣнія, въ которые вошли, конечно, и ссылки на сочиненія историко-юридическаго характера, имѣемъ обзоры историко-юридической литературы за отдѣльные годы, но не имѣемъ по возможности полнаго указателя пособій, источниковъ и литературы исторіи русскаго права, во всей полнотѣ системы и содержанія этой науки». Правда, въ «Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній» Калачова (за 1859 г.) напечатанъ подобный указатель съ добавленіемъ къ нему (тамъ же, за 1860—1861 гг.), но онъ доводитъ свой обзоръ литературы только до 1860 г. «Между тѣмъ, справедливо замѣчаетъ г. Загоскинъ, за послѣднее тридцатилѣтіе наука исторіи русскаго права шла быстро и съ все болѣе и болѣе развивающеюся интенсивностью по пути своей разработки. Она представляетъ въ наши дни уже весьма почтенную литературу, масса которой начинаетъ до извѣстной степени давить собою даже спеціалиста, не говоря уже объ учащихся и лицахъ, только еще приступающихъ къ изученію исторіи русскаго права; эти лица являются въ данномъ случаѣ въ положительно безпомощномъ положеніи, не зная, за что взяться и гдѣ искать тѣ или другіе источники и литературныя пособія, очень часто разбросанные по спеціальнымъ изданіямъ, сборникамъ и журналамъ... Возникли за послѣдніе тридцать лѣтъ и новые пріемы, и методы разработки исторіи русскаго права, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширился и кругъ источниковъ и пособій нашей науки; явился цѣлый рядъ вспомогательныхъ для нея отраслей знанія. Не говоря о русской исторіи, тѣсная связь которой съ наукою исторіи русскаго права установлена уже первыми піонерами русскаго историко-юридическаго знанія, въ настоящее время историку русскаго права приходится имѣть дѣло и съ исторіею права юго-западныхъ славянъ, и съ исторіею права польско-литовскаго, и съ правомъ церковно-византійскимъ, и съ археологіею въ обширномъ понятіи этой науки, и съ современнымъ обычнымъ правомъ русскаго народа, какъ переживаніемъ условій историческаго развитія его правосознанія». Сообразно вышесказанному, обширный (въ 530 стр.) указатель проф. Загоскина дѣлится на два основныхъ и по величинѣ почти одинаково обширныхъ отдѣла. Первый вмѣщаетъ въ себѣ вопросы, касающіеся научной постановки пособій и источниковъ исторіи русскаго права. Онъ дѣлится на четыре слѣдующія главы: 1) исторія русскаго права, какъ наука (понятіе, задачи и методологія исторіи русскаго права, попытки научной постановки и систематизаціи ея, сборники юридическаго и историко-юридическаго характера); 2) сравнительно-историческій методъ въ примѣненіи къ изученію исторіи русскаго права (общія понятія, сравнительно-историческое изученіе славянскаго права въ связи съ исторіей славянства, литовско-русское право, вопросъ объ иноземныхъ вліяніяхъ на

историческое развитіе русскаго права); 3) вспомогательныя для исторіи русскаго права отрасли знанія (русская исторія, археологическія знанія, т. е. археологія, архивовѣдѣніе, древности письменности и языка, хронологія, историческая географія, генеалогія и геральдика, древности юридическія и памятники быта и библіографія) и 4) источники науки исторіи русскаго права (памятники права и законодательства, исторія кодификаціи, сборники актовъ и другихъ историко-юридическихъ матеріаловъ, лѣтописи и аналогичные имъ сборники, свидѣтельства современниковъ, современное обычное право и мѣстное право и его исторія). Второй отдѣлъ посвященъ литературѣ исторіи русскаго права и раздѣляется на девять слѣдующихъ главъ: 1) исторія государственнаго права (пособія общаго характера, формація русскаго государства, государственная территорія, верховная власть, управленіе, народонаселеніе), 2) исторія полицейскаго права; 3) исторія финансоваго права; 4) исторія гражданскаго права; 5) исторія уголовнаго права; 6) исторія процесса; 7) исторія церковнаго права въ связи съ исторіей церкви; 8) исторія военнаго права и 9) исторія международнаго права. Кромѣ того, къ книгѣ приложенъ алфавитный указатель собственныхъ именъ.

Въ предѣлахъ каждой изъ частныхъ рубрикъ своего труда проф. Загоскинъ слѣдуетъ хронологическому порядку размѣщенія ссылокъ на пособія, источники и литературу, считая этотъ порядокъ болѣе цѣлесообразнымъ и удобнымъ въ практическомъ отношеніи. «При такомъ порядкѣ размѣщенія матеріала, говоритъ онъ, пользующійся книгою имѣетъ передъ глазами наглядную исторію литературной разработки каждаго даннаго вопроса и имѣетъ возможность сразу остановиться на новѣйшихъ трудахъ въ области этого вопроса».

Указатель г. Загоскина составленъ по 31-е декабря 1890 г., только въ немногихъ случаяхъ, когда позволяли это техническія условія печатанія, вошли въ него труды, появившіеся въ началѣ текущаго года.

Заканчиваетъ свое предисловіе г. Загоскинъ слѣдующими словами: «Я не сомнѣваюсь въ томъ, что мой указатель не чуждъ пропусковъ, быть можетъ, существенныхъ; что въ немъ обнаружатся ошибки, недосмотры. Кто хотя немного знакомъ съ кропотливымъ, механическимъ, по истинѣ египетскимъ трудомъ составленія книгъ подобнаго рода и въ особенности въ глухой провинціи... тотъ охотно дастъ снисхожденіе недостаткамъ моего указателя... Во всякомъ случаѣ я буду сердечно благодаренъ за сообщеніе мнѣ указаній на всякаго рода пропуски, ошибки и недосмотры, которые и будутъ заноситься мною въ особо предназначенный для того экземпляръ на случай возможности появленія въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ новаго, исправленнаго и дополненнаго изданія моей книги».

Имѣя въ виду эту просьбу г. Загоскина, а также и интересы самаго дѣла, мы составили слѣдующій списокъ книгъ и статей, не нашедшихъ себѣ мѣста въ разсматриваемомъ указателѣ. Считаемъ, однако, необходимымъ оговориться, что мы далеко не ручаемся за полноту нашего списка.

Подъ рубрикой «славянское право въ связи со славянской исторіей» упомянуто, напр., сочиненіе Павинскаго «Полабскіе славяне», а пропущены: соч. Иречека «Исторія болгаръ», Грота «Изъ исторіи Угріи и славянства» (1889 г.), Филиппова «Хорваты и борьба ихъ съ Австріей» (1890 г.), а также статья И. Щ. «Право и судъ въ славянскихъ государствахъ», напечатанная въ «Русско-Славянскомъ Календарѣ» за 1890 г. Подъ рубрикой «польское

право» пропущены: соч. Hüppe «Verfassung der Republik Polen» (1867 г.) и статья «Значеніе духовенства и борьба за національную церковь въ давней Польшѣ» (напеч. въ «Русско-Славянскомъ Календарѣ» за 1890 годъ). Подъ рубрикой «договоры съ Ригою и Ганзейскимъ союзомъ» пропущено соч. Winkler «Die Deutsche Hansa in Russland» (1886 г.). Подъ рубрикой «Екатерининская комиссія 1767 г.» пропущены: брошюра Лонгинова «Матеріалы для исторіи комиссіи по составленію новаго уложенія 1767 г.» (1861 г.) и статья Абрамова «Сословныя нужды, желанія и стремленія въ эпоху екатерининской комиссіи» («Сѣверный Вѣстникъ» 1886 г., № 4 и слѣд.). Подъ рубрикой «обычное право» пропущена брошюра Матвѣева «Droit coutumier en Russie» (1881 г.). Подъ рубрикой «мѣстное право Прибалтійскаго края» пропущены статьи: Фукса «Судебная реформа прибалтійскихъ губерній» («Юридическая Лѣтопись» 1890 г., № 1) и Дорна «Замѣтки по гражданскому праву прибалтійскихъ губерній» («Юрид. Лѣт.» 1890 г., №№ 5 и 6). Подъ рубрикой «право великаго княжества Финляндскаго» пропущены: статья Коркунова «Великое княжество Финляндское» («Юрид. Лѣт.» 1890 г., № 4), брошюра Мехелина «Противорѣчатъ ли права Финляндіи интересамъ Россіи» (1890 г.) и книжка Meurman «La Finlande» (1890 г.). Подъ рубрикой «государственная территорія» пропущена статья Сергѣевича «Какъ образовалась территорія Московскаго государства» (напеч. въ журналѣ «Новь» за 1886 г.). Подъ рубрикой «исторія отдѣльныхъ частей русской территоріи» (въ частности Польши) упомянуто соч. Соловьева «Исторія паденія Польши» а между тѣмъ пропущено соч. Костомарова «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой». Подъ рубрикой «земскіе соборы» пропущены двѣ мои статьи: «Очеркъ участія земщины въ управленіи Московскаго государства» (напеч. въ журналѣ «Мысль» за 1882 г.) и «Вѣчевое и соборное начало въ древнерусской государственной жизни» (напеч. въ «Славянскихъ Извѣстіяхъ» за 1890 г., №№ 51 и 52), а также статья Щапова «Земскій соборъ 1648 г. и собраніе депутатовъ въ 1677 г.» (напеч. въ «Отеч. Зап.» за 1862 г., № 11) и соч. князя Долгорукова «Des réformes en Russie suivi d'un aperçu sur les états généraux russes au XVI et au XVII siècle» (1862 г.). Подъ рубрикой «исторія отдѣльныхъ княженій и государствованій», въ отдѣлѣ «Отъ Ивана IV до смутнаго времени» упомянуто, напр., соч. Павлова «Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова» и въ тоже время пропущено соч. Полозова «Очеркъ историческаго изслѣдованія о царѣ Борисѣ Годуновѣ» (1858 г.); въ отдѣлѣ о смутномъ времени пропущены сочиненія: Забѣлина «Мининъ и Пожарскій» (прямые и кривые въ смутное время, изд. 1883 г.) и Платонова «Древнерусскія сказанія и повѣсти, какъ источникъ при изученіи смутнаго времени» (1888 г.); въ отдѣлѣ «Отъ царя Михаила Ѳедоровича до Петра Великаго» пропущено соч. Лавровскаго «Избраніе царя Михаила Ѳедоровича на царство» и, наконецъ, въ отдѣлѣ «Отъ Екатерины II до Николая I» пропущено соч. Кобеко «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ». Подъ рубрикой «мѣстничество» упомянута магистерская диссертація г. Маркевича «Исторія мѣстничества въ Московскомъ государствѣ» (1879 г.), а докторская диссертація того же автора, также посвященная мѣстничеству и вышедшая въ 1888 г. пропущена. Подъ рубрикой «казаки» упомянутъ сборникъ г. Эварницкаго «Архивные матеріалы для исторіи «Запорожья», а изслѣдованіе того же автора подъ названіемъ «Запорожье въ остаткахъ старины», вышедшее два года тому назадъ, пропущено; равно

какъ пропущены и нѣкоторыя другія изслѣдованія того же автора, напр., «Вольности запорожскихъ казаковъ» (1890 г.), «Очерки по исторіи запорожскихъ казаковъ» и нѣсколько брошюръ, посвященныхъ запорожцамъ. Подъ рубрикой «евреи» упомянуто изслѣдованіе проф. Бершадскаго о литовскихъ евреяхъ, а между тѣмъ нѣсколько статей того же автора, напечатанныхъ въ «Восходѣ» и «Кіевской Старинѣ», напр., «Еврей-король польскій» или «Аврамъ Ребичковичъ», пропущены. Въ главѣ, посвященной исторіи полицейскаго права пропущено сочиненіе Анучина «Историческій обзоръ развитія административно-полицейскихъ учрежденій въ Россіи» (1872 г.). Въ главѣ, посвященной исторіи финансоваго права, подъ рубрикой «монета» упомянуто соч. Гольдмана «Русскія бумажныя деньги» и въ тоже время пропущена книжка проф. Лебедева подъ тѣмъ же названіемъ (1889 г.); кромѣ того, здѣсь же пропущены два сочиненія великаго князя Георгія Михаиловича: «Монеты царствованія императора Александра II» и «Монеты царствованія императора Николая I» (остальныя сочиненія того же автора вышли въ 1891 г.). Въ главѣ о судопроизводствѣ пропущена статья проф. Андреевскаго «О правѣ экзекуціи по актамъ XVIII столѣтія» (напеч. въ журналѣ «Наблюдатель» за 80-е года; точно годъ и № журнала не помнимъ, такъ какъ имѣемъ оттискъ статьи). Подъ рубрикой «изслѣдованія памятниковъ церковнаго права» пропущено соч. Лебедева «Внѣшняя исторія Стоглава», а также статьи: Зауецинскаго о митрополитѣ Макаріи («Ж. М. Н. Пр.» за 1881 г.; здѣсь приводятся любопытныя свѣдѣнія по исторіи стоглаваго собора и по исторіи составленія Стоглава) и Жданова о стоглавомъ соборѣ 1551 г. («Историч. Вѣстн.», если не ошибаемся, за 1881 г.). Подъ рубрикой «западно-русская церковь и унія» пропущено соч. Бобровскаго «Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра I» (1890 г.). Подъ рубрикой «церковное управленіе» пропущены сочиненія: Григоровича «Историческое изслѣдованіе о церковныхъ соборахъ до Ивана IV» (1864 г.) и Воробьева «О московскомъ соборѣ 1681—1682 гг.» (1885 г.). Подъ рубрикой «старообрядчество» пропущены сочиненія и брошюры: Іоаннова «Историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ и старообрядцахъ» (изд. Академіи Наукъ 1799 г.), Казанскаго «Кто были виновники соловецкаго возмущенія отъ 1666 г. до 1676 г.» (1867 г.) и Павлова «Вопросъ о ереси жидовствующихъ» (1884 г.). Въ главѣ, посвященной исторіи военнаго права, упомянуто не мало трудовъ г. Бобровскаго, однако, не смотря на это, пропущены два сочиненія того же автора, именно: «Переходъ Россіи къ регулярной арміи» (1885 г.) и «Бесѣда о значеніи военныхъ законовъ Петра Великаго (1886 г.). **В. Латкинъ.**

Труды четвертаго археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18 августа 1877 г. Т. II. Казань. 1891.

Все хорошо, что кончается... хорошо или худо. Поколѣніе, видѣвшее IV археологическій съѣздъ, на склонѣ своихъ дней можетъ полюбоваться вышедшими наконецъ въ свѣтъ его «Трудами». «Труды» издавались безъ вредной поспѣшности. Со времени окончанія съѣзда до выпуска I тома въ 1884 г. прошла «седмица лѣтъ»; другая седмица протекла съ тѣхъ поръ до благополучнаго выпуска II тома. Редакція «Трудовъ» сама находитъ про-

межутокъ между выходомъ I и II т. долговатымъ, но надѣется, что публика проститъ замедленіе за принесенныя ею жертвы. А жертвы были принесены немаловажныя: одинъ изъ редакторовъ (ех-профессоръ Н. Н. Буличъ),—сообщаетъ намъ трогательное по своей интимности предисловіе—«не бывъ членомъ-участникомъ ни въ одномъ археологическомъ съѣздѣ, рѣшился быть представителемъ Казанскаго университета на VI археологическомъ съѣздѣ, въ Одессѣ», мало того, «безъ всякой денежной ассигновки со стороны Совѣта на эту поѣздку...» Должна же публика цѣнить это. Особенныя хлопоты доставило редакціи составленіе указателя личныхъ и географическихъ именъ (73 стр. 4°). Въ университетской Казани не оказалось, по ея увѣреніямъ, человѣка, который могъ бы выполнить такую немудрую, хотя и кропотливую работу. Мы не хотимъ защищать Казань, которая достаточно зарекомендовала себя четырнадцатилѣтнимъ сидѣньемъ надъ изданіемъ двухъ томовъ въ 140 листовъ крупнѣйшей разгонистой печати, но позволяемъ себѣ обратить вниманіе на одинъ фактъ: покойный Веске, проживъ въ Казани менѣе трехъ лѣтъ, могъ найти въ своемъ единственномъ слушателѣ человѣка, который за одно съ корректурой въ теченіе 4—5 мѣсяцевъ составилъ къ его книгѣ не менѣе кропотливый указатель въ двадцать страницъ въ 8° въ двѣ колонны. Кто знаетъ, можетъ быть, поискавъ, редакція и нашла бы нужнаго человѣка. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы «казанское сидѣнье» прошло безъ результатовъ для русской издательской практики. Оказалось, что если ассигнованныя на изданіе деньги лежатъ въ процентныхъ бумагахъ, то съ годами на нихъ набѣгаютъ проценты и является возможность увеличить изданіе на то или другое количество листовъ: на такіе рессурсы наша редакція напечатала напр. свой указатель. Рекомендуемъ это открытіе будущимъ редакціоннымъ комитетамъ съѣздовъ: стоитъ попридержать изданіе лѣтъ на пятнадцать и деньги на него ассигнованныя значительно увеличатся. Слѣдуетъ только запастись бо̀льшей выдержкой: казанская редакція, «желая выпустить наконецъ въ свѣтъ затянувшееся изданіе... отказалась отъ намѣренія приложить предметный указатель», а между тѣмъ стоило выждать какихъ нибудь пять-шесть лѣтъ и деньги, нужныя на его напечатаніе, набѣжали бы.—Мы воздали должное почтенной редакціи «Трудовъ IV Археологическаго Съѣзда» и обращаемся къ содержанію II тома и приложеннаго къ нему атласа.

Въ составъ II тома входятъ рефераты, читанные въ отдѣленіяхъ а) быта домашняго, общественнаго и религіознаго б) памятниковъ языка и письма, в) древностей восточныхъ.

Томъ открывается рефератомъ К. Н. Бестужева-Рюмина «О характерѣ власти варяжскихъ князей». Это страничка изъ политическихъ древностей Руси. Высокоуважаемый историкъ считаетъ необходимымъ ввести въ кругъ сравнительнаго изученія учрежденій факты нашей прошлой политической жизни и видитъ въ этомъ справедливо обязанность русскихъ историковъ. Слѣдующій рефератъ Сребницкаго имѣетъ своимъ предметомъ «Слѣды церковныхъ братствъ въ восточной Малороссіи»—вопросъ, не имѣющій отношенія къ исторіи края, гдѣ происходилъ съѣздъ. Въ прямой связи съ мѣстными задачами съѣзда оказываются рефераты И. Я. Христофорова «О старинныхъ рукописяхъ въ Карамзинской симбирской библіотекѣ», А. П. Маркевича «Къ исторіи войнъ Московскаго государства съ Казанью», В. Н. Витевскаго «Преданіе о Пугачевѣ среди Уральскихъ казаковъ», Н. Я. Ари-

стова «О народныхъ праздникахъ въ Пензенской губерніи», И. М. Софійскаго «О киреметяхъ крещеныхъ татаръ...», [В. Г. Гаврилова «Повѣрья обряды и обычаи вотяковъ Мамадышскаго уѣзда...», П. Д. Шестакова «Гдѣ книги, писанныя зырянской и пермской азбукой, составленной св. Стефаномъ Великопермскимъ?», его же «Замѣтки о вліяніи русскаго языка на инородческіе», Е. Т. Соловьева «Топографія древняго города около села Русскихъ Кирменей...», Н. И. Золотницкаго «О старой чувашской вѣрѣ», В. И. Витевскаго «Сказки, загадки и пѣсни нагайбоковъ Верхнеуральскаго уѣзда Оренбургской губерніи», И. Ѳ. Токмакова «Сборникъ и указатель документовъ и рукописей, относящихся къ Казанской губерніи и хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ министерства Иностранныхъ дѣлъ...» Если мы прибавимъ къ этому напечатанные въ I томѣ рефераты Д. А. Корсакова «Объ основаніи въ Казани ученаго общества для изслѣдованія археологіи, исторіи и этнографіи Казанскаго края», И. И. Срезневскаго «О русскихъ древностяхъ Казанской губерніи и Средняго Поволжья до XVI в.», А. А. Штукенберга «Каменныя орудія и бронзовыя вещи, найденныя въ Печерскомъ краѣ въ 1874 г.», А. П. Поливанова «О каменныхъ орудіяхъ, найденныхъ въ Варнавинскомъ уѣздѣ Костромской губерніи», И. А. Толмачева «Объ остаткахъ древности въ Казанской губерніи», В. И. Поливанова «Майское Городище въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи», М. В. Малахова «Курганы въ окрестностяхъ города Екатеринбурга Пермской губерніи», Н. Савельева «Замѣтка о земляной насыпи на лѣвомъ берегу рѣки Вятки...», П. В. Алабина «Остатки древности въ Самарскомъ краѣ», П. Д. Шестакова «Напоминаніе о древнемъ городѣ Мажарѣ...», А. Ѳ. Можаровскаго «Гдѣ искать потомковъ Можаръ», С. М. Шпилевскаго «Городъ Булгаръ», муллы Шигаб-уд-дина Бага-уд-динова «Очеркъ исторіи Болгарскаго и Казанскаго царствъ»; рефераты П. Г. Заринскаго, И. А. Износкова, Вячеслава, Мельникова, И. А. Кострова, В. К. Савельева и А. Ѳ. Лихачева то картина научнаго оживленія, которое было вызвано въ краѣ IV Археологическимъ съѣздомъ, выяснится для насъ вполнѣ отчетливо.

Казанскій съѣздъ больше, чѣмъ иные изъ предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ, занимался разработкой мѣстныхъ археологическихъ и историческихъ вопросовъ и соотвѣтствовалъ той цѣли, въ силу которой мѣсто собранія членовъ съѣзда каждый разъ мѣняется.

Рефератъ г. Христофорова содержитъ въ себѣ извлеченныя изъ архивныхъ матеріаловъ данныя для исторіи Буртасовъ и Мордвы. Въ нынѣшней Симбирской губерніи нѣкоторыя мордовскія общины, оказывается, еще въ XVII в. помнили о своихъ особыхъ князьяхъ. Высшей административной единицей здѣсь были «бѣляки», въ составъ которыхъ входило нѣсколько селъ и деревень. Бóльшая часть реферата посвящена исторіи водворенія въ краѣ русскихъ. Г. Марковичъ приводилъ въ своемъ рефератѣ мѣстническіе факты, относящіеся къ казанскимъ походамъ. Г. Софійскій сообщаетъ объ остаткахъ язычества у крещеныхъ татаръ. Эти остатки объединяли въ XVI—XVIII вв. татаръ съ черемисами, чувашами и мордвой; въ настоящее время они обособляютъ татаръ крещеныхъ отъ татаръ мусульманъ, изъ міровоззрѣнія которыхъ исламъ вытравилъ старыя вѣрованія. Рефератъ г. Софійскаго представляетъ любопытный матеріалъ для реставраціи до-мусульманскихъ религіозныхъ воззрѣній татаръ и для сравнительнаго изученія того вліянія, которое оказали на міровоззрѣніе инородцевъ исламъ и христіанство.

Обширный рефератъ В. Г. Гаврилова посвященъ характеристикѣ вотяковъ. Въ пору своего составленія онъ представлялъ капитальную этнографическую новость. Тогда не было еще явившихся въ 80-е и 90-е годы работъ др. Бехтерева, М. Buch'а, Верещагина, Первухина, В. Munkaczi, Богаевскаго и Вудь онъ напечатанъ своевременно, онъ оказалъ бы, несомнѣнно вліяніе на всю эту литературу. Въ настоящее время онъ любопытенъ уже главнымъ образомъ своими деталями. Оцѣнку того новаго, что даетъ очеркъ Гаврилова, удобнѣе сдѣлать въ спеціально этнографическомъ журналѣ. Здѣсь можно отмѣтить одну черту которая придаетъ ему особый интересъ: авторъ, говоря о вотяцкихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ, приводитъ аналогіи къ нимъ изъ быта крещеныхъ татаръ, если таковыя оказываются. Эти аналогіи служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ тому, что даетъ рефератъ Софійскаго. Область явленій общихъ у татаръ (крещеныхъ) съ остальными инородцами волжскаго края расширяется. То же значеніе имѣетъ и рефератъ В. И Витевскаго—«Ногайбацкія пѣсни и сказки». Подъ именемъ ногайбаковъ въ Оренбургской губерніи извѣстны потомки казанскихъ татаръ, крещеныхъ еще при Иванѣ Грозномъ. Ногайбаки, можетъ быть, болѣе, чѣмъ какая нибудь другая вѣтвь казанскихъ татаръ представляютъ въ своемъ бытѣ и вѣрованіяхъ остатки того уровня культуры, на которой находились казанскіе татары въ пору ихъ покоренія подъ власть Москвы. Крестившись, они порвали связь съ исламомъ, но не сдѣлались христіанами. Ихъ религіей сдѣлались тѣ обломки стараго, до-мусульманскаго язычества, которые еще держались у татаръ въ XVI в. подъ слоемъ мусульманскихъ идей. Переселившись сначала въ Уфимскій, потомъ въ Оренбургскій край, въ сосѣдство плохихъ, номинальныхъ еще почти тогда мусульманъ-башкиръ и киргизовъ' ногайбаки освободились отъ вліянія скрытой мусульманской пропаганды, которая дѣлаетъ казанскихъ крещеныхъ татаръ фактически магометанами, и чище, чѣмъ кто-либо могли сохранить тѣ вѣрованія, съ которыми они пришли сюда изъ казанскаго края. Характеристикѣ религіозныхъ идей и быта ногайбаковъ г. Витевскій посвятилъ въ другомъ мѣстѣ особую статью, но и тѣ данныя, которыя онъ приводитъ въ своемъ рефератѣ, показываютъ, что язычествующіе татары были въ религіозномъ отношеніи очень близки къ другимъ инородцамъ Казанскаго края. Замѣтка покойнаго Н. И. Золотницкаго «О старой чувашской вѣрѣ» прибавляетъ къ даннымъ Софійскаго, Витевскаго и Гаврилова еще одну черту: на правомъ берегу Волги татары-магометане совершаютъ нѣкоторые одинаковые съ чувашскими языческіе обряды. Это указаніе, замѣтимъ мимоходомъ, составляетъ единственное достоинство реферата Золотницкаго. Соображенія объ отношеніяхъ чувашъ-буртасъ (?) къ хозарамъ, объ исповѣданіи чувашскими народными вождями закона Моисеева, объ остаткахъ этого былого еврейскаго вліянія въ современныхъ обычаяхъ чувашъ,— соображенія, категорически высказанныя на пространствѣ нѣсколькихъ строкъ, имѣютъ очень сомнительное научное достоинство. Мы не будемъ останавливаться на другихъ рефератахъ, не имѣющихъ мѣстнаго значенія и позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о приложенномъ къ «Трудамъ» атласѣ.

Атласъ заключаетъ въ себѣ 16 таблицъ (folio), имѣющихъ главнымъ образомъ отношеніе къ до-русской исторіи края: изображеніе болгарскихъ развалинъ, карту болгарскаго городища, древнія вещи с. Болгаръ и Билярска (двѣ таблицы), каменныя орудія и древнія вещи Печерскаго края. Особенный

интересъ представляетъ изображеніе болгарскихъ развалинъ, относящееся къ XVIII вѣку. На немъ фигурируетъ еще большой минаретъ, отъ котораго въ настоящее время осталась только поросшая травой груда развалинъ. Таблицы археологическаго содержанія даютъ достаточно точное понятіе о памятникахъ болгарской старины и отличаются крупными (для провинціальнаго изданія) техническими достоинствами. Поздно выпущенный, II томъ «Трудовъ IV археологическаго съѣзда» во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія археологовъ и историковъ. Для изслѣдователей, интересующихся судьбами восточной Россіи и бывшаго казанскаго царства, онъ представляетъ безспорно весьма цѣнное пособіе. И. С.

Марціалъ. Біографическій очеркъ графа Олсуфьева. Москва. 1891.

Посчастливилось у насъ въ настоящее время Марціалу: нѣсколько мѣсяцевъ назадъ вышелъ стихотворный, почти полный переводъ его, сдѣланный извѣстнымъ А. А. Фетомъ (мимоходомъ сказать: переводъ очень добросовѣстный, но тяжеловатый), а теперь появляется и спеціальное изслѣдованіе о его біографіи. Да и біографія Марціала у насъ ужъ не первая; въ 1880 г. молодой приватъ-доцентъ Харьковскаго университета (вскорѣ послѣ этого умершій отъ чахотки) Н. Андреевскій избралъ ее предметомъ своей диссертаціи. Нельзя не спросить себя, что за причина такой популярности въ нашей бѣдной наукѣ одного изъ второстепенныхъ римскихъ поэтовъ и одного изъ антипатичнѣйшихъ въ нравственномъ отношеніи людей?

Эту причину вполнѣ удовлетворительно (хотя и безбожно длиннымъ періодомъ) объясняетъ гр. Олсуфьевъ на 73 стр. своего труда: « ... у Марціала—этого Протея лирики—остается еще одна сторона таланта, быть можетъ, самая рѣшающая для опредѣленія того выдающагося мѣста, которое ему подобаетъ въ ряду классиковъ, изученіе которыхъ необходимо для уразумѣнія древняго міра, столь различнаго по своимъ проявленіямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по вѣчнымъ началамъ красоты и мышленія, въ немъ родившимся и въ немъ уже достигшимъ полнаго развитія,—**міра, столь близкаго къ нашему, продолжающему почерпать въ немъ свои художественные идеалы, свои поэтическіе образцы**: сторона эта—безсознательное бытописаніе, которое даетъ Марціалу полное право вмѣстѣ съ Ювеналомъ занимать среди римскихъ поэтовъ первенствующее мѣсто поэтовъ-историковъ. Безъ этихъ двухъ геніальныхъ (?) наблюдателей для насъ не было бы ясной картины римской жизни эпохи кесарей, и большая часть археологическихъ открытій, которыми такъ богата вторая половина отходящаго вѣка, оставалась бы для филологовъ неразрѣшимою загадкою, тогда какъ теперь они [1]) служатъ иллюстраціями къ твореніямъ этихъ двухъ великихъ **жанристовъ стиха** (?)». Иначе сказать: Марціалъ даетъ массу матеріала для исторіи культуры имперіи.

Мы выписали эту тираду изъ книги гр. Олсуфьева, между прочимъ, и потому, что она объясняетъ точку зрѣнія автора на значеніе классической филологіи въ настоящее время и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мотивъ, въ силу котораго онъ отдаетъ свои юныя силы—судя по благодарностямъ нѣмецкимъ спеціалистамъ, любезно и обязательно отвѣчавшимъ на его вопросы

---

[1]) Разумѣется, открытія, а не филологи.

(стр. 101) и профессору Московскаго университета Г. А. Иванову (стр. 128), а также и по нѣкоторымъ пріемамъ, мы полагаемъ, что это кандидатское сочиненіе или первая диссертація автора—именно этой области. Мы не будемъ поднимать вопроса о томъ, не значитъ ли это, по выраженію Горація (Sat. I, X, 34), «носить дрова въ лѣсъ»: во-первыхъ, мы и сами считали классическую науку (разумѣется, толково поставленную) прекрасной школой, а во-вторыхъ, не отчаиваемся въ томъ, что русскій ученый и въ этой сильно воздѣланной области можетъ сказать свое вѣское слово. Но мы принуждены замѣтить, что авторъ, повидимому, не совсѣмъ ясно опредѣлилъ, для кого онъ пишетъ свою книгу: для русской образованной публики, или только для немногихъ спеціалистовъ? Судя по тому, что онъ снабжаетъ большинство своихъ цитатъ переводомъ г. Фета, надо думать, что онъ имѣлъ въ виду первое; но въ такомъ случаѣ можно ли писать на такомъ «пестромъ» языкѣ, какъ напримѣръ, въ слѣдующемъ: «Причину творческаго застоя слѣдуетъ прежде всего искать въ апатіи, которая овладѣла имъ (Марціаломъ) со времени выѣзда изъ Рима, но быть можетъ, также и въ страхѣ передъ тѣмъ robigo dentium et indici loco livor, которыми, онъ боялся—unus aut alter mali, in pusillo loco multi встрѣтятъ его произведенія; избѣгая этого, онъ рѣшается немногое написанное имъ въ теченіе trienni contumacissimae desidiae поднести только читателямъ Рима, въ которомъ, говоритъ онъ, обращаясь къ своей книгѣ: non tamen hospes eris, nec jam potes advena dici? (стр. 130. Ср. на стр. 4, 12, 33 36, 45, 47, 106 и др.). Полагаемъ, что для публики этотъ «стиль» не совсѣмъ удобенъ, да и многимъ спеціалистамъ такое смѣшеніе не понравится. Не лучше ли было бы въ такомъ случаѣ всю книгу написать по-латыни? Тогда она могла бы найти себѣ сотни компетентныхъ читателей и за предѣлами Россіи.

Чтобы покончить съ изложеніемъ работы гр. Олсуфьева, замѣтимъ, что у него кое-гдѣ встрѣчаются галлицизмы, въ родѣ «полагая цитировать Стація» (стр. 7), и что Zonaras у насъ обыкновенно переводится Зонара̀, а не Зонаръ (стр. 8). Что касается до содержанія, то оно не блещетъ интересомъ, но это, конечно, зависитъ не отъ автора, а отъ темы. Гр. Олсуфьевъ не пытается во что бы то ни стало обѣлить Марціала, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изъ его предшественниковъ, что дѣлаетъ честь его ученой объективности; онъ только обстоятельно и внимательно изслѣдуетъ матеріалъ, доставляемый произведеніями Марціала. Критическіе пріемы его вполнѣ удовлетворительны. А. К.

Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерній въ XVI—XVIII столѣтіяхъ, собранные въ разныхъ архивахъ и редактированные Д. И. Багалѣемъ. Т. II. Харьковъ. 1890.

«Странно, говорилъ проф. В. В. Антоновичъ, что, не смотря на существованіе съ начала текущаго столѣтія университета въ Слободской украйнѣ, мѣстная исторія этой страны принадлежитъ къ числу менѣе всего разработанныхъ отдѣловъ областной исторіи въ Россіи». Такое положеніе обратило на себя вниманіе проф. Багалѣя, который уже давно занимается исторіей этой мѣстности и который успѣлъ уже дать довольно солидное количество

трудовъ по этому вопросу. Мы здѣсь не будемъ говорить ни о достоинствахъ, ни о недостаткахъ этихъ трудовъ,—недостаткахъ часто довольно крупныхъ, но вполнѣ извинительныхъ, объясняющихся трудностью работы. Въ самомъ дѣлѣ, проф. Багалѣй долженъ былъ работать надъ сырымъ матеріаломъ, добывать этотъ матеріалъ изъ архивовъ, обрабатывать его и, затѣмъ уже, окончивъ эту черновую работу, приступать къ изслѣдованію. Настоящій томъ представляетъ собой матеріалъ, собранный профессоромъ для второго тома начатаго имъ труда «Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства», который будетъ заключать въ себѣ очерки по исторіи внутренняго быта. Вопросъ этотъ совершенно почти не затронутъ въ печатной исторической литературѣ, и г. Багалѣю придется имѣть и въ данномъ случаѣ дѣло съ сырымъ матеріаломъ, часть котораго вошла въ разбираемую нами книгу.

Настоящій томъ заключаетъ въ себѣ 52 документа, извлеченныхъ изъ разныхъ архивовъ, главнымъ образомъ изъ архива министерства юстиціи, Харьковскаго историческаго архива и др. Среди этихъ документовъ видное мѣсто занимаютъ такъ называемыя «строельныя» книги Валуекъ, Усерда, Хотмышска и Орлова, которыя содержатъ въ себѣ очень важный матеріалъ для исторіи заселенія и затѣмъ для характеристики сословныхъ отношеній и отчасти даже экономическаго быта населенія; въ исторіи города они опредѣляютъ первый основной моментъ, который нерѣдко предрѣшалъ и его послѣдующую судьбу, въ нихъ мы находимъ данныя о времени, мѣстѣ основанія города, о лицахъ, занимавшихся постройкой его укрѣпленій, о его первоначальномъ населеніи. Онѣ указываютъ, изъ какихъ мѣстъ происходили его первые поселенцы и явились ли они добровольно или по распоряженію правительства (т. е. были ли они сходцами и сведенцами). Такое значеніе придаетъ строельнымъ книгамъ г. Багалѣй, который, по всей вѣроятности, положитъ ихъ въ основаніе своего труда.

Весьма любопытны также документы о заселеніи гор. Карпова 1648 г., дающіе намъ цѣлый рядъ бытовыхъ картинокъ, какъ нельзя лучше рисующихъ экономическое положеніе новыхъ поселенцевъ. Здѣсь очень подробно описывается и семейное положеніе того или другого лица и его имущество, состоящее, главнымъ образомъ, изъ скота и хлѣба. Къ сожалѣнію, г. Багалѣй, по его словамъ, дорожа мѣстомъ, сдѣлалъ исключеніе только для гор. Карпова чтобы представить хотя одинъ примѣръ переписи въ ея подлинномъ видѣ, только здѣсь привелъ именные перечни населенія, во всѣхъ же другихъ случаяхъ онъ пропускалъ ихъ, хотя, они заключаютъ въ себѣ много любопытныхъ данныхъ. По той же причинѣ, г. Багалѣй дѣлалъ пропуски также и въ другихъ документахъ. Такъ, напримѣръ, въ «отпискахъ» о появленіи татаръ пропущены имъ наставленія о мѣрахъ предосторожности (стр. 81, 82, 83 и сл.). Врядъ ли такая причина можетъ быть признана уважительной. Если издавать матеріалы, такъ нужно издавать ихъ уже цѣликомъ. Очень можетъ быть, что г. Багалѣю при его изслѣдованіяхъ пропущенныя мѣста и не нужны, но найдутся люди, которые желали бы принять во вниманіе цѣлый документъ, а не только извлеченія изъ него и при томъ извлеченія, сдѣланныя для своего спеціальнаго изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что г. Багалѣй, какъ показали замѣчанія гг. Линниченко и Чечулина, далеко не непогрѣшимъ въ своихъ трудахъ по исторіи этого края. Говоря это, мы, конечно, далеки отъ мысли отрицать зна-

ченіе настоящаго тома матеріаловъ. Кромѣ названныхъ документовъ, онъ заключаетъ въ себѣ много очень любопытнаго и интереснаго матеріала. Такъ, напримѣръ, здѣсь напечатана рукопись «Экстракта о слободскихъ полкахъ 1734 г.»; это памятникъ, имѣющій большое значеніе для мѣстной исторіи, но до сихъ поръ еще не вполнѣ разобранный, хотя и бывшій въ рукахъ И. И. Срезневскаго и П. А. Головинскаго. Г. Багалѣй, поэтому, въ предисловіи считаетъ умѣстнымъ хоть вкратцѣ изложить исторію его и сдѣлать нѣсколько критическихъ замѣчаній (стр. VI—IX), на которыхъ останавливаться мы не будемъ по недостатку мѣста. Если назовемъ еще «Описаніе слободско-украинскихъ городовъ и мѣстечекъ, доставленныя въ екатерининскую комиссію для составленія проекта новаго уложенія 1767 г.», а также «Вѣдомости о провинціяхъ и комиссарствахъ Слоб. укр. губ. и состоящихъ въ нихъ мѣстечкахъ, селахъ, деревняхъ и находящихся въ оныхъ жителяхъ мужского и женскаго пола, съ подраздѣленіемъ ихъ на сословія 1773 г.», то этимъ исчерпаемъ все главное, имѣющее особенно важное значеніе, содержаніе настоящаго тома.

Отдавая справедливость г. Багалѣю, соглашаясь, что изданіе его имѣетъ большое значеніе, мы, признаться, были нѣсколько изумлены началомъ предисловія, гдѣ авторъ приводитъ лестныя для себя выдержки изъ журнальныхъ отзывовъ о первомъ томѣ настоящаго изданія. Непривычно какъ-то и странно въ ученомъ изданіи видѣть рекламу, составленную по шаблону гг. Вольфовъ, Леухиныхъ и др. В. Б.

М. Н. Пинегинъ. Свадебные обычаи казанскихъ татаръ. Казань. 1891.

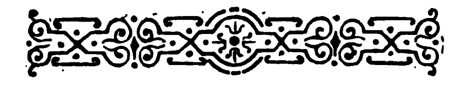
Небольшая брошюрка, заглавіе которой мы выписали, представляетъ интересъ не для однихъ этнографовъ. Авторъ разсматриваетъ свадебные обычаи современныхъ казанскихъ татаръ въ связи съ тѣми данными, которыя сообщаютъ намъ средневѣковые путешественники относительно ихъ предковъ—завоевателей Руси. Передъ читателемъ намѣчается такимъ образомъ эпизодъ изъ культурной исторіи татаръ на Руси. Мы имѣемъ возможность прослѣдить, какъ отразилось на семейномъ бытѣ татаръ вліяніе ислама, который они приняли уже въ Россіи—въ разсматриваемомъ случаѣ на територіи завоеваннаго ими Волжскаго Булгара и, конечно, подъ вліяніемъ покореннаго народа. Это вліяніе обозначилось на свадебномъ ритуалѣ тѣмъ, что отъ старыхъ, до-мусульманскихъ формъ брака въ немъ остались одни обломки, «переживанія». Для историковъ брошюрка г. Пинегина представляетъ особенный интересъ по тѣмъ культурно-историческимъ коментаріямъ, которые онъ дѣлаетъ къ извѣстіямъ Плано-Карпини. Таково на стр. 15 указаніе на слѣды матріархата или матернитета въ картинѣ татарскаго семейнаго быта, предлагаемой этимъ путешественникомъ. И. С.

Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столѣтія. М. Довнара-Запольскаго. Кіевъ. 1891.

Трудъ г. Запольскаго составленъ по тому же плану какъ вышедшая года три тому назадъ «Исторія Волынской земли до XIV в.» г. Андріяшева, т. е. въ первой части помѣщенъ географическій очеркъ страны, гдѣ опре-

дѣляется положеніе почти всѣхъ упоминающихся въ лѣтописи городовъ и границы земель, а во второй—сведены изъ разныхъ лѣтописей факты историческіе. Но будучи похожей по внѣшности и отчасти по первому впечатлѣнію, производимому на читателя, книга не обладаетъ однимъ очень важнымъ и, по нашему мнѣнію, необходимымъ достоинствомъ труда г. Андріяшева. Дѣло въ томъ, что г. Запольскій, особенно во второй части своей книги, ограничивается лишь лѣтописью, не подвергая критической оцѣнкѣ сообщаемыхъ имъ фактовъ, не принимая во вниманіе ничего другого. Онъ, напримѣръ, отказался воспользоваться археологіей и этнографіей, на томъ основаніи, что выводы изъ нихъ дѣло будущаго. Само собой понятно, что новаго въ книгѣ г. Запольскаго, такого, что не было бы извѣстно изъ лѣтописи, искать нечего. Провѣрять ее мы тоже не будемъ. Укажемъ только на два-три мѣста, замѣченныя нами мимоходомъ, гдѣ авторъ, какъ намъ кажется, не совсѣмъ правъ. Такъ на стр. 66-й г. Запольскій говоритъ, что «славяне жили общинами» и указываетъ на существованіе здѣсь вѣча. Думаемъ, что вѣча, въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно придаютъ этому слову и который склоненъ придавать ему также и г. Запольскій, въ общинѣ еще быть не могло. Ошибочно также предположеніе, что «одинъ князь могъ имѣть свои взгляды на власть, на свое положеніе, на управляемый имъ удѣлъ и т. д.» стр. 84), на этотъ предметъ какъ у населенія, такъ и у князей выработались опредѣленные и установленные взгляды. Этой устойчивостью можно отчасти объяснить тотъ фактъ, что не всѣ князья уживались, напримѣръ, съ новгородцами, относившимися къ своимъ князьямъ нѣсколько иначе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ древней Руси. Какъ на небольшую, для исторіи, собственно говоря, даже не имѣющую значенія, ошибку, можно указать на неправильно понятое слѣдующее мѣсто лѣтописи, гдѣ описывается рожденіе Всеслава Брячиславича: «его же роди мати отъ вълхвованья, матери бо родивши его, бысть ему язвено на главѣ его, рекоша бо волсви матери его: се язвено, навяжи нань, да носить е до живота своего, еже носитъ Всеславъ и до сего дня на собѣ». Авторъ понялъ, что «волхвы велѣли ему носить повязку на головѣ, прикрывающую пятно» (стр. 76). Но въ данномъ случаѣ гораздо вѣрнѣе толкованіе, по которому Всеславъ просто родился въ «сорочкѣ», которую, по совѣту волхвовъ, и носилъ всю жизнь, какъ амулетъ, какъ «наузъ» (Арх. Истор.-Юрид. Свѣд., т. I, отд. IV, стр. 3). Все это, впрочемъ, не отнимаетъ значенія у труда г. Запольскаго, какъ вспомогательнаго, особенно у первой его части, болѣе самостоятельной и важной, чѣмъ вторая. Цѣль, поставленная авторомъ своему изслѣдованію, достигнута вполнѣ. Жаль только, что свою задачу онъ опредѣлилъ такъ узко, удержался отъ всякихъ выводовъ и обобщеній, хотя, повидимому, могъ также хорошо удовлетворить и болѣе широкимъ требованіямъ.

В. Б.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Большіе маневры 200 лѣтъ назадъ.—Подлинный протоколъ вскрытія тѣла Людовика XVII.—Письмо Людовика XVI къ «графу Прованса» 1-го іюля 1792 г.—Боевые кони Наполеона I.—Выѣзды Фридриха Великаго.—Происхожденіе названія Америки.—Мѣсто битвы Вара.—Чтò требовалось для сожиганія людей.

БОЛЬШІЕ маневры 200 лѣтъ назадъ. Напрасно было бы думать, что большіе маневры, какъ они практикуются въ настоящее время, представляютъ собой нѣчто новое, не бывалое раньше. Около двухсотъ лѣтъ тому назадъ, именно въ 1698 г., происходили подобные маневры недалеко отъ Компьеня, въ Кудэнѣ. При завершеніи воспитанія герцога Бургонскаго, изъ котораго пробовали сдѣлать полководца, чтобы научить его командовать войсками, производить осаду, и была собрана тамъ армія для того времени страшная. Сенъ-Симонъ посвятилъ Компьенскому лагерю одну изъ своихъ наиболѣе оживленныхъ страницъ. Описаніе роскоши, проявленной маршаломъ де-Буффье, главнокомандующимъ, его генералами, старшими офицерами до капитановъ включительно, любопытно было бы сопоставить съ нынѣшними военными нравами. Маршалъ «удивлялъ своими издержками, изысканностью вкуса, пышностью и учтивостью». Онъ научилъ самого короля, какой можно устроить пышный праздникъ, и принца Конде, «котораго изящество и вкусъ были извѣстны всѣмъ», въ чемъ могло заключаться изящество, новизна и изысканность. Сенъ-Симонъ изумился: «Никогда еще не бывало такого блеска, такой ослѣпительности!» Столы безпрерывно сервировались и всѣ, кто хотѣлъ, садился за яства, вина и рѣдчайшіе ликеры. «Моря Норманділ, Голландіи, Англіи, Бретани, до Средиземнаго включительно, доставили все, чтò было въ нихъ наиболѣе чудовищнаго и наиболѣе изысканнаго». Просторное помѣщеніе отводилось каждому приходящему. Выстроены были деревянные дома, «меблированные, какъ лучшіе дома въ Парижѣ, и все было сдѣлано заново и нарочито». Всѣ восхищались отъ удивленія и неожиданностей.

Какъ и въ настоящее время, приглашались представители иностранныхъ государей. Тогда еще не было военныхъ attaché. На маневрахъ фигурировали посланники. И по этому поводу возникали недоразумѣнія на счетъ этикета.

Сенъ-Симонъ распространяется и о другихъ инцидентахъ подобнаго сорта. Одна изъ наиболѣе любопытныхъ страницъ посвящена поведенію короля, который, во время осады Компьеня, занимался мало военнымъ зрѣлищемъ и гораздо больше—г-жей де-Ментенонъ. Онъ безпрестанно наклонялся къ ея креслу для объясненія маневровъ. Сенъ-Симонъ забавно описываетъ растерянность придворныхъ при видѣ этой интимной сцены, которая такъ сильно расходилась съ обычной торжественностью при дворѣ. Канильякъ, одинъ изъ полковниковъ, присланный за повелѣніями къ королю, взошелъ на валъ, гдѣ находился король, по лѣстницѣ, попавъ на разстояніе двухъ шаговъ отъ кресла Ментенонъ. «Онъ до того былъ ошеломленъ при видѣ короля въ такой позѣ, что не осмѣлился идти дальше, дрожалъ, заикался и не могъ исполнить возложеннаго на него порученія». Онъ долженъ былъ уйти обратно и король замѣтилъ тѣмъ, кто находился тутъ же: «Я не знаю, что такое съ Канильякомъ, но онъ совсѣмъ растерялся и забылъ, что хотѣлъ сказать мнѣ». Никто не отвѣтилъ королю, добавляетъ Сенъ-Симонъ.

Есть еще очень забавный анекдотъ о Тессе, командирѣ драгунъ. Этотъ генералъ хорошо зналъ военное дѣло, но не былъ посвященъ въ вопросы этикета. Лозэнь воспользовался этимъ и увѣрилъ его, что нельзя дефилировать во главѣ драгунъ въ обыкновенной шапкѣ, а что нужно имѣть сѣрую шапку. Этотъ цвѣтъ приводилъ короля въ ужасъ. Несчастный Тессе не зналъ о такомъ отвращеніи короля къ сѣрому цвѣту, и нарочито выписалъ себѣ изъ Парижа сѣрую шапку съ чернымъ перомъ и съ большой кокардой. Король едва не упалъ въ обморокъ. Изумленно спросилъ онъ Тессе, откуда онъ взялъ это. Тотъ самодовольно отвѣтилъ, что это ему прислали изъ Парижа.

— И для чего же это?—сказалъ король.

— Государь, потому, что ваше величество намъ дѣлаетъ честь сегодняшнимъ смотромъ.

— Прекрасно!—возразилъ король, все болѣе и болѣе удивляясь.,—но для чего же эта сѣрая шапка?

— Государь,—сказалъ Тессе, котораго такое замѣчаніе нѣсколько смутило,—это привилегія командующаго носить въ такой день сѣрую шапку.

— Сѣрую шапку!—повторилъ король.—Чортъ побери, откуда вы это взяли?

— Г. де-Лозенъ, государь, который, по вашему порученію, передалъ мнѣ объ этомъ.

— Лозенъ насмѣялся надъ вами,—съ неудовольствіемъ замѣтилъ король,—отправьте сейчасъ эту шапку генералу Премонтре.

Вотъ чѣмъ забавлялись генералы при дворѣ великаго короля. Впрочемъ, иные изъ тогдашнихъ генераловъ въ серьезъ принимали свою роль на маневрахъ. Розъ, командовавшій обороной, никакъ не хотѣлъ удалиться, не смотря на приказаніе маршала Вуффье и герцога Вургонскаго. Надо было, чтобы самъ король, посмѣявшись тому, что «Розъ не любилъ играть роль побитаго», приказалъ ему удалиться. Розъ повиновался, но не скрылъ своего неудовольствія отъ принесшаго приказъ короля.

На этихъ маневрахъ для забавы присутствовавшихъ дамъ устраивались регулярныя сраженія. Король былъ восхищенъ тѣмъ, что онъ видѣлъ, особенно же изумительнымъ блескомъ, проявленнымъ офицерами, которые разодѣли своихъ солдатъ въ мундиры съ иголочки. Въ доказательство своего удовольствія, онъ прибѣгнулъ къ средству, которое ясно указываетъ на пропасть, отдѣляющую современную армію отъ арміи 200 лѣтъ назадъ. Каждый кавалерійскій капитанъ получилъ 600 ливровъ гратификаціи, каждый пѣхотный капитанъ и каждый маіоръ по 300 ливровъ. Маршалу Буффье дали сто тысячъ ливровъ. Но это была лишь капля въ морѣ. «Не было полка, который не разорился бы на нѣсколько лѣтъ, говоритъ Сенъ-Симонъ, а относительно маршала Буффье я предоставляю судить, чѣмъ могла быть эта сумма въ 100 тысячъ въ сравненіи съ тѣмъ невѣроятнымъ великолѣпіемъ, которымъ онъ ужаснулъ всю Европу передъ иностранцами, которые были очевидцами этого и не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ».

— Подлинный протоколъ вскрытія тѣла Людовика XVII. Въ парижской печати появилось извѣстіе о пріобрѣтеніи французскимъ національнымъ архивомъ подлиннаго протокола вскрытія тѣла второго сына Людовика XVI, дофина Людовика XVII, умершаго, по преданію, въ Тамплѣ, 20-го прэріаля III-го года. Въ архивѣ до сихъ поръ имѣлась только копія этого протокола. Но оказывается, что и оригиналъ не содержитъ никакихъ новыхъ данныхъ въ сравненіи съ копіей. Протоколъ подписанъ четырьмя именами: Ж.-В.-Е. Дюманженомъ, главнымъ докторомъ больницы «Unité», Ф.-Ж. Пелльтаномъ, главнымъ хирургомъ больницы «Humanité», которымъ 17-го прэріаля было поручено комитетомъ Общественной Безопасности лѣчить «Капета-сына»; затѣмъ П. Лассусомъ, профессоромъ судебной медицины въ парижской медицинской школѣ, и Николаемъ Жанруа, бывшимъ профессоромъ въ Парижѣ. Эти двое были приглашены въ качествѣ помощниковъ при вскрытіи.

Въ опубликованныхъ копіяхъ этого знаменитаго протокола значится слѣдующее: «Мы нашли въ постелѣ тѣло ребенка, который намъ показался около 10-лѣтняго возроста, и комисары сказали намъ, что это тѣло сына покойнаго Луи Капета, и двое изъ нихъ признали въ немъ ребенка, котораго они лечили уже нѣсколько дней». Затѣмъ слѣдуютъ подробности операціи вскрытія. Протоколъ не удостовѣряетъ тождественности тѣла. Двое врачей, подписавшихъ его, видѣли этого ребенка лишь наканунѣ его смерти, двое другихъ имѣли дѣло съ неизвѣстнымъ трупомъ. «Имъ сказали», что это трупъ дофина и они составили актъ объ этомъ.

Подлинникъ протокола не прибавляетъ къ этому ничего новаго. Съ точки зрѣнія выясненія исторической проблеммы, которая вотъ уже 80 лѣтъ занимаетъ столько умовъ, документъ этотъ не представляетъ интереса. Но самое дѣло, состоящее изъ семи документовъ, при которомъ находится протоколъ, любопытно, ибо оно даетъ возможность возобновить исторію протокола, слѣды котораго считались утраченными. Подлинникъ протокола хранился у Дюманжэна. Онъ присоединилъ къ нему два документа. Одинъ есть постановленіе Комитета Общественной Безопасности, поручающее Дюманжену находиться при «гражданинѣ» Пелльтанѣ для леченія «Капета-сына» и приглашающее обоихъ врачей публиковать ежедневно бюллетень о состояніи здоровья ребенка (несчастному мученику пришлось умереть 24 часа спустя!). Другой документъ, помѣченный 20-мъ прэріаля, есть копія

письма, которымъ комиссары при Тамплѣ приглашаются увѣдомить Дюманжена и Пельтана о томъ, что они должны привлечь къ себѣ и двухъ изъ своихъ собратовъ, наиболѣе просвѣщенныхъ, для того, чтобы приступить къ вскрытію тѣла и констатировать его состояніе» (Этими «собратами», какъ уже сказано выше, были Лассусъ и Жандруа).

Эти три документа были отданы Дюманженомъ одному изъ его пріятелей, Ролану де Бюсси, бывшему судьѣ, который умеръ 92-хъ лѣтъ, въ 1858 г. За пять лѣтъ до своей кончины, Роланъ де-Бюсси уступилъ это цѣнное дѣло, въ обмѣнъ на нѣсколько книгъ, алжирскому книгопродавцу Бернару, въ рукахъ котораго оно и оставалось съ тѣхъ поръ. Бернаръ пытался сбыть его французскому правительству. Съ этой цѣлью онъ обращался въ 1869 г. къ маршалу Макъ-Магону, тогда алжирскому губернатору, а Макъ-Магонъ писалъ объ этомъ маршалу Вальяну, министру императорскаго двора и изящныхъ искусствъ. Вальянъ уклонился отъ покупки. Бюджетъ архива не имѣлъ кредита (требовалась сумма въ 5 тысячъ франковъ). Онъ предлагалъ Бернару уступить документъ въ обмѣнъ на «нѣсколько сочиненій изъ подписного фонда» и за офиціальное признаніе за нимъ услуги, оказанной императорскому архиву. Такое предложеніе не улыбалось Бернарду и онъ удержалъ при себѣ документы.

Какимъ образомъ теперь достались они Національному архиву, остается неизвѣстнымъ. На обложкѣ дѣла значится просто: «21-го іюля 1891 г. дано министру народнаго просвѣщенія депутатомъ Гишаромъ».

— Письмо короля Людовика XVI, остававшееся до сихъ поръ неизвѣстнымъ, въ настоящее время опубликовано во Франціи. Письмо это, составляющее перлъ изъ знаменитой колекціи автографовъ барона Ларенти, адресовано Людовикомъ XVI къ его брату, «графу Прованса» (впослѣдствіи Людовику XVIII). Вотъ оно: «Парижъ. 1-е іюля 1792. «Дорогой братъ! Тебѣ, конечно, извѣстно уже объ оскорбленіи, которое мнѣ пришлось вынести 21-го іюня, оскорбленіи тѣмъ болѣе чувствительномъ для меня, что чернь, разрушившую мое жилище, вели люди, которыхъ нѣкогда я осыпалъ благодѣяніями. Національная гвардія, которая должна была бы охранять меня, была подкуплена бунтовщиками, а предводитель гвардіи и не подумалъ воспользоваться своими полномочіями. Я противопоставилъ обидамъ и дикому крику невозмутимое спокойствіе, и моя твердость и хладнокровіе на тотъ день остановили кровавые замыслы недовольныхъ. Королева и семейство мое проявили истинно героическое самоотверженіе—мы вѣдь уже давно привыкли ничего не считать невозможнымъ и допивать кубокъ страданій до дна. Національное собраніе выразило глубокое негодованіе по поводу данныхъ событій. Съ трибуны якобинцевъ Лежандръ заявилъ, что народъ сдѣлалъ своему уполномоченному визитъ, Маратъ и Гербертъ высказались въ своихъ органахъ въ томъ же духѣ, подкупленные крикуны и брехуны выкрикивали подъ моими окнами такія угрозы, которыя свидѣтельствуютъ, что вожаки способны на все. Безъ религіознаго утѣшенія я давно бы пришелъ въ отчаяніе. Дюмурье предлагалъ мнѣ различные планы уничтоженія махинацій якобинцевъ, Робеспьера и Дантона, но всѣ они не выполнимы безъ кровопролитія. Я же въ тысячу разъ скорѣе готовъ стать жертвою мятежниковъ, нежели запятнать мою жизнь смертью хотя бы одного француза. Видя, что глупость торжествуетъ, что наглость беретъ верхъ надъ справедливостью, я хочу, подобно Карлу V, отказаться отъ престола.

Не знаю, что еще готовитъ мнѣ судьба на будущее время; одно знаю, что въ настоящій моментъ не можетъ существовать болѣе несчастнаго человѣка, нежели твой другъ и вѣрный братъ Людовикъ».

— Боевые кони Наполеона I. «Daily's Magazine», старѣйшій изъ англійскихъ журналовъ спорта и сельско-хозяйственной жизни, напечаталъ двѣ любопытныя статьи Френсиса Лоулэя, сына лорда Уэльслога, о боевыхъ коняхъ, на которыхъ Наполеонъ ѣздилъ верхомъ во время своихъ славныхъ кампаній. Лоулэй воспроизводитъ бесѣду великаго императора съ Барри О'Мира, ирландскимъ врачемъ, на островѣ св. Елены. Наполеонъ разсказывалъ врачу, какъ въ самомъ началѣ его боевой карьеры въ Арколѣ лошадь его, взбѣсившись отъ раны, закусила удила и поскакала прямо по направленію австрійской арміи. Бросившись въ болото, она погрязла въ немъ по шею. Бонапартъ едва не былъ задавленъ ею. Начиная отъ Арколы и кончая Ватерло, подъ Наполеономъ было убито 18—19 лошадей. По замѣчанію Лоулэя, эта цифра не представляетъ собой ничего невѣроятнаго. Фельдмаршалъ Блюхеръ потерялъ столько же лошадей во время своихъ кампаній, а генералъ Форрестъ, одинъ изъ наиболѣе блестящихъ офицеровъ южной арміи во время междуусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ, въ 4 года, потерялъ подъ собой тридцать лошадей.

О нѣкоторыхъ знаменитѣйшихъ коняхъ Наполеона I Лоулэй приводитъ весьма любопытныя подробности. Таковы: «Маренго», на которомъ сидѣлъ Наполеонъ при Ватерло, «Аустерлицъ», «Марія»—сѣрая кобыла, названная такъ по имени второй супруги императора французовъ, «Али» и «Яффа». Всѣхъ знаменитѣе «Маренго», скелетъ котораго находится въ Уайтгэтльскомъ военномъ институтѣ въ Лондонѣ и одно изъ копытъ котораго, отдѣланное въ табакерку, хранящуюся въ Сенъ-Джемскомъ дворцѣ, имѣетъ надпись: «копыто «Маренго», боеваго варварійскаго коня, принадлежавшаго Наполеону, который ѣздилъ на немъ при Маренго, Аустерлицѣ, Іенѣ, Ваграмѣ, во время похода въ Россію и при Ватерло». Кругомъ копыта другая надпись гласитъ: «Маренго» былъ раненъ въ лѣвую ляжку, когда Наполеонъ сѣлъ на него при Ватерло, на изрытой дорогѣ аванпостовъ». Этотъ же конь не разъ бывалъ раненъ и въ предшествующія Наполеоновскія битвы. «Маренго» же привезъ императора въ Шарльруа послѣ битвы.

Другой конь—«Яффа»—арабскій, приведенный Наполеономъ изъ Египта, окончилъ дни свои у одного французскаго дворянина, который прибылъ въ Англію въ 1815 г. и нанялъ замокъ въ Гласенбургѣ, въ графствѣ Кентъ. Этотъ дворянинъ, имя котораго не сохранилось, былъ другомъ Наполеона I и заботился о старомъ конѣ. Въ 1829 г. 37-лѣтній конь вслѣдствіе его слабости былъ застрѣленъ. Въ паркѣ названнаго зàмка до сихъ поръ сохранилась небольшая колонна съ надписью на камнѣ: «подъ этимъ камнемъ покоится «Яффа», знаменитый боевой конь Наполеона, 37 лѣтъ».

Конь «Али», портретъ котораго также сохранился и воспроизведенъ въ гравюрѣ «Daily's Magazine», былъ взятъ въ Египтѣ при Али-беѣ и находился подъ сѣдломъ одного драгуна 18-го полка. Захваченный мамелюками и снова отнятый французами, «Али» привлекъ къ себѣ вниманіе генерала Мену, который привелъ его въ Европу и подарилъ первому консулу. Съ тѣхъ поръ императоръ ѣздилъ на немъ во всѣхъ сраженіяхъ и въ послѣдній разъ, при Ваграмѣ, «Али» находился подъ сѣдломъ съ 4-хъ час. утра до 6-ти час. вечера.

Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что Наполеонъ пользовался въ одинъ и тотъ же день и «Маренго», и «Али». Г-жа де Ремюза въ своихъ мемуарахъ сообщаетъ, что онъ утомлялъ въ одинъ и тотъ же день нерѣдко по четыре—по пяти лошадей.

Портретъ коня «Аустерлицъ» сохранился въ Лондонѣ въ отелѣ лорда Розбери. Что касается кобылы «Marie», то Лоулей имѣлъ случай встрѣтиться съ старымъ мекленбуржцемъ, поселившемся въ Англіи, по фамиліи Шалэнъ. Онъ помнилъ, что во время похода французской арміи на Москву многіе кавалерійскіе полки проходили черезъ маленькій городъ Ивенахъ, въ герцогствѣ Мекленбургскомъ. Генералъ Лефебръ Денуэттъ замѣтилъ тамъ множество чистокровныхъ красивыхъ лошадей, принадлежавшихъ барону Плессену, въ томъ числѣ и сѣрую кобылу, котора вела свое происхожденіе отъ Кингъ-Герада, одного изъ знаменитѣйшихъ англійскихъ заводскихъ жеребцовъ. Генералъ взялъ эту кобылу и отправилъ ее императору, который и назвалъ ее «Marie». На ней онъ сдѣлалъ большую часть кампаніи 1813 года. Впослѣдствіи эта лошадь неизвѣстно какимъ образомъ попала въ руки пруссаковъ, была передана барону Плессену, околѣла въ Ивенахѣ, и Шаллэнъ разсказывалъ Лоулэю, что онъ не разъ видѣлъ ея скелетъ, бережно сохраняемый въ старомъ замкѣ Ивенаха.

— Выѣзды Фридриха Великаго. Въ запискахъ, оставленныхъ прусскимъ генералъ-лейтенантомъ фонъ-Марвицомъ, въ числѣ прочихъ замѣтокъ о Фридрихѣ Великомъ, есть описаніе выѣздовъ знаменитаго короля, которое Марвицъ видѣлъ самъ, будучи ребенкомъ. «Впереди, — говоритъ онъ,—бѣжали 8 скороходовъ съ своими посохами и въ шапкахъ, украшенныхъ перьями, затѣмъ ѣхала королевская карета, запряженная восьмеркой, съ 8 окнами вокругъ, лошади въ старомодныхъ сбруяхъ, съ султанами изъ перьевъ на головахъ. На подножкахъ кареты стояли 4 пажа; въ своей красной съ золотомъ формѣ, въ шелковыхъ чулкахъ и въ шляпахъ съ плюмажемъ, — они были очень замѣтны. На запяткахъ совсѣмъ внизу стоялъ конюхъ. Поѣздъ двигался очень медленно по переднему двору дворца «принца Генриха» (теперешняго университета). Принцъ подходилъ къ дверцѣ кареты, которую пажи отворяли, и король торжественно подавалъ принцу руку, затѣмъ послѣдній велъ короля на лѣстницу. Сестры и братья принца держали себя съ нимъ всегда очень офиціально, согласно съ этикетомъ».

Когда онъ посѣщалъ принцессу Амалію, уже очень старую въ то время и разбитую параличемъ, она выходила ему на встрѣчу на самый дворъ, хотя для того ее должны были вести двѣ фрейлины. Она жила въ прекрасномъ дворцѣ въ Wilhelmstrasse, напротивъ Kochstrasse (нынѣ составляющемъ собственность принца Альбрехта). Король, вообще не любившій ѣзды въ каретѣ, садился на своего любимаго коня, превосходнаго иноходца, по имени Конде, и ѣздилъ отъ Галльскихъ воротъ мимо публики, толпившейся на круглой площади (Belle-alliance), желавшей поглазѣть на короля и его генераловъ. Онъ выѣзжалъ тогда одинъ впередъ и безпрестанно раскланивался на всѣ стороны, снимая шляпу. Временами онъ по цѣлымъ минутамъ держалъ ее въ рукѣ. Толпа соблюдала глубочайшую тишину съ благоговѣніемъ отвѣчая на поклоны, которые, дѣйствительно, вызывали умиленіе. Каждый, повидимому, чувствовалъ, что этотъ прямой старецъ, въ теченіе 45 лѣтъ неутомимо трудился для своей страны и своего народа. На него взирали съ гордостью и удивленіемъ.

Завернувъ на дворъ своего дворца, онъ пускалъ лошадь свою въ галопъ, толпа раздвигалась, чтобы дать мѣсто ему и его адъютанту, безъ всякаго участія полиціи, затѣмъ онъ по-юношески соскакивалъ съ лошади и раскланивался передъ своей сестрой, которая, сдѣлавъ глубокій поклонъ, брала подставленную его руку, и они поднимались вверхъ по лѣстницѣ.

Удивительное отвращеніе питалъ Фридрихъ Великій къ ѣздѣ въ каретѣ. Когда въ 1785 году, въ началѣ его предсмертной болѣзни, по предписанію докторовъ, ему пришлось уѣхать изъ холоднаго, не снабженнаго печами, Sans Souci, то онъ приказалъ перенести себя въ городской дворецъ на носилкахъ, потому что ни за что не хотѣлъ сѣсть въ карету.

— **Происхожденіе названія Америки.** Въ недавнее время Жюль Марконъ выставилъ смѣлую гипотезу о томъ, что, не смотря на прямое свидѣтельство лотарингскаго географа Вальцемюллера или Гилакомилуса, названіе Америки происходитъ не отъ прозвища флорентинскаго путешественника Америго Веспуччи. Доводы его слѣдующіе. Сѣверо-американскій путешественникъ Томасъ Вельтъ въ штатѣ Никарагуа къ востоку отъ соименнаго озера слыхалъ о мѣстности Сіеррѣ Америкуе, гдѣ встрѣчаются залежи золота и живетъ слабое индѣйское племя того же имени. Отъ этой-то горной цѣпи, о которой географія до сихъ поръ не имѣла понятія, Марконъ производитъ и названіе Америки. Онъ указываетъ на то, какъ странно и несообразно съ обычаями того времени называть новооткрытый свѣтъ, по прозвищу, а не по фамиліи. Затѣмъ Маркону представляется непонятнымъ, что это названіе такъ быстро было усвоено безъ протеста и что оно всегда одинаково писалось, тогда какъ Веспуччи назывался то Америго, то Альберико. Отсюда онъ заключаетъ, что названіе Америки было уже общеизвѣстно и популярно при появленіи «Cosmographiae Introductio» Гилакомилуса. Колумбъ, какъ извѣстно, при своемъ четвертомъ путешествіи держался береговъ американскаго материка и его «Carial» лежитъ по Маркону, при устьѣ Ріо Рамы. Тамъ онъ натолкнулся на туземцевъ, которые ходили почти нагіе, но носили на шеѣ золотыя украшенія. Эти индѣйцы, по Маркону, принадлежали къ сильному тогда племени Америкуесовъ, для путешественниковъ они представляли особую важность, какъ обладатели золотыхъ украшеній. Правда, Колумбъ не называетъ ихъ въ своемъ «lettera rarissima», какъ и нигдѣ не упоминалось о нихъ и въ позднѣйшія времена, но Марконъ тѣмъ не менѣе считаетъ несомнѣннымъ то, что спутники Колумба принесли названіе это въ Испанію и что оно распространилось по Европѣ, какъ названіе страны золота. Веспуччи также слышалъ о немъ и рѣшилъ-де основать свою славу на созвучіи этого названія съ его прозвищемъ. Черезъ посредство добраго короля Рене онъ-де послалъ Гилакомилусу, котораго нравственный кругозоръ не отличается особенной безупречностью, свою рукопись «De quatuor navigationibus» и съумѣлъ побудить его представить дѣло такъ, будто названіе «America sive americi terra» дано новой части свѣта въ честь его флорентинскаго корреспондента. Марконъ не останавливается даже передъ обвиненіемъ Веспуччи въ подлогѣ, именно въ подправкѣ его метрики, ибо-де въ 1508 г., сейчасъ же вслѣдъ за появленіемъ «Cosmographiae Introductio» Гилакомилуса, онъ въ письмѣ архіепископу Толедскому пишетъ свое прозвище не Америго, а Амерриго, чтобъ оно болѣе походило на названіе Амеррикуе.

Но нельзя не упомянуть, что прозвище Америго, какъ давно доказано Гумбольдтомъ, есть испанизированная передача ломбардскаго Альмерикъ. Съ другой стороны, какъ Колумбъ, такъ и Веспуччи, умерли съ увѣренностью въ томъ, что новооткрытый материкъ составляетъ часть Индіи, и и стало быть едва ли онъ помышлялъ окрещивать его, какъ новую часть свѣта. Наконецъ, еще одно въ данномъ вопросѣ остается неопровержимымъ: изъ противниковъ Веспуччи ни одинъ не зналъ о названіи Амеррикуе будто бы «уже въ 1507 г. популярномъ въ Европѣ», и всѣ обвиняли флорентинца въ томъ, что онъ свое имя неправильно подставилъ вмѣсто имени Колумба.

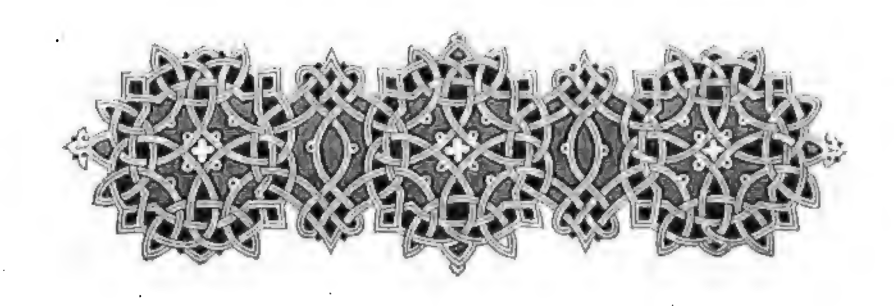
— Мѣсто битвы Вара. Какъ извѣстно, о мѣстности, гдѣ происходила битва легіоновъ Вара, до сихъ поръ спорятъ ученые. Споръ этотъ нѣсколько лѣтъ назадъ оживился снова, когда Момсенъ на основаніи монетъ, найденныхъ въ Вархнау, сталъ доказывать, что битва Вара происходила въ окрестностяхъ Оснабрюка. Попытка эта оказалась неудачной, и большинство историковъ теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь, поддерживаютъ традиціонное мнѣніе, что помянутая битва имѣла мѣсто въ Тевтобургскомъ лѣсу, хотя мѣстности этой области до сихъ поръ опредѣлить не удалось. Предположеніе Ширенберга, указывающаго на мѣстность близь городка Горна, которая находится въ разстояніи одной мили къ югу отъ Детмольда, никѣмъ не принимается. Новой попыткой выяснить тотъ же вопросъ является работа д-ра Августа Деппе въ органѣ нѣмецкаго общества антропологіи, этнологіи и первоначальной исторіи. Доводы Деппе главнымъ образомъ опираются на свидѣтельства Тацита и другихъ древнихъ писателей. По мнѣнію Деппе, Варъ лѣтомъ 9 года по Р. Х. размѣстилъ три легіона, около 18,000 челов. съ 5,000 лошадей, въ области Херусковъ и Ангриваровъ, т. е. между Карлсгафеномъ, Падерборномъ, Билефельдомъ и Минденомъ. Театромъ битвы Вара нельзя считать какую-нибудь опредѣленную боевую линію, на которой Варъ со всѣмъ своимъ войскомъ потерпѣлъ пораженіе. Это скорѣе цѣлая область, гдѣ всѣ стоянки римлянъ въ одно и тоже время и неожиданно для нихъ подверглись нападенію со стороны разграбленныхъ и возмущенныхъ жителей.

Эта народная борьба такъ происходила, по мнѣнію Деппе. Въ заговорѣ Арминія противъ римлянъ, хаттамъ и хаттуарамъ, жившимъ въ нынѣшней области Гессенландъ и Вальдекъ и наиболѣе удаленнымъ отъ означенной мѣстности, гдѣ находился Варъ, выпала задача возмутиться первымъ, чтобы легче поразить Вара при наступленія его противъ нихъ. Какъ только римскіе солдаты 1-го августа во всѣхъ укрѣпленіяхъ и лагеряхъ начали праздновать день императора, хатты и хаттуары вдругъ напали на римлянъ и захватили тѣхъ, которые не могли бѣжать, сожгли ихъ лагерь и затѣмъ устремились на римскія укрѣпленія по Рейну. Это заставило намѣстника Вара выйти изъ своего спокойствія въ лѣтнемъ лагерѣ. Но на слѣдующій день, когда онъ готовился къ выступленію, херуски напали на разстроенные ряды солдатъ, утомленныхъ празднествомъ 1-го августа, какъ разъ въ то время когда они отчасти находились еще въ лагерѣ, а частью двинулись въ путь. Изъ своей главной квартиры, находившейся въ лѣсистыхъ горахъ между источниками Липпе и Эмса въ области Вильефельда, Варъ двинулся въ юго-восточномъ направленіи. Это былъ походъ не только противъ возмутившагося врага, но и къ Рейну, черезъ который Варъ хотѣлъ отступить. Единственный путь къ отступленію его лежалъ по дорогѣ отъ Белефельда черезъ Детмольдъ, Нигеймъ, Бракель на Марбургъ, но уже отъ Детмольда до крѣпости Ализо на Липпѣ ему едва удалось добраться. Но затѣмъ онъ

попалъ въ густую чащу лѣса и въ ущелье. Тутъ поднялся сильный вѣтеръ съ дождемъ, такъ что все способствовало истребленію римлянъ. Лишь немногимъ изъ нихъ посчастливилось бѣжать въ Алисо.

— **Что требовалось для сожиганія людей.** Въ одномъ офиціальномъ документѣ послѣднихъ дней Фридриха II имѣются слѣдующія свѣдѣнія о томъ, что̀ въ доброе старое время требовалось при сожженіи преступниковъ на кострахъ: Подробный списокъ аксессуаровъ, необходимыхъ при сожженіи осужденныхъ преступниковъ 15-го августа 1786 года, во вторникъ въ 6 часовъ утра: 1) Удобное мѣсто. 2) Колъ въ 14 футовъ длины, изъ молодого, здороваго, зеленаго дуба, въ ³/₄ фута въ діаметрѣ. 3) 16 саженъ хорошихъ сухихъ дровъ. 4) ¹/₂ сажени, хорошихъ смолистыхъ, сухихъ дровъ. 5) 12 сосновыхъ балокъ, около 12 фут. длины, для скрѣпленія костра. 6) Двѣнадцати-футовые бруски для связки костра. 7) Двѣ копы брусковыхъ гвоздей для скрѣпленія брусковъ. 8) 16 досокъ въ 1 футъ ширины и 12 фут. длины для того, чтобы мѣшать уголья и для крыши, на случай дурной погоды, а также для покрытія пола камеры, гдѣ сидѣли преступники, кромѣ того, доски для входной двери въ костеръ, двѣ петли и два крючка для этой же двери. 9) 45 сноповъ соломы. 10) Полъ бочки дегтя. 11) 4 фунта прокаленной сѣры. 12) Два легкихъ раскаленныхъ крюка. 13) Желѣзная кочерга. 14) Желѣзный казанъ для углей и мѣшокъ углей для разжиганія костра. 15) Шесть крюковъ по 4 дюйма длины и по 2 дюйма ширины. 16) 4 маленькія цѣпочки для рукъ и ногъ по 3 аршина длины, причемъ на каждой изъ цѣпочекъ полагалось кольцо и крючекъ, для того, чтобы прикрѣпить тѣло преступника къ балкѣ. 17) Двѣ цѣпочки, по 4 арш. длины. 18) 4 большія кадки съ водой для охлажденія раскаленныхъ крюковъ. 19) Двѣ веревки. 20) Небольшая скамейка для сидѣнья преступнику. 21) Двѣ лѣстницы для поднятія на верхъ вѣнца костра. 22) Топоръ. 23) Молотокъ. 24) Клещи. 25) Буравъ. 26) Заступъ. Берлинъ, 15 августа, 1786 года.

Документъ этотъ былъ составленъ и подписанъ не чиновникомъ судебнаго вѣдомства, или палачемъ, а откомандированнымъ для этого дѣла поручикомъ Мёллендорфомъ. Эта казнь, всесожженіемъ, состоявшаяся за два дня до смерти Фридриха Великаго, отнюдь не была послѣднею въ своемъ родѣ, чему свидѣтелями являются сами берлинцы. Еще десятки лѣтъ послѣ того пылалъ костеръ передъ Берлинскими воротами, на которомъ одновременно покончили свою жизнь одинъ поджигатель со своей возлюбленной. Въ 7-мъ выпускѣ издававшагося тогда въ Штутгартѣ фирмою Котта «Morgenblatt für gebildete Stände», въ видѣ приложенія къ одной изъ берлинскихъ театральныхъ кореспонденцій, явилось такое сообщеніе: «18-го мая были сожжены на кострѣ поджигатель Петръ Горстъ и Луиза Делицъ, онъ—тридцати лѣтъ отъ рода, она—двадцати одного. Оба во время показаній за день передъ казнью и въ день самой казни проявили большую отвагу. Садясь въ карету, онъ бросилъ въ народъ колоду картъ—книгу церковныхъ пѣсней, — какъ онъ выразился, — а съ костра дерзко подбросилъ свою шляпу кверху. Она увѣряла одного рядомъ съ ней стоявшаго полицейскаго, что пульсъ ея бьется нисколько не сильнѣе обыкновеннаго и что ей только хотѣлось бы знать, сохранитъ ли Горстъ свое веселое настроеніе до конца. На самомъ кострѣ на одинъ моментъ его охватилъ ужасъ. Онъ проворно подошелъ къ ней, обнялъ ее еще разъ и затѣмъ занялъ свое мѣсто. Приговоръ былъ исполненъ въ нѣсколько секундъ».

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Народная литература западныхъ славянъ и мадьяръ.—Ирландскія преданія.— Сарты и ихъ языкъ.—Віографія Жуковскаго.—Очеркъ исторіи французской литературы по іюль 1891 года.— Историческіе труды Ренана, Тэна, Лависса, Дидона, Рейнака.—Книги о революціи.—Г-жа Тальенъ.—Сочиненіе Вельшингера.— Мемуары и воспоминанія.— Серьезныя книги и беллетристика.— Модные писатели.—Бельгійская литература и ея представители. — Фламандская литература.

ЗНАТОКЪ русскаго языка, долгое время жившій въ Россіи, сѣвероамериканецъ Іеремія Кортинъ, издалъ почти одновременно два любопытныхъ сборника: «Миѳы и народныя сказки русскихъ западныхъ славянъ и мадьяръ» (Myths and folk-tales of the russians, western slaviansand magyars, by Jeremiah Curtin) и «Миѳы и народныя преданія Ирландіи» (Myths and folk.—lore of Irland). Русскія легенды Кортинъ взялъ изъ извѣстнаго сборника Аѳанасьева, чешскія — изъ книгъ Родостова и Кульды, мадьярскія у Мренія и Кризы. Хотя мадьяры и не принадлежатъ къ славянскимъ племенамъ, но у нихъ почти всѣ преданія и пѣсни — славянскаго происхожденія, только эта отрасль финской и гунской расы не любитъ, когда ей напоминаютъ объ этомъ, какъ это было съ Миклошичемъ, доказавшимъ, что и множество словъ мадьярскаго языка чисто славянскихъ корней. Странно, что въ предисловіи къ своему замѣчательному сборнику Кортинъ не упоминаетъ о трудахъ своихъ предшественниковъ на томъ же поприщѣ, о книгахъ Вратислава, миссъ Годжетсъ, переводѣ былинъ сѣвероамериканкою миссъ Гапгудъ, даже о такомъ сочиненіи, какъ изслѣдованіе Ральстона, изданное 20 лѣтъ назадъ, но не потерявшее своего значенія. Его переводы русскихъ народныхъ сказокъ тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія что снабжены примѣчаніями, объясненіями, варіантами и указаніями на подоб-

ныя же произведенія у другихъ народовъ. Книга Кортина бѣдна коментаріями, и многія, приводимыя имъ сказки, переведены уже Ральстономъ, но въ общемъ, трудъ американскаго гражданина представляетъ цѣнный матеріалъ. Англійская критика находитъ въ русскихъ преданіяхъ богатство творческой фантазіи, соединенной съ наивнымъ міровоззрѣніемъ. Въ скопленіи въ нихъ невозможныхъ событій видно вліяніе востока. Слѣды его проявляются въ былинѣ о Добрынѣ и сказкѣ объ Иванѣ-дуракѣ. Переводъ чешскихъ сказаній особенно важенъ. Въ сборникѣ Вратислава всего 7 чешскихъ и 2 моравскихъ сказки. Между тѣмъ у нѣмцевъ десятки лѣтъ уже существуютъ сборники изъ богатой коллекціи народныхъ чешскихъ преданій, послужившихъ темами для многихъ произведеній современной чешской литературы. Популярный разсказчикъ Галекъ, умершій еще въ 1874 году, составилъ себѣ извѣстность передѣлкою народныхъ сказаній. Божена Нѣмцова также обязана своей славою пересказамъ чешскихъ легендъ. Къ самымъ замѣчательнымъ преданіямъ, критика относитъ сказку о Кощеѣ безсмертномъ и удивляется, какъ она могла возникнуть у такого малоразвитаго поколѣнія какъ славянскіе крестьяне. Подобный миѳъ сохранился въ кельтійскихъ легендахъ и помѣщенъ въ сборникѣ гальскихъ сагъ Кемпбеля. Кортинъ видитъ слѣды этого миѳа и въ легендахъ сѣвероамериканскихъ индійцевъ. Ральстонъ причисляетъ его къ миѳамъ о природѣ. Исторія стараго царя, свареннаго въ волшебномъ котлѣ, изъ котораго онъ вышелъ молодымъ красавцемъ, напоминаетъ эллинское преданіе о Пелеѣ. Такіе волшебные котлы являются и въ болгарскихъ сказкахъ. Въ виду плохо разработанной славянской миѳологіи Кортину не слѣдовало бы искать точекъ соприкосновенія между царемъ Веломъ и Бѣлбогомъ, какъ представителемъ добраго начала, враждебнаго Чернобогу.

Что касается до собранія ирландскихъ сагъ, оно очень невелико, и немногимъ богаче появившагося одновременно съ книгою Кортина сборника ирландскихъ-гаэлическихъ народныхъ исторій Дугласа Гейда «У огня» (Beside the fire: a collection of irish-gaelic folk-stories, by Douglas Hyde). Ирландскія легенды по содержанію гораздо бѣднѣе нѣмецкихъ и скандинавскихъ. Въ западныхъ графствахъ еще встрѣчаются отрывки волшебныхъ разсказовъ, но въ другихъ частяхъ острова эмиграція, голодовки, гнетъ англичанъ, политическія агитаціи уничтожили слѣды народнаго творчества. Забота о хлѣбѣ насущномъ убила поэтическія фантазіи. Страшный голодъ 1847 года измѣнилъ даже народный характеръ, и поколѣніе выросшее съ той эпохи сдѣлалось равнодушно не только къ собственнымъ невзгодамъ, но и къ преданіямъ своихъ отцовъ. Милліонъ ирландцевъ переселившихся въ Америку, въ хлопотахъ объ устройствѣ новой жизни, забылъ о старыхъ сагахъ своей родины.

— Извѣстный руссофобъ Вамбери издалъ изслѣдованіе о сартахъ и ихъ языкѣ (Die Sarten und ihre Sprache). Еще въ первомъ трудѣ своемъ «Путешествія по центральной Азіи» Вамбери говоритъ, что сарты составляютъ одно изъ шести племенъ населяющихъ Хиву, что они были первобытными обитателями Ховарезма, а въ Бухарѣ и Коканѣ ихъ называютъ таджиками; что они прежде говорили персидскимъ языкомъ, но постепенно замѣнили его турецкимъ; что они хитры и пронырливы. Странгфордъ, описывая въ 1865 году три независимыя туркестанскія ханства, говоритъ, что господствующее племя въ нихъ—узбеки, покорители страны, турецкаго про-

исхожденія; они внесли къ покореннымъ племенамъ свои обычаи, измѣнивъ понемногу прежній свой языкъ—таджиковъ или, какъ ихъ называютъ, въ Хивѣ—сартовъ. Евгеній Шюйлеръ, въ своемъ описаніи Туркестана, явившемся въ 1876 году, говоритъ, что уроженцевъ Ташкента и Кокана называютъ сартами, но слово это не имѣетъ этнологическаго значенія. Уйфальви писалъ, въ 1878 году, что сарты — древній народъ, извѣстный подъ этимъ именемъ еще султану Баберу въ XV столѣтіи. Отрицая въ нихъ персидское происхожденіе, авторъ видитъ въ нихъ смѣсь первобытнаго таджикскаго населенія съ узбекскимъ элементомъ. Въ Ферганѣ сарты — преобладающее племя. Когда узбекъ поселяется въ какомъ-нибудь городѣ, строитъ тамъ домъ, или выбираетъ себѣ профессіональное занятіе, его называютъ сартомъ. По статистикѣ русскаго Туркестана, изданной англійскимъ военнымъ вѣдомствомъ въ 1879 году, число сартовъ въ Семирѣченской и Сырдарьинской области показано въ 100.000. Слово сартъ происходитъ отъ древне-иранскаго корня «кшатра», перешедшаго въ названіе рѣки Яксартъ и въ персидскій терминъ шехръ — городъ. Як-сартъ значитъ рѣка городовъ и оттуда слово сартъ, иранскіе номады передали турецкимъ, какъ обозначеніе осѣдлыхъ жителей въ долинѣ Сыр-Дарьи. Выводы свои Вамбери основываетъ на изслѣдованіяхъ Лерха и Остроумова и признаетъ за сартами иранское происхожденіе; они смѣшались только съ узбеками нижняго Оксуса, киргизами центральнаго Як-сарта монголами и калмыками Тянь-шанскихъ горъ. Они говорятъ особымъ сарто-турецкимъ нарѣчіемъ, гдѣ преобладающій элементъ—турецкій. Вамбери представляетъ образцы сартскихъ пословицъ, отчасти приводимыхъ и Остроумовымъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаются и персидскія слова. Приводимъ болѣе общеупотребительныя поговорки: «человѣкъ съ мѣдной головой лучше женщины съ золотой головой.— Если твоя жена бестолкова, пусть твоя плеть работаетъ здорово.—Лучше идти пѣшкомъ, чѣмъ ѣхать на плохой лошади: лучше остаться холостымъ, чѣмъ жениться на плохой женѣ.— Сынъ богача портитъ самъ свою жизнь, сыну бѣдняка портятъ ее другіе.— Когда сартъ богатѣетъ, онъ строитъ домъ, когда богатѣетъ киргизъ, онъ женится».

— Наши друзья французы, знакомясь съ современною русскою литературою, не забываютъ и нашихъ старыхъ писателей. Въ 1883 году, въ Парижѣ вышла очень изящная книга: «Очерки артистическіе и литературные». Тамъ, по поводу столѣтней годовщины рожденія Жуковскаго, была помѣщена довольно обстоятельная оцѣнка его значенія и его произведеній. Теперь эта монографія является отдѣльною брошюрою въ роскошномъ изданіи, въ Ліонѣ, подъ названіемъ «Столѣтняя годовщина Жуковскаго» (Le centenaire de Joukowsky), хотя съ этого столѣтія прошло уже девять лѣтъ. Напечаталъ вновь монографію какой-то Джемсъ Кондаминъ къ французской выставкѣ въ Москвѣ и даже выставилъ на брошюрѣ мѣстомъ ея изданія—Moscou. Все это хорошо, но дурно только то, что ни авторъ біографіи, ни его московскіе издатели не дали себѣ труда исправить въ брошюрѣ бросающіяся въ глаза неточности. Такъ, въ книгѣ 1883 года, является русскій поэтъ Holtsol и онъ же переходитъ изъ «Croquis artistiques et littéraires» въ «Centenaire». Москвичи-то могли, конечно, догадаться, что это— Кольцовъ, но зачѣмъ же и французовъ знакомить съ какимъ-то небывалымъ Гольтсолемъ? Кондаминъ увѣряетъ также, что Жуковскій написалъ текстъ «Жизни за царя». Откуда онъ почерпнулъ такое извѣстіе? Нашъ

даровитый поэтъ, въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, писалъ стихи гораздо лучше, чѣмъ баронъ Розенъ въ тридцатыхъ годахъ. Почтенный Егоръ Ивановичъ хотя и родился двадцатью годами послѣ Жуковскаго и умеръ восемью годами позже его, былъ куда ниже его, какъ стихотворецъ и въ «Жизни за Царя» отличился такими стихами, какіе смѣло можно принять за искаженіе русскаго языка.

Закончимъ теперь обзоръ исторіи литературы западной Европы съ половины прошлаго года по іюль нынѣшняго, на основаніи отзывовъ англійскаго Атенеума.

— Оцѣнку современнаго литературнаго движенія во Франціи представляетъ Іосифъ Рейнахъ, писатель образованный, но все-таки еврей, перенесшій въ свои критическія сужденія пристрастные, узко-семитическіе взгляды, особенно по отношенію къ беллетристикѣ. Объ историческихъ трудахъ этого года онъ замѣчаетъ совершенно вѣрно, что они отличались стремленіемъ къ отъисканію правды въ событіяхъ, нерѣдко представляемыхъ въ невѣрномъ освѣщеніи, во множествѣ появляющихся мемуаровъ. Третій томъ «Исторіи Израиля» Ренана представляетъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ памятниковъ эрудиціи нашего времени. Въ новомъ томѣ даровитый авторъ разсказываетъ исторію пророковъ и вавилонскаго плѣна, но вмѣстѣ съ тѣмъ, излагаетъ множество философскихъ мыслей и выводовъ, блестящихъ новизною и оригинальностью. Говоря о злоупотребленіяхъ и несправедливостяхъ, господствовавшихъ въ тогдашнемъ мірѣ, историкъ-философъ приходитъ къ заключенію, что ни одно человѣческое общество не можетъ твердо сплотиться въ прочный государственный организмъ, безъ нарушенія законовъ правды и гуманности. Манера Ренана, говоря о событіяхъ давно минувшихъ вѣковъ, обращаться къ фактамъ современнымъ, поражаетъ своею странностью. Такъ, указывая на легенды о китѣ Іоны, онъ напоминаетъ о «Прекрасной Еленѣ» Офенбаха. Но эти особенности не мѣшаютъ Ренану быть однимъ изъ замѣчательныхъ современныхъ мыслителей. Новый томъ сочиненія Тэна «Происхожденіе современной Франціи» продолжаетъ развивать прежнюю мысль, что страна эта до сихъ поръ живетъ подъ учрежденіями введенными Наполеономъ, «этимъ архитекторомъ современной Франціи». Въ мастерской характеристикѣ. Тэнъ называетъ его итальянскимъ кондотьеромъ XV столѣтія, перенесеннымъ въ нашъ вѣкъ. Въ его самолюбивомъ эгоизмѣ, неспособномъ ни къ самопожертвованію, ни даже къ добросовѣстности, Тэнъ видитъ представителя всего современнаго искуственнаго общества, къ которому относится съ крайнимъ пессимизмомъ. Эрнестъ Лависсъ продолжаетъ изслѣдованія о происхожденіи современной Германіи и въ новомъ томѣ своего добросовѣстнаго труда рисуетъ молодость Фридриха II, переносившаго столько гоненій и несправедливостей отъ своего отца. Не смотря на противоположный характеръ этихъ двухъ монарховъ, ихъ стремленія создать хотя бы и искуственное величіе Пруссіи — совершенно одинаковы и царствованіе Фридриха II является еще болѣе ретроградньмъ, чѣмъ правленіе его отца. Готфридъ Кавеньякъ доказываетъ въ своемъ сочиненіи, что во внутреннихъ реформахъ послѣдняго времени Пруссія много заимствовала изъ принциповъ французской революціи. Какъ, еврей, Рейнахъ не доволенъ книгою отца Дидона объ Іисусѣ Христѣ, утверждая, что врядъ ли нашъ скептическій и атеистическій [вѣкъ приметъ безусловно всѣ мистическіе выводы автора, и приводитъ мнѣніе вполнѣ рел--

гіознаго критика Жюля Симона: «священникъ, говоря о Христѣ, можетъ написать только священную книгу». За то тотъ же Іосифъ Рейнахъ расхваливаетъ книгу Теодора Рейнаха «Митридатъ Евпаторъ». Авторъ не только разсказываетъ исторію этого владыки Понтійскаго царства, но даетъ и характеристику этого полуварварскаго царя, сравнивая его съ противникомъ его Помпеемъ и Аннибаломъ. Толки о запрещеніи «Термидора» Сарду послужили поводомъ къ появленію нѣсколькихъ сочиненій объ этой эпохѣ. Эрнестъ Гамель въ своемъ панегирикѣ Робеспьеру горячо отстаиваетъ этого бездушнаго, завистливаго диктатора и говоритъ, что день 9-го термидора былъ самымъ печальнымъ днемъ во всей революціи. Въ паденіи Робеспьера, онъ болѣе всего обвиняетъ г-жу Тальенъ и сильно возстаетъ противъ интригъ этой «Notre-dame de Thermidor», какъ ее называли. Другой изслѣдователь эпохи революціи, Шарль Норуа, въ своей книгѣ «Революціонерки» является, напротивъ, защитникомъ этой «merveilleuse» и хотя не извиняетъ ея поступковъ съ нравственной точки зрѣнія, но оправдываетъ ихъ ея положеніемъ и красотою этой «республиканской королевы». Подъ названіемъ: «Романъ Дюмурье» Вельшингеръ написалъ интересное изслѣдованіе о судьбѣ этого генерала и его любви къ баронесѣ д'Анжель, которой онъ передалъ даже свою пенсію, слѣдовавшую его женѣ. Другой этюдъ Вельшингера относится къ Адаму Луксу, этому нѣмецкому студенту и сентиментальному философу, сдѣлавшемуся французомъ изъ любви къ революціи, но послѣ казни Шарлоты Корде убѣдившемуся въ томъ, что жизнь не стоитъ тѣхъ заботъ, которыя употребляютъ для того, чтобы поддержать ее. Этого же мнѣнія держалась и сестра Адама Лукса, убившая себя отъ любви къ Жан-Полю Рихтеру, не раздѣлявшему этого чувства. Генералъ Тума написалъ біографію маршала Ланна по мемуарамъ Марбо, имѣвшимъ большой успѣхъ послѣ того, какъ три тома записокъ Талейрана обманули всеобщія ожиданія. Кромѣ характеристики побѣдителя при Монтебелло, въ книгѣ Тума разсказана жизнь и другихъ наполеоновскихъ маршаловъ. Въ книгѣ «Романъ императорскаго принца» д'Эриссонъ разсказываетъ исторію сына Наполеона III, но съ такими романтическими и даже фантастическими прикрасами, что исторія д'Эриссона сильно напоминаетъ «Трехъ мушкетеровъ» и другія произведенія, въ которыхъ Дюма разсказывалъ исторію Франціи. Д'Эриссонъ сильно не любитъ Евгенію и выставляетъ ее въ весьма не привлекательномъ видѣ. Онъ же написалъ любопытную и на этотъ разъ уже совершенно реальную книгу «Охота за людьми». Это исторія войны въ Алжиріи съ Абдель-Кадеромъ. Поль де-Моленъ и разные генералы описывали геройскіе подвиги этой войны, но д'Эриссонъ отдавая справедливость храбрости французовъ, рисуетъ, въ то же время, такія варварскія сцены истребленія несчастныхъ арабовъ, бившихся за свою независимость, которыя не дѣлаютъ чести гуманности цивилизованной націи. Рейнахъ приводитъ еще цѣлый рядъ замѣчательныхъ историческихъ трудовъ. Изъ нихъ мы назовемъ безпристрастную «Парламентскую исторію второй республики» Евгенія Спюллера, «Западню въ Вак-Ле», любопытную исторію причины занятія Тонкина, капитана Леконта, «Исторію Флоренціи» Перрансо, «Австрійку» (Марія Антуанета) Ларошетери. Революція въ восточныхъ Пиринеяхъ, Видаля, «Народные представители во время ихъ миссіи», Валлона, «Николай Фуке, Лери, люди 14-го іюля», Фурнеля, «Императоры XIV вѣка» (Габсбурги и Люксембурги) Жюля Целлера, «Диплома-

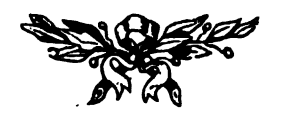
тическая исторія Европы», Дебидура, «Политическая карикатура во Франціи во время войны, осады и комуны». Изъ мемуаровъ замѣчательны — V томъ Гонкура, относящійся къ 1870—71 г., изображающій одни печальныя стороны и ошибки этого времени. Антоній Гюльюа издалъ подъ названіемъ «Во время террора» переписку поэта Руше со своей семьей. Авторъ поэмы «Мѣсяцы», заключенный въ тюрьму и всякій день ожидающій, что его вызовутъ на гильотину, передаетъ интересныя подробности о жизни въ тюрьмахъ революціи. Поль Перетъ издалъ кореспонденцію между поэтомъ кавалеромъ Буфлеромъ и красавицей графиней де-Сабранъ. Въ этой переискѣ пустой и вѣтренный интригантъ является пламеннымъ обожателемъ. Лореданъ Ларшей издалъ дневникъ капитана Куанье и канонира Брикера, волонтера 1792 года, Поль Котенъ—исповѣдь Ретифъ де ла Бретона. Вышли также: кореспонденція Лазаря Карно, органиватора побѣдъ, не менѣе опытнаго, но болѣе гуманнаго, чѣмъ Мольтке; секретныя записки Фурнье, американца, воспоминанія о вандейской войнѣ, графини Вуэръ; воспоминанія адъютанта короля Іеронима, барона Дюкасса; Французская политика въ Тунисѣ, этюды политической Германіи, Андре Лебона; двѣ кампаніи во французскомъ Суданѣ, полковника Гальени; странствованія Борелли по Эѳіопіи и Гюга Леру по южной Алжиріи и Сагарѣ. Виктора Камбона—«Вокругъ Балканъ», Леклерка—«Отъ Кавказа до Алтайскихъ горъ», Томаса—«Отъ Дуная до Балтики», археологическія экскурсіи въ Греціи, Дине. Гёларъ написалъ біографію Рабеле, въ которой этотъ писатель является искуснымъ дипломатомъ, юристомъ, инженеромъ, архитекторомъ и докторомъ, у котораго Амвросій Паре заимствовалъ много медицинскихъ формулъ; Арведъ Баринъ составилъ монографію Бернарденъ де-Сен-Пьера, гдѣ этотъ авторъ идилическаго Павла и сентиментальной Виргиніи представленъ какимъ онъ былъ въ жизни—авантюристомъ, деспотомъ, раздражительнымъ и самолюбивымъ эгоистомъ. Андре Лебретонъ издалъ замѣчательный этюдъ романа въ XVII столѣтіи, Пикаръ—опытъ буддійской философіи, докторъ Шателенъ «Сумасшествіе Руссо», Курбетонъ — «Заатлантическіе университеты».

Сужденія Рейнаха о поэзіи, романахъ, беллетристикѣ поверхностны и большею частью пристрастны. Онъ хвалитъ стихи водянистаго Коппе, плохія риѳмы Сен-Саэнса, послѣднія очень слабыя пьесы Ванвиля, даже вирши декадента Мореаса. Критикъ отзывается иронически о замѣчательныхъ «Мысляхъ уединенія» Александра Дюма и панегирически о «Деньгахъ» Зола, «Нашемъ сердцѣ» Гюи де-Мопассана, самомъ неудачномъ изъ его романовъ, такомъ же плохомъ «Нашемъ сердцѣ» Поля Бурже, и не менѣе слабыхъ произведеніяхъ Альфонса Доде: «Тартаренъ» и Пьера Лоти»—«Романъ ребенка». Рейнахъ называетъ также множество второстепенныхъ нувелистовъ, расхваливаетъ всѣ четыре новыхъ и очень слабыхъ романа Андре Тёрье. Критикъ-семитъ недоволенъ тѣмъ, что современные романисты часто выводятъ на сцену священниковъ въ борьбѣ съ соблазнами вѣка.

— Атенеумъ отводитъ всегда почему-то отдѣльное мѣсто бельгійской литературѣ, хотя объ нѣкоторыхъ изъ ея произведеніяхъ упоминается и въ рубрикѣ «Франція». Въ прошломъ году Бельгія понесла чувствительную потерю со смертью придворнаго духовника епископа Веддингена, автора книги «Духъ психологіи Аристотеля», и Кервина Леттенгова, хорошаго историка, хотя и съ католическими предубѣжденіями. Такъ онъ былъ приверженцемъ

Маріи Стюартъ и противникомъ Вильгельма-молчаливаго. Онъ умеръ съ перомъ въ рукахъ, составляя девятый томъ «Политическихъ сношеній Нидерландовъ съ Англіей при Филиппѣ II». Піо издалъ 8 томовъ любопытной кореспонденціи кардинала Гранвелля, относящейся къ той же эпохѣ. Премія въ 5,000 франковъ выдана правительствомъ за лучшій сборникъ историческихъ документовъ, изданный Гегеномъ и Верге подъ названіемъ «Bibliotheca belgica». Намейъ окончилъ «Курсъ національной исторіи», начатый въ 1883 году. Профессоръ Вандеркиндеръ написалъ исторію Бельгіи въ средніе вѣка. Вообще всѣ четыре бельгійскіе университета издали много замѣчательныхъ трудовъ. Эрнестъ Магемъ написалъ любопытные «Этюды професіональной асоціаціи»; Ройе де-Дуръ—«Рабочія жилища въ Бельгіи», трудъ увѣнчанный академіей; Эмиль Лавеле—авторъ очерка бельгійской литературы, помѣщеннаго въ Атенеумѣ—«Современный соціализмъ», «Собственность и ея примитивныя формы» и «Монета и національный биметализмъ». Гентскій профессоръ Гофманъ издалъ замѣчательную «Религію, основанную на морали». Таей за книгу «Пластическія искуства въ Бельгіи» получилъ премію въ 25,000 фр.. установленную Леопольдомъ II. Въ беллетристикѣ первое мѣсто занимаетъ Морисъ Метерлинкъ и его драма «Принцесса Маленъ», въ которой, впрочемъ, нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго, хотя ею и восхищается «Фигаро», ставя начинающаго автора выше Шекспира. Двѣ другія пьесы его «Слѣпые» и «Нежданная гостья» (Lintruse) также больше оригинальны, чѣмъ эстетичны.

Статья о бельгійскихъ произведеніяхъ, писанныхъ по-французски, оканчивается очеркомъ фламандской литературы, которую слѣдуетъ скорѣе отнести къ голандской. Критикъ называетъ поэта маіора Ван-де-Веге, новелистовъ: Стинса, Вренса, Ваттаса, Смитса, Гондта и Гиттенса, но всѣ эти авторы, пишущіе на нарѣчіи, которымъ говоритъ лишь нѣсколько сотенъ интелигентныхъ лицъ, могутъ дивить только свой муравейникъ. Ни сами они, ни труды ихъ не могутъ имѣть никакого значенія въ исторіи всемірной литературы. Только сочиненія, относящіяся къ бывшей Фландріи, могутъ еще имѣть мѣстное значеніе. Таковы: сборникъ Кока, школьнаго учителя въ деревнѣ близъ Гента: «Медицинскія народныя средства, профессора Веркульи—«Этимологическій словарь Нидерландской долины» и, особенно—«Нидерландскій пѣсенникъ», гдѣ помѣщено много любопытныхъ народныхъ преданій, сказокъ, стиховъ, средневѣковая пѣснь о четырехъ сыновьяхъ Эймона и конѣ ихъ Ваярдѣ, стихи Марникса де-Сент-Альдегонде въ честь Вильгельма-молчаливаго и пр. Но все это должно относиться къ голландской, а не къ бельгійской литературѣ, какъ и самыя фламандскія провинціи должны были бы принадлежать Голландіи.

СМѢСЬ.

Открытіе подземнаго монастыря. Въ теченіе текущаго лѣта профессоромъ В. В. Антоновичемъ предприняты четыре экскурсіи, съ цѣлью научной раскопки кургановъ въ различныхъ мѣстностяхъ юго-западнаго края. Первая экскурсія совершена въ началѣ лѣта; раскопки производились въ Золотоношскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, въ Кубанской слободкѣ. Здѣсь г. Антоновичъ изслѣдовалъ городище, относящееся къ типу княжескаго времени. По всей вѣроятности, изслѣдованная мѣстность служила однимъ изъ пограничныхъ пунктовъ Переяславскаго княжества. Въ углу городища найдены каменныя основанія, кладка которыхъ относится къ княжеской эпохѣ (квадратный кирпичъ и розовый цементъ). Остальная часть городища, въ XVII или XVIII столѣтіи, обращена въ кладбище, давно уже оставленное. Вторая экскурсія предпринята въ Каневскій уѣздъ, Кіевской губерніи. Предводителемъ дворянства Каневскаго уѣзда, года два тому назадъ, начаты раскопки вблизи с. Березняги. Изслѣдователю удалось составить прекрасное собраніе мѣстныхъ древностей, по большей части изъ предметовъ такъ называемой скиѳской эпохи. Въ этой колекціи обращають на себя вниманіе теракотовыя вазы, глиняныя амфоры, желѣзное оружіе, бронзовые кинжалы и стрѣлы и прекрасный наборъ бронзовыхъ бляхъ, служившихъ украшеніемъ для уздечекъ; бляхи эти имѣютъ видъ львиныхъ головъ, птичьихъ крыльевъ, человѣческихъ рукъ, маленькихъ ведерецъ и т. п.; кромѣ того, въ колекціи имѣется нѣсколько золотыхъ бляхъ отъ колчановъ съ тиснутыми рисунками. Въ настоящее время изслѣдователь приступилъ къ раскопкѣ большой группы скиѳскихъ кургановъ близъ мѣстечка Степановцы; въ производствѣ этой раскопки принималъ участіе и профессоръ Антоновичъ. Въ курганѣ найдено много интересныхъ вещей, но дальнѣйшая раскопка его отложена. Третья экскурсія была предпринята профессоромъ Антоновичемъ въ Васильковскій уѣздъ, гдѣ раскопано четыре кургана близъ села Великая Половецкая и девять кургановъ близъ села Пилипчи. Въ курганахъ оказались славянскіе могильники; покойники погребены выше подпочвы; они лежатъ на спинѣ, головой къ западу, окружен-

ные дубовыми досками. При нихъ найдены серебряныя украшенія, серьги, кольца и перстни, плетеные жгутомъ. Всѣ эти предметы непаянные, что указываетъ на время не позже конца VIII вѣка. Четвертая экскурсія совершена профессоромъ Антоновичемъ въ Подольскую губернію. Раскопки производились въ Ушицкомъ уѣздѣ, близъ села Бакота, на берегу рѣки Днѣстра. Здѣсь, нѣкогда, въ княжескую эпоху, находился монастырь, высѣченный въ скалѣ третичнаго известняка. Этотъ монастырь въ послѣдній разъ упоминается въ лѣтописи подъ 1388 годомъ, гдѣ сказано, что князья Корьятовичи, получивъ Подолію отъ Витовта, въ томъ мѣстѣ, «гдѣ жили черицы въ горѣ, нарядили городъ Бакоту». Этотъ городъ былъ разрушенъ во время войны за обладаніе Подоліей между литовцами и поляками около 1432 года. Съ того времени монастырь пересталъ существовать, и входъ въ монастырскія пещеры и церковь впослѣдствіи заваленъ обломками горы, совершенно закрывшими самые слѣды монастыря. Нынѣшнимъ лѣтомъ профессору Антоновичу удалось открыть этотъ монастырь. Теперь пока обнаруженъ верхній этажъ, представляющій коридоръ, который высѣченъ въ скалѣ въ видѣ двухъ оборотовъ громадной улитки. По сторонамъ коридора расположены три кельи. Средній этажъ монастыря составлялъ монастырскую усыпальницу; въ немъ открыты три большія пещеры; въ каждой изъ нихъ по одной кельи и до десяти нишъ, въ видѣ катакомбъ, и столько же гробницъ, высѣченныхъ въ полу. Такія же ниши и гробницы разсѣяны единично, какъ въ стѣнахъ скалы, такъ и въ площадкѣ, находящейся у входа въ пещеры. На обломкахъ обрушившейся наружной галереи найдены фрагменты живописи, сдѣланной на скалѣ безъ штукатурки. Въ числѣ этихъ фрагментовъ удалось вынуть цѣликомъ изображенія Богоматери, Іисуса Христа, св. Дмитрія и трехъ неизвѣстныхъ угодниковъ. Надъ одною нишею, лежащею въ пещерѣ скалы отдѣльно, выкована надпись, состоящая изъ четырехъ строчекъ, причемъ можно предположить, что верхняя строка сдѣлана позже и составляетъ какъ бы коментарій къ тремъ нижнимъ; эта надпись гласитъ: «благослови, Христосъ, Григорія игумена, давшаго силу святому Михаилу». Позднѣйшая же строка, выкованная, какъ и первая, на древне-славянскомъ языкѣ, читается такъ: «Григорій оуздвигнъ мѣсто се». Къ несчастію, годъ подъ этими строками не обозначенъ, но самая надпись позволяетъ предполагать, что монастырь былъ устроенъ во имя св. Михаила. Кто былъ игуменъ Григорій—неизвѣстно, но имя его невольно напоминаетъ намъ Григорія Поховинскаго, о которомъ лѣтопись подъ 1262 годомъ говоритъ: «иже бяше человѣкъ святъ, яко же не̂ бысть передъ нимъ и ни по немъ не будетъ». На нѣсколько саженъ ниже усыпальницы находится третій этажъ монастыря, но этажъ этотъ еще не раскрытъ. На открытой части его тянется вдоль скалы выкованная широкая лежанка; здѣсь же найдены остатки монастырской кузницы, назначеніе которой можно было опредѣлить по значительному количеству желѣзнаго шлака и по нѣсколькимъ кузнечнымъ орудіямъ. Общая высота горы, въ которой высѣченъ монастырь, простирается до 74 саженъ. Профессоръ Антоновичъ предполагаетъ окончить вполнѣ раскопку и изслѣдованіе этого монастыря лѣтомъ будущаго года. Этимъ же изслѣдователемъ предпринимается пятая экскурсія—въ Липовецкій уѣздъ, Кіевской губерніи, для изслѣдованія большой группы кургановъ и самыхъ большихъ въ Кіевской губерніи городищъ-майдановъ, находящихся въ окрестностяхъ Дашева. Вообще въ настоящее лѣто въ юго-западномъ краѣ производится довольно значительное число научныхъ раскопокъ. Изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе, кромѣ работъ г. Антоновича, раскопки, производимыя каневскимъ предводителемъ дворянства въ Каневскомъ уѣздѣ, раскопки чигиринскаго предводителя дворянства въ Чигиринскомъ уѣздѣ, раскопки Бранденбурга въ Каневскомъ и Кіевскомъ уѣздахъ, раскопки Княжей горы вблизи Канева и другія.

Какъ мы охраняемъ наши древности. Давно уже замѣчено, какъ мало цѣнятъ у насъ памятники старины, какъ небрежно, а подчасъ варварски, обращаются съ ними, способствуя полному исчезновенію ихъ съ лица земли. Но печально, что въ подобномъ варварствѣ бываютъ повинны и члены православнаго духовенства или равнодушные, или не понимающіе значенія имѣющихся въ ихъ рукахъ памятниковъ. Любопытныя сообщенія по этому поводу дѣлаетъ преосв. Димитрій, предсѣдатель каменецъ-подольскаго историко-статистическаго комитета, на обязанности котораго лежитъ, между прочимъ, забота о сохраненіи церковно-историческихъ древностей. Въ католическихъ церквахъ, по словамъ преосвященнаго, церковные архивы находятся въ наилучшемъ порядкѣ; различные старинные предметы—образа, утварь и т. п.—въ этихъ святилищахъ выставляются на самыхъ видныхъ мѣстахъ. Что же касается всего русскаго, то и наиболѣе цѣнные документы, и наиболѣе оригинальные памятники старины обыкновенно приходится разыскивать подъ слоями вѣковой пыли и всякаго мусора, то подъ спудами церквей, то на чердакахъ консисторій, то на колокольняхъ и въ другихъ мѣстахъ, куда менѣе всего заглядываетъ человѣческій глазъ. Иногда случается, что особенно ревностные и усердствующіе священнослужители, случайно отыскивая весьма цѣнные акты или другіе памятники, но при этомъ напоминающіе о тяжелыхъ, пережитыхъ церковью временахъ, предаютъ такіе предметы уничтоженію. Такъ сдѣлалъ, напримѣръ, игуменъ одного монастыря Волынской губ., перешедшаго отъ уніатовъ къ православнымъ: онъ затопилъ въ рѣкѣ богатѣйшій архивъ этого монастыря потому лишь, что архивъ этотъ относился къ періоду пребыванія монастыря въ уніатствѣ. Случается, по словамъ преосвященнаго, что священнослужители наши, въ видахъ сбереженія какихъ-либо новыхъ церковныхъ предметовъ, въ необходимыхъ случаяхъ вмѣсто нихъ употребляютъ въ дѣло такіе предметы старины, которымъ для археолога и цѣны нѣтъ, Такъ, напримѣръ, при осмотрѣ одной изъ церквей Воронежской губ., преосв. Димитрій обратилъ вниманіе на евангеліе петровскихъ временъ и высказалъ свое удовольствіе по поводу того, что при церкви имѣется такая древность.

— У насъ было евангеліе еще древнѣе — временъ Алексѣя Михайловича—похвалился мѣстный священникъ,—да при похоронахъ священника мы положили его съ нимъ въ гробъ, чтобы не класть новаго евангелія.

Остается только руками развести при такой наивности.

Полтавскія подземелья. Ежегодно весною, когда земля, согрѣтая весеннимъ солнцемъ, окончательно оттаетъ, на улицахъ Полтавы, а также и во многихъ дворахъ образуются провалы, въ родѣ круглыхъ колодцевъ. Большая часть этихъ проваловъ особеннаго вреда не причиняетъ, но нѣкоторые изъ нихъ—во дворахъ, подъ постройками, разумѣется, неизбѣжно приносятъ убытки домовладѣльцамъ. Глубина такихъ проваловъ различна, обыкновенно—отъ едва замѣтной свѣжей впадины и до 1½ сажени. Наибольшее число проваловъ приходится на Александровскую улицу, преимущественно начиная отъ соборной церкви. Замѣчательно, что провалы случаются только въ возвышенной части города, въ низменной же ихъ вовсе не бываетъ. Какъ ни часты эти провалы въ Полтавѣ, однако, до послѣдняго времени почти никто не обращалъ на нихъ вниманія, не смотря на то, что это странное явленіе въ высшей степени любопытно. Происхожденіе этихъ проваловъ, впрочемъ, извѣстно; оно объясняется тѣмъ, что на всемъ пространствѣ города, гдѣ они случаются, имѣются подземные ходы или подкопы; кѣмъ и когда сдѣланы эти подкопы, точно опредѣлить невозможно. Существуетъ преданіе, будто эти подкопы подведены въ 1608 году однимъ казакомъ миргородскаго полка, поселившимся съ шестью казачьими семьями на возвышенномъ мѣстѣ, надъ Ворсклою, а затѣмъ, присоединившимъ къ поселенію своему, для бóльшей безопасности отъ нападеній татарскихъ,

нѣсколько казачьихъ семей изъ-подъ Голтвы,—мѣстечка на Пслѣ, въ Кобелякскомъ уѣздѣ. Эти-то поселенцы, по народному преданію, и устроили подъ старымъ городомъ существующіе до настоящаго времени подземные ходы и подкопы, какъ убѣжища во время набѣговъ татаръ. По другому преданію, эти подкопы подведены шведами для взрыва полтавской крѣпости. Говорятъ, будто Петръ Великій, узнавъ о существованіи этихъ подкоповъ, повелъ противъ нихъ контрмины и, выбравъ изъ нихъ приготовленный шведами порохъ, лишилъ шведовъ возможности привести въ исполненіе свое намѣреніе. Существуетъ еще нѣсколько преданій въ этомъ родѣ, не подкрѣпленныхъ, однако никакими историческими данными. Съ гораздо большею вѣроятностью можно отнести происхожденіе полтавскихъ подкоповъ къ до-историческимъ временамъ, хотя и для такого предположенія нѣтъ положительныхъ данныхъ. Поэтому, приходится довольствоваться нѣсколькими случайными открытіями, сдѣланными при постройкѣ домовъ.

Подземелья или подкопы идутъ на глубинѣ 3—6 сажень отъ поверхности земли, сводообразными проходами, высотою въ ростъ человѣка, а шириною въ три или болѣе аршина. Мѣстами они снабжены слуховыми окнами, въ видѣ круглыхъ воронокъ, служившими для удаленія вреднаго воздуха; они соединялись между собою отверстіями, продѣланными въ земляныхъ простѣнкахъ, сквозь которыя свободно могъ пролѣзть человѣкъ. Все это скорѣе ведетъ къ заключенію, что подземелья служили убѣжищами и хранилищами на случай нашествія непріятелей. Въ высшей степени достойны вниманія наблюденія, произведенныя надъ этими подкопами однимъ археологомъ, которому въ первый разъ удалось взглянуть въ подземелья въ 1889 году, при постройкѣ дома, возлѣ Спасской церкви, по Александровской улицѣ. Здѣсь, при копаніи канавы для фундамента, въ нѣсколькихъ мѣстахъ пробовали буравомъ и тамъ, гдѣ буравъ падалъ свободно, прокапывали канавы до дна подземелій, причемъ приходилось углубляться до десяти аршинъ отъ поверхности. Необходимо прибавить, что на такой же глубинѣ оказывалось дно и большинства подземелій, осмотрѣнныхъ этимъ археологомъ. За исключеніемъ общей черты, что дно ихъ лежитъ почти на одной глубинѣ,—размѣры и устройство ихъ различны; всѣ они устроены полукруглымъ сводомъ, вышина котораго—отъ полутора до четырехъ аршинъ, а ширина—отъ двухъ съ половиною и до восьми аршинъ; низкіе и средніе подземные ходы выкопаны въ плотной желтой глинѣ, болѣе-же высокіе и широкіе, мѣстами, еще на нѣсколько сажень подкрѣплены кирпичными или деревянными сводами. Тѣ и другіе своды устроены весьма прочно; деревянные своды помѣщаются на толстыхъ дубовыхъ балкахъ, изъ такихъ же брусьевъ и досокъ, которые сохранились на столько прочно, что и теперь могутъ быть употреблены для всякой постройки. На кирпичахъ не имѣется никакой мѣтки и по виду они не древнѣе XVII вѣка.

Такія подземныя сооруженія расположены то рядовымъ порядкомъ, то пересѣкаются одно другимъ, или расходятся на нѣсколько рукавовъ или ходовъ. Начала и конца ихъ опредѣлить не удалось, но, повидимому, они простирались иногда, по крайней мѣрѣ, саженъ на двѣсти; проникнуть въ нихъ глубже трехъ сажень невозможно, вслѣдствіе обваловъ и удушливости воздуха, въ которомъ даже свѣча гаснетъ. Возлѣ Спасской церкви удалось опредѣлить нѣсколько входовъ въ подземелья, изъ которыхъ два обставлены по бокамъ дубовою ставней и имѣли, на пространствѣ семи или восьми сажень, четыре колѣна, направленныхъ въ разныя стороны; ширина этого входа—всего одинъ аршинъ, вышина—до четырехъ, вышина кирпичнаго свода—до двухъ аршинъ съ половиной и почти столько же въ ширину; всѣ три входа обращены на востокъ, къ Ворсклѣ. Прослѣдивъ всю раскопку отъ начала до конца, археологу, однако, не удалось найти ни одного предмета древнѣе XVII в. Подъ деревяннымъ сводомъ, служившимъ, по всей

вѣроятности, покрышкою погреба, еще въ прошломъ столѣтіи, найдена масса черепковъ битой фаянсовой и другой посуды, а въ одномъ мѣстѣ— раздавленная чашка съ блюдечкомъ саксонскаго фарфора, съ клеймомъ, множество битыхъ стеклянныхъ бутылокъ и бутылочекъ, въ которыхъ сохранились остатки различныхъ веществъ; подъ осколками сосудовъ лежали смѣшанныя однѣ съ другими косточки сливъ, вишень, грушъ и анису. Одинъ штофъ, въ ¼ ведра, со слѣдами наливки или вина, удалось взять цѣлымъ; кромѣ того, нашлось нѣсколько цѣлыхъ стклянокъ и флакончиковъ разнаго вина; въ одномъ мѣстѣ, въ рукавѣ погреба, на пространствѣ сажени, стояло штукъ пять-десять бутылокъ, наполненныхъ какою-то солоноватой жидкостью и закупбренныхъ обыкновенными пробками; бутылки эти имѣли видъ современныхъ намъ пивныхъ. Далѣе, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, найдены: звено мѣдныхъ удилъ отъ уздечки, двѣ деревянныя курительныя трубки, горшечекъ съ загустѣвшимъ дегтемъ и нѣсколько мѣдныхъ монетъ временъ Петра III и Анны. Вотъ все, что открыто подъ землей; въ землѣ же, сверху этихъ подземелій, найдены, среди различныхъ отбросовъ, польскія и шведскія монеты.

Второй случай, когда можно было заглянуть въ такія же подземелья представился въ настоящемъ году, при постройкѣ дома недалеко отъ угла Александровской улицы, на Петровской площади, гдѣ въ разныхъ направленіяхъ оказались тождественныя вышеописаннымъ подземелья, и одно изъ нихъ съ деревяннымъ сводомъ. Глиняныя подземелья оказались такъ чисты внутри, какъ будто были только-что выкопаны и не содержали ни одного предмета, кромѣ такихъ же черепковъ посуды, какъ и возлѣ Спасской церкви, т. е. не древнѣе XVII вѣка; въ деревянномъ же погребѣ ихъ найдено множество, но къ сожалѣнію, весь этотъ погребъ засыпанъ разнымъ соромъ. Въ слоѣ отбросовъ выше этихъ подземелій найдена одна мѣдная польская монета Яна III.

Достойно вниманія, что подобнаго рода подземные ходы встрѣчаются въ Полтавской губерніи еще въ мѣстечкахъ: Вѣликахъ, Великихъ Будищахъ и Опошнѣ; здѣсь имѣются не только старинныя подземелья, быть можетъ, ровесники полтавскимъ, но возникали, современемъ, и новыя.

Что касается древностей, находимыхъ въ почвѣ Полтавы, то о нихъ можно сказать весьма мало; извѣстно только то, что гдѣ бы въ городѣ ни копали, вездѣ попадаются человѣческія кости и старинныя монеты, но другіе предметы древности рѣдко попадаются въ руки знатока. Человѣческія кости находятъ не только въ разрозненномъ видѣ, но и цѣлыми костяками, а иногда и цѣлыми кладбищами. Древность этихъ костяковъ весьма не одинакова; одни изъ нихъ могутъ быть отнесены ко временамъ доисторическимъ, другіе—къ IX или XII в. и третьи—къ XVII в. Наиболѣе древнему поселенцу Полтавы могъ принадлежать костякъ, найденный на Мало-Садовой улицѣ, черепъ котораго по размѣрамъ относится къ такъ называемымъ— большеголовымъ. Надъ двумя подземельями, въ двухъ мѣстахъ, на глубинѣ двухъ съ половиною аршинъ, найдены два человѣческихъ костяка, лежавшіе головами на западъ — одинъ въ прямомъ, а другой въ согнутомъ положеніи и на правомъ боку. На рукахъ перваго оказались надѣтыми бронзовые перстни, въ ушахъ же проволочныя серьги, а на шеѣ—двадцать штукъ стеклянныхъ золоченыхъ бусъ; между бусами находилась круглая бронзовая ажурная пряжка, съ изображеніемъ бычачьей головы. Костяки эти не древнѣе XII столѣтія. Поверхъ костяковъ найдена, какъ выше упомянуто, мѣдная польская монета Яна III. Монеты, найденыя въ Полтавѣ, также относятся не къ одному времени. Такъ, противъ Спасской церкви найдена мѣдная римская монета Гонорія; затѣмъ, въ разныхъ мѣстахъ города найдено множество одиночныхъ польскихъ монетъ: Сигизмундовъ, Яна III и Станислава-Августа, нѣсколько шведскихъ: Густава-Адольфа, Христины и

Карла X, но монетъ Карла XII не попадалось ни разу. Смѣсь монетъ польскихъ и шведскихъ—золотыхъ и серебряныхъ—оказалась въ одномъ только кладѣ. Русскія монеты, находимыя въ Полтавѣ, какъ одиночными экземплярами, такъ и цѣлыми кладами, относятся къ петровскому и позднѣйшимъ временамъ.

Закрытіе склепа съ останками Бирона. Курляндскій губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе о прекращеніи доступа публики въ склепъ митавскаго зâмка, гдѣ до сихъ поръ стояли открытыми два гроба съ тѣлами герцога Іогана Эрнста Бирона и его жены, герцогини Бенигны Готлибъ. Склепъ теперь будетъ запертъ на замóкъ и ключи отъ него будутъ храниться въ губернскомъ правленіи. Протоколъ строительнаго отдѣленія курляндскаго губернскаго правленія передаетъ небезъинтересныя подробности о нынѣшнемъ со стояніи гробницы памятнаго для Россіи временщика: тѣло герцога Бирона лежитъ въ деревянномъ гробѣ, обитомъ бархатомъ. Гробъ заключенъ въ мѣдный саркофагъ, къ которому прикрѣплена пластинка съ надписью:

Hier ruhet in Gott
ERNST JOHANN
Herzog in Liefland zu Kurland und Semgallen
geb. den 23 Novbr. 1690.
gest. den 28 Decembr. 1772.

Въ гробѣ лежитъ маленькій металическій ящикъ, въ которомъ, по преданію, находится сердце герцога. На саркофагѣ герцогини находится надпись:

Hier ruhet in Gott,
beweinet von allen die sie kannten
BENIGNA GOTTLIEB
verwittwete Herzogin von Kurland
gebr. den 15 Octobr: 1703
gestorb. den 5 Novb: 1782.

Тѣло герцогини одѣто въ желтое платье и лежитъ въ деревянномъ гробѣ, съ надписью:

Sie war die zärtlichste Gattin des ihr zur Seite ruhenden Herzogs Ernst Jogann die liebreichste Mutter des besten Sohnes eine eifrige und fromme Verehrerin der Religion wohlthätig und gut, Mehr als Menchen Alter wird ihren Verlust bedauren.

Всего въ настоящее время въ Митавскомъ зâмкѣ находится 30 гробовъ (22 металическихъ и 8 деревянныхъ) съ тѣлами бывшихъ герцоговъ курляндскихъ. Изъ нихъ 28 заклепаны наглухо, два же гроба, съ тѣломъ Іоганна Эрнста Бирона и его жены, стояли открытыми. Кромѣ того, въ томъ же помѣщеніи находятся одинъ 4-хъ угольный металическій ящикъ и двѣ урны съ внутренностями герцоговъ Фердинанда и Іоганна Эрнста, а также принца Петра. На герцогѣ Биронѣ кафтанъ съ вышитою звѣздою и надписью: «за вѣру и вѣрность», бархатные по колѣна штаны съ двумя золотыми пряжками, шелковые чулки и кожаные башмаки съ большими золотыми пряжками.

† 24-го іюля отставной штабс-капитанъ **Павелъ Валеріановичъ Жадовскій**, братъ извѣстной поэтесы. Онъ родился въ 1825 г. Воспитаніе получилъ въ московскомъ корпусѣ, откуда поступилъ на службу прапорщикомъ въ Московскій пѣхотный полкъ. Онъ участвовалъ въ войнѣ въ Венгріи и Трансильваніи и въ войнѣ 1854 г., причемъ нѣсколько разъ былъ раненъ. Въ 1853 г. П. В. былъ комендантомъ въ гор. Бузео, въ 1860 г.—городничимъ въ городѣ Кузнецкѣ и затѣмъ начальникомъ Чухломскаго уѣзда, Костромской губерніи, гдѣ прослужилъ 4 года и получилъ адресъ жителей всѣхъ сословій въ числѣ 2,000 подписей за честную службу. Онъ занимался

журналистикой съ 1840 г. до 1886 г. Сочиненія его печатались въ «Современникѣ», «Москвитянинѣ», «Библіотекѣ для чтенія», «Отечественныхъ Запискахъ» и другихъ изданіяхъ. Послѣ смерти П. В. Жадовскаго семья его осталась безъ всякихъ средствъ къ жизни.

† 17-го августа **Николай Егоровичъ Митропольскій**, завѣдывавшій до Чигорина шахматнымъ отдѣломъ «Новаго Времени». Послѣдній годъ покойный завѣдывалъ шахматнымъ отдѣломъ «Новостей». Онъ умеръ на 25 году и принадлежалъ къ числу лучшихъ знатоковъ шахматной литературы и сильнѣйшихъ шахматныхъ игроковъ. Н. Е. пользовался широкою популярностью въ небольшомъ шахматномъ мірѣ. Въ прошломъ году онъ предпринялъ изданіе спеціальнаго ежемѣсячнаго журнала «Шахматный Листокъ», но не долго издавалъ его. Вскорѣ журналъ прекратилъ свое существованіе вслѣдствіе тяжелой болѣзни Митропольскаго. Онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ «Общества любителей шахматной игры» и до своей болѣзни завѣдывалъ библіотекой этого общества.

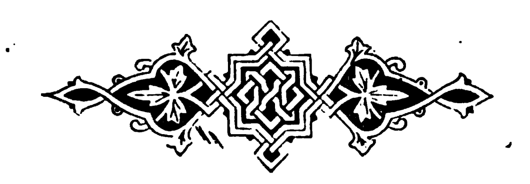
† 23-е августа заслуженный ординарный профессоръ русской гражданской исторіи при петербургской духовной академіи, **Михаилъ Осиповичъ Кояловичъ**. Покойный профессоръ—уроженецъ литовской епархіи, образованіе получилъ въ литовской духовной семинаріи, потомъ закончилъ его, со степенью кандидата, въ 1855 г. въ петербургской духовной академіи. Назначенный затѣмъ наставникомъ сперва въ рижскую духовную семинарію, въ 1856 г. перемѣщенъ въ петербургскую семинарію и въ томъ же году назначенъ бакалавромъ петербургской духовной академіи. Въ теченіе 35 лѣтъ Михаилъ Осиповичъ честно и неутомимо трудился на пользу своей родной академіи. Въ 1857 г. получилъ степень магистра, а въ 1873 г.—доктора богословскихъ наукъ и званіе ординарнаго профессора академіи. Съ 1876 по 1878 г. состоялъ инспекторомъ академіи. Въ лицѣ умершаго академія понесла тяжелую утрату, а русская наука потеряла неутомимаго труженика и открытаго борца за русскіе интересы. Труды покойнаго: «Литовская церковная унія», «Возсоединеніе уніатовъ», «Исторія русскаго самосознанія», не считая множества статей въ повременныхъ изданіяхъ, обратили на себя вниманіе не только образованной Россіи, но и на Западѣ. Михаилъ Осиповичъ былъ просвѣщенный дѣятель, глубоко преданный своему отечеству и русскому народу. Въ теченіе 35-ти-лѣтней ученой и профессорской дѣятельности онъ составилъ себѣ почетное имя и оставилъ добрую и свѣтлую память въ русскомъ обществѣ. Онъ умеръ 64-хъ лѣтъ.

† 31-го августа послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни пользовавшійся большей популярностью въ музыкальномъ мірѣ бывшій директоръ придворной пѣвческой капеллы, гофмейстеръ **Николай Ивановичъ Бахметевъ**. Онъ принадлежалъ къ числу помѣщиковъ Саратовской и Симбирской губерній. По окончаніи курса въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ началъ свою служебную дѣятельность въ 1826 г. въ конномъ полку и вмѣстѣ съ полкомъ участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ 1829 г. Одно время онъ командовалъ коннымъ полкомъ и выйдя въ отставку въ чинѣ полковника уѣхалъ въ свое имѣніе, гдѣ вскорѣ былъ избранъ саратовскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Онъ четыре трехлѣтія подрядъ былъ избираемъ на эту должность. Въ продолженіи 65-лѣтней служебной дѣятельности Н. И. получилъ нѣсколько наградъ. Съ молодыхъ лѣтъ онъ пристрастился къ музыкѣ и всѣ свободныя минуты посвятилъ на изученіе этой отрасли искусства. Онъ былъ другомъ нашихъ композиторовъ Львова, Глинки, Сѣрова, Даргомыжскаго. По пріѣздѣ въ Петербургъ Н. И. сталъ устроивать у себя музыкальные вечера, на которые собирались всѣ извѣстные представители музыкальнаго міра. Эти собранія, какъ и у графа Віельгорскаго, считались самыми интересными. Онъ былъ приглашенъ занять должность директора придворной пѣвческой капеллы и занималъ ее до 1885 г. За время своей

музыкальной дѣятельности Н. И. организовалъ первое музыкальное (концертное) общество и значительно содѣйствовалъ его процвѣтанію. Имя Н. И. извѣстно повсюду: написанная имъ литургія—одно изъ лучшихъ духовныхъ музыкальныхъ произведеній. Кромѣ литургіи, покойный написалъ массу церковныхъ и свѣтскихъ пьесъ, въ томъ числѣ много романсовъ, до сихъ поръ исполняемыхъ на всѣхъ концертахъ.

† Въ Новороссійскѣ галицко-русскій патріотъ протоіерей **Иванъ Григорьевичъ Наумовичъ**. Смерть постигла его по пути на Кавказъ, куда онъ отправлялся, чтобъ поправить свое разстроенное здоровье. Отецъ Наумовичъ личность въ полномъ смыслѣ слова историческая: его религіозно-нравственная и политическая дѣятельность является олицетвореніемъ цѣлой эпохи въ жизни галицко-русскаго народа. Галичинѣ Наумовичъ посвятилъ всю свою трудовую, полную страданій и испытаній дѣятельность. Втеченіе нѣсколько десятковъ лѣтъ онъ стоялъ здѣсь на стражѣ русской народности. За свои убѣжденія онъ неоднократно томился въ австрійскихъ тюрьмахъ, подвергался всякимъ гоненіямъ, но доблестно не отступилъ отъ защиты интересовъ своего народа до послѣдней минуты. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сознавъ полную невозможность оставаться далѣе въ Австріи, Наумовичъ отрекся отъ уніи и, принявъ русское подданство, въ санѣ протоіерея поселился въ Кіевѣ, откуда продолжалъ заниматься воспитаніемъ народа; и изданныя имъ книги и брошюры для народнаго чтенія справедливо пользуются громкою извѣстностью и у насъ, и въ особенности въ галицкой Руси. Въ этихъ «бесѣдахъ съ народомъ» Наумовичъ съ замѣчательною убѣдительностью боролся противъ лжи и всякихъ пороковъ, стараясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, поднять матеріальное благосостояніе своей паствы. Ради этого онъ и составлялъ популярныя руководства по всѣмъ отраслямъ хозяйства, и одною изъ цѣлей его предстоявшей поѣздки на Кавказъ было практическое изученіе мѣстнаго пчеловодства. Свои нравственно-религіозныя и общеполезныя статьи, бесѣды, проповѣди и т. д. Наумовичъ распространялъ, спеціально среди своихъ родныхъ галичанъ, основавъ для этого въ Вѣнѣ популярный журналъ «Наука», изданіе котораго во Львовѣ не было допущено мѣстною польскою администраціею. Но это только одна изъ сторонъ неутомимой дѣятельности пастыря. Главная же его заслуга состоитъ въ той жертвѣ, которую онъ лично принесъ дѣлу нашей церкви. Родившись уніатомъ (въ галицкомъ городкѣ Козловѣ) и будучи затѣмъ уніатскимъ священникомъ, Наумовичъ всегда ратовалъ за возсоединеніе и возвращеніе 3 милліоновъ австрійскихъ русскихъ уніатовъ въ православіе. Съ рѣдкою энергіею онъ боролся противъ іезуитской пропаганды и римско-католическихъ происковъ польщизны. Ополяченіе и окатоличеніе — были его заклятые враги, которымъ онъ ни за какія блага не соглашался продать свою галицкую родину. Изъ-за этого-то его такъ и ненавидѣли польскіе и австро-католическіе ненавистники Россіи, постоянно поднимавшіе противъ Наумовича всякія обвиненія въ «государственной измѣнѣ» и «схизмѣ». Левъ XIII, по наущенію іезуитовъ, отлучилъ Наумовича отъ церкви, воспретивъ ему совершеніе богослуженія. Тогда Наумовичъ, хотѣвшій ѣхать лично въ Римъ, но недопущенный туда іезуитами, обнародовалъ на латинскомъ языкѣ свою знаменитую «апелляцію» къ римскому первосвященнику, въ которой краснорѣчиво доказалъ, что уніаты ничего общаго съ Римомъ и римскою церковью имѣть не могутъ и должны вновь торжественно возсоединиться съ древнею вѣрою своихъ отцовъ—православіемъ. Самъ маститый пастырь тогда же отрекся торжественно отъ уніи и открыто принялъ православіе, переселившись въ Россію. Нравственное значеніе этого шага о. Наумовича было громадно. Своимъ личнымъ примѣромъ онъ воодушевилъ всю Галичину, признавшую, вмѣстѣ съ своимъ пастыремъ, что только въ православіи галицкій народъ найдетъ свое пол-

ное національное возрожденіе. Такою же плодотворною была и чисто-политическая дѣятельность покойнаго патріота. Онъ стоялъ, вмѣстѣ съ такими дѣятелями, какъ А. И. Добрянскій, В. М. Площанскій, Кулаковскій, Марковъ и др., въ главѣ той истинно-русской «святоюрской» партіи, которая признавала и признаетъ, что галичане сыны одной великой русской матери, и только въ полномъ общеніи съ русскою государственною идеею могутъ найти свое благосостояніе. Православная церковь, русскій языкъ, русская школа, борьба съ австрійскою польщизною и іезуитами, — таковы были краеугольные камни этой програмы. Враги галицко-русскаго народнаго самосознанія видѣли, поэтому, въ лицѣ Наумовича главнѣйшаго своего врага, а поляки и австрійскіе іезуиты не брезгали даже тюрьмою, чтобъ погубить великаго патріота. Въ памятномъ львовскомъ «процессѣ объ измѣнѣ (1883 г.) Наумовичъ, вмѣстѣ съ своею дочерью, Ольгою Грабаръ, Добрянскимъ и др., былъ приговоренъ къ заточенію, но мужественно перенесъ и эти гоненія...

ОТЪ ОБЩЕСТВА КРАСНАГО КРЕСТА.

Съ высочайшаго соизволенія Государыни Императрицы, августѣйшей покровительницы Россійскаго Общества Краснаго Креста, въ кассахъ всѣхъ учрежденій Общества Краснаго Креста въ имперіи открывается пріемъ пожертвованій на помощь населенію въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Всѣ пожертвованія будутъ направляться главнымъ управленіемъ Общества и всѣми учрежденіями въ губерніяхъ, на кои не распространился неурожай,—въ учрежденія Общества тѣхъ губерній, которыя нуждаются въ помощи, а этими послѣдними будутъ организованы, съ вѣдома и съ участіемъ мѣстной администраціи и духовенства, попечительства Краснаго Креста для оказанія помощи нуждающемуся населенію наиболѣе соотвѣтственными способами, по выработанному на мѣстахъ плану, при непремѣнно личномъ участіи въ этомъ распредѣленіи членовъ попечительства. Впредь до поступленія пожертвованій главное управленіе отчислило изъ своего запаснаго капитала 165,000 р. и предложило мѣстнымъ учрежденіямъ Общества сдѣлать такія же отчисленія въ мѣрѣ ихъ средствъ.

Отъ саратовскаго, особаго по продовольственному вопросу, комитета.

Саратовской губерніи предстоитъ пережить тяжелый годъ. Чтобы составить понятіе о нуждѣ населенія нужно замѣтить, что если въ губерніи собирается всякаго хлѣба менѣе 11-ти милліоновъ четвертей, то она уже нуждается.

Въ 1880 году губернію постигъ голодъ. Она получила всего около 5³/₄ мил. четв. хлѣба. Бѣдствіе облегчалось урожаемъ смежныхъ губерній и Саратовская—съ помощію казны, около 3-хъ милліоновъ рублей, могла кое-какъ перебиться. Тогда она не была еще истощена: у крестьянъ имѣлись деньги, кое-какіе запасы хлѣба, заработки, а главное—кормъ для скота.

Въ 1889 и 1890 годахъ губернія подверглась недороду, собрано въ 1889 году всего 10¹/₂ милліоновъ четвертей хлѣба и въ 1890 менѣе 9 милліоновъ четвертей. Потребовалась значительная денежная помощь и запасные хлѣбные магазины были разобраны.

Въ настоящемъ же 1891 году собрано хлѣба значительно менѣе 1880 года; во многихъ мѣстахъ не получено сѣмянъ; яровые посѣвы почти всѣ погибли, нѣтъ сѣна и соломы; скотъ безъ кормовъ, народъ безъ топлива; всѣ денежные и хлѣбные запасы истощены; въ сосѣднихъ губерніяхъ также голодъ; заработковъ нѣтъ. Судите о нуждѣ и, чѣмъ можете, помогите!

Предсѣдатель комитета,
Саратовскій губернаторъ,
Генералъ-лейтенантъ Косичъ.

8 сентября 1891 г.
г. Саратовъ.

Пожертвованія принимаются: у казначея комитета Николая Петровича Фролова, Малая Сергіевская ул., соб. домъ, въ канцеляріи губернатора, губернской земской управѣ, саратовской городской управѣ, саратовскомъ биржевомъ комитетѣ и уѣздныхъ земскихъ и городскихъ управахъ.

пожаловать». Ничто не измѣнилось въ семъ избранномъ жилищѣ со времени моего отъѣзда. Вотъ мой столъ и мой одръ. Вотъ голова муміи, столько разъ внушавшая мнѣ душеспасительныя мысли, и вотъ книга, гдѣ я столь часто искалъ образы Бога. А между тѣмъ я ничего не нахожу изъ того, чтò покинулъ. Все представляется мнѣ печально лишеннымъ обычной благодати, и мнѣ кажется, что я вижу все это въ первый разъ. Глядя на этотъ столъ и на этотъ одръ, нѣкогда отструганные моими собственными руками, на эту черную, изсохшую голову, на эти папирусные свитки, заполненные мыслями, продиктованными Самимъ Богомъ, все это производитъ на меня впечатлѣніе обстановки послѣ покойника. Извѣдавъ ихъ такъ близко, я не узнаю ихъ болѣе. Увы! такъ какъ въ дѣйствительности ничего не измѣнилось вокругъ меня, это я не тотъ уже болѣе, какимъ былъ я. Боже мой, чтò же сталось съ нимъ? Чтò унесъ онъ съ собой? Чтò оставилъ мнѣ? И кто я такой?

И въ особенности безпокоило его невольное ощущеніе ограниченности размѣровъ его кельи, между тѣмъ какъ при созерцаніи ее очами вѣры она должна была казаться громадной, ибо тутъ начиналась безконечность Бога.

Вставъ на молитву, съ преклоненнымъ до земли челомъ, онъ до нѣкоторой степени снова воспрянулъ духомъ. Едва ли прошелъ часъ, какъ онъ молился, какъ вдругъ образъ Таисы промелькнулъ передъ его очами. Онъ вознесъ за это благодареніе Богу.

— Господи! Это ты посылаешь мнѣ сей образъ. Я узнаю Твою безконечную благость. Ты хочешь, чтобы я успокоился, укрѣпился и прояснился при видѣ той, которую я вручилъ Тебѣ. Ты представляешь очамъ моимъ ея улыбку, нынѣ обезоруженную, ея прелесть, отнынѣ невинную, ея красоту, изъ которой я вырвалъ жало. Желая выразить мнѣ свое благоволеніе, поощрить меня, Боже мой, Ты являешь мнѣ ее такою, какъ я украсилъ и очистилъ ее, Тебя ради, подобно тому, какъ другъ, съ улыбкой, напоминаетъ своему другу о пріятномъ дарѣ, полученномъ имъ отъ него. Вотъ почему я смотрю на эту женщину съ удовольствіемъ, увѣренный, что образъ ея ниспосылается мнѣ Тобою. Ты не хочешь забыть, что я привелъ ее къ Тебѣ, Боже мой. Удержи ее у Себя, такъ Ты возлюбилъ ее и въ особенности не попускай, чтобы прелести ея блистали для кого-либо, кромѣ Тебя.

Въ теченіе всей ночи онъ не могъ заснуть и видѣлъ Таису болѣе ясно, чѣмъ въ гротѣ Нимфъ. Онъ увѣрялъ себя, говоря:

— То, чтò я сдѣлалъ, я сдѣлалъ во славу Божію.

Тѣмъ не менѣе, къ величайшему его удивленію, онъ не ощущалъ душевнаго мира. Онъ вздыхалъ:

— Отчего ты печальна, душа моя, почтò смущаешь меня?

И душа Пафнутія пребывала въ тревогѣ. Въ теченіе 30 дней

оставался онъ въ этомъ состояніи печали, предвѣщавшемъ пустыннику ужасныя испытанія. Образъ Таисы не покидалъ его ни днемъ, ни ночью. Онъ и не старался отгонять его, полагая, что онъ ниспосылается Богомъ и что это былъ образъ святой. Но однажды утромъ, она явилась ему во снѣ, съ фіалками въ волосахъ и столь грозная въ своей кротости, что онъ вскрикнулъ отъ ужаса и проснулся весь въ ледяномъ поту. Съ глазами сомкнутыми еще сномъ, почувствовалъ онъ на своемъ лицѣ влажное и теплое дыханіе: маленькій шакалъ, упершись двумя лапами въ изголовье его постели, дышалъ ему въ носъ своимъ вонючимъ дыханьемъ и смѣялся изъ нутра своей глотки.

Пафнутій былъ этимъ необычайно удивленъ, ему представилось, будто башня рушилась подъ ногами его. И въ самомъ дѣлѣ, онъ падалъ съ высоты своей низвергнутой самонадѣянности. Нѣкоторое время онъ былъ неспособенъ мыслить; затѣмъ, придя въ себя, размышленіемъ своимъ только усилилъ свое безпокойство.

— Одно изъ двухъ,—говорилъ онъ самъ себѣ,—или видѣніе это, какъ и предъидущія, идетъ отъ Бога; оно было благо, но моя природная скверна исказила его, подобно тому, какъ вино скисаетъ въ нечистомъ сосудѣ. Своимъ недостоинствомъ назиданія я обратилъ въ соблазнъ, и діавольскій шакалъ немедленно жестоко воспользовался этимъ. Или же, видѣніе это идетъ не отъ Господа, а напротивъ, отъ діавола, и оно было зачумлено. И въ такомъ случаѣ, сомнѣваюсь теперь, чтобы и предъидущія, какъ полагалъ я, были божественнаго происхожденія. Значитъ, я лишенъ способности распознавать извѣстныя вещи, что обязательно для аскета. Въ обоихъ случаяхъ Господь даетъ мнѣ знаменіе моего отчужденія, послѣдствіе коего я ощущаю, не умѣя объяснить себѣ его причины.

Пафнутій, погруженный въ сомнѣніе, рѣшилъ не думать болѣе о Таисѣ. Но рѣшеніе его осталось безплоднымъ. Отсутствующая тяготѣла надъ нимъ. Она глядѣла на него, когда онъ читалъ, когда размышлялъ, когда молился или предавался созерцанію. Воображаемому приближенію ея предшествовалъ легкій шумъ, подобный тому, какой происходитъ отъ шуршанья женскимъ платьемъ во время ходьбы, и видѣнія эти отличались точностью, отнюдь не свойственной реальнымъ явленіямъ, столь подвижнымъ и неяснымъ, смутнымъ самимъ по себѣ, тогда какъ привидѣнія, порождаемыя уединеніемъ, носятъ на себѣ его глубокій слѣдъ и представляютъ неотразимое постоянство. Она являлась къ нему въ разныхъ видахъ: то задумчивою, съ челомъ увѣнчаннымъ послѣднимъ тлѣннымъ вѣнкомъ его, одѣтою такъ, какъ она была на Александрійскомъ пиру,— въ платьѣ цвѣта мальвы, усыпанномъ серебряными цвѣтами; то сладострастною, въ облакѣ легкихъ покрывалъ и окутанною тепловатыми тѣнями грота Нимфъ; то въ благоговѣніи сіяющей не-

бесной радостью, во власяницѣ; то печальною, съ глазами, проникнутыми ужасомъ смерти и указывающей на свою обнаженную грудь, украшенную кровью, сочившеюся изъ отверстаго ея сердца. Чтò болѣе всего безпокоило его въ этихъ видѣніяхъ, такъ это то, что всѣ эти вѣнки, туники, покрывала, сожженныя собственными ея руками, могли такъ снова возвращаться. Для него стало очевиднымъ, что предметы эти нетлѣнны, и онъ восклицалъ:

— Это безчисленныя души грѣховъ Таисы посѣщаютъ меня!

Отвернувшись, онъ чувствовалъ за собою Таису и испытывалъ еще сильнѣйшее безпокойство.

Мученія его были жестоки. Но такъ какъ душа и тѣло его пребывали чистыми среди соблазновъ, то онъ надѣялся на Бога, проявляя кроткій ропотъ.

— Боже мой, если я и пошелъ за нею такъ далеко въ среду язычниковъ, такъ вѣдь это Тебя ради, а не для себя. Было бы несправедливо, чтобы я отвѣчалъ за то, чтò сдѣлалъ Тебя ради. Защити меня, сладчайшій Іисусе! Спаситель мой, спаси меня! Не допусти, чтобы призракъ совершилъ то, чего не совершила плоть. Я восторжествовалъ надъ плотью, не попусти же, чтобы меня сразила тѣнь. Знаю, что въ настоящее время я подвергаюсь бòльшимъ опасностямъ, чѣмъ тѣ, которыя когда-либо угрожали мнѣ. Чувствую и сознаю, что мечта сильнѣе дѣйствительности. Да и какъ бы это могло быть иначе, ибо мечта сама по себѣ есть наивысшая дѣйствительность. Она душа вещей. Самъ Платонъ, не смотря на то, что былъ идолопоклонникъ, призналъ самостоятельное существованіе идей. На этомъ демонскомъ пиру, куда Ты сопутствовалъ мнѣ, Господи, я слышалъ людей, правда погрязшихъ въ грѣхахъ, но, навѣрное, не лишенныхъ разума, какъ они соглашались признать, что въ нашемъ уединеніи, во время размышленія и экстаза, мы постигаемъ истину.

Новый человѣкъ жилъ въ немъ, и онъ пускался нынѣ въ разсужденія съ Богомъ, но Богъ нисколько не спѣшилъ просвѣтить его. Ночи его представляли собою лишь одну продолжительную грезу, да и дни нисколько не отличались отъ ночей. Однажды, утромъ, онъ проснулся съ такими стенаніями, какія при лунномъ свѣтѣ слышатся изъ могилъ, скрывающихъ жертвы преступленія. Являлась Таиса и показывала свои окровавленныя ноги, и пока онъ плакалъ, она улеглась на его одръ. У него не оставалось болѣе сомнѣній: образъ Таисы былъ нечистый.

Съ сердечнымъ омерзѣніемъ сорвался онъ съ своего оскверненнаго ложа и закрылъ руками лицо свое, чтобы не видѣть дневнаго свѣта. Проходили часы, но смущеніе не оставляло его. Все было безмолвно въ его кельѣ. Впервые въ теченіе многихъ лѣтъ Пафнутій чувствовалъ себя одинокимъ. Призракъ покинулъ его, наконецъ, и самое отсутствіе его было ужасно. Ничто, ничто

не могло отвлечь его отъ воспоминанія о сновидѣніи. Полный ужаса, онъ размышлялъ:

— Какъ это я не оттолкнулъ ее? Какъ это я не вырвался изъ ея холодныхъ объятій и жгучихъ колѣнъ.

Онъ не осмѣливался уже болѣе призывать имя Божіе рядомъ съ этимъ гнуснымъ ложемъ и опасался, что, вслѣдствіе оскверненія его кельи, демоны станутъ свободно проникать въ нее во всякое время дня и ночи. Эти опасенія не обманули его. Семь маленькихъ шакаловъ, останавливавшихся въ былое время на порогѣ, вошли гуськомъ и подлѣзли подъ кровать. Во время вечерни вошелъ осьмой съ смраднымъ запахомъ. На другой день къ этимъ осьмерымъ присоединился еще девятый, и вскорѣ ихъ оказалось тридцать, затѣмъ шестьдесятъ, затѣмъ восемьдесятъ. Они все мельчали по мѣрѣ размноженія и, будучи ростомъ не болѣе крысъ, покрывали собою полъ, постель и скамью. Одинъ изъ нихъ, вскочивъ на деревянную полку у изголовья, всѣми четырьмя лапами уперся въ черепъ и глядѣлъ на монаха огненными очами. И каждый день прибывали новые шакалы.

Чтобы искупить мерзость своего сновидѣнія и бѣжать отъ нечестивыхъ мыслей, Пафнутій рѣшилъ покинуть свою келью, отнынѣ оскверненную, и въ глубинѣ пустыни предаться неслыханнымъ строгостямъ, необычайнымъ трудамъ, совершенно новымъ подвигамъ. Но ранѣе приведенія въ исполненіе своего намѣренія, онъ отправился къ старцу Палемону за совѣтомъ. Онъ засталъ его въ саду, поливающимъ свой латукъ. День склонялся къ вечеру. Нилъ синѣлъ и струился у подошвы фіалковыхъ холмовъ. Старичокъ двигался медленно, чтобы не спугнуть голубки, усѣвшейся къ нему на плечо.

— Господь да пребудетъ съ тобою, братъ Пафнутій!—сказалъ онъ.—Подивись на доброту Его: Онъ посылаетъ мнѣ животныхъ, созданныхъ Имъ для того, чтобы я бесѣдовалъ съ ними объ Его твореніяхъ и дабы я прославлялъ Его среди поднебесныхъ птицъ. Взгляни на эту голубку, замѣть оттѣнки ея шейки и скажи, не прекрасно ли это Божье созданье? Но братъ мой, не имѣешь ли ты со мною разговора на какую-либо благочестивую тему. Если я отгадалъ, то поставлю тутъ мою лейку и выслушаю тебя.

Пафнутій передалъ старцу о своемъ путешествіи, возвращеніи, о своихъ дневныхъ видѣніяхъ, ночныхъ грезахъ, не опуская ни преступнаго сновидѣнія, ни стада шакаловъ.

— Не полагаешь ли ты, отецъ мой,—прибавилъ онъ,—что я долженъ зарыться въ пустыню, и подъять тамъ необычайные труды и поразить діавола моею строгостью?

— Я лишь бѣдный грѣшникъ,—отвѣчалъ Палемонъ,—я плохо знаю людей, такъ какъ всю жизнь свою провелъ въ этомъ саду, среди газелей, малыхъ зайцевъ и голубей. Но по моему, братъ

мой, зло преимущественно произошло отъ того, что ты неосторожно промѣнялъ покой уединенія на треволненія свѣта. Эти внезапные переходы должны быть вредоносны для душевнаго здравія. Ты, братъ мой, походишь теперь на человѣка, подвергающаго себя почти одновременно сильному жару и страшному холоду. Его одолѣваетъ кашель и мучитъ лихорадка. На твоемъ мѣстѣ, братъ Пафнутій, я и не вздумалъ бы немедленно удаляться въ какую-нибудь ужасную пустыню, а воспользовался бы развлеченіями, приличествующими монаху. Я посѣтилъ бы сосѣдніе монастыри. По слухамъ, есть превосходныя обители. Монастырь отца Серапіона, говорятъ, содержитъ въ себѣ болѣе тысячи четырехъ-сотъ тридцати двухъ келій, и монахи раздѣлены тамъ на столько же легіоновъ, сколько буквъ въ греческомъ алфавитѣ. Увѣряютъ, что между характеромъ монаховъ и фигурой литеръ, подъ коими они значатся, существуетъ извѣстное соотношеніе. Тѣ, напримѣръ, которые помѣщаются подъ литерою *Z* не отличаются прямотою, тогда какъ легіонеры, выстроеные подъ литерой *S*, вполнѣ прямодушны. Будь я на твоемъ мѣстѣ, братъ мой, я отправился бы убѣдиться въ этомъ собственными глазами и не вѣдалъ бы покоя, пока не узрѣлъ бы такой удивительной вещи. Я не преминулъ бы посѣтить различныя общинныя учрежденія, разсѣянныя по берегамъ Нила, дабы имѣть возможность сравнить ихъ между собою. Это приличное паломничество для такой духовной особы, какъ ты. До тебя навѣрное дошли слухи о томъ, что отецъ Ефремъ составилъ духовныя правила великой красоты. Съ его благословенія ты могъ бы сдѣлать съ нихъ копію, ты, такой искусный калиграфъ. Я не съумѣлъ бы этого; руки мои, привыкшія управлять заступомъ, лишены гибкости, необходимой для веденія по папирусу тоненькаго тростника писца. Тогда какъ ты, братъ мой, владѣешь письменностью, за что̀ слѣдуетъ благодарить Создателя, ибо прекрасной рукописью не налюбуешься. Трудъ переписчика и читателя являются громадными подспорьями противъ дурныхъ мыслей. Братъ Пафнутій, отчего не запишешь ты наставленія Павла и Антонія, отцевъ нашихъ? Мало-по-малу за этими благочестивыми занятіями ты вернешь миръ души и чувствъ. Уединеніе снова станетъ любезнымъ твоему сердцу и вскорѣ ты снова будешь въ состояніи предаваться твоему аскетическому подвижничеству, исполнявшемуся тобою прежде и прерванному твоимъ путешествіемъ. Но отъ чрезвычайной эпитиміи нечего ожидать особаго блага. Во время своего присутствія среди насъ отецъ Антоній имѣлъ обыкновеніе говорить: «Чрезмѣрный постъ вызываетъ слабость, а слабость порождаетъ инерцію. Есть монахи, разрушающіе плоть свою безразсудно долгимъ воздержаніемъ. Про нихъ можно сказать, что они вонзаютъ кинжалъ себѣ въ грудь и бездыханными отдаются во власть діавола». Такъ говорилъ Антоній. Я не болѣе какъ тем-

ный человѣкъ, но, съ Божьей милостью, я сохранилъ слова нашего отца.

Пафнутій поблагодарилъ Палемона и обѣщалъ ему поразмыслить объ его совѣтахъ. Переступивъ за рѣшетку тростниковъ, замыкавшую маленькій садикъ, онъ обернулся и увидѣлъ добраго садовника, поливающаго свой салатъ, между тѣмъ какъ голубка колыхалась на закругленной его спинѣ. При этомъ зрѣлищѣ ему захотѣлось плакать.

По возвращеніи въ келью, онъ услышалъ тамъ странное кишѣнье. Какъ будто бы зернышки песку были приведены въ движеніе неистовымъ вѣтромъ, и онъ увидѣлъ, что это были цѣлыя миріады шакаловъ.

Въ ту ночь ему снился высокій каменный столбъ съ человѣческой фигурой на верху, и онъ услышалъ голосъ, говорившій:

— Взберись на этотъ столбъ!

При своемъ пробужденіи, убѣжденный, что сонъ этотъ ниспосланъ былъ ему съ неба, онъ собралъ своихъ учениковъ и держалъ къ нимъ слѣдующую рѣчь:

«Любезные сыны мои, я покидаю васъ, чтобы идти, куда посылаетъ меня Господь. Во время моего отсутствія повинуйтесь Флавіану, какъ бы мнѣ самому, и заботьтесь о братѣ нашемъ Павлѣ. Богъ да благословитъ васъ. Простите».

Въ то время, какъ онъ удалялся, они лежали распростершись на землѣ. Когда же они подняли свои головы, то увидѣли его высокую черную фигуру на горизонтѣ песковъ.

Онъ шелъ день и ночь, пока не добрался до развалинъ храма, нѣкогда построеннаго язычниками, и въ которомъ во время своего чудеснаго путешествія онъ спалъ среди скорпіоновъ и сиренъ. Стѣны, покрытыя магическими знаками, стояли на мѣстѣ. Тридцать гигантскихъ столбовъ, завершавшихся человѣческими головами или цвѣтами лотуса, попрежнему поддерживали громадныя каменныя перекладины. Только въ концѣ храма, одинъ изъ этихъ столбовъ сбросилъ свое античное бремя и возвышался свободно. Капитель была въ видѣ женской головы съ продолговатыми глазами, круглыми щеками, съ коровьими рогами на лбу.

Пафнутій, увидя его, узналъ въ немъ приснившійся ему столбъ и вычислилъ высоту его въ 32 локтя. Отправившись въ сосѣднюю деревню, онъ заказалъ лѣстницу въ эту вышину, и когда лѣстница была приложена къ столбу, онъ поднялся по ней, преклонилъ колѣна на капители и сказалъ:

— Такъ вотъ, Господи, какую обитель, Ты мнѣ избралъ. Если бы я могъ, по благости Твоей, остаться тутъ до часа моей смерти.

Онъ не взялъ съ собой никакой пищи, предаваясь на волю Провидѣнія, разсчитывая, что сострадательные крестьяне дадутъ ему необходимое для существованія. И дѣйствительно, на другой день,

около десятаго часа, пришли женщины съ своими дѣтьми, неся хлѣбъ, финики и свѣжую воду, и все это мальчики подняли до вершины столба.

Капитель не была достаточно широка, чтобы монахъ могъ вытянуться на ней во весь ростъ, такъ что онъ спалъ съ скрещенными ногами, съ головой опущенной на грудь, и сонъ являлся для него болѣе жестокимъ, нежели бодрствованіе. На зарѣ ястребы задѣвали за него крыльями, и онъ просыпался, исполненный томленія и ужаса.

Случилось такъ, что плотникъ, дѣлавшій ему лѣстницу, былъ богобоязненный человѣкъ. Тревожимый мыслью, что монахъ предоставленъ солнцу и дождю и опасаясь, чтобы онъ не упалъ во время сна, этотъ благочестивый человѣкъ устроилъ на столбѣ крышу и перила.

Между тѣмъ слава о такомъ чудодѣйственномъ существованіи распространялась отъ одной деревни до другой, и землепашцы долины приходили по воскресеньямъ съ своими женами и дѣтьми подивиться на столпника. Ученики Пафнутія, прослышавъ съ удивленіемъ о мѣстѣ его выспреннаго убѣжища, отправились къ нему и получили отъ него милостивое разрѣшеніе построить себѣ хижины у подошвы столба. Каждое утро они выстроивались въ кругъ около своего учителя, который говорилъ имъ назидательныя рѣчи:

«Чада мои!—говорилъ онъ имъ,—пребывайте подобными тѣмъ младенцамъ, которыхъ возлюбилъ Христосъ. Вотъ гдѣ спасеніе. Плотскій грѣхъ есть источникъ и начало всѣхъ грѣховъ: они рождаются отъ него, какъ дѣти отъ отца. Гордость, жадность, лѣность, гнѣвъ и зависть представляютъ собою излюбленное его потомство. Вотъ чтò видѣлъ я въ Александріи: я видѣлъ богатыхъ, увлеченныхъ сладострастнымъ потокомъ, который, напоминая собою рѣку съ илистымъ берегомъ, толкалъ ихъ въ печальную пропасть».

Отцы Ефремъ и Серапіонъ, узнавъ о такомъ новшествѣ, пожелали увидать его собственными глазами. Разглядѣвъ издали на рѣкѣ треугольный парусъ, несшій ихъ къ нему, Пафнутій не могъ отбиться отъ мысли, что Богъ воздвигнулъ изъ него образецъ для пустынниковъ. При видѣ его, оба монаха отнюдь не скрыли своего удивленія: посовѣтовавшись другъ съ другомъ, они согласились осудить подобное необычайное покаяніе и стали увѣщевать Пафнутія сойти.

— Подобный образъ жизни противенъ обычаю,—говорили они,— онъ причудливъ и внѣ всякаго правила.

Но Пафнутій отвѣчалъ имъ:

— Чтò же представляетъ собою монашеская жизнь, какъ не исключительную жизнь? И самые труды монаха развѣ не должны быть столь же своеобразными, какъ и онъ самъ? Я поднялся сюда по указанію свыше, и только знаменіе Божіе низведетъ меня отсюда.

Монахи цѣлыми толпами приходили ежедневно, присоединялись къ числу учениковъ Пафнутія и устроивали себѣ палатки вокругъ воздушнаго его скита. Многіе изъ нихъ, желая подражать святому, взбирались на развалины храма, но осуждаемые братіей и побѣжденные усталостью, скоро отказывались отъ подобныхъ упражненій.

Пилигримы появились во множествѣ. Нѣкоторые приходили издалека, ихъ мучила жажда и голодъ. Одной бѣдной вдовѣ пришло въ голову продавать имъ свѣжую воду и арбузы. Примостившись къ столбу изъ-за своихъ глиняныхъ бутылокъ, чашекъ и фруктовъ, подъ полотномъ съ бѣлыми и синими полосками, она покрикивала: «Кто желаетъ пить?» По примѣру этой вдовы, одинъ булочникъ притащилъ кирпичей и устроилъ совсѣмъ подъ бокомъ печку, въ надеждѣ продавать чужеземцамъ хлѣбъ и пирожки. Толпа посѣтителей все росла, начинали уже приходить жители большихъ Египетскихъ городовъ, и вотъ одинъ человѣкъ, жадный до прибыли, устроилъ постоялый дворъ для помѣщенія господъ съ ихъ прислугой, верблюдами и мулами. Около столба вскорѣ образовался рынокъ, куда нильскіе рыбаки приносили рыбу, а огородники свои овощи. Одинъ цирульникъ, брившій господъ на открытомъ воздухѣ, веселилъ толпу своими забавными прибаутками. Древній храмъ, такъ долго погруженный въ молчаніе и миръ, наполнился движеніемъ и неумолчнымъ гамомъ жизни. Подземныя залы кабатчики обратили въ погреба, приколотивъ къ античнымъ колоннамъ вывѣски съ изображеніемъ Пафнутія наверху и съ слѣдующей надписью на греческомъ и египетскомъ языкахъ: «Здѣсь продается гренадское вино, фиговое вино и настоящее киликійское пиво». На стѣнахъ, украшенныхъ тонкими правильными скульптурными профилями, торговцы развѣсили гирлянды луку и копченой рыбы, битыхъ зайцевъ и ободранныхъ барановъ. По вечерамъ, старинные обитатели руинъ, крысы, длинной вереницей бѣжали къ рѣкѣ, между тѣмъ какъ ибисы въ тревогѣ, вытягивая шеи, неувѣренно становились одной лапой на высокіе карнизы, къ которымъ подымался кухонный дымъ, требованіе пьяницъ и крикъ прислуги. Въ окрестности землемѣры межевали улицы, каменщики строили обители, часовни, церкви. Въ теченіе шести мѣсяцевъ основался цѣлый городъ, съ гауптвахтой, судомъ, тюрьмой и школой, подъ руководствомъ одного стараго слѣпаго писца.

Пилигримовъ было несмѣтное множество. Епископы стекались съ благоговѣніемъ. Антіохійскій патріархъ, находившійся въ то время въ Египтѣ, прибылъ со всѣмъ своимъ духовенствомъ. Онъ во всеуслышаніе одобрилъ столь необычайное поведеніе столпника и въ отсутствіе Аѳанасія, представители ливійскихъ церквей, послѣдовали примѣру патріарха. Узнавъ объ этомъ, отцы Ефремъ и

Серапіонъ явились къ стопамъ Пафнутія съ извиненіями за ихъ первоначальныя сомнѣнія. Пафнутій отвѣчалъ имъ:

— Вѣдайте, братья мои, что эпитимія, которую несу я, едва ли можетъ сравниться съ посланными мнѣ искушеніями, количество и сила которыхъ меня обуреваютъ. Снаружи человѣкъ кажется ничтожнымъ, съ высоты же столба, на которую вознесъ меня Господь, человѣческія существа представляются мнѣ кишащими муравьями. Если же заглянуть внутрь человѣка, онъ явится громаднымъ: онъ великъ какъ міръ, ибо онъ вмѣщаетъ его въ себѣ. Все, что я вижу передъ собою, эти монастыри, гостинницы, эти барки на рѣкѣ, эти деревни, все, что открывается моимъ взорамъ, тамъ вдали полей, рѣкъ, песковъ и горъ, все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что заключается внутри меня. Въ сердцѣ своемъ ношу я безчисленные города и безграничныя пустыни. И зло, зло и смерть, раскинутыя по этой безпредѣльности, окутываютъ ее, какъ ночь окутываетъ землю. Я самъ для себя являю цѣлую вселенную дурныхъ помысловъ.

Онъ говорилъ такъ потому, что въ немъ не погасла еще чувственность.

На седьмой мѣсяцъ, изъ Александріи, Бубаста и Саиса прибыли женщины. Долго оставаясь безплодными, онѣ надѣялись забеременить при помощи предстательства необыкновеннаго монаха и силы столба. Затѣмъ на необозримое пространство растянулись повозки, носилки, качалки, которыя останавливались, спѣшили, толкались у подножія обители божьяго человѣка. Изъ нихъ выходили больные страшнаго вида. Матери подносили Пафнутію юныхъ сыновей своихъ съ вывернутыми членами, съ перекошенными глазами, съ пѣной у рта, сиплымъ голосомъ. Онъ возлагалъ на нихъ руки. Приходили слѣпые, съ мотающимися руками и на-авось подымали къ нему свои лица съ двумя окровавленными отверстіями. Паралитики показывали ему тяжеловѣсную неподвижность, смертельную худобу и отвратительную скорченность своихъ членовъ; хромые представляли ему свои кривыя ноги; пораженные груднымъ ракомъ, обѣими руками хватаясь за грудь, обнажали передъ нимъ свои перси, снѣдаемыя незримымъ ястребомъ. Женщины, страдавшія водянкой, приказывали класть ихъ на землю, и ихъ сваливали, какъ какіе-то бурдюки. Онъ благословлялъ ихъ. Нубійцы съ слоновой проказой тяжелой поступью подходили къ нему и взирали на него влажными отъ слезъ глазами на безжизненномъ лицѣ. Онъ осѣнялъ ихъ крестнымъ знаменіемъ. Изъ Афродитополиса къ нему принесли молодую дѣвушку, которая послѣ кровохарканья заснула и спала трое сутокъ. Она производила впечатлѣніе восковаго изваянія, и родители ея, считая ее умершей, положили ей на грудь пальму. Послѣ молитвы Пафнутія, молодая дѣвушка подняла голову и открыла глаза.

Благодаря повсемѣстному народному разглашенію о чудесахъ будто бы совершаемыхъ Пафнутіемъ, несчастные, страдавшіе болѣзнью, извѣстной у грековъ подъ именемъ божеской, безчисленными легіонами стекались сюда со всѣхъ сторонъ Египта. Едва завидѣвъ столбъ, они подвергались конвульсіямъ, катались по землѣ, становились на дыбы, свертывались въ клубокъ. И почти невѣроятная вещь! присутствовавшіе, въ свою очередь охваченные страшнымъ изступленіемъ, подражали этимъ эпилептическимъ судорогамъ. Монахи и пилигримы, мужчины и женщины, валялись, бились въ общей свалкѣ съ скрученными членами, съ пѣной у рта, горстями поглощая землю и пророчествуя. А Пафнутій, съ высоты своего столба, чувствуя какъ дрожь пробѣгала по его членамъ, восклицалъ къ Богу:

— Я козлище отпущенія и беру на себя всю скверну этого люда, вотъ почему, Господи, тѣло мое наполнено злыми духами.

Сотни костылей висѣли уже на чудодѣйственномъ столбѣ; благодарныя женщины вѣшали на него вѣнки и образа по обѣту. Греки начертывали на немъ остроумныя двустишія, и такъ какъ каждый пилигримъ высѣкалъ тутъ свое имя, то камень на высотѣ человѣческаго роста вскорѣ покрылся безчисленными латинскими, греческими, коптскими, пуническими, еврейскими, сирійскими и кабалистическими надписями.

Съ наступленіемъ праздника Пасхи въ этомъ городѣ чудесъ было такое стеченіе народа, что старики полагали, не вернулись ли уже они къ временамъ античныхъ таинствъ. На обширномъ пространствѣ смѣшивались, перепутывались, пестрое платье египтянъ, арабскіе бурнусы, бѣлые передники нубійцевъ, короткіе плащи грековъ, тоги съ длинными складками римлянъ, военные плащи и пурпуровые шаровары варваровъ и затканныя золотомъ туники куртизанокъ. Женщины, закутанныя покрывалами, проѣзжали на ослахъ, предшествуемыя черными неграми, палочными ударами пролагавшими имъ путь. Акробаты, разостлавъ по землѣ свой коверъ, продѣлывали чудеса ловкости, элегантно жонглируя передъ собраніемъ безмолвныхъ зрителей. Заговариватели змѣй, съ вытянутыми руками, развертывали свои живые пояса. Вся эта толпа, блестѣла, сверкала, пылила, гудѣла, кричала, бранилась. Проклятія верблюжьихъ вожаковъ, которые стегали свой скотъ, выкрикиванія продающихъ амулеты противъ проказы и глазу, псалмопѣніе монаховъ, распѣвавшихъ священные стихиры, визгъ женщинъ, валявшихся въ пророческомъ припадкѣ, гнусенье нищихъ, повторявшихъ античныя пѣсни гарема, блеяніе барановъ, ослиный ревъ, скликаніе моряками запоздавшихъ пассажировъ, весь этотъ гамъ представлялъ собою оглушительный Содомъ, посреди котораго раздавался еще пронзительный голосъ маленькихъ голыхъ негровъ, сновавшихъ повсюду съ предложеніемъ свѣжихъ финиковъ.

И всѣ эти разнокалиберныя существа задыхались подъ бѣлымъ небомъ, въ густомъ воздухѣ, переполненномъ ароматомъ женщинъ, запахомъ негровъ, дымомъ жаренаго и парами камеди, которую богомолки покупали у пастуховъ и сжигали передъ столбомъ. Съ наступленіемъ ночи со всѣхъ сторонъ загорались огни, факелы, фонари, повсюду виднѣлись лишь красныя тѣни и темныя очертанія. Окруженный слушателями, присѣвшими на корточки, одинъ старикъ, лицо котораго освѣщалось чадившей лампой, стоя, разсказывалъ, какъ нѣкогда Битіу околдовалъ его сердце, вырвалъ его изъ груди его, вложилъ въ акацію и затѣмъ самъ обратился въ дерево. Онъ страшно жестикулировалъ, и жесты эти въ смѣшно-изуродованномъ видѣ повторяла его тѣнь, а восхищенная аудиторія испускала крики изумленія. Въ кабакахъ пьяницы, лежа на диванахъ, требовали себѣ пива и вина. Танцовщицы съ подрисованными глазами и обнаженными животами, представляли передъ ними религіозныя и сладострастныя сцены. Въ отдаленіи молодежь играла въ кости и въ пальцы, а старики въ потемкахъ гонялись за проститутками.

Одинъ столбъ, возвышавшійся надъ всѣми этими колебавшимися очертаніями, оставался неподвижнымъ. Голова съ коровьими рогами глядѣла во мракъ, а надъ ней между небомъ и землей бдѣлъ Пафнутій, не смыкая глазъ. Вдругъ луна поднимается надъ Ниломъ, напоминая собою обнаженное плечо богини. По холмамъ скользятъ свѣтъ и лазурь, и Пафнутію чудится, какъ будто тѣло Таисы блеститъ въ отблескахъ воды, посреди сапфировъ ночи.

Дни проходили за днями, монахъ не сходилъ съ своего столба. Съ наступленіемъ дождливой погоды, небесная влага, проникая сквозь щели крыши, обливала его тѣло; онѣмѣлые члены его потеряли способность двигаться. Сожженная солнцемъ, покраснѣвшая отъ росы, кожа его потрескалась; огромныя язвы снѣдали его руки и ноги. Но желаніе обладать Таисой пожирало его внутренно, и онъ восклицалъ:

— Боже Всемогущій! Этого еще мало. Новыя искушенія! Снова нечистыя мысли! Снова чудовищныя желанія! Спаситель, пусть пройдетъ черезъ меня все сладострастіе человѣчества, дабы я все искупилъ его. Если это и вымыселъ, что Аргосская сука приняла на себя грѣхи міра, какъ я слышалъ это отъ нѣкихъ лжеучителей, однако, басня эта содержитъ въ себѣ сокровенный смыслъ, истину котораго я познаю теперь. Ибо справедливо, что мерзости народовъ проникаютъ въ душу праведнаго, чтобы затеряться въ ней, какъ въ колодцѣ. Точно такъ же истинно, что души праведниковъ бываютъ болѣе осквернены нечистью, нежели оной найдется въ душѣ какого бы то ни было грѣшника. Вотъ почему славлю я Тебя, Господи, за то, что Ты сдѣлалъ изъ меня сточную трубу вселенной.

Но вотъ въ одинъ прекрасный день въ святомъ городѣ поднялось сильное волненіе: очень высокая особа, одинъ изъ знаменитѣйшихъ людей, префектъ Александрійскаго флота, Луцій Аврелій Котта, намѣренъ былъ посѣтить Пафнутія.—«Онъ ѣдетъ уже, близко»,—гудѣло въ народѣ.

Извѣстіе было истинно. Старый Котта, отправившись инспектировать каналы и навигацію Нила, неоднократно выражалъ желаніе посмотрѣть столпника и новый городъ, который назвали Стилополисомъ. Однажды, утромъ, стилополитяне увидѣли, что вся рѣка усѣяна парусами. Стоя на борту золоченой галеры, обтянутой багряницей, показался Котта, въ сопровожденіи своей флотиліи. Онъ высадился на берегъ и двинулся впередъ, сопровождаемый своимъ секретаремъ, который несъ его записную книжку, и Аристеемъ, докторомъ его, съ которымъ онъ любилъ вести бесѣду.

За нимъ слѣдовала большая свита, и откосъ берега былъ покрытъ латиклавами (костюмы римскихъ сенаторовъ) и военными костюмами. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ столба Котта остановился и принялся разглядывать столпника, вытирая лобъ полой своей тоги. Своимъ отъ природы любознательнымъ умомъ онъ много наблюдалъ во время долгихъ своихъ странствованій. Онъ любилъ вспоминать и собирался впослѣдствіи написать пуническую исторію, книгу необычайныхъ вещей, видѣнныхъ имъ на своемъ вѣку. Повидимому, онъ сильно заинтересовался представившимся зрѣлищемъ.

— Вотъ чудеса-то!—говорилъ онъ, обливаясь потомъ и пыхтя.— И, обстоятельство, достойное упоминанія, человѣкъ этотъ мой гость. Да, монахъ этотъ въ прошломъ году ужиналъ у меня, и послѣ того похитилъ комедіантку.

И обратясь къ секретарю своему, прибавилъ:

— Отмѣть это, сынъ мой, въ записной книжкѣ, равно какъ и размѣры столба; да не забудь форму капители.

Затѣмъ, снова отерши лобъ, продолжалъ:

— Люди, заслуживающіе довѣрія, увѣряли меня, что въ теченіе года, какъ онъ взобрался на этотъ столбъ, монахъ нашъ ни на минуту не покидалъ его. Аристей, возможно ли это?

— Это возможно для умалишеннаго или для больного, и это было бы немыслимо для человѣка съ здравымъ тѣломъ и духомъ. Развѣ тебѣ не извѣстно, Люцій, что иногда болѣзни души и тѣла сообщаютъ тѣмъ, которые страдаютъ ими, силы, коими не владѣютъ люди здоровые. Да, по правдѣ сказать, въ сущности нѣтъ ни хорошаго, ни дурного здоровья. Есть только различное состояніе органовъ. Въ силу изученія того, что называется болѣзнями, я сталъ смотрѣть на нихъ, какъ на необходимыя формы жизни. Меня болѣе занимаетъ изученіе ихъ, нежели борьба съ ними. Между ними есть такія, которыхъ нельзя видѣть безъ удивленія и которыя, подъ кажущимся разстройствомъ, скрываютъ глубокую

гармонію, и четырехдневная лихорадка, всеконечно, представляетъ собою прекрасное явленіе! Иногда извѣстныя болѣзни тѣла обозначаютъ внезапный подъемъ способностей духа. Ты знаешь Креона. Ребенкомъ онъ заикался и былъ глупъ. Но разсадивъ себѣ черепъ во время паденія съ верху лѣстницы,—какъ тебѣ извѣстно, онъ сталъ искуснымъ адвокатомъ. У этого монаха навѣрное пораженъ какой-нибудь скрытый органъ. Къ тому же, способъ его существованія совсѣмъ не такъ оригиналенъ, какъ онъ тебѣ представляется, Люцій. Вспомни индѣйскихъ гимнософистовъ, способныхъ соблюдать полную неподвижность, и не только въ теченіе одного года, но въ теченіе двадцати, тридцати и сорока лѣтъ.

— Клянусь Юпитеромъ! — воскликнулъ Котта,—это страшное заблужденіе! Ибо человѣкъ созданъ для того, чтобы дѣйствовать, и бездѣятельность есть непростительный грѣхъ, такъ какъ онъ творится въ ущербъ государству. Ужъ и не знаю хорошенько, къ какому толку отнести столь мрачный методъ. Есть основаніе причислить его къ нѣкоторымъ азіатскимъ культамъ. Во время моего губернаторства въ Сиріи я видѣлъ слѣдующее: на городскія ворота Геры дважды въ годъ взбирается одинъ человѣкъ и остается тамъ въ теченіе семи дней. Народъ убѣжденъ, что человѣкъ этотъ, бесѣдуя съ богами, чрезъ посредство ихъ заручается пропроцвѣтаніемъ Сиріи. Обычай этотъ представлялся мнѣ лишеннымъ смысла, тѣмъ не менѣе я ничего не сдѣлалъ для его нарушенія. Ибо полагаю, что всякій администраторъ долженъ не только не уничтожать народные обычаи, а напротивъ того, обезпечивать ихъ соблюденіе. Совсѣмъ не дѣло правительства навязывать вѣроученія; обязанность его удовлетворить тѣ изъ нихъ, которыя существуютъ и которыя, хороши ли онѣ или дурны, установлены геніемъ временъ, мѣстъ и расъ. Если оно вздумаетъ оспаривать ихъ, оно окажется революціоннымъ по духу, тиранническимъ въ своихъ дѣйствіяхъ и совершенно основательно вызоветъ къ себѣ ненависть. Помимо того, какимъ же образомъ можно стать выше суевѣрій черни, если не пониманіемъ и попусканіемъ ихъ? Аристей, я того мнѣнія, чтобы оставлять въ покоѣ этихъ столпниковъ въ воздушномъ пространствѣ, подвергая ихъ единственной опасности со стороны птицъ. И я одержу верхъ надъ нимъ отнюдь не насилуя его, но именно отдавая себѣ отчетъ въ его пониманіи и вѣроученіи.

Онъ вздохнулъ, кашлянулъ, положилъ руку на плечо своего секретеря:

— Сынъ мой, запиши, что въ нѣкоторыхъ христіанскихъ сектахъ рекомендуется похищать куртизанокъ и жить на верху столбовъ. Можешь прибавить, что обычаи эти можно отнести къ культу генетическихъ божествъ. Но по этому поводу мы должны переговорить съ нимъ самимъ.

Затѣмъ, поднявъ голову и поднеся руку къ глазамъ, чтобы не слѣпило его солнце, онъ, надсаживаясь, крикнулъ:

— Эй, Пафнутій! Если ты не забылъ моего гостепріимства, отвѣчай. Что ты тамъ дѣлаешь на верху? Зачѣмъ ты туда забрался и для чего тамъ живешь? Не имѣетъ ли для тебя столбъ этотъ фаллическаго значенія?

Пафнутій, принимая во вниманіе, что Котта былъ идолопоклонникъ, не удостоилъ его отвѣтомъ. Но Флавіанъ, ученикъ его, подошелъ и сказалъ:

— Свѣтлѣйшій повелитель, этотъ человѣкъ беретъ на себя грѣхи міра и исцѣляетъ больныхъ.

— Клянусь Юпитеромъ! Слышишь, Аристей, — воскликнулъ Котта.—Столпникъ подобно тебѣ занимается врачеваніемъ. Что скажешь о такомъ возвышенномъ собратѣ?

Аристей покачалъ головой.

— Возможно, что нѣкоторыя болѣзни, какъ, напримѣръ, эпилепсію, извѣстную подъ именемъ божьей болѣзни, хотя всѣ болѣзни равно божьи, ибо всѣ посылаются богами — онъ исцѣляетъ даже лучше меня. Но причиной этой болѣзни отчасти является воображеніе, и ты согласишься, Люцій, что монахъ этотъ, примостившійся такимъ образомъ на этой верхушкѣ башни, поражаетъ воображеніе больныхъ сильнѣе, нежели съумѣлъ бы это сдѣлать я, корпя въ своей лабораторіи надъ моими ступками и стклянками. Есть силы, Люцій, безконечно могущественнѣйшія, нежели разумъ и наука.

— Какія? — спросилъ Котта.

— Невѣжество и безуміе, — отвѣчалъ Аристей.

— Рѣдко видѣлъ я что-нибудь любопытнѣе лицезримаго нами въ данный моментъ,—возразилъ Котта;—я желалъ бы, чтобы когда-либо какой-нибудь искусный писатель разсказалъ исторію основанія Стилополиса. Но самыя рѣдкостныя зрѣлища не должны задерживать слишкомъ долго человѣка серьезнаго и трудящагося. Отправимся осматривать каналы. Прощай, добрый Пафнутій, или скорѣе до свиданья! Если когда-нибудь, спустившись снова на землю, ты вернешься въ Александрію, пожалуйста не забудь завернуть ко мнѣ поужинать.

Слова эти, слышанныя присутствующими, переходили изъ устъ въ уста, и разнесенныя вѣрующими, прибавили къ славѣ Пафнутія несравненную лучезарность. Благочестивая фантазія разукрасила ихъ и преобразила такъ, что разсказывали, будто бы онъ съ высоты своего столба обратилъ префекта флота въ христіанскую вѣру. Разсказъ объ этой встрѣчѣ украшался чудесными подробностями, которымъ вѣрили первые тѣ, кто ихъ измышлялъ. Прибавляли, что докторъ и секретарь морского префекта послѣдовали примѣру его въ дѣлѣ обращенія. Можно безъ преувеличенія сказать, что съ той поры весь міръ былъ охваченъ желаніемъ лице-

зрѣть Пафнутія. Знаменитѣйшіе города Италіи прислали къ нему посольства, а цезарь римскій, божественный Константинъ, поддерживавшій христіанское православіе, написалъ ему письмо, врученное ему легатами при большомъ церемоніалѣ. Но однажды, ночью, когда городъ, народившійся у его ногъ, спалъ на росѣ, онъ услышалъ голосъ, говорившій ему:

— Пафнутій, ты славенъ своими дѣяніями и могущественъ словомъ. Возстань, поди, розыщи во дворцѣ нечестиваго Констанція, который, вмѣсто того, чтобы слѣдовать мудрому примѣру брата своего Константина, покровительствуетъ заблужденію Арія и Маркуса. Иди! Бронзовыя двери распахнутся передъ тобою, сандаліи твои зазвенятъ на золотой мостовой базиликъ передъ трономъ цезарей, и твой грозный голосъ обратитъ сердце сына Константина. Ты будешь поставленъ превыше сенаторовъ, князей и патриціевъ. Ты заставишь смолкнуть голодъ народный и дерзость варваровъ. Старый Котта, провѣдавъ о твоемъ главенствѣ въ управленіи, станетъ добиваться чести омыть твои ноги.

Пафнутій отвѣчалъ:

— Да исполнится воля Господня!

И, употребивъ усиліе встать, онъ готовился сойти. Но голосъ, отгадавъ его мысль, сказалъ:

— Главное, не сходи по этой лѣстницѣ. Ты поступилъ бы тогда, какъ человѣкъ ординарный и отвергъ бы дары, данные тебѣ. Оцѣни по достоинству свое могущество, Пафнутій: столь великій подвижникъ долженъ летать по воздуху. Бросайся; ангелы готовы поддержать тебя. Бросайся же!

Пафнутій отвѣчалъ:

— Да царствуетъ воля Господня на землѣ и на небѣ!

Раскачивая длинными руками своими, растянутыми на подобіе общипанныхъ крыльевъ огромной, больной птицы, онъ готовъ былъ броситься, какъ вдругъ отвратительное зубоскальство донеслось до его уха.

— Кто же смѣется такъ? — въ ужасѣ вопросилъ онъ.

— А! А!—взвизгивалъ голосъ,—это еще только начало нашей дружбы; ты гораздо ближе познакомишься со мной. Наидражайшій, это я подъялъ тебя сюда и долженъ выразить тебѣ полное мое довольство тобою за то послушаніе, съ которымъ ты исполняешь мои желанія. Пафнутій, я доволенъ тобою!

Пафнутій бормоталъ голосомъ, сдавленнымъ отъ страха:

— Прочь, прочь! Я узнаю тебя...

Опечаленный, снова упалъ онъ на камень.

— Какъ это я ранѣе не узналъ его?—думалъ онъ.—Болѣе жалкій, нежели всѣ эти слѣпые, глухіе, разслабленные, которые уповаютъ на меня, я утратилъ пониманіе сверхъестественныхъ вещей, и болѣе развращенный, нежели маніаки, пожирающіе землю и при-

ближающіеся къ трупамъ, я не различаю болѣе криковъ ада отъ голосовъ неба. Я утратилъ малѣйшій разсудокъ новорожденнаго младенца, который плачетъ, когда его тянутъ отъ груди кормилицы, собаки, чующей слѣдъ своего хозяина, растенія, которое оборачивается къ солнцу. Я игрушка дьяволовъ. Такъ это сатана привелъ меня сюда. Когда онъ подталкивалъ меня на эту высь, сладострастіе и гордость вмѣстѣ со мною поднимались сюда. Не великость искушеній моихъ печалитъ меня. Антоній на горѣ своей испыталъ не меньшія. И я сильно желаю, чтобы шпаги тѣ насквозь пронзили тѣло мое на глазахъ ангеловъ. Я дошелъ даже до того, что полюбилъ мои мученія. Но Создатель мой молчитъ и молчаніе Его удивляетъ меня. Онъ бросаетъ меня, меня, который никого не имѣлъ, кромѣ Него. Онъ оставляетъ меня одного посреди ужаса Его отсутствія. Онъ бѣжитъ меня. Я побѣгу за Нимъ. Камень этотъ жжетъ мнѣ ноги. Скорѣе, бѣжимъ, вернемся къ Создателю!

Онъ тотчасъ же схватилъ лѣстницу, еще приставленную къ столбу, ступилъ на нее ногами и, сойдя одну ступеньку, очутился лицомъ къ лицу съ звѣремъ: тотъ странно ухмылялся. Пафнутій убѣдился тогда, что принимавшееся имъ за мѣсто своего упокоенія и славы было лишь діавольскимъ орудіемъ его смятенія и проклятія. Онъ поспѣшно сбѣжалъ всѣ остальныя ступеньки и ступилъ на землю. Ноги его отвыкли отъ земли: онъ шатался. Но чувствуя на себѣ тѣнь отъ проклятаго столба, онъ заставлялъ ихъ бѣжать. Все спало. Никѣмъ не замѣченный, пересѣкъ онъ большую площадь, окруженную кабаками, гостинницами и постоялыми дворами и бросился въ переулокъ, поднимавшійся къ ливійскимъ холмамъ. Одна собака, преслѣдовавшая его съ лаемъ, отстала лишь при первыхъ пескахъ пустыни. И Пафнутій направился по такой мѣстности, гдѣ не было иной дороги, кромѣ слѣда дикихъ звѣрей. Оставивъ за собою хижины, покинутыя фальшивыми монетчиками, онъ день и ночь продолжалъ свое мучительное бѣгство.

Наконецъ, близкій къ смертельному обмороку отъ голода, жажды и усталости, и не зная еще, насколько онъ далекъ отъ Бога, Пафнутій увидѣлъ безмолвный городъ, разстилавшійся передъ нимъ направо и налѣво и терявшійся въ пурпурѣ горизонта. Однообразныя, широко разставленныя одно отъ другого жилища, напоминали собою пирамиды, срѣзанныя на половинѣ ихъ всхода.

Это были могилы. Ворота этого кладбища оказались разрушенными, и во мракѣ склеповъ виднѣлись горящія очи гіенъ и волковъ, кормившихъ своихъ дѣтенышей, между тѣмъ какъ мертвецы валялись на порогѣ, обобранные разбойниками и обглоданные звѣрями. Пройдя черезъ этотъ мрачный городъ, Пафнутій въ изнеможеніи упалъ передъ одной гробницей, возвышавшейся въ отдаленіи, возлѣ источника, увѣнчаннаго пальмами. Гробница эта была красиво убрана, а такъ какъ двери въ ней уже не существовало,

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Альберта Викентьевича Старчевскаго. 2) Александрійская куртизанка (Thaïs). Романъ Анатоля Франса. Изъ первыхъ вѣковъ христіанства. Переводъ съ французскаго. Гл. IV. Молочай. 3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени"**, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Програма **„Историческаго Вѣстника"**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику"** прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

 ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 18

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ
ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.
ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ
НОЯБРЬ, 1891

СОДЕРЖАНІЕ.

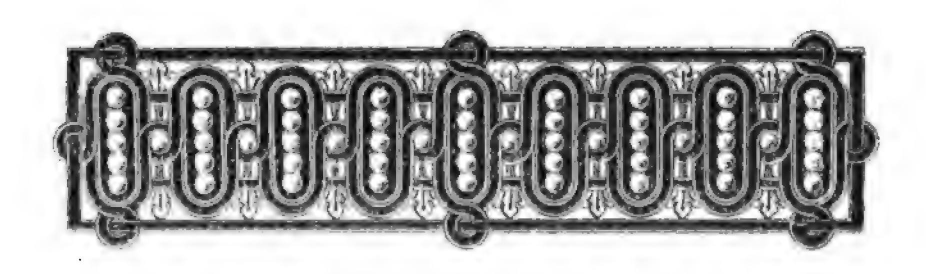
НОЯБРЬ, 1891 г.

См. сл. стр.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ИВАНОВЪ

дозв. ценз. спб., 28 окт. 1891 г.

ТАЛЬЯНСКАЯ ЧЕРТОВКА[1].

Историческая повѣсть.

XII.

Страшная вѣсть.

КНЯЗЬ Михаилъ во все время переѣзда изъ Москвы и до Братовщины сидѣлъ неподвижно, устремивъ взоръ въ одну точку, не произнося ни слова. Князь Василій нѣсколько разъ взглядывалъ въ его сторону, и, пораженный необычайною апатіею брата, невольно пугался его неподвижности, пугался въ особенности этого застоявшагося, какъ бы застывшаго взгляда.

— Словно не живой сидитъ около меня,—разсказывалъ онъ потомъ княгинѣ.—Ужъ я его не разъ даже и подъ бокъ толкалъ—нарочито толкалъ, и опрашивалъ:—не усталъ ли молъ? подремать не хочешь ли? А онъ только на мигъ одинъ обернется ко мнѣ, глазами меня смѣритъ, сумрачно таково да грозно, ни словомъ не промолвится—и опять застынетъ... Такъ мы до самой Братовщины и доѣхали.

Князь Василій очень вѣрно и мѣтко выразился о братѣ. Князь Михаилъ именно «застылъ»—замеръ съ той поры, какъ отдался въ

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVI, стр. 5.

руки своимъ роднымъ и подчинился ихъ волѣ. У него жизнь отняли, свѣтъ, «душу отъ тѣла отвѣяли»—какъ поется въ старинной пѣснѣ... Онъ какъ будто пересталъ и думать, и чувствовать, какъ будто забылъ и о себѣ, и обо всѣхъ окружающихъ. Только тогда, когда, по пріѣздѣ въ Братовщину, онъ вошелъ въ свою опочивальню, и, окинувъ ее тусклымъ, безразличнымъ взглядомъ, увидѣлъ, что ничто въ ней не измѣнилось и не переставилось, что даже и дѣдовское кожаное кресло стоитъ на томъ же, прежнемъ мѣстѣ,— онъ вдругъ сталъ тревожиться, ходить спѣшными шагами изъ угла въ уголъ комнаты, останавливаясь около оконъ и нетерпѣливо барабаня пальцами по стекламъ... Но это тревожное состояніе было очень непродолжительно:—полчаса спустя, онъ легъ въ постель, не раздѣваясь, даже не скинувъ сапогъ, и когда кто-то изъ слугъ сунулся было къ нему, предлагая раздѣть и разуть его, князь только окинулъ его съ ногъ до головы мутнымъ, сердитымъ взглядомъ, и, не сказавъ ни слова, отвернулся къ стѣнѣ. Такъ его и оставили въ покоѣ до утра.

Утромъ рано, князь Михаилъ задумалъ было выйти въ садъ. Но едва только онъ сошелъ съ крыльца, на дорожку передъ домомъ, и направился къ липовой аллеѣ, которая вела изъ сада къ церкви, онъ замѣтилъ, что позади его, по пятамъ, идутъ двое изъ вчерашнихъ гайдуковъ, а другіе двое пробираются по сторонамъ его пути, крадучись и укрываясь за кустами... Князь Михаилъ остановился въ раздумьи и нерѣшительности и, увидѣвъ, что остановились и его непрошенные провожатые, вдругъ круто повернулъ назадъ, стиснулъ кулаки, и подскочилъ къ тѣмъ гайдукамъ, которые были у него за спиною:

— Прочь, собачьи дѣти!—крикнулъ онъ, злобно сверкая глазами;—не смѣйте за мною ходить... Убирайтесь—не то я васъ...

Гайдуки сняли шапки—и не трогались съ мѣста; они очевидно готовились принять побои изъ «княжескихъ ручекъ», но все же не выполняли требованія князя Михаила.

— Прочь! — бѣшено крикнулъ князь Михаилъ, топая ногами.

— Батюшка князь!—добродушно заговорили гайдуки.—Не изволь ты на насъ гнѣваться: мы тутъ ни въ чемъ не повинны... Намъ такой приказъ отъ матушки-княгини данъ, чтобы отъ тебя ни на шагъ не отходить и съ глазъ тебя не спущать!

— А! Вотъ что?.. приказъ?.. отъ матушки?..—произнесъ князь Михаилъ, тяжело переводя дыханіе и растягивая слова.

И тотчасъ же, быстро направившись къ дому, онъ вернулся въ свою опочивальню, легъ въ постель и пролежалъ въ ней до вечера, отказавшись выйти и къ обѣду, и къ ужину.

Когда, послѣ ужина, Сенька пришелъ его разуть и раздѣть, князь Михаилъ, повидимому, очень обрадовался старому слугѣ. Онъ вдругъ вскочилъ съ постели, быстро подошелъ къ двери въ

столовую и плотно ее притворилъ; потомъ подбѣжалъ къ Сенькѣ, обнялъ его и поцѣловалъ.

Старикъ такъ былъ растроганъ этой лаской, что прослезился, и, цѣлуя руку князя Михаила, проговорилъ съ самымъ искреннимъ сожалѣніемъ:

— Эхъ, батюшка князь, надѣлалъ ты дѣла—нагородилъ! Э-эхъ!

Но князь Михаилъ какъ будто и не слыхалъ этихъ словъ Сеньки. Онъ положилъ ему руку на плечо, наклонился къ самому уху его, и прошепталъ:

— Письмо въ Москву... возьмешься отнести? А? говори скорѣе!...

— Письмо? Какое письмо?—съ нѣкоторой тревогой спросилъ Сенька, боязливо оглядываясь по сторонамъ.

— Туда!... Въ Нѣмецкую слободу... Тамъ укажутъ!

— Въ Нѣмецкую! Въ Нѣм.. Это къ ней, значитъ, къ самой!— почти съ ужасомъ прошепталъ Сенька.—Нѣтъ ужъ, батюшка, уволь... уволь...

И старикъ, опустившись на колѣни, сталъ кланяться барину въ ноги, приговаривая въ полголоса:

— Уволь, родимый!.. Не подведи мои старыя кости подъ батожье... А намъ тутъ всѣмъ такого насулено, если осмѣлимся... Нѣтъ, ужъ уволь, родименькій?

Князь Михаилъ вдругъ поблѣднѣлъ, насупилъ брови, схватилъ старика за плечи, поднялъ его съ колѣнъ—и вытолкалъ изъ опочивальни въ сѣни.

Затѣмъ, въ теченіе двухъ-трехъ дней, онъ не вставалъ съ постели, ни съ кѣмъ не говорилъ и не выходилъ изъ опочивальни. Кажется, что еслибы ему забыли принести въ опочивальню обѣдъ и ужинъ—онъ не спросилъ бы ни пить, ни ѣсть... Княгиня Марья Исаевна попробовала было сама къ нему зайти въ опочивальню, присѣла въ кресло, стала ему выговаривать и попыталась его вызвать изъ опочивальни въ другіе, смежные покои...

— Не ладно, молъ, ты это сынокъ дѣлаешь: Бога забылъ, и дѣтей своихъ забылъ, и нами всѣми пренебрегъ, покинулъ... Ты на насъ не сѣтуй! Мы тебѣ же добра желаемъ...

Князь Михаилъ, при входѣ матери въ опочивальню, поднялся съ постели и присѣлъ на краешекъ кровати... Онъ выслушалъ все, что ему говорила мать, выслушалъ—глазомъ не сморгнулъ... Но въ этомъ каменномъ, холодномъ, безучастномъ спокойствіи, въ этомъ мертвомъ молчаніи, въ этомъ тускломъ, мутномъ взглядѣ, который князь Михаилъ не сводилъ съ своей матери—во всемъ этомъ было что-то такое страшное, такое удручающее, гнетущее, что княгиня Марья Исаевна не высидѣла и получаса въ опочивальнѣ сына...

Подсылала княгиня къ князю Михаилу и брата его, князя Василія, тоже съ «разговорами», и даже попа Михаила съ увѣ-

щаніемъ и со святой водой, въ склянницѣ, которую попъ Михаилъ на всякій случай тщательно скрылъ за пазухой... Но съ попомъ Михаиломъ князь Михаилъ въ бесѣду не вступалъ, а отъ князя Василія либо отмалчивался, либо вдругъ на всѣ его слова начиналъ такъ странно, безсмысленно и злобно смѣяться, что князь Василій закаялся ходить къ нему въ опочивальню.

Такъ прошло дней съ пять-шесть. Князя Михаила зорко стерегли всѣ: и княгиня, и князь Василій, и вся дворня, по ихъ приказу; а князь Михаилъ ни на шагъ не переступалъ за порогъ своей опочивальни и точно также пролеживалъ по цѣлымъ днямъ на постели, какъ въ былое время, до поѣздки въ Италію, просиживалъ по цѣлымъ днямъ въ старомъ дѣдовскомъ креслѣ. Никто не зналъ: что̀ онъ думаетъ, что̀ вынашиваетъ въ головѣ своей— никто не зналъ даже, страдаетъ ли онъ отъ разлуки съ своею милою, злобствуетъ ли на окружающихъ, тяготится ли своимъ положеніемъ, и почему именно такъ покорно, такъ безропотно ему подчиняется?

Это безропотное подчиненіе не только удивляло, но даже тревожило окружающихъ. Они не ожидали, не надѣялись, что побѣда достанется имъ такъ легко, и сами не довѣряли своей удачѣ, сами тяготились тѣмъ приниженнымъ положеніемъ, въ которое они поставили князя Михаила. Если бы онъ боролся противъ нихъ, возставалъ бы противъ того надзора, какимъ они его окружили, набрасывался на нихъ съ укорами, угрозами и проклятіями; если бы онъ рвался къ своей «чертовкѣ», отчаявался, отстаивалъ всѣми правдами и неправдами свои права на свободу и на сожительство съ этою «мнимою» женою своею... О! имъ тогда было бы легче! Они ждали отчаянной борьбы и готовились къ ней заранѣе... А онъ и бороться не сталъ, и самъ отдался имъ въ руки — только замеръ, застылъ, такъ, что и самое присутствіе его въ домѣ было никому незамѣтно, и неразъ случалось, что сама княгиня или князь Василій на цыпочкахъ подкрадывались къ дверямъ опочивальни князя Михаила, чтобы убѣдиться—живъ ли онъ?

— Что̀ съ нимъ подѣлаешь? Ума не приложу!—говорила не разъ княгиня сыну Василію.

— А вотъ повремените. Хвостовъ пріѣдетъ... Узна̀емъ, чѣмъ онъ съ нею поладилъ—какъ устроилъ дѣло? Тогда посмотримъ!..

Такъ утѣшалъ княгиню князь Василій, и съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ пріѣзда Хвостова или вѣстей отъ него; на Хвостова теперь возлагались всѣ надежды.

— «Хвостовъ уладитъ! Хвостовъ и князя Михаила угомонитъ... Онъ на всѣ руки мастеръ и законникъ!»—такъ думали, утѣшая себя, и князь Василій, и княгиня Марья Исаевна.

А Хвостовъ, какъ на зло, и самъ не ѣхалъ, и вѣстей не при-

сылалъ... Прошло уже дней съ десять съ пріѣзда княжеской семьи въ Братовщину, а о Хвостовѣ не было ни слуху, ни духу. Князь Василій рѣшился было спосылать къ нему нарочнаго въ Москву съ письмомъ, и, послѣ долгихъ сборовъ, даже сѣлъ за это письмо и сталъ его писать, какъ вдругъ послышался по дорогѣ къ усадьбѣ колокольчикъ и чья-то повозка въѣхала во дворъ. Князь Василій оторвался отъ письма, въ которомъ успѣлъ уже вывести первыя три строки, и вышелъ въ теплыя сѣни посмотрѣть, какого гостя Богъ даетъ... Княгиня Марья Исаевна выслала туда же Ѳешку-Шустрянку, съ тою же цѣлью... Всѣмъ поскорѣе хотѣлось знать, не Хвостовъ ли изъ Москвы пожаловалъ?

И точно, въ полутьмѣ сумерекъ, князь Василій увидѣлъ, какъ Хвостовъ вылѣзъ изъ повозки и сталъ всходить на крыльцо— медленно, тихо, съ трудомъ передвигая ноги... Рука на перевязкѣ и самъ-то блѣдный, видимо больной...

— Наконецъ-то пожаловалъ, гость дорогой!—воскликнулъ князь Василій, обнимая Хвостова.—Гдѣ ты запропалъ? И что съ тобою сталось? Что у тебя съ рукой?

— Погоди, не спрашивай! Все самъ разскажу!—угрюмо отвѣчалъ князю Хвостовъ, освобождаясь, при помощи прислуги, отъ дорожнаго платья, и осторожно оправляя перевязку.

Князь Василій не рѣшился далѣе разспрашивать, и повелъ Хвостова къ княгинѣ, которая приняла его съ распростертыми объятіями.

— Да что съ тобою, батюшка?—сказала она, участливо заглядывая ему въ лицо.—Вѣдь на тебѣ лица нѣтъ!.. И рука тоже... Ужъ ты не дрался ли съ кѣмъ, по нынѣшнему обычаю, на поединкѣ?

— Нѣтъ, матушка-княгиня, не угадаешь и не повѣришь, коли я тебѣ скажу...

— Ну, ну, говори скорѣе!

Хвостовъ наклонился къ княгинѣ и сказалъ на ухо въ полголоса:

— У тальянской чертовки въ рукахъ побывалъ! Еле ноги уволокъ...

Княгиня такъ и всплеснула руками, а Хвостовъ во всей подробности разсказалъ ей и князю Василію о томъ, какъ онъ побывалъ у «чертовки» въ Нѣмецкой слободѣ, какъ началъ съ нею объясняться—и чѣмъ ихъ объясненіе окончилось.

— Ахъ она злодѣйка! Ахъ, безбожница! — кипятилась княгиня. Да я бы ее на твоемъ мѣстѣ въ тартарары упрятала!.. Да я бы...

— Матушка-княгиня! — отвѣчалъ ей Хвостовъ, — я вѣдь и самъ не промахъ! И самъ бы спуску не далъ... Да руки коротки! Домой вернувшись, я свѣту Божьяго не взвидѣлъ — такая злоба

на нее, проклятую, одолѣла! И думаю: постой! Я проучу тебя по-свойски! Я съ тобою такъ поговорю, какъ ты и сама не ожидаешь. Да два-три дня спустя, подъ вечеръ, собралъ съ десятокъ псарей, взялъ съ собою Сережку Лютого, приказалъ имъ захватить съ собою плетей, да, въ полночь самую, къ ней и нагрянулъ, изъ-за Яузы черезъ садъ... Изъ сада смотримъ—свѣта въ окнахъ нѣтъ! Подкрались, словно воры, взобрались на крылецъ, толкнулись въ дверь—дверь отперта! Вошли—тихохонько вздули огня—туда-сюда—все пусто—никого! Обшарили всѣ комнаты—нигдѣ ни души живой; и все-то поброшено, раскидано и съ мѣста сдвинуто—ну, словно, Мамай воевалъ! Жилымъ даже не пахнетъ...

— Чтожъ это значитъ?... Гдѣжъ она?—съ изумленіемъ спросили Хвостова и князь, и княгиня.

— Ктожъ ее знаетъ? Осмотрѣвъ всѣ мышьи норы, мы обошли весь садъ, подъ каждый кустикъ заглядывали, подъ каждое деревцо... И, ничего не разыскавъ, такъ и ушли, не солоно хлѣбавши. Я на другой день не вытерпѣлъ... Поѣхалъ въ слободу; разыскивалъ, разспрашивалъ, и ото всѣхъ услышалъ одинъ отвѣтъ—сгинула, молъ, и безъ вѣсти пропала.

Едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ что-то, въ сосѣдней комнатѣ, за дверью, грохнулось на полъ. Князь Василій, Хвостовъ и княгиня разомъ кинулись туда со свѣчами, и увидали князя Михаила, который лежалъ на полу, безъ голоса, безъ движенія; глаза его были широко открыты; легкія судороги подергивали его лицо; уста открывались беззвучно, силясь произнести какія-то никому не внятныя рѣчи.

Позвали людей, подняли князя Михаила, отнесли въ опочивальню, уложили въ постель... Онъ долго лежалъ пластомъ, недвижимъ, безмолвенъ. Наконецъ, его кое-какъ привели въ чувство.

— Безъ вѣсти... безъ вѣсти пропала! Пропала?!—закричалъ онъ вдругъ дикимъ, страшнымъ, раздирающимъ голосомъ, и зарыдалъ...

Судороги возобновились съ новою силою; припадокъ длился долго—и закончился новымъ бредомъ...

— Плохо! Вѣдь онъ слышалъ!—шепнулъ князь Василій Хвостову.

— Ничуть не плохо,—отвѣчалъ Хвостовъ спокойно.—Конецъ вѣдь тутъ одинъ—а такъ-то къ концу, пожалуй ближе...

XIII.

„По батюшкѣ пошелъ“.

На другой день утромъ, князь Михаилъ не вставалъ съ постели:—у него явился жаръ и бредъ... Онъ то приподнимался на изголовьѣ и оглядывалъ всю комнату кругомъ мутными, безсмыс-

леными очами, какъ бы отыскивая кого-то и произнося въ полголоса: «Джулія! Джулія!»—и къ этому имени онъ прибавлялъ нѣсколько безсвязныхъ словъ по-русски или по-итальянски... То вдругъ вскакивалъ съ постели, метался во всѣ стороны, рвался изъ рукъ людей, которые его старались уложить и дикимъ, страшнымъ голосомъ кричалъ:

— Кровь! Кровь! Лови—держи его! Онъ убилъ, убилъ ее!

То вдругъ, не поднимая головы отъ изголовья, онъ начиналъ горько рыдать, произнося почти шопотомъ:

— Бѣдненькая!.. Утопили... Тамъ надо искать—въ омутѣ... подъ мельницей!

Потомъ впадалъ въ безсознательное состояніе и цѣлые дни лежалъ недвижимый, мертвенно блѣдный, не произнося ни звука, не подавая почти никакихъ признаковъ жизни. Докторъ-нѣмецъ, привезенный княземъ Василіемъ изъ Москвы, почти не отходилъ отъ постели князя Михаила, и когда его спрашивали—выживетъ ли князь? онъ отвѣчалъ, покачивая головой:

— Князь очень плохій! Не можетъ выживайть.

И долгіе, безконечно долгіе дни страшной болѣзни тянулись вялой чередой, всѣхъ держа въ тревогѣ, въ страхѣ, въ непрерывномъ безпокойствѣ за участь несчастнаго князя Михаила...

Особенно сокрушалась старая княгиня. Просиживая цѣлые дни и ночи у постели сына, она безпрестанно плакала и въ слезахъ причитала:

— Голубчикъ! Милый! Желанный мой! Это я—я тебя загубила своей суровостью. Я тебя въ гробъ свела! Послушалась недобраго человѣка—вотъ и кайся, и казнись весь вѣкъ свой... Ахъ, Господи, Господи! Прости, сохрани мнѣ его—мое дитятко безталанное!

И она бросалась на колѣни передъ образомъ и слезы ея и причитанія заканчивались горячею, долгою молитвою, которая нѣсколько успокоивала княгиню.

Такъ прошло двѣ-три недѣли. Недугъ, овладѣвшій княземъ Михаиломъ—страшная нервная горячка—крѣпко держалъ его въ своихъ когтяхъ, на волосокъ отъ смерти. Докторъ-нѣмецъ все продолжалъ покачивать головой, приговаривая:

— Не будетъ выживайть!

Больной попрежнему метался, бредилъ, бился въ постели—и потомъ затихалъ на нѣсколько часовъ, даже на нѣсколько дней, какъ бы замирая; но смерть не приходила...

Наконецъ, наступилъ переломъ болѣзни. Появились кое-какіе признаки несомнѣннаго улучшенія въ общемъ состояніи больного; однакоже сознаніе возстановлялось чрезвычайно туго и медленно... Князь Михаилъ никого не узнавалъ, путалъ имена, затруднялся въ подборѣ словъ и какъ-то странно замѣнялъ однѣ слова другими... Потомъ выздоравленіе пошло даже и очень быстро: больной сталъ

оправляться, жадно ѣсть и пить, сталъ вставать съ постели и бродить по комнатѣ, поддерживаемый подъ руки слугами. Но голова его не работала: пониманіе не развивалось, рѣчи были лишены всякаго смысла, во взорѣ, тупомъ и мутномъ, не свѣтилась искра Божія...

Докторъ-нѣмецъ не радовался выздоровленію князя Михаила:— онъ все покачивалъ головой и говорилъ:

— Очень плохій! Онъ теперь будетъ выживайть, но не будетъ понимайть.

— Вретъ нѣмецъ, завирается!—утѣшала себя княгиня.—Теперь уже всякому видно, что дѣло на ладъ пошло. Вѣстимо, голова у него не въ порядкѣ... Да мудрено ли, послѣ этакой болѣзни! Авось Богъ милостивъ!

Но дни шли за днями—недѣли за недѣлями... Докторъ-нѣмецъ былъ отпущенъ въ Москву, щедро награжденный и деньгами, и всякимъ деревенскимъ запасомъ, такъ какъ князь Михаилъ совсѣмъ оправился, хотя и впалъ въ какое-то странное дѣтство: игралъ тряпочками и пуговками, собиралъ веревочки и палочки и продолжалъ объясняться на какомъ-то условномъ языкѣ, на которомъ дорога называлась простынею, а лѣстница—ширинкою.

Княгиня и всѣ окружающіе ея привыкли къ этому дѣтскому, странному лепету князя Михаила, умѣли понимать его и угождать ему—и все ждали, что вотъ-вотъ онъ исцѣлится окончательно отъ своего недуга, забудетъ свою «чертовку», о которой, кстати сказать, не было ни слуху, ни духу—и тогда всѣ въ Братовщинѣ заживутъ по старому. Среди всѣхъ этихъ тревогъ и ожиданій наступили Рождественскіе святки. Обширная княжеская родня съѣхалась въ Братовщину, цѣлыми семьями, со слугами и приживалками, съ шутами и дурками. Домъ наполнился шумомъ обычнаго праздничнаго веселья, въ которомъ дѣти князя Михаила принимали самое усердное участіе. Особенно бывало весело по вечерамъ, когда молодежь принималась за гаданья и подблюдныя пѣсни, а потомъ переходила къ обычнымъ святочнымъ играмъ. Въ промежуткахъ между играми и пѣснями, выступали на средину комнаты шуты и дурки, въ колпакахъ съ побрякушками, въ полосатыхъ курткахъ и юпахъ—кривлялись, кувыркались, стегали другъ друга мочальными батожками, прыгали кругомъ комнаты на одной ногѣ, то припѣвая, то приговаривая свои глупыя пѣсни и прибаутки... Князь Михаилъ обыкновенно въ это время уже спалъ; шумъ святочнаго веселья, изъ теплыхъ сѣней, черезъ двѣ комнаты, не долеталъ въ его опочивальню, и молодежь, руководимая старшими, шумѣла и веселилась на славу.

Въ послѣдній день святокъ, въ канунъ Васильева вечера, княгиня разрѣшила и всѣмъ дворовымъ «рядиться».

— Вотъ погодите, дѣтки,—еще съ утра говорила всѣмъ своимъ

молодымъ гостямъ княгиня.—Сегодня, какъ станемъ олово лить, воскъ топить, пѣтуха зерномъ кормить—нагрянутъ къ намъ всякіе ряженые: станутъ пѣсни играть, и потѣшать васъ настоящею русскою пляскою, какъ у насъ, въ нашихъ княжескихъ хоромахъ въ старину плясывали. Не то, что нонче... Да придетъ къ намъ съ этими ряжеными старый дѣдъ-сказочникъ—ужъ такой-то забавный... Вы всѣ, его слушавши, со смѣху помирать станете...

Молодежь съ нетерпѣніемъ ожидала вечера — и чуть только вздули огонь, собралась веселою гурьбою въ теплыхъ сѣняхъ. Въ одномъ углу, дѣвицы Хвостовы и Квашнины—лили воскъ и олово въ воду и, вынувъ слитки, смотрѣли на ихъ тѣнь на стѣнѣ. При этомъ, спорамъ не было конца, и эти споры какъ нельзя болѣе напоминали извѣстую сцену между Гамлетомъ и придворными.

— Могила вышла:—вотъ и крестъ, и холмикъ, и теремокъ кругомъ могилы, и деревцо...

— Ахъ, что ты это выдумала? Откуда взяла?—перебивала угадчицу другая дѣвица.—Совсѣмъ не крестъ и могила, а свадебный поѣздъ! Вотъ поѣзжане на саняхъ—одни сани, другія сани—а тутъ дружка верхомъ на конѣ скачетъ.

— Ахъ, Богъ ты мой!—вступилась княжна Голицына, дочь князя Михаила.—Ну, гдѣ вы все это видите? Ни креста, ни могилы, ни поѣзда—а хороводъ дѣвки водятъ! Вотъ одна въ серединѣ кружится...

Въ то же время, въ другомъ углу, мужчины, собравшись около князя Василія и Хвостова, толковали между собою о службѣ, о чинахъ, о новыхъ порядкахъ, нравахъ и модахъ, которыя стали къ намъ проникать со вступленія на престолъ императрицы Анны Іоанновны.

— Нѣмецъ вездѣ сталъ насѣдать и всѣхъ заѣдать!—ворчалъ одинъ изъ сосѣдей, недавно вернувшійся со службы изъ Петербурга.—Русскому человѣку нѣтъ нигдѣ ни пути, ни проѣзду...

— Кругомъ государыню осѣтили! Имъ больше ходу теперь, чѣмъ при блаженной памяти государѣ Петрѣ Алексѣевичѣ,—добавлялъ другой собесѣдникъ, прихлебывая изъ старинной чарки неподслащенную наливку.—А теперь, какъ этотъ конюхъ забралъ все въ руки...

— Ну, братъ Иванъ Михайловичъ!—замѣтилъ ему Хвостовъ.—Не очень распускай языкъ-то! Вездѣ есть уши... А если доведутъ до начальства твои рѣчи...

Но онъ не успѣлъ окончить назиданья... На крыльцѣ, съ надворья, послышалась музыка—странная, дикая. Звуки гудка сливались съ переливами рожковъ и гуломъ мѣдныхъ тазовъ и заслонокъ, въ которыя били голиками и долбежками. По временамъ, эту музыку заглушали голоса дворовыхъ, которые старались подражать лаю собакъ, мяуканью кошекъ и реву медвѣдя...

— Ряженые! Ряженые идутъ! — закричали сѣнныя дѣвушки, суетясь и бросаясь во всѣ стороны. — Матушка-княгиня! Прикажешь ли принять? На крыльцѣ, за дверьми стоятъ, на морозѣ!

— Ну, пусть войдутъ! Пообогрѣются!—милостиво разрѣшила княгиня Марья Исаевна.

Всѣ отхлынули отъ дверей, выходившихъ на крыльцо; двери распахнулись настежь, и, среди легкихъ облаковъ пара, ряженые чинно и степенно стали входить въ сѣни, кланяясь въ поясъ матушкѣ-княгинѣ. Кого только тутъ не было! И медвѣдь съ повадыремъ, и коза съ бубномъ, и журавль съ долговязой шеей, и татаринъ въ косматой шапкѣ, и карлики въ харяхъ, и вѣдьма на помелѣ! А впереди-то всѣхъ старый дѣдъ съ длинной-предлинной посконной бородой, съ рѣзной клюкой да съ волынкой въ рукахъ...

Подошелъ онъ къ старой княгинѣ, и сказалъ ей на распѣвъ:

— Спасибо тебѣ, государыня-матушка, что не дала ты намъ на дворѣ мерзнуть—пустила насъ въ теплыя сѣни душу пообогрѣть. Бью тебѣ за это челомъ до сырой земли!

И ударилъ передъ княгинею земной поклонъ.

— Что прикажешь, матушка, холопямъ твоимъ? Чѣмъ тебя потѣшить велишь? Пѣсню ли спѣть, аль сплясать, аль на гудочкѣ съиграть—али сказку сказать?

— Сказку! Сказку! — закричала молодежь со всѣхъ сторонъ.— Сплясать ряженые и послѣ могутъ!

Дѣдъ поклонился въ поясъ, затѣмъ обернулся къ ряженымъ, махнулъ имъ клюкой и крикнулъ громко:

— Эй, вы, меньшая братія,—вѣдьма съ кикиморой, коза-дереза, журавь долговязый, Таптыгинъ Михайлушка и вся прочая братія, садитесь въ кружокъ моей сказки слушати! А послѣ той сказки дойдетъ и до пляски!

Когда ряженые усѣлись въ кружокъ на полу, старый дѣдъ оперся на клюку и, мѣрно покачивая головою изъ стороны въ сторону, сталъ свою сказку сказывать.

«Не бурные вихри со концовъ свѣта бѣлого подымалися, не метелица во чистомъ полѣ курилася, сказка русская стародавняя начиналася... Начиналася, заводилася, словно нить шелковая изъ клубка развивалася... Начиналась отъ сивки отъ бурки, отъ вѣщаго каурки, до насъ изъ-за моря синяго, изъ-за тридевяти земель доносилася — въ тридесятое наше царство свѣтло-русское. А въ нашемъ-то царствѣ, въ Рассейскомъ государствѣ, жилъ да правилъ въ ту пору князьями грозный царь Махмудъ. И вздумалось тому царю Махмуду со всего Рассейскаго государства собрать дань нарочитую — не златомъ, не серебромъ, а красными дѣвицами. Кликнулъ онъ кличъ ко князьямъ, ко боярамъ, приказалъ имъ сказать: «везите ко мнѣ со всѣхъ мѣстъ дочерей-дѣвокъ въ жены и въ наложницы, а не то—мой мечъ, а ваша голова съ плечъ!» Стали думать князья и

бояре думушку крѣпкую; думали-думали—да ничего-то и не придумали! Какъ никакъ, а приходится везти дочекъ грозному царю Махмуду на потѣху... Одинъ только князь Маломахъ Твердиславичъ рязанскій заортачился; говоритъ:—везите, коли хотите, на то есть ваша воля вольная, а я свою доченьку милую, свою Дарьюшку разлюбезную, свезу лучше въ Муромскіе лѣса̀, дивьимъ звѣрямъ на растерзанье, не чѣмъ царю Махмудкѣ на потѣху!»

Сказочникъ пріостановился на минуту въ своемъ разсказѣ, обвелъ глазами всѣхъ дѣвицъ, которыя видимо были заинтересованы участью Дарьюшки, и, глубокомысленно погладивъ бороду, продолжалъ:

«Князь Маломахово слово твердо—сказалъ, такъ на немъ хошь теремъ строй. Взялъ онъ дочку съ собою и повезъ въ лѣса Муромскіе... Долго ли, коротко ли они ѣхали, только въ такую глушь заѣхали, куда и вoронъ костей не занашивалъ... И въ той глуши, въ самой трущобинѣ, стоитъ избушечка—ветхая, преветхая, вся мохомъ проросла... Вошли они въ избушечку — а тамъ смрадъ да грязь. Дарьюшка тотчасъ ту избушку вымыла, выскребла, въ уголку образокъ повѣсила, передъ образкомъ лампадочку затеплила, да и сѣла въ углу подъ образомъ. А князь Маломахъ съ дочкой прощается, оставляетъ ей запасу на недѣлю, приговариваетъ:—«живи тутъ, не горюй, да молись Богу;—авось мы съ тобой бѣды избудемъ! Черезъ недѣлю, коли живъ буду, сaмъ у тебя побываю.» Сѣлъ на конь да и былъ таковъ; и осталась Дарьюшка въ избушечкѣ одинешенька. Насталъ вечеръ; стемнѣлося... Ужъ и спать бы пора, да сонъ-то Дарьюшкѣ и на умъ нейдетъ! Страхъ ее такой разбираетъ, что и сказать нельзя. По лѣсу-то отъ вѣтра гулъ идетъ, деревья межъ собою перешептываются, а въ трубѣ-то словно голоса какіе воютъ, заливаются... Прижалась Дарьюшка къ стѣночкѣ, въ тѣлогрѣюшку закуталась—твердитъ про себя молитву, еле жива отъ страха... И вотъ,—въ самую-то полночь, слышитъ она, что къ избушкѣ чей-то конь бѣжитъ, подъ нимъ земля дрожитъ; подбѣжалъ къ избѣ: — съ него кто-то спѣшился и пошелъ къ избѣ, грузно переступаючи, словно медвѣдь къ берлогѣ по валежнику. Подошелъ — разъ въ дверь стукнулъ—изъ оконъ стекла посыпались; другой разъ стукнулъ—съ избяной кровли драницы попадали; третій разъ стукнулъ—дверь нà-полы разсѣлась....»

Какъ разъ въ этомъ мѣстѣ разсказа, когда всѣ притаили дыханіе, и ожидали чего-то необычайнаго, кто-то вдругъ рванулъ изо всей силы дверь во внутренніе покои — дверь распахнулась настежь, и князь Михаилъ, небритый, нечесаный, въ одномъ исподнемъ бѣльѣ, съ дикимъ хохотомъ выбѣжалъ въ сѣни. Всѣ дѣвицы и сѣнныя дѣвушки въ ужасѣ вскочили съ своихъ мѣстъ и съ визгомъ бросились въ разсыпную, кто куда; а онъ, ни на кого не обращая вниманія, смѣясь и кривляясь, пошелъ кружиться и вы-

плясывать среди ряженыхъ и гостей, безъ умолку бормоча какія-то безсмысленныя рѣчи и припѣвая:

«Ай, жги, жги—говори!
«Комарики-мухи, комары»...

Въ первую минуту всѣ онѣмѣли и растерялись. Но княгиня нашлась первая:

— Князь Василій! Степанъ Максимовичъ!—Эй!—Люди! Уведите князя Михаила!—крикнула княгиня, поднимаясь съ своего мѣста.

Къ несчастному князю подскочили, подхватили его подъ руки и повели изъ сѣней въ его опочивальню. Онъ сопротивлялся, вырывался изъ рукъ у людей, все продолжая весело смѣяться и бормотать себѣ подъ носъ какую-то безсмысленную чепуху и подпѣвать:

«Ай, жги, жги—говори»...

Наконецъ съ нимъ кое-какъ справились, угомонили его и увели... Тогда Марья Исаевна не выдержала: всплеснувъ руками, она закрыла ими лицо и произнесла глухимъ, дрожащимъ голосомъ:

— Господи, Боже мой! Что мнѣ съ нимъ дѣлать? Вѣдь и онъ тоже по батюшкѣ пошелъ!... Ужели и съ нимъ еще цѣлую жизнь маяться!...

XIV.

Заботы его сіятельства.

Домъ московскаго генералъ-губернатора графа Семена Андреевича Салтыкова, по выраженію одного изъ современниковъ, уподоблялся «нѣкоему улью». Съ утра и до поздней ночи въ пріемной этого дома толпились люди всякаго званія и самыхъ различныхъ слоевъ общества; въ канцеляріи постоянно кипѣла непрерывная работа; во дворъ дома, огражденный со стороны улицы массивною рѣшоткой, то и дѣло въѣзжали ѣздовые верхами, колымаги, коляски и кареты; въ сѣняхъ стоялъ цѣлый полкъ графскихъ гайдуковъ и холопей, и всякихъ вѣстовыхъ, разсыльныхъ и слугъ; по лѣстницамъ и коридорамъ не прекращалась во весь день суетливая бѣготня и снованье взадъ и впередъ разныхъ служащихъ, которые съ озабоченными лицами перебѣгали изъ конца въ конецъ дома съ порученіями графа и съ бумагами, на ходу сообщая другъ другу о текущихъ дѣлахъ или передавая свѣжія новости. Отсюда, какъ изъ центра современной московской жизни, эти новости передавались во всѣ углы и закоулки Бѣлокаменной.

Душею всей этой суетливой, шумной и дѣятельной жизни былъ самъ Семенъ Андреевичъ Салтыковъ — родственникъ императрицы (со стороны матери), человѣкъ весьма тонкій и умный, и притомъ удостоенный величайшаго довѣрія со стороны императрицы. Постоянно подвижной, неутомимый и предпріимчивый,

Салтыковъ обладалъ особеннымъ умѣньемъ угодить государынѣ удивительно-точнымъ и быстрымъ выполненіемъ разнообразныхъ порученій ея величества, которыя способны были бы поставить втупикъ и сбить съ толку всякаго другого, менѣе опытнаго въ житейскихъ дѣлахъ человѣка. Но Семена Андреевича мудрено было сбить съ толку! Сегодня государыня писала ему, чтобы онъ отыскалъ въ Москвѣ «персоны ея батюшки и матушки, поясныя, писаны въ корунахъ» — и Семенъ Андреевичъ наводилъ справки, разузнавалъ и розыскивалъ. На завтра получалась цыдулка о томъ, чтобы «изъ дому Власовой сестры выслать тетушкинъ сундучокъ съ письмами ея амурными» — и Семенъ Андреевичъ высылалъ сундучокъ. Затѣмъ получалось приказаніе «купить на Петровскомъ кружалѣ скворца, который такъ хорошо говоритъ, что всѣ люди останавливаются и его слушаютъ» — и Семенъ Андреевичъ покупалъ скворца и высылалъ въ Петербургъ. За «скворцомъ» слѣдовали непрерывнымъ рядомъ порученія о высылкѣ «деревянныхъ игрушекъ для шутовъ» или «восковыхъ сточекъ сдѣланныхъ кораблями», или о покупкѣ собольихъ и лисьихъ мѣховъ, о розысканіи аргамаковъ, выведенныхъ изъ Персіи, объ опредѣленіи различныхъ приживалокъ на кормленіе при монастыряхъ, о раздачѣ билетовъ на придворную лотерею между чиновными и должностными людьми... И Семенъ Андреевичъ все покупалъ, пріискивалъ, пріобрѣталъ, помѣщалъ, раздавалъ! И на все его хватало!..

Но въ послѣднее время и на него стряслась бѣда, и бѣда не малая: онъ неугодилъ герцогу Бирону. Герцогъ поручилъ ему выслать для своего двора двухъ громадныхъ гайдуковъ изъ подмосковныхъ крестьянъ Юсупова; гайдуки не захотѣли ѣхать въ Петербургъ, оказали сопротивленіе присланной за ними командѣ, и одинъ изъ нихъ ушелъ въ бѣги... Прослышавъ объ этомъ, герцогъ прогнѣвался на Семена Андреевича и его гнѣвъ отзывался недовольствомъ императрицы, которое высказывалось во всѣхъ ея письмахъ и цыдулахъ то замѣчаніями, то выговорами, то напоминаніями о такихъ неисправностяхъ въ управленіи дворцовыми имѣніями, которыя Семенъ Андреевичъ не могъ ни устранить, ни предупредить... Все это крайне огорчало стараго графа, который привыкъ вѣрить въ свое умѣнье угодить государынѣ и рѣшительно начиналъ теряться въ измышленіи того, что̀ могло быть пріятно и угодно ея величеству, опасаясь окончательно впасть въ немилость...

— Ну, что! Какъ нынче нашъ старикъ? Повеселѣлъ ли! — спрашивали другъ друга служащіе въ домѣ Салтыкова, встрѣчаясь въ сѣняхъ или въ пріемной.

— Какое! Темнѣе тучи ходитъ! Говорятъ, вчера опять получена цыдула, да такая, что...

— Чтожъ такое? Новыя напасти, что ли?

— Никому не сказываетъ... А видно, что загвоздка хороша!.. Все ходитъ у себя по комнатѣ, да этакъ вотъ по лысинѣ-то гладитъ себя... А это ужъ, значитъ, плохо!

И дѣйствительно, служащіе были правы: Семену Андреевичу была изъ Петербурга задана такая мудреная задача, которая способна была даже и его поставить втупикъ. Вчера онъ получилъ письмо отъ Бирона, съ нарочнымъ и съ требованіемъ отвѣта въ теченіе двухъ сутокъ—не ужиналъ, ночь плохо спалъ, съ утра не принималъ никого изъ просителей и все ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету, поглаживая себя ладонью по лбу и передумывая какую-то мудреную думу.

— «Загануни загадку!»—думалъ Салтыковъ, грузно шагая изъ угла въ уголъ кабинета. «Такую загадку—что и семь мудрецовъ не разгадаютъ! Пишетъ его свѣтлость, что государынѣ всѣ ея нонѣшніе шуты понадоѣли—и Лакоста, и Балакиревъ, и Волконскій— и приказываетъ въ Москвѣ такого дурака сыскать, который бы всѣхъ этихъ шутовъ побѣдилъ... А гдѣ такого-то сыскать!? Вѣдь и Балакиревъ, и хотя бы Лакоста этотъ—вѣдь это изъ шутовъ такая выжига, какой и не сыскать другой... Вѣдь они кого угодно присрамятъ—и съ ними тягаться кому же подъ силу?... А и они, вишь, надоѣли!

И онъ, пріостановившись на минуту у окна, выходившаго на дворъ, задумался, все потирая лобъ ладонью и какъ бы стараясь что-то припомнить.

— «Кажется, всю Москву-то нонѣшнюю наизусть знаю!»— продолжалъ думать Салтыковъ, вновь принимаясь шагать взадъ и впередъ по кабинету;—«всю подноготную въ каждой семьѣ вижу, а ничего-то подходящаго припомнить не могу... У Апраксиной графини — два шута; у Чернышевой—дуракъ-горбунъ; у Дашковой Прасковьи Даниловны—три карлицы забавныхъ; у Бутурлиныхъ— старуха-говоруха; у Василья Абрамовича Лопухина шутъ-старикъ, хромой, на гусляхъ гораздъ играть... Все это дрянь! Все никуда негодно! Куда имъ до Лакосты и Балакирева! Ахъ ты, Господи! Царица Небесная, вразуми, какъ мнѣ земной царицѣ угодить, чтобы... чтобы»...

И старикъ волновался, и ломалъ себѣ голову надъ неразрѣшимой задачей, стараясь придумать и подыскать хоть какой-нибудь приличный выходъ изъ своего затруднительнаго положенія. Но выходъ не подыскивался; Семенъ Андреевичъ сердился и обрушался съ своимъ безсильнымъ старческимъ гнѣвомъ на адъютанта и секретаря, которые то-и-дѣло заглядывали въ кабинетъ, докладывая о новыхъ лицахъ, являвшихся въ пріемную генералъ-губернатора.

— Сто разъ вамъ говорить! — кричалъ Салтыковъ, топая ногами, обутыми въ теплые бархатные сапоги.—Никого не принимать! Всѣхъ гнать! Всѣхъ!! Некогда мнѣ — и вся недолга!

Адъютантъ и секретарь уходили въ смущеніи и недоумѣніи; а старый сановникъ опять принимался передумывать свои мудреныя думы.

— «Одно осталось!» говорилъ онъ, разсуждая самъ съ собою. «Къ его свѣтлости писать—просить, чтобы предстательствовалъ онъ за меня предъ государыней! Да бить ему челомъ, чтобъ не побрезгалъ—принялъ отъ меня гостинецъ... двухъ жеребцовъ заводскихъ турецкой крови... Больно хороши! себѣ въ утѣху берегъ и соблюдалъ... Да что ужъ тутъ будешь дѣлать?»..

И Семенъ Андреевичъ, принявъ это рѣшеніе, засѣлъ за свой письменный столъ, на которомъ уже съ утра былъ разложенъ большой листъ толстой синей голландской бумаги; на этой бумагѣ графъ велъ всю свою кореспонденцію съ высокопоставленными лицами. Засѣлъ, взялся за перо и рукою опытнаго дѣльца вывелъ слѣдующія строки:

«Пресвѣтлѣйшій князь и герцогъ, милостивѣйшій государь! Ваше высококняжеское свѣтлѣйшество милостивѣйшимъ писаніемъ удостоить меня соизволили, которое со всеусердною радостью и рабственнымъ почтеніемъ получить сподобился»...

Семенъ Андреевичъ пріостановился, общелкнулъ перо о столъ, потеръ себѣ лобъ, и продолжалъ:

«Въ ономъ писаніи, по свойственному милосердію вашего высококняжескаго свѣтлѣйшества, а особливо не по достоинству и не по заслугамъ моимъ, ко мнѣ направленномъ, свысокоснисходительную монаршескую милость ко мнѣ являть изволите»...

Но потокъ канцелярскаго краснорѣчія на этихъ словахъ былъ вновь прерванъ. Дверь пріотворилась на половину и изъ-за нея осторожно выставилась голова и плечи адъютанта, который произнесъ въ полголоса:

— Къ ва... вашему сіятельству...

— Гнать!.. Сказано — не принимаю!—проговорилъ Салтыковъ, не оборачиваясь и не отрывая глазъ отъ строкъ своего посланія къ его свѣтлости.

— И гнали—и говорили, какъ приказано!—съ волненіемъ проговорилъ адъютантъ.—Да не уходитъ—и еще грозится...

— Грозится?!. Кто же онъ такой? — не безъ удивленія спросилъ Салтыковъ, поднявъ голову и взглядывая на адъютанта.

— Грозится, ваше сіятельство. Всѣ, говоритъ, въ отвѣтѣ будете, коль его сіятельство меня не приметъ... потому мнѣ нужно по тайнымъ дѣламъ...

— По тайнымъ? Да звать-то какъ его?

— Не знаемъ, ваше сіятельство,—не сказываетъ...

— Ну, такъ зови его! Да двухъ сержантовъ за дверьми по-

ставь — и самъ не отходи отъ двери! Коли этотъ нахалъ явился съ пустякомъ—я подъ арестъ его... Чтобы помнилъ!—серьезно проговорилъ Семенъ Андреевичъ, поднимаясь изъ-за стола и готовясь встрѣтить назойливаго посѣтителя нешуточною грозою.

Черезъ минуту въ кабинетъ вошелъ Хвостовъ, тщательно приперъ за собою дверь и, прежде, чѣмъ графъ успѣлъ разинуть ротъ проговорилъ съ поклономъ:

— Шута изволите искать, ваше превосходительство, для ихъ высокогерцогской свѣтлости?

Салтыковъ посмотрѣлъ на Хвостова во всѣ глаза и отъ изумленія не могъ выговорить ни слова.

— Есть на примѣтѣ одинъ,—продолжалъ Хвостовъ,—и должно чести приписать: такого забавнаго и въ записныхъ-то дуракахъ на рѣдкость отыскать...

— Да гдѣ же онъ? И у кого онъ былъ въ шутахъ? Я всѣхъ шутовъ здѣсь знаю!—сердито перебилъ Салтыковъ.—Да и откуда ты узналъ, что шутъ мнѣ нуженъ? И кто ты самъ таковъ?

— Я изъ дворянъ московскихъ — Хвостовъ Семенъ. Изъ Питера благопріятелемъ и милостивцемъ на счетъ шута оповѣщенъ... А того шута вашему превосходительству негдѣ было и видѣть— потому онъ дуракъ природный и живетъ въ своихъ помѣстьяхъ...

— Да кто же это? Изъ какихъ онъ?—съ нетерпѣніемъ заговорилъ Салтыковъ.

— Изъ Голицыныхъ князей. Михайло княжъ Алексѣевъ сынъ— что въ Вратовщинѣ живетъ? Онъ и по отцу-то придурковать родился — а тутъ еще его одна чертовка тальянская испортила, и совсѣмъ онъ оглупѣлъ — и такой-то забавный сталъ... Весь день поетъ и пляшетъ, и прибаутки всякія сказываетъ, и городитъ всякій вздоръ безъ умолку... Домашнимъ-то онъ обуза превеликая, а для его свѣтлѣйшества или для высочайшей персоны на забаву весьма пригоденъ!..

— Да гдѣ же его взять? Гдѣ его увидѣть поскорѣе! — заторопилъ Хвостова Салтыковъ.

— Здѣсь, ваше превосходительство! Въ колымагѣ ожидаетъ.... Прикажете: все свое умѣнье покажетъ сразу!

— Здѣсь?! Голубчикъ! Да давай его сюда! Давай скорѣе—и если погодится, проси, чего захочешь. Слышишь! Чего захочешь!

И старикъ засуетился, обрадованный неожиданнымъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія...

XV.

Новый рекрутъ.

Жестокій морозъ всесильно и невозбранно царилъ надъ просыпавшимся Петербургомъ, прикрывая его шапкою непроницаемаго тумана, среди котораго носились и сверкали въ воздухѣ какія-то иглы и блестки. Снѣгъ, толстымъ слоемъ застилавшій всѣ улицы столицы, звонко и рѣзко хрустѣлъ подъ полозьями саней и копытами рѣзво бѣжавшихъ коней, подгоняемыхъ страшною стужею. Пушистый иней покрывалъ деревья, стѣны домовъ, шубы и шапки прохожихъ и потные бока извозчичьихъ клячъ. Бѣлый паръ клубомъ валилъ изъ каждой пріотворенной двери жилья, изъ каждыхъ устъ открывавшихся для рѣчи,—даже изъ темныхъ прорубей во льду рѣкъ и каналовъ... Морозъ былъ страшный, не слыханный—какого давно уже не могли запомнить петербургскіе старожилы:—сказывали, что птица мерзла на-летў!.. Этотъ грозный бичъ во всей его губительной мощи испытывали на себѣ молодой парень ямщикъ и старый слуга, рядомъ сидѣвшіе на козлахъ низенькаго дорожнаго возка, который тройка почтовыхъ лошадей во весь духъ катила по Ямской улицѣ.

— Охъ, ба-ба-тюшка! Го-го-лу-у-бчикъ! Поскорѣй!—еле слышно бормоталъ изъ-за поднятаго воротника шубы съёжившійся на козлахъ старый слуга.—Чую—душа за-за-мерзать стала, охъ!

— Чего еще скорѣе!?—огрызнулся ямщикъ, потирая варежкой побѣлѣвшія щеки и кончикъ носа.—И такъ видишь, какъ мчатъ! Удержу нѣтъ!!

— Держи! Держи! правѣе!! Чортъ—лѣшій!—крикнулъ ямщику встрѣчный извозчикъ съ возомъ, дергая лошадь въ сторону.

— Держи? Самъ поди подержи! Ихъ таперь и у кабака не остановишь!

— Охъ, далеко ли?—стоналъ на ухо ямщику старый слуга.—Ей-ей—живого не довезешь—въ отвѣтѣ будешь!

— Полно врать, дѣдка! Доѣдешь! Тутъ ужъ не сто верстъ! Вотъ мимо Ивана Предтечи промахнемъ, по Невской першпективѣ завернемъ—къ старому Зимнему дворцу и подкатимъ... Вѣдь васъ къ старому везти приказано?

— Пошелъ, пошелъ живѣе!—послышался чей-то громкій голосъ изъ-за пріопущенной ставни возка.—Князь у меня совсѣмъ окоченѣлъ! Ну!! Не то шею накостыляю!

И ямщикъ нещадно стегалъ кнутомъ по всѣмъ по тремъ и безъ оглядки мчалъ по улицамъ Петербурга, гремя бубенцами и забрасывая комьями снѣга рѣдкихъ прохожихъ, пробиравшихся стороною улицы. Вотъ возокъ промчался по першпективѣ, переѣхалъ обширную снѣжную поляну, отдѣлявшую першпективу отъ басті-

оновъ Адмиралтейства и набережной, и подкатилъ къ воротамъ стараго Зимняго дворца. Ямщикъ, натянувъ вожжи изо всей силы, лихо осадилъ коней около самой гауптвахты. Изъ возка выскочилъ высокій и усатый сержантъ и, на вопросъ караульнаго офицера, отрапортовалъ ему:

— Отъ его сіятельства господина генерала и оберъ-шталмейстера графа Салтыкова къ ея императорскому величеству съ особымъ порученіемъ присланъ.

— Кого привезъ? — спросилъ караульный офицеръ, стараясь разсмотрѣть фигуру человѣка въ шубѣ, котораго старый слуга бережно высаживалъ изъ возка.

— Князя Михаила Алексѣевича Голицына, въ шуты ко двору ея величества, по изоустному указу государыни.

— Въ шуты?.. Ну, видно, еще мало ихъ! — смѣясь, замѣтилъ офицеръ.—Этотъ никакъ шестой будетъ? Проводи его, господинъ сержантъ, изъ воротъ направо, въ надворный флигель! Тамъ тебѣ покажутъ!..

Сержантъ отвѣчалъ! «слушаю-съ!» — подхватилъ подъ рукавъ шубы еле-живого князя Михаила, поддерживаемаго окоченѣвшимъ Сенькой, и потащилъ его подъ ворота дворца.

Пришлось «являть» привезеннаго князя Михаила сначала «гофмаршалу»; тотъ отправилъ пріѣзжихъ съ однимъ изъ пажей къ «гофъ-штабъ-квартирмейстеру», который долженъ былъ отвести новому шуту помѣщеніе въ одномъ изъ дворцовыхъ флигелей; гофъ-штабъ-квартирмейстеръ далъ пріѣзжимъ младшаго гофъ-фурьера въ провожатые съ словеснымъ приказаніемъ, по которому надлежало немедленно выдворить изъ какой-то комнаты двухъ поселившихся въ ней копіистовъ и отдать ее подъ помѣщеніе князю Михаилу. Но младшій гофъ-фурьеръ на полдорогѣ къ надворному флигелю сдалъ пріѣзжихъ на руки камеръ-лакею, вмѣстѣ съ распоряженіемъ о выдвореніи копіистовъ; а камеръ-лакей посовѣтовалъ сержанту завернуть въ придворную цалмейстерскую контору, въ которой надлежало занести князя Михаила въ штаты дворца и потребовать для него «повседневной ливреи». Исполнивъ эти формальности, камеръ-лакей передалъ сержанта и князя Михаила съ старымъ слугою на руки гайдуку и скороходу, которые, наконецъ, привели ихъ въ надворный флигель и вмѣстѣ съ распоряженіемъ оберъ-штабъ-квартирмейстера о копіистахъ передали истопнику Семену Осипову—мужчинѣ весьма солидной и важной наружности.

— Добро пожаловать, князь-государь!—съ насмѣшливой улыбкой обратился Семенъ Осиповъ къ князю Михаилу. — Копіистовъ для тебя выдворять не стану — они мнѣ пріятели; и безъ того съумѣю найти тебѣ коморку...

И онъ повелъ князя Михаила и Сеньку въ самый конецъ длиннаго коридора, отворилъ одну изъ дверей направо и ввелъ ихъ въ крошечную коморку, въ которой съ трудомъ помѣщалась кровать, стулъ и столъ, какъ въ казематѣ...

— Вотъ тебѣ твоя шутовская квартира, князь! — сказалъ Семенъ Осиповъ. — Прикажутъ тебѣ по заслугамъ лучше комнату дать — найдемъ и лучше! А пока ты своего умѣнья не показалъ и жалованья тебѣ не положено—поживешь и въ этой.

Князь Михаилъ и Сенька, довольные тѣмъ, что попали, наконецъ, въ теплую комнату, ничего не отвѣчали важному истопнику, и стали молча стаскивать съ себя тяжелое дорожное платье. Между тѣмъ, Семенъ Осиповъ, выйдя изъ коморки въ коридоръ съ сержантомъ, объяснилъ ему съ нѣкоторою снисходительною любезностью:

— Такъ ужъ у насъ заведено: по заслугамъ — и честь! Вѣдь у меня тутъ вся эта шутовская братья подъ командой... Всѣ въ здѣшнемъ флигирѣ живутъ. Ну, кто государынѣ угодитъ—того и содержимъ и трактуемъ лучше... Вотъ, хоть бы Волконскій князь Никита—тотъ съ собачкой ея величества няньчится, съ Цытринькой,—ну, тому и честь большая... Или вотъ еще шуту Педрилкѣ! Умёнъ ужъ очень онъ! А этотъ-то еще каковъ окажется? — Вѣдь на нее не сразу угодишь... Не ровенъ часъ! Не въ пору если подвернется этакій-то, она и не посмотритъ, что онъ князь—по своему проучитъ... Хе, хе! Вотъ завтра, какъ отъ обѣдни изволитъ шествовать—такъ мы его въ первую голову и выставимъ... потому, это все въ нашихъ рукахъ...

Сержантъ все это выслушалъ съ должнымъ вниманіемъ, отозвался съ похвалою о кротости и веселомъ нравѣ князя Михаила и, получивъ росписку «въ доставленіи его на мѣсто назначенія въ цѣлости и невредимомъ здравіи», поспѣшилъ удалиться.

Сержантъ, доставившій князя Михаила изъ Москвы въ Петербургъ, привезъ и государынѣ, и герцогу Бирону по письму отъ Салтыкова, который въ обоихъ этихъ посланіяхъ превозносилъ до небесъ шутовскія способности князя Михаила и хвалилъ его за добрый и покладливый нравъ. Прочитавъ письмо Семена Андреевича, государыня, которой съ утра нездоровилось, нахмурила брови и проговорила сквозь зубы:

— Посмотримъ, каковъ его хваленый шутъ? Скажите Осипову,—обратилась она къ окружающимъ,—чтобы онъ къ завтрему велѣлъ его въ банѣ выпарить да принарядить... И пусть представитъ мнѣ его на утреннемъ выходѣ, какъ пойду изъ церкви во внутренніе апартаменты.

Приказъ государыни былъ исполненъ въ точности. Голицына выпарили, въ тотъ же вечеръ пригнали на него «повсядневную

шутовскую ливрею василькового цвѣта съ желтымъ подбоемъ», взятую изъ гардероба старшаго шута Педрилы, и на другой день утромъ самъ Осиповъ принарядилъ его въ новый костюмъ, надѣлъ ему на голову голубой полосатый колпакъ съ побрякушками, изъ-подъ котораго опустилъ ему на плеча пудреные локоны парика...

— Ну, ты теперь шутъ хоть куда!—сказалъ покровительственнымъ тономъ Осиповъ.—Дай только я тебя подмоложу маленько...

И онъ подбѣлилъ ему лобъ, подрумянилъ щеки, подмазалъ губы яркою помадою; а князь Михаилъ стоялъ передъ нимъ какъ истуканъ, не произнося ни слова, ни звука, не шевеля бровью... На него напалъ тотъ молчаливый «стихъ», который часто наступалъ у него послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго періода веселой, обильной и неосмысленной болтовни, въ которой нескончаемыя прибаутки перемѣшивались съ пѣснями и поговорками, съ глупымъ дѣтскимъ хохотомъ и приплясываньемъ, съ отрывками и хвостиками какихъ-то отдѣльныхъ мыслей и сентенцій, нѣкогда вычитанныхъ изъ книгъ.

— Ну, теперь пойдемъ наверхъ, въ тѣ сѣни, гдѣ ужъ собрана вся ваша шутовская команда... Авось, посмотришь на веселую братію—и самъ повеселѣешь... Смотри только, князь — не ударь лицомъ въ грязь!

Князь Михаилъ ничего не отвѣчалъ и послѣдовалъ за Осиповымъ, который велъ его разными внутренними лѣстницами, коридорами и переходами и, наконецъ, ввелъ въ обширныя, свѣтлыя, стекольчатыя сѣни, примыкавшія къ церкви. Здѣсь, въ углу, около выходной двери, были чинно выстроены всѣ шуты, дурки и дураки, всѣ арапки, татарки, калмычки и калмычата, всѣ старухи, сидѣлицы, всѣ карлы и карлицы, всѣ уроды и монстры—какіе только входили въ составъ той «потѣшной команды», которая помѣщалась подъ смотрѣніемъ Осипова въ надворномъ флигелѣ стараго зимняго дворца. Тутъ была и сухощавая Дарья Долгая, и страшная баба-Материна, съ изуродованнымъ оспою лицомъ и выпученными глазами, и Афимья Горбушка, и вдова Мухорхина въ громадномъ чепцѣ съ накрахмаленной фолборой, и монахиня Александра Григорьева въ рваномъ подрясникѣ и засаленной скуфейкѣ.

Осиповъ вывелъ князя Михаила на середину сѣней и, указывая его всѣмъ, проговорилъ:

— Вотъ вамъ, братцы да сестрицы, залетная московская птица! Прошу любить да жаловать, да не очень баловать!

— Не бойсь! Обрубимъ носокъ—укажемъ шестокъ!—раздались со всѣхъ сторонъ голоса, среди сдержаннаго смѣха.—А, впрочемъ, здравствуй, князь знаменитый!

— Ему тутъ какъ разъ и мѣсто уготовано!—замѣтилъ въ полголоса Балакиревъ, смѣясь и осклабляя свой беззубый, старческій ротъ.—Мы съ Лакостою шуты старые, именитые, петровскіе; Педрило—тотъ по уму надъ нами старшій... А залетной-то московской птицѣ слѣдуетъ съ младшими шутами стать, съ князьями... Пониже Никиты Волконскаго, а повыше Алексѣя Апраксина... Хе! хе!

— Молчи, каторжный!—крикнулъ злобно Апраксинъ, замахиваясь на Балакирева своимъ шутовскимъ жезломъ.

— Ну, ну, не пыли, князь! Уймемъ по вчерашнему, коли ты насъ опять подъ выговоръ подведешь!—зашумѣло нѣсколько голосовъ изъ толпы, составлявшей шутовскую команду.

Апраксинъ злобно покосился на дюжіе кулаки, которыми ему со всѣхъ сторонъ грозили и, насупившись, подвинулся въ бокъ, чтобы очистить мѣсто Голицыну, который добродушно обвелъ глазами все собраніе, весело улыбаясь и со всѣми раскланиваясь, какъ старый знакомый.

— Да онъ, кажется, добрый малый?.. Смотрите-ка! Всему смѣется! Ни на чтò не гнѣвается!.. Намъ такого-то и давно бы надо было... Видно, въ Москвѣ дураковъ еще не початой уголъ!—сыпались со всѣхъ сторонъ остроты и насмѣшки.

— Цыцъ! Silence!! — крикнулъ вдругъ Педрило, настораживаясь и поднимая вверхъ скрипку. «Суйда идотъ наша Цезарина!»

Всѣ разомъ смолкли и вытянулись въ струнку, устремивъ взоры къ противуположному концу сѣней, изъ которыхъ двери выходили къ церкви. Эти двери отворились, и на порогѣ ихъ явилась женщина средняго роста, очень полная. и неуклюжесложенная. Она была одѣта въ великолѣпное гродетуровое платье перловаго цвѣта, обшитое широкими кружевами и украшенное на груди жемчужными нашивками и привѣсками. На темныхъ, непудренныхъ волосахъ ея, спускавшихся двуми локонами изъ-за ушей на ея полныя обнаженныя плечи, была приколота малая жемчужная корона; Андреевская цѣпь съ крестомъ украшала ея грудь, выставляясь изъ-подъ краевъ собольей накидки, прикрѣпленой алмазными аграфами къ рукавамъ платья. Шлейфъ государыни несли два камеръ-пажа; нѣсколько фрейлинъ и оберъ-гофмаршалъ слѣдовали за нею.

Кто-то изъ шутовской команды вздумалъ было заклохтать по-куриному; кто-то другой отозвался кудахтаньемъ, которымъ иногда шуты встрѣчали государыню; но изъ ея устъ вдругъ раздалось грозное:

— Молчать!—и вся шутовская команда замерла въ ожиданіи.

Тутъ только всѣ замѣтили, что императрица Анна подходила къ командѣ хмурая и сердитая.

Остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ и насупивъ темныя густыя брови, ея величество произнесла повелительно:

— Осиповъ! Представь мнѣ новаго рекрута.

Голицына подхватили подъ руки и подвели къ государынѣ. Не смущаясь ея недобрымъ взглядомъ, князь Михаилъ подошелъ развязно, опустился передъ государыней на колѣни, и ударилъ ей въ полъ челомъ, побрякивая бубенчиками своего дурацкаго колпака. Затѣмъ, онъ глянулъ ей прямо въ глаза, улыбаясь веселою, широкою улыбкою.

— Ты изъ какихъ Голицыныхъ? Изъ богатыхъ?—спросила его государыня, которая любила иногда озадачивать шутовъ неожиданными вопросами.

— Изъ богатыхъ богачей... Для казны не хватало ключей... Свезли мы ее въ село—да село-то пожаромъ въ кучу свело!

— Что же ты не тушилъ? Зачѣмъ свою казну проспалъ?

— Я, государыня, за веревкой побѣжалъ, въ огонь полѣзъ—казну веревкой обмоталъ! Раза—два-три—оборвалась! Коротка показалась... Сталъ надвязывать—а на самомъ кожи не осталось! Видишь, твой кафтанъ надѣлъ, потому свой у меня сгорѣлъ!

Государыня выслушала весь этотъ вздоръ милостиво; сердитая морщина на лбу разгладилась.

— Что же ты не просишь на погорѣлое! — сказала она, не спуская глазъ съ Голицына.—Я вѣдь—милостива! Велю тебѣ выдать алтына съ три...

Голицынъ опять ударилъ челомъ въ землю и произнесъ слезливо:

— И то, государыня! Прошу о великой милости! Второй день кваску не даютъ... А я безъ квасу—не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ. Прикажи кваску дать! Я, ей же ей, и тебя угощу!

Эта неожиданная выходка такъ понравилась государынѣ, что она тотчасъ велѣла подать Голицыну жбанъ мятнаго кваса. Жбанъ съ квасомъ явился немедленно, и Голицынъ, ухвативъ его обѣими руками, высоко поднялъ надъ головою и запѣлъ, приплясывая передъ государыней:

«Квасъ, осударь!
«Всей утробѣ секлетарь.
«На меду сыченный,
«Въ погребу ставленный,
«Съ корочекъ цѣженный,
«Изъ солода давленный
«Во горшокъ муравленный...»

— О! Да ты піита!—съ улыбкою сказала государыня.—Пожалуй, не хуже нашего Тредьяковскаго.

— Изволь испить кваску-то, государыня,—пренаивно проговорилъ Голицынъ, поднося квасной жбанъ къ ея величеству. — Не то, право самъ весь выпью—ничего тебѣ не оставлю!

— Пей во здравіе!—милостиво произнесла императрица, отстраняя жбанъ.—Эй, Осиповъ! Князя Михайлу безъ квасу не остав-

лять... А вы всѣ тамъ—смотрите у меня, чтобы никто не смѣлъ его обидѣть!—сказала императрица, обращаясь ко всей шутовской командѣ.

— Помилуй, матушка, кто его тронетъ, коли онъ тебѣ угоденъ!—завопили въ одинъ голосъ шуты и дурки, кланяясь въ поясъ императрицѣ, которая еще разъ бросила ласковый взглядъ на Голицына и затѣмъ прослѣдовала во внутренніе апартаменты, вмѣстѣ съ своею свитою.

XVI.

Въ мірѣ шутки и смѣха.

— Ну вотъ! И поздравляю князя — и молодецъ! Угодилъ ея величеству!—говорилъ въ тотъ же вечеръ Семенъ Осиповъ, входя въ коморку князя Михаила.—Угодилъ—и тучу, говорятъ, вô-какую отогналъ! Грозную—прегрозную!

Князь Михаилъ, приподнявшійся съ изголовья на встрѣчу Осипову, смотрѣлъ на него полусознательно, не вполнѣ понимая, съ чѣмъ именно поздравляетъ его истопникъ.

— Вотъ теперь мы и копіистовъ потревожимъ—очистимъ тебѣ другую комнату, почище, и съ лежанкой! Коли и дальше будешь нравиться — въ штатъ попадешь, жалованье получать станешь... Тогда, смотри, не задери носъ, не забудь и Осипову его долю отдать...

На другое утро, дѣйствительно, Сенькѣ приказано было перетащить немногосложные пожитки князя Михаила въ другую, болѣе просторную и болѣе свѣтлую комнату, съ просторной лежанкой—и кормить стали ихъ вдоволь, и квасу отпускать имъ въ волю.

Князь Михаилъ зажилъ своею особою, полуживотною, полурастительною жизнью,—жизнью обыденныхъ потребностей и непроизвольныхъ проявленій ослабленнаго, отуманеннаго разума... Его не тревожили болѣе ни воспоминанія о прошломъ, ни помыслы о грядущемъ: онъ не вспоминалъ ни объ Италіи, ни о Москвѣ, ни о Братовщинѣ... Все слилось въ его сознаніи въ какую-то странную, сѣрую, безразличную послѣдовательность дней, которые онъ проводилъ въ своей комнатѣ, лежа въ растяжку на лежанкѣ или играя съ Сенькой въ карты, то въ дворцовыхъ сѣняхъ и аванъ-залахъ, куда шутовская команда допускалась для потѣхи государыни.

На эти потѣхи князь Михаилъ, повидимому, смотрѣлъ, какъ на службу при дворѣ, къ которой онъ по волѣ императрицы призванъ, и онъ старался изъ всѣхъ силъ выказать на этой службѣ свое усердіе и умѣнье. Каждый разъ когда онъ видѣлъ себя среди этихъ старыхъ шутовъ, карликовъ, карлицъ, уродовъ и монстровъ,

онъ проникался глубочайшимъ сознаніемъ своего превосходства надъ всей этой разношерстной братіей, и держалъ себя ото всѣхъ въ сторонѣ. Онъ не участвовалъ ни въ грубыхъ перебранкахъ и дракахъ, которыя часто затѣвали между собою шуты, ни въ глупыхъ, непристойныхъ играхъ, напоминавшихъ плоскія шутки современныхъ намъ клоуновъ. Онъ пѣлъ свои пѣсенки, плясалъ, болталъ безъ умолку свои прибаутки, сплетая ихъ со всякимъ вздоромъ въ нескончаемое «не любо не слушай, а врать не мѣшай»,— и все это выходило у него такъ складно, такъ наивно, такъ естественно, что нравилось не только самой государынѣ, но даже и всей шутовской командѣ, въ которой многіе начинали даже любить Голицына. Всѣ вскорѣ убѣдились въ томъ, что онъ шутъ не по профессіи, а по призванію—не то юродъ, не то блаженный, съ какимъ-то особымъ оттѣнкомъ умопомраченія, ни для кого не вреднымъ и не обременительнымъ... Не даромъ государыня, съ особеннымъ удовольствіемъ писала Салтыкову въ Москву, что «Голицынъ всѣхъ ея шутовъ лучше и здѣсь всѣхъ дураковъ побѣдилъ; ежели еще такой же въ его пору сыщется, то немедленно увѣдомь».

Но «такого же» не сыскивалось—и государыня начинала отличать Голицына отъ всей остальной братіи, относилась къ нему особенно милостиво, и этимъ возбуждала противъ него зависть среди остальныхъ шутовъ.

— Чѣмъ онъ ей въ душу влѣзъ?—толковали между собою старые шуты.—Всего только и есть у него въ запасѣ, что одна пѣсня «Квасъ осударь, всей утробѣ секлетарь,»—когда онъ ей самой квасъ подноситъ... А поди-ка ты, какъ ей эта дурацкая припѣвка нравится!

— Жбанъ рѣзной для него заказать велѣла—для кваса; а ему серебренный стаканъ подарила!—подсказывали приживалки и старухи.

— А вчера-то? Вчера-то?—вступился Балакиревъ.—Какъ онъ поднесъ ей квасъ, пропѣлъ свою пѣсню, она сама и говоритъ ему:— такъ ты мнѣ угодилъ, что я тебѣ отнынѣ повелѣваю называться не княземъ Голицынымъ, а княземъ Михайлой Квасниньшъ, и подъ бумагами также писаться... А сегодня, говорятъ, ужъ и указъ сенатскій объ этомъ заготовленъ...

— Этакъ-то, пожалуй, онъ и всѣхъ насъ мѣстомъ посядетъ!— проворчалъ шутъ Апраксинъ, злобно оглядываясь въ сторону князя Михаила.—Бока бы ему накостылять, ребра бы обломать!..

— Эхъ, ваше сіятельство!—съ укоризной отозвался Балакиревъ,—мелко плаваешь! Тебѣ бы все только бить, либо битымъ быть! Ну, ты его побьешь—и тебя батожьемъ угостятъ. А вѣдь наше дѣло шутовское—тутъ надо иначе, похитрѣе подвести...

— Ну, какъ же? Какъ же? Сказывай!—заговорили всѣ недовольные фаворомъ князя Михайлы, скопляясь около Балакирева и нетерпѣливо выжидая, что̀ онъ имъ скажетъ?

— Вотъ то-то, всѣ вы простофили—хоть и князья! Вамъ умнаго не выдумать! А я, хоть и не сіятельный, а на выдумки поторроватѣе васъ...

— Да говори же! Говори, Иванъ Емельяновичъ!—раздались кругомъ голоса.

— Вотъ то-то и оно! Теперь небось Иванъ Емельяновичъ, какъ моя выдумка всѣмъ нужна... А то сейчасъ и «каторжникъ», и «Монсовъ понаровщикъ»—да Рогервикомъ попрекаете.—Эхъ, вы!!!

— Да ну же! Ну! Сказывай, какъ подшутить намъ надъ княземъ Михайлой? — раздались опять голоса въ кучкѣ шутовской братіи, сбившейся около Балакирева.

— Да вы сами-то посмотрите на него хорошенько! Сами-то глазищами поворочайте! Ну, съ кѣмъ онъ тамъ? У окна-то?

Всѣ головы разомъ обернулись въ сторону князя Михаила, который стоялъ у окна дворцовыхъ сѣней и пальцемъ выписывалъ какія-то буквы на запотѣвшихъ стеклахъ; а около него вертѣлась и юлила, то подходя къ нему, то отбѣгая, то заглядывая ему въ лицо, любимая калмычка государыни, Бужанинова.

— Изволите ли видѣть, какъ она кругомъ его ухаживаетъ: то павой, то лебедушкой, то сѣрой утицей?..

— Такъ что же—и пусть ухаживаетъ!—сказали два-три голоса съ видимымъ недоумѣніемъ.

— Да вѣдь она же у насъ красавица!—плутовато улыбаясь, сказалъ Балакиревъ.

— Ха! ха! ха!—загоготали кругомъ него шуты, сидѣлицы и приживалки.—Хороша красавица: одинъ глазъ на Донецъ, другой на Волховецъ! На лицѣ черти въ свайку играли; а зубы, словно борона ломаная!..

— Красавица,—вкрадчиво повторялъ Балакиревъ,—и дѣвица ужъ на возростѣ... Пожалуй лѣтъ 35 съ хвостикомъ ужъ стукнуло... Пора дѣвицѣ и пристроиться...

— А! Вотъ оно что: ишь, куда мѣтнулъ!.. Поняли! Молодецъ же ты, Иванъ Емельяновичъ!—зашумѣла веселая братія.

— Поняли? Слава тѣ тетереву, косматыя лапки!—насмѣшливо поддразнилъ Балакиревъ.—Коли поняли, такъ вотъ и давайте ихъ другъ къ дружкѣ просватывать... То-то потѣха будетъ!

— Карасо! Осень карасо!—подтвердилъ даже и Педрило, молча прислушивавшійся къ рѣчамъ Балакирева.

— Потѣха будетъ намъ! А государынѣ-то вдвое!—подзадоривалъ Балакиревъ.—Вѣдь помните, какъ она изволила тѣшиться, когда мы, по ея приказу, Голицына на Волконскомъ вѣнчали?.. До слезъ изволила смѣяться... А тутъ-то, тутъ-то, какъ настоящую-то свадьбу сыграть задумаемъ... Голицынъ-то вѣдь вдовый!

— У-у-у! — загудѣли кругомъ голоса. — Просватаемъ-ка ихъ... Просватаемъ! И государыню-то надоумимъ... Ха! ха! ха!

И громкій хохотъ долго не умолкалъ, перекатываясь изъ конца въ конецъ сѣней между шутами и монстрами команды, которые, перемигиваясь и перешептываясь между собою, слѣдили издали за Бужаниновой и Голицынымъ.

— Ишь, какъ юлитъ, калмыцкое отродье!—переговаривалась между собою веселая братія,—не чуетъ ея калмыцкое сердце, какую мы ей радость готовимъ!

— А онъ-то? И ухомъ не ведетъ!.. Да нѣтъ, братъ, спрашивать не станемъ: окрутимъ, какъ разъ! Тогда посмотримъ, что запоетъ!

Дня два спустя, вся шутовская команда въ полномъ составѣ была призвана наверхъ къ государынѣ, для потѣшныхъ игръ и плясокъ...

Государыня, окруженная семьею Бирона, была на этотъ разъ въ отличномъ настроеніи. Милостиво улыбалась она на всѣ продѣлки и фокусы шутовъ, давно уже ей извѣстные и крѣпко прискучившіе; терпѣливо выслушивала она ихъ неугомонную болтовню, ихъ плоскія шутки, ихъ дикіе и рѣзкіе крики и возгласы; снисходительно относилась она и къ ихъ нескончаемымъ перебранкамъ и ссорамъ, лишь изрѣдка грозя пальцемъ черезчуръ расходившимся забіякамъ, и вновь обращаясь къ прерванной бесѣдѣ съ его свѣтлостью, герцогомъ Бирономъ, стоявшимъ позади кресла императрицы.

— Ну, полно вамъ балбесить! Тсс!.. Тише!—крикнула наконецъ государыня.—Надоѣли шумомъ... Спойте пѣсню—да такую, которой бы я не знала, не слыхивала никогда! А ты, Педрило, подъиграй-ка имъ на скрипкѣ...

Педрило ловко отскочилъ въ сторону, взялъ со стола смычекъ и скрипку, и приготовляясь къ подбору голоса пѣсни, сталъ скрипку настраивать. Шуты и дурки—всѣ сбились въ кучу, въ недоумѣніи. Никто не зналъ, что пѣть...

— Споемъ: «какъ у нашихъ у воротъ!»—говорили одни.

— Экъ новую пѣсню выискалъ!—подсмѣивались другіе.

— Ну, такъ споемъ либо «Чарочки», либо «Сѣни», либо «Грунюшку»...

— Да это все не новыя: ихъ государыня чай лучше нашего знаетъ!

— Такъ грянемъ плясовую: «Какъ у Спаса въ Чигасахъ къ обѣднѣ звонятъ»...

Вдругъ князь Михайло выскочилъ изъ толпы шутовъ, подбѣжалъ къ государынѣ и, отвѣсивъ ей низкій поклонъ, проговорилъ скороговоркой:

— Государыня! вели имъ всѣмъ молчать! Я знаю такую пѣсню, что никто, никто не знаетъ...

— Расхвастался князь Квасчинъ,—съ улыбкою замѣтила государыня.—Какая же такая пѣсня, чтобы и я не знала?

— Старинная, мудреная... Такой никто не знаетъ!—настаивалъ князь Михайло.

— Ну, слушай!—строго замѣтила государыня.—Если ты споешь знакомую—велю тебя сейчасъ же въ шелепы принять, чтобъ ты не спорилъ. А если точно новую—я знаю, какъ наградить тебя..

Всѣ смолкли, ожидая бури и заранѣе радуясь тому, что она обрушится на Голицына. Но князь Михайло, не смущаясь ничьими насмѣшливыми взглядами, подбоченился одною рукою, а другою подперъ щеку и запѣлъ тоненькимъ бабьимъ голоскомъ:

«Какъ у насъ было
«Въ селѣ Поливанцевѣ,
«Что бояринъ-отъ дурень
«Въ рѣшетѣ пиво варилъ;
«Пойтить было молоденькѣ
«Научить было старого:
«Возьми, дурень, котелъ—
«Больше пива наваришь!
«А дворецкій-то дурень
«Въ сарафанъ пиво сливалъ.
«Пойтить было молоденькѣ
«Научить было старого:
«Возьми, дурень, бочку—
«Лучше пиво сдержишь!»

— Ай да, Кваснинъ!—со смѣхомъ замѣтила государыня.—Каковъ? Вѣдь точно—откопалъ такую пѣсню, которую и я не знаю! Такъ вотъ тебѣ моя награда:—велю тебя сегодня же зачислить въ пажи мои, и съ жалованьемъ, какъ положено по штату...

Голицынъ поклонился въ землю государынѣ. Завистливый ропотъ пробѣжалъ по всей шутовской командѣ... Потомъ раздались смѣшки и фырканья, и сдержанный говоръ.

Государыня повела бровями и спросила недовольнымъ тономъ:

— Это что еще? По батожью плачете? Или завидно вамъ?

— Нѣтъ, матушка! Не то! Не угадала!—лукаво отозвался за всѣхъ Балакиревъ, выступая впередъ съ униженнымъ поклономъ.— Мы князю Квасніну всякаго добраго хотимъ... А смѣемся-то мы тому, что онъ тебѣ своей затаенной думки не сказываетъ...

— Какой думки? Кваснинъ, проси, чего ты хочешь?

Князь Михайло обвелъ всю команду недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Да говори, свѣтикъ,—уговаривалъ его Балакиревъ;—вонъ государыня-то какъ къ тебѣ милостива. И дѣло твое не зазорное:—человѣкъ ты вдовый, отчего и не жениться...

— Жениться? На комъ это ты жениться вздумалъ? О комъ просишь?—спросила Голицына государыня.

Князь Михаилъ совершенно растерялся... Смущеніе выразилось въ лицѣ его, въ глазахъ, во всѣхъ движеніяхъ... Онъ покраснѣлъ, сталъ озираться по сторонамъ—и молчалъ упорно.

— А! Покраснѣлъ, небось? Молчишь?—продолжалъ приставать Балакиревъ.—Всѣ знаютъ твою зазнобу. Авдотья Ивановна, какъ же!.. Другъ на дружку не насмотрятся,—что голубки!

— Авдотья? Какая это? Бужанинова — калмычка?— спросила государыня, прищуриваясь.

— Она самая, государыня! — подтвердили разомъ нѣсколько голосовъ.

— Чтожъ? Я не прочь! Коли имъ любо—пусть законъ исполнятъ! Только надо же ихъ опросить!—сказала государыня.—Вѣдь противъ воли не поженишь?

— Авдотья Ивановна! Ступай скорѣе. Государыня къ опросу зоветъ!—зашумѣла команда.

Всѣ бросились въ тотъ уголъ, гдѣ старалась укрыться Бужанинова — и мигомъ подтащили ее къ креслу императрицы, несмотря на то, что она сопротивлялась и отбивалась дюжими кулаками отъ назойливыхъ сватовъ.

— Авдотья? Правда ли, будто тебѣ Кваснинъ понравился?— спросила государыня у калмычки.

— Понравылся... Хорошій... Охъ, какой хорошъ!—проговорила глухо Бужанинова, поводя косыми глазами и причмокивая толстыми губами.

— И хочешь замужъ выйти за него? — спросила государыня, едва сдерживая насмѣшливую улыбку.

— Очень хочу... Охъ, какъ хочу,—пробасила калмычка, поводя плечами.

Государыня разсмѣялась, а вслѣдъ за нею и вся команда разсыпалась, дружнымъ, раскатистымъ смѣхомъ.

— Ну, а ты, Кваснинъ? Хочешь мою Авдотью въ жены взять... Она вѣдь у меня не безприданница! — сказала государыня, оборачиваясь въ сторону князя Михаила.

Но его ужъ не было на прежнемъ мѣстѣ... Воспользовавшись суматохой, онъ успѣлъ ускользнуть изъ залы.

— Гдѣ же онъ?—засуетилась Бужанинова.— Я его сыщу... Я приведу его!

Новый взрывъ хохота былъ отвѣтомъ на эти слова слишкомъ рьяной обожательницы Голицына. Но государыня остановила Авдотью Ивановну:

— Не спѣши, Авдотья! Онъ смутился—ну, и сбѣжалъ. Я обѣщаю тебѣ, что ты будешь замужемъ за Кваснинымъ... Только ужъ нынче ты его оставь въ покоѣ: двухъ радостей — ему въ одинъ день много... Успѣемъ еще васъ и сосватать, и обручить.

Калмычка промычала что-то никому не внятное и бросилась цѣловать край платья государыни.

XVII.

Проговорился!

Князь Михаилъ бѣжалъ... бѣжалъ безъ оглядки по темнымъ коридорамъ, по переходамъ и лѣстницамъ стараго Зимняго дворца къ своей комнатѣ, въ свой темный и теплый уголъ на лежанкѣ... Онъ бѣжалъ отъ этихъ злыхъ, уродливыхъ лицъ, отъ этихъ противныхъ улыбокъ, отъ этого холоднаго и сухого смѣха, который былъ порожденіемъ злобы, а не радости и веселія!.. Онъ бѣжалъ потому, что на него что-то нашло: его осѣнило вдругъ нѣчто въ родѣ полусознанія. Ему показалось, что густой туманъ,—давно уже окружавшій его и заслонявшій отъ него все прошлое и все грядущее—на мгновеніе какъ будто разсѣялся. Его темная завѣса приподнялась, и онъ увидѣлъ нѣчто страшное, нѣчто такое, что леденило кровь въ его жилахъ и дыбомъ поднимало волосы на головѣ его...

Онъ не могъ даже отдать себѣ отчета—что это было? и чего онъ такъ вдругъ испугался? Сознаніе его было недостаточно сильно для того, чтобы съ полною ясностью возстановить предъ нимъ картину прошлаго или дать ему возможность вполнѣ разумно отнестись къ настоящему; но передъ нимъ молніей сверкнуло что-то знакомое, далекое, свѣтлое — и все окружающее показалось ему вдругъ какимъ-то дикимъ, страшнымъ, отвратительнымъ...

И вотъ онъ бѣжалъ къ себѣ въ комнату, забился на лежанку, натянулъ себѣ на плечи домашній тулупчикъ — и долго, долго не могъ подъ нимъ согрѣться, не могъ унять какую-то нервную, внутреннюю дрожь.. Для того, чтобы проблескъ сознанія могъ на время укорениться въ ослабленномъ, отуманенномъ мозгу князя Михаила, не доставало только такого внѣшняго впечатлѣнія, которое воскресило бы въ душѣ его живые образы, напомнило бы ему ту дѣйствительность, среди которой онъ когда-то жилъ, любилъ, наслаждался... Самъ князь Михаилъ смутно это чувствовалъ—даже искалъ этого впечатлѣнія; но кругомъ все было такъ чуждо, такъ незнакомо, такъ дико, что ни взоръ, ни пробужденная мысль не могли ни на чемъ остановиться. Долго, долго проворочавшись на лежанкѣ, князь Михаилъ, наконецъ, задремалъ, а потомъ и заснулъ тяжолымъ сномъ безъ грезъ, безъ сновидѣній...

На другое утро Семенъ Осиповъ опять явился съ поздравленіями.

— Ну, вотъ и поздравляю! Молодецъ, князь! Хорошо свое дѣло ведешь! Въ пажи къ государынѣ зачисленъ—поздравляю.

Князь Михаилъ сидѣлъ на лежанкѣ, свѣсивъ съ нея ноги; онъ молча выслушалъ поздравленія Осипова, уставивъ на него мутный и сумрачный взоръ. Но эти поздравленія встревожили Сеньку.

— Какъ же это, батюшка, въ пажи? Что же это значитъ?— спросилъ старый слуга, которому казалось, что, зачисливъ князя Михаила въ пажи, его какъ будто изъ поповъ въ пономари разжаловали...

— Ты это спрашиваешь, неразумная башка,—съ величайшею ироніею произнесъ Семенъ Осиповъ, презрительно поглядѣвъ на Сеньку,—что значитъ, что въ пажи твоего князя произвели? Такъ мы тебѣ это довольно ясно растолковать можемъ: досель твой князь служилъ здѣсь въ придворныхъ шутахъ безъ жалованья, и получалъ одинъ трактаментъ, сирѣчь харчи: а теперь будетъ, кромѣ трактамента, получать еще 114 руб. въ годъ жалованья, да повсядневную ливрею повсягодно, да епанчу въ три года. Вотъ это что значитъ!! Понимаешь?

— Какъ не понять? Понимаемъ и всячески смекаемъ! — смущенно проговорилъ Сенька, почесывая въ затылкѣ.

Ему, видимо, хотѣлось бы задать Осипову еще какой-то вопросъ; но, озадаченный авторитетностью этого почтеннаго мужа, Сенька сдержался и не задалъ никакого вопроса; а Осиповъ опять затянулъ прежнюю пѣсню:

— Смотри же, князь! Будешь получать жалованье — меня на первыхъ порахъ не забудь!

И истопникъ съ насмѣшливою улыбкою поклонился князю Михаилу, который все также тупо и сумрачно смотрѣлъ на него съ высоты своей лежанки.

— Тебя, князь, кажется, еще и съ другою царскою милостію поздравить можно? — ухмыляясь проговорилъ Осиповъ, закладывая руки за спину.—Правда ли, говорятъ, будто за тебя государыня Бужанинову просватала?.. А?

Князь Михаилъ тревожно поднялъ брови и сталъ какъ-то растерянно поводить глазами, какъ бы отыскивая или припоминая что-то...

Осиповъ сбирался повторить свой вопросъ, какъ вдругъ въ коридорѣ, около дверей комнаты, послышалась какая-то возня, шаги, сдержанный смѣхъ и говоръ; а затѣмъ дверь распахнулась настежъ и всѣ пятеро придворныхъ шутовъ, предводимые Педриллой, чинно вошли въ комнату князя Михаила и, скроивъ серьезныя, постныя рожи, низко-низко ему поклонились, касаясь перстами пола.

— Князь Михайло Кваснинъ!—возгласилъ, выступая впередъ, Балакиревъ.—Мы къ тебѣ отъ пресвѣтлыхъ очей матушки нашей государыни присланы — звать тебя въ теремъ на сговоръ да на вечерины, красну-дѣвицу смотрѣть высматривать, у отца съ матерью ее себѣ выпрашивать...

Князь Михаилъ все также молчалъ и смотрѣлъ, тревожно поводя глазами и то поднимая, то опуская брови...

— А гостей у тебя на смотринахъ будетъ много!—продолжалъ Балакиревъ.—Будешь ты, да сватъ-свадатый, да козелъ бородатый...

Шуты не выдержали—и покатились со смѣху; а Педрило выскочилъ впередъ съ мандолиной и сказалъ:

— Halt... Augenblik... Я князь Микэль... буду пѣйть... какъ увъ Италіи насей поютъ...

Князь Михаилъ вдругъ соскочилъ съ лежанки и схватился за голову обѣими руками и прошепталъ:

— Микель?.. Микель? Италія!..

Никто, конечно, не обратилъ на это вниманія, и Педрило, взявъ нѣсколько акордовъ на мандолинѣ, запѣлъ одну изъ веселыхъ итальянскихъ канцонъ.

Но едва только онъ произнесъ первыя нѣсколько словъ, князь Михаилъ вдругъ вырвалъ у него мандолину изъ рукъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, прошепталъ ему по-итальянски:

— Ради Бога! Не пой... не пой эту канцону... Я ее знаю... Она ее пѣла! Моя Джулія! Жена моя... Та самая, которая пропала безъ вѣсти... въ Москвѣ въ Нѣмецкой слободѣ... Мы слышали вмѣстѣ эту канцону въ Венеціи—пѣли ее вмѣстѣ... И потомъ—ее прокляли, и меня хотѣли проклясть... хотѣли мучить... взять въ застѣнокъ—пытать... И ее тоже—и она пропала... пропала безъ вѣсти!

Тутъ мандолина выпала у него изъ рукъ; онъ опустился на полъ, закрылъ лицо руками и громко зарыдалъ...

Педрило, пораженный всѣмъ, что онъ услышалъ отъ Голицына, не отвѣчалъ ни слова на его итальянскую рѣчь. Онъ только быстро взглянулъ въ лицо князя Михаила и сразу понялъ, что хотя тотъ говорилъ въ порывѣ чувства, случайно вызваннаго знакомыми звуками пѣсни, однако, говорилъ вполнѣ сознательно.

«Женатъ?.. Жена итальянка?... Пропала безъ вѣсти... въ Нѣмецкой слободѣ? Что все это значитъ?.. Неужели это все правда?.. И какъ онъ этимъ всѣмъ взволнованъ?.. И почему онъ говоритъ о застѣнкѣ? о пыткахъ?—думалъ Педрилло, медленно нагибаясь къ полу и поднимая свою мандолину.—Нѣтъ! Объ этомъ прежде всего слѣдуетъ довести до свѣдѣнія государыни! И чѣмъ скорѣе—тѣмъ лучше!»

Но хитрый шутъ не подѣлился этими думами ни съ кѣмъ, и хотя Осиповъ и другіе шуты стали его допрашивать, о чемъ плачетъ Голицынъ, и что̀ онъ говорилъ ему по-итальянски, Педрило отвѣчалъ имъ:

— Que sais-je?... Все глюпости... Надо дать ему спокой... Возьмемъ нашъ абшидъ!

И, отвѣсивъ князю Михаилу низкій поклонъ, онъ первый направился къ двери. Его примѣру послѣдовали и всѣ остальные шуты... И князь Михаилъ, все еще сидѣвшій на полу и горько рыдавшій, остался въ своей комнатѣ только со старымъ Сенькою,

который одинъ понималъ, о чемъ плачетъ этотъ несчастный, всѣми забытый и покинутый...

На другое утро, съ нарочнымъ было отослано въ Москву, къ Салтыкову, слѣдующее письмо императрицы Анны:

«Семенъ Андреевичъ!

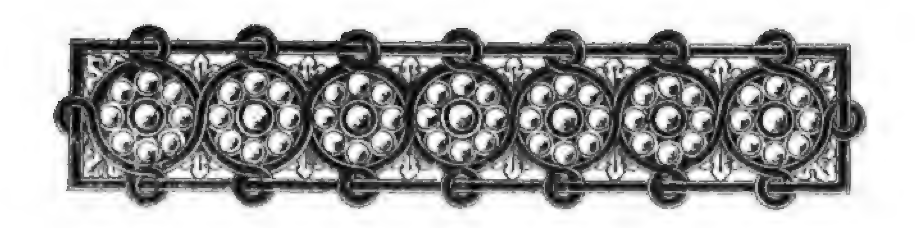
«Освѣдомься подъ рукою въ Нѣмецкой слободѣ: гдѣ живетъ князь Михайла Голицына жена, которую онъ съ собою изъ Италіи привезъ; а больше надо спрашивать у католицкихъ поповъ; и какое она пропитаніе имѣетъ и отъ кого, о томъ обо всемъ отпиши намъ немедленно. Буде же ея въ Москвѣ нѣтъ, то куда съѣхала и съ кѣмъ и на чьемъ коштѣ? И пребываю вамъ неотмѣнна въ нашей милости. «Анна».

Очевидно, что Педрило успѣлъ наканунѣ улучить удобную минуту и сообщить государынѣ о странномъ признаніи князя Михаила!..

П. Полевой.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ ТЕАТРАЛЬНАГО АНТРЕПРЕНЕРА[1].

VI.

П. В. Самойловъ.— Его братъ В. В.— Причина отставки В. В.— Дебюты его у меня въ Казани.—Пріемъ его на петербургскую сцену.—Разсказъ отца Самойлова о встрѣчѣ его съ императоромъ Николаемъ I.

ВЪ БЫТНОСТЬ мою казанскимъ антрепренеромъ въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ, случилось мнѣ познакомиться съ горнымъ инженеромъ Василіемъ Васильевичемъ Самойловымъ, впослѣдствіи знаменитымъ петербургскимъ артистомъ, черезъ брата его Петра Васильевича, служившаго у меня на драматическихъ роляхъ. Василій Васильевичъ пребывалъ въ то время въ Казани на службѣ.

Петръ Васильевичъ былъ даровитымъ актеромъ и пользовался расположеніемъ публики, но неодолимая страсть къ спиртнымъ напиткамъ совершенно забивала его и часто даже лишала человѣческаго облика. За него нельзя было поручиться ни на одну минуту,—случалось такъ, что на репетиціи онъ въ сносномъ видѣ, а къ спектаклю вдругъ упивался, какъ выражаются, до положенія ризъ. Черезъ это происходили пертурбаціи съ дѣйствующими лицами, — роли наскоро передавались другимъ, которые при поспѣшности не только не могли вникнуть въ нихъ, но не успѣвали

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVI, стр. 64.

даже порядкомъ прочесть ихъ, почему пьесы комкались, теряя всякій смыслъ и терпѣли фіаско.

Его сценическая игра много теряла отъ дурного зрѣнія. Онъ видѣлъ на столько плохо, что принужденъ былъ измѣрять мѣста на репетиціяхъ шагами и во время хода дѣйствія вѣчно заботиться о томъ, чтобы не отвлечься отъ разсчета своего положенія на сценѣ и не перепутаться входами, выходами, или чтобы не наткуться на кого-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ, а то и просто на мебель. Разумѣется, такія мысли, вѣчно гнѣздящіяся въ головѣ артиста, не позволяютъ ему увлечься, войти въ роль всѣмъ своимъ дарованіемъ и вдохновенно провести ее, — онѣ его сдерживаютъ, охлаждаютъ. Потерею своего зрѣнія, Петръ Васильевичъ всецѣло былъ обязанъ своей пагубной страсти къ вину; въ молодости, по его словамъ, онъ обладалъ прекраснымъ зрѣніемъ.

Однажды, рано утромъ, мнѣ докладываютъ, что пришелъ Петръ Васильевичъ и требуетъ настоятельно видѣть меня по весьма важному дѣлу. Предполагая, что онъ пожаловалъ ко мнѣ за авансомъ,— я сказался еще спящимъ и велѣлъ ему явиться въ контору театра во время репетиціи. Но онъ еще разъ заявилъ, что дѣло неотложное и требующее немедленнаго разговора со мной. Дѣлать было нечего, пришлось къ нему выйти.

— На васъ все упованіе!— встрѣтилъ онъ меня, по обыкновенію, ажитированно.

— Что такое?

— Вася наскандалилъ!

— Гдѣ и какъ?

— Вчера былъ торжественный обѣдъ по случаю закладки какого-то казеннаго зданія и на немъ присутствовалъ братъ, въ числѣ другихъ почетныхъ представителей города. Тотчасъ же послѣ послѣдняго блюда, губернаторъ сказался крайне уставшимъ и уѣхалъ. По этому поводу, неосторожный на языкъ, Вася замѣтилъ довольно громко своимъ сосѣдямъ: «мы его скоро изъ окна увидимъ, — теперь онъ пойдетъ домой, возьметъ подъ мышку подушку и отправится напротивъ». И при этомъ указалъ на домъ предводителя дворянства, жена котораго дѣйствительно слишкомъ благоволила къ губернатору. Предводитель это услыхалъ и, въ благородномъ негодованіи, сказалъ брату какую-то дерзость, на которую Вася не утерпѣлъ отвѣтить еще болѣе рѣзко. Теперь онъ принужденъ подать въ отставку, да ужъ даже и подалъ.

— Чѣмъ же я-то могу для него быть полезнымъ? — въ недоумѣніи спросилъ я Петра Васильевича.

— Примите его къ себѣ актеромъ!

— Да онъ можетъ быть къ сценѣ не чувствуетъ никакого призванія?

— Какъ не чувствуетъ?—удивился Самойловъ.—Обязательно чувствуетъ. Вся наша семья по актерскому складу создана...

— Ладно, приводите его сегодня на репетицію,—потолкуемъ...

Василій Васильевичъ явился въ назначенное время въ сопровожденіи брата и повторилъ мнѣ разсказъ о своей непріятности съ предводителемъ. Мы съ нимъ сговорились о дебютахъ, при чемъ онъ непремѣнно желалъ выступить въ оперныхъ партіяхъ, такъ какъ обладалъ очень пріятнымъ теноромъ. Чрезъ нѣсколько дней состоялись его дебюты, сопровождавшіеся успѣхомъ, но не выказавшіе тогда въ немъ особаго дарованія, которое сдѣлалось такъ знаменито впослѣдствіи. Первый разъ онъ выступилъ въ одноактной опереттѣ «Домъ сумасшедшихъ«, второй—въ трехъактной оперѣ «Женщина-лунатикъ». Я ему положилъ, какъ начинающему, небольшое жалованье, что-то около двадцати рублей въ мѣсяцъ и онъ былъ этимъ, кажется, доволенъ. Прослужилъ онъ у меня, однако, не особенно долго. Вскорѣ по выходѣ въ отставку, онъ получилъ изъ Петербурга отъ отца письмо, которымъ вызывался на службу въ столичномъ театрѣ. Письмо было крайне минорнаго тона, въ немъ проглядывалъ родительскій упрекъ легкомысленному сыну, доставившему неутѣшное огорченіе, но въ заключеніе было радостно сообщено, что пріемъ Василія Васильевича на императорскую сцену состоялся по милостивому вниманію государя Николая Павловича къ престарѣлому актеру Василію Михайловичу Самойлову.

Какъ я узналъ потомъ, старикъ Самойловъ любилъ больше всѣхъ своихъ сыновей Василія и именно потому, что онъ выбралъ себѣ серьезную карьеру, а не прельстился мишурнымъ блескомъ закулиснаго прозябанія. Вслѣдствіе этого, на старика сильно подѣйствовала отставка его и желаніе сдѣлаться актеромъ, по примѣру всѣхъ родныхъ. Разумѣется, отецъ и не подозрѣвалъ тогда какой славы и почести достигнетъ его сынъ на сценѣ.

Случайности въ нашей жизни играютъ первенствующую роль. Рѣзкимъ примѣромъ этого парадокса можетъ послужить непріятность Самойлова съ предводителемъ, вызвавшая его отставку изъ горной службы и принудившая сдѣлаться актеромъ и стяжать на новомъ поприщѣ такое блестящее имя. Почемъ знать, быть можетъ, если бы не это столкновеніе на обѣдѣ, въ горномъ вѣдомствѣ было бы больше однимъ генераломъ, а русская сцена не имѣла бы великаго артиста Самойлова!

Когда я былъ въ Петербургѣ, Василій Михайловичъ Самойловъ, съ которымъ я познакомился черезъ Василія Васильевича, разсказывалъ мнѣ, какъ онъ просилъ императора Николая Павловича о своемъ «шалунѣ». При этомъ чистосердечно признался мнѣ, что ради счастья сына позволилъ себѣ съактерничать съ государемъ,

чѣмъ могъ при неудачѣ вызвать его гнѣвъ и лишиться его благоволенія къ себѣ.

Вотъ какъ это было:

Узнавъ о непріятности, постигшей Василія Васильевича въ Казани, и о томъ, что онъ поступилъ на провинціальную сцену, испортивъ навсегда свою служебную карьеру, Василій Михайловичъ рѣшилъ попросить императора о принятіи сына вновь на прежнюю службу. Но для этой просьбы нуженъ былъ удобный моментъ, а его, какъ нарочно, не случалось, несмотря на долговременное выжиданіе.

Василій Михайловичъ придумалъ попасться на встрѣчу Николаю Павловичу въ часъ его прогулки по дворцовой набережной такъ, чтобы его величество непремѣнно обратилъ на него свое вниманіе.

Вышелъ Самойловъ съ трепещущимъ сердцемъ на набережную и, завидя вдалекѣ государя, направлявшагося къ нему на встрѣчу, — нахмурился, насупился, низко склонилъ свою голову, какъ бы идя въ глубокой задумчивости, не обращая ни на что окружающее вниманія, и чуть было не миновалъ императора, не оказавъ ему почтенія поклономъ.

— Самойловъ!—остановилъ его Николай Павловичъ.—Развѣ не узналъ меня.

— Виноватъ, ваше величество, — съ притворнымъ испугомъ произнесъ Василій Михайловичъ.

— О чемъ такъ задумался?

— Посѣтило меня горе, ваше величество.

— Что такое?

— Сынъ мой покинулъ горную службу.

— Почему?

Самойловъ разсказалъ императору причину отставки Василія Васильевича, не утаивъ истиннаго происшествія. Государь неодобрительно покачалъ головой и спросилъ:

— Гдѣ же твой сынъ теперь?

— Поступилъ въ мѣстную труппу актеромъ, ваше величество.

— Ну, и какъ? съ успѣхомъ?

— Не думаю, ваше величество, потому что у него своя дорога есть, на которой онъ могъ бы быть болѣе полезнымъ сыномъ своей родины.

— Ну, не скажи!—улыбнулся Николай Павловичъ.— Я вижу, что тебѣ болѣе хочется быть горнымъ, нежели ему. Ты тщеславный старикъ... Но, слушай,—милостиво заключилъ императоръ,— у тебя всѣ дѣти способны и талантливы, вѣроятно и этотъ не отсталъ отъ другихъ. Выпиши его сюда, а я похлопочу за него— авось вмѣстѣ какъ-нибудь и пристроимъ на нашу сцену, вѣдь и ты, конечно, не безъ связей?

Государь былъ въ хорошемъ расположеніи духа и все время снисходительно шутилъ съ Василіемъ Михайловичемъ, какъ бы желая разсѣять его грусть.

— Но все-таки, ваше величество, осмѣлюсь замѣтить, что горная служба не въ примѣръ лучше нашей.

— Она отъ насъ никогда не уйдетъ: если онъ не оправдаетъ нашихъ надеждъ и не окажется актеромъ, мы его снова упрячемъ въ форменный мундиръ.

Обрадованный Самойловъ поблагодарилъ государя и поспѣшилъ домой, чтобы написать сыну о немедленномъ пріѣздѣ его въ Петербургъ, гдѣ онъ можетъ разсчитывать на службу при императорскомъ театрѣ.

Впослѣдствіи нѣсколько разъ приходилъ мнѣ на память этотъ разговоръ Николая Павловича съ Самойловымъ, въ которомъ императоръ оказался совершенно вѣрнымъ угадчикомъ сценическаго дарованія въ Васильѣ Васильевичѣ.

VII.

А. Н. Верстовскій. — Моя дружба съ нимъ. — 1855 годъ. — Полиціймейстеръ Д—льнъ. — Вышневолоцкій театръ съ казенной труппой. — Столкновеніе съ тверскимъ губернаторомъ А. П. Бакунинымъ. — Моя поѣздка въ Петербургъ съ жалобой на него. — Смѣщеніе его съ губернаторскаго поста. — П. В. Васильевъ. — Его дебюты.

При всемъ желаніи держаться въ моихъ воспоминаніяхъ какой-нибудь системы, я рѣшительно не могу сдѣлать этого, вслѣдствіе исчезающей съ лѣтами памяти, значительно надорванной моею театральной дѣятельностью, требовавшей всегда ея усиленной работы. Невольно приходится ограничиться эпизодическими разсказами, имѣющими отрывочный характеръ и, главное, рѣзкіе переходы отъ одного лица къ другому, отъ факта къ факту. Впрочемъ, избѣжать этого было бы трудно, такъ какъ я говорю исключительно о случаяхъ хоть сколько-нибудь примѣчательныхъ или любопытныхъ, а все малозначительное, какъ излишній баластъ, стараюсь обойти молчаніемъ. Поэтому замѣтной послѣдовательности въ моихъ воспоминаніяхъ быть не можетъ.

Перехожу ко времени моей антрепризы въ Вышнемъ Волочкѣ (Тверской губ.), знаменательной по столкновенію съ губернаторомъ Бакунинымъ.

Начну по порядку.

Съ инспекторомъ московскихъ театровъ [1]) Алексѣемъ Николаевичемъ Верстовскимъ я былъ знакомъ въ продолженіе не одного

[1]) Кажется тамъ называлась должность, занимаемая Верстовскимъ.

десятка лѣтъ. Первое время, наше знакомство было очень натянуто и ограничивалось только поклонами, а впослѣдствіи, при содѣйствіи Ивана Васильевича Самарина и Прова Михайловича Садовскаго, мы съ нимъ сошлись довольно близко и поддерживали наши дружескія отношенія до самой смерти его. Первоначально Верстовскій производилъ на меня отталкивающее впечатлѣніе, — казался надменнымъ и заносчивымъ, взыскательнымъ и неуязвимымъ, но потомъ, когда мнѣ удалось разсмотрѣть его основательнѣе, я сдѣлалъ уже обратное заключеніе. На самомъ дѣлѣ это былъ добрѣйшій человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, безъ той чрезмѣрной гордости, которая на первый взглядъ всегда выставляла его непріятнымъ, очень обходительный, любезный, и вопреки всякимъ толкамъ, отнюдь не интриганъ. Это мое личное мнѣніе о немъ, разумѣется, непровѣренное мнѣніями его подчиненныхъ, которые по отношенію къ нему были почему-то скупы на похвалы, а главное пристрастны. Впрочемъ, у Алексѣя Николаевича было не мало и друзей изъ своей же театральной сферы, любившихъ его искренно и преданныхъ ему.

Единственная слабость Верстовскаго, это—протежированіе и покровительство, разумѣется, безкорыстное и безъ всякихъ заднихъ мыслей. Онъ не терпѣлъ, когда кто-либо обходилъ его просьбами и дѣйствовалъ черезъ ближайшее начальство или обращался непосредственно въ петербургскую дирекцію театровъ. Хотя онъ вслухъ и не высказывалъ своихъ претензій въ подобныхъ случаяхъ, но обинякомъ давалъ провинившемуся почувствовать всю непрактичность его поступка. Его осуждали за это. Но заслуживалъ ли онъ порицанія за то, что всегда старался быть всѣмъ и каждому полезнымъ, что порывался вѣчно къ посильной помощи? Мнѣ кажется, что эта слабость вполнѣ простительная, такъ какъ она во всякомъ случаѣ приносила больше добра, нежели зла. Даже такіе не симпатичные разговоры съ нимъ, какъ мой во время моего поступленія на казенную сцену (о чемъ упомянуто выше), не долженъ трактоваться слишкомъ строго съ выводомъ о дрянности Алексѣя Николаевича,—его гнѣвъ вызывался исключительно невозможностью принять единоличное участіе въ каждомъ дебютантѣ и, такимъ образомъ, быть его непосредственнымъ благодѣтелемъ. Весьма понятно, что если бы я былъ ранѣе знакомъ съ характеромъ Верстовскаго и предварительно откланялся бы ему, то мое поступленіе въ труппу императорскаго театра, безъ сомнѣнія, состоялось бы.

Въ 1855 году Алексѣй Николаевичъ оказалъ мнѣ большую услугу, отпустивъ ко мнѣ на лѣтній сезонъ многихъ молодыхъ актеровъ Малаго театра, подъ предлогомъ обыграться.

Въ этомъ мѣстѣ я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе и упомянуть о нѣкоторыхъ подробностяхъ этого года. Незадолго до

своей кончины, императоръ Николай Павловичъ разрѣшилъ давать спектакли на 2, 3, 5 и 6 недѣляхъ великаго поста. Въ этотъ періодъ времени я держалъ два зимнихъ театра—тверской и костромской, и одинъ лѣтній—вышневолоцкій. Воспользовавшись такимъ высочайшимъ разрѣшеніемъ, я продолжалъ театральныя представленія въ Твери постомъ. Полиціймейстеромъ тамъ въ то время былъ Д—льнъ. На 18-го февраля у меня былъ назначенъ спектакль, обѣщавшій порядочный сборъ. Объявленное начало его, по обыкновенію, было семь часовъ вечера, хотя раньше восьми рѣдко когда поднималась занавѣсь. Вдругъ, въ шесть часовъ пріѣзжаетъ въ театръ Д—льнъ и требуетъ меня. Я моментально былъ извѣщенъ объ этомъ, такъ какъ жилъ не подалеку отъ театра. Спѣшу къ полиціймейстеру, и вижу, что онъ задумчиво ходитъ около кассы.

— Чтò такое?—спрашиваю его съ недоумѣніемъ.

— Много ли сегодня билетовъ продали?

— А вамъ на чтò это знать?

— Значитъ, нужно, если спрашиваю.

Ничего непонимая, обращаюсь къ кассиру:

— На много ли наторговали?

— На триста рублей слишкомъ,—отвѣтилъ кассиръ.

— Цифра изрядная! — сказалъ Д—льнъ и торопливо прибавилъ,—собирайте какъ можно скорѣе актеровъ и начинайте представленіе.

— Зачѣмъ?—удивился я, непостигая истиннаго значенія озабоченности и волненія полиціймейстера. — Кто-нибудь смотрѣть насъ пріѣдетъ?

— Не до разспросовъ! Дѣлайте, какъ говорю...

— Во всякомъ случаѣ ранѣе семи часовъ начинать нельзя,—запротестовалъ было я,—потому-что билетовъ продано много и публика, невольно опоздавшая, будетъ претендовать...

— Ахъ! Господи!—разраженно перебилъ онъ меня.—Ну, пусть себѣ претендуетъ, да только вы-то не медлите...

Дѣлать было нечего, я наскоро собралъ труппу и упросилъ всѣхъ какъ можно скорѣе приготовиться, чтобы начать спектакль. Д—льнъ изъ театра исчезъ. Въ шесть съ половиной приказываю поднять занавѣсь и первое дѣйствіе комедіи идетъ положительно при пустомъ театрѣ. Къ концу акта въ дешевыхъ мѣстахъ стали показываться зрители... Въ началѣ восьмого часа въ партерѣ появляется Д—льнъ и останавливаетъ ходъ дѣйствія, объявивъ, что скончался императоръ Николай Павловичъ.

Разумѣется, это извѣстіе произвело на всѣхъ грустное впечатлѣніе и спектакль прервался на пол-фразѣ.

Д—льнъ прошелъ ко мнѣ на сцену и тихо сказалъ:

— Вотъ почему я торопилъ васъ начинать!.. Теперь все-таки останется у васъ сборъ, потому-что представленіе не отмѣнено, а

прекращено по требованію властей на половинѣ. Слѣдовательно, теперь никто не имѣетъ права требовать обратно своихъ денегъ...

Вотъ образецъ безпредѣльной доброты Д—льна, славившагося ею вполнѣ заслуженно.

Ожидая продолжительнаго траура, я распустилъ всю свою труппу до слѣдующей зимы. О лѣтнихъ спектакляхъ я и не мечталъ даже, будучи въ полной увѣренности, что всякія увеселенія прекратятся по крайней мѣрѣ на полгода. Но кто-то изъ пріѣхавшихъ въ Тверь изъ Петербурга сообщилъ мнѣ, что молодой императоръ Александръ Николаевичъ разрѣшилъ лѣтнія развлеченія, которыя представлялись почти насущною потребностью, благодаря различнымъ обстоятельствамъ, непріятно слагавшимся для Россіи. Спѣша провѣрить этотъ слухъ, я отправился въ Москву къ Верстовскому, которому, по моему предположенію, должно было быть все извѣстно офиціальнымъ образомъ.

Алексѣй Николаевичъ, по обыкновенію, принялъ меня радушно и подтвердилъ, что дѣйствительно всѣ лѣтнія увеселенія разрѣшены.

— Но за то,—прибавилъ онъ,—постомъ никогда ужъ больше спектаклей не будетъ. На нихъ наложено veto...

Въ послѣдующемъ разговорѣ, Верстовскій спросилъ меня:

— Стало быть лѣтомъ театръ держать гдѣ-нибудь будете?

— Свой, вышневолоцкій,—отвѣтилъ я,— онъ всегда за мной...

— А труппа въ виду имѣется? Или зимняя остается?

— Нѣтъ, зимняя распущена вся, до одного человѣка. Придется набирать новую...

Алексѣй Николаевичъ на минуту замолчалъ, точно что-то соображая, и вдругъ воскликнулъ:

— А наши императорскіе актеры вамъ нравятся?

Я не сразу нашелся на этотъ вопросъ. Такъ онъ былъ неожиданъ для меня, что я принужденъ былъ переспросить Верстовскаго:

— То есть какъ нравятся?

— А такъ, — отвѣтилъ онъ нѣсколько иронизирующимъ тономъ,—пригодны ли они для вашего театра?

— Да для какого же они могутъ быть не пригодны,—отозвался я о дѣйствительно талантливыхъ на подборъ артистахъ Малаго театра.

— Ну, а если они вамъ нравятся,—самодовольно произнесъ Алексѣй Николаевичъ, — то выбирайте любыхъ, кого угодно отпущу къ вамъ. Только чуръ! старичковъ не тормошить,—предупредилъ онъ, — они у меня не совсѣмъ поворотливы, ихъ нужно оставить на печи дремать.

Я выразилъ сомнѣніе—согласятся ли они? Верстовскій увѣренно возразилъ:

— Разумѣется, согласятся... Я ихъ на «обыгрышъ» къ вамъ пошлю...

— Но можетъ быть это дорого будетъ мнѣ стоить?

— За вознагражденіемъ не погонятся, потому что они и такъ обезпечены... Дадите имъ на пряники, да окупите ихъ житье въ Волочкѣ,—вотъ и все...

Воспользовавшись любезнымъ предложеніемъ Алексѣя Николаевича, я тотчасъ же намѣтилъ нѣкоторыхъ изъ молодого персонала казеннаго театра, а именно: Павла Васильевича Васильева, впослѣдствіи извѣстнаго артиста, а въ то время только-что начинавшаго свою театральную карьеру; Якова Михайловича Садовскаго, брата знаменитаго Прова Михайловича; Александра Андреевича Разсказова, неподражаемаго простака, здравствующаго до сихъ поръ; Владиміра Ленскаго, сына извѣстнаго остряка и водевилиста Дмитрія Тимоѳеевича; Соболеву, впослѣдствіи жену П. В. Васильева, Озерова, Кремнева и мн. другихъ.

Всѣ они охотно согласились на поѣздку въ провинцію и вскорѣ послѣ этого отправились вмѣстѣ со мной на мѣсто служенія. Пріѣхавъ въ Волочекъ, мы сейчасъ же принялись за приготовленія къ открытію театра: спѣшное разучиваніе ролей, ежедневныя репетиціи, ремонтъ декорацій и пр.

Я росписалъ афишу и отправилъ ее къ мѣстному исправнику для подписи. Онъ потребовалъ губернаторскаго разрѣшенія на постановку спектаклей, безъ котораго подписать афишу рѣшительно отказывался. Не предусмотрѣвъ заранѣе этого обстоятельства, пришлось мнѣ въ тотъ же день поѣхать въ Тверь. Пріѣзжаю, и прямо къ губернатору. Ему докладываютъ: «Ивановъ, вышневолоцкій антрепренеръ, по весьма неотложному дѣлу». Онъ не удостоилъ чести принять меня, мотивируя, что для дѣловыхъ разговоровъ у него имѣются утренніе часы. Пришлось переночевать въ гостинницѣ.

Утромъ, въ указанное время, отправляюсь въ его канцелярію. Жду часъ, другой, третій. Наконецъ, появляется его превосходительство Александръ Павловичъ Бакунинъ и обращается ко мнѣ съ офиціальной фразой, хотя я ему былъ хорошо извѣстенъ по тверской антрепризѣ.

— Чтò вамъ угодно?

Я ему объяснилъ требованіе исправника его разрѣшенія.

— Я не могу,—отвѣтилъ онъ,—дать подобнаго разрѣшенія.

— Почему же? Вѣдь вамъ извѣстенъ приказъ государя относительно лѣтнихъ увеселеній нынѣшняго года?!

— Ничего неизвѣстно!

— Во многихъ другихъ городахъ уже давно начались спектакли.

— Это не мое дѣло!

Повернулся и скрылся въ свой кабинетъ.

Не теряя ни минуты времени, ѣду въ Москву. Отправляюсь прямо къ Верстовскому и прошу его выдать мнѣ засвидѣтельствованную копію съ бумаги министерства двора, подписанной министромъ графомъ Адлербергомъ, въ которой говорилось о разрѣшеніи императоромъ лѣтнихъ увеселеній. Онъ не замедлилъ исполнить мою просьбу, удивляясь придирчивости Бакунина, и предупредилъ, что, если ужъ губернаторъ за что-нибудь гнѣвается на меня, то и этой копіей не достигнуть мнѣ желаемыхъ результатовъ.

Такъ и случилось.

Заручившись копіей, возвращаюсь въ Тверь. Бакунинъ встрѣчаетъ меня такъ же не милостиво, какъ и наканунѣ.

— Вотъ, говорю, ваше превосходительство, засвидѣтельствованное удостовѣреніе, относительно возможности постановки спектаклей.

— Хорошо, я спрошу министра.

— На этой копіи,—возражаю ему,—имѣется подпись министра двора графа Адлерберга.

— Я спрошу своего министра.

— Но, ваше превосходительство, все это отнимаетъ время, которое принесетъ мнѣ невознаградимые убытки, такъ какъ вся труппа сидитъ на мѣстѣ, и я долженъ выплачивать ей условленный гонораръ.

— Это меня не касается.

— Да, но я вамъ представляю такой докуменъ, который требуетъ безусловнаго разрѣшенія вашего.

— Я не обязанъ руководствоваться предписаніями министровъ другихъ вѣдомствъ, у меня есть свой, внутреннихъ дѣлъ.

И опять круто повертывается и исчезаетъ въ кабинетѣ.

Не солоно хлѣбавъ, возвращаюсь въ Волочекъ ожидать результатовъ сношеній Бакунина съ своимъ министерствомъ. Проходитъ недѣля, другая, мѣсяцъ — отъ губернатора ни слуха, ни духа. А ужъ я нѣсколько разъ навѣдывался въ его канцелярію за стереотипнымъ отвѣтомъ:

— Еще не получено!

Видимое дѣло, что Бакунинъ умышленно задерживалъ открытіе моего театра. Что была за причина его непріязни ко мнѣ, я до сихъ поръ не постигаю, но думаю, что на него, крайняго самолюбивца, подѣйствовала глупая неосторожность одного изъ моихъ актеровъ, какъ-то въ послѣдній сезонъ удачно загримировавшагося его превосходительствомъ. Дѣлать нечего, пришлось расхлебывать эту кашу, заваренную безъ моего вѣдома.

Іюнь подходилъ къ концу, а изъ Петербурга отвѣта все нѣтъ какъ нѣтъ. Свои визиты въ губернаторскую канцелярію я участилъ, но толку отъ этого, разумѣется, не было. Очень вѣроятно,

что я прискучилъ правителю канцеляріи, потому что онъ посовѣтывалъ мнѣ отправиться самому въ Петербургъ и подвинуть дѣло личнымъ участіемъ. Это и самому мнѣ казалось единственнымъ исходомъ для благополучнаго разрѣшенія немудренаго вопроса.

Пріѣзжаю въ Петербургъ и прежде чѣмъ направиться въ министерство внутреннихъ дѣлъ за необходимою справкою, навѣстилъ своего пріятеля Ивана Ивановича Сосницкаго, ветерана петербургской драматической сцены. Разсказалъ ему свое положеніе. Онъ посовѣтывалъ мнѣ лично подать министру жалобу на дѣйствія Бакунина и съ своей стороны пообѣщалъ содѣйствовать у графа Адлерберга, съ которымъ онъ былъ знакомъ.

Съ помощью того же Сосницкаго, составилъ я прошеніе и на другой день въ пріемные часы явился къ министру внутреннихъ дѣлъ Бибикову, который, пробѣжавъ мою просьбу, сердито произнесъ про себя, но такъ что я ясно разслышалъ:

— Опять! Вѣчно у него кляузы...

И уже обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Можете отправляться къ себѣ и открывать театръ, я сдѣлаю объ этомъ немедленное распоряженіе.

Отъ него я зашелъ въ присутствіе и справился, для удовлетворенія своего любопытства, адресовалъ ли Бакунинъ сюда запросъ обо мнѣ и оказалось, что ничего подобнаго не поступало отъ него въ министерство. Тутъ ужъ я окончательно убѣдился, что Александръ Павловичъ сводитъ со мной какіе-то, невѣдомые мнѣ счеты.

Уѣзжаю въ Вышній-Волочекъ и ожидаю тамъ послѣдствій моего путешествія въ Петербургъ. Черезъ нѣсколько дней приходитъ ко мнѣ исправникъ и объявляетъ, что меня немедленно требуютъ въ Тверь, въ губернское правленіе.

Отправляюсь. Встрѣчаетъ меня вице-губернаторъ (фамилію его запамятовалъ) и таинственно приглашаетъ къ себѣ въ кабинетъ.

— Вы подавали прошеніе министру внутреннихъ дѣлъ? — спросилъ онъ, любезно предлагая мнѣ мѣсто около письменнаго стола.

— Да, подавалъ.

— Резолюція господина министра на вашу просьбу такова: разрѣшить вамъ въ городѣ Вышнемъ-Волочкѣ постановку драматическихъ спектактей и взыскать въ вашу пользу съ губернатора нашего всѣ убытки, понесенные вами съ начала сезона по сіе число.

Послѣ небольшого молчанія, вице-губеннаторъ сказалъ:

— Относительно послѣдняго, Александръ Павловичъ просилъ меня передать вамъ, чтобы вы зашли къ нему на квартиру.

— Слушаю.

Я откланялся и хотѣлъ было уходить, но онъ меня остановилъ вопросомъ:

— Зачѣмъ было ѣздить съ жалобами, неужели нельзя было покончить эти пустяки домашнимъ образомъ?

— Я былъ вынужденъ къ этому систематическими притѣсненіями начальника губерніи...

— Ну, ладно, пожаловались вы министру внутреннихъ дѣлъ, но зачѣмъ было еще министру двора доносить. Знаете ли вы, что̀ изъ этого произошло?

Я отвѣчалъ отрицательно, вице-губернаторъ продолжалъ:

— То, что Александръ Павловичъ отставленъ отъ должности губернатора.

Это извѣстіе поразило меня до крайности и я пожалѣлъ, что сгоряча не остановилъ Сосницкаго отъ сообщенія графу Адлербергу происшедшаго между мною и Бакунинымъ недоразумѣнія. Убытковъ, разумѣется, съ него я не искалъ, хотя все это происшествіе обошлось мнѣ не въ одну тысячу рублей. Вотъ какой, повидимому, незначительный случай послужилъ поводомъ къ смѣщенію съ губернаторской должности Бакунина.

Только въ іюлѣ началъ я сезонъ и, конечно, ни коимъ образомъ не возвратилъ своихъ потерь за первую половину лѣта, хотя дѣла шли порядочно и труппа моя чрезвычайно нравилась жителямъ. Особеннымъ успѣхомъ пользовались Разсказовъ и Васильевъ, оба въ то время молодые и оба талантливые. Впрочемъ, послѣдній тогда не былъ еще окончательно сформированъ, и я помню, какъ онъ сробѣлъ при первомъ появленіи передъ новою публикою. У него была поговорка: «сударь ты мой», которую онъ обыкновенно вклеивалъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Выступилъ онъ въ старинномъ водевилѣ «Кетли или возвращеніе въ Швейцарію». Ему слѣдовало пропѣть куплетъ, начинавшійся такъ:

«О, мирная страна
«Всегда плѣняла ты поэта,
«Ты красоты полна,
«Ты намъ убѣжище отъ свѣта».

Павелъ Васильевичъ сбился съ такта и исковеркалъ этотъ мотивъ во что-то невообразимое, пропѣвъ его:

«О, мирная, сударь ты мой
«Всегда, сударь ты мой, поэта
«Плѣняла красотой,
«Сударь ты мой, сударь ты мой»...

Публика не истовствовала отъ смѣха, а сконфуженный артистъ предпочелъ весь остальной свой музыкальный номеръ промолчать.

— Что съ тобой, Павелъ, сдѣлалось?—спрашивалъ я его потомъ.

— Оробѣлъ... языкъ проглотилъ, сударь ты мой...

VIII.

Актерскія оговорки: Г. А. Выходцевъ.—Рыбаковъ.—Актерскія шалости на сценѣ: Смирновъ. — Милославскій. — К—скій. — Ш—въ.

Про оговорки на сценѣ существуетъ масса анекдотовъ самаго потѣшнаго свойства. Въ особенности отличаются оговорками провинціальные лицедѣи, у которыхъ рѣдкій спектакль проходитъ безъ того, чтобы кто-нибудь изъ нихъ «не проврался».

Безспорно, это одно изъ величайшихъ золъ въ смыслѣ сценическаго успѣха. Прежде всего терпятъ отъ этого авторы, потомъ публика и потомъ уже неминуемо актеры. Благодаря неумѣстно сказанной фразѣ, не во время произнесенному слову, получается очень часто искаженіе всей пьесы. Также теряетъ много пьеса и оттого, что зрители хохочутъ тамъ, гдѣ бы имъ слѣдовало быть расположенными къ слезамъ. Въ этомъ случаѣ у публики иллюзія исчезаетъ, эстетическаго удовольствія, за которымъ она собственно и идетъ въ театръ, не испытывается, и актеры въ ея глазахъ получаютъ слишкомъ невыгодную себѣ оцѣнку. Все одно къ одному: актеръ глупо оговорится, публика не во время развеселится, а это въ значительной степени расхолаживаетъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ; исполнители, какъ говорится, выходятъ изъ своихъ ролей. Черезъ это сценическое дѣйствіе утрачиваетъ свой видъ и пьеса терпитъ незаслуженное fiasco.

Для избѣжанія этого зла есть раціональное средство: внимательнѣе относиться къ дѣлу и тверже заучивать свои роли. Но гдѣ теперь найти такихъ, по истинѣ, жрецовъ искусства?! А вѣдь только этимъ и можно достигнуть точной передачи мысли автора, безъ вольныхъ и невольныхъ погрѣшностей искаженія. Крупныя оговорки есть слѣдствіе уродливой актерской привычки говорить на сценѣ своими словами, мало придерживаясь текста пьесы. Я не знаю какимъ образомъ развивается эта пагубная привычка въ провинціальныхъ актерахъ, но знаю, что сю они щеголяютъ другъ передъ другомъ, какъ особенно выдающейся услугой родному искусству. Подобное небрежное отношеніе къ дѣлу, допускаемое невѣжественными служителями сцены, разумѣется, находитъ себѣ мѣсто только въ провинціи, гдѣ современные театральные дѣятели смотрятъ на искусство исключительно съ точки зрѣнія матеріальной, гдѣ преслѣдуются исключительно только гроши. Эти грошовые представители храма Мельпомены въ послѣднее время дошли до такой поражающей смѣлости, чтобы не сказать болѣе, что передѣлываютъ, въ смыслѣ перефразировокъ и самовольныхъ добавленій, классическій репертуаръ. Языкъ Шекспира, Гоголя, Грибоѣдова, этимъ господамъ кажется устарѣвшимъ на столько, что безъ ихъ коментарій и безъ ихъ соли, эти авторы идти уже не

могутъ. Должно быть поэтому провинціальная сцена въ настоящее время производитъ удручающее впечатлѣніе и значеніе драматическаго театра въ провинціи теперь не превышаетъ какого-нибудь ярмарочнаго балагана съ труппою бродячихъ комедіантовъ. Это обстоятельство, главнымъ образомъ, и ведетъ къ окончательному упадку сцены, которая ужъ и безъ того давнымъ давно не блещетъ должнымъ морализирующимъ и воспитательнымъ характеромъ для толпы.

На подмосткахъ казенныхъ столичныхъ театровъ, оговорки не встрѣчаются почти совсѣмъ, вслѣдствіе того, что представителямъ этихъ сценъ положены границы и предъявлены къ нимъ строгія требованія относиться къ искусству честно и благородно. Положимъ, что столичные актеры имѣютъ несравненно болѣе возможности къ этому честному и благородному отношенію, нежели провинціальные, которымъ, пожалуй, это можетъ послужить отчасти оправданіемъ,— въ силу того, что столичнымъ актерамъ на разучиваніе ролей дается время довольно продолжительное, а именно мѣсяцъ и даже болѣе, что репетицій для одной пьесы у нихъ бываетъ отъ 8 до 15, тогда какъ провинціальные должны приготовить роль въ день, много— въ два, и играть ее съ одной или двухъ репетицій. Но все-таки и при такихъ относительно тяжелыхъ условіяхъ, извиняющихъ многое, настоящему артисту можно достигнуть нѣкоторой порядочности въ отношеніи честной исполнительности требованій искусства и стать выше обычнаго уровня, заполоненнаго въ данное время какими-то необразованными, полуграмотными «выскочками», ничего общаго съ театромъ не имѣющими и выплывшими на подмостки Богъ знаетъ откуда.

Но съ другой стороны, еслибы разбросать столичныхъ актеровъ по русскимъ захолустьямъ, то не многіе изъ нихъ долго продержали бы знамя «честнаго и непорочнаго отношенія»; большинство сбилось бы на традиціяхъ, если такъ можно выразиться, своихъ захолустныхъ коллегъ и впало бы въ непростительныя «отношенія», взваливая все это, разумѣется, «на глупыя требованія не чуткой провинціальной публики». Конечно, это завѣдомая ложь, но вѣдь нужно же на кого-нибудь свалить, нельзя же признаться въ собственной несостоятельности!

Изъ нижеприведенныхъ анекдотовъ можно заключить, что многіе изъ актеровъ не просто оговаривались, а умышленно перевирали или присочиняли цѣлыя фразы для того, чтобы заставить зрителя улыбнуться. Наиболѣе наивные думали на этихъ улыбкахъ построить свой успѣхъ!

Самымъ удивительнымъ перевираніемъ ролей славился въ продолженіе слишкомъ пятидесяти лѣтъ извѣстный провинціальный актеръ Григорій Алексѣевичъ Выходцевъ [1]). Про него даже гово-

[1]) Умершій лѣтъ пять тому назадъ и не покидавшій сцены до самой смерти, случившейся кажется на семидесятомъ году жизни.

рили, что онъ «вретъ классически» и имя его въ нашихъ закулисныхъ сферахъ было нарицательнымъ,— «онъ вретъ, какъ Выходцевъ», — замѣчали про кого-нибудь, кто ужъ черезчуръ переходилъ рубиконъ правды.

Многія мѣста въ пьесахъ, которыя для него казались непонятными или **сухими**, онъ разбавлялъ собственнымъ остроуміемъ самаго сомнительнаго свойства. Онъ не церемонился ни съ какими пьесами, будь ли то драма или пустой водевиль, классическая трагедія или глупая оперетка. Для того, чтобы угодить «райской» публикѣ, Выходцевъ позволялъ себѣ грубый шаржъ, въ видѣ «отсебятины», доходившей иногда до неприличности, до скабрезности. На заслуженные укоры интелигентныхъ посѣтителей, онъ обыкновенно отзывался такъ:

— А чтожъ?—Хучь и не того, да за то смѣшно...

Въ «Ревизорѣ», играя городничаго, онъ такъ выражался въ первомъ дѣйствіи: «и вижу я во снѣ вдругъ, что приперли ко мнѣ двѣ черныя крысы зеленаго цвѣта, понюхали и ушли»; и далѣе: «пока онъ говорилъ о вавилонянахъ, да объ ассиріянцахъ — такъ еще ничего, а какъ дошелъ до Македона Александровскаго, какъ хватитъ иконой объ полъ, такъ хучь стулья вонъ выноси!»

И когда, ему, однажды, послѣ подобной нелѣпицы, не рекомендующей умственный запасъ его, кто-то изъ публики замѣтилъ:

— Развѣ можно Гоголя искажать?

Онъ пресерьезно отвѣтилъ:

— Я не искажаю, а истолковываю!

Въ пятомъ же дѣйствіи, Выходцевъ такъ ругался на купцовъ: «ахъ, вы краснопузые черти! Ахъ, вы самовары не луженые! Ахъ, вы едондоры! Ахъ, вы интендаты военные! и т. д. въ этомъ же духѣ.

Въ «Испорченной жизни», играя Делакторскаго, онъ тоже отличался: вмѣсто фразы «и когда дьяволъ хотѣлъ соблазнять пустынника, онъ всегда являлся въ женскомъ платьѣ, — это его любимый костюмъ», Григорій Алексѣевичъ говорилъ: «И когда дьяволъ проклятый хотѣлъ соблазнять пустынника, то всегда являлся подъ женской юбкой,—это его любимое мѣстопребываніе».

А какъ онъ передѣлывалъ стихи Грибоѣдова въ «Горѣ отъ ума», такъ лучше умолчать; достаточно сказать, что онъ велъ всю роль Фамусова **своими словами**.

Впрочемъ, какъ характерный образецъ его поэтическаго творчества, приведу его выходной монологъ четвертаго дѣйствія:

«Эй, сюда! Фонарей, свѣчей и люстровъ больше!
«Гдѣ черти, дьяволы и домовые?
«Ахъ, это ты, Софья Павловна, срамница,
«Совсѣмъ негодная дѣвица,
«Ни дать, ни взять,
«Какъ упокоившаяся мать:

«Чуть только по нуждѣ я отвернусь,
«А она глядь! преспокойно стоитъ
«И съ молодымъ мужчиной лясы точитъ».

Однажды, играя роль Ванъ Эмбдена, въ извѣстной трагедіи Карла Гуцкова «Уріель Акоста», Выходцевъ долженъ былъ произнести въ четвертомъ дѣйствіи такую реплику, обращенную къ Уріелю:

«Такъ просто намъ скажи:
«Во что̀ ты вѣруешь?»

Но онъ ее проредактировалъ, пригналъ риѳму и торжественно сказалъ:

«Акоста, Акоста!
«Скажи намъ просто,
«Коль не секретъ—
«Жидъ ты иль нѣтъ?»

Выходцевъ вообще страдалъ маніей стихотворства и всякую прозу вѣчно наровилъ облечь въ риѳмованную чепуху. Въ то старое время штрафовъ не существовало и обуздать этого оригинала нельзя было никакимъ образомъ. Какъ, бывало, не убѣждаешь его отрѣшиться отъ этой безобразной привычки, онъ всегда одинаково отвѣчалъ:

— Комикъ долженъ быть разнообразенъ!

Такъ же часто оговаривался, но не умышленно, знаменитый трагикъ Николай Хрисанѳовичъ Рыбаковъ. Впрочемъ, его оговорки имѣли уважительную причину: въ послѣдніе годы жизни онъ сталъ слабъ на ухо. У него были вѣчныя недоразумѣнія и препирательства съ суфлеромъ, который старался для него всѣми силами; изъ кожи лѣзъ, чтобы угодить полуоглохшему трагику, но тотъ все самымъ немилосерднымъ образомъ перевиралъ. Въ молодости же Николай Хрисанѳовичъ былъ лучшимъ примѣромъ точности передачи словъ автора.

Въ какой-то пьесѣ, помнится, ему слѣдовало сказать: «она изнемогла подъ бременемъ семейнаго деспотизма», но онъ, волею судебъ, передалъ эту фразу такъ:

— Она беременна семействомъ демона!

И произнесъ ее со всѣми сценическими эфектами съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.

Въ другой разъ, онъ никакъ не могъ уловить словъ, усиленно подаваемыхъ ему суфлеромъ:

— Ты смѣлъ, какъ Брутъ!

Раза три суфлеръ ихъ повторилъ, но Рыбаковъ никакъ не могъ уяснить ихъ смыслъ: ему слышится все что-то очень не вяжущееся съ ходомъ пьесы. Наконецъ, послѣ большой паузы, онъ говоритъ:

— Ты съѣлъ бутербродъ!

Раздается въ публикѣ безконечный хохотъ и полное недоумѣніе артиста.

Припоминая оговаривавшихся, я не могу пропустить молчаніемъ очень даровитой актрисы К., которая при началѣ своей сценической карьеры страдала убійственнымъ выговоромъ, объясняемымъ ея простымъ происхожденіемъ и рѣшительнымъ необразованіемъ. Ей поручались обыкновенно бытовыя роли, въ пьесахъ же салонныхъ занимать ее я избѣгалъ, хотя, впрочемъ, изрѣдка, при недостаткѣ персонала, приходилось мириться и съ ней. Однажды, играетъ она въ какой-то переводной французской мелодрамѣ роль маркизы, одну изъ фразъ которой, съ свойственнымъ ей выговоромъ, она произнесла такъ:

— Чтожъ изъ эстаго, графъ? кажный можетъ поступать такъ, какъ ему угодно.

Я, сидя въ мѣстахъ и созерцая игру своихъ актеровъ, очень понятно, срываюсь съ мѣста и бѣгу на сцену. Розыскиваю К. и говорю:

— Что вы дѣлаете? Какъ вы говорите? Публика хохочетъ на васъ.

Она обидчиво замѣтила:

— Вы вѣчно ко мнѣ придираетесь...

— Помилуйте, какая же это придирка... Развѣ можетъ сказать маркиза «изъ эстаго», «кажный»...

К. совсѣмъ разсердилась.

— Чтожъ вы думаете, — набросилась она на меня,— что я за семьдесятъ пять рублей говорить вамъ правильно стану?—Ну, ужъ это—ахъ, оставьте!

Отъ оговорокъ весьма естественный переходъ къ актерскимъ шалостямъ на сценѣ. Имъ тоже нѣсть числа.

Шалости еще пошлѣе, грубѣе и безобразнѣе оговорокъ, потому-что ихъ авторами являются по большей части первосюжетные артисты, не боящіеся никакой отвѣтственности за нихъ, даже хотя бы такой, какъ денежный штрафъ. Между тѣмъ оговорки есть въ большинствѣ продуктъ необразованности, недалекости, не сообразительности актеровъ; кромѣ того, по странной случайности, оговорки болѣе присущи малодаровитымъ личностямъ, въ талантливомъ же человѣкѣ онѣ какъ-то стушовываются сами по себѣ, а такъ какъ первосюжетные артисты, за рѣдкимъ исключеніемъ, люди развитые, грамотные, способные къ анализу своихъ дѣйствій, то имъ совершенно непростительны тѣ якобы невинныя шутки, которыми они глумятся надъ публикой, надъ авторомъ, надъ товарищами.

Я знаю массу шалостей, продѣланныхъ у меня въ театрѣ, и большинство изъ нихъ принадлежитъ «извѣстностямъ», въ родѣ Милославскаго, К—скаго, Ш—ва. Нѣкоторыя изъ нихъ я приведу

для характеристики этихъ господъ и ихъ отношеній къ театру, публикѣ и товарищамъ.

Въ Твери служилъ у меня актеръ Смирновъ, который безъ понюшки табаку не могъ пробыть буквально пяти минутъ. У него была такъ велика страсть къ «березинскому», что съ своей тавлинкой онъ никогда не разставался; даже, выходя на сцену, онъ бралъ ее съ собой. Поэтому, исполняя какую-либо роль, онъ избѣгалъ вообще гримировки съ усами, а если ужъ было необходимо быть въ таковыхъ, то онъ приказывалъ парикмахеру давать ему не наклейные усы, а пристяжные съ пружинками.

Однажды, игралъ онъ роль Франца въ водевилѣ «Кетли или возвращеніе въ Швейцарію». Пользуясь тѣмъ, что до его явленія было далеко, онъ забрался въ уборную, снялъ усы и сталъ понюхивать свой табачокъ съ чувствомъ, съ толкомъ и разстановкой.

Не успѣлъ онъ войти во вкусъ, какъ вбѣгаетъ запыхавшійся сценаріусъ и зоветъ скорѣй на сцену, поспѣть къ выходу. Смирновъ опрометью бросился на сцену, въ попыхахъ забывъ зацѣпить за носъ усы. Актеръ Леоновъ, первый замѣтившій, что Смирновъ вышелъ полуразгримированнымъ, вздумалъ пошутить надъ нимъ и громко сказалъ ему:

— Къ тебѣ усы очень идутъ, но жаль, что ты носишь ихъ не на показанномъ природою мѣстѣ!

— Эхъ, братъ, ничего не подѣлаешь! Произнесъ въ тонъ ему Смирновъ, показывая усы, бывшіе у него въ рукахъ.—Забылъ ихъ нацѣпить проклятыхъ!

Николай Карловичъ Милославскій былъ шутникомъ большой руки и въ своихъ шалостяхъ на сценѣ заходилъ гораздо дальше чѣмъ Леоновъ въ вышеприведенномъ анекдотѣ.

Какъ-то игралъ онъ Жоржа Морица въ популярной французской мелодрамѣ «Графиня Клара Д'Обервиль». Во второмъ актѣ у него есть сцена съ докторомъ, роль котораго по ея незначительности всегда поручается второстепенному актеру. Такъ было сдѣлано и на этотъ разъ, но игравшій не потрудился выучить ее хорошенько и вышелъ на сцену, не зная ни аза, очень развязно и смѣло. Послѣ двухъ-трехъ фразъ, исковерканныхъ имъ немилосердно, Милославскій обращается къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ, бывшимъ тутъ же и говоритъ:

— Ради Бога, уберите отъ меня этого доктора, онъ меня раньше пятаго акта уморитъ!..

«Докторъ» до того сконфузился, что убѣжалъ со сцены при громкомъ хохотѣ зрителей и актеровъ.

Въ другой разъ Милославскій изображалъ какого-то водевильнаго любовника. По пьесѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ должно было обратиться къ нему съ словами:

— Развѣ вы меня не узнаете? Я вашъ старинный знакомый Пѣтушковъ!

Актеръ, игравшій этого Пѣтушкова, сказалъ бойко эту фразу, но фамилію свою забылъ, а суфлера разслышать не могъ.

— Я вашъ старинный знакомый...

И опять запнулся. Милосливскій съ ѣдкой улыбочкой его спрашиваетъ:

— А фамилію свою вы, вѣроятно, въ дорогѣ потеряли?

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ же,—конфузливо произнесъ актеръ и брякнулъ на авось:—я Индюковъ!

Николай Карловичъ состроилъ недовѣрчивую мину и, желая бѣднаго товарища уничтожить въ конецъ, сказалъ:

— У меня никогда не было знакомаго съ такой невыносимой фамиліей... Вы обознались...

Актеръ совсѣмъ растерялся.

— Но, позвольте...

— Нечего мнѣ позволять,—продолжалъ тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ Милославскій,—а если вы мнѣ не вѣрите, то загляните въ сегодняшнюю афишу, въ ней вы подробно обозначены...

Это, разумѣется, шутка, безъ злого умысла, но она такъ смутила несчастнаго Пѣтушкова, что тотъ, какъ потомъ признавался самъ, не зналъ какъ кончить водевиль.

Этотъ же Милославскій, играя у меня въ Костромѣ отца Моора въ трагедіи «Разбойники», говорилъ слабымъ голосомъ умирающаго человѣка въ той сценѣ, которая ведется по выходѣ его изъ башни. Кто-то изъ публики крикнулъ ему:

— Громче!

Николай Карловичъ выпрямился и, обратясь въ ту сторону, откуда послышался возгласъ, произнесъ своимъ голосомъ:

— Умирающій старикъ громко говорить не можетъ!

Потомъ опять принялъ образъ старца и продолжалъ роль прежнимъ тономъ.

Очень похожее на это было устроено комикомъ К—скимъ, игравшимъ въ старинномъ водевилѣ «Бѣдовая бабушка» роль старика Глова. По какимъ-то обстоятельствамъ, нѣкоторое время суфлера замѣнялъ сценаріусъ, крайне неопытный въ дѣлѣ суфлированія, а потому подававшій реплики тихо и невнятно.

Въ срединѣ пьесы, въ извѣстномъ дуэтѣ Глова съ Клучкиной, К—скій пѣлъ старческимъ голосомъ, но когда дошелъ до словъ:

«Не слышу, матушка, ни слова,
«Изволь по громче говорить»,—

наклонился къ суфлерной будкѣ и, обращаясь къ суфлеру, произнесъ своимъ голосомъ:

«Не слышимъ, батюшка, ни слова,
«Изволь по громче говорить».

Въ сущности это находчивость, но строго судя тоже шалость.

Еще славился въ провинціи шалостями актеръ Ш—въ, который особенно не удержимъ былъ въ водевиляхъ. Напримѣръ, въ типической сценѣ «Помолвка въ Галерной гавани», играя одного изъ чиновниковъ, Ш—въ написалъ въ альбомъ на сценѣ экспромтомъ такія вирши, сейчасъ же и прочитанныя имъ:

«Дай Богъ, чтобъ жизнь твоя шла просто!
«Чтобъ дѣтокъ было бы штукъ со сто:
«Пол-ста твоихъ, пол-ста жены...
«Мы для труда всѣ рождены».

Въ драмѣ Дьяченко «Князь Серебряный», Ш—въ изображалъ Максимушку, сына Малюты Скуратова. Передъ спектаклемъ Ш—въ поспорилъ съ кѣмъ-то изъ публики, что въ этой драмѣ, временъ XVI вѣка, онъ заговоритъ по-французски.

И заговорилъ. Въ самомъ концѣ перваго акта, послѣ милостивыхъ словъ Іоанна Грознаго:

— Дать ему сорокъ соболей на шапку!

Ш—въ отвѣтилъ съ низкимъ поклономъ:

— Merci!

Разумѣется, вся иллюзія была убита однимъ этимъ словомъ; и что же? не чуткая публика наградила еще за это не въ мѣру шаловливаго актера аплодисментами.

Вотъ при какихъ отчаянныхъ условіяхъ ведется театральное дѣло въ провинціи. Невольно появляются такого рода сопоставленія: въ старое время, при зарожденіи провинціальной сцены, когда были актеры, серьезно относившіеся къ дѣлу, театръ процвѣталъ и имѣлъ громадное воспитательное значеніе, а теперь, когда сцена должна была бы достигнуть апогея славы, быть предметомъ общаго обожанія,— она падаетъ?... Это наводитъ на серьезное размышленіе, въ особенности мнѣ, старому антрепренеру, за нее обидно и больно...

IX.

Симбирская и самарская антрепризы.— Побѣгъ труппы изъ Симбирска.— Зорина и Запольская, впослѣдствіи опереточныя звѣздочки.—В. Н. Андреевъ-Бурлакъ.— Начало его театральной дѣятельности.—«Орфей въ аду».— Его дебютъ въ опереткѣ.— Послѣдующія встрѣчи съ нимъ.

Я держалъ два театра одновременно: симбирскій и самарскій. Послѣднимъ я управлялъ самолично, а управленіе первымъ поручено было актеру А. Б—му. Дѣла шли и тамъ и тутъ превосходно, въ особенности же при условіи ежемѣсячнаго обмѣна труппъ. Это дѣлалось такъ: самарская ѣхала въ Симбирскъ, симбирская на смѣну ей пріѣзжала въ Самару, а по истеченіи мѣсяца разъѣзжа-

лись снова. Въ это время у меня обѣ труппы были полны талантливыми личностями, пользовавшимися заслуженнымъ успѣхомъ у мѣстной публики.

Вдругъ, въ самый разгаръ сезона, пріѣзжаетъ ко мнѣ въ Самару одинъ изъ симбирскихъ театраловъ и говоритъ:

— Непріятныхъ извѣстій изъ Симбирска не имѣете?

— Нѣтъ, а что такое?

— Б—скій съ вашей труппой уѣхалъ въ Оренбургъ... Я къ вамъ нарочно пріѣхалъ предупредить, чтобы вы во время могли что-либо предпринять...

Поѣхалъ я на мѣсто происшествія и, къ крайнему моему огорченію, удостовѣрился въ истинѣ извѣстія. При разслѣдованіи причины исчезновенія законтрактованныхъ актеровъ, слѣдовательно людей, связанныхъ обязательствами, выяснилось: когда въ предшествующемъ сезонѣ я держалъ оренбургскій театръ, старый, полуразвалившійся, мнѣ крайне симпатизировали какъ военный губернаторъ Крыжановскій, такъ и гражданскій Боборыкинъ, обѣщавшіе содѣйствіе построить на слѣдующій сезонъ новое театральное зданіе.

— Я скоро буду въ Петербургѣ,—сказалъ мнѣ однажды Крыжановскій,—и, вѣроятно, выхлопочу разрѣшеніе и даже пособіе на сооруженіе театра. Но чтобы не остаться на будущій сезонъ безъ труппы для новаго театра, я долженъ заручиться теперь же согласіемъ антрепренера, желающаго его эксплуатировать. Вы какъ на этотъ счетъ думаете, Николай Ивановичъ?

Я отвѣтилъ, что съ удовольствіемъ оставлю за собою театръ, если только не будутъ тягостны условія.

— За первый сезонъ вамъ ничего не придется платить,—объявилъ онъ,—а относительно послѣдующихъ, это ужъ дѣло города.

— На такихъ условіяхъ, я безусловно вашъ антрепренеръ.

— Отлично, но вы должны дать мнѣ обезпеченіе.

— Въ настоящее время для меня это трудно, ваше превосходительство, такъ какъ всѣ капиталы при дѣлѣ.

— Впрочемъ, у меня есть ваши деньги,—сказалъ губернаторъ.

— Какія?—удивился я.

— Да вѣдь я не платилъ вамъ за свою ложу, кажется, и Боборыкинъ тоже. Сдѣлайте разсчетъ сколько придется получить вамъ за сезонъ съ насъ обоихъ.

Я сталъ было отказываться отъ этихъ счетовъ, но Крыжановскій настоялъ на своемъ. Вышло что-то около тысячи рублей.

— Вотъ это и останется вашимъ залогомъ,—сказалъ онъ.— А когда въ будущемъ году начнете спектакли—онѣ будутъ вамъ возвращены въ неприкосновенности.

Въ ожиданіи постройки театра я проживалъ въ Оренбургѣ безъ всякаго дѣла. Крыжановскій уѣхалъ въ Петербургъ и долгое время

тамъ пробылъ. Относительно театра онъ ничего не сообщалъ. Разсчитывая на ограниченность времени, въ промежутокъ котораго врядъ ли можно было справиться съ такою постройкою, какъ театръ, я принялъ предложенія отъ городовъ Самары и Симбирска и отправился туда лѣтомъ для предварительныхъ работъ и для составленія труппъ. Оренбургскій же театръ я предполагалъ имѣть только черезъ годъ, т. е. на предбудущую зиму. Но случилось не такъ: вскорѣ послѣ моего отъѣзда пріѣхалъ въ Оренбургъ Крыжановскій и поспѣшно принялся за работы. Когда зданіе было готово вчернѣ (это было осенью), онъ хватился меня. Ему сообщили, что я антрепренерствую на Волгѣ. Какъ разъ въ это время, онъ предполагалъ совершить какую-то дѣловую поѣздку, кажется, въ Нижній-Новгородъ и хотѣлъ по пути заѣхать ко мнѣ для личныхъ объясненій по поводу театра.

Заѣзжаетъ онъ въ Симбирскъ и какъ разъ въ день спектакля. Спрашиваетъ въ театрѣ меня. Ему отвѣчаютъ, что самъ я съ труппой живу въ Симбирскѣ, а здѣсь есть мой уполномоченный Б—скій, извѣстный ему еще по Оренбургу.

Въ разговорѣ съ Крыжановскимъ, Б-скій сталъ отрицать всякую возможность съ моей стороны заняться постановкою спектаклей въ Оренбургѣ въ этомъ сезонѣ.

— Ивановъ въ данную минуту въ безвыходномъ положеніи,— сказалъ онъ,—потому что оба контракта его преисполнены тягчайшими параграфами, въ силу которыхъ ему нельзя отлучиться изъ этихъ мѣстъ ни на недѣлю.

— Поэтому, оренбургцы обречены на нынѣшнюю зиму сидѣть безъ театра!—произнесъ Крыжановскій.

— Зачѣмъ же?—подхватилъ Б—скій.— Если нельзя ѣхать туда Иванову, то можно ѣхать другимъ.

— Ну, гдѣ теперь этихъ другихъ возьмешь?

— А вы, ваше превосходительство, поглядите сегодняшній спектакль, и если онъ вамъ понравится, то вся здѣшняя труппа къ вашимъ услугамъ...

— Какимъ образомъ? Вѣдь вы служите у Иванова...

— Полуслужимъ, ваше превосходительство! Мы образуемъ изъ себя товарищество и беремъ этотъ театръ отъ арендатора Иванова, у него же своя самостоятельная труппа въ Самарѣ.

Б—скій преступно лгалъ, въ чаяніи поживиться отъ новаго оренбургскаго театра. Крыжановскій просмотрѣлъ спектакль и остался имъ доволенъ.

— И такъ, ваше превосходительство, мы согласны, — сказалъ Б—скій,—но только при условіи, если обезпеченіе Иванова, имѣющееся у васъ, поступитъ въ нашу пользу. Обѣщаніе имъ нарушено, слѣдовательно его залогъ пропадаетъ...

Не желая оставлять свой городъ безъ труппы, Крыжановскій согласился на это, и Б—скій, подговоривъ всѣхъ товарищей и посуля имъ большія выгоды, отправился въ Оренбургъ.

Найдя симбирскій театръ полураззореннымъ и признавая себя ограбленнымъ, я хотѣлъ было пуститься въ погоню за бѣглой труппой, но по зрѣломъ размышленіи рѣшилъ, что врядъ ли придется мнѣ убѣдить ихъ вернуться къ своему долгу, что эти легкомысленные господа по своему обыкновенію не промѣняютъ призрачнаго счастья ни на какія блага и будутъ непоколебимы въ своемъ намѣреніи...

Нужно было озаботиться пріобрѣтеніемъ новой труппы для Симбирска. Кто-то посовѣтовалъ мнѣ проѣхать въ городъ Вольскъ, гдѣ будто бы застряли актеры, дававшіе свои представленія въ сараеподобномъ балаганчикѣ. Являюсь туда и дѣйствительно нахожу почти полную труппу. Всѣ они съ большой охотой согласились служить у меня и тотчасъ же, вмѣстѣ со мной, отправились на мѣсто служенія.

Труппа эта замѣчательна была тѣмъ, что женскій ея персоналъ состоялъ изъ сестеръ Зориной и Запольской, тогда только-что начинавшихъ свое поприще. Съ ними была еще третья сестра, дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, иногда тоже выступавшая въ неответственныхъ роляхъ. Эти молодыя артистки быстро завоевали любовь публики и съ подмостковъ симбирскаго театра, имена ихъ стали получать извѣстность, въ особенности выдвинулась Вѣра Васильевна Зорина, въ короткое время сдѣлавшаяся опереточной знаменитостью и пользовавшаяся громаднымъ успѣхомъ на частныхъ сценахъ обѣихъ столицъ. Это первая Стеша изъ «Цыганскихъ пѣсенъ», неподражаемая въ роляхъ подобнаго типа. У меня она вмѣстѣ съ сестрами получала, кажется, семидесятипяти рублевый окладъ жалованья, впослѣдствіи же, въ апогеѣ своей славы, она имѣла тысячные ангажементы. Впрочемъ, это ни сколько не удивительно, — всѣ знаменитости всегда начинали съ маленькаго и доходили до большаго путемъ строгой постепенности. Такъ-то вѣрнѣе и крѣпче. Выплывавшіе же сразу рѣдко удерживались на извѣстной высотѣ...

Хотя и эта труппа, не говоря уже о Зориной и Запольской, была тоже не дурна, но такихъ сборовъ дѣлать, какъ дѣлала сбѣжавшая, не могла. По этому Самару я принужденъ былъ поручить своему сыну, а самъ остался въ Симбирскѣ для поправленія дѣлъ.

Въ это время въ Симбирскѣ проживалъ театралъ и меценатъ Дмитрій Ивановичъ Минаевъ (отецъ извѣстнаго поэта Дм. Дм.). Однажды, является ко мнѣ отъ него молодой человѣкъ, назвавшійся Василіемъ Николаевичемъ Андреевымъ, и проситъ пожаловать къ «дядѣ Дмитрію Ивановичу для очень важныхъ переговоровъ».

Вмѣстѣ съ Андреевымъ отправляюсь къ Минаеву, который встрѣтилъ меня словами:

— Хотите имѣть большіе сборы?

— Какъ же, помилуйте, не хотѣть...

— Ну, такъ присаживайтесь и поведемте умные разговоры.

Усадивъ меня въ мягкое кресло, радушный хозяинъ заговорилъ:

— Вамъ нужно поставить «Орфея въ аду»... На опереткѣ вы наживете не сотни, а тысячи...

— Такъ-то оно такъ, но постановка «Орфея» сопряжена съ громадными издержками, которыя при настоящемъ положеніи легко могутъ не окупиться.

— Вздоръ! Всегда окупятся...

— Да, наконецъ, и труппа у меня не такова, чтобы стала разыгрывать такія сложныя вещи, какъ оперетка...

— Я ужъ распредѣлилъ роли,—всѣ они прекрасно расходятся: жену Орфея должна играть Зорина, общественное мнѣніе—Запольская, амура—ихъ маленькая сестренка, Юпитера—вы, а Ваньку Стикса — изобразитъ Вася, — сказалъ Минаевъ, указывая на Андреева.—Онъ давно порывается попробовать себя на сценѣ и ужъ сколько разъ упрашивалъ меня, чтобы я походатайствовалъ за него передъ вами...

— Такъ зачѣмъ же непремѣнно выступать въ опереткѣ, можно въ комедіи или драмѣ...

— Такъ дебютировать, просто, нельзя,—возразилъ Дмитрій Ивановичъ,—нужно обязательно съ помпой... Да вы относительно оперетки очень-то не безпокойтесь, потому что хлопоты по ея постановкѣ я съ вами раздѣлю пополамъ. Напримѣръ, я сдѣлаю на свой счетъ костюмы, самъ нарисую необходимыя декораціи...

— А хоръ?—перебилъ я его.

— Я ужъ позаботился объ этомъ: будутъ пѣть архіерейскіе пѣвчіе.

Я покончилъ съ нимъ на слѣдущихъ условіяхъ: съ трехъ первыхъ сборовъ я уплачиваю ему десять процентовъ на покрытіе его расходовъ, четвертый—дѣлимъ по поламъ, изъ пятаго—я получаю двадцать процентовъ, а всѣ послѣдующіе, безъ всякихъ вычетовъ, поступаютъ въ мою пользу.

Минаевъ въ разсчетахъ не ошибся: дѣйствительно, «Орфей въ аду» имѣлъ неимовѣрно громадный успѣхъ и далъ болѣе десяти полныхъ сборовъ подъ рядъ. Оперетка была тогда вновѣ, ея каскадный шикъ производилъ сильное впечатлѣніе на провинціаловъ, невидавшихъ ничего, кромѣ снотворнаго драматическаго репертуара стараго времени. Вотъ что способствовало главнымъ образомъ внѣдренію на русскую сцену этого растлѣвающаго французскаго продукта, крайне нелѣпаго, крайне неумѣстнаго для такого народа, который привыкъ видѣть себя въ извѣстныхъ рамкахъ всегда и во всемъ. Скачокъ отъ тяжелой, глубоко-нравствен-

ной драмы къ легкомысленной оперетке, былъ такъ неразсчитанно рѣзокъ, что въ исторіи нашего театра онъ останется навсегда темнымъ пятномъ. Оперетка не привилась и не могла, разумѣется, привиться, но она произвела такую удручающую пертурбацію въ искусствѣ, смывать которую придется вѣкомъ, а не годами...

Василій Николаевичъ Андреевъ, впослѣдствіи извѣстный артистъ Андреевъ-Бурлакъ, послѣ опереточной роли Стикса, исполнилъ, и очень недурно для начинающаго, Осипа въ «Ревизорѣ» и Подколесина въ «Женитьбѣ». Попытки его на театральныхъ подмосткахъ оказались удачными на столько, что онъ рѣшился посвятить себя сценѣ, предварительно отказавшись отъ капитанства на волжскихъ пароходахъ, каковая должность давала ему довольно приличное вознагражденіе. У меня же онъ удовольствовался сорокарублевымъ содержаніемъ и прослужилъ до конца сезона. Такимъ образомъ, первые шаги по сценѣ Бурлакъ сдѣлалъ у меня и въ самое непродолжительное время составилъ себѣ видную репутацію талантливѣйшаго актера.

Во время моего перваго знакомства съ нимъ, онъ былъ очень молодъ, здоровъ, румянъ и жизнерадостенъ. Помнится, не пилъ и даже не курилъ. Судя по внѣшнему виду, онъ долженъ былъ быть долговѣчнымъ, но на самомъ дѣлѣ случилось иначе. Спознавшись съ актерствомъ, съ ихъ безшабашнымъ житьемъ, легкомысленнымъ нравомъ, онъ предался сокрушительной рюмочкѣ, постепенно разрушавшей его организмъ. Не имѣя твердаго характера, трудно удержаться, будучи въ актерскомъ званіи, отъ соблазна выпить или «для храбрости», или «съ горя»,—актеры на этотъ счетъ безудержный народъ. А Василій Николаевичъ обладалъ характеромъ слабымъ, податливымъ и даже подражательнымъ, почему его тяготеніе къ вину становится понятнымъ.

Я встрѣчался съ нимъ неоднократно послѣ Симбирска, и каждый разъ онъ болѣе и болѣе вытѣснялъ изъ моей памяти образъ того юноши, который возбуждалъ зависть своимъ необыкновенно-цвѣтущимъ здоровьемъ. Въ какіе-нибудь десять лѣтъ онъ измѣнился до неузнаваемости: обрюзгъ, постарѣлъ, съ вѣчной болѣзненной миной на физіономіи. Послѣдній разъ я видѣлся съ нимъ въ Ригѣ. Онъ пріѣзжалъ ко мнѣ на гастроли. Тутъ ужъ онъ совсѣмъ выглядѣлъ не хорошо: вѣчно-усталый, безсильный, съ непрерывной одышкой, раздражительный.

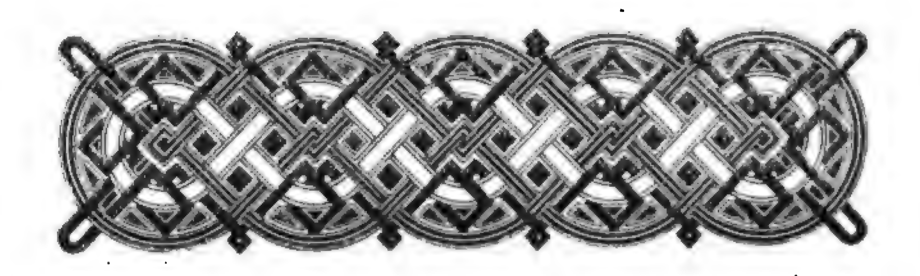
Я участливо освѣдомился о его здоровьѣ.

— Я здоровъ, — отвѣтилъ онъ мнѣ, — но такъ какъ-то за послѣднее время немного расхлябался... Вотъ брошу всѣ гнусныя привычки—и опять человѣкомъ стану...

Читалъ онъ въ Ригѣ «Записки сумасшедшаго» и «Разсказъ Мармеладова». Обѣ эти вещи произвели глубокое впечатлѣніе на зрителей.

Н. Ивановъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

НАСТОЯЩАЯ статья составляетъ отрывокъ изъ большой историко-политической записки, которая, быть можетъ, современемъ будетъ напечатана. Хотя авторъ записки не принадлежитъ по профессіи ни къ историкамъ, ни къ политикамъ, но онъ постоянно находился очень близко къ дипломатіи и внимательно слѣдилъ за ходомъ русской политики на Востокѣ. Его взгляды отличаются, по нашему мнѣнію, такой правдивостью и такимъ пониманіемъ предмета, что мы съ удовольствіемъ пользуемся разрѣшеніемъ автора помѣстить на страницахъ «Историческаго Вѣстника» этотъ отрывокъ изъ его почтеннаго труда. Ред.

Съ паденіемъ Наполеона I и съ водвореніемъ всеобщаго мира въ Европѣ, начинается другая борьба,—дипломатическая,—борьба вліяній между Россіею и Австріею на Востокѣ. Уже въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I, Австрія стала явно стремиться къ отстраненію непосредственнаго давленія Россіи на Турцію,—и чувствуя свое безсиліе передъ обаяніемъ, пріобрѣтеннымъ Россіею въ борьбѣ съ Наполеономъ, она придумываетъ ту комбинацію, которая, исподоволь созрѣвая въ канцеляріяхъ европейскихъ державъ, приняла въ 1854 г. грозный видъ нашествія на Россію двунадесяти языковъ, ради огражденія Турціи общимъ содѣйствіемъ Европы.

Одинъ изъ нашихъ самыхъ талантливыхъ писателей, посвятившій свое перо изслѣдованію современной политики Россіи, всю

вину нашихъ неудачъ въ борьбѣ съ непріязненнымъ настроеніемъ европейскихъ державъ сваливаетъ, не запинаясь, на нашу дипломатію, наличный составъ которой, набранный преимущественно изъ иностранцевъ, отличался, будто бы, неограниченнымъ благоговѣніемъ передъ Западомъ и совершеннымъ пренебреженіемъ къ русскимъ національнымъ стремленіямъ; какъ будто дипломатъ, какъ бы онъ ни былъ способенъ, можетъ остановить появленіе такихъ препятствій, которыя истекаютъ изъ развитія самыхъ существенныхъ интересовъ народовъ! Можно еще допустить, что человѣческая воля способна видоизмѣнить форму, которую событіе можетъ принять въ данный моментъ, при данной политической обстановкѣ, но опасенія внушаемыя Европѣ громадностью Россіи и неистощимымъ запасомъ ея силъ и противодѣйствіе Европы могуществу Россіи и распространенію ея вліянія,—такія естественныя явленія, которыхъ никакой государственный человѣкъ не въ состояніи ни помирить, ни сократить. Но обвинять самого императора Николая въ томъ, что онъ сталъ тоже подчиняться вліянію своего министра иностранныхъ дѣлъ и отрекаться отъ первоначальнаго своего намѣренія руководствоваться исключительно интересами Россіи,—этого посягательства на величественное самовластіе императора Николая уже никакъ допустить нельзя, и иначе назвать нельзя какъ увлеченіемъ, предвзятою мыслью, если вспомнить, между прочимъ, что инструкціи которыми онъ снабжалъ и графа Орлова въ 1833 г., и князя Меншикова въ 1854 г. не всѣ проходили чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ!

Съ самаго своего воцаренія, императоръ Николай все свое вниманіе обратилъ на восточный вопросъ. Онъ далъ себѣ обѣтъ поставить его въ такую рамку, которая позволила бы Россіи ждать спокойно окончательной его развязки. Онъ чувствовалъ себя сильнымъ и ничего не хотѣлъ предоставить своимъ наслѣдникамъ изъ всего того, что онъ надѣялся совершить самъ. Сверхъ того, онъ считалъ себя въ правѣ дѣйствовать самостоятельно. Къ сподвижникамъ Россіи по отжившему свой вѣкъ Священному Союзу обратиться за помощью онъ не хотѣлъ, потому-что всякая помощь оплачивается уступками, а восточный вопросъ онъ считалъ исключительнымъ достояніемъ Россіи. Но какъ приступить къ дѣлу, не возбуждая подозрѣнія Европы? Императоръ Николай остановился сначала на слѣдующей программѣ, которая, въ его умѣ, вполнѣ согласовала интересы Европы съ интересами Россіи. Чего въ сущности желали европейскія державы? Обезпечить цѣлость и неприкосновенность Турціи? Эту задачу онъ принималъ на себя, лишь бы въ дѣла Востока никто не вмѣшивался, лишь бы никто не заступился за Турцію въ его расчетахъ съ нею. При этомъ условіи, онъ обязывался отказаться отъ всякихъ завоеваній, и ограждать Турцію отъ всякихъ внѣшнихъ покушеній, отъ всякихъ внутрен-

нихъ переворотовъ. Такова программа, которую императоръ Николай, съ благородною искренностью, предлагалъ европейскимъ державамъ въ первые годы своего царствованія, и которую онъ простодушно считалъ до того естественною, что не допускалъ и возможности какихъ-либо на нее возраженій. Впослѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ созрѣвало въ немъ политическое чутье, ему часто приходилось смягчать суровость своихъ принциповъ, но отъ этой своей программы, за неимѣніемъ другой, онъ никогда вполнѣ не отрѣкался; и стараясь примирить два совершенно непримиримыя между собою начала,—собственную самостоятельность и требованія западныхъ державъ,—онъ до конца жизни одною рукою отстранялъ Европу отъ Востока, а другою призывалъ ее на соглашеніе. Въ этомъ противорѣчіи и кроется причина его колебаній и его неудачъ; противорѣчіе лежало въ самой основѣ его программы, которая, съ сущности, опиралась на недоразумѣніе, потому-что, отстаивая сохраненіе Турціи, Европа имѣла въ виду огражденіе ея именно противъ Россіи, а предоставить ее Россіи, хоть бы на храненіе, значило бы все-таки выдать Россіи владѣнную запись на Турцію; такъ что программу свою императоръ Николай могъ осуществить только при одномъ условіи: силою покорить Европу своей волѣ. Но воля его оказалась слишкомъ обширныхъ размѣровъ, и въ 1856 г. Россія подъ ея тяжестью надорвалась.

Для приведенія въ исполненіе своихъ предначертаній по восточному вопросу, императоръ Николай долженъ быть представить Европѣ документъ, доказывавшій, что Турція расположена была принять надъ собою опеку Россіи; а для этого необходимо было начать съ того, чтобы ошеломить сразу Турцію, внушить ей почтительный страхъ, довести ее до сознанія, что она только подъ покровительствомъ Россіи могла существовать, только ея требованія и обязана была удовлетворить. Эти-то соображенія и подали поводъ къ войнѣ 1828—1829 гг. Букурештскій трактатъ и дополнительный къ нему Аккерманскій договоръ туго исполнялись Диваномъ. Къ тому же минута была благопріятна: истребленіе янычаръ и введеніе низама ставили Турцію въ весьма критическое положеніе, лишая ее всякой военной организаціи, и по всѣмъ вѣроятіямъ, упорнаго сопротивленія ожидать нельзя было. Война была объявлена. Государь, въ памяти котораго хранились еще свѣжими воспоминанія его молодости, когда онъ вступалъ въ Парижъ съ торжествующею русскою арміею, до того былъ убѣжденъ, что побѣда достанется ему и скоро и легко, что, отправляясь самъ на театръ военныхъ дѣйствій, онъ предложилъ дипломатическому корпусу слѣдовать за главною квартирою, дабы иностранцы могли быть очевидными свидѣтелями торжества русскаго оружія. Тò было еще время свѣтлыхъ, ничѣмъ не помраченныхъ иллюзій.

Но, не тутъ-то было. Если Турція не имѣла регулярной арміи,

оказалось, что организація и русской арміи была далеко не удовлетворительна, и война не имѣла того характера блестящаго разгрома, на который расчитывалъ императоръ Николай. Послѣ тяжкой, двухгодичной, смертоносной кампаніи, небольшая масса до 20,000 русскихъ солдатъ добралась наконецъ до Адріанополя, но въ такомъ жалкомъ видѣ, что всякая дальнѣйшая военная операція оказывалась невозможною; тѣмъ болѣе, что Шумла оставалась еще въ рукахъ турокъ; 30,000 арнаутовъ подъ предводительствомъ Скодрали Мехмедъ-паши занимали Софію, въ тылу нашей арміи; въ самомъ Константинополѣ собранъ былъ резервъ изъ 30,000 человѣкъ, а изъ благорасположенныхъ къ Турціи державъ, Австрія и Англія начинали уже безпокоиться. Энергія Дибича, съ одной стороны, съ другой, настроеніе мусульманскаго населенія столицы, недовольнаго реформами и неудачами и угрожавшаго возстать и свергнуть Махмуда съ престола, наконецъ дружеское посредничество Пруссіи вмѣстѣ съ подозрительнымъ заступничествомъ Австріи, совокупность этихъ обстоятельствъ склонила воюющія державы къ миру, и Адріанопольскій трактатъ былъ подписанъ.

Условія его извѣстны. Престижъ Россіи поднялся на время на Востокѣ,—хотя и далеко не такъ высоко на сколько надѣялся императоръ Николай; но въ отношеніи княжествъ, Молдавіи и Валахіи, настойчивыя старанія и Екатерины II, и Александра I, открыто стремившіяся къ присоединенію этихъ областей къ имперіи,—отъ этой войны никакого развитія не получили, и права Россіи остались тѣ же, которыя вытекали изъ предъидущихъ договоровъ ея съ Турціею. Мы имъ дали что-то въ родѣ конституціи, зародышъ возникшей 30 лѣтъ спустя единой Румыніи, и взяли опять руки назадъ. Остановило ли императора Николая обнародованное имъ передъ войною заявленіе о безкорыстіи своихъ намѣреній? Но отобралъ же онъ отъ Турціи восточный берегъ Чернаго моря и не маловажную полосу земли съ крѣпостцами на мало-азіятской своей границѣ... Заявленіе, слѣдовательно, не было безусловно соблюдено. Но отобранныя земли лежатъ въ Азіи, а княжества,—самый лакомый кусочекъ Европейской Турціи... Всего вѣроятнѣе то, что угрюмое настроеніе Австріи заставило императора Николая призадуматься. Довести дѣло до разрыва съ нею было ему не выгодно. Общая обстановка предписывала ему соблюдать умѣренность въ этомъ первомъ его покушеніи на политическую самостоятельность Турціи.

Съ Адріанопольскаго трактата можно сказать начинается политическое воспитаніе императора Николая по восточному вопросу. Война оказывалась не такое дѣйствительное средство, на которое онъ могъ бы расчитывать для нравственнаго покоренія Турціи, даже тогда, когда, послѣ побѣды, онъ старался выказать ей возможное снисхожденіе при сведеніи счетовъ, но въ Турціи не проявлялось расположенія принять смиренно опеку Россіи, да и Ев-

ропа никакого довѣрія не обнаруживала къ восточной программѣ русскаго царя. Какъ быть? Восточный вопросъ поднятъ. Западныя державы не скрываютъ того живого участія, которое всѣ онѣ въ немъ принимаютъ, каждая съ точки зрѣнія своихъ интересовъ, хотя и согласіе между ними туго устанавливается. Отстраниться и предоставить его рѣшеніе Европѣ и мѣстнымъ возстаніямъ,— Россія не могла. Оставалось одно: идти впередъ, отмахиваясь по возможности отъ Европы, и дѣйствуя непосредственно на Турцію.

Кстати, вскорѣ событія представили императору Николаю случай произвести новое давленіе и на Европу, и на Турцію, и подвергнуть вторичному испытанію свой образъ дѣйствія на Востокѣ, употребляя на этотъ разъ силу русскаго оружія не въ ущербъ, а на пользу и защиту Турціи; пріемъ поразительный по своей новизнѣ въ восточной политикѣ Россіи, пріемъ который дѣйствительно могъ бы быть полезнѣе удачной войны, и который, по видимому, долженъ былъ возбудить не злобу Европы, а напротивъ, стяжать русскому государю признательность всѣхъ державъ искренно сочувствовавшихъ сохраненію Турціи. Но на дѣлѣ оказалось противное. Какъ бы онъ ни дѣйствовалъ, противъ ли Турціи, или за нее, императору Николаю суждено было сталкиваться всегда въ Константинополѣ со всею Европою.

Египетскій паша возстаетъ противъ Махмуда. Сынъ его Ибрагимъ разбиваетъ турецкія войска, переваливается чрезъ Тавръ и наступаетъ по направленію къ Константинополю. Разочарованный въ пользѣ своихъ реформъ и опасаясь негодованія своего народа столько же, сколько и побѣдъ Ибрагима, Махмудъ допускаетъ посредничество европейскихъ державъ въ своей распрѣ съ возставшимъ вассаломъ. Константинополь обращается въ поприще самой оживленной дипломатической борьбы. Нечего и говорить, что представители главныхъ державъ дѣйствуютъ всѣ на перекоръ Россіи, но безъ общаго согласія, каждая за себя.

При первомъ извѣстіи объ опасности угрожавшей Турціи, императоръ Николай встрепенулся, какъ орелъ, чуящій дѣло. Развѣ огражденіе оттоманской имперіи не составляло одно изъ основныхъ условій его восточной программы? Онъ тотчасъ предложилъ Махмуду не только нравственное, но и вооруженное свое содѣйствіе.

Махмудъ обрадовался этому дружелюбному предложенію вчерашняго своего врага, но не рѣшался принять его. Морскія державы ручались, что, безъ всякаго принужденія, однимъ нравственнымъ своимъ вліяніемъ, онѣ остановятъ Ибрагима и избавятъ султана отъ униженія прибѣгнуть къ помощи русскаго оружія для усмиренія своего же подданнаго. Но вдругъ получается извѣстіе, что послѣдняя турецкая армія разбита при Коноѣ и что Ибрагимъ наступаетъ на Кютахіе. Махмудъ растерялся. Подъ первымъ впечатлѣніемъ страха, онъ приказываетъ потребовать отъ русскаго

посла предложенной помощи, и, ко всеобщему удивленію, вступаетъ въ Босфоръ русскій флотъ, а за нимъ и десантъ.

Султанъ однакожъ скоро раздумалъ. Пришедши въ себя, онъ испугался послѣдствій своего поступка, отмѣнилъ свое распоряженіе, и даже послѣ прибытія флота, сталъ требовать его удаленія. Но его запирательство не было принято въ уваженіе, и русскій флотъ вмѣстѣ съ русскимъ отрядомъ остались въ Босфорѣ, съ офиціальнымъ назначеніемъ: отстоять столицу противъ покушеній египетскаго паши.

Но далеко не такое значеніе придавали прибытію русскихъ силъ на помощь султана и представители иностранныхъ державъ, и самое турецкое общество.

Это событіе, самый блестящій эпизодъ современной политики Россіи на Востокѣ, произвело въ Европѣ громадное впечатлѣніе. До той минуты, всѣ, конечно, знали, что Россія содержитъ флотъ въ Черномъ морѣ, но никогда еще такъ осязательно не выяснялось, какой перевѣсъ давала ей въ дѣлахъ Востока близость отъ Босфора такихъ грозныхъ морскихъ силъ и высадныхъ средствъ. Англія и въ особенности Франція встревожилась не на шутку. «Россія вздумала перехитрить Европу? Европа покажетъ ей всю несостоятельность дерзкихъ ея притязаній». И дѣйствительно, несмотря на то, что египетскому пашѣ было торжественно объявлено нарочно для этого посланнымъ уполномоченнымъ, что если онъ не покорится безусловно своему государю, то онъ будетъ имѣть дѣло съ всероссійскимъ императоромъ. Не смотря на присутствіе въ Босфорѣ русскаго флота и русскаго отряда, султанъ подписалъ такую капитуляцію, которую навязывали ему морскія державы и помирился до поры до времени съ честолюбивымъ своимъ вассаломъ цѣною весьма тяжкихъ и для своихъ интересовъ и для своего самолюбія уступокъ. Этотъ результатъ нѣсколько смягчилъ досаду иностранныхъ кабинетовъ на Россію за дерзкое занятіе Константинополя своими войсками, но передъ тѣмъ какъ отозвать ихъ, императоръ Николай пустилъ въ дипломатическій міръ другую бомбу: Хункіаръ-Искелесскій договоръ...

Когда разгласилось извѣстіе объ немъ, ужасъ овладѣлъ Европою, и императоръ Николай долженъ былъ самъ убѣдиться по всеобщей тревогѣ, возбужденной столь блестящимъ торжествомъ, что его восточная программа разлеталась въ клочки. Европейскія державы не только не выказывали ни малѣйшаго расположенія предоставить Россіи огражденіе Турціи, но онѣ все болѣе смыкались противъ Россіи; и въ самомъ Константинополѣ настроеніе государственныхъ людей и общества представляло далеко ненадежную почву для прочнаго установленія исключительнаго вліянія Россіи.

Этотъ періодъ дѣятельности Россіи на Востокѣ нигдѣ и никѣмъ еще не изслѣдованъ должнымъ образомъ въ нашей лите-

ратурѣ и не представленъ въ настоящемъ своемъ свѣтѣ. Въ немъ общественное мнѣніе видитъ вообще рѣзкій и удачный починъ къ осуществленію принципа о подчиненіи Турціи волѣ Россіи, почипъ, который только по слабости тогдашнихъ нашихъ дѣятелей не получилъ впослѣдствіи должнаго развитія, между тѣмъ какъ онъ былъ ничто иное, какъ блестящій фалшфейеръ, который никакого серьезнаго и прочнаго вліянія не могъ имѣть на естественныя политическія отношенія Россіи къ Турціи. Точно также и въ 1877 г., взявъ въ руки дѣло Балканскихъ народовъ и объявивъ войну Турціи, мы убѣждены были, что дѣйствуемъ самостоятельно, а въ концѣ концовъ подпали подъ пересудъ Европы, отъ контроля которой мы убѣждены были, что освобождаемся нашею храбростью.

Писатель, о которомъ упомянуто выше, разбирая событія развивавшіяся въ 1833 г. на Константинопольскомъ политическомъ поприщѣ, весьма рельефно выставляетъ благородныя намѣренія императора Николая и самостоятельность его политики, но совершенно ошибочно приписываетъ обнаружившійся за тѣмъ упадокъ нашего вліянія на Востокѣ тому обстоятельству, что впослѣдствіи государь сталъ поддаваться внушеніямъ своихъ дипломатовъ, привыкшихъ, будто бы, раболѣпствовать передъ Западомъ, и сталъ отказываться отъ чисто русскихъ своихъ стремленій. Императоръ Николай былъ не такой человѣкъ, который принималъ бы безпрекословно совѣты своихъ сотрудниковъ и приноравливался бы къ нимъ слѣпо, помимо собственныхъ своихъ убѣжденій. Восточный вопросъ покоя не давалъ его уму и сердцу. Онъ неусыпно занятъ былъ пріискиваніемъ ему рѣшенія согласнаго съ интересами Россіи, и послѣ 1833 г., онъ рѣшился измѣнить свою программу и сблизиться съ Австріею и съ Западными державами не въ угоду своему министру иностранныхъ дѣлъ, а просто потому, что убѣдился, что если даже Турція согласилась бы обезпечить свое существованіе, жертвуя своею независимостью,—на что онъ никакого повода не имѣлъ надѣяться,—Европа никогда не позволила бы ему безнаказанно протянуть руку на Босфорѣ, куда въ концѣ концовъ стремились его взоры: такъ что, на практической почвѣ, его восточная программа сводилась къ тому, чтобы быть постоянно готовымъ воевать противъ всей Европы, — что превышаетъ силы Россіи.

Хункіаръ-Искелесскій договоръ былъ не естественное проявленіе общественнаго мнѣнія и сочувствія къ Россіи Дивана и правящихъ сферъ въ Турціи, но произведеніе ловкости негоціаторовъ, и,—главнѣйшимъ образомъ, — личнаго расположенія Махмуда къ особѣ императора Николая. Султанъ уважалъ въ русскомъ государѣ его благородство, его рыцарскій духъ, поспѣшность, съ которою онъ явился къ нему на помощь, наконецъ его отвращеніе отъ всякаго нарушенія законнаго порядка. Къ его благоговѣнію

передъ высокою личностью россійскаго императора прибавилось еще и накопившееся въ его сердцѣ негодованіе на Западныя державы, которыя или вяло поддерживали его право, или же открыто принимали сторону возставшаго вассала. Такимъ образомъ, Хункіаръ-Искелесскій договоръ представляетъ собою личное, даровое одолженіе, оказанное Махмудомъ императору Николаю, и, во всякомъ случаѣ, не соотвѣтствующее вознагражденіе за оказанную услугу. И безъ вооруженнаго вмѣшательства Россіи худшаго исхода не могло бы имѣть для Махмуда столкновеніе его съ Махмедъ-Али. Можно даже предполагать, что безъ рѣзкаго заступничества Россіи ожесточеніе морскихъ державъ и сочувствіе, оказанное ими египетскому пашѣ, не зашли бы такъ далеко, и что Махмудъ могъ бы, можетъ быть, отдѣлаться менѣе тягостными условіями. Ни одна изъ нихъ не помышляла о томъ, чтобы впустить египетскія войска въ Константинополь и предоставить престолъ халифа династіи македонскаго простолюдина; изъ чего можно было легко заключить, что офиціальный смыслъ, который русское посольство придавало военной демонстраціи Россіи, не имѣлъ серьознаго основанія. Да и въ образѣ дѣйствія императора Николая, въ той формѣ, которую онъ придалъ своей инициативѣ въ этомъ дѣлѣ, замѣчается какая-то недомолвка, какое-то противорѣчіе, какое-то скрытное опасеніе, чтобы защита правъ Турціи не повлекла его слишкомъ далеко и не поставила его лицомъ къ лицу съ Западными державами. Высочайшее повелѣніе, объявленное египетскому пашѣ, покориться безусловно своему повелителю, предполагало съ другой стороны, что и султанъ, довѣряя защиту своихъ правъ россійскому императору, ни на какія уступки не долженъ былъ снизойти передъ своимъ вассаломъ; иначе, грозное заступничество Россіи теряло всякое значеніе. Но вмѣсто того, чтобы обязать султана ни въ какомъ случаѣ не поступиться своими правами самодержавнаго властелина, императоръ Николай, опасаясь серьезнаго столкновенія и съ Мехмедъ-Али, до котораго не легко было достать, и съ морскими державами, на которыя онъ могъ бы наткнуться тутъ же, за Дарданеллами, строго напротивъ наказываетъ своимъ уполномоченнымъ не входить въ разборъ спора по существу, а предоставить тяжущимся сторонамъ поладить, какъ имъ заблагоразсудится. Очевидно, что, поступая такимъ образомъ, онъ сразу отказывался отъ всякаго полезнаго противодѣйствія проискамъ враговъ Махмуда, развязывалъ руки морскимъ державамъ и отстранялъ себя отъ окончательнаго исхода того же самаго дѣла, которымъ вызвана была предпринятая имъ столь громкая военная демонстрація.

«Россія и не думала оградить цѣлость турецкой имперіи, а воспользовалась только случаемъ, чтобы связать Турцію по рукамъ и по ногамъ», таково въ сущности общее впечатлѣніе про-

изведенное и въ Европѣ, и въ самой Турціи, нашею рѣзкою выходкою 1833 г., и слѣдя съ этой минуты за дальнѣйшимъ развитіемъ событій и отношеній европейскихъ державъ къ Россіи, не трудно отыскать въ нашей мимолетной Хункіаръ-Искелесской побѣдѣ ближайшій зародышъ той всеобщей вражды, которая 20 лѣтъ спустя разразилась Севастопольскимъ погромомъ и потерею всѣхъ тѣхъ драгоцѣнныхъ преимуществъ, которыя Россія кровью своею записывала въ свои договоры съ Турціею, отъ Кайнарджискаго до Адріанопольскаго.

Кто въ этомъ виноватъ? Не императоръ Николай, а его восточная программа, программа которая, впрочемъ, принадлежала не ему, а представляла самое вѣрное выраженіе общественнаго мнѣнія, завѣтную рамку традиціонной политики Россіи на Востокѣ. Онъ только усвоилъ ее себѣ, какъ усвоивалъ себѣ всѣ стремленія русскаго народнаго духа; но онъ скоро сталъ подозрѣвать, что условія ея слишкомъ исключительны, слишкомъ обширны, слишкомъ тягостны для Россіи. Иначе, какъ объяснить, что въ томъ же 1833 г., когда враги его воображали себѣ, что государь, въ упоеніи блестящаго успѣха дипломатической своей компаніи, только о томъ и помышлялъ, чтобы развить послѣдствія своей побѣды и окончательно поработить себѣ Турцію,—императоръ Николай, напротивъ пораженный ожесточеніемъ борьбы вспыхнувшей въ Константинополѣ по поводу египетскаго вопроса, составляющаго только частичку вопроса восточнаго, только косвенно его касающагося,—теряя уже надежду достигнуть непосредственно конечной цѣли своихъ стремленій, придумывалъ другую комбинацію: возстановленіе восточной имперіи въ пользу только-что возродившихся къ политической жизни эллиновъ. Но этотъ блѣдный отблескъ обширныхъ помысловъ Екатерины II, свидѣтельствующій только о томъ, какъ его постоянно озабочивало рѣшеніе восточнаго вопроса, недолго занималъ его умъ. Государь скоро разочаровался въ способности короля Оттона разыграть роль византійскаго императора, и съ этой минуты, сознаніе своего безсилія, убѣжденіе въ невозможности преодолѣть одному враждебное настроеніе европейскихъ державъ, принудили его помириться съ мыслью о необходимости обратиться къ чьей-либо помощи. Овладѣла имъ мысль, что Турція разлагается, распадается, и что ему больше ничего не остается какъ выбрать себѣ между европейскими державами услужливую соучастницу, съ которою онъ могъ бы свободно приступить къ ея раздѣлу. Наступленіе срока Хункіаръ-Искелесскаго договора его еще вящше утвердило въ этой мысли. Оно совпало съ такимъ явнымъ преобладаніемъ вліянія Западныхъ державъ въ Константинополѣ, Франція и въ особенности Англія такъ зорко присматривали за турецкими министрами, которые, впрочемъ, и помимо всякаго внѣшняго присмотра, вовсе не были склонны повторить

промахъ султана Махмуда, что всякая попытка со стороны Россіи возобновить трактатъ о проливахъ окончилась бы тогда несомнѣнно полною неудачею. Императоръ Николай по неволѣ долженъ былъ помириться съ новою обстановкою, и не только не покусился на повтореніе своей дипломатической компаніи 1833 г., но уступая новой группировкѣ европейскихъ державъ и откладывая въ сторону свои исключительные принципы по восточному вопросу, сталъ сближаться съ Англіею. Но призракъ больного человѣка, опасеніе, что Турція, подкапываемая неизлечимыми внутренними недугами, распадается и можетъ сдѣлаться внезапно добычею враговъ Россіи, постоянно тревожили его воображеніе среди разнообразныхъ его заботъ, и начиная съ этой эпохи вплоть до своей смерти, онъ на практикѣ изучалъ, въ состязаніяхъ европейской дипломатіи по текущимъ дѣламъ, настроеніе державъ къ Россіи и искалъ на которой изъ нихъ остановить свой выборъ для совмѣстнаго дѣйствія на Востокѣ. Вотъ причина его колебаній въ послѣдніе годы его царствованія. Но европейскія державы большаго разнообразія для выбора не представляли. Государь могъ колебаться между Австріею и Англіею, и—только. Въ надежности Австріи онъ сталъ уже сомнѣваться скоро послѣ 1849 г., и окончательно разувѣрился въ 1854 г. На Англію онъ долго надѣялся. Онъ обращался съ нею ласково, подружески. Онъ выказывалъ ей довѣріе, старался всячески пріобрѣсти и ея довѣріе къ себѣ, но она нахально отъ него отвернулась передъ самою Крымскою войною, и государь, испивъ до дна чашу разочарованій, сошелъ въ могилу напутствуемый горечью неосуществленной завѣтной мечты.

Такова эволюція, чрезъ которую прошелъ въ умѣ императора Николая вопросъ о Востокѣ. Послѣдній фазисъ ея въ особенности интересенъ для насъ. Хотя уже съ 40-хъ годовъ императоръ Николай сталъ по необходимости сближаться съ Европою и поступаться самостоятельностью своего образа дѣйствія на востокѣ, но въ самомъ Константинополѣ онъ все-таки не рѣшался допустить ея соперничества, и политика его постоянно стремилась къ тому, чтобы сбить тамъ вліяніе Европы и установить исключительное преобладаніе Россіи; явное противорѣчіе, которое раздражало безъ пользы Европу, но которое происходило отъ самаго нравственнаго склада императора Николая, неспособнаго къ уступчивости. Возстаніе Венгріи оживило его надежду привлечь къ себѣ Австрію. На краю гибели, Австрія обращается къ нему съ просьбою о помощи. Какое удовлетвореніе для самолюбія самодержца! Усмирить опасный бунтъ, спасти Австрію, умаляя ея престижъ, приготовить себѣ въ ея лицѣ услужливую союзницу на Востокѣ, — какая заманчивая картина! И 200 тысячъ русскихъ пошли подпирать расшатанный престолъ Габсбурговъ, и подстилать фундаментъ будущей Австро-Венгріи. Но императоръ Николай и здѣсь ошибся въ

своихъ расчетахъ. Признательность, на которую онъ расчитывалъ, превратилась въ самую грубую неблагодарность; съ этого времени политика Австріи стала принимать характеръ все болѣе и болѣе враждебный Россіи, и преобладаніе русскаго вліянія въ Константинополѣ вовсе не устанавливалось; что ясно обнаружилось, между прочимъ, тотчасъ послѣ Венгерской кампаніи, когда Россія стала требовать отъ Порты,—столь же грозно, сколько и неудачно,—выдачи венгерскихъ выходцевъ. Потерявъ прежнее свое могущество и не надѣясь болѣе на собственныя силы для огражденія своей независимости, Турція хваталась за соперничество державъ какъ за послѣднее средство спасенія отъ покушеній могущественнаго сосѣда. Борьба все болѣе и болѣе обострялась. Успѣшное заступничество Австріи за Черногорію сильно раздражало императора Николая. Въ его сердцѣ давно уже накипала съ трудомъ обуздываемая злоба и на Турцію и на ея покровителей... Споръ изъ-за Іерусалимскихъ святынь произвелъ взрывъ.

И настала торжественная минута, настала окончательная развязка тридцати-лѣтней неусыпной дѣятельности императора Николая по восточному вопросу...

Политическая обстановка представлялась тогда въ слѣдующемъ видѣ: Турція держалась своей эквилибристики между спорящими державами, но оскорбленная высокомѣріемъ, съ которымъ Россія къ ней обращалась, она отказывалась удовлетворить ея требованія. Осторожная Пруссія, хотя и связанная съ Россіею семейными узами, не находила особенной пользы въ открытомъ содѣйствіи ея политикѣ на Востокѣ. Она выжидала. Австрія серьезно уже думала о собственныхъ своихъ интересахъ и нисколько не была расположена помогать Россіи. Франція, непосредственно заинтересованная въ спорѣ о Іерусалимскихъ святыняхъ, руководимая династическими соображеніями и желаніемъ занять выдающееся положеніе между европейскими державами, боялась, чтобы Англія не сблизилась съ Россіею. Консервативная Англія, отнюдь не сочувствовавшая разрушенію Турціи, опасалась, съ своей стороны, сближенія Франціи съ Россіею. Однакожъ, достовѣрно то, что, передъ открытіемъ послѣднихъ переговоровъ съ Портою, императоръ Николай твердо надѣялся на Англію. На какомъ основаніи, по какимъ соображеніямъ, до какихъ предѣловъ, вопросъ остался до сего времени неразрѣшеннымъ; но доказательствомъ тому, что онъ дѣйствительно, расчитывалъ на содѣйствіе Англіи въ ту минуту, служатъ, между прочимъ, рѣзкія и откровенныя его предложенія представителю Англіи въ С.-Петербургѣ, которыя, повидимому, имѣли связь съ предварительными объясненіями, можетъ быть даже съ предшествовавшимъ проектомъ соглашенія, но эти же самыя предложенія, громогласно и чуть ли не съ презрѣніемъ отвергнутыя Англіею, вѣроятно, по происшедшей, въ промежутокъ,

перемѣнѣ въ настроеніи министерства, свели окончательно всѣ европейскія державы въ одинъ пукъ, и онѣ всѣ сошлись на пресловутой аксіомѣ неприкосновенности Турціи, которая впервые переходила изъ туманной области канцелярской переписки на практическую почву.

Остальное извѣстно. Государь понялъ опасность и старался, постепеннымъ сокращеніемъ своихъ требованій, отыскать удобный выходъ, чтобы выбраться съ честью изъ изолированнаго и щекотливаго положенія, въ которое онъ былъ поставленъ и крутостью своихъ пріемовъ и своихъ заявленій, несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ; но самолюбіе самодержца, глубоко проникнутаго мыслью, что въ его личности воплощается достоинство могущесвеннаго народа, не затрогивается даромъ; и шагъ за шагомъ, Россія втянулась въ неравную борьбу противъ всей Европы.

Величественная личность императора Николая явилась тогда въ полномъ своемъ блескѣ. Исторія скажетъ, что въ эту торжественную минуту, среди глубокаго унынія, овладѣвшаго и окружавшими его сподвижниками, и обществомъ, онъ одинъ, царь-исполинъ, не упалъ духомъ. Съ тою непоколебимою стойкостью, какую только можетъ внушить высокое чувство собственнаго достоинства, онъ до послѣдней минуты остался вѣрнымъ самому себѣ, тѣмъ же, какимъ онъ представился Россіи въ тотъ день, когда взялъ въ руки бразды правленія и облекся отвѣтственностью передъ своимъ народомъ. Всѣ его иллюзіи распадались одна за другою; всѣ его усилія устроить прочное основаніе вліянію Россіи на Востокѣ, оказывались тщетными. Не смотря на всю свою уступчивость, между европейскими державами онъ не могъ отыскать ни одной, которая была бы расположена ему помочь; всѣ онѣ либо покидали его, либо ему измѣняли, и онъ остался одинъ, одинъ передъ всею Европою, съ своимъ упованіемъ на Бога и съ глубокимъ убѣжденіемъ въ правотѣ своихъ намѣреній. Тогда, скрѣпя сердце, онъ обратился къ послѣдней своей земной надеждѣ: къ своей арміи, поручая ей защиту правъ Россіи. Но увы! И эта послѣдняя его надежда должна была тоже рушиться, и рядъ безпрерывныхъ, горькихъ разочарованій, отъ Ольтеницы до Альмы, свели окончательно въ гробъ благороднаго самодержца. И что было ему дѣлать, какъ не умереть, когда онъ убѣдился, что у него никакихъ средствъ уже болѣе не оставалось служить могуществу и достоинству ввѣреннаго ему Божьимъ промысломъ народа?

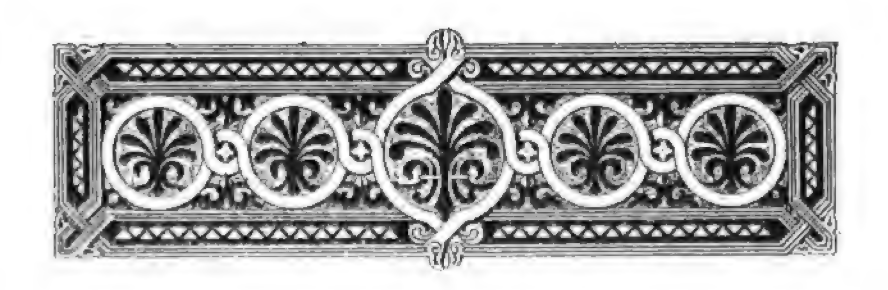
Практическое примѣненіе въ 1854 г. восточной программы императора Николая, представляющее традиціонный способъ осуществленія стремленій Россіи на Востокѣ, хотя и завершилось катастрофою, но значительно выяснило и даже подвинуло рѣшеніе восточнаго вопроса. Не худо было, чтобы наша мечта подверглась рѣшительному испытанію, да еще рукою такого государя,

какимъ былъ императоръ Николай, для исправленія нашихъ увлеченій, для вразумлѣнія общественнаго мнѣнія. Въ этой программѣ, Турція играетъ роль совершенно пассивную. Вся суть ея сводится къ борьбѣ Россіи противъ всей Европы, къ тому, чтобы рѣшить: кто сильнѣе, Россія ли, или вся Европа; и въ этомъ видѣ отвѣтъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Нравоученіе, которое мы должны вывести изъ печальнаго исхода Крымской войны, состояло, слѣдовательно, въ томъ, что собственною иниціативою и собственными средствами, Россія, какъ бы она не была сильна, ничего существеннаго, ничего основательнаго на Востокѣ предпринять не можетъ, и подавно, одна, восточнаго вопроса рѣшить невластна. Въ 1877 г., мы этого соображенія не приняли въ расчетъ, и результатъ былъ тотъ же, что и въ 1856 г.: мы поработали не для себя, а для Европы. Разница развѣ въ томъ, что, на этотъ разъ, Россія вызвана была въ судъ не къ Парижъ, а въ Берлинъ.

Не пора ли намъ видоизмѣнить нашъ взглядъ на восточный вопросъ, расширить нашъ политическій кругозоръ, и пріискать другой путь для осуществленія нашихъ естественныхъ стремленій на Востокѣ?..

В. Ф.

БѢЛОГОРСКІЙ ПАНЪ.

(Разсказъ старой Станиславы) [1].

Я ПАННОЧКА, изъ бѣднаго шляхтскаго рода. Отца я не помню совсѣмъ, а мать моя служила экономкой въ домѣ богатой панны въ Кіевѣ. Мнѣ было всего двѣнадцать лѣтъ, когда умерла моя мать, и я осталась совсѣмъ одна на свѣтѣ. Тогда старая панна отдала меня своему брату, пану Комаровскому, а онъ увезъ меня въ свою степную деревню. Панъ былъ вдовецъ, а дѣтей имѣлъ только одну дочку, панну Марію, почти однихъ лѣтъ со мною. Онъ въ ней души не чаялъ и панночка могла дѣлать въ домѣ, что хотѣла; но сердце у нея было голубиное, а меня она къ тому же полюбила и мнѣ сразу стало житься у нихъ хорошо.

---

[1]) Одна моя хорошая знакомая, служившая довольно долго гувернанткой въ семьѣ богатаго южно-русскаго помѣщика, передала мнѣ для прочтенія тетрадку, съ правомъ воспользоваться ея содержаніемъ по своему усмотрѣнію, если я найду тамъ что-либо интересное. Въ этой тетрадкѣ, кромѣ личныхъ впечатлѣній гувернантки, я нашелъ нѣсколько разсказовъ изъ старинной жизни южно-русскихъ и польскихъ пановъ, записанные ею, большею частію, со словъ одной старушки польки, Станиславы Викентьевой. Приводимый здѣсь весьма трагическій эпизодъ о панѣ Бѣлогорскомъ и взятъ мною изъ этой тетрадки, а такъ какъ, по языку и манерѣ, мнѣ казалось, что разсказъ записанъ если не дословно, то весьма близко къ основному тону разсказчицы, поэтому я, стараясь не нарушить этого тона, передаю разсказъ почти въ томъ видѣ, какъ онъ записанъ.

М. Б.

Панночка всегда была красивая дѣвочка, когда же ей минуло шестнадцать лѣтъ, то она сдѣлалась такою красавицей, что вотъ и вы, панночка, и статная, и пригожая, а пусть это будетъ не въ обиду вамъ сказано—если бы васъ поставить рядомъ съ нею, то на васъ бы никто и взглянуть не захотѣлъ.

Были у пана Комаровскаго два сосѣда: панъ Говаловичъ и панъ Стефанъ Бѣлогорскій—оба вельможные и страшно богатые паны. Панъ Говаловичъ служилъ въ столичномъ городѣ, близко около царя, а панъ Бѣлогорскій всегда жилъ въ деревнѣ. Семьи этихъ двухъ пановъ враждовали другъ съ другомъ изъ старины и въ прежнія времена они собирали своихъ хлоповъ и ходили другъ на друга войною.

Страшная слава ходила про пана Стефана. То былъ человѣкъ высокій и прямой, какъ тополь, а крѣпкій какъ тѣ дубы, что ростутъ по балкамъ,—горячій какъ дикій конь, а безстрашный и дерзкій какъ гайдамакъ. У этого пана было только два дѣла: гульба и охота. На панскіе пиры лѣзли словно мухи на медъ, хоть и боялись всѣ пана. Онъ часто шутилъ съ своими гостями такія шутки, что не всякій могъ знать, вернется ли онъ домой съ цѣльною шкурой. Но знали всѣ, что коли гулялъ панъ Стефанъ, то у него было всего черезъ край: и винъ заморскихъ, и забавъ удалыхъ, и дѣвокъ красныхъ,—знали это и лѣзли.

Не было во всей округѣ равныхъ ему пановъ.

Видѣли вы, панночка, курганы, что насѣяны по широкой степи, словно большія могилы? Въѣдетъ, бывало, панъ Стефанъ на конѣ на самую вершину такого кургана, посмотритъ кругомъ и скажетъ тѣмъ хлопамъ, а съ ними вмѣстѣ и бѣднымъ панамъ, что сопровождали его на охотѣ: «Смотрите вы, быдло! [1]) все это мое, вонъ до самаго края неба: и земля, и лѣса, что зеленѣютъ по балкамъ, и хлопы, что живутъ въ деревняхъ. Знаете ли вы, что есть царства меньше моихъ владѣній, что не у всякаго царька столько богатства и воли, не у всякаго турецкаго пана въ гаремѣ столько красивыхъ дѣвокъ и не у всякаго пана столько коней лихихъ и псовъ борзыхъ?»

Да тожъ и правда была, панночка! Панъ не зналъ ни мѣры своей земли, ни счету своему богатству, ни удержу своей волѣ... Воля его была, что вѣтеръ въ широкой степи, а степной вѣтеръ, извѣстно, дуетъ, куда хочетъ и нигдѣ нѣтъ ему преграды.

И боялись же всѣ пана Стефана пуще сатаны! не только хлопы одни боялись, но и вольные люди, и паны-помѣщики и царскіе чиновники.

Вотъ этотъ-то страшный панъ, который прежде нашего пана и знать не хотѣлъ, вдругъ сталъ къ намъ въ гости ѣздить. По-

[1]) Быдло—скотъ.

нялъ сразу нашъ панъ, что причиною такой неожиданной панской милости была наша красавица-панночка,—но не обрадовался. Ни въ чемъ онъ не посмѣлъ бы отказать пану Стефану; отдать же ему дочку было бы все равно, что бросить ее въ берлогу медвѣдю.

Но время шло, а панъ Стефанъ ничего не говорилъ. Вдругъ пріѣзжаетъ къ себѣ въ деревню панъ Говаловичъ съ молодымъ сыномъ. Молодой панъ былъ красивый офицеръ: онъ скоро познакомился съ нашимъ паномъ... И какъ только онъ и наша паненка увидали другъ друга, такъ съ тѣхъ поръ они и дня не могли прожить не видавшись. Молодой панъ всегда что-нибудь придумывалъ, чтобы къ намъ пріѣхать. Панъ же Стефанъ, какъ только узналъ, что молодой панъ Говаловичъ бываетъ у нашего пана, больше не показывался.

Нашъ панъ, конечно, очень обрадовался, когда замѣтилъ, что дочка слюбилась съ молодымъ паномъ Говаловичемъ, хотя и побаивался, чтобы старый гордый панъ Говаловичъ не воспротивился женитьбѣ сына на не богатой и не знатной паненкѣ; однако, онъ ошибся: не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ наша панночка стала невѣстою вельможнаго пана.

Вдругъ, послѣ того, когда дѣло съ паномъ Говаловичемъ было уже совсѣмъ порѣшено, пріѣзжаетъ панъ Стефанъ... Пріѣхалъ онъ и потребовалъ отъ нашего пана, чтобы онъ отказалъ пану Говаловичу, а отдалъ бы дочку за него.

Но нашъ панъ сказалъ, что хотя онъ и считаетъ за великую для себя честь сватовство такого вельможнаго и знатнаго пана и жалѣетъ, что онъ, вельможный панъ, не посватался раньше, но теперь онъ никакъ не можетъ измѣнить своего панскаго слова.

Панъ Стефанъ уѣхалъ страшно разгнѣванный, а нашъ панъ разсказалъ о его сватовствѣ панночкѣ, а та своему жениху, и всѣ они долго смѣялись надъ паномъ Стефаномъ.

Охъ, еслибы они его получше знали, то не стали бы смѣяться!

Было то глухою ночью. Я крѣпко спала въ своей комнатѣ, рядомъ съ комнатой панночки, и вдругъ проснулась отъ какого-то страшнаго крика. Въ непроглядной ночной тьмѣ я слышала какой-то гомонъ и крики, но со сна и съ перепугу долго не могла ничего понять. Когда же я немного опомнилась, то услыхала въ комнатѣ панночки два мужскихъ голоса, и одинъ изъ этихъ голосовъ показался мнѣ голосомъ нашего пана... И послышалось мнѣ также, что нашъ панъ плачетъ. Это было такъ для меня удивительно, что я забыла свой страхъ и, раздѣтая и босая, вышла тихонько въ коридоръ и остановилась въ темномъ уголкѣ...

Дверь въ комнату панночки была открыта и я увидѣла, что тамъ, задомъ ко мнѣ, стоялъ огромнаго роста мужчина; я сейчасъ же догадалась, что это былъ панъ Стефанъ. А передъ нимъ на колѣняхъ стоялъ нашъ старый панъ и плакалъ...

— Брось, панъ! — сказалъ панъ Стефанъ: — не вытирай понапрасну колѣнками пола. Твоя дочь сегодня же будетъ моею женою, и жалѣть объ этомъ ни тебѣ, ни ей, не приходится: я не бѣднѣе пана Говаловича и родомъ не хуже его. Прощай, панъ!

Онъ повернулся, а я поспѣшно спряталась. Со двора послышался гомонъ, я подбѣжала къ окну и увидѣла, что отъ нашего дома быстро удаляется экипажъ, а около него скачутъ человѣкъ двадцать верховыхъ, съ фонарями. Я бросилась въ комнату панночки...

Старый панъ, какъ стоялъ на колѣняхъ, такъ и остался и только опустилъ на полъ свою сѣдую голову, будто онъ сдѣлалъ земной поклонъ, да такъ и замеръ... Постель панночки была пуста.

Послѣ этого переполоха я заболѣла и пролежала недѣли двѣ, отъ сильнаго испугу должно быть. Когда же я поднялась, то мнѣ было приказано немедленно отправляться въ Бѣлогорье, къ панночкѣ, которая ужъ присылала за мною. Передъ отъѣздомъ меня позвалъ къ себѣ старый панъ. Я замѣтила въ немъ большую перемѣну: онъ сильно осунулся и глаза у него совсѣмъ ввалились. Панъ былъ очень ласковъ со мною, а когда сталъ отпускать меня, то снялъ съ себя маленькій образокъ на цѣпочкѣ, повѣсилъ мнѣ на шею и сказалъ:

— Это отъ меня благословеніе Марусѣ... передай ей...

Тутъ, вдругъ, онъ схватилъ меня за голову, смотритъ мнѣ прямо въ глаза и говоритъ:

— Стася! ты славная дѣвушка, добрая дѣвушка... береги мою Марусю, Стася!

У меня сердце перевернулось отъ жалости. И не такъ мнѣ въ ту минуту было жаль панночки, какъ бѣднаго, стараго, одинокаго пана.

— Иди съ Богомъ!—сказалъ онъ,—если что тамъ съ Марусей... ты мнѣ...

Онъ не договорилъ и только махнулъ рукой, но я поняла, что онъ хотѣлъ сказать, и ушла, захлебываясь отъ слезъ.

Пріѣхала я въ Бѣлогорье и увидала тамъ мою бывшую панночку, что стала бѣлогорской панной. Она мнѣ очень обрадовалась и сказала, что со мной ей будетъ житься легче, и она не будетъ чувствовать себя совсѣмъ одинокою.

Страшно она измѣнилась бѣдная, такая стала грустная, блѣдная, и такъ выглядѣла, словно только-что встала послѣ тяжкой болѣзни; по цѣлымъ днямъ сидитъ, бывало, молча, будто къ смерти приговоренная.

Домъ въ Бѣлогорьѣ былъ огромный, богатый, съ цѣлымъ полчищемъ всякой прислуги, но панночкѣ одной въ большихъ, пустыхъ комнатахъ не было весело.

Панъ Стефанъ, котораго я страшно боялась, когда ѣхала въ Бѣлогорье, вблизи показался мнѣ не такимъ страшнымъ. Онъ гулялъ себѣ попрежнему, но со времени женитьбы всѣ свои гульбища устроивалъ не въ бѣлогорскомъ домѣ, какъ прежде, а на хуторахъ и въ другихъ своихъ имѣніяхъ. Стало быть, онъ все-таки любилъ и жалѣлъ панну Марію и не хотѣлъ ее безпокоить. Въ занятіяхъ то псарней, то охотой, то въ гульбѣ, панъ проводилъ все свое время и дома бывалъ рѣдко. Панна и я были этому рады: безъ него намъ жилось лучше и свободнѣе...

Прошло мѣсяца два со времени моего пріѣзда въ Бѣлогорье и, вдругъ, я стала замѣчать, что панна Марія веселѣетъ и здоровѣетъ, опять и румянецъ у нея на щекахъ появился и красота прежняя стала къ ней возвращаться. Пріѣхалъ въ это время въ гости старый панъ, и какъ увидѣлъ ее, такъ и просіялъ весь. Остались мы какъ-то въ комнатѣ вдвоемъ съ нимъ, онъ и говоритъ мнѣ:

— А что, Стася, не напрасно ли мы тогда убивались о Марусѣ? вѣдь она пожалуй и счастлива будетъ.

— Дай-то Боже! — отвѣтила я пану.

Но сама панна Марія, кажется, не то думала. Какъ-то я сказала ей, что она начинаетъ привыкать къ пану Стефану, что можетъ быть и полюбитъ его,—разсказала, какъ порадовался, глядя на нее, панъ отецъ—это было вечеромъ въ ея спальнѣ—она слушала меня молча, но потомъ какъ расхохочется, да такъ какъ-то чудно, что я никакъ не могла понять—весело ей или горько.

— Глупая, глупая ты, Стася! — проговорила она и покачала головою.

Въ другой разъ она говоритъ мнѣ:

— Стася! ты здѣсь единственный человѣкъ, мнѣ преданный, можетъ быть ты скоро мнѣ очень понадобишься.

— О, пани!—сказала я:—душу за васъ положить готова.

Панна нагнула меня за шею и крѣпко поцѣловала.

Вотъ однажды замѣтила я, что съ панной что-то творится особенное: то она задумается, то улыбнется, то сядетъ, то вскочитъ и быстро ходить начнетъ. Я хорошо ее знала и догадалась, что она что-то задумываетъ.

Въ сумерки она позвала меня къ себѣ въ спальню и сказала:

— Ну, Стася! вотъ пришло время... Если ты сдѣлаешь то, о чемъ я попрошу, то я во вѣкъ тебя не забуду.

— Говорите, пани, что я должна дѣлать. Вы же знаете, что я для васъ на все готова.

— Слушай, Стася!... Панъ Стефанъ скоро отправится на охоту и надолго. Я хочу въ это время увидаться съ паномъ Говаловичемъ... Вотъ ты и помоги мнѣ въ этомъ.

— Охъ, пани! недоброе дѣло вы затѣяли, сказала я: храни васъ Богъ отъ этого! Вы же знаете, что нашъ панъ ревнивъ и

страшенъ какъ чортъ... Что будетъ съ нами, бѣдными, если онъ провѣдаетъ про то?

— Полно, Стася! какъ ему провѣдать, если мы умно сдѣлаемъ?... Но ты, вѣрно, очень боишься?

— Пани! если я и боюсь, то не за себя одну; вѣдь я же сказала, что на все для васъ готова.

— Ну, а обо мнѣ не безпокойся, Стася! я совсѣмъ не боюсь его. Вѣдь я стала его женою не по своей волѣ, силою онъ меня принудилъ къ тому... Такъ пусть же хоть и узнаетъ!... Пусть онъ убьетъ меня! мнѣ лучше лежать въ темной могилѣ, чѣмъ съ нимъ жить.

Вижу, что панну ничѣмъ не отговоришь.

— Ну, пани, когда такъ—приказывайте! что я должна дѣлать?

— Я дамъ тебѣ два письма: одно къ отцу, а другое къ нему. Къ отцу ты заѣдешь только для отвода глазъ, а оттуда тайкомъ проберись въ Сербское и передай письмо прямо ему въ руки.

— Когда же мнѣ ѣхать, пани?

— Въ тотъ же день, какъ панъ уѣдетъ на охоту.

Панъ Стефанъ уѣхалъ на охоту черезъ день, а въ тотъ же день передъ вечеромъ панна Марія отправила и меня. Я ужасно боялась и за себя, и за панну, и потому постаралась исполнить ея порученіе въ большомъ секретѣ. Въ усадьбу пана Комаровскаго я пріѣхала, когда уже стемнѣло, взяла съ собою одного вѣрнаго человѣка и отправилась въ Сербское. До Сербскаго было верстъ десять и я доѣхала туда около полуночи; моего спутника съ лошадью я оставила въ укромномъ мѣстѣчкѣ за околицей, а сама пошла къ панской усадьбѣ... Насилу-то добралась я до молодого пана Говаловича! На мое счастье онъ еще не спалъ, и когда, по моему настоянію, ему доложили, что его непремѣнно желаетъ видѣть какая-то неизвѣстная женщина, онъ приказалъ допустить меня. У меня все время лицо было закрыто платкомъ, не открылась я и тогда, когда вошла къ пану, потому что въ комнатѣ оставались люди.

— Что тебѣ нужно отъ меня?—спросилъ молодой панъ, съ удивленіемъ меня разсматривая.

— Я Стася, панъ! вышлите людей.

Панъ даже вскрикнулъ. Онъ выгналъ людей, а я открыла лицо.

— Стася, голубушка! откуда ты?

— Изъ Бѣлогорья, панъ! отъ моей панны. Вотъ вамъ письмо.

Онъ схватилъ письмо, быстро прочиталъ его и сейчасъ же принялся писать отвѣтъ, но безпрестанно оборачивался и все разспрашивалъ о паннѣ Маріи.

— А я думала, панъ, что вы забыли мою бѣдную панну,—сказала я,—вѣдь ужъ скоро три мѣсяца, какъ васъ разлучили.

— Нѣтъ, Стася!—отвѣтилъ панъ,—я не могу забыть панну Марію. Я и не уѣзжаю отсюда потому, что жду случая, чтобы отомстить моему смертельному врагу и обидчику. Онъ до сихъ поръ былъ очень остороженъ, но, вѣдь, когда-нибудь будетъ же и на моей улицѣ праздникъ.

Онъ отдалъ мнѣ письмо и самъ проводилъ меня до околицы, опасаясь, чтобы люди не вздумали любопытничать и узнавать, кто я такая. Черезъ часъ я была уже въ усадьбѣ пана Комаровскаго, а на другой день утромъ вернулась въ Бѣлогорье.

— Ну, Стася!—сказала панна Марія, прочитавъ отвѣтъ молодаго пана,—онъ любитъ меня попрежнему и, стало быть, я могу быть еще счастлива. Сегодня ночью онъ пріѣдетъ сюда, и тогда все рѣшится... Если онъ захочетъ—я убѣгу съ нимъ хоть на край свѣта. Мнѣ помѣшали быть его женой, такъ никто не помѣшаетъ быть его коханкой!

Наступила ночь. Панна всѣхъ людей разослала, осталась я одна сидѣть въ передней, въ ожиданіи пана Говаловича. Ждать пришлось недолго... Вотъ слышу стукнули въ дверь, отворяю—панъ Говаловичъ.

— Какъ вы такъ тихо подъѣхали, панъ, спрашиваю, что не было слышно ни колесъ, ни конскаго топота?

А у него и очи сіяютъ и голосъ дрожитъ отъ радости.

— Я, говоритъ, Стася, по твоему, лошадей-то въ стени оставилъ, а сюда пѣшкомъ пришелъ.

Не успѣлъ онъ это сказать, какъ выскочила панна и бросилась къ нему на шею... И цѣлуются, и смѣются, и плачутъ... Забыли про все, какъ дѣти.

Я испугалась, чтобы ихъ не увидѣли черезъ окно и стала безъ церемоніи толкать ихъ изъ передней. Панна увела его къ себѣ.

А я осталась сидѣть въ передней. Не знаю сколько времени прошло, но только отъ скуки я начала дремать и, вдругъ, слышу, что въ дверь опять кто-то стукнулъ, легко такъ. Я подумала, что изъ дворни кто-нибудь и отомкнула... Вотъ, панночка, шесть десятковъ лѣтъ прошло съ того времени и людей-то, что жили въ то время, кажется, кромѣ меня, никого на свѣтѣ не осталось, а я и до сей поры не могу забыть той страшной минуты... Не знаю, какъ я не умерла тогда... Въ дверь вошелъ панъ Стефанъ. Взглянулъ онъ на меня своими страшными очами и не знаю, что сталось со мною... Слыхали вы, панночка, что есть такія страшныя змѣи на свѣтѣ, что зачаровываютъ божьихъ пташекъ? Завидитъ она пташку на вѣткѣ и поползетъ къ ней, а сама глазъ своихъ страшныхъ съ пташки не сводитъ... У той и крылышки есть, вспорхнуть бы ей только да и улетѣть... но словно окаменѣетъ она, зачарованная страшными змѣиными глазами,—дрожитъ отъ

смертнаго ужаса, а не можетъ улетѣть, бѣдная: крылышки у нея будто связаны.

Такъ вотъ тогда было и со мною. Хотѣла я крикнуть, чтобы услыхала панна, но голосу не было, словно кто сдавилъ мнѣ горло. Ноги мои подгибались сами собою и я, чтобы не свалиться, прислонилась къ стѣнѣ.

Панъ приказалъ людямъ, что пришли съ нимъ и стояли за дверью, сторожить меня, а самъ тихо, какъ воръ, пошелъ въ комнаты... И вотъ, черезъ минуту я услышала крикъ панны, да такой страшный, неистовый, что по моимъ жиламъ словно морозъ пробѣжалъ... Я подумала, что панъ убиваетъ бѣдную панну... Потомъ послышалась борьба и голоса обоихъ пановъ, но такіе голоса, панночка, будто то не два человѣка, а два дикіе звѣря боролись на смерть — ревѣли, выли, стонали. У людей, что были разставлены паномъ у дверей и подъ окнами, какъ я сама отъ нихъ послѣ слышала — отъ ужасу волосы на головѣ дыбомъ поднимались; меня же трясла такая лихорадка, словно меня въ сильный морозъ выгнали на улицу босою и раздѣтою...

Вдругъ раздался грозный крикъ пана Стефана:

— Эй, люди! кто тамъ!

Люди бросились въ комнаты. Я хоть и дрожала вся отъ страху, но меня ровно кто толкнулъ за ними и, пока мой сторожъ собрался схватить меня, я успѣла добѣжать до дверей панниной спальни и увидѣла все, что тамъ было: панна Марія, словно мертвая, опрокинулась навзничь возлѣ кровати, а панъ Говаловичъ лежалъ весь истерзанный на полу и хрипѣлъ, а нашъ панъ наступилъ ему колѣномъ на грудь и держалъ за руки... Тутъ силы меня оставили и дальше я не помню, что было.

Очнулась я въ какомъ-то подвалѣ. Темно было, какъ въ могилѣ, только сквозь рѣшетчатыя окна виднѣлись звѣздочки. Смутно, какъ сквозь сонъ, слышала я какой-то гомонъ и конскій топотъ и будто чей-то стонъ мнѣ почудился... потомъ стало все тихо. Уснуть я не могла отъ страху—что будетъ завтра со мною, и мучилась за бѣдную панну, не зная, что сдѣлалось съ нею. Вдругъ увидѣла я въ окно, что зардѣлось небо. Я нащупала въ потьмахъ какой-то ящикъ, приставила его къ стѣнѣ, стала на него, дотянулась руками до желѣзной рѣшотки и поднялась къ окну... Ночь была очень темна и даже вблизи ничего разобрать было невозможно, но гдѣ-то въ степи пылали какіе-то большіе, какъ мнѣ показалось, костры. Они разгорались все сильнѣе и сильнѣе, пока не слились въ одинъ сплошной, громадный костеръ, отъ котораго все небо стало багровымъ и дымъ стоялъ вверху огневой тучей. Я, конечно, догадалась, что это большой пожаръ, но гдѣ горѣло—сообразить не могла.

Два дня просидѣла я въ подвалѣ, словно въ тюрьмѣ, истомилась вся, измучилась... Не знала я, что сталось съ панной Маріей

и что мнѣ готовится. Тѣ люди, что приносили пищу, вѣрно по наказу пана, не хотѣли говорить со мною.

Но на третій день меня выпустили. Тогда-то я узнала, что панна лежитъ безъ памяти съ того страшнаго вечера, а про пана Говаловича узнала... Охъ, панночка! благодарите Бога за то, что вы живете не въ тѣ времена... Теперь вотъ и повѣрить-то трудно тому, что было, да и мнѣ иной разъ сдается, что все то сонъ былъ... Пана Говаловича раздѣли до нага, связали и били нагайками, арапниками, прутьями... били до тѣхъ поръ, пока все тѣло его не покрылось кровавыми ранами и онъ сталъ какъ не живой. Но пану Стефану и этого показалось мало, онъ захотѣлъ еще надругаться, надъ замученнымъ, почти мертвымъ, человѣкомъ. Онъ приказалъ обмазать смолой израненное тѣло молодого пана и обсыпать его перьями. Потомъ онъ вывезъ пана Говаловича въ степь, положилъ около скирдовъ его отца, а скирды эти собственными руками поджегъ. Вотъ этотъ-то пожаръ я и видѣла тогда изъ подвала.

Стала и я ждать своей участи. Очень ужъ было тяжело это ожиданіе потому, что нельзя было знать, какую мнѣ панъ Стефанъ казнь назначилъ... но я ко всему приготовилась. Заступиться за меня было некому, а то, что я была не крѣпостная, а вольная шляхтянка, ничего не значило для пана Стефана.

Вдругъ пришло мнѣ отъ пана приказаніе находиться безотлучно при больной паннѣ Маріи. Тогда я словно воскресла и страхъ мой сразу прошелъ: поняла я, что казнь моя была отложена до выздоровленія панны... Ну, а тамъ Божья воля, думала я.

Панна долго не приходила въ себя. Кромѣ меня, при ней постоянно находился докторъ, котораго панъ выписалъ изъ города.

Наконецъ, она очнулась. Но это была ужъ не прежняя панна Марія, а словно какая-то другая женщина. Ни разу она не улыбнулась, ничему не радовалась, ни о комъ и ни о чемъ не спрашивала и хоть бы разъ упомянула объ отцѣ, или о панѣ Говаловичѣ. По цѣлымъ днямъ она лежала молча и смотрѣла куда-нибудь въ одно мѣсто. Прошло больше мѣсяца, а панна нисколько не поправлялась, хоть сейчасъ ее въ гробъ клади. Докторъ совсѣмъ потерялъ съ нею голову: что онъ ни дѣлалъ — ничто не помогало.

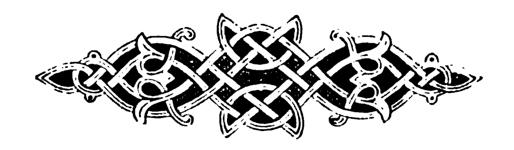
Панъ Стефанъ, когда еще панна Марія лежала безъ памяти, приходилъ навѣщать ее по нѣсколько разъ въ день. Войдетъ, бывало, уставится въ нее глазами и долго-долго смотритъ, молча,— молча же повернется и уйдетъ. Когда же панна очнулась, онъ былъ у нея всего два раза... Какой у нихъ разговоръ былъ—я не слышала, такъ какъ панъ каждый разъ высылалъ меня изъ комнаты, но видѣла въ оба раза, что онъ выходилъ отъ панны угрюмый, какъ туча.

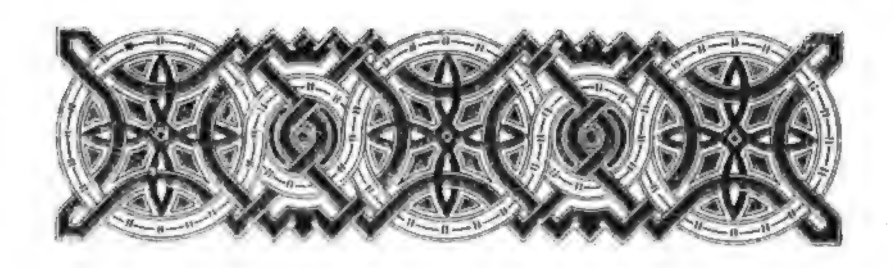
Пріѣхалъ провѣдать дочь старый панъ Комаровскій и сталъ со слезами просить у пана Стефана позволенія перевезти къ себѣ на время болѣзни панну Марію. Ему въ этомъ помогъ еще и докторъ, который сталъ увѣрять, что у отца панна скорѣе поправится. Не чаялъ старикъ, чтобы панъ Стефанъ уступилъ его просьбѣ, а какъ же онъ обрадовался, когда тотъ сразу позволилъ ему взять дочку!..

Чуялъ ли ужъ панъ Стефанъ свою судьбу, или сжалился надъ панной Маріей, которую онъ, по всему было видно, не переставалъ любить,—не знаю... но мы съ панной въ тотъ же день переѣхали изъ Бѣлогорья. У отца панна дѣйствительно стала замѣтно поправляться, а вскорѣ встала и на ноги, хотя настоящее здоровье и прежнее веселье къ ней никогда ужъ не приходили.

Да, панночка! для всякаго есть свой роковой часъ, насталъ онъ и для пана Стефана. Все прежде ему съ рукъ сходило, а на этотъ разъ не сошло. Отецъ убитаго пана былъ такъ же богатъ и силенъ, какъ и панъ Стефанъ, да вдобавокъ имѣлъ еще близкихъ людей около царя. Когда привезли къ нему поруганное тѣло его единственнаго красавца-сына, старикъ, говорятъ, чуть съума не сошелъ. Онъ при всѣхъ людяхъ сталъ на колѣни возлѣ сыновьяго трупа и поклялся отомстить за его смерть и поруганіе. Сначала онъ, говорятъ, по старой памяти хотѣлъ собрать цѣлое войско изъ хлоповъ и напасть на пана Стефана, но потомъ передумалъ, бросился въ столицу и дошелъ, говорятъ, до самого царя... Кончилось тѣмъ, что царь прислалъ сюда своихъ приближенныхъ чиновниковъ, было поднято на ноги все начальство, дѣло строго и нелицепріятно разслѣдовали, вспомнили при этомъ и всѣ старые грѣшки пана Стефана и... не успѣлъ онъ опомниться, какъ его арестовали и потомъ, какъ разбойника и поджигателя, осудили въ каторгу и на вѣчную ссылку.

М. Барановъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРАГО КАВАЛЕРИСТА.

ВЪ СОРОКОВЫХЪ годахъ я служилъ въ А. гусарскомъ полку, въ то время квартировавшемъ въ военномъ поселеніи Х. губерніи. Отвратительнѣе этой стоянки нельзя ничего себѣ представить. Бѣлые, выстроенные подъ ранжиръ, домики съ красными кирпичными заборами, отсутствіе холостыхъ построекъ, необходимыхъ для хозяйства какъ-то: амбаровъ, хлѣвовъ, конюшень и пр. дѣлали домики похожими на какіе-то этапные пункты, глядѣвшіе казематами. Среди деревни, на самомъ видномъ мѣстѣ, красовался «Комитетъ»— домъ, въ которомъ помѣщалось нѣчто въ родѣ волостнаго правленія. Вмѣсто выборнаго старшины, какъ это водится между крестьянами, въ комитетѣ распоряжались поселенный вахмистръ и писарь. Крестьяне очень боялись комитета, гдѣ съ ними всегда совершалась расправа самая короткая: вахмистръ прикажетъ высѣчь и дѣлу конецъ; ни суда, ни слѣдствія, ни мирскаго приговора. Всѣ деревни были раздѣлены на округа и волости. Первыми командовали штабъ-офицеры, а вторыми оберъ-офицеры, числившіеся по кавалеріи. Въ деревняхъ было все мертво, жизнь отсутствовала. Иногда по улицѣ робко шелъ какой-нибудь человѣкъ, не то мужикъ, не то инвалидный солдатъ, не то арестантъ; лицо его смотрѣло угрюмо, непривѣтливо, точно у каторжника. Вообще аракчеевскимъ наслѣдіемъ никто не былъ доволенъ. Всѣ проклинали это мертвящее учрежденіе, не доставлявшее никому пользы: ни казнѣ, ни поселянамъ. Мужикъ работалъ только изъ-подъ палки, боялся быть позваннымъ въ «Комитетъ», о хозяйствѣ не заботился,

апатично отбывая панщину. Вотъ среди какой обстановки приходилось жить офицерамъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, если ихъ времяпровожденіе заключалось только въ картахъ и пьянствѣ, а для разнообразія устроивались и дуэли. Службы субалтернъ-офицеры въ эскадронахъ не несли никакой. Всѣмъ распоряжался эскадронный командиръ, а еще больше вахмистръ. Ѣзда въ манежѣ назначалась по-смѣнно: унтеръ-офицеры, старые солдаты и рекруты. Въ полномъ составѣ эскадронное ученіе назначалось рѣдко. Я былъ назначенъ въ 6-й эскадронъ, которымъ командовалъ старый гусаръ, шведъ, ротмистръ М. Субалтернъ-офицеры, мои товарищи, были поручикъ Н., корнетъ Э. и корнетъ М. З., незадолго прибывшій изъ Петербурга. Наше время тянулось съ величайшимъ однообразіемъ. Можно смѣло сказать, что одинъ день походилъ на другой, какъ двѣ капли воды. Утромъ отъ нечего дѣлать идемъ (не по службѣ) въ манежъ смотрѣть смѣны. Изъ манежа отправляемся на квартиру эскадроннаго командира. Тамъ на столѣ уже приготовлены кильки, доставленныя полковымъ маркитантомъ Мошкой, ветчина туземнаго изготовленія, яйца и очень объемистый графинъ водки, настоенный на какихъ-нибудь коркахъ. Любезный хозяинъ, приглашая гостей закусить, говоритъ нѣмецкую пословицу, которая гласитъ, что одинъ шнапсъ это не шнапсъ, два шнапса также не шнапсъ и только три шнапса составляютъ полшнапса. Молодежь, слушая такія остроумныя рѣчи, поучается, и графинъ опоражнивается живо. Такъ проходитъ время до обѣда. Ровно въ два часа денщикъ ставитъ на столъ борщъ изъ курицы, потомъ даетъ рубленныя котлеты и неизбѣжные сырники или блинчики. Гости кушаютъ съ большимъ апетитомъ, то и дѣло прикладываясь къ графину. Послѣ сытнаго обѣда является потребность отдохновенія. Всѣ расходятся по квартирамъ до чая; вечеромъ снова идутъ къ эскадронному командиру. Тамъ устроивается пулька въ преферансъ. Маіоръ, командующій дивизіономъ (два эскадрона), поселенный начальникъ и самъ хозяинъ играютъ скромно по копѣечкѣ. Молодежь групируется около другого столика, на которомъ красуется объемистая баклага бѣлаго рома. Услужливый денщикъ подаетъ неполные стаканы чая; ихъ пополняютъ ромомъ и пуншуютъ. Среди комнаты раздаются однообразные: куплю, удержу, пасъ, вистую и т. д. Кто-нибудь изъ игроковъ восклицаетъ: трубку! Изъ сосѣдней комнаты слышится металическій звонъ шпоръ, точно кто-то кандалы волочитъ по полу и вѣстовой является съ длиннѣйшимъ черешневымъ чубукомъ. Молодежь, прихлебывая пуншъ, ужасно дымитъ изъ трубокъ, время отъ времени пуская густыя кольца. Разговоры идутъ, разумѣется, о «бердичевскихъ временахъ», когда существовали гусарскія дивизіи, молодецкихъ попойкахъ, шалостяхъ, лихихъ атакахъ, дуэляхъ и т. д. Поручикъ Н. съ жаромъ

передастъ, какъ онъ, бывъ юнкеромъ, переѣзжалъ черезъ Грязную улицу въ Бердичевѣ на жидѣ верхомъ за два золотыхъ; какъ онъ участвовалъ въ знаменитой похоронной процесіи генерала Рота[1]), былъ членомъ «Янкеля регимента», находившагося подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго бердическаго собутыльника ротмистра Вилиша и т. д.

— Ахъ какъ это интересно! разкажите Н.,— приставали юные слушатели.

— Я пріѣхалъ въ полкъ юнкеромъ совсѣмъ еще молодымъ,— говорилъ Н.—Явился къ начальству и, конечно, сдѣлалъ визиты всѣмъ, кому слѣдовало. Ротмистръ Вилишъ пригласилъ меня на вечерній чай. Я хотя рано пришелъ, но засталъ общество въ сборѣ. За длиннымъ столомъ, на которомъ красовалась чудовищныхъ размѣровъ миска съ жженкой, сидѣли молодые и старые гусары; передъ каждымъ изъ нихъ была чаша жженки. Ротмистръ Вилишъ игралъ на флейтѣ и всѣ подпѣвали: «Ich kann singen, ich kann singen, ich kann ein musikanten sein». Кто не могъ ясно выговорить послѣдней фразы долженъ былъ выпивать чашу жженки. Слово musikanten sein очень трудно было выговорить пьяному, языкъ заплетался. Я послѣ первой же чаши былъ приговоренъ выпить другую и вскорѣ свалился подъ столъ. Это былъ мой первый дебютъ при вступленіи въ общество названное «Янкель региментъ»,—добавилъ Н.

Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. Одинъ молодой корнетъ, грустно вздыхая, сказалъ:

— Къ сожалѣнію, у насъ въ полку мало осталось коренныхъ гусаръ бердичевскихъ временъ, все больше молодежь.

— Да они всѣ наперечетъ,—замѣтилъ Э.,—нашъ полковой поэтъ поручикъ С—чъ, описывая современное состояніе полка выразился объ одномъ изъ бывшихъ членовъ «Янкель регимента» такъ:

«Обломокъ Янкель регимента, О—скій мертвую запилъ,
«Гусарамъ новаго завѣта свое презрѣнье подарилъ».

---

[1]) Сохранилось много анекдотовъ о гусарской стоянкѣ въ Бердичевѣ. Нѣкоторые изъ нихъ очень забавны. Надо знать, что корпусный командиръ Ротъ былъ очень строгъ и взыскивалъ за самыя незначительныя мелочи. Въ одинъ прекрасный день гусарскіе офицеры ему устроили такую шалость. Добыли очень парадный гробъ, покрыли его траурнымъ покровомъ, и съ музыкой, игравшей похоронный маршъ, тронулись по улицамъ Бердичева. Когда процессія проходила мимо оконъ Рота, онъ полюбопытствовалъ узнать: Кого хоронятъ?—Генерала Рота,—былъ отвѣтъ. Или на замѣчаніе генерала одному, офицеру, почему мундштукъ его лошади не достаточно хорошо пригнанъ, офицеръ отвѣчалъ: «Мундштукъ-то хорошо пригнанъ ваше превосходительство, да ротъ никуда не годится». Въ такомъ родѣ было много шалостей, которыя, несмотря на строгость Рота, сходили съ рукъ и всегда оканчивались домашнимъ образомъ безъ грустныхъ послѣдствій для шалуновъ.

— А скажите, что это за происшествіе было съ графиней В.?—спрашивалъ М.—З.,—у насъ въ Петербургѣ о немъ много говорили.

— Надо вамъ знать, что до революціи 30 года, какъ поляки величаютъ этотъ бунтъ, насъ принимали помѣщики-поляки, но послѣ этого повстанія и казни Канарскаго въ Вильнѣ, двери гостиныхъ для насъ закрылись. Мы всѣ были сданы въ разрядъ ненавистныхъ москалей, на которыхъ паны и паненки смотрѣли съ величайшей злобой. Графиня Б, въ этомъ отношеніи отличалась особенно. Разъ какъ-то, общество офицеровъ на нѣсколькихъ тройкахъ пріѣхало въ имѣніе графини и представьте себѣ: эта гордая панна имѣла дерзость передать офицерамъ чрезъ своего маршалка, что она не желаетъ принять московскихъ слугъ. Офицеры, разумѣется, дали слово отблагодарить спѣсивую панну. Первый разъ, когда она пріѣхала въ Бердичевъ въ своей каретѣ, запряженной по-краковски цугомъ, гусары остановили ея экипажъ среди улицы и пропустили справа по одному внутрь кареты, съ одной дверцы въ другую ординарческую команду и всѣхъ трубачей. Можете себѣ представить, что дѣлалось съ гордой польской аристократкой, когда тяжелыя солдатскія сабли всѣхъ ординарцевъ и трубачей колотили ее по ногамъ. Графиня была страшно оскорблена и лично жаловалась корпусному командиру; но дѣло ничѣмъ не кончилось: виновныхъ не нашли.

Въ такихъ бесѣдахъ проходилъ вечеръ; но вотъ пулька кончается и слышится голосъ эскадроннаго командира:

— Прокопчукъ! ужинъ готовъ?

— Готовъ ваше благородіе,—отвѣчаетъ денщикъ.

— Давай!

И хозяинъ приглашаетъ гостей закусить.

Опять на сцену являются рубленыя котлеты, ветчина и къ нимъ прибавляется польское блюдо клюцечки съ сыромъ [1]), или традиціоные вареники. Иностранныхъ винъ къ ужину не полагается. Кому угодно можетъ прикладываться къ графину. Гости, разумѣется, не брезгаютъ отечественнымъ нектаромъ. Маіоръ и ротмистръ подаютъ примѣръ субалтернамъ и субалтерны отъ нихъ не отстаютъ. При сей вѣрной оказіи опять идутъ въ ходъ всякія нѣмецкія и русскія прибаутки въ родѣ: «ѣдетъ чижикъ въ лодочкѣ въ адмиральскомъ чинѣ, не выпить ли водочки по этой при-

---

[1]) Это самое любимое польское блюдо, всѣми поляками отъ простого шляхтича до магната. Клюцечки приготовляются такимъ образомъ: кусокъ тѣста раскатывается скалкой и мелко крошится на ковалки (кусочки), опускается на короткое время въ кипятокъ, чрезъ рѣшето процѣживается, чтобы не было воды, затѣмъ смѣшивается съ свѣжимъ творогомъ и обливается шкварнами, т. е. кусочками свиного сала, поджареннаго на сковородкѣ. Сало непремѣнно должно быть съ шкуркой. Клюцечки съ сыромъ считались національнымъ польскимъ блюдомъ. Они дѣйствительно очень вкусны.

чинѣ», или «одинъ шнапсъ это не шнапсъ» и т. д. Молодежи все это кажется очень гусарскимъ и она старается отличаться. Денщикъ Прокопчукъ то и дѣло наполняетъ опороженный графинъ. Бесѣда мало-по-малу оживляется. Поселенный начальникъ разсказываетъ, какъ ему попало отъ графа Никитина за то, что скирды были сложены не по формѣ. Дивизіонеръ въ сотый разъ передаетъ съ самыми мельчайшими подробностями, какъ онъ разъ на маневрахъ, не разслыхалъ сигнала и перепуталъ команду. Ротмистръ съ ужасомъ припоминаетъ, какъ унтеръ-офицеръ его эскадрона, Давыдовъ, являлся ординарцемъ къ корпусному командиру безъ помпона на киверѣ. «Говорилъ ему,—разсказывалъ ротмистръ,—не шпорь «Яблочка», нѣтъ-таки сдѣлалъ по своему, не утерпѣлъ, долбанулъ, ну тотъ ему и состроилъ козла: помпонъ-то и вылетѣлъ, я только успѣлъ его поднять, а тутъ команда: смирно! и корпусный прикатилъ въ коляскѣ на плацъ. Что же бы вы думали? Все вышло за первый сортъ, корпусный не замѣтилъ, что помпона-то не было на киверѣ; даже похвалилъ Давыдова. Я его тоже похвалилъ, но всыпалъ малую толику для того, чтобы впередъ былъ умнѣе»,— добавилъ лихой ротмистръ, наливая себѣ водки. Корнетъ, произведенный изъ юнкеровъ, очень оживленно передаетъ, какъ на царскомъ смотру, на маневрахъ, спотыкнулась на полныхъ рысяхъ его лошадь и надломилось дерево штандарта и т. д.

Такъ изумительно однообразно проходили наши дни. Читать книги или газеты не было въ обыкновеніи. Ѣздить къ помѣщикамъ Кіевской и Подольской губерній мы не рѣшались: ясновельможные паны, по выраженію старыхъ гусаръ, «смотрѣли на насъ чертями»; они принимали русскихъ офицеровъ черезчуръ непривѣтливо, хотя кавалерійскіе полки въ тѣ времена были переполнены поляками. Въ А. гусарскомъ полку нашей бригады весь штабъ состоялъ изъ поляковъ: адъютантъ, казначей, квартермейстеръ, командиръ ординарческой команды и самъ полковой командиръ были поляки. Даже докторъ, студентъ Виленскаго университета, былъ ярый полякъ. Русскаго языка не существовало: говорили по-французски или по-польски. Магнаты, на время притихнувшіе, посылали своихъ сыновей служить въ русскихъ полкахъ, отчасти руководствуясь правиломъ, внушеннымъ имъ ксензами, что цѣль оправдываетъ средства, отчасти и потому, что сыновья, получившіе офицерскіе чины, служили защитой ихъ маентностей. Въ Варшавѣ въ это время былъ оберъ-полиціймейстеромъ генералъ А—чъ—гроза всѣхъ повстанцевъ. Когда онъ проѣзжалъ по улицамъ города, то всѣ ратоборцы за ойчизну спѣшили спрятаться и, горе было тому, кто попадался на глаза грозному А—чу, да еще въ конфедераткѣ. Разговоръ всегда бывалъ самый короткій.

— Въ службѣ былъ?—спрашивалъ генералъ конфедератку.

— Нѣтъ, ясновельможный пане.

— Казаки, взять его и велѣть въ части всыпать сотню бизуновъ!

Такимъ образомъ, служба въ русскомъ войскѣ иногда спасала отъ большихъ непріятностей. Паны знали это и, скрѣпя сердце, отправляли своихъ паничей въ русскую службу. И надо отдать справедливость полякамъ, они были отличные кавалеристы и очень исполнительны по службѣ. Полякъ командиръ всегда отличался своей жестокостью, дралъ солдатъ не на животъ, а на смерть, что въ тѣ времена считалось военной доблестью. Съ своими крѣпостными хлопами поляки также обращались немилосердно сурово. Вотъ одинъ изъ сотни примѣровъ. Корнетъ П. утромъ всегда имѣлъ обыкновеніе посѣщать конюшню. На обязанности крѣпостнаго кучера его Веридона (не католикъ—православный—схизматикъ) лежало убирать тройку вороныхъ лошадей. Корнетъ П., придя въ конюшню начиналъ изслѣдовать хорошо ли они вычищены. Панычъ доставалъ изъ кармана бѣлый платокъ и имъ водилъ противъ шерсти лошадей и, если на платкѣ оказывалась пыль, П—скій бралъ длинный бичъ, приказывалъ Веридону снять верхнее платье и говорилъ:

— Чемужъ коней не шановалъ?

— Якъ же пане,—вопилъ Веридонъ.

Но вопли несчастнаго не помогали, бичъ свистѣлъ въ рукахъ паныча и спина схизматика превращалась въ рубленную котлету.

И такія экскурсіи въ конюшню П—скій совершалъ каждый день, когда бывалъ дома.

Несмотря на кажущуюся исполнительность по службѣ, поляки того времени не всегда были вѣрны присягѣ, какъ показали послѣдствія. Отъ присяги ихъ разрѣшали ксендзы, пользовавшіеся громаднымъ вліяніемъ въ польскомъ обществѣ. Устами пана ксенза всегда гласила истина. Если ксензъ входилъ въ гостиную, гдѣ было большое общество, тотчасъ всѣ паны, панни и паненки, вставали и прикладывались къ его рукѣ. Я, разумѣется, не буду описывать прошлое, хорошо извѣстное русскому обществу изъ офиціальныхъ документовъ 1861, 62 и 63 годовъ, замѣчу лишь одно, что поляки моего времени далеко не всѣ оправдали свое реномэ хорошихъ служакъ. Многіе изъ моихъ товарищей ушли въ банды, а нѣкоторые изъ нихъ угодили и на висѣлицу. Одинъ изъ моихъ товарищей, именно корнетъ С—кій, въ пятидесятыхъ годахъ вышелъ въ отставку и былъ выбранъ предводителемъ дворянства. Должность эту Викентій Доминиковичъ (такъ звали С—скаго) исполнялъ два трехлѣтія и былъ на самомъ лучшемъ счету. Къ нему постоянно съѣзжались всѣ окружные помѣщики, и онъ ихъ угощалъ на славу, какъ истинный магнатъ-хлѣбосолъ. Въ глазахъ начальства эти съѣзды дворянъ, разумѣется, не имѣли

другого значенія, кромѣ желанія дворянъ обсуждать свои нужды. С—скій былъ очень богатый панъ и его дворецъ былъ открытъ для всѣхъ и каждаго. Въ обширныхъ комнатахъ его дворца на самомъ видномъ мѣстѣ висѣлъ большой портретъ покойнаго государя. На столахъ лежало множество нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ журналовъ, дозволенныхъ цензурою. Панъ маршалокъ постоянно получалъ цѣлые тюки товаровъ изъ Австріи. Въ тюкахъ всегда была посуда, ковры, вина и другія вещи. Таможенные чиновники, зная благонамѣренность Викентія Доминиковича, почти не осматривала тюки, адресованные на его имя. Но разъ случился такой казусъ. Изъ имѣнія С—скаго на станцію желѣзной дороги былъ доставленъ тюкъ для отправки въ Августовскую губернію, на имя какого-то пана-помѣщика. Въ то время революція уже вспыхнула. Паненки не успѣвали вышивать всѣхъ знаменъ свободы для повстанцевъ. Власти начали смотрѣть въ оба. Предводительскій тюкъ былъ положенъ на платформѣ въ ожиданіи прихода поѣзда. Прохаживающемуся тутъ жандарму показался страннымъ этотъ тюкъ, имѣвшій какую-то длинную, неуклюжую форму. «Что бы тамъ могло быть?» думалъ жандармъ и сталъ пристальнѣе разсматривать тюкъ. Сквозь войлокъ онъ ощупалъ что-то твердое и продолговатое. Неужели ружья?—думалъ жандармъ. Да нѣтъ этого быть не можетъ, тюкъ присланъ изъ предводительскаго имѣнія. Все же посмотрѣть не мѣшаетъ, рѣшилъ солдатъ и отправился къ начальнику станціи. На бѣду начальникъ станціи былъ полякъ и самый усердный поклонникъ пана маршалка. Заявленіе жандарма его посмѣшило, и онъ рѣзко отвѣчалъ, что не намѣренъ вскрывать предводительскаго тюка. Между тѣмъ пришелъ поѣздъ и тюкъ благополучно отправился по назначенію. Но солдатъ не успокоился, пошелъ къ офицеру и сообщилъ ему свои подозрѣнія. Полетѣли телеграммы и тюкъ былъ вскрытъ. Въ немъ оказались ружья новой системы, револьверы и патроны. Къ пану маршалку, совершенно для него неожиданно, нагрянули съ обыскомъ и нашли большой складъ оружія, патроновъ, чумарокъ, конфедератокъ и цѣлыя кипы революціонныхъ воззваній къ патріотамъ. Разумѣется С—го арестовали. Слѣдствіе раскрыло, что онъ былъ однимъ изъ главныхъ организаторовъ повстанія въ извѣстномъ районѣ. Судъ приговорилъ его повѣсить, что и было исполнено.

Обращаясь снова къ нашему полковому житью-бытью, я долженъ повторить, что оно не отличалось разнообразіемъ. Польская шляхта, одѣтая въ русскіе мундиры, проводила весело время, разъѣзжая по деревнямъ сосѣднихъ помѣщиковъ, а мы сидѣли въ эскадронѣ скучнѣйшаго военнаго поселенія и не пользовались никакими развлеченіями. Весной ходили въ полковой кампаментъ, лѣтомъ пускали лошадей въ степь на траву, а осенью собирались въ корпусный кампаментъ. Во время кампамента начиналась

служба и для субалтернъ-офицеровъ; они бывали на ученіяхъ и дежурили по полку. Но такихъ развлеченій въ году было только два мѣсяца, остальное время всѣ жили по эскадронамъ, буквально ничего не дѣлая. Именно въ такіе-то часы одуряющей скуки и затѣвались дуэли, почти всегда подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и самаго оригинальнаго понятія о чести. Помню, разъ, послѣ корпуснаго кампамента, поздней осенью, эскадронный командиръ М. устроилъ у себя попойку. Необходимо замѣтить, что обильное уничтоженіе водки при килькахъ и рубленныхъ котлетахъ не считалось кутежомъ; хотя одуряющее свойство отечественнаго напитка, конечно, поспоритъ со всѣми иностранными винами, тѣмъ не менѣе водка изгонялась совсѣмъ во время кутежей; если кому-нибудь приходила фантазія пропустить рюмочку отечественной, онъ отправлялся къ денщику Прокопчуку, а на столѣ водки не было. Когда гусары кутили, они обыкновенно употребляли ромъ, портеръ англійскій и шампанское. Но самый излюбленный напитокъ былъ жженка. Она приготовлялась такимъ образомъ. Нѣсколько бутылокъ бѣлаго рома вливалось въ мѣдный тазъ, или миску, туда клали апельсиновъ и разныхъ специй. Ромъ зажигали и на положенные сверхъ миски клинки сабель клали большіе куски сахара. Когда сахаръ весь растаявалъ, пламя заливали хорошимъ лафитомъ и шампанскимъ; выходила смѣсь, но смѣсь очень вкусная и страшно дѣйствующая на голову. Достаточно было выпить одинъ стаканъ, чтобы опьянѣть. Слабый субъэктъ послѣ двухъ стакановъ жженки терялъ способность ворочать языкомъ и издавалъ лишь какія-то безсмысленныя мычанья. Послѣ третьяго, члены его парализовались окончательно, и онъ какъ трупъ валился подъ столъ. Болѣе крѣпкіе впадали въ особенный экставъ, въ нихъ пробуждались разрушительные, даже кровожадные инстинкты. Они стремились разносить цѣлые кагалы жидовъ, бить окна, портить вывѣски, устроивать дуэли, или играть въ кукушку. Попойка, устроенная эскадроннымъ командиромъ М., разумѣется, сопровождалась традиціонной жженкой и, къ несчастью, имѣла роковыя послѣдствія.

Но прежде всего мы должны познакомиться ближе съ главными героями кровавой драмы. Эскадронный командиръ М. былъ шведъ и, если не ошибаюсь, получилъ образованіе въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ бретёрство было развито до чудовищныхъ размѣровъ. М., разумѣется, заразился этимъ духомъ и, сдѣлавшись коренны мъ гусаромъ, сталъ смотрѣть на дуэли, какъ на священнодѣйствіе. Очень добрый отъ природы и честный, М. никогда не былъ подстрекателемъ, но если вызовъ на дуэль состоялся, онъ считалъ долгомъ не препятствовать благородной раздѣлкѣ. Вообще, ротмистръ М., при всей его честности, даже и въ то время былъ крайне отсталый человѣкъ, чтобы не сказать дикій. Пору-

чикъ Н. считался добрымъ малымъ, какимъ въ сущности онъ и былъ. Корнетъ М. З. внушалъ крайнюю симпатію всѣмъ и каждому. При первомъ его появленіи, онъ сразу заслужилъ любовь товарищей и расположеніе полкового командира, очень суроваго остзейскаго барона. Высокій ростомъ, стройный, красавчикъ собой, остроумный, веселый, М. З—скій не могъ не нравиться. Иное дѣло корнетъ Э. Антипатичнѣе этого созданья трудно себѣ представить что-либо. Происходя изъ одесскихъ грековъ, разбогатѣвшихъ торгашествомъ, Э. отличался фатовствомъ, или правильнѣе наглостью среды, которая его вывела. Высокій ростомъ, тонкій, какъ шестъ, съ узкими плечами, мелкими чертами лица и вѣчно бѣгающими мышиными глазками, этотъ одесскій грекъ не могъ внушить ничего, кромѣ отвращенія. При всемъ этомъ, манеры Э. были ужасны, онъ имѣлъ обыкновеніе, засунувъ руки въ карманы, не ходить такъ, какъ всѣ люди ходятъ, а прыгать какими-то гигантскими шагами и немилосердно стучать своими черезчуръ длинными шпорами. Такой товарищъ, разумѣется, не могъ понравиться хорошо воспитанному и изящному М — ру З — му. Онъ сразу осмѣялъ Э., взялъ его, какъ говорится, на язычокъ Этимъ дѣло и могло бы кончиться, потому что хитрый одесскій грекъ избѣгалъ столкновенія съ М. З—мъ. Но, къ сожалѣнію, послѣдній имѣлъ самыя странныя понятія о чести и призваніи гусарскаго офицера. Наслышавшись раньше восторженныхъ разсказовъ о бердичевскихъ безобразіяхъ, онъ во что бы то ни стало рѣшилъ сдѣлаться кореннымъ гусаромъ. Къ этому была одна дорога—дуэль, онъ и сталъ ее искать. Какъ милый и добрый юноша, М. З. не искалъ столкновеній съ товарищами, которые были ему симпатичны и накинулся на одесскаго грека. По несчастному стеченію обстоятельствъ, все способствовало дуэли. Утромъ въ тотъ день, когда была назначена попойка у эскадроннаго командира М., корнетъ Э. ѣздилъ на своей лошади въ манежѣ, М. З. съ остальными офицерами также былъ въ манежѣ. Э. былъ самый плохой ѣздокъ, его посадка на лошади была не красива, а управлять лошадью онъ и совсѣмъ не умѣлъ. Офицеры втихомолку улыбались, глядя на плохого ѣздока, а юный М. З. безъ церемоніи громко хохоталъ, чего Э. не могъ не замѣтить. Такимъ образомъ, въ этотъ несчастный день съ самаго утра все подготовлялось для дуэли. Эскадронный командиръ зналъ объ этомъ и еслибы принялъ мѣры, то катастрофа не разыгралась бы. Прежде всего ему не слѣдовало затѣвать кутежа. Юнаго М. З. надо было удалить изъ 6 эскадрона, перевести въ другой, подальше отъ Э. Но М. ничего подобнаго не сдѣлалъ, напротивъ, онъ самъ принялъ участіе въ дуэли, какъ увидимъ ниже. Таковы были времена. Бывшій дерптскій студентъ, повторяю, смотрѣлъ на дуэль какъ на какое-то священнодѣйствіе, культъ, а помѣшать ей считалъ преступленіемъ.

Вечеромъ, когда всѣ собрались за чашей пуншевой, М. З. накинулся на корнета Э., точно молодой орелъ на пресмыкающееся. Кромѣ нашихъ офицеровъ, въ кутежѣ принимали участіе и пріѣзжіе изъ другихъ эскадроновъ. Это послѣднее обстоятельство еще болѣе способствовало злорадству М. З—го. Ему хотѣлось при всѣхъ проучить хвастливаго грека и себя показать лихимъ гусаромъ-дуэлистомъ. Присутствовавшіе офицеры старались образумить М. З—го. Но ничто не помогало. Э. въ свою очередь попробовалъ-было увильнуть, обратить все въ безобидную шутку, но и это не удалось. Выпитая жженка совсѣмъ отуманила умственныя способности юнаго бретёра. Надо знать, что корнетъ Э. скрывалъ свое греческое происхожденіе и всѣмъ мало его знавшимъ говорилъ, что онъ чистокровный испанецъ — Лаперузо донъ Э. Именно на эту слабость М. З. и напалъ.

— М., есть у тебя гитара?—спросилъ юноша эскадроннаго командира.

— Зачѣмъ она тебѣ понадобилась?

— Я хочу просить испанскаго гранда сыграть что-нибудь на его національномъ инструментѣ,—продолжалъ М. З.

— Успокойся, между нами нѣтъ испанскихъ грандовъ.

— Какъ! а г. Э., развѣ онъ не испанскій грандъ?

— Я полагаю, что вопросъ о моей національности не можетъ быть интересенъ ни для кого,—уклончиво замѣтилъ корнетъ Э.

— Напрасно вы такъ думаете, — не унимался М. З., — прежде всего для меня онъ очень интересенъ. Я никакъ не могу понять какимъ образомъ у испанскаго гранда можетъ быть гречанка мать, торговавшая на одесскомъ базарѣ маслинами?

Э. словно ужаленный вскочилъ изъ-за стола и зашагалъ по комнатѣ. Поздно онъ сообразилъ, что въ виду постоянныхъ придирокъ къ нему М—ра З—го, ему слѣдовало уклониться отъ кутежа у М—ва и остаться дома. Теперь послѣ дерзости М—ра З—го отступать было уже нельзя; товарищи могли счесть его за труса, еслибы онъ вдругъ покинулъ ихъ компанію. Приходилось выдержать до конца.

Побѣгавъ по комнатѣ, Э. остановился передъ М. З. и сказалъ:

— Вы слишкомъ много дѣлаете мнѣ чести, г. М—ръ, занимаясь не только моей метрикой, но и моими родными.

— Не особенно. Я только констатирую фактъ, всѣмъ извѣстный. Развѣ не правда, что ваша мать торговала маслинами на одесскомъ базарѣ?

— Это только одни слухи, а слухамъ не всегда можно вѣрить. Вотъ я, напримѣръ, слышалъ, что ваша мать торговала кильками на петербургскомъ рынкѣ.

М. З. въ свою очередь вспыхнулъ. Товарищи поспѣшили разнять враговъ.

— Полноте, господа, толковать о небывалыхъ профессіяхъ вашихъ родительницъ, — вскричалъ штабсъ-ротмистръ Н., — лучше выпьемъ.

Враги, хотя и выпили, но не унялись. М. З. продолжалъ смѣяться надъ Э. и послѣ выпитаго стакана жженки наступалъ на него еще съ бо́льшимъ азартомъ.

— Я съ вами совершенно согласенъ, что слухамъ вѣрить не слѣдуетъ, — снова обратился онъ къ Э., — но иногда очевидные факты подтверждаютъ слухи. Вы хотя и выдаете себя за испанскаго гранда, но по вашимъ мужицкимъ манерамъ и полному отсутствію хорошаго воспитанія сейчасъ видно, что вы сынъ торговки, а не аристократки.

— Г. М. З. вы забываетесь и наносите мнѣ публичное оскорбленіе!—вскричалъ, позеленѣвъ, Э.,—извольте взять назадъ ваши необдуманныя слова и тотчасъ же извиниться передо мной, иначе...

— Что иначе? договаривайте.

— Я вынужденъ буду съ вами раздѣлаться.

— Словъ своихъ я назадъ не беру, — сказалъ М. З., сверкая глазами, — извиниться передъ вами также не намѣренъ и снова повторяю здѣсь, во всеуслышаніе при моихъ товарищахъ, что манеры у васъ нѣженскаго пиндоса, а не гусарскаго офицера. Вы срамите мундиры наши! Я буду очень счастливъ, если судьба дастъ мнѣ возможность вычеркнуть васъ изъ списка офицеровъ А—го полка.

Послѣ этихъ дерзостей, всѣ объясненія уже были лишними. Корнетъ Э., выходя изъ комнаты, пригласилъ поручика Н. на пару словъ. Вскорѣ Н. вернулся и объявилъ М-ру З—му, что Э. вызываетъ его на дуэль, на пистолетахъ. М. З., разумѣется, принялъ вызовъ и тутъ же просилъ ротмистра М. быть его секундантомъ.

Между тѣмъ, попойка продолжалась, какъ будто ровно ничего не случилось. Штабсъ-ротмистръ Н. игралъ на флейтѣ малороссійскую пѣсню «віютъ вітры, віютъ буйные», и вся компанія подпѣвала. Вспоминая бердичевскія времена, М. разсказывалъ въ чемъ заключается игра въ кукушку. Гусары бросали жребій: кому быть стрѣлкомъ, кому кукушками. Стрѣлокъ становился среди темной комнаты съ заряженнымъ пистолетомъ въ рукахъ, остальные крались по стѣнамъ и кричали «куку». При этомъ словѣ раздавался выстрѣлъ, но представлявшій кукушку, крикнувъ «куку», спѣшилъ перебѣгать на другое мѣсто; такимъ образомъ несчастные случаи бывали рѣдко, а если они случались, то ихъ относили къ простой неосторожности и дѣло кончалось ничѣмъ. Когда уже стала заниматься заря, М. З. сказалъ:

— По моему, господа, дѣла откладывать не слѣдуетъ; съ разсвѣтомъ я бы желалъ покончить съ испанскимъ грандомъ.

— Твое желаніе неудобоисполнимо по двумъ причинамъ,—сказалъ М.,—первое надо имѣть согласіе Э., а второе—у насъ пистолетовъ нѣтъ.

— И ту и другую причину устранить очень легко. Пистолеты можно взять казенные изъ цейхауза. Что же касается до согласія Э., то я надѣюсь, что нашъ уважаемый товарищъ Н. не откажетъ взять на себя трудъ переговорить съ Э.

Хитрый грекъ, разумѣется, согласился драться съ утренней зарей; ему былъ расчетъ такъ поступить. М. З. всю ночь пьянствовалъ, а онъ былъ трезвъ.

Когда Н. передалъ результатъ своихъ переговоровъ съ Э., М. З. сказалъ:

— Ну и прекрасно, Мы пока еще выпьемъ, а тѣмъ временемъ и совсѣмъ разсвѣтетъ.

Опорожнивъ весь тазъ жженки, стали готовиться.

— М—ръ, ты, можетъ быть, хочешь писать письма?—спросилъ М.

— Слѣдовало бы написать къ матери на всякій случай, да не могу, очень пьянъ,—отвѣчалъ юноша.

— Ну какъ знаешь. Н. сходи къ Э., уже совсѣмъ свѣтло, да кстати спроси его, желаетъ ли онъ стрѣляться изъ казенныхъ пистолетовъ?

Н. возвратился и сообщилъ, что Э. на все согласенъ.

— Въ такомъ случаѣ отправимся,— сказалъ М. — Я полагаю, что можно устроить дѣло въ моемъ садикѣ за хатой. Ты какъ думаешь М—ръ?

— Мнѣ все равно.

— Знаешь, оно лучше, а то надо будить кучера, лошадей запрягать, много шума, да и люди уже пошли на уборку, могутъ увидать и скажутъ: куда это господа пошли? Дома скромнѣе.

Противъ этихъ доводовъ возраженій не послѣдовало.

— А вы, господа, развѣ не хотите посмотрѣть?—обратился М. къ тремъ офицерамъ гостямъ, сидѣвшимъ у стола.

— Нѣтъ, мы лучше портеромъ займемся,—отвѣчали гости.

— Въ такомъ случаѣ до свиданія!

— До свиданія.

М. З. и его секунданты ушли.

Позади хаты эскадроннаго командира былъ небольшой вишневый садикъ, огороженный плетнемъ. Тамъ уже были корнетъ Э. и поручикъ Н. Когда зарядили пистолеты, М. сказалъ, обращаясь къ соперникамъ:

— Господа, я бы просилъ васъ покончить миромъ это прискорбное недоразумѣніе. Никто не смѣетъ сомнѣваться въ вашемъ благородствѣ и храбрости. Подайте другъ другу руки, какъ добрые товарищи, и дѣлу конецъ.

— Я согласенъ, — отвѣчалъ Э., — но съ тѣмъ, чтобы корнетъ М. З. взялъ свои слова назадъ и извинился.

— Ни того, ни другого исполнить не желаю! — вскричалъ запальчиво М. З.

Секунданты отмѣрили восемнадцать шаговъ и по серединѣ положили сабли, обозначавшія барьеръ въ шесть шаговъ. Соперникамъ вручили пистолеты и просили приготовиться къ командѣ. М. З., весь розовый отъ выпитой жженки, безпечно улыбался; его юное, красивое лицо выражало скорѣе счастье, чѣмъ испугъ. Точно онъ пріѣхалъ куда-нибудь на пикникъ въ окрестностяхъ Петербурга. Когда ему подали громадныхъ размѣровъ кремневый унтеръ-офицерскій пистолетъ, онъ расхохотался и сравнилъ его съ стѣнобитнымъ орудіемъ. Э, напротивъ, былъ блѣденъ и серьезно сосредоточенъ. Н. въ свою очередь попробовалъ примирить враждующихъ, но опять безъ успѣха. М. З. рѣшительно объявилъ, что своихъ словъ не беретъ назадъ и извиняться не желаетъ. Тогда медленно раздалась команда: разъ, два, три. М. З., какъ-то порывисто бросился впередъ къ барьеру, Э. же остался на мѣстѣ и въ ту же минуту выстрѣлилъ. Густое облако дыма легло между врагами. Сначала послышался стонъ, потомъ душу раздирающій крикъ. Несчастный М. З., отброся далеко въ сторону пистолетъ, катался по землѣ, обхвативъ животъ обѣими руками. Раненаго тотчасъ подняли и понесли въ кабинетъ къ М—ву, положили на кровать и раздѣли. Оказалось, что онъ раненъ въ животъ, откуда торчали порванныя кишки. Только теперь догадались послать за докторомъ въ штабъ. Сначало М. З. метался и страшно кричалъ, жаловался, что ему жжетъ внутри, потомъ будто успокоился и впалъ въ безпамятство. Волѣе двухъ часовъ онъ былъ въ такомъ положеніи. Наконецъ, началась агонія и онъ умеръ именно въ тотъ моментъ, когда входилъ полковой докторъ.

Въ сосѣдней комнатѣ, присяжные собутыльники продолжали доканчивать портеръ. Флейта играла и слышались пьяные голоса.

«Віютъ вітра, віютъ буйные...» Корнетъ Э. куда-то скрылся.

Такъ погибъ прелестный юноша, единственный сынъ нѣжно-любившей его матери. Погибъ потому, что среда постаралась исказить его понятія.

Корнетъ Э. и оба секунданта разумѣется были преданы суду. Императоръ Николай I-й конфирмовалъ это дѣло такъ. Корнета Э., какъ вынужденнаго защищать свою честь, подвергнуть церковному покаянію. Секунданта, поручика Н., заключить въ крѣпость на четыре мѣсяца, а ротмистра М., принимавшаго участіе въ дуэли, тогда какъ онъ, какъ прямой начальникъ, обязанъ былъ воспрепятствовать ее, и дозволившаго взять казенные пистолеты, разжаловать въ рядовые съ назначеніемъ въ С. уланскій полкъ.

Кстати, разскажу еще объ одной дуэли, происшедшей въ И-мъ

гусарскомъ полку нашего корпуса между двумя молодыми офицерами, въ свое время надѣлавшей много шуму. Полковой квартермейстеръ поручикъ З. былъ очень друженъ съ однимъ изъ субалтернъ-офицеровъ, именно корнетомъ К. Оба молодыхъ человѣка отличались честностью, умомъ и прекраснымъ воспитаніемъ. Юнкерами они жили вмѣстѣ на квартирѣ и питали другъ къ другу самую искреннюю дружбу. Впослѣдствіи, когда они были произведены въ офицеры, З. получилъ должность квартирмейстера, и постоянно жилъ при полковомъ штабѣ. К., пріѣзжая изъ эскадрона въ штабъ, всегда останавливался у своего товарища и друга З. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Весь полкъ ставилъ въ примѣръ дружбу этихъ молодыхъ людей. Ничто не нарушало ихъ пріятельскихъ отношеній до тѣхъ поръ, пока въ полкъ не былъ присланъ изъ II. корпуса нѣкто Г. восточный человѣкъ. Неизвѣстно по какой причинѣ, Г. не взлюбилъ З—бу, и сталъ интриговать противъ него. На общество офицеровъ, любившее З—бу, вновь испеченный корнетъ Г. конечно влiять не могъ; онъ повелъ атаку съ другой стороны. Узнавъ о дружбѣ корнета К—ва съ З., онъ постарался заискать дружбу К. и сталъ исподоволь возстановлять его противъ З. К. былъ юноша слабохарактерный, увлекающійся и очень горячій. Г. началъ увѣрять его, что З. человѣкъ фальшивый, двуличный, въ глаза говоритъ одно, а за глаза совсѣмъ другое, что З крайне тяготится посѣщеніями его, К—ва, что онъ, пріѣзжая изъ эскадрона къ нему на квартиру, крайне стѣсняетъ его, что К. дармоѣдъ и любитъ жить на чужой счетъ и т. д. и д. все въ этомъ родѣ. Интрига подѣйствовала. К. перестаилъ заѣзжать къ З. Послѣдній, любя искренно К., недоумѣвалъ, что за причина перемѣны къ нему его товарища. Къ несчастью К. при своей безхарактерности и впечатлительности, былъ еще и скрытенъ. Восточный человѣкъ, сообщая ему всѣ эти нелѣпости о З., взялъ съ него честное слово никогда и никому не говорить о нихъ. Вотъ почему К. уклонялся отъ всякихъ объясненій съ З., который былъ въ полномъ недоумѣніи и никакъ не могъ разрѣшить вопроса почему К. явно его избѣгаетъ. Между тѣмъ, восточный человѣкъ продолжалъ дѣйствовать и, какъ капля воды продалбливаетъ камень, наконецъ, достигъ своей цѣли. Разъ онъ сказалъ такую нелѣпую грязь о З—бѣ, что К. рѣшился послать къ нему вызовъ на дуэль. Секундантомъ былъ приглашенъ тотъ же восточный человѣкъ. Переговоры начались далеко не въ примирительномъ духѣ. Г. безпрестанно подливалъ масла въ огонь, и довелъ К. до степени полной, непримиримой ненависти къ его бывшему другу З—бѣ. Дуэль была рѣшена, товарищи старались прекратить эти раздоры, но вліяніе Г. пересилѣло: К. не хотѣлъ слышать о примиреніи и публично объявилъ, что если З. не будетъ съ нимъ стрѣляться, то онъ, К., дастъ ему при всѣхъ пощечину. Послѣ этого З. уже не оставалось дру-

гого исхода, какъ принять вызовъ. Въ назначенный часъ соперники и ихъ секунданты сошлись въ условленномъ мѣстѣ. Секундантомъ у З. былъ Н., а у К—ва, корнетъ Г. изъ кавказскихъ горцевъ. Поручикъ П. употреблялъ всѣ средства, чтобы примирить враговъ, доказывалъ полное отсутствіе оскорбленія. З. въ свою очередь клялся всѣмъ священнымъ для него, что онъ и въ помышленіяхъ никогда не держалъ оскорблять К—ва, котораго искренно уважаетъ и любитъ, какъ самаго лучшаго своего товарища,— ничто не помогло. Присутствіе демона въ образѣ восточнаго человѣка испортило все: Г. безпрестанно отводилъ К—ва въ сторону и что-то шепталъ ему на ухо. Переговоры кончились тѣмъ, что К—въ вкричалъ:

— Вы, кажется, трусите г. З?!

Тогда секундантъ Н., выведенный изъ терпѣнія негодяемъ, мѣшавшимъ окончить дѣло миромъ, сказалъ:

— Нѣтъ г. К. вы ошибаетесь, З. не трусить, но ему не хочется драться съ тѣмъ, кто является жертвой гнусной интриги.

— Значитъ, вы считаете меня интриганомъ?—закипятился горецъ.

— Да вы интриганъ и подлецъ!—былъ отвѣтъ.

— Значитъ, я могу надѣяться, что вы дадите мнѣ удовлетвореніе?

— Значитъ, можете надѣяться.

— Въ такомъ случаѣ я попрошу васъ послѣ дуэли К. съ З. занять мѣсто одного изъ нихъ. Къ чему откладывать? Надо тотчасъ же кончить. Оскорбленіе черезчуръ велико!

— Я къ вашимъ услугамъ,—холодно отвѣчалъ Н.

Дуэль состоялась на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ обыкновенно стрѣлялись всѣ гусары: на восьмнадцать шаговъ съ барьеромъ въ шесть шаговъ по серединѣ. Въ то время это было общепринятое правило для всѣхъ дуэлей на пистолетахъ.

Соперниковъ раставили по мѣстамъ, вручили каждому изъ нихъ по кухенрейтерскому пистолету и просили приготовиться къ командѣ. К. былъ красенъ какъ вареный ракъ, глаза его горѣли дикой ненавистью, рука съ пистолетомъ слегка дрожала. Но все это было не отъ страха, а вслѣдствіе шушуканья восточнаго человѣка. Когда раздалась команда: разъ, два, три, К. выстрѣлилъ первый и далъ промахъ. З. блѣдный, но совершенно покойный, подошелъ къ барьеру. Онъ кротко сталъ уговаривать К. прекратить эту несчастную исторію, напоминая ему о ихъ долголѣтней дружбѣ; наконецъ, если онъ К. желаетъ, то готовъ извиниться передъ нимъ, хотя и не чувствуетъ за собой никакой вины. К. началъ колебаться, опустивъ глаза, какъ вдругъ горецъ закричалъ:

— Подлецъ не тотъ, кто стоитъ за честь полка, а тотъ кто мараетъ мундиръ, тайно марая честныхъ офицеровъ.

К. встрепенулся, точно на него вылили ушатъ ледяной воды. Онъ поднялъ голову, засверкалъ глазами и вскричалъ:

— Да и я повторяю то же самое и если вы г. З. не будете стрѣлять, то я даю честное слово публично разбить вамъ физіономію, какъ самому низкому трусу и под....

Послѣднихъ словъ несчастный молодой человѣкъ не успѣлъ докончить. З. отвернулся и выстрѣлилъ; пуля попала прямо въ сердцѣ и вылетѣла чрезъ лѣвую лопатку. К. моментально упалъ и испустилъ духъ.

Настала очередь негодяя, устроившаго всю эту печальную исторію. З. былъ возмущенъ убійствомъ любимаго товарища. Лицо его выражало искреннее, глубокое страданіе.

— Извините Н. я не могу вамъ уступить удовольствія отправить на тотъ свѣтъ этого негодяя, по милости котораго я совершилъ преступленіе. Если я буду убитъ, конечно, вы займете мое мѣсто. Я предлагаю стрѣляться на шесть шаговъ по жребію.

— Я согласенъ,—отвѣчалъ горецъ,—но протестую противъ вашихъ ругательствъ, они недостойны порядочнаго офицера?

— Вы правы; я не долженъ былъ называть васъ вашимъ настоящимъ именемъ, но мерзости, которыя вы творили здѣсь, при мнѣ наговоривая на меня К—ву, заставили меня нарушить приличіе.

— Угодно вамъ угадывать?—спросилъ Н., вынимая изъ кошелька монету.

— Хорошо. Бросайте.

Монета взвилась кверху.

— Орелъ!—самоувѣренно вскричалъ горецъ.

— Вы не угадали—рѣшотка. Неугодно ли вамъ стать къ барьеру. Первый выстрѣлъ принадлежитъ поручику З—бѣ.

Съ восточнымъ человѣкомъ моментально произошла перемѣна. На шести шагахъ промаха сдѣлать невозможно самому плохому стрѣлку—горецъ все это сообразилъ и вдругъ точно весь осунулся. Глаза его потусклѣли, мускулы лица задрожали и вытянулись. По лицу З. горецъ видѣлъ, что насталъ его послѣдній часъ.

Но описывать ли этотъ скандалъ, небывалый въ лѣтописяхъ дуэлей? Какъ ни гадко, но слѣдуетъ сказать о немъ хотя нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что въ свое время эта исторія переходила изъ устъ въ уста и не составляла секрета.

Восточный человѣкъ, погубившій несчастнаго К—ва, нагло храбрившійся до самой послѣдней минуты, когда пришла его очередь стать на барьеръ, струсилъ и упалъ на колѣна передъ поручикомъ З—го....

Императоръ Николай I-й чрезвычайно мудро конфирмовалъ эту дуэль.

«Секунданта Н. посадить на одинъ мѣсяцъ въ крѣпость. Поручика З. никакому взысканію не подвергать, а корнета А—ли Г—я по лишеніи всѣхъ правъ состоянія сослать на двадцать лѣтъ на каторжную работу въ сибирскіе рудники».

Въ Б. гусарскомъ полку состоялась дуэль также между друзьями. Поручикъ Л. квартировалъ вмѣстѣ съ К. Б—мъ. Продавая свою верховую лошадь одному изъ своихъ товарищей Л. сослался на Б—ча, который будто бы могъ засвидѣтельствовать о ея достоинствахъ. Б. очень основательно отвѣчалъ, что не только за чужую, но даже и за свою лошадь онъ ручаться не можетъ. Изъ-за этого, какъ говорится, сыръ боръ загорѣлся, друзья преобразились во враговъ и стали у барьера. Б. выстрѣлилъ на ходу и перебилъ ногу Л—му. Послѣдній, падая на одно колѣно, пригласилъ Б—ча къ барьеру и выстрѣлилъ ему въ грудь. По счастливой случайности, пуля, пронизавшая его на сквозь, не задѣла никакихъ важныхъ органовъ и Б. остался живъ, хотя долго болѣлъ.

Тотъ же Л—скій, въ 1849 году имѣлъ дуэль съ корнетомъ П еще совсѣмъ юнымъ офицеромъ. Дуэль эта очень характеристична по ея началу и концу. Въ круглой залѣ, когда-то знаменитаго Новотроицкаго трактира въ Москвѣ, гдѣ, по разсказамъ стараго полового Терентія, кушали государи и иностранные короли, въ этой самой залѣ собралось общество гусарскихъ офицеровъ ѣсть знаменитую селянку съ растегаями и аршиннаго молочнаго поросенка подъ хрѣномъ. Въ числѣ офицеровъ былъ и Л—скій, въ то время уже штабсъ-ротмистръ и старшій ремонтеръ. Корнетъ П. познакомился съ Л. и сказалъ ему, что онъ переведенъ въ Б. гусарскій полкъ.

— Я васъ не поздравляю,—отвѣчалъ ему Л., разглаживая свои длинные усы,—хотя и самъ служу въ Б—мъ полку, но долженъ откровенно сказать, что у насъ хорошее все перевелось и осталась такъ себѣ какая-то дрянь.

— Это не дѣлаетъ вамъ чести, что вы такъ отзываетесь о вашихъ товарищахъ,—отвѣчалъ корнетъ П.,—многихъ я знаю и нахожу ихъ вполнѣ достойными людьми.

— Вы можете няньчиться съ вашими симпатіями, какъ съ писаной торбой, а мнѣ прошу нравоученій не читать. Не вамъ учить меня чести!

Дѣло, разумѣется, окончилось дуэлью. На другой день соперники, въ сопровожденіи своихъ секундантовъ, отправились въ «Сокольники» и близь Ширяева поля заняли мѣста на площади. Штабсъ-ротмистръ Л. соглашался кончить миромъ, если П. извинится въ своихъ рѣзкостяхъ, но послѣдній отказался и смѣло выдержалъ выстрѣлъ Л—го, пуля котораго просвистала на одинъ вершокъ отъ головы П. въ тотъ моментъ, когда враги подходили къ барьеру. Затѣмъ корнетъ П. не пожелалъ стрѣлять въ Л—го и около барь-

ера произнесъ спичъ, сознавъ свою ошибку. Послѣднее обстоятельство рисуетъ военную молодежь того времени. Гордость, доходившая до щепетильности, не уничтожала благородства и чувства великодушія въ этихъ честныхъ юношахъ, понятія которыхъ, къ сожалѣнію, были такъ изуродованы окружавшей ихъ средой.

Лишнее говорить, что такой великодушный поступокъ юнаго П., хладнокровно выдержавшаго выстрѣлъ своего противника, сразу поставилъ его на линію лихихъ гусаръ и вызвалъ симпатіи какъ въ секундантахъ, такъ и въ Л—мъ. Въ особенности въ послѣднемъ. Недавніе враги, за минуту готовые хладнокровнѣйшимъ образомъ отправить другъ друга на тотъ свѣтъ,—вдругъ стали закадычными друзьями, обнимались, говорили одинъ другому комплименты и поспѣшили въ городъ пить брудершафтъ.

— Съ этихъ поръ,—ораторствовалъ усатый штабсъ-ротмистръ,—я объявляю моимъ лучшимъ другомъ корнета П. Горе всякому, кто осмѣлится подумать о немъ дурно—убью, какъ собаку! Ѣдемъ?! я хочу выпить брудершафтъ съ моимъ благороднымъ другомъ.

И вся компанія помчалась обратно въ Москву. Попойка должна была произойти не въ ресторанѣ, не въ Новотроицкомъ трактирѣ, а въ Грузинахъ у цыганъ. Въ то время хоръ знаменитаго Ильюшки игралъ видную роль въ средѣ широко кутящей молодежи, въ особенности гусарскихъ офицеровъ. Безъ цыганъ ни одная исторія не обходилась. Иногда были исторіи и уголовнаго характера. Всѣхъ солистокъ и ребятъ требовали въ качествѣ свидѣтелей въ палату къ допросу. Не было примѣра, чтобы они проврались, показали не въ пользу забубеннаго кутилы. Въ хорѣ было много хорошенькихъ солистокъ съ жгучими глазами, передъ которыми широко раскрывались туго набитые бумажники русскихъ баръ-помѣщиковъ и военныхъ. Цыгане любили, когда щедрые кутилы пріѣзжали къ дядѣ Ильѣ или теткѣ Матренѣ. На квартирѣ много свободнѣе, чѣмъ въ трактирѣ. Можно продѣлывать всякія штуки съ охмелѣвшими гостями—постороннихъ свидѣтелей нѣтъ. Красавица Стеша запоетъ чувствительный романсъ, сверкая своими выразительными глазами, и вдругъ почувствуетъ на своей груди, за лифомъ чью-то руку, а въ рукѣ пачку депозитокъ. Вспыхнетъ пѣвица, зардѣется вся, какъ маковъ цвѣтъ, и голосъ ея задрожитъ, рука мигомъ исчезнетъ, а пачка депозитокъ останется на бѣлой груди. У подгулявшихъ гостей являются разныя фантазіи, которыхъ постороннему глазу видѣть не слѣдуетъ. Штабсъ-ротмистру Л—му очень нравилось незамѣтно пускать за корсажъ хорошенькой Танюшѣ червонцы. Въ то время, когда она поетъ, онъ облокотится на спинку стула и опуститъ за ея шею червонецъ. Монета холодная скользнетъ по спинѣ цыганки, она невольно сдѣлаетъ движеніе и сфальшивитъ. Дирижеръ, не видя этихъ маневровъ, грозно крикнетъ на солистку, а штабсъ-ротмистру и любо, онъ еще опускаетъ червонецъ,

и еще, до тѣхъ поръ пока на спинѣ пѣвицы образуется нѣчто въ родѣ горба».—«Что вы дѣлаете безсчастный,—прошепчетъ она краснѣя,— вѣдь мнѣ щекотно»!..

Брудершафтъ, разумѣется, былъ выпитъ, шампанское полилось рѣкой, цыгане пришли въ азартъ и лихо стали «рубить Ивушку подъ самый корешокъ». Отъ тетки Матрены подгулявшая компанія отправилась обѣдать въ Новотроицкій трактиръ и дальше, но тутъ имъ не посчастливилось, всѣ четверо гусаръ были арестованы и посажены на Ивановскую и Вознесенскую гауптвахты за нарушеніе общественной тишины и спокойствія.

Такъ непроизводительно тратилась нравственная сила людей, вполнѣ достойныхъ и способныхъ къ иной благотворной дѣятельности.

Н. Поповъ.

ИТАЛЬЯНСКІЙ ПОХОДЪ 1799 Г. И КРОНШТАДТСКАЯ ВСТРѢЧА 1891 Г.

Такое крупное международное событіе, какъ франко-русское сближеніе, не могло не обратить на себя вниманіе нашихъ историковъ, напечатавшихъ болѣе или менѣе обстоятельныя изслѣдованія объ аналогичныхъ историческихъ фактахъ или вообще о франко-русскихъ сношеніяхъ въ прошлыя времена. Подобныя изслѣдованія чрезвычайно полезны и поучительны. Политическія явленія оцѣниваются обыкновенно современниками съ точки зрѣнія интересовъ и настроенія даннаго момента или данной партіи. Особенно это можно сказать о нашемъ времени, когда газеты пріобрѣли такое широкое развитіе и важное значеніе въ общественной и государственной жизни. Разнообразіе интересовъ и настроеній вызываетъ многообразную оцѣнку политическихъ событій, но въ этомъ видимомъ разнообразіи, доходящемъ даже нерѣдко до полной противоположности, наблюдается большое однообразіе относительно основного мотива, которымъ опредѣляется судъ надъ даннымъ явленіемъ. Мотивъ этотъ неизмѣнно одинъ и тотъже,— торжество той партіи, къ которой принадлежитъ человѣкъ, творящій судъ, и вы услышите весьма рѣдко голосъ объективный, относящійся къ данному явленію съ высшей точки зрѣнія объединенія всего разнообразія интересовъ или исторической преемственности государственныхъ задачъ. Никто не хочетъ поступиться взглядами или предразсудками своего лагеря, а историческая правда мало кого занимаетъ; всѣ озабочены только торжествомъ правды, такъ сказать, личной, субъективной. Какъ ни узка эта точка зрѣнія, какъ она ни близорука, даже если имѣть въ виду вѣрное

достиженіе личныхъ цѣлей, тѣмъ не менѣе она преобладаетъ, и ею обусловливается преимущественно судъ современниковъ надъ крупными политическими событіями.

Такъ обстоитъ дѣло и съ франко-русскимъ сближеніемъ. Какой разнообразной оцѣнкѣ подвергалось оно въ разные фазисы своего развитія! Мы видѣли, что даже во Франціи и у насъ, т. е. въ странахъ, наиболѣе заинтересованныхъ этимъ вопросомъ, къ нему относились весьма различно, и только за послѣднее время, когда онъ вышелъ изъ стадіи предположеній, установилось единодушіе, хотя, какъ мы сейчасъ выяснимъ, тоже не полное. Тѣмъ болѣе необходима объективная оцѣнка этого вопроса, основанная на внимательномъ изученіи историческихъ событій. Появившіяся до сихъ поръ изслѣдованія этого рода представляются намъ нѣсколько односторонними, хотя и менѣе въ партійномъ, чѣмъ въ научномъ смыслѣ. Изслѣдователи, останавливаясь на фактѣ теперешняго франко-русскаго сближенія, подыскиваютъ аналогичные факты въ прошломъ, т. е. стараются выяснить его значеніе ссылкою на прежнія попытки сближенія. Но намъ представляется,—какъ бы эта мысль ни казалась парадоксальною на первый взглядъ,—что теперешнее франко-русское сближеніе лучше выясняется войнами, которыя мы вели съ Франціею, чѣмъ попытками сближенія съ этимъ государствомъ. Мы думаемъ, что съ исторической точки зрѣнія необходимо не только отмѣтить эти попытки, но кромѣ того,—и быть можетъ, еще болѣе,—остановиться на причинахъ существовавшаго между Россіею и Франціею антагонизма, неоднократно приводившаго къ вооруженнымъ столкновеніямъ, потому-что о значеніи и прочности состоявшагося нынѣ сближенія можно будетъ составить себѣ точное понятіе, только серьезно взвѣсивъ вопросъ объ окончательномъ устраненіи причинъ, вызывавшихъ въ прежнее время вооруженныя и иныя столкновенія между Россіей и Франціей. Другими словами, недостаточно оцѣнить, указываемые исторіею мотивы ихъ дружбы; необходимо, кромѣ того, взвѣсить и мотивы ихъ вражды.

Такъ, напримѣръ, большой интересъ представляютъ историческія статьи, посвященныя сближенію Россіи и Франціи въ началѣ текущаго столѣтія при Александрѣ Благословенномъ и Наполеонѣ I. Но этимъ попыткамъ, какъ извѣстно, предшествовали франко-русскія войны, и смѣнились онѣ такимъ ожесточеннымъ кровопролітемъ, какъ Отечественная война. Послѣ войнъ съ первою имперіею, мы опять сблизились съ Франціею. Но и это сближеніе скоро смѣнилось все усиливавшимся охлажденіемъ, которое, въ концѣ концовъ, привело къ новой страшной войнѣ. Судя по этимъ историческимъ фактамъ, можно было бы опасаться, что и теперешняя франко-русская дружба приведетъ къ антагонизму между обоими государствами или даже къ вооруженному столкновенію. Однако

несмотря на историческую аналогію, внутренній голосъ намъ подсказываетъ, что на этотъ разъ сближеніе окажется болѣе устойчивымъ, и мы думаемъ, что этотъ голосъ насъ не обманываетъ, что его нетрудно подкрѣпить убѣдительными соображеніями, основанными на объективной оцѣнкѣ историческихъ фактовъ и отчетливомъ сознаніи преемственности международныхъ задачъ Россіи. Цѣль настоящей нашей замѣтки и заключается въ томъ, чтобъ отмѣтить этого рода соображенія.

Если устранить междуусобныя войны ранняго періода русской исторіи, то можно сказать, что въ общемъ войны, которыя Россія вела, и союзы, которые она заключала, долгое время, т. е. до половины прошлаго вѣка, вызывались исключительно либо желаніемъ освободить отечество отъ иноземнаго владычества, либо завоевательными цѣлями въ смыслѣ обезпеченія себѣ нормальныхъ границъ. Къ первому разряду принадлежатъ войны съ татарами; ко второму—войны съ Польшею, Швецію и Турціею. Войны съ Польшею кончились полнымъ крушеніемъ польскаго государства, шведскія войны привели въ началѣ текущаго столѣтія къ установленію болѣе нормальной морской границы на сѣверѣ; наконецъ, войны съ Турціею продолжаются и понынѣ, вслѣдствіе того, что Россія не нашла себѣ открытаго выхода въ море на югѣ и не обезпечила безопасности тамошней своей границы. Но съ половины прошлаго вѣка, т. е. съ царствованія Елисаветы Петровны Россія, начала вести еще войны другого рода. Ближайшимъ сосѣдямъ ея были уже нанесены весьма чувствительные удары. Русское государство и по територіальнымъ своимъ размѣрамъ, и по численности своего населенія, могло претендовать на болѣе или менѣе вліятельную роль въ Европѣ. Не мѣсто здѣсь входить въ подробное изложеніе причинъ, вызвавшихъ участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ: онѣ могли быть болѣе или менѣе личнаго свойства, но нельзя, кажется, отрицать, что грохотъ нашихъ орудій подъ Цорндорфомъ и Кунерсдорфомъ ознаменовалъ собою начало вмѣшательства Россіи въ политическую жизнь западныхъ государствъ. Россія тутъ впервые объявила войну не ради освобожденія страны отъ иноземнаго владычества и не ради установленія болѣе нормальныхъ границъ, а изъ-за вопроса о политическомъ престижѣ въ Европѣ, понятаго, правда, еще въ весьма грубой формѣ. Елисавета Петровна заключила союзъ съ Маріей-Терезіей, Россія воевала, на ряду съ Австріею и Франціей, противъ государства, внезапно проявившаго значительное могущество и, опираясь на это могущество, заносчиво обращавшагося съ другими государствами. Ровно сорокъ лѣтъ спустя, при Павлѣ Петровичѣ, Суворовъ громилъ французскія войска въ Италіи. Зачѣмъ понадобилось русскимъ идти въ столь отдаленную страну и воевать тамъ съ государствомъ, отъ котораго насъ отдѣляла вся центральная Европа? Тутъ рѣчь уже шла не о престижѣ

Россіи, невозможности отстоять свое вліяніе или обезпечить за собою почетную роль въ Европѣ; тутъ былъ затронутъ вопросъ совершенно иного порядка: во Франціи восторжествовали революціонные принципы, французскій народъ, казнивъ своего короля, началъ смѣщать и другихъ королей,—и мы видимъ, что Россія, въ союзѣ съ Англіею и Австріею, выступаетъ, на рубежѣ новаго столѣтія, защитницею монархическаго принципа въ Европѣ и посылаетъ нашего знаменитаго полководца поддерживать всѣмъ своимъ военнымъ могуществомъ этотъ принципъ противъ республиканской Франціи. Итальянскій походъ, битвы при Кассано, Требіи, Нови, переходъ черезъ Альпы, покрывшіе новою славою Суворова и русское оружіе, были первою войною, которую Россія вела по соображеніямъ внутренняго свойства, или, точнѣе говоря, по симпатіямъ къ опредѣленному государственному строю. Съ этой точки зрѣнія участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ и итальянскій походъ Суворова имѣютъ громадное значеніе: обѣ кампаніи представляютъ собою непосредственное вмѣшательство Россіи въ европейскія дѣла съ тѣмъ различіемъ, что первая велась для охраненія внѣшняго престижа Россіи, а вторая имѣла цѣлью придать ходу европейскихъ событій направленіе, соотвѣтствовавшее внутреннимъ интересамъ Россіи. Эти двѣ причины съ тѣхъ поръ начинаютъ играть первостепенную роль какъ въ нашихъ европейскихъ войнахъ, такъ и при заключеніи союзовъ съ европейскими государствами. За исключеніемъ шведской войны въ началѣ нынѣшняго столѣтія, которою завершился циклъ прежнихъ войнъ со Швецію (хотя поводомъ къ ней и послужили обязательства, принятыя на себя Россіею въ Тильзитѣ), подавленія двухъ возстаній въ Польшѣ, составляющаго также какъ бы отдаленный отзвукъ прежнихъ русско-польскихъ войнъ, наконецъ турецкихъ кампаній, причина которыхъ, какъ мы уже указали, также глубоко коренится въ прошломъ (войны на Кавказѣ и въ Средней Азіи мы здѣсь не принимаемъ во вниманіе, потому-что онѣ ведены были исключительно для установленія нормальныхъ границъ, обезпечивающихъ спокойствіе нашихъ окраинъ), можно сказать, что всѣ войны, веденныя нами съ европейскими государствами въ XIX вѣкѣ, вызывались либо желаніемъ обезпечить вліятельное положеніе Россіи въ совѣтѣ европейскихъ державъ, либо желаніемъ повліять на ходъ европейскихъ событій въ направленіи, соотвѣтствующемъ видамъ внутренней нашей политики. Таковы были войны съ Наполеономъ I; таковъ былъ венгерскій походъ 1849 года; такова была и война 1853—1856 гг., насколько она вызвана была соображеніями общей международной политики.

Все, что мы сказали о войнахъ, веденныхъ Россіею, вполнѣ примѣнимо и къ союзамъ, заключеннымъ ею, потому что политическіе союзы заключаются для предотвращенія войнъ или для

успѣшнаго ихъ веденія. Если до половины прошлаго вѣка Россія заключала союзы для обезпеченія себѣ успѣха въ дѣлѣ отраженія внѣшнихъ враговъ, угрожавшихъ ея границамъ, или для одержанія побѣды надъ ними, то съ этого момента она начинаетъ уже заключать союзы иного рода, т. е. союзы, направленные къ обезпеченію ея вліянія въ Европѣ или къ поддержанію консервативнаго политическаго строя въ другихъ государствахъ. Таковы были союзы, заключенные во время Семилѣтней войны съ Австріею, во время итальянскаго похода съ Англіею и Австріею, во время наполеоновскихъ войнъ—съ Англіею, Австріею, Франціею и Пруссіею. Такой характеръ носилъ и Священный Союзъ, и замѣнившій его, по прошествіи многихъ лѣтъ, трехъ-императорскій союзъ. Съ этой точки зрѣнія Россія даже не брезгала союзомъ съ Турціею, желая обезпечить за собою въ восточныхъ дѣлахъ преобладаніе надъ остальными великими державами. Мы тутъ имѣемъ въ виду Хункіаръ-Скелесскій договоръ 1833 г., въ силу котораго Россія и Турція обязывались оказывать другъ другу вооруженную поддержку на случай внѣшняго нападенія.

Выяснивъ этотъ общій характеръ веденныхъ Россіею войнъ и заключенныхъ ею союзовъ, мы спросимъ, чѣмъ же вызвано настоящее наше сближеніе съ Франціею? Съ исторической точки зрѣнія тутъ надо принять во вниманіе три отчасти нами уже отмѣченныхъ момента. Прежде всего не слѣдуетъ забывать, что Крымская кампанія окончательно выяснила невозможность осуществленія нашей исторической задачи на востокѣ помимо того или другого соглашенія съ остальными европейскими державами. Если мы начали войну 1853—55 гг., такъ сказать, не спросясь никого, то мы вынуждены были заключить миръ уже не въ Константинополѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ турецкомъ городѣ, а въ Парижѣ. Это положеніе дѣлъ еще яснѣе опредѣлилось во время кампаніи 1877—78 гг. Ей предшествовало рейхштадтское свиданіе, на которомъ Россія приняла извѣстныя обязательства, позволившія ей начать войну съ Турціею безъ опасенія вмѣшательства со стороны другихъ державъ, но въ то же время удержавшія ея побѣдоносныя войска у стѣнъ Царьграда; невыгодный же для нея миръ Россіи пришлось заключить въ Берлинѣ, и вслѣдъ затѣмъ, т. е. въ 1879 г., трехъ-императорскій союзъ, составлявшій до тѣхъ поръ базисъ международной политики Европы, втайнѣ замѣненъ былъ двухъ-императорскимъ союзомъ съ присоединеніемъ къ нему Италіи. Россія осталась въ сторонѣ отъ этой комбинаціи. Она фактически была устранена отъ европейскаго концерта, дирижерскій жезлъ котораго окончательно перешелъ въ руки Германіи, и притомъ концертъ этотъ, какъ показалъ филиппопольскій переворотъ 1885 г. и событія, слѣдовавшія за нимъ на Балканскомъ полуостровѣ, разыгрывался уже въ тонѣ явно враждебномъ Россіи. Исчезла вся-

кая возможность добиваться осуществленія исторической задачи на востокѣ при содѣйствіи бывшаго трехъ-императорскаго союза или опираясь на русско-германскую дружбу. Такимъ образомъ Россія была поставлена въ необходимость искать себѣ новыхъ точекъ опоры для завершенія восточной драмы въ смыслѣ обезпеченія русскихъ государственныхъ интересовъ. Въ теченіе двухъ вѣковъ она вела восемь войнъ съ Турціей, продолжавшихся въ общемъ болѣе тридцати лѣтъ. Каждое изъ смѣнявшихся русскихъ поколѣній вело одну или двѣ войны съ турками. Жертвы принесены громадныя; человѣческихъ жизней погублено безсчетное число; матеріальныхъ средствъ затрачено не меньше (одна непродолжительная турецкая кампанія обошлась намъ въ полтора милліарда рублей и надолго разстроила наши финансы). При такихъ условіяхъ нельзя и помышлять о томъ, чтобы Россія могла фактически состоять въ дружескихъ отношеніяхъ съ государствами, которыя, какъ показали слишкомъ убѣдительные факты, преслѣдуютъ на востокѣ цѣли, уничтожающія конечный результатъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ жертвъ. Войны съ Турціею, т. е. войны изъ-за обезпеченія нашей южной морской границы, вызываются причиною, дѣйствующею помимо разныхъ временныхъ вѣяній и стремленій и коренящеюся въ общихъ условіяхъ народной и государственной жизни Россіи. Если вообще можно говорить о непреложномъ историческомъ законѣ, то онъ вполнѣ проявился относительно нашихъ войнъ съ Турціею. Какъ ни различно было настроеніе русскаго общества и виды смѣнявшихся русскихъ правительствъ, ни одно изъ нихъ, если только оно не было очень кратковременно, не могло избѣжать новой войны съ Турціею. Было бы, конечно, очень желательно предотвратить кровопролитіе въ будущемъ. Но тотъ, кто этого желаетъ, долженъ дорожить внѣшнимъ обаяніемъ Россіи и возможностью для нея опереться на сильныхъ союзниковъ, потому что восточный вопросъ ей все равно рано или поздно рѣшить придется, а искусно заключенные союзы вѣрнѣе всего могутъ обезпечить постепенное и мирное его рѣшеніе.

Остановимся теперь на второмъ моментѣ въ исторіи нашихъ войнъ и союзовъ. Единеніе съ Пруссіею и Австріею, какъ полагали, обезпечивало за Россіею вліятельную роль въ совѣтѣ державъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ давало ей возможность съ успѣхомъ отстаивать свои государственные интересы. Такъ было во время Священнаго Союза, такъ было и во время смѣнившаго его впослѣдствіи трехъ-императорскаго союза. Если это и не соотвѣтствовало фактическому положенію дѣлъ, то во всякомъ случаѣ долгое время предполагалось, что путемъ этихъ союзовъ Россіи отводится вліятельная роль среди другихъ государствъ.

Военное могущество Россіи проявилось въ началѣ текущаго столѣтія въ необычайномъ блескѣ. Если Европа избавилась отъ

диктаторской власти Наполеона I, то она этимъ въ значительной степени обязана Россіи, которая первая нанесла рѣшительный ударъ французскому военному могуществу. Но постепенно страхъ передъ Россіею началъ слабѣть. Войны, веденныя нами въ царствованіе Николая Павловича, хотя и были успѣшны, но далеко не такъ блистательны, чтобъ внушить европейскимъ народамъ мысль о непобѣдимости русскаго оружія. Закончились же онѣ севастопольскою катастрофою. Побѣдительницею тутъ осталась Франція: она раньше нанесла сильный ударъ Австріи; она побѣдила и Россію. Германіи, какъ могущественной военной державы, тогда еще не существовало. Соперничество Пруссіи и Австріи обезсиливало ее. Чтобы съ успѣхомъ отстаивать свои внѣшніе интересы, Россія вынуждена была, во избѣжаніе новаго кровопролитія, не ссорясь съ Франціею (парижское свиданіе 1867 г.), поддерживать хорошія отношенія съ Пруссіею. Такова и была ея политика. Съ своей стороны Пруссія усиленно ухаживала за Россіею, подготовляясь къ войнамъ 1866 и 1870 гг. Когда разразилась франко-прусская война, наша дипломатія заняла положеніе, позволившее Пруссіи вступить въ единоборство съ Франціей. Это единоборство кончилось страшнымъ пораженіемъ послѣдней и доставило Пруссіи первое мѣсто среди европейскихъ военныхъ державъ. Какъ только это выяснилось, внѣшняя политика Россіи получила нѣсколько иное направленіе. Не отказываясь отъ дружескихъ отношеній съ Пруссіей, превратившейся въ объединенную Германію, Россія уже въ половинѣ 70-хъ годовъ, какъ извѣстно, заняла положеніе благопріятное для Франціи, предотвративъ въ 1875 г. новый ея разгромъ и этимъ давъ ей возможность спокойно продолжать дѣло реорганизаціи своихъ военныхъ силъ. Такимъ образомъ франко-русское сближеніе обозначилось уже тогда, и если оно въ то время не привело къ явному охлажденію русско-германской дружбы, то только потому, что вскорѣ назрѣлъ восточный вопросъ, вызвавшій новую русско-турецкую войну, которая обезсилила насъ въ военномъ и финансовомъ, а слѣдовательно и въ дипломатическомъ отношеніяхъ. Но уже на Берлинскомъ конгресѣ 1878 г. Россіи, только-что окончившей кровопролитную и крайне убыточную войну, дано было ясно почувствовать, что безъ содѣйствія Германіи ей не удастся добиться существенныхъ результатовъ въ восточной политикѣ, а что содѣйствіе Германіи возможно лишь въ томъ случаѣ, если Россія откажется отъ мысли о сближеніи съ Франціей. Заключенный въ 1879 г. австро-германскій союзъ (какъ извѣстно, онъ былъ обнародованъ только въ 1888 г.), послужилъ хотя тайнымъ, но уже безспорнымъ подтвержденіемъ этой тактики прусскаго правительства. Въ общемъ уже тогда получилось слѣдующее положеніе дѣлъ. Удержать позицію, занятую Россіею на Балканскомъ полуостровѣ, безъ новаго кровопролитія она съ успѣхомъ

могла, только отказавшись отъ сближенія съ Франціей; въ такомъ случаѣ Германія не нуждалась бы въ помощи Австріи, потому что была бы избавлена отъ перспективы одновременнаго нападенія на нее со стороны Франціи и Россіи. Но, какъ совершенно очевидно, Россія не можетъ à la longue довольствоваться скудными результатами своихъ вѣковыхъ усилій, выразившихся въ Берлинскомъ трактатѣ. Миръ былъ заключенъ тогда Россіею только въ виду необходимости «роздыха», какъ сказано въ памятномъ офиціальномъ документѣ. Съ другой стороны ея вліятельное международное положеніе, обезпечивающее удовлетвореніе ея существенныхъ государственныхъ интересовъ, не мирится съ рѣшительнымъ преобладаніемъ той или другой державы въ Европѣ. Вторичный разгромъ Франціи вычеркнулъ бы это государство изъ числа могущественныхъ державъ, и Россіи, въ случаѣ конфликта съ Германіею, которая всегда легко можетъ перенести споръ на почву восточнаго вопроса, пришлось бы имѣть дѣло съ враждебною Европою, потому что и Англія и Австрія являются тутъ естественными ея союзницами. Все это, конечно, прекрасно сознавали авторы австро-германскаго союзнаго договора 1879 г., и, такимъ образомъ, этотъ договоръ послужилъ внѣшнимъ выраженіемъ эволюціи, совершившейся въ международныхъ отношеніяхъ Европы, благодаря войнамъ 1866 и 1870 гг., а вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ важнѣйшихъ этапныхъ пунктовъ на пути сближенія Россіи съ Франціею.

Однако, потребовалось очень много времени, пока это сближеніе проявилось въ наглядныхъ фактахъ. Враждебный Россіи союзъ давно уже былъ заключенъ, трехъ-императорское соглашеніе фактически перестало существовать, Россія утратила возможность опереться на Германію для обезпеченія своей южной границы, составляющаго главный объектъ ея внѣшнихъ начинаній. (Послѣднимъ ея успѣхомъ въ этомъ отношеніи были: 1) отмѣна въ 1871 г. статей парижскаго трактата, ограничивавшихъ морскія силы Россіи въ Черномъ морѣ, въ видѣ вознагражденія за соблюденный ею нейтралитетъ во время франко-прусской войны и 2) возможность вести кампанію 1877—78 гг. безъ вмѣшательства со стороны державъ, окончившуюся, однако, Берлинскимъ трактатомъ). Но сближеніе съ Франціею, единственною державою, имѣвшею однородные съ Россіею внѣшніе интересы, потому что она сама уже сильно пострадала отъ чрезмѣрнаго усиленія Пруссіи, все еще не выходило изъ области предположеній. Мы, напротивъ, видимъ, что Россія усиленно заботится о возстановленіи прежнихъ своихъ дружественныхъ отношеній къ Пруссіи. Попытками этого рода были: свиданіе императоровъ Александра II съ Вильгельмомъ I въ Александровѣ, затѣмъ свиданіе трехъ императоровъ въ Скерневицахъ. Даже еще въ 1885 г. состоялось свиданіе императоровъ Александра III и Франца-Іосифа въ Кремзирѣ, на которое возлагались нѣкоторыя

надежды въ смыслѣ сближенія Россіи съ двумя средневропейскими имперіями, — надежды, оказавшіяся тщетными, послѣ того, какъ выяснилось, что Россію не удастся вовлечь въ средне-азіатскую войну съ Англіею. Но всѣ эти попытки ни къ чему не привели, какъ не имѣла успѣха и аудіенція, данная государемъ императоромъ въ ноябрѣ 1887 г. князю Бисмарку въ Берлинѣ. Напротивъ, послѣ этой аудіенціи въ «Русскомъ Инвалидѣ» появилась всѣмъ памятная статья о взаимномъ военномъ положеніи Германіи, Австріи и Россіи, въ которой заявлялось, что «русскіе военные люди не страшатся исхода борьбы, хотя бы противъ Россіи двинулись силы всей лиги мира». Съ этого момента не могло уже подлежать сомнѣнію, что пути Германіи и Россіи совершенно расходятся, и что поэтому послѣдняя вынуждена искать новыхъ точекъ опоры для своей внѣшней политики подъ угрозою утраты вліятельнаго положенія въ Европѣ. Международному вліянію Россіи были нанесены очень тяжеловѣсные удары. Всѣмъ еще памятны болгарскія событія 1886 г., фіаско, которое потерпѣла миссія генерала Каульбарса. Пришлось даже прервать дипломатическія сношенія съ Болгаріей, терпѣть выходки г. Стамбулова и присутствовать при томъ, какъ воцареніе новаго болгарскаго князя въ лицѣ Фердинанда Кобургскаго освятило собою окончательное вытѣсненіе Россіи изъ страны, ради которой она пролила столько крови и надолго разстроила свои финансы. Несмотря на эти внушительные факты, русская дипломатія, однако, избѣгала всякаго намека на франко-русское сближеніе. Видимо, ей этотъ шагъ стоилъ очень дорого, пока она наконецъ на него рѣшилась въ скрытой формѣ состоявшагося въ іюлѣ текущаго года посѣщенія французскою эскадрою Кронштадта.

Почему же наша дипломатія медлила такъ долго и не рѣшалась заключить союзъ, который такъ явственно предписывался ей ея международнымъ положеніемъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ содержитъ въ себѣ указаніе на третій моментъ въ исторіи нашихъ войнъ и союзовъ послѣдняго столѣтія. Какъ мы уже видѣли итальянскій походъ Суворова былъ первою войною, которую мы вели по соображеніямъ внутренней политики; т. е. по симпатіямъ къ данному государственному строю. Этой войнѣ предшествовали соотвѣтственные союзы съ Англіею и Австріею. Съ 1799 г., т. е. со времени этой войны, соображенія внутренней политики начинають играть весьма существенную роль въ нашей дипломатической дѣятельности. Война съ Франціей 1805 г. была въ этомъ смыслѣ прямымъ продолженіемъ итальянскаго похода 1799 г. Дальнѣйшая война съ Наполеономъ объяснялась уже мотивами иного рода, т. е. борьбою изъ-за политическаго преобладанія въ Европѣ. Но Священный Союзъ оказывается опять въ значительной степени построеннымъ на соображеніяхъ внутренней политики, и съ

тѣхъ поръ мы видимъ, что они окончательно получаютъ право гражданства въ нашихъ внѣшнихъ начинаніяхъ. Ими въ значительной степени объясняются и симпатіи Россіи къ Пруссіи и Австріи. При Николаѣ Павловичѣ мы снова, какъ при Павлѣ Петровичѣ, ведемъ войну для обузданія революціонныхъ элементовъ. Въ этомъ смыслѣ венгерскій походъ 1849 г. является сколкомъ съ итальянскаго похода 1799 г. Крымская кампанія также въ значительной степени вызвана нашимъ нежеланіемъ признать результаты новой французской революціи. Наконецъ, и такъ называемый трехъ-императорскій союзъ и преданность ему Россіи, несмотря на явную его несостоятельность съ точки зрѣнія внѣшнихъ интересовъ Россіи, объясняется также подчиненіемъ внѣшней политики Россіи соображеніямъ внутренней. Можно даже сказать, что соображенія внутренняго свойства преобладали въ нашей внѣшней политикѣ и вызвали цѣлый рядъ очень крупныхъ и чувствительныхъ неудачъ въ дѣлѣ огражденія международныхъ интересовъ Россіи. Франко-русское сближеніе было также заторможено именно нежеланіемъ Россіи отречься отъ такъ называемаго трехъ-императорскаго союза и искать для своей внѣшней политики опоры въ государствѣ съ совершенно инымъ политическимъ строемъ. Этимъ объясняются продолжительныя колебанія Россіи, и съ этой точки зрѣнія мы уяснимъ себѣ громадное значеніе кронштадтскихъ событій, несомнѣнно, знаменующихъ собою рѣшительный поворотъ во внѣшней политикѣ Россіи и устраненіе традицій, столь прочно, установившихся со времени Екатерины II-й и итальянскаго похода 1799 г.

Потребовалось цѣлое столѣтіе, чтобъ выяснить необходимость этого поворота. Какіе тяжелые уроки дала намъ исторія, пока мы рѣшились отказаться отъ смѣшенія внѣшнихъ и внутреннихъ государственныхъ задачъ, или, иначе говоря, отъ перенесенія политическихъ нашихъ симпатій въ область международныхъ отношеній! Во что̀ обошлись намъ Священный Союзъ, поддержаніе разныхъ престоловъ въ Европѣ, нежеланіе признавать правительства, возникшія путемъ государственныхъ переворотовъ! Какія прискорбныя послѣдствія имѣлъ для насъ такъ называемый трехъ-императорскій союзъ, основанный также на мысли о солидарности внутреннихъ интересовъ трехъ имперій! Князь Бисмаркъ съ большимъ искусствомъ умѣлъ пользоваться этою стрункою для одержанія многихъ дипломатическихъ побѣдъ. Горькую пилюлю, которую онъ намъ преподнесъ на Берлинскомъ конгресѣ, онъ также съумѣлъ подсластить заявленіями о солидарности консервативныхъ интересовъ трехъ имперій. Договоръ 1879 г., направленный въ равной мѣрѣ противъ Россіи и Франціи, былъ уже заключенъ, ножъ, которымъ собирались отрѣзать отъ насъ Болгарію, былъ уже отточенъ, но намъ все толковали изъ Берлина о консерва-

тивныхъ интересахъ, объединяющихъ три имперіи, и князь Бисмаркъ, маскируя свою игру, выставлялъ органы русскаго общественнаго мнѣнія, указывавшія на крайне враждебный для насъ характеръ лиги мира, органами, преслѣдующими революціонныя цѣли. Если Россія допустила въ свое время разгромъ Франціи, то конечно въ разсчетѣ на то, что наши внѣшніе государственные интересы будутъ обезпечены трехъ-императорскимъ союзомъ, который однако, въ концѣ концовъ, вознаградилъ насъ Берлинскимъ конгресомъ, тройственнымъ союзомъ и принцемъ Фердинандомъ. Эти столь краснорѣчивые и внушительные уроки исторіи не могли пройти безслѣдпо,—и въ русской внѣшней политикѣ приблизительно сто лѣтъ послѣ итальянскаго похода, на рубежѣ новаго вѣка, произошелъ въ моментъ, когда, быть можетъ, этого менѣе всего ожидали, поворотъ, наглядно выразившійся въ кронштадтскихъ событіяхъ. Въ исходѣ восемнадцатаго столѣтія Россія посылала въ Европу арміи для борьбы съ возникшею тогда впервые французскою республикою; въ исходѣ девятнадцатаго—окончательно упрочившаяся французская республика присылаетъ въ нашъ главный военный портъ блестящій флотъ для закрѣпленія союза, направленнаго противъ общихъ враговъ, подъ звуки русскаго національнаго гимна, сливающагося съ марсельезою.

Да, это фактъ, надъ которымъ нельзя не призадуматься. Онъ напоминаетъ намъ другую эпоху нашей исторіи, время Тильзитскаго мира, когда Россія, несмотря на свое желаніе идти рука объ руку съ Пруссіей и Австріей, также силою обстоятельствъ была приведена къ союзу съ Франціею. «Усматривая постепенное разрушеніе началъ, на которыхъ нѣсколько вѣковъ основывались спокойствіе и благоденствіе Европы,—говорится въ инструкціяхъ императора Александра I-го, данныхъ 14-го сентября 1807 г. нашему парижскому послу графу Толстому,—я чувствовалъ, что обязанность и санъ россійскаго императора предписывали мнѣ не оставаться празднымъ зрителемъ сего разрушенія. Я сдѣлалъ все, что̀ было въ силахъ человѣческихъ». (И послѣ Отечественной войны, когда заключенъ былъ Священный Союзъ, возстановившій начала, на которыхъ «въ теченіе вѣковъ основывалось спокойствіе и благоденствіе Европы», Россія, какъ и впослѣдствіи во время трехъимператорскаго союза, дѣлала «все, что̀ было въ силахъ человѣческихъ», чтобъ поддержать эти начала, не смущаясь ни севастопольскимъ погромомъ, ни Берлинскимъ трактатомъ, ни тройственнымъ союзомъ, ни вытѣсненіемъ ея вліянія изъ Болгаріи). «Но,—говорится далѣе въ инструкціяхъ, — въ томъ положеніи, до котораго по недосмотрительности другихъ (теперь слово: «недосмотрительность» слѣдуетъ замѣнить выраженіемъ: «по нежеланію другихъ считаться съ интересами Россіи») доведены были дѣла, когда мнѣ одному пришлось сражаться съ Франціею (а теперь: бороться

съ Германіею), подкрѣпленною огромными силами Германіи, Италіи, Голландіи и даже Испаніи (теперь: Австріи, Италіи, Болгаріи и даже, можетъ быть, Англіи), когда я былъ совершенно оставленъ союзниками, на коихъ полагался; наконецъ, когда увидѣлъ, что границы моего государства подвергались опасности отъ сцѣпленія ошибокъ и обстоятельствъ, которыхъ мнѣ нельзя было тотчасъ отвратить (въ памятной статьѣ «Русскаго Инвалида» о лигѣ мира говорится, что она считаетъ себя вправѣ «подводить даже нѣкоторые участки русской територіи подъ выстрѣлы своихъ передовыхъ фортовъ»), я разсудилъ, что имѣю полное право воспользоваться предложеніями, нѣсколько разъ сдѣланными мнѣ въ теченіе войны Наполеономъ. Тогда и я въ свою очередь рѣшился предложить ему перемиріе, послѣ чего вскорѣ послѣдовалъ миръ подписанный въ Тильзитѣ 25-го іюня 1807 г.» И въ настоящее время посѣщеніе французскою эскадрою Кронштадта можетъ замѣниться болѣе демонстративнымъ актомъ состоявшагося союза съ Франціею. Но если въ 1807 г. Россія еще оправдывается передъ своими бывшими союзниками въ заключеніи мира съ Франціею и объясняетъ причины, заставившія ее вступить съ нею въ соглашеніе, то теперь въ этомъ не представляется уже надобности, потому что союзники дали слишкомъ наглядныя доказательства своего нежеланія идти рука объ руку съ Россіею и принести ей нѣкоторыя жертвы ради обезпеченія началъ, на которыхъ «нѣсколько вѣковъ основывалось спокойствіе и благоденствіе Европы». Такимъ образомъ произошелъ безъ всякихъ объясненій и фразъ коренной поворотъ въ русской внѣшней политикѣ, и нельзя заблуждаться относительно побужденій, заставившихъ Россію отречься ради ограждені насущныхъ внѣшнихъ интересовъ, отъ началъ, соотвѣтствующихъ ея политическимъ симпатіямъ, и оказать въ сферѣ международныхъ отношеній могущественную поддержку окончательному упроченію французской республики. Теперь смѣшеніе задачъ внѣшней и внутренней политики устранено въ дѣятельности нашей дипломатіи. Но устранено-ли оно также и въ общественномъ сознаніи, другими словами, готово ли общество отказаться отъ своихъ политическихъ симпатій или антипатій для успѣшнаго огражденія внѣшнихъ успѣховъ Россіи,—это другой вопросъ, котораго мы теперь и коснемся.

Я отмѣтилъ уже, что въ общемъ, какъ во Франціи, такъ и у насъ, франко-русское сближеніе встрѣчено сочувственно, но что въ этомъ отношеніи полнаго единодушія нѣтъ. Если же вникнуть въ мотивы все еще проявляющагося разногласія, то мы легко убѣдимся, что и они вытекаютъ изъ смѣшенія задачъ внѣшней и внутренней политики. Казалось бы, что, въ виду приведенныхъ нами историческихъ фактовъ противъ франко-русскаго сближенія возражать очень трудно. Но вопросъ представляется въ такомъ

свѣтѣ только въ томъ случаѣ, если исходить изъ предположенія о раздѣльности внѣшнихъ и внутреннихъ государственныхъ интересовъ. Ограждая свое вліяніе въ совѣтѣ державъ и стремясь къ осуществленію вѣковой своей задачи на востокѣ, Россія не можетъ не искать сближенія съ Франціею послѣ того, какъ германская дружба оказалась несостоятельною, а Франція съ своей стороны, добиваясь Эльзаса и Лотарингіи и возстановленія своего престижа въ Европѣ, не менѣе заинтересована въ союзѣ съ Россіею. Оспаривать это очень трудно, и поэтому та часть русскаго или французскаго общества, которая не сочувствуетъ франко-русскому сближенію, такъ сказать, лишь вскользь останавливается на международныхъ мотивахъ своего несочувствія. Единственнымъ аргументомъ тутъ съ русской стороны является повтореніе присказки берлинскихъ и вѣнскихъ газетъ о томъ, будто бы франко-русское сближеніе можетъ вызвать европейскую войну, которая, помимо этого сближенія, легко могла бы быть избѣгнута (при чемъ нѣмецкія и австрійскія газеты понятно подразумѣваютъ: съ нарушеніемъ интересовъ Россіи и Франціи и съ большою выгодою для Германіи и Австріи). Но несостоятельность этого аргумента бросается въ глаза. Германія и Австрія, заключая оборонительный договоръ, не накликаютъ войны на Европу; когда же Россія и Франція, для оказанія отпора направленной противъ нихъ лиги, вступаютъ въ союзъ, онѣ подвергаютъ европейскій миръ опасности! Въ такой постановкѣ вопроса, очевидно, нѣтъ ни логики, ни здраваго смысла, и поэтому лица, не сочувствующія франко-русскому сближенію, и не напираютъ на нее особенно. Они высказываютъ другія болѣе вѣскія, на ихъ взглядъ, соображенія.

Извѣстно, что покойный Катковъ долго никакъ не могъ примириться съ мыслію о франко-русскомъ союзѣ и являлся горячимъ сторонникомъ князя Бисмарка даже уже въ то время, когда австро-германскій союзный договоръ былъ заключенъ и лига мира проявилась во всемъ своемъ блескѣ. Не менѣе извѣстно, что въ одинъ прекрасный день Катковъ вдругъ круто повернулъ фронтъ и изъ преданнѣйшаго друга князя Бисмарка превратился въ самаго горячаго сторонника Франціи. Объяснить себѣ эту внезапную перемѣну—нетрудно, особенно, если принять во вниманіе указанныя уже нами колебанія нашей дипломатіи. Пока Катковъ полагалъ, что центръ тяжести нашей государственной жизни заключается во внутреннемъ управленіи, онъ сочувствовалъ князю Бисмарку, но когда для него выяснилось, что тотъ же князь Бисмаркъ наноситъ тяжелые удары нашимъ внѣшнимъ интересамъ, онъ сталъ его противникомъ и взялъ сторону Франціи, слѣдуя въ этомъ отношеніи, хотя и нѣсколько поздно, примѣру нашей дипломатіи. Но если эта метаморфоза обратила на себя общее вниманіе, то менѣе замѣтнымъ осталось, что нѣкоторые органы русской печати, являю-

щіеся антиподами органа покойнаго Каткова, одновременно также круто повернули фронтъ. Вчера еще они являлись горячими сторонниками Франціи, а сегодня видимо начали льнуть къ Германіи, убѣждая своихъ читателей, по примѣру германскихъ и австрійскихъ газетъ, что союзъ съ Франціей составляетъ не болѣе, какъ химеру и крайне опасенъ для европейскаго мира, что ссориться намъ съ Германіею нѣтъ ни основанія, ни причины, и что мы должны главнымъ образомъ имѣть въ виду внутреннія задачи, а не увлекаться какимъ-то внѣшнимъ престижемъ. Но такъ какъ союзъ съ Франціею представляетъ единственную возможность оградить международное вліяніе Россіи, то, какъ само собою разумѣется, всѣ эти разсужденія на практикѣ, еслибъ они были приняты во вниманіе, могли бы привести только къ обезсиленію Россіи во всѣхъ вопросахъ, въ которыхъ ея интересы существеннымъ образомъ сталкиваются съ интересами средне-европейскихъ государствъ.

Но это замѣчаніе мы дѣлаемъ только мимоходомъ. Существеннымъ намъ представляется фактъ почти одновременной перемѣны фронта со стороны покойнаго Каткова и его газетныхъ противниковъ. Фактъ этотъ подтверждаетъ, что тутъ видную роль играютъ соображенія внутренней политики, потому что если оставаться на почвѣ внѣшнихъ интересовъ и съ должнымъ вниманіемъ относиться къ историческимъ событіямъ, то подобный крутой перемѣны во взглядахъ на международные вопросы не могло бы произойти. Мы старались въ предыдущемъ выяснить, какъ событія неизбѣжно привели Россію къ сближенію съ Франціею. Мы старались показать, что въ виду преобладающаго и несомнѣнно враждебнаго намъ положенія, занятаго Пруссіею, Россія вынуждена была пріискать себѣ новаго союзника съ тѣмъ, чтобы, ограждая свои международные интересы, найти опору противъ могущественной Германіи. Мы указали, кромѣ того, на тяжелыя жертвы и разочарованія, съ какими сопряжено было для насъ смѣшеніе внутренней и внѣшней политики, и выяснили, что эти жертвы и разочарованія неминуемо должны были убѣдить насъ въ опасностяхъ пути, избраннаго еще въ прошломъ столѣтіи и составлявшаго съ тѣхъ поръ одинъ изъ основныхъ принциповъ нашей международной политики. Слѣдовательно, мы тутъ имѣемъ дѣло съ крупнымъ явленіемъ, далеко выходящимъ изъ предѣловъ стремленій той или другой партіи или группы людей. Оно гораздо шире, чѣмъ вопросъ о политической организаціи. Государственныя учрежденія мѣняются, тѣ или другія политическія партіи могутъ сегодня быть, а завтра—исчезнуть. Но пока Россія существуетъ, она постоянно будетъ поставлена лицомъ къ лицу съ вопросомъ, какъ ей вѣрнѣе оградить свои внѣшніе государственные интересы противъ другихъ такихъ же самостоятельныхъ народныхъ организмовъ, и чѣмъ

тѣснѣе становится международная жизнь, чѣмъ больше нитей соединяютъ европейскія страны, чѣмъ разнообразнѣе и многочисленнѣе духовные и матеріальные интересы Россіи, удовлетворяемые европейскою международною жизнію, тѣмъ больше значенія пріобрѣтаетъ для насъ вопросъ о вліятельной роли Россіи въ Европѣ. Россія временъ Ивана III-го или Алексѣя Михайловича могла безъ особеннаго ущерба для своего благосостоянія относиться равнодушно къ своему обаянію въ Европѣ. Но современная Россія страшно подорвала бы свое благосостояніе и условія дальнѣйшаго успѣшнаго своего развитія, еслибъ отреклась отъ вліятельнаго положенія среди другихъ европейскихъ государствъ. Не видѣли ли мы, напримѣръ, недавно, что Германія изъ политическаго антагонизма почти лишила насъ возможности пользоваться столь необходимыми для нашей промышленности иностранными капиталами и весьма чувствительно подрывала нашу внѣшнюю торговлю, роняя нашъ вексельный курсъ указаніями на возможность войны? Только благодаря сближенію съ Франціей, наша экономическая жизнь избѣгла этой опасности. Франція же снабдила насъ теперь деньгами въ критическій моментъ переживаемаго нами неурожая. Если правительство въ состояніи предоставить голодающему населенію заработки, то отчасти благодаря возстановленному государственному кредиту Россіи, тѣсно связанному съ ея политическимъ обаяніемъ. Все это, кажется, не требуетъ доказательствъ, а между тѣмъ совершенно упускается изъ виду антагонистами франко-русскаго сближенія, защищающими мысль, что внѣшніе интересы страны должны быть подчинены внутреннимъ.

Во Франціи, откуда мы почерпнули эту теорію, она имѣла нѣкогда очень много сторонниковъ; но теперь громадное большинство населенія не сомнѣвается, что франко-русскій союзъ обезпечиваетъ интересы Франціи, потому что найдется очень мало французовъ, которые не дорожили бы внѣшнимъ обаяніемъ своего отечества и возвращеніемъ Эльзаса и Лотарингіи, а эта цѣль, какъ для всѣхъ очевидно, въ виду существованія тройственнаго союза, можетъ быть достигнута только путемъ поддержки со стороны Россіи. Правда, и нынѣшнее французское правительство, при которомъ франко-русское сближеніе получило осязательную форму, имѣетъ антагонистовъ, въ томъ числѣ національную партію или, точнѣе говоря, буланжистовъ, затѣмъ монархистовъ и радикаловъ фракціи г. Клемансо. Но изъ этихъ партій только одна и то въ скрытой формѣ склонна требовать подчиненія внѣшнихъ интересовъ внутреннимъ. Монархисты отказались отъ всякой оппозиціи правительству въ вопросѣ о франко-русскомъ сближеніи, вполнѣ сознавая, что эта оппозиція была бы не патріотична и повредила бы имъ самимъ болѣе, чѣмъ правительству. Буланжисты горячо сочувствуютъ франко-русскому сближенію и стараются дискредитировать правительство,

напротивъ, тѣмъ, что изображаютъ его недостаточно преданнымъ этой международной комбинаціи и, требуя болѣе рѣшительной политики, силятся путемъ германофобскихъ демонстрацій поставить правительство въ затруднительное положеніе. Только часть радикальной партіи рискуетъ указывать на различіе политическихъ учрежденій Франціи и Россіи, какъ на мотивъ нежелательности или неустойчивости франко-русскаго сближенія. Въ этомъ смыслѣ высказался недавно при гробовомъ молчаніи своей аудиторіи одинъ изъ бывшихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, г. Гоблэ, выступая въ этомъ вопросѣ единомышленникомъ г. Клемансо, прозваннаго гробовщикомъ третьей республики, вслѣдствіе его страсти вызывать министерскіе кризисы для доставленія торжества своей партіи. Но никто не станетъ утверждать, что г. Клемансо съ своимъ сторонникомъ угадываютъ въ этомъ вопросѣ, какъ и вообще во всей своей политической дѣятельности, настроеніе подавляющаго большинства французовъ. Не даромъ радикальная партія такъ сильно пострадала на послѣднихъ выборахъ. Страна, утомленная безконечными министерскими кризисами, совершенно недвусмысленно заявила о своемъ намѣреніи положить конецъ этой неурядицѣ, тормозящей нормальный ходъ государственной жизни и успѣшныя законодательныя работы. Нынѣшній французскій парламентъ очень мало склоненъ заниматься государственнымъ переустройствомъ, такъ называемымъ пересмотромъ конституціи и тому подобными вопросами. Все свое вниманіе онъ обращаетъ на неотложныя задачи народнаго благосостоянія. Очевидно, французское общественное мнѣніе извѣрилось въ пользѣ непрерывной смѣны политическихъ учрежденій и правительствъ, и дорожитъ главнымъ образомъ тѣмъ, чтобъ были удовлетворены насущные интересы народа какъ въ сферѣ экономической и культурной, такъ и въ сферѣ огражденія внѣшней безопасности страны. Поэтому тѣ дѣятели, которые носятся съ мыслію о пересмотрѣ конституціи, ссылаясь на недостаточное обезпеченіе свободы, имѣютъ во Франціи теперь очень мало шансовъ на успѣхъ. Участь, постигшая буланжистовъ, является несомнѣннымъ тому доказательствомъ, а общій восторгъ, вызванный франко-русскимъ сближеніемъ, энергія, съ какой обсуждаются и разрабатываются существеннѣйшіе для данной минуты экономическіе и финансовые вопросы, ясно показываютъ, на что̀ направлено теперь вниманіе французовъ. Тутъ въ общественномъ сознаніи Франціи произошелъ коренной поворотъ. Историкъ не можетъ не замѣтить, что между Франціею конца XVIII и Франціею конца XIX вѣка громадная разница. Французамъ наскучили безпрерывные государственные перевороты и смѣны правительствъ: они болѣе всего дорожатъ учрежденіями и дѣятелями, которые достигаютъ успѣшныхъ результатовъ въ сферѣ разрѣшенія наиболѣе жгучихъ вопросовъ практической политики. Это явленіе объясняется сторонниками

безконечныхъ пересмотровъ конституціи «восторжествованіемъ буржуазіи». Но на самомъ дѣлѣ восторжествовала не буржуазія; восторжествовалъ народъ, который менѣе всего склоненъ предаваться политическимъ утопіямъ и оказываетъ, если только онъ свободенъ, самую горячую поддержку учрежденіямъ и дѣятелямъ, которые обезпечиваютъ удовлетвореніе не своихъ личныхъ или партійныхъ интересовъ, а народныхъ стремленій и общегосударственныхъ реальныхъ интересовъ.

Такимъ образомъ неблагопріятная оцѣнка франко-русскаго сближенія не можетъ разсчитывать во Франціи на успѣхъ. Столь же ясно, послѣ кронштадтской встрѣчи, что и русское общественное мнѣніе относится къ нему крайне сочувственно. Въ этомъ смыслѣ высказалось большинство русской печати. Остались въ сторонѣ только такіе публицисты или органы, которые не въ силахъ отречься отъ смѣшенія задачъ внѣшней и внутренней политики. Для нихъ историческій ходъ международныхъ отношеній Россіи, очевидно, не имѣетъ значенія. Они слишкомъ поглощены интересами своихъ лагерей, чтобъ возвыситься до пониманія широкихъ государственныхъ цѣлей. Съ исторіею они обращаются произвольно, либо вовсе ее игнорируютъ. Произвольно обращаются съ нею тѣ, кто слѣпо отстаиваетъ прежнія формы и не умѣетъ отыскать въ логикѣ историческихъ событій ясныхъ указаній на новыя формы для вѣрнѣйшаго осуществленія неизмѣнныхъ государственныхъ задачъ. Если мы въ теченіи цѣлаго вѣка враждовали съ республиканскою Франціею, если мы, защищая консервативные принципы въ чужомъ домѣ, наносили большой вредъ нашимъ внѣшнимъ интересамъ, то слѣдуетъ ли отсюда, что мы вѣчно обречены на такую неблагодарную и тяжелую роль? Ничто вѣдь не мѣшаетъ Россіи поддерживать самыя дружественныя отношенія съ Соединенными Штатами, несмотря на различіе политическихъ учрежденій этихъ двухъ странъ. А союзъ съ Франціею, конечно, можетъ доставить намъ неизмѣримо больше выгодъ. Но есть люди, просто игнорирующіе исторію. Относиться къ ней пренебрежительно было у насъ такъ недавно еще въ большой модѣ. Все прошлое нашего отечества изображалось сплошною мерзостью запустѣнія, варварства, невѣжества. Господствовало убѣжденіе, что надо создать совершенно новую жизнь, не имѣющую ничего общаго съ печальнымъ, мрачнымъ, ненавистнымъ прошлымъ. Конечно, было бы весьма отрадно перешагнуть изъ девятнадцатаго столѣтія прямо въ тридцатое или сороковое, когда сложатся совершенныя формы индивидуальной, общественной и государственной жизни. Но бѣда въ томъ, что это невозможно, что прогрессъ движется черепашьимъ шагомъ, и что разные соціальные и политическіе фейерверки могутъ насъ на минуту ослѣпить, но что создать новыя условія жизни они не въ состояніи. Всякій прогрессъ достигается усиленнымъ трудомъ,

выдержкою, постоянствомъ въ стремленіяхъ, и достигается онъ только въ томъ случаѣ, если никогда не упускается изъ виду строгая преемственность задачъ и не забываются историческія основы, на которыхъ покоится народная жизнь. Мы имѣли случай въ этомъ убѣдиться въ теченіи послѣдняго тридцатилѣтія, похоронивъ много радужныхъ надеждъ, плѣнявшихъ наше воображеніе и сердца. Такимъ образомъ и у насъ, какъ во Франціи, произошелъ поворотъ въ общественномъ настроеніи: онъ сказывается въ тысячѣ мелочахъ, мимолетныхъ газетныхъ статьяхъ, болѣе устойчивыхъ литературныхъ произведеніяхъ и дѣятельности многихъ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ историческія изслѣдованія начинаютъ опять пріобрѣтать у насъ должное значеніе: громадное большинство общества понимаетъ, что относиться отрицательно къ историческимъ основамъ нашей жизни значитъ обречь себя на безсиліе. Прошлое можетъ намъ не нравиться, но, чтобъ создать будущее, намъ нужно съ нимъ считаться.

Въ данномъ же вопросѣ игнорировать исторію совершенно невозможно. Задачи, которыя разрѣшаетъ Россія въ своей международной жизни сложились въ теченіи вѣковъ и будутъ разрѣшаться не иначе, какъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ прошлымъ. Никто не станетъ утверждать, что наши войны съ татарами, Швеціею, Польшею и Турціею были войнами произвольными, зависѣвшими отъ воли или настроенія отдѣльныхъ лицъ. Почему же полагать, что войны XIX столѣтія являются чисто-произвольными событіями? То же можно сказать и о союзахъ, въ особенности же о франко-русскомъ сближеніи, въ возможность котораго еще такъ недавно почти никто не вѣрилъ, и которое, какъ мы видѣли, такъ сильно противорѣчитъ установившимся традиціямъ нашей дипломатіи. Мы указывали уже на тотъ характерный фактъ, что тѣ изъ нашихъ публицистовъ, которые наиболѣе враждовали съ покойнымъ Катковымъ, долгое время признавали франко-русское сближеніе неосуществимою химерою. Они подчинялись въ данномъ вопросѣ субъективному настроенію и, конечно, расхохотались бы вамъ въ лицо, еслибъ вы лѣтъ десять тому назадъ сказали имъ, что недалеко то время, когда звуки нашего національнаго гимна будутъ вездѣ во Франціи и Россіи сливаться съ звуками марсельезы. Но публицисты, руководствовавшіеся въ своихъ сужденіяхъ логикою историческихъ событій, давно предусматривали возможность франко-русскаго сближенія. Быстрый ростъ могущества Германіи, тяжелыя жертвы, вызванныя смѣшеніемъ цѣлей внѣшней и внутренней политики, вѣковая тактика, предписывающая намъ вступать въ союзъ съ менѣе сильнымъ государствомъ для противодѣйствія государству наиболѣе могущественному, — все это указывало на неизбѣжность франко-русскаго сближенія, которое и впредь будетъ развиваться и крѣпнуть, какъ бы сильно мы ни желали дать историческимъ

событіямъ направленіе, болѣе соотвѣтствующее нашимъ взглядамъ или настроенію. Подчиняться въ своихъ сужденіяхъ послѣднимъ значитъ лишать себя возможности вѣрно предусматривать грядущія событія, а часто еще и разыгрывать неблагодарную роль Донъ-Кихота.

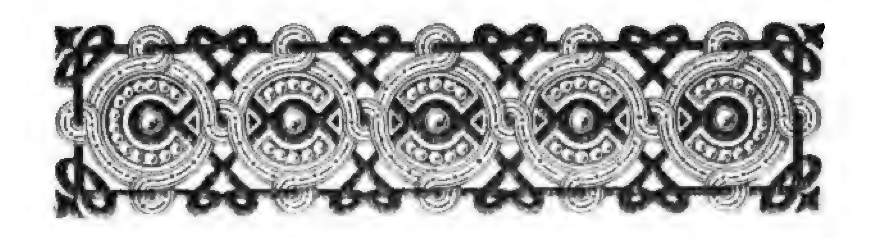
Поэтому разсуждать о политическихъ вопросахъ на основаніи какихъ-нибудь отвлеченныхъ принциповъ безъ точнаго знакомства съ историческими основами народной жизни становится задачею все болѣе безплодною. Подобныя разсужденія, даже въ глазахъ лицъ наиболѣе склонныхъ къ абстрактному пониманію жизни, принимаютъ теперь маниловскій характеръ, и поэтому лица эти сами вынуждены перемѣнить позицію и дѣлать видъ, будто бы они основываютъ свои взгляды на историческихъ фактахъ. Само собою разумѣется, что при этомъ внѣшнія событія приводятся въ связь съ внутренними, и мы тутъ ясно видимъ оборотную сторону смѣшенія интересовъ внѣшней и внутренней политики, господствовавшаго въ офиціальныхъ сферахъ. Признается какъ бы аксіомою, что внѣшніе успѣхи государства неминуемо сопровождаются внутреннимъ застоемъ, что самые блестящіе періоды, въ смыслѣ одержанія военныхъ побѣдъ и пріобрѣтенія вліянія среди европейскихъ державъ, совпадаютъ съ торжествомъ реакціи, и что только внѣшнія пораженія и несчастія могутъ двинуть страну на пути существенныхъ внутреннихъ реформъ. Въ подтвержденіе приводятся извѣстные факты изъ русской исторіи. Такъ, послѣ блестящей Отечественной войны наступилъ періодъ полной неподвижности во внутреннихъ дѣлахъ; Севастополь же наоборотъ имѣлъ послѣдствіемъ цѣлый рядъ грандіозныхъ внутреннихъ реформъ. Нечего однако и доказывать, что этотъ взглядъ на дѣло далеко не можетъ быть признанъ аксіомою. Изъ русской же исторіи можно привести цѣлый рядъ фактовъ обратнаго свойства. Можно, напримѣръ, указать на такіе періоды, когда блестящіе внѣшніе успѣхи сопровождались коренными внутренними преобразованіями. Таковы были царствованія Петра Великаго и Екатерины II. Такіе же примѣры можно привести изъ жизни другихъ государствъ. Вспомнимъ царствованіе Фридриха II, Наполеона I. Можно, кромѣ того, привести не мало историческихъ примѣровъ въ подтвержденіе той мысли, что внѣшнія несчастія далеко не всегда сопровождались наступленіемъ либеральной эры. Разбитая Наполеоновская Франція долго терпѣла у себя Бурбоновъ; вторично же разбитая Наполеоновская Франція создала республику. Безпримѣрные прусскіе военные успѣхи не привели къ прекращенію эры коренныхъ реформъ въ германской жизни. И у насъ періоды оживленныхъ реформъ далеко не всегда слѣдовали за какими-нибудь внѣшними пораженіями. Вѣку Петра Великаго или Екатерины II вовсе не предшествовали какія-нибудь внѣшнія не-

счастія: воцаренію Петра предшествовало присоединеніе Малороссіи и заключеніе вѣчнаго мира съ Польшею, а воцаренію Екатерины – побѣда надъ Пруссіею. Реформы Александра I если и осуществились во время внѣшнихъ пораженій, то задуманы были въ то время, когда и Россія, и Европа находились подъ впечатлѣніемъ итальянскихъ побѣдъ Суворова. Наконецъ, кто же рѣшится сказать, что реформы второй половины текущаго столѣтія не подготовлялись въ теченіи многихъ лѣтъ. Скажетъ ли человѣкъ, знакомый съ исторіей, что центральная реформа прошлаго царствованія,—освобожденіе крестьянъ, — не осуществилась бы помимо Крымской кампаніи? Развѣ мы не видимъ, что, начиная съ Екатерины II, русскія правительства дѣятельно были заняты этою реформою и глубоко сознавали крайнюю ея необходимость? Не слѣдуетъ, кромѣ того, упускать изъ виду, что такъ-называемыя либеральныя эры не всегда совпадаютъ съ прогресомъ въ широкомъ значеніи этого слова и наоборотъ. Всѣмъ, напримѣръ, извѣстно, что Франція Наполеона III сдѣлала изумительные успѣхи въ экономическомъ отношеніи, что народное ея богатство возросло тогда въ неслыханныхъ размѣрахъ, позволивъ ей, какъ бы шутя, перенести такое бѣдствіе, какъ война 1870 г., и вдобавокъ еще контрибуцію въ пять милліардовъ. Царствованіе Николая I сопровождалось небывалымъ расцвѣтомъ нашей литературы: имена Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Бѣлинскаго, Тургенева и др. конечно затмятъ собою писателей такъ-называемой освободительной эпохи. Если ужъ открывать какой-нибудь общій историческій законъ въ этой области, то, можетъ быть, вѣрнѣе было бы сказать, что народная жизнь развивается какъ бы скачками, что послѣ періода застоя неизбѣжно наступаетъ періодъ оживленныхъ реформъ, смѣняющихся опять періодомъ застоя. Это, такъ-сказать, объясненіе въ Гегелевскомъ духѣ. Но приводить внѣшніе и внутренніе успѣхи въ ту или другую неразрывную связь,—дѣло весьма рискованное, а тѣмъ болѣе рискованно утверждать, на основаніи историческихъ фактовъ, что внѣшнія побѣды влекутъ за собою застой въ народной жизни или что пораженія неизбѣжно вызываютъ прогресъ. Эта мысль не только противорѣчитъ нашему патріотическому чувству, но и не согласуется съ историческою правдою. Прежде, чѣмъ подобныя широкія обобщенія будутъ возможны, придется еще много поработать надъ изученіемъ исторіи, а эта работа, въ свою очередь, можетъ быть успѣшна только въ томъ случаѣ, если мы не будемъ смѣшивать разнородныхъ явленій, приступать къ фактамъ съ предвзятыми теоріями и искажать ихъ смыслъ въ угоду какимъ-нибудь стороннимъ цѣлямъ. Наконецъ, на какую неблагодарную роль обрекъ бы насъ логическій выводъ изъ этой теоріи подчиненія внѣшнихъ интересовъ внутреннимъ! Допустимъ, что эра широкаго прогреса настала послѣ тяжелыхъ внѣшнихъ

бѣдствій. Тогда, вѣдь, носителямъ этой эры придется опять возстанавливать внѣшнее обаяніе страны,—а какъ это трудно безъ грозныхъ усложненій и даже войны показываетъ примѣръ эпохи, пережитой нами послѣ Крымской кампаніи, когда и въ 60-тые годы (во время польскаго повстанія), и въ 70-тые годы (во время турецкой войны), и въ 80-тые годы (лига мира) другія государства старались насъ запугивать своимъ военнымъ могуществомъ и заставить отречься отъ удовлетворенія насущныхъ нашихъ интересовъ. Теперь, благодаря сближенію съ Франціей, мы поставлены въ возможность успѣшнѣе ихъ ограждать, и было бы безразсудно отказаться отъ этого благопріятнаго положенія вопреки внушительнымъ урокамъ исторіи, которая краснорѣчивыми фактами учитъ насъ не смѣшивать задачъ внѣшней и внутренней политики.

Р. Сементковскій.

ЧЕРТЫ РУССКОЙ ИСТОРІИ И БЫТА ЭПОХИ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА II.

«Описаніе документовъ и дѣлъ Синодальнаго архива» по всей справедливости должно быть отнесено къ числу первоисточниковъ русской исторіи... Не говоря объ исторіи церковной, которая за извѣстное время (восемь вышедшихъ обширныхъ томовъ этого изданія относятся ко времени 1721—1728 годовъ) исчерпана въ «Описаніи» со всѣми, даже мельчайшими, подробностями, мы находимъ въ немъ большое количество новыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ, фактовъ, иногда—первостепеннаго значенія, относящихся къ исторіи государственной и гражданской. Для культурно-бытовой исторіи Россіи, для которой давно уже настала пора (принимая во вниманіе громадное количество изданнаго уже для нея сыраго матеріала) и для прагматической обработки которой, говоря относительно, сдѣлано доселѣ очень немного, «Описаніе Синодальнаго архива» составляетъ первоисточникъ не только спеціальный, но можно сказать, спеціальнѣйшій. Въ дѣлахъ бракоразводныхъ и брачныхъ, въ дѣлахъ о суевѣріяхъ и расколѣ, объ обращеніяхъ въ православіе, въ дѣлахъ вотчинныхъ—по жалобамъ монастырскихъ крестьянъ, тяжебныхъ, даже въ дѣлахъ о выдачѣ покормежныхъ писемъ и другихъ, повидимому маловажныхъ, восходившихъ на рѣшеніе высшей церковно-правительственной инстанціи, народныя вѣрованія и обряды, домашній—семейный бытъ общества и народа, разнообразныя сословныя и общественныя отношенія, юридическіе обычаи и хозяйственный бытъ народа и т. д. и т. д. обрисовываются въ яркихъ и рельефныхъ чертахъ, полныхъ нерѣдко

живѣйшаго интереса... Мы хотимъ здѣсь сгруппировать, на основаніи составленнаго нами VIII тома «Описанія», по нѣскольку фактовъ изъ жизни государственной, церковной, общественной и народной—времени Петра II, чтобы подтвердить вышесказанное, побуждаясь къ этому между прочимъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ средѣ нашихъ историковъ «Описаніе Синодальнаго архива», повидимому, не пользуется должнымъ вниманіемъ и остается иногда неизвѣстнымъ даже въ томъ случаѣ, когда миновать его, повидимому, не было возможности. Достаточно напомнить два факта, о которыхъ мы въ свое время заявляли въ печати. Досточтимый историкъ Д. А. Корсаковъ, пиша свое докторское сочиненіе объ А. П. Волынскомъ—третье уже въ нашей литературѣ сочиненіе о знаменитомъ государственномъ дѣятелѣ XVIII столѣтія,—сочиніе, скажемъ мимоходомъ, превосходное, упустилъ изъ вниманія цѣлую группу крупныхъ фактовъ изъ жизни Волынскаго, характеризующихъ его вѣроисповѣдную политику, выразившуюся въ его дѣятельности, въ бытность Астраханскимъ губернаторомъ, по отношенію къ католической и протестанской пропагандѣ, имѣвшей мѣсто въ Астраханскомъ краѣ именно при немъ и благодаря его религіозному либерализму,—опустилъ по той причинѣ, что ему почему-то остался неизвѣстнымъ первый томъ «Описанія Синодальнаго архива», гдѣ изложено содержаніе цѣлаго ряда дѣлъ по этому предмету, рѣшавшихся въ Синодѣ [1]). Другой профессоръ русской исторіи, А. Лебедевъ подобнымъ образомъ впалъ въ ошибку въ своей статьѣ о митрополитѣ Филоѳеѣ, бѣгломъ грекѣ, поставленномъ волею Петра I въ архіепископа Смоленскаго,—довѣрившись въ своемъ разсказѣ старымъ печатнымъ извѣстіямъ и игнорируя новыя документальныя свѣдѣнія, содержащіяся въ мною же составленномъ VI томѣ того же «Описанія», въ которомъ личность и дѣятельность Филоѳея представляется въ совершенно иномъ видѣ, чѣмъ въ прежнихъ печатныхъ источникахъ [2]). Случаевъ подобныхъ ошибокъ, происшедшихъ вслѣдствіе несправедливаго игнорированія изданія Синодальной Архивной Комиссіи (редактируемаго такимъ почтеннымъ ученымъ, какъ академикъ А. Ѳ. Бычковъ) можно указать еще нѣсколько. Напримѣръ, недавно, въ 1882 году, въ С.-Петербургѣ торжественно праздновалось столѣтіе существованія въ С.-Петербургѣ начальныхъ городскихъ училищъ, причемъ въ газетахъ, въ передовыхъ статьяхъ, Де-Миріево прославлялся какъ иниціаторъ и творецъ этихъ училищъ. Между тѣмъ изъ составленнаго мною же II тома «Описанія Синодаль-

[1]) См. статью объ этомъ въ книгѣ: «Историческіе и критическіе опыты» Н. Барсова, Спб. 1879 г., стр. 128 и слѣд.; сюда она перепечатана изъ «Древней и Новой Россіи», 1877 г., № 5.

[2]) См. нашу статью въ «Церковномъ Вѣстникѣ» за 1881 годъ.

наго Архива» (за 1722 года) легко было усмотрѣть, что начальныя городскія училища, и не одни церковно-приходскія, а находившіяся въ вѣдѣніи Городовой Канцеляріи (справлявшей между прочимъ и функціи дѣятельности нынѣшняго городского самоуправленія), того же почти типа, по какому устроены были и вновь возникшія при Екатеринѣ II, существовали еще въ 1722 г. Изъ другихъ архивныхъ дѣлъ—за послѣдующее время—можно удостовѣриться, что существовавшія въ 1722 г. начальныя городскія училища не прекращали своего существованія во все время до Екатерины II,—такъ что начальнымъ городскимъ училищамъ въ С.-Петербургѣ въ 1882 году было не 100, а 160 лѣтъ. Объ этомъ мною въ свое время также было заявлено въ печати (См. журналъ «Вѣкъ», за 1883 годъ).

I.

Приготовленія къ коронаціи и самая коронація императора Петра II. — Отношеніе правительства новаго государя къ Синоду.—Царица Евдокія Ѳеодоровна и ея духовникъ.—Ея участіе въ церковныхъ дѣлахъ.—Благотворительность царевича Алексѣя. — Его священники.—Дѣла въ Синодѣ по поводу «слова и дѣла государева».—«Изумленные».—Ссылка Арсеньевой и княгини Волконской.—Награжденіе архимандрита Исаіи.

Вступленіе на престолъ императора Петра II вся русская церковь встрѣтила съ особенною такъ сказать горячностію. Получивъ 8-го мая извѣстіе изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, о томъ, что по кончинѣ императрицы Екатерины «Императорскій престолъ, по уставу и высокому опредѣленію тестамента покойной государыни, пріялъ наслѣдный великій государь Петръ II, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій», а затѣмъ и указъ Верховнаго Совѣта о приводѣ къ присягѣ людей всѣхъ чиновъ какъ въ С.-Петербургѣ, такъ въ городахъ и уѣздахъ, св. Синодъ на другой же день, 9-го мая, разослалъ ко всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ и въ ставропигіальные монастыри указы, съ приложеніемъ экземпляровъ манифеста и текста присяги (тѣ и другіе отпечатаны въ московской синодальной типографіи,—манифестъ въ количествѣ 5,100 экз., текстъ присяги въ числѣ 20,000 экземпляровъ), о томъ, чтобы «всѣ духовныя власти присланнымъ во всѣ мѣста свѣтскимъ командирамъ, для привода свѣтскихъ, всякаго званія, людей къ присягѣ, препятствія и удержанія отнюдь не чинили, но еще во отправленіи того всего имъ вспомогали, и сами ту присягу чинили безъ всякаго отрицанія».

Съ какою заботливостію и тщательностію этотъ указъ повсемѣстно приводился въ исполненіе по духовному вѣдомству, видно изъ того, что присяжные листы, съ собственноручными росписками

поименно всѣхъ лицъ духовнаго вѣдомства и съ надлежащимъ засвидѣтельствованіемъ, получены были въ Синодѣ изъ всѣхъ епархій, не исключая самыхъ отдаленныхъ мѣстностей, каковы Холмогорская епархія, уральскіе заводы и Екатеринбургъ, (опис. син. ар. VII, 177, VIII; 433), не позже 15-го сентября 1728 г.

Затѣмъ начались приготовленія къ коронованію государя, которое назначено было на февраль 1728 года. По распоряженію Верховнаго Тайнаго Совѣта устроены были въ Москвѣ, по пути къ Кремлю, трое тріумфальныхъ воротъ. Однѣ изъ нихъ, ближайшія къ Кремлю, Воскресенскія, сооружены были отъ Синода, на его счетъ, и строились подъ непосредственнымъ надзоромъ членовъ синодальной коллегіи экономіи. Онѣ снабжены были множествомъ эмблематическихъ украшеній и многочисленными надписями изъ св. писанія и изъ классическихъ авторовъ (послѣднія—на латинскомъ языкѣ), которыя «примыслилъ» самъ вице-президентъ Синода, Ѳеофанъ (эмблемы и надписи эти весьма интересны и отличаются большимъ остроуміемъ,—текстъ ихъ см. т. VII, прилож. X). Къ самому дню коронаціи для поднесенія императору по распоряженію Синода, изготовлена была, живописцемъ Меркурьевымъ, икона, «изображающая образъ Спасителя, показующаго ап. Петру ключи царства небеснаго, въ восьми лицахъ», за которую заплочено Меркурьеву 30 р. Хотя икона эта, по отзыву Ѳеофана, была «добраго и искуснаго художества», тѣмъ не менѣе св. Синодъ въ засѣданіи, бывшемъ за четыре дня до коронаціи (21-го февраля 1728 г.) нашелъ нужнымъ «для лучшей приличности» обложить ее серебромъ; такъ какъ новаго оклада успѣть сдѣлать ко дню коронованія уже нельзя было, то взятъ былъ для этой цѣли готовый серебряный окладъ съ одной изъ иконъ, оставшихся послѣ смерти воронежскаго митрополита Пахомія и хранившихся въ синодальной ризницѣ; съ исподней стороны икона обложена драгоцѣнной парчей (VIII, 103)... Московскій Успенскій соборъ, хотя и былъ «довольно украшенъ» всего лишь за четыре года, ко дню коронованія Екатерины I, вновь, къ коронаціи Петра II, былъ «убранъ» особеннымъ образомъ. На средства св. Синода, подъ личнымъ наблюденіемъ его оберъ-прокурора Баскакова, въ соборѣ былъ устроенъ императорскій тронъ, съ балдахиномъ надъ нимъ — совершенно такъ, какъ это было устроено ко дню коронованія Екатерины I. Въ большое паникадило и предъ мѣстные образа поставлены были новыя свѣчи, для паникадила—бѣлаго, для образовъ—краснаго воска. Самое коронованіе, 25-го февраля, было совершено съ необычайною торжественностію. Сначала св. Синодъ предполагалъ вызвать въ Москву на торжество коронованія архіереевъ лишь ближайшихъ къ Москвѣ епархій, но затѣмъ опредѣлилъ позволить прибыть архіереямъ и изъ прочихъ епархій—которые пожелаютъ. Такимъ образомъ, въ церемоніи коронованія принимали участіе

тринадцать архіереевъ (въ томъ числѣ три иноземныхъ митрополита и цѣлая половина наличныхъ іерарховъ русской церкви), двадцать шесть архимандритовъ и изъ бѣлаго духовенства нѣсколько избранныхъ лицъ, а всего въ соборѣ на торжествѣ коронаціи лицъ духовнаго вѣдомства, считая свѣтскіе чины этого вѣдомства, присутствовало восемьдесятъ одинъ человѣкъ, которымъ для входа въ соборъ розданы были особые билеты (—VII, 323). Но довольствуясь вышеизложенными проявленіями своего «вѣрноподданническаго высокопочитанія и преданности», св. Синодъ опредѣлилъ сдѣлать его величеству особаго рода «подношеніе». Нарочитый человѣкъ командированъ былъ отъ Синода въ прусскій Кролевецъ (Кенигсбергъ), чтобы пріобрѣсти тамъ «библію-полиглотту, Ветхій и Новый Завѣтъ, на 12 языкахъ, съ лексикономъ», въ семи большихъ томахъ. Ко дню коронаціи посланный не успѣлъ возвратиться,—или это было такъ устроено нарочито,—библія была поднесена императору, двумя депутатами отъ Синода, архіепископами Ѳеофаномъ и Ѳеофилактомъ, не раньше, какъ 20-го марта, въ Слободскомъ его величества дворцѣ. Любопытно, что самая библія была пріобрѣтена за 80 руб., а на провозъ ея отъ Кролевца до Москвы уплочено было купецкому человѣку Тихону Аѳанасьеву Фирсову 104 р. 2½ к. Для подносимой библіи устроенъ былъ на средства Синода особый роскошный шкафъ изъ сандальнаго дерева, обитый внутри краснымъ сукномъ, а снаружи—дорогимъ сафьяномъ, и украшенный литыми изъ мѣди позолоченными фигурами. Все это подношеніе, считая и плату переплетчику, стоило 290 р. 21 к. Судя потому, что счетъ расходовъ на этотъ предметъ былъ подписанъ и внесенъ въ Синодъ іеродіакономъ Адамомъ, состоявшимъ при Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, его извѣстнымъ фактотумомъ, нужно думать, что это «подношеніе» устроено было Синодомъ по мысли Ѳеофана, который, какъ авторъ «Правды воли монаршей», устранявшей отъ престолонаслѣдія сына царевича Алексѣя, чувствовалъ себя неловко, когда, вопреки предначертаніямъ «Правды», этотъ сынъ Алексѣя сдѣлался императоромъ, и старался загладить свою, отчасти невольную (такъ какъ «Правда» была сочинена по личной волѣ Петра I-го) вину предъ нимъ (VIII, 123). Наконецъ 5-го декабря 1728 года, св. Синодъ опредѣлилъ устроить для зала синодальныхъ засѣданій портретъ его величества, поручивъ его изготовленіе искусному живописцу, который изобразилъ бы «персону его величества самымъ искуснымъ мастерствомъ». Такимъ художникомъ оказался состоявшій прежде при синодальной типографіи извѣстный живописецъ своего времени Иванъ Адольскій, который нарисовалъ картины для петергофскаго дворца и предназначался для исполненія живописныхъ работъ въ Петропавловскомъ соборѣ (но почему-то уѣхалъ изъ С.-Петербурга въ Москву). Изящная рама для портрета, съ самою доброю позолотою, была исполнена масте-

ромъ Исаевымъ. Адольскому дано 10 р., Исаеву—2 р. 50 к. (VIII, 667). Вообще, какъ изъ вышеизложенныхъ дѣйствій Синода, такъ и изъ всего послѣдующаго, видно, что св. Синодъ вполнѣ надѣялся пользоваться благорасположеніемъ къ церкви со стороны юнаго государя, внука учредителя Синода и сына благочестиваго и преданнаго церкви царевича Алексѣя Петровича, и употреблялъ всѣ средства для пріобрѣтенія таковаго благорасположенія.

Правительство новаго государя не замедлило заявить свои отношенія къ церкви и Синоду. Но отношенія эти оказались вовсе не такими, какихъ домогался и надѣялся Синодъ. На другой же день по изданіи манифеста о вступленіи на престолъ императора Петра II, именно 9-го мая 1727 г., св. Синоду понадобилось сдѣлать представленіе на имя государя о замѣщеніи пяти архіерейскихъ каѳедръ, бывшихъ вакантными, при чемъ, согласно узаконенному порядку, указывались Синодомъ и кандидаты на эти каѳедры. Верховный Тайный Совѣтъ совершенно игнорировалъ указанія Синода и назначилъ архіереевъ на праздныя каѳедры по своему усмотрѣнію (VII, 36). Это было нарушеніемъ правъ Синода.

Особенно замѣчательно при этомъ было то, что на одну изъ вакантныхъ каѳедръ, коломенскую, назначенъ былъ митрополитъ Игнатій (Смола), еще при Петрѣ I лишенный каѳедры и вынужденный удалиться въ Нилову пустынь за свою открытую и горячую преданность царевичу Алексѣю Петровичу и царицѣ Евдокіи, въ царствованіе Екатерины тщетно пытавшійся возвратить потерянное. Это назначеніе его на коломенскую каѳедру было, конечно, справедливымъ возмездіемъ ему за то, чтò пришлось перенести и вытерпѣть ему за отца и бабку воцарившагося государя. Но въ то же время Игнатій былъ врагъ Ѳеофана Прокоповича и личный, и принципіальный, такъ какъ Ѳеофанъ, кромѣ того, что былъ авторомъ «Правды воли монаршей» былъ авторомъ и «Духовнаго регламента», а Игнатій былъ давній и горячій противникъ синодальной формы церковнаго управленія, установленной регламентомъ. Такимъ образомъ назначеніе Игнатія на коломенскую каѳедру, за которымъ скоро (13-го іюня) послѣдовало и назначеніе его въ члены Синода, было угрозой стоявшему во главѣ Синода его вице-президенту Ѳеофану Прокоповичу. Ѳеофанъ удержался въ своемъ положеніи; тѣмъ не менѣе возстановленіе Игнатія подало поводъ всѣмъ ожидать возстановленія патріаршества въ Россіи, о которомъ мечтали и самъ Игнатій и неменѣе его честолюбивый другой членъ Синода, Георгій Дашковъ, архіепископъ Ростовскій. Оказалось, однако, что назначеніемъ Игнатія на коломенскую каѳедру и въ члены Синода Меншиковъ имѣлъ въ виду лишь ослабить и парализовать значеніе въ церковныхъ и общегосударственныхъ дѣлахъ своего личнаго врага Ѳеофана; что же касается той и другой формы церковнаго управленія—сино-

дальной и патріаршей, то по отношенію къ нимъ какъ Меншиковъ, такъ вообще верховники и въ частности преемствовавшіе Меншикову во власти, Долгорукіе, были вполнѣ индиферентны, какъ индиферентны были всѣ они вообще къ интересамъ церкви, значеніе которой по отношенію къ государству старались ослабить еще въ предъидущее царствованіе—Екатерины I. Вообще отношенія правительства Петра II къ церкви и Синоду представляются еще менѣе благопріятными, чѣмъ отношенія къ нему правительства Екатерины I. Сначала Меншиковъ, а затѣмъ его преемники, то дружили (напримѣръ Остерманъ съ Ѳеофаномъ), то враждовали съ тѣмъ или другимъ изъ членовъ Синода, не безъ ироніи относились къ мечтамъ нѣкоторыхъ о возстановленіи патріаршества; взаимною враждой членовъ Синода пользовались для того, чтобы всѣхъ ихъ держать въ своихъ рукахъ и ослаблять общій престижъ церковнаго правительства, и кончили тѣмъ, что въ слѣдующее царствованіе почти всѣхъ ихъ, одного за другимъ, лишили власти и сана и поссылали въ монастыри. Уцѣлѣлъ изъ нихъ одинъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, благодаря отчасти своимъ прошлымъ заслугамъ и уму, отчасти — своей изворотливости и человѣкоугодничеству... Какъ бы то ни было, въ царствованіе Петра II-го «синодальное правительство» не разъ имѣло поводъ жаловаться на нарушеніе гражданскимъ правительствомъ его правъ, установленныхъ императоромъ Петромъ I и регламентомъ, и на то, что оно, синодальное правительство, «въ уничиженіи быть значится». Не одинъ, а нѣсколько всеподданнѣйшихъ докладовъ Синода поданныхъ въ 1728 г. на имя его величества въ Верховный Тайный Совѣтъ, касавшихся самыхъ важныхъ и насущныхъ интересовъ церкви, оставлялись безъ вниманія и безъ отвѣта. Гражданское правительство хотѣло видѣть въ Синодѣ главнымъ образомъ органъ и орудіе государственной власти, интересуясь въ дѣятельности церкви преимущественно ея сборами и доходами, почему въ царствованіе Петра II дважды подвергало ревизіи и строжайшему контролю имущество Синода и его отчетность по денежнымъ сборамъ (VIII, 473, 634 и др.).

Вышеупомянутыя надежды Синода на возстановленіе достоинства и правъ церкви въ царствованіе сына царевича Алексѣя особенно оживились, когда послѣдовало, еще при Меншиковѣ, возстановленіе царственныхъ правъ бабки государя, царицы Евдокіи Ѳедоровны, и престарѣлая царица изъ шлиссельбургскаго заточенія прибыла на жительство въ Москву, въ Новодѣвичій монастырь. Для ея «комнаты» учрежденъ былъ придворный штатъ, такой же, какъ и для сестры императора, царевны Наталіи Алексѣевны, (VIII, 409), съ гофмаршаломъ Измайловымъ, камергеромъ Лопухинымъ и шталмейстеромъ Ягужинскимъ во главѣ, и она вновь заняла высокое, вполнѣ царственное положеніе по отношенію какъ

къ правительству, гражданскому и церковному, такъ и по отношенію къ обществу и народу, въ которомъ память ея отнюдь не утратилась во время долгаго безвѣстнаго отсутствія ея изъ столицы. Возвращая царицѣ ея царственныя права, «Меншиковъ не могъ, конечно, надѣяться на благосклонность къ себѣ первой супруги Петра Великаго; но оставлять въ заключеніи бабку императора было нельзя», говоритъ С. М. Соловьевъ (т. XIX, стр. 103). Съ своей стороны къ этому мы можемъ прибавить, что возвращая царицѣ царственныя права, правитель государства естественно позаботился о томъ, чтобы ослабить и парализовать возможное неблагосклонное отношеніе къ нему возвращенной, и принялъ вполнѣ дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы даже, какъ говорится, взять ее въ свои руки и управлять ея вліяніемъ на внука, насколько ей удалось бы пріобрѣсти таковое. Дѣйствительно, изъ дѣлъ синодальнаго архива, изложенныхъ въ VIII томѣ «Описанія», мы удостовѣряемся въ этомъ съ несомнѣнностію и узнаемъ, какимъ именно способомъ предполагалъ Меншиковъ утвердить свое вліяніе на престарѣлую царицу. Этого онъ надѣялся достигнуть чрезъ ея духовника, каковымъ оказался нѣкто іеромонахъ Клеоникъ Новгородовъ, креатура Меншикова (—VIII, стр. 144 и 342). Неизвѣстно, откуда былъ Клеоникъ родомъ и изъ какого происходилъ званія. Въ 1712 г. онъ числился въ составѣ братіи Саввина-Сторожевскаго монастыря, въ санѣ уже іеромонаха; съ 1717 году онъ построилъ на свой счетъ, при часовнѣ этого монастыря въ Москвѣ, каменную «келью» съ изразцовою печью, стеклянными оконницами и желѣзными рѣшотками, въ которой, съ разрѣшенія архимандрита Саввина монастыря, и поселился, отправляя въ часовнѣ требы, вмѣстѣ съ другимъ іеромонахомъ, Ефимомъ, отъ которыхъ, какъ заявлялъ позже архимандритъ Саввина монастыря, получалъ доходовъ втрое противъ іеромонаховъ монастыря, жившихъ въ самомъ монастырѣ. Въ 1723 г. онъ, повидимому противъ своего желанія, назначенъ былъ духовникомъ въ Ладожскій женскій монастырь, причемъ переѣздъ изъ Москвы долженъ былъ совершить на свои средства. Можетъ быть, отсюда онъ сдѣлался извѣстенъ царицѣ во время пребыванія ея въ шлиссельбургской крѣпости. Когда царица переселилась въ Москву, вслѣдъ за нею является здѣсь и іеромонахъ Клеоникъ въ званіи ея духовника. Изъ дѣлъ VIII тома узнаемъ, какъ это произошло. Сынъ Клеоника, Емельянъ Новгородовъ, состоялъ подъячимъ въ домовой конторѣ Меншикова въ Москвѣ и былъ близкимъ къ свѣтлѣйшему человѣкомъ. По его, конечно, указанію, отецъ его и былъ назначенъ духовникомъ къ царицѣ и, очевидно, не кѣмъ инымъ, какъ Меншиковымъ и въ бытность его во власти. Какъ бы то ни было, паденіе Меншикова повлекло за собою гоненіе и на Клеоника. Клеоникъ находился при кельѣ царицы, когда 7 іюня 1728 г. послѣдовалъ именной высочайшій указъ изъ

Верховнаго Тайнаго Совѣта на имя Синода о томъ, чтобы «іеромонаха Клеоника за нѣкоторыя вины послать въ Нижегородскій Благовѣщенскій монастырь, гдѣ быть ему въ братствѣ неисходну». Св. Синодъ сдѣлалъ соотвѣтственныя этому указу распоряженія; но царица крѣпко стояла за своего духовника, и 2 іюля послѣдовалъ новый указъ Верховнаго Совѣта о томъ, чтобы Клеоника послать не въ отдаленный Нижегородскій, а въ близкій къ Москвѣ Троицко-Сергіевъ монастырь. Св. Синодъ въ исполненіе этого указа два раза посылалъ въ «келью» царицы въ Новодѣвичій монастырь, для взятія Клеоника, своего канцеляриста Козловскаго; но сначала гофмаршалъ царицы, а затѣмъ ея камергеръ, энергически отказали въ исполненіи требованія Синода, отзываясь тѣмъ, что не имѣютъ на таковое исполненіе распоряженія царицы. Такъ Клеоникъ и остался при царицѣ. А 3 февраля 1729 г. Ѳеофанъ Прокоповичъ словесно объявилъ въ собраніи св. Синода, что января 28 благовѣрная государыня царица Евдокія Ѳедоровна соизволила ему приказать объявить Синоду таковое ея требованіе, чтобы духовника ея величества Клеоника произвести въ игумена Данилова монастыря въ Москвѣ. Св. Синодъ затруднился однако исполнить волю царицы безъ вѣдома Верховнаго Тайнаго Совѣта, и опредѣлилъ, прежде исполненія воли царицы, подать докладъ на имя его величества въ Верховный Тайный Совѣтъ съ просьбою резолюціи о томъ, отпущены ли Клеонику тѣ «нѣкія вины», о которыхъ говорилось въ первомъ указѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Неизвѣстно, былъ ли поданъ Синодомъ такой докладъ и было ли какое разъясненіе со стороны Тайнаго Совѣта. Повидимому за Клеоникомъ не было другихъ «винъ», кромѣ его упомянутыхъ выше отношеній къ Меншикову. Съ своей стороны, самъ Клеоникъ, уже состоя при царицѣ, подавалъ прошеніе въ св. Синодъ, въ которомъ жаловался на архимандрита Саввина монастыря Сильвестра и келаря Александра Шокурова, которые отказали ему въ дачѣ іеромонашескаго оклада за время съ 1723 г. и въ возмѣщеніи расходовъ проѣзда его изъ Москвы въ Новую Ладогу. Позже, въ 1730 году, мы находимъ Клеоника не только не въ ссылкѣ, но уже въ санѣ архимандрита Андроніева монастыря въ Москвѣ.

Указанный эпизодъ съ Клеоникомъ свидѣтельствуетъ, что царица Евдокія держала себя въ отношеніи правительства своего внука съ большимъ достоинствомъ. Что касается правительства церковнаго, св. Синода, то здѣсь ея возвращеніе изъ заточенія было встрѣчено всѣми съ большою радостію. Св. Синодъ постановилъ «возносить имя благовѣрной государыни царицы Евдокіи Ѳедоровны» на эктеніяхъ во всѣхъ богослуженіяхъ непосредственно за именемъ благовѣрной государыни царевны Наталіи Алексѣевны, сестры императора. 9-го октября 1728 г. св. Синодъ установилъ ежегодное торжественное церковное празднованіе съ особымъ бла-

годарственнымъ молебствіемъ и всенощнымъ бдѣніемъ въ день рожденія царицы Евдокіи, августа 4-го, совершенно такимъ же, какимъ постановлено справлять день рожденія самаго императора.— Затѣмъ ея воля, когда она была предъявляема Синоду по какому-либо случаю, была для него закономъ. Такъ мы видимъ, что по ея волѣ іеродіаконъ Высокопетровскаго монастыря Антоній избирается въ архимандрита Рыльскаго монастыря (VIII, 691). Подобнымъ образомъ «во волѣ ея», сообщенной Синоду однимъ изъ Лопухиныхъ, Синодомъ назначается въ Донской монастырь въ Москвѣ въ архимандрита нѣкто Иларіонъ Рогачевскій (VIII, 601). Согласно ея волѣ дѣвица Варвара Есипова принята въ число монахинь Вознесенскаго женскаго монастыря въ Москвѣ (VIII, 286). Замѣчательно, что въ подобныхъ случаяхъ ею иногда указывается и Синодомъ принимается въ соображеніе любопытный мотивъ ея желанія: заявляя, чрезъ состоявшаго при ней князя Хилкова, о желаніи своемъ видѣть архимандритомъ Боголюбова монастыря нѣкоего іеромонаха Аверкія (VIII, 537), царица присовокупляетъ, что желаетъ этого для того, чтобы вознаградить Аверкія «за нѣкоторое многое его терпѣніе» (т. е. вѣроятно терпѣніе за старину или за преданность лично ей или царевичу Алексѣю).—Уваженіе и преданность Синода къ старой царицѣ доходитъ до того, что участіе ея въ церковныхъ дѣлахъ не ограничивается назначеніемъ на церковныя должности лицъ, ею указываемыхъ, но простирается даже и на рѣшеніе вопросовъ каноническаго свойства: такъ въ то время, какъ по силѣ опредѣленія св. Синода повсюду отбирались изъ церквей рѣзные образа, существованіе которыхъ признано противнымъ каноническимъ правиламъ, одинъ изъ такихъ образовъ, отобранный духовной Дикастеріей изъ Радовицкаго монастыря, по волѣ царицы Евдокіи, указомъ Леонида, епископа Сарскаго и Подонскаго, былъ возвращенъ на прежнее мѣсто обратно (VIII, 101).

Тотъ фактъ, что вступленіе на престолъ Петра II и возвращеніе въ Москву царицы Евдокіи возбудили оживленіе и движеніе въ средѣ общества и народа между многочисленными приверженцами русской старины и сторонниками царевича Алексѣя, въ смыслѣ ожиданія возвращенія къ до-Петровской старинѣ, доказывается немалочисленными подробностями, которыя находимъ въ дѣлахъ Синодальнаго архива за 1728 годъ. Маркеллъ Родышевскій, врагъ Өеофана, обвинявшій его въ протестантствѣ, находившійся по распоряженію Синода въ Александро-Невскомъ монастырѣ подъ строгимъ надзоромъ, внезапно бѣжалъ изъ монастыря въ Москву, оставивъ на имя архимандрита монастыря письмо, въ которомъ объяснялъ между прочимъ, что «получилъ имянной его величества (т. е., точнѣе говоря — Меншикова) словесный указъ ѣхать въ Москву (какъ оказалось потомъ—для показаній по прежде начавшемуся дѣлу Өеофана, обвинявшагося въ разныхъ

злоупотребленіяхъ и противностяхъ), гдѣ онъ, Маркеллъ, и собственный не якій имѣетъ интересъ явиться ея величеству всепресвѣтлѣйшей государынѣ царицѣ Евдокіи Ѳедоровнѣ» (VIII, 13).

Къ характеристикѣ этого же движенія, возбужденнаго воцареніемъ Петра II и возвращеніемъ въ Москву царицы Евдокіи относятся и факты, изложенные въ дѣлахъ по поводу «слова и дѣла Государева», производившихся въ Синодѣ, а затѣмъ и въ гражданскихъ высшихъ инстанціяхъ, въ 1728 году, а также нѣкоторыя дѣла о такъ называемыхъ «изумленныхъ». Есть основаніе предполагать, что эти изумленные, которыхъ въ 1728 г. было препровождено въ св. Синодъ для разсылки въ монастыри особенно много, отнюдь не всѣ были въ самомъ дѣлѣ съумасшедшіе, а признавались за таковыхъ ради прекращенія толковъ въ народѣ о томъ, что они иногда провозглашали въ смыслѣ нелѣпаго ожиданія возвращенія къ старорусскому строю жизни, возбужденнаго возстановленіемъ царственныхъ правъ царицы Евдокіи вслѣдъ за воцареніемъ ея внука. Изложимъ нѣкоторые изъ этихъ фактовъ. Монахъ Трегуляевскаго монастыря Тамбовской епархіи—того самаго монастыря, который былъ скомпрометированъ въ царствованіе Петра I выходившею изъ нея проповѣдію однородною съ противогосударственнымъ ученіемъ Талицкаго и Левина объ антихристѣ, иже есть Петръ первый (см. объ этомъ въ изданіяхъ Есипова «Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія» и другихъ)—по имени Павелъ, объявилъ—было за собою «Государево слово и дѣло», намѣреваясь сообщить о чемъ-то важномъ, можетъ быть, о вновь возникшихъ въ монастырѣ движеніяхъ въ смыслѣ бывшихъ тамъ прежнихъ. Но когда онъ призванъ былъ въ Преображенскій Приказъ, то, смѣло сознавшись въ своемъ раскольничествѣ, отъ котораго охотно отрекся, относительно того, по поводу чего сказалъ за собою «Государево слово и дѣло» онъ неожиданно заявилъ, что «бываетъ въ изступленіи ума» и что «то были въ немъ дьявольскія мечтанія», возникшія вслѣдствіе того, что ему «бывали привидѣнія и невидимо глаголющіе гласы».

Нашли, однако, нужнымъ подвергнуть его пыткѣ, послѣ которой онъ попрежнему утверждалъ, что это были «дьявольскія мечтанія, вслѣдствіе изступленія ума». Преображенскій Приказъ этимъ отвѣтомъ не удовлетворился, и препроводилъ его, уже разстриженнаго ранѣе, въ Синодъ, которому поручилъ допытаться, не затѣваетъ ли онъ чего, собою, или по чьему-либо наущенію? Синодъ придавалъ не менѣе важное значеніе заявленію монаха скомпрометированнаго монастыря; его стали допрашивать: «оныя привидѣнія и гласы совершенно ль онъ слышалъ, въ сущей ли памяти, или будучи въ изступленіи ума, и если въ изступленіи, то какъ возможно ему то памятію объявить? Ибо когда человѣкъ бываетъ въ изступленіи, то ничего, кромѣ съумасброд-

ныхъ поступковъ чинить не можетъ». Монахъ отвѣчалъ, что «когда оныя дьявольскія мечтанія ему приключались, онъ приходилъ въ изступленіе, а когда потомъ приходилъ въ чувства, то и мечтанія тѣ приходили ему на память. Когда его допрашивали въ Преображенскомъ Приказѣ, въ то время онъ былъ въ безуміи, а какъ подняли его на виску, то пришелъ въ чувство, и дьявольскія мечтанія пришли ему на память». Такъ и осталось не выясненнымъ, какія это привидѣнія и невидимо глаголющіе гласы бываютъ въ Трегуляевскомъ монастырѣ, и въ чемъ состояли дьявольскія мечтанія Павла. Дѣло замяли, признавъ его «безумнымъ» и для поправленія въ умѣ опредѣлили отослать его.... въ Соловецкій монастырь! (—VIII, 43). Можно предполагать, что мечтанія, которыми монахъ на пыткѣ назвалъ дьявольскими, возникли въ Трегуляевскомъ монастырѣ въ связи съ тѣмъ броженіемъ, какое происходило въ народѣ и въ нѣкоторыхъ монастыряхъ раньше, и вызваны были ошибочными ожиданіями отъ правительства сына царевича Алексѣя возвращенія къ старорусской политикѣ. — Бывшій архимандритъ того же Трегуляевскаго монастыря, Іоасафъ, еще въ 1725 г. послѣ производившагося о немъ въ тайной канцеляріи «важнаго дѣла», сосланный въ Спасо-Каменный монастырь Вологодской епархіи, для содержанія въ трудахъ неисходно, 9 января 1728 г. ушелъ изъ монастыря и найденъ не былъ (VIII, 60). Подобнымъ образомъ столь же легко бѣжалъ въ это время изъ того же монастыря попъ г. Коломны, церкви Алексія, человѣка Божія, Прохоръ Спиридоновъ, сосланный въ этотъ монастырь за то, что въ его церкви найдены были рѣзные образа Св. Николая. Явившись въ Москвѣ, въ Синодѣ, онъ былъ оправданъ и снова опредѣленъ въ приходскіе священники (VIII, 59, 102). Подобныхъ фактовъ, доказывающихъ возникновеніе въ монастыряхъ вновь склонности въ сторону старорусскаго направленія, которому, однако, отнюдь не сочувствовало высшее гражданское правительство, состоявшее, въ большинствѣ, изъ государственныхъ людей прошлаго царствованія, можно указать еще не мало.

Отмѣтимъ нѣсколько новыхъ фактовъ, относящихся къ біографіи царевича Алексѣя Петровича. Изъ дѣла о Яминской пустыни узнаемъ, что царевичъ былъ щедрымъ благотворителемъ этой обители. Проѣзжая мимо нея (около 1708 г.), онъ принесъ ей въ даръ церковные сосуды и облаченія, евангеліе напрестольное, въ серебряномъ позолоченномъ окладѣ и полный кругъ богослужебныхъ книгъ (VIII, 279). Есть два дѣла о двухъ священникахъ царевича Алексѣя: первый—іеромонахъ Антоній, который въ 1697 г., будучи священникомъ верховой церкви Петра и Павла, состоялъ при немъ для службы у крестовъ; съ паденіемъ царевича онъ долженъ былъ покинуть свою должность при придворной церкви и даже удалиться изъ Москвы, едва найдя себѣ должность во флотѣ. Не раньше какъ

при воцареніи Петра II, онъ явился вновь въ Москвѣ, уже въ санѣ іеромонаха, прося себѣ должности казначея синодальнаго дома, въ чемъ ему было отказано, такъ какъ упомянутая должность занята была другимъ лицомъ (VIII, 287). Второй—личность болѣе замѣчательная: это—грекъ іеромонахъ Евѳимій, знаменитый Евѳимій Колетти. Сначала онъ состоялъ священникомъ и учителемъ греческаго языка въ Саксоніи, въ городѣ Алѣ, а также корректоромъ печатавшихся въ этомъ городѣ греческихъ книгъ. Встрѣтивъ его здѣсь, царевичъ избралъ его своимъ духовникомъ и бралъ его съ собою, когда ѣздилъ въ Карлсбадъ для леченія водами. По окончаніи леченія Либерій (Елевѳерій) Ивановъ (имя Евѳимія до монашества) отпросился у царевича въ Берлинъ для свиданія съ сродниками и, оставаясь тамъ нѣкоторое время, проживалъ въ домѣ графа Александра Гавриловича Головкина. Затѣмъ, указомъ Петра I, ему велѣно было состоять въ Шверинѣ при царевнѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ. «Когда случилось отшествіе царевича, пишетъ Евѳимій въ своемъ прошеніи, не знаю, коимъ моимъ злосчастіемъ въ подозрѣніе падохъ Петра Толстого, яко духовникъ его величества (такъ называетъ Евѳимій царевича Алексѣя)». По розыску о царевичѣ Алексѣѣ, усмотрѣвъ близость къ нему Либерія, его лишили имущества и заточили въ темницу въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ онъ чрезъ годъ принялъ монашество. Съ восшествіемъ на престолъ Петра II, по прошенію Евѳимія, его освободили изъ заточенія; прибывъ въ Москву, онъ просилъ, чрезъ Верховный Тайный Совѣтъ, учинить о немъ милостивое опредѣленіе за его толикія страданія. Въ это время какъ разъ оказалось свободнымъ архимандритство въ Новоспасскомъ монастырѣ въ Москвѣ, которое, по указанію Верховнаго Тайнаго Совѣта (VIII, 609), и было ему предоставлено. Позже, въ 1730 г. онъ былъ сдѣланъ даже членомъ Синода. Значеніе его въ русской исторіи и, въ особенности, въ богословскихъ спорахъ его времени достаточно выяснено въ литературѣ.

Къ этой же группѣ дѣлъ должна быть отнесена исторія въ Пензенскомъ Преображенскомъ монастырѣ. Монастырь этотъ въ царствованіе Петра I былъ уничтоженъ и срытъ до основанія въ наказаніе за то, что среди его монаховъ находился Авраамъ Левинъ, извѣстный проповѣдникъ ученія объ антихристѣ, котораго расколоучитель указывалъ въ лицѣ Петра I. Съ воцареніемъ Петра II, сына царевича Алексѣя, у жителей Пензы возникло смѣлое желаніе возстановить уничтоженный монастырь, при чемъ граждане города добровольно и безплатно обязывались какъ построить монастырь, такъ и снабдить его всѣмъ обзаведеніемъ. Св. Синодъ, однако, не нашелъ возможнымъ уважить эту просьбу (VIII, 508).

Изъ другихъ лицъ царствующаго дома нѣкоторыя новыя свѣдѣнія находимъ въ дѣлахъ Синодальнаго архива за 1728 г. о цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, о любимой сестрѣ Петра II царевнѣ

Наталіи Алексѣевнѣ, и о цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ. Цесаревна Елисавета, въ это время находившаяся въ первомъ разцвѣтѣ молодости и плѣнявшая всѣхъ своею красотой, пользуется особенною любовію въ народѣ за свою щедрую благотворительность (въ особенности монастырямъ), за оказываемое ею покровительство бѣднымъ и угнетаемымъ. Такъ игуменія Успенскаго, въ слободѣ Александровской, монастыря, пользовавшаяся покровительствомъ Льва, архимандрита Горицкаго, впослѣдствіи епископа воронежскаго, непомѣрно угнетала монахинь и безразсудно расточала монастырское имущество. Минуя св. Синодъ и другія инстанціи, монахини обратились съ жалобой и съ просьбой о защитѣ къ юной цесаревнѣ. «Буди ты намъ помощь и избавленіе, наша матушка, озари насъ, помраченныхъ тьмою, твоимъ свѣтомъ», писали монахини въ прошеніи. Цесаревна, разсмотрѣвъ дѣло, немедленно отправила къ архіепископу Ѳеофану своего оберъ-шталмейстера Ягужинскаго съ приказаніемъ объ отрѣшеніи игуменіи, при чемъ представила и самое прошеніе монахинь. Желаніе ея было немедленно исполнено Синодомъ (VIII, 556).

Въ другой разъ, по дѣлу о назначеніи священника къ церкви Спаса Нерукотвореннаго, что въ верху, въ Кремлевскомъ дворцѣ, она указала чрезъ нарочитаго, сержанта Толбухина, предпочесть другимъ искателямъ этого мѣста дьякона той же церкви, долго служившаго при оной и обремененнаго семействомъ,—въ чемъ сказалось ея чувство справедливости и благотворительности. И это желаніе ея было исполнено (VIII, 494). Цесаревны Елисавета и Анна Петровны были очень дружны между собою. Послѣдняя, умирая въ Голштиніи, передала своему духовнику, Минѣ Григорьеву, конфенденціальное письмо къ Елисаветѣ, которое тотъ долженъ былъ передать ей лично, для чего нарочито отправлялся изъ С.-Петербурга въ Москву (VIII, 648). Цесаревнѣ Елисаветѣ принадлежала мыза Сарская, позже—Царское Село (VIII, 29).

Большою любовію пользовалась также со стороны духовенства царевна Наталія Алексѣевна. Когда она тяжко заболѣла, по опредѣленію Синода во всѣхъ церквахъ имперіи совершались ежедневныя молебствія о ея выздоровленіи по особому чинопослѣдованію молебствія о болящихъ, найденному въ требникѣ Петра Могилы, для чего это чинопослѣдованіе было отпечатано особо въ количествѣ 1,000 экз. и разослано по церквамъ. Болящая царевна выразила желаніе возложить на себя часть ризы Господней, хранившейся въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ. Такъ какъ она находилась въ особомъ ковчегѣ за печатію императора Петра I, то постановлено было поднести царевнѣ не эту часть ризы Господней, а другую, хранившуюся въ крестѣ, находившемся въ Верхо-Спасскомъ соборѣ, подъ присмотромъ князя Одоевскаго. 22-го ноября царевна скончалась. Еще раньше, 5-го іюля, скончалась гер-

цогиня Голштейнъ-Готторпская, цесаревна Анна Петровна. Погребеніе той и другой совершено было съ необычайною торжественностію. На погребеніи царевны одного духовенства присутствовало 1,025 человѣкъ съ 10-ю архіереями во главѣ. За тѣломъ цесаревны Анны въ Голштинію посылалась цѣлая флотилія. Подробные церемоніалы погребенія той и другой почившихъ, находящіеся въ VIII томѣ, очень любопытны, во многихъ отношеніяхъ... Любопытный недосмотръ былъ допущенъ Синодомъ по кончинѣ цесаревны Анны: хотя она скончалась еще 14-го мая, и объ этомъ было объявлено своевременно въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», тѣмъ не менѣе она до 3-го августа поминалась въ церквахъ на эктиніяхъ о здравіи, вмѣстѣ съ особами императорской фамиліи здравствовавшими. Лишь 8-го іюля Питиримъ, архіепископъ Нижегородскій, находя такой порядокъ вещей «зазорнымъ», представилъ о томъ св. Синоду, который 3-го августа и постановилъ о поминовеніи ея въ числѣ усопшихъ.

Стоитъ отмѣтить еще въ настоящемъ томѣ «Описанія» свѣдѣнія о судьбѣ двухъ замѣчательныхъ женщинъ этой эпохи, принимавшихъ дѣятельное участіе въ борьбѣ политическихъ партій того времени: Варвары Арсеньевой и княгини Аграфены Волконской. Княгиня Волконская, по рожденію принадлежавшая къ славному роду Бестужевыхъ-Рюминыхъ, давшему Россіи въ XVIII столѣтіи нѣсколькихъ крупныхъ государственныхъ людей и даровитыхъ дипломатовъ, еще при жизни Екатерины I была душею кружка, ратовавшаго за возведеніе на русскій престолъ, по смерти Екатерины I, Петра II, но враждебнаго Меншикову и въ особенности браку Петра съ его дочерью (Подробности см. у Соловьева, XIX, 104 и слѣд.). Неудивительно, что когда агитація этого кружка противъ Меншикова не удалась и свѣтлѣйшему удалось обручить свою дочь съ наслѣдникомъ престола, Волконская, вмѣстѣ съ другими членами кружка, подверглась преслѣдованію. 5-го іюня 1728 г. состоялся именной указъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта о ссылкѣ ея за нѣкоторыя продерзости и вины во Введенскій Тихвинскій монастырь, гдѣ предписывалось держать ее неисходно подъ смотрѣніемъ игуменьи. Въ дѣлахъ Синодальнаго архива сохранилась копія этого указа, приведеннаго въ исполненіе Синодомъ. Изъ этого же дѣла Синодальнаго архива видно, что 21-го августа 1730 г. состоялось распоряженіе Сената, по которому оную княгиню велѣно «содержать въ томъ монастырѣ крѣпчайше прежняго,—кромѣ церкви изъ кельи никуда не выпускать, никого постороннихъ къ ней безъ вѣдома игуменьи не допускать, и если кто будетъ приходить къ ней, то наблюдать, чтобы разговоръ ея съ посѣтителемъ былъ въ слухъ, и того всего смотрѣть игуменьѣ накрѣпко, и ежели она, Волконская, будетъ чинить какія продерзости, игуменья должна давать знать тихвинскому архимандриту, а этотъ—о всемъ доно-

сить въ Сенатъ немедленно». Чѣмъ вызвана эта новая строгость, изъ дѣла не видно (VIII, 343).

Арсеньева была свояченица Меншикова и подверглась опалѣ еще раньше Волконской. По указу Верховнаго Тайнаго Совѣта отъ 16-го апрѣля она была сослана въ Бѣлозерскій Горскій монастырь, гдѣ въ присутствіи сопровождавшаго ея унтеръ-офицера была пострижена въ монашество съ именемъ Варсонофіи. Ей назначено было содержаніе по полуполтинѣ на день. Когда упомянутый унтеръ-офицеръ, возвратившись, донесъ, что оный монастырь содержится не въ совершенной крѣпости—кельи и ограда деревянныя, ветхія, а служителей при монастырѣ не имѣется, кромѣ малаго числа монастырскихъ бобылей, къ содержанію стражи необыкновенныхъ и ненадежныхъ, то мѣстный епархіальный (Вологодскій) архіерей Аѳанасій распорядился взять въ Горскій монастырь изъ находившихся въ монастырѣ Кирилло-Бѣлозерскомъ отставныхъ унтеръ-офицера и пять солдатъ, изъ которыхъ, впрочемъ, по распоряженію Синода, оставлено въ Горскомъ монастырѣ только двое, немладолѣтнихъ и безподозрительныхъ (VIII, 252).

Подвергая столь суровому преслѣдованію бывшихъ противниковъ своихъ, новое правительство съ необычайною щедростію вознаграждало лицъ, энергически заявлявшихъ свою преданность Петру II: архимандриту Аранскаго монастыря, Исаіи, который еще при жизни Екатерины I, когда шли между правительствующими лицами и въ обществѣ споры о томъ, кому быть ея преемникомъ въ случаѣ ея кончины, на эктеніяхъ возглашалъ имя «Благочестивѣйшаго великаго государя нашего (вмѣсто «благовѣрнаго великаго князя») Петра Алексѣевича», и на сдѣланныя ему замѣчанія отвѣчалъ: «хотя мнѣ голову отсѣките, буду такъ поминать, а по формѣ поминать не буду, потому Петръ Алексѣевичъ намъ государь и наслѣдникъ»,—по именному высочайшему указу изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта пожалована была пожизненная пенсія въ 200 р. ежегодно, изъ доходовъ монастыря.

II.

Церковные сановники временъ Петра II.—Ѳеофанъ Прокоповичъ.—Дѣло о Моринчельскомъ монастырѣ.— Судьба духовника Меншикова.— Ѳеодосій Яновскій.— Количество отобраннаго имъ отъ монастырей и церквей имущества. — Ѳеоѳилактъ Лопатинскій.—Дѣло о банныхъ пошлинахъ съ духовенства.—Георгій Дашковъ.—Его заступничество за духовенство предъ Ушаковымъ.— Питиримъ Нижегородскій.

Властная и энергическая натура Ѳеофана Прокоповича, несмотря на крайне-неблагопріятныя внѣшнія его отношенія въ это время— это было время разбирательства его дѣла по доносамъ и обвине-

ніямъ Маркелла Родышевскаго—обрисовывается въ дѣлахъ 1722—1728 годовъ весьма рельефно. Въ разсмотрѣніе дѣлъ, касавшихся его епархіи поступавшихъ въ Синодъ, Синодъ обыкновенно вовсе не входитъ,—на всѣхъ ихъ значится резолюція: «рѣшеніе учинить преосвященному Ѳеофану по его усмотрѣнію». Въ своихъ доношеніяхъ Синоду, говоря о себѣ, Ѳеофанъ почти всегда употребляетъ властное «мы», чего не замѣтно въ доношеніяхъ другихъ архіереевъ (за исключеніемъ кіевскаго митрополита Варлаама). Затѣмъ, что касается постановленій и рѣшеній Синода по общимъ вопросамъ церковнаго управленія, то во всѣхъ ихъ видна самая широкая инициатива Ѳеофана; редакція самаго указа о присягѣ Петру II носитъ на себѣ отпечатокъ его личныхъ отношеній къ государственнымъ вопросамъ того времени: это не просто предписаніе церковной власти о приводѣ къ присягѣ новому императору, а скорѣе разрѣшеніе на приведеніе къ присягѣ внуку Петра: «въ указѣхъ написать, говорится въ опредѣленіи Синода, чтобы всѣ духовныя власти свѣтскимъ командирамъ для приводу всякаго званія людей къ присягѣ его величеству препятствія и удержанія отнюдь не чинили, но во отправленіи всего того имъ вспомогали и сами ту присягу чинили безъ всякаго отрицанія». (П. С. П. № 1961). Такая формула указа явилась, очевидно, въ слѣдствіе того обстоятельства, что раньше изданное правительствомъ Петра I сочиненіе «Правда воли монаршей», составленное не кѣмъ инымъ, какъ Ѳеофаномъ, устраняло отъ престолонаслѣдія Петра II и косвенно запрещало присягу ему,—теперь это запрещеніе только отмѣнялось.

Особенно рельефно степень его власти и силы выразилась въ дѣлѣ о Морипчельскомъ монастырѣ. Морипчельскій монастырь, весьма древній, въ 1611 году былъ раззоренъ литовцами безъ остатка, всѣ крестьяне его деревень или были избиты или разбѣжались, духовенство избито и самая церковь разрушена. Пятьдесятъ девять лѣтъ земля монастырская лежала «впустѣ». Въ 1674 г. граматой патріарха Іоасафа она была приписана къ церкви Казанской иконы Божіей Матери близлежащаго города Торопца, при чемъ она была законнымъ образомъ отмежевана отъ сосѣднихъ помѣщичьихъ и казачьихъ земель; хлопотами священника Торопецкой Казанской церкви земли эти были заселены выходцами изъ-за польскаго рубежа, и для нихъ, на мѣстѣ бывшаго монастыря, выстроена была приходская церковь. Затѣмъ граматой патріарха Адріана велѣно было новгородскому митрополиту на доходы отъ земель бывшаго монастыря возстановить монастырь, съ ежедневною въ немъ службою Божіей; однако этого сдѣлано не было ни при Адріанѣ, ни послѣ; большая часть земель продолжала оставаться въ пользованіи причта Торопецкой Казанской церкви, при чемъ въ 1727 г. право владѣнія этими землями было утверждено

вновь за означенною церковію Вотчинною Коллегіей, въ силу точнаго смысла патріаршей граматы 1672 г. и согласно межевымъ и переписнымъ книгамъ 1674 и 1678 годовъ. Можно думать, что это утвержденіе права собственности на Морипчельскія земли за Торопецкою церковью состоялось (при Екатеринѣ I) по волѣ Меншикова, такъ какъ его духовникъ, попъ Лука Ивановъ, былъ сынъ священника торопецкой церкви. Право причта Казанской церкви на владѣніе землями Морипчельскаго монастыря, казалось бы было безспорное. Но вотъ преосвященный Θеофанъ, архіепископъ новгородскій (точнѣе говоря — его секретарь Бухвостовъ), вспомнилъ о граматѣ патріарха Адріана, предписывавшей новгородскому владыкѣ возстановить Морипчельскій монастырь. Θеофанъ, не возстановляя монастыря, не затруднился истолковать эту грамату въ томъ смыслѣ, что ею, будто бы, земли Морипчельскаго монастыря передавались въ собственность новгородскаго архіерейскаго дома, на правѣ простого вотчиннаго владѣнія, и предъявилъ въ этомъ смыслѣ искъ въ Синодѣ. И безспорнаго, повидимому, права торопецкой церкви на эти обширныя владѣнія—какъ не бывало. Процессъ этотъ въ высшей степени интересенъ по своимъ подробностямъ и по тому, что въ немъ Θеофанъ, такъ сказать, добивалъ своего уже павшаго врага Меншикова. Надежда отстоять собственность торопецкой церкви отъ притязаній новгородскаго архіерейскаго дома, со стороны торопчанъ основывалась на томъ, что попъ Казанской церкви, Иванъ Ивановъ, какъ сказано, имѣлъ въ С.-Петербургѣ сына, попа Луку Иванова, который сначала состоялъ при с.-петербургской церкви Воскресенія Христова, затѣмъ, бывъ излюбленъ княземъ Меншиковымъ, былъ имъ перемѣщенъ къ дворцовой ораніенбаумской церкви, откуда онъ потомъ взялъ его и въ С.-Петербургъ, въ качествѣ своего духовника. Эта близость къ временщику придавала Иванову самоувѣренность и уравновѣшивала до нѣкоторой степени его силы, пока Меншиковъ былъ у власти; но вотъ Меншиковъ самъ подвергся изгнанію, а за нимъ попадало и повалилось все, что имъ держалось. Сначала Лука Ивановъ держалъ себя по отношенію къ своему противнику съ полнымъ достоинствомъ и гоноромъ, дерзнулъ даже лично отъ себя писать Θеофану, предлагая мирно подѣлить спорныя земли между Торопецкою церковью и новгородскимъ архіерейскимъ домомъ. Но вмѣсто отвѣта на эти письма Θеофанъ представилъ ихъ въ Синодъ какъ факты грубости и неуваженія къ его сану. Ивановъ доженъ былъ смиренно обратиться къ секретарю Θеофана, Бухвостову, и видно плохо приходилось ему, если онъ вдругъ же, сразу, уступилъ Θеофану всѣ Морипчельскія земли, а самъ, покинувъ службу въ С.-Петербургѣ, удалился на жительство къ своему отцу въ Торопецъ, гдѣ почти немедленно по пріѣздѣ умеръ, о чемъ оттуда найдено было нужнымъ, на радость Θеофана, нарочито репортовать въ Синодъ. Въ

томъ же году умерли и его отецъ, священникъ торопецкой церкви, и его братъ дьяконъ той же церкви.

О бывшемъ другомъ вице-президентѣ Синода, архіепископѣ новгородскомъ Ѳеодосіи, какъ извѣстно осужденномъ и лишенномъ сана за злоупотребленія по управленію епархіей, въ VIII томѣ находятся свѣдѣнія также нескудныя, именно доселѣ неизвѣстныя свѣдѣнія о количествѣ отобранныхъ имъ въ новгородскій архіерейскій домъ изъ церквей и монастырей новгородской епархіи колоколовъ, драгоцѣнныхъ церковныхъ облаченій, образовъ въ цѣнныхъ серебряныхъ и золоченыхъ окладахъ, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, и т. д. Картина, рисуемая въ этомъ дѣлѣ о Ѳеодосіи, ужасающая: оказалось, что почтенный архіепископъ отобралъ въ свой архіерейскій домъ изъ всѣхъ до одного монастырей (счетомъ тридцати) своей епархіи и, кромѣ того, изъ двѣнадцати церквей и изъ каѳедральнаго новгородскаго собора все, что въ нихъ было мало-мальски цѣннаго, и, кромѣ того, множество рогатаго скота и лошадей. Сдѣлалъ это Ѳеодосій повидимому примѣнительно къ тѣмъ статьямъ духовнаго регламента, въ которыхъ говорится объ обязательной для монаховъ нищетѣ и нестяжательности. Но кромѣ того, что въ этихъ статьяхъ регламента рѣчь идетъ собственно о монахахъ, а не о монастырскихъ храмахъ, имъ это слишкомъ крупное мѣропріятіе совершено было безъ особаго, потребнаго въ подобныхъ случаяхъ, высочайшаго указа, и это его дѣяніе было однимъ изъ главныхъ обвинительныхъ пунктовъ противъ него, когда зашла рѣчь въ правительствѣ о лишеніи его власти. 24 марта 1726 г. императрица Екатерина I предписала: серебро, каменья, жемчугъ, облаченія церковныя, книги, колокола, посуду мѣдную и оловянную, лошадей, рогатый скотъ—все, что еще осталось не растраченнымъ, возвратить въ тѣ монастыри и церкви, изъ которыхъ что взято; а изъ найденнаго послѣ Ѳеодосія слитка, въ который обращена была часть содранныхъ имъ серебряныхъ окладовъ съ иконъ, построить церковные сосуды, которые раздать въ неимѣющія таковыхъ церкви. Что касается знаменитаго историческаго саккоса Софійскаго собора, съ котораго Ѳеодосій снялъ всѣ имѣвшіяся на немъ весьма цѣнныя украшенія изъ драгоцѣнныхъ камней и жемчуга, оный велѣно было привести въ прежній видъ и возвратить въ Софійскій соборъ. Исполненіе этого указа тянулось до 1732 года, по причинѣ неисправности и несостоятельности взявшихся за это дѣло подрядчиковъ и вслѣдствіе худого надзора за ними. Въ этомъ дѣлѣ весьма интересны свѣдѣнія о находившихся въ то время въ Россіи—въ Москвѣ и С.-Петербургѣ—золотыхъ дѣлъ мастерахъ, о цѣнахъ на издѣльное золото и его разные виды, о цѣнахъ работъ и жалованьѣ рабочимъ у золотыхъ дѣлъ мастеровъ и проч. въ 1728 году.

Справедливость требуетъ замѣтить, что это обдиранье серебря-

ныхъ ризъ съ иконъ и драгоцѣнныхъ украшеній съ иконъ и церковныхъ облаченій, которое въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ практиковалъ всесильный нѣкоторое время при Петрѣ Ѳеодосій, практиковалось не имъ однимъ. Въ подобныхъ же дѣйствіяхъ относительно Псково-Печерскаго монастыря обвинялся и самъ Ѳеофанъ, въ бытность его епископомъ псковскимъ,—изъ чего возникло знаменитое Родышевское дѣло (см. о немъ подробности въ книгѣ И. А. Чистовича: «Ѳеофанъ Прокоповичъ») и обвинялся повидимому не безъ основанія, хотя и съумѣлъ оправдаться. Нѣчто подобное дозволялъ себѣ, какъ сейчасъ увидимъ, и Ѳеофилактъ Лопатинскій, въ бытность свою архимандритомъ Спасскаго училищнаго монастыря въ Москвѣ.

Послѣ Ѳеофана наиболѣе дѣятельнымъ и полезнымъ членомъ Синода въ 1828 г. былъ Ѳеофилактъ, архіепископъ тверской. Хотя онъ издавна мало дружилъ съ Ѳеофаномъ и въ то время, когда Ѳеофанъ только начиналъ свою карьеру, неожиданно обративъ на себя въ Кіевѣ вниманіе Петра I, Ѳеофилактъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими пытался даже противодѣйствовать возведенію его въ епископы, указывая въ его сочиненіяхъ еретическія мнѣнія, но теперь въ 1728 г. оба они дѣйствовали, въ борьбѣ съ верховниками за церковные интересы, единодушно. При этомъ насколько Ѳеофанъ былъ сдержанъ и уклончивъ, настолько Ѳеофилактъ былъ прямъ и рѣшителенъ въ своихъ законныхъ дѣйствіяхъ въ защиту церкви и духовенства. Таковъ онъ, напримѣръ, въ надѣлавшемъ въ свое время много шума дѣлѣ о банныхъ сборахъ съ духовенства. Еще при Петрѣ I духовенство, городское и сельское, причетники и просвирни, такъ же какъ и дьяконы съ священниками, обложено было сборами за имѣющіяся у кого-либо изъ нихъ бани. Съ теченіемъ времени, естественно, число бань у лицъ изъ духоведства измѣнилось,—кто умеръ, у кого баня сгорѣла или развалилась и т. д., тѣмъ не менѣе разъ она значилась въ первоначально составленномъ спискѣ, за нее требовали пошлинъ. Со времени первоначальнаго указа объ этихъ сборахъ по 1728 годъ накопилось громадное количество недоимокъ съ лицъ духовнаго званія по этой части. Правительство Петра II распорядилось собрать всѣ эти недоимки неупустительно, и вотъ вся Русь, можно сказать, огласилась стонами духовенства: не только дьячковъ и дьяконовъ, но и священниковъ «таскали на правежи» въ воеводскія канцеляріи, въ которыхъ ихъ «били безъ милосердія»; самая меньшая плата за бани была по 1 рублю въ годъ, многіе не дѣлали взносовъ въ теченіе десяти лѣтъ: гдѣ взять бѣдному сельскому священнику, тѣмъ болѣе причетнику, на уплату недоимки одновременно десять рублей? Синодъ, вслѣдствіе поступившихъ въ оный безчисленныхъ жалобъ, рѣшился сдѣлать энергическое представленіе въ Верховный Тайный Совѣтъ. Это—всеподданнѣйшее доноше-

ніе на имя его величества было составлено и представлено Θеофилактомъ... Любопытныя свѣдѣнія находятся въ дѣлахъ VIII тома о характерѣ дѣйствій Θеофилакта въ бытность его архимандритомъ Спасскаго училищнаго монастыря въ Москвѣ въ 1714 г. Къ Спасскому монастырю былъ приписанъ Московскій Покровскій, что на убогихъ домахъ, монастырь. Въ 1728 году этотъ монастырь сталъ хлопотать въ Синодѣ объ отпискѣ отъ Спасскаго, причемъ жалуясь на растраты, сдѣланныя въ немъ архимандритами монастыря Спасскаго, о бывшемъ архимандритѣ Θеофилактѣ сообщалъ, что онъ продалъ въ 1714 г., принадлежавшей Покровскому монастырю мѣдной и желѣзной посуды на 40 руб. 66 коп., въ 1716 г. продалъ же оплечье жемчужное съ ризы за 22 руб., да разныхъ, серебряныхъ вещей, книгъ и проч. на 26 руб. 84 коп., да продалъ же въ Китай-городѣ подворье Покровскаго монастыря, да двѣ горницы на жилыхъ подклѣтяхъ, со всякимъ дворовымъ и хоромнымъ строеніемъ на 130 руб. Были въ Покровскомъ монастырѣ заводы кирпичные, съ двумя печами обжигательными, амбарами и всякими строеніями,—все-то раззорено, а иное продано, иное—пожжено, «варя въ Спасскій монастырь меды, пива и квасы». Да онъ же, архимандритъ Θеофилактъ, продалъ желѣза бѣлаго съ церковной кровли на 75 руб. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что эти заявленія ризничаго Покровскаго монастыря не были обслѣдованы, равнымъ образомъ самимъ ризничнымъ не были обоснованы на документальныхъ данныхъ.

Меньше всего обрисовывается по дѣламъ 1728 г. личность Георгія, архіепископа ростовскаго. Объ этомъ іерархѣ, старавшемся держаться вельможей, узнаемъ лишь то, что онъ имѣлъ, данную по указу его величества, съ партикулярной верфи въ С.-Петербургѣ яхту, имѣвшую шесть пушекъ, щегольски убранную, на которой ѣздилъ въ Петергофъ, Кронштадтъ и Ореніенбаумъ. Яхта эта была обокрадена въ то время, какъ слѣдуя по Фонтанкѣ, по случаю мелководья, сѣла на мель; въ возникшемъ по этому случаю дѣлѣ находится довольно подробное ея описаніе. Кстати будетъ здѣсь замѣтить, что если Георгій имѣлъ одну яхту, что Θеофанъ Прокоповичъ при своемъ домѣ на Карповкѣ держалъ цѣлую флотилію гребныхъ и парусныхъ судовъ, отчасти подаренныхъ ему, отчасти пріобрѣтенныхъ имъ покупкой, на которыхъ дѣлалъ прогулки по Финскому заливу. Съ хорошей стороны обрисовывается личность Георгія въ дѣлѣ объ освобожденіи духовенства отъ банныхъ пошлинъ. Въ то время, какъ Синодъ рѣшительно недоумѣвалъ, что дѣлать съ этой неожиданно стрясшейся надъ духовенствомъ бѣдой, Георгій рѣшился отъ себя лично ходатайствовать объ освобожденіи духовенства отъ банныхъ пошлинъ предъ могущественнымъ Андреемъ Ивановичемъ Ушаковымъ. Трогательное и сильно написанное, письмо его къ Ушакову напечатано полностію въ VIII томѣ (стр. 237).

Въ дѣлахъ, гдѣ фигурируетъ личность Нижегородскаго архіепископа Питирима, предъ нами являются ярко нарисованныя черты характера этого іерарха-крестьянина: самая неискусная, прямолинейными чертами и прописными все буквами начертанная, подпись (ПИТИРИМЪ АРХІЕПИСКОПЪ...) его имени на дѣлахъ, показываетъ, что не часто въ своей жизни бралъ онъ въ руки перо... Но въ то же время въ его резолюціяхъ видѣнъ человѣкъ большого практическаго ума и сильнаго характера, человѣкъ такъ сказать созданный быть администраторомъ. Онъ—всегда точный, строгій и аккуратный блюститель закона. По случаю отъѣзда Синода въ Москву оставленный одинъ въ С.-Петербургѣ съ званіемъ управляющаго Синодальной канцеляріей и съ правомъ вершить дѣла меньшей важности, онъ всегда во всякое дѣло вникаетъ самъ лично; его резолюціи точны, строго-опредѣлительны и всегда самымъ тщательнымъ образомъ обоснованы. Нѣкоторые виды его резолюцій, въ однородныхъ дѣлахъ повторяющіеся всегда въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, сдѣлались такъ сказать стереотипами на долгое время. Таковы, напримѣръ, резолюціи о погребеніи умершихъ безъ причащенія, о покормежныхъ письмахъ, о принятіи въ церковь иновѣрцевъ. По отношенію къ высшимъ правительственнымъ сферамъ Питиримъ держитъ себя съ замѣчательною самостоятельностію: такъ онъ не затруднился выслать изъ С.-Петербурга за неимѣніе при себѣ священнической ставленной граматы одного священника, несмотря на то, что этотъ священникъ по словесному указу самого императора, совершалъ священнослуженіе въ домѣ камердинера его величества Петра Ѳедоровича Полева, въ домѣ котораго и жилъ, а также въ домахъ князя М. М. Голицына и камергера Балка. Подобнымъ образомъ, когда донесено было Синоду, что попъ церкви охтенскихъ слободъ Еремей Григорьевъ, 1 августа, на утрени, не износилъ на середину церкви креста для поклоненія молящимся, Питиримъ подвергъ виновнаго строгому взысканію несмотря на то, что о. Еремей ссылался на покровительство ему царицы Парасковьи Ѳедоровны и царевенъ Екатерины и Параскевы Іоанновнъ, при домѣ которыхъ онъ служилъ прежде.

III.

Государственные сановники временъ Петра II.—Меншиковъ.—Количество отобранныхъ въ его пользу отъ монастырей имѣній.—Надѣинское Усолье.—Судія дома князя Меншикова.—П. И. Ягужинскій и Капустянская земля.—Оберъ-гофмейстеръ Олсуфьевъ и Посняковцы.—Генералъ-маіоръ Синявинъ.—Баронъ Шафировъ.

Послѣ ссылки Меншикова, все его имущество, движимое и недвижимое, было отписано на императорское величество. Такъ какъ за бывшимъ временщикомъ и правителемъ государства оказалось

не мало долговъ, то для разсмотрѣнія долговыхъ претензій учреждена была особая комиссія изъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Зыбина и совѣтника Докуковскаго. При разборѣ дѣлъ въ этой комиссіи оказалось, что громадное количество земельныхъ владѣній, принадлежавшихъ ему, было отобрано въ его пользу отъ монастырей, по особымъ указамъ Петра I. Верховный Тайный Совѣтъ 10 февраля 1728 г. опредѣлилъ эти имѣнія не писать на имя его величества, а возвратить монастырямъ, отъ которыхъ они отобраны. Отъ монастырей чрезъ Синодъ затребованы были подробныя вѣдомости объ этихъ имѣніяхъ, съ обозначеніемъ получавшихся съ нихъ доходовъ—хлѣбныхъ, денежныхъ и иныхъ. Хотя такія вѣдомости въ 1728 г. были получены и не изъ всѣхъ монастырей, тѣмъ не менѣе и онѣ поражаютъ громадностію количества земель и доходовъ съ нихъ, взятыхъ въ пользу Меншикова отъ монастырей. Оказалось, что отъ восьми изъ наиболѣе богатыхъ монастырей государства — Троицко-Сергіева, Волоколамскаго, Саввина, Симонова, Чудова, Новоспасскаго — отобраны были и подарены Меншикову лучшія ихъ владѣнія. Отъ Новгородскаго Деревяницкаго монастыря была взята на него вся Грўзинская волость (знаменитое въ послѣдствіи Аракчеевское Грўзино съ деревнями). Хотя въ указахъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ владѣній говорилось, что они отдаются Меншикову въ замѣнъ взятыхъ отъ него его земель въ Ингерманландіи, но и эти послѣднія оставались въ его же владѣніи... Болѣе подробныя свѣдѣнія сообщаются — въ присланныхъ въ Синодъ доношеніяхъ—о богатѣйшихъ владѣніяхъ Саввина монастыря въ Поволжьѣ, именно о рыбныхъ ловляхъ, мельницахъ, соляныхъ варницахъ, съ большимъ количествомъ крестьянскихъ и работничьихъ поселеній, селъ и деревень, слободъ и слободокъ. Между ними первое мѣсто занимало Надѣинское Усолье, въ мѣстности, прилегавшей къ Жигулевымъ горамъ. Въ этомъ Усольѣ находился деревянный городокъ, обнесенный стѣнами; въ немъ хранились еще вооруженіе и снаряды, которыми городокъ защищалъ нѣкогда мѣстность эту отъ набѣговъ окрестныхъ инородцевъ: пять пищалей мѣдныхъ разной величины — отъ 19 пудовъ и 10 фунтовъ, до 33 фунтовъ, пять пищалей желѣзныхъ, 30 пищалей ручныхъ, 77 ядеръ разныхъ статей, 40 копій съ древками, знамена, одно желтое, да два кумачныхъ. Вблизи городка находилось соляное озеро, при которомъ устроены были соляныя варницы, выдѣлывавшія соль какъ на потребу мѣстныхъ жителей и для продажи, такъ, главнымъ образомъ, для посолки громаднаго количества рыбы, вылавливаемой въ принадлежавшихъ городку рыбныхъ ловляхъ на Волгѣ, тянувшихся на десятки верстъ. Какъ велико было количество добываемыхъ на рыбныхъ ловляхъ Надѣинскаго Усолья рыбныхъ продуктовъ, видно изъ того, что въ 1701 году, напримѣръ, кромѣ доходовъ отъ продажи на мѣстѣ,

кромѣ того, что раздавалось сотнямъ мѣстныхъ рабочихъ на ихъ обычное содержаніе, несмотря на необычайно дешевыя въ то время цѣны на рыбные продукты, отъ продажи ихъ въ Москвѣ и Нижнемъ получено было 3,449 рублей, а въ 1702 году—4230 рублей. Для исторіи государственнаго хозяйства въ Россіи любопытно въ дѣлѣ исчисленіе видовъ вылавлившейся рыбы и изготовляемыхъ на мѣстѣ разныхъ рыбныхъ продуктовъ: ловились стерлядь, лещь, лосось, щука, судакъ, жерехъ, бѣлуги матерыя, мѣрныя (до 15 четвертей) и полумѣрныя, осетры, сомы, севрюга, бѣлорыбица и проч. Изъ рыбныхъ продуктовъ въ сараяхъ хранились громадные запасы вязиги (напримѣръ однажды, послѣ продажи въ Нижнемъ и Москвѣ, ея оставалось еще въ сараяхъ 11,500 пучковъ), «брани», (76 «мтинъ»), икры зернистой—осетровой, севрюжьей и бѣлужьей—36 бочекъ, «отвороту» 19 мтинъ, кавардаку осетроваго и бѣлужьяго 2 лагуна, клея бѣлужьяго и осетроваго 20 пудовъ, тешъ межупольныхъ осетровыхъ 8030, горлышекъ бѣлужьихъ и осетровыхъ 15 пудовъ, пупковъ бѣлужьихъ и осетровыхъ 255. Это была добыча рыбныхъ ловель одного Надѣинскаго-Усолья, простиравшихся на 35 верстъ. Затѣмъ сюда же принадлежали рыбные ловли, количество улова которыхъ не обозначено, именно Самарскія и Васильчиковскія, тянувшіяся на 15 верстъ, да ловли Лопатинскія, тянувшіяся на 22 версты. Кромѣ городка, около него было шесть селъ, изъ которыхъ въ одной Жегулевкѣ однихъ рабочихъ числилось 205 человѣкъ. Эти села владѣли 42,387 четями земли въ полѣ, а въ дву по тому жъ; кромѣ того, большая часть крестьянъ упомянутыхъ селъ платила денежный оброкъ. Наконецъ, къ этой же мѣстности, принадлежавшей прежде Саввину монастырю, а потомъ отданной Меншикову, принадлежали громадные лѣса: Муромскаго бору (т. е. самаго крупнаго хвойнаго лѣса) было на 27 верстъ въ длину и на 3 версты въ ширину, ягоднаго бору—на 20 верстъ въ длину и на 3 въ ширину; усинскаго (?) бору 20 верстъ въ длину и 3 версты въ ширину; лѣса при болотахъ въ длину 7 верстъ и въ ширину 6 верстъ. Сѣна на всѣхъ этихъ земляхъ сбиралось въ годъ 20,750 копенъ. Менѣе подробныя свѣдѣнія сообщаются о бывшихъ собственностью Меншикова земельныхъ владѣніяхъ другихъ вышеисчисленныхъ монастырей. Отъ Новоспасскаго монастыря отобраны были въ пользу Меншикова Игринскія рыбныя ловли на Волгѣ, въ Саратовскомъ уѣздѣ, и Игринскій юртъ съ угодьями. Съ рыбныхъ ловель, когда онѣ были еще во владѣніи монастыря, получалось дохода 2,620 руб., не считая рыбы, отсылавшейся въ монастырь на продовольствіе его. Съ земель Игринскаго юрта—пространствомъ «безъ мѣры» и съ поселенныхъ на нихъ крестьянъ да съ земель Налуевскаго городища сбиралось оброка болѣе трехъ сотъ рублей денегъ, кромѣ хлѣба и сѣна. Отъ Новодѣвичьяго монастыря отобрана въ пользу Меншикова Новопречистенская сло-

бода, въ Симбирскомъ уѣздѣ, съ селами, деревнями, рыбными ловлями, съ заводами, всего 796 дворовъ (количество дохода не показано); отъ Чудова монастыря—село Филиповское съ деревнями, дававшее дохода 269 руб., кромѣ сборовъ съ крестьянъ разныхъ продуктовъ натурой; отъ Іосифова—село Спасское съ тремя деревнями, отъ Троицко-Сергіева — село Мамоново и деревня Нѣмчинова, да въ Ладожскомъ уѣздѣ пять селъ и 85 деревень съ рыбными ловлями въ Ладожскомъ озерѣ, и въ Симбирскомъ уѣздѣ—9 селъ и деревень. Деньги, получавшіяся изъ всѣхъ этихъ имѣній отъ продажи рыбы, сѣна, хлѣба, а равно въ видѣ оброковъ, должны были достигать громадной суммы: они отсылались въ Ижорскую канцелярію на имя Меншикова. Къ сказанному слѣдуетъ прибавить, что кромѣ монастырскихъ имѣній, переданныхъ Меншикову въ собственность, ему многія монастырскія земли отданы были въ аренду съ самою незначительною арендною платой, которая, однако, съ него не была получена ни разу.

Необычайное обиліе недвижимыхъ имѣній Меншикова требовало особой организаціи управленія ими. И дѣйствительно, у него была особая «домовая канцелярія» въ Москвѣ, въ которой, какъ мы видѣли, засѣдалъ сынъ духовника царицы Евдокіи, Новгородовъ; этими же имѣніями завѣдывала и Ижорская Канцелярія—правительственное учрежденіе, на половину занятое личными дѣлами Меншикова—завѣдываніемъ сборомъ доходовъ съ его имѣній. Кромѣ того, при немъ состоялъ «судія» его дома, сфера дѣятельности котораго изъ дѣлъ не ясна. Изъ списка имущества скоропостижно умершаго, въ 1728 году, вслѣдъ за ссылкою Меншикова, судіи его дома, Ивана Борисова, мы знакомимся отчасти съ тѣмъ положеніемъ, какое занималъ этотъ «судія» въ домѣ. Послѣ его смерти оказались въ его домѣ между прочимъ: панагія серебряная, съ мощами внутри, съ 15 изумрудами; панагія финифтяная, обложенная золотомъ; замочекъ золотой, золотая вещь персидская съ всадникомъ, украшенная алмазами, два золотыхъ перстня съ алмазами и яхонтомъ; сердечко съ алмазами; золотая запонка сердечкомъ съ алмазами; 69 комплектовъ серебряныхъ вещей—стопъ, кружекъ, стакановъ, чайниковъ, чарокъ, тарелокъ, подносовъ, кофейниковъ, чернильницъ, солонокъ, чашъ, шандаловъ, чайныхъ сервизовъ, двѣ дюжины ложекъ, фляжки, шпага съ эфесомъ, литымъ изъ серебра, кортикъ такой же и проч., кусокъ моржоваго зуба, 31 пуговицы, облитыя серебромъ; 70 рублей серебряныхъ русскихъ, 14 ефимковъ, нѣмецкихъ монетъ разныхъ сортовъ на 259 р., пистолетъ, два мушкатона, нѣсколько комплектовъ роскошной одежды—кафтановъ, камзоловъ, епанчей, шубъ, неотдѣланныхъ мѣховъ лисьихъ, рысьихъ и др., 20 рубахъ голландскаго полотна, кошелекъ парчевой съ вензелемъ его величества и т. д. Такой разнохарактерный составъ богатства судіи даетъ понять, что ис-

численныя вещи едвали были покупныя,—все это были, по всей вѣроятности, подношенія отъ лицъ, чрезъ него получавшихъ милости отъ Меншикова. До какой степени доходила власть Меншикова и какъ старались угождать ему всѣ, показываетъ между прочимъ тотъ фактъ, что даже такія лица, какъ ярославскій оберъ-комендантъ Нелединскій-Мелецкій, Юрій Степановичъ, «по указу князя Меншикова» отыскиваетъ для него и препровождаетъ ему въ собственность найденнаго имъ особенно искуснаго пивовара (12). Наконецъ, стòитъ здѣсь отмѣтить для характеристики Меншикова и то, что среди самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, занятый борьбою съ враждебными ему партіями и управленіемъ государствомъ Меншиковъ находитъ время для такихъ дѣлъ, какъ непосредственное сношеніе съ Синодомъ о погребеніи утонувшаго близь его дачи дьячка, объ опредѣленіи къ петербургскимъ церквамъ дьячка, пономаря и священника.

Попользоваться церковными землями, если не совершенно даромъ, то за ничтожную арендную плату, воспользовавшись благорасположеніемъ членовъ синодальной Коллегіи Экономіи, людей свѣтскихъ, державшихъ себя довольно самостоятельно въ отношеніи къ синодальнымъ членамъ архіереямъ, не прочь были и другіе вельможи и сановники того времени. Таковъ былъ, напримѣръ, П. И. Ягужинскій. Въ Московскомъ уѣздѣ былъ старинный погостъ Капустинской, въ которомъ церковь сгорѣла сто лѣтъ тому назадъ. Вмѣсто сгорѣвшей церкви построена была новая, но уже не въ Капустинскомъ, а въ сосѣднемъ селѣ Скобѣевѣ. Земли Капустинской церкви, долго остававшіяся впустѣ, были приписаны къ новой цéркви и причту велѣно было владѣть ими изъ оброка. Причтъ не воспользовался этимъ правомъ, пользуясь за свои службы жалованьемъ и ругой отъ помѣщика села Скобѣева, которому взамѣнъ того предоставлялъ пользоваться тѣми землями. Въ 1728 г. генералъ-аншефъ Ягужинскій подалъ въ Синодальный Казенный Приказъ прошеніе, въ которомъ доказывалъ, что Капустинская земля—пустовая, и просилъ отдать ему ее въ вѣчное владѣніе изъ оброка, указывая на то, что земля та смежная съ его владѣніями. Хотя владѣлецъ Скобѣева, гость, «ревельскихъ школъ ученикъ» (любопытно, что въ 1728 г. въ центрѣ Россіи находился землевладѣлецъ-купецъ, получившій образованіе въ ревельскихъ школахъ), Петръ Юрьевъ доказывалъ, что Капустинская земля не пустовая, такъ какъ ею еще сто лѣтъ тому назадъ владѣли его, Юрьева, дѣдъ и прадѣдъ, и не смежная съ землями Ягужинскаго, такъ какъ находится какъ разъ посреди его, Юрьева, владѣній, Синодальный Казенный Приказъ нашелъ возможнымъ согласиться съ Ягужинскимъ въ томъ, что земля та пустовая, и опредѣлилъ объявить публичный торгъ на оброчное владѣніе тою землею, на чтò далъ согласіе и причтъ (яко бы по невѣдѣнію), заявившій, что

земля та ему ненадобна. Несмотря на протесты Юрьева торгъ состоялся; дѣло устроено было такъ, что кромѣ довѣреннаго Ягужинскаго на торгъ никто не явился,—пришелъ лишь, по неволѣ, одинъ Юрьевъ. Примѣнительно къ статьѣ адмиралтейскаго регламента, въ присутственной комнатѣ Казеннаго Синодальнаго Приказа зажжена была свѣча, во время горѣнія которой торговались двое—Юрьевъ и довѣренный Ягужинскаго. Когда свѣча погасла, послѣднею объявленною цѣною осталась цѣна Юрьева; но пока отъ погасшей свѣтильни курился дымъ, довѣренный Ягужинскаго надбавилъ четыре деньги, и секретарь объявилъ землю оставшеюся за Ягужинскимъ. Синодъ назначилъ новый торгъ при горѣніи свѣчи. Юрьевъ просилъ не назначать вновь торга, объясняя, что если земля та будетъ отдана въ оброчное владѣніе, то причту церкви нечѣмъ будетъ питаться. Ягужинскій съ своей стороны также утверждалъ, что въ новомъ торгѣ нѣтъ надобности, такъ какъ послѣднею объявленною цѣною при горѣніи свѣчи была цѣна его, Ягужинскаго, чтò могутъ засвидѣтельствовать бывшіе при этомъ, между прочимъ, лакей его величества князь Чармандѣевъ. Разсмотрѣвъ вновь дѣло, Синодъ нашелъ, что землею долженъ пользоваться причтъ, а если онъ не пользуется ею, то ею долженъ владѣть Юрьевъ съ платою того оброка, который долженъ былъ платить причтъ. Тогда за Ягужинскаго вступился оберъ-прокуроръ Синода Баскаковъ. Въ доношеніи Синоду онъ доказывалъ, что послѣдняя резолюція Синода учинена «не по силѣ указовъ», такъ какъ по всѣмъ обстоятельствамъ торгъ на ту землю произведенъ былъ правильно, и по торгѣ земля, по силѣ законовъ, должна быть признана оставшеюся за Ягужинскимъ. Этотъ протестъ оберъ-прокурора не только остался безъ послѣдствій, но когда секретарь занесъ было его въ протоколъ, то, согласно мнѣнію Леонида, епископа Сарскаго, такое внесеніе было признано «излишествомъ», за которое секретари, Анфимовъ и Замятнинъ, и канцеляристъ Лодыгинъ привлечены были къ отвѣтственности и должны были просить прощенія. Протоколъ былъ написанъ вновь безъ внесенія въ него мнѣнія оберъ-прокурора. Земля была отдана во владѣніе причту Скобѣевской церкви, на чтò выдана была ему «данная», съ тѣмъ, что если самъ онъ владѣть тою землею не захочетъ, то можетъ отдать ее въ пользованіе Юрьеву, который въ такомъ случаѣ долженъ вносить за землю оброкъ въ размѣрѣ 50 руб. и кромѣ того выдавать причту ругу. Этотъ фактъ достаточно характеризуетъ ту самостоятельность, съ какою держалъ себя Синодъ по отношенію какъ къ своему оберъ-прокурору, такъ и къ одному изъ самыхъ крупныхъ сановниковъ того времени.

Столь же самостоятельно и еще болѣе энергически отнесся св. Синодъ въ подобномъ же случаѣ къ другому вельможѣ, оберъ-гофмейстеру Олсуфьеву, которому Петръ I именнымъ своимъ ука-

зомъ подарилъ богатое село Рождествено въ Мало-Ярославецкомъ уѣздѣ, а Патріаршій Дворцовый Приказъ (по приговору князя Петра Ив. Прозоровскаго) отдалъ «для охраненія (!) отъ смежныхъ помѣщиковъ» смежныя съ его сельцомъ Собакинымъ синодальныя села Посниково и Марушино (въ Московскомъ уѣздѣ). Олсуфьевъ въ 1728 году обратился въ Синодъ съ доношеніемъ, въ которомъ объяснялъ, что въ означенныхъ селахъ съ 1722 по 1728 гг. былъ ежегодно скотскій падежъ и хлѣбный недородъ, почему и просилъ, за силою указа отъ 22 мая 1724 г. о невзыскиваніи съ него оброка за эти годы (въ количествѣ 101 р. деньгами и 468 четвертей хлѣбомъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ Олсуфьевъ просилъ о дачѣ ему выписей съ крѣпостей, а также писцовыхъ и межевыхъ книгъ на эти земли. Св. Синодъ нашелъ, что указъ отъ 22 мая 1724 г. не относится къ дѣлу, такъ какъ въ немъ рѣчь идетъ о государственныхъ сборахъ, а не о помѣщичьемъ доходѣ, и постановилъ взыскивать съ него упомянутую недоимку неослабно, а если онъ платить ее не будетъ, то держать подъ арестомъ людей его. Что касается просьбы его о дачѣ ему крѣпостей на тѣ деревни,—чрезъ что̀ эти деревни, данныя ему лишь для охраненія, обратились бы въ его крѣпостныя вотчины,—то Синодъ не только отказалъ ему въ этомъ, но и опредѣлилъ взять тѣ земли отъ него обратно въ вѣдѣніе синодальнаго дома, самую отдачу ему тѣхъ деревень Прозоровскимъ признавъ неправильною. Крестьяне упомянутыхъ деревень, узнавъ о домогательствѣ Олсуфьева обратить ихъ въ своихъ крѣпостныхъ, подали въ Синодъ жалобу на разныя обиды имъ отъ Олсуфьева. За оброчныя деньги и хлѣбъ Олсуфьевъ отбиралъ у нихъ скотъ и возвращалъ имъ оный не иначе, какъ за выкупъ, бралъ съ нихъ на свои подводы до С.-Петербурга по 2 р. съ двора, за столовые запасы для себя бралъ отъ нихъ по два барана, по четыре гуся, по четыре курицы и по 40 яицъ съ двора, каковой запасъ крестьяне отправляли ему въ С.-Петербургъ на своихъ подводахъ, обходившихся по 8 р. съ двора; кромѣ того, они отвозили его собственный хлѣбъ на своихъ подводахъ — по двѣ съ двора — до Твери, а отъ Твери до С.-Петербурга на стругахъ, наемъ которыхъ имъ обходился по 2 р. съ двора; съ новоженившихся онъ бралъ «куничнаго» по 1 р., за дѣвокъ, отдаваемыхъ на сторону, бралъ выводныхъ по пяти рублей, а иныхъ дѣвокъ бралъ за своихъ крестьянъ насильно; четыре года гонялъ ихъ, крестьянъ, всѣхъ мужчинъ поголовно, въ страдную пору для работы на свои земли въ село Рождествено; они же расчистили ему земли 60 десятинъ при селѣ Собакинѣ, да возили ему въ это село лѣсъ верстъ за двадцать; за хлѣбъ, который онъ давалъ имъ на сѣмена, бралъ роста по полуосьминѣ за четверть; они же платили за него въ Печатный Приказъ пошлины по 3 р. въ годъ и т. д. Наконецъ, крестьяне указывали и на то, что двое изъ нихъ были убиты на землѣ Олсуфьева.

Это прошеніе посниковцевъ знакомитъ насъ вообще съ положеніемъ монастырскихъ крестьянъ, находившихся во владѣніи помѣщиковъ. Оно было нисколько не лучше, если не хуже чѣмъ положеніе монастырскихъ крестьянъ, управляемыхъ монастырскими стряпчими изъ свѣтскихъ.

Генералъ-маіору Ульяну Синявину въ 1727 г. высочайшимъ именнымъ указомъ пожалованы были въ вѣчное и потомственное владѣніе въ Тамбовскомъ уѣздѣ, село Преображенское и Архангельское, съ деревнями, принадлежавшія Николаевскому Солотчинскому монастырю.

Когда Синявинъ явился вступить во владѣніе этими деревнями, крестьяне ихъ, подъ предсѣдательствомъ мѣстныхъ священниковъ, открыли настоящій вооруженный бунтъ противъ новопожалованнаго имъ помѣщика. Въ дополненіи Синоду Синявинъ такъ описываетъ дѣло. «... Крестьяне тѣхъ деревень, умысля воровски, посланныхъ его людей изъ тѣхъ селъ бивъ выбили, почему изъ Тамбова и даже Москвы по прошенію синодальной коллегіи экономіи высланы были въ тѣ села солдаты и драгуны. Но крестьяне, собравшись человѣкъ съ двѣсти и болѣе, съ ружьями, копьями и сайдаками, поручика съ командой въ свои села не пустили, разобравъ на рѣкѣ два моста, затѣмъ стали стрѣлять и многихъ постреляли, и кричали, что не сдадутся и побьютъ всѣхъ до смерти. Попъ села Архангельскаго въ это время пѣлъ молебенъ и выходилъ на паперть съ крестьянскими женами и дѣтьми, убѣждая крестьянъ тѣхъ посланныхъ побить, а дьячки находились при крестьянахъ и ихъ къ бунту наущали. Въ Преображенскомъ другой попъ въ это время въ церкви приводилъ крестьянъ къ присягѣ въ томъ, чтобы посланныхъ солдатъ и Синявина бить до смерти и Синявину послушными не быть»... (№ 4). Въ это самое время Солотчинскій монастырь изъ всѣхъ силъ хлопоталъ и въ Синодѣ и въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ о возвращеніи упомянутыхъ селъ монастырю, который безъ нихъ пришелъ бы во всеконечную скудость.

Синявинъ, съ своей стороны, крѣпко держался за свое «пожалованіе»: села давали, не говоря о сборахъ съ крестьянъ натурой, одного денежнаго оброка 276 р.,—сумма по тому времени не маленькая. Изъ настоящаго тома не видно, чѣмъ кончилось дѣло,— возвратилъ ли монастырь себѣ свою собственность, или она осталась во владѣніи Синявина.

О баронѣ Петрѣ Павловичѣ Шафировѣ въ 1728 г. въ Синодѣ производилось одно дѣло, которое отчасти характеризуетъ положеніе бывшаго вице-канцлера императора Петра I, при Петрѣ II, а главнымъ образомъ знакомитъ съ взаимными отношеніями духовной и свѣтской властей въ половинѣ 1728 года. Столярный мастеръ синодальнаго дома Гавриловъ вошелъ въ Синодъ проше-

ніемъ, въ которомъ жаловался, что, сдѣлавъ столярную работу въ домѣ Шафирова, не получилъ за нее платы, и когда затѣмъ отказался явиться въ его домъ для новыхъ работъ, то Шафировъ, придя къ нему въ домъ съ своими людьми, разломалъ въ немъ двери и сѣни, билъ жену его смертнымъ боемъ, а больную тещу хотѣлъ заколоть шпагой; забралъ къ себѣ всѣ его инструменты и приготовленный для подѣлокъ лѣсъ, наконецъ, насильно взялъ къ себѣ его жену съ двумя работниками и держитъ ихъ у себя въ пустой избѣ. Синодъ отправилъ вѣдѣніе въ Сенатъ, въ которомъ предлагалъ, изслѣдовавъ дѣло, учинить довольство обиженному, и просилъ запретить указомъ, чтобы впредь свѣтскіе люди людямъ синодальнаго вѣдомства обидъ не чинили, «понеже св. Синоду зѣло удивительно, что баронъ, человѣкъ не незнающій, но сущій на состоявшіеся указы вѣдущая особа, и въ характерѣ не послѣднемъ состоящая, которому честь свою хранить надлежитъ, такъ дерзновенно отважился на такого подлаго человѣка, нигдѣ не прося суда, не разсуждая, что за своевольные въ чужіе домы приходы имѣетъ быть, какого бы онъ чина ни былъ, указная сатисфакція. А такъ какъ отъ той бароновой продерзости синодальному правительству нанеслось немалое уничтоженіе, ибо и прочіе, смотря на него, синодальнымъ подчиненнымъ, не токмо подлымъ, но и въ рангахъ, обиды безопасно чинить могутъ: то Синодъ требуетъ отъ барона указной сатисфакціи, и что учинено будетъ о томъ просить сообщить». Сенатъ на это отвѣчалъ, что всякія обиды не однимъ синодальнымъ подчиненнымъ, но и прочимъ всякимъ людямъ, тяжки, но обидимымъ на обидчиковъ слѣдуетъ жаловаться въ учрежденныхъ судахъ, гдѣ разбирательство жалобъ производится по формѣ, и лишь когда въ этихъ судахъ не будетъ оказано справедливости слѣдуетъ жаловаться въ Сенатъ. Тогда Синодъ постановилъ: «Гаврилову на Шафирова жаловаться, гдѣ надлежитъ въ свѣтской командѣ». Шафировъ съ своей стороны въ доношеніи Синоду изъявлялъ неудовольствіе на то, что Синодъ по жалобѣ Гаврилова не опросилъ ни его, Шафирова, ни указанныхъ Гавриловымъ свидѣтелей, повѣрилъ доносу клеветника и отнесся прямо въ Сенатъ: не онъ, Шафировъ, виноватъ, а самъ Гавриловъ, который забравъ впередъ деньги за работу, отказался ее исполнить, и, предупреждая на него, плута, жалобу Шафирова, пожаловался на барона въ Синодъ. Синоду не слѣдовало вѣрить клеветамъ подлаго человѣка на него, барона, яко заслуженнаго и большей части членовъ Синода извѣстнаго по вѣрной службѣ его величеству, почему онъ, баронъ, проситъ учинить ему отъ онаго клеветника оборону... Для того, чтобы понять этотъ фактъ, слѣдуетъ вспомнить, что Шафировъ былъ злѣйшій врагъ Меншикова и сильно былъ не любимъ Остерманомъ, который его опасался. Меншиковъ въ это время (жалоба Гаврилова подана 11-го сентября

1728 г.) уже палъ, но Остерманъ былъ въ силѣ. Ѳеофанъ дружилъ съ Остерманомъ и радъ былъ случаю сдѣлать непріятность его недругу,—этимъ и объясняется дѣйствительно несовсѣмъ легальное отношеніе Синода къ Шафирову по поводу жалобы Гаврилова (529).

Н. Барсовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

РАСКОПКИ КУРГАНОВЪ ВЪ БАССЕЙНѢ РѢКЪ ОРЕЛИ И САМАРИ.

Несмотря на то, что русская археологія возникла лишь въ весьма недавшее время, можно сказать на нашихъ глазахъ, тѣмъ не менѣе результаты, добытые наиболѣе дѣятельными и усердными представителями этой науки, приводятъ къ весьма богатымъ и иногда совершенно неожиданнымъ заключеніямъ въ той или другой области, того или другого народа. Въ особенности это относится къ дѣятельности тѣхъ археологовъ, которые взяли на себя трудъ раскопокъ кургановъ, городищъ и урочищъ. Стоитъ только познакомиться съ дневниками раскопокъ графа Уварова, Забѣлина, Люценка, Антоновича, Самоквасова, графа Бобринскаго, князя Путятина, барона Тизенгаузена, генерала Бранденбурга, Ивановскаго и др., чтобы видѣть, какой богатѣйшій матеріалъ для временъ историческихъ и до-историческихъ представляютъ результаты работъ этихъ адептовъ науки о древности. Въ нихъ можно найти данныя—для опредѣленія характера народа, степени умственнаго развитія его, общаго благосостоянія, торговли, ремеслъ, промысловъ; его племеннаго отличія отъ другихъ народовъ, бытовой и военной обстановки, самобытности или заимственности культуры; даже его внѣшняго вида, напримѣръ, роста, цвѣта волосъ, характерныхъ наружныхъ отличій физіономіи и т. п. Однако при всей несомнѣнно важной и полезной дѣятельности названныхъ представителей русской археологіи, все же работы ихъ слишкомъ ничтожны сравнительно съ тѣмъ по истинѣ необозримымъ полемъ, которое открывается для дѣятельности нашихъ археологовъ. Земля наша такъ велика и такъ обильна всякаго рода памятниками старины, что тутъ нужны не десятки, а сотни, даже

Раскопки Орельскаго кургана.

тысячи силъ, и силъ дружныхъ, согласныхъ, направленныхъ къ одной сознательной цѣли, чтобы зачерпнуть хоть ковшъ воды изъ цѣлаго необозримаго, безкрайняго и бездоннаго моря. Работаютъ у насъ и въ южной, и въ средней, и въ сѣверной Россіи, копаютъ у насъ и на Кавказѣ, и въ Крыму, и въ бывшей области тюрко-татаръ, и области полянъ, и въ области сѣверянъ, и въ области финовъ, но все же и по настоящее время въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ остаются такіе непочатые углы, гдѣ или вовсе не ступала или едва только ступала нога археолога.

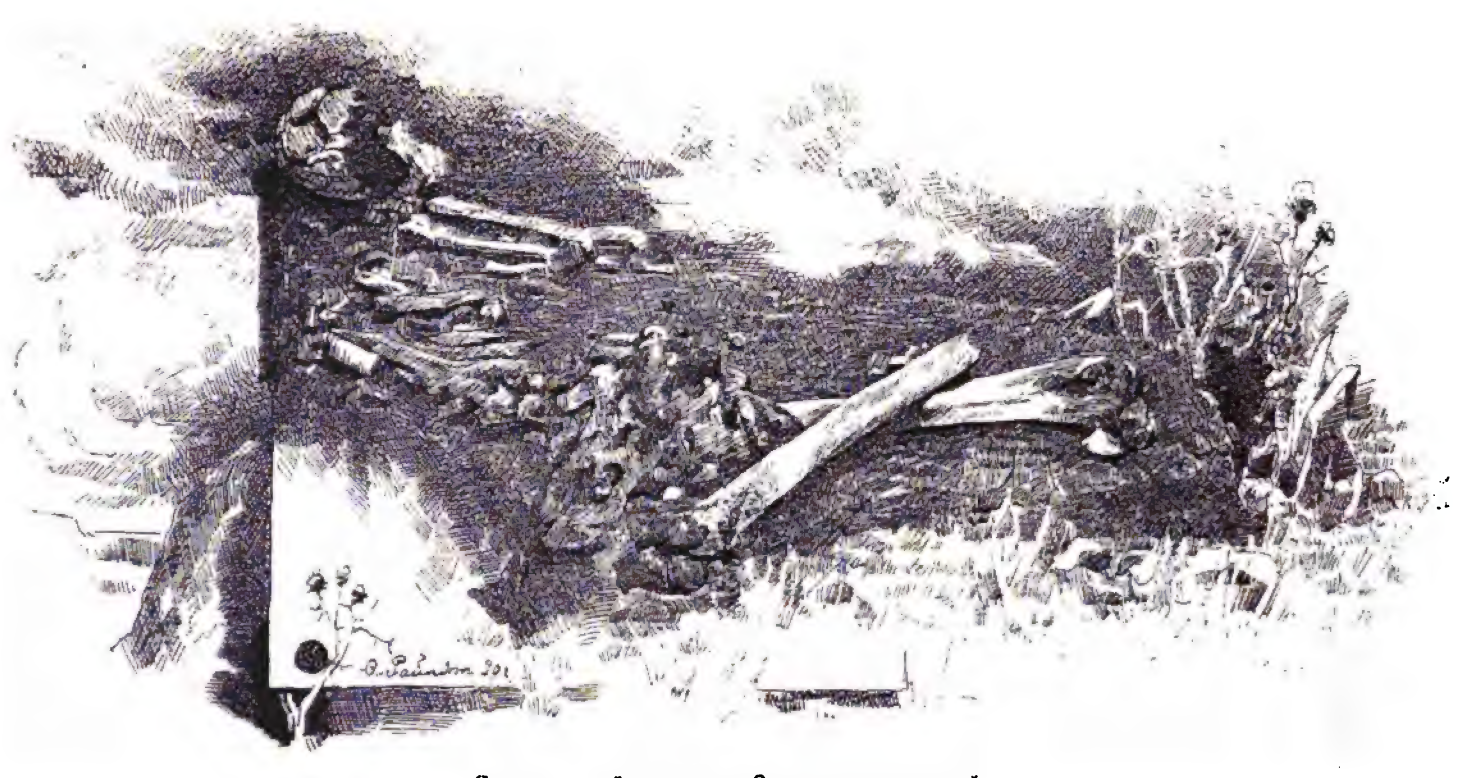
Такова, между прочимъ, цѣлая область земли между лѣвыми притоками Днѣпра, Орелью и Самарью; тутъ, что ни шагъ, то намёкъ на давно минувшую жизнь человѣка. Мы не знаемъ и не можемъ знать, каковы были удобства для жизни первобытнаго человѣка въ мѣстности близь рѣкъ Орели и Самари, но до нѣкоторой степени можно судить о томъ со словъ писателя XVII вѣка, французскаго инженера Гильома де-Боплана, лично бывшаго здѣсь и лично описавшаго эти мѣста. По его словамъ, рѣка Орель столь была богата всякаго рода рыбою, что въ ней рыбаки въ одну тоню вытаскивали до 2,000 рыбъ около фута наибольшей величины, а рѣка Самарь столь изобиловала рыбой, медомъ, воскомъ, дичиной и строевымъ лѣсомъ, что за свое богатство прозвана была святою рѣкою [1]); оттого окрестности Самари запорожскіе казаки называли обѣтованною землей, Палестиною, раемъ божіимъ на землѣ, а самую землю около рѣки—«землею дуже гарною, кветнючею и изобилующею» [2]).

Нѣкогда рѣка Орель служила пограничной чертой между владѣніями украинскихъ и запорожскихъ казаковъ; въ настоящее время она отдѣляетъ собой Полтавскую губернію отъ Екатеринославской съ двумя уѣздами послѣдней—Павлоградскимъ и Новомосковскимъ; вдоль лѣваго низменнаго берега ея тянется мѣстами дубовый лѣсъ, составлявшій еще въ концѣ прошлаго столѣтія сплошное непрерывное пространство отъ половины рѣки и до самаго устья ея [3]). Мѣстные столѣтніе старики разсказываютъ, что въ старину близь рѣки Орели росли такія высокія травы, что они какъ пустятъ бывало въ степь пастись воловъ, то въ другомъ гонѣ и не увидятъ ихъ; а когда ѣдетъ по шляху возъ и свернетъ съ дороги въ сторону, то за травой потомъ и колесъ не выплутаетъ; близь рѣки водились дикія козы, а въ самой рѣкѣ было видимо-невидимо рыбы.

Отсюда понятно, почему близь рѣки Орели разбросано такое множество разнаго рода кургановъ и городищъ: то нѣмые свидѣ-

---

[1]) Бопланъ. «Описаніе Украйны». С.-Петербургъ, 1832, стр. 15—19.
[2]) Ѳеодосій. «Самарско-Николаевскій монастырь», Екатеринославъ, 1873, стр. 8.
[3]) О лѣсахъ по Орели см. «Вольности» Д. И. Эварницкаго, С.-Петербургъ, 1890, стр. 259.

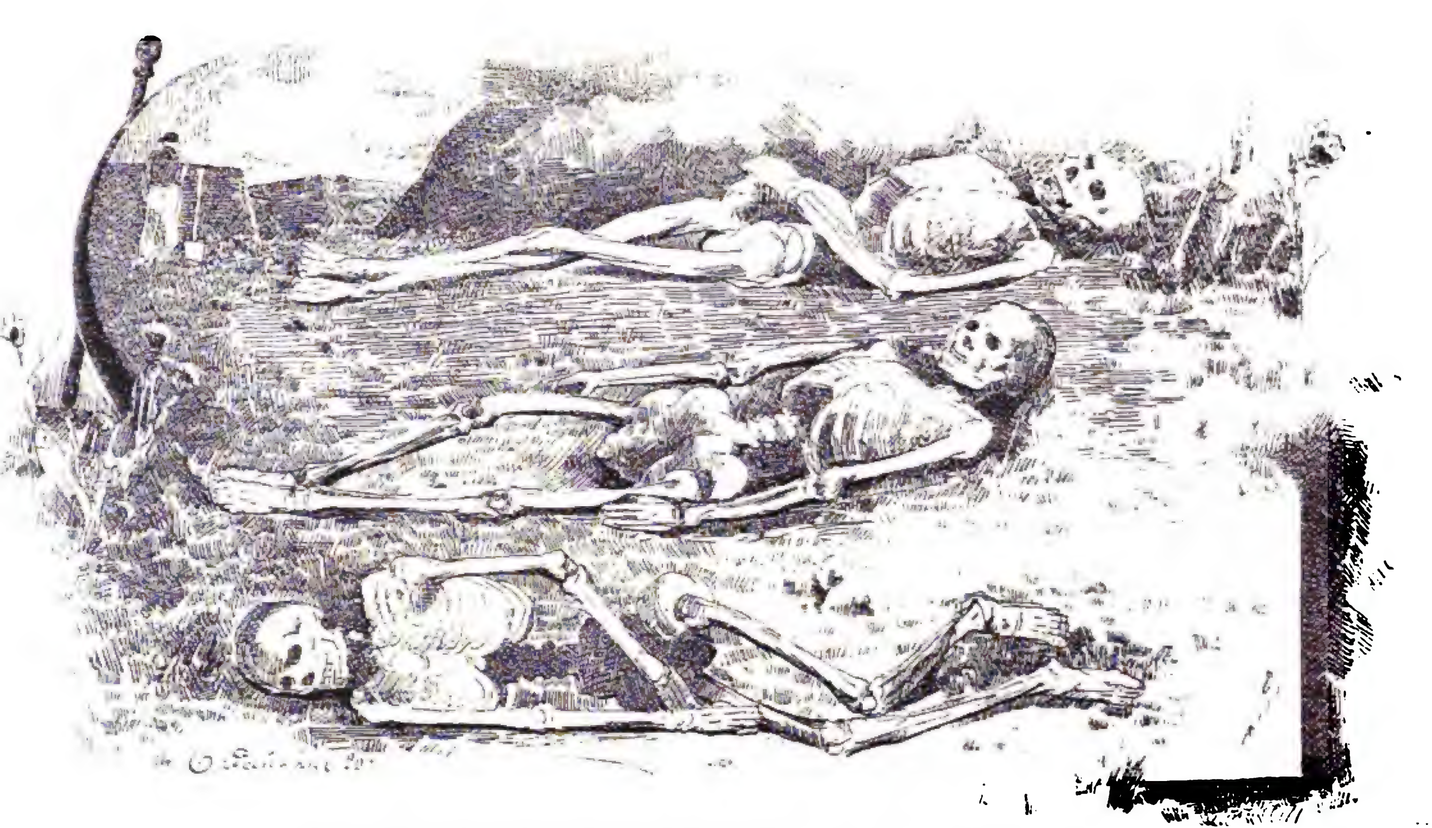

Скелеты, найденные въ Орельскомъ курганѣ.

тели нѣкогда существовавшей здѣсь человѣческой жизни. Внимательный осмотръ всего лѣвобережнаго по-орелья приводитъ къ заключенію, что большинство сооруженныхъ здѣсь кургановъ имѣетъ одинъ, преобладающій надъ другими, типъ. По внѣшнему виду орельскіе курганы напоминаютъ расползшійся, какъ бы придавленный полушаръ, иногда съ присыпкой, въ видѣ длиннаго хвоста съ одной стороны, и всегда состоятъ изъ одной земляной насыпи. Изъ раскопокъ же подобныхъ кургановъ видно, что они относятся къ каменному вѣку такъ называемаго неолитическаго періода; въ нихъ находятся—шлифованные каменные молотки, кремневыя копья, кремневые ножи, скребки, стрѣлки, песчаниковыя круглыя пращи, точильные оселки, ручные известковые жернова, нефритовыя пряслица или кистени, костяные амулеты, глиняные, большею частію яйцевидные съ разными украшеніями, горшки, оранжевые или красные куски глины, каменныя навёртки, каменныя долота и т. п.

Лучшими образцами такихъ кургановъ могутъ служить въ особенности тѣ изъ нихъ, которые находятся близь мѣстечка Котовки, имѣнія владѣльца Георгія Петровича Алексѣева. А наиболѣе интереснымъ изъ котовскихъ кургановъ можно считать курганъ безыменный, находящійся въ полуверстѣ къ югу отъ мѣстной церкви. Курганъ этотъ разрытъ простѣйшимъ и наиболѣе практичнымъ способомъ,—такъ называемой сквозной или открытой траншеей, т. е. широкою канавой, разрѣзывающей курганъ отъ одного конца до другого и оставляющей бока, осунувшіеся отъ времени и потому совсѣмъ нескрывающіе подъ собой никакихъ пережитковъ человѣка.

Въ курганѣ послѣдовательно снято было двѣнадцать слоевъ культурной, т. е. насыпной, земли, каждый слой въ четверть аршина глубины; кромѣ того, вынуто было 2½ аршина земли въ самой могилѣ или такъ называемомъ черномъ пятнѣ, всегда находящемся подъ насыпною землей кургана, въ материкѣ. Въ разрытомъ такимъ образомъ курганѣ найдено было три человѣческихъ скелета въ извѣстныхъ положеніяхъ и при извѣстныхъ аттрибутахъ: одинъ въ культурномъ слоѣ и два въ черномъ пятнѣ. Всѣ три скелета, послѣ тщательной очистки ихъ, оказались вполнѣ сохранившимися и въ общемъ видѣ и въ частяхъ, что̀ составляетъ большую рѣдкость для кургановъ каменнаго вѣка. Первый изъ трехъ скелетовъ положенъ былъ лицомъ вверхъ, въ направленіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу; руки его протянуты вдоль боковъ, ноги широко раздвинуты и нѣсколько изогнуты въ колѣняхъ; въ общемъ же поза скелету дана была такая, точно онъ сидитъ верхомъ на лошади и сжимаетъ ея круглые бока своими дугообразными ногами. Изъ того обстоятельства, что скелетъ зарытъ былъ въ культурномъ слоѣ кургана, а не въ черномъ пятнѣ, и что при немъ не найдено никакихъ вещей, принято думать, что это рабъ-наѣздникъ, задушенный послѣ смерти своего господина и положенный въ верхнихъ

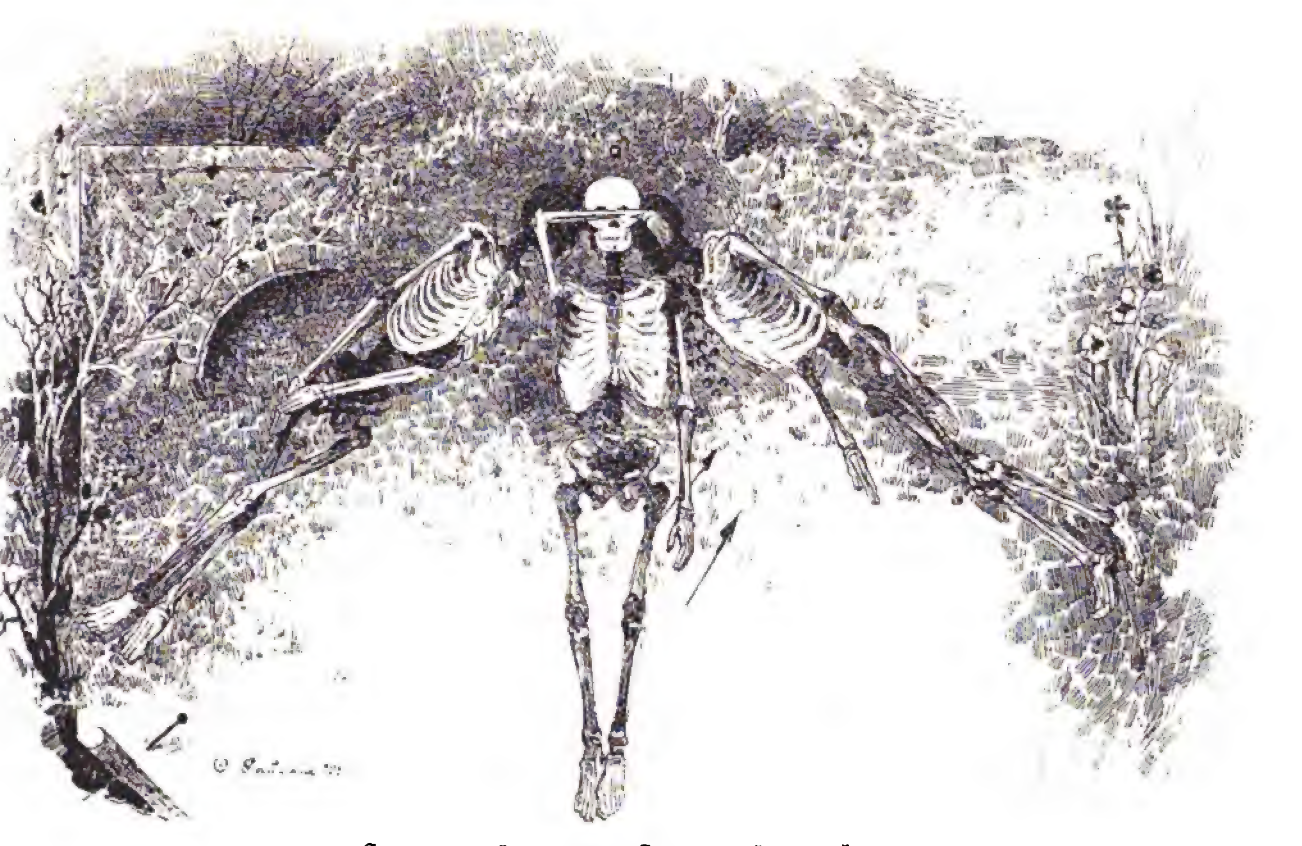

Скелеты каменнаго вѣка по рѣкѣ Орели Екатеринославской губерніи.

слояхъ кургана для охраны своего владыки. Цѣльность кургана и повторяемость подобныхъ похоронъ въ другихъ курганахъ не позволяютъ отдѣлять скелетъ верхнихъ культурныхъ слоевъ отъ скелетовъ чернаго пятна. Два другіе скелета открыты были въ черномъ пятнѣ, на 2½ аршина ниже окружающаго курганъ горизонта глубины, не считая трехъ аршинъ высоты земли, составляющихъ собственно холмъ надъ могилою погребенныхъ покойниковъ. Оба скелета чернаго пятна, зарытые въ направленіи отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, положены были рядомъ одинъ возлѣ другого, правымъ бокомъ внизъ, лѣвымъ вверхъ, отчего выходило, что второй скелетъ обращенъ былъ лицомъ къ спинѣ перваго; правыя руки обоихъ скелетовъ протянуты вдоль правыхъ боковъ, лѣвыя руки положены на нижнюю часть живота, какъ бы для поддерживанія его; ноги обоихъ скелетовъ круто согнуты въ колѣняхъ, подобно тому, какъ сгибаемъ мы свои ноги, ложась на короткую кровать или кушетку. Грудь, лѣвыя руки и ступни ногъ обоихъ скелетовъ окрашены были сухою краскою оранжеваго цвѣта; краска, конечно, положена была въ означенныхъ мѣстахъ на тѣло скелетовъ, но съ теченіемъ времени, когда тѣло сотлѣло, краска сѣла на кости; подъ обоими скелетами открытъ былъ слой берестовой коры, отъ продолжительнаго времени совершенно истлѣвшій и превратившійся въ бѣлое вещество, на подобіе истолченнаго мѣла. Изъ двухъ послѣднихъ скелетовъ одинъ имѣлъ 2 аршина и 12 вершковъ роста, другой нѣсколько меньше того; первый принадлежалъ мужчинѣ, второй, судя по отмѣнной ширинѣ тазовыхъ костей, по особой крутости грудной клѣтки и по мало развитому черепу, принадлежалъ, какъ кажется, женщинѣ; оба скелета, судя по черепу, относятся къ типу длинноголовыхъ или такъ называемыхъ долихокефаловъ; у каждаго изъ скелетовъ необыкновенно развиты надбровныя дуги, почти вертикально поднята носовая кость, особенно выпяченъ наружу подбородокъ и съ обоихъ сторонъ подточены, какъ у жвачныхъ животныхъ, зубы, точно эти люди не ѣли, а растирали пищу. При каждомъ скелетѣ найдены разныя орудія каменнаго вѣка—кремневыя стрѣлки, каменные молотки, известковыя пращи, каменныя ожерелья и т. п., не оставляющія никакого сомнѣнія въ томъ, что открытые въ курганѣ скелеты принадлежали людямъ, жившимъ въ каменномъ вѣкѣ и бывшимъ одними изъ первыхъ населенцевъ теперешней южной Россіи, въ частности теперешней Екатеринославской губерніи.

Подобныхъ кургановъ вскрыто было близь мѣстечка Котовки числомъ 15 и всѣ они заключали въ себѣ остатки костей и бытовыхъ пережитковъ человѣка въ каменномъ вѣкѣ.

Къ востоку отъ рѣки Орели, прямою линіей на разстояніи около 50 верстъ, идетъ, съ сѣвера на югъ, въ рѣку Днѣпръ рѣка Самарь. Уже съ XVI столѣтія черезъ рѣку Самарь пролегалъ знаменитый

Скелеты, найденные въ Самарьской могилѣ.

Муравскій шляхъ, шедшій изъ центра Великороссіи черезъ Украйну и Запорожье въ Крымъ. Въ концѣ XVII вѣка по этому шляху ѣхали въ Бахчисарай для заключенія мира съ крымцами русскіе послы Никита Моисеевичъ Зотовъ и Василій Михайловичъ Тяпкинъ; перешагнувъ Самарь, они занесли въ свой «статейный списокъ» замѣчаніе: «Тамъ звѣря и птицъ, и рыбъ множество... Водъ, и конскихъ кормовъ, и рыбъ, и птицъ, также звѣрей, которыхъ Господь Богъ благословилъ людямъ въ пищу, тамъ довольно» [1]).

Богатство лѣса, изобиліе воды, травы, всякаго рода рыбы, звѣрей, птицъ, позволяютъ думать, что рѣка Самарь уже въ до-историческія времена привлекала къ себѣ разныхъ народовъ, искавшихъ мѣстъ для своихъ кочевищъ преимущественно около воды и лѣса. Доказательствомъ того служитъ множество могилъ, разбросанныхъ вдоль обоихъ береговъ рѣки Самари, въ особенности же въ нижнемъ теченіи ея.

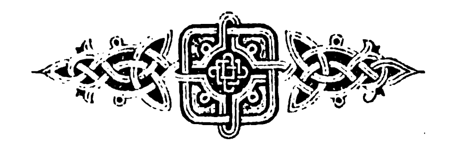
Наиболѣе характернымъ изъ самарскихъ кургановъ можно считать небольшой безыменный курганъ, находящійся на три версты ниже села Вольнаго, нѣкогда запорожской слободы, но послѣ паденія Сѣчи доставшейся извѣстному въ прошломъ столѣтіи строителю каналовъ въ днѣпровскихъ порогахъ Михаилу Фалѣеву. Курганъ этотъ имѣетъ видъ по бокамъ расползшейся, но въ срединѣ приподнятой, могилы, состоитъ изъ одной земляной насыпи, имѣетъ въ окружности десять, а черезъ вершину шесть саженъ. Въ виду незначительности кургана, раскопка его сдѣлана была на сносъ, отъ вершины до основанія. Въ культурной насыпи этого кургана найденъ былъ скелетъ человѣка, положенный головой на востокъ, ногами на западъ и имѣвшій у лѣваго плеча небольшой глиняный, безъ всякихъ украшеній, но хорошо выжженный горшочекъ, наполненный землей въ перемѣшку съ остатками растительной пищи. Въ черномъ пятнѣ кургана найдено было три человѣческихъ скелета, погребенныхъ посредствомъ трупосожженія на легкомъ огнѣ и потому превосходно сохранившихся. Судя по небольшимъ кускамъ дерева, уцѣлѣвшимъ въ могилѣ и расположеннымъ вдоль скелетовъ, можно думать, что они сверху прикрыты были тонкими досками, послѣ того, какъ сожжены были на медленномъ огнѣ. Послѣ тщательной раздѣлки скелетовъ оказалось, что два изъ нихъ положены были въ одну линію, но такимъ образомъ, что головы ихъ сходились вмѣстѣ, а ноги расходились врозь, отчего получался правильный треугольникъ, вершину котораго составляли двѣ головы, а основаніе—четыре ноги; поверхъ этихъ двухъ скелетовъ протянутъ былъ третій скелетъ: голова его покоилась на головахъ первыхъ двухъ, а ноги его между ихъ ногъ. Всѣ три скелета обращены были головами на сѣверо-западъ, ногами на юго-востокъ, лицами

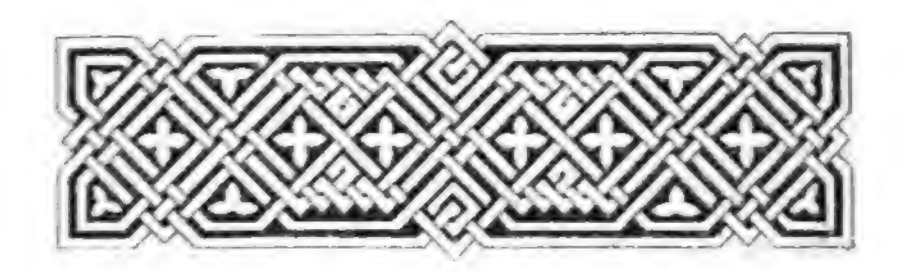
[1]) «Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей», т. II, отд. II и III, 573.

вверхъ. Верхній изъ нихъ имѣлъ два съ половиной аршина длины; лѣвая рука его протянута была вдоль скелета, а правая закинута черезъ лицо къ лѣвому уху, какъ бы для того, чтобы закрыть ею глаза покойнику; судя по черепу, умершій принадлежалъ къ типу короткоголовыхъ или такъ называемыхъ микрокефаловъ; черепъ скелета замѣчателенъ особенною округлостью, а лобъ—особенно высокимъ подъемомъ; зубы въ обѣихъ челюстяхъ сохранились сполна и поражаютъ своею крѣпостью. При скелетѣ найдены: два желѣзныхъ дротика, одинъ съ полусгнившей деревянной ручкой, другой безъ ручки съ заостреннымъ концомъ, одно бронзовое, обложенное сверху золотою пластинкою, кольцо, одиннадцать бронзовыхъ, также обложенныхъ золотыми пластинками, большихъ полуколецъ, одна большая съ ушкомъ бронзовая пряжка и одна янтарная бусинка; кольцо положено было у изголовья скелета, полукольца—у лѣваго плеча, желѣзные дротики—у лѣвой руки, а янтарная буса найдена при просѣиваніи земли на сито послѣ снятія съ мѣста скелета. Изъ двухъ другихъ скелетовъ, лежавшихъ подъ первымъ, одинъ положенъ былъ на лѣвый бокъ; ноги его закинуты одна на другую, руки протянуты вдоль боковъ; вся длина три аршина; по костямъ рукъ, ногъ и позвонковъ видно, что это былъ гигантъ-человѣкъ. Другой скелетъ положенъ былъ на правый бокъ; сохранился онъ гораздо хуже, чѣмъ первый и ростомъ значительно меньше перваго.

Рѣшеніе вопроса—кому принадлежали зарытые въ курганѣ скелеты—пока нужно считать преждевременнымъ въ виду незначительности раскопокъ кургановъ по рѣкѣ Самари. Вообще же принято думать, что золото, янтарь и бронза—необходимые спутники скиоскихъ похоронъ, хотя погребеніе посредствомъ трупосожженія практиковалось и у нашихъ предковъ, славянъ-язычниковъ.

Д. Эварницкій.

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ИЛЛЮСТРИРОВАТЬ ЛЕРМОНТОВА.

Въ ЕВРОПѢ извѣстны давно уже иллюстрированныя изданія классическихъ авторовъ. Шекспиръ, Шиллеръ, Гёте, Гомеръ — иллюстрированы многими, и на разные лады. Иллюстрированныя изданія европейскихъ классиковъ дѣлались толково, основательно, не спѣша, исподоволь издавались отдѣльными выпусками, которые иногда выходили въ свѣтъ въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ... Въ этихъ изданіяхъ поражаетъ нетолько изящество, щегольство исполненія рисунковъ, но и строгая опредѣленность плана, по которому всѣ рисунки и украшенія изданія представляютъ собою художественное цѣлое, въ которомъ полно и ясно, какъ въ зеркалѣ, отражается писатель. Эта художественная полнота и цѣльность иллюстраціи, въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ изданіяхъ классиковъ (въ послѣднее время) были доведены до того, что, пересмотрѣвъ рисунки, въ томъ или другомъ томѣ классика, каждый получаетъ уже вполнѣ ясное понятіе о литературномъ содержаніи тома, о послѣдовательности помѣщенныхъ въ немъ произведеній, даже о связи между отдѣльными главами того или другого произведенія. Такое высокое значеніе иллюстраціи классика, не только какъ художественнаго дополненія, но и какъ выясненія важнѣйшихъ сторонъ его таланта, достигалось въ европейскихъ изданіяхъ классиковъ, конечно, не тѣмъ, что издатели приглашали къ участію въ своемъ трудѣ первоклассныхъ художниковъ, рисовальщиковъ и орнаментистовъ и раздавали имъ темы для рисунковъ, какъ раздаются ученикамъ билеты на экзаменѣ... Такимъ путемъ, конечно, не было бы ни

малѣйшей возможности достигнуть хотя какой-нибудь цѣльности, какого-нибудь художественнаго смысла въ иллюстраціи полнаго собранія сочиненій того или другого автора:—рисунки, не только хорошіе, но даже и прекрасные, такъ и оставались бы рисунками, а текстъ—текстомъ. Изданіе не достигало бы своей цѣли: въ немъ не доставало бы той тѣсной связи между внутреннимъ содержаніемъ автора и приданною ему внѣшнею художественною формою, которая и составляетъ душу такого изданія, и безъ которой томъ классика, безцѣльно и безсмысленно напичканный иллюстраціями, представляется намъ какой-то мертвечиною...

Всѣ эти мысли пришли намъ въ голову по поводу объявленія о приготовлявшемся въ Москвѣ художественномъ изданіи Лермонтова—объявленіи настолько заманчивомъ, что каждый неопытный въ издательскомъ дѣлѣ человѣкъ могъ имъ несомнѣнно увлечься и ожидать отъ «художественнаго изданія товарищества И. Н. Кушнерева и К° и книжнаго магазина П. К. Прянишникова» чего-то весьма изящнаго или по крайней мѣрѣ — красиваго. Въ самомъ дѣлѣ: изданіе Лермонтова, въ которомъ приняли живое участіе такіе художники, какъ Айвазовскій, Васнецовъ (В. М.), Волковъ (Е. Е.), Маковскій (В. Е.), Полѣновъ, Рѣпинъ, Савицкій, Трутовскій и Шишкинъ—о! такое изданіе должно было бы служить, конечно, украшеніемъ для русской литературы и прочнымъ памятникомъ для той фирмы, которой пришла въ голову счастливая мысль иллюстрировать произведенія Лермонтова при помощи нашихъ лучшихъ художественныхъ силъ. Объявленіе объ этомъ изданіи даже въ такой степени было внушительно, что одинъ весьма солидный петербургскій издатель, который собирался приняться за иллюстрированное изданіе Лермонтова и назначалъ на это изданіе крупную сумму — отказался отъ своего намѣренія, прочитавъ объявленіе товарищества И. Н. Кушнерева и К°.

Но для насъ, много лѣтъ жизни посвятившихъ на иллюстрированныя изданія, знакомыхъ довольно близко съ кружкомъ русскихъ художниковъ, замыселъ московской фирмы казался слишкомъ смѣлымъ и почти не исполнимымъ при тѣхъ художественныхъ силахъ, о которыхъ такъ громко возвѣщали объявленія фирмы. Для того, чтобы быть хорошимъ иллюстраторомъ, нѣтъ ни малѣйшей необходимости быть знаменитымъ художникомъ: и, наоборотъ, въ большинствѣ случаевъ, знаменитый художникъ, прославленный своими «холстами», менѣе всего бываетъ способенъ къ украшенію хорошаго изданія хорошею иллюстраціею. Любопытнымъ подтвержденіемъ этой нѣсколько странной истины можетъ служить знаменитый французскій иллюстраторъ Густавъ Дорэ — геніальный, какъ иллюстраторъ, и невозможный, какъ живописецъ... Сверхъ того, въ одномъ изъ забытыхъ портфелей нашихъ, у насъ еще и теперь хранятся неизданныя въ свѣтъ опыты иллюстрацій,

принадлежащія карандашу «знаменитыхъ» художниковъ и приготовлявшіяся нѣкогда для одного сборника, который потому именно и не былъ изданъ въ свѣтъ, что опыты иллюстрацій оказались весьма плохими... Мало того, въ томъ же самомъ портфелѣ, мы тщательно хранимъ цѣлый рядъ рисунковъ, по спеціальному нашему заказу приготовленныхъ для одного историческаго сочиненія — и поразительно-наивныхъ по замыслу и выполненію. Мы смотримъ на эти рисунки, какъ на образцы иллюстраціи, которую не слѣдуетъ допускать въ хорошемъ, изящномъ изданіи...

Не скроемъ того, что и въ ряду именъ «знаменитыхъ» художниковъ, помѣщенныхъ въ объявленіи московской фирмы, мы были крайне удивлены неумѣлостью выбора художниковъ, такъ какъ между громкими именами мы видѣли не болѣе трехъ-четырехъ, способныхъ съ достаточнымъ умѣньемъ владѣть карандашемъ для иллюстраціи, и, въ то же время, не встрѣтили именъ превосходныхъ рисовальщиковъ, въ родѣ Зичи, Клавдія Лебедева, Мосолова, Хохрякова и нѣкоторыхъ другихъ. Такой выборъ художниковъ уже навелъ насъ на сомнѣніе — и сомнѣнія наши (увы!) оправдались на дѣлѣ, когда мы увидѣли только-что вышедшее въ свѣтъ «художественное» изданіе «сочиненій» Лермонтова, изданное московской фирмой Кушнерева и К°.

Спѣшимъ оговориться: — мы не смѣшиваемъ этого изданія съ чисто-спекулятивными изданіями сочиненій нашего знаменитаго поэта, въ родѣ, напримѣръ, иллюстрированнаго изданія Павленкова или другихъ, нестоющихъ упоминанія. Въ изданіи Павленкова подъ именемъ иллюстраціи являются какія-то безсмысленныя, дѣтскою рукою набросанныя кляксы и фигуры, которыя, даже при помощи соотвѣтствующихъ подписей, никакъ нельзя привести въ связь съ текстомъ Лермонтова... Нѣтъ! Въ изданіи Кушнерева и К° не видно вовсе спекулятивной закваски. Изданію приданъ прекрасный форматъ; оно очень четко и красиво напечатано на толстой, великолѣпной бумагѣ; текстъ изданія, по отзыву спеціалистовъ, прекрасно выработанъ однимъ изъ знатоковъ Лермонтовскаго рукописнаго запаса; біографическій очеркъ г. Ив. Иванова, сжатый и толковый, даетъ весьма достаточныя свѣдѣнія о жизни нашего поэта и значеніи его таланта... Но иллюстраціи? Что это за иллюстраціи? Мы пересмотрѣли ихъ, отъ первой до послѣдней страницы, съ недоумѣніемъ, съ досадой, съ невольнымъ чувствомъ сожалѣнія за напрасно потерянное время и напрасно потраченныя деньги... Какое неумѣнье со стороны редакціи изданія, какая дѣтская наивность и неумѣлость (не смѣемъ сказать: недобросовѣстность) и со стороны художниковъ! Но прежде, чѣмъ приступимъ къ разбору сдѣланнаго художниками, посмотримъ, что говоритъ объ иллюстраціи Лермонтова сама редакція художественнаго изданія московской фирмы.

«Приступая къ художественному изданію сочиненій М. Ю. Лермонтова, мы задались цѣлью сдѣлать это изданіе по возможности характернымъ и самостоятельнымъ въ художественномъ отношеніи. Такая задача представляла большія трудности»... Такъ говоритъ г. Канчаловскій въ началѣ предисловія «отъ издателей».

Мы не совсѣмъ понимаемъ, что̀ именно хотѣлъ г. Канчаловскій сказать словами «характерное» и «самостоятельное»; но признаемъ, что первою и существеннѣйшею стороною каждаго художественнаго изданія должна быть, прежде всего, «художественность исполненія» рисунковъ. Прежде, чѣмъ эта сторона изданія не обезпечена, нечего и говорить о «самостоятельности» и «характерности» въ художественномъ отношеніи... А при «художественномъ» изданіи Лермонтова эта-то именно сторона и была упущена изъ вида. Редакція изданія (очевидно, весьма неопытная и неразборчивая на художественное исполненіе рисунковъ) допустила на страницы «сочиненій» Лермонтова ужаснѣйшую мазню и какія-то черныя лепешки, которымъ придаетъ громкое названіе фототипій «собственной мастерской т-ва И. Н. Кушнерева и К°»; а эти фототипіи (весьма многочисленныя) оказались до такой степени плохими, что въ нихъ, какъ въ морѣ, пропадаютъ даже и весьма недурныя работы Мейзенбаха, Башета и Яблонскаго.

Несмотря на этотъ крайній недостатокъ въ хорошемъ техническомъ исполненіи, редакція, какъ бы не замѣчая его, продолжаетъ, въ своемъ предисловіи, высказывать очень «высокія» мысли объ иллюстраціи художественнаго изданія. «Мы не желали,— пишетъ г. Канчаловскій,—украшать наше изданіе такими рисунками, какіе встрѣчаются въ большинствѣ иллюстрированныхъ изданій (ого!)—рисунками, которые, отличаясь только приличіемъ техники, дѣлаются какъ бы для того, чтобы, остановивъ на минуту праздный глазъ зрителя, заставить тотчасъ забыть ихъ»... «La critique est aisée» — отвѣтили бы мы на это г. Канчаловскому; легко, конечно, осуждать рисунки нашихъ иллюстрированныхъ изданій (въ особенности, не имѣя понятія о тѣхъ трудностяхъ, которыя приходится преодолѣвать при полученіи и выполненіи и этихъ-то рисунковъ!), но не легко дать что-нибудь лучшее, болѣе художественное и изящное. Эта задача становится еще болѣе трудною въ томъ случаѣ, когда самъ не знаешь, чего хочешь и чего ищешь... А г. Канчаловскій, кажется, именно не зналъ, чего искалъ и къ чему стремился, приготовляя къ изданію въ свѣтъ «Сочиненія Лермонтова». Это для насъ ясно изъ его же словъ...

«Мы искали въ рисункахъ, — продолжаетъ г. Канчаловскій,— не шаблонныхъ иллюстрацій по заказу, по большей части сухихъ, однообразныхъ и скучныхъ, а искали въ нихъ характера (?), жизни (?), словомъ сколько-нибудь художественнаго произведенія (???). Поставивъ себѣ такую задачу (какую же?), мы

считали невозможнымъ поручить иллюстраціи сочиненій. Лермонтова одному художнику, полагая, что разнообразіе мотивовъ Лермонтовской поэзіи быть можетъ дастъ слишкомъ обильный и разнообразный матеріалъ для живописи (sic!). Поэтому мы обратились къ нашимъ лучшимъ художественнымъ силамъ, прося ихъ принять участіе въ этомъ изданіи. Какъ видятъ читатели, наше предпріятіе было встрѣчено ими съ полнымъ сочувствіемъ, которое заслуживаетъ тѣмъ большей благодарности, что изданіе подобнаго характера является у насъ впервые».

Вся эта тирада г. Кончаловскаго, какъ нельзя яснѣе, выказываетъ въ немъ человѣка, непригоднаго для редактированія иллюстрированнаго изданія. Онъ не только смѣшиваетъ «живопись» съ «иллюстраціей» (два понятія діаметрально-противуположныя), но еще говоритъ о какомъ-то «сочувствіи лучшихъ художественныхъ силъ» будто бы заслуживающихъ со стороны публики какой-то благодарности за рисунки, которые, конечно, не даромъ и не изъ любви къ поэзіи Лермонтова были этими «силами» помѣщены въ изданіе московской фирмы. Непониманіе основной задачи «художественнаго» изданія выражается въ словахъ г. Кончаловскаго еще и тѣмъ, что онъ говоритъ о «невозможности» поручить иллюстраціи сочиненій Лермонтова «одному художнику». Онъ позабываетъ о томъ, что одинъ художникъ иллюстрировалъ Гомера, одинъ художникъ иллюстрировалъ Данте, Шекспира и т. д. А ужъ, конечно, въ вышеуказанныхъ случаяхъ задачи иллюстратора были несравненно болѣе мудреными и сложными, нежели при «художественномъ» изданіи сочиненій Лермонтова!.. Мы даже позволимъ себѣ сказать болѣе: Лермонтовъ, по нашему мнѣнію, не даетъ ни «обильнаго», ни «разнообразнаго» матеріала «для живописи»; Лермонтовъ, напротивъ, довольно однообразенъ[1]) въ своихъ поэтическихъ мотивахъ и если не одинъ, то ужъ два-три талантливыхъ художника смѣло могутъ взяться за иллюстрацію сочиненій Лермонтова и выполнить ее превосходно. Зачѣмъ тутъ было обращаться къ двадцати художникамъ, ко всѣмъ такъ называемымъ «нашимъ лучшимъ художественнымъ силамъ»—этого мы никакъ понять не можемъ! А именно это обращеніе къ «лучшимъ силамъ» только еще болѣе запутало задачу редакціи, и привело ее къ тому, что она съ этою задачею окончательно не съумѣла справиться. Съ одной стороны, эти «лучшія силы» насѣли на редакцію и хозяйничали въ ея дѣлѣ, какъ у себя дома:—каждый рисовалъ, что́ хотѣлъ и, очевидно, не подчинялся никакому плану и никакимъ указаніямъ. Одна «луч-

[1]) Если отдѣлить въ поэзіи Лермонтова все, что касается кавказской жизни и природы, а также и то, что заимствовано изъ древне-русской жизни—т. е. работу двухъ талантливыхъ художниковъ, то много ли „разнообразія“ останется для третьяго художника? П.

шая сила» наполнила одно небольшое стихотвореніе 2—3-мя большими иллюстраціями, между тѣмъ какъ десять стихотвореній, отлично поддающихся иллюстрація, остались даже безъ заголовочка или безъ заключительной виньетки. «Нашимъ лучшимъ силамъ» былъ данъ полный просторъ, и вслѣдствіе этого «редакція» изданія отодвинута на такой задній планъ, съ котораго она, очевидно, не смѣла себѣ позволить даже и самаго скромнаго замѣчанія... Ну, и вышелъ такой ужасный художественный сумбуръ, въ которомъ разобраться очень не легко! Вышло, напр., то, что нашелся такой смѣлый художникъ, который карандашемъ взялся передать мотивъ лермонтовской поэзіи, выраженный въ стихотвореніи «Когда волнуется желтѣющая нива» (!); другой, въ маленькую виньетку влѣпилъ «Казбекъ могучій»; третій — тоже въ маленькой виньеткѣ изобразилъ «Отчизну»; а четвертый ухитрился въ небольшомъ заголовкѣ къ пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ изобразить всю «Москву великую златоглавую»! Кому принадлежитъ измышленіе такихъ странныхъ иллюстрацій—редакціи или «лучшимъ силамъ?»—это остается неразрѣшенною загадкою. Не подлежитъ однако же ни малѣйшему сомнѣнію то, что, кому бы ни принадлежали эти странныя измышленія—они служатъ доказательствомъ необыкновенной художественной наивности... И рядомъ съ такими измышленіями, самыя яркія произведенія Лермонтова, наиболѣе богатыя красками и образами, не привлекли къ себѣ вниманія «нашихъ лучшихъ художественныхъ силъ»... Г. Полѣновъ напр. къ «Тремъ пальмамъ» нашелъ возможнымъ приложить только двѣ жалкихъ виньетки: на одной—три пальмы, въ которыхъ мудрено признать «питомцевъ столѣтій» (какъ называетъ ихъ Лермонтовъ); на другой—три верблюда и какое-то подобіе араба на конѣ, которымъ г. Полѣновъ выказалъ полное неумѣнье рисовать лошадь. Точно также «Дары Терека» украшены только одною какою-то странною виньеткою Айвазовскаго, которая болѣе всего напоминаетъ нѣмецкія «загадочныя картинки». «Послѣднее новоселье» иллюстрировано приложенною къ нему большою картиною, на которой среди темноты, въ одномъ углу, нарисованъ бухшпритъ какого-то судна съ угломъ паруса, а въ другомъ углу фигура Наполеона съ скрещенными на груди руками—и только. Но, минуя всѣ эти дикости и странности, минуя художественныя безобразія, въ родѣ виньетки къ стихотворенію «Тучи» на стр. 38, въ родѣ рамокъ изъ растеній на стр. 40—41 [1]), въ родѣ иллюстраціи Врубеля къ «Русалкѣ» и «Еврейской мелодіи» (стр. 2—3),—посмотримъ что внесли въ изданіе московской фирмы «наши лучшія художественныя силы?»

[1]) Всѣ три иллюстраціи принадлежатъ г-ну Ап. Васнецову.

Начинаемъ разборъ по алфавиту, какъ эти художественныя силы расположены на оберткѣ изданія «Сочиненій» Лермонтова.

Знаменитый маринистъ нашъ Айвазовскій далъ иллюстраціи къ «Парусу», къ «Дарамъ Терека», къ «Воздушному кораблю» и къ «Тамарѣ». Только послѣдняя представляетъ собою хоть какой-нибудь художественный интересъ и нѣкоторое подобіе пейзажа; три остальныхъ — не болѣе, какъ дѣтскіе наброски художника, недавно взявшаго въ руки карандашъ и растушку.

Не менѣе знаменитый жанристъ В. Е. Маковскій далъ московской фирмѣ только одну картинку, которую онъ, конечно, отыскалъ гдѣ-нибудь у себя, въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ альбомовъ, и только примѣнилъ къ дѣлу. Картина представляетъ собою какого-то стараго хохла, который, сидя на лавочкѣ и почему-то выпучивъ глаза, разсказываетъ что-то двумъ хохламъ, сидящимъ въ шалашѣ и двумъ мальчуганамъ. Вся эта группа нарисована совершенно эскизно, наляпана пятнами и мазками въ палецъ толщины — но крайне-нехудожественно. По надписи она относится къ стихотворенію «Бородино», но ничего общаго съ нимъ, кромѣ переплета, не имѣетъ...

Извѣстный жанристъ В. Васнецовъ—иллюстрировалъ «Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ»—и, надо отдать ему справедливость—иллюстрировалъ довольно удачно. Четыре рисунка В. Васнецова составляютъ лучшее украшеніе всего изданія сочиненій Лермонтова. Особенно хороши Пиръ и Кулачный бой. Недурна группа Кирибеевича съ Аленой Дмитріевной; но весь зимній пейзажъ къ ней приклеенъ, какъ декорація, и совсѣмъ не согласованъ съ переднимъ планомъ. Въ сценѣ Кулачнаго боя также горизонтъ взятъ чрезвычайно высокій, вслѣдствіе чего Степанъ Парамоновичъ, сразившій опричника могучимъ ударомъ, стоитъ какъ будто на горѣ. Но все это мелочи, по отношенію къ общему — а общее осмысленно и художественно.

По какой-то особенной и очень странной случайности, въ рядъ рисунковъ Васнецова, благодаря небрежности и неумѣлости редакціи, затесался рисунокъ другого извѣстнаго жанриста, В. И. Сурикова, на тему:

«Палачъ весело похаживаетъ,
«Удалова бойца дожидается».

Изображенъ на рисункѣ какой-то безбородый каторжникъ, въ кучерскомъ нарядѣ, съ бритой бородой. На поручнѣ около него поставленъ современный штофъ и стаканчикъ, о которомъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія у Лермонтова въ его высокоизящномъ произведеніи. Нельзя сказать, чтобы это дополненіе фантазіи художника было умѣстно... Но еще болѣе неумѣстно вышло то, что на одной картинѣ одинъ палачъ «похаживаетъ»; а рядомъ съ этою картиною,

на другой, является уже другой палачъ, ожидающій жертвы,— высокій, атлетически сложенный бородачъ. По иллюстраціи, можно, пожалуй, подумать, что на эшафотѣ было два палача, хотя опять-таки у Лермонтова дѣло идетъ объ одномъ палачѣ [1]).

Извѣстный пейзажистъ Е. Е. Волковъ иллюстрировалъ «Отчизну» двумя крошечными рисунками, ничего не выражающими и совершенно насильственно приклеенными къ стихотворенію, съ которымъ они не поставлены ни въ какую связь.

«Царь лѣсовъ», Шишкинъ, котораго имя помѣщено на заглавномъ листѣ только ради рекламы, ничего не далъ для изданія московской фирмы, кромѣ разрѣшенія помѣстить весьма неудачный фототипическій снимокъ съ его «обледенѣлой сосны», выставленной на послѣдней выставкѣ передвижниковъ.

В. Д. Полѣновъ крайне-неудачно иллюстрировалъ «Споръ» и «Три Пальмы». Объ иллюстраціяхъ къ послѣднему стихотворенію мы уже говорили выше; объ иллюстраціяхъ къ «Спору» должны сказать, что они поразили насъ своею безталанностью и полнымъ разногласіемъ съ текстомъ поэта. У поэта:

«Ужъ проходятъ караваны
«Черезъ тѣ скалы,
«Гдѣ носились лишь туманы
«Да цари орлы...»

У г. Полѣнова на виньеткѣ—ущелье; никакихъ тумановъ; одинъ орелъ взлетаетъ, другой преспокойно сидитъ на мѣстѣ. У поэта:

«. . . . въ тѣни чинары,
«Пѣну сладкихъ винъ
«На узорные шальвары
«Сонный льетъ грузинъ;
«И, склонясь въ дыму кальяна
«На цвѣтной диванъ,
«У жемчужнаго фонтана
«Дремлетъ Тегеранъ».

Художникъ, со смѣлостью, достойною лучшаго дѣла, соединилъ эти обѣ картины въ одну и изобразилъ персіянина, который дремлетъ на диванѣ, между кальяномъ и пузатой братиной. Вдали фонтанъ и подобіе нѣкоего дерева. У поэта:

«Бедуинъ забылъ наѣзды
«Для цвѣтныхъ шатровъ,
«И поетъ, считая звѣзды,
«Про дѣла отцовъ».

---

[1]) Такое черезчуръ свободное отношеніе къ тексту поэта замѣчается не въ одной этой иллюстраціи, а и въ очень многихъ другихъ, что также служитъ доказательствомъ слишкомъ большой снисходительности со стороны редакціи.

У г. Полѣнова: манекенъ, одѣтый въ костюмъ араба, ѣдетъ на картонной лошадкѣ, безъ двухъ заднихъ ногъ; о шатрѣ никакого помина... Это ли передача поэта?

Точно также произвольно относятся къ поэзіи Лермонтова и другіе иллюстраторы изданія московской фирмы. Они имѣютъ въ виду не опредѣленный стихъ Лермонтова, а свои какія-то фантазіи или, быть можетъ, готовые наброски своихъ альбомовъ. Въ доказательство приведемъ рисунокъ г. Иванова къ стихотворенію «Сосѣдка». На рисункѣ какая-то молодая бабенка въ кацавейкѣ, простоволосая, стоитъ за угломъ острога, словно прячется или ожидаетъ кого-то. У Лермонтова: сцена происходитъ въ окошкѣ; Сосѣдка сидитъ у окна, опустивъ «головку на ручку...» Вѣтерокъ сдулъ платокъ съ ея плеча, обнажая молодую и блѣдную грудь. И никакого острога нѣтъ у Лермонтова, такъ какъ герой его стихотворенія узникъ, а не каторжникъ, и не обыденный «тюремный сидѣлецъ»; а его сосѣдка, хотя и «тоскуетъ по волѣ», но живетъ не въ заточеніи, а въ домѣ отца своего.

Талантливый Ѳ. А. Савицкій далъ только одну, но очень удачную иллюстрацію къ «Морской царевнѣ». По особенно счастливой случайности, фототипія товарищества Кушнерева этотъ рисунокъ не испортила и передала весьма не дурно. Тоже можно сказать и о рисункѣ Трутовскаго къ «Казачьей колыбельной пѣснѣ».

И. Е. Рѣпинъ далъ три картинки къ «Пророку» Лермонтова... Первая иллюстрируетъ стихъ:

«Глупецъ хотѣлъ увѣрить насъ,
«Что Богъ гласитъ его устами»;

вторая относится къ стиху:

«Въ меня всѣ ближніе мои
«Бросали бѣшено каменья»;

третья, которая должна была бы быть первой, изображаетъ стихъ:

«И звѣзды слушаютъ меня,
«Лучами радостно играя...»

О первыхъ двухъ иллюстраціяхъ мы можемъ только сказать, что художникъ совершенно напрасно придалъ лермонтовскому «Пророку» излюбленный типъ графа Л. Н. Толстого... Обо всѣхъ трехъ иллюстраціяхъ должны совершенно откровенно высказать, что эти бѣглые, едва-намѣченные, наброски ничего не прибавятъ къ славѣ нашего знаменитаго художника и превосходнаго рисовальщика...

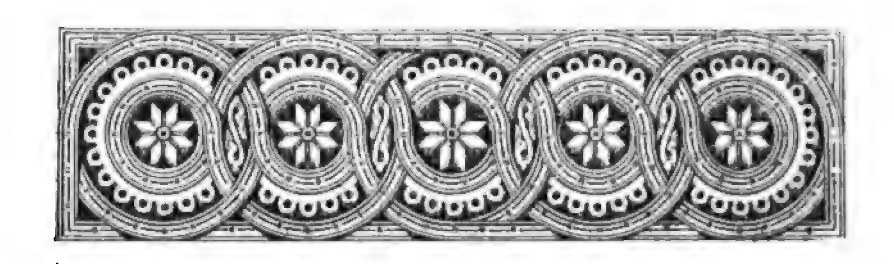
За вышеисчисленными крупными художественными силами, которыя внесли такой незначительный вкладъ въ изданіе московской фирмы, идетъ цѣлый рядъ другихъ художниковъ-иллюстраторовъ, которые только въ объявленіяхъ Товарищества Кушнерева и въ предисловіи къ его изданію оказываются «нашими луч-

шими художественными силами», а въ сущности принадлежатъ къ числу художниковъ молодыхъ и только-что начинающихъ свою художественную карьеру. До почетнаго званія «нашихъ лучшихъ художественныхъ силъ»—имъ очень далеко; да мы думаемъ даже, что они и сами на это званіе не претендуютъ... Къ числу такихъ «второстепенныхъ художественныхъ силъ» относимъ мы гг. Ап. Васнецова, Врубеля, Менка, Пастернака, Сѣрова и др., рисунками которыхъ наполнены два тома сочиненій Лермонтова. Изъ всей этой фаланги рисовальщиковъ, по справедливости, слѣдуетъ выдѣлить г. Пастернака, который и въ виньеткахъ, и въ рисункахъ, выказалъ много вкуса, много такта и тонкаго пониманія поэта; многіе изъ рисунковъ г. Пастернака гораздо лучше всего, что дали наши «художественныя силы», и мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что изъ г. Пастернака, со временемъ, можетъ выработаться талантливый и ловкій иллюстраторъ. Совершенную противуположность ему составляетъ г. Врубель, дерзнувшій взяться за иллюстраціи «Демона» послѣ Зичи, и наполнившій эту дивную поэму какими-то неосмысленными кляксами и черными лепешками, которыя только самому художнику-автору могутъ казаться украшеніями текста сочиненій Лермонтова...

Но, довольно! Изъ нашего отчета, какъ мы полагаемъ, съ достаточною ясностью видно, что изданіе Товарищества Кушнерева и К° никакъ нельзя назвать, «художественнымъ» изданіемъ сочиненій Лермонтова. Первый блинъ вышелъ комомъ! Много ошибокъ, упущеній и промаховъ сдѣлали тѣ лица, которыя приняли или должны были бы принять на себя редактированіе «художественной» стороны изданія; но не мало способствовали неудачѣ и «наши лучшія художественныя силы», которыя въ большинствѣ отнеслись къ дѣлу небрежно и неумѣло, и потому не могутъ заслуживать со стороны публики никакой благодарности. Будемъ ожидать другихъ, новыхъ и болѣе плодотворныхъ попытокъ иллюстраціи Лермонтова,—поэта, который даетъ талантливому художнику такой прекрасный и обильный матеріалъ для фантазіи въ яркихъ, красивыхъ и вполнѣ опредѣленныхъ мотивахъ своей поэзіи.

Пепо.

ПРОФЕССОРЪ ПАРРОТЪ И ВЕРШИНА БОЛЬШОГО АРАРАТА.

(По архивнымъ документамъ).

I.

КАВКАЗЪ, красотами котораго наши поэты не разъ воспламеняли воображеніе своихъ почитателей, лишь съ недавняго времени сталъ посѣщаться людьми науки и туристами: именно, послѣ присоединенія своего къ Россіи, когда, наконецъ, явилась возможность бродить по его дебрямъ безъ боязни вмѣсто пріобрѣтенія новыхъ знаній и полученія новыхъ впечатлѣній, потерять и самую жизнь. Роскошная природа, представляющая на небольшомъ пространствѣ все, что̀ можетъ предложить самый суровый сѣверъ и самый знойный югъ и промежуточные между сѣверомъ и югомъ пояса, и разнообразіе человѣческихъ племенъ, рѣзко отличающихся другъ отъ друга по языку, по міросозерцанію и по всему складу жизни, представляютъ и всегда будутъ представлять изъ себя неисчерпаемый источникъ знаній для людей науки; естественныя богатства постоянно будутъ привлекать представителей отраслей добывающей, обработывающей и торговой, а обиліе граціозныхъ и грандіозныхъ картинъ природы, часто перемѣшанныхъ между собою въ самыхъ причудливыхъ сочетаніяхъ, никогда не удовлетворятъ ненасытной жажды туристовъ и любителей новыхъ впечатлѣній и сильныхъ ощущеній.

Послѣдніе, преимущественно иностранцы, посѣщаютъ Кавказъ во множествѣ и, притомъ, по большей части забираются въ такія мѣста, отъ которыхъ туземецъ открещивается и руками и ногами. Особенно привлекательными являются для нихъ снѣговые великаны Кавказа, высоко въ облакахъ купающіе свои сѣдыя головы, хмурые и таинственные, погубившіе много смѣльчаковъ, пытавшихся съ высоты ихъ взглянуть на землю и почувствовать себя ближе къ Богу, погубившіе какъ бы въ отместку за то, что тѣ дерзнули осквернить ногами ихъ снѣгъ, цѣлыя тысячелѣтія никѣмъ не попранный.

Туземцы также, можетъ быть, пробовали взбираться на высоту вѣчныхъ снѣговъ, но, терпя неудачи, отказались отъ новыхъ попытокъ и рѣшили, что самъ Богъ не терпитъ ихъ самонадѣянности и дерзости. Такимъ образомъ сложились повѣрья о неприступности гигантовъ, подобныхъ Эльбрусу, Казбеку, Большому Арарату.

Но немало содѣйствовало происхожденію подобныхъ повѣрій и вообще стремленіе человѣка, или, скорѣе, потребность его имѣть подлѣ себя видимое, реальное подобіе чего-то недоступнаго, непостижимаго, святого, подобіе, которое бы постоянно напоминало ему о непостижимомъ для его смертнаго ума мірѣ, гдѣ нѣтъ мѣста грязи и злу жизни, гдѣ ему съ ними не придется мириться и имъ подчиняться, гдѣ онъ найдетъ успокоеніе. По крайней мѣрѣ, схожія по существу повѣрья распространены и въ центральной Россіи, которая не только высокихъ горъ никогда въ глаза не видала, но и о низкихъ часто знаетъ лишь по наслышкѣ. Но въ Россіи указанная потребность нашла себѣ другой исходъ, пала на другіе предметы. Намъ, напримѣръ, нѣсколько разъ приходилось встрѣчаться съ крестьянами, которые съ жаромъ утверждали, что выше Кіево-Печерской лавры нѣтъ зданія въ цѣломъ свѣтѣ, и что зданія, даже равнаго по высотѣ съ нею, выстроить невозможно, такъ какъ макушка его будетъ разрушаться всякій разъ, какъ только достигнетъ высоты этой русской святыни. Такъ и туземецъ, армянинъ, положимъ, всегда будетъ увѣрять васъ, что на Большой Араратъ взобраться никто не можетъ, потому что это святая гора, и въ доказательство сошлется на св. Акопа (т. е. Іакова), который, хотя и святой былъ, а все-таки не добрался до вершины. Преданіе, именно, говоритъ, что св. Іаковъ, который жилъ на склонѣ Арарата, нѣсколько разъ пытался взойти на его вершину, чтобы увидѣть Ноевъ ковчегъ, но каждый разъ, когда онъ начиналъ подниматься, имъ овладѣвалъ глубокій сонъ, а проснувшись онъ находилъ себя опять въ своей кельѣ. Наконецъ, ангелъ, явившись къ нему во снѣ, повелѣлъ ему оставить всякія попытки и далъ кусокъ дерева отъ ковчега. Если вы отнесетесь скептически къ этому преданію, армянинъ скажетъ, что сомнѣній въ правдѣ его словъ не можетъ быть никакихъ, такъ какъ частица даннаго ангеломъ

куска дерева хранится въ Эчміадзинскомъ монастырѣ [1]), и ее можно видѣть собственными глазами. Если же вы и долѣе будете стоять на своемъ, то онъ или отвернется отъ васъ съ негодованіемъ, или же лукаво усмѣхнется надъ вашею самонадѣянностью.

И хотя туристы неоднократно разсѣевали эту дымку таинственности и недоступности, которою туземцы окутали вершины своихъ горъ, вѣра послѣднихъ осталась непоколебимой. Ею проникнуты не только люди неразвитые и простодушные, но и тѣ, которые вкусили отъ чащи познаній. Такъ, напримѣръ, когда извѣстный Ходзько [2]) возвратился съ вершины Арарата и преподнесъ бывшему въ то время католикосомъ всѣхъ армянъ Нерсесу [3]) бутылку съ водой изъ разстаявшаго снѣга, взятаго на вершинѣ Арарата, Нерсесъ, на вопросъ Ходзько о томъ, сомнѣвается ли онъ въ истинѣ его словъ, отвѣтилъ уклончиво: «Если всѣ другіе говорятъ о восхожденіи на вершину горы, то и мнѣ нѣтъ основанія не вѣрить этому факту» [4]).

Во всякомъ случаѣ, всѣ эти повѣрья не охладятъ предпріимчивости туристовъ. Число восхожденій увеличивается съ каждымъ годомъ, соразмѣрно съ увеличеніемъ средствъ борьбы съ природою. Бываютъ восхожденія счастливыя, бываютъ и неудачныя и даже злополучныя. Совсѣмъ недавно два англичанина-альпиниста погибли на Эльборусѣ, но за то топографъ Пастуховъ пробылъ съ казаками на его вершинѣ нѣсколько часовъ и даже фотографировалъ вершину. Любители взбираются и на Araratъ, а на макушкѣ Адайхоха два спортсмена, на удивленье будущихъ поколѣній, оставили свои визитныя карточки.

Большой Араратъ, этотъ сѣдовласый, застывшій въ своей старости старецъ, видѣвшій первыхъ людей и спасшій ихъ, особенно всегда интересовалъ предпріимчивыя натуры.

---

[1]) Эчміадзинскій монастырь — главная святыня армянъ. Находится онъ въ 18-ти верстахъ отъ губернскаго города Эривани. Монастырь этотъ основанъ Григоріемъ Великимъ, Просвѣтителемъ (по-арм. Лусаворичъ) армянъ, въ 303 году по Р. Хр.; эчміадзиномъ, что по-арм. значитъ «сошелъ единородный», называется собственно престолъ, воздвигнутый на томъ мѣстѣ, съ котораго, по преданію, Григорій Великій видѣлъ Господа. Монастырь состоитъ изъ трехъ церквей: во имя св. Кеворка (Георгія), Гайяне (Евгенія) и Рипсиміи; онъ часто подвергался разрушеніямъ и передѣлкамъ, въ первобытномъ видѣ не сохранился. При немъ расположено сел. Вагаршапатъ, административный центръ Эчміадзинскаго уѣзда Эриванской губерніи.

[2]) Іосифъ Ивановичъ Ходзько, уроженецъ Виленской губ., род. 6 дек. 1800 г., ум. 21 февр. 1881 г. въ Тифлисѣ. Получивъ воспитаніе дома, окончилъ курсъ на физ.-мат. факультетѣ Виленскаго университета. Извѣстенъ особенно геодезическими работами; произвелъ тріангуляцію Кавказа.

[3]) Нерсесъ (ум. въ 1857 г.) былъ католикосомъ съ 1842 по 1857 годъ; своимъ вліяніемъ на армянъ содѣйствовалъ закрѣпленію за Россіею нынѣшней Эриванской губерніи. Происходилъ изъ рода Шахазизовыхъ-Камсаракановъ.

[4]) См. біографію Ходзько въ «Кавказскомъ календарѣ» на 1882 годъ, стр. 62.

Онъ, съ братомъ своимъ, Малымъ Араратомъ, стоитъ на стражѣ долины рѣки Аракса, въ пятидесяти верстахъ отъ губернскаго города Эривани, на 39° 42′ сѣверной широты и 61° 55′ восточной долготы. Отъ малаго Арарата онъ отдѣляется на сѣверо-востокѣ глубокою долиной, на днѣ которой сходятся границы Россіи, Персіи и Турціи. Оба они вмѣстѣ въ окружности равняются приблизительно ста верстамъ и направляются съ сѣверо-востока на юго-западъ. Большой Араратъ имѣетъ двѣ вершины, изъ которыхъ сѣверо-западная, по Парроту, достигаетъ 16,251 ф. надъ уровнемъ моря, а восточная, по Абиху, 15,905 футовъ.

Въ исторіи восхожденія на Большой Араратъ особенно извѣстны: Паррота въ 1829 году, Спасскаго-Автономова въ 1839, Абиха въ 1845 и Ходзько въ 1850 году. Прежде, чѣмъ перейти къ сути этого нашего «архивнаго воспоминанія», мы скажемъ нѣсколько словъ о восхожденіи Ходзько, принадлежащемъ къ числу наиболѣе удачныхъ. Это дастъ намъ нѣкоторое понятіе о трудностяхъ, которыя сопровождаютъ подобныя восхожденія.

Ходзько былъ начальникомъ тріангуляціи, которая, по высочайшему повелѣнію, производилась въ Закавказьи съ 1847 по 1853 годъ. За это время было опредѣлено 1386 пунктовъ по географическому положенію и по высотѣ надъ уровнемъ моря, причемъ самая большая и трудная часть тригонометрическихъ работъ была выполнена самимъ Ходзько. Онъ долженъ былъ между прочимъ подняться и на Араратъ, съ цѣлью измѣренія вертикальныхъ угловъ тригонометрической сѣти. Его сопровождали извѣстные ученые Н. В. Ханыковъ и П. К. Усларъ, капитанъ генеральнаго штаба,—а также директоръ тифлисской магнитной и метеорологической обсерваторіи А. Ѳ. Морицъ, астрономъ тріангуляціи, штабсъ-капитанъ корпуса топографовъ Александровъ, два топографа, переводчикъ и одинъ изъ эриванскихъ дворянъ, нѣкто Шароянцъ. Кромѣ того, при Ходзько была команда изъ 60-ти казаковъ и солдатъ.

Восхожденіе состоялось 6-го августа 1850 года. Самъ Ходзько описываетъ его такъ: «окончивъ предварительныя приготовленія, мы перешли 31-го іюля въ лагерь, разбитый у предѣла вѣчнаго снѣга, а этотъ предѣлъ обыкновенно здѣсь не опускается ниже 11,000 фут. надъ уровнемъ моря; тяжести везли люди на саняхъ по снѣгу, болѣе аршина глубиною. Ночью со 2 на 3 августа въ продолженіе трехъ часовъ мы находились въ срединѣ грозовой тучи, представлявшей электрическую батарею гигантскихъ размѣровъ; стражами нашими были острые пики скалъ, надъ которыми избрано было мѣсто для ночлега. Молнія зигзагами, повидимому, не менѣе сажени шириною, въ сопровожденіи сильнѣйшихъ ударовъ грома, безпрерывно проходила возлѣ небольшой площадки нашего не очень удобнаго пріюта. Въ 11 часовъ послѣдній гро-

мовой ударъ отбилъ одну изъ вершинъ пиковъ; буря немного затихла, но вьюга не переставала; дулъ сильный вѣтеръ. 3-го числа въ два часа пополудни солдаты разбили двѣ палатки, на 300 саж. выше мѣста нашего ночлега, на очень крутой покатости (до 30°), покрытой тонкимъ слоемъ льда. Тамъ мы прожили два дня и три ночи и только 6-го числа, поднявшись на возвышеннѣйшую, западную вершину библейскаго великана, водрузили на ней знамя христіанства, черный деревянный крестъ. Зарыли мы въ снѣгу двѣ палатки, оставивъ небольшое отверстіе для входа; остроконечныя ножки теодолитнаго штатива установили мы на небольшихъ каменныхъ плиткахъ, привезенныхъ на саняхъ, и облили ихъ водою, которая потомъ замерзла, такъ какъ температура воздуха все время была ниже нуля, измѣняясь отъ 3 до 13 градусовъ холода; при сіяніи же солнца укрывали низъ штатива толстыми войлоками. Этою мѣрою цѣль была вполнѣ достигнута,— угломѣръ получилъ совершенно устойчивое положеніе. Пищу варили мы въ большихъ мѣдныхъ тазахъ, наполненныхъ древеснымъ углемъ. Я съ однимъ казакомъ остался на вершинѣ неотлучно до 12-го августа, прочіе же участники похода ежедневно перемѣнялись, дѣлая поочередно со мною метеорологическія наблюденія, ежечасно, днемъ и ночью, въ продолженіе четырехъ сутокъ; сверхъ того, я измѣрилъ 134 зенитальныхъ разстоянія главнѣйшихъ пунктовъ тріангуляціи.— Утромъ великолѣпная заря яркими радужными цвѣтами освѣщала небосклонъ; за часъ до восхожденія солнца на западной части небосклона явственно видна была темносѣрая проекція земного шара. Въ это время полная луна, приближаясь къ закату, придавала особенную прелесть необыкновенной картинѣ. 12-го августа въ полдень, окончивъ предположенныя занятія, я началъ спускаться съ горы и въ два часа былъ уже въ лагерѣ, на зеленомъ лугу» [1]).

Такъ говоритъ самъ Ходзько о своемъ восхожденіи. Оно, насколько намъ извѣстно, не вызвало въ печати недовѣрчивыхъ толковъ и скептическихъ замѣчаній. Не то было съ Парротовскимъ восхожденіемъ.

II.

Какъ извѣстно, Парротъ, профессоръ Дерптскаго университета, руководилъ ученою экспедиціей, которая съ 1829 года была снаряжена во вновь присоединенную къ Россіи Армянскую область [2])

---

[1]) См. біографію Ходзько въ «Кавказскомъ календарѣ» на 1882 г., стр. 60 и 61.

[2]) Армянская область, нынѣ Эриванская губернія, образована была изъ бывшихъ персидскихъ ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго, присоединенныхъ къ Россіи по Туркменчайскому договору 10 февраля 1828 года.

для изслѣдованія ея въ географическомъ и другихъ отношеніяхъ. Экспедиція эта прибыла въ Тифлисъ въ половинѣ іюня, и бывшій тогда тифлисскимъ военнымъ губернаторомъ, генералъ-адъютантъ Стрекаловъ, извѣщая армянское областное правленіе о выступленіи ея въ Армянскую область, просилъ оказывать ей содѣйствіе и отводить квартиры тамъ, гдѣ она будетъ останавливаться. Экспедицію сопровождалъ фельдъегерь Шицъ, который 24-го сентября получилъ отъ исправлявшаго должность эриванскаго коменданта маіора Ласкаго открытый листъ для слѣдованія на имя Паррота. Восхожденіе экспедиціи на Араратъ, отмѣченное въ хроникахъ 27-го сентября, стало извѣстно всему образованному міру.

Между тѣмъ, около двухъ лѣтъ спустя послѣ этого событія, явилось лицо, которое утверждало, что Парротъ до вершины Арарата не добрался.

Лицомъ этимъ былъ Шопенъ, извѣстный на Кавказѣ Шопенъ, производившій въ 1829—1830 гг. камеральное описаніе Армянской области, бывшій затѣмъ въ той же области предсѣдателемъ управленія по доходамъ и казеннымъ имуществамъ и издавшій въ Петербургѣ въ 1852 году «Историческій памятникъ состоянія Армянской области въ эпоху ея присоединенія къ Россіи», сочиненіе, которое во многихъ своихъ частяхъ до сихъ поръ имѣетъ значеніе для изслѣдователей мѣстной жизни.

Въ № 5-мъ «Тифлисскихъ Вѣдомостей» за 1831 годъ Шопенъ между прочимъ категорически замѣтилъ, что со временъ Ноя на вершинѣ Арарота никто не былъ. Издатель вѣдомостей тогда указалъ, что на ней былъ въ 1829 году профессоръ Парротъ; но въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ Шопенъ вторично заявилъ то же самое и попытался подтвердить свое мнѣніе какъ соображеніями относительно свойствъ и особенностей Арарата, такъ и свидѣтельствомъ очевидцевъ.

Во время разъѣздовъ по области, съ цѣлью переписи населенія, Шопенъ былъ между прочимъ и въ с. Аркурахъ, расположенномъ у подножія Арарата [1]). Аркуринскій старшина, Степанъ Ага Меликовъ, поднимавшійся съ Парротомъ, говорилъ Шопену, что онъ ни на шагъ не отставалъ отъ путешественниковъ и что далѣе того мѣста, гдѣ былъ поставленъ крестъ, подняться было невозможно. Хотя въ ясную погоду охотники всходили и выше, однако до вершины не достигали никогда, а, еслибъ можно было достигнуть, то потребовалось бы идти, по крайней мѣрѣ, еще сутки, чтобы добраться до самой высшей точки. Показаніемъ старшины

[1]) Аркуры (по-армянски «насадилъ виноградъ»), или Ахуры—въ этомъ мѣстѣ, по преданію, Ной насадилъ виноградъ и напился пьянъ. Нынѣ этого селенія не существуетъ, такъ какъ оно въ 1840 году уничтожено снѣговымъ и каменнымъ обваломъ, сорвавшимся съ Большаго Арарата.

Шопенъ и воспользовался для того, чтобы снять съ головы Паррота незаслуженный имъ, по мнѣнію Шопена, лавровый вѣнокъ.

Парротъ прочиталъ статейки Шопена и, обидѣвшись, довелъ о нихъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія, причемъ заявилъ, что «первыя изъ основаній г. Шопена, т. е. о мѣстномъ свойствѣ горы Арарата, онъ постарается опровергнуть своимъ на нихъ отвѣтомъ въ «Тифлисскихъ Вѣдомостяхъ», и доказать, что г. Шопенъ не имѣетъ столько познанія ни о мѣстномъ положеніи Арарата, ни вообще о физическомъ свойствѣ высокихъ горъ, чтобы судить о семъ предметѣ и чернить безпорочное до сего имя путешествовавшаго къ Арарату». Что же касается показаній очевидцевъ, которыми Шопенъ воспользовался для подтвержденія своихъ сомнѣній въ успѣшности Парротовскаго восхожденія, то Парротъ упирая на то, что «предпріятіе его удостоилось обратить на себя особенное вниманіе государя императора», просилъ допросить въ присутственномъ мѣстѣ, подъ присягою, лицъ, сопутствовавшихъ ему при восхожденіи на Араратъ, и представилъ при этомъ программу вопросовъ, которые полагалъ нужнымъ задать тѣмъ лицамъ. Изъ нихъ онъ указывалъ пятерыхъ: рядовыхъ 41-го Егерскаго полка, Алексѣя Здоровенко и Матвѣя Чалпакова, и жителей сел. Аркуры, Мурада Погосяна, Ованеса Айвазяна и старшину Степана Ага Меликова.

Министръ народнаго просвѣщенія, «полагая, что чрезъ наведенное сомнѣніе г. Шопеномъ помрачается честь и доброе имя извѣстнаго ученаго въ такомъ дѣлѣ, которое важно для всей Европы вообще и для Россіи въ особенности», потребовалъ отъ командовавшаго гражданскою частью за Кавказомъ генералъ-адъютанта Панкратьева, чтобы всѣ указанныя Парротомъ лица были опрошены подъ присягаю въ надлежащемъ присутственномъ мѣстѣ, по программамъ Паррота, и чтобы ихъ показанія, облеченныя въ законную форму, были доставлены въ министерство.

Панкратьевъ обратился къ князю Бебутову, управлявшему тогда Армянскою областью, но при этомъ оговорился, что «дѣло сіе по многимъ отношеніямъ не можетъ принять вида совершенной форменности, и самый спросъ выше упомянутыхъ лицъ будетъ отступать отъ установленнаго порядка дѣлопроизводства»... Однако, чтобы «успокоить г. Паррота», Панкратьевъ нашелъ возможнымъ опросить жителей сел. Аркуры черезъ мѣстную полицію, а рядовыхъ 41-го Егерскаго полка черезъ ихъ прямое начальство [1]).

Предписаніе Панкратьева было получено 4 сентября, но Бебутовъ только черезъ мѣсяцъ сдѣлалъ нужныя распоряженія.

---

[1]) Дѣло канцелярскаго начальника Армянской области (№ 201 за 1831 годъ), подъ заголовкомъ: «Дѣло насчетъ сомнѣнія, заведеннаго колежскимъ ассесоромъ Шопеномъ на профессора Паррота, что онъ не всходилъ на вершину горы Арарата». Отъ Панкратьева Бебутову, отъ 25 августа 1831 г. за № 151. Документы, на которые дѣлаются ссылки далѣе, находятся въ томъ же дѣлѣ.

III.

Вызванный изъ Аркуръ старшина Меликовъ 12 октября 1831 года «обѣщался и поклялся всемогущимъ Богомъ, предъ святымъ Его евангеліемъ и животворящимъ крестомъ», что покажетъ «самую сущую правду, не прибавляя и не утаивая ничего, ни ради страха, свойства, дружбы и корысти». Къ присягѣ приводилъ его священникъ Теръ-Захаръ, а показаніе отбиралъ письмоводитель эриванской градской полиціи губернскій секретарь Поповъ. При этомъ присутствовалъ полиціймейстеръ капитанъ Литвиновъ.

Старшина показалъ [1]), что Парротъ дѣйствительно въ сентябрѣ 1829 года прибылъ въ сел. Аркуры, а съ нимъ діаконъ Эчміадзинскаго монастыря, который объявилъ ему, старшинѣ, «приказаніе или прошеніе» монастыря оказывать всевозможное содѣйствіе Парроту при всходѣ его на Араратъ. Парротъ просилъ старшину «показать ему мѣсто, съ которой бы стороны можно было приступить къ всхожденію на гору, такъ какъ онъ уже предпринималъ намѣреніе на сіе одинъ, съ своею экспедиціею, но не могъ сыскать удобнаго для сего мѣста». На слѣдующій же день, взявъ съ собою «человѣкъ до пяти» аркуринскихъ крестьянъ, старшина повелъ профессора на гору. «Въ первый день предпріятія г. Паррота отъ деревни Ахуръ мы достигли до мѣста», показывалъ старшина, «гдѣ снѣгъ лежитъ, отъ котораго начинается пять снѣговыхъ горъ, гдѣ (то есть около снѣга) и ночевали. На другой день г. Парротъ съ другими, съ нимъ бывшими, и я съ своими жителями отправились далѣе по снѣгу, лежащему на довольно возвышенной горѣ; взошедши же на сію первую снѣговую гору, тамъ далѣе началась нѣкоторымъ образомъ равнина, разстояніемъ съ версту; потомъ опять другая гора началась, на половину которой взлѣзши, г. Парротъ около половины дня поставилъ деревянный крестъ и въ ономъ утвердилъ свинцовую (или оловянную) плиту съ надписью, неизвѣстно мнѣ какою, вскорѣ послѣ чего поднялась мятель, хотя не такъ сильная, чего г. Парротъ убоясь, дабы оная не застигла его тамъ, тотчасъ возвратился назадъ, равно и мы съ нимъ, и прибыли къ вечеру на то мѣсто, гдѣ первый день ночевали, т. е. около снѣга, а на третій день пришли въ деревню». Черезъ нѣсколько дней Парротъ поднимался вторично, но уже безъ старшины. На этотъ разъ его сопровождали Мурадъ Погосянъ и Ованесъ Айвазянъ, отъ которыхъ старшина слышалъ, что они съ Парротомъ «поставили тоже крестъ, поменьше перваго, въ другомъ мѣстѣ, но не выше однакожъ разстояніемъ перваго мѣста». За помощь Парротъ далъ старшинѣ три червонца, а крестьянамъ, бывшимъ съ нимъ, два или также три, на всѣхъ. Все время экспедиція имѣла

[1]) Листы дѣла 15—17

постоянное квартированіе въ монастырѣ св. Іакова, лежащемъ недалеко отъ деревни. Чумы во время бытности экспедиціи около Арарата въ Аркурахъ не было; она прекратилась незадолго до пріѣзда Паррота. Относительно возможности взобраться на гору старшина высказался такъ: «на самую вершину горы Арарата никакимъ образомъ невозможно взойти потому, что ужаснѣйшій холодъ, который даже духъ захватываетъ и тамъ, гдѣ крестъ поставили, а болѣе еще потому, что далѣе горы, отъ мѣста, гдѣ поставленъ крестъ, крутизною своею устрашаютъ даже взоръ, и оныя уподобляются стѣнѣ и покрыты уже не снѣгомъ, а льдомъ; и что, если они могли до того мѣста дойти, гдѣ поставленъ крестъ, то это потому, что на поверхности горъ ледъ лежащій покрытъ снѣгомъ. Сколько же потребовалось бы времени для всхода на вершину (если только бы это можно было), то количество времени нельзя опредѣлить тѣмъ болѣе, что и до того мѣста, гдѣ поставленъ крестъ, никто прежде не доходилъ еще, ибо и при всходѣ г. Паррота до выше изъясненнаго мною мѣста я съ жителями своими часто втаскивалъ на крутизну его, г. Паррота, и другихъ спутниковъ его веревками». Послѣднее замѣчаніе старшины, вызванное третьимъ пунктомъ вопросной программы Паррота [1]), сильно попахивало ироніей. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было высчитать время, потребное для того, чтобы веревками втащить цѣлую экспедицію на вершину Арарата!

Мурадъ Погосянъ и Ованесъ Айвазянъ были допрошены, также подъ присягою, 15-го октября. Оба они единогласно показали [2]), что Парротъ, на третій или на четвертый день по прибытіи въ монастырь св. Іакова, «отправился на Араратскую гору» и возвратился съ нея къ вечеру на третій день въ Аркуры. Свидѣтели тогда слышали, «что г. Парротъ поставилъ крестъ на горѣ, хотя не на самой возвышенности». Дня черезъ три, по приказанію старшины, пошли на вершину и они, свидѣтели, съ пятью своими односельцами, сопровождая Паррота, который предпринялъ новую попытку достигнуть высшей точки Арарата. Пошли они по той же дорогѣ, по какой водилъ Паррота старшина, и въ первый день ночевали около снѣга. «На другой день, — свидѣтельствовалъ Погосянъ, или, на русскій ладъ, Погосовъ, — четыре человѣка изъ жителей ахуринскихъ по усталости не могли далѣе слѣдовать, а я съ жителемъ нашей деревни, Ованесомъ Айвасіановымъ, отправились далѣе по снѣгу съ г. Парротомъ и, по сказанію его, шли девять часовъ. Г. Парротъ поставилъ крестъ, утвердилъ въ оный

---

[1]) «Если оттуда (т. е. отъ мѣста, до котораго Парротъ взошелъ при первой своей попыткѣ, сдѣланной 13 сентября) можно было взойти на вершину, то сколько потребовалось бы на сіе времени»?

[2]) Листы 18 и 19.

плиту съ надписью, неизвѣстно мнѣ какою. Сей крестъ поставленъ имъ вправо отъ деревни, а прежній влѣво, какъ я слышалъ. Съ Араратской горы мы возвратились въ ясную погоду. За путешествіе наше г. Парротъ далъ намъ по одному червонцу, а тѣмъ, которые отстали, по одному рублю серебромъ. На самой же вершинѣ Арарата мы не были и не могли слѣдовать по тому случаю, что далѣе лежитъ ледъ, а не снѣгъ, и, сверхъ того, крутизны горъ не позволяли далѣе слѣдовать; чрезмѣрный же холодъ не позволялъ оставаться на вершинѣ горы ночевать».

Такъ показали армяне.

Ноября 10-го Бебутовъ получилъ изъ Бѣлаго Ключа отъ заступавшаго мѣсто командира 41-го Егерскаго полка, маіора Литвиненко, показанія рядовыхъ Здоровенко и Чалпакова [1]). Къ присягѣ привелъ ихъ 2-го ноября протоіерей Василій Романовъ, а при отбираніи показаній присутствовали: Литвиненко, поручикъ Степановъ, подпоручикъ Духновскій и прапорщики Лазаревъ и Опуковскій.

Солдаты во всемъ между собою согласно показали, что въ сентябрѣ 1829 года дѣйствительно были на самой вершинѣ Арарата. Восхожденіе началось отъ монастыря святого Григорія (читай: св. Іакова), и вся экскурсія продолжалась три дня: въ первый день ночевали около снѣга, на второй, возвратившись съ горы, ночевали тамъ же, а на третій спустились обратно въ монастырь. На высшую точку Арарата взобрались въ два часа пополудни и, пробывъ на ней не болѣе двухъ часовъ, стали спускаться. Погода была ясная. Спускъ былъ конченъ часа за полтора до захода солнца. На вершинѣ горы поставили небольшой деревянный крестъ, возвышавшійся аршина на полтора надъ поверхностью снѣга; чтобы онъ держался крѣпче, его врубили въ ледъ. За «экспедицію» свидѣтели получили отъ Паррота по червонцу, а отъ своего начальства по 10 руб. серебромъ.

Таковы были показанія участниковъ восхожденія Паррота на Араратъ. 21-го ноября Бебутовъ отправилъ ихъ генералъ-отъ-инфантеріи барону Розену, который смѣнилъ въ это время Паскратьева.

IV.

Но что могли дать эти показанія человѣку, который пожелалъ бы выяснить правду? Къ какимъ выводамъ пришли тѣ, для кого они предназначались?

Показанія эти сходились во всѣхъ своихъ главныхъ подробностяхъ, но въ общемъ получалась разногласица, которая не могла «успокоить» Паррота.

---

[1]) Листы 23—24.

Армяне свидѣтельствовали, что на вершинѣ Арарата они не были, да и взобраться туда невозможно; русскіе же солдаты увѣряли, что не только были на самой вершинѣ, но и прохлаждались тамъ часа два.

Кому же вѣрить: аркуринцамъ или рядовымъ 41-го Егерскаго полка?

Ни тѣ, ни другіе не имѣли никакой пользы въ извращеніи истины, и, притомъ, и тѣ и другіе показывали подъ присягою. Предполагать же, что кто-либо изъ очевидцевъ-свидѣтелей лгалъ и, такимъ образомъ, являлся клятвопреступникомъ, у насъ нѣтъ никакихъ основаній. Поэтому, для разрѣшенія этого недоразумѣнія намъ остается обратиться лишь къ вопросу: было ли основательно убѣжденіе свидѣтелей въ томъ, что они взобрались на самую высшую точку Арарата, или нѣтъ.

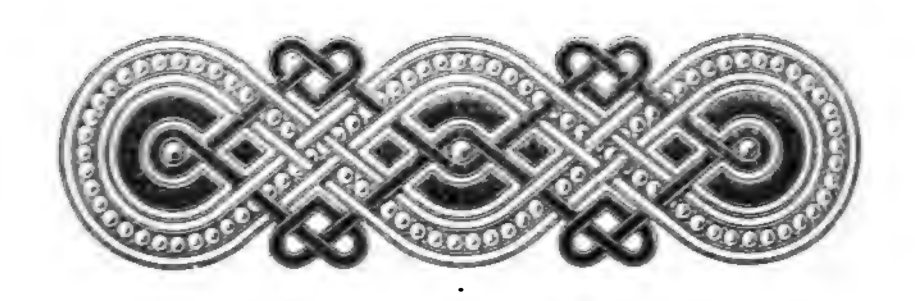
Что же касается основательности убѣжденія, то вѣсы склоняются на сторону аркуринцевъ, которыхъ такъ жестоко наказалъ Араратъ. Свидѣтельствуя противъ Паррота, они не сослались на авторитетъ народнаго преданія, которое утверждаетъ, что на вершину Арарата взобраться невозможно, но подробно описали, до какого пункта поднялась экспедиція, и невозможность дальнѣйшаго восхожденія объяснили вполнѣ понятными причинами: этому, по ихъ словамъ, мѣшалъ и сильный холодъ, и крутизна горы, и ледъ, покрывавшій скаты. При томъ, при всѣхъ трудностяхъ пути, туристы были бы не въ состояніи, переночевавъ подъ снѣговой линіей, взойти на вершину, пробыть тамъ нѣсколько часовъ и часа за полтора до заката солнца возвратиться въ тотъ же день назадъ. Это было бы невозможно тѣмъ болѣе, что экспедицію на крутыхъ подъемахъ приходилось втаскивать вверхъ при помощи веревокъ. Увѣреніе аркуринцевъ, что вершина совершенно недоступна, для насъ значенія не имѣетъ, такъ какъ восхожденія другихъ лицъ доказали его несостоятельность; для насъ достаточно знать, что въ данномъ случаѣ, именно 27-го сентября 1829 года, вершина не была оскорблена человѣческими ногами.

Рядомъ съ показаніемъ аркуринскихъ армянъ, показаніе рядовыхъ 41-го Егерскаго полка кажется слишкомъ категорическимъ. Здоровенко и Чалпаковъ, съ лаконизмомъ, заявили, что были на самой вершинѣ Арарата. Но, такъ какъ Араратъ имѣетъ двѣ вершины, расположенныя на разныхъ высотахъ, и, кромѣ того, нѣсколько возвышенныхъ пунктовъ и на своихъ склонахъ, то очень вѣроятно, что русскіе солдаты, взойдя на одинъ изъ такихъ выдающихся пунктовъ, искренно сочли его конечною точкою своего восхожденія, особенно послѣ того, какъ Парротъ, побоявшись лѣзть далѣе, приказалъ имъ водрузить на мѣстѣ остановки крестъ.

Мы сказали то, что̀ повѣдало намъ архивное дѣло, съ котораго мы отряхнули пыль десятилѣтій. У кого есть подъ рукою лучшіе источники, тотъ можетъ основательнѣе насъ сказать, былъ Парротъ на вершинѣ Арарата, или нѣтъ. Мы же полагаемъ, что былъ, но не на самой высшей его точкѣ.

Д. Пагиревъ.

ПОСЛѢДНІЙ ИГОРНЫЙ ПРИТОНЪ ВЪ ЕВРОПѢ.

Когда оптимисты начинають расхваливать необыкновенное развитіе прогреса въ наше время, славящееся блестящими открытіями и изобрѣтеніями, геніальными созданіями человѣческаго ума во всѣхъ отрасляхъ культуры и знанія, пессимисты указывають на печальное умственное и нравственное состояніе большинства человѣчества, увлекающагося своими страстями, чисто даже звѣрскими инстинктами, одуряющаго себя алкоголемъ, распутствомъ, азартными играми. Увлеченіе даже интелигентной части общества этими средствами наркотизировать себя, терять сознаніе своего достоинства — дѣйствительно изумлясть мыслителя, не раздѣляющаго страсти къ вину, картамъ, разгульной жизни. Страсть эта, не оправдываемая никакими софизмами, въ нашъ вѣкъ является аномаліею, доказывающею, что человѣчество еще очень молодо и не вышло изъ того возроста, когда необходимы всякія опеки и менторы. Роль опекуновъ, надъ этими, не умѣющими владѣть собою, лицами, берутъ на себя правительства, но и они допускають въ этомъ случаѣ такую же странную аномалію. Законодательства всѣхъ странъ наполнены запрещеніями, даже въ частныхъ домахъ, всякаго рода азартныхъ игръ, а между тѣмъ въ цвѣтущемъ уголку Италіи, день и ночь открыто заведеніе, гдѣ при самой роскошной обстановкѣ, въ виду чудесъ природы и искуствъ, публично и торжественно лишають безхарактерныхъ простаковъ ихъ состоянія, обирають методически, доводять до самоубійства систе-

матически. Если можно еще найти облегчительныя обстоятельства для оправданія какого-нибудь тотализатора, то игру въ рулетку уже положительно нельзя ничѣмъ оправдать, кромѣ страсти къ наживѣ съ одной стороны и стремленія къ грабежу подъ защитою закона и покровомъ владѣтельнаго государя независимаго княжества, которому всѣ другіе властители благосклонно разрѣшаютъ грабить ихъ подданныхъ. Недавно въ Парижѣ вышла вторымъ изданіемъ книга Монфальконе «Monte-Carlo intime-physiologie fin de siècle», представляющая закулисную сторону этого любопытнаго учрежденія, лежащаго темнымъ, позорнымъ пятномъ на свѣтлыхъ явленіяхъ нашего времени. Пользуемся этою книгою (наполненною, впрочемъ, напыщенною риторикою и излишнею болтовнею) и нѣкоторыми современными изданіями и газетами, чтобы представить эту интересную и мало извѣстную сторону единственнаго и—будемъ надѣяться! — послѣдняго публичнаго игорнаго дома въ Европѣ.

Странно было бы доказывать вредъ и безнравственность азартныхъ игръ. Моралисты и философы написали объ этомъ цѣлые томы. Самые снисходительные изъ нихъ оправдываютъ существованіе открытыхъ игорныхъ домовъ тѣмъ, что иначе распространились бы тайные притоны, за которыми невозможенъ ни надзоръ, ни контроль. Но въ интересахъ общества лучше, если порокъ будетъ скрываться, а не выставляться на бѣлый свѣтъ. Въ массѣ слабыхъ характеровъ найдется много нерѣшительныхъ людей, которые не пойдутъ въ запрещенное мѣсто, гдѣ ихъ могутъ накрыть. Но открытая игра, подъ защитою правительства, это ущербъ народному труду, соблазнительная приманка для человѣческой жадности, замѣна случаемъ, счастіемъ — общей для всѣхъ обязанности—работать.

Всего лѣтъ сорокъ прошло съ тѣхъ, какъ князь Карлъ Монако, чтобы поправить свои разстроенные финансы, открылъ публичный игорный домъ въ своемъ зàмкѣ, доставшемся ему отъ предковъ изъ благородной фамиліи Гримальди, рыцарей большихъ дорогъ, грабившихъ купцовъ на пути въ Піемонтъ, Савойю и Провансъ. На утесѣ, гдѣ стоялъ уже разрушающійся зàмокъ средневѣковыхъ разбойниковъ, росли только кактусы да алоэ; жители княжества были лживы, грубы, апатичны, съ трудомъ добывали средства къ существованію. Съ игорнымъ домомъ къ нимъ низошло благосостояніе; страсть къ наживѣ побудила ихъ къ дѣятельности, хотя далеко непочтенной. Разжившійся князь отмѣнилъ подать, которую вносили ему подданные за поставку имъ муки, мяса и хлѣба, такъ какъ ихъ повелитель былъ въ то же время ихъ мельникомъ, мясникомъ и булочникомъ, и они обязаны были брать у него съѣстные припасы или вносить за нихъ извѣстную пошлину, если пріобрѣтали ихъ у постороннихъ лицъ. Князь по-

правилъ прадѣдовскій зáмокъ, выстроилъ монастырь, провелъ удобные дороги къ своему разбойничьему гнѣзду, гдѣ продолжали грабить путешественниковъ, но въ комфортабельной обстановкѣ, не приставляя ножъ къ горлу, а приглашая попытать счастье въ азартной игрѣ. Вскорѣ выстроилось роскошное казино Монте-Карло и это благородное учрежденіе развилось особенно съ окончаніемъ франко-прусской войны, когда закрылись игорные дома въ Спа, Баденѣ, Гомбургѣ. Казино взялъ на откупъ французскій аферистъ Бланкъ, сдѣлавшійся господиномъ въ Монако. Надъ этимъ «директоромъ» нѣтъ никакого надзора—онъ полный хозяинъ и распорядитель не только въ своемъ притонѣ, но и во всемъ княжествѣ. Наслѣдникъ князя Карла—Карлъ-Альбертъ не живетъ въ своихъ владѣніяхъ и, женившись на жидовкѣ, жуируетъ за границей, предоставивъ свои владѣнія въ полное распоряженіе арендатора Монте-Карло. Прошелъ было слухъ, что наслѣдуя своему отцу, сынъ уничтожитъ это позорное учрежденіе въ своемъ княжествѣ, но отказаться отъ нѣсколькихъ мильоновъ спокойнаго дохода было бы «по нынѣшнимъ временамъ» чистымъ безуміемъ.

Содержатель блестящаго князя, Бланкъ, несмотря на то, что онъ сынъ прачки, сдѣлался и самъ важнымъ лицомъ, породнившись съ Бонапарте и Радзивилами. Младшій изъ Бланковъ, Эдмондъ, служилъ первымъ министромъ у Виктора Бонапарте, будущаго императора французовъ, какимъ онъ, по крайней мѣрѣ, самъ себя считаетъ. Старикъ Бланкъ употребилъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать какъ можно разнообразнѣе увеселенія въ Монте-Карло. Теперь тамъ всякій день концерты, театральныя представленія, маскарады, скачки, стрѣльба въ голубей, рауты, на которые собирается многочисленная публика изъ Сан-Ремо, Каннъ, Ментона, вмѣстѣ съ туристами изъ Вѣны, Лондона, Парижа, Берлина, Петербурга—подъ предлогомъ воспользоваться блестящими спектаклями и увеселеніями. Все же, проигравъ свое состояніе, пріятнѣе пустить себѣ пулю въ лобъ подъ звуки увлекательной музыки, въ присутствіи горизонталокъ съ громкими титулами—настоящими или подложными разныхъ княгинь и графинь. А сценическія знаменитости, артистическія звѣзды, исполняющія въ Монте-Карло и другія приватныя обязанности,—развѣ не лестно, разворивъ всю свою семью, перейти на ихъ глазахъ изъ этого бреннаго міра въ другой, гдѣ нѣтъ ни рулетки, ни наживающихся отъ нея владѣтельныхъ монарховъ. Говорятъ, впрочемъ, что князь Карлъ-Альбертъ, или, по крайней мѣрѣ, жена его, рожденная Гейне,—конфузятся, когда при нихъ заговорятъ о постыдной страсти къ игрѣ,—и вообще семейный союзъ Бланковъ, Бонапарте и Радзивиловъ недоволенъ тѣмъ, что князь Монако занимается для чего-то естественными науками и потому не принимаетъ особенно дѣятельнаго участія въ эксплуатаціи интере-

совъ игорнаго притона. Поэтому семейный совѣтъ трехъ знаменитыхъ фамилій интригуетъ, чтобы заставить князя отказаться отъ власти и передать ее Роланду Бонапарте. Этотъ, хоть тоже ученый, но политико-экономъ, то есть попросту — спекуляторъ, къ тому же еще страшно скупой, а почтенный тройственный союзъ жалуется, что расходы на монте-карловскія увеселенія въ послѣднее время очень велики и даже представилъ соображенія о сокращеніи ихъ, составленныя участниками благороднаго предпріятія— потому что есть и такіе участники, и хотя 80% монакской аферы принадлежитъ четыремъ громкимъ фамиліямъ, 20% все-таки достояніе другихъ лицъ, негромкія имена которыхъ необходимо все-таки сохранить для потомства. Это нѣкто Дюпрессуаръ, Шартранъ и Тезилья, бывшій префектъ второй имперіи и, разумѣется, кавалеръ Почетнаго Легіона.

Но не столько эти господа, какъ епископъ Монако, его духовенство и монахи, недовольные религіознымъ индиферентизмомъ князя Карла-Альберта, его женитьбой на жидовкѣ и слухами, что онъ сбирался закрыть игорный домъ,—ведутъ подпольную интригу въ Римѣ и Парижѣ, хлопоча, чтобы итальянское и, скорѣе всего, французское правительство, выкупили у князя Монако его владѣніе, то есть выдали бы всѣмъ этимъ Бланкамъ и Бонапарте сотню милліоновъ франковъ за ихъ «права» на долю въ игорномъ выигрышѣ. Замѣну же князя Монако принцомъ Роландомъ очень легко произвести. Населеніе княжества живетъ только тѣми доходами, какіе ему доставляетъ казино, содержащее на свой счетъ полицію и жандармовъ въ странѣ. Стало быть оно знаетъ всѣхъ, кто тамъ поселяется и допускаетъ туда только своихъ приверженцевъ. Трактиры, публичныя мѣста Монако наполнены служащими въ казино, сторожами, крупье, пожарными, шпіонами; стоитъ имъ подговорить десятокъ другой бездѣльниковъ, подпоить горсть княжеской гвардіи и, въ одинъ прекрасный день, произвести на площади передъ дворцомъ манифестацію съ криками: «долой Карлъ-Альберта, да здравствуетъ принцъ Роландъ!» и государственный переворотъ совершится очень спокойно. Вольно же князю не жить въ своемъ владѣніи и рѣдко туда показываться.

Въ казино Монте-Карло есть своя администрація. Чтобы придать игрѣ видъ правильнаго надзора за нею, въ одномъ изъ флигелей зданія устроено «спеціальное бюро», то есть полицейскій контроль, наблюдающій за интересами не игроковъ, а самаго учрежденія. Допускается въ казино всякій, безъ платы, особенно иностранецъ, но записываютъ его имя и адресъ и потомъ наводятъ объ немъ справки. Когда крупье доносятъ своей полиціи, что такой-то проигрался, имъ предписываютъ быть съ нимъ грубыми, дерзкими, довести его до рѣзкихъ фразъ, до столкновеній съ распорядителями и тогда объявляютъ ему, что входъ въ ка-

зино для него закрыть, такъ какъ «мы въ своемъ домѣ играть васъ не приглашали, за входъ ничего не брали и обязаны соблюдать тишину и благочиніе». Исключенный изъ казино его полиціей, передается въ другую полицію—самаго княжества, имѣющую право высылать безпокойныхъ иностранцевъ. Проигравшимся до послѣдней нитки, но унижающимся передъ однимъ изъ шести «инспекторовъ игры», выдаютъ иногда сотню франковъ для выѣзда изъ княжества, но съ обязательствомъ возвратить сумму «обществу морскихъ купаленъ въ Монако».

О богатыхъ иностранцахъ справляются, посылая телеграмы въ ихъ отечество, потомъ каждаго изъ нихъ администрація поручаетъ особой горизонталкѣ, на обязанности которой лежитъ—завлекать его въ игру, заставлять его дѣлать крупныя ставки. «Эти дамы» являются настоящими рабынями игорнаго притона, который безжалостно изгоняетъ ихъ, какъ только онѣ ослушаются его приказаній, или теряютъ съ годами долю своихъ прелестей и роскошныхъ туалетовъ и блестящихъ украшеній, поминутно закладываемыхъ ростовщикамъ, потому что жить вѣдь надобно же, а ужины въ отдѣльныхъ кабинетахъ съ щедрыми игроками случаются далеко не всякій день. Къ тѣмъ изъ нихъ, которыя сами принимаютъ участіе въ игрѣ, подавая примѣры колеблющимся игрокамъ, администрація относится снисходительнѣе и, въ послѣднее время, долго терпѣла въ своихъ салонахъ такую развалину какъ Кора Пирль, когда-то обиравшая принца Наполеона, Измаилапашу и другихъ извѣстныхъ лицъ.

Главная роль въ казино принадлежитъ распорядителямъ игры, вертящимъ рулетку, такъ называемымъ крупье. Это господа, одѣтые по послѣдней модѣ, съ перстнями на пальцахъ, расчесанные, надушеные, съ изысканными манерами, сгибающіеся передъ крупными понтерами, наглые съ проигравшимися. Это большею частью нѣмцы или жиды, говорящіе между собою на какомъ-то воровскомъ нарѣчіи, смѣси марсельскаго, нижне-нѣмецкаго и ломаннаго итальянскаго, господствующаго въ Ниццѣ. На чисто французскомъ языкѣ они знаютъ только двѣ необходимыя фразы: «faites vos jeux» и «rien ne va plus». Отъ ловкаго крупье зависитъ дать то или другое движеніе рулеткѣ, ускоренное или болѣе медленное, и потому «испекторъ игръ» внимательно слѣдитъ за расторопными индивидумами и тотчасъ же смѣняетъ апатичныхъ и неловкихъ. А ихъ за восемью столами съ рулеткой—цѣлая армія, зорко слѣдящая за всѣми ставками и охраняющая интересы банка. Каждый столъ съ рулеткой, по отчетамъ казино, приноситъ въ день до десяти тысячъ франковъ прибыли.

Случается выигрывать и понтерамъ, но это ни къ чему не служитъ. Человѣческая жадность такъ велика, что счастливый игрокъ при выигрышѣ никогда не останавливается, все хочется

получить больше; при проигрышѣ всякій надѣется отыграться и, въ концѣ концовъ, банкъ возвращаетъ всѣ свои временныя потери. Между игроками любопытнѣе всего типы проигравшихся, но убѣжденныхъ въ томъ, что они нашли вѣрную систему, которая должна повести къ выигрышу. Такой маньякъ проводитъ обыкновенно цѣлые дни за игорнымъ столомъ, отмѣчая, какіе цвѣта и цифры выходятъ въ каждую игру. Разъ, иногда два, въ день онъ ставитъ на «красную или черную» пять франковъ, минимумъ ставки, добытые можетъ быть лишеніемъ себя обѣда и, въ случаѣ выигрыша, съ торжествомъ разсказываетъ окружающимъ о непреложности своей системы. Чаще всего онъ, однако, проигрываетъ и тогда, уединившись въ пустой уголокъ одного изъ салоновъ, вытаскиваетъ изъ кармановъ отмѣтки хода каждой партіи за прошлые дни и недѣли, старается найти въ нихъ ошибку, или убѣдить себя, что онъ ошибся въ своихъ выкладкахъ и расчетахъ. Иные, проигравъ всѣ наличныя деньги, но увлеченные страстью къ игрѣ, тутъ же, въ ресторанѣ казино, закладываютъ свои часы, перстни, булавки, у ростовщиковъ, всегда наполняющихъ казино, и возвращаются къ рулеткѣ, чтобы опять проиграть все, отданное въ залогъ за полцѣны, плюсъ жидовскіе проценты. За игорнымъ столомъ встрѣчаются нерѣдко и страдающіе грудными болѣзнями, хотя теперь такіе больные отправляются больше въ Корсику, Сицилію, Алжиръ, избѣгая сильнаго волненія, возбуждаемаго игрою и вредно дѣйствующаго на слабое здоровье. Недавно къ игорному столу камердинеръ подвезъ нѣмца, не владѣющаго ногами, но желавшаго поиграть въ рулетку. Усѣвшись, нѣмецъ отпустилъ камердинера, приказавъ ему вернуться черезъ часъ, чтобы отвезти его домой. Минутъ въ двадцать выигралъ онъ большую сумму, но не могъ оставить своего мѣста и, принужденный продолжать игру, скоро спустилъ все, что̀ пріобрѣлъ и все что̀ имѣлъ съ собою. Это такъ подѣйствовало на больного, что когда камердинеръ явился за своимъ господиномъ, онъ нашелъ въ креслѣ уже похолодѣвшій трупъ.

Чаще всего, въ послѣднее время, Монте-Карло посѣщалось нѣмцами. Послѣ франко-прусской войны цѣлыя тучи ихъ появились въ Ниццѣ и ея окрестностяхъ, вдоль Генуэзскаго залива, въ Винтимиллѣ, Бордингера, особенно въ Санъ-Ремо, куда они совершали паломничество въ хорошенькую виллу на лигурійскомъ берегу, гдѣ думалъ найти изцѣленіе отъ своей страшной болѣзни ихъ императоръ Фридрихъ III, котораго они почитаютъ гораздо болѣе, чѣмъ его наслѣдника. Эти друзья Криспи, съ ихъ грубыми манерами и плотоядными инстинктами, распоряжаются въ Италіи, какъ у себя дома, и въ Монако не стѣсняются составлять по кабакамъ, съ приверженцами лиги мира, планы новаго вторженія во Францію. Съ этой цѣлью прусскіе штаб-офицеры въ отпуску усердно любуются

итальянскою природою на границахъ Франціи, снимая за одно планы со всѣхъ пограничныхъ укрѣпленій. Два послѣдніе года сюда каждое лѣто пріѣзжалъ Мольтке—отдыхать отъ составленія проектовъ, какъ удобнѣе проникнуть черезъ Альпы въ Провансъ и Савойю съ берсальерами короля Гумберта. Монако кишитъ нѣмцами, особенно баденцами, и французскіе инженеры, устроивая стратегическую дорогу вдоль залива, не проложили прямого пути черезъ территорію княжества, а провели вокругъ него окольныя дороги. Не слишкомъ ли много чести для игорнаго притона, что нейтралитетъ его будутъ уважать во время войны? Въ рулетку и trente et quarante нѣмцы, впрочемъ, играютъ немного. Жадные и расчетливые, они не доходятъ до крупныхъ проигрышей и умѣютъ остановиться во время. Только одинъ виртембергскій баронъ проигралъ въ послѣднее время болѣе двухсотъ тысячъ марокъ. Гораздо больше денегъ провертѣли въ рулетку въ 1889 году граждане заатлантической республики. Массами нагрянули они въ Монако съ парижской выставки и оставили въ казино столько долларовъ, что по отчету Монте-Карло доходы банка въ 1889 году превысили доходъ 1888 года на семь милліоновъ франковъ.

Англичане всегда расчетливы не меньше нѣмцевъ и не увлекаются желаніемъ отыграться. Спустивъ въ рулетку значительный кушъ, холодный сынъ туманнаго Альбіона не возвращается въ свое отечество, а ѣдетъ снова наживать состояніе въ одну изъ колоній, всегда дающихъ возможность Джонъ-Булю поправить свои финансы. Но когда англичанинъ чувствуетъ потребность—business, играть, онъ весь отдается этой страсти, не обращая вниманія на выигрышъ или проигрышъ. Остановить его можно только силою или закономъ. Но если въ кабакахъ не даютъ уже больше вина зѣло нагрузившимся посѣтителямъ, въ притонѣ князя Карла-Альберта крупье дѣлаются тѣмъ учтивѣе и любезнѣе, чѣмъ чаще бросаютъ золото на красную или черную. Недавно одинъ лордъ издалъ брошюру подъ заглавіемъ: «Какъ я проигралъ сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ два года». Но и потерявъ милліонъ рублей, лордъ не пришелъ въ отчаяніе и не пустилъ себѣ пулю въ лобъ — средство, которымъ англичане лечатся отъ двухъ крайностей въ жизни: отъ слишкомъ сильныхъ увлеченій и отъ мертвящаго душу сплина. Къ этому средству въ Монако чаще всего прибѣгаютъ жители южныхъ странъ. Авторъ книги о Монте-Карло причисляетъ къ нимъ и русскихъ «раззоряющихся какъ вельможи», en grands seigneurs, и говоритъ даже, что существуетъ указъ, запрещающій имъ посѣщать казино, вслѣдствіе частыхъ самоубійствъ проигравшихся. Это, конечно, не правда, и случаи насильственной смерти лицъ высшаго круга нельзя было бы скрыть отъ публики, еслибъ они часто повторялись. Итальянцы и испанцы больше кричатъ о своихъ проигрышахъ, чѣмъ проигры-

ваютъ. Больше всего жертвами рулетки дѣлаются французы. Это происходитъ оттого, что выиграть въ рулетку думаютъ не только богатые люди, но буржуазія и комерсанты, для которыхъ часто незначительная потеря въ игрѣ становится гибельною.

Больше ихъ проигрываютъ игроки случайные, туристы, пожелавшіе изъ любопытства познакомиться съ этимъ «адомъ», какъ называютъ Монте-Карло англійскіе піэтисты. Этихъ людей не жаль, потому что они ничего не производятъ, нисколько не содѣйствуютъ развитію мѣстной промышленности и не дадутъ франка инстинно бѣдному человѣку. Еще болѣе отталкивающими качествами отличаются професіональные игроки, завсегдатаи модныхъ парижскихъ клубовъ или нѣмецкихъ курортовъ, герои бакара, скачекъ, тотализаторовъ, биржевыхъ спекуляцій, небрежно бросающіе въ рулетку тысяче-франковые билеты, добытые темными путями. Эти великосвѣтскіе бандиты, контрабандные набобы, играющіе въ своихъ клубахъ навѣрняка, пускающіеся въ банковыя операціи весьма сомнительнаго свойства, рискуютъ по временамъ играть на счастье въ Монако, особенно послѣ какой-нибудь удачной продѣлки, доставившей имъ возможность выказывать въ казино роскошь дурного тона. Они, конечно, тоже проигрываютъ въ рулетку, но наверстываютъ свои потери разными аферами, такъ какъ игорный домъ кишитъ простаками всякаго сорта. Недавно этимъ добродушнымъ пижонамъ указывали въ Монако на одного французскаго маркиза (всѣ авантюристы и мошенники высшаго полета — французскіе графы или итальянскіе князья) какъ на рѣдкій примѣръ супружеской любви: жена его погибла во время недавняго землетрясенія на островѣ Искія, разрушившаго хорошенькій городокъ Казамичіола. Мужъ какимъ-то чудомъ спасся во время катастрофы; но, вмѣсто того, чтобы бѣжать, несмотря на угрожавшую опасность, не оставлялъ развалинъ своего дома, отъискивая въ нихъ трупъ своей жены, погребенной подъ обломками. Стараніе его увѣнчалось успѣхомъ, и онъ вынесъ дорогой трупъ на берегъ моря. Скептики говорили, однако, что трупъ былъ дѣйствительно дорогой, такъ какъ покойная маркиза, въ минуту гибели, сбиралась на балъ и на ней были всѣ ея фамильные брилліанты и драгоцѣнности, которые неутѣшный супругъ поспѣшилъ снять съ обезображеннаго трупа.

Въ годъ въ Монте-Карло перебываетъ до ста тысячъ игроковъ. 80 процентовъ изъ нихъ проигрываютъ отъ ста франковъ до десяти тысячъ, 10%—до 25,000, 8 — до 40,000, наконецъ, два процента оставляютъ тутъ 50,000 и болѣе. Крупье также нерѣдко играютъ сами въ рулетку, поручая подставнымъ за себя лицамъ значительныя суммы и давая имъ, конечно, разными мошенническими продѣлками, средство выиграть, что, однако невсегда удается, такъ какъ за каждымъ столомъ наблюдаетъ множество

шпіоновъ, приставленныхъ контролемъ. Попавшаго въ плутнѣ крупье, разумѣется, тотчасъ же прогоняютъ, но и между случайными игроками встрѣчаются иногда лица, неплатящія своихъ проигрышей. Старикъ, по костюму зажиточный торговецъ, сѣлъ за рулетку, вынулъ изъ бумажника десять банковыхъ билетовъ по тысячѣ франковъ каждый, пересчиталъ ихъ и поставилъ на красную. Красная проиграла, но старикъ быстро схватилъ свои билеты и опустилъ ихъ опять въ карманъ, вскричавъ голосомъ стентора:

— Канальи! Это приданое моей дочери,—и вы его не получите!

И прежде чѣмъ ошеломленные крупье пришли въ себя, старикъ быстрыми и твердыми шагами вышелъ изъ казино.

Въ другой разъ три, повидимому сильно подгулявшіе, но здоровенные англичанина подошли къ рулеткѣ; одинъ поставилъ шесть тысячъ франковъ на красную, другой такую же сумму на черную, третій стоялъ и размахивалъ жилистыми кулаками. Красная выиграла, англичанинъ получилъ шесть тысячъ, но поставившій на черную также захватилъ и спряталъ свою ставку. Ему стали кричать: да вѣдь вы проиграли!—Do not understand!—отвѣчалъ спокойно англичанинъ и всѣ трое направились къ выходу. Одинъ изъ инспекторовъ кинулся преградить имъ дорогу, но съ такою силою былъ отброшенъ въ уголъ жилистымъ англичаниномъ, что сторожа казино не рѣшились остановить сплотившуюся тройку, успѣвшую скрыться, пока власти звали полицію. Понятно, что такіе фортели удаются невсегда и не часто случаются, также какъ и попытки обмануть банкъ. Когда крупье начинаетъ выкрикивать выигравшіе нумера, на одинъ изъ нихъ вдругъ кто-то ставитъ монету въ пять франковъ, ему замѣчаютъ, что теперь уже нельзя ставить и — rien ne va plus. Тотъ спокойно снимаетъ свою монету, но подъ нею оказывается наполеондоръ и сосѣдъ заявляетъ, что онъ давно уже ставилъ двадцать франковъ, которые ему и принуждены выплатить. Но и этотъ фокусъ, удавшійся разъ, конечно, не могъ повторяться. Мудрено обворовать банкъ, занимающійся обворовываніемъ другихъ. Изъ золотыхъ монетъ подъ серебряной пятифранковикъ можно спрятать наполеондоръ, но не спрячешь красивую монету въ сто франковъ, какую чеканитъ для Монако парижскій монетный дворъ, уступая ее княжеству за 91 франкъ. За что Франція дѣлаетъ это снисхожденіе игорному притону? Не за то ли, что князь Монако Гонорій V, умершій въ Парижѣ въ 1841 году, чеканилъ въ своихъ владѣніяхъ фальшивую монету съ своимъ изображеніемъ до того наводнившую Провансъ, что правительство Луи-Филиппа принуждено было запретить обращеніе ея на французскихъ рынкахъ.

«Общество морскихъ купаній въ Монако» хочетъ увѣрить простаковъ, что его рулетка не приноситъ ему барышей. Но акціи

общества, стоившія первоначально 200 франковъ, котируются теперь въ 2,000 и приносятъ $7^1/_2$ процентовъ, — и это за вычетомъ всѣхъ расходовъ по администраціи казино, послѣ выдачи огромнаго приданаго дочерямъ Бланка, вышедшимъ замужъ за Роланда Бонапарте и Радзивила и пенсіи Камиллу и Карлу Бланкамъ, побочнымъ дѣтямъ основателя рулетки. Нынѣшній глава дома Бланковъ, Эдмондъ, и князь Радзивилъ получаютъ 38 милліоновъ съ банка, Роландъ Бонапарте 22 милліона. Затѣмъ крупные куши получаютъ: князь Монако, графъ Бертора, губернаторъ княжества, семейство Вагата, бывшаго директора банка и зятя Бланка, касса городского кредита въ Ниццѣ, нѣкоторыя политическія лица и нѣсколько журналистовъ, расхваливающихъ въ своихъ листкахъ благородное учрежденіе рулетки. Главное лицо въ этой шайкѣ привилегированныхъ грабителей—принцъ Роландъ, душа всего дѣла; за нимъ министръ финансовъ, графъ Бертора, производящій всѣ уплаты и выдачи. Никакой роли въ управленіи своимъ княжествомъ не играетъ Карлъ Альбертъ, хотя у него своя армія, пожарные, іезуиты, одна пушка и свои почтовыя марки, передающія портретъ монарха отдаленному потомству. Отъ Бланковъ онъ получаетъ ежегодно милліонъ двѣсти тысячъ франковъ содержанія, тогда какъ его отецъ Карлъ III получалъ всего 200,000.

Среднимъ числомъ въ послѣднее время Монте-Карло давало ежегодно 30 милліоновъ прибыли. Всѣ расходы простирались до 6.640,000 франковъ, акціонеры по $7^1/_2$ процентовъ получили 6.100,000. Стало быть 18,200,000 раздѣлили между собою семейство Бланковъ, князь, Бертора и еще нѣсколько лицъ, кромѣ тѣхъ суммъ, какія они получили какъ акціонеры. Никогда никакой игорный притонъ не приносилъ такой выгоды. Въ Парижѣ до 1837 года, при семи игорныхъ домахъ, во время самаго азартнаго увлеченія, Беназе платили ежегодно государству 5.500,000 франковъ откупной суммы и 500,000 лежали залогомъ въ городской кассѣ. Ежегодные барыши игорныхъ домовъ не превышали восьми милліоновъ. Правда, съ тѣхъ поръ прогрессъ шелъ впередъ исполинскими шагами.

16-го апрѣля 1892 года истекаетъ срокъ контракта, заключеннаго княземъ Монако съ наслѣдниками Бланка. Въ контрактѣ «Общества морскихъ купаній» на первомъ планѣ стоятъ гигіеническія и эстетическія цѣли; рулетка отнесена къ числу «разныхъ игръ», какія Общество имѣетъ право устроивать въ казино. Но гигіена тутъ, понятно, не причемъ: никому и не приходитъ въ голову купаться въ грязной бухтѣ у подножія скалы, куда сливаются всѣ нечистоты изъ ресторановъ и кухонь. Эстетическому чувству, конечно, удовлетворяютъ спектакли и концерты, даваемые Обществомъ: на подмосткахъ Монте-Карло являлись всѣ современныя знаменитости: Патти, Николини, Зандтъ, Требелли, Ре-

неке, Форъ, Росси, Сара Бернардъ. Слушать ихъ пріѣзжали виртембергскій король, принцъ Уэльскій, бразильскій императоръ, король Миланъ. Но въ то время, когда въ концертномъ залѣ раздавались мелодическіе или трагическіе акорды, въ сосѣднемъ салонѣ высокопоставленныя особы пробовали свое счастье въ рулетку: Миланъ просиживалъ цѣлые часы у игорнаго стола. Принцъ Уэльскій, пріѣхавшій въ прошломъ году въ Каннъ на открытіе памятника умершему въ этомъ городѣ брату принца герцогу Альбани, успѣлъ до начала церемоніи, утромъ, выиграть три тысячи франковъ... Неужели, однако, и въ будущемъ году Европа не положитъ конецъ скандальному существованію притона международныхъ грабителей? Закрылъ же въ 1871 году Вильгельмъ I всѣ нѣмецкіе игорные дома, несмотря на всѣ ихъ контракты и привилегіи. Да и самое княжество Монако не пора ли возвратить Франціи, овладѣвшей имъ во время революціи. Вѣнскій конгресъ, реставрировавшій нѣмецкихъ князьковъ, жабо и пудру, возвратилъ Монако дому Гримальди, изъ генуэзскихъ купцовъ, давно прекратившемуся въ мужскомъ поколѣніи. Монако съ VIII столѣтія столько разъ переходило то къ Италіи, то къ Франціи, то къ Испаніи, что не можетъ претендовать на независимость. Въ 1858 году города княжества, Ментонъ и Рокбрюнъ, выведенные изъ терпѣнія гнетомъ и вымогательствами князя, просили о присоединеніи ихъ къ Франціи, что и было исполнено. Очередь теперь за Монте-Карло съ его рулеткой — этимъ позорнымъ изобрѣтеніемъ нашего вѣка, гордящагося своею культурою и гуманностью.

В. Зотовъ.

Рис. 1.

НЕИЗДАННЫЯ КАРИКАТУРЫ ТЕККЕРЕЯ.

ВЪ АМЕРИКАНСКОМЪ журналѣ «Harper's New Monthly Magazine» напечатаны двѣнадцать подлинныхъ набросковъ знаменитаго автора «Vanity Fair» Уилльяма Теккерея, съ краткимъ поясненіемъ къ нимъ дочери писателя Анны Теккерей-Ритчи. Рисунки изображаютъ «Героическія приключенія Будэня». Это, очевидно, карикатуры на Наполеона I. О происхожденіи рисунковъ Анна Ритчи разсказываетъ слѣдующеее:

«По мѣрѣ того, какъ онъ (Теккерей) слабѣлъ и тѣломъ, и духомъ, онъ все менѣе и менѣе появлялся въ обществѣ, но онъ никогда не переставалъ любить своихъ старыхъ друзей. Хотя обѣды въ гостяхъ и утомляли его, но онъ не прочь былъ выкурить си-

гару въ уютномъ пріятельскомъ кружкѣ, а я увѣрена, что для него не было пріятнѣе компаніи его друзей — мистера и миссисъ Робертъ Бэль, которые любили его и принимали его у себя съ такимъ радушіемъ, что онъ всегда чувствовалъ себя у нихъ какъ дома».

Помимо радушія, его привлекала здѣсь пріятная бесѣда съ хозяиномъ дома, который былъ нѣкогда редакторомъ журнала «Atlas»,

Рис. 2.

написалъ «Исторію Россіи» и издавалъ избранныя произведенія англійскихъ писателей, отъ Чосера до Купера включительно.

«Однажды, — разсказываетъ г-жа Ритчи, — я и сестра вмѣстѣ съ отцомъ обѣдали у супруговъ Бэль въ «Iork Place». Помню, какъ послѣ обѣда миссисъ Бэль, улыбаясь, сказала: «А теперь, мистеръ Теккерей, я покажу вашимъ дочерямъ мой альбомъ». И сейчасъ же на кругломъ столѣ появились книжки съ картинками. Оказалось,

Рис. 3.

Рис. 4.

что уже съ давняго времени у отца моего вошло въ привычку всякій разъ, когда ему случалось провести у нихъ вечеръ, дѣлать для этого альбома рисунокъ. И такъ страница за страницей альбомъ наполнился его рисунками...

«Вскорѣ послѣ этого случая отца нашего не стало. Мы уѣхали за границу и никогда больше не видались съ супругами Бэль. М-ръ Бэль жилъ всего три года послѣ смерти моего отца». Прошло двадцать пять лѣтъ. Воспоминанія о вышеописанномъ посѣщеніи маленькаго домика въ «Jork Place» мало-по-малу улетучились».

Рис. 5.

И вдругъ въ одинъ прекрасный день миссъ Теккерей-Ритчи получила письмо, извѣщавшее ее, что одна лэди, только-что скончавшаяся въ Риджентъ-Паркѣ завѣщала г-жѣ Ритчи альбомъ съ рисунками, доставшійся ей отъ друзей.

«Я,—пишетъ г-жа Ритчи,—совсѣмъ не знала этой лэди, и никакъ не могла объяснить себѣ обстоятельствъ этого дѣла. Дѣти развязали пакетъ и принесли мнѣ книгу — старомодный альбомъ въ коричневомъ сафьянномъ переплетѣ. Это были рисунки моего отца, но я никакъ не могла припомнить, гдѣ и когда ихъ видѣла.

Рис. 6.

На переплетѣ альбома было вырѣзано золотыми буквами имя миссъ Джорджъ. Тутъ мнѣ стало все понятно. Это прежняя фамилія миссисъ Бэль. Альбомъ оказался той самой книгой, которую мы ви-

Рис. 7.

дѣли у нея 25 лѣтъ назадъ, что подтвердилось и вторичнымъ письмомъ адвоката, гдѣ говорилось, что альбомъ былъ оставленъ миссисъ Бэль ея пріятельницѣ, а эта добрая женщина, въ свою очередь, пожелала вернуть его мнѣ».

Вотъ изъ этого-то альбома и воспроизведены карикатуры, изображающія «Героическія приключенія Будэня». Содержаніе ихъ таково:

1) Будэнь, рыбакъ изъ Булоньи съ тремя своими соотечественниками завладѣваетъ англійскимъ фрегатомъ «Conqueror» съ 36 пушками, собственноручно убиваетъ капитана корабля сэра Гуи-

Рис. 8.

паджа, трехъ лейтенантовъ, 83 матросовъ, солдатъ и т. д. 13-го Вандемьера V-го года.

2) Знаменитый Будэнь представляется Директоріи, которая даетъ ему въ награду вѣнокъ и двадцать су.

3) На этой композиціи показано, какъ Будэнь сражается съ англійскимъ флотомъ. Тридцать три военныхъ корабля падаютъ подъ неотразимыми ударами. Но увы! Приходится покориться жребію. Тридцать четвертый корабль (съ милордомъ Нельсономъ) набрасывается на корабль Будэня, беретъ его, сжигаетъ. Всѣ убиты, за исключеніемъ Будэня.

Примѣчаніе. Самой битвы не видно вслѣдствіе большого дыма отъ пушекъ, ружей, пистолетовъ, бомбъ и проч.

Рис. 9.

4) Покрытый ранами, закованный въ кандалы, Будэнь представляется милорду. Побѣдитель трепещетъ передъ побѣжденнымъ.

5) Въ адскихъ казематахъ Портсмута (гдѣ столько французовъ уже погибло) Будэнь расплачивается за свою пагубную доблесть. Ему даютъ только полпинты воды съ одной пенириолью (маленькій хлѣбецъ въ два су) въ недѣлю.

6) Миссъ Фанни, дочь губернатора, приходитъ утѣшать его.

7) Романическая сцена нѣжности. Будэнь съ своей вѣрной Фанни спасается бѣгствомъ въ парусной лодкѣ.

8) Высадившись въ Калэ, Будэнь съ своей обожаемой супругой, спѣшитъ въ Парижъ. Цѣломудренныя и законныя ласки ослабляютъ томительность длинной дороги.

9) Немедленно по прибытіи, бравый морякъ отправляется ко двору его величества императора и короля. Въ прикрашенной па-

Рис. 10.

Рис. 11.

рижскимъ искусствомъ въ рѣзвой Фанни нельзя узнать ничтожной миссъ изъ Портсмута. «Молодая островитянка-красавица», говорятъ неотесанные гренадеры.

10) Его величество императоръ и король въ восторгѣ отъ возвращенія своего вѣрнаго Будэна, деретъ его за правое ухо[1]. «Эрц-канцлеръ[2], — говоритъ его величество, — принесите мой «G-r-r-r-rand» крестъ для моего эрц-адмирала. Его свѣтлость князь де-Беневентъ подаетъ требуемые орденскіе знаки.

11) Всѣ придворныя дамы едва въ состояніи сдержать свою злобу при видѣ небесной красоты супруги Будэня, которая колѣнопреклоненно цѣлуетъ красивыя руки ея величества императрицы и королевы.

Примѣчаніе. Г. Альфредъ д'Орсэ исполняетъ роль пажа.

12) Будэнъ! Ватерло!

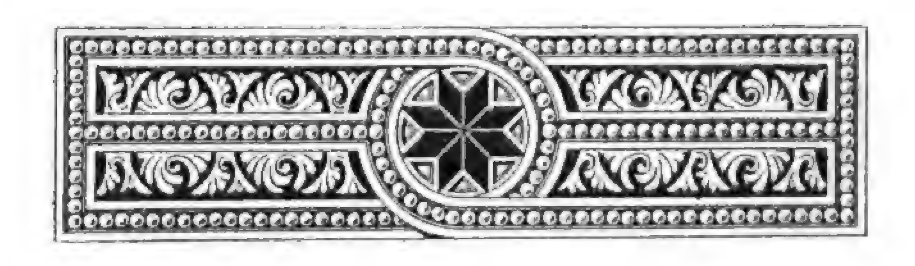
Ѳ. Б.

Рис. 12.

[1]) Небезъизвѣстно, что такой лаской Наполеонъ имѣлъ обыкновеніе выражать свой фаворъ подчиненнымъ.

[2]) Т. е. Талейранъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Файфъ. Исторія Европы XIX вѣка. Томъ III съ 1848—1878. Переводъ М. В. Лучицкой подъ редакціей проф. Лучицкаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1890.

Тридцать лѣтъ, исторію которыхъ обнимаетъ этотъ томъ Файфа, такъ близки къ намъ, что дать ясный очеркъ событій, въ нихъ происшедшихъ на пространствѣ 300 страницъ, кажется дѣломъ почти невозможнымъ, и нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ за него взялся человѣкъ съ посредственнымъ талантомъ, книга его не заслуживала бы названія «Исторіи»; она или представляла бы изъ себя перечень голыхъ фактовъ, безъ разграниченія важнаго отъ неважнаго, или рядъ передовыхъ статей по политическимъ вопросамъ, можетъ быть, очень интересныхъ, но не могущихъ представить картины столь свѣжихъ въ нашей памяти событій. А между тѣмъ потребность въ такой книгѣ до крайности велика: теперь дѣйствуютъ люди, которые или были очевидцами именно этого тридцатилѣтія, или слышали, читали объ немъ разсказы очевидцевъ. Нашъ театръ, наши романы, великіе писатели, недавно сошедшіе со сцены и служащіе нашей умственной пищей, все это связано именно съ событіями этого тридцатилѣтія. А мы знаемъ изъ него только детали, и намъ такъ необходимо осмыслить ихъ чѣмъ-нибудь общимъ и связующимъ. Файфъ оказалъ намъ всѣмъ огромную услугу, удовлетворительно исполнивъ свою крайне трудную задачу. Кромѣ большой эрудиціи, тонкой наблюдательности и не зауряднаго таланта изложенія, ему оказало не малую помощь то случайное обстоятельство, что онъ ни французъ, ни нѣмецъ, а англичанинъ, членъ націи, которая въ продолженіе этихъ 30 лѣтъ

во все вмѣшивалась, за всѣмъ наблюдала, но ни въ чемъ, кромѣ Крымской войны, не принимала первостепеннаго участія. Къ тому же англичане это, именно тотъ народъ, изъ среды котораго по условіямъ его культуры политическаго развитія и даже отчасти темперамента должны выходить лучшіе историки близкихъ намъ событій. Извѣстно, что объективность, въ такихъ случаяхъ рѣшительно невозможная, уже со временъ Маколея вовсе не считается въ Англіи великимъ достоинствомъ, а съ другой стороны субъективность англичанина никогда не доведетъ до не научнаго лиризма нѣмцевъ, или столь же ненаучной страстности романской расы.

Само собою разумѣется, что Файфъ не могъ исполнить своей задачи не ограничивъ себя строго въ выборѣ фактовъ: онъ долженъ былъ выкинуть все второстепенное и даже многое первостепенное для того, чтобы сосредоточить вниманіе на пяти-шести главныхъ событіяхъ, такъ что исторія Европы отъ 1848—1878 сводится у него къ слѣдующему: революція 1848 г. внѣ Франціи, Іюльскіе дни во Франціи и воцареніе Луи-Наполеона; Крымская война; Итальянская война объединенія, Австро-Прусская война, Франко-Прусская война и Русско-Турецкая война съ ея ближайшими послѣдствіями. Вотъ и все.

Американская междуусобная война и мексиканская экспедиція пропущены имъ совсѣмъ, какъ событія, происходившія внѣ Европы. Культура, литература не затронуты; событія, такъ называемой внутренней политики, упоминаются рѣдко и то въ томъ только случаѣ, если имѣютъ отношеніе къ внѣшней политической дѣятельности государства. Такой же строгій выборъ принужденъ сдѣлать Файфъ и относительно дѣятелей даже въ этихъ немногихъ событіяхъ: по пальцамъ можно перечесть всѣхъ, кого онъ выводитъ на сцену съ болѣе или менѣе полными характеристиками; тѣхъ, кого онъ не имѣетъ мѣста характеризовать, старается не называть даже по имени.

Конечно, можно многое возразить противъ такого выбора фактовъ, но на всякое возраженіе можно найти нѣсколько контръ-возраженій... Войны нашего столѣтія во всякомъ случаѣ представляютъ такіе верстовые столбы, по которымъ легче всего отмѣчать историческій путь народовъ, и онѣ крѣпко связаны со всѣми важнѣйшими движеніями внутри европейскаго общества.

Тридцатилѣтіе, исторію котораго излагаетъ Файфъ, помимо того интереса, который она внушаетъ своей близостью, имѣетъ въ себѣ нѣкоторую законченность: въ это время сыгралъ свою роль знаменитый авантюристъ Наполеонъ III, такъ быстро вышедшій изъ ничтожества и еще быстрѣе въ него погрузившійся. Въ это время вышелъ на сцену, началъ и завершилъ свою громадную задачу желѣзный канцлеръ; въ это время Италія осуществила ту мечту, къ которой стремилась уже 600 лѣтъ, разрѣшенъ былъ вопросъ о свѣтской власти папы, тяготѣвшей надъ Европой цѣлую тысячу лѣтъ; въ это время было низвергнуто и вновь пріобрѣтено политическое могущество Россіи, на вѣки опредѣлилась политическая роль Австріи и проч. и проч.

Все это, конечно, ярко выразилось прежде всего въ тѣхъ 5-ти войнахъ, исторію которыхъ пересказываетъ Файфъ.

Главное достоинство книги Файфа это поразительная ясность изложенія, стоящая въ тѣсной связи съ ясностью, трезвостью и опредѣленностью его взглядовъ. Конечно, нигдѣ не нуждался онъ въ этихъ свойствахъ въ такой степени, какъ въ первыхъ 2-хъ главахъ: «Мартовская революція

1848 г. и «Періодъ борьбы до установленія второй французской имперіи», гдѣ ему пришлось говорить о событіяхъ, въ высшей степени сложныхъ и компилицированныхъ, и къ тому же понимаемыхъ и объясняемыхъ столь различно. Онъ помогъ себѣ, раздѣливъ эту кроваво-тенденціозную драму на два большіе акта, изъ которыхъ каждый подраздѣляется, такъ сказать, на нѣсколько картинъ: 1-ый актъ, первая картина: революція потрясаетъ всю среднюю и южную Европу и вездѣ является побѣдоносной; старый порядокъ вещей удерживаетъ за собой только двѣ позиціи: въ лагерѣ Радецкаго и въ Петербургѣ 2-я картина: мѣсто дѣйствія — во Франціи; политическая революція выходитъ побѣдительницей изъ борьбы съ революціей соціальной, но въ этой именно борьбѣ открываетъ свои слабыя стороны и теряетъ свой престижъ. Актъ 2-ой, картина 1-я — въ Италіи: Радецкій побѣждаетъ итальянцевъ, пред-ставленныхъ самимъ себѣ и т. д. Талантъ Файфа виденъ въ томъ, что онъ не навязываетъ читателю такого дѣленія, но оно само возникаетъ, будто помимо воли автора; а кому изъ насъ не извѣстны такіе историки, которые придумываютъ дѣленія очень остроумныя, но оказываются потомъ не въ силахъ выдержать плана?

Въ изложеніи событій этихъ четырехъ несчастныхъ годовъ (1848—1852) Файфъ, какъ англичанинъ, болѣе объективенъ, проницателенъ, нежели можетъ быть кто бы то ни было изъ континентальныхъ историковъ. Благодаря этому, Файфъ видитъ много такого, чего не видали его предшественники, или по крайней мѣрѣ чего они не высказывали съ такою ясностью и опредѣленностью. Такъ, напримѣръ, относясь крайне не сочувственно къ системѣ Метерниха, онъ признаетъ за нимъ далеко недюжинный умъ и способности, онъ не боится назвать Ламартина фразеромъ, издѣвается надъ политическою ролью, которую студенты играли въ Вѣнѣ, признаетъ, что революція 1848 г. въ Германіи не удалась оттого, что нѣмцы не только не хотѣли помочь итальянцамъ, но смотрѣли на нихъ, какъ на враговъ, (стр. 35), считаетъ безполезными всякія реформы въ Италіи до изгнанія оттуда австрійцевъ; признаетъ Кавеньяка неисправимымъ идеалистомъ; очень остроумно объясняетъ успѣхъ Луи-Наполеона тѣмъ культомъ Наполеона I-го, какой въ это время проповѣдывался во Франціи, и его глубокимъ убѣжденіемъ въ своемъ провиденціальномъ назначеніи быть правителемъ Франціи, совершенно вѣрно, по крайней мѣрѣ по нашему мнѣнію, опредѣляетъ великое значеніе, какое имѣло для судьбы Италіи поведеніе Савойи послѣ пораженія и т. д. Многія изъ этихъ положеній, конечно, были высказаны и до Файфа, но едва ли кто дѣлалъ ихъ столь наглядными и простыми.

Слѣдующія 5 главъ посвящены 5-ти великимъ войнамъ и по самому свойству предмета изложены еще проще и, такъ сказать, конкретнѣе. Въ изложеніи Восточной войны, и въ особенности причины ея, Файфъ, конечно, стоитъ не на сторонѣ Россіи и слишкомъ принижаетъ Меншикова сравнительно съ Каннингомъ (стр. 133, 134), но онъ и здѣсь объективнѣе многихъ другихъ, если не всѣхъ, западныхъ публицистовъ: надъ парижскимъ трактатомъ и надъ нелѣпой попыткой англійскихъ дипломатовъ пересоздать Турцію и сдѣлать изъ нея европейскую державу онъ смѣется чрезвычайно ядовито и умно (стр. 165 и слѣд.) и потомъ въ изложеніи послѣдней русско-турецкой войны снова пользуется случаемъ, чтобы наглядно показать нелѣпость поведенія державъ. Въ главѣ IV («Созданіе итальянскаго государства») Файфъ, конечно, стоитъ всецѣло на сторонѣ Кавура, котораго онъ

считаетъ лучшимъ государственнымъ человѣкомъ и лучшимъ патріотомъ во всемъ этомъ періодѣ; симпатія къ творцу итальянскаго объединенія доводитъ Файфа, обыкновенно столь спокойнаго, до паѳоса (стр. 181). Тѣмъ не менѣе онъ вовсе не считаетъ нравственными всѣ поступки Кавура, но онъ убѣжденъ, что въ данномъ случаѣ, имѣя въ виду свободу Италіи, нельзя было иначе дѣйствовать.

«Пусть погибнетъ мое имя, пусть погибнетъ моя слава, только бы создалась Италія» [1]), говорилъ Кавуръ. Еслибъ мы дѣлали для себя то, что дѣлаемъ для Италіи, мы были бы величайшими негодяями. Кавуръ былъ честный человѣкъ, и необходимость дѣйствовать нечестно, хотя бы и для великой цѣли, была для него очень тяжела. Файфъ считаетъ его такимъ политикомъ, который дѣйствовалъ не въ силу потребностей минуты, а въ силу яснаго и вѣрнаго пониманія будущаго. Викторъ Эммануилъ, по его убѣжденію, содѣйствовалъ объединенію Италіи главнымъ образомъ тѣмъ, что не мѣшалъ Кавуру, часто стушевывался предъ своимъ геніальнымъ министромъ. Въ слѣдующихъ 2-хъ главахъ Файфъ, конечно, много занимается Наполеономъ III и Бисмаркомъ. Бисмарка онъ уважаетъ за безстрашіе и твердость воли; онъ считаетъ его великимъ нѣмецкимъ патріотомъ и тоже дальновиднымъ политикомъ, но сердце его не лежитъ къ Бисмарку на столько, какъ къ Кавуру; онъ повидимому, убѣжденъ, что Бисмаркъ прибѣгалъ къ дипломатическимъ хитростямъ, иначе сказать къ обманамъ и подлогамъ, безъ всякаго внутренняго отвращенія, а чуть ли не съ нѣкоторой любовью: по натурѣ Бисмаркъ—грубый юнкеръ, презирающій все человѣчество и преданный не родинѣ, а династіи. Файфъ ведетъ разсказъ такъ, что читателю непремѣнно придетъ на мысль сопоставить двухъ соперниковъ: Бисмарка и Наполеона III: оба они вышли изъ ничтожества; оба большіе эгоисты, не задумывающіеся передъ средствами и готовые воспользоваться всякимъ орудіемъ; оба—люди безъ политическихъ убѣжденій, оба страстно любятъ власть; ихъ свиданіе въ Біаррицѣ въ 1865 г.—крупная игра двухъ шулеровъ «въ темную». Въ концѣ концовъ Бисмаркъ необходимо долженъ былъ выиграть, такъ какъ онъ скромнѣе и осторожнѣе и не будетъ рисковать, гдѣ можно обойтись безъ этого, и также мало потеряется отъ успѣха, какъ и отъ неудачи. Въ исторіи Франко-Прусской войны, которая составляетъ кульминаціонный пунктъ книги Файфа, авторъ съ любовью останавливается на личности Гамбетты, котораго характеризуетъ такимъ образомъ: «у Гамбетты были свои недостатки: онъ былъ слишкомъ горячъ опрометчивъ, самоувѣренъ, слишкомъ презрительно относился къ научному авторитету спеціалистовъ въ тѣхъ вещахъ, въ которыхъ самъ ничего не понималъ, но въ то же время онъ обладалъ въ удивительной степени качествами, необходимыми для диктаторовъ въ періодъ національнаго кризиса: безграничнымъ несокрушимымъ мужествомъ, простою, чисто стихійною страстною любовью къ отечеству, не позволявшей ему сомнѣваться или колебаться при преслѣдованіи единственной цѣли, которою жила тогда вся Франція—войны до послѣдней крайности. Онъ, какъ ураганъ, увлекъ за собою націю. Весьма возможно, что военныя ошибки Гамбетты и его вспыльчивое вмѣшательство въ распоряженіе французскихъ командировъ способствовали до нѣкоторой степени окончательному пораженію Франціи; но безъ него свѣтъ никогда бы не узналъ, на что способна Франція».

[1]) Perisca il mio nome, perisca la mia fama, purchè l'Italia sia.

Въ послѣдней главѣ, излагающей Русско-турецкую войну, Файфъ относится къ Россіи съ полнымъ безпристрастіемъ, къ Дизраэли—безъ особаго уваженія; дѣлая его характеристику (стр. 342), онъ щадитъ самолюбіе тѣхъ, которые считали его политику патріотической и мудрой, но между строками не трудно прочесть, что Дизраели въ сущности политическій авантюристъ, часто съ довольно нелѣпыми идеями. Файфъ довольно охотно оживляетъ свое изложеніе шутками и остротами, весьма мѣткими и глубокомысленными, но признаться сказать, тяжеловатыми по крайней мѣрѣ въ русскомъ переводѣ (см. стр. 141, 302 и т. д.). Помимо этихъ остротъ слогъ перевода очень гладокъ и точенъ.

Къ этому тому приложенъ хорошо составленный указатель на всѣ 3 части «Исторіи Европы» Файфа. А. К.

Всеобщая исторія литературы. Выпускъ XXVI. Изданіе Риккера. 1891.

Предположенія, высказанныя нами при разборѣ XXV выпуска этого изданія, подтвердились появленіемъ выпуска XXVI: г. Риккеръ сбирается продолжать эту «исторію» и даетъ очеркъ французской, англійской и нѣмецкой литературы въ первыя десятилѣтія XIX вѣка. Сколько будетъ еще выпусковъ этой безконечной исторіи—покрыто мракомъ неизвѣстности и издатель не удостоиваетъ сообщить объ этомъ читателямъ, хотя и могъ бы сдѣлать это на трехъ страницахъ совершенно пустой обложки послѣдняго выпуска, обыкновенно наполняемой заголовками книгъ изъ его магазина. Молчаніе не всегда бываетъ золотомъ, но можетъ превратиться и въ неприличіе. Думаемъ, что подписавшимся 12 лѣтъ тому назадъ на первый выпускъ этого сочиненія было бы во всякомъ случаѣ интересно знать — увидятъ ли хоть ихъ потомки его окончаніе. Вотъ докторъ Симоновъ, выпуская въ свѣтъ 13-й ливревонъ своего «Словаря практическихъ знаній», который онъ обѣщалъ кончить семь лѣтъ тому назадъ, говоритъ, по крайней мѣрѣ, прямо своимъ подписчикамъ: «и не ждите скоро слѣдующаго выпуска, потому прежде—боленъ былъ, а теперь за границу ѣду, и здѣсь поручить редакцію никому нельзя: сотрудникъ у меня всего одинъ и практическихъ писателей нѣтъ вовсе въ Россіи». Это, по крайней мѣрѣ—ясно и откровенно, хоть и не совсѣмъ убѣдительно.

Г. Риккеръ на недостатокъ сотрудниковъ пожаловаться не можетъ: одного такого трудолюбиваго и компетентнаго дѣятеля, какъ профессоръ А. И. Кирпичниковъ, весьма достаточно для окончанія труда, начатаго покойнымъ Коршемъ. Весь послѣдній выпускъ составленъ этимъ профессоромъ, усердно наполнявшимъ и предшествовавшіе выпуски своими дѣльными статьями. Исторія французской литературы доведена имъ въ XXVI выпускѣ только до конца первой имперіи и занимаетъ всего 40 страницъ. Остается еще представить очеркъ литературнаго движенія въ теченіе 75 лѣтъ—трудъ не малый. Излагаетъ свой предметъ профессоръ по необходимости сжато и пропуская многія характерныя явленія. Такъ, о писателяхъ и произведеніяхъ эпохи революціи желательны были бы болѣе подробныя свѣдѣнія. Источниковъ для изученія этой эпохи много: профессоръ указываетъ на сочиненія Юліана Шмита и Лотейссена, но мало поль.

зуется ими. Тоже можно сказать и о временахъ имперіи: приводятся извѣстія изъ книги Вельшингера «театръ революціи», а изъ его книги о наполеоновской цензурѣ почти ничего не берется. Сочиненія Сент-Бева, Фаге, и др. могутъ служить хорошимъ источникомъ, но Брандесомъ или Анри Картономъ можно пользоваться только съ большою осмотрительностью. Съ нѣкоторыми выводами профессора о революціонной эпохѣ также нельзя согласиться: такъ онъ цитируетъ, хоть и въ примѣчаніи, парадоксы пустого болтуна Шамфора и общія мѣста Сіейеса, а въ текстѣ говоритъ, что въ концѣ XVIII вѣка даже «короли не вѣрили въ свое право», что весьма сомнительно. Очень мало говоритъ онъ о Мирабо и жирондистскихъ ораторахъ. Что Робеспьеръ былъ бездарнымъ ораторомъ — это очевидно, когда читаешь его рѣчи, но чтобы Маратъ былъ бездарнымъ публицистомъ, этого нельзя сказать, читая его газету «Ami du peuple». Но характеристики братьевъ Шенье, Бернарденъ де Сенпьера, Лагарпа, Шатобріана, г-жи Сталь, Жанлисъ — хороши и вѣрны. О г-жѣ Крюднеръ авторъ говоритъ уже слишкомъ подробно, хотя она играла роль скорѣе въ политикѣ, чѣмъ въ литературѣ. Но ея отношенія къ Александру I обрисованы весьма рельефно. Почему г. Кирпичниковъ называетъ писателя Коллена д'Арлевиля — д'Арвилемъ? Это не опечатка, потому что повторяется нѣсколько разъ и во французской транскрипціи. Напрасно также «Войну боговъ» Парни онъ называетъ произведеніемъ озлобленнаго скептицизма, раздраженнаго собственнымъ безсиліемъ: въ книгѣ все-таки много остроумія, бойкихъ стиховъ и забавныхъ картинъ. Г. Кирпичниковъ, характеризуя поэтовъ, приводитъ мѣстами изъ нихъ цитаты въ русскомъ переводѣ, какъ въ отрывкахъ Пушкина о Шенье, но для чего было трудиться и переводить рифмованны мистихами эпиграмму плохого стихоплета Андріё на своего жалкаго парнаскаго собрата Лагарпа—мы не видимъ причины этого.

Въ очеркѣ англійской литературы начала XIX вѣка изложена обстоятельно характеристика Вальтеръ-Скотта, Байрона и Шелли, но приведена оцѣнка и другихъ современныхъ имъ писателей: Вордсворта, Кольриджа, Соути, Ламба, Крабба, Радклифа, Мура, Китса, Ландора. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ авторъ относится слишкомъ благосклонно, какъ къ Соути, Радклифу; на Крабба смотритъ глазами Дружинина, говоря, что англійскій писатель «первый реалистъ, протягивающій руку черезъ голову романтиковъ новѣйшимъ реалистамъ, не только Эліоту, но Эркману-Шатріану, Рѣшетникову и Глѣбу Успенскому. «Между тѣмъ сами англичане хвалятъ его только за «точности и мелкія подробности», а нѣмецкіе историки и литераторы, какъ Энгель и Бюхнеръ, не хвалятъ вовсе. О Ламбѣ и Китсѣ говорится, напротивъ, очень мало. Значеніе Вальтера-Скотта также нѣсколько преувеличено. Характеристика Байрона начинается оцѣнкою поэта Пушкинымъ. Какъ человѣка, авторъ ставитъ русскаго писателя выше англійскаго. Жизнь Байрона разсказана въ связи съ его произведеніями. Въ оцѣнкѣ поэта критикъ снимаетъ съ него обвиненіе въ «сатанизмѣ» — ненависти ко всему міру, презрѣніи къ людямъ, въ холодномъ эгоизмѣ. Основа міровоззрѣнія Байрона, напротивъ, любовь къ людямъ. Его пессимизмъ и недовольство жизнью — только оборотная сторона этой любви. Онъ бѣжитъ общества и не можетъ жить безъ него. Его мрачный юморъ, страсть къ борьбѣ, гордость — исконныя черты саксонско-скандинавскаго національнаго характера. Онъ поэтъ по преимуществу субъективный, но въ

то же время и общечеловѣческій. Художественное значеніе лучшихъ произведеній его—незыблемо и вѣчно. Жаль, что г. Кирпичниковъ очень мало говоритъ о вліяніи Байрона на всемірную литературу и ни одного слова о байронизмѣ Лермонтова.

Очеркъ нѣмецкой литературы начинается съ характеристики романтиковъ: Шлегелей, Гентца, Тика, Клейста, Вернера, Арндта. Для чего только приводятся въ подлинникѣ и въ переводѣ, весьма слабомъ, два надутые шовинистскіе гимна Арндта въ 60 и 40 строкъ? Нѣмцы и теперь распѣваютъ: «Was ist des Deutschen Vaterland» и находятъ, что границы этого фатерланда—«So weit die deutsche Zunge klingt»—отъ рейнскихъ кабаковъ до пивныхъ Васильевскаго острова, но что же намъ до ихъ пивной поэзіи? Вѣдь не напрасно говорилъ Гейне о стихахъ сподвижника Арндта, Теодора Кёрнера: «мы одушевляли себя скверными пѣснями Кёрнера и завоевали свободу, потому что мы дѣлаемъ все, что намъ приказываютъ наши князья». Статья эта не окончена. Въ ней говорится еще о Брентано, Арнимѣ, Шамиссо, Фуке и Гофманѣ; характеристики этихъ писателей вѣрны и рельефны. В. З.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Выпускъ четвертый. Изданъ подъ редакціей Н. Дубровина. Спб. 1891.

Настоящій выпускъ, по своему содержанію, не такъ разнообразенъ, какъ предъидущій, но за то гораздо болѣе интересенъ. Высочайшіе рескрипты и указы, состоявшіеся по Собственной Его Величества канцеляріи (стр. 1—106), по военной (стр. 107-218) и гражданской частямъ (стр. 219—269), равно какъ «Высочайшія повелѣнія, объявленныя графомъ Аракчеевымъ» (стр. 271—278) и исходящіе журналы графа Аракчеева (стр. 279—310)—всѣ относятся ко времени 1814—16 годовъ и представляютъ собой интересъ уже не только для одного военнаго историка. Такъ, напримѣръ, интересенъ рескриптъ подъ № 352, посланный 18-го февраля 1816 г. генералъ-лейтенанту Паскевичу, проливающій нѣкоторый свѣтъ на крестьянскіе «бунты» и отношеніе къ нимъ мѣстнаго начальства, въ большинствѣ случаевъ бывшаго, если не прямой, то косвенной ихъ причиной и руководствовавшагося пословицей: «До Бога высоко, а до царя далеко». «По случаю неповиновенія оказаннаго, удѣльными крестьянами Смоленской губерніи, Липецкаго приказа, правительство удостовѣрено донесеніями смоленскаго губернатора, что неповиновеніе сіе происходитъ отъ внушенія крестьянамъ, будто освобождены они отъ податей за 1811 г. и отъ непомѣрнаго желанія вознагражденій за убытки, понесенные ими при нашествіи непріятеля, не смотря на то, что имъ прощено 60,000 р. недоимокъ и отпущено хлѣба на 21,000 р. Но прибывшіе нынѣ въ С.-Петербургъ повѣренные отъ крестьянъ тѣхъ показываютъ, что по манифесту 1814 г. они нисколько не воспользовались прощеніемъ недоимокъ, ибо подати со всѣми жестокостями взысканы съ нихъ бурмистромъ посредствомъ даже продажи на корню послѣдняго хлѣба, а для посѣва отпускаемъ былъ хлѣбъ изъ магазиновъ въ самомъ маломъ количествѣ заимообразно, такъ что крестьянамъ рѣшительно никакого пособія послѣ

нашествія непріятелей не сдѣлано» (стр. 229). А между тѣмъ, уже какъ видно изъ того же рескрипта «многіе крестьяне подъ названіемъ зачинщиковъ были преданы суду» и, если бы не повѣренные крестьянъ, обратившіе на это дѣло вниманіе Александра I, то такъ бы дѣло и кончилось торжествомъ смоленскаго губернатора, который быть можетъ получилъ бы еще благодарность за усмиреніе, да бурмистра, взыскавшаго въ свою пользу недоимки, а несчастные «зачинщики неповиновенія» пошли бы добывать руду. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ окончательнаго исхода этого дѣла, такъ какъ г. Дубровинъ въ примѣчаніи къ нему говоритъ только, что «о полученіи сего указа и что онъ приступитъ къ немедленному исполненію онаго Паскевичъ увѣдомилъ отъ 23-го февраля, № 139» (стр. 228). Не менѣе интересны также документы подъ №№ 354, 357, 358, 360 и мн. др., показывающіе, говоря словами одного рескрипта, «что при всѣхъ донынѣ принятыхъ мѣрахъ къ пособію разоренныхъ непріятелемъ, число имѣющихъ въ немъ нужду нарочито велико еще» (стр. 260) и вмѣстѣ съ тѣмъ доказывающіе, какъ близко къ сердцу принималъ императоръ нужды своихъ подданныхъ, стараясь, на сколько это зависѣло отъ него, уменьшить ихъ бѣдственное положеніе.

Второй отдѣлъ выпуска, заключающій въ себѣ матеріалы для исторіи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, интересенъ не менѣе перваго. Здѣсь помѣщены документы объ освобожденіи эстляндскихъ крестьянъ 1811—1816 гг. (стр. 313—366), крестьянъ Курляндской губерніи 1814—1815 гг. (стр. 369—417) и три записки: записка Николая Тургенева 1819 г. «Нѣчто о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи» и двѣ записки князя Гагарина: «Объ облегченіи рабства въ Россіи посредствомъ уничтоженія дворовыхъ людей» (стр. 441—477). Какъ тотъ, такъ и другой, не симпатизируютъ крѣпостному праву. Тургеневъ, напримѣръ, говоритъ, что «рабство представляется намъ во всемъ своемъ ужасѣ», если взглянуть на положеніе пахотныхъ крестьянъ (стр. 444). «Если обратить вниманіе на уголовные процессы, говоритъ онъ, производимые по дѣламъ, въ коихъ помѣщики, забывая обязанности нравственныя и гражданскія, простираютъ власть свою до жестокости и тиранства въ отношеніи къ крестьянамъ, то тогда откроется, что всѣ такія дѣла возникаютъ въ деревняхъ пахотныхъ. Весьма малая часть сихъ дѣлъ доходитъ до свѣдѣнія правительства. Большая часть преступленій сего рода покрывается на самомъ мѣстѣ послабленіемъ начальства» (стр. 445). Случаи, когда правительство узнавало правду въ родѣ того, который мы привели выше, были чрезвычайно рѣдки. Крестьяне жаловались рѣдко. «Много несправедливостей нужно было для того, чтобы подвигнуть нашихъ крестьянъ къ формальнымъ жалобамъ на помѣщика», да и то еще не всѣ жалобы доходили по назначенію. «Такимъ образомъ, говорится дальше, зло остается не наказаннымъ, невинность страждетъ отъ беззащитности, правительство не имѣетъ возможности быть равно справедливымъ ко всѣмъ подданнымъ, и одна коренная несправедливость—существованіе рабства—влечетъ за собой множество несправедливостей, которыхъ устранить невозможно, не установивъ самой причины» (стр. 446). Почти то же говоритъ и князь Гагаринъ. Какъ Тургеневъ, такъ и князь Гагаринъ, полагаютъ, впрочемъ, что «невозможно приступить къ уничтоженію онаго состоянія безъ поколебанія правъ помѣщика, на что́ единое покушеніе раздражить можетъ все

дворянское сословіе» (стр. 470). Въ виду этого Тургеневъ предлагаетъ только реформы, впрочемъ, довольно широкія, а князь Гагаринъ поступаетъ очень хитро. Доказывая, что «начало и корень зла»—дворовые люди, онъ предлагаетъ только уничтожить этотъ классъ и рабство падетъ—«вмѣсто крѣпостныхъ крестьянъ содѣлаются деревенскіе поселяне, имѣющіе свои права и преимущества подъ защитою правительства, и, конечно, счастливѣе, нежели поселяне иныхъ государствъ въ Европѣ» (стр. 474). В. Б.

Н. З. Тиховъ. Матеріалы для исторіи славянскаго жилища. Болгарскій домъ и относящіяся къ нему постройки по даннымъ языка и народной поэзіи. Казань. 1891.

Брошюра г. Тихова посвящена изслѣдованію вопроса изъ культурной исторіи славянскаго міра, едва затронутаго не только въ русской, но и во всей славянской литературѣ. Еще недавно извѣстный славистъ, профессоръ Крекъ въ Грацѣ, во второмъ изданіи своего «Введенія въ исторію славянскихъ литературъ» («Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte») высказывалъ сожалѣніе, что въ то время, какъ исторія германскаго жилища разработана въ рядѣ солидныхъ изслѣдованій, исторія жилища древняго славянскаго остается затронутой лишь въ небольшой статьѣ графа А. С. Уварова. Тотъ же упрекъ дѣлаетъ славянской и русской литературѣ изслѣдователь исторіи финскаго жилища г. Гейкель. Нельзя не сознаться, что до значительной степени этотъ упрекъ нами заслуженъ: мы слишкомъ мало до сихъ поръ обращаемъ вниманія на вопросы, относящіеся къ исторіи внѣшняго быта. Брошюра г. Тихова служитъ показателемъ того, что въ нашей ученой литературѣ въ этомъ отношеніи начинается поворотъ.

Источниками для исторіи жилища, какъ показали новѣйшія изслѣдованія, служатъ: 1) типы современныхъ построекъ, употребляемыхъ народомъ, 2) указанія на формы построекъ, заключающіяся въ древнихъ литературныхъ памятникахъ и произведеніяхъ народной поэзіи, и 3) архитектурная терминологія народа. Изъ этихъ трехъ основныхъ видовъ источниковъ первый не затрогивается нашимъ авторомъ; лично онъ не былъ въ Болгаріи, а литературныя данныя и рисунки, относящіеся къ предмету, слишкомъ скудны. За то двумя послѣдними группами матеріала онъ воспользовался съ большой выгодой для своего дѣла. Съ особенной тщательностью разработаны данныя, заключающіяся въ языкѣ, т. е. въ народной строительной терминологіи.

Изъ пѣсенъ г. Тиховъ выбралъ стихи, заключающіе въ себѣ названія дома, его частей, двора, пристроекъ, изъ словарей—народные архитектурные термины съ соотвѣтствующими имъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ коментаріями. На основаніи этого матеріала онъ набрасываетъ картину болгарской усадьбы: описываетъ дворъ, внѣшній и внутренній видъ жилого помѣщенія, хозяйственныя пристройки. Въ какой степени эта картина приближается къ дѣйствительности, можно судить по тому, что печникъ на рисункѣ Каница («Donau-Bulgarien») оказывается точнымъ образчикомъ постройки, которую авторъ описываетъ на основаніи фрагментовъ пѣсенъ и данныхъ словаря. Тоже соотвѣтствіе мы наблюдаемъ и между описаніемъ двора у нашего автора и другимъ рисункомъ Каница.

Описавъ современное болгарское жилье, авторъ переходитъ къ его исторіи. Прежде всего онъ въ алфавитномъ порядкѣ приводитъ болгарскіе архитектурные термины съ обозначеніемъ происхожденія, какое имѣетъ каждое слово—изъ славянскаго, романскаго, ново-греческаго и турецкаго источниковъ. Этотъ словарчикъ даетъ возможность: 1) выдѣлить заимствованныя слова и ео ipso элементы архитектуры; 2) возстановить древне-славянскіе элементы въ болгарскомъ жильѣ, и 3) намѣтить исторію этихъ самобытныхъ элементовъ на основаніи значеній, которыя имѣетъ то или другое слово.

Относительно перваго пункта авторъ оказывается болѣе, чѣмъ нужно, осторожнымъ и лаконичнымъ. Онъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что большая часть заимствованныхъ словъ (57) оказывается турецкими и такимъ образомъ какъ бы свидѣтельствуетъ о сильномъ вліяніи турокъ на болгарскую народную архитектуру, даетъ на слѣдующей страницѣ мѣрку для оцѣнки филологическихъ указаній, констатируя, что рядомъ съ заимствованными у турокъ терминами болгары для большей части вещей имѣютъ и свои собственные, но не исчерпываетъ (въ предѣлахъ имѣющагося матеріала) вопроса о турецкомъ вліяніи на болгарскую архитектуру до конца. При внимательномъ и неоднократномъ пересмотрѣ своего словаря авторъ могъ бы замѣтить, что заимствованіями у турокъ и безъ собственныхъ, славянскихъ паралелей оказываются слова: а) относящіяся къ каменной архитектурѣ: керпичъ, тугла—кирпичъ (тур. k'erpic), киречь - известка (kiredj); въ связи съ этими заимствованіями являются заимствованныя слова для обозначенія стѣны (вѣроятно, каменной, служащей въ своемъ продолженіи и заборомъ въ Далмаціи)—беденъ, дуваръ; б) слова, относящіяся къ много, этажному типу постройки: катъ-этажъ, кула-башня, кале-башня, чардакъ — второй этажъ; в) слова, обозначающія сооруженія общественнаго назначенія: занданъ - тюрьма, кавене - кофейня, керчма - корчма, меана - кабачекъ. Слова, относящіяся къ деревянной архитектурѣ, всѣ оказываются славянскими и свидѣтельствуютъ, что балканскіе славяне принесли на полуостровъ умѣнье воздвигать одни деревянныя постройки. Этотъ выводъ оказывается въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что мы знаемъ о германской архитектурѣ до эпохи переселенія народовъ включительно. Исторія славянскихъ формъ болгарскаго жилья намѣчена г. Тиховымъ сжато, но рельефно: древнѣйшимъ типомъ является землянка—кашта потземница (подземный домъ), рядомъ съ ней является шалашъ изъ прутьевъ; слѣдующей формой является постройка, напоминающая современную малорусскую: изъ четырехъ столбовъ съ задѣланными прутьями или досками промежутками,—этотъ типъ, замѣтимъ мимоходомъ, фигурируетъ на Трояновой колоннѣ,—затѣмъ срубъ изъ бревенъ съ крышей, но безъ потолка, и съ огнищемъ посреди земляного пола (типъ, имѣющій свою аналогію въ древнихъ сѣверо-германскихъ постройкахъ). Картину развитія болгарскаго жилища авторъ могъ бы дополнить замѣчаніемъ, что древнѣйшее болгарское жилье служило одновременно человѣку и принадлежащимъ ему животнымъ (поята—овчарня, кровъ, домъ, стая—хлѣвъ, стойло, комната). Такое предположеніе можно допустить, помимо указаній языка, на основаніи аналогіи съ исторіей древне-германскаго жилища.

Къ числу архитектурныхъ заимствованій, сдѣланныхъ балканскими славянами у тюркскаго племени болгаръ, которые ихъ завоевали, можно, ду-

маемъ мы, отнести описываемый г. Тиховымъ печникъ. Тождественное сооруженіе имѣло мѣсто еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія у пермскихъ башкировъ, родичей болгаръ.

Заканчивая нашу замѣтку о брошюрѣ г. Тихова, мы позволяемъ себѣ выразить пожеланіе, чтобы авторъ распространилъ на архитектуру другихъ славянскихъ народовъ такъ удачно начатое изслѣдованіе. И. С.

Разговоры Гете, собранные Эккерманомъ. Переводъ Д. Аверкіева. Часть вторая. Спб. 1891.

Отдавая отчетъ о первой части этой любопытной книги («Историческій Вѣстникъ», мартъ, 1891 года, стр. 861), мы говорили, что едва ли она найдетъ у насъ многочисленныхъ читателей и сдѣлается популярною. Какъ ни печально это сознаніе, но съ нимъ необходимо примириться. Уровень даже средняго образованія у насъ несомнѣнно гораздо ниже, чѣмъ въ Германіи, и врядъ ли многихъ, даже среди интелигентнаго класса, заинтересуютъ сужденія Эккермана и даже самого Гете, «ничего не оставившаго безъ отвѣта подъ солнцемъ, отозвавшагося на все своимъ сердцемъ», какъ говоритъ нашъ поэтъ. Эти отзывы и мнѣнія великаго писателя и умнаго человѣка, собранныя его фанатическимъ поклонникомъ, массѣ могутъ показаться устарѣлыми, незанимательными, мелочными; оцѣнятъ ихъ только любители литературы, привыкшіе слѣдить за процессомъ мышленія передовыхъ дѣятелей. Но тѣмъ большаго вниманія и благодарности заслуживаетъ переводчикъ, трудившійся «для немногихъ», и издатель, выпустившій въ свѣтъ книгу, безъ всякой надежды на ея быстрый сбытъ. Ко второй части книги, такой же объемистой какъ и первая (болѣе 440 страницъ), г. Аверкіевъ присоединилъ подробный указатель именъ и предметовъ, о которыхъ Гете высказывалъ свои сужденія, и это приложеніе, составленное чрезвычайно тщательно, даетъ намъ возможность знать мнѣнія писателя о самыхъ важныхъ, какъ и о мелочныхъ, вопросахъ жизни. Нельзя сказать, чтобы мнѣнія эти были особенно важны, или высказывались въ яркой, опредѣленной формѣ: Гете былъ больше полжизни придворнымъ и тайнымъ совѣтникомъ, а остальную часть своей жизни—весьма умѣреннымъ и осторожнымъ консерваторомъ, высказывавшимся мягко и уклончиво даже о своихъ врагахъ. Самъ Эккерманъ называетъ его «умѣреннымъ аристократомъ». Его флегматическій темпераментъ, мало способный къ сильнымъ увлеченіямъ, высказывается и въ книгѣ Эккермана. У писателя умираютъ въ короткій промежутокъ времени: его государь, герцогини—царствующая и вдовствующая, близкіе друзья, единственный сынъ, 22-хъ лѣтъ, а олимпіецъ-отецъ, получивъ извѣстіе обо всѣхъ этихъ потеряхъ, бесѣдуетъ не о нихъ, а о своихъ сочиненіяхъ и объ эстетическихъ вопросахъ. Конечно, трудно отъ 82-лѣтняго старика требовать глубины и мягкости чувства, но все-таки хотѣлось бы видѣть въ немъ болѣе человѣчное отношеніе къ роднымъ и близкимъ. Гете стоялъ выше всѣхъ окружавшихъ его лицъ, но старческій эгоизмъ и прерогативы передового дѣятеля не давали ему права безучастно относиться къ тѣмъ, кто несомнѣнно питалъ къ нему теплое участіе.

И между тѣмъ это была все-таки въ высшей степени гуманная личность, заслуживающая полнаго уваженія. Въ двадцатыхъ годахъ нашего

столѣтія, въ эпоху реакціи, ни при большихъ, ни при малыхъ дворахъ нельзя было выск^зывать истинъ, сдѣлавшихся теперь общими мѣстами зауряднаго либерализма. Многія аксіомы настоящаго времени были тогда для многихъ еще спорными вопросами. Уступки тогдашнему духу вѣка были необходимы. Крайности революціонной эпохи необходимо должны были возбудить противодѣйствіе властителей, еще не опомнившихся отъ погрома наполеоновскихъ войнъ. Настроеніе монарховъ не могло не имѣть вліянія на ихъ дворы, и Гете былъ хотя и самымъ вѣрноподданнымъ, но далеко не самымъ ретрограднымъ министромъ. Онъ не поклонялся тогдашнему солнцу политики—Метерниху и даже не говоритъ объ немъ ни слова въ бесѣдахъ съ Эккерманомъ. Герцоги и князья, пріѣзжавшіе поклониться великому писателю, называли его вольнодумцемъ, да онъ и дѣйствительно могъ считаться во всякомъ случаѣ свободомыслящимъ среди своихъ придворныхъ собратовъ. Христіанинъ онъ былъ плохой, и надо даже удивляться, какъ не повредило его карьерѣ признаніе, какое онъ дѣлаетъ Эккерману, позволяя себѣ усомниться въ таинствѣ Троицы и находя этотъ основной догматъ вѣрованія излишнимъ. Гете говоритъ прямо, что ни одна религія не была дана непосредственно самимъ Богомъ, а всѣ онѣ — дѣло рукъ человѣческихъ. Но въ Бога онъ вѣрилъ безусловно, хотя и находилъ, что свѣтъ божественнаго откровенія слишкомъ ярокъ, и для слабыхъ людей — какъ выражается не совсѣмъ по-русски г. Аверкіевъ: «непомѣренъ и непереносенъ». Но, какъ протестантъ, онъ рѣзко относится къ католицизму, говоря: «въ церковныхъ постановленіяхъ много нелѣпаго. Но церковь хочетъ воинствовать, и для нея необходима ограниченная масса, которая преклоняется передъ нею. Высшее, пользующееся богатыми доходами, духовенство ничего такъ не боится, какъ образованія низшихъ классовъ. Оно долго, какъ только было возможно, не давало имъ библіи въ руки... Если меня спросятъ, расположенъ ли я преклоняться передъ костью большого пальца апостола Петра или Павла, то я отвѣчу: пощадите меня и отстаньте съ вашими нелѣпостями». И, не признавая поклоненія святымъ, тотъ же Гете преклоняется передъ сильными міра, называетъ великимъ своего весьма ординарнаго герцога, съ пренебреженіемъ относится къ народу, говоря, что результаты философіи, политики, религіи, могутъ быть ему полезны, но «не слѣдуетъ возводить самого народа на степень философовъ, пастырей или политиковъ». Здѣсь Гете—что случается съ нимъ, впрочемъ, не разъ, противорѣчитъ самъ себѣ: развѣ не изъ народа вышли первые учители христіанства, мыслители и реформаторы общества, то есть политики? Называя ихъ ученіе человѣколюбивымъ, онъ находитъ, что «хотя его исказили съ самаго начала, но первые христіане были вольнодумцами между крайними». А расхваливая своего великаго герцога, онъ говоритъ все-таки, что «основательное образованіе очень рѣдко встрѣчается у особъ царствующихъ домовъ: многія изъ нихъ способны весьма искусно поговорить обо всемъ, но внутри у нихъ нѣтъ ничего и они скользятъ только по поверхности». Такихъ мѣткихъ и ѣдкихъ замѣтокъ у Гете не мало, хотя многія изъ нихъ пропадаютъ въ массѣ утомительныхъ и дѣйствительно лишнихъ мелочей, могущихъ интересовать развѣ только отъявленныхъ нѣмцевъ. Мы думаемъ даже, что для русскихъ читателей было бы гораздо полезнѣе сжатое извлеченіе изъ объемистой книги Эккермана, чѣмъ полный переводъ ея, очень добросовѣстный и тщательный, хотя мѣстами переводчикъ держится необщеупо-

требительныхъ оборотовъ рѣчи. Такъ онъ пишетъ: «отвратительный видъ обезьянъ тѣмъ не переноснѣе, чѣмъ онъ больше похожъ на людей; англичанинъ сопроводитъ переводъ вступленіями; жестоковыйное сопротивленіе и пр.»: встрѣчаются промахи и покрупнѣе. Такъ, извѣстнаго проповѣдника Авраама де Санта-Клара переводчикъ называетъ Авраамомъ при церкви св. Клары. «Мои сочиненія никогда не станутъ популярными», сказалъ самъ Гете и прибавляетъ въ другомъ мѣстѣ: «все великое и умное существуетъ въ меньшинствѣ. Не слѣдуетъ думать, что разумъ станетъ когда-нибудь популяренъ. Страсти и чувства могутъ быть популярны, но разумъ всегда будетъ удѣломъ избранныхъ». Не мудрено, что при такомъ убѣжденіи Гете былъ недоволенъ своей судьбой, хотя она была блестящая и всѣ ей завидовали. Онъ былъ недоволенъ также «сѣрыми и туманными днями своего времени, вполнѣ невыносимыми, когда нуженъ второй Спаситель, чтобы избавить насъ отъ важности (?), скуки и невѣроятной тягости этого времени. Но если бы онъ и явился вторично, его бы вторично распяли», прибавляетъ Гете. Это было сказано шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Устарѣли ли мнѣнія великаго писателя—отвѣтъ на это даетъ книга Эккермана.

В—ъ.

Louis Leger. Russes et Slaves. Études politiques et Littéraires. Paris. 1891.

Г. Луи Лежѐ, профессоръ въ Collège de France, уже давно пріобрѣлъ извѣстность въ средѣ европейскихъ читателей, интересующихся славянской національностью. Съ шестидесятыхъ годовъ и до послѣдняго времени онъ продолжаетъ обогащать французскую литературу изслѣдованіями и очерками по разнообразнымъ вопросамъ исторіи и исторіи литературы всѣхъ главнѣйшихъ славянскихъ народностей. Среди этихъ работъ дѣятельнаго французскаго писателя можно найти и монографію о Кириллѣ и Меѳодіи (1868) и «Общій очеркъ славянской миѳологіи (1882), и «Славянскія сказки» (1882), затѣмъ: «Славяне въ XIX вѣкѣ» (1885), «Историческая Чехія» (1867), «Болгарія» (1885), «Исторія Австро-Венгріи» (3-е изд. 1889). «Сава, Дунай и Балканы» (2-е изд. 1889). Спеціально Россіи посвящены авторомъ: «Русская грамматика» (5-е изд. 1886), предназначенная для французовъ, «Россія и выставка 1878» (1879), «Лѣтопись Нестора», переводъ съ подлинника, снабженный объясненіями (1884); кромѣ того, не мало мѣста занимаетъ Россія въ любопытныхъ сборникахъ статей, изданныхъ г. Лежѐ подъ заглавіемъ: «Славянскій міръ» (1873), «Славянскіе этюды» (1875), «Новые славянскіе этюды» (2 т. 1880 и 1886); къ этимъ послѣднимъ сборникамъ примыкаетъ по своему характеру и недавно изданная имъ новая книга подъ выписаннымъ выше заглавіемъ.

Уже однимъ своимъ количествомъ и разнообразіемъ названные труды г. Лежѐ могутъ дать понятіе объ энергіи, трудолюбіи и интересѣ его къ славянству. Ближайшее знакомство съ этими трудами показываетъ, что и по качеству своему они имѣютъ значительную цѣну, особенно соотвѣтственно той цѣли, съ которой предприняты. Европейскій читатель, не владѣющій славянскими языками, можетъ найти въ этихъ книгахъ и статьяхъ не только прекрасное изложеніе, врожденное французскому автору, такъ

сказать, отъ природы, но и дѣльное, любопытное содержаніе: этнографическіе и историческіе очерки и обозрѣнія, путевыя замѣтки много путешествовавшаго и много видѣвшаго туриста, умѣло составленныя компиляціи на основаніи лучшихъ ученыхъ сочиненій на славянскихъ языкахъ, наконецъ, самостоятельныя изслѣдованія автора въ очерченной уже сферѣ его ученыхъ интересовъ. Нѣкоторыя изъ статей почтеннаго автора могутъ быть съ интересомъ и пользой прочитаны и тѣми, кому доступны самые источники работы г. Лежѐ: умѣнье трактовать вопросы науки, имѣющіе общее значеніе, въ формѣ привлекательной и доступной болѣе широкому кругу читателей, у насъ встрѣчается еще далеко не часто. Такія данныя литературной дѣятельности г. Лежѐ ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія его большую заслугу въ дѣлѣ ознакомленія съ славянами остальной Европы, и онъ вправѣ разсчитывать на вниманіе къ себѣ самой славянской публики; справедливой данью такому праву и является предлагаемый ниже краткій отчетъ о новой его книгѣ.

Открывается она введеніемъ подъ заглавіемъ: «Славяне и цивилизація» (стр. V—XIV). Тутъ авторъ выставляетъ на видъ большое, въ особенности въ будущемъ, значеніе славянскихъ народностей для европейской цивилизаціи; но и въ прошедшемъ славянъ находитъ авторъ не мало фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что среди нихъ жили и получали осуществленіе идеи цивилизаціи; изъ такихъ фактовъ авторъ указываетъ въ особенности на Яна Гуса, Коперника, Пражскій средневѣковой университетъ; онъ также обращаетъ вниманіе на фактъ, дѣйствительно бросающійся въ глаза: многія произведенія искусства, вышедшія изъ рукъ даровитыхъ представителей славянскихъ націй, пропадаютъ для славянскаго имени при общей оцѣнкѣ, такъ какъ являются подъ чужой офиціальной вывѣской: такъ, на всемірной парижской выставкѣ 1889 г., великолѣпныя картины чешскихъ художниковъ, въ родѣ Брожика, являлись публикѣ подъ вывѣской: Autriche-Hongrie. Обозрѣніе успѣховъ цивилизаціи и фактовъ народнаго самосознанія среди славянскихъ племенъ, сдѣланное въ упомянутомъ введеніи г. Лежѐ, не лишено и нѣкоторой политической мечтательности, не безъ основанія, впрочемъ, многими раздѣляемой; онъ указываетъ на какое-то предчувствіе, что «славянская раса—естественный врагъ германизма: она одна можетъ нѣкогда, въ союзѣ съ Франціей, положить предѣлъ необузданному расширенію Германіи» (V).

Слѣдующая затѣмъ статья: «Образованіе русской національности» (1—55) представляетъ изложеніе вопроса о сложеніи русскаго государства на основаніи данныхъ Несторовой лѣтописи и историческихъ трудовъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ. Тутъ авторъ долженъ былъ встрѣтиться съ знаменитымъ варяжскимъ вопросомъ и, излагая ученую полемику по этому вопросу, рѣшительно склоняется на сторону норманистовъ, не довѣряя, впрочемъ, вполнѣ лѣтописному повѣствованію объ этомъ: авторъ думаетъ, что варяги не были призваны славянами, а вторглись сами и потомъ сочинили сказку о своемъ призваніи, чтобы исторически оправдать свои права, причемъ авторъ, всегда не чуждый политики, дѣлаетъ ѣдкое, но не вполнѣ основательное замѣчаніе; «безъ сомнѣнія, настанетъ время, когда русскіе историки станутъ писать, что ихъ предки были призваны поляками, а нѣмецкіе историки—что Бисмаркъ уступилъ только желаніямъ Эльзасъ-Лотарингіи» (30). Такая паралель не можетъ сдѣлать чести трезвости взгля-

довъ нашего автора, вообще гораздо болѣе справедливаго и дальновиднаго Къ числу доказательствъ, высказанныхъ извѣстной партіей русскихъ ученыхъ въ пользу мнѣнія о тождественности первыхъ русскихъ князей съ норманами, авторъ прибавляетъ еще одно отъ себя, именно: знаменитый коверъ, вышитый королевой Матильдой, на которомъ изображены различные эпизоды изъ завоеванія Англіи Вильгельмомъ. Костюмы представленныхъ тутъ скандинавовъ поразительно схожи съ костюмами ихъ балтійскихъ соотечественниковъ, пришедшихъ въ Россію (33—34), но авторъ умалчиваетъ о качествѣ источниковъ, по которымъ можно судить объ этихъ послѣднихъ. Г. Лежè оспариваетъ также мнѣніе г. Трачевскаго (впрочемъ, раздѣляемое и нѣкоторыми другими учеными) о незначительности вліянія на русскую жизнь монгольскаго ига: нашъ авторъ, напротивъ, того мнѣнія, что вліяніе это было очень велико, опираясь главнымъ образомъ на изслѣдованія Миклошича о тюркскомъ элементѣ въ славянскихъ языкахъ (49—50). Среди подобнаго рода попытокъ составить себѣ самостоятельное мнѣніе по тому или другому вопросу, г. Лежè высказываетъ въ этой статьѣ и такія сужденія, съ которыми съ перваго же раза трудно согласиться: такъ, по поводу успѣховъ финляндцевъ въ общественной жизни сравнительно съ другими единоплеменными имъ народцами на сѣверѣ Азіи и Европы, г. Лежè рѣшительно высказываетъ ту общую мысль, что въ исторической судьбѣ народовъ религія является гораздо болѣе важнымъ факторомъ, чѣмъ раса, хотя, увлекаясь мыслью о незначительномъ вліяніи расы на судьбу народа, онъ тутъ же высказываетъ мысль, отчасти противорѣчащую только-что сказанному имъ о религіи: «свойство человѣка заключается прежде всего въ томъ, чтобы быть свободнымъ и способнымъ къ совершенствованію» (13—14). Можно оспаривать также и болѣе частное сужденіе нашего автора о томъ, что эллинизмъ (т. е. конечно классическій, древній) проникъ къ славянамъ путемъ христіанства (15), такъ какъ, безъ сомнѣнія, нельзя отожествлять византійскаго элемента съ древне-греческимъ.

Вторая статья сборника посвящена «Началкамъ русской литературы» (57—102). Тутъ, главнымъ образомъ, разсматриваются: Лѣтопись Нестора, «Моленіе Даніила Заточника», «Слово о полку Игоревѣ» и «Задонщина» и кратко упоминается о другихъ памятникахъ первыхъ вѣковъ русской литературы. Къ подлинности «Слова о полку Игоревѣ» авторъ склоненъ относиться скептически; онъ полагаетъ, что это произведеніе составлено если не въ XVIII в., то въ XIV или XV в; сопоставляя его съ «Задонщиной», онъ готовъ признать въ ней оригиналъ, въ подражаніе которому составлено «Слово» (93). Къ числу странностей, понятныхъ въ иностранцѣ, не изучавшемъ глубоко русской старины, должно быть отнесено и такое сужденіе г. Лежè: приводя извѣстное апокрифическое мѣсто о томъ, что Адамъ и Ева, не зная, что дѣлать съ убитымъ Авелемъ (это былъ первый случай смерти), догадались зарыть его въ землю по примѣру птички, которая на ихъ глазахъ сдѣлала это съ другой, мертвой птичкой,—приводя это мѣсто, нашъ авторъ высказываетъ мысль, что подобныя апокрифическія сказанія могли породить разнообразныя «ереси, которыя существуютъ въ Россіи до сего дня» (73).

Слѣдующая статья «Женщина и общество въ Россіи въ XVI вѣкѣ» (103—143) очень любопытна, въ особенности благодаря тому, что главнымъ источникомъ для нея послужилъ такой замѣчательный памятникъ, какъ «Домострой» и отчасти (заднимъ числомъ) Котошихинъ. Оставляя въ сто-

ронѣ неоспоримыя достоинства этой компиляціи, укажемъ двѣ-три странности: по поводу «Слезной молитвы», рекомендуемой «Домостроемъ», авторъ сообщаетъ свое наблюденіе, сдѣланное имъ во время путешествій по Россіи, что русскіе, «народъ-дитя» (peuple enfant), сохранили и до сего времени эту способность плакать болѣе, чѣмъ устарѣвшія западныя націи, и приводитъ въ примѣръ своего русскаго слугу въ Москвѣ, который въ пьяномъ видѣ легко впадалъ въ слезливую меланхолію (117). Тономъ не достаточно обоснованной національной гордости звучатъ слова автора о томъ, что въ древнюю эпоху русской жизни «Константинополь былъ для Москвы тѣмъ же, чѣмъ теперь Парижъ для Петербурга!» (137). Тутъ уже совершенно утрачена историческая перспектива! Невыгодно для серьезности изложенія автора поражаетъ читателя и то мѣсто, гдѣ онъ, говоря о склонности древнихъ русскихъ людей приписывать все волѣ Божьей, прибавляетъ, что даже и насморкъ считался наказаніемъ Бога (117). Говоря о бытѣ русскихъ женщинъ въ XVI вѣкѣ, авторъ приводитъ, какъ достовѣрное, что полнота въ женщинахъ считалась столь необходимой принадлежностью красоты, что полагалось почти обязательнымъ, чтобы вѣсъ «элегантной» дамы въ ту пору не былъ менѣе пяти пудовъ! (138).

Четвертая статья: «Первые русскіе посланники за границей» (145—186) представляетъ очень хорошій пересказъ извѣстій о посольствахъ Чемоданова и Постникова въ Венецію и Лихачева и Ѳомина въ Италію же, оба при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Русскій читатель улыбнется тутъ при чтеніи слѣдующаго мѣста. Разсказывая объ удивленіи русскихъ пословъ XVII в., когда имъ сообщили въ Венеціи, что дожъ есть лицо выборное и мѣняется въ довольно короткіе періодическіе сроки, г. Лежè по поводу этой привычки русскихъ къ мысли о томъ, что правитель государства остается таковымъ до самой смерти и не можетъ быть никѣмъ ограничиваемъ, сообщаетъ: «Тѣ, кто имѣли дѣло съ русскимъ мужикомъ, могутъ легко составить о немъ представленіе. Я никогда не забуду озадаченнаго вида, испуганнаго лица одной крестьянки, которой я пытался, 15 лѣтъ тому назадъ, объяснить, что во Франціи глава исполнительной власти зависитъ отъ національнаго собранія, и что это собраніе можетъ дать ему отставку. «Но, сказала она мнѣ, это какъ если бы я прогнала моего господина. И какъ же можетъ страна существовать безъ повелителя?» Послѣ долгихъ усилій, я долженъ былъ отказаться дать понять моей Авдотьѣ (à la brave Avdotia) механизмъ республиканскаго правленія и парламентскаго режима!» (160—161). Авторъ какъ будто и не подозрѣваетъ характера того положенія, въ которомъ онъ находился при такомъ объясненіи съ Авдотьей.

Остальныя три статьи сборника посвящены другимъ славянскимъ національностямъ. Именно, «Неизвѣстная Болгарія» (187—250) представляетъ собою пересказъ той части прекраснаго сочиненія К. Иречка «Путешествіе по Болгаріи» (Cesty po Bolharsku. Praha. 1888), которая трактуетъ о менѣе извѣстныхъ частяхъ этой еще мало изученной страны. Статья «Сербскій народъ» (251—275) даетъ этнографическій и статистическій очеркъ этой страны на основаніи нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдованій, какъ общихъ, такъ и иностранныхъ. Наконецъ, очеркомъ «Янъ Коларъ и панславистская поэзія въ XIX вѣкѣ» (277—346), передающимъ любопытные факты изъ жизни и дѣятельности знаменитаго словацкаго поэта и патріота, г. Лежè заканчиваетъ свой сборникъ.

Повторяемъ, новая книга г. Лежѐ интересна даже и для славянскихъ читателей: достоинства ея есть достоинства сочиненія вышедшаго изъ-подъ пера писателя умнаго, даровитаго и опытнаго; недостатки и странности есть результатъ особой точки зрѣнія, на которую поставили автора его національность и иногда недостаточная спеціальная научная подготовка; кромѣ того, не слѣдуетъ, при сужденіи объ этой книгѣ, забывать о цѣли автора и о томъ кругѣ читателей, къ которому она обращена. **Е. П.**

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Книга пятая. Издана подъ редакціей М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Кіевъ. 1891.

Дѣятельность общества Нестора лѣтописца, состоящаго почти исключительно изъ ученыхъ, занимающихся исторіей Юго-Западнаго края, заключалась и заключается въ разборкѣ исторіи этого края. Члены, работая надъ тѣмъ или другимъ вопросомъ, читали въ засѣданіяхъ, назначаемыхъ время отъ времени, рефераты, изъ которыхъ болѣе обстоятельные печатаются въ издаваемыхъ обществомъ «Чтеніяхъ», а менѣе важные помѣщаются въ тѣхъ же «Чтеніяхъ», только въ сокращеніи. Такимъ образомъ, и въ настоящей книгѣ, помимо свѣдѣній о состояніи общества, помѣщены краткіе пересказы рефератовъ (стр. 1—26) и самые рефераты. Прежде всего помѣщенъ здѣсь очень важный, по своему значенію,— прочтенный за отсутствіемъ автора профессоромъ Дашкевичемъ, рефератъ профессора А. И. Соболевскаго «Нѣсколько мѣстъ начальной лѣтописи». Авторъ взялъ нѣсколько искаженныхъ переписчиками мѣстъ начальной лѣтописи, часто съ такими варіантами, которые позволяютъ понимать одно и то же мѣсто различно и, пользуясь правилами выработанными на западѣ критикой текста, исправилъ ихъ, привелъ къ первоначальному ихъ виду. «Изданіе самой лѣтописи, подлиннаго Нестора въ возстановленномъ видѣ, говоритъ г. Соболевскій, у насъ отсутствуетъ и, кажется, мы даже не можемъ ожидать появленія его въ скоромъ времени, въ виду чего настоящія замѣтки имѣютъ право увидѣть свѣтъ». Дѣйствительно, изданіемъ своихъ отрывковъ профессоръ Соболевскій оказалъ большую услугу не только русскому филологу, но и историку. Для примѣра укажемъ извѣстную фразу лѣтописи: «Рѣша Русь Чюдь Словѣни и Кривичи вся: земля наша велика....» Профессоръ Соболевскій на основаніи различныхъ данныхъ, которыхъ мы здѣсь приводить, конечно, не будемъ, исправляетъ именительный падежъ слова «Русь», на дательный, какъ это дѣйствительно стоитъ въ двухъ варіантахъ лѣтописи, отчего совершенно измѣняется смыслъ фразы. Затѣмъ слѣдують статья В. С. Иконникова: «Страница изъ исторіи Екатерининскаго наказа», разсматривающая вопросъ объ отмѣнѣ пытки въ Россіи (стр. 12—35), И. Каманина — «Евреи въ лѣвобережной Украйнѣ», рисующая намъ отношеніе польскаго и русскаго правительства къ евреямъ въ этой странѣ, а также ихъ распредѣленіе и количество, О. Левицкаго—«Луцкая Старина», В. Василенко—«Гадяцкая Старина», Н. Стороженко — «Малороссійское ополченіе 1812 года», Н. Оглоблина — «Къ исторіи открытія золотыхъ воротъ» и мн. др. Въ статьѣ Ор. Левицкаго, посвященной описанію замковъ и другихъ остатковъ старины г. Луцка, находимъ, между прочимъ, любопытное указаніе на существованіе при каѳедральномъ католическомъ соборѣ св. Троицы, гдѣ нѣкогда

помѣщался іезуитскій коллегіумъ, большой, въ нѣсколько тысячъ томовъ, старинной библіотеки, которая еще не приведена въ порядокъ, такъ какъ недавно лишь приступили къ составленію ея каталоговъ. Впрочемъ, на сколько могъ замѣтить авторъ, въ ней заключается очень много цѣннаго матеріала, какъ печатнаго, такъ и рукописнаго, главнымъ образомъ относящагося къ исторіи коллегіума, напримѣръ приходорасходныя книги (libri rationum perceptae et expensae collegii duceoriensis Societatis Jezu), сборники, куда вносились публичныя рѣчи, діалоги, стихотворенія и наконецъ драмы и мистеріи, исполнявшіяся студентами коллегіума. «Изслѣдователь южно-русской школьной драмы, говоритъ г. Левицкій, навѣрное отыщетъ здѣсь много любопытнаго» (стр. 64). Въ статьѣ автора заключается довольно много примѣровъ той весьма печальной судьбы, которая постигла, да и теперь еще постигаетъ архивы нашихъ церквей и монастырей. «Зайдите въ любой старинный костелъ на Волыни, говоритъ авторъ, и вамъ покажутъ портреты его основателей и благотворителей, покажутъ нѣсколько древнихъ образовъ и объяснятъ ихъ значеніе. А въ православной церкви если хотите найти что-нибудь подобное, то ищите не на видныхъ мѣстахъ въ самомъ храмѣ, а гдѣ-либо на хорахъ или на чердакѣ: тамъ, между разной рухлядью, чаще всего найдете древній образъ, старинныя книги или рукописи, сохранившіяся только лишь потому, что никто не замѣчалъ ихъ здѣсь и не придавалъ имъ никакого значенія. По большей части предметы эти не внесены въ церковную опись и потому во всякое время могутъ исчезнуть безъ слѣда. Въ 1850-хъ годахъ въ церкви с. Зимно (Владимір.-Вол. у.) хранилось рукописное евангеліе 1497 г., пожертвованное литовскимъ писаремъ Ѳедоромъ Янушкевичемъ, съ приложеніемъ стихираря, помянника и нѣкоторыхъ монастырскихъ документовъ съ 1460 по 1702 гг. Оно было истребовано въ Кіевскую археографическую комиссію и возвращено по принадлежности. Въ 1882 г. мы были въ Зимно и хотѣли видѣть драгоцѣнную рукопись, но ея уже тамъ не было; сохранилась лишь глухая память, будто евангеліе это кѣмъ-то было продано австрійскимъ евреямъ-антикваріямъ».

Въ третьемъ отдѣлѣ «Чтеній», въ которомъ печатаются матеріалы, прежде всего помѣщено «Descrittione del mar negro et della Tartaria per il d. Emiddio Dortelli d'Ascoli a. 1634». Рукопись описанія удалось найти профессору Н. П. Дашкевичу въ Пражской королевской библіотекѣ, причемъ, по мнѣнію издателя, настоящій манускриптъ представляетъ собой списокъ съ другого, вѣроятно—съ черноваго. Печатая рукопись почти безъ всякихъ измѣненій, профессоръ Дашкевичъ предпослалъ ей довольно обстоятельное предисловіе, въ которомъ собралъ всѣ, на сколько это отъ него зависѣло, свѣдѣнія о личности самого d'Ascoli, а также и его описанія, значительно пополняющаго собой литературу описаній нашего Черноморья. Кромѣ того, здѣсь напечатаны: «Акты по исторіи монастырскаго землевладѣнія въ Малороссіи» (1636—1730 гг.), сообщенные А. Лазаревскимъ, «Акты по управленію Малороссіей гр. П. А. Румянцева, за 1767 г.», сообщенные профессоромъ М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ, «Матеріалы для исторіи западно-русской церкви», С. Т. Голубева и др.

В. Б.

Харьковскій сборникъ подъ редакціей члена-секретаря В. И. Касперова. Литературно-научное приложеніе къ «Харьковск. Календарю» на 1891 годъ. Выпускъ 5-й. Харьковъ. 1891.

Сборниковъ въ родѣ того, заглавіе котораго мы сейчасъ привели, у насъ въ Россіи можно сказать еще почти нѣтъ, а между тѣмъ несомнѣнно ихъ важное значеніе для разработки нашей исторіи. Находясь въ провинціи, такой сборникъ легче можетъ привлечь работниковъ, будить провинцію отъ той спячки, въ которую она погружена, дать ей возможность жить болѣе высокими интересами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разработывать мѣстную исторію. Кромѣ того, само собой понятно, что работать надъ вопросами мѣстной исторіи гораздо удобнѣе на мѣстѣ, гдѣ могутъ быть подъ руками и архивы, и свѣдѣнія, недоступныя или мало доступныя человѣку постороннему. Мы конечно не говоримъ, что сборники исключительно должны наполняться статьями по мѣстной исторіи, этнографіи, археологіи и т. д. Было бы чрезвычайно важно, если бы они издавали также и сырой матеріалъ, документы, которые все больше и больше начинаютъ исчезать, особенно изъ монастырскихъ библіотекъ, гдѣ съ архивами обращаются крайне небрежно, и которые не всегда и не вездѣ могутъ быть напечатаны. Этимъ, собственно говоря, заняты въ настоящее время наши архивныя комиссіи, но они сплошь и рядомъ увлекаются вопросами, хотя и имѣющими нѣкоторое къ нимъ отношеніе, но сравнительно съ этимъ дѣломъ, т. е. дѣломъ сохраненія архивовъ, очень незначительными, да кромѣ того и средства у нихъ не такъ ужъ велики. Въ виду этого, «Харьковскій сборникъ» является очень важнымъ и симпатичнымъ дѣломъ. Намъ только кажется, что въ данномъ случаѣ, принимая во вниманіе все сказанное выше, «Сборнику» слѣдовало бы дорожить мѣстомъ, не заполнять своихъ страницъ, чѣмъ придется. Къ чему, напримѣръ, было дѣлать перепечатку изъ «Литературнаго наслѣдія» о пребываніи Костомарова въ Харьковѣ? Во-первыхъ, эта перепечатка вводитъ въ заблужденіе человѣка, интересующагося личностью историка, который въ статьѣ, озаглавленной такимъ образомъ, захотѣлъ бы найти новыя данныя изъ его біографіи. Да кромѣ того, три печатныхъ листа, занятыхъ частью біографіи Костомарова, которую каждый можетъ прочесть, да и прочелъ уже въ изданіи г-жи Костомаровой или «Русской Мысли», могли быть отведены подъ печатаніе какихъ-нибудь новыхъ матеріаловъ или статей. Можно было бы, наконецъ, закончить статью прот. Лащенкова о высокопреосвященномъ Филаретѣ, окончаніе которой, по недостатку мѣста, отнесено редакціей до будущаго года.

Что касается со содержанія «Сборника», то въ общемъ оно довольно разнообразно и интересно. Такъ, напримѣръ, здѣсь напечатано «Путешествіе академика Гильденштедта» (стр. 71—158), представляющее собой дневникъ академика, который онъ велъ въ августѣ и сентябрѣ 1774 года, путешествуя по «Слободско-Украинской губерніи». Дневникъ этотъ, дающій множество данныхъ для характеристики внутренняго быта Слободской Украйны XVIII вѣка, снабженъ обстоятельной біографіей, общей характеристикой труда, сдѣланной г-жей Салтыковой, картой и примѣчаніями г. Багалѣя. Дневникъ этотъ помѣщенъ во второмъ отдѣлѣ «Сборника» названномъ статистико-экономическимъ. Въ этой же части помѣщены интересныя статьи—г. Мезенцева «Къ вопросу о доходности сельскаго хозяйства

въ Харьковской губерніи» (стр. 1—70); продолженіе статьи Л. О. Павловича «Очерки растительности Харьковской и сосѣднихъ съ нею губерній» (стр. 159—187) и проф. А. Краснова: «Современное состояніе вопроса о происхожденіи Слободско-Украинской степи» (стр. 188—210). Такъ какъ познакомить въ общихъ чертахъ съ этими статьями невозможно въ размѣрахъ небольшой замѣтки, то мы и не будемъ останавливаться на ихъ содержаніи, предоставляя желающимъ познакомиться въ самомъ «Сборникѣ».

Въ первой же части, кромѣ перепечатки «Костомаровъ въ Харьковѣ», о которой мы говорили въ началѣ замѣтки, помѣщены еще двѣ статьи: «Церковно-судебная практика по дѣламъ брачнымъ въ Бѣлгородской епархіи» В. Демидова, рисующая намъ непригляднyю сторону семейной жизни главнымъ образомъ въ низшемъ слоѣ населенія XVIII вѣка (1721—1799 гг.), а также формальности, требовавшіяся при вѣнчаніи, и уклоненія отъ нихъ, и статья прот. Лащенкова—«Высокопреосвященный Филаретъ, архіепископъ харьковскій», составленная по письмамъ къ его другу-помѣщику Н. Н. Романовскому. Статья эта довольно интересна, хотя интересъ ея заключается не столько въ личности самого Филарета, сколько въ изображеніи вообще всего духовенства Харьковской губерніи, которое находимъ отчасти въ письмахъ Филарета, отчасти въ воспоминаніяхъ г. Лащенкова. Позволимъ себѣ привести изъ этой статьи одинъ фактъ, имѣвшій мѣсто въ 1852 году. Въ недѣлю Православія, въ концѣ обѣдни, діаконъ Никитскій почувствовалъ страшную жажду и потому «во время пріобщенія владыки, разсказываетъ онъ, пошелъ въ пономарку и здѣсь для утоленія жажды выпилъ цѣлую бутылку вина. Въ обычное время, при началѣ чина православія, я взялъ благословеніе у владыки и сталъ на уготовленномъ мѣстѣ—на лѣвомъ клиросѣ. Служеніе происходило въ верхней соборной церкви; она была переполнена народомъ и сильно натоплена—духота была страшная. Пѣснь: «Кто Богъ велій»—я пропѣлъ безукоризненно, читалъ символъ вѣры отчетливо, но къ концу чтенія началъ чувствовать приливъ крови къ головѣ. Когда же сталъ возглашать «анаѳема», то и теперь не могу дать себѣ отчета, почему каждый разъ при произнесеніи этого слова, правой рукой я указывалъ на генерала П—на, стоявшаго у праваго клироса, прямо противъ меня. Мнѣ послѣ разсказывали, что смущенный генералъ пятился то въ ту, то въ другую сторону и, наконецъ, вынужденъ былъ выйти изъ церкви» (стр. 130). Случай этотъ такъ подѣйствовалъ на Никитскаго, что онъ заболѣлъ. Филаретъ, впрочемъ, отнесся къ нему очень гуманно и ограничился лишь тѣмъ, что по выздоровленіи «спустя мѣсяца три далъ священническое мѣсто при одной изъ харьковскихъ церквей». Недостатокъ, которымъ страдаетъ статья, это ея излишняя растянутость. Авторъ, напримѣръ, вмѣсто выдержекъ изъ писемъ, приводитъ сплошь и рядомъ эти письма цѣликомъ, при томъ даже не сноситъ ихъ въ примѣчанія, а помѣщаетъ въ самомъ текстѣ.

Въ концѣ сборника приложено нѣсколько программъ для собиранія свѣдѣній, необходимыхъ при составленіи «Описанія Харьковской губерніи» въ естественно и культурно-историческомъ отношеніяхъ, которое задумали составить 12 членовъ Харьковскаго губернскаго статистическаго комитета. Программы даны гг. Сумцовымъ, П. Ефименко, Багалѣемъ и Халанскимъ.

В. Б.

Сборникъ русской старины Владимірской губерніи. Составилъ и издалъ И. Голышевъ. Голышевка, близь слободы Мстеры. 1890. Рукописный синодикъ 1746 года. Изданіе И. Голышева. Голышевка. 1891.

Два сборника, заглавія которыхъ мы привели выше, являются послѣдними по времени изданіями извѣстнаго крестьянина-археолога г. Голышева [1]) и заключають въ себѣ довольно интересныя данныя для археологіи, палеографіи, а также исторіи народнаго искусства. Въ первомъ сборникѣ находится снимокъ и краткая исторія памятника кн. Д. М. Пожарскому, могила котораго оставалась совершенно неизвѣстною до 1852 года, когда ее удалось открыть извѣстному археологу графу А. С. Уварову. Находящійся на этомъ мѣстѣ памятникъ, очень точно воспроизведенный г. Голышевымъ, былъ открыть въ 1885 году. Затѣмъ слѣдують двѣ таблицы съ изображеніями весьма любопытныхъ въ палеографическомъ отношеніи орнаментовъ, заставокъ и буквъ, извлеченныхъ авторомъ частью изъ рукописнаго канонника 1721 года, частью же изъ рукописной псалтири въ честь Божьей Матери «неизвѣстнаго времени». Судя однако по приложеннымъ рисункамъ, можно думать, что рукопись эта не позже конца XVIII вѣка. Такой же чисто палеографическій интересъ представляють собой два оттиска съ деревянной печатной доски съ изображеніемъ преп. Антонія. Такія доски въ настоящее время составляють большую рѣдкость. Первоначально они служили для печати рисунковъ въ богослужебныхъ книгахъ, но въ послѣднее время, по словамъ И. А. Голышева, ему случалось находить такія доски «въ старыхъ домахъ крестьянъ на божницахъ, вмѣстѣ съ иконами, которымъ и молились, какъ древнимъ рѣзнымъ иконамъ». Экземпляръ, воспроизведенный въ «Сборникѣ», авторъ относить къ XVII вѣку, хотя точныхъ указаній на это нѣтъ.

Описанныя дальше археологическія находки, случайно вырытыя у слободы Холуя, составляють принадлежности вооруженія: желѣзные наконечники копій, стрѣлъ, желѣзныя сабли, конскія удила, мѣдныя кольца и пряжки. Такой характеръ находокъ служить косвеннымъ подтвержденіемъ битвы, происходившей въ этой мѣстности въ 1608 году, какъ объ этомъ говорять Карамзинъ (т. XII, стр. 138), Соловьевъ (VIII, 250) и др. Кургановыя вещи, найденныя въ Шуйскомъ и Меленковскомъ уѣздѣ, отличаются болѣе мирнымъ характеромъ. Это—украшенія и принадлежности домашняго обихода. Любопытно, что и здѣсь также, какъ и въ курганахъ Волынской, Кіевской, Минской губерній, встрѣчаются вещи почти одинаковыя. Такъ между прочимъ и тамъ, и здѣсь около головы женскихъ костяковъ находятся небольшія, неспаянныя, что служить доказательствомъ большой древности, колечки, которыя женщины любили вплетать въ свои волосы. Въ концѣ приложены два оттиска съ пряничныхъ досокъ, также рѣдко встрѣчающихся въ настоящее время, такъ какъ, по словамъ автора, пряники «давно отжили свое время, а доски для ихъ тисненія уничтожились, гдѣ на топливо, гдѣ на починки, горѣли безвозвратно въ пожары». Жаль только,

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой личности см. «Истор. Вѣстн.», 1886 г., т. XXIV, стр. 842—400, и автобіографію его, напечатанную въ «Русск. Стар.» 1879 г., т. XXIV, стр. 753—772, т. XXV, стр. 353—366.

что авторъ не обратилъ вниманія на бордюры, составленные изъ буквъ и не разобралъ ихъ тѣмъ болѣе, что, по его собственнымъ словамъ, эти надписи «придавали пряникамъ какъ бы таинственное, невѣдомое пожеланіе благополучія и счастья, какъ талисманъ, не имѣющій ключа разгадки». Это было бы очень интересно.

Второй сборникъ не отличается такимъ разнообразіемъ содержанія, хотя интересенъ не менѣе перваго. Здѣсь перепечатанъ рукописный синодикъ Богородицерождественской церкви села Климовскаго Вологодской губерніи, Вельскаго уѣзда 1746 года. Большая часть сборника занята рисунками, очень отчетливо сдѣланными и потому дающими понятіе объ рукописномъ оригиналѣ, воспроизведеніе котораго поставилъ своей задачей г. Голышевъ. Всѣхъ рисунковъ 67; какъ по фигурамъ, такъ и по краскамъ они очень однообразны. Для поясненія приложено описаніе ихъ, извлеченное изъ того же синодика, и предисловіе, въ которомъ издатель говоритъ о значеніи рукописныхъ синодиковъ, народномъ творчествѣ, лубочныхъ картинахъ и тому подобныхъ вещахъ.

В. Б.

Д. Смышляевъ. Сборникъ статей о Пермской губерніи. Пермь. 1891.

Д. Д. Смышляевъ принадлежитъ къ числу видныхъ литературныхъ дѣятелей въ Пермскомъ краѣ. Его работы, посвященныя пермской исторіи, въ теченіе тридцати лѣтъ печатались въ мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и въ нѣкоторыхъ столичныхъ изданіяхъ. Собрать ихъ и издать отдѣльной книжкой—предпріятіе, пользу котораго можетъ вполнѣ оцѣнить только тотъ, кому приходилось ради справки въ тѣхъ или другихъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» ѣхать въ городъ, гдѣ они издаются, и тамъ съ разочарованіемъ узнавать, что ни въ редакціи, ни въ архивѣ губернскаго правленія, ни въ мѣстныхъ библіотекахъ нѣтъ полнаго, без дефектовъ экземпляра «Вѣдомостей» за все время ихъ существованія. Книжка г. Смышляева съ большимъ интересомъ прочтется не только любителями мѣстной старины, но и лицами, интересующимися общерусской исторіей. Сборникъ открывается «Краткимъ обзоромъ исторіи Пермскаго края». Авторъ начинаетъ съ періода, о которомъ говорятъ только археологическія данныя, переходитъ затѣмъ къ русской колонизаціи края, сжато очерчиваетъ дѣятельность Строгоновыхъ и заканчиваетъ свою статью основаніемъ пермскаго намѣстничества. Новаго эта статья, въ особенности послѣ солидныхъ работъ А. А. Дмитріева, не даетъ, но можетъ быть полезна своими библіографическими указаніями. Позволяемъ только предостеречь читателя насчетъ страницъ, гдѣ трактуется объ отношеніи Перми къ Біарміи. Этотъ вопросъ представляется автору не ясно, и на посвященныхъ ему страницахъ мы встрѣчаемъ нѣсколько ошибокъ или неточностей. Г. Смышляевъ считаетъ Біармію Скандинавовъ тождественной съ Пермью нашихъ лѣтописей и вопреки фактамъ находитъ возможнымъ утверждать, что наша первоначальная лѣтопись знаетъ Пермь тамъ, гдѣ ее знаютъ скандинавы. На самомъ дѣлѣ скандинавскія саги и Отеръ помѣщаютъ Біармію на востокъ отъ устья Двины; по указаніямъ же нашихъ лѣтописей Пермь на западѣ могла захватывать не устье, а верхнее теченіе Сѣверной Двины до сліянія этой рѣки съ Сухоной и начало средняго (близъ сліянія Сухоны и Вычегды).

Слѣдующая статья «Матеріалы для исторіи города Перми» заключаетъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ подробностей изъ первоначальной жизни

молодого города, основаннаго въ 1780 г. на мѣстѣ упраздненнаго Ягошихинскаго завода. Особенный интересъ въ этой статьѣ представляетъ глава, посвященная исторіи Пермской гимназіи. Не много найдется въ Россіи гимназій, у которыхъ были бы такія прекрасныя учено-литературныя традиціи, какъ у Пермской. Начиная съ 1806 г., когда она возникла изъ бывшаго до сихъ поръ главнаго народнаго училища, Пермская гимназія является духовнымъ центромъ обширнаго и полудикаго края; изъ нея выходятъ почти всѣ его изслѣдованія — экономическія, историческія, археологическія и этнографическія. Богатый историческими воспоминаніями край создавалъ одного мѣстнаго историка за другимъ. Первый шагъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ первымъ директоромъ гимназіи П. С. Поповымъ. Его «Хозяйственное описаніе пермской губерніи» шире, чѣмъ позволяетъ думать заглавіе книги. Во II и III частяхъ мы находимъ свѣдѣнія о чудскихъ городищахъ, пещерахъ, писаныхъ камняхъ, обзоръ этнографическихъ элементовъ, входящихъ въ составъ населенія края и краткую исторію водворенія въ немъ русской власти и русскаго народа.

За Поповымъ интересъ къ археологіи и исторіи края обнаруживаютъ преподаватели Пермской гимназіи: П. И. Мельниковъ (извѣстный беллетристъ), давшій въ «Отечественныя Записки» очеркъ чудскихъ древностей Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ съ таблицами рисунковъ, Прядильщиковъ, написавшій «Лѣтопись губернскаго города Перми» (1781—1844). Крупенинъ—авторъ напечатанной въ I т. «Пермскаго Сборника» статьи: «Краткій историческій очеркъ заселенія и цивилизаціи Пермскаго края» Валбашевскій («Краткій историческій очеркъ гражданскаго устройства Пермскаго края»), Н. А. Ѳирсовъ—нынѣ заслуженный ординарный профессоръ Казанскаго университета («Объ открытіи народныхъ училищъ въ Пермской губерніи», «Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ»). Примѣръ учителей не остался безъ вліянія на учениковъ, и Пермская гимназія дала не одного изслѣдователя мѣстнаго края—преимущественно въ историческомъ отношеніи. Первое мѣсто между ними по времени принадлежитъ Н. К. Чупину. Это былъ человѣкъ, глубоко преданный научнымъ интересамъ и памятный всякому, кого ученыя цѣли привлекали въ Пермскій край. Капитальнымъ, къ сожалѣнію неоконченнымъ, трудомъ Н. К. Чупина является «Географическій и статистическій словарь Пермской губерніи», который представляетъ необходимую справочную книгу для всякаго изслѣдователя Пермскаго края, заключая въ себѣ рядомъ съ фактами и библіографическія указанія по отдѣльнымъ вопросамъ (см. особенно указатель литературы къ статьѣ «Вогулы»). Почтеннымъ ученикомъ преподавателей Пермской гимназіи является и самъ авторъ разсматриваемаго сборника. Ученикомъ, а потомъ и учителемъ Пермской гимназіи былъ и самый младшій изъ историковъ Пермскаго края, не уступающій своимъ предшественникамъ въ талантливости, энергіи и любви къ дѣлу—А. А. Дмитріевъ. Отсутствіе этого имени въ спискѣ выдающихся представителей Пермской гимназіи, скажемъ мимоходомъ, представляется намъ непонятнымъ.

Помѣщенная въ концѣ сборника статья «Матеріалы для біографій замѣчательныхъ мѣстныхъ дѣятелей» показываетъ, что атмосфера историческихъ интересовъ, окружавшая Пермскую гимназію, пробуждала однородныя научныя стремленія и въ окружающемъ гимназію обществѣ. Имена Зыря-

нова и Теплоухова извѣстны, конечно, каждому, кто интересовался археологіей и исторіей Пермскаго края. Авторъ могъ бы съ полной справедливостью пополнить свой списокъ замѣчательныхъ пермскихъ дѣятелей именемъ Ѳ. А. Волегова, историка Строгоновыхъ.

Изъ другихъ статей сборника общій интересъ представляетъ статья «Лжеучитель Менделинъ», перепечатанная изъ V выпуска, издаваемаго Археологическимъ Институтомъ «Вѣстника археологіи и исторіи». Статья эта знакомитъ насъ съ возникновеніемъ въ Сибири секты самоистребителей.

И. С.

Хронологическія таблицы къ исторіи русской литературы новаго періода. Составилъ Н. Марковъ. Вып. I. Писатели XVIII столѣтія. Елисаветградъ. 1890.

«Общеупотребительные курсы и учебники словесности не могутъ заключать въ себѣ подробныхъ, какъ хронологическихъ, такъ и библіографическихъ свѣдѣній изъ исторіи литературы, они пестрили бы съ излишкомъ самое изложеніе», говоритъ г. Марковъ, и предлагаетъ свои таблицы, какъ необходимое дополненіе къ учебнику. Подробно разбирать этихъ таблицъ мы не будемъ. Это заняло бы слишкомъ много и времени, и мѣста. Укажемъ только на нѣсколько недостатковъ, бросившихся намъ въ глаза при бѣгломъ просмотрѣ таблицъ. Такъ, перечисляя переводы, сдѣланные при Петрѣ I, г. Марковъ упустилъ почему-то «Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ» Пуффендорфа, переведенное Гавріиломъ Бужинскимъ. Пропущено также и другое сочиненіе Пуффендорфа «О должностяхъ человѣка и гражданина» (напечатана при Екатеринѣ I), хотя книга эта пользовалась большимъ значеніемъ и почти до конца XVIII вѣка служила учебникомъ въ Московскомъ университетѣ. Г. Марковъ приводитъ полныя заглавія при перечисленіи переводовъ Бужинскаго, совершенно упустивъ ихъ подъ рубрикой «Переводы иностранныхъ книгъ по волѣ Петра I». Изъ переводовъ Бужинскаго также названы не всѣ. Пропущенъ, напримѣръ, «Ѳеостронъ или позоръ историческій» (Theatrum historicum; у г. Маркова названы только два приведенныя сочиненія Пуффендорфа). Изъ проповѣдей Ѳеофана Прокоповича не названы: 1718 г.—«Слово въ недѣлю цвѣтную о власти и чести царской», отличающееся рѣзкимъ обличительнымъ характеромъ, 1722 г.—«На заключеніе Ништадтскаго мира». Изъ словъ Яворскаго названо только «Похвальное слово по случаю Полтавской побѣды» и опущено «О храненіи заповѣдей Господнихъ» (17-го марта 1712 года), надѣлавшее много шуму, за которое Стефану Яворскому запрещено было даже нѣкоторое время читать проповѣди. Слово это не вошло въ сборники проповѣдей Яворскаго, а сохранилось въ рукописи. Изъ трудовъ Тредьяковскаго не названъ извѣстный переводъ Роллена, его разсужденія «о первенствѣ словенскаго языка передъ тевтоническимъ», «о первоначаліи руссовъ», «о варягахъ руссахъ словенскаго званія, рода и языка» и др. Такихъ пропусковъ можно было бы указать очень много. Но, пока будетъ и этихъ. Признавая пользу и все значеніе задуманнаго г. Марковымъ изданія, нельзя не пожелать, чтобы послѣдующіе выпуски избѣжали такихъ недостатковъ и были составлены болѣе тщательно.

В. Б.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Папа и Савойская династія.—Причины южно-американскихъ революцій.—Политическое завѣщаніе Гарибальди.—Мольтке и Гарибальди.—Культъ Высшаго Существа.—Изъ воспоминаній о политикѣ Наполеона III.—Изъ дневника Карлейля: о Тьерѣ, Ламартинѣ и Меримэ.—Знаки позора въ Средніе вѣка.

ПАПА И САВОЙСКАЯ ДИНАСТІЯ. «Contemporary Review» напечаталъ недавно подъ такимъ заглавіемъ этюдъ любопытный по новизнѣ выводовъ, какіе извлекаетъ авторъ его, подписавшійся «континентальнымъ государственнымъ человѣкомъ», изъ ряда искусно сгруппированныхъ фактовъ. По его заключенію, Савойская династія близка къ паденію, если она не откажется отъ политики, начертанной Криспи, и что Италія приближается къ федеративной республикѣ съ папой въ качествѣ посредника.

Въ этюдѣ прежде всего напоминается дилемма, возвѣщенная въ 1849 г. Теренцомъ Маміани, либеральнымъ министромъ Пія IX, и позже Викторомъ Эмануиломъ: «Римъ можетъ принадлежать только папѣ или Ріенци» (т. е. революціи). Къ этой дилеммѣ прибавилось еще предсказаніе Мацццини: «Криспи похоронитъ итальянскую монархію». Въ настоящее время Криспи уже не министръ, но политика его пережила его, и итальянскій государственный корабль на всѣхъ парусахъ роковымъ вѣтромъ гонится къ порогамъ. Дочь революціи и латинскаго генія, Савойская династія, измѣняетъ такому двойственному своему происхожденію, увлекаясь интересами «божественнаго права» и пангерманизма. Она подкапывается подъ собственныя основы и борется противъ своего жизненнаго принципа.

Едва ли нужно напоминать, что именно таково было возникновеніе Савойской династіи. Анонимный политикъ доказываетъ, что одинъ Пьемонтъ никогда бы не создалъ итальянскаго единства. Онъ отмѣчаетъ обстоятельства, повлекшія за собой вмѣшательство Франціи въ Ломбардію. Англичане

были враждебны освободительной войнѣ, и непосредственными послѣдствіями ея объявленія было паденіе министерства Дерби, распущеніе палаты общинъ и усиленіе дѣйствующей арміи Англіи. Наконецъ, лордъ Россель съумѣлъ воспользоваться послѣдствіемъ Ломбардской кампаніи, запугалъ Наполеона III и заставилъ его подписать шаткій Виллафранкскій миръ.

Этотъ миръ положилъ конецъ страхамъ Англіи. Тогда ея первой заботой стало обратить побѣды Франціи къ своей выгодѣ на Средиземномъ морѣ. И она достигла этого благодаря усиліямъ кабинета Пальмерстонъ-Росселя, а что касается Франціи, проектировавшей для Италіи федеральную конституцію, то она совершенно обманулась въ своихъ надеждахъ. Съ тѣхъ поръ ея положеніе на полуостровѣ становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Лишенная нравственныхъ выгодъ отъ своихъ жертвъ, она еще вынуждена была вынести на своей спинѣ отвѣтственость за миръ, заключенный противъ нея, не говоря уже о неблагодарной задачѣ обезпечить выполненіе этого мира. Совершилось итальянское единство и именно противъ Франціи, которая запечатлѣла его своей кровью.

Слѣдуя хронологическому порядку въ изложеніи фактовъ, «Contemprary Review» доказываетъ, что итальянское единство также готово отказаться отъ латинства, какъ въ Неаполѣ оно отказалось отъ революціи.

Викторъ Эмануилъ не раньше былъ объявленъ королемъ Италіи непосредственнымъ воздѣйствіемъ Франціи и признанъ Пруссіей, чѣмъ онъ отправилъ чрезвычайнаго посланника въ Берлинъ съ спеціальною миссіею завязать тамъ интимныя и прочныя отношенія. Посланникъ этотъ—генералъ Ла-Мармора. Ему было предписано настаивать на аналогіяхъ, сближающихъ роль Сардинскаго королевства въ Италіи съ ролью Прусскаго королевства въ Германіи, и объявить, что итальянцы всегда считаютъ пруссаковъ своими естественными союзниками. «Таковъ былъ первый шагъ на пути итальянопрусскихъ союзовъ, сперва подготовленныхъ подъ благодушнымъ покровительствомъ Франціи и вскорѣ сдѣлавшихся тѣмъ, что они есть—династическими, наступательными, направленными сразу и противъ Франціи, и противъ революціи».

Далѣе слѣдуетъ бѣглый обзоръ войнъ 1866, 1870 и 1877 гг. съ ихъ послѣдствіями. Анонимный авторъ, перебирая одинъ за другимъ различные факторы европейской политики въ послѣднее десятилѣтіе, приходитъ къ такому рѣшительному заключенію. Италія употребила непомѣрныя усилія, чтобы возвыситься до положенія державы. Она надорвалась отъ этихъ усилій. А въ наше время правительство, злоупотребляющее властью, не имѣетъ вѣса. Обѣдненіе итальянской націи, индивидуальное и общее, можетъ изо дня въ день довести монархію до паденія. Вѣдь извѣстно, отъ какихъ причинъ происходили революціи. Англійская революція, обезглавившая Карла I, американская, давшая Соединеннымъ Штатамъ независимость, французская 1789 года, всѣ имѣли своимъ непосредственнымъ источникомъ вопросъ налоговъ. Если эти крахи совершались тогда, когда народы еще вѣрили въ естественное право королей, то какимъ образомъ итальянское правительство допускаетъ, что оно можетъ безнаказанно продолжать угнетать голодный народъ налогами единственно въ видахъ своей эгоистической политики? Поведетъ ли эта политика лишь къ продолженію вооруженнаго мира, или къ войнѣ, она роковымъ образомъ породитъ революцію, а революція въ Италіи не можетъ имѣть никакого иного исхода, кромѣ республики. Это рѣшеніе будетъ един-

ственно опредѣленнымъ, потому что оно сразу урегулируетъ и религіозный вопросъ, и другія проблемы. Папство никогда не примирится съ монархіей, это ясно изъ того, что мы видимъ ежедневно въ Римѣ. Это совмѣстное существованіе въ одной и той же столицѣ двухъ государей, изъ которыхъ одинъ живетъ во дворцѣ насильно отнятомъ у другого, ихъ претензіи относительно королевскихъ почестей — вотъ постоянная причина конфликтовъ, и столкновеніе должно произойти неизбѣжно.

«При республикѣ дѣла пошли бы совсѣмъ иначе. Въ Ватиканѣ не найдется такого человѣка, начиная отъ папы и кончая наименѣе просвѣщеннымъ изъ его монсиньоровъ, который хоть на минуту вѣрилъ бы въ возстановленіе свѣтской власти папы въ томъ видѣ, какъ она существовала въ прошломъ. Всѣ они ищутъ новой формулы и большинство видитъ эту формулу въ республикѣ. Никакая федеральная республика, которая постепенно распространилась бы на весь латинскій міръ, никогда не устранила духовной власти папы въ такой степени, какъ итальянская монархія... Когда произойдетъ столкновеніе свѣтской и духовной власти, Римъ будетъ принадлежать Кола Ріенци, по слову Маміани. Но онъ будетъ принадлежать также и папѣ, и не ему одному, но вмѣстѣ съ Парижемъ, Мадридомъ, Лисабономъ и, можетъ быть, Брюсселемъ. Вотъ какая перспектива открылась передъ Савойской династіей съ того дня, какъ она слѣпо кинулась въ объятія тройственнаго союза. Память Виктора Эмануила еще охраняетъ ее. Но ей нельзя уже совершить ни одной ошибки или терять время. Завтра будетъ уже слишкомъ поздно».

— Причины южно-американскихъ революцій. Въ виду революцій въ Южной Америкѣ, угрожающихъ сдѣлаться хроническими, небезъинтересно отмѣтить попытку англійскаго журнала «Spectator» доискаться причинъ, мѣшающихъ Южной Америкѣ, установить республику прочную и правильно организованную. Англійское объясненіе этого безсилія тѣмъ, что Южная Америка — испанская Америка, представляется «Spectator»'у малоудовлетворительнымъ. Оставляя въ сторонѣ жестокости, совершаемыя побѣдителями и вытекавшія изъ религіознаго фанатизма, надо признать, что со временъ римлянъ никогда еще побѣдившей расѣ не удавалось пускать такъ глубоко корни на побѣжденной почвѣ. Испанцы доказали въ Америкѣ свои способности къ управленію. Тамъ они уничтожили прежнія цивилизаціи, насадивъ свою религію, свой языкъ, свой образъ мысли и жизни. Туземная раса утратила всѣ слѣды своей оригинальности до такой степени, что чистокровный индѣецъ Хуарезъ могъ сдѣлаться президентомъ. Скрещиваясь съ туземной расой, испанцы удержали за собой руководящую и преобладающую роль. Они основали богатые и цвѣтущіе города, организовали администраціи, способныя выдержать всякія потрясенія, развили цвѣтущую торговлю. О нихъ, конечно, нельзя сказать, что они потерпѣли фіаско въ своей колоніальной предпріимчивости, какъ обыкновенно говорятъ англичане о португальцахъ въ Азіи и въ Африкѣ. Южные американцы любятъ и понимаютъ европейскія искусства, стараются быть на уровнѣ цивилизаціи, и города ихъ ни въ чемъ не уступаютъ европейскимъ. Они умѣютъ привлечь къ себѣ иностранные капиталы и знаютъ, что внутренній порядокъ есть первое условіе этого необходимаго правила.

Но почему же у нихъ революція стала зауряднымъ явленіемъ, почему же они не добьются установленія прочнаго правительства? «Spectator» пола-

гаетъ, что причина зла заключается въ органическомъ порокѣ и что этотъ порокъ обнаруживается въ южно-американскихъ республиканскихъ учрежденіяхъ, какъ въ непомѣрномъ вліяніи исполнительной власти, такъ и въ пагубной быстротѣ повышеній офицеровъ арміи. Основатели южно-американскихъ государствъ скопировали конституцію Соединенныхъ Штатовъ, и власть болѣе, чѣмъ королевская, принадлежащая въ этой системѣ президенту, превратилась у нихъ въ настоящую диктатуру, столько же въ силу испанскихъ традицій, сколько и по склонности испанцевъ къ всякому блеску. Прибавьте сюда обширность територій и численную слабость населенія. Диктаторъ естественно пользуется мѣстными безурядицами, чтобъ выйти изъ предѣловъ закона подъ предлогомъ общественной безопасности. Онъ непосредственно вліяетъ и на избирательное собраніе, располагая мѣстами въ немъ. Обыкновенно онъ бываетъ не смѣняемъ на долгій срокъ, и его дѣйствія не подлежатъ контролю.

Такое положеніе исполнительной власти даетъ ей возможность во все вмѣшиваться, и на нее направлены всѣ вожделѣнія и всякія отместки. А такъ какъ только восстаніе можетъ ее низвергнуть, то армія является для нея необходимымъ орудіемъ противъ восстанія. Само собою разумѣется, при такихъ условіяхъ армія становится господствующимъ учрежденіемъ въ государствѣ. Ни одинъ президентъ не увѣренъ въ своей прочности, если онъ не стоитъ во главѣ арміи или не можетъ разсчитывать на ея главу. Всѣ честолюбія, энергія и безразборчивость въ средствахъ къ достиженію успѣховъ въ жизни стремятся къ военной карьерѣ, и офицерамъ вѣрятъ всѣ партія. Не только какой-нибудь счастливый солдатъ достигаетъ всего, но иногда случается, что цѣлое войско считается съ исполнительной властью Президентъ Вальмаседа былъ вынужденъ внезапно увеличить жалованье военнымъ на 25%.

Въ каждой южно-американской республикѣ армія фактически превращается въ преторіанство, готовое служить всякому, кто умѣетъ подкупить его. Это такъ прямо и высказывается въ прокламаціяхъ тѣхъ полупатріотовъ, полуразбойниковъ, которые всплываютъ на поверхность и исчезаютъ въ южно-американскихъ республикахъ. То же самое замѣтно было и въ недавнихъ безпорядкахъ аргентинской республики и Чили, гдѣ флотъ, въ виду важности торговыхъ портовъ и таможенныхъ доходовъ, руководилъ революціоннымъ движеніемъ.

На основаніи этихъ соображеній «Spectator» приходитъ къ выводу, что единственное средство противъ такого зла для южно-американскихъ республикъ заключается въ подражаніи Соединеннымъ Штатамъ до конца — въ ограниченіи арміи выборомъ ея контингента изъ рядовъ наиболѣе образованныхъ слоевъ націи.

— Политическое завѣщаніе Гарибальди. Ко дню открытія въ Ниццѣ памятника Гарибальди парижской фирмой Савина издано «Политическое завѣщаніе Гарибальди» или, точнѣе, разъясненіе идей знаменитаго героя, относительно международной политики, сдѣланное его ученикомъ и другомъ, бывшимъ офицеромъ, Кроче. При книгѣ приложена даже карта Европы, составленная сообразно этимъ идеямъ. На ней Франція, Италія, Испанія, Греція, Румынія составляютъ конфедерацію Средиземнаго моря. Бельгія, Эльзасъ, Лотарингія и Нормандскіе острова возвращены Франціи съ рейнской границей; Португалія и Гибралтаръ принадлежатъ Испаніи;

Далмація и Мальта—Италіи; Македонія, Кандія и Кипръ—Греціи. Съ другой стороны, славяно-чехо-балканская конфедерація, подъ покровительствомъ Россіи, обнимаетъ собою Польшу, Богемію, Каринтію, Карніоль, Хорватію Боснію, Сербію и Болгарію. Австрійская имперія исчезла изъ этой карты. Венгрія независима подобно Швейцаріи и Ирландіи. Пруссіи достались Голландія, Виртембергъ, Баденъ и Баварія, взамѣнъ Помераніи и Силезіи. Шлезвигъ-Гольштейнъ и островъ Гельголандъ отошли къ Даніи.

Такого рода карты-программы очень были въ модѣ лѣтъ тридцать назадъ. Имѣетъ ли шансы успѣха та «священная война», которой требуетъ Кроче и въ результатѣ которой должно получиться это новое распредѣленіе европейскихъ територій? Едва ли кто-нибудь повѣритъ этому. Вѣроятнѣе было бы ожидать, что отъ такого призыва къ всеобщему бою можетъ выйти новый хаосъ политическій и соціальный. На долю гарибальдійцевъ выпало единственное въ исторіи счастье видѣть свою мечту перешедшей въ дѣйствительность, при помощи средствъ, отличавшихся просто идиллической простотой. Но Европа 1891 г. не похожа на Европу 1859 г. и теперь уже нельзя надѣяться какой-нибудь тысячѣ «героевъ» покорять цѣлыя населенія. Если когда-нибудь должно совершиться объединеніе европейскихъ государствъ въ родѣ галло-романо-славянской федераціи, то оно скорѣе будетъ достигнуто успѣхами прогресса нравовъ, нежели всеобщей войной.

— Мольтке и Гарибальди. Кстати о Гарибальди. Вышеупомянутое торжество открытія его памятника дало поводъ южно-французской печати вспомнить о выдающихся качествахъ его героя. Любопытна, между прочимъ, параллель между нимъ и Мольтке, проведенная въ «L'Avenir d'Antibes». Гарибальди,— говорится тамъ,—въ своемъ родѣ античный герой, который боролся за идею, вооружившись только своей шпагой, воодушевленіемъ и своимъ сердцемъ. Для Европы онъ былъ послѣднимъ паладиномъ, послѣднимъ солдатомъ чувства, какъ Ріенци былъ послѣднимъ трибуномъ для Рима. Теперь уже не тѣ времена. Побѣда достается не воодушевленію, а разсчету. Маленькій, молчаливый, холодный старикъ, носящій вѣчно гипсовую маску, маршалъ Мольтке не зналъ военнаго пыла. Онъ строилъ свой планъ на изученіи географическихъ картъ. Онъ ничего не предоставлялъ ни случайности, ни патріотическому экстазу, онъ видѣлъ въ арміи лишь чудовищный механизмъ нервовъ и крови съ искусственными колесами, гдѣ каждому заранѣе указано свое мѣсто, каждый дѣйствуетъ по инструкціямъ, короче сказать, смертоносную машину, которая живетъ, борется и умираетъ, какъ нѣчто бездушное. Гарибальди, напротивъ, появлялся съ громомъ и шумомъ, какъ дѣйствительный рыцарь, въ которомъ есть всѣ черты донъ-кихотства. Онъ имѣлъ политическія убѣжденія открытыя и великодушныя. Онъ шелъ на поле битвы съ великими претензіями, театрально задрапированный въ красный плащъ, съ высокоподнятой головой, заранѣе не приготовивъ ничего, ничего не организовавъ, презирая муки дисциплины и ученость генераловъ, слѣпо кидаясь на врага. Словомъ, этотъ человѣкъ жилъ, думалъ и дѣйствовалъ сердцемъ. Поставьте теперь обоихъ другъ противъ друга. Герой въ красномъ плащѣ отважно кидается на противника; послѣдній, притиснутый, отступаетъ. Затѣмъ онъ собираетъ своихъ и приводитъ въ движеніе свою адскую машину, состоящую изъ столькихъ тысячъ людей, чтобъ, подобно полипамъ, задушить паладина. Герой проти-

вится, но ему не откуда ждать помощи. У него нѣтъ ни матеріала, ни резервовъ, ни организованныхъ войскъ, и тщетно защищается онъ, ибо онъ скоро попадаетъ въ сѣть паука, какъ муха. Кто изъ нихъ болѣе великъ—это должна рѣшить когда-нибудь всемірная исторія.

— Культъ Высшаго Существа. Оларъ, профессоръ въ Сорбоннѣ, печатаетъ въ журналѣ «Revolution française» результаты своихъ интересныхъ изысканій о культѣ Высшаго Существа, который былъ установленъ Національнымъ Конвентомъ по внушенію Робеспьера. Въ октябрьскомъ выпускѣ названнаго изданія описывается помянутый культъ въ провинціи и сообщается, какъ намѣренія Робеспьера понимались и истолковывались въ зависимости отъ обстоятельствъ и мѣстныхъ условій. Въ сущности Робеспьеръ хотѣлъ установить религію, основанную на двухъ догматахъ—о существованіи Бога и безсмертіи души. А Оларъ доказываетъ документально, что только рѣчи представителей власти, произнесенныя по случаю праздника 20 прэріалія, были безупречно правовѣрны въ отношеніи новой религіи. Порядокъ же и организація церемоній на всей територіи Франціи не очень строго согласовались съ мыслью авторовъ декрета флореаля.

Но робеспьеристы дѣлали все возможное для объединенія культа. Комитетъ Общественной безопасности разослалъ изъ Парижа сборникъ музыкальныхъ отрывковъ, спеціально предназначавшихся для пользованія на новыхъ празднествахъ. Онъ велѣлъ положить на музыку молитву одного члена Конвента. Комиссія народнаго просвѣщенія постановила 21 прэріалія II-го года, напечатать и разослать по департаментамъ, округамъ, муниципалитетамъ, революціоннымъ комитетамъ, народнымъ обществамъ, обѣ рѣчи, произнесенныя Робеспьеромъ наканунѣ означеннаго числа. Та же комиссія распорядилась напечатать и распространить различныя религіозныя стихотворенія, катехизисы и ритуалы. Лашабосьеръ, начальникъ канцеляріи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, издалъ «Катехизисъ республиканскій, философскій и нравственный», гдѣ на 37 вопросовъ отвѣтилъ столькими же четверостишіями. Наконецъ, гражданинъ Тіэбо сочинилъ «Руководство къ чествованію въ деревняхъ праздника Высшаго Существа».

Несмотря на эти заботы, въ церемоніяхъ царило большое разнообразіе. Декретъ 18 флореаля попалъ не на «tabula rasa». Умы, которымъ предлагалась новая доктрина, не были свободны отъ всякой религіозности и символизированной философіи. Тамъ были католики, тутъ мѣстами попадались адепты культа Разума, исповѣдывавшагося эбертистами. А во многихъ мѣстахъ обнаруживалось явное стремленіе сблизить новый культъ съ католическими обрядами. Грегуаръ сказалъ, что культъ Высшаго Существа возбуждаетъ надежды въ католикахъ. Историкъ революціи въ Ліонѣ, Моронъ, говоритъ, что въ этомъ благочестивомъ городѣ праздникъ 20 прэріаля пользовался огромной популярностью, и прибавляетъ: «впрочемъ, культъ Высшаго Разума, хотя и не христіанскій, все-таки менѣе далекъ отъ христіанскихъ, чѣмъ тотъ, который имъ замѣненъ: онъ является упованіемъ, если не обѣщаніемъ». Праздникъ Высшаго Существа совпадалъ съ Пятидесятницей и это совпаденіе было замѣчено. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ люди приходили на церемонію съ своими молитвенниками и четками. Католическій обычай употребленія ѳиміама удерживался почти вездѣ.

Странно было бы думать, что, заимствуя отъ католической церкви свои литургическія формулы, революціонеры желали вернуться къ прежней ре-

лигіи. «Вообще—говоритъ Оларъ—въ культѣ Высшаго Существа Франція видѣла лишь развитіе и усовершенствованіе культа Разума, и можно сказать, что особенно въ провинціи декретъ 18 флореаля былъ встрѣченъ, какъ слѣдствіе церемоніи 20 брюмера». На многихъ церквахъ остались надписи: «Храмъ Разума». Въ провинціи къ 20 преріалю подновили декораціи, служившія для 20 брюмера. И Мари-Жозефъ Шенье, воспѣвшій побѣду вольномыслія, былъ однимъ изъ офиціальныхъ поэтовъ Высшаго Существа.

О празднествахъ Высшаго Существа имѣется менѣе свѣдѣній, чѣмъ о празднествахъ Разума. Народное воодушевленіе, придавшее эбертистскому движенію характеръ «какого-то весёлаго маскарада», не коснулось робеспьеровскихъ церемоній. «Тутъ—замѣчаетъ Оларъ—одно только чувство сближало сектаторовъ и присутствующихъ—чувство патріотизма». Это видно изъ протоколовъ новаго культа. По поводу Высшаго Существа почти во всей Франціи чествовали отечество. Робеспьеръ увѣрялъ, что этотъ культъ былъ средствомъ для нанесенія удара Европѣ. Культъ Высшаго Существа вскорѣ вылился въ культъ отечества. Послѣ 9 термидора, когда палъ Робеспьеръ, не было никакихъ декретовъ относительно описаннаго культа. Декретъ 18 флореаля никогда не былъ уничтоженъ. О немъ просто забыли.

— Изъ воспоминаній о политикѣ Наполеона III. Пьеръ де Лано, о воспоминаніяхъ котораго объ императрицѣ Евгеніи упоминалось нами, печатаетъ новый рядъ своихъ сообщеній объ интимностяхъ и лицахъ двора Наполеона III. Вотъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ о политикѣ послѣдняго французскаго императора относительно Пруссіи. Послѣ пораженія австрійцевъ при Садовой, Бейстъ явился къ Наполеону и старался убѣдить его въ чрезвычайномъ значеніи, какое могло имѣть для Франціи вмѣшательство ея и объявленіе войны Пруссіи, но встрѣтилъ категорическій отказъ. Между нимъ и императоромъ по этому поводу произошелъ даже крупный разговоръ. При указаніи Наполеона на германское объединеніе, которому предстояло осуществиться, Бейстъ возразилъ: «Ваше величество, вы ошибаетесь. Когда Германія объединится и будетъ принадлежать одному лицу, тогда для Франціи поздно уже будетъ протестовать и воевать. Нѣмцы подчинятъ себѣ холоповъ, и если вы вздумаете угрожать ихъ господину, они подымутся всѣ, какъ одинъ человѣкъ, для его защиты». Ничего, однако, не помогло. Когда разразилась война 1870 года, Бейстъ стоялъ во главѣ австрійцевъ. Говорили, что онъ обѣщалъ Наполеону поддержку Австрія, поручивъ князю Меттерниху удостовѣрить въ томъ императора и императрицу. Но Пьеръ де Лано настоятельно утверждаетъ, что Меттернихъ держалъ такую рѣчь передъ императоромъ, что у послѣдняго не могло быть ни малѣйшей надежды на помощь Австріи, въ случаѣ, если бы у него оказалось въ томъ нужда. И тѣмъ не менѣе при дворѣ Наполеона III вѣрили въ помощь Австріи, въ особенности императрица, которая не допускала мысли, чтобы Австрія могла ихъ подвести. Насколько неосновательна была эта надежда, свидѣтельствуетъ одно письмо графа Латуръ д'Оверня, состоявшаго въ то время французскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ. Письмо помѣчено 5-мъ августа 1870 года и написано послѣ бесѣды императрицы съ К., занимавшимъ тогда постъ политическаго директора въ кабинетѣ Бейста, а раньше бывшимъ депутатомъ отъ Познани въ Берлинѣ. Въ письмѣ этомъ говорится: «На сколько мнѣ извѣстно, императрица интересуется знать, имѣютъ ли какую-либо офиціальную подкладку идеи, которыя развивалъ передъ ней К.

И потому считаю долгомъ сообщить вамъ, что у К. нѣтъ никакихъ на то полномочій, что, слѣдовательно, говорить онъ можетъ лишь отъ своего имени. Правда, что графъ Бейстъ чрезвычайно цѣнитъ его, но извѣстно также и то, что К. иногда чрезвычайно фантазируетъ и что политическія соображенія его въ большинствѣ вполнѣ непрактичны. Интересно его послушать, но слѣдуетъ остерегаться придавать значеніе идеямъ его, сколь бы ни были онѣ благородны, или приписывать имъ значеніе, какого онѣ не имѣютъ и какого не признаетъ за ними самъ графъ Бейстъ (какъ онъ сейчасъ мнѣ это высказалъ)». Письмо это не оставляетъ никакихъ сомнѣній насчетъ намѣреній Австріи съ самаго начала войны, но оно также свидѣтельствуетъ и о томъ, что Франція вступила въ войну безъ всякой реальной надежды на дѣйствительный союзъ и что дворъ Наполеона III убаюкивалъ себя надеждами, не имѣвшими никакой фактической подкладки. По этому можно судить, какое безразсудство царило въ Тюльери.

Изъ времени пребыванія Бисмарка въ Біаррицѣ разсказывается слѣдующее: «Прежде чѣмъ оставить дворъ, съ однимъ изъ наиболѣе значительныхъ приближенныхъ императора онъ имѣлъ разговоръ, въ которомъ выразился такимъ образомъ: «я отправляюсь, ибо съ меня довольно. Императоръ не желаетъ меня понять. А какъ легко, однако, было бы понять другъ друга. Мы оба вмѣстѣ скушали бы Европу, тогда какъ теперь скушаютъ кого-нибудь изъ насъ. Только кого, вотъ вопросъ. Не думаю, чтобы меня, или скорѣе ту страну, представителемъ которой я служу. Я все сказалъ императору, чтобы убѣдить его вступить съ нами въ союзъ, но онъ ничего не хотѣлъ слышать. Онъ мечтаетъ и, невѣдомо куда, уносится вмѣстѣ съ дымомъ своей сигары. Чего достигъ онъ своими походами! Какую пользу принесли ему Крымская война, Итальянская война или Мексиканская экспедиція? Никакой; быть можетъ, событія эти скорѣе ослабили его. Я разъяснялъ ему это. Онъ ничего не возражалъ мнѣ, а когда отвѣчалъ, то говорилъ лишь какія-то отрывочныя фразы о славѣ, человѣчности, братствѣ народовъ и еще о какихъ то «глупостяхъ». И такъ, я отправляюсь, ибо далѣе оставаться здѣсь—безполезно. Императоръ глухъ ко всѣмъ моимъ предложеніямъ, ко всѣмъ моимъ планамъ; съ нимъ ничего не подѣлаешь!» На возраженіе своего собесѣдника Бисмаркъ быстро перебилъ его и вспыльчиво заключилъ: «Нѣтъ, нѣтъ! Начиная отъ мала до велика, ни у кого во Франціи нѣтъ практическаго взгляда на вещи!»

— Изъ дневника Карлейля: о Тьерѣ, Ламартинѣ и Мериме. Журналъ «Nouvelle Revue» началъ печатаніе неизданной рукописи Томаса Карлейля. Это дневникъ о кратковременномъ пребываніи его въ Парижѣ въ октябрѣ 1851 г. Онъ дышетъ ѣдкой злобой. Карлейль не любилъ путешествій. Перемѣщенія и неудобства жизни въ гостинницахъ причиняли ему истинныя мученія и до крайности расшатывали его нервы. Очевидно, что и дневникъ этотъ писанъ въ припадкѣ ярости, лихорадочной рукой, какъ бы въ отместку за нервное раздраженіе, вызванное поѣздкой въ Парижъ. Отмѣтимъ въ немъ характеристику Тьера и нѣкоторыхъ другихъ французскихъ знаменитостей.

Говоря о Тьерѣ, Карлейль начинаетъ съ того, что приводитъ приписываемыя Ройе-Колларомъ и повторенныя Мериме слова: «Тьеръ повѣса, а Гизо чудакъ». Затѣмъ набрасываетъ на Тьера дѣйствительно невзрачную карикатуру: «Тьеръ человѣкъ небольшого роста, лѣтъ около шестидесяти,

съ круглой, бѣлой головой, коротко остриженной, сплюснутой съ боковъ и приспособленной для дѣлъ. Туловище у него дородное, закругленное снизу, ноги и руки маленькія, жирныя; глаза орѣховаго цвѣта, живые и привѣтливые; маленькій носъ горбомъ; выраженіе лица лукавое, лицо круглое, добродушное, которое словно притягиваетъ своимъ взоромъ; голосъ—фальцетъ, тонкій и музыкальный. Онъ производитъ впечатлѣніе человѣка обходительнаго, откровеннаго, лукавство котораго маскируется его словами, который при всемъ своемъ балагурствѣ, никогда ни кому не желаетъ зла и не растрачивается въ пустыхъ разглагольствованіяхъ о своей особѣ.

«Онъ болтаетъ безъ умолку жовіальнымъ тономъ съ легкостью, которая могла бы сдѣлать его непонятнымъ, не будь она результатомъ необычайной ясности его органа. Но онъ понятенъ для всѣхъ, даже для иностранца. Онъ пересыпаетъ рѣчь свою постоянными: «А, ба! Ну-съ! сказалъ я ему» монотонно, а затѣмъ время отъ времени рѣзко взвизгиваетъ, въ общемъ все очень гармонично, исполнено благодушія, безпечности и такого многословія, съ которымъ самъ Маколей не могъ бы соперничать. «А, ба! Ну-съ!»... никогда не приходилось мнѣ слышать потокъ такихъ обильныхъ волнъ теплыхъ рѣчей, идущихъ безразлично изъ какого источника и направленныхъ съ той же безцѣльностью. Маленькая его особа остается спокойно сидящею; его орѣховые глаза озираются вокругъ съ спокойнымъ оживленіемъ, а подъ тѣнью маленькаго криваго носа губы шевелятся, шевелятся, шевелятся... Но онъ готовъ остановиться, если вы обратитесь къ нему съ рѣчью, и отвѣтить вамъ ясно, открыто на все, о чемъ вы его спросите. Ничего нѣтъ натянутаго въ его манерахъ. Примѣрный ребенокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ плутъ,—по моему мнѣнію, такъ должно формулировать его характеръ».

Во время разговора съ Тьеромъ Карлейль замѣтилъ, «что Мишле, къ которому у него было письмо», въ глазахъ Тьера стоялъ еще ниже, нежели въ его собственныхъ; они, повидимому, сошлись и въ томъ, что Ламартинъ былъ фатъ. Затѣмъ послѣдовало облаченіе къ обѣду къ «двумя знаменитыми французами». Одинъ изъ нихъ былъ Мериме, котораго Карлейль опредѣлилъ такъ: «Родъ критика, историкъ, лингвистъ и еще нѣчто, умъ ровный, логическій и сухой, совершенно безплодный». Другимъ былъ «нѣкто Лабордъ, сирійскій путешественникъ, человѣкъ столь же непроизводительный». Карлейлю было страшно скучно съ ними, и онъ прибѣгъ къ хитрости, чтобы пораньше уйдти спать. «Наконецъ-то они ушли, воскликнулъ онъ съ восторгомъ, и я могъ улечься въ постель; вопреки шуму, нѣсколькихъ минутъ было достаточно (да благословенно будетъ небо за это), чтобы я погрузился въ усладительный глубокій сонъ».

— Знаки позора въ Средніе вѣка. Въ Средніе вѣка еретики, сарацины, евреи, прокаженные, должны были носить на своихъ одеждахъ клеймо, по которому ихъ могъ различить каждый. Что это было за клеймо, какой формы, цвѣта и размѣровъ, объ этомъ впервые сообщаетъ теперь Роберъ, главный инспекторъ библіотекъ и архивовъ Парижа.

Въ 1232 году Раймондъ Виль, графъ Тулузскій, и легатъ папы, установили правило, по которому евреи должны были носить колесо. Авиньонскіе обычаи въ 1213 году предписывали носить колесо мужчинамъ и покрывало—женщинамъ. По Марсельскимъ законамъ, евреи должны были надѣвать желтую ермолку, или шляпу, или же колесо. Людовикъ Св. издалъ по этому поводу цѣлый рядъ указовъ, Филиппъ Смѣлый, Филиппъ Красивый, Людо-

викъ X, Филиппъ V, король Іоаннъ и наконецъ Карлъ V подтвердили эти указы.

Сарацины были также осуждены Латракскимъ Соборомъ носить на груди колесо и кусокъ желтой матеріи, длиною съ палецъ и шириною въ два пальца. Еретики, альбигойцы, катары, еще болѣе сарацинъ преслѣдовались предписаніями относительно клеймъ. Несмотря на то, что они подчинялись той же самой регламентаціи, тѣмъ не менѣе они подвергались такимъ строгостямъ, что участь евреевъ сравнительно съ ихней, являлась завидной. Они обязаны были носить на груди два креста, одинъ по правую сторону, другой — по лѣвую, причемъ кресты должны были имѣть другую окраску, нежели ихъ одежда.

По всей вѣроятности, первыя мѣры не имѣли такого значенія,—и еретики, и евреи находили способы избавляться отъ нихъ или, по крайней мѣрѣ, такъ или иначе обходить ихъ.

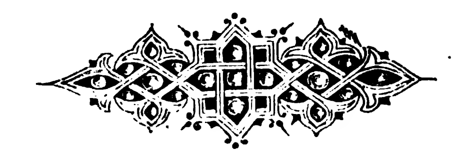
Чародѣи и колдуны, колдовавшіе при посредствѣ Таинства Евхаристіи, также носили особые знаки, равно какъ и лжесвидѣтели, знакомъ которыхъ считались два ярлыка изъ краснаго сукна.

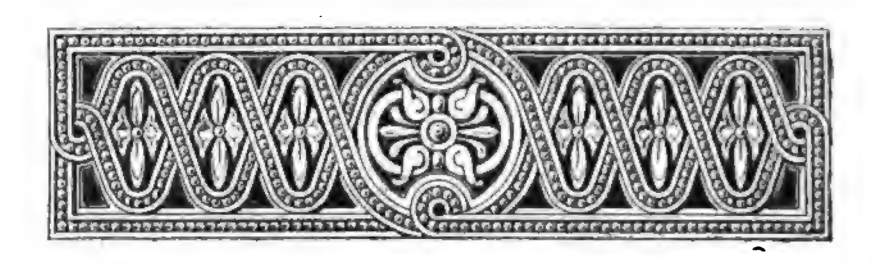
Прокаженные, въ свою очередь, были обязаны носить особое платье, состоявшее изъ туники или плаща и верхняго платья, называвшагося чепракъ или éclavine, обыкновенно сѣраго, иногда чернаго цвѣта. Алая шляпа или капюшонъ также составляли часть ихъ костюма.

Въ числѣ носимыхъ ими при себѣ вещей, въ родѣ котомки, корзинки и т. п., въ Тулузѣ и Кастрахъ находилась трещотка «гремушка», куски дерева, которыми прокаженные ударяли одинъ о другой, чтобы возвѣщать о своемъ приближеніи, причемъ прохожіе удалялись во избѣжаніе зараженія. Кромѣ того, прокаженные должны были носить еще свое клеймо.

Распоряженіе это относилось также къ духовнымъ или свѣтскимъ братьямъ милосердія, которые имъ служили.

Другой классъ несчастныхъ, которыхъ народъ, невѣдомо за что, изгонялъ изъ общества, былъ извѣстенъ подъ именемъ косолапыхъ или колченогихъ. Эти люди также носили особые красные знаки, въ видѣ утиной или гусиной лапы и красной кокарды на шляпѣ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Поклоненіе императору въ нѣмецкой литературѣ. — Искусство какъ основа педагогики.—Современная драматургія.—Юбилей Грильпарцера.—Нѣмецкіе поэты и романисты.— Историческіе труды.—Голландская литература: серьезныя произведенія и беллетристика.—Положеніе литературы въ Швеціи.—Норвежскіе новеллисты и ученые.—Писатели въ Даніи.—Упадокъ итальянской литературы.—Ученые труды въ Испаніи.—Литература Греціи.

ОКАНЧИВАЕМЪ обзоръ современной литературы въ Европѣ въ первой половинѣ нынѣшняго года. Очеркъ нѣмецкой литературы написанъ Робертомъ Циммерманомъ. Критикъ начинаетъ съ заключенія, что въ послѣднее время даже беллетристика обратилась отъ поклоненія бывшему канцлеру къ восхваленію молодого автократа, такъ смѣло принявшаго на себя рѣшеніе самыхъ трудныхъ соціальныхъ задачъ. Такъ извѣстный поэтъ Вильденбрухъ, получившій шиллеровскую премію за своихъ «Каролинговъ» и грильпарцеровскую за трагедію «Гаральдъ», преподнесъ императору свою новую, хотя и достаточно слабую историческую пьесу «Новый властитель» (Der neue Herr) со всѣми прозрачными намеками на подвиги и даже на политическіе взгляды Вильгельма, за что и удостоился получить орденъ изъ собственныхъ монаршихъ рукъ. Несмотря на всѣ эти преміи и высочайшія награды, анонимный авторъ выдержавшаго уже болѣе 3-хъ изданій памфлета «Рембрандтъ, какъ воспитатель», о которомъ мы уже говорили, находитъ, что литература въ Германіи идетъ если не быстрыми, то неуклонными шагами къ паденію. Онъ ждетъ возрожденія страны не отъ фантазій свыше, а отъ соціальнаго обновленія снизу. Но мысль автора воспитать нѣмецкую націю педагогическими пріемами, основанными на изученіи пластическихъ искусствъ, все-таки менѣе практична, чѣмъ мысль теологовъ основать воспитаніе на библіи, Канта и Гегеля—на философіи, Гете и Шил-

лера—на поэзіи. Искусство признается теперь нѣмцами только въ формахъ реализма. Онъ преобладаетъ не только въ пластикѣ, но и на сценѣ, гдѣ въ театрѣ, основанномъ по образцу парижской scène libre, ставились пьесы, отличавшіяся самымъ необузданнымъ натурализмомъ. Драма тогоже Вильденбруха «Haubenlerche» не только рисуетъ чисто реальныя отношенія богатыхъ фабрикантовъ къ своимъ рабочимъ, но проникнута принципами соціализма. Тоже направленіе въ драмахъ Лудвига Фульда «Потерянный рай» и Судермана «Честь» и «Гибель Содома». Названіе библейскаго города относится, конечно, къ современному Берлину. Героиня послѣдней піесы непревращается въ соляной столбъ, какъ жена Лота, но разочаровавшись въ своемъ возлюбленномъ художникѣ, бросается въ грязную и желтую Шпрее, надѣвъ предварительно дѣвическій нарядъ, въ которымъ она была на конфирмаціи. Художникъ, погубившій дѣвушку и въ мастерскую котораго приносятъ ея трупъ, сбирается рисовать его «съ натуры», но самъ умираетъ отъ геморагіи. Все это, конечно, скорѣе патологическіе случаи, чѣмъ картины дѣйствительной жизни. Подобная же домашная катастрофа представлена и въ драмѣ Гергардта Гауптмана «Праздникъ мира». Въ другой пьесѣ его «Одинокіе люди» выведенъ молодой философъ, не находящій отзыва на свои идеи ни въ комъ изъ окружающихъ его. Родные считаютъ его атеистомъ потому, что онъ не ходитъ въ церковь и называетъ проповѣди пастора—глупыми; друзья называютъ его ретроградомъ, потому что онъ вѣнчался въ церкви и крестилъ своихъ дѣтей. Такимъ образомъ онъ видитъ себя одинокимъ въ своей семьѣ, но въ домъ его пріѣзжаетъ русская студентка, также чувствующая себя одинокою. Два одиночества сходятся, но жена философа, не желая мѣшать мужу, оставляетъ его; онъ не въ силахъ пережить разлуки и бросается въ воду. Въ драмѣ Рихарда Фосса «Преступникъ», просидѣвшій двадцать лѣтъ въ тюрьмѣ по обвиненію въ убійствѣ, котораго онъ не совершалъ, возвращается въ свою семью, какъ въ извѣстной итальянской пьесѣ «Гражданская смерть» (La morte civile). Но тамъ каторжникъ, отбывшій срокъ наказанія, находитъ свою жену счастливою съ другимъ и отравляется, чтобы не нарушать ея счастія. А въ нѣмецкой семьѣ жена дѣлается любовницей другого, чтобы имѣть средства къ существованію, дочь готова послѣдовать ея примѣру, сынъ ведетъ грязную жизнь и, въ довершеніе всего, любовникъ грубо обращается съ бѣдной женщиной и бьетъ ее въ присутствіи мнимаго преступника, который не переноситъ этого и, убивая негодяя, дѣлается уже дѣйствительнымъ преступникомъ.

Съ особеннымъ торжествомъ Вѣна отпраздновала столѣтній юбилей рожденія Грильпарцера, которому еще Байронъ предрекалъ громкую славу. Но хотя авторъ «Прародительницы», «Медеи» и «Сафо» написалъ драму изъ исторіи Австріи (собственно: Чехіи) «Счастіе и конецъ короля Оттокара», его все-таки нельзя назвать австрійскимъ драматургомъ, какъ, напримѣръ, Гейнриха Клейста, автора невыносимо-шовинистской пруссофильской трагедіи «Принцъ Гомбургскій» — драматургомъ прусскимъ. Теперь, въ народномъ саду Вѣны поставленъ памятникъ Францу Грильпарцеру, основаны общество и музей его имени, но пьесы его принадлежатъ все-таки всей Германіи. Вышло собраніе другого, уже чисто народнаго австрійскаго драматурга Анценгрубера, пьеса котораго «Четвертая заповѣдь» поставлена на нѣмецкія сцены только теперь, хотя написана въ 1877 году. Но основная мысль пьесы казалась такъ смѣла консерваторамъ, что они до настоящаго

времени не позволяли играть ее. А между тѣмъ примѣрами, взятыми изъ обыденной жизни писатель доказывалъ только, что если необходимо «чтить отца своего и матерь свою», то и они должны, въ свою очередь, уважать наклонности своихъ дѣтей, а не обращаться съ ними какъ съ рабами. Въ другой пьесѣ своей «Рука и сердце» авторъ возстаетъ противъ шестой заповѣди. Комедія Шпильгагена «Изъ желѣзнаго вѣка» взята изъ эпохи занятія Гамбурга маршаломъ Даву и, несмотря на ея историческую основу, никакъ не можетъ быть причислена къ пьесамъ золотого вѣка. Недавно умеръ старѣйшій нѣмецкій драматургъ—Бауернфельдъ 89-ти лѣтъ. На конкурсъ для народнаго вѣнскаго театра было прислано 250 пьесъ: премію получилъ Вильгельмъ Вартенеггъ за комедію «Кольцо Офтердингеновъ», но это скорѣе патріотическая, чѣмъ литературная пьеса.

Празднованіе юбилея Грильпарцера, какъ драматурга, напомнило и о его лирическихъ произведеніяхъ. До сихъ поръ они были не собраны. Это происходило отчасти оттого, что главную часть ихъ составляли эпиграмы, преимущественно политическія, и появленіе ихъ въ печати даже теперь встрѣтило затрудненія. Подъ метерниховской цензурой поэту оставалось только, какъ онъ говоритъ, показывать «кулакъ въ мѣшкѣ» (по нашему: кукишъ въ карманѣ). Саркастическимъ направленіемъ отличаются и труды поэта, начавшаго писать гораздо позже, но все-таки почти полвѣка назадъ, Вита Ульриха (первая поэма его «Das hohe Lied» явилась въ 1845 году). Этотъ идеалистъ, сохранившій до сѣдыхъ волосъ жаръ молодости, написалъ монографію другого поэта, своего единомышленника, Вильгельма Іордана, писавшаго въ стилѣ Нибелунговъ и больше философа, чѣмъ лирика. Гораздо больше настоящаго поэтическаго увлеченія въ стихахъ Детлефа фонЛиліенкрона, гвардейскаго поручика и аристократа, хотя не любимаго юнкерскою партіею, надъ которой онъ посмѣивается также, какъ надъ шовинизмомъ и ретроградными стремленіями. Не любитъ его за умѣренность и консерватизмъ и крайняя соціалистическая партія, выставившая соперникомъ Детлефу Морица-Рейнгольда Штерна. Еще больше мысли и чувства въ стихахъ Альфреда Бергера, а его «Драматическіе этюды» ставятъ его въ ряду первоклассныхъ критиковъ. Германъ Ганго—поэтъ пессимизма и, отчасти, мистицизма. Умерла въ молодыхъ лѣтахъ даровитая поэтесса, графиня Вильгельмина Викенбургъ-Альмази, оставивъ неоконченную поэму «Маргарита и Освальдъ». Ея тирольскія легенды полны простоты и задушевности, а поэма «Терпѣніе» отличается глубокимъ чувствомъ. Въ стихахъ Ильзы Фрапанъ реалистическія тенденціи, и она больше замѣчательна, какъ новелистка. Замѣчательно возобновленіе «Альманаха музъ», послѣ столѣтняго перерыва въ выходѣ его въ свѣтъ. По роскошной наружности онъ нисколько не напоминаетъ скромнаго изданія, гдѣ Шиллеръ и Гете печатали свои стихи, да и внутреннее содержаніе воскресшаго альманаха, конечно, далеко не напоминаетъ своего предшественника конца прошлаго столѣтія. Вмѣсто эпическихъ поэмъ выходятъ теперь разсказы въ стихахъ, въ родѣ «Изгнанниковъ» Макса Гаусгофера, отличающихся сатирическимъ и дидактическимъ направленіемъ. Изъ романистовъ—Эберсъ, Вильбрандтъ, Шпильгагенъ, не написали, въ прошломъ году, ничего замѣчательнаго. Изъ молодыхъ новелистовъ обѣщаетъ много Вальтеръ Зигфридъ. Берлинскій разсказчикъ, Теодоръ Фонтанъ, описываетъ прусскую Марку въ реалистическомъ тонѣ. Особеннымъ шовинистскимъ патріотизмомъ отличается австрійка Лола

Киршнеръ, пишущая подъ псевдонимомъ Осипа Шубина и прославляющая Пруссію въ романѣ «Слава тебѣ въ побѣдномъ вѣнцѣ» и свою родину въ романѣ «Слава тебѣ, моя Австрія!» Но у другихъ писательницъ нѣтъ этого дикаго направленія: Луиза Франсуа, въ романѣ «Близнецы фрау Эрдмутенъ» описываетъ, въ эпоху войны за освобожденіе Германіи, вражду двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ на сторонѣ французовъ, а другой—нѣмцевъ. Берта Сутнеръ, въ повѣсти «Горе побѣжденнымъ!» возстаетъ также горячо противъ войны, какъ и въ романѣ «Долой оружіе!» Изъ историческихъ разсказовъ лучшіе: Эрнста Вихерта «Тильманъ фон-Веге» изъ эпохи борьбы тевтонскаго ордена съ Польшею; Августа Беккера «Сѣдая Іетта» изъ революціи 1848 года; Карла Эмиля Францоза «Юдиеь Трахтенбергъ». Къ соціалистическимъ новелламъ принадлежатъ: «Три сестры» Германа Гейберга и «Право любви» Конрада Альберти. Разсказъ Шмитенера «Психея»—трогательная исторія акробатки, которая, узнавъ, что въ случаѣ несчастія съ артистомъ, семья его получаетъ пенсію, падаетъ съ трапеціи и разбивается, чтобы обезпечить на старости свою мать. Высокій гуманизмъ проявляется въ повѣстяхъ Маргариты Бюловъ, какъ проявлялся онъ въ жизни писательницы, погибшей, желая спасти утопавшую дѣвочку. Любовью къ меньшей братіи полонъ разсказъ Эмиліи Метайя «Сильные и слабые».

Изъ историческихъ трудовъ замѣчательны: продолженіе «Исторія основанія новой германской имперіи» Гейнриха Зибеля, хотя и съ преувеличенными похвалами Пруссіи; «Исторія папъ временъ Возрожденія» Лудвига Пастора; «Исторія Австріи въ первое дѣсятилѣтіе XIX вѣка» Вертгеймера; «Дневникъ эрцгерцога Іоанна», съ любопытными подробностями о вѣнскомъ конгресѣ. Изъ мемуаровъ любопытны воспоминанія Арнета, историка Маріи Терезіи и принца Евгенія. Теперь авторъ—президентъ вѣнской академіи наукъ, а въ 1848 году былъ членомъ франкфуртскаго парламента, о которомъ передаетъ много интереснаго. Объ этой эпохѣ говоритъ подробно, въ своихъ запискахъ, австрійскій государственный дѣятель Александръ Гюбнеръ. Любопытны также воспоминанія поэта Геббеля. Поэтъ Гаммерлингъ не успѣлъ кончить своего философскаго сочиненія «Атомистикаволи» и оно издано друзьями уже послѣ его смерти; авторъ прямой послѣдователь Шопенгауера.

Въ голландской литературѣ обращаетъ на себя вниманіе обширное изслѣдованіе Пирсона «Эллада». Изучая древнюю трагедію, авторъ находитъ, что греки не имѣли яснаго понятія о вѣчной правдѣ. Въ «Прометеѣ» Эсхила онъ находитъ родственныя черты съ Манфредомъ и Люциферомъ; въ трагедіяхъ Софокла его желаніе изобразить жизнь сномъ, а людей тѣнями и игрушками въ рукахъ всемогущихъ боговъ. Еврипидъ сдѣлалъ съ трагедіей то же, что Сократъ съ философіей: онъ свелъ ее на землю и указалъ литературѣ ея существенный предметъ—изученіе человѣка. Реакціонная партія, въ лицѣ Аристофана, опровергла это опредѣленіе. Но разбирая его комедію, Пирсонъ проводитъ любопытную паралель между наивнымъ реализмомъ древнихъ и мрачнымъ натурализмомъ нашего времени. Въ защиту Михаила Серве выступилъ, въ біографіи этого реформатора, д-ръ Линде, но уже черезчуръ строго относится къ Кальвину. Ван-Тоорненбергеръ издалъ хорошую монографію Марникса Сент-Альдегонде. Тиль написалъ исторію южной Африки отъ 1436 по 1835 годъ; профессоръ Блокъ—исторію Фрисландіи отъ 700 до 1300 года. Книга Нисбета «Болѣзненность генія» доказываетъ,

что теорія о сумашествіи геніальныхъ людей распространяется и въ Голландіи. Нелогичныя мысли и поступки обыкновенныхъ людей преобладаютъ и въ беллетристикѣ. Въ «Современныхъ задачахъ» Лапидотъ разсказываетъ, въ формѣ повѣстей, о чудесахъ гипноза и внушеніяхъ, объ истерическихъ субъектахъ и морфинисткахъ. Въ этомъ же родѣ пишетъ и Жозефина Гизе, и Коуперусъ. Поэзія въ Нидерландахъ не процвѣтаетъ.

О шведской литературѣ отдаетъ отчетъ Цецилія Вернт. Она находитъ, что беллетристика пробуждается въ Швеціи послѣ долгаго сна, хотя языкъ страны, превосходно обработанный въ поэзіи, наукѣ и краснорѣчіи, не подходитъ къ легкимъ произведеніямъ и кажется нѣсколько грубоватымъ. Лучшій современный романистъ—Августъ Стриндбергъ, но изображая женщинъ, онъ является ихъ ненавистникомъ, мизогинымъ. Его послѣдователи — Теръ Гердбергъ, Оскаръ Левертанъ и Аксель Лундегардъ; ихъ разсказы, хотя и съ психологическими тенденціями, представляютъ вѣрную картину шведской жизни и природы. Большое впечатлѣніе произвела повѣсть Сельмы Лагерлефъ «Сага Гесты Берлингъ», картина дикой жизни въ Вермландѣ лѣтъ 60 назадъ. Успѣхомъ пользуются также разсказы Викторіи Бенедиктсонъ, Елены Ниблонъ, особенно повѣсти послѣдней «Вымыселъ и дѣйствительность» (Dikt och Verklighet). Викторъ Ридбергъ вводитъ въ философію религіозный идеализмъ. Гейерстамъ объясняетъ гипнотизмъ религіей, Бергстремъ изслѣдуетъ комунизмъ и соціализмъ, Боотъ—жизнь на сѣверѣ въ древнія времена. Изъ поэтовъ лучшіе—Вирсенъ, Фальстремъ, Густавъ Фредингъ и Перъ Галльстремъ.

— Норвежскіе писатели обратили на себя въ послѣднее время вниманіе европейской критики. Пьесы Генриха Ибсена, переводящіяся на всѣ языки, играются на всѣхъ сценахъ, хотя нельзя сказать, чтобы гдѣ-нибудь пользовались особеннымъ успѣхомъ. Публику болѣе всего привлекаетъ новизна и странность идей норвежскаго писателя, а не ихъ эстетическія достоинства. Къ тому же онъ часто повторяется и главные мотивы его: эгоизмъ современнаго общества и необходимость реформъ проходятъ во всѣхъ его пьесахъ очень умныхъ, но скучныхъ и не сценичныхъ. Такова его последняя комедія «Гедда Габлеръ», проникнутая сверхъ того теоріею атавизма, то есть наслѣдственныхъ пороковъ и влеченій. Противъ крайностей этой теоріи возсталъ молодой писатель Якобъ Вулль, въ драмѣ «Уденъ Ансваръ». Лаура Килеръ также написала пьесу съ цѣлью выставить ложное направленіе современной литературы. Цѣль похвальная, но пьеса слабая—и успѣха не имѣла. Модные авторы Іонасъ Ли и Александръ Кіалландъ не создали ничего особенно замѣчательнаго, но публика съ интересомъ читаетъ разсказы молодыхъ авторовъ: Амаліи Скрамъ, Кристофера Кристоферсена, Глоерсена, Отто Вальтсета. Любопытенъ почти автобіографическій разсказъ Кнута Гамсуна, изобразившаго съ изумительнымъ реализмомъ психологическія и физіологическія страданія причиняемыя голодомъ журналисту въ столичномъ городѣ. Автобіографическій колоритъ носятъ и воспоминанія Арна Гарберга о его жизни въ Остердаленѣ. Разсказы Гильдича, Іонсена и Флуда отличаются юмористическимъ направленіемъ. Въ очеркахъ Арна Дибфеста «Между анархистами» много правды и наблюдательности. Историкъ Эрнстъ Сарсъ окончилъ свой трудъ «Исторію Норвегія». Сынъ Ибсена, Сигурдъ, написалъ политическій трактатъ о союзахъ Норвегіи съ Швеціею, Гіальмаръ Петерсенъ—объ анонимахъ и псевдонимахъ въ норвежской литературѣ съ 1678 до 1890 года.

— Въ Даніи большимъ почетомъ пользуются произведенія Драхмана: его послѣдній романъ «Forskrevet», гдѣ даровитый писатель изобразилъ отчасти самого себя въ лицѣ поэта Ульфа Бринюльфсена, разсказы изъ Каринтійскихъ Альпъ и народные, фантастическіе очерки «Troldtoj» читаются на расхватъ. «Приключенія» (Haendelser) Нильса Мёллера и «Хроники» Понтоппидана рисуютъ картины современной датской жизни. Новеллистовъ вообще очень много, поэтовъ также. Комедія Эмиліи Гадъ «Серебряная свадьба» имѣла большой успѣхъ, также какъ пьеса Эсмана «Въ провинціи». Анна Эрслевъ написала лирическую драму «Король Вальдемаръ». Барфодъ издалъ «исторію Даніи отъ 1536 до 1670 г.», Гольмъ—«Данія и Норвегія въ 1720—30 годахъ», Фейльбергъ — «Исторію войны 1864 года», Влангструпъ «Христіанъ VII и Каролина-Матильда», Ангеръ — біографію морского героя Тордепскіольда. Варденфлетъ описалъ жизнь Фридриха VII, Лінсбергъ—Христіана IV. Рённингъ издалъ «Вѣкъ раціонализма въ Даніи», Иргенсъ-Бергъ «Путешествіе въ четырехъ странахъ свѣта», профессоръ Гёфдингъ—«Этическія изслѣдованія», Старке—трактатъ о скептицизмѣ, Ларсенъ—«Философію Гоббеса». Вышло также много полемическихъ сочиненій, критически изслѣдующихъ библію и вошедшія въ нее сочиненія.

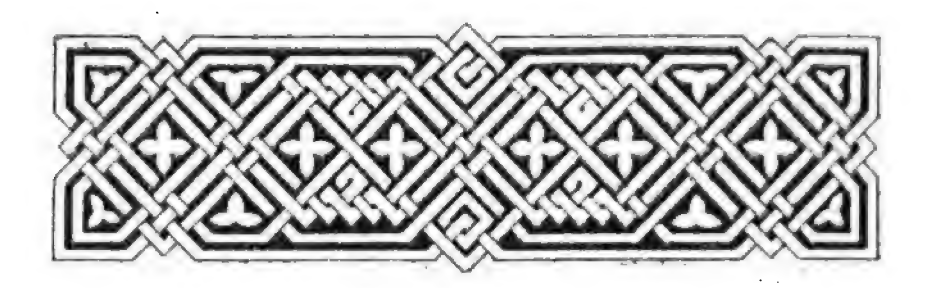
— Бывшій министръ Бонги, въ своемъ очеркѣ литературнаго движенія въ Италіи, находитъ, что въ послѣднее время оно было также парализовано, какъ и экономическая жизнь страны. Нѣтъ страны, въ которой читали бы такъ мало, какъ въ Италіи. Спроса на книги очень мало, и потому предложеніе ихъ не велико. Въ книгѣ Евгеніи Леви «о нашихъ живыхъ поэтахъ» приведены 42 поэта, пишущіе на итальянскомъ языкѣ, и 34 на разныхъ діалектахъ полуострова. Но серьезное лирическое значеніе въ этой антологіи имѣетъ только лучшій современный поэтъ Италіи—Кардуччи. Всѣ остальные весьма субъективны. Стихи поэтесъ: Брунамонти, графини Лары и Джіарре Вилли читаются съ удовольствіемъ, также какъ строфы Манцони, Ненчіони, Фогаццаро, ломбардца Перты и сицилійца Мели. Изъ провинціальныхъ поэтовъ лучшіе Фучино, Сельватико, Вирджиліо. Въ книгѣ синьоры Леви ничего не говорится о новой поэмѣ Кардуччи «Піемонтъ», въ которой этотъ республиканецъ является монархистомъ, воспѣвая заслуги Піемонта въ дѣлѣ освобожденія и возрожденія Италіи. И не мудрено: поэтъ сдѣлался уже сенаторомъ. Камиллъ Чекчуччи написалъ поэму въ 6,000 стиховъ «Жизнь», въ которой воспѣваетъ союзъ поэзіи съ научными открытіями, не обѣщающій, однако, прочнаго и плодотворнаго сожитія. Плодовитѣйшій изъ новеллистовъ Барилли написалъ «Іерихонскую розу» и «Любовь древнихъ», Сальваторъ Фарина—двѣ повѣсти о современной любви, Матильда Серао — «Богъ любви», другіе беллетристы все тоже больше о любви, а Амичисъ даже «Любовь и гимнастика». Разсказчику де Роберти хочется сдѣлаться итальянскимъ Зола. Габріель д'Анунціо беретъ свои разсказы изъ русской литературы. Анна Вивенти написала повѣсть «Маріона, артистка кафе-шантана», возбудившую скандалъ. Изъ пьесъ имѣли успѣхъ «Идеальная жена» Маріи Прачи, «Марко Спада» Джироламо Роветты. Изъ историческихъ трудовъ не вышло ничего выдающагося. Ферраи написалъ монографію «Лоренцино Медичи и придворное общество XVI вѣка», Дино Мантовани «Провинціальныя письма», Алессандро «Начало итальянскаго театра».

— Въ Испаніи вышло давно ожидавшееся произведеніе XIII вѣка «Гимны святой Маріи», написанные Альфонсомъ X, королемъ Леона и Кастиліи. Это собраніе рифмованныхъ стихотвореній въ 6 и 12 слоговъ, въ честь мадонны, въ прославленіе которой Альфонсъ съ 1279 году учредилъ особый орденъ. Самъ ли онъ написалъ всѣ эти гимны или только приказалъ собрать въ одну книгу произведенія разныхъ лицъ—этого не разъяснило ученое предисловіе изданія, сдѣланнаго королевскою академіей испанскаго языка. А вопросъ заслуживалъ тщательнаго изслѣдованія. Король велѣлъ написать музыку ко многимъ изъ этихъ гимновъ и исполнять ихъ въ извѣстные дни въ соборѣ Мурсіи, но почему эти гимны написаны на галисійскомъ, а не на кастильскомъ діалектѣ? Альфонсъ родился, правда, въ Галисіи, но жилъ тамъ только до шестилѣтняго возраста. Изъ всѣхъ діалектовъ, возникшихъ въ Испаніи изъ латинскаго языка, первый былъ галисійскій, отъ котораго произошелъ португальскій языкъ; затѣмъ развилось провансальское нарѣчіе, а уже потомъ кастильское, соединившее въ себѣ оба этихъ діалекта и сдѣлавшееся языкомъ двора. Въ 1252 году, когда явились гимны Богородицѣ, кастильскій языкъ господствовалъ уже въ Испаніи. Во всякомъ случаѣ гимны представляютъ любопытный и древнѣйшій памятникъ средневѣковой испанской поэзіи. Вышелъ также первый томъ академическаго изданія твореній Лопе де Веги со многими Autos sacramentales, остававшимися неизданными. Историческая академія издала третій томъ Каталонской хроники, относящійся къ эпохѣ возстанія и занятія края французами въ 1641—60 году. Та же академія издала томъ средневѣковыхъ документовъ, между которыми исторія Фердинанда и Изабеллы Гонсало де Айоры, на латинскомъ языкѣ, занимаетъ первое мѣсто. «Колекціи неизданныхъ документовъ испанской исторіи» вышелъ 99-й томъ, заключающій въ себѣ исторію войны во Фландріи 1637 г. и хронику короля Іоанна II Кастильскаго. Другой колекціи «Кастильскихъ писателей» историческаго и литературнаго содержанія вышелъ 87-й томъ, съ исторіей войны въ Неаполѣ и Сициліи въ 1752 — 36 г., и посольства, отправленнаго Филиппомъ V въ Россію въ 1731 году; посланникомъ былъ Фиц-джемсъ Бервикъ, сынъ маршала Бервика, побочнаго сына англійскаго короля Іакова II. Особенно много вышло историческихъ сочиненій объ Америкѣ, къ четырехсотлѣтнему ея открытію. Хотя въ Испаніи нѣтъ еще національной біографіи, но выходятъ относящіеся къ ней сборники, какъ «Біографическій словарь каталонскихъ писателей», «Знаменитыя лица провинціи Сіудадъ-реаль» и др. Герцогиня Альба издаетъ любопытные документы, извлеченные изъ архивовъ ея дома и относящіеся къ XV и XVI столѣтію. По исторіи искусствъ вышелъ 24-й томъ роскошнаго изданія «Испанія, ея памятники и искусства». По отдѣлу политическихъ наукъ, вышли памфлеты «Демократія, федерализмъ и соціализмъ» Корреа и Сафрилья, «Испанская политика за океаномъ» Бланка Герреры, «Республиканско-федеральная доктрина» Хуана Педро и «Соціальная проблема» Бермудеса де Кастро. Заслуживаютъ вниманія также библіографическіе сборники, но беллетристика и поэзія не дали ничего особенно замѣчательнаго: Зорилья, Нуньесъ де Арсе, Кампоаморъ, Мануэль Палассіосъ не написали ничего выдающагося. Хозе Эчегарай поставилъ двѣ небольшія комедіи. Изъ разсказовъ Гальдоса, Переды, Пардо Базанъ, нельзя назвать ни одного замѣчательнаго. Большой успѣхъ имѣла только повѣсть «Безделки» (Pequeneces) іезуита Луиса Коломы, но и это произведеніе бывшаго

аристократа, воспитанника, друга и поклонника Цециліи Воль де Фаберъ, пишущей подъ псевдонимомъ Фернандо Кабалеро, любопытно только какъ сатира на нравы испанской аристократіи въ эпоху краткаго царствованія Амедея. Іезуитъ пишетъ, конечно, въ ретроградномъ духѣ и Пардо Базан, Бобадилла и Хуанъ Валери отдѣлали его безпощадно въ своихъ критическихъ очеркахъ.

— Литература Греціи сосредоточивается большею частью въ ея періодическихъ изданіяхъ; даже о такихъ серьезныхъ произведеніяхъ, какъ недавно открытая «Конституція Аѳинъ» болѣе всего писали въ періодическихъ органахъ. Область филологіи обогатилась замѣчательнымъ трудомъ Сакелліона, хранителя манускриптовъ національной библіотеки, составившаго подробное описаніе 735 рукописей, найденныхъ на островѣ Патмосѣ. Къ библіографіи Сакелліонъ присоединилъ и извлеченія изъ болѣе любопытныхъ рукописей. Этюды Эсхила и другихъ древнихъ авторовъ издали Закасъ и Зекидесъ. Канеллаки изслѣдовалъ Хіосъ въ историческомъ и археологическомъ отношеніи. Стаматіосъ Валовисъ написалъ изслѣдованіе о древней и новѣйшей греческой литературѣ. Мануилъ Гедеонъ издалъ біографію константинопольскихъ патріарховъ и сборникъ ихъ каноническихъ указовъ, писемъ и статутовъ. Момфератосъ составилъ исторію права наслѣдованія греческаго духовенства и монаховъ, а Пападопулосъ—изслѣдованіе церковной музыки. Исторія Греціи, начатая Анастасіемъ Полизандесъ и оконченная послѣ его смерти Кремосомъ, доведена отъ 1821 года до нашихъ дней. Ректоръ университета профессоръ Мистріотисъ написалъ «Причины греческой цивилизаціи древней и новой». Миліаракисъ составилъ «Политическую географію Кефалоніи», Ставракисъ—«Статистику критскаго населенія». Пелопонесъ изслѣдовалъ Спиридонъ Пагінелисъ въ сочиненіи: «По ту сторону перешейка» и Корилосъ въ «Поѣздкѣ отъ Патраса до Триполи». Валабанисъ издалъ этюды о Малой Азіи. Лучшій разсказъ Григорія Кинопулоса «Николай Сагалосъ». Сынъ Аристотеля Волоритиса выпустилъ второе изданіе стихотвореній своего отца: лучшее изъ нихъ—неоконченная поэма «Граціано Зорзисъ» изъ исторіи Санта-Мауры въ среднихъ вѣкахъ. Изъ молодыхъ поэтовъ замѣчательны: Георгій Марпора, Дроссинисъ и Эпиротъ, Константинъ Кристаллисъ, написалъ «Сельскія идиліи», пользующіяся большимъ успѣхомъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

I.

Тамбовскій вотчинникъ XVII вѣка.

ПЕРВАЯ половина XVII вѣка, не считая Батыевской эпохи, когда по всей нашей землѣ плачъ бысть и туча великая и гласъ рыданія, была едва ли не самымъ горемычнымъ безвременьемъ для русскаго царства, особенно для его окраинъ, въ томъ числѣ и для Тамбовскаго края.

Обижали насельниковъ нашей украйны разные гулящіе бездомовники. Тучей-саранчей налетали на наши селитьбы крымцы и ногайцы, люди сѣкуще и жгуще и плѣнующе. И хотя украинная тамбовская жизнь складывалась по обычному старо-московскому бытовому укладу, но она была безпризорная, неупорядоченная, и потому всякому вотчинному и воеводскому произволу было у насъ, несмотря на строгіе царскіе указы, полное раздолье...

Занимаясь въ послѣднее время въ Московскихъ архивахъ, я между прочимъ познакомился съ весьма интереснымъ документомъ, съ челобитной ельчанъ на великаго боярина Ивана Никитича Романова, родного дядю царя Михаила Өедоровича. Челобитная, ярко рисующая былую мѣстную жизнь, между прочимъ, устанавливаетъ замѣчательный и утѣшительный фактъ того высокаго народнаго довѣрія къ безпристрастію и праведности царскаго суда, которымъ изстари красилась и укрѣплялась въ своихъ коренныхъ основахъ наша царелюбивая и христіански-послушная земля.

Бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ, младшій братъ великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета и коренной тамбовскій вотчинникъ, имѣв-

шій обширныя земли и угодья въ западной части нынѣшней Тамбовской губерніи, въ уѣздахъ Липецкомъ, Лебедянскомъ и Усманскомъ, по обычаямъ XVII вѣка, слишкомъ широко пользовался своими боярскими и вотчинными полномочіями. Вслѣдствіе этого, въ 1628 году, отъ елецкихъ жителей съ сосѣдями послѣдовала на царское и патріаршее имя соборная челобитная, отъ чернаго и бѣлаго духовенства, отъ служилыхъ всякаго чина, торговыхъ и всѣхъ мірскихъ людей. Эта челобитная сочинялась всѣмъ городомъ и уѣздными всякими людьми и потому имѣла характеръ чисто земскій.

Резиденція Ивана Никитича Романова была въ Романовѣ Городищѣ (теперь—Романово, село Липецкаго уѣзда). Здѣсь-то надменный бояринъ, окруженный многочисленными челядинцами, жилъ настоящимъ властелиномъ.

Романово Городище было укрѣплено богатымъ владѣльцемъ лучше любого украиннаго города и потому бояринъ Романовъ никого не боялся. Всѣ русскіе люди, духовнаго и свѣтскаго чина, жившіе въ окрестностяхъ его многочисленныхъ и широко раскинувшихся вотчинъ, трепетали передъ нимъ и какъ милости ждали ласковаго боярскаго взгляда и слова. Сами татары и ногайцы, въ тѣ поры на всей своей волѣ разгуливавшіе по нашимъ привольнымъ и слабо защищеннымъ степямъ, и тѣ стороною обходили крѣпкія Романовскія сторожи, зная по опыту, какъ опасно имѣть дѣло съ ихъ хорошо вооруженными и многочисленными защитниками.

Властолюбивый бояринъ, безъ сомнѣнія, былъ слишкомъ несдержанъ въ своихъ дѣйствіяхъ, если челобитчики рѣшились повести съ нимъ дѣло, и въ жалобѣ ельчанъ есть на это весьма рельефныя доказательства. «Всѣ мы,—писали они,—пребываемъ отъ великаго боярина Ивана Никитича въ совершенномъ разореніи, и пріѣзжаютъ къ намъ изъ Романова Городища человѣкъ по сороку и по пятидесяти и больши и насъ, государевыхъ холопей, бьютъ и грабятъ, и наши помѣстьица и вотчинишки всѣ запустѣли безъ остатку».

Хищенія и насилія Романовскихъ челядинцевъ, дѣйствовавшихъ не безъ воли ихъ суроваго повелителя, были не случайными явленіями. Они производились систематически и отличались безпощадностію и разнообразіемъ.

«Великіе государи!—плакали ельчане,—Романовскіе люди и крестьяне женъ и дочерей нашихъ позорятъ насильствомъ, помѣстья наши и вотчины жгутъ, хлѣбъ въ гумнахъ жгутъ и въ поляхъ стоячій хлѣбъ топчутъ и мнутъ, и лошадей и коровъ отымаютъ, и изъ денегъ и платья пытаютъ насъ, и многія села и деревни разорили безъ остатку, и идетъ вся наша братья въ рознь отъ боярскаго великаго боярина Ивана Никитича многаго дневного и ночного насильства. И отъ тѣхъ боярскихъ неправдъ, государи, крестьянамъ ни пройти ни проѣхать ни въ который городъ не мочно».

Челобитье мѣстами отличается трогательностію, рѣшительнымъ тономъ и своеобразнымъ, безыскуственнымъ краснорѣчіемъ. Ясно — оно сочинено было не дьяческимъ перомъ, а самою горькою нуждою.

«Пожалуйте, государи,—писали челобитчики,—насъ нищихъ своихъ богомольцевъ и холопей и праведною милостію учините намъ оборону. А не будетъ къ намъ вашей государской милости и мы пропали безъ остатка. И послали мы, государи, къ вамъ бить челомъ заплакавъ... А за себя стать и побить челомъ мы, холопи ваши государевы, не умѣемъ и не смѣли и уже, государи, нашей мочи не стало отъ Ивана Никитича начальства».

Ельчане и ихъ сосѣди лебедянцы, усманцы и др., конечно, далеко не были избалованы жизнію. И глухая степная, украинная жизнь донимала ихъ скукою и всякими лишеніями. И злой татаринъ день и ночь стоялъ передъ ними безпрерывною угрозою. И однако они вотъ что писали великимъ государямъ: «Каковое уже было намъ разоренье злое отъ Литвы и отъ вашихъ государскихъ недруговъ, теперь же отъ Ивана Никитича плѣнъ нашъ, коему и конца нѣтъ, пуще намъ крымской и погайской войны».

Насилія боярина Романова часто имѣли характеръ совершенно военныхъ наѣздовъ. Между тѣмъ, мѣстные воеводы безмолствовали и не смѣли противодѣйствовать сильному вельможѣ. То и другое видно изъ слѣдующаго мѣста разсматриваемаго нами челобитья.

«Во всемъ Елецкомъ уѣздѣ холопей, крестьянъ и бобылей осталося треть жеребья, другихъ вывезли въ боярскія Ивана Никитича вотчины для строенья новыхъ слободъ. А воеводы наши противъ той дурости молчатъ и защиты не чинятъ, не смѣютъ, и воровскихъ крестьянъ Романова въ тюрьму не сажаютъ и къ вамъ, государямъ, о томъ разореніи нашемъ не пишутъ. Государи! отъ того воровства оборонить насъ велите».

Самодурство Романовскихъ обывателей доходило до того, что всякимъ торговымъ караванамъ въ районѣ владѣній боярина Ивана Никитича опасно было проѣзжать.

«И съ товарами,— жаловались елецкіе челобитчики,— близь Романова Городища проѣзжать было не можно»[1]).

Когда челобитье ельчанъ было готово, подъ нимъ оказалось до 100 подписей. Во главѣ подписавшихся стояли имена елецкаго игумена и соборныхъ елецкихъ священниковъ. По старинному обычаю и по отсутствію почтъ челобитная отправлена была къ великимъ государямъ съ выбраннымъ ходокомъ, съ боярскимъ сыномъ Гришею Шуриновымъ, и съ его товарищами: Зиновейкомъ Перцовымъ, Ивашкой Бовыкинымъ, Ивашкой Вехтѣевымъ, Гаврилкомъ Тихоновымъ, Ларей Трофимовымъ и Володей Яковлевымъ.

11-го іюля 1628 года, въ Елецкомъ соборѣ отслуженъ былъ ходокамъ напутственный молебенъ. Снова передъ всѣмъ міромъ прочли соборную челобитную, при чемъ, когда читали ея заключительныя просительныя слова, то многіе слушатели плакали. Вотъ это заключеніе елецкихъ, лебедянскихъ и липецкихъ челобитчиковъ.

«Милосердый государь, царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всея Руси и великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Руссіи! Пожалуйте, государи, насъ нищихъ своихъ богомольцевъ и холопей своихъ, воззрите въ наше разореніе, не дайте въ конецъ намъ погинути, велите, государи, великаго боярина Ивана Никитича отъ насъ отвесть; обороните насъ отъ воровства и насильства и крестьянъ нашихъ и бобылей отдать намъ повелите, чтобы мы, холопи ваши, вашей царской службы не отбыли; а намъ стало, государи, отъ такого великаго насильства и жить не въ мочь. Царь государь и святѣйшій патріархъ, смилуйтесь, пожалуйте!»

Челобитчики ѣхали въ Москву съ чрезвычайною поспѣшностію, точно опасались погони, и принесли свои жалобы обоимъ великимъ государямъ.

[1]) Челобитная ельчанъ хранится въ Моск. арх. мин. юстиціи, № 1180—80.

Кроткому царю Михаилу и опальчивому патріарху Филарету одинаково тяжело было читать Елецкое челобитье, но, вѣрные своему царственному долгу, они приказали по жалобѣ челобитчиковъ немедленно произвести чрезвычайное, строгое изслѣдованіе. И вотъ, лѣтомъ 1628 года, изъ Москвы въ Романово Городище и его окрестности отправился для сыску царскій слѣдователь Никита Вельяминовъ съ дьякомъ Тимоѳеевымъ. Съ ними для большаго ихъ авторитета и для безопасности отправилась значительная команда хорошо вооруженныхъ стрѣльцовъ.

Между тѣмъ, какъ слѣдователи медленно и съ продолжительными роздыхами двигались въ нашъ край, останавливаясь въ степи и разбивая походныя палатки, елецкихъ ходоковъ постигла въ Москвѣ обычная участь: ихъ всѣхъ посадили въ тюрьму. Это было 20-го іюля. А въ нашихъ западныхъ уѣздахъ все шире и шире, отъ села къ селу и отъ города къ городу, распространялось московское сыскное дѣло. Въѣзжали московскіе приказные люди въ разныя лебедянскія и липецкія поселья, или же разсылали по уѣздамъ воинскихъ служилыхъ людей для судебныхъ приводовъ, и въ обоихъ случаяхъ отъ грозныхъ московскихъ окриковъ только-что привыкавшіе къ нимъ тамбовскіе степняки приходили въ страхъ и ужасъ. Неудивительно поэтому, если судебные повальные допросы, предпринятые въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, не дали тѣхъ результатовъ, на которые всегда разсчитываетъ просвѣщенный и правильный судъ.

Только очень немногіе смѣльчаки имѣли мужество отвѣчать суровымъ слѣдователямъ въ такомъ родѣ: «Романовскіе люди у живыхъ мужей женъ отымали и въ свои новыя слободы межъ Воронежа и Ельца и Лебедяни отвозили и за своихъ мужиковъ сильно выдавали». Большинство же допрошенныхъ въ 1628 году липецкихъ и лебедянскихъ свидѣтелей давали самыя трусливыя и уклончивыя показанія. Такъ, лебедянскіе окольные люди, страшась сильнаго боярина, отвѣчали Вельяминову и Тимоѳееву: «слыхать про боярскія Ивана Никитича Романова насильства слыхали, а подлинно ли то, и того не вѣдаемъ». Иные же свидѣтели, желая поскорѣе отдѣлаться отъ московскихъ судей, въ одинъ голосъ твердо и рѣшительно говорили: «ни про что мы не слыхали и о насильствахъ боярина не вѣдаемъ».

Къ январю 1629 года слѣдствіе было окончено. Вельяминовъ и Тимоѳеевъ, не скрывая положенія нашего края, донесли кому слѣдуетъ о результатахъ своей дѣятельности. 14-го января 1629 года, по указу царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, бояринъ Иванъ Никитичъ, за недостаткомъ уликъ, былъ оправленъ. Тогда же царскимъ повелѣніемъ освобождены были изъ тюрьмы елецкій боярскій сынъ Шуриновъ и его товарищи. Обширное судное дѣло, всполошившее всю тамбовскую украйну, кончилось миромъ и нарушенная у насъ тишина возстановилась, повидимому, съ несомнѣнною пользою для обоихъ заинтересованныхъ сторонъ... Самъ грозный бояринъ съ этихъ поръ сталъ неузнаваемъ. Его боярскій окрикъ замѣнился привѣтомъ, вмѣсто хищенія явилась милость, вмѣсто необузданной гордыни—тишь да гладь, да Божья благодать... Въ прокъ пошелъ Ивану Никитичу царскій судъ, и съ тѣхъ поръ имя бояръ Романовыхъ стало самымъ популярнымъ по всей тамбовской землѣ.

Разсмотрѣнное нами судное дѣло 1628 года ясно указываетъ намъ на весьма неудовлетворительный въ юридическомъ отношеніи бытъ нашего края въ XVII столѣтіи. Права всякой человѣческой личности мѣстными родови-

тыми и административными властями представлялись, очевидно, крайне смутно. На сцену мѣстной жизни, за отсутствіемъ стройнаго гражданскаго, законнаго порядка, выступали личныя, ничѣмъ не сдержанныя, прихоти, и въ этомъ бытовомъ хаосѣ являлся полный просторъ для развитія самыхъ низменныхъ человѣческихъ инстинктовъ... И на верху и внизу, и у бояръ и воеводъ, и у простыхъ людей, одинаково рѣдко встрѣчались типы христіански нравственныхъ и серьезно развитыхъ въ правовомъ отношеніи гражданъ. Верхній человѣкъ донималъ массу дикою спѣсью и грубымъ произволомъ, а нижній—воровствомъ и разбоемъ, и кто изъ нихъ былъ лучше и хуже, разобраться въ этомъ довольно трудно... И. Д.

II.

Къ исторіи русскаго театра.

Свѣдѣнія о первыхъ актерахъ и созданіи, въ царствованіе Елисаветы Петровны—русскаго драматическаго театра мы привыкли заимствовать на вѣру изъ соч. Штелина, Новикова, митр. Евгенія, Носова и Карабанова, основанныхъ не на изученіи документальныхъ свидѣтельствъ, а на изустныхъ преданіяхъ, переходящихъ часто черезъ поколѣніе, преувеличенныхъ, искаженныхъ. Будущему историку русскаго театра предстоитъ громадная работа — повѣрки этихъ источниковъ, и только прибѣгнувъ къ архивнымъ матеріаламъ, онъ можетъ возстановить истину и прочитать ихъ разнорѣчивыя свидѣтельства.

До сихъ поръ издано еще очень мало подлинныхъ документовъ, относящихся къ исторіи нашего театра въ XVIII вѣкѣ — а потому не малый интересъ можетъ представить печатаемое ниже подлинное дѣло—«объ обученіи капитанъ-поручиками Мелесино и Остервальдъ, находящихся при кадетскомъ корпусѣ семи человекъ певчихъ для представленіе впредь ея императорскому величеству, сверхъ обучающихся ими наукъ, трагедіи».

14-го марта 1752 года, послѣ представленія ярославскою труппою Волкова трагедіи при дворѣ императрицы Елисаветы Петровны—ярославцы и семь человѣкъ придворныхъ пѣвчихъ и потерявшихъ голоса были помѣщены въ кадетскій корпусъ для обученія «необходимой артистамъ для театра словесности, языкамъ и гимнастики». Въ началѣ того же 52 года дворъ переѣхалъ изъ Петербурга въ Москву [1]) — о труппѣ Волкова и пѣвчихъ будто забыли; но въ слѣдующемъ 53 году, лѣтомъ, по высочайшему повелѣнію, директоръ корпуса князь Юсуповъ писалъ изъ Москвы въ канцелярію корпуса, чтобы пѣвчихъ начали обучать какой-либо трагедіи для представленія ея императорскому величеству. Обученіе было поручено капитанъ-поручикамъ Мелесино и Остервальду; а затѣмъ къ этому дѣлу былъ привлеченъ и прапорщикъ Свистуновъ—все лица игравшія будучи кадетами главныя роли при первомъ представленіи въ 1750 году первой трагедіи Сумарокова «Хоревъ» и, вѣроятно, и другой его трагедіи, игранныхъ въ томъ же году. Благодаря ихъ вліянію, вѣроятно, корпусное начальство выбрало для представленія пѣвчими передъ императрицей трагедію Сумарокова—«Синавъ и Труворъ».

---

[1]) См. «Исторія Екатерины II» Бильбасова, Спб. 1890.

Дѣло обученія шло очень вяло—князь Юсуповъ долженъ былъ нерѣдко дѣлать изъ Москвы выговоры за такую медленность и торопить не слишкомъ усердныхъ преподавателей. Чтобы видѣть наглядно успѣхи учениковъ, имъ было приказано—подавать ему ежедневно отчетъ объ занятіяхъ.

Вотъ дословно ордеръ князя Юсупова начальствовавшему въ его отсутствіе надъ корпусомъ полковнику Зичену.

«Понеже высочайшее ея императорскаго величества намѣреніе есть въ томъ, чтобы обретающіеся при шляхетномъ кадетскомъ корпусе двора ея императорскаго величества пѣвчія—семь человекъ, которые при томъ корпусе обучаются наукамъ сверхъ онаго обученія обучалися для представленія впредь ея императорскому величеству трагедій, о чемъ отъ меня неоднократно словесно г-ну капитану поручику Остервальду приказывано было; того ради извольте ваше высокоблагородіе по полученіи сего господамъ капитанамъ поручикамъ Мелесино и Остервальду приказать, чтобы оне, избравъ одну трагедію, обучали предписанныхъ певчихъ дабы оная трагедія по прибытіи ея императорскаго величества въ Сантъ-Петербургъ была ими обучена и представлена.

«Вашего Высокоблагородія
«Охотный слуга
«Москва. «Князь Юсуповъ.
«Іюня 17-го дня 1753 года».

Только въ октябрѣ капитаны Мелесино, Остервальдъ и прапорщикъ Свистуновъ подали рапортъ въ корпусную канцелярію о выбранной трагедіи и успѣхахъ учениковъ,—до этого же времени, повидимому, занятій съ ними не производилось.

Этотъ документъ возстановляетъ дѣйствительныя имена пѣвчихъ, ставшихъ потомъ актерами открытаго въ 1756 году Петербургскаго Императорскаго театра и опровергаетъ свидѣтельства тѣхъ (напр. Носова «Хроника» и соч. Колюпанова «Очерки исторіи русскаго театра», «Рус. Мысль», 1889 г., іюль), которые называютъ этихъ пѣвчихъ—кадетами, офицерами, выпущенными изъ шляхетнаго корпуса и т. д. Привожу этотъ документъ, выпуская длинные титулы, которые занимаютъ слишкомъ много мѣста и не имѣютъ никакого значенія.

«Того ради (т. е. въ виду требованій князя Юсупова) канцеляріи шляхетнаго кадетскаго корпуса черезъ сіе и рапортируемъ, что въ силу прежняго ордера одна трагедія «Синавъ и Труворъ» къ обученію избрана, и изъ пѣвчихъ только два человѣка явилися способными, а именно Евставій (Григорьевъ) Сичкаревъ и Петръ (Власьевъ) Сухомлиновъ, а прочія Левъ Татищевъ, Козма Пригоршой, Григорій Стрелчепковъ, Павелъ Умановъ и Федоръ Максимовичъ къ представленію трагедіи способности не имѣютъ.

«А понеже объ находящихся въ томъ корпусе два ярославца, о Иванѣ Дмитревскомъ[1]) и Алексее Поповѣ въ ордерѣ не упомянуто, то хотя оные прежде обучаемы были и нынѣ обучаютца и имѣютъ склонности и способность, чего ради представляя ожидаемъ резолюціи: повелено ли будетъ оныхъ и впредь обучать?

«Капитанъ-поручикъ Мелесино
«Остервальдъ
«Прапорщикъ Свистуновъ.

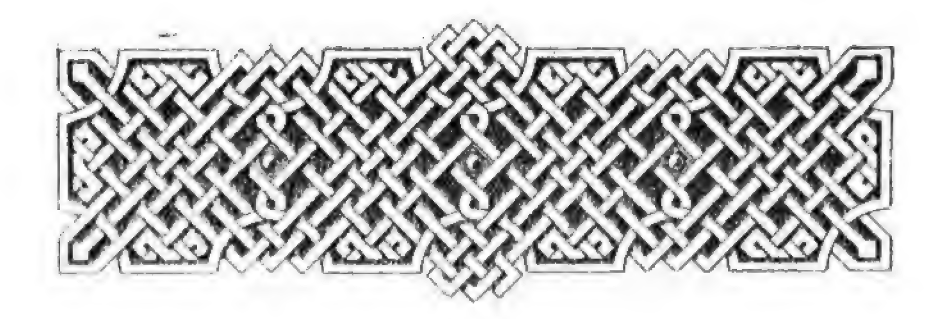
---

[1]) Впослѣдствіи извѣстный актеръ и писатель Ив. Аѳан. Дмитревскій.

Такое повелѣніе состоялось и вотъ 20-го декабря 1753 года было донесено канцеляріи, что обученіе трагедіи кончено успѣшно.

Вслѣдствіе беременности великой княгини Екатерины Алексѣевны дворъ вернулся въ Петербургъ не въ 1753 году, какъ предполагалось раньше, а въ 1754 году. Въ этомъ году родился великій князь Павелъ Петровичъ и представленіе пѣвчихъ, о которомъ такъ хлопоталъ князь Юсуповъ, совпало съ торжествами по случаю рожденія Павла Петровича, такъ обрадовавшаго императрицу-бабушку. **В. Мустафинъ.**

СМѢСЬ.

Тысячелѣтіе Георгіевскаго монастыря. Часть Крымскаго полуострова или Тавриды, отъ Балаклавской бухты до Севастопольскаго рейда, сама составляетъ маленькій полуостровъ Трахейскій (т. е. каменный). Онъ также назывался Ираклійскимъ, по имени ираклійскихъ поселенцевъ, основавшихъ здѣсь въ началѣ IV вѣка до Р. Х. знаменитый Херсонесъ, процвѣтавшій болѣе 2000 лѣтъ. Трахейскій полуостровъ (длиною всего 8 верстъ, съ окружностью береговъ въ 45 верстъ) въ былыя времена былъ отдѣльнымъ могущественнымъ государствомъ, велъ обширную торговлю съ далекими странами міра и считался у сосѣдей дорогимъ союзникомъ и опаснымъ врагомъ. Этотъ уголокъ полуострова игралъ выдающуюся роль въ исторіи Тавриды какъ до нашего лѣтосчисленія, такъ и съ началомъ христіанской эпохи. Здѣсь же русскіе получили начала религіи. Вотъ почему въ Тавридѣ существуютъ святыни, древнѣйшія въ предѣлахъ современной Россіи, и первая изъ нихъ по древности Балаклавско-Георгіевскій монастырь, основанный въ 891 году при первобытной пещерной церкви, между Херсонесомъ и Балаклавой, на морскомъ берегу, возвышающемся болѣе 2,000 футовъ надъ уровнемъ моря.

Монастырь этотъ 14-го сентября, въ день храмового монастырскаго праздника Воздвиженія Креста, праздновалъ тысячелѣтній юбилей своего основанія. Объ этомъ основаніи преданіе говоритъ, что крымскіе греки-рыбаки во время плаванія по Черному морю были застигнуты страшной бурей и гонимы волнами къ отторженнымъ отъ грядъ горъ чудовищнымъ камнямъ. Видя неизбѣжную гибель, они молили объ избавленіи великомученика Георгія Побѣдоносца, и онъ явился на большомъ камнѣ, отстоящемъ отъ берега въ десяти саженяхъ, и буря тотчасъ утихла. Спасенные греки нашли икону на камнѣ и, въ знакъ благодарности, близъ того самаго мѣста, гдѣ погибали, устроили въ скалѣ (гдѣ нынѣ Георгіевскій монастырь)

церковь, поставили эту икону и стали жить при храмѣ постоянно, положивъ основаніе обители. Икона находилась въ обители до 1779 г., а въ этомъ году митрополитъ Игнатій готеенскій и кефайскій, при переводѣ его изъ Бахчисарая въ Азовскую губернію, со всѣмъ штатомъ духовенства и съ значительнымъ числомъ грековъ, взялъ икону съ собой, равно и образъ Успенія Божіей Матери. Вопросъ о возвращеніи изъ Маріуполя въ Георгіевскій монастырь его иконы поднятъ былъ еще въ началѣ 1803 г., чрезъ 9 лѣтъ послѣ освобожденія обители отъ зависимости константинопольскихъ патріарховъ. Затѣмъ незадолго до Крымской войны Иннокентій (херсоно-таврическій) ходатайствовалъ о возвращеніи находящихся въ Маріуполѣ таврическихъ святынь, но ходатайства эти успѣхомъ не увѣнчались. Только въ недавнее время синодъ уважилъ представленіе Мартиніана, епископа таврическаго и симферопольскаго, и разрѣшилъ перенести икону Георгія Побѣдоносца въ Георгіевскій Балаклавскій монастырь ко дню празднованія тысячелѣтняго юбилея.

Въ монастырскомъ архивѣ до 1794 г. нѣтъ никакихъ записей. Такъ какъ монастырь зависѣлъ отъ константинопольскаго патріарха, то, вѣроятно, и всѣ документы, касающіеся монастыря, находятся въ архивѣ того же патріарха. И одинъ французскій абатъ, посѣтившій монастырь, утверждаетъ, что онъ лично видѣлъ въ константинопольскомъ патріаршемъ архивѣ документы объ основаніи Балаклавскаго Георгіевскаго монастыря въ 891 г., и другія дѣла, касающіяся его. Вслѣдствіе этого и неизвѣстно,— говоритъ арх. Никонъ,—кто управлялъ монастыремъ до 1793 года.

Монастырь расположенъ въ 12 верстахъ отъ Севастополя и составляетъ нынѣ административную единицу севастопольскаго градоначальства. Дорога тянется степью, утомляющей однообразіемъ. Сначала видна бухта, потомъ открытое море, а на лѣвой сторонѣ въ туманѣ — конецъ горнаго хребта Яйлы. Наружный видъ монастыря самый ординарный: каменная высокая ограда, за ней небольшая церковь, не сохранившая древняго стиля. Затѣмъ съ правой стороны длинное одно-этажное строеніе, напоминающее архитектурой казармы уѣзднаго городка. Войдя въ монастырскій дворъ и повернувъ у монастырской гостинницы, вы проходите черезъ ворота гостинницы къ берегу моря. Тутъ развертывается чудная картина монастырскаго пейзажа, изумляющая своимъ величіемъ. Одинъ шагъ и... мертво-однообразная пустыня превращается въ волшебную декорацію. Монастырь виситъ на карнизѣ бездны. На страшной глубинѣ и на всемъ видимомъ пространствѣ колышется море. Громадные утесы, оборванные, обглоданные временемъ и волнами, шагнули съ обѣихъ сторонъ въ ревущее море. Эти остро-верхіе великаны сурово стоятъ, среди колыханія и ропота. Одинъ старый сиво-зеленый, обросшій; другой — бурый, желтый, малиновый, лоснящійся каменными ребрами... На нихъ взобраться нѣтъ никакой возможности. Послѣдній высокій утесъ, за которымъ берегъ поворачиваетъ къ сѣверу и у ногъ котораго плещутъ волны, это знаменитый мысъ Ѳеолентъ, гдѣ 3000 лѣтъ тому назадъ возвышалось капище кровавой богини-дѣвственницы Діаны-Таврополійской. Если вѣрить преданію, созидательницами этого храма и первыми царственными владѣтельницами Тавриды были амазонки.

Здѣсь же былъ еще и храмъ Арестеона (хотя его называютъ храмомъ Діаны), имѣвшій большое воспитательное значеніе для молодыхъ поколѣній тавро-скиѳовъ. Далѣе—черная пещера, въ подошвѣ утеса, гдѣ тавро-скиѳы стерегли свою добычу, и прятался Орестъ съ своимъ другомъ. Обрывъ къ морю крутъ и падаетъ внизъ терасами. Кипарисы, дикія оливы, можжевельники, ясень, берестъ и тополи сбѣгаютъ отъ монастыря къ морю по камнямъ и скаламъ; спускъ къ морю гораздо длиннѣе, чѣмъ можно предполагать, глядя сверху внизъ. Безпрестанные изгибы дороги растягиваютъ его версты на двѣ, чтобы ослабить крутизну обрыва. Обрывъ этотъ былъ

нѣкогда заселенъ въ верхней части. И теперь стоятъ развалины домика, гдѣ жилъ адмиралъ Лазаревъ. Ниже стоялъ каменный павильонъ, въ которомъ была келья поэта, артиста, художника Вуцона. Домикъ этотъ теперь возобновленъ и изъ его оконъ открывается чудная панорама.

Спустившись къ самому берегу, поражаешься, глядя на неисчерпаемыя груды красивыхъ разноцвѣтныхъ голышей, засыпавшихъ берегъ: синіе, лиловые, зеленые, бурые, красные, черные, полосатые, нѣжно-розовые и ослѣпительно-бѣлые, всѣхъ тоновъ и узоровъ, лежатъ они отточенные и выполированные, какъ прелестныя кабинетныя бездѣлки, лучше всѣхъ яшмъ и мраморовъ. Тутъ есть и прес-папье, и каменныя яйца, ядра, пули, и малыя блюдца, разноцвѣтныя и микроскопическія пуговки. Облизанныя волною, они сверкаютъ, какъ лакированныя. Они раскинуты по берегу, какъ мраморная мебель на мозаичномъ полу; здѣсь можно встрѣтить нерукотворные диваны, кресла, столы и скамейки. Волна выточила въ нихъ такія покойныя выбоины, что комфортабельно можно развлечься и отдыхая любоваться моремъ.

14-е сентября въ лѣтописяхъ обители знаменательно еще и тѣмъ, что 37 лѣтъ тому назадъ (14-го сентября 1854 г.) Георгіевскій монастырь занятъ былъ отрядомъ союзныхъ войскъ, высадившихся съ своихъ судовъ на берегъ въ Камышевой бухтѣ, въ 5 верстахъ отъ монастыря, и монастырь находился подъ охраной ихъ до заключенія мира (18-го марта 1856 года).

Все необходимое для монастырской братіи и для богослуженія въ храмахъ доставлялось французами; они же охраняли монастырь отъ вторженія турокъ и оскорбленія святыни. Когда одинъ турецкій паша съ своей свитою хотѣлъ войти въ храмъ для осмотра его, то французы не пустили его до тѣхъ поръ, пока онъ и его офицеры не сняли чалмы.

Монастырь существуетъ только на 3,000 руб., отпускаемыхъ казною. Монастырская земля весьма камениста, безплодна и мало доходна. Нѣсколько штукъ скота едва прокармливаются на этой землѣ. Такъ какъ монастырь находится въ сторонѣ отъ большой дороги, а окрестныя деревни населены большею частью татарами, то богомольцевъ здѣсь бываетъ очень мало, а вкладовъ и пожертвованій вовсе нѣтъ. Посѣщаютъ обитель только туристы, да истинные любители природы. Такихъ живописныхъ картинъ ея въ Крыму не много, а такихъ монастырей въ Россіи только одинъ. Празднованіе тысячелѣтія продолжалось три дня и носило чисто церковный характеръ.

Присужденіе премій митрополита Макарія. 19-го сентября, въ Академіи наукъ состоялось присужденіе преміи митрополита Макарія. Засѣданіе открылось подъ предсѣдательствомъ вице-президента академіи Я. К. Грота. Отчетъ читалъ непремѣнный секретарь А. А. Штраухъ. Такъ какъ конкурсъ изобиловалъ выдающимися трудами, то на долю комисіи выпала особенно трудная задача оцѣнить достоинство и значеніе соискательныхъ сочиненій, обнимающихъ всѣ почти области знанія. Задача осложнялась еще тѣмъ, что по правиламъ академіи преміи митрополита Макарія не могли быть разбиты по частямъ. Всего на соисканіе было представлено 31 сочиненіе, въ томъ числѣ 3 рукописныхъ; по предварительномъ разсмотрѣніи комисія два изъ нихъ постановила устранить изъ конкурса, какъ не отвѣчающія условіямъ положенія и правилъ о преміяхъ митрополита Макарія; кромѣ того, два сочиненія были изъяты по желанію самихъ авторовъ. Для оставшихся затѣмъ на состязаніи 27 сочиненій комисія избрала спеціальныхъ рецензентовъ, частью изъ среды академиковъ, частью же изъ постороннихъ академіи ученыхъ. Послѣ того какъ отзывы рецензентовъ были представлены, комисія постановила 2 сочиненія удостоить полныхъ макарьевскихъ премій и 3 неполныхъ (первыя въ размѣрѣ 1,500 р., вторыя—въ 1,000 р.). Между прочимъ одно сочиненіе представляетъ значительный интересъ и вноситъ по изслѣдуемому предмету много новаго; комисія признала справед-

ливымъ отложить это сочиненіе до слѣдующаго конкурса, съ тѣмъ чтобы авторъ могъ пополнить свой трудъ новымъ изслѣдованіемъ.

Первое увѣнчанное полною преміею сочиненіе озаглавлено: «Русская армія въ семилѣтнюю войну» и принадлежитъ генералъ-маіору Масловскому. Сочиненіе было представлено для рецензіи академику Н. Ѳ. Дубровину, по мнѣнію котораго, трудъ Масловскаго заслуживаетъ внимательнаго изученія, и каждый дорожащій судьбою нашей арміи найдетъ въ немъ историческую правду.

Второе, увѣнчанное полною преміею, сочиненіе имѣетъ предметомъ химическую технологію—оно принадлежитъ Н. И. Товилдарову и озаглавлено «Химическая технологія сельско-хозяйственныхъ продуктовъ». Рецензентомъ былъ академикъ Ѳ. Ѳ. Вельштейнъ, который призналъ трудъ этого автора прекраснымъ пособіемъ для студентовъ высшихъ техническихъ школъ.

Неполныя преміи присуждены авторамъ слѣдующихъ трудовъ: 1) сенатору Н. П. Семенову за его капитальный трудъ «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II» 2) професору А. Л. Дюверну за сочиненіе «Словарь болгарскаго языка», и 3) професору Варшавскаго университета Любовичу за соч. «Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ». Рецензентами этихъ сочиненій были проф. университета св. Владиміра Романовичъ-Славатинскій, проф. Харьковскаго университета М. С. Дриновъ и проф. Спб. университета Н. И. Карѣевъ. Всѣ они признали въ трудахъ почтенныхъ авторовъ много такихъ достоинствъ, которыя вполнѣ заслуживаютъ преміи академіи наукъ. Изъ прочихъ сочиненій, участвовавшихъ въ соисканіи, комисія особенное вниманіе обратила на сочиненіе г. Тилло, но за раздачею бывшихъ въ ея распоряженіи денежныхъ наградъ, она присудила ему почетный отзывъ. Трудъ г. Тилло, по мнѣнію разсматривавшаго его рецензента, долженъ быть причисленъ къ числу выдающихся, какъ по обширности плана, такъ и по исполненію. Въ засѣданіи, была выражена благодарность академія лицамъ, содѣйствовавшимъ своими рецензіями правильному разрѣшенію задачи комисіи по присужденію премій.

Присужденіе наградъ графа Уварова. 25-го сентября происходило публичное засѣданіе академіи наукъ, на которомъ секретарь прочиталъ отчетъ о тридцать третьемъ присужденіи наградъ графа Уварова. На соисканіе премій представлено было 8 сочиненій, въ томъ числѣ три, отложенныхъ отъ предъидущаго конкурса. Малыя преміи по 500 р. каждая присуждены за слѣдующія сочиненія:

I. Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со времени смуты до эпохи преобразованій. Изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго. Сочиненіе это было разсмотрѣно доцентомъ Московскаго университета П. Н. Милюковымъ, по отзыву котораго авторъ приступилъ къ разработкѣ своей темы съ солидною подготовкой; онъ основательно знакомъ съ современной финансовой теоріей и съ важнѣйшими сочиненіями по финансовой исторіи разныхъ странъ Европы и обнаруживаетъ замѣчательную эрудицію и начитанность въ области русскихъ печатныхъ источниковъ, въ особенности рукописей, хранящихся въ московскихъ архивахъ министерствъ иностранныхъ дѣлъ и юстиціи и въ Петербургской Публичной библіотекѣ. Авторъ сдѣлалъ все, отъ него зависѣвшее, чтобы поставить себя въ лучшія условія для успѣха предпринятой работы, и книга его, какъ по новизнѣ собраннаго матеріала, такъ и по цѣнности многихъ выводовъ составляетъ крупный шагъ впередъ въ изученіи русской финансовой исторіи.

II. Власть московскихъ государей. Соч. М. Дьяконова. Разсмотрѣніе этого труда было поручено директору ярославскаго юридическаго лицея проф. С. М. Шпилевскому. Авторъ задачею своего труда поставилъ вопросъ о возникновеніи и развитіи идеи самодержавной власти московскихъ

государей, и выполненіе этой задачи, по мнѣнію рецензента, выразилось въ ученомъ трудѣ, соотвѣтствующемъ требованіямъ науки и критики и способствующемъ уясненію предмета, на сколько то возможно при наличности имѣющихся источниковъ. Авторъ, помимо всѣхъ извѣстныхъ до него источниковъ, воспользовался и новыми рукописными и отнесся къ нимъ добросовѣстно, съ осторожностью и вѣрностью выводовъ изъ нихъ и своимъ трудомъ обогатилъ нашу литературу.

III. **Изъ исторіи Угріи и славянства въ XII вѣкѣ.** Соч. К. Я. Грота. Разсмотрѣніе этого сочиненія принялъ на себя византинистъ В. Г. Васильевскій. По его отзыву, авторъ — одинъ изъ выдающихся славистовъ школы В. И. Ламанскаго, въ настоящее время професоръ Варшавскаго университета, давно избралъ исторію Венгріи своей ближайшею спеціальностью и извѣстенъ, кромѣ того, своимъ большимъ трудомъ: «Моравія и мадьяры». На фактическую сторону въ книгѣ автора можно вполнѣ положиться. Онъ стремился къ установленію болѣе точнаго представленія о всѣхъ подробностяхъ въ ходѣ дѣлъ политическихъ и военныхъ. Изслѣдованіе отъ начала до конца основано на всестороннемъ и полномъ изученіи источниковъ венгерскихъ, византійскихъ, западныхъ, латинскихъ и русскихъ. Въ заключеніе рецензентъ, основываясь на общихъ достоинствахъ книги и близкомъ отношеніи ея содержанія къ славянской и русской исторіи, признаетъ справедливымъ присудить К. Я. Гроту награду.

IV. **Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ.** Соч. проф. М. Соколова. Разборъ этого сочиненія составленъ дѣйствительнымъ членомъ академіи И. В. Ягичемъ. По его словамъ, сочиненіе это обогащаетъ русскую литературу важными источниками, доказывающими вновь чрезвычайное богатство церковно-славянской литературы въ апокрифическихъ текстахъ. Напечатанные авторомъ матеріалы бросаютъ, кромтого, новый свѣтъ на общеніе и взаимность, существовавшія съ раннихъ временъ между южными славянами (болгарами, сербами) и Россіею. Сочиненіе это присоединяетъ къ напечатаннымъ текстамъ еще довольно много пояснительныхъ замѣтокъ и остроумныхъ соображеній для критической и литературной оцѣнки напечатанныхъ памятниковъ. Главнымъ матеріаломъ для этого труда послужилъ старинный рукописный сборникъ, принадлежащій професору Великой школы въ Бѣлградѣ—Панкѣ С. Сречковичу.

V. **Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ.** Соч. Н. Д. Чечулина. Отчетъ о разборѣ этого сочиненія сдѣланъ професоромъ Московскаго университета В. И. Ключевскимъ, по отзыву котораго трудъ этотъ представляетъ двойной интересъ, собственно историческій и методологическій: первый заключается въ предметѣ изслѣдованія, второй — въ его матеріалѣ. Основнымъ источникомъ автору послужили писцовыя книги. Ему приходилось разсмотрѣть жизнь городовъ во всей полнотѣ ихъ интересовъ и отношеній, и положительные результаты, которыхъ онъ добился и которые придаютъ научную цѣну его книгѣ, прямо отвѣчаютъ на задачу. Авторъ поступилъ въ своемъ трудѣ очень обдуманно и цѣлесообразно, распредѣливъ свой матеріалъ географически по мѣстностямъ, а не по разнымъ сторонамъ городского быта. Изслѣдованіе это, по мнѣнію рецензента, трудъ добросовѣстный, основанный на внимательномъ изученіи мало тронутаго источника, стоившій усиленной борьбы съ его трудностями и большой черновой работы надъ нимъ, дающій не мало цѣнныхъ, освѣщающихъ предметъ фактовъ и еще больше матеріала для выводовъ, могущихъ усилить это освѣщеніе.

Почетными отзывами награждены слѣдующія лица:

I. **Статистическія данныя о евреяхъ въ Юго-Западномъ краѣ во второй половинѣ прошлаго вѣка (1765—1791 г.).** И. Каманина. Разсмотрѣніе этого труда было поручено академику К. С. Веселовскому. Авторъ

даетъ въ подлинникѣ, на сколько онѣ сохранились, производившіяся при польскомъ правительствѣ переписи еврейскаго населенія Юго-Западнаго края въ 1765—1791 годахъ. Рецензентъ признаетъ изслѣдованіе г. Каманина, какъ трудъ самостоятельный, вносящій въ науку много новыхъ фактовъ, добытыхъ собственными, не легкими архивными розысканіями автора, вполнѣ заслуживающимъ уваровской награды, такъ какъ трудъ этотъ, составляя существенный вкладъ въ русскую науку, обращаетъ на себя вниманіе не только по объему своему, но еще болѣе по тому таланту, съ которымъ авторъ, своими разносторонними и учеными коментаріями, сдѣлалъ краснорѣчивыми сухія статистическія данныя и разъяснилъ ихъ значеніе и пригодность для столь важнаго и современнаго вопроса—каковъ еврейскій.

II. С.-Петербургская Духовная Академія за послѣдніе 30 лѣтъ (1858—1888 гг.). Соч. И. А. Чистовича. Разборъ этого сочиненія составленъ професоромъ Петербургскаго университета о. М. И. Горчаковымъ. Какъ историко-статистическое описаніе, сочиненіе это, по отзыву рецензента, обладаетъ тѣми общими качествами, какія свойственны этого рода литературнымъ произведеніямъ, хорошо составленнымъ: опредѣленностью содержанія, ясностью изложенія, значительною полнотою и повѣствовательнымъ характеромъ собранныхъ объ учрежденіи свѣдѣній и фактовъ, къ нему относящихся, хронологическою послѣдовательностью повѣствованія, обдуманностью въ порядкѣ его расположенія и осмотрительною осторожностью въ передачѣ фактовъ.

Академія наукъ въ изъявленіе своей благодарности положила назначить установленныя для рецензентовъ золотыя уваровскія медали.

Памятникъ Н. М. Пржевальскому. Русскому географическому обществу разрѣшено на собранные по подпискѣ 30,000 рублей: 1) учредить премію имени знаменитаго нашего путешественника Н. М. Пржевальскаго за лучшія сочиненія по географіи Азіи и 2) соорудить ему памятникъ въ Александровскомъ саду (у Адмиралтейства). По проекту А. А. Бильдерлинга, колосальный бюстъ Николая Михайловича поставленъ на изящную гранитную скалу, у подножія которой положенъ натуральной величины навьюченный верблюдъ, отлитый изъ бронзы. На лицевой сторонѣ скалы будетъ надпись: «Пржевальскому. Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи». Надпись эта заимствована съ именной золотой медали, поднесенной Академіею наукъ славному путешественнику въ 1886 г., послѣ его возвращенія изъ четвертой его экспедиціи въ Тибетъ. Пржевальскій будетъ обращенъ лицомъ на востокъ; высота памятника 3 сажени. Географическое общество поручило исполненіе бюста и навьюченнаго верблюда академику И. Н. Шредеру, отливку бронзовыхъ частей памятника г. Берто, а всѣ каменныя работы Р. И. Рунебергу. Открытіе памятника послѣдуетъ будущею осенью.

† Редакторъ «Нижегородскаго Биржевого Листка», **Иванъ Александровичъ Жуковъ**, 31-го августа, въ Нижнемъ Новгородѣ. Онъ происходилъ изъ богатой купеческой семьи города Гжатска, Смоленской губ. Въ молодости занимался хлѣбною торговлею и, посѣщая выдающіеся торговые пункты, изучалъ хлѣбное дѣло и внутренніе пути сообщенія. Занимаясь торговлею, И. А. увлекся литературою. При посѣщеніи Петербурга онъ познакомился съ нѣкоторыми сотрудниками «Отечественныхъ Записокъ» и сталъ помѣщать въ этомъ журналѣ мелкія статьи. Въ 1863 г. ему было разрѣшено издавать въ Рыбинскѣ небольшую газету «Рыбинскій Листокъ». Обличительное направленіе этой газеты не пришлось по вкусу мѣстнымъ купцамъ. Ихъ жалобы заставили газету прекратить свое существованіе послѣ трехъ мѣсяцевъ изданія. И. А. вновь сталъ заниматься торговлей. Въ это время Краевскій поручилъ покойному писать спеціальныя кореспонденціи въ промышленно-торговомъ отдѣлѣ «Голоса». Въ 1873 г. Жукову разрѣшено вновь изданіе газеты въ Рыбинскѣ, но уже подъ названіемъ «Рыбинскаго Бир-

жевого Листка», причемъ програма газеты была съужена. Черезъ два года изданіе газеты, по просьбѣ редактора, было перенесено въ Нижній Новгородъ, гдѣ газета выходила подъ названіемъ «Нижегородскаго Биржевого Листка». Какъ публицистъ, хорошо знающій торговое дѣло, онъ имѣлъ большое вліяніе на волжскихъ хлѣбопромышленниковъ.

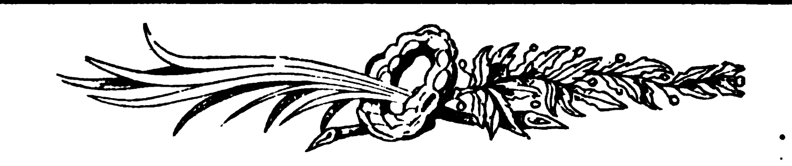
† 3-го сентября въ петербургской городской богадѣльнѣ **Петръ Ивановичъ Пашино**, извѣстный какъ оріенталистъ-путешественникъ и сотрудникъ многихъ періодическихъ изданій. П. И. родился въ 1836 году, въ провинціи учился въ казанской гимназіи, затѣмъ въ университетѣ. Страсть къ путешествіямъ рано охватила его. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ покойный предпринялъ поѣздку въ Индію и вскорѣ познакомился со всѣми особенностями этой страны. По возвращеніи изъ Индіи, П. И. помѣстилъ рядъ фельетоновъ въ «Голосѣ», подъ названіемъ: «Въ коровьемъ царствѣ». Изданные затѣмъ отдѣльною книгою, они имѣли успѣхъ. Онъ издавалъ одно время «Азіатскій Вѣстникъ», но журналъ этотъ, по напечатаніи двухъ томовъ, прекратилъ свое существованіе. Пашино, кромѣ книги о путешествіи на Востокъ, написалъ рядъ мелкихъ статей въ разныхъ журналахъ. Послѣднее время параличъ отнялъ у него возможность работать. Добрые люди помѣстили П. И. въ городскую богадѣльню, гдѣ онъ и умеръ.

† 11-го сентября, бывшій директоръ народныхъ училищъ Петербургской губерніи **Сергѣй Егоровичъ Рождественскій**. Онъ извѣстенъ, какъ педагогъ и авторъ учебниковъ по всеобщей и русской исторіи. Родился онъ 30-го сентября 1834 г., закончилъ образованіе въ 1858 г. въ главномъ педагогическомъ институтѣ. По окончаніи курса, въ продолженіе 30 лѣтъ трудился по народному образованію, не жалѣя силъ и здоровья. Онъ до 1875 г. преподавалъ русскую и всеобщую исторію во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, Павловскомъ женскомъ институтѣ, въ Морскомъ училищѣ и 6-й гимназіи министерства просвѣщенія. Въ 1875 г. онъ былъ приглашенъ занять должность директора народныхъ училищъ и занималъ ее до конца 1890 учебнаго года. Время управленія дирекціей Рождественскимъ было временемъ кипучей и живой дѣятельности народныхъ учителей. По почину покойнаго были организованы ежегодные учительскіе съѣзды, на которыхъ выяснялись нужды народныхъ школъ. При съѣздахъ устроивались педагогическія выставки и давались объясненія, какъ достигнуть лучшихъ результатовъ, преподавая тотъ или иной учебный предметъ. Одинъ годъ, по желанію С. Е. и покойнаго Е. Н. Андреева, при съѣздѣ были устроены ремесленные курсы, и учителя и учительницы знакомились съ условіями введенія въ програму народныхъ школъ обученія столярному, сапожному, картонажному, переплетному и др. мастерствамъ. Почти одновременно съ организаціей учительскихъ съѣздовъ, покойнымъ были учреждены при дирекціи народныхъ училищъ въ Петербургѣ библіотека и кабинетъ учебныхъ пособій. Какъ библіотека, такъ и кабинетъ были предоставлены для пользованія всѣмъ учителямъ и учительницамъ. Кромѣ того, при дирекціи были организованы постоянныя учительскія собранія, на которыхъ при горячемъ участіи покойнаго разрабатывались педагогическіе вопросы начальнаго образованія. Подъ руководствомъ С. Е. уѣздныя училища Петербургской губерніи преобразовались въ городскія. Какъ директоръ, покойный уважалъ личность учителя и умѣлъ оцѣнить его трудъ. Его добрые совѣты усиливали въ учителяхъ любовь къ своему дѣлу и возбуждали стремленіе къ совершенствованію. Извѣстно, что учителя городскихъ училищъ мало обезпечены въ матеріальномъ отношеніи. С. Е. всегда оказывалъ имъ посильную помощь. Когда онъ по растроенному здоровью отказался отъ должности директора народныхъ училищъ, городскіе учителя пожелали выразить признательность своему бывшему начальнику и учредили стипендію имени покойнаго при новоладожскомъ городскомъ училищѣ. Въ продолженіе своей долгой учительской дѣятельно-

сти С. Е. составилъ рядъ учебниковъ по отечественной и всеобщей исторіи и издалъ картины по русской исторіи. Учебники Рождественскаго до настоящаго времени пользуются большою извѣстностью, а картины представляютъ одно изъ лучшихъ класныхъ пособій при изученіи исторіи нашего отечества.

† 28-го сентября одинъ изъ выдающихъ дѣятелей и знатоковъ Средней Азіи, завѣдывающій азіатскою частью Главнаго Штаба, генералъ-маіоръ **Левъ Феофановичъ Костенко**. Его кончина была для всѣхъ неожиданностью. За нѣсколько часовъ до нея покойный еще подписывалъ бумаги по ввѣренной ему части. Онъ скончался на 50-мъ году, отъ инфлуэнцы, хворая не болѣе недѣли. По окончаніи Константиновскаго военнаго училища и Николаевской академіи, Костенко, посвятилъ всю свою службу Средней Азіи вообще и Туркестану въ особенности. Его служебная карьера началась въ 14-мъ стрѣлковомъ батальонѣ, гдѣ онъ командовалъ ротою. Затѣмъ перейдя въ генеральный штабъ, онъ былъ старшимъ адъютантомъ штаба туркестанскаго военнаго округа и затѣмъ начальникомъ штаба войскъ Семирѣченской области. Въ теченіе болѣе чѣмъ двадцатилѣтняго пребыванія въ Туркестанѣ, онъ принималъ участіе въ хивинскомъ походѣ и за отличіе назначенъ подполковникомъ. Кромѣ того, онъ также принималъ участіе въ кокайскомъ походѣ 1876 года. Въ 1875 году онъ путешествовалъ по Алжиру и Тунису. Свободное отъ занятій время онъ посвящалъ ученымъ изслѣдованіямъ Средней Азіи и литературному труду. Въ теченіе этого времени имъ были написаны слѣдующія сочиненія: «Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности», «Туркестанскія войска и условія ихъ бытовой, походной и боевой жизни», «Рѣка Аму-Дарья — сводъ новѣйшихъ свѣдѣній о басейнѣ этой рѣки», «Средне-азіатская торговля», «Земледѣльческая производительность Средней Азіи», «Городъ Хива въ 1873 году», «Хивинское ханство въ сельско-хозяйственномъ отношеніи», «Путевые очерки отъ Хивы до Казалинска», «Городъ Бухара въ 1870 году», «Путешествіе въ Бухару русской миссіи въ 1870 году», «Поѣздка въ Самаркандъ», «Туркестанскій край» и «Путешествіе по Алжиру и Тунису». Всѣ эти сочиненія пользовались заслуженной славою не только у насъ въ Россіи, но и заграницею. Въ теченіе своей службы въ Туркестанѣ покойный былъ командированъ во время военныхъ дѣйствій въ Бухарѣ членомъ миссіи къ бухарскому эмиру Музаффаръ-хану и въ это время расположилъ въ свою пользу мусульманскихъ властелиновъ Средней Азіи, которые впослѣдствіи относились къ покойному съ особымъ довѣріемъ. Возвратясь въ 1886 г. въ Петербургъ, онъ былъ сначала старшимъ дѣлопроизводителемъ канцеляріи военнаго ученаго комитета Главнаго штаба, затѣмъ съ 19-го февраля 1887 года—завѣдывающимъ азіатскою частью главнаго штаба.

† Въ Вильнѣ покончила жизнь самоубійствомъ посредствомъ отравленія жена вяземскаго городского головы и вмѣстѣ съ тѣмъ городового врача, **Анна Алексѣевна Сорнева**. Она была очень образована и занималась русскою литературою. Въ журналѣ «Русская Мысль» (1881 г.) помѣщена ея повѣсть «Дошутились», затѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ столичныхъ изданіяхъ, также въ мѣстной газетѣ «Смоленскій Вѣстникъ» помѣщено ею нѣсколько небольшихъ разсказовъ и стихотвореній. Литературныя свои произведенія покойная подписывала псевдонимомъ «А. Алексѣева». Что было причиною самоотравленія этой всѣми любимой женщины—понять трудно, хотя она и оставила по себѣ письмо мужу и одной хорошей знакомой.

ИВАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГОНЧАРОВЪ.

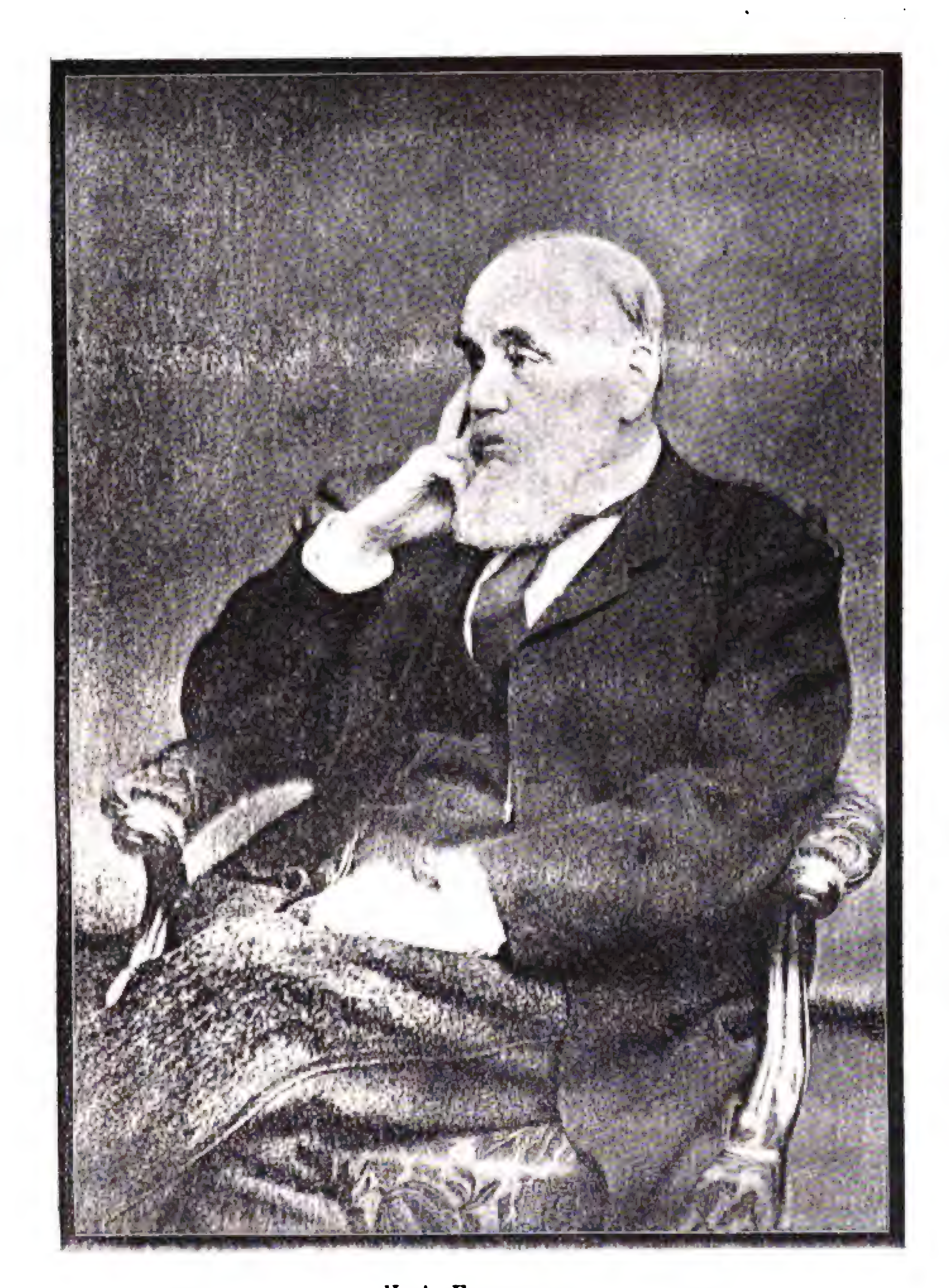
Родился 6-го іюня 1812 года, † 15-го сентября 1891 г.

Октябрская книжка «Историческаго Вѣстника» была уже въ печати, когда вѣсть о кончинѣ нашего высокоталантливаго романиста опечалила все культурное общество. Мы не успѣли въ прошломъ мѣсяцѣ присоединить наши сожалѣнія къ голосу образованнаго міра, пораженнаго такою тяжелою, крупною утратою. О внутреннемъ значеніи писателя мы представили его литературную характеристику въ майской книжкѣ нашего журнала. Намъ остается только сказать о внѣшней жизни, не богатой фактами и давно уже сложившейся въ опредѣленныя формы, изъ которыхъ онъ и вообще никогда не выходилъ.

Сынъ зажиточнаго купца, Иванъ Александровичъ родился въ Симбирскѣ и, на четвертомъ году потерявъ отца, воспитывался подъ вліяніемъ своей матери, священника въ помѣщичьемъ имѣніи за Волгой, и дяди, отставного моряка, возбудившаго въ племянникѣ своими разсказами страсть къ путешествіямъ. Французскому и нѣмецкому языку учился онъ у жены священника, француженкѣ, принявшей православіе, и 12-ти лѣтъ былъ отвезенъ въ Москву, въ среднее учебное заведеніе, откуда въ 1831 году поступилъ въ Московскій университетъ на историко-филологическій факультетъ. Въ слѣдующемъ году напечатанъ Гончаровымъ въ «Телескопѣ» переводъ романа Евгенія Сю «Атаръ Гюль». Въ 1835 году, кончивъ курсъ, онъ поступилъ на службу въ министерство финансовъ переводчикомъ по иностранной перепискѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ молодой человѣкъ занимался и лите-

ратурой, писалъ статьи въ рукописный журналъ живописца Н. А. Майкова и въ 1847 году напечаталъ въ «Современникѣ» «Обыкновенную исторію». Авторъ сразу провозглашенъ былъ первокласнымъ писателемъ. Въ слѣдующемъ году явился въ томъ же журналѣ разсказъ изъ чиновничьяго быта «Иванъ Савичъ Поджабринъ», невключенный авторомъ въ полное собраніе своихъ сочиненій. Въ 1852 г. онъ отправился въ кругосвѣтное плаваніе въ качествѣ секретаря-переводчика при экспедиціи и три года плавалъ на фрегатѣ «Паллада», печатая свои путевыя замѣтки въ журналахъ. Отдѣльною книгою вышли онѣ въ 1858 году. Въ 1856 г. Иванъ Александровичъ занялъ должность цензора и оставался въ ней и по переходѣ цензуры въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ 1857 г. онъ уѣхалъ за границу, гдѣ лѣтомъ въ Карлсбадѣ написанъ «Обломовъ», вторая часть была кончена въ полтора мѣсяца. Романъ явился въ 1858 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ». Имя Гончарова сдѣлалось извѣстно всей Россіи. Въ 1862 г. онъ былъ назначенъ редакторомъ газеты министерства «Сѣверная Почта», въ слѣдующемъ—членомъ совѣта по дѣламъ печати. Черезъ десять лѣтъ послѣ «Обломова» появился въ «Вѣстникѣ Европы» «Обрывъ». Романъ встрѣченъ былъ публикою съ большимъ интересомъ, хотя и не имѣлъ такого успѣха, какъ первыя два произведенія. Съ тѣхъ поръ Гончаровъ не создавалъ уже ничего капитальнаго, хотя въ 1871 году, въ статьѣ «Милліонъ терзаній» явился замѣчательнымъ критикомъ «Горя отъ ума», а въ другихъ мелкихъ отрывкахъ и воспоминаніяхъ, появившихся въ послѣднее время, тѣмъ же тонкимъ, наблюдательнымъ художникомъ и образцовымъ стилистомъ, какимъ былъ въ своихъ романахъ. Гончаровъ, безъ сомнѣнія, не умретъ въ русской литературѣ и, вмѣстѣ съ созданнымъ имъ типомъ Обломова, перейдетъ въ отдаленное потомство. Имя едва ли не послѣдняго представителя пушкинскаго періода въ литературѣ будетъ всегда съ уваженіемъ произноситься писателями сороковыхъ и послѣдующихъ десятилѣтій.

Похороны Гончарова, если не отличались такою торжественностью, какъ послѣднее прощаніе съ Некрасовымъ, Тургеневымъ, Кавелинымъ, Салтыковымъ, привлекли весьма многочисленную публику. 19-го сентября на квартиру писателя, на Моховой, гдѣ онъ жилъ десятки лѣтъ, собрались почитатели покойнаго изъ всѣхъ слоевъ петербургскаго общества и изъ учащейся молодежи. За дубовымъ гробомъ его, направлявшимся въ Александровскую лавру, слѣдовала ко-

И. А. Гончаровъ.

лесница съ цѣлою горою вѣнковъ и шли писатели и ближайшіе знакомые. Вѣнки были отъ литературнаго фонда, отъ академіи наукъ, петербургской городской думы (съ надписью: «великому художнику и мастеру слова»), отъ драматическихъ авторовъ и артистовъ, отъ книгопродавцевъ, студентовъ—медиковъ, воспитанниковъ училища правовѣденія и пр., отъ редакцій: «Вѣстника Европы», «Сѣвернаго Вѣстника», «Новаго Времени», «Недѣли», «Новостей», «Правительственнаго Вѣстника», «Иллюстраціи», «Живописнаго Обозрѣнія», «Петербургской Газеты», «Петербургскаго Листка», «Русскихъ Вѣдомостей» и пр. Къ отпѣванію прибылъ президентъ академіи наукъ великій князь Константинъ Константиновичъ. Рѣчей надъ могилой не произносили.

то снаружи можно было разглядѣть расписанную комнату, въ которой гнѣздились змѣи.

— Вотъ, вздохнулъ онъ, моя избранная обитель, скинія моего раскаянія и наказанія.

Онъ дотащился туда, отшвырнулъ ногой гадовъ и въ теченіе двѣнадцати часовъ оставался распростертымъ на плитѣ, а затѣмъ отправился къ фонтану и напился воды изъ горсти своей руки. Послѣ того онъ набралъ финиковъ и нѣсколько стеблей лотуса, сѣмена котораго съѣлъ. Полагая такой образъ жизни благимъ, онъ ввелъ его въ правило своего существованія. Съ утра и до вечера онъ не поднималъ чела своего съ каменной плиты.

И вотъ, однажды, когда распростертый лежалъ онъ тамъ, онъ услышалъ голосъ, говорившій:

— Посмотри на эти изображенія для своего поученія.

Тогда, поднявъ голову, на стѣнахъ комнаты онъ увидѣлъ живопись, представлявшую веселыя, фривольныя сцены. Это была очень старинная работа, исполненная съ восхитительной тонкостью. Тутъ фигурировали повара, раздувавшіе огонь, такъ что щеки ихъ были совсѣмъ вздуты; другіе ощипывали гусей или жарили куски баранины въ котлахъ. Далѣе охотникъ тащилъ на плечахъ газель, пронзенную стрѣлами. Въ одномъ мѣстѣ крестьяне были заняты посѣвомъ, жатвой, уборкой хлѣба. Въ другомъ—женщины плясали подъ звуки віолъ, флейтъ и арфъ. Одна молодая дѣвушка играла на теорбѣ. Цвѣтокъ лотуса блестѣлъ въ ея туго заплетенныхъ волосахъ. Черезъ прозрачное платье сквозили дѣвственныя формы ея тѣла. Грудь была украшена цвѣтами. Своими прекрасными глазами она смотрѣла прямо въ лицо, изображенное въ профиль. И эта фигура была также безподобна. Пафнутій, оглядѣвъ ее, отвѣтилъ голосу:

— Для чего приказываешь ты мнѣ разглядывать эти изображенія? Конечно, онѣ представляютъ земную жизнь идолопоклонника, тѣло котораго почіетъ подъ моими стопами, въ глубинѣ ямы, въ черномъ базальтовомъ гробѣ. Они напоминаютъ жизнь покойника и, при всей живости своихъ красокъ, суть лишь тѣни какой-то другой тѣни. Жизнь покойнаго! О суета!..

— Онъ умеръ, но онъ жилъ,—возразилъ голосъ,—а ты умрешь не живши.

Съ этого дня Пафнутій не находилъ себѣ ни на минуту покоя. Голосъ обращался къ нему безпрестанно.

Музыкантша на теорбѣ упорно смотрѣла на него своими глазами съ длинными рѣсницами. Въ свою очередь и она заговорила:

— Посмотри: я загадочна и прекрасна. Полюби меня; исчерпай въ моихъ объятіяхъ любовь, которая тебя мучитъ. Какая польза тебѣ страшиться меня? Ты не въ силахъ уйти отъ меня: я красота женщины. Гдѣ надѣешься ты скрыться отъ меня, безумецъ?

Ты найдешь мое изображеніе въ блескѣ цвѣтка и въ граціи пальмъ, въ полетѣ голубки, въ прыжкахъ газелей, въ струистомъ бѣгѣ ручейковъ, въ мягкихъ отблескахъ мѣсяца, а закрывъ глаза, найдешь ее въ себѣ самомъ. Прошло тысячу лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ, покоящійся здѣсь, окруженный листелями, въ черной каменной постели, прижималъ меня къ своему сердцу. Прошло тысячу лѣтъ со времени послѣдняго поцѣлуя, полученнаго имъ съ моихъ устъ, и сонъ его и до сей поры исполненъ еще его ароматомъ. Ты хорошо знаешь меня, Пафнутій. Какъ это ты не распознаъ меня? Я одно изъ безчисленныхъ воплощеній Таисы. Ты монахъ просвѣщенный и очень хорошо познаъ жизнь. Ты путешествовалъ и именно въ путешествіи просвѣщаешься скорѣе всего. Часто одинъ день внѣ дома приноситъ гораздо болѣе знанія, нежели десять лѣтъ сидѣнья дома. Да ты вѣдь и слыхалъ, что Таиса нѣкогда жила въ Арго подъ именемъ Елены. Въ Гекатемпильскихъ Ѳивахъ у нея было иное существованіе. А Ѳивская Таиса, это была я. Какъ ты объ этомъ не догадался? При жизни, я приняла на себя львиную долю грѣховъ міра, а теперь, приведенная здѣсь въ состояніе тѣни, я еще вполнѣ располагаю силами, чтобы взять на себя твои грѣхи, любезный монахъ. Чему ты изумляешься? Это, однако, истина, что повсюду, куда бы ты ни пошелъ, ты снова встрѣтишь Таису.

Онъ бился головой о плиту и кричалъ отъ ужаса. И всякую ночь музыкантша на теорбѣ покидала стѣну, подходила и говорила тоненькимъ голосомъ, смѣшаннымъ съ свѣжимъ дыханьемъ. А такъ какъ онъ противился ея искушеніямъ, она сказала ему слѣдующее:

— Полюби меня; уступи, другъ. До тѣхъ поръ пока ты будешь противиться мнѣ, я буду тебя мучить. Ты не знаешь, что такое терпѣніе мертвой. Если понадобится, я подожду твоей смерти. Владѣя чарами, я съумѣю ввести въ бездыханное тѣло твое духъ, который снова оживитъ его и который не откажетъ мнѣ въ томъ, о чемъ я тщетно просила тебя раньше. Прекрасный отшельникъ мой, поцѣлуй меня.

Для Пафнутія были не безъизвѣстны чудеса совершаемыя колдовствомъ. Въ большомъ безпокойствѣ размышлялъ онъ:

«Быть можетъ, покойный, похороненный у ногъ моихъ, знаетъ слова, начертанныя въ той таинственной книгѣ, которая пребываетъ скрытой недалеко отсюда, въ глубинѣ царской могилы. Силою этихъ словъ мертвецы, принимая снова свою прежнюю земную оболочку, лицезрѣютъ свѣтъ солнца и улыбки женщинъ». Его страшило, что игрица на теорбѣ и покойный могли жить въ связи, какъ живые, и что это произойдетъ на его глазахъ. По временамъ ему казалось, что онъ слышитъ звукъ поцѣлуевъ.

Все смущало его и въ настоящее время онъ столько же боялся думать, какъ и чувствовать.

Однажды, у него было видѣніе. Въ большомъ просвѣтѣ онъ увидѣлъ широкое шоссе, ручейки и сады. По шоссе Аристобулъ и Кереасъ скакали въ галопъ на своихъ сирійскихъ коняхъ, и отъ пріятнаго напряженія ѣзды раскраснѣлись щеки обоихъ молодыхъ людей. Подъ однимъ портикомъ Калликратъ декламировалъ стихи; удовлетворенная гордость заставляла вибрировать его голосъ и горѣла въ его глазахъ. Въ саду Зеноѳемъ собиралъ золотыя яблоки и ласкалъ змѣю съ лазоревыми крыльями. Въ бѣлой одеждѣ, съ блестящей митрой на головѣ, Гермодоръ предавался созерцанію подъ священнымъ персеемъ, на которомъ вмѣсто цвѣтовъ насажены были маленькія головки съ чистымъ профилемъ, съ куафюрой, въ родѣ египетскихъ богинь, изъ ястребовъ и соколовъ или блестящаго диска мѣсяца. Между тѣмъ Никій въ отдаленіи на берегу фонтана по армилярной сферѣ изучалъ стройное движеніе свѣтилъ.

Затѣмъ къ монаху подошла какая-то женщина подъ вуалью, держа въ рукѣ миртовую вѣтвь, и сказала ему:

— Посмотри, одни ищутъ вѣчной красоты и укладываютъ безконечность въ свою кратковременную жизнь. Другіе живутъ себѣ, не заносясь высоко. Но единственно тѣмъ, что дѣлаютъ уступку прекрасной природѣ, они счастливы и прекрасны; и просто отдаваясь жизненному произволу, они прославляютъ Всевышняго Творца вещей, ибо человѣкъ—это прекрасный гимнъ Бога. Всѣ они вѣрятъ, что счастье непорочно и радость дозволительна. Пафнутій, если они дѣйствительно правы, то какимъ же простофилей оказался бы ты!

И видѣніе исчезло.

Такимъ образомъ и тѣлесно и духовно Пафнутій былъ искушаемъ безъ отдыха. Сатана ни на минуту не оставлялъ его въ покоѣ. Уединеніе этой гробницы было населеннѣе распутія большого города. Демоны заявляли себя громкими взрывами хохота; милліоны злотворныхъ геніевъ, богомоловъ, лемуровъ, пародировали тамъ всевозможныя отправленія жизни. По вечерамъ, когда онъ ходилъ къ фонтану, сатиры, сплетенные съ нимфами, плясали вокругъ него и увлекали его въ свой сладострастный хороводъ. Демоны болѣе не боялись его. Они надоѣдали ему насмѣшками, непристойными ругательствами и ударами. Въ нѣкій прекрасный день одинъ діаволъ, не выше руки, стащилъ у него веревку, которою онъ подпоясывалъ свои чресла.

Онъ раздумывалъ:

— «Мысль, куда привела ты меня?»

И онъ рѣшилъ приняться за ручной трудъ, дабы доставить уму своему отдыхъ, въ коемъ онъ такъ нуждался. Около фонтана, въ тѣни пальмъ, росли бананы съ широкими листьями. Онъ срѣзалъ съ нихъ вѣтви и снесъ въ гробницу. Тамъ растеръ онъ ихъ подъ камнемъ и расщепилъ на тонкія волокна, какъ онъ видѣлъ,

дѣлали канатчики, ибо намѣревался свить веревку на мѣсто той, которую діаволъ похитилъ у него. Демоны ощутили при этомъ нѣкоторое неудовольствіе, — они прекратили свою возню, сама игрица на теорбѣ, отрекшись отъ волшебства, осталась спокойною на расписанной стѣнѣ. Неустанно продолжая размозжать бананы, Пафнутій утверждался въ своемъ мужествѣ и вѣрѣ.

Онъ выставлялъ на солнце и на росу расщепленныя волокна, заботливо переворачивая ихъ каждое утро, чтобы не дать имъ загнить и радовался, чувствуя въ себѣ возрожденіе дѣтской простоты. Соткавъ свою веревку, онъ срѣзалъ камышъ для производства рогожъ и корзинъ. Погребальный склепъ походилъ на мастерскую корзинщика, и онъ съ удовольствіемъ переходилъ тутъ отъ труда къ молитвѣ. Но разъ ночью онъ былъ пробужденъ голосомъ, отъ котораго въ ужасѣ похолодѣлъ: онъ отгадалъ, что то былъ голосъ мертвеца.

Слышалась быстрая перекличка, слабый шопотъ:

— Елена! Елена! Иди сюда ко мнѣ! Иди скорѣй!

Женщина, губы которой слегка касались уха монаха, отвѣчала:

— Другъ мой, я не могу встать: меня удерживаетъ мужчина.

Вдругъ Пафнутій замѣтилъ, что щека его покоилась на груди женщины. Онъ узналъ музыкантшу на теорбѣ. Отчаянно сжимая ея тепловатое, надушенное тѣло и, снѣдаемый желаніемъ проклятія, онъ крикнулъ:

— Останься, останься, небо мое!

Но она уже встала и была на порогѣ. Она смѣялась, и лучи мѣсяца серебрили ея улыбку.

— Для чего же оставаться? — проговорила она. — Влюбленному съ такимъ сильнымъ воображеніемъ достаточно одной тѣни отъ тѣни. — Притомъ же ты согрѣшилъ. Чего же тебѣ еще?

Пафнутій проплакалъ всю ночь, и съ разсвѣтомъ излился въ молитвѣ, которая была кротче всякой жалобы.

Но едва кончилъ онъ молитву, которую произносилъ, ломая руки, страшный взрывъ хохота потрясъ стѣны склепа, причемъ голосъ, звучавшій съ верхушки колонны, съ насмѣшкой произнесъ:

— Вотъ молитва, достойная Марка еретика. Пафнутій аріанинъ! Пафнутій аріанинъ! Знай, что твоя Таиса умираетъ!

Пафнутій, пораженный, какъ громомъ, ничего болѣе не видѣлъ и не слышалъ. Единственныя слова наполняли его слухъ: «Таиса умираетъ». Подобной мысли никогда не приходило ему въ голову. Въ теченіе двадцати лѣтъ онъ созерцалъ голову муміи, и вдругъ теперь мысль о томъ, что смерть погаситъ очи Таисы, приводила его въ отчаяніе.

«Таиса умираетъ!». Непонятныя слова! «Таиса умираетъ!». Въ этихъ двухъ словахъ какой ужасный и новый смыслъ! «Таиса умираетъ!» Такъ для чего же тогда солнце, цвѣты, ручейки и все

мірозданіе? «Таиса умираетъ!» Къ чему же тогда вся вселенная? Вдругъ онъ прискакнулъ. Увидѣть ее снова, видѣть ее еще разъ! Онъ бросился бѣжать. Онъ не зналъ ни гдѣ онъ, ни куда идетъ, но инстинктъ велъ его съ полной достовѣрностью,—онъ прямо направлялся къ Нилу. Множество кораблей покрывало высокія воды рѣки. Онъ вскочилъ въ гребное судно, управлявшееся нубійцами, и тамъ, растянувшись на носу, пожирая глазами пространство, плакалъ отъ горя и ярости.

— Безумецъ, безумецъ былъ я, что не воспользовался обладаніемъ Таисы, когда еще было на то время! Безумецъ, что вѣрилъ въ существованіе на землѣ чего-то, помимо нея! О безуміе! Я помышлялъ о спасеніи моей души, о жизни вѣчной, какъ будто это могло имѣть какое-нибудь значеніе послѣ того, какъ я видѣлъ Таису. Какъ это я не почуялъ, что блаженная вѣчность заключалась въ одномъ поцѣлуѣ этой женщины, что внѣ ея жизнь не имѣетъ смысла, и есть ни что иное, какъ дурной сонъ? О глупецъ! Ты видѣлъ ее и послѣ того гнался за благами иного міра. Какая рука покрывала твои глаза? Да будетъ проклятъ тотъ, кто ослѣплялъ тебя въ то время! Цѣною проклятія ты могъ купить одну минуту ея любви, и ты этого не сдѣлалъ! Ты послушался ревниваго голоса, нашептывавшаго тебѣ: «Воздержись». Простофиля, простофиля, жалкій простофиля! О сожалѣніе! О раскаяніе! О отчаяніе! Таиса умираетъ и никогда не будетъ моей, никогда, никогда!

И пока барка направлялась вдоль быстраго теченія, онъ цѣлыми днями, лежа ничкомъ, твердилъ одно и тоже:

— Никогда! никогда! никогда!

Затѣмъ, при мысли, что она отдавалась и отдавалась не ему, а другимъ, что она разлила по міру цѣлыя волны любви, и что онъ не омочилъ въ нихъ своихъ устъ,—онъ вскакивалъ въ ярости и рычалъ отъ горя. Онъ раздиралъ себѣ грудь ногтями и кусалъ руки. Онъ мечталъ:

— Если бы я могъ убить всѣхъ, кого она любила.

Мысль объ этихъ убійствахъ наполнила душу его сладостной яростью. Онъ замышлялъ задушить Никія медленно, не торопясь, заглядывая ему въ самую глубь очей. Затѣмъ вдругъ ярость проходила у него. Онъ плакалъ, рыдалъ, становился слабымъ и кроткимъ. Незнакомая нѣжность смягчала его душу. У него являлось желаніе кинуться на шею другу своего дѣтства и сказать ему: «Никій, я люблю тебя, потому-что ты любилъ ее. Говори мнѣ о ней. Повтори то, что она тебѣ говорила». И поминутно жало этихъ словъ пронзало его сердце: «Таиса умираетъ!.

— Дневной свѣтъ! серебряныя тѣни ночи, звѣзды, небеса, деревья съ трепещущими вершинами, дикіе звѣри, домашнія животныя, томящіяся души человѣчества, неужели вы не слышите: «Таиса умираетъ!» Свѣтила, зефиръ и благоуханія, сокройтесь!

Сгиньте, формы и мысли вселенной! «Таиса умираетъ!..» Она была красой міра, и все, что къ ней приближалось, украшалось отблесками ея прелести. Старикъ этотъ, напримѣръ, и эти мудрецы, сидя рядомъ съ ней на Александрійскомъ банкетѣ, сколь они были любезны! сколь рѣчь ихъ была благозвучна! Рой любезностей порхалъ на ихъ устахъ, и сладострастіе обдавало ароматомъ всякую ихъ мысль. И только потому, что дыханіе Таисы пребывало на нихъ,—все, что̀ они говорили, представляло собой любовь, красоту, истину. Очаровательное нечестіе сообщало прелесть ихъ рѣчамъ. Они легко выражали человѣческій блескъ. Увы! и все это теперь не болѣе, какъ сонъ. Таиса умираетъ! . . . .

. . . .

. . . .

Съ зарей Альбина встрѣтила Антинойскаго монаха на порогѣ келій.

— Ты желанный гость въ нашихъ мирныхъ сѣняхъ, сказала она Пафнутію, ибо, безъ сомнѣнія, ты являешься для того, чтобы благословить ту, которую ты далъ намъ. Тебѣ извѣстно, конечно, что она умираетъ. Я должна вкратцѣ передать тебѣ объ ея поведеніи среди насъ. Она жила общей жизнью съ моими дочерьми, работая и молясь вмѣстѣ съ ними. Она служила для нихъ образцомъ скромности, по своимъ тѣлодвиженіямъ и рѣчамъ, и среди нихъ производила впечатлѣніе статуи стыдливости. Временами она грустила; но облачки эти быстро проходили. Я побудила ее представить передъ нами дѣянія сильныхъ женъ и мудрыхъ дѣвъ. Она изображала Эсѳирь, Девору, Юдиѳь, Марію, сестру Лазаря. Знаю, что строгость твоя возмущается при мысли объ этихъ зрѣлищахъ. Но ты самъ былъ бы тронутъ, еслибы видѣлъ, какъ въ этихъ благочестивыхъ сценахъ она проливала неподдѣльныя слезы, протягивая къ небесамъ свои руки, словно пальмы. Я управляю женщинами очень уже давно и взяла себѣ за правило никогда не противорѣчить ихъ природѣ. Не всѣ сѣмена даютъ одинаковые цвѣты. Не всѣ души освящаются по одному образцу. Надо принять также во вниманіе то обстоятельство, что Таиса отдалась Богу въ то время, когда она была еще прекрасна, а такое самопожертвованіе, если только оно не единственное, во всякомъ случаѣ, очень рѣдкое... Эта красота, природное ея одѣяніе, не покинула ее еще и теперь, послѣ трехъ мѣсяцевъ горячки, отъ которой она умираетъ. Въ виду постояннаго ея желанія, въ теченіе всей ея болѣзни, видѣть небо, каждое утро велю я выносить ее на дворъ, близь колодца, подъ старинную смоковницу, подъ тѣнью которой игуменьи этого монастыря обыкновенно устроиваютъ свои сборища. Ты найдешь ее тамъ. Но поспѣши, ибо сегодня вечеромъ саванъ покроетъ это прекрасное лицо.

Пафнутій послѣдовалъ за Альбиной во дворъ, залитый утрен-

нимъ солнцемъ. Вдоль кирпичныхъ крышъ голубки образовали родъ жемчужной кисти. На постели, подъ тѣнью смоковницы, покоилась Таиса, вся въ бѣломъ, съ скрещенными руками. По бокамъ ея стояли женщины въ покрывалахъ, произнося молитвы агоніи.

Онъ позвалъ ее:

— Таиса!

Она подняла вѣки и повернула бѣлыя яблоки своихъ глазъ въ сторону, откуда шелъ голосъ.

По знаку Альбины, окутанныя покрывалами женщины отступили на нѣсколько шаговъ.

— Таиса! — повторилъ монахъ.

Она подняла голову; легкій вздохъ вырвался изъ ея блѣдныхъ губъ:

— Это ты, отецъ мой?... Помнишь ли ты о водѣ изъ фонтана и финикахъ, которые мы срывали?... Въ этотъ день, отецъ мой, я родилась для любви... для жизни.

Она замолкла и уронила голову на подушку.

На ней лежала печать смерти, холодный потъ агоніи обрамлялъ ея чело. Жалобнымъ голоскомъ своимъ горлица нарушила торжественное молчаніе. Затѣмъ рыданія монаха смѣшались съ псалмопѣніемъ бѣлицъ.

Вдругъ Таиса поднялась на своей постели. Фіолетовые глаза ея широко раскрылись; и съ неземнымъ выраженіемъ во взорахъ, съ руками, протянутыми по направленію отдаленныхъ холмовъ, она яснымъ и твердымъ голосомъ произнесла:

— Вотъ онѣ розы вѣчнаго утра!

Глаза ея горѣли; легкій жаръ окрашивалъ виски. Она оживала, болѣе прелестная, болѣе прекрасная, чѣмъ когда-либо. Пафнутій, колѣнопреклоненный, охватилъ ее своими черными руками.

— Не умирай, — кричалъ онъ дикимъ голосомъ, котораго не узнавалъ самъ. — Я люблю тебя, не умирай! Слушай, моя Таиса. Я обманулъ тебя, я былъ лишь презрѣнный безумецъ. Я люблю тебя, не умирай! Это было бы невозможно, ты слишкомъ дорога мнѣ. Пойдемъ, пойдемъ со мной. Бѣжимъ. Я унесу тебя далеко, далеко въ моихъ объятіяхъ. Пойдемъ, будемъ любить другъ друга. Внемли же мнѣ, о моя возлюбленная, и скажи: «Я буду жить, я хочу жить». Таиса, Таиса, вставай!

Она не слышала его. Зрачки ея блуждали въ безконечности Она бормотала:

— Небо разверзается... Два серафима идутъ ко мнѣ. Они приближаются... какъ они прекрасны!...

У нея вырвался радостный вздохъ, и голова ея безжизненно упала на подушку. Таиса умерла. Сжимая ее въ безнадежномъ объятіи, Пафнутій пожиралъ ее взоромъ, пламенѣвшимъ любовью

Альбина крикнула ему:

— Пошелъ прочь, проклятый!

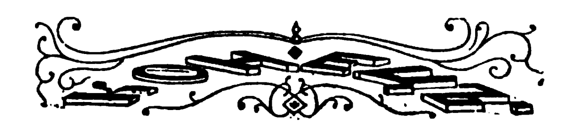
И она нѣжно приложила пальцы свои на вѣки покойницы. Пафнутій, шатаясь, отступилъ съ пылавшими очами, чувствуя, какъ будто земля разверзается подъ нимъ.

Бѣлицы запѣли гимнъ Захаріи.

Но вдругъ голосъ ихъ прервался. Онѣ увидѣли лицо монаха и побѣжали въ ужасѣ, восклицая:

— Вампиръ! вампиръ!

Онъ сталъ такъ гадокъ, что, проведя рукой по своему лицу, самъ почувствовалъ свое безобразіе.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Николая Ивановича Иванова. 2) Александрійская куртизанка (Thaïs). Романъ Анатоля Франса. Изъ первыхъ вѣковъ христіанства. Переводъ съ французскаго. Гл. IV. Молочай. (Окончаніе). 3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени" (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „Новаго Времени", Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа „Историческаго Вѣстника": русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику" прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергѣя Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

 ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ
ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.
ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ
ДЕКАБРЬ, 1891

СОДЕРЖАНІЕ.

ДЕКАБРЬ, 1891 г.

См. слѣд. стр.

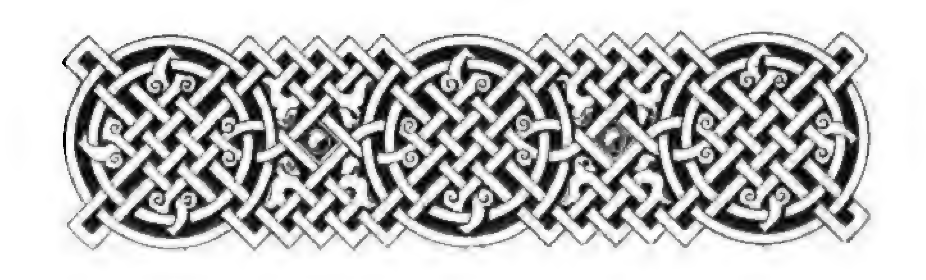

МАРИНА МНИШЕКЪ

Съ картины (находящейся въ Московскомъ Историческомъ музеѣ) писанной въ 1606 году и изображающей короновапіе Марины Мнишекъ въ Москвѣ.

Дозв. ценз. спб., 9 ноября 1891 г.

ТАЛЬЯНСКАЯ ЧЕРТОВКА[1].

Историческая повѣсть.

XVIII.

На поискахъ чертовки.

ЯСНЫЙ, солнечный и морозный денекъ разгорѣлся, разрумянился надъ Нѣмецкою слободою, обливая красноватымъ свѣтомъ опрятные домики, въ струнку вытянутые палисадники и фигурно-подстриженныя деревья, подернутыя пушистымъ слоемъ инея, блиставшимъ милліонами алмазныхъ искорокъ. Тонкія струйки синеватаго дыма поднимались изъ выбѣленныхъ трубъ и, не колеблясь, расходились въ прозрачномъ, словно застывшемъ, воздухѣ. Почтенные бюргеры, опрятно одѣтые, и ихъ супруги и дочки, по праздничному принаряженныя, попарно и чинно расходились по домамъ изъ кирокъ и изъ костела, занимавшаго одну изъ небольшихъ площадей слободы. День былъ воскресный и акуратные нѣмцы, выслушавъ проповѣди своихъ пасторовъ и напитавъ сердца свои тою казенною моралью, которая преподавалась имъ съ церковной каѳедры, спѣшили домой — чтобы наполнить свои желудки «пищею тлѣнною» и освѣжить себя доброю кружкою пива. Можетъ быть, поэтому именно въ толпѣ расходив-

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVI, стр. 289.

шихся изъ кирки прихожанъ и не замѣтно было никакого оживленія: отдѣльныя супружества и семейства, встрѣчаясь, обмѣнивались только краткими и лаконическими «Mo-o-en» и «Wie geht's» — и степенно расходились, направляясь по домамъ. Только у католическаго костела замѣтно было нѣкоторое движеніе: нѣмцы, французы, швейцарцы и итальянцы, составлявшіе паству этого прихода, собрались въ небольшія кучки на паперти и около крыльца костела, и очень оживленно, даже шумно, о чемъ-то толковали между собою, между тѣмъ какъ колоколъ, повѣшенный въ одномъ изъ пролетовъ костельной стѣны и раскачиваемый дюжимъ клерикомъ, безтолково звенѣлъ и дребезжалъ, однообразно болтая языкомъ, и покрывая своимъ звукомъ разноголосую рѣчь толпы.

Вотъ, наконецъ, и глухой старикъ-органистъ вышелъ изъ церкви на паперть, кутаясь въ шубу и жмурясь на солнце. Немного спустя и самъ патеръ Фабьянусъ, сѣденькій, маленькій, худенькій старичокъ, въ широкополой темной шляпѣ и въ темной сутанѣ, поверхъ которой была накинута теплая шуба на лисьемъ мѣху — появился на порогѣ выходной двери съ четками и молитвенникомъ въ рукахъ. Привѣтливо раскланиваясь направо и налѣво со всѣми прихожанами, онъ спустился съ церковнаго крыльца и направился къ своему дому.

Но почтенный патеръ не успѣлъ пройти нѣсколькихъ шаговъ, какъ услышалъ за собою чьи-то тяжелые шаги по снѣгу, и, оглянувшись, увидѣлъ высокаго мужчину въ военной треуголкѣ и темной епанчѣ.

На вопросительный взглядъ почтеннаго патера Фабьянуса, военный приложилъ руку къ треуголкѣ и сказалъ довольно чисто по-польски:

— Я вчера прибылъ изъ Воронежа въ Москву и привезъ вамъ поклонъ отъ того итальянскаго патера, который тамъ при адмиралѣ Змаевичѣ служитъ...

— А! Отъ патера Лауренціо? Какъ же знаю, знаю! — привѣтливо отозвался патеръ Фабьянусъ. — Ну, что? Какъ онъ тамъ поживаетъ?

Незнакомецъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ довольно общими и неопредѣленными фразами, изъ которыхъ патеръ Фабьянусъ немного узналъ новаго о своемъ коллегѣ-итальянцѣ; но за то, вглядываясь въ смуглое и усатое лицо незнакомца, онъ невольно самъ себя спрашивалъ:

— Не странно-ли? Лицо знакомо мнѣ... А между тѣмъ припомнить не могу, гдѣ я его видалъ?

Проницательный взглядъ стараго патера, должно быть, не очень понравился незнакомцу, потому что онъ нахмурилъ брови, нахлобучилъ треуголку на самыя глаза и, плотнѣе закутавшись въ свою епанчу, сказалъ, понизивъ голосъ:

— Мнѣ надо бы поговорить съ вами наединѣ... Здѣсь неудобно... Потому что этотъ патеръ... патеръ Лауренціо просилъ меня при свиданіи съ вами, поразспросить васъ объ одной... женщинѣ... Она ему землячкой, что ли, приходится...

Старичокъ пристально посмотрѣлъ въ лицо офицеру, и затѣмъ сказалъ съ улыбочкой:

— Для патера Лауренціо, моего закадычнаго пріятеля, я готовъ вамъ дать всякія справки... Пожалуйте ко мнѣ... До дома моего—тутъ два шага.

И патеръ Фабьянусъ, поспѣшно перейдя площадь, ввелъ незнакомца въ свою опрятную маленькую квартирку. Здѣсь они сдали свое верхнее платье на руки старухи-ключницы, встрѣтившей патера въ сѣняхъ, и затѣмъ вошли въ пріемную, гдѣ патеръ Фабьянусъ тотчасъ опустился въ кожаное черное кресло около стола и указалъ незнакомцу мѣсто противъ себя на стулѣ.

— Чѣмъ могу служить пану? — спросилъ онъ довольно сухо, продолжая вглядываться въ лицо незнакомца своими рысьими глазками.

— Я хотѣлъ знать... т. е. не я, а патеръ Лауренціо хотѣлъ бы знать,—началъ незнакомецъ, нѣсколько запинаясь и видимо подъискивая слова.

— Господинъ офицеръ говоритъ, что пріѣхалъ изъ Воронежа?— перебилъ его патеръ на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ, довольно лукаво улыбаясь и прищуривая лѣвый глазъ.—А я только теперь припомнилъ, гдѣ я видѣлъ господина офицера: — я видѣлъ его въ домѣ его сіятельства, господина генералъ-губернатора!..

— Ну, коли видѣлъ, такъ и видѣлъ, господинъ патеръ!—отвѣчалъ, не смутившись, офицеръ, также по-русски.—Мнѣ, значитъ, у тебя и скрываться нечего. Я Преображенскаго полка каптенармусъ Лакостовъ и къ твоей милости точно отъ графа Семена Андреевича съ приказомъ присланъ...

И Лакостовъ, сунувъ руку въ боковой карманъ полукафтанья, вынулъ изъ него сложенную бумагу и подалъ ее патеру, который развернулъ ее и быстро пробѣжалъ глазами.

— Его сіятельтельство изволитъ мнѣ приказывать, — спокойно произнесъ патеръ Фабьянусъ, откладывая бумагу на столъ,—чтобы я увѣдомилъ тебя о женѣ князь Михаила Голицына, на которой онъ женился въ Италіи... и здѣсь жилъ потомъ съ нею скрытымъ образомъ?

— Вотъ-вотъ,—подтвердилъ Лакостовъ, готовясь слушать.

— Итальянка — Джуліей ее зовутъ! Какъ мнѣ ее не знать?— въ грустномъ раздумьѣ проговорилъ старый патеръ, перебирая четки и вздыхая.

— Та самая! О ней-то мнѣ бы и нужно было разузнать:—гдѣ

она нынѣ проживаетъ, и на чьемъ коштѣ, и отъ кого пропитаніе имѣетъ?

— Ее давно здѣсь нѣтъ — въ слободѣ. Какъ только князь ее покинулъ—такъ и ей не стало здѣсь житья... Нѣмцы начали опасаться, чтобы она имъ не надѣлала какихъ хлопотъ... Какъ только однажды ночью, въ одеждѣ князя, забрался къ ней какой-то негодяй, который хотѣлъ ее ограбить—такъ тотчасъ нѣмцы переполошились и не захотѣли въ слободѣ ее терпѣть... И очутилась вдругъ, несчастная, на улицѣ, безъ денегъ, безъ хлѣба, всѣмъ чуждая, всѣмъ ненавистная... Живетъ она теперь въ такой нуждѣ, что и подумать страшно! Приходила еще въ Рождество ко мнѣ—въ ногахъ валялась у меня, Христовымъ именемъ просила, чтобы я ей хоть кусокъ хлѣба подалъ... Я далъ ей въ то время семь алтынъ—и отпустилъ ее...

— Да гдѣжъ, и у кого она живетъ? — нетерпѣливо перебилъ старика Лакостовъ.

— Изъ жалости, я нанялъ ей квартирку, за три рубля въ годъ—да, кажется, ее и съ той хозяйка тоже гонитъ...

— За что же такъ? — спросилъ Лакостовъ, пытливо вглядываясь въ лицо патера.

— За что? Повѣрила нелѣпымъ выдумкамъ, будто эта Джулія — колдунья! Колдунья!? А она чуть съ голода не умираетъ... Давно пора бы о ней подумать и спасти ее отъ гибели. А какъ это случилось, что о ней провѣдалъ его сіятельство? На что она ему понадобилась?

Лакостовъ, неожидавшій этого вопроса, нѣсколько опѣшилъ отъ него и отвѣтилъ неохотно:

— Кто ихъ знаетъ? Къ мужу, что ли, хочетъ отослать?

— Къ мужу? Да развѣ онъ живъ? Здѣсь слышно было, что онъ сошелъ съ ума... или умеръ...

— Нѣтъ, онъ... при Дворѣ... на службѣ—и мѣсто какое-то большое занимаетъ,—отвѣчалъ не запинаясь Лакостовъ, видимо стараясь отдѣлаться отъ дальнѣйшихъ разспросовъ. — Жену, должно быть, хочетъ повидать... Такъ гдѣ бишь она живетъ-то?

— Живетъ она въ Старой Басманной, въ домѣ сержантской жены Маріи Полозовой; но ты ее не сыщешь, если я не дамъ тебѣ къ ней провожатаго.

— Скажу спасибо, если дашь... потому мнѣ приказано сыскать ее сегодня, либо завтра, — проговорилъ Лакостовъ, поспѣшно поднимаясь.

Старый патеръ кликнулъ изъ кухни мальчишку лѣтъ двѣнадцати, велѣлъ ему одѣться потеплѣе и сказалъ по-польски:

— Проводишь пана туда, куда ты хлѣбъ носилъ дней пять тому назадъ.

Потомъ, обращаясь къ Лакостову, добавилъ:

— Благословляю тебя на доброе дѣло!.. Спаси несчастную, всѣми покинутую... и не сдѣлай ей никакого зла...

И онъ, кивнувъ головою Лакостову, снова опустился въ кресло у стола и задумался, перебирая четки. А Лакостовъ, отвѣсивъ ему поклонъ, бысто повернулся къ дверямъ, спѣшно накинулъ въ сѣняхъ епанчу, нахлобучилъ на самыя брови треуголку и вышелъ изъ дому патера Фабьянуса съ мальчишкой провожатымъ, видимо довольный тѣмъ, что та загадочная «Тальянская чертовка», которую онъ уже дня три безуспѣшно разыскивалъ въ Москвѣ, теперь была имъ наконецъ отыскана.

Онъ шагалъ такъ быстро по улицамъ слободы, что мальчишка-провожатый еле поспѣвалъ за нимъ бѣгомъ, въ припрыжку...

— Живѣе, братецъ! Ходу прибавь—на пряники получишь! — говорилъ Лакостовъ запыхавшемуся мальчишкѣ, въ видѣ ободренія.—Живѣе—тутъ насъ подъ слободой извозчикъ ждетъ...

Но на выѣздѣ изъ слободы оказался не одинъ извозчикъ, а еще и четыре конныхъ драгуна. Лакостовъ быстро взялъ мальчишку въ охапку, усадилъ его на извозчика, и самъ сѣлъ съ нимъ рядомъ; а потомъ, обращаясь къ драгунамъ, сказалъ въ полголоса:

— Двое слѣдуйте за нами поодаль и гдѣ мы выйдемъ, тамъ станьте у воротъ — и чтобы муха изъ нихъ не вылетѣла... Слышите?

— Слушаемъ!—отвѣчали усачи.

— А тѣ двое пусть скачутъ прямо къ губернатору на дворъ и тамъ прикажутъ заложить покоевой возокъ, что на конюшенномъ дворѣ стоитъ... Да чтобы мигомъ, во весь махъ, на уголъ Старой Басманной и Кожанаго переулка пріѣхали — оба съ коляской пріѣзжайте, и ждите моего приказа!..

— Слушаемъ!—отвѣчали драгуны, и, тронувъ коней, прорысили мимо дрожекъ, бряцая удилами и оружіемъ.

— Ну, теперь съ Богомъ!—крикнулъ Лакостовъ извозчику. — На Старую Басманную!

И въ то же время самъ подумалъ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ:

— Теперь ужъ не уйдетъ! Спасибо этому попу... Кабы не онъ, пожалуй, и не найти бы было чертовки этой—а приказано сыскать, гдѣ хочешь, хошь на днѣ морскомъ!

XIX.

Нѣкая посылка отправлена.

Сержантская жена Марья Половова была баба не промахъ. Мужъ ея, сержантъ Андрей Половозъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ безъ вѣсти пропалъ, а она жила себѣ припѣваючи... Отъ ма-

тери, торговавшей на базарѣ старымъ тряпьемъ, ей досталось на Старой Басманной огородное мѣсто съ дворомъ и всякимъ полуразвалившимся строеніемъ; часть строенія выходила и на улицу въ видѣ длиннаго, предлиннаго флигеля, покосившагося на одну сторону, подпертаго въ трехъ-четырехъ мѣстахъ толстыми кольями, почернѣвшаго отъ времени и непогодъ и проросшаго бархатисто-зелеными прослойками моха во всю длину драницъ, которыми была покрыта крыша этого якобы жилого зданія. Очистивъ себѣ въ углу двора небольшую площадочку, поближе къ воротамъ, счастливая наслѣдница этого дома, двора и огорода, выстроила себѣ нѣчто въ родѣ не то избушки, не то сторожки, около самыхъ воротъ и поселилась въ ней на жительство; а ветхій флигель стала отдавать въ наймы «фатѐрами», т. е. комнатами, и «углами» разному уличному сброду, преимущественно питавшемуся Христовымъ именемъ. Благодаря такому составу жильцовъ, домъ Маріи Полозовой не требовалъ никакой починки и ремонта, и всегда былъ биткомъ набитъ жильцами, которые очень акуратно вносили домохозяйкѣ плату (въ сущности очень дорогую) за право проводить ночь въ Полозовскомъ притонѣ, въ которомъ и крыша протекала, и въ углы, и въ окна дуло, какъ изъ пропасти... Въ результѣтѣ оказалось, что Марья Полозова получала со своей руины отличный доходъ, который она еще увеличивала тѣмъ, что содержала въ своей сторожкѣ нѣчто въ родѣ лавченки для своихъ жильцовъ. Въ этой лавчонкѣ всякая съѣдобная дрянь продавалась для всѣхъ жильцовъ въ кредитъ, въ три-дорога; кредитъ былъ открытъ, правда, самый широкій, но при помощи этого кредита домохозяйка держала всѣхъ своихъ жильцовъ не только въ стражайшемъ повиновеніи, а даже въ подчиненіи и страхѣ.

— Ты это что выдумалъ—мнѣ денегъ не отдавать? — говаривала неоднажды Полозиха (такъ звали свою домохозяйку жильцы Полозовскаго притона) которому-нибудь изъ своихъ жильцовъ.—Винище покупаешь, пьянъ напиваешься и табакъ пьешь — а мнѣ отдать нечѣмъ?!..

— Виноватъ, матушка Марья Өедоровна! — говорилъ провинившійся жилецъ, снявъ шапку и кланяясь ей въ поясъ.—Какъ раздобудусь—такъ всѣ тебѣ отдамъ.

— Я твоей раздобывки ждать не стану, а прикажу тебя твоимъ же христарадникамъ раздѣть, разуть—да нагишомъ на морозъ и выгоню... Будешь меня помнить!

И страшная угроза дѣйствовала. Христарадники сбирали между собою, съ міру по ниткѣ, и выкупали сотоварища изъ бѣды, до новаго окрика и острастки.

Но въ послѣднее время жильцы Полозихи были сильно вооружены противъ нея и не упускали случая къ тому, чтобы высказывать ей на каждомъ шагу свое неудовольствіе. Дѣло въ томъ,

что нѣсколько мѣсяцевъ назадъ Половиха пріютила у себя на огородѣ какую-то нищую, которой отдала въ наемъ развалившуюся пустую баню за три рубля въ годъ. Баня была такимъ страшнымъ вертепомъ, что никто изъ жильцовъ Половихина дома и даромъ не рѣшился бы въ ней поселиться; но когда нашлась жилица для этой пустой, давно заброшенной бани, то всѣмъ жильцамъ и кредиторамъ Половихи показалось, что за три рубля въ годъ въ ней «даже и очень жить можно».

— И вѣдь нашла кого пріютить?. Диви бы русскую — свой своему поневолѣ другъ! А то иноземку, да еще какую! Отъ которой и иноземцы-то отказались...

— Полно врать! Кто сказалъ: отказались? За ея фатеру католицкій попъ изъ Нѣмецкой слободы и деньги-то платитъ!

— А почему платитъ? Потому она ему была полюбовницей — а въ слободѣ ему нѣмцы при себѣ полюбовницу держать не дозволили. Вотъ оно что!

— Эхъ, братъ! Слыхалъ, что звонъ, а не знаешь—гдѣ онъ! Не за то ее изъ слободы нѣмцы выжили, что съ попомъ блудно жила, а за то, что колдовствомъ промышляла...

— Колдовствомъ? Что же она гадала—что ли?

— И гадала, и порчу напущала... Родомъ-то она изъ Тальянской земли, а въ ихъ землѣ, что ни баба, то вѣдьма! Ее и въ слободѣ-то, сказываютъ, все «тальянской чертовкой» звали...

— Такъ чего же Половиха-то смотритъ? Чего она ее сюда пустила? Сомутительницу-то?

— Вотъ то-то и оно! А на нее посмотри—сейчасъ видать, что за птица! Черна, словно въ смолѣ кипѣла, волосища—копна копной, словно змѣи... А глаза-то! глаза-то! Какъ уголь горятъ!

На бѣду новой жилицѣ, вскорѣ послѣ ея поселенія въ банѣ на Половосскомъ огородѣ, на весь Половихинъ притонъ обрушилась какая-то «лихая болѣсть»... Одна изъ такихъ эпидемій, которыя такъ охотно ютятся среди бѣдноты и грязи, вдругъ налетѣла на жалкихъ обитателей всѣхъ этихъ «фатѣръ» и «угловъ» ветхаго, полуразваленнаго флигеля и пожала обильную жатву смерти и страданій... Переболѣли всѣ, умерло въ теченіе мѣсяца трое-четверо взрослыхъ и нѣсколько человѣкъ дѣтей...

— Вотъ ты какъ насъ со своей новой жиличкой подвела! — заворчали на Половиху въ одинъ голосъ всѣ ея жильцы.—Мало тебѣ того, что ты съ насъ, съ нищей братіи, наживаешь! Захотѣлось еще и съ чорта барышекъ взять—чертовку къ себѣ въ баню пустила! А?

— Вотъ-вотъ! Говорили — а теперь и на, поди! Полюбуйся — каково она насъ всѣхъ перепятнала! Отъ нея на насъ порчу понесло! Потому чертовка она!

— Да полно врать! — пробовала окрикивать бѣдноту грозная

Половиха. — Будь она чертовка либо колдунья — такъ ли бы она жила? Вонъ Прошиха, что въ Бронной живетъ — на бобахъ гадаетъ—посмотри, какая гладкая да сытая! И Карпушиха тоже... А эта смотри-ка, дня по два безъ хлѣба ино время сидитъ!

Но жильцы твердили свое, и стали выбираться изъ своей руины; а «чертовка», забытая и покинутая всѣми, задолжала въ лавчонку болѣе рубля и не взносила третьяго рубля за квартиру... Половиха поколебалась: изъ-за «чертовки» не стоило ссориться съ жильцами, и она пригрозила ей какъ-то утромъ:

— Ступай къ своему попу, проси, чтобы за квартиру третій рубль доплатилъ, да на пропитанье бы тебѣ далъ... А то убирайся отъ меня! Держать тебя мнѣ не рука! Изъ-за тебя другіе хорошіе жильцы у меня съѣзжаютъ!

Несчастная бродила гдѣ-то цѣлый день, слоняясь по Москвѣ, и всѣмъ протягивала руку изъ-подъ своихъ лохмотьевъ, но вернулась домой съ какими-то жалкими грошами, которые и передала изъ рукъ въ руки Половихѣ. Та приняла гроши и сунула ихъ въ кошель подъ фартукомъ, но раскричалась на «чертовку»:

— Убирайся отъ меня, безпрокая дура! Куда ты годна, коли и прокормить себя не можешь! Убирайся:—чтобы завтра утромъ здѣсь и духу твоего не было!

— Куда я пойду? Мнѣ некуда идти! — отвѣчала несчастная, поникнувъ головою.

— А хошь въ прорубь! Не уйдешь завтра—окна и двери въ твоей фатерѣ выставить велю: все одно, подохнешь, какъ собака!

На другой день, страшная угроза была приведена въ исполненіе. Пять молодцовъ изъ Половихиныхъ постояльцевъ направились, по приказу хозяйки, на огородъ, высадили въ банѣ оконную раму, сняли двѣ двери съ петель и съ хохотомъ поволокли свою добычу къ хозяйской сторожкѣ.

— Вотъ такъ! Вотъ и ладно!—одобряли всѣ остальные обыватели притона, высыпавшіе на дворъ изъ своихъ логовищъ. — Добромъ не уйдетъ, такъ мы ее, какъ таракана выморозимъ... Ха! ха! ха!

И вся эта голь перекатная разбрѣлась на свой промыселъ, очень довольная собою, словно доброе дѣло сдѣлала.

Но каково же было изумленіе Половихи, когда часу во второмъ пополудни она заслышала топотъ на улицѣ около своихъ воротъ и, выглянувъ изъ окошечка своей сторожки, увидѣла, что къ воротамъ подъѣхалъ извозчикъ, изъ котораго выпрыгнулъ какой-то военный въ треуголкѣ и въ епанчѣ, и мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, въ бараньей шубѣ и въ теплой шапкѣ съ ушами.

— Вотъ здѣсь! Навѣрно здѣсь!—сказалъ мальчикъ, входя вмѣстѣ съ военнымъ во дворъ Половскаго притона черезъ полуотворенныя ворота.

— Кого вамъ надо? — недовольнымъ тономъ опросила хозяйка незванныхъ гостей, пріотворяя дверь сторожки съ нѣкоторою тревогою.

— Ты, что ли, хозяйка?—спросилъ Половиху военный.

— Вѣстимо, я, — съ большимъ достоинствомъ отвѣчала Половиха.

— Ну, такъ веди меня, показывай! Гдѣ тутъ живетъ у тебя иноземка, изъ Тальянской земли, что прежде въ Нѣмецкой слободѣ жила?

У Половихи сердце такъ и ёкнуло. Она попробовала было отдѣлаться незнаніемъ...

— Какая иноземка? Знать не знаю, и вѣдать не вѣдаю! И не бывала у меня....

— Здѣсь, здѣсь она! На огородѣ, въ избушкѣ!—заговорилъ мальчикъ, указывая Лакостову на узкій проходъ между развалившимися службами.—Я проведу...

— Такъ что же это ты, чортова ступа! Укрывать вздумала? А!—грозно крикнулъ Лакостовъ.

— Я тебѣ не ступа, а сержантская жена,—попробовала огрызнуться Половиха.

Но Лакостовъ схватилъ ее за плечо и тряхнулъ такъ энергично, что Половиха еле на ногахъ устояла...

— Знай съ кѣмъ говоришь! — проговорилъ онъ грозно, наклоняясь къ ней и поднося весьма внушительныхъ размѣровъ кулакъ къ самому носу оторопѣвшей Половихи. — Я отъ генералъ-губернатора, отъ его сіятельства присланъ; а за угломъ у меня и команда... Только гукну—твою лачугу по бревну растащатъ...

— Отецъ родной, прости дуру-бабу! Не знала—не вѣдала!—взмолилась Половиха, низко кланяясь. — Есть, есть — точно, что есть какая-то чертовка, должно быть и точно иноземка?.. Тамъ, на огородѣ, въ баенкѣ...

Лакостовъ выглянулъ за ворота, махнулъ кому-то рукой и крикнулъ:

— Здѣсь станьте! И никого отсюда не выпускать!

Потомъ обратился къ Половихѣ и сказалъ:

— Веди! Указывай дорогу!

Еле-живая отъ страха, хозяйка побѣжала впередъ, вывела Лакостова и мальчика на огородъ, покрытый слоемъ снѣга, изъ-подъ котораго торчали почернѣвшія кочерыжки и стебли бурьяна и крапивы.

— Вотъ, батюшка, и баенка! — сказала она, боязливо оглядываясь на Лакостова, и указывая ему пальцемъ на какое-то подобіе избушки, до половины вросшей въ землю и открытой всѣмъ вѣтрамъ и морозу.

Лакостовъ не повѣрилъ указанію Половихи.

— Что ты врешь! Развѣ это жилье!—воскликнулъ онъ съ невольнымъ содроганіемъ.—Да тутъ собаки добрый хозяинъ не помѣститъ! Ни оконъ, ни дверей...

— Сегодня, батюшка, ей-ей, сегодня только озорники какіе-то высадили,—старалась оправдаться хозяйка.

— Ну, ладно! Послѣ я велю тебя своей командѣ въ этой банѣ по-свойски выпарить... А теперь ступай въ свою избу, запрись въ ней, и носу высунуть не смѣй, пока не прикажу.

Полозиха мигомъ юркнула въ сторону и скрылась между строеніями; а Лакостовъ съ мальчикомъ направился къ банѣ.

Согнувшись въ три погибели, онъ вошелъ въ бывшій передбанникъ, оглядѣлъ въ немъ всѣ углы, потомъ перешагнулъ черезъ высокій порогъ въ смежное полутемное помѣщеніе и сталъ вглядываться въ темную впадину,—на полкѣ, прилаженномъ къ полуразсыпавшейся каменкѣ.

— Вонъ, вонъ! Она тамъ,—прошепталъ мальчикъ, боязливо хватаясь за епанчу Лакостова и указывая пальцемъ на какую-то темную груду, которая копошилась на полкѣ.

— Кто тутъ живъ человѣкъ — отзовися! — проговорилъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ Лакостовъ.

Темная груда зашевелилась, и изъ нея вдругъ поднялась въ полумракѣ голова какого-то живого существа съ копною всклоченныхъ волосъ, которые темными, длинными космами опускались во всѣ стороны, почти прикрывая страшно-исхудалое лицо, изможженное страданіями. Это лицо, съ широ-раскрытыми, огромными глазами смотрѣло на Лакостова, молча и не разжимая устъ...

Лакостовъ невольно попятился къ дверямъ.

— Съ нами крестная сила!—пробормоталъ онъ, крестясь подъ епанчей.

— Ты ли, иноземка изъ Тальянской земли, князя Михаила Голицына жена? — почти крикнулъ онъ, стараясь себѣ придать бодрости.

— Я жена... князя... Голицына, — чуть слышно проговорила несчастная глухимъ, замирающимъ голосомъ.—Я—мать сына его... Ивана,—добавила она, минуту спустя.

— Я къ тебѣ присланъ,--сказалъ Лакостовъ, оправившись отъ тягостнаго впечатлѣнія.—И ты не пугайся...

— О! Если ты... самъ дьяволъ... все равно!—вдругъ завопила Джулія, въ невыразимомъ порывѣ отчаянія.—Дай мнѣ ѣсть—ѣсть дай мнѣ! Я два дня не ѣла!

И она до половины вылѣзла изъ-подъ грязной кучи лохмотьевъ, дрожа отъ холода и ломая руки.

— Сейчасъ тебя накормимъ и согрѣемъ,—сказалъ Лакостовъ.—Я за тобою... отъ начальства присланъ:.. въ Питеръ тебя везти—къ мужу...

— Къ мужу?.. Онъ живъ... Онъ не забылъ меня?—проговорила Джулія, съ трудомъ сползая съ полкà и падая на колѣни передъ Лакостовымъ...—О! спаси... спаси меня! Я умираю отъ голода...

Лакостовъ распорядился по-военному. Мигомъ сбѣгалъ въ сторожку, схватилъ со стола у Полозихи краюшку ржаного хлѣба и чашку горячихъ щей, за которыя она только-что сбиралась приняться, послалъ все это въ баню, съ мальчикомъ, а самъ приказалъ подвезти къ воротамъ крытый возокъ, запряженный тройкой почтовыхъ коней, спѣшилъ двоихъ драгунъ и приказалъ имъ за собою слѣдовать.

Когда несчастная княгиня съ жадною поспѣшностью опорожнила чашку со щами, и принялась съ наслажденіемъ доѣдать краюху хлѣба, Лакостовъ приказалъ драгунамъ забрать ея лохмотья съ полкà, окуталъ ее рванымъ овчиннымъ полушубкомъ, который служилъ ей изголовьемъ, и сказалъ:

— Ну, княгинюшка—поѣдемъ! Намъ пора!

Джулія, дико озираясь и не произнося ни слова, двинулась изъ бани, поддерживаемая подъ руки драгунами... Она шаталась на ходу, какъ пьяная... Къ тому, что̀ ожидало ее, она относилась съ полнѣйшимъ равнодушіемъ... Она боялась только, что эти солдаты отнимутъ у нея завѣтную краюшку—и крѣпко прижимала ее къ своей исхудалой груди.

Когда они поровнялись со сторожкой, Лакостовъ увидѣлъ Полозиху, которая, пріотворивъ легонько дверь, выглядывала изъ-за нея съ опасливымъ любопытствомъ. Онъ погрозилъ ей кулакомъ и крикнулъ:

— Ну, чортова ступа — припомнишь ты меня! Еще разочекъ заверну къ тебѣ: — ты такъ и знай, что баня для тебя за мной не пропадетъ!

Затѣмъ, выйдя за ворота, онъ бережно усадилъ Джулію въ возокъ, далъ мальчишкѣ пять алтынъ на пряники и приказалъ извозчику отвезти его въ Нѣмецкую слободу, къ католицкому попу; а самъ сѣлъ на козлы, рядомъ съ ямщикомъ, проговоривъ въ полголоса:

— Пошелъ!

Возокъ заскрипѣлъ полозьями по снѣгу и, переваливаясь по по ухабамъ, покатился впередъ. О-бокъ его, мелкой рысцой, потрусили и четыре драгуна.

Въ тотъ же день, съ особымъ нарочнымъ, послано было Салтыковымъ въ Петербургъ къ его свѣтлости герцогу Бирону доношеніе, въ которомъ значилось, что «изъ Москвы, къ ея императорскому величеству, всемилостивѣйшей государынѣ, отправлена нѣкоторая посылка, почтою, съ солдатомъ лейбъ-гвардіи Измай-

ловскаго полка, Иваномъ Раевскимъ, и оному приказано, какъ скоро въ Петербургъ пріѣдетъ, явить ту посылку генералу и кавалеру г. Ушакову тайнымъ образомъ...»

XX.

Очная ставка.

Въ сѣверо-восточномъ углу петербургской Петропавловской крѣпости, около самой стѣны одного изъ бастіоновъ, стоялъ небольшой, укромный домикъ, подъ черепичною крышею, вымазанный казенною желтою краскою. Домикъ былъ въ два жилья, или какъ теперь принято говорить, въ два этажа, и десяткомъ небольшихъ, узенькихъ оконъ смотрѣлъ на улицу. Окна нижняго жилья были всегда плотно закрыты желѣзными ставнями; окна верхняго жилья—прикрыты толстыми и крѣпкими желѣзными рѣшотками. Входъ въ верхнее и нижнее жилье этого дома былъ изъ-подъ воротъ, всегда на-глухо припертыхъ толстыми и тяжелыми дубовыми створами, съ наружной стороны обитыми желѣзомъ. Съ обѣихъ сторонъ, къ дому примыкали высокія и толстыя каменныя стѣны, которыя огибали обширный дворъ, расположенный позади домика; изъ-за этой стѣны до половины выглядывали кровли какихъ-то низенькихъ зданій, которыми дворъ былъ застроенъ. По обѣ стороны воротъ поставлены были будки для часовыхъ, которые тяжелыми и мѣрными шагами ходили взадъ и впередъ по мосткамъ мимо дома, держа ружье на плечѣ и изрѣдка позѣвывая въ руку. Надписи на этомъ домѣ не было никакой, и, по внѣшнему виду, его нетрудно было принять за какой-нибудь казенный складъ или магазинъ; но во всемъ Петербургѣ отлично было извѣстно, что въ этомъ домѣ помѣщается страшная Тайная Канцелярія, находящаяся въ вѣдѣніи не менѣе страшнаго генералъ-маіора и кавалера Андрея Ивановича Ушакова.

Днемъ укромный домикъ Тайной Канцеляріи смотрѣлъ сумрачно и молчаливо; ворота его никогда и ни для кого не отпирались; въ окнахъ никого не было видно; на дворѣ не слышно было ни шума, ни движенія; рѣдкіе и немногіе посѣтители этого дома, прежде чѣмъ войти въ него, долго переговаривались черезъ небольшое окошко въ воротахъ съ какимъ-то внутреннимъ стражемъ и затѣмъ незамѣтно проскальзывали въ пріотворенную имъ калитку. Но зато ночью случалось, что этотъ страшный домъ вдругъ оживалъ... Сквозь щели притворенныхъ ставень нижняго жилья виденъ былъ яркій свѣтъ; за рѣшотками оконъ въ верхнемъ жильѣ по спущеннымъ темнымъ занавѣсамъ мелькали тѣни суетливо и быстро перебѣгавшихъ людей; въ широко-раскрытыя ворота часто въѣзжали плотно-прикрытыя покоевыя коляски или возки, изъ ко-

торыхъ бережно высаживались и сдавались на руки мѣстной канцелярской командѣ тайные арестанты, иногда безслѣдно пропадавшіе подъ тяжкими сводами казематовъ Тайной Канцеляріи. Нерѣдко случалось даже, что до ушей часовыхъ, шагавшихъ около воротъ, доносились откуда-то издалека, со двора Тайной Канцеляріи, крики и стоны несчастныхъ, которыхъ суровый Ушаковъ «училъ по-своему» или «допрашивалъ съ пристрастіемъ»...

— О-охъ, не дай-то Богъ сюда попасть! — говаривали обыкновенно тѣ рѣдкіе прохожіе, которымъ случалось иногда проходить мимо укромнаго домика. — Сюда попадешь—такъ и пропадешь!— добавляли они, украдкою и боязливо поглядывая на толстыя рѣшотки и желѣзныя ставни Тайной Канцеляріи.

Сюда-то, въ этотъ укромный и для всѣхъ страшный домикъ, два или три дня назадъ, привезена была изъ Москвы Джулія и тайно явлена генералъ-маіору Андрею Ивановичу Ушакову, который, послѣ краткаго предварительнаго допроса, выдалъ капралу, привезшему въ Петербургъ «Тальянскую чертовку», особую бумагу въ томъ, что «нѣкая посылка въ Тайной Канцеляріи получена».

Выдавъ эту росписку и отдавъ приказъ объ отводѣ «чертовки» въ одну изъ секретныхъ камеръ, умный и осторожный Андрей Ивановичъ задумался. Онъ не былъ никѣмъ предупрежденъ о привозѣ этой новой арестантки, не зналъ поводовъ къ ея арестованію и не совсѣмъ понималъ, почему именно это арестованіе и перевозка были сопряжены съ такою чрезвычайною таинственностью? Написавъ его высокогерцогской свѣтлости докладъ о прибытіи въ Тайную Канцелярію «секретной посылки»; Андрей Ивановичъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы уяснить себѣ намѣренія императрицы относительно Джуліи. Съ этою цѣлью онъ позвалъ къ себѣ Осипова на тайную бесѣду и сдѣлалъ распоряженіе о приводѣ князя Михаила Голицына на слѣдующее утро въ Тайную Канцелярію, для очной ставки съ Джуліей.

Осиповъ тотчасъ явился къ страшному начальнику Тайной Канцеляріи и, самъ того не вѣдая, доставилъ ему всѣ необходимыя свѣдѣнія о положеніи князя-шута при дворѣ:

— Совсѣмъ было государыня-матушка его на Бужаниновой, на нашей, просватала—и ужъ насчетъ машкарадной свадьбы распоряженье было написано... Татищеву приказала смѣту сдѣлать и къ его прожекту очень благоволить изволила; а Артемью Петровичу приказала заказать на сей случай господину Тредьяковскому приличныя вирши... И вдругъ... этто... онъ и проврись: такъ и такъ молъ—женатъ!

— На комъ женатъ-то?—спросилъ Андрей Ивановичъ, весьма естественно прикидываясь ничего не знающимъ.

— А кто его знаетъ? на тальянкѣ, говоритъ, какой-то?

— Да гдѣ же она у него схоронена? — переспросилъ Андрей Ивановичъ, внимательно. вглядываясь въ лицо Осипова.

— Говорятъ, будто въ Москвѣ... въ Нѣмецкой слободѣ живетъ... У насъ и слухъ прошелъ, что тамъ приказано порыться, сыскать ее и сюда, что ли, доставить...

— Хм! Для чего же? Не слыхалъ ли? Подшутить съ нимъ хочетъ, что ли, государыня?

— Нѣтъ... не похоже на шутку... Гнѣваться изволила... И Бужанинова-то тоже ей докучаетъ... Если бы эта тальянка здѣсь подъ рукой была — несдобровать бы ей... Мы такъ всѣ и меркаемъ...

— Хм! — проворчалъ Андрей Ивановичъ и, не обмолвясь ни словечкомъ, отпустилъ Осипова во-свояси.

На другой день Ушаковымъ былъ полученъ, въ отвѣтъ на его докладъ, такой ордеръ отъ его высокогерцогской свѣтлости:

«Ея императорскому величеству благоугодно было приказать вашему превосходительству строжайше разыскать объ оной обманщицѣ, именующей себя законною женою князя Квасина; а буде на очной ставкѣ онъ ее своей женою не признаетъ—немедля сдѣлать распоряженіе о высылкѣ оной обманщицы за предѣлы Россійской имперіи, съ тѣмъ, чтобы и впредь возвращаться не дерзала...»

— Хм! — проговорилъ Андрей Ивановичъ, уже успѣвшій составить себѣ полное представленіе о томъ, что ему надлежало предпринять. Онъ положилъ ордеръ на столъ передъ собою и захлопалъ въ ладоши.

Дверь кабинета пріотворилась и высокій, сухощавый и плѣшивый старикъ-капралъ, извѣстный по прозванію «Лебяжья Шея»—показался на порогѣ.

— Что милости твоей угодно будетъ?—спросилъ онъ довольно развязно у своего начальника, который удостоивалъ его полнаго довѣрія, потому что ужъ много лѣтъ сряду (со времени суда надъ несчастнымъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ) выказывалъ изумительную исполнительность и смётку въ той страшной работѣ, которую постоянно вершилъ Андрей Ивановичъ.

— Завтра въ малой канцелярской каморѣ все приготовить къ допросу тальянки, что изъ Москвы привезена... И ширму около боковыхъ дверей поставь; и какъ только крикну тебѣ: эй, кто тамъ? такъ тотчасъ введешь шута Голицына, за которымъ пошлешь сегодня повозку во дворецъ.

— А батожья, либо розочекъ, заготовить не прикажешь ли?— спросилъ Лебяжья Шея, прищуривая свои злые каріе глазки.

— Когда прикажу—такъ и приготовишь, а теперь—не забѣгай впередъ!—рѣзко добавилъ Ушаковъ, и указалъ ему на дверь.

На другое утро, рано застучали затворы дверей въ секретной каморѣ, въ которую посажена была Джулія, и Лебяжья Шея явился на порогѣ.

— Пожалуй-ка, матушка княгиня, за мною, къ его превосходительству,—сказалъ онъ весьма привѣтливо.

Джулія, послѣ страшныхъ терзаній московской жизни, относилась къ своему нынѣшнему положенію совершенно равнодушно. Она поднялась съ жесткой постели, прикрытой овчиннымъ одѣяломъ, кое-какъ оправила свои лохмотья, подобрала свои безпорядочно-растрепанныя косы, намотавъ ихъ около затылка, и послѣдовала за Лебяжьей Шеей, даже не спросивъ его, куда ее ведутъ?

Послѣ разныхъ переходовъ по темнымъ и сырымъ коридорамъ, тускло освѣщенныхъ жирниками, прикрѣпленными къ стѣнамъ, послѣ двухъ или трехъ подъемовъ по какимъ-то крутымъ и скользкимъ лѣстницамъ, старый капралъ подвелъ Джулію къ двери, окованной желѣзомъ, отодвинулъ засовъ, другой, брякнулъ какою-то цѣпью, и потянулъ дверь къ себѣ. Тяжелая дверь заскрипѣла на петляхъ и медленно отворилась передъ Джуліей, которая должна была зажмурить и прикрыть на мгновеніе глаза рукою: такъ больно билъ ей въ глаза свѣтъ изъ трехъ большихъ оконъ, расположенныхъ въ стѣнѣ прямо противъ двери.

Когда она открыла глаза и окинула быстрымъ взглядомъ комнату, то увидѣла около себя четыре сѣрыя и голыя стѣны, тяжелый сводъ надъ головою, дверь направо и другую дверь налѣво, прикрытую ширмой. Сквозь рѣшотчатыя окна видно было только сѣрое небо и обнаженныя вершины какихъ-то деревьевъ. Около оконъ стоялъ столъ, покрытый темнымъ сукномъ, и два кресла; около двери, направо, простая деревянная скамья, какія-то доски и ящики, прикрытые грязнымъ рядномъ; а надъ скамьею толстый крюкъ, къ которому привязана была веревка съ петлями и рычагомъ, пропущенная въ кольцо, вбитое въ сводъ потолка. Незнакомая съ порядками Тайной Канцеляріи, Джулія окинула всѣ эти подробности сводчатой комнаты весьма равнодушнымъ взглядомъ...

— Постой здѣсь, голубка! — сказалъ ей старый капралъ. — А я пойду и доложу о тебѣ его превосходительству.

Минуту спустя, за ширмою налѣво послышались чьи-то шаги, а потомъ нѣсколько словъ, сказанныхъ въ полголоса и въ «малую канцелярскую камору» вошли два человѣка: одинъ, пожилой, полный мужчина, съ просѣдью въ темныхъ волосахъ, съ прозрачно-желтымъ, одутловатымъ лицомъ и темно-карими глазами; другой — маленькій, худенькій, сѣденькій старичокъ, съ крючковатымъ, острымъ носикомъ и румяными щечками. На обоихъ были темныя, форменныя полукафтанья, съ свѣтлыми пуговицами; у обоихъ пачки бумагъ подъ мышкою. Сѣденькій, юркій старичокъ быстро обѣжалъ кругомъ стола, разложилъ на немъ бумаги,

поставилъ чернильницу и песочницу и пододвинулъ кресло своему начальнику, который опустился въ него медленно и спокойно.

— Подойди сюда поближе—поближе! — засуетился старичокъ, привставая на мѣстѣ и обращаясь къ Джуліи. — Къ столу—поближе!

Джулія переступила два-три шага и остановилась, чувствуя направленный на нее внимательный и острый взглядъ Андрея Ивановича. Этотъ проницательный, испытующій взглядъ, который немногіе умѣли вынести—тяготилъ, подавлялъ, тревожилъ и приковывалъ Джулію къ мѣсту... Она не смѣла дохнуть, не смѣла двинуться... Она въ дѣтствѣ слыхала отъ матери, что такимъ взглядомъ смотрятъ на птичекъ ядовитыя змѣи, готовясь броситься на нихъ и проглотить ихъ...

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Джулія,—отвѣчала она чуть слышно, между тѣмъ какъ сѣденькій старичокъ, доставъ перо изъ-за уха, приготовился писать.

— Итальянка? Католичка?

— Да. Родилась въ Италіи... Католичка...

— Замужняя или дѣвка?—рѣзко произнесъ Ушаковъ, какъ-то особенно ударяя на послѣднемъ словѣ.

— Я замужемъ...

— Гдѣ же твой мужъ, и кто онъ таковъ?

— Гдѣ онъ—не знаю; онъ меня бросилъ... уѣхалъ... Но я жена князя... русскаго князя Микель Голицына...

— Ты это лжешь! Обманнымъ образомъ показываешь!—строго замѣтилъ Ушаковъ.—Князь Михаилъ Голицынъ могъ ли на тебѣ жениться—на католичкѣ? И гдѣ же онъ на тебѣ женился? Какой попъ тебя вѣнчалъ?

Черныя очи Джуліи вдругъ загорѣлись яркимъ пламенемъ.

— Не знаю, кто ты—и почему ты меня спрашиваешь? Почему ты меня судить хочешь?—глухо, прерывающимся отъ волненія голосомъ заговорила Джулія.—Но я не лгу и не могу лгать! Душею моею... и душею милаго ребенка моего... сына Ивана, который родился у меня отъ мужа моего, князя Голицына—клянусь, что насъ обвѣнчали съ нимъ въ Римѣ, въ церкви Санта-Марія-дель-Фьоре...

— Опять тебѣ скажу, что все это неправда!—твердо и строго повторилъ Ушаковъ. — Русскаго князя, православнаго, не могли вѣнчать въ вашей католицкой киркѣ; а если и повѣнчали, то повѣнчали обманомъ—и та свадьба не свадьба, а ты князю не жена...

— Не свадьба!... Не жена?—въ какомъ-то странномъ недоумѣніи повторила Джулія.—Не понимаю... объясни мнѣ... Князь Голицынъ, мой мужъ, былъ тоже—католикъ...

— Никогда онъ не былъ католикомъ!—перебилъ Джулію Уша-

ковъ.—А это ты его такъ околдовала, такъ опутала, что онъ съ тобою къ вашему католицкому попу пошелъ и мужемъ твоимъ назвался... И за это колдовство тебѣ отвѣчать придется, коли ты еще станешь клясться, что князь Михаилъ Голицынъ тебѣ законный мужъ.

— Я ни въ чемъ не виновата... онъ... онъ самъ хотѣлъ... просилъ, плакалъ... обѣщалъ мнѣ счастье,—твердила Джулія дрожащимъ голосомъ, рѣшительно не понимая, чего отъ нея требуетъ этотъ суровый и строгій судья.

— И этотъ твой обманъ теперь покончить надо,—внушительно проговорилъ Ушаковъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на волненіе Джуліи.—Князь Михаилъ давно ужъ отъ тебя отрекся и сказалъ, что ты не жена ему, что ты чертовка и его околдовала... Теперь и ты должна ему сказать, что онъ не мужъ тебѣ и никогда съ тобою повѣнчанъ не былъ... Слышишь?

Но Джулія не слышала его и продолжала озираться въ недоумѣніи, не зная, чего отъ нея хотятъ, и въ чемъ ее обвиняютъ.

— Эй! кто тутъ есть!—крикнулъ Ушаковъ, стуча кулакомъ по столу.

Изъ-за ширмы выглянулъ Лебяжья Шея.

— Введи сюда князя Михаила Кваснина.

Капралъ скрылся за ширмы и ввелъ въ камору князя Михаила въ его новомъ шутовскомъ нарядѣ—въ голубомъ кафтанѣ съ желтымъ подбоемъ и въ колпакѣ съ побрякушками. Глаза князя Михаила странно блуждали; мертвенная блѣдность покрывала его лицо. Лебяжья Шея, подъ руку выведя князя Михаила изъ-за ширмъ, прямо подвелъ его къ столу, за которымъ сидѣлъ грозный Ушаковъ... Несчастный не успѣлъ даже бросить взглядъ въ сторону Джуліи; его руки замѣтно дрожали, колѣна подгибались:—онъ понималъ, куда его привели!

— Князь Михаилъ!—строго сказалъ ему Ушаковъ, обмѣривая его взглядомъ.—По указу ея императорскаго величества, въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, была разыскана обманщица, колдунья итальянская, дерзавшая именовать себя твоею женою...

Князь Михаилъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и оперся руками о столъ, чтобы не упасть...

— И ту обманщицу и колдунью приказано намъ въ Тайной Канцеляріи строго-на-строго допросить,—а буде нужно, то и съ пристрастіемъ,—продолжалъ съ особеннымъ удареніемъ Ушаковъ, не сводя глазъ съ князя Михаила.—И если оная обманщица станетъ на своей лжи настаивать и утверждать, что ты ей мужъ, то я сейчасъ же назначу ей первый застѣнокъ.

— Что я... могу?.. Что долженъ?—пролепеталъ князь Михаилъ, рѣшаясь наконецъ взглянуть въ лицо Ушакову.

— А вотъ—взгляни на нее—и скажи, жена ли она тебѣ?—тихо и съ нѣкоторой разстановкой произнесъ Ушаковъ, указывая рукой въ сторону Джуліи.

Князь Михаилъ быстро глянулъ въ ту сторону и остолбенѣлъ... Ему прежде всего бросилась въ глаза веревка съ петлями и рычагомъ, пропущенная въ кольцо, вбитое въ сводъ потока... И эти ящики, эти доски, прикрытыя рядномъ... Онъ понялъ съ ужасомъ, что это—дыба! И подъ этой дыбой, поглотившей все его вниманіе, онъ увидѣлъ не Джулію, а что-то страшное, исхудалое, взъерошенное, покрытое лохмотьями... Въ этомъ пожелтѣломъ, истощенномъ лицѣ, когда-то сіявшемъ такою неотразимою красотою, только глаза,—большіе, черные, тревожные и изумленные — еще напоминали ему прежнюю Джулію.

— Жена ли она тебѣ?—съ прежнею разстановкою повторилъ Ушаковъ.

Князю Михаилу почудилось, что онъ ужъ видитъ, какъ Джулію вздернули на дыбу, ужъ слышитъ, какъ хрустятъ ея суставы, какъ свищетъ кнутъ въ опытной рукѣ заплечнаго мастера... Онъ весь похолодѣлъ, и, не сводя глазъ съ Джуліи, не могъ произнести ни слова...

— Жена ли она тебѣ? Говори!—строго и сухо проговорилъ Ушаковъ.

— Н... н-нѣтъ,—нерѣшительно отвѣтилъ князь Михаилъ чуть слышнымъ голосомъ.

— Семенычъ! Пиши особо допросные пункты князю,—сказалъ Ушаковъ, обращаясь къ старичку; и за тѣмъ продолжалъ допросъ:

— Коли ты не признаешь женою сію обманщицу и самозванку, значитъ, ты съ ней не жилъ и сына Ивана съ нею не приживалъ?

— Н... не жилъ... не приживалъ, — пролепеталъ попрежнему чуть слышно князь Михаилъ.

Что-то похожее на стонъ вырвалось изъ груди Джуліи, и закончилось нервнымъ, злобнымъ смѣхомъ...

— И ты съ нею въ католицкой киркѣ не вѣнчивался и отъ православной церкви греческаго закону не отрекался?—холодно и спокойно продолжалъ Ушаковъ.

— Нѣтъ... не отрекался,—отвѣчалъ несчастный князь, дрожа, какъ въ лихорадкѣ...—И ради Христа молю—не мучьте ни ее, ни меня...

И онъ униженно кланялся Ушакову, снимая свой полосатый колпакъ и позвякивая дурацкими побрякушками.

— Н-ну? А ты—чтò скажешь? Мужъ ли онъ тебѣ?—съ самодовольною улыбкою обратился Андрей Ивановичъ къ Джуліи, устремляя на нее свой холодный и не добрый взглядъ.

Джулія вдругъ выпрямилась—словно выросла на цѣлую голову... Глубоко впалые глаза ея метали молніи...

— Этотъ?—произнесла она громко и отрывисто, задыхаясь отъ злобы и волненія.—Этотъ низкій, подлый трусъ никогда не былъ... не могъ быть моимъ мужемъ!

— Ну вотъ, и давно бы такъ!—сказалъ Ушаковъ.—Такъ и напишемъ...

Но онъ не успѣлъ еще обратиться къ своему секретарю, какъ Джулія вскрикнула, зашаталась и упала замертво на холодныя плиты каморы:—пытка была слишкомъ жестока... Она ее не могла выдержать...

XXI.

Послѣдній исходъ.

Джулія очнулась отъ обморока въ своемъ тѣсномъ казематѣ—на той же жесткой постели—прикрытая тѣмъ же рванымъ овчиннымъ одѣяломъ... Все испытанное ею въ то утро, на мгновенье, показалось ей тяжелымъ, страшнымъ сномъ—и только. Она смотрѣла на сырыя стѣны своего каземата, на грязь и лохмотья, которыя ее окружали, на рѣшотчатое оконцо, пробитое подъ самымъ сводомъ потолка и пропускавшее блѣдную, скудную полосу сѣроватаго свѣта—да, на все это она смотрѣла почти съ удовольствіемъ, когда ей стали приходить на память страшныя, возмущавшія душу подробности допроса и вынесенной ею нравственной пытки...

— Нѣтъ! Нѣтъ! Быть не можетъ!—думала несчастная женщина.—Этого не было! Это все пригрезилось мнѣ... Я много страдала изъ-за него, но я его любила, я на все была для него готова!... Я все для него покинула—позабыла... Нѣтъ! Онъ не можетъ, не можетъ быть такимъ подлымъ трусомъ и предателемъ... Нѣтъ! Не вѣрю!..

Но, чѣмъ болѣе уяснялось ея сознаніе, тѣмъ болѣе начинала работать ея память и возстановляла въ ея воображеніи весь ужасъ тѣхъ образовъ, которые прошли передъ ея глазами, всю страшную дѣйствительность и осязательность впечатлѣній, испытанныхъ ея измученною душою. Она чувствовала себя вновь подъ обаяніемъ этого холоднаго, темнаго и недобраго взгляда, который не сводилъ съ нея тайный судья; она еще слышала тотъ ровный и спокойный голосъ, которымъ онъ задавалъ ей вопросъ за вопросомъ, точно и ясно отдѣляя и оттѣняя каждое слово...

— И подъ каждымъ словомъ его крылась змѣя—ехидна ядовитая!—говорила себѣ Джулія, которой припоминались болота ея родины, полныя зловредныхъ, шипящихъ гадовъ.

— О!.. страшный человѣкъ!.. Онъ также спокойно и твердо произнесъ бы мой приговоръ... и его приговоръ! Ему ни-по чемъ—разрушить чужое счастье... Жизнь отнять... О!

И она закрывала лицо руками, и ежилась отъ холода подъ своимъ рванымъ одѣяломъ, стараясь заснуть и отогнать отъ себя поскорѣе всѣ эти страшныя, гнетущія воспоминанія... Вотъ наконецъ она кое-какъ согрѣлась и дремота стала уже понемногу одолѣвать ее, какъ вдругъ застучали, заскрипѣли засовы дверей ея каземата, и старый плѣшивый капралъ появился на порогѣ съ чашкою горячихъ щей и краюхою хлѣба на деревянномъ лоткѣ. Притворивъ за собою дверь, онъ поставилъ лотокъ на толстый обрубокъ дерева, замѣнявшій въ казематѣ Джуліи и столъ, и стулъ, а затѣмъ подошелъ къ узницѣ, потрепалъ ее за плечо своею жесткою рукою, и проговорилъ, осклабляя свой беззубый старческій ротъ:

— Вставай, княгинюшка, похлѣбай нашихъ солдатскихъ щецъ съ тараканами, да поѣшь хлѣбца съ закальцемъ... Хе! хе! хе!

Джулія приподнялась на кровати и посмотрѣла на Лебяжью Шею мутными, хмурыми очами.

— Что? Не бось испужалась тамъ... на верху-то? Не въ терпежъ стало? А?—продолжалъ капралъ, сложивъ руки на груди и видимо желая вызвать узницу на разговоръ.

Но Джулія молчала и все также пристально и хмуро смотрѣла въ очи своему тюремщику.

— Ну, да теперь ужъ пужать тебя больше не станемъ,—сказалъ онъ, хихикая попрежнему;—теперь еще мѣсяцъ-другой тебя здѣсь подержимъ, да съ первымъ кораблемъ за море и сплавимъ... Опять на родной сторонѣ заживешь...

Джулія вдругъ поднялась во весь ростъ и крѣпко схватила капрала за руку, вцѣпившись въ рукавъ его полукафтанья:

— А онъ? онъ?.. Что съ нимъ? Гдѣ онъ будетъ?

— Онъ-то?... Онъ здѣсь будетъ, во Дворцѣ—на своей службѣ. Ты ему не нужна больше—другую жену себѣ сыскалъ... Потому-то тебѣ и абшидъ дать приказано... Да ну, ну! Выпусти рукавъ-то... Ишь, цѣпкая какая, чертовка! Ей-ей, чертовка!—смѣясь, добавилъ Лебяжья Шея, легонько отталкивая Джулію и высвобождая свой рукавъ.

— Другую жену... сыскалъ?.. А меня—меня погубилъ... бросилъ?—шептала Джулія, опускаясь на кровать и закрывая лицо руками.

— Ну, да! Сыскалъ другую, а тебя бросилъ! Потому такъ приказано—такъ и быть должно... А ты нешто опять ревѣть?.. Э-э, прахъ тебя побери—не радъ, что и разболтался съ тобой!

И онъ, махнувъ рукою, вышелъ изъ каземата. Дверь хлопнула, застучали задвижки и засовы—и шаги его раздались въ коридорѣ, постепенно удаляясь и замирая вдали.

А Джулія все сидѣла на кровати, закрывъ лицо руками, въ оцѣпенѣніи отчаянія... Всѣ впечатлѣнія допроса и грозный образъ

судьи, который подавлялъ ее своимъ взглядомъ и терзалъ своими мучительными вопросами—все это теперь отодвинулось на заднiй планъ. Она видѣла передъ собою только приниженный, жалкiй образъ князя Михаила, въ его шутовскомъ костюмѣ и колпакѣ съ побрякушками; она впивалась глазами въ его лицо, искаженное страхомъ, покрытое смертною блѣдностью, въ его глаза—растерянные, блуждающiе, не дерзавшiе взглянуть ей въ лицо, попрежнему, прямо, искренно и ласково. Жалость, возбужденная въ ея сердцѣ самою внѣшностью князя Михаила—его униженiями, поклонами, его испугомъ—подавлялась теперь чувствомъ презрѣнiя къ обману, къ коварству, къ предательству человѣка, котораго она когда-то такъ горячо, такъ страстно любила... И всѣ эти противуположныя чувства, боровшiяся въ груди Джулiи, мало-по-малу, поглощались однимъ главнымъ, преобладающимъ и безраздѣльно овладѣвшимъ ею чувствомъ ревности, чувствомъ оскорбленнаго самолюбiя женщины... О!—если бы онъ былъ теперь около нея—какъ охотно, какъ радостно она задушила бы его своими косами!—какъ наслаждалась бы она его послѣдними, предсмертными содроганiями!—какъ жадно всматривалась бы въ его тускнѣющiй взоръ, заволакиваемый пеленою смерти...

— Но нѣтъ!—Онъ живъ!.. Онъ будетъ жить—онъ женится!.. Онъ только меня растопталъ и бросилъ въ сторону, какъ ненужный соръ! И вотъ—они изгоняютъ меня изъ его земли, они возвращаютъ меня на родину,—покинутою, опозоренною, уничиженною... Нѣтъ!—я не допущу до этого... Я съумѣю найти исходъ!..

И она, съ какою-то особенною, лихорадочною поспѣшностью, то озираясь на оконцо, прорѣзанное въ дверяхъ, то хватаясь за голову и отбрасывая назадъ свои спутанныя косы, стала рыться въ своихъ лохмотьяхъ, разостланныхъ по жесткому соломеннику... Ея исхудалые, тонкiе пальцы съ страстнымъ, сосредоточеннымъ трепетомъ ощупывали каждую складку грубой одежды, каждый шовъ грубой холстины, покрывавшей изголовье—и вотъ, наконецъ, она сыскала то, чего желала!.. И ея очи въ послѣдней разъ загорѣлись радостно! Даже нѣкоторое подобiе усмѣшки на мгновенiе промелькнуло на ея устахъ...

— А! Вотъ онъ! Вотъ мой послѣднiй... мой неизмѣнно-вѣрный другъ! — прошептала Джулiя, вынимая изъ-подъ изголовья знакомый намъ стилетъ, который съумѣла сберечь, какъ дорогую память о родинѣ, какъ орудiе мести врагамъ, какъ послѣднюю надежду на избавленiе отъ тяжкаго жизненнаго плѣна, отъ униженiй и преслѣдованiй,—отъ жестокости людей и неумолимости судьбы...

Она долго и любовно смотрѣла на эту тонкую и острую полоску стали, покрывшуюся ржавчиной во время ея послѣднихъ скитанiй... Она припоминала, какъ много разъ и прежде мысль о само-

убійствѣ приходила ей въ голову, и какъ она отгоняла ее отъ себя отчаяннымъ усиліемъ воли, надеждою когда-нибудь вновь съ нимъ свидѣться, съ нимъ соединиться...

— А теперь? Нѣтъ надежды—жизнь не нужна!—прошептала Джулія, и въ этихъ словахъ ей самой послышался приговоръ— послѣдній и неотразимый приговоръ.

Она опустилась на холодныя плиты пола, стала на колѣни около своей кровати, быстрымъ и сильнымъ движеніемъ обнажила грудь, сбросила одежду съ лѣваго плеча, уперла стилетъ рукоятью въ соломенникъ, а остріе его направила въ то мѣсто, гдѣ чувствовала подъ пальцами своими трепетныя біенія сердца...

— Прощай, жизнь... Прощай, Италія!—прошептала несчастная и, собравъ послѣднія силы, налегла на стилетъ, который вонзился въ грудь ея до самой рукоятки. Горячая кровь брызнула изъ сердца и тоненькой, извилистой струйкой потекла по ея исхудалой груди, темными пятнами окрашивая грубыя ткани одежды... Джулія въ послѣдній разъ обвела потухающимъ взоромъ стѣны своего каземата, сдѣлала еще усиліе, чтобы приподняться и прилечь на постель; но уже не могла... Съ слабымъ стономъ взмахнула она безсильными руками и навзничь опрокинулась около своей кровати, разсыпавъ по полу свои темныя косы.

Въ тотъ же день, въ самую полуночь, какіе-то два инвалида, въ темныхъ овчинныхъ шубахъ, подпоясанные ремнями и въ шапкахъ, надвинутыхъ на самыя брови, перешагнули черезъ порогъ калитки въ крѣпкихъ воротахъ укромнаго домика Тайной Канцеляріи, бережно выволакивая за собою большой куль, туго набитый какою-то кладью и перевязанный толстой веревкой. Прислонивъ куль къ воротамъ, инвалиды вновь вошли въ калитку, и черезъ нѣсколько минутъ вернулись оттуда съ салазками, на которыя и взвалили свою кладь.

— Пешню аль ломъ прихватить бы!—сказалъ одинъ изъ инвалидовъ, обращаясь къ другому.

Тотъ побѣжалъ и принесъ ломъ. Затѣмъ оба, впрягшись въ лямку и налегая на нее плечомъ, потащили салазки къ Іоанновскимъ воротамъ.

Ночь была лунная, звѣздная и морозная. Снѣгъ блестѣлъ яркими, переливчатыми блестками и хрустѣлъ подъ ногами и полозьями салазокъ.

— Кто идетъ?—крикнулъ хриплымъ голосомъ часовой у воротъ, и брякнулъ ружьемъ.

Инвалиды сказали часовому пропускъ, и воротный сторожъ отперъ имъ крѣпко-припертую калитку, звякая задвижками и бренча

связкою ключей. Салазки съ кладью были благополучно перенесены инвалидами черезъ высокій порогъ калитки...

— Ну, теперь — сворачивай влѣво! Да и съ Богомъ, по морозцу!—сказалъ одинъ изъ инвалидовъ; и оба, бережно спустившись съ берега на ледъ, бѣгомъ потащили салазки къ проруби, которая чернѣлась шагахъ въ пятидесяти отъ берега.

Вотъ добѣжали они и до проруби и дотащили до нея салазки съ грузнымъ кулемъ. На краю проруби оба остановились, обошли ее кругомъ, внимательно оглядывая ея края и не безъ страха заглядывая въ черную гладь воды, которая отражала полный и яркій ликъ луны, все обливавшей кругомъ своимъ серебристымъ блескомъ.

— Узкà будетъ... Я говорилъ, что узка!.. Пооббей еще края ломомъ-то!—сказалъ одинъ изъ инвалидовъ.

Другой молча взялъ ломъ и расширилъ имъ прорубь.

— Ну-ка, теперь, берись—сымай съ салазокъ! Ставь на попà! Волоки полегоньку...

Оба, кряхтя и пожимаясь отъ мороза, подтащили куль къ краю проруби, положили его на бокъ—и потомъ, переглянувшись, разомъ спихнули въ воду...

Пучина разверзлась съ плескомъ и ропотомъ, тяжелый куль окунулся въ прорубь и нырнулъ подъ ледъ. Темная гладь воды зарябила кругами—но черезъ минуту сгладилась и полный ликъ луны попрежнему сталъ въ ней отражаться, ярко блестя и слегка колыхаясь.

Инвалиды сняли шапки и перекрестились.

— Упокой ее, Господи!.. Прости согрѣшенья наши!—шептали ихъ уста.

XXII.

Смѣхъ и слезы.

Когда князь Михаилъ вернулся изъ крѣпости въ свою каморку въ надворномъ флигелѣ Зимняго дворца, онъ былъ неузнаваемъ... Блѣдный, измозженный, растерянный, онъ трясся, какъ въ лихорадкѣ, пугливо оглядывался по сторонамъ и весь съеживался, когда къ нему кто-нибудь подходилъ или обращался съ вопросомъ. Самъ Осиповъ надъ нимъ сжалился и поспѣшилъ уложить его на лежанку, приговаривая покровительственно:

— Ложись, ложись, князь! Отдохни да очухайся!... Сутки только въ Ушаковскихъ лапахъ побывалъ, а вонъ каковъ воротился? Знаемъ мы тоже, слыхали—каковы тѣ лапы!...

Онъ не на шутку думалъ, что князь побывалъ въ застѣнкѣ и что его, пожалуй, тамъ «погладили»;—даже намекнулъ Сенькѣ, чтобы тотъ, укладывая князя вечеромъ въ постель, осмотрѣлъ бы у него бока и спину...

— Капустнаго листа не приложить ли?—сказалъ онъ Сенькѣ, уходя.—Онъ помогаетъ, въ случаѣ, ежели...

Но Сенька доложилъ потомъ Осипову, что «князь-батюшка тѣломъ здравъ, неповрежденъ ни въ чемъ, только духомъ очень упалъ и въ должное чувствіе придти не можетъ».

— Пусть Бога благодаритъ, что цѣлъ ушелъ и шкуру цѣлою унесъ! А только ты его не спрашивай и обо всемъ объ этомъ ему не поминай...

Князь Михаилъ и весь слѣдующій день пролежалъ на лежанкѣ съежившись подъ шубой, не откликаясь на зовъ, не отвѣчая ни на чьи вопросы... А между тѣмъ государыня уже справлялась о немъ черезъ Лакосту и Балакирева—и Осиповъ, не зная, что отвѣтить, начиналъ ужъ хмуриться и покачивать головою. Пропустивъ еще сутки, онъ рѣшился дѣйствовать...

— Князь! а, князь! Вставай, полно валяться, князь! Сегодня всей вашей братіи на верху быть приказано!—такъ обратился онъ къ князю Михаилу подъ вечеръ третьяго дня.

Князь поднялся на лежанкѣ, молча, словно на пружинахъ, и уставился на Осипова неподвижными, какъ бы застоявшимися глазами.

— Подай одѣться князю! — сердито крикнулъ Осиповъ, обращаясь къ Сенькѣ и видимо избѣгая этого страшнаго взгляда.

Сенька подалъ своему господину парадное шутовское платье, помогъ ему одѣться, обдернулъ складки кафтанца, надвинулъ ему парикъ на голову и подалъ въ руки колпакъ...

Князь Михаилъ все еще стоялъ неподвижно, какъ бы не отдавая себѣ отчета въ томъ, что̀ съ нимъ происходитъ.

— Ну, ну, идемъ скорѣе! — крикнулъ Осиповъ, подхватилъ князя Михаила подъ руку и почти потащилъ за собою.

Въ сѣняхъ встрѣтили ихъ всѣ шуты и шутихи, которые давно уже толпились около дверей каморки князя Михаила, ожидая его выхода: — всѣмъ хотѣлось посмотрѣть, каковъ онъ вернулся изъ крѣпости, побывавъ въ лапахъ Ушакова?

— А! Солнышко наше красное! Князёкъ-гоголёкъ! Живъ и здравъ къ намъ вернулся!—раздались кругомъ смѣшки, возгласы и привѣтствія веселой братіи, на встрѣчу князю Михаилу.

А онъ—ко всему и ко всѣмъ невнимательный и безучастный, какъ каменный истуканъ,—молча шелъ рядомъ съ Осиповымъ, устремивъ взоръ куда-то въ пространство... Еслибы Осиповъ не велъ его подъ руку, онъ вѣроятно не нашелъ бы дороги до той пріемной, гдѣ имъ назначено было собраться, а уткнулся бы въ первый уголъ и простоялъ бы тамъ, пока его оттуда не вынудили выйти.

— А гдѣ же Педрило?... Всѣ въ сборѣ, а его все не видать?—раздались голоса шутовъ, когда они заняли свои обычныя мѣста въ одной изъ аванъ-залъ.

— Гдѣ? Вѣстимо гдѣ! Около карточныхъ столовъ околачивается! Навѣрнякà кого-нибудь въ карты обыграть норовитъ! — откликнулся кто-то въ толпѣ.

Какъ разъ въ это время дверь въ сосѣднюю залу пріотворилась и Педрило выбѣжалъ оттуда въ припрыжку, похлопывая себя по бокамъ и головѣ мандолиною. Въ попыхахъ подбѣжалъ онъ къ Осипову и произнесъ въ полголоса скороговоркой:

— Monsieur Озипъ, monsieur Озипъ! Мнѣ есть секретъ... Venez-ici!

Оттащивъ Осипова отъ князя Михаила въ сторону, онъ сталъ что-то скоро-скоро шептать ему на ухо, указывая глазами на князя Михаила и, по обычаю своему, мѣшая русскія слова съ французскими, нѣмецкими и итальянскими.

Всѣ смолкли и насторожились, готовясь къ какой-нибудь важной новости или къ мудреной затѣѣ, которую Педрило успѣлъ внушить государынѣ и готовился привести въ исполненіе для ея потѣхи.

Пошептавшись съ Осиповымъ, Педрило быстро повернулся на цыпочкахъ и точно также, въ припрыжку, ловко и граціозно размахивая мандолиной, выбѣжалъ въ ту же дверь, изъ которой явился въ аванъ-залу.

Осиповъ съ минуту простоялъ въ раздумьѣ, молча обвелъ всѣхъ глазами, и потомъ прямо подошелъ къ князю Михаилу.

— Князь Кваснинъ! — сказалъ онъ ему съ нѣкоторою запинкою,—тебѣ приказано передать добрую вѣсть... Та самая... обманщица-тальянка, что звалась... женой твоей... волей Божьею помре...

Князь Михаилъ вскинулъ на Осипова глазами, опустилъ ихъ,— и вдругъ измѣнился въ лицѣ. Осиповъ это замѣтилъ, и съ еще большимъ замѣшательствомъ добавилъ:

— А какъ теперича... она умерла... и ты отъ той неправды очистился... такъ государынѣ угодно, чтобы въ воскресенье быть сговору твоему съ Авдотьей Бужаниновой...

— У-у-у! Вотъ оно!... Давно пора! Веселымъ пиркомъ да за свадебку!—раздались кругомъ среди общаго радостнаго гама возгласы шутовъ и шутихъ.

— Сговоръ!.. Свадьба?!—вдругъ крикнулъ князь Михаилъ, злобно сверкая глазами.—Кто сказалъ? Кто сказалъ?.. Убью!!

И онъ накинулся со стиснутыми кулаками на Волконскаго, опрокинулъ его на полъ, ударилъ въ грудь Лакосту, схватилъ Апраксина за горло...

Всѣ бросились на помощь къ Апраксину и съ трудомъ высвободили его изъ рукъ разсвирѣпѣвшаго князя Михаила.

— Опомнись! Чтò ты это? — сталъ говорить ему Осиповъ, стараясь его успокоить и отводя въ сторону отъ шутовъ.

— Сговоръ! Свадьба! — въ какомъ-то безсознательномъ порывѣ повторялъ князь Михаилъ. — А ее, небось, замучили... за-

мучили!.. Да! И я... я виною... Изъ-за меня замучили!.. Проклятый я, проклятый! О-о-о!

Бросившись ничкомъ на полъ, онъ зарыдалъ во весь голосъ— судорожно, нервно, порывисто—то всхлипывая, то прерывая рыданія стонами, то вновь принимался рыдать неутѣшно.

— Воды! Дайте воды ему! — слышалось въ толпѣ шутовъ и шутихъ, столпившихся около него съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ и участіемъ.

— Ахъ, батюшки! Да что я буду съ нимъ дѣлать?—суетился, обращаясь ко всѣмъ, растерявшійся Осиповъ.—Ну, какъ тамъ-то ревъ его заслышатъ? Всѣмъ на орѣхи попадетъ!

— А зачѣмъ реветъ? — крикнула вдругъ, выступая впередъ, Авдотья Бужанинова.—Глупъ, какъ есть!.. Все равно мой мужъ будетъ! Вотъ!

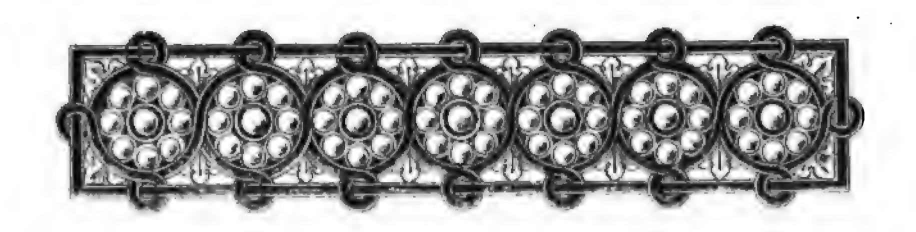
— Вѣрно, вѣрно!—подхватилъ догадливый Балакиревъ.—Ай-да Авдотья Ивановна! Порѣшила! Эй-вы, шуты гороховые! Что носы-то повѣсили, словно помой нахлебались! Хватимъ-ка веселую... сговорную!.. Споемъ, какъ молодыхъ нареченныхъ князя со княгинею величать на сговорѣ станемъ! А ну-ка —всѣ за мной!

«Ахъ, какъ чашечка вита, вита, вита!
«Полна медомъ налита, лита, лита!
«Ужъ и кто же наливалъ, наливалъ?
«Да кому же подносилъ, подносилъ?
«Свѣтъ-Михайло наливалъ, наливалъ,
«Свѣтъ-Авдотьѣ подносилъ, подносилъ!»

И громкая пѣсня, лихо подхваченная хоромъ, покрыла раздирающіе душу вопли и неутѣшныя рыданія несчастнаго князя Михаила...

П. Полевой.

ВОСПОМИНАНІЯ ТЕАТРАЛЬНАГО АНТРЕПРЕНЕРА[1].

X.

Кое-что о продѣлкахъ провинціальныхъ актеровъ.—Н. К. Милославскій, какъ анекдотистъ.—Антрепренеръ М—ій.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ актеры великіе мастера на всевозможнаго рода продѣлки. «Въ жизни» они на амплуа не дѣлятся,—всѣ они «безбожные» комики. Понятія о преклонности лѣтъ, а слѣдовательно о степенности и серьезности, у нихъ довольно-таки смутныя: сѣдые волосы не удерживаютъ ихъ отъ мальчишескихъ выходокъ. Куралесить, шалить, проказить, иногда даже злонамѣренно, врожденная актерская страсть, слишкомъ рѣзко бросающаяся въ глаза людямъ непричастнымъ къ театру. Кажется, нѣтъ такого города, въ которомъ артистическая семья не оставила бы о себѣ нѣсколько десятковъ анекдотовъ, преисполненныхъ либо не одолимою глупостью, или не благовиднымъ остроуміемъ. Изъ этихъ-то анекдотовъ и вытекаетъ не лестное мнѣніе и не симпатичное сужденіе публики о жрецахъ высокаго искусства. Провинціальная публика такъ вооружена противъ актеровъ, что нигдѣ, можно сказать положительно нигдѣ, нѣтъ ровно никакого довѣрія къ этимъ свободнымъ художникамъ, долженствовавшимъ бы являться свѣтлымъ лучемъ въ полутемномъ царствѣ русскихъ захолустій. Публика смотритъ на актеровъ съ двухъ точекъ зрѣнія: съ одной—какъ на уличныхъ мальчишекъ, способныхъ когда угодно

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVI, стр. 821.

накаверзничать безъ всякой надобности, съ другой—какъ на жуликовъ, способныхъ посягнуть на карманъ ближняго безъ зазрѣнія совѣсти. Послѣднее было бы обидно и несправедливо, если бы въ свою семью господа артисты не принимали предосудительныхъ личностей, пользующихся простотою закулисныхъ отношеній и пускающихся на слишкомъ не красивыя продѣлки подъ видомъ шалости, такъ свойственной игривой актерской натурѣ. А такихъ личностей въ театральной сферѣ въ данное время масса, отъ нихъ настоящимъ актерамъ, кажется, уже никогда не отбиться. Что этихъ людей ведетъ на сцену? Разумѣется, ужъ не любовь къ искусству. Что же?—Странное общественное положеніе актера, постоянно бездѣльничающаго, вѣчно балаганничающаго, на котораго всѣ смотрятъ, хотя и не довѣрчиво, но за то ужъ черезчуръ снисходительно, («ну его, молъ, къ чорту? Что съ него взять? Связываться съ нимъ не стоитъ, и такъ-то онъ Богомъ убитый человѣкъ»...)[1]. Это не положительное положеніе (извиняюсь за невольный каламбуръ), какъ хотите, очень удобно для многихъ, занимающихся не совсѣмъ симпатичными дѣлишками. Вотъ они и полѣзли на сцену. А какъ легко нынче, при поголовной бездарности и при невѣжественномъ отношеніи къ искусству, сдѣлаться актеромъ!—Только имѣй нѣкоторый запасъ нахальства! Рѣшительно ничего нѣтъ легче нынѣшнихъ условій актерства, потому что теперь на сцену принимается всякій, безъ разбора, и къ нему не предъявляются никакія требованія относительно его предварительной подготовки, а тѣмъ болѣе—ума, образованія, воспитанія, происхожденія и даже паспорта. На счетъ паспорта въ провинціи очень не строго: есть—хорошо, нѣтъ—тоже хорошо. Полицію обойти никогда не трудно, всегда ее сбить можно благодаря тому, что на афишахъ проставляются вымышленныя фамиліи. Этому у меня есть прекрасный примѣръ: нѣкая актриса въ продолженіе восьми лѣтъ путешествовала по Россіи безъ всякихъ бумагъ о личности, и мужъ ея, отъ котораго она сбѣжала, все время не имѣя о ней никакихъ свѣдѣній, съ похвальнымъ усердіемъ каждый праздникъ подавалъ въ церковь записочку «за упокой ея души».

---

[1]) А что мнѣніе постороннихъ объ актерѣ именно таково, т. е. самое жалкое, существуетъ анекдотъ, переходящій въ нашей актерской линіи изъ поколѣнія въ поколѣніе, который, какъ говорятъ, есть дѣйствительный фактъ, случившійся много лѣтъ тому назадъ.

Мимо какого-то провинціальнаго театра гнали партію арестантовъ въ Сибирь. У театральнаго подъѣзда стояли актеры и съ соболѣзнованіемъ смотрѣли на несчастныхъ переселенцевъ. Вдругъ одинъ изъ арестантовъ, молодой парень, обращается къ своему сосѣду, пожилому преступнику и говоритъ:

— Смотри-ка, смотри!... Ха-ха-ха!.. Актеры, стоятъ...

Тотъ его вразумительно остановилъ:

— Чаво, дуракъ, смѣешься? Погоди! Може самъ хуже будешь...

Какая злая иронія?

Не хорошіе личности появились за кулисами по винѣ самихъ актеровъ, никогда неумѣвшихъ жить тѣснымъ кружкомъ, въ мирѣ да согласіи, а главное—не умѣвшихъ быть людьми серьезными, заслуживающими уваженія. Ихъ, хотя и невинныя, продѣлки стараго времени привлекли вниманіе людей чрезвычайно неодобрительнаго свойства, позорящихъ и безъ того-то не важное актерское званіе. Я крѣпко держусь того мнѣнія, что всѣ неурядицы, всѣ пошлости жизни провинціальныхъ лицедѣевъ, образуются именно изъ того, что представители сцены слишкомъ много фиглярничаютъ и на подмосткахъ, и въ жизни, и не умѣютъ поставить себя на тотъ благородно возвышенный базисъ, на которомъ бы имъ подобало стоять.

О продѣлкахъ современниковъ я ничего не буду говорить, такъ какъ я отъ нихъ отсталъ; вотъ уже скоро минетъ десять лѣтъ, какъ я покончилъ расчеты со сценой.

Я приведу нѣсколько анекдотическихъ эпизодовъ изъ жизни Милославскаго, когда-то знаменитаго актера и антрепренера на югѣ Россіи. Онъ былъ типичный представитель добраго стараго времени актерскаго житья-бытья. Его жизнь дала бы богатый матеріалъ для закулиснаго бытописателя. Я ограничусь не многими строками про него, такъ какъ объемъ моихъ воспоминаній не позволяетъ слишкомъ распространяться объ одной личности.

Охарактеризовать Милославскаго можно не многими словами: онъ былъ актеромъ на сценѣ и артистомъ въ жизни. Благодаря уму и хитрости, всѣ продѣлки его имѣли видъ забавнаго случая и почти никогда не влекли за собою «серьезныхъ» послѣдствій. Всѣ свои плутни онъ умѣлъ чрезвычайно ловко замаскировать въ шалость и обращать ее въ пріятельскую шутку.

Случай, о которомъ я хочу разсказать, имѣлъ мѣсто въ Нижнемъ-Новгородѣ, лѣтъ тридцать пять тому назадъ.

Наканунѣ своего бенефиса, Николай Карловичъ былъ пасмуренъ и ажитированъ, должно быть потому, что «въ воздухѣ не пахло подаркомъ». Это характерное выраженіе провинціальныхъ бенефиціантовъ имѣетъ значеніе, такъ какъ подношенія любимцамъ почти никогда не случаются сюрпризомъ и самому бенефиціанту бываетъ извѣстно о подаркѣ чуть ли не первому. На этотъ разъ, противъ чаянія, таковаго не предвидѣлось. Въ подобныхъ случаяхъ, крайне не учтивыхъ со стороны публики, тщеславные любимцы обыкновенно легко выходятъ изъ «непріятнаго положенія», выбравъ изъ своего старья какія-нибудь драгоцѣнности и торжественно поднеся ихъ себѣ, какъ бы отъ почитателей таланта Это такъ часто практикуется на сценѣ, что даже вошло въ обычай. Милославскій же хотя и признавалъ это обыкновеніе, но не находилъ его для себя матеріально выгоднымъ, почему и придумалъ такую тонкую комбинацію.

Отправляется онъ къ знакомому купцу, очень состоятельному комерсанту, и заводитъ рѣчь о завтрашнемъ своемъ бенефисѣ.

— Не авантажный у меня завтра праздникъ будетъ...

— Почему?

— Придется на сухую играть...

— То-есть какъ это?

— А такъ: никакой признательности отъ нижегородцевъ не будетъ...

— А вы почемъ знаете?

— Знать не знаю, а предчувствую...

— А можетъ и будетъ?!.

— Нѣтъ, мое сердце никогда не ошибается,—глубоко вздохнувъ, сказалъ Милославскій и прибавилъ,—разумѣется, мнѣ не подарокъ нуженъ, а вниманіе, поощреніе, такъ сказать... И вниманіе-то не для меня лично, а для той толпы, которая явится завтра въ театръ, чтобы видѣла и понимала, какъ надо чествовать артиста... Хоть бы для шутки что-нибудь поднесли, я и за то былъ бы безгранично благодаренъ...

— Какъ это для шутки?

— Публично поднесли бы, а потомъ въ тихомолку назадъ отняли бы. Это очень часто продѣлываютъ...

— Ну, ужъ назадъ за чѣмъ же... Я отъ себя что-нибудь подарю, пожалуй, только прошу не взыскать, такъ какъ подписку начинать поздно, а единолично прожертвовать могу не великую толику...

— Ахъ, что вы!—приневолилъ себя Милославскій сконфузиться.— Вы, чего добраго, еще думаете, что я напрашиваюсь на подарокъ! Не въ немъ дѣло! Для меня-то его хоть и не будь совсѣмъ, была бы только честь оказана. Поэтому, отъ подарка вашего я отказываюсь наотрѣзъ, а вашимъ очевиднымъ расположеніемъ ко мнѣ воспользуюсь безотлагательно.

— Чѣмъ въ силахъ быть полезнымъ, къ вашимъ услугамъ...

— Окажите такого рода благодѣяніе, о которомъ я только-что упоминалъ: поднесите мнѣ что-нибудь для виду, съ обязательнымъ возвратомъ... Вотъ хоть часики свои—уложите въ просторный футлярчикъ, да при всей честной компаніи и поднесите мнѣ, а послѣ спектакля зайдите ко мнѣ въ уборную и возьмите ихъ съ моею благодарностью. Для васъ это, конечно, большого труда не составитъ, а для меня это будетъ необыкновенно важно, я, такъ сказать, тогда воспряну духомъ...

Купецъ было замялся:

— Часы-то золотые, пятисотрублевые, не равно какъ-либо брякнутся, да поломаются...

Но Милославскій самымъ убѣдительнымъ образомъ доказалъ ему, что ничего подобнаго быть не можетъ, что онъ приметъ все-

возможныя предосторожности и возвратить ихъ ему въ цѣлости и невредимости.

На другой день, согласно уговору, между третьимъ и четвертымъ дѣйствіемъ состоялось подношеніе золотого хронометра растроганному бенефиціанту. Публика сопровождала подношеніе неистовыми аплодисментами, а Николай Карловичъ, умиленный до слезъ энтузіазмомъ почитателей, крѣпко прижималъ часы къ сердцу и низко раскланивался, выражая этимъ безпредѣльную благодарность всѣмъ присутствующимъ за вещественное доказательство ихъ симпатій къ нему. Эта сцена, не входившая въ програму спектакля, была такъ мастерски розыграна, что произвела сильное впечатлѣніе и на публику, и на купца-мецената, и даже на самого Милославскаго...

По окончаніи спектакля, пробирается на сцену купецъ и ищетъ виновника торжества.

— Да ихъ ужъ нѣть-съ,—объявилъ ему театральный сторожъ,— они уѣхали...

— Какъ уѣхалъ? Онъ хотѣлъ меня ждать въ уборной...

— Можетъ запамятовали они объ этомъ, но только уѣхали...

На слѣдующее утро невольный меценатъ ѣдетъ на квартиру къ Милославскому и укоризненно ему замѣчаетъ:

— Обѣщали меня подождать въ уборной, а не подождали...

— Голова разболѣлась отъ всѣхъ этихъ тріумфовъ,— потянуло неодолимо къ постели...

— Не хорошо-съ!... А теперь я къ вамъ за своими часиками,— позвольте ихъ получить?

— Часики? Какіе часики?

— Да мои-съ...

— Ваши?—удивленно протянулъ Николай Карловичъ.— У меня никакихъ вашихъ часиковъ нѣтъ.

— Да полноте, что за шутки...

— Это, кажется, вы изволите шутить, а не я...

— Да вы это что же, смѣяться надо мной вздумали, что ли?

— Съ подобнымъ вопросомъ я къ вамъ хотѣлъ обратиться...

— Ну, довольно баловаться,—перемѣнилъ свой тонъ купецъ,— подавай мой хронометръ...

— Какой вамъ хронометръ?—продолжалъ удивляться Милославскій.— Вы попали ко мнѣ просто по ошибкѣ... Никакого вашего хронометра я не знаю...

— Какъ не знаю?—уже серьезно накинулся на него комерсантъ.— А вчера чьи часы тебѣ на сцену подали?

— Не знаю чьи, но знаю отъ кого,—совершенно хладнокровно отвѣтилъ Милославскій.

— Ну, отъ кого?

— Отъ публики.

— Врешь! Это я тебѣ въ шутку преподнесъ...

— Въ шутку? Извините-съ, такими вещами не шутятъ... А если вы мнѣ не вѣрите, что это подарокъ публики, разспросите капельмейстера, товарищей, антрепренера,—они всѣ видѣли при какихъ обстоятельствахъ я получилъ эти часы...

Такъ купецъ и не получилъ своего хронометра отъ находчиваго Милославскаго.

Въ томъ же Нижнемъ-Новгородѣ Николай Карловичъ «пошутилъ» со мной, когда я, будучи антрепренеромъ Костромского театра, пріѣхалъ въ Нижній за актерами, долженствовавшими пополнить мою труппу.

Нижегородскимъ антрепренеромъ въ то время былъ заика Смольковъ, который не любилъ, чтобы ему задавали подъ рядъ нѣсколько вопросовъ, онъ въ нихъ путался и ни на одинъ впопадъ не могъ отвѣтить.

Съ этимъ Смольковымъ я былъ знакомъ, почему безъ стѣсненія заходилъ въ его театръ во время репетицій и видѣлся съ нужными мнѣ лицами, между прочимъ съ Милославскимъ, Константиномъ Ѳедоровичемъ Бергомъ (впослѣдствіи артистъ Московскаго Малаго театра), Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Бурдинымъ (впослѣдствіи артистъ Александринскаго театра) и др., поѣхавшими изъ Нижняго служить ко мнѣ въ Кострому. Въ первое свое посѣщеніе репетиціи, я позвалъ будущихъ членовъ моей труппы въ трактиръ напиться чаю.

Проведя въ трактирѣ добрый часъ въ мирной бесѣдѣ, я подозвалъ слугу и, вручая ему трехрублевую бумажку, приказываю получить съ меня, что слѣдуетъ. Слуга, къ моему крайнему удивленію, отъ этого отказывается.

— Уже заплачено, — сказалъ онъ и, указывая на Милославскаго, прибавилъ:—вотъ они отдали.

— Николай Карловичъ, съ какой же это стати! — замѣтилъ я ему съ укоризной.

— Ну, что за счеты между товарищами!

— Однако, пригласилъ васъ я—я и долженъ расплачиваться!

— Все равно, въ другой разъ заплатите!

На слѣдующій день снова захожу на репетицію и снова увлекаю свою компанію въ трактиръ на бесѣду. При расплатѣ повторяется вчерашняя исторія.

— Нѣтъ, ужъ сегодня очередь моя,—сказалъ я Милославскому и, обращаясь къ слугѣ, приказалъ: — возврати назадъ Николаю Карловичу деньги и получи съ меня...

Слуга въ нерѣшительности поглядывалъ на Милославскаго, а тотъ отрицательными знаками удержалъ его отъ поползновенія исполнить мой настоятельный приказъ.

— Какъ вамъ угодно, Николай Карловичъ,—сказалъ я,—а это допустить не могу. Онъ долженъ получить съ меня...

— Не безпокойтесь, мы и на вашъ счетъ еще успѣемъ погулять...

Послѣ продолжительныхъ распрей, пришлось невольно уступить Милославскому, въ чаяніи отплатить ему тѣмъ же при слѣдующей встрѣчѣ. Я далъ себѣ слово ни подъ какимъ предлогомъ въ будущій разъ ни на одну минуту не отпускать его отъ нашего стола, чтобы не было ему возможности снова учинить расплату, ставившую меня передъ актерами положительно въ неловкое положеніе.

Являемся опять въ трактиръ и, несмотря на мой строгій надзоръ за Милославскимъ, въ концѣ концовъ оказывается, что за все уже опять уплачено. Я уже сталъ сердиться и доказывать не въ мѣру услужливому и любезному Николаю Карловичу, что подобная его предупредительность можетъ серьезно разсорить насъ, и если онъ сейчасъ же не возьметъ изъ буфета обратно своихъ денегъ, то я принужденъ буду избѣгать его компаніи въ такихъ потребительныхъ мѣстахъ.

— Я за вами ухаживаю, какъ за будущимъ своимъ антрепренеромъ,—шутливо отвѣтилъ онъ, — а потому претендовать на меня вы не вправѣ за то, что я, можетъ быть, и не умѣло, но искренно стараюсь проявить во всемъ мою къ вамъ привязанность...

— Счетъ дружбы не портитъ,—сказалъ я и снова примирился съ продѣлкой Милославскаго.

Наканунѣ своего отъѣзда изъ Нижняго, я опять созвалъ пріятелей въ трактиръ, предупредивъ Милославскаго, чтобы онъ не наживалъ въ моемъ лицѣ себѣ врага...

За чаемъ Николай Карловичъ обращается къ актерамъ и говоритъ:

— А какъ вы думаете, господа, нужно учинить проводы Николаю Ивановичу или нѣтъ!

— Нужно!—отвѣтили хоромъ присутствующіе.

— Человѣкъ! Шампанскаго заморозить!— скомандовалъ онъ.— Да не закусить ли передъ шампанскимъ чѣмъ-нибудь лакомымъ? Какъ вы полагаете, господа?

«Господа» охотно согласились закусить.

— Человѣкъ! — снова воскликнулъ Милославскій, — учини-ка намъ уху изъ живыхъ стерлядей, да непремѣнно изъ живыхъ...

Послѣ этого послѣдовало еще нѣсколько гастрономическихъ заказовъ и когда все было уничтожено, Милославскій потребовалъ подать счетъ, который достигалъ пятидесятирублевой цифры. Наскоро пробѣжавъ его, Николай Карловичъ вручилъ мнѣ этотъ трактирный документъ и съ свойственной ему улыбочкой сказалъ:

— Вотъ теперь можете заплатить!

Тутъ только я сообразилъ къ чему клонились его предварительные полтинничные расходы. Разумѣется, мнѣ болѣе ничего не оставалось дѣлать, какъ погасить этотъ счетъ и намотать на усъ вообще «шутливую» натуру Милославскаго.

Отъ Милославскаго перехожу къ болѣе современному факту, изображающему уловки нынѣшнихъ антрепренеровъ.

Одно время было обращено строгое вниманіе властьимущихъ на антрепренеровъ, въ виду ихъ частыхъ прогаровъ, отъ которыхъ терпѣли исключительно одни бѣдняки-актеры. Стали требовать отъ нихъ залогъ въ размѣрѣ пяти тысячъ рублей. Требованіе это имѣло положительную силу закона: никто не имѣлъ права взять на себя антрепризу безъ представленія губернатору означенной суммы.

Антрепренеры пригорюнились-было, но не на долго. Скоро они изобрѣли средство обходить это требованіе. Они стали набирать не «труппу», а «товарищества», т. е. будто бы актеры берутъ театръ на собственный рискъ. Подобнымъ «товариществамъ» разрѣшено было брать на себя театры безъ всякихъ залоговъ.

Это было уже положительнымъ зломъ, такъ какъ антрепренеры не стали заключать съ актерами ни контрактовъ, ни условій. Поэтому, актеръ всегда рисковалъ, даже при хорошихъ дѣлахъ, не получить ни копѣйки, при малѣйшемъ столкновеніи съ патрономъ. Стали возрождаться рабы и владыки. Жаловаться властямъ не представлялось возможности, потому что актеръ самъ принималъ участіе въ антрепренерскомъ мошенничествѣ, выражавшемся въ обходѣ установленнаго правила обезпеченія извѣстной суммой...

Одинъ изъ «находчивыхъ» (въ театральномъ міркѣ, кажется, непереводящихся) антрепренеровъ, нѣкто М—скій, набравъ инкогнито труппу, держалъ въ N—ѣ театръ. На афишахъ его крупнымъ шрифтомъ печаталось: «товариществомъ провинціальныхъ артистовъ будетъ исполнено то-то...» и т. д.

Однажды, одинъ изъ обывателей N—а, не посвященныхъ въ мудрую механику закулисныхъ дѣлъ и дѣлишекъ, спросилъ антрепренера:

— Почему вы печатаете на афишахъ «товарищество», вѣдь у васъ антреприза?

— Да, но вѣдь актеры-то между собою товарищи?

— Товарищи...

— Ну, такъ чегожъ вамъ еще надо?!

XI.

Н. Х. Рыбаковъ.—«Гамлетъ».—Страсть Рыбакова къ вранью.—Оригинальное знакомство съ нимъ.—Анекдоты про него.

Знаменитый трагикъ, сперва провинціальной, потомъ московской сцены, Николай Хрисанфовичъ Рыбаковъ былъ прекрасною личностью во всѣхъ отношеніяхъ. Отличаясь безпредѣльною добротою, общительностью, выдающимся талантомъ и глубокимъ уваженіемъ къ искусству, онъ снискивалъ себѣ не лицемѣрную любовь отъ всѣхъ его знавшихъ. Въ свое время онъ былъ типичнымъ представителемъ театральной богемы, тогда мало распространенной и поэтому казавшейся слишкомъ рельефнымъ явленіемъ въ общественной жизни. Онъ былъ способенъ роздать все до послѣдней копѣйки и, оставшись ни съ чѣмъ, отправиться по образу пѣшаго хожденія изъ одного города въ другой, причемъ разстояніе не могло его смутить, будетъ ли то десять верстъ, или тысяча—это все равно. Такія прогулки для него не были рѣдкостью, особенно въ молодости. Покойный драматургъ А. Н. Островскій, рисуя типъ провинціальнаго пѣшаго трагика Несчастливцева въ своей несравненной комедіи «Лѣсъ», имѣлъ въ виду изобразить другого не менѣе извѣстнаго въ провинціи актера Горева-Тарасенкова, всю свою жизнь пропутешествовавшаго, точно по обѣщанію, изъ города въ городъ пѣшкомъ, но на самомъ дѣлѣ далъ образъ именно симпатичнаго Николая Хрисанфовича. Въ особенности въ Несчастливцевѣ напоминаетъ намъ много Рыбакова сердечность, участливость, безкорыстность и доброта, все то, чѣмъ такъ избыточно былъ одаренъ случайный оригиналъ замѣчательной копіи.

Всѣ великіе люди имѣли маленькія слабости. У Рыбакова ихъ было двѣ: пить и врать. Пилъ онъ сильно и это много вредило ему въ развитіи его таланта; кромѣ того, непомѣрное употребленіе спиртныхъ напитковъ подъ старость вредно отозвалось на здоровьи, не говоря уже о слухѣ и зрѣніи, которые покидали своего обладателя безсовѣстнымъ образомъ. Живительная влага частенько заставляла его манкировать обязанностями и режиссеръ долженъ былъ быть всегда на сторожѣ, чтобы во время предотвратить препятствія къ представленію спектакля, могущія встрѣтиться вслѣдствіе внезапнаго загула трагика. И не только передъ спектаклемъ приходилось ожидать какихъ-либо случайностей, но даже и во время его. Однажды, въ Рыбинскѣ, Николай Хрисанфовичъ учинилъ такую штуку: играетъ онъ одну изъ лучшихъ своихъ ролей—Гамлета, совершенно трезвымъ; проходитъ актъ, второй, третій, начинается четвертый,—подходитъ явленіе Гамлета, а его на мѣстѣ нѣтъ. Сценаріусъ хватился Рыбакова, — бросился въ убор-

ную, режиссерскую, буфетъ — нигдѣ нѣтъ. На сценѣ наступила ужъ пауза, актеры и публика въ замѣшательствѣ. Я сейчасъ же разослалъ людей по всѣмъ направленіямъ въ ближайшіе трактиры непремѣнно розыскать его и въ какомъ бы то ни было видѣ доставить на сцену. Занавѣсъ пришлось опустить на пол-дѣйствіи и оставить зрителей въ недоумѣніи. Черезъ нѣсколько минутъ прибѣгаетъ одинъ изъ посланцевъ и докладываетъ, что буфетчикъ трактира подъ названіемъ «Комаръ», сообщилъ ему, что Николай Хрисанфовичъ недавно былъ, поспѣшно выпилъ нѣсколько стаканчиковъ водки и отправился поспѣшно въ театръ. Къ этому прибавили, что онъ былъ въ «особенномъ костюмѣ и вымазанный», т. е. въ тогѣ датскаго принца и нагримированный. Прождавъ его еще нѣкоторое время и потерявъ надежду на его возвращеніе, я приказалъ сдѣлать анонсъ, которымъ, ссылаясь на внезапную болѣзнь Рыбакова, продолженіе спектакля отказывалось.

Когда публика покинула театръ, актеры разгримировались и пошли домой, одинъ изъ нихъ, переходя канавку, пролегавшую неподалеку отъ театра, наталкивается на какой-то предметъ, довольно солидныхъ размѣровъ и, по дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, узнавъ, что этотъ солидный предметъ имѣетъ образъ человѣческій, окликнулъ его:

— Кто тутъ?

Въ отвѣтъ послышался ему разслабленный голосъ Рыбакова:

— Гамлетъ!

Тотчасъ же вернулся онъ въ театръ и сообщилъ объ этомъ мнѣ. Забравъ съ собою двухъ плотниковъ, я отправился на мѣсто временного успокоенія Николая Хрисанфовича и нашелъ его валяющимся въ грязи во всей прелести гамлетовскаго одѣянія. Плотники торжественно перенесли его въ бутафорское помѣщеніе, въ которомъ до слѣдующаго утра онъ и пробылъ.

Другая его страсть — къ вранью была положительно непонятною и безпричинною. Вралъ онъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, не гоняясь ни за довѣріемъ слушателей, ни за эфектами, которыми непремѣнно должны бы завершаться всѣ изъ ряда вонъ выходящіе его разсказы. Его вранье было всегда безобидно, безкорыстно и отнюдь не касалось личностей, это ихъ безусловное достоинство. Но нельзя сказать и того, что свою завѣдомую ерунду онъ создавалъ исключительно для забавы слушателей,— нѣтъ, всѣмъ своимъ фантастическимъ росказнямъ онъ прежде всего вѣрилъ самъ безусловно и полагалъ, по простотѣ своей души, что и слушатели вѣрятъ ему безусловно. Онъ любилъ иногда выставить себя героемъ или такимъ бывалымъ человѣкомъ, которому извѣстны всевозможныя диковины и чудеса. Николай Хрисанфовичъ былъ необыкновенно богатъ воображеніемъ, почему репертуаръ его разсказовъ былъ чрезвычайно обширенъ и заключалъ

въ себѣ до того удивительные факты, часто противорѣчившіе одинъ другому, что когда кто-нибудь вздумаетъ, бывало, послѣ даже непродолжительнаго времени разсказать ему его же анекдотическій случай, онъ безапеляціоннымъ тономъ говорилъ:

— Ерунда! Это быть не могло!..

— Да вы же сами это на прошлой недѣлѣ разсказывали,—ловилъ его на словѣ собесѣдникъ.

— Врешь! Я никогда такой глупости не скажу... Это только ты съ своимъ дурацкимъ понятіемъ можешь такую чушь сочинить... А если ты хочешь знать сущую правду, похожую на твою ерунду, такъ я тебѣ сейчасъ раскажу одинъ фактъ, свидѣтелемъ котораго я былъ лѣтъ десять тому назадъ...

И приведетъ экспромтомъ что-нибудь такое несообразное съ здравымъ смысломъ, такъ что первый анекдотъ, переданный собесѣдникомъ и раскритикованный имъ самимъ, блѣднѣлъ передъ этимъ и казался совершенно невиннымъ. Сомнѣвающихся Рыбаковъ не любилъ и если кто позволялъ себѣ по неопытности выразить ему свое недовѣріе къ его словамъ, то онъ безъ всякаго разсужденія называлъ того «дуракомъ». На этомъ обыкновенно бесѣда временно и прерывалась, къ глубокому неудовольствію словоохотливаго разсказчика.

Съ Николаемъ Хрисанфовичемъ я познакомился при исключительныхъ обстоятельствахъ довольно оригинальнымъ образомъ.

Однажды, во время пребыванія моего въ Нижнемъ-Новгородѣ, являюсь я къ знакомому своему купцу, первому театралу въ городѣ, Остапову, впослѣдствіи бросившему свою мучную торговлю и поступившему на сцену подъ именемъ Ярославцева, и застаю у него гостя съ типичной актерской физіономіей. Хозяинъ, по незнанію свѣтскихъ обычаевъ, не счелъ нужнымъ насъ познакомить, такъ что мы разговорились, не имѣя никакого понятія другъ о другѣ. Разумѣется, какъ у представителей сцены разговоръ нашъ былъ исключительно театральный. Мой собесѣдникъ между прочимъ упомянулъ о своемъ знакомствѣ со всѣми провинціальными антрепренерами.

— А Иванова вы знаете?—спросилъ я его.

— Да какъ же не знать?—пробасилъ онъ въ отвѣтъ и расхохотался, какъ бы издѣваясь надъ моимъ наивнымъ вопросомъ.— Это мой закадычный другъ, самый старый пріятель...

— Вы, вѣроятно, у него служили когда-нибудь?

— Ну, еще бы! Сколько разъ! И теперь онъ со слезами меня умоляетъ идти къ нему, да я пока раздумываюсь...

Такая безпримѣрная ложь меня просто поставила втупикъ. Я не зналъ кѣмъ представить себѣ моего небывалаго друга, котораго я со слезами умоляю идти ко мнѣ служить—сумасшедшимъ или наглецомъ?

— Чего же вы раздумываетесь?—наконецъ, послѣ нѣкотораго молчанія, обратился я къ нему съ новымъ вопросомъ.

— На счетъ жалованья расходимся... А вы сами-то этого Иванова знаете?

— Знаю.

— А знаете ли вы прошлогодній съ нимъ случай, свидѣтелемъ котораго я былъ самъ?

— Какой случай?

— При какихъ комическихъ обстоятельствахъ пріѣзжій фокусникъ его на три дня усыпилъ?

— Нѣтъ, этого не знаю. Разскажите, пожалуйста...

— Пріѣзжаетъ фокусникъ въ Тверь и обращается къ Иванову съ просьбою уступить ему на одинъ вечеръ театръ. Ивановъ сдать театръ былъ не прочь, но заломилъ что-то очень не суразную цѣну. Фокусникъ, разумѣется сталъ торговаться, а Ивановъ упрямится и ни копѣйки не уступаетъ. Вотъ фокусникъ и говоритъ ему: «ежели ты по моему не сдѣлаешь, то усыплю тебя на трое сутокъ и не будешь ты ни пить, ни ѣсть, ни свѣжаго воздуха нюхать». А Ивановъ ему отвѣчаетъ, подставляя къ физіономіи его кулакъ: «а не знаешь ли ты, нѣмецкая кислота, чѣмъ этотъ параграфъ пахнетъ!?» Фокусникъ обозлился и явился вечеромъ на спектакль. «Донъ-Жуанъ» шелъ и Ивановъ въ немъ статую командора изображалъ. И какъ только взобрался командоръ на свой пьедесталъ, тутъ-то нѣмецъ что-то такое и сотворилъ: Ивановъ моментально въ величественной позѣ заснулъ, да такъ трое сутокъ какъ монументъ и простоялъ. Хотѣли его было съ подстановки сорвать, да никакъ нельзя было, точно прилипъ онъ къ ней, ни коимъ образомъ не отставалъ...

— Ну, это вздоръ,—замѣтилъ я, разсмѣявшись.

— То есть какъ вздоръ?—сердито переспросилъ меня собесѣдникъ.—Какой же это вздоръ, если я собственноручно его на пьедесталѣ всѣ три дни ощупывалъ!

— Со мной ничего подобнаго никогда не было,—наконецъ, рѣшился я положить предѣлъ этому беззастѣнчивому вранью.— И васъ никогда не имѣлъ чести знать. Позвольте представиться— я тотъ самый антрепренеръ Ивановъ, о которомъ вы только-что упоминали...

— Ты Ивановъ?—нисколько не смутясь, воскликнулъ онъ.— А я Рыбаковъ. Очень радъ съ тобой познакомиться...

Услыхавъ его фамилію, я перестамъ удивляться той баснѣ, которую онъ разсказывалъ мнѣ про меня, ибо былъ уже раньше наслышанъ объ его странной страсти къ импровизаціи необыкновенныхъ «фактовъ».

— Съ какой стати вы про меня такую чепуху врете?—спросилъ я Рыбакова.

— Дѣйствительно, я совралъ, но только не про тебя совралъ, а про другого Иванова...

Съ этого началось наше знакомство, продолжавшееся до самой смерти его. Я сохраняю о немъ самыя добрыя воспоминанія, какъ о безкорыстномъ, неизмѣнномъ другѣ и лучшемъ товарищѣ изъ всѣхъ, которые попадались мнѣ во все время моей закулисной дѣятельности. Большей похвалы для него я не могу сказать...

Вся жизнь Николая Хрисанфовича преисполнена разнообразными анекдотами забавнаго свойства. Еще и теперь, несмотря на значительную отдаленность времени службы его на частныхъ сценахъ, въ провинціи живо воспоминаніе объ этой талантливой и оригинальной личности. Упоминаніе его имени всегда вызываетъ массу разсказовъ о немъ, до сихъ поръ сохраняющихся за кулисами всѣхъ россійскихъ театровъ. Имя Рыбакова такъ крѣпко связано съ провинціальной сценой и традиціи его еще настолько живучи, что даже самый молодой актеръ, только-что вступающій на театральныя подмостки, уже основательно знакомъ съ личностью этого незабвеннаго трагика и живо представляетъ себѣ его массивную фигуру, заключающую доброе сердце и безконечно анекдотическій характеръ.

Вотъ примѣры его разсказовъ, которые обыкновенно импровизировались имъ во время гримировки.

— Когда служилъ я въ Кіевѣ и посѣщалъ Лысую гору, познакомилась со мной одна молоденькая вѣдьма. Мы съ ней больше по любопытству сошлись: она объ актерахъ не имѣла понятія, а я ихъ сестру не могъ себѣ уяснить. Ну, ладно, ходимъ, значитъ, на свиданія и разные разговоры разговариваемъ. Нашъ братъ актеръ пришелся ей, значитъ, по самому вкусу, а мнѣ она была безъ всякаго удовольствія, потому что съ хвостомъ и нечесаная. Чесаться имъ по ихнему закону запрещено. Ну, хорошо. Сезонъ театральный подходитъ къ концу и мнѣ нужно было въ Москву на постъ ѣхать. А денегъ-то у меня въ то время—ни одного франка. Прихожу я на Лысую гору, вызываю свою Углядку (это такъ знакомую вѣдьму звали) и говорю ей: «Пѣшкомъ идти въ Москву не хочется, занять денегъ не у кого,—не можешь ли ты у своего начальства малую толику добыть и меня ими подъ вѣрное обезпеченіе ссудить? Я тебѣ, говорю, свою библіотеку въ залогъ оставлю». Она мнѣ въ отвѣтъ пропищала: «денегъ мы не признаемъ и при себѣ ихъ не держимъ, но бѣсовскою властью обладаемъ, такъ-что я тебя могу въ лучшемъ видѣ на даровщину въ Москву доставить». За это я выругался: «какъ, говорю, ты смѣешь мнѣ предлагать на помелѣ ѣхать?» «Зачѣмъ на помелѣ, отвѣчаетъ, на какомъ угодно инструментѣ поѣзжай. Вотъ хоть на этомъ бревнѣ отправляйся». «Ну, на этомъ-то, пожалуй, говорю, можно, потому что оно все-таки больше солидности имѣетъ, чѣмъ помело». Уго-

ворились мы съ ней учинить мои проводы на другой день... На слѣдующее утро уложился я, взялъ чемоданъ подъ лѣвую руку, подъ правую на всякій случай зонтикъ захватилъ и отправился на условленное мѣсто, къ бревну. Прихожу, а ужъ вѣдьма-то меня ждетъ съ творожными ватрушками, это она мнѣ ихъ полтораста штукъ на дорогу напекла. «Ну, говоритъ, садись да и улетай». Обхватилъ я бревно ногами, а она какія-то непонятныя три слова произнесла, плюнула въ мою сторону,—я и взлетѣлъ. Летѣлъ, летѣлъ, летѣлъ—наконецъ, глядь, за что-то лѣвой ногой задѣлъ, оглянулся—Иванъ Великій. «Ну, теперь спускайся, приказываю я бревну, но только потихоньку». Оно и спустилось, да неудачно—поперекъ Тверскаго бульвара расположилось, такъ-что земли-то я никакъ не могъ достигнуть, пришлось на воздухѣ проболтаться всю ночь, пока утромъ меня оберъ-полиціймейстеръ изъ окна не увидалъ. Бревно-то было такъ велико, что черезъ весь бульваръ съ крыши на крышу перекинулось, какъ воздушный мостъ... Сбѣжались городовые и спасительные круги начали ко мнѣ бросать, но только никакъ не могли ихъ до меня докинуть. Пришлось имъ за пожарной лѣстницей сходить. Приволокли ее и приставили къ бревну. Я и полѣзъ по ней, но только дошелъ до половины, какъ хвать—лѣстница-то до земли сажени на три не достаетъ. Чтожъ было дѣлать? «Растопырьте, братцы, говорю городовымъ, руки—я спрыгну». Ну, и спрыгнулъ. Повели меня къ полиціймейстеру. «Чтò ты, говоритъ, за человѣкъ? И откуда, говоритъ, ты это бревно приволокъ?» Нельзя же обманывать полицію, я и признался, что познакомству съ вѣдьмой на немъ съ Лысой горы въ Москву пріѣхалъ... И вышелъ черезъ это вопіющій скандалъ: меня въ двадцать четыре часа изъ города вонъ выселили...

— Но тутъ вы, вѣроятно, проснулись?—спросилъ кто-то съ улыбкой.

— Дуракъ! Чего лѣзешь, коли тебя не спрашиваютъ!—закричалъ обидчиво Николай Хрисанфовичъ.

Въ другой разъ Рыбаковъ говорилъ:

— Для меня никакія плодородныя земли не диковина, потому что я видѣлъ такія удивительныя страны, какихъ вы себѣ и представить не можете. Напримѣръ, когда я былъ въ Олонецкой губерніи, то узналъ, что существуетъ тамъ одинъ такой сверхъестественный уѣздъ, что стоитъ только на какомъ-нибудь полѣ его бросить хотя одну спичку, а черезъ годъ выростаетъ на этомъ полѣ цѣлый сосновый лѣсъ. Очень земля воспріимчива...

— Ну, это еще чтò!—перебилъ его комикъ Глушковскій.—Я вотъ знаю одинъ изъ уѣздовъ Оренбургской губерніи, такъ много поинтереснѣе. Въ немъ отъ спички-то не лѣсъ выростаетъ, а прямо спичечная фабрика.

— Ну, и дуракъ!—рѣшилъ Рыбаковъ.

Или вотъ еще о постройкѣ какого-то столичнаго театра, свидѣтелемъ котораго онъ непремѣнно былъ самъ:

— Прежде чѣмъ строить его начали, стали въ землю вбивать сваи... Только войдутъ они, сваи-то, въ землю и сравняются съ площадью, сейчасъ же еще другую партію свай поверхъ тѣхъ бьютъ. И такимъ образомъ штукъ сорокъ ихъ другъ на дружку въ землѣ стоймя ставили. Это всегда такъ фунтаментальныя зданія строятъ... Вотъ это вбивали-вбивали и вдругъ изъ Парижа заказное письмо приходитъ. Пишутъ въ немъ: «остановитесь; ваши сваи на самомъ красивомъ мѣстѣ въ лѣтнемъ саду сажени на четыре высунулись и производятъ безобразіе». Ну, наши, конечно, остановились, потому что войны не хотѣли, и послали туда телеграмму: «облѣпите сваю въ статую, и пусть она у васъ будетъ на манеръ памятника, а подпиливать ее не смѣйте, потому что она казенная».

— А вы, Николай Хрисанфовичъ, не видѣли этой высунувшейся сваи?

— Да какъ же, братецъ, не видѣлъ? Разумѣется, видѣлъ, но только тогда, когда ее еще въ русской землѣ вбивали.

Подобное вранье его называли «классическимъ» и всегда нарочно его подзадоривали къ нему, чтобы подивиться его бойкой фантазіи, никогда не стѣсненной никакими рамками.

Но есть анекдоты про Николая Хрисанфовича другого характера, болѣе интереснаго, даже не лишеннаго своеобразнаго остроумія и непринужденнаго юмора.

Однажды, проситъ онъ меня поставить для него драму «Велизарій», заглавную роль которой онъ считалъ своею коронной.

— Нельзя,—отвѣчаю я,—подходящихъ костюмовъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Мало ли у васъ разнаго тряпья имѣется.

— Кое-какъ «Велизарія» ставить нельзя...

— Зачѣмъ кое-какъ,—мы его на ура розыграемъ...

— Я не относительно актерскихъ силъ говорю, а про костюмы...

— У меня есть свой костюмъ, мнѣ не надо... Можетъ и у другихъ что-нибудь изъ своего наберется...

— Ну, хорошо! А во что мы одѣнемъ алановъ?

— Алановъ? Да это самая простая штука. Въ древности-то аланы, тоже что нынѣ уланы. Нарядить ихъ въ гусарскія куртки,—вотъ тебѣ и все...

Въ другой разъ, Николай Хрисанфовичъ, играя роль Швейцера въ излюбленной провинціею трагедіи Шиллера «Разбойники», разрядился самымъ невѣроятнымъ образомъ. Путемъ долгого размышленія онъ дошелъ до того, что передъ публикой явился какою-то пестрой чучелой. На плисовые русскіе шаровары онъ надѣлъ колетъ француза, сапоги натянулъ съ испанскими раструбами, на

плечи набросилъ плащъ Альмавивы, голову покрылъ турецкой чалмой...

— На что ты похожъ?—обратился я къ нему, первый разъ въ жизни видя столь оригинальный костюмъ Швейцера.—Развѣ можно одѣваться такимъ уродомъ?

— Почему же не можно?—удивился онъ моей наивности и съ чувствомъ собственнаго достоинства разъяснилъ: — Нужно всегда вникать въ роли поглубже. Разсуди-ка ты самъ—Швейцеръ-то кто?

— Разбойникъ!

— Ага!—радостно воскликнулъ Рыбаковъ, точно уличивъ меня въ сознаніи.—Разбойникъ! А развѣ для разбойниковъ мода существуетъ? Они что украдутъ—то и носятъ! Даже пословица такая есть: «доброму вору—все въ пору»... Примѣрно, подвернулся разбойнику подъ руку русскій мужикъ—онъ сейчасъ съ него цапъ-царапъ шаровары — и въ носку; удалось стянуть съ проклятаго турки чалму—и въ носку; оплошалъ французъ колетомъ—въ носку; пришлось съ испанца стащить плащъ—въ носку. Вотъ тебѣ самый правдивый костюмъ разбойника и вышелъ!

Рыбаковъ очень любилъ роль Безсуднаго въ комедіи Островскаго «На бойкомъ мѣстѣ». Игралъ онъ ее не одинъ десятокъ разъ и зналъ всю наизусть превосходно, но тѣмъ не менѣе всегда нуждался въ подсказываньи суфлера. По укоренившейся привычкѣ, многіе актеры, какъ бы хорошо не знали своей роли, безъ суфлера не могутъ двухъ словъ связать на сценѣ. Къ такимъ принадлежалъ и Николай Хрисанфовичъ.

Однажды, когда принималъ участіе въ этой комедіи Рыбаковъ, по оплошности помощника режиссера суфлеръ не былъ посаженъ въ свою будку, а занавѣсъ взвилась. Нужно замѣтить, что суфлерская будка была такъ неудобно устроена, что входъ имѣла со сцены, посредствомъ люка. Такимъ образомъ, при открытомъ занавѣсѣ суфлеру не представляется никакой возможности проникнуть въ подполье и приступить къ своимъ обязанностямъ.

Какъ извѣстно, въ первомъ явленіи два дѣйствующихъ лица: содержатель постоялаго двора Безсудный и ямщикъ Раззоренный. Рыбаковъ, по ремаркѣ, сидѣлъ на аванъ-сценѣ у стола, неподалеку отъ него стоялъ ямщикъ... Какъ только увидалъ, при поднятіи занавѣса, Николай Хрисанфовичъ, что суфлера на мѣстѣ нѣтъ, куда дѣвалось знаніе роли, только и вертѣлся на языкѣ вступительный вопросъ:

— Отпрегъ?

— Отпрегъ,—отвѣтилъ по пьесѣ Раззоренный.

Не зная, что говорить дальше, Рыбаковъ повторилъ въ величайшемъ смущеніи ту же фразу и получилъ на нее тотъ же отвѣтъ. Откашлянулся онъ и снова пробасилъ:

— Такъ ты говоришь, что отпрегъ?

— Да, отпрегъ...
— Гм... отпрегъ... это хорошо... Да вѣрно ли что отпрегъ?
— Вѣрно-съ, отпрегъ...
— Такъ-съ... Такъ, значитъ, ты отпрегъ?
— Да, отпрегъ...
— Гм... совсѣмъ отпрегъ?
— Совсѣмъ-съ...
Послѣ продолжительной паузы, онъ опять спрашиваетъ:
— Такъ ты отпрегъ?
— Отпрегъ!...
— Отпрегъ, говоришь?
— Отпрегъ...

Наконецъ, такое безвыходное положеніе Рыбакову надоѣло и онъ во всеуслышаніе крикнулъ въ порталы къ плотникамъ:

— Не понимаете, черти, что ли, что занавѣсъ нужно дать...

Передъ удивленными зрителями спустилась на одну минуту занавѣсъ. Суфлеръ былъ водворенъ на свое мѣсто и комедія продолжалась благополучно, въ надлежащемъ порядкѣ. Рыбаковъ, по обыкновенію, игралъ такъ, что заставилъ публику забыть комическій прологъ, авторомъ котораго пришлось ему быть по винѣ разсѣяннаго сценаріуса.

XII.

Посѣщеніе покойнымъ великимъ княземъ наслѣдникомъ Николаемъ Александровичемъ моего театра.—Милостивые подарки его.—Актеръ В.—Служба его у меня въ Самарѣ.—Неудавшаяся шалость.—Служба его у меня въ Костромѣ.—Его поступленіе на казенную сцену.—Продѣлка его съ бенефисомъ.—Опять встрѣча съ нимъ въ Твери.—Его навязчивость.

Въ то лѣто, когда въ Бозѣ почившій великій князь наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ путешествовалъ по Волгѣ, я держалъ театръ на Сергіевскихъ водахъ, находящихся неподалеку отъ Самары.

Незадолго до пріѣзда въ Самару великаго князя, мѣстный губернаторъ, Николай Александровичъ За—нинъ, заѣхалъ ко мнѣ и сказалъ, чтобы я переѣхалъ вмѣстѣ съ труппой на это время въ Самару, дабы во время пребыванія въ ней высокаго гостя можно было поставить одинъ или нѣсколько казовыхъ спектаклей.

Въ день предполагаемаго прибытія наслѣдника въ Самару, народъ въ громадномъ количествѣ толпился на берегу Волги до самаго вечера, но царственнаго своего гостя такъ и не дождался. Назначенный въ тотъ день спектакль пришлось, разумѣется, отложить. На другой день, съ утра, въ городѣ было тоже суетливое движеніе, какъ и наканунѣ, но съ нетерпѣніемъ ожидаемаго паро-

хода все не было видно. И власти, и жители, уже хотѣли было расходиться по домамъ, какъ вдругъ около восьми часовъ вечера показывается вдали пароходъ, рѣзко выдѣлявшійся отъ всѣхъ другихъ своимъ нарядным видомъ и обиліемъ яркихъ флаговъ. Встрѣча великаго князя была торжественная, при громогласныхъ кликахъ народа и колокольномъ звонѣ.

Съ пристани цесаревичъ проѣхалъ прямо въ приготовленное для него помѣщеніе, но тамъ оставался не долго. У сопровождавшаго его полиціймейстера онъ спросилъ:

— Есть ли какія-нибудь увеселенія въ городѣ?

— На сегодня былъ назначенъ спектакль,—отвѣтилъ вопрошаемый,—но за позднимъ временемъ отложенъ до завтра, но если вашему императорскому высочеству угодно, то сейчасъ же можно сдѣлать распоряженіе о немедленномъ возобновленіи его.

Наслѣдникъ выразилъ желаніе провести этотъ вечеръ въ театрѣ. Очевидно онъ хотѣлъ разсѣяться отъ того удручающаго впечатлѣнія, которое произвелъ на него несчастный случай съ одной изъ дамъ, сопровождавшихъ его на пароходѣ. Наканунѣ, Николай Александровичъ былъ въ Симбирскѣ на балу, устроенномъ дворянствомъ въ честь его высочества. Балъ этотъ былъ чрезвычайно оживленнымъ, шумнымъ, и продолжался до разсвѣта. Такъ какъ наслѣдникъ предполагалъ пробыть на балу не долго и прямо съ него отправиться въ дальнѣйшее путешествіе, то на пароходѣ все было готово къ отплытію; несмотря на позднее окончаніе бала, Николай Александровичъ все-таки пожелалъ отправиться въ путь тотчасъ же. Симбирская молодежь, очарованная изысканною любезностью и милостивымъ вниманіемъ великаго князя къ ихъ празднику, въ полномъ своемъ составѣ явилась на пароходную пристань проводить дорогого гостя. У кого-то изъ нихъ явилась мысль испросить у Николая Александровича разрѣшенія на дальнѣйшіе его проводы, т. е. на этомъ же пароходѣ доѣхать съ нимъ до Самары, а ужъ оттуда возвратиться на частномъ суднѣ. Разумѣется, послѣдовало благосклонное разрѣшеніе и вся толпа, преобладающимъ элементомъ которой были дамы, одѣтыя въ легкія бальныя платья, съ берега переселилась на пароходъ. Лица, участвовавшія въ этой затѣѣ, разсказывали, что такого необыкновеннаго молодого, здороваго веселья, которое царило все время путешествія отъ Симбирска до Самары на великокняжескомъ пароходѣ, имъ никогда не приходилось ни видѣть, ни испытать. Самъ наслѣдникъ былъ очень доволенъ этимъ случайнымъ parti-de-plaisir и своею ролью гостепріимнаго хозяина воодушевлялъ все общество; простота его обхожденія заставила всѣхъ забыть скучные этикеты и черезчуръ сдерживающія приличія, тѣсныя рамки которыхъ были оставлены въ залѣ симбирскаго дворянскаго собранія.

Въ числѣ барышень, сопровождавшихъ Николая Александро-

вича по Волгѣ, была очень хорошенькая и крайне молоденькая m-lle Языкова (если только я не ошибаюсь). На ея газовое платье попала искра, вылетѣвшая изъ топки парохода, и моментально воспламенила его. Всякая, хотя и скоро поданная, помощь была безполезна: черезъ нѣсколько минутъ передъ глазами присутствующихъ лежалъ обуглившійся трупъ красавицы. Такимъ печальнымъ происшествіемъ закончился веселый праздникъ...

Вотъ причина грусти Николая Александровича, обладавшаго крайне впечатлительной натурой. Потребность въ развлеченіи являлась необходимою, почему, несмотря уже на поздній часъ, ко мнѣ пріѣхалъ помощникъ полиціймейстера и велѣлъ какъ можно скорѣе собрать всѣхъ, долженствующихъ принять участіе въ этомъ экстроординарномъ спектаклѣ, освѣтить театръ и ждать великаго князя къ началу. Я моментально разослалъ всѣхъ своихъ рабочихъ въ разные концы города оповѣстить актеровъ о немедленномъ ихъ прибытіи на сцену.

Спектакль состоялся; Николай Александровичъ былъ очень доволенъ имъ и черезъ полиціймейстера передалъ мнѣ, чтобы я на другой день явился къ нему.

Принимая во вниманіе поздній часъ, для публики непривычный, я не хотѣлъ было даже открывать кассы, но чуть только самарцы узнали, что высокій гость ихъ присутствуетъ при представленіи, билеты ими брались съ бою, и въ какіе-нибудь полчаса театръ оказался биткомъ набитымъ.

На другой день я былъ удостоенъ милостивымъ разговоромъ Николая Александровича, отзывавшагося о моей труппѣ крайне лестно.

— А вы сами кто?—спросилъ онъ меня.

— Купецъ.

— Чѣмъ же вы торгуете?

— Ничѣмъ. Я плачу гильдію для званія...

Послѣ аудіенціи, я получилъ отъ великаго князя въ подарокъ триста рублей, будто бы за расходы по украшенію ложи, и брилліантовую булавку, а дочь моя Екатерина, въ настоящее время играющая въ провинціи подъ фамиліей Бѣльской, большую золотую брошь, украшенную опалами, изумрудами и брилліантами...

Въ Самарѣ, когда она еще была уѣзднымъ городомъ, служилъ у меня на роляхъ простаковъ юный, хорошенькій, румяный актеръ Б., тогда только начинавшій свою театральную дѣятельность. Нельзя было назвать его даровитымъ исполнителемъ, но и не возможно было отказать ему въ способности къ лицедѣйствію; онъ былъ что называется полезностью: ролей не портилъ, но не въ силахъ былъ и выдвигать ихъ. Онъ отличался шаловливою натурою и однажды передъ началомъ водевиля «Школьный учитель», въ которомъ я игралъ учителя, а онъ одного изъ учениковъ, я слу-

чайно услыхалъ его разговоръ съ товарищемъ. Онъ говорилъ, что пошутитъ сегодня со мной на сценѣ и сорветъ съ меня парикъ. Я приготовился къ этому и замѣтилъ, что В. подкрадывается ко мнѣ сзади, съ очевидною цѣлью привести въ исполненіе свою шутку. Только-что онъ протянулъ руку къ моей головѣ, какъ я неожиданно для него, схватилъ его за ухо и подвергъ школьному наказанію, но уже вовсе не театральнымъ манеромъ. Б. сильно разгнѣвался за это и отомстилъ мнѣ совершенно по-мальчишески, воткнувъ въ мой стулъ булавку остріемъ вверхъ. По окончаніи спектакля я сдѣлалъ ему приличное случаю замѣчаніе; онъ на него обидѣлся и до конца сезона старался держаться въ натянутыхъ со мной отношеніяхъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ напросился на службу ко мнѣ въ Кострому, когда я тамъ антрепренерствовалъ.

— А шалить со старшими привычку бросилъ? — спросилъ я его.

— Помилуйте, Николай Ивановичъ,—скромно отвѣтилъ онъ,— тогда я былъ совершенный мальчишка, а теперь...

— Взрослый?

— Какъ видите...

— А можетъ быть у тебя теперь и шутки возмужалыя? У тебя былъ всегда дурной характеръ...

— Теперь ужъ я не тотъ!—отвѣтилъ онъ словами Горича изъ «Горе отъ ума»...

Я нехотя взялъ его, точно предчувствуя оправданіе своихъ подозрѣній, и, по истеченіи небольшого времени, оказался правымъ въ своемъ мнѣніи.

Въ срединѣ сезона, Б. показываетъ мнѣ письмо, полученное имъ изъ Петербурга отъ одного изъ многозначущихъ лицъ при театральной дирекціи, въ которомъ намеками предлагались услуги къ устройству его на казенную сцену, за что требовалось только для какихъ-то «необходимыхъ мелкихъ расходовъ» пятьсотъ рублей.

— Ну, и что же?—спросилъ я его.—Пошлешь деньги?

— Послалъ бы,—отвѣтилъ онъ печальнымъ тономъ,—да гдѣ ихъ возьму? Развѣ вы мнѣ одолжите?

— У меня, самъ знаешь, свободной копѣйки нѣтъ...

— Бенефисъ мнѣ можете дать...

— Да вѣдь ты недавно его бралъ?!

Послѣ этого разговора онъ отправился къ костромскому губернатору Каменскому и, показавъ ему это письмо, просилъ ссудить его требуемой суммой подъ вексель, обѣщая выплатить весь долгъ немедленно по поступленіи на казенную службу. Губернаторъ принялъ въ немъ дѣятельное участіе и, призвавъ меня къ себѣ, укорилъ за то, что я отказываюсь помочь ему устройствомъ бенефиса.

— Ваше превосходительство, давъ второй бенефисъ Б., я вынужденъ буду отказать въ таковомъ другому, у котораго не было ни одного, потому что всѣ бенефисные дни у меня уже распредѣлены.

— Ну, другому-то не такъ важны деньги, какъ ему... У него карьера, вся жизнь зависитъ отъ какихъ-нибудь пятисотъ рублей... такъ что я совѣтую вамъ непремѣнно устроить для него все зависящее отъ васъ...

Дѣлать было нечего — пришлось удѣлить одинъ изъ дней для бенефиса Б., который состоялся при полномъ сборѣ, благодаря содѣйствію мѣстныхъ властей, мусировавшихъ благотворительность. По обычному условію, за вычетомъ вечеровыхъ расходовъ, весь сборъ поступаетъ въ дѣлежъ по равной части между антрепренеромъ и бенефиціантомъ, и подобная бенефисная система имѣетъ въ провинціи особое названіе «половинки».

Б., не дождавшись окончанія спектакля, когда мы должны были приступить къ раздѣлу, въ одномъ изъ антрактовъ явился въ кассу и выманилъ обманнымъ образомъ у кассира весь сборъ, съ которымъ тотчасъ же и скрылся изъ Костромы. Объ этомъ былъ составленъ протоколъ, но такъ какъ обвиняемаго на лицо не было, то и дѣло это кануло въ лету.

— Вотъ, ваше превосходительство, вашъ протеже какъ зарекомендовалъ себя!—сказалъ я Каменскому при первой же встрѣчѣ, вскорѣ послѣ этого происшествія.

— Ну, ктожъ зналъ, что онъ такой пройдоха!—разочарованно произнесъ губернаторъ.—Я думалъ, что и въ самомъ дѣлѣ у него имѣется въ виду нѣчто положительное, вѣчный кусокъ хлѣба... Въ чужую душу не влѣзешь, въ особенности же въ актерскую...

Послѣ этого прошло много лѣтъ. О Б. я слышалъ, что изъ Костромы онъ явился въ Петербургъ и съ помощью «благодарности» пристроился на казенную сцену...

Я не думалъ, чтобы послѣ костромской исторіи онъ не постѣснялся встрѣтиться со мной; по простотѣ своей я предполагалъ, что, завидя меня, онъ сочтетъ за лучшее перебѣжать на другую сторону, но... онъ оказался не изъ таковыхъ...

Очень смѣло и развязно отъявляется онъ ко мнѣ въ Тверь, когда я хозяйничалъ въ мѣстномъ театрѣ, и гордо рекомендуетъ себя «артистомъ Петербургскихъ театровъ».

— Что вамъ отъ меня угодно?—сухо спросилъ его я.

— Сейчасъ я свободенъ—дайте мнѣ прогастролировать у васъ... Мои условія самыя удобныя: девять спектаклей играю я даромъ, а съ десятаго, названнаго моимъ бенефисомъ, сборъ поступаетъ всецѣло, безъ какихъ-бы то ни было вычетовъ, мнѣ...

— У меня труппа полна, дѣла идутъ хорошо, такъ-что въ гастролерахъ я не нуждаюсь...

— Но въ какихъ гастролерахъ?!—важно воскликнулъ В.—Вѣдь я не какой-нибудь, я артистъ и т. д.

— Вы не тотъ артистъ, который добываетъ себѣ лестное званіе артиста казенной сцены упорнымъ трудомъ и признаннымъ талантомъ,—отвѣтилъ я ему рѣзко,—а тотъ, который пробиваетъ себѣ дорогу крайнею развязностью...

В. не дослушалъ меня и поѣхалъ къ губернатору, къ которому имѣлъ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ. Губернаторъ призываетъ меня къ себѣ и говоритъ, что ему было бы желательно видѣть у меня на сценѣ В. Я передалъ ему причины, по которымъ всякія отношенія съ В. были для меня немыслимы.

— Но онъ такъ добивается этихъ гастролей въ Твери и за него такъ убѣдительно просятъ, что я пообѣщалъ ему непремѣнно уговорить васъ сойтись съ нимъ и согласиться на его, кажется, необременительныя условія.

— Но мнѣ лично онъ крайне антипатиченъ и его услугами, даже безплатными, мнѣ воспользоваться нежелательно.

— Я понимаю васъ,—сказалъ губернаторъ,—но поборите въ себѣ враждебное чувство и дайте ему съиграть, этимъ вы обяжете меня.

Дѣлать было нечего, пришлось согласиться на его гастроли. Сейчасъ, по выходѣ анонса, въ городѣ сталъ циркулировать слухъ, что В., мой личный врагъ, участвуетъ въ моемъ театрѣ противъ моего желанія, чуть ли не по приказанію губернатора. Этотъ слухъ сдѣлалъ то, что жители были вооружены противъ гастролера и, собравшись на первый же спектакль въ большомъ количествѣ, встрѣтили его дружнымъ шиканьемъ и свистомъ.

— Это ваши штуки!—сказалъ мнѣ ничуть не смущенный В., выйдя за кулисы.

И этотъ незаслуженный укоръ, и эта демонстрація (относившаяся исключительно, какъ оказалось потомъ, къ губернатору) смутили меня до крайности, и я не зналъ, что̀ сдѣлать съ бушевавшей толпой, такъ необдуманно вступавшейся за стараго своего антрепренера. В. попробовалъ было еще разъ выйти, но его опять встрѣтили шиканьемъ, тѣмъ не менѣе онъ началъ свою роль, думая силою своего дарованія заставить зрителей раскаяться въ преждевременномъ сужденіи объ его персонѣ; но публика была неумолима—каждый его выходъ сопровождался гробовымъ молчаніемъ, а лучшія мѣста роли приправлялись шипѣньемъ.

На другой же день В. исчезъ изъ Твери, оставивъ на мое имя коротенькую записку, въ которой говорилось: «Положимъ, виноватъ я передъ вами, но зачѣмъ же такъ безчеловѣчно мстить».

Этотъ укоръ былъ несправедливъ, обидно несправедливъ. Я повторяю и теперь, на склонѣ дней своихъ,—весь этотъ протестъ публики былъ для меня такъ же неожиданъ, какъ и для В. Не только я не принималъ въ немъ участія, но даже не подозрѣвалъ его...

XIII.

Сынъ мой Григорій.—Д. А. Славянскій.—Мое путешествіе съ нимъ по Россіи и за границей. - Заключеніе.

Самый младшій сынъ мой, Григорій, съ малолѣтства отличался блестящими музыкальными способностями; онъ самоучкою дошелъ до игры на роялѣ, скрипкѣ, віолончелѣ и друг. инструментахъ. Съ двѣнадцати лѣтъ онъ былъ солистомъ въ театральныхъ оркестрахъ, а съ шестнадцати—самостоятельнымъ капельмейстеромъ. Въ настоящее время, имѣя двадцать второй годъ отъ роду, онъ является организаторомъ и управителемъ «Русской пѣвческой капеллы», дающей свои концерты на подмосткахъ петербургскихъ частныхъ сценъ. Вся печать отзывается объ его концертахъ крайне лестно и это безгранично радуетъ меня.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отъ кого-то узналъ Дмитрій Александровичъ Славянскій про выдающіяся способности моего сына и упросилъ меня отпустить его къ нему на должность хормейстера. Первоначально я отклонилъ это предложеніе, мотивируя малолѣтствомъ Григорія, отрывать котораго отъ себя было жаль и боязно, но потомъ, когда Славянскій пригласилъ и меня на службу въ свою капеллу, единственно кажется для того, чтобы я могъ не разставаться съ сыномъ, то пришлось сдаться на его увѣщанія и провести нѣсколько лѣтъ въ странствованіяхъ по-бѣлу свѣту. Я при капеллѣ занялъ роль передового, очень важную во всѣхъ артистическихъ путешествіяхъ. На обязанности передового лежитъ устройство концертовъ, начиная съ найма зала или театра и кончая продажей билетовъ. Обыкновенно передовой пріѣзжаетъ за нѣсколько дней раньше капеллы въ тотъ городъ, въ которомъ долженъ быть концертъ и, устроивъ все, отправляется дальше, въ другомъ городѣ продѣлываетъ то же и опять дальше, а по его слѣду ѣдетъ капелла.

Д. А. Славянскій доводится мнѣ старымъ знакомымъ. Въ бытность мою, первый разъ тверскимъ антрепренеромъ, онъ принималъ участіе въ дивертисментахъ, даваемыхъ въ то время часто вмѣсто водевиля. Онъ былъ тогда очень молоденькимъ, стройнымъ юнкеромъ, его теноръ чрезвычайно нравился публикѣ и онъ пользовался солиднымъ успѣхомъ. По выходѣ изъ военной службы, посвятивъ себя театру, и главнымъ образомъ пѣнію, онъ игралъ у меня въ Пензѣ и Самарѣ. Его излюбленною ролью былъ Торопка въ «Аскольдовой могилѣ» и Иванъ въ водевилѣ «Анютины глазки». Актеромъ онъ былъ очень недурнымъ, не говоря уже объ его симпатичномъ пѣніи, и публика относилась къ нему чрезвычайно радушно...

Вскорѣ по вступленіи въ его капеллу, сынъ занялъ въ ней выдающійся постъ учителя пѣнія. У Дмитрія Александровича зародилась гуманная идея пріучить каждаго своего пѣвчаго къ какому-

нибудь оркестровому инструменту, дабы онъ, по потерѣ, голоса не оказался совершенно лишеннымъ куска хлѣба. Кромѣ того, музыкальныя упражненія должны были способствовать бо̀льшему развитію слуха. Мой сынъ съ терпѣливой энергіей принялся за этотъ трудъ и въ короткое время образовалъ изъ пѣвчихъ довольно недурной оркестръ.

Съ капеллой Славянскаго я объѣхалъ почти всю Россію, побывалъ въ Германіи, Франціи и Англіи. Во многихъ городахъ, особенно въ волжскихъ, я встрѣчалъ много старыхъ знакомыхъ своихъ и эти встрѣчи доставляли мнѣ истинное наслажденіе; они напоминали мнѣ минувшіе дни моей кипучей антрепренерской дѣятельности, моего неустаннаго труда. Меня радушно встрѣчали начальствующія лица, къ которымъ приходилось обращаться по разнымъ обстоятельствамъ при устройствѣ концертовъ, и весело вспоминали о «нашемъ старинномъ знакомствѣ». И что же оказывалось? Они знавали меня еще дѣтьми, а ихъ родители со мною дружили нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Называйте это какъ угодно, хоть наивностью, хоть сентиментальностью, но это такъ мило сердцу, такъ пріятно, такъ симпатично самолюбію. Нужно быть непремѣнно старикомъ, чтобы понять всю эту прелесть...

Иностранныя земли не произвели на меня того чарующаго впечатлѣнія, которое выносятъ обыкновенно всѣ туристы. Впрочемъ, это можетъ быть потому, что я посѣтилъ ихъ сѣдовласымъ старцемъ, а не юношей, который обладаетъ по понятной причинѣ большимъ воображеніемъ, меньшею разсудительностью и никакимъ умѣньемъ сравнивать и сопоставлять. Я пожилъ — и мнѣ чужая краюшка хлѣба не вкуснѣе собственной...

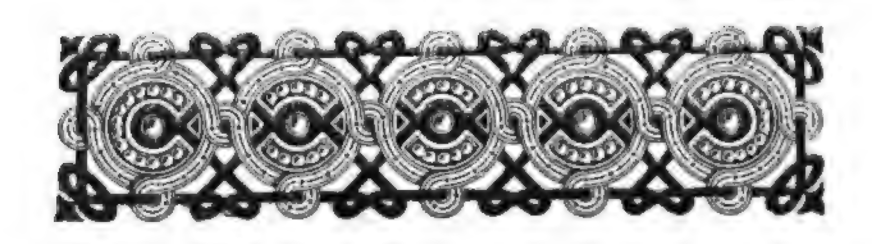
Вотъ все, что̀ уцѣлѣло въ моей памяти. За неполноту, отрывочность и за невольныя погрѣшности, если только таковыя встрѣтятся, еще разъ прошу прощенія. Въ заключеніе не могу обойти молчаніемъ результата моей полувѣковой дѣятельности за кулисами провинціальнаго театра. Какъ вступилъ я на сцену ни съ чѣмъ, такъ и сошелъ съ нея безъ всего. Почти одно и то же, но между тѣмъ разница безъ мѣры. Вступалъ я молодымъ, съ розовыми надеждами на настоящее, мало заботясь о будущемъ и совсѣмъ не думая о перспективѣ старости. Для юноши, полнаго силъ и энергіи, нужда и недостатки нипочемъ, онъ смотритъ на нихъ съ насмѣшливой улыбкой, въ полной увѣренности восторжествовать надъ ними, а старикъ падаетъ отъ ихъ назойливаго взгляда, для него нѣтъ ни борьбы, ни исхода. Нѣтъ ничего хуже, мучительнѣе, обиднѣе, какъ сознаніе своей немощи. Не я одинъ изъ актеровъ дожилъ до старости, доживали и другіе, и всѣ поголовно влачили незавидное прозябаніе въ смыслѣ матеріальныхъ средствъ, ибо не было примѣра, чтобы актеръ могъ обезпечить свою старость. Изъ чего? Когда? Пріятное исключеніе составляютъ служители казенныхъ театровъ,

но ихъ въ сущности немного, этихъ счастливцевъ перечесть можно по пальцамъ; а провинціальныхъ лицедѣевъ, устарѣвшихъ, не способныхъ, безъ крова и хлѣба, разбросано по Россіи безчисленное множество... Актерская участь — самая ужасная: молодъ, здоровъ, веселъ — лавры, оваціи до головокруженія и деньги; чуть только на лицѣ появились складки, то тамъ, то сямъ, почувствовалъ боль— оказываешся лишнимъ, дармоѣдомъ, на твое мѣсто есть такой же претендентъ, какимъ и ты былъ прежде, тоже въ свою очередь кого-то замѣнившій, молодой, здоровый, веселый. Видя цыганскую жизнь, придавая легко доставшимся деньгамъ малое значеніе, въ вихрѣ вѣчно свѣжихъ впечатлѣній не представляя себѣ старости,— ты ничего не сохранилъ. Ты сошелъ съ театральныхъ подмостковъ на рыхлую почву и въ первый разъ задумался: «мнѣ нуженъ сухой уголъ и кусокъ хлѣба!» Мимо тебя пробѣжалъ твой бывшій поклонникъ и не узналъ тебя: при дневномъ свѣтѣ и въ житейской обстановкѣ ты совсѣмъ не тотъ, что при газовомъ освѣщеніи и въ мишурномъ блескѣ театральнаго тряпья. Первая мысль, осѣняющая тебя, безъ сомнѣнія: «работать!» Но на какую работу ты способенъ? Чему ты учился?...

Это тяжелые вопросы, наводящіе на серьезныя размышленія. И пусть бы каждый, чье сердце рвется за рампу, кто хочетъ сложить свою жизнь на алтарь искусства, призадумался о завтрашнемъ днѣ, и можно быть увѣреннымъ, что хоть десятая часть спасется. Дайте мнѣ этихъ благоразумныхъ людей, и я преклонюсь предъ ними своей сѣдой головой!...

Н. Ивановъ.

ОСТРОУМНО.

(Разсказъ).

I.

СЛАВА БОГУ, все обошлось благополучно. Гроза пронеслась, не оставивъ никакихъ зловредныхъ слѣдовъ. Всѣ остались на своихъ мѣстахъ и въ прежнихъ званіяхъ. Можетъ быть, потомъ придетъ что-нибудь неожиданное, въ родѣ замѣчанія или выговора, или даже перемѣщенія, но по всѣмъ видимостямъ ничего подобнаго не предвидится. По крайней мѣрѣ архіерей все время, что провелъ онъ въ Токмакахъ, былъ въ добромъ духѣ, никого не бранилъ и ни за что не сердился и ко всему приговаривалъ: «Благо, благо!» А это означало, что онъ доволенъ. Были, конечно, грѣхи, ибо за всѣмъ не услѣдишь и всего не предусмотришь.

Но, однако, все сошло вполнѣ благополучно, и когда архіерей уѣхалъ изъ Токмакскихъ предѣловъ, діаконъ Стефанъ Ревущій, отъ природы человѣкъ легкій, не взирая на свой санъ и свое семейное положеніе (ибо онъ былъ отецъ семерыхъ дѣтей), всенародно трижды подпрыгнулъ на мѣстѣ и воскликнулъ: «Вотъ ужъ по-истинѣ благо!»

Однакожъ все это нисколько не относится къ дѣлу. А дѣло-то самое въ томъ, что была вторая половина августа, т. е. такое время, когда хуторяне уже до половины засыпали свои засѣки

зерномъ. И давно уже звали діакона Стефана Ревущаго хуторяне «ильновать» къ нимъ. Пріѣзжайте, да пріѣзжайте, о. Стефанъ! А гдѣ тутъ поѣхать, когда со дня на день ждали архіерея. Архіерей давно уже ѣздилъ по епархіи и такой у него былъ обычай, чтобъ никакого маршрута не назначать. Такимъ образомъ въ иныхъ уголкахъ духовныя лица два мѣсяца трепетали, и случалось, что и напрасно. О. Стефанъ ѣздилъ къ хуторянамъ ежегодно въ началѣ августа. Этимъ, собственно говоря, онъ и кормилъ всю зиму семейство. Приходъ Токмакскій былъ изъ плохенькихъ, да, къ тому же, еще коренные прихожане не отличались благочестіемъ. Другое дѣло — хуторяне. Народъ это былъ богатый, гостепріимный. Поѣдешь къ нимъ всего съ однимъ ведромъ водки, а они тебѣ натаскаютъ такую кучу хлѣба, что въ пять возовъ не умѣстишь. Такой народъ и таковъ обычай.

И вотъ именно въ тотъ день, когда благополучно отъѣхалъ архіерей, о. Стефанъ сказалъ своей женѣ:

— Пошли къ Исайкѣ за ведромъ водки! Завтра ранехонько на хутора ильновать поѣду. Исайкѣ сказать, чтобы въ долгъ отпустилъ, потому денегъ ни гроша нѣтъ. Къ архіерею готовился, — новую рясу справилъ и сапоги купилъ. Всѣ деньги извелъ!

Такъ и было сдѣлано. Исайка, разумѣется, отпустилъ водку въ долгъ, потому что онъ питалъ уваженіе къ духовнымъ особамъ. А на другой день, раньше солнечнаго восхода, о. Стефанъ уже трясся въ своей телѣжкѣ, имѣя въ передкѣ ведерный боченокъ съ водкой, прикрытый сверху для приличія сѣномъ. Захватилъ онъ еще съ собой старшаго сынка, двѣнадцатилѣтняго Димитрія, уже обучавшагося въ духовномъ училищѣ и потому называвшагося не иначе, какъ «студентомъ». Дмитрію надняхъ предстояло ѣхать въ школу, такъ какъ каникулы кончались; въ виду этого ему было позволено сопровождать отца.

Хутора отстояли отъ Токмакъ всего верстахъ въ двѣнадцати. Была въ нихъ дюжина хатъ, а населеніе состояло изъ мѣщанъ, выселившихся изъ города. Все — арендаторы, народъ хлѣбный и гостепріимный. О. Стефанъ даже и не думалъ о томъ, къ которой изъ двѣнадцати хатъ онъ подъѣдетъ и чьимъ гостепріимствомъ воспользуется. Это было рѣшительно все равно. Всѣ хуторяне въ одинаковой степени жаловали его, всѣ по воскресеньямъ, когда пріѣзжали къ обѣднѣ, заходили къ нему запросто, пили чай и закусывали, и всѣ въ одинъ голосъ говорили:

— Да когда же вы къ намъ, о. Стефанъ, пожалуете? Ужъ мы ждемъ не дождемся!..

Поэтому о. Стефанъ сошелъ съ телѣги около той хаты, гдѣ случайно остановилась лошадь. Сошелъ онъ и сказалъ сыну:

— Ну, студентъ, слѣзай, да помогай батькѣ лошадь распречь!

«Студентъ» соскочилъ съ телѣги и, несмотря на свой малый ростъ, принялся дѣятельно развязывать черезсѣдельникъ и отпускать супонь. Только тогда, когда лошадь была выпряжена, о. Стефанъ оглядѣлся и спросилъ:

— Да чья же это будетъ хата?—и сейчасъ же самъ себѣ отвѣтилъ: — а, это хата Панченка; вотъ, можно сказать, сама судьба къ тезкѣ опредѣлила!.. Э, да вонъ самъ Степанъ Григорьевичъ. Солнце уже вонъ сколько поднялось, а вы еще только глаза протираете...

Степанъ Григорьевичъ вышелъ изъ хаты. Онъ былъ въ жилеткѣ безъ пиджака, въ суконныхъ брюкахъ и въ ботинкахъ; вообще хуторяне, помнившіе еще городскія привычки и считавшіе себя существами высшими по отношенію къ крестьянамъ, имѣли и въ одеждѣ склонность къ городскимъ фасонамъ. Въ полевыхъ работахъ это было неудобно, но хуторяне, за немногими исключеніями, предпочитали терпѣть эти неудобства, чѣмъ лишиться привилегіи носить длинные штаны на выпускъ, ботинки, жилеты, пиджаки и фуражки.

Степанъ Григорьевичъ улыбался на шутливый укоръ о. Стефана и даже не почелъ нужнымъ возразить, что въ дѣйствительности онъ, какъ и весь хуторъ, поднялся раньше солнца и успѣлъ уже обойти пять десятинъ картофеля и баштанъ и надѣлать множество другихъ дѣлъ, а теперь вернулся домой для «сниданка».

— Отъ хорошо сдѣлали, что пріѣхали!—сказалъ онъ, пожимая своей корявой, увѣсистой рукой слабенькую руку о. Стефана.—И школьника привезли!

— Напросился! присталъ, никакъ отвязаться не могъ!

Степанъ Григорьевичъ взялъ въ свое вѣдѣнье телѣгу и лошадь о. Стефана, перемѣстилъ ихъ туда, гдѣ, по его мнѣнію, имъ было удобнѣе, далъ лошади зерна и пригласилъ гостей въ хату.

— Я думаю, всѣ на работѣ?—спросилъ о. Стефанъ.

— Да это что! Работа — работой, а расположеніе — расположеніемъ! Эге, да тутъ боченочекъ притаился! Ого-го! Ведерко! Ишь ты, лежитъ, да помалчиваетъ! Это преотлично! Ну, чего даромъ на солнцѣ печься, пойдемъ-ка въ хату!

И онъ ладонью какъ-то необыкновенно искусно взялъ боченокъ и, какъ какой-нибудь полштофъ, одной рукой понесъ его въ хату. Степанъ Григорьевичъ смотрѣлъ здоровякомъ, человѣкомъ громадной силы, имѣлъ три аршина росту и широкую кость.

Въ хатѣ оказалась жена его, какая-то свояченица, масса дѣтей и взрослой родни. Хата была помѣстительнѣе обыкновенной мужицкой хаты, да и въ обстановкѣ было кое-что, изобличавшее городское происхожденіе хозяевъ. Кровать съ множествомъ подушекъ не красовалась на первомъ планѣ, а была углублена въ темное пространство между высокой печкой и стѣнкой, такъ что видна была только часть ея. Образа не были прибиты къ стѣнѣ въ углу, а стояли на угольникѣ, сдѣланномъ шкафчикомъ. Весь простѣнокъ между окнами былъ залѣпленъ фотографіями, между которыми была карточка самого Степана Григорьевича съ женой, о. Стефана и другихъ духовныхъ особъ изъ Токмакъ и изъ города. Вмѣсто лавокъ были стулья деревянные, твердые и аляповатые, окрашенные въ желтый цвѣтъ съ коричневой отдѣлкой.

Самъ Степанъ Григорьевичъ сейчасъ же отправился по хатамъ звать земляковъ въ гости.

— Пожалуйте къ намъ, — говорилъ онъ, — на о. Стефана изъ Токмакъ, пожалуйте!

— А, на о. Стефана? Это дѣло! Сейчасъ будемъ! — отвѣчали сосѣди и, прежде чѣмъ одѣть пиджаки и причесаться, шли въ засѣку и приготовляли мѣшки, насыпая въ нихъ всякаго зерна и картофеля, и рѣдьки, и всякой огородины. Для хуторянъ это было что-то въ родѣ праздника; когда они дарили полные мѣшки излюбленнымъ духовнымъ лицамъ, они чувствовали себя такъ, какъ будто сами получали подарки. Но за то и не было большаго оскорбленія, какъ если бы кто вздумалъ отказаться отъ дара.

Хата Степана Григорьевича очень скоро наполнилась хуторянами, которые пришли съ своими женами и очень степенно сѣли за столъ; въ хатѣ была тѣснота и духота невообразимая, но благовоспитанные хуторяне дѣлали видъ, что чувствуютъ себя отмѣнно и что имъ какъ разъ въ пору. Мужчины были въ толстыхъ суконныхъ пиджакахъ, а дамы повязали головы шерстяными платками. Потъ градомъ катился съ тѣхъ и другихъ, но приличіе и хорошій хуторянскій тонъ требовали въ присутствіи духовнаго лица полнаго костюма.

Водка изъ ведернаго боченка переливалась въ полштофъ, который только на одну минуту появлялся на столѣ и затѣмъ исчезалъ для новаго наполненія. Въ искусствѣ пить водку хуторяне оставляли крестьянъ далеко позади себя. Мужикъ съ пятой рюмки уже пьянѣетъ и начинаетъ нести околесину, а хуторянину иному цѣлый полштофъ нипочемъ и только при началѣ второго въ глазахъ у него начинаетъ двоиться. Но о. Стефанъ въ этомъ отно-

шеніи болѣе примыкалъ къ крестьянскому элементу. Онъ очень скоро сталъ видѣть предметы въ превратномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что ему, какъ виновнику торжества, было обязательно чокнуться и выпить со всякимъ. Поэтому онъ первый нарушилъ требованія хорошаго хуторянскаго тона. Онъ нарушилъ ихъ уже тѣмъ, что растегнулъ кафтанъ, такъ что всѣмъ присутствовавшимъ была видна его рубашка съ вышитой грудью. Но этого оказалось мало, и онъ прямо сказалъ:

— Охъ, Господи! Вотъ ежели бы кафтанъ снять!

— Да сдѣлайте одолженіе, о. Стефанъ! Даже съ удовольствіемъ!— отвѣтили въ одинъ голосъ хозяева и гости:—а мы пиджаки скинемъ!

И тутъ произошло общее разоблаченіе. О. Стефанъ скинулъ кафтанъ, хуторяне пиджаки, а хуторянки платки, и всѣмъ стало легче.

Но по мѣрѣ того, какъ полштофъ появлялся и исчезалъ для того, чтобы опять появиться, а на блюдахъ, мискахъ и тарелкахъ уменьшались хозяйскіе пироги, рыбцы, вареная баранина и т. п. яства, публика отяжелевала и опять-таки о. Стефанъ первый запросилъ облегченія.

— А нѣтъ ли у васъ гдѣ-нибудь тѣни?—спросилъ онъ:—на свѣжій бы воздухъ перебраться!

И это было принято съ удовольствіемъ, потому что соотвѣтствовало общему желанію. Тѣнь оказалась позади хаты; здѣсь на землѣ была разостлана скатерть, принесены скамеечки и для замѣны ихъ полѣна и большіе камни, и пиршество продолжалось подъ открытымъ небомъ.

Нечего и прибавлять, что боченокъ, привезенный о. Стефаномъ, давнымъ-давно уже опустѣлъ и на скатерти появилась хуторская водка, отчасти городского происхожденія, отчасти разлива все того же Исайки Токмаковскаго, у котораго забирали хуторяне. Компанія душъ въ тридцать, состоявшая изъ стариковъ, молодыхъ хозяевъ и бабъ, представляла довольно живописную картину, оживляемую камышевымъ заборомъ сосѣдней хаты. Разговоры велись теперь очень громко, въ иныхъ уголкахъ пробовали заводить пѣсню, это подмывало другихъ и вдругъ пѣсня какъ-то сама собой наладилась и огласила хуторъ съ окрестностями. Пѣніе было звонкое, раскатистое, хотя не стройное. Пѣли «Грыця», очень печальнаго и заунывнаго Грыця, и чувствительныя хуторянки то-и-дѣло вытирали передниками слезы.

И надъ всѣми голосами и выше ихъ всѣхъ звучалъ тонкій те-

норъ о. Стефана Ревущаго, фамилія котораго очень мало подходила къ его голосу, и было бы гораздо справедливѣе, если бы его прозывали, напримѣръ, Вопіющимъ.

Въ то время, какъ хуторянскій праздникъ дошелъ до высшей точки своего развитія и о. Стефанъ имѣлъ уже по крайней мѣрѣ на шесть возовъ опредѣленныхъ обѣщаній, произошло обстоятельство, котораго никто не ожидалъ.

II.

Это было совершенно вѣрно, что архіерей, найдя вчера все въ Токмакахъ въ полной исправности, поѣхалъ дальше, т. е. въ Чимбаровку, а изъ Чимбаровки предполагалъ отправиться на Малые Косяки и т. д. Но надо же было такъ случиться, что какъ разъ въ это время въ городѣ внезапно умеръ губернаторъ, о чемъ архіерею сообщили телеграфомъ. Архіерей уважалъ губернатора, а губернаторъ уважалъ архіерея, поэтому похороны перваго въ губерніи гражданскаго лица никакъ не могли обойтись безъ перваго въ губерніи духовнаго лица. Архіерею оставалось одно: бросить свой маршрутъ и ѣхать обратно въ губернскій городъ и притомъ избравъ для этого самый краткій путь. А краткій этотъ путь и лежалъ какъ разъ черезъ хутора.

Было уже часовъ одиннадцать дня, когда архіерейская карета, запряженная четверкой почтовыхъ лошадей, перерѣзывала хуторъ, проѣзжая неподалеку отъ хаты Степана Григорьевича. Въ каретѣ сидѣлъ архіерей и съ нимъ соборный священникъ и благочинный, молодой и очень ученый академикъ, архіерейскій любимецъ. Рядомъ съ кучеромъ помѣщался келейникъ — безусый паренекъ въ короткомъ кафтанѣ съ ременнымъ поясомъ и съ кудрявыми длинными русыми волосами. Свита архіерейская, состоявшая изъ протодіакона, иподіаконовъ и пѣвчихъ, значительно поотстала.

Проѣзжая хуторомъ, кучеръ попридержалъ лошадей. Архіерей хотѣлъ изъ окна кареты осмотрѣть хуторъ. Въ это время до его ушей долетѣла пѣсня, исполнявшаяся хуторянскимъ хоромъ. Ничего не могъ разобрать архіерей изъ того, что пѣли хуторяне послѣ очищенія ведернаго боченка и многихъ полштофовъ, но вниманіе его обратилъ на себя очень высокій и звучный теноръ, какого, пожалуй, не было и въ его хорѣ. У архіерея было пристрастіе къ высокимъ тенорамъ и онъ сказалъ келейнику:

— Поѣзжай туда, гдѣ поютъ!

Карета медленно направилась къ хатѣ Степана Григорьевича.

И вотъ именно въ тотъ моментъ, когда о. Стефанъ, выразительно закативъ глаза подъ лобъ, съ самымъ искреннимъ чувствомъ выводилъ вмѣстѣ съ другими членами компаніи послѣдній куплетъ «Грыця»:

«А въ недилю ра-а-а-а-но маты дочку би-и-и-ла:
«За що-жъ ты, до-о-о-ню, Грыця у-труила?...»

Въ этотъ самый моментъ карета остановилась. Хуторяне мгновенно прекратили пѣніе и съ величайшимъ недоумѣніемъ смотрѣли то другъ на друга, то на неожиданное явленіе, которое съ пьяныхъ глазъ готовы были счесть за привидѣніе. Съ тѣхъ поръ, какъ стоялъ хуторъ, — а были здѣсь старики, помнившіе, какъ была построена первая хата,—никогда въ этихъ мѣстахъ не появлялось еще такого богатаго экипажа. Многіе сдѣлали попытку встать и подойти ближе, но это не сразу удалось имъ. Потерявъ надежду догадаться, хуторяне обратили вопросительные взоры на о. Стефана, какъ на человѣка образованнаго и видавшаго всякіе виды. Положеніе же о. Стефана было совсѣмъ особенное.

Въ первое мгновеніе онъ и самъ ничего не понялъ. Съ одной стороны—архіерей мѣнялъ лошадей на каждой почтовой станціи, а кареты всѣ одинаковы, съ другой же стороны глаза его отдѣлялись отъ всякаго предлежащаго предмета довольно густымъ туманомъ. Но когда келейникъ соскочилъ на землю и, тряхнувъ своими кудрями, раскрылъ дверцу кареты, а внутри экипажа обнаружилось какое-то движеніе, онъ вдругъ понялъ страшную истину и обомлѣлъ.

Прежде всего онъ былъ безъ рясы и даже безъ кафтана — въ такомъ большомъ обществѣ, въ обществѣ своихъ прихожанъ, среди которыхъ были бабы. Это было неприлично и соблазнительно. И затѣмъ—и это самое главное—онъ былъ пьянъ, это было для него ясно, какъ день, и не подлежало никакому сомнѣнію. Между тѣмъ движеніе внутри экипажа усилилось и вотъ изъ него вышелъ молодой благочинный, а затѣмъ, поддерживаемый келейникомъ подъ руку, — самъ архіерей. О. Стефанъ видѣлъ, что они дѣлали шаги по направленію къ компаніи и его начала трясти лихорадка. Первой мыслью его было—удрать за уголъ хаты, и это, конечно, было бы самое разумное, но какъ-то въ удобный моментъ у него не хватило на это рѣшимости, а когда рѣшимость явилась, время было уже потеряно,—архіерей подходилъ къ компаніи.

— Миръ вамъ, православные христіане!—сказалъ архіерей, обращаясь ко всѣмъ.

Келейникъ успѣлъ въ это время шепнуть одному изъ хуторянъ: «это архіерей», но и безъ этого важный и почтенный видъ пріѣзжаго, сѣдая борода, клобукъ съ длинной мантіей, три креста на груди и шелковая темно-зеленая ряса — произвели должное впечатлѣніе, и хуторяне, сдѣлавъ огромное усиліе, встали и старались выдержать равновѣсіе.

— Что это у васъ, праздникъ?—продолжалъ архіерей.

Хуторяне молчали, такъ какъ никто изъ нихъ не надѣялся на твердость своего языка.

— Должно быть, имянины справляли! — предположилъ благочинный.

— А какая это пѣсня, что вы пѣли?

— Это «грыцьь», ваше высокопреосвященствіе!—рѣшился, наконецъ, сказать одинъ хуторянинъ, изъ молодыхъ хозяевъ, сосѣдъ Степана Григорьевича.

— А кто это у васъ тутъ такимъ высокимъ голосомъ поетъ? Хорошій голосъ!..—спрашивалъ архіерей.

О. Стефанъ стоялъ на самомъ заднемъ планѣ. Впереди его стояли одинъ за другимъ четыре хуторянина и одна хуторянка и онъ считалъ себя достаточно защищеннымъ этими пятью почтенными спинами. Онъ разсуждалъ въ томъ смыслѣ, что, будучи безъ рясы и кафтана, онъ по костюму мало чѣмъ отличался отъ хуторянъ, которые то же были безъ пиджаковъ, а иные и безъ жилетовъ. Одно только смущало его, это длинные волосы, которые онъ для удобства собралъ и заплелъ въ косичку. Но тутъ онъ разсчитывалъ на то обстоятельство, что архіерейскій глазъ не можетъ достигнуть его затылка.

Но когда архіерей спросилъ о высокомъ голосѣ, онъ дрогнулъ. Чувствуя близость величайшей опасности, какая только представлялась въ его жизни, онъ движеніемъ рукъ и всѣми мускулами своего лица началъ дѣлать выразительные знаки хуторянамъ въ томъ смыслѣ, чтобъ они ни за что̀, ни въ какомъ случаѣ, не выдавали его. Но то, что до этой минуты служило ему спасеніемъ, казалось, теперь должно было погубить его. Бѣда была въ томъ, что онъ стоялъ позади всѣхъ и рѣшительно никто не видѣлъ его жестовъ и знаковъ.

Хуторяне не сразу сообразили, кто собственно у нихъ пѣлъ высокимъ голосомъ. Они всѣ усердно орали и каждому казалось, что онъ выше уже не можетъ взять. Поэтому они промолчали. Архіерей повторилъ вопросъ:

— Я желалъ бы знать, кто изъ васъ обладаетъ такимъ прекраснымъ, высокимъ теноромъ?

Это было другое дѣло. Всѣмъ было извѣстно, что о. Стефанъ обладаетъ именно прекраснымъ, высокимъ теноромъ, онъ и самъ объ этомъ часто говорилъ, и прихожане гордились этимъ. Отчасти, желая похвастаться передъ такимъ важнымъ лицомъ, а съ другой стороны, можетъ быть, разсчитывая оказать услугу о. Стефану, одинъ хуторянинъ съ большой твердостью въ голосѣ промолвилъ:

— А этожъ отецъ Стефанъ! Какъ же, это они!...

— Отецъ Стефанъ? Какой отецъ Стефанъ?—спросилъ архіерей, и глаза его заблистали.

Можно было замѣтить, что благочинный и келейникъ вдругъ поблѣднѣли, очевидно почуявъ катастрофу. Хуторянину, столь рѣшительно открывшему ужасную тайну, тоже показалось, что въ глазахъ архіерея явилось недоброе выраженіе и онъ хотѣлъ бы взять назадъ свои слова, но этого никакъ нельзя было сдѣлать.

— Какой у васъ тутъ есть о. Стефанъ?—уже съ раздраженіемъ спрашивалъ архіерей:—Кто же изъ васъ отецъ Стефанъ?

Тогда пять спинъ, защищавшихъ о. Стефана, подвинулись направо и глазамъ архіерея предсталъ діаконъ села Токмаки, о. Стефанъ Ревущій.

Но въ какомъ видѣ предсталъ онъ?

Діаконъ безъ рясы и кафтана, но съ косичкой на затылкѣ, діаконъ не твердо держащійся на ногахъ — въ обществѣ добрыхъ хуторянъ, его хорошихъ знакомыхъ, это ничего. Но такой же точно діаконъ, передъ лицомъ архіерея, это нѣчто ужасное. Лихорадка, которая била о. Стефана, когда онъ былъ защищенъ пятью непроницаемыми спинами, теперь его всего передергивала, что еще болѣе усиливало впечатлѣніе. Лицо о. Стефана было мертвенно-блѣдно, руки висѣли, какъ чужія.

— Такъ это ты, о. Стефанъ? а? — желчно и гнѣвно спросилъ архіерей.

Жертва только замахала головой, но не произнесла ни слова.

— Какой же ты отецъ, ежели ты въ такомъ видѣ? Гдѣ служишь?

О. Стефанъ все-таки молчалъ, но не потому молчалъ онъ, чтобъ не хотѣлъ объявить о мѣстѣ своего служенія, а просто — языка у него не было, да онъ чувствовалъ, что у него нѣтъ языка. Да и къ чему отвѣчать? Развѣ и такъ не все погибло? Передъ архіереемъ и въ такомъ видѣ...

— Гдѣ служишь? — съ усиленной строгостью повторилъ архіерей.

— Онъ въ Токмакахъ діакономъ состоитъ! — отвѣтилъ благочинный.

— Ага, въ Токмакахъ... Знаю... Помню, помню... А фамилія твоя какъ?

— Ревущій!..—произнесъ, наконецъ, о. Стефанъ тончайшимъ какъ бы выдавленнымъ изъ него голосомъ.

— Какъ?

— Ревущій!..—повторилъ онъ еще болѣе тонкимъ голосомъ.

— Экая нелѣпая фамилія! Запиши, однако, эту фамилію, отецъ благочинный... она мнѣ пригодится...

Сказавъ это, архіерей пошелъ обратно, сѣлъ въ карету, благочинный послѣдовалъ за нимъ, келейникъ вскочилъ на козлы и карета быстро умчалась.

Взоры хуторянъ обратились на о. Стефана. Онъ стоялъ нѣкоторое время какъ бы въ столбнякѣ, не перемѣняя позы, потомъ поднялъ правую руку и провелъ ею по глазамъ, а затѣмъ тою же самою рукой махнулъ, да съ такимъ отчаяньемъ, что хуторяне даже перепугались.

— Погубили!—съ глубокимъ укоромъ сказалъ о. Стефанъ, жалостно посмотрѣвъ на всѣхъ разомъ, а особенно на того хуторянина, который изъ излишняго усердія открылъ его инкогнито.

— Какъ есть—погубили! Однимъ словомъ!

И онъ быстро направился туда, гдѣ стояла его телѣжка и съ нервной поспѣшностью началъ подготовлять запряжку. Хмель весь разомъ вышелъ изъ него, осталась только тяжесть въ головѣ. Хуторяне пошли за нимъ и окружили его.

— Да ну-те, о. Стефанъ! Да что вы! Оставайтесь! Не дадимъ въ обиду! Вы же нашъ, а мы же ваши! А, ей-Богу, оставайтесь, о. Стефанъ!—говорили наперебой другъ передъ другомъ хуторяне, но о. Стефанъ какъ бы ничего не слышалъ и запрягалъ лошадь. Въ порывѣ доброжелательства Степанъ Григорьевичъ захотѣлъ употребить силу и вырвалъ у него изъ рукъ хомутъ.

— Оставьте, прошу васъ, Степанъ Григорьевичъ! — сказалъ о. Стефанъ глубоко серьезнымъ и недопускавшимъ возраженія тономъ:—я такихъ шутокъ не люблю!..

И Степанъ Григорьевичъ оставилъ, а подавленные этимъ тономъ хуторяне стояли и съ болью въ сердцахъ смотрѣли, какъ токмакскій гость вдѣвалъ возжи, взнуздывалъ лошадь и, наконецъ, взбивъ сѣно для сидѣнья, сказалъ:

— Сыщите моего мальчика,—прошу васъ!

«Студента», который игралъ съ хуторянскими дѣтьми, розыскали и привели.

— Садись, Дмитрій! — почти строго приказалъ ему о. Стефанъ и самъ сѣлъ.

Взявъ въ руки возжи, онъ кивнулъ головой хуторянамъ и промолвилъ:

— Прощайте!

И больше ни слова, и уѣхалъ. Хуторяне разошлись по домамъ съ унылымъ, убитымъ видомъ, какъ въ воду опущенные. Они

попробовали было упрекнуть земляка, который открылъ роковую тайну. Но тотъ только развелъ руками и сказалъ:

— Господь его знаетъ. Я располагалъ какъ-бы получше, а оно вышло такое, что и не опомнишься!... Теперь, кажись, всю жизнь буду мучиться!..

О. Стефанъ ѣхалъ всю дорогу молча. Дмитрій приставалъ къ нему съ разными дѣтскими вопросами, но не получалъ никакого отвѣта. О. Стефанъ низко опустилъ голову и размышлялъ: «Охъ, судьбина горькая! Не уйдешь отъ тебя никуда, не спрячешься! Вѣдь вотъ, кажись, все было хорошо. На мѣстѣ тринадцать лѣтъ служу и ни въ чемъ дурномъ не былъ замѣченъ. Архіерей по епархіи ѣздилъ, въ Токмаки прибылъ и остался доволенъ... Къ хуторянамъ поѣхалъ, думалъ—дѣткамъ хлѣбца соберу и на тебѣ!... Собралъ! Пьяницей никогда не былъ, ну вотъ, ей-Богу-же, никогда не былъ пьяницей, одинъ разъ въ годъ развѣ, бывало, подвыпьешь, и то, ежели въ хорошей компаніи. А теперь въ пьяницы произведутъ. А какъ же!? Ужъ непремѣнно произведутъ! И на какомъ моментѣ засталъ! Безъ рясы, безъ кафтана, съ косичкой, передъ народомъ, передъ бабами, пѣсни пѣлъ, да еще—пьянъ! Даже стыдно вспомнить! И фамилія, говоритъ, нелѣпая... Чѣмъ же я виноватъ, что у меня такая фамилія? Оно, положимъ, фамилія моя дѣйствительно глупая... Ревущій! Что такое? Почему? Точно звѣрь какой!.. Такъ вѣдь не я же себѣ такую фамилію выдумалъ... Чтò же это будетъ? Чтò будетъ?»

Пріѣхавъ домой, о. Стефанъ, даже не распрягши лошадь, пошелъ въ комнату и сказалъ женѣ:

— Ну, жена, къ бѣдѣ готовься! Ужъ безъ бѣды не обойдется!

— Какъ такъ? Что такое?

— Что такое? А такое, что ни тебѣ, ни мнѣ, и во снѣ не снилось, да, дай Господи, чтобъ и не приснилось никогда!.. Вотъ какое!..

И о. Стефанъ разсказалъ все какъ было. Выслушавъ разсказъ его, діаконица пришла въ глубокое уныніе и согласилась съ о. Стефаномъ, что это особенное попущеніе Божіе за какой-нибудь грѣхъ, и что дѣйствительно только одно остается: ждать бѣды.

Съ этой минуты въ домѣ о. Стефана только и дѣлали, что вздыхали и ждали бѣды.

III.

Будь на мѣстѣ о. Стефана другой человѣкъ, по всей вѣроятности, онъ не ограничился бы вздыханіемъ и ожиданіемъ бѣды. Во-первыхъ—бѣды ожидать нѣтъ надобности, она и сама не замедлитъ придти, а во-вторыхъ—уже извѣстно, что бѣда именно туда и любитъ приходить, гдѣ много вздыхаютъ.

Будь на мѣстѣ о. Стефана другой человѣкъ, онъ первымъ долгомъ поѣхалъ бы къ благочинному, тому самому, что записалъ его фамилію, и поговорилъ бы съ нимъ, какъ слѣдуетъ. Благочинный у нихъ, хотя и очень ученый (академикъ вѣдь онъ), но не гордый и доступный; съ младшимъ духовенствомъ головы не задираетъ, дьяконовъ и даже дьячковъ приглашаетъ къ себѣ въ кабинетъ и проситъ садиться. Если бы оказалось, что архіерей очень ужъ разгнѣванъ и что бѣду совсѣмъ отвести никакъ нельзя, то можно было бы просить о смягченіи. Наконецъ, если бы даже и на это не оказалось надежды, то по крайней мѣрѣ онъ узналъ бы, что̀ грозитъ ему, какая кара. Но о. Стефанъ былъ не такой человѣкъ. Не любилъ онъ мозолить глаза начальству своей особой, не любилъ просить и клянчить о своихъ нуждахъ. «Что̀ будетъ, то будетъ!» таковъ былъ его принципъ на всѣ случаи жизни.

Поэтому въ домѣ токмакскаго діакона всѣ бродили, какъ во тьмѣ. Что̀ ожидаетъ этотъ домъ завтра,—неизвѣстно. Самъ о. Стефанъ порядочно-таки поломалъ голову надъ этимъ вопросомъ: что̀ именно ожидаетъ его?

Полагалъ онъ такъ, что, какъ онъ до сего времени ни въ чемъ дурномъ не былъ замѣченъ, поведенія былъ хорошаго и даже однажды получилъ архипастырское благословеніе, — то особенно большой кары ему не положатъ. Да и велика ли его вина въ самомъ дѣлѣ? Ну, былъ пьянъ, положимъ, дѣйствительно онъ былъ пьянъ; но развѣ архіерей не знаетъ, что причетники пьютъ водку? Знаетъ, конечно. А что при народѣ, и безъ кафтана, и пѣсню пѣлъ, ну тамъ и прочее, такъ это уже все изъ того и вытекаетъ, что былъ пьянъ.

И послѣ такого разсужденія о. Стефанъ начиналъ приходить къ мысли, что дѣло, пожалуй, ограничится выговоромъ, развѣ самое большее—съ занесеніемъ въ формуляръ. А что такое ему формуляръ и какой тамъ формуляръ? Всю жизнь былъ дьякономъ, да дьякономъ и умрешь, вотъ и весь его формуляръ. Ну, а теперь будетъ прибавлено еще, что выговоръ получилъ. Не большая важность.

Ходилъ о. Стефанъ и къ настоятелю и къ дьячку и съ учителемъ Баккалаврскимъ совѣтовался, и всѣ говорили одно и тоже:

— Больше, какъ выговоръ, полагать надо, не будетъ. Вѣдь вы, о. Стефанъ, до сего времени ни въ чемъ не были замѣчены!

Но каково же было изумленіе и разочарованіе всѣхъ, когда черезъ три дня послѣ памятнаго событія, пришла отъ благочиннаго бумага, которая гласила буквально слѣдующее: «согласно личному приказанію его преосвященства, въ виду непристойнаго поведенія діакона Стефана Ревущаго, который передъ своими же прихожанами состоялъ въ нетрезвомъ видѣ, въ недостойномъ его сана костюмѣ, исполняя притомъ пѣсню свѣтскаго содержанія,

къ соблазну прихожанъ, каковыя его, Ревущаго, дѣйствія были усмотрѣны самимъ его преосвященствомъ,—упомянутому діакону Стефану Ревущему предписывается безотлагательно оставить приходъ и имѣть постоянное мѣстопребываніе въ святодуховскомъ мужскомъ монастырѣ, подъ строгимъ надзоромъ о. настоятеля того монастыря, для исправленія его, Стефана Ревущаго, въ теченіе одного года и двухъ мѣсяцевъ, каковое распоряженіе предлежитъ быть исполнено безотлагательно». Прочитавъ это предписаніе, настоятель Токмакскаго прихода, человѣкъ старый и добросердечный, погрузился въ размышленіе. Кара казалась ему жестокой и едва ли справедливой. Но дѣло было не въ томъ. Такъ или иначе, а предписаніе было получено, значитъ, оставалось только одно: исполнить его. Но вопросъ былъ въ томъ, какъ объявить объ этомъ о. Стефану. Вѣдь у него семеро душъ дѣтей, да какихъ! Двѣнадцатилѣтній Митя—самый старшій. А годъ и два мѣсяца — не шутка. У о. Стефана никакихъ запасовъ нѣтъ. Какіе же могутъ быть запасы у сельскаго дьякона? Все это зналъ настоятель и ему было очень тяжело объявить о. Стефану о его судьбѣ.

Однакожъ все-таки пришлось объявить. О. Стефанъ былъ приглашенъ къ настоятелю и собственными глазами прочиталъ роковую бумагу.

— Ну, что же вы скажете на это, о. Стефанъ?—спросилъ настоятель дрожащимъ отъ волненія голосомъ, чувствуя, что вопросъ его глупъ, но что также точно были бы глупы въ этомъ случаѣ и всѣ другіе вопросы и молчаніе.

О. Стефанъ повертѣлъ бумагу въ рукахъ и затѣмъ молча и бережно, какъ вещь, заслуживающую полнаго уваженія, положилъ ее на столъ.

— М... да!—сказалъ онъ, потряхивая головой:—да, да, да! Выходитъ дѣло такое, что... м... да!...

Послѣ этихъ многозначительныхъ словъ, онъ осторожно опустился въ стоявшее позади его кресло, положилъ руки внизъ на колѣни и поднялъ глаза на настоятеля.

— А что вы, о. Агафонъ, на это скажете? а? — спросилъ онъ своимъ тонкимъ голосомъ, быстро и нервно хлопая вѣками глазъ.

Настоятель только развелъ руками и сказалъ:

— Чтожъ дѣлать? Подчиниться!

— Ага!... А дѣтишки? А кто ихъ прокормитъ? а?

— Надо полагать—Богъ прокормитъ! — отвѣтилъ настоятель.

— Оно такъ, конечно!...—сказалъ о. Стефанъ и замолкъ.

Онъ молчалъ долго и внушительно, очевидно сильно работая головой, а настоятель смотрѣлъ въ окно на раскинувшуюся передъ нимъ церковную площадь, на которой его ничто не занимало. Наконецъ о. Стефанъ всталъ и твердымъ, рѣшительныхъ голосомъ промолвилъ:

— Гм... Такъ и сдѣлаю! Гм... Чтожъ, одно только и остается!... Гм...

И взявъ шапку онъ началъ прощаться съ настоятелемъ.

— Какъ же вы сдѣлаете, о. Стефанъ?—спросилъ тотъ встревоженнымъ голосомъ, потому что, судя по виду о. Стефана, можно было ожидать отъ него какого-нибудь неблагоразумнаго шага.

О. Стефанъ махнулъ рукой.

— Э!... Тамъ уже посмотримъ, что выйдетъ!...

И больше онъ не далъ никакихъ объясненій. Площадь церковную перешелъ онъ твердымъ, увѣреннымъ шагомъ, а придя домой сказалъ женѣ:

— Пришла бумага!... на годъ и два мѣсяца въ монастырь... въ святодуховскій!... На епитимію!...

Діаконица вскрикнула и пошатнулась.

— Въ монастырь? А мы, мы? А дѣти?

— М... да! То-то и оно, то-то и оно!... А ты вотъ что: собирай дѣтей, всѣхъ, всѣхъ до одного... Всѣхъ семерыхъ... И сама собирайся!...

— Куда? Господь съ тобой!

— Нѣтъ ужъ, нѣтъ, ты дѣлай, какъ я говорю!... Я знаю! Ужъ я подумалъ!... Ты мнѣ не перечь!... Ужъ я въ монастырь пойду, это вѣрно, потому подчиненность власти соблюдать надлежитъ. Я пойду, а ты собирай всѣхъ и сама... М... да!...

Діаконица посмотрѣла на него съ опасеніемъ, не помѣшался ли онъ отъ горя. Но нѣтъ, онъ смотритъ здраво и говоритъ просто, какъ человѣкъ обдумавшій дѣло и рѣшившій.

— Такъ собираться? — спросила она.

— Сію минуту!—подтвердилъ о. Стефанъ и вышелъ во дворъ.

Діаконица покорно приступила къ дѣлу. Вообще она пользовалась большимъ вліяніемъ въ семейныхъ дѣлахъ и умѣла иногда настоять на своемъ. Но теперь, когда на голову о. Стефана свалилась такая большая бѣда, она не хотѣла раздражать его и подчинилась. Она сейчасъ же начала собирать дѣтей въ дорогу.

А о. Стефанъ выкатилъ свою просторную повозку, привелъ ее въ порядокъ, наклалъ въ нее сѣна и запрегъ лошадь.

— Ну, живѣй, живѣй! — торопилъ онъ жену и самъ даже помогалъ ей одѣвать дѣтишекъ. — Теперь полѣзайте въ повозку, полѣзайте! Садитесь въ кучу, одинъ къ одному. Я въ передкѣ сяду. Живо, живо!

Минутъ черезъ пять токмакскіе обыватели могли видѣть повозку о. Стефана, наполненную дѣтьми, діаконицей и самимъ о Стефаномъ. Удивленные обыватели снимали шапки и спрашивали:

— Куда это вы, о. діаконъ? На имянины, должно быть, чи на крестины?

— Самъ еще не знаю, что будетъ, имянины или крестины! — тенденціозно отвѣчалъ о. Стефанъ.

Діаконица и дѣти всю дорогу молчали. Молчалъ и о. Стефанъ.

Когда повозка стала приближаться къ городу, діаконица рѣшилась спросить:

— Да куда же мы ѣдемъ, о. Стефанъ? Пора бы сказать!

— А вотъ сейчасъ и пріѣдемъ! — уклончиво отвѣтилъ дьяконъ и ударилъ лошадь вожжей по спинѣ.

Въѣхавъ въ городъ, онъ какъ-то встрепенулся, пріободрился и даже разгладилъ бороду. И видитъ діаконица, что повозка держитъ направленіе къ той улицѣ, которая начинается у рѣки и доходитъ до соборной церкви, видитъ она дальше, что повозка повернула въ небольшой переулокъ, гдѣ помѣщается архіерейскій домъ, и думаетъ она: «нѣтъ, нѣтъ, мой дьяконъ и въ правду съума спятилъ!» А архіерейскій домъ уже близко, вотъ онъ—передъ самымъ ихъ носомъ. Домъ-то собственно они уже проѣхали, вотъ желѣзная рѣшотка высокой ограды, а вотъ и ворота, раскрытыя настежь, и, къ ужасу діаконицы, о. Стефанъ повернулъ лошадь прямо въ ворота, въѣхалъ въ архіерейскій дворъ и остановился посрединѣ его.

Архіерейскій дворъ былъ обширенъ, небольшая часть его была отгорожена деревянной рѣшоткой, окрашенной въ зеленый цвѣтъ и засажена небольшими деревцами, кустами и цвѣточными грядами. Во дворъ выходилъ архіерейскій флигель съ длиннымъ открытымъ коридоромъ, съ цѣлымъ рядомъ оконъ и дверей, которыя вели въ квартиры: эконома, регента, пѣвчихъ-мальчиковъ, іеромонаха и, наконецъ, самая крайняя дверь вела въ покои архіерея.

Появленіе повозки съ столь странной поклажей въ мирномъ архіерейскомъ дворѣ, само собою разумѣется, должно было произвести нѣкоторую сенсацію. Первымъ выбѣжалъ изъ подвальнаго этажа, гдѣ помѣщалась кухня, поваръ въ бѣломъ фартукѣ и въ колпакѣ, за нимъ — мальчишка - поваренокъ. Потомъ выглянули четверо мальчиковъ-пѣвчихъ въ длинныхъ черныхъ сюртукахъ, вмѣстѣ съ ними вышелъ бородатый мужчина съ краснымъ носомъ и большими ушами—октавистъ архіерейскаго хора. Они обступили повозку и съ любопытствомъ разглядывали младенцевъ о. Стефана.

— Вамъ собственно кого?—пробасилъ октавистъ, обращаясь къ о. Стефану.

О. Стефанъ слѣзъ съ повозки и оправилъ смявшуюся въ дорогѣ рясу.

— Мнѣ преосвященнѣйшаго владыку!...—отвѣтилъ онъ.

— Владыка не принимаетъ! Владыка принимаетъ только по вторникамъ и пятницамъ, а нынче середа! — замѣтилъ одинъ изъ мальчиковъ-пѣвчихъ.

Въ это время вышелъ экономъ — старый монахъ съ длинной сѣдой бородой.

— Это что за товаръ привезли? — шутливо спросилъ экономъ.

Октавистъ подошелъ къ нему и объяснилъ:

— Какой-то батюшка, должно быть деревенскій, желаетъ владыку видѣть...

— Владыку? Теперь наврядъ! Владыка гуляетъ въ садикѣ! — сказалъ экономъ. — Какъ бы еще не разсерчалъ, увидѣвъ эту фуру! Да что онъ придурковатый что ли, этотъ батюшка? Чего онъ въѣхалъ во дворъ со всѣми своими чадами? Послушайте, батюшка, вы бы могли, кажись, карету-то вашу оставить за воротами...

— Мнѣ преосвященнѣйшаго владыку надобно видѣть, а не васъ! — съ достоинствомъ отвѣчалъ о. Стефанъ.

Но въ это время и экономъ, и октавистъ, и пѣвчіе-мальчики, вдругъ торопливо отодвинулись на задній планъ, кто-то произнесъ: «тсс...», а поваръ съ поваренкомъ совсѣмъ скрылись въ подземелье.

Изъ калитки палисадника вышелъ архіерей, окруженный цѣлой стаей всевозможныхъ птицъ, между которыми были гуси, утки, куры, три журавля, одинъ аистъ съ подбитымъ крыломъ, нѣсколько цесарокъ и еще какія-то. Архіерей имѣлъ обыкновеніе ежедневно собственноручно кормить ихъ и когда онъ выходилъ во дворъ, птицы окружали его и преслѣдовали, оглашая воздухъ криками, каждая на своемъ языкѣ.

— Пошли, пошли! довольно! Больше у меня нѣтъ! — говорилъ своимъ птицамъ архіерей, отмахиваясь отъ нихъ граненой палкой съ серебрянымъ набалдашникомъ.

Вдругъ онъ остановился, увидѣвъ посреди двора повозку, биткомъ набитую какимъ-то народомъ. А тутъ еще, какъ на зло, самый младшій изъ младенцевъ, не имѣвшій отъ роду еще и года, началъ плакать, вслѣдствіе чего діаконица принуждена была покачать его, приговаривая: «шш... шш... шш...».

— Это что такое?—спросилъ архіерей, указывая палкой на повозку.

Онъ былъ въ домашнемъ легкомъ кафтанѣ, свободно подпоясанномъ шелковымъ шнуромъ съ кистями, въ маленькой малиновой скуфьѣ и въ мягкихъ туфляхъ. Въ первую минуту о. Стефанъ въ этомъ простомъ старикѣ даже не узналъ того сперва величественно-благодушнаго, а потомъ величественно-гнѣвнаго старца, котораго видѣлъ въ Токмакахъ и на хуторѣ.

— Этотъ батюшка, ваше преосвященство, желаетъ.... — началъ было экономъ, но о. Стефанъ перебилъ его.

Убѣдившись, что это архіерей, онъ сдѣлалъ къ нему нѣсколько шаговъ и отвѣсилъ поясной поклонъ, а потомъ подошелъ и взялъ благословеніе.

— Что же тебѣ нужно, батюшка?—спросилъ архіерей, глядя на него и одновременно на повозку съ недоумѣніемъ.

— Я, ваше преосвященство, діаконъ селенія Токмаки, Стефанъ Ревущій!—спокойнымъ голосомъ проговорилъ о. Стефанъ.

— Ревущій?

— Ревущій, ваше преосвященство!—попрежнему спокойнымъ и даже какимъ-то вдумчивымъ голосомъ подтвердилъ о. Стефанъ: — я осужденъ вашимъ преосвященствомъ на епитимію, въ монастырь, на одинъ годъ и два мѣсяца...

— Да, да! По заслугамъ осужденъ, по заслугамъ!...

— По заслугамъ, ваше преосвященство! И во исполненіе предписанія я отправляюсь въ назначенный мнѣ святодуховскій монастырь...

— Благо, благо!... Претерпи! Покаяніе очищаетъ отъ грѣха!...

— Очищаетъ, ваше преосвященство! И я предсталъ предъ вашимъ преосвященствомъ ради полученія архипастырскаго напутствія передъ столь труднымъ испытаніемъ...

— Благо, благо! Ну, чтожъ, блюди за собою, вдумывайся, сосредоточивайся на своихъ грѣхахъ, молись, воспари духомъ къ горнимъ высотамъ, слушайся игумена, подражай жизни иноковъ!

— Слушаю, ваше преосвященство!—покорно сказалъ о. Стефанъ.

— А что же ты это привезъ?—спросилъ архіерей, опять указывая палкой на возъ съ его живой поклажей.

— А это? Это, ваше преосвященство, мое семейство: жена и семеро дѣтишекъ!

— Благо, благо!... семеро, говоришь? Благо! Куда же это ты ихъ везешь? Провожаютъ они тебя, что ли?

— Нѣтъ, не провожаютъ! Я привезъ ихъ къ вамъ, ваше преосвященство!—до послѣдней степени просто и естественно отвѣтилъ о. Стефанъ.

— Ко мнѣ? Какъ ко мнѣ? Что же я съ ними буду дѣлать?

— Что вамъ Богъ на сердце положитъ, ваше преосвященство! — кротко проговорилъ о. Стефанъ.

— Да что ты, другъ? Я даже не пойму!

— Ваше преосвященство, у меня нѣтъ ни родни, ни близкихъ людей. Я покоряюсь вашей святой волѣ и иду въ монастырь. А ихъ-то семеро, а съ женой восьмеро! Кто же ихъ прокормитъ, ваше преосвященство? Я единственный ихъ кормилецъ и безъ меня они съ голоду перемрутъ. А какъ ваше преосвященство соблаговолили меня въ монастырь услать, то я собралъ ихъ всѣхъ и привезъ, какъ бы къ отцу родному! Вотъ они, мои птенцы, творите надъ ними вашу архипастырскую волю!...

Моментъ былъ, можно сказать, художественный. Все семейство о. Стефана сидѣло въ повозкѣ, дрожало отъ страха и было, что называется, ни живо, ни мертво. Экономъ, октавистъ, мальчики-пѣвчіе и еще кой-какая публика такого же типа, смотрѣли и слушали доселѣ неслыханно-смѣлыя рѣчи о. Стефана съ крайнимъ напряженіемъ; о. Стефанъ стоялъ передъ архіереемъ, смиренно опустивъ голову, а архіерей, какъ бы чѣмъ внезапно смущенный, молчалъ. Всѣ ждали, что же онъ скажетъ и чѣмъ кончится вся

эта сцена. Но уже заранѣе рѣшительно всѣ были убѣждены, что это кончится плохо.

Чтò же думалъ архіерей? Это никому неизвѣстно. Видѣли только, что лицо его было сурово и онъ, сдвинувъ брови, пристально посмотрѣлъ въ глаза о. Стефану, но о. Стефанъ съ смиренной покорностью выдержалъ этотъ взглядъ; потомъ наблюдали, что лицо архіерея стало понемногу проясняться, и вдругъ всѣ были изумлены, когда онъ довольно добродушно обратился къ отцу Стефану съ слѣдующими словами:

— Однако, остроумную вещь придумалъ ты, отецъ Ревущій!.. Это ты хочешь всю свою семью мнѣ прикинуть?.. Смѣло, но остроумно... Ты мнѣ нравишься, и хоть не слѣдовало бы оказывать тебѣ снисхожденія, но во вниманіе къ твоему семейному положенію, я, на этотъ разъ, тебя прощаю. Экономъ передастъ благочинному, чтобы отмѣнилъ предписаніе... Поѣзжай съ Богомъ, но только впередъ веди себя достойнымъ твоего сана образомъ и больше не пьянствуй. Слышишь?

— Не буду, ваше преосвященство! Ей-же-ей не буду!—отъ глубины души возгласилъ о. Стефанъ.

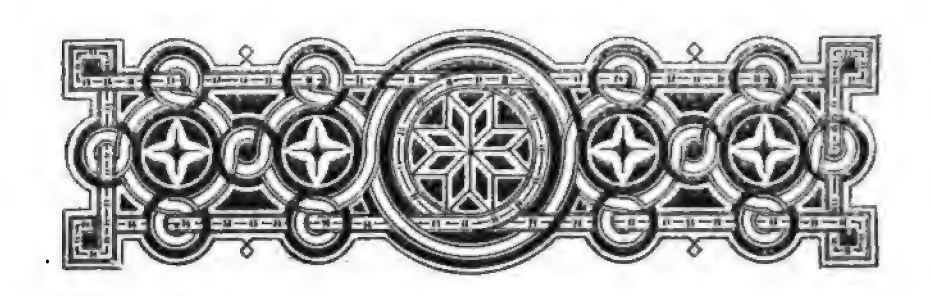
Архіерей пошелъ корридоромъ въ свои покои, говоря про себя: «ну, молодецъ, этотъ дьяконъ! Остроумно придумалъ...»

Отецъ Стефанъ сейчасъ же познакомился съ экономомъ, съ октавистомъ и съ прочими, которые съ удовольствіемъ жали руку героя. Онъ охотно разсказалъ имъ всю свою исторію и разсмѣшилъ ихъ. Потомъ онъ попрощался съ ними, перекрестился, занялъ свое мѣсто въ повозкѣ и не безъ нѣкоторой торжественности выѣхалъ изъ архіерейскаго двора.

Слѣдуетъ ли прибавить, что когда о. Стефанъ съ семействомъ возвратился въ Токмаки, то былъ радостно привѣтствованъ настоятелемъ, дьячкомъ, учителемъ и всѣми, кто успѣлъ узнать о грозившей ему бѣдѣ. А на другой день, рано утромъ, двое хуторянъ привезли ему шесть возовъ собраннаго имъ въ тотъ роковой ден хлѣба, и, понятное дѣло, хорошенько выпили вмѣстѣ съ о. Стефаномъ.

И. Потапенко.

ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ И. А. ГОНЧАРОВѢ.

Я ВСТРѢТИЛСЯ въ первый разъ съ И. А. Гончаровымъ въ 1867 или 1868 году, у покойнаго Гавріила Васильевича Крылова, протоіерея Пантелеймоновской церкви, его духовника и хорошаго знакомаго, котораго Иванъ Александровичъ очень любилъ и уважалъ, какъ человѣка простого и добраго и прекраснаго священника. Однажды, въ день имянинъ Гавріила Васильевича, у него собрались вечеромъ его родственники и знакомые въ числѣ ихъ—членъ синода, придворный протоіерей Ив. Вас. Рождественскій, протопресвитеръ М. И. Богословскій съ семействомъ, нѣсколько протоіереевъ и священниковъ и нѣсколько лицъ свѣтскихъ, въ томъ числѣ И. Т. Осининъ и я. Къ Крыловымъ обыкновенно собирались рано, часовъ въ семь, и долго не засиживались, такъ какъ покойный Гавріилъ Васильевичъ былъ человѣкъ хворый, чахоточный, и долженъ былъ ложиться спать во-время, не позже часовъ двѣнадцати. Въ этотъ день всѣ обычные гости уже были на-лицо, какъ часовъ въ восемь раздался въ прихожей звонокъ и въ гостиную вошелъ Гончаровъ. Я его сейчасъ же узналъ, хотя до того никогда его не видалъ и о его предстоящемъ прибытіи не былъ предупрежденъ. Портретъ его (фотографія), бывшій у меня вмѣстѣ съ фотографіями другихъ знаменитостей литературы, удивительно былъ сходенъ съ оригиналомъ. Одѣтъ былъ Иванъ Александровичъ нарядно—изящно: въ новенькой бархатной визиткѣ, въ пестромъ красивомъ галстухѣ. Знаменитаго гостя уса-

дили на главномъ мѣстѣ на диванѣ; общій говоръ смолкъ, большая часть собравшихся гостей, бывшихъ съ нимъ знакомыми, усѣлись около. Послѣ кой-какихъ спросовъ и отвѣтовъ, Гончаровъ одинъ овладѣлъ рѣчью и разсказывалъ—разсказывалъ, главнымъ образомъ, о своихъ путешествіяхъ, о видѣнномъ и слышанномъ, о японскихъ и сибирскихъ нравахъ. Я никогда не слыхалъ такого прекраснаго разсказчика, онъ рисовалъ рядъ живыхъ картинъ, то смѣшныхъ и забавныхъ, то серьезныхъ и важныхъ, пересыпая ихъ то шутками и каламбурами, то совмѣстными съ собесѣдниками разсужденіями... Такъ незамѣтно прошло часа два: подавали чай, потомъ и десертъ; бесѣда продолжалась съ непрекращавшимся оживленіемъ. Въ десять часовъ одинъ изъ болѣе видныхъ гостей—И. В. Рождественскій всталъ, чтобы идти домой—онъ никогда нигдѣ не оставался дольше этого часа. При его уходѣ всѣ встали и затѣмъ гости раздѣлились на нѣсколько группъ и паръ. Въ это время хозяинъ дома представилъ Гончарову меня, отрекомендовавъ учителемъ словесности (тогда я проходилъ эту профессію въ женскихъ гимназіяхъ). Онъ взялъ меня подъ руку и мы стали прохаживаться по комнатѣ. Я, въ то время еще почти юноша, признаюсь, былъ необычайно польщенъ его вниманіемъ. Разговоръ, который вели мы съ часъ времени, при чемъ къ намъ подходили и другіе, запечатлѣлся живо въ моей памяти. Послѣ нѣкотораго молчанія, Иванъ Александровичъ обратился ко мнѣ съ замѣчаніемъ:

— Ну обо мнѣ-то, я думаю, вамъ не приходится говорить на вашихъ урокахъ словесности?

— Почему же, отвѣчалъ я: напротивъ, не только на урокахъ исторіи литературы (въ первомъ, т. е. самомъ старшемъ классѣ гимназіи) приходится излагать содержаніе вашихъ сочиненій и дѣлать ихъ общую характеристику, наравнѣ съ Тургеневымъ, Островскимъ и другими современными лучшими писателями, но и на урокахъ теоріи словесности и при другихъ практическихъ работахъ ученицъ, приходится штудировать эпизоды изъ вашихъ романовъ. «Сонъ Обломова» помѣщенъ даже въ христоматіи Галахова. А одинъ отрывокъ изъ «Обыкновенной исторіи» — разсужденіе о материнской любви, которое ведетъ авторъ по поводу сцены, происшедшей при отправленіи Адуевой своего сына на службу— я имѣю обыкновеніе заставлять ученицъ заучивать наизусть, или писать подъ диктовку, когда оказывается нужной провѣрка ихъ познаній въ ороографіи.

Гончаровъ былъ какъ-будто изумленъ этимъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ Майкова, Тургенева, Островскаго и даже Некрасова и другихъ писателей, тогда (1863 — 1869 г.), съ легкой руки покойныхъ В. Я. Стоюнина и В. И. Водовозова, штудировали на классахъ словесности при практическихъ занятіяхъ до-

вольно усердно, Гончаровъ и графъ Л. Н. Толстой (котораго «Дѣтство и отрочество», а также «Севастопольскіе разсказы» были уже общеизвѣстны въ то время) были какъ бы въ пренебреженіи, и въ программахъ, и въ христоматіяхъ (Галахова и Филонова), хотя изъ этихъ писателей можно было бы выбрать не мало прекраснаго, вполнѣ педагогическаго, матеріала. — Закончилась наша бесѣда съ И. А. на этотъ разъ приглашеніемъ съ его стороны «быть знакомыми». Но почему-то мнѣ не довелось вскорѣ послѣ того сдѣлать ему визитъ, и мы въ другой разъ встрѣтились съ нимъ — не помню когда—у того же Г. В. Крылова. И въ этомъ собраніи Гончаровъ былъ ораторомъ собравшагося кружка, столь же охотно и непринужденно разсказывая и остроумно разсуждая о важномъ и неважномъ. Помню одинъ любопытный эпизодъ изъ этого вечера. Елизавета Тихоновна Осинина (жена Ивана Терентьевича Осинина, начальника женскихъ гимназіи) въ одну изъ паузъ, вдругъ спрашиваетъ Гончарова:

— А скажите, Иванъ Александровичъ, отчего это всѣ ваши сочиненія начинаются непремѣнно слогомъ *об*? «*Об*рывъ», «*Обло*мовъ», «*Об*ыкновенная исторія»?

Гончаровъ расхохотался.

— А въ самомъ дѣлѣ! Ну, я объ этомъ, признаюсь, не думалъ!

Послѣ этой, второй, встрѣчи я сталъ видѣться съ Гончаровымъ чаще; въ домѣ у него былъ, впрочемъ, не больше пяти-шести разъ за все время. На первый разъ я явился къ нему съ экземплярами изданныхъ къ тому времени моихъ сочиненій. По мой презентъ Иванъ Александровичъ, къ моему удивленію, не отвѣчалъ взаимностью. Гораздо позже, уже въ 1886 году, онъ, посѣтивъ меня (до того времени онъ лишь отдалъ мнѣ визитъ), вручилъ мнѣ превосходный экземпляръ своего портрета, съ весьма лестною для меня надписью. Но, видясь рѣдко на дому у него и у меня, мы за то весьма часто встрѣчались на прогулкахъ, въ Лѣтнемъ саду и — по вечерамъ — на улицахъ. Ему, какъ и мнѣ, предписано было врачами, болѣе или менѣе, продолжительное пребываніе на свѣжемъ воздухѣ. Гулять любилъ онъ преимущественно въ мѣстахъ малолюдныхъ,—чаще всего его можно было встрѣчать вечеромъ на Дворцовой и Гагаринской набережной, или по Фонтанкѣ. Вотъ эти-то совмѣстныя прогулки дали мнѣ возможность ознакомиться до нѣкоторой степени съ внутреннимъ міромъ знаменитаго писателя и съ его взглядами на нѣкоторые предметы. Вообще говоря, заниматься публицистикой и разсуждать о политикѣ, внѣшней ли или внутренней, Гончаровъ не любилъ, и въ этомъ смыслѣ совершенно вѣрно мнѣніе тѣхъ (А. И. Незеленовъ), которые думаютъ, что въ Обломовѣ онъ отчасти изобразилъ себя самого. Но, при разсужденіи о нѣкоторыхъ вопросахъ, онъ обнаруживалъ иногда горячность и даже партійность.

Иванъ Александровичъ имѣлъ въ числѣ своихъ знакомыхъ двухъ министровъ народнаго просвѣщенія—графа Е. В. Путянина и А. В. Головнина. О чемъ же приличнѣе было разсуждать съ такимъ человѣкомъ учителю словесности, какъ не объ образованіи, его методахъ и постановкѣ? Такимъ образомъ, произошло, что въ одну изъ первыхъ по времени нашихъ совмѣстныхъ прогулокъ по набережной Невы и Лѣтнему саду я сталъ развивать предъ нимъ свои идеи о способѣ примиренія и соглашенія классицизма съ христіанствомъ чрезъ правильную постановку средняго и высшаго преподаванія древнихъ языковъ съ одной стороны, и обученія религіи съ другой. Въ самомъ дѣлѣ, не есть ли это аномалія, говорилъ я, что съ одной стороны, чрезъ изученіе древнихъ авторовъ, освоиваютъ молодыхъ людей съ древнимъ античнымъ міровоззрѣніемъ, съ доктринами и принципами язычества, и въ то же время думаютъ сдѣлать молодыхъ людей хорошими христіанами чрезъ два недѣльныхъ урока катихизиса, преподаваемыхъ совмѣстно съ десяткомъ уроковъ древнихъ языковъ? Кто же не знаетъ, что эти двѣ доктрины—языческая и христіанская—до противоположности несходны между собою? Какъ укладываются обѣ онѣ въ головѣ юноши, особенно если онъ къ изученію той и другой докрины относится съ одинаковымъ рвеніемъ и обѣ ихъ съумѣетъ выразумѣть и понять? Если конечная цѣль всякаго образованія — дать людямъ цѣльное и законченное міровоззрѣніе, то какъ достигается эта цѣль при совмѣстномъ изученіи классиковъ и евангелія?.. Объ этомъ предметѣ мнѣ приходилось довольно побесѣдовать и съ графомъ Путятинымъ, съ которымъ я былъ нѣкоторое время знакомъ; покойный министръ отвѣчалъ мнѣ, на вышеизложенное мое недоразумѣніе, объясненіемъ, что въ учебныхъ книжкахъ гимназическихъ собраны лишь отрывки изъ классиковъ, отнюдь не содержащіе міросозерцанія, особенно тѣхъ сторонъ античнаго міросозерцанія, которыя стоятъ во враждебномъ отношеніи къ христіанству, что имѣется въ виду изученіе лишь языковъ древнихъ, а особенно—та гимнастика мысли, которая происходитъ при изученіи языковъ, гимнастика, столь плодотворная для формальнаго логическаго развитія учащихся. Гончаровъ, когда я, передавъ ему свой разговоръ съ Путятинымъ, съ которымъ онъ былъ знакомъ близко, присоединилъ соображенія и о томъ, что въ видѣ рессурса для изученія религіи христіанской было бы полезно хоть часть авторовъ латинскихъ и греческихъ языческихъ замѣнить изученіемъ нѣкотораго числа авторовъ латинскихъ и греческихъ христіанскихъ (при чемъ христіанство изучалось бы въ первоисточникѣ),—отвѣчалъ приблизительно такъ.

— «Никакого міросозерцанія ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, т. е. ни въ гимназіяхъ, ни въ университетахъ, не изучаютъ и не пріобрѣтаютъ: посѣщаютъ классы, учатся хорошо или худо, много или

мало,—а всѣ почти и по окончаніи университета остаются безъ «міросозерцанія». Нѣчто въ родѣ міросозерцанія, кой-какія правила, кой-какія понятія о предметахъ, не содержащихся непосредственно въ лекціяхъ и учебникахъ, пріобрѣтаются болѣе или менѣе внѣ учебныхъ занятій въ школѣ, изъ домашняго быта и изъ домашнихъ традицій, изъ среды, въ которой вращается юноша, наконецъ—изъ элементовъ самообразованія, которое, въ лучшихъ случаяхъ, идетъ объ руку съ школьными занятіями. Образовательное и воспитательное вліяніе школы на учащихся у насъ малозначительно; школа, средняя и высшая, сообщаетъ у насъ лишь аггрегатъ знаній, представляющихъ нерѣдко полный хаосъ. У насъ учащійся школѣ принадлежитъ всего меньше. Не то, что въ Англіи, гдѣ воспитанникъ, напримѣръ, Итонской школы все время своего воспитанія и образованія—съ дѣтства до самой поздней юности,—принадлежитъ ей одной всецѣло и безраздѣльно, и никому больше; ею одною, образованіемъ, воспитаніемъ и обученіемъ въ ней организованными, вырабатывается весь строй понятій юноши и правилъ жизни, весь его характеръ, все то, что угодно вамъ называть міросозерцаніемъ. У насъ не то. У насъ учатся и въ гимназіяхъ, и въ университетахъ, лишь для правъ, для аттестатовъ, и пріобрѣтаютъ таковые безъ большого труда, нерѣдко не пользуясь ничьими другими услугами, какъ одного Савельича (давнишній знаменитый швейцаръ Петербургскаго университета, занимавшійся между прочимъ продажей профессорскихъ литографированныхъ или писанныхъ лекцій, дарившихся ему, за ненадобностію, оканчивавшими курсъ). Считаю нужнымъ еще разъ замѣтить, что эти сужденія относятся къ прошлому, и можно сказать—къ далекому прошлому. Что касается введенія въ курсъ гимназическаго и университетскаго преподаванія греческихъ и латинскихъ писателей христіанскихъ, продолжалъ И. А., то этой мысли не чуждъ и графъ Путятинъ,—не даромъ его огласили «ханжей». Въ печатныхъ документальныхъ и недокументальныхъ данныхъ о министерствѣ графа Путятина мнѣ впрочемъ не случалось встрѣчать подобнаго указанія на его понятія о значеніи христіанскихъ писателей—латинскихъ и греческихъ—для христіанскаго воспитанія учащагося юношества; въ бесѣдахъ своихъ съ графомъ мнѣ также не случалось слышать отъ него что-либо по этому предмету».

Съ Путятинымъ Гончаровъ, сколько мнѣ извѣстно, былъ очень близокъ и друженъ. Этимъ, можетъ быть, объясняется его всегдашняя любовь ко всему англійскому. Графиня, женщина высокообразованная, была природная англичанка и самъ графъ долго жилъ въ Англіи. Въ этомъ прекрасномъ семействѣ Гончаровъ и пріобрѣлъ вѣроятно свое нѣкоторое англофильство. Путятинъ въ пристрастіи къ англійскому складу общественной и частной жизни уступалъ развѣ одному графу Владиміру Петровичу Орлову-Давыдову, воспитаннику Оксфордскаго (или Кембржидскаго) универси-

тета, учредителю громадной преміи за сочиненіе объ устройствѣ русскаго крупнаго землевладѣнія на англійскій манеръ, которая впрочемъ доселѣ еще никому не присуждена, за непоявленіемъ сочиненія.

Гончаровъ имѣлъ—въ цвѣтущую пору своей литературной дѣятельности и, особенно, по возвращеніи изъ кругосвѣтнаго плаванія—очень много знакомствъ въ высшемъ свѣтскомъ обществѣ и въ 1870 — 1875 годахъ, по вечерамъ, рѣдко сиживалъ дома. Но близкаго кружка друзей, которые собирались бы у него, и въ обществѣ которыхъ онъ могъ бы, какъ говорится, отводить душу, у него, можно сказать, почти не было, на сколько мнѣ извѣстно. Меня всегда удивляло, что среди литературнаго міра эта крупная литературная сила стояла какъ-то обособленно, какъ будто въ несовсѣмъ добровольномъ отдаленіи. Кромѣ М. М. Стасюлевича, который сблизился съ нимъ, сколько помню, послѣ того, какъ въ его журналѣ былъ напечатанъ «Обрывъ», я не знаю ни одного литератора или ученаго, который былъ бы съ нимъ даже просто въ пріятельскихъ отношеніяхъ. На литературныхъ вечерахъ въ пользу кого-либо, бывшихъ въ такой модѣ въ недавнее еще время, его совсѣмъ не было видно ни въ роли чтеца своихъ произведеній, ни даже въ качествѣ простого посѣтителя. За все время моего знакомства съ нимъ мнѣ удалось видѣть его лишь на одномъ литературномъ вечерѣ, гдѣ покойный графъ А. К. Толстой читалъ которое-то изъ своихъ драматическихъ произведеній. Аристократическіе знакомые Гончарова принимали его у себя, дѣлали ему утренніе визиты; но жилъ онъ одинокимъ, почти анахоретомъ, въ довольно скучной обстановкѣ, все время въ одной и той же сумрачной квартирѣ на Моховой, во дворѣ, въ первомъ этажѣ, въ которую не проникало солнце. Этимъ его положеніемъ—кто мѣшалъ ему измѣнить его къ лучшему, если устранить предположеніе, что ему самому присуща была обломовская неподвижность — мнѣ кажется слѣдуетъ исключительно объяснять и относительную скудость его литературной производительности и то, большею частію, сумрачное настроеніе духа, какое въ немъ мною замѣчалось... Были, впрочемъ, газетные антрепренеры, которые даже спекулировали его именемъ въ объявленіяхъ о своихъ литературныхъ предпріятіяхъ. Помню, какъ еще въ 1855 году, когда появлялась такая масса юмористическихъ листковъ, иногда очень глупыхъ, въ объявленіи объ одномъ изъ нихъ, называвшемся «Весельчакъ», издатель, хвастая своими литературными силами, разсказывалъ, какъ онъ посѣщалъ разныхъ литературныхъ знаменитостей, приглашая ихъ къ сотрудничеству, и какъ онъ явился наконецъ къ «самому» Гончарову съ тѣмъ же предложеніемъ и какъ тотъ далъ ему свое согласіе съ особеннымъ удовольствіемъ. Когда, позже, спросилъ я объ этомъ Ивана Александровича, онъ отвѣчалъ, что ни о редак-

торѣ, ни о журналѣ его, онъ даже не слыхивалъ. Такова была безцеремонность газетныхъ антрепренеровъ въ недавнее время!

По своимъ убѣжденіямъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, Иванъ Александровичъ былъ скорѣе космополитъ, чѣмъ патріотъ.

— «Народъ нашъ приходится больше жалѣть, чѣмъ любить»,— были его слова.—«Въ цѣломъ мірѣ на всемъ пространствѣ исторіи трудно указать другой примѣръ, гдѣ бы было большее разстояніе между простымъ народомъ и культурными классами».

Когда я ему говорилъ, что образованные классы поймутъ же наконецъ и свои собственные интересы и свои общественныя и государственныя обязанности, настолько, чтобы позаботиться стать поближе къ своему кормильцу народу, для котораго они съ своей стороны должны быть пѣстунами, придти на помощь къ этимъ «свободнымъ» младенцамъ, неумѣющимъ еще стать на ноги,—позаботиться о свободномъ добровольномъ личномъ содѣйствіи всѣхъ и каждаго изъ образованныхъ людей его духовному просвѣтленію и матеріальной культурѣ, по примѣру образованныхъ культурныхъ классовъ Западной Европы, Гончаровъ отвѣчалъ:

— «Богъ вѣсть! Въ Западной Европѣ культурные классы не владѣли нашимъ крѣпостнымъ правомъ».

Я сослался на примѣръ Англіи, гдѣ наиболѣе господствуетъ аристократизмъ, и гдѣ, однако же, самыя высокопоставленные лэди и джентльмены не спѣсивятся, хотя иногда и въ видѣ развлеченія, посѣщать коттеджи крестьянъ для того, чтобы оказать поселянамъ помощь въ устройствѣ быта нетолько словомъ и совѣтомъ, но и дѣломъ, матеріальною помощію, заботами о крестьянскихъ дѣтяхъ и ихъ воспитаніи, леченіемъ больныхъ и т. д., онъ опять отвѣчалъ:

— «Англійскіе лэди и джентльмены не были нашими помѣщиками и не теряли крѣпостныхъ».

Бывъ, если не ошибаюсь, однимъ изъ близкихъ знакомыхъ покойнаго А. В. Головнина, Гончаровъ высказывалъ горячее сочувствіе стремленію этого министра нѣсколько форсировать способы народнаго образованія. Онъ сочувствовалъ Вороновскому проекту обязательнаго обученія и горячо высказывался за сообщеніе народу возможно большаго количества реальныхъ и техническихъ знаній, столь необходимыхъ для сколько-нибудь сноснаго внѣшняго его существованія. Затѣмъ западничество свое Гончаровъ выражалъ и въ томъ, что желая «отдохнуть отъ зимняго бездѣлья», какъ онъ выражался, въ дачномъ времяпровожденіи, онъ любилъ посѣщать Балтійское побережье—Ревель, Меррикюль, Дуббельнъ и другія тамошнія дачныя мѣста; нѣсколько разъ, если не ошибаюсь, уже послѣ своего кругосвѣтнаго путешествія, онъ ѣздилъ и за границу.

— «Тамъ порядки лучше, спокойнѣе и свободнѣе живется,—не

то что у насъ, гдѣ всякій норовитъ запустить свою грязную лапу не только въ твою домашнюю обстановку, но и въ твою душу, въ твой внутренній міръ».

Это были его подлинныя слова.

О литературѣ и о писателяхъ Гончаровъ разсуждалъ со мною мало и какъ-то неохотно, какъ ни старался я каждый разъ сводить бесѣду на этотъ предметъ,—словно это для него было дѣло стороннее, словно самъ онъ не былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей этой литературы, словно онъ писалъ свои произведенія такъ сказать лишь pro domo sua, для удовлетворенія лишь своей личной потребности, вовсе не имѣя въ виду удовлетворенія умственныхъ и эстетическихъ интересовъ общества. Послѣ этихъ разговоровъ мнѣ всегда казалось, что онъ по своей, конечно, доброй волѣ стоитъ особнякомъ и изолированно отъ всего литературнаго міра. Нѣкоторыхъ нашихъ писателей, напримѣръ, Некрасова, казалось мнѣ, онъ прямо не долюбливалъ, о Тургеневѣ высказываться отказывался, критику Бѣлинскаго уважалъ, Л. Толстого любилъ, повидимому, больше другихъ писателей и рекомендовалъ мнѣ для классныхъ занятій въ гимназіи эпизоды изъ его «Дѣтства и отрочества». О Достоевскомъ говорилъ, что онъ мало обработываетъ свои сочиненія съ внѣшней стороны, почему въ нихъ мало внѣшней художественности, что онъ слишкомъ спѣшно пишетъ, словно по заказу (изъ позднѣйшихъ писемъ самого Достоевскаго видно, что дѣйствительно такъ и было на самомъ дѣлѣ). Высокаго достоинства идей и идеаловъ Достоевскаго Гончаровъ не отрицалъ,—но, по его словамъ, это «совсѣмъ другого характера писатель», чѣмъ онъ, Гончаровъ. Объ Островскомъ Гончаровъ говорилъ, что каждое новое его произведеніе прочитываетъ немедленно, какъ только оно появится, и ждетъ его комедій съ нетерпѣніемъ. То, о чемъ говорилъ Гончаровъ съ негодованіемъ и почти отвращеніемъ, это—автобіографическіе разсказы авторовъ, разныя воспоминанія ихъ о своемъ дѣтствѣ и прошломъ. Я возражалъ, что автобіографіи авторовъ помогаютъ пониманію ихъ твореній, выясняя личный субъективный элементъ въ нихъ и вообще процессъ ихъ творчества. Гончаровъ съ этимъ почти не соглашался и цитировалъ извѣстные стихи Пушкина:

«Пока не требуетъ поэта
«Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
. . . .
«Молчитъ его святая лира,
«Душа вкушаетъ хладный сонъ.
«И межъ сыновъ ничтожныхъ міра
«Быть можетъ всѣхъ ничтожнѣй онъ».

— «Частная, обыденная жизнь писателя, даже генія, говорилъ онъ, зависитъ отъ его матеріальнаго достатка и часто бываетъ до того бѣдна и низменна по своей обстановкѣ, что его въ ней и

узнать бываетъ трудно, какъ автора извѣстныхъ идей, носителя тѣхъ или другихъ идеаловъ. Творчество художника хотя количественно и находится въ зависимости отъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ условій его внѣшняго быта, но возникаетъ и развивается болѣе или менѣе внѣ воздѣйствія этихъ условій».

Стихи Пушкина, вышеприведенные, Гончаровъ съ шутливымъ добродушіемъ примѣнялъ къ себѣ, когда, послѣ «Обрыва», насталъ долгій періодъ полнаго бездѣйствія его вдохновенія. Онъ ужасно тяготился этимъ бездѣйствіемъ, приписывалъ его упадку своихъ духовныхъ силъ. «Не могу писать, потому что ничего нѣтъ въ головѣ», говорилъ онъ смиренно не мнѣ одному, когда его спрашивали, скоро ли появится какой-либо его новый романъ. Не столько по своей доброй волѣ, сколько, по видимому, по настоянію другихъ, смущавшихся и недоумѣвавшихъ при видѣ его полнаго бездѣйствія въ то время, когда онъ далеко еще не былъ старъ, онъ взялся за перо и написалъ «Милліонъ терзаній». Получивъ отъ него экземпляръ этой статьи почти одновременно съ книжкой «Вѣстника Европы», въ которой статья эта была напечатана, я вскорѣ встрѣтился съ нимъ на улицѣ. Пойдя вмѣстѣ совершать свой обычный туръ—по набережной Невы до Главнаго Штаба и обратно, я нашелъ его въ веселомъ и бодромъ настроеніи духа. Начавъ снова писать, онъ видимо ободрился и былъ доволенъ собой, говорилъ, что можетъ быть напишетъ еще нѣсколько подобныхъ этюдовъ — не о новѣйшихъ писателяхъ, изъ которыхъ многихъ онъ, какъ признавался, даже вовсе не читалъ, а о тѣхъ, которыхъ читалъ и изучалъ еще въ молодости, которыхъ переживалъ въ періодъ полной энергіи своихъ художественныхъ силъ, какихъ именно — не сказалъ. Позже, когда я сталъ встрѣчаться съ нимъ рѣже, и наши бесѣды были менѣе продолжительны, а особенно когда, по причинѣ болѣзни глазъ, онъ долженъ былъ надѣть особаго рода окуляры, быстро исхудалъ до неузнаваемости и до того, что могъ ходить лишь въ сопровожденіи «няньки», какъ онъ называлъ водившую его подъ руку даму, когда прогулки его не простирались далѣе Моховой и части Литейной, я, встрѣчаясь съ нимъ, имѣлъ нескромность иногда спросить о предположенныхъ имъ этюдахъ... Появились его воспоминанія о лакеяхъ и объ Иркутскѣ, архіерея котораго, впослѣдствіи митрополита московскаго, Иннокентія, подъ конецъ жизни подобно ему потерявшаго глаза, онъ особенно хвалилъ за его пастырскія и общечеловѣческія добродѣтели.

Настоящая статья была уже набрана и прислана мнѣ для корректуры, когда я, по поводу фельетона «Жителя» въ «Новомъ Времени», вспомнилъ, что написавъ ее, совершилъ актъ «нарушенія воли» знаменитаго писателя, о которой, признаюсь, совер-

шенно забылъ, когда, руководясь самыми лучшими чувствами, которыя питалъ всегда неизмѣнно къ нашему славному романисту, я рѣшился изложить свои воспоминанія о немъ. Подумавъ, я, однако, пришелъ къ тому убѣжденію, что мое настоящее воспоминаніе не составляетъ дѣла нехорошаго...

Запрещеніе великаго человѣка говорить о немъ въ печати даже послѣ его смерти, говорить одно хорошее, одну правду, составляетъ, по моему мнѣнію, симптомъ «болѣзни воли», ничѣмъ неоправдываемый капризъ, совершенно однородный съ тѣмъ патологическимъ душевнымъ состояніемъ, которое привело Гоголя къ сожженію второй половины «Мертвыхъ душъ». Если Гоголя, какъ я думаю, за это «лишеніе жизни» своего лучшаго дѣтища слѣдовало судить—духовнымъ общественнымъ судомъ, тѣмъ судомъ, какимъ судили и (по моему мнѣнію—несправедливо) осудили его за «Переписку съ друзьями»,—и, по меньшей мѣрѣ—послать его на епитимію хоть къ отцу Матвѣю, то «воля» Гончарова о томъ, чтобы о немъ никто не смѣлъ ничего сказать въ печати послѣ его смерти (если дѣйствительно такова была его предсмертная воля) по меньшей мѣрѣ не должна быть приводима въ исполненіе... Когда человѣкъ хочетъ совершить самоубійство (физическое), можно ли не «нарушить его воли» и не слѣдуетъ ли помѣшать, по возможности, исполнить ее? А что такое, если не самоубійство—въ духовномъ смыслѣ—требованіе знаменитаго писателя, чтобы вмѣстѣ съ его физическою смертью, онъ умеръ для насъ и духовно, чтобы послѣ его смерти всѣ непремѣнно забыли его свѣтлый и симпатичный образъ и отнюдь не желали воскресить его въ своихъ воспоминаніяхъ? По какому праву человѣкъ, умирая физически не по своей волѣ (по закону природы), своею волею хочетъ умертвить себя духовно?

Говорить о личности писателя, о его интимной жизни и внутреннемъ мірѣ, противъ его желанія при его жизни, пожалуй, дѣйствительно, предосудительно, потому-что это походило бы на шантажъ. Но послѣ его смерти, его личность во всемъ ея объемѣ составляетъ такое же общественное достояніе, какъ и его сочиненія,—потому-что узнать его внутренній міръ, черты его жизни и характера, поучительно для всѣхъ и необходимо для полнѣйшаго уразумѣнія его твореній, что̀ составляетъ, по моему мнѣнію, непререкаемое право общества. Бывъ членомъ общества, которому сознательно служилъ своею литературною дѣятельностью, пользовавшись правами члена общества, онъ долженъ нести на себѣ и обязанности члена общества, которыя для писателя, между прочимъ, состоятъ и въ томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, послѣ смерти дать узнать себя и свой внутренній міръ возможно полно и всесторонне потому, что, повторяю, и жизнь геніальнаго человѣка поучительна иногда не менѣе, чѣмъ его творенія. Для того, чтобы

изобразить столь геніально людей, хорошихъ и дурныхъ, какъ это сдѣлано Гончаровымъ въ его сочиненіяхъ, онъ наблюдалъ и изучалъ ихъ, безъ ихъ вѣдома и можетъ быть противъ ихъ желанія, и никто ему въ томъ не препятствовалъ, по той простой причинѣ, что таковы условія общественности, неустранимыя и неизмѣнныя: живя среди людей, нельзя не видѣть и не узнать ихъ, ровно какъ нельзя никоимъ образомъ уклониться отъ наблюденія и изученія себя другими,—для этого необходимо было бы удалиться въ добровольное одиночное заключеніе, или затвориться въ «столпѣ», по примѣру древнихъ аскетовъ. И покойный Иванъ Александровичъ, когда жилъ среди общества, не дѣлалъ изъ своей личности тайны ни для кого изъ тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался, а потому не могъ и отнимать права знать какъ его личность, такъ и его міросозерцаніе, и общество, по моему мнѣнію, имѣетъ неоспоримое и неотъемлимое право отъ лицъ, его знавшихъ, ознакомиться съ внутреннимъ міромъ и внѣшнею жизнію своего нравоописателя, послѣ его смерти... Наконецъ, забыть того, кого любишь и уважаешь—а кто не любилъ и не уважалъ Гончарова изъ читавшихъ его сочиненія?—свыше силъ человѣческихъ, и чѣмъ больше кого любишь и чтишь, тѣмъ большее желаніе узнать о немъ возможно больше, даже не одно только хорошее. Всякій знаетъ, что и писатель — человѣкъ, и ничто человѣческое ему не чуждо.

De mortuis aut bene, aut nihil,—говорили древніе. Но во-первыхъ, это говорилось не о великихъ людяхъ, а о людяхъ вообще, это было мѣстное правило общежитія, а не органическій законъ изъ кодекса узаконенныхъ естественнымъ, гражданскимъ и государственнымъ правомъ народовъ способовъ духовно-нравственнаго развитія человѣчества. Во-вторыхъ, этимъ правиломъ предписывалось говорить одно хорошее объ умершемъ, но отнюдь не запрещалось говорить о немъ вовсе... Но есть и другое изреченіе на этотъ предметъ, принадлежащее одному изъ великихъ отечественныхъ предшественниковъ Гончарова:

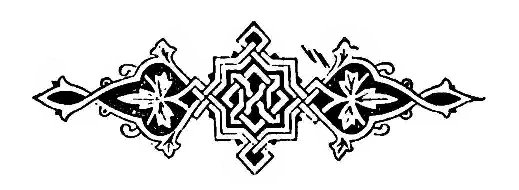
«За слова меня пусть гложетъ
«За дѣла—историкъ—чтитъ»...

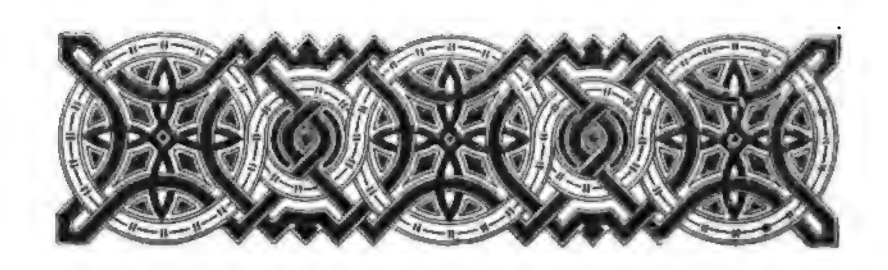
И это желаніе, позволяющее еще при жизни писателя не только «чтить» его, но и «глодать», если онъ того заслуживаетъ, мнѣ кажется, гораздо естественнѣе и разумнѣе со стороны писателя. «Глодать» Гончарова, мнѣ кажется, не придетъ на мысль самому злому его зоилу, потому-что незачто, но чтить его за слова и за дѣла—слова писателя суть также его дѣла—да будетъ позволено.

Конечно Гончаровъ, подобно Горацію, Державину и Пушкину, могъ сказать о себѣ: «Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный... Нѣтъ, весь я не умру» — такъ какъ его сочиненія безъ всякаго сомнѣнія навсегда останутся въ числѣ классическихъ произведеній нашей литературы. Но съ другой стороны слѣдуетъ помнить,

что не одно печатно сказанное слово писателя составляетъ служеніе его обществу, не то только одно, что написано имъ въ книгѣ, составляетъ его умственнное богатство, долженствующее сдѣлаться достояніемъ общества и цѣлаго человѣчества. Нерѣдко, и даже очень часто, мысли, выраженныя лишь изустно, которыхъ писатель не хотѣлъ, не успѣлъ или почему-либо не могъ изложить печатно, имѣютъ гораздо бо́льшее значеніе и достоинство, чѣмъ его печатныя произведенія. Какъ не повѣдать міру этихъ рѣчей тому, кто ихъ слышалъ и вѣрно сохранилъ въ памяти? Говоря это, я, конечно, имѣю въ виду не то «нѣчто», что сообщаю о Гончаровѣ въ своемъ «воспоминаніи»... Въ самомъ дѣлѣ какого колоссальнаго умственнаго богатства лишилось бы человѣчество, если бы не существовало накоплявшейся вѣками массы біографическихъ матеріаловъ, изысканій, мемуаровъ, воспоминаній о великихъ людяхъ, появившихся уже послѣ ихъ смерти! Шекспиръ, Шиллеръ, Гете, Байронъ, Гейне и т. д., наши Пушкинъ, Лермонтовъ и т. д. не болѣе ли сдѣлались извѣстными міру—въ своемъ міросозерцаніи, въ своей внутренней и внѣшней жизни—послѣ ихъ смерти, нежели на сколько ихъ знали при жизни по ихъ сочиненіямъ?

Н. Барсовъ.

ПЕРВЫЙ ЛЖЕДИМИТРІЙ.

I.

Польскія козни и начало самозванства.

Три фамиліи, виновныя въ самозванческой интригѣ. — Вѣроятное происхожденіе самозванца. — Руководящее участіе Льва Сапѣги и связь его посольства съ сею интригой.—Григорій Отрепьевъ.—Объявленіе названнаго Димитрія Вишневецкими.—Комедія съ примѣтами.—Роль Мнишковъ и самборское пребываніе Лжедимитрія.—Участіе нунція Рангони и Сигизмунда III.—Лжедимитрій въ Краковѣ.—Его аудіенція у короля.—Участіе іезуитовъ въ его обращеніи.—Его лицемѣріе.—Всесильные покровители и противники обмана.—Янъ Замойскій.—Приготовленія къ походу.—Мѣры Бориса Годунова и его суевѣріе.—Ошибочное отождествленіе въ Москвѣ Лжедимитрія съ Отрепьевымъ. — По сему поводу два посольства въ Польшу.

ПРОДОЛЖАЯ послѣдовательно свой главный трудъ, т. е. Исторію Россіи и вступивъ въ XVII столѣтіе, естественно я не могъ обойти стоящій у его начала вопросъ о первомъ самозванцѣ, и долженъ былъ подвергнуть новому, возможно тщательному пересмотру этотъ темный, весьма запутанный вопросъ, породившій въ русской исторической литературѣ столько всякихъ толковъ, догадокъ и споровъ. О послѣднихъ скажемъ ниже; а теперь прямо изложимъ исторію возникновенія Лжедимитрія въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется намъ на основаніи помянутаго пересмотра.

Адскій замыселъ противъ Московскаго государства—замыселъ, плодомъ котораго явился самозванецъ — возникъ и осуществился въ средѣ враждебной намъ польской и ополяченной западно-русской аристократіи. Три фамиліи были главными зачинщиками и организаторами этой гнусной польской интриги: коренные католики Мнишки, незадолго измѣнившіе православію Сапѣги и стоявшая уже на пути къ ополяченію или окатоличенію семья Вишневецкихъ. Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга желалъ внести смуту въ Московское государство, чтобы ею могла воспользоваться Рѣчь Посполитая; слѣдовательно дѣйствовалъ въ видахъ политическихъ; Юрій Мнишекъ, воевода Сендомірскій, руководился по преимуществу личными интересами; этотъ старый интриганъ хотѣлъ поправить свое разстроенное состояніе и блистательнымъ образомъ пристроить одну изъ своихъ дочерей. А два брата Вишневецкихъ, Адамъ и Константинъ, повидимому вовлеклись въ интригу по свойству съ Мнишками. Адамъ еще держался православія, но отличался распущенными нравами; братъ же его Константинъ, женатый на Урсулѣ Мнишковнѣ, успѣлъ уже перейти въ католичество.

Идея самозванства вытекала почти сама собою изъ тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась тогда Московская Русь. Эта идея уже носилась въ воздухѣ со времени трагической смерти царевича Димитрія, которая безъ сомнѣнія продолжала служить въ народѣ предметомъ разнообразныхъ толковъ и пересудовъ. Отъ нихъ недалеко было и до появленія легенды о чудесномъ спасеніи, которому такъ склонна вѣрить всякая народная толпа, особенно недовольная настоящимъ, жаждущая перемѣнъ, и прежде всего конечно перемѣны правительственныхъ лицъ. Мы знаемъ, что Борису Годунову и по характеру своему, и по разнымъ другимъ обстоятельствамъ не удалось ни пріобрѣсти народное расположеніе, ни примирить съ необычайнымъ возвышеніемъ своей фамиліи старые боярскіе роды. Всякому постороннему наблюдателю была очевидна шаткость его положенія и непрочность новой династіи, еще неуспѣвшей пустить корней въ странѣ. Мысль выставить противъ Годуновыхъ хотя бы одну тѣнь прирожденнаго наслѣдника престолу должна была представиться очень соблазнительною; успѣхъ казался легко достижимымъ. Идея самозванства по всей вѣроятности не малое время носилась въ разныхъ головахъ и внутри Московскаго государства, и внѣ его предѣловъ, пока осуществилась на дѣлѣ. Гораздо удобнѣе могла она осуществиться, конечно, не внутри государства, а въ такой сосѣдней и непріязненной ему странѣ, какою была Рѣчь Посполитая съ ея своевольнымъ панствомъ и хищнымъ украинскимъ казачествомъ. Здѣсь уже и прежде практиковались опыты выставлять самозванцевъ для сосѣдей, а именно для Молдо-Валахіи. Во второй половинѣ XVI вѣка не одинъ смѣльчакъ, назвавшій себя сыномъ или родственникомъ какого-

либо умершаго господаря, добывалъ, хотя бы и на короткое время, господарскій престолъ съ помощью вольныхъ казацкихъ дружинъ. (Къ числу такихъ самозванцевъ принадлежали извѣстные Ивоня и названный его братъ Подкова). Праздная, бурная часть польско-русской шляхты и казацкая вольница представляли готовый матеріалъ для всякаго отчаяннаго предпріятія, въ случаѣ успѣха обѣщавшаго богатую добычу и громкую славу. Если для добыванія господарскаго престола какой-нибудь Молдавіи претенденты собирали здѣсь тысячи смѣльчаковъ, то сколько же можно было найти ихъ для такого заманчиваго предпріятія, какъ завоеваніе Московскаго царскаго престола!

Кто былъ первый самозванецъ, принявшій на себя имя царевича Димитрія, можетъ быть навсегда останется тайною для исторіи. Есть темное извѣстіе, которое называетъ его побочнымъ сыномъ Стефана Баторія, вѣроятно отъ какой-нибудь шляхтянки—извѣстіе само по себѣ достойное вниманія; но мы не можемъ ни принять его, ни отвергнуть за недостаткомъ болѣе положительныхъ данныхъ. Можемъ только заключать, что, по разнымъ признакамъ, это былъ уроженецъ Западной Руси и притомъ шляхетскаго происхожденія. Въ какой религіи онъ былъ воспитанъ, трудно сказать: можетъ быть, въ православной; а возможно, что онъ принадлежалъ къ реформаціи и даже къ столь распространенному тогда въ Литовской Руси аріанству. Во всякомъ случаѣ на историческую сцену молодой самозванецъ выступилъ изъ среды бѣднаго шляхетства, которое наполняло дворы богатыхъ польскихъ и западнорусскихъ пановъ, нерѣдко переходя на службу отъ одного изъ нихъ къ другому. Это былъ хотя и легкомысленный, но несомнѣнно даровитый, предпріимчивый и храбрый человѣкъ, съ сильно развитой фантазіей и наклонностью къ романтическимъ приключеніямъ. Сдается намъ, что и самый толчокъ къ столь отчаянному предпріятію, самая мысль о самозванствѣ явилась у него не безъ связи съ романтическими отношеніями къ Маринѣ, дочери Сендомірскаго воеводы, у котораго нѣкоторое время онъ, повидимому, находился на службѣ. Возможно, что кокетливая, честолюбивая полька, руководимая старымъ интриганомъ отцомъ, вскруживъ голову бѣдному шляхтичу, сама внушила ему эту дерзкую мысль. Какъ бы то ни было, сіе столь обильное послѣдствіями, предпріятіе, по нашему крайнему разумѣнію, получило свое таинственное начало въ семьѣ Мнишковъ, и было ведено съ ихъ стороны весьма ловко. Очевидно они разсчитывали: въ случаѣ удачи воспользоваться всѣми ея выгодами, а въ случаѣ неудачи остаться по возможности въ сторонѣ. Самое объявленіе названнаго царевича должно было совершиться не въ ихъ домѣ, а въ другомъ, хотя и родственномъ, именно у Вишневецкихъ, притомъ не у католика Константина Вишневецкаго, женатаго на Урсулѣ, младшей сестрѣ Марины, и слѣдова-

тельно слишкомъ близкаго къ семьѣ Мнишковъ, а у его православнаго брата Адама. Урсула конечно была въ этой интригѣ усерднымъ агентомъ своей старшей сестры, которая въ ожиданіи Московской короны успѣла уже сдѣлаться зрѣлою дѣвою.

Неизвѣстно, какимъ способомъ Мнишки съумѣли привлечь къ своей интригѣ литовскаго канцлера Льва Сапѣгу; а, можетъ быть, и даже вѣроятнѣе, онъ-то и былъ первымъ иниціаторомъ замысла и самихъ Мнишковъ натолкнулъ на это предпріятіе. Во всякомъ случаѣ его близкое участіе въ сей интригѣ не подлежитъ сомнѣнію. Какъ сановникъ, вѣдавшій иноземныя сношенія, онъ хорошо зналъ положеніе дѣлъ въ Московскомъ государствѣ; имѣлъ случай наблюдать его и собственными глазами, такъ какъ былъ посломъ въ Москвѣ еще въ царствованіе Ѳедора Ивановича. Радѣя интересамъ Рѣчи Посполитой и своей новой религіи, т. е. католичеству, онъ сдѣлался ярымъ врагомъ Московской Руси и хотѣлъ широко воспользоваться обстоятельствами для своихъ политическихъ видовъ. Можно смѣло предположить, что онъ не только поощрилъ интригу Мнишковъ, но явился главнымъ ея двигателемъ, заставивъ втайнѣ дѣйствовать имѣвшіяся въ его распоряженіи государственныя средства. Въ ноябрѣ 1600 года, какъ извѣстно, Левъ Сапѣга вторично прибылъ въ Москву, въ качествѣ великаго посла отъ польско-литовскаго короля Сигизмунда III къ недавно воцарившемуся въ Москвѣ Борису Годунову, для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ. Но при семъ онъ выставилъ такія невозможныя требованія и держалъ себя такъ надменно, что вызвалъ большіе споры и пререканія съ московскими боярами. Долго, около девяти мѣсяцевъ, Годуновъ задерживалъ это посольство, — какъ оказалось потомъ, задерживалъ на свою голову, — пока заключено было двадцатилѣтнее перемиріе. Несмотря на строгій присмотръ, которымъ окружено было посольство, Сапѣга съумѣлъ войти въ какія-то тайныя сношенія съ нѣкоторыми противными Годунову дьяками и боярами, вообще развѣдать и подготовить, что̀ было нужно для дѣла самозванца. Мало того, есть полное основаніе полагать, что самъ этотъ будущій самозванецъ участвовалъ въ огромной польской свитѣ (заключавшей въ себѣ до 900 человѣкъ), и такимъ образомъ имѣлъ возможность ознакомиться съ Москвою, ея дворомъ, населеніемъ и разными порядками. Вѣроятно онъ продлилъ свое пребываніе здѣсь и послѣ отъѣзда посольства, бродилъ по Московской Руси въ товариществѣ съ нѣсколькими монахами, переодѣтый чернецомъ, и при помощи какихъ-то доброхотовъ благополучно перебрался назадъ за литовскій рубежъ, сквозь пограничныя русскія заставы.

Въ числѣ помянутыхъ бродячихъ монаховъ, вмѣстѣ съ нимъ или отдѣльно отъ него ушедшихъ за литовскій рубежъ, находился и тотъ Григорій Отрепьевъ, котораго потомъ московское правитель-

ство объявило лицомъ тождественнымъ съ первымъ Лжедимитріемъ. Тождество сіе, по тщательному пересмотру вопроса, оказывается ложнымъ. Тѣмъ не менѣе бѣгство Отрепьева изъ Москвы и его прямое участіе въ дѣлѣ самозванца едва ли подлежатъ сомнѣнію; хотя и нѣтъ пока возможности достаточно выяснить его истинную роль въ этомъ дѣлѣ. Извѣстно только, что Юрій Отрепьевъ былъ родомъ изъ галицкихъ боярскихъ дѣтей, въ дѣтствѣ остался сиротою послѣ отца Богдана, оказался способнымъ при обученіи грамотѣ, въ юности появился въ Москвѣ, жилъ нѣкоторое время въ услуженіи у бояръ Романовыхъ и ихъ свойственника князя Черкасскаго. Затѣмъ онъ становится монахомъ, принявъ имя Григорія, и попадаетъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ постригся дѣдъ его Замятня; тамъ вскорѣ его посвятили въ дьяконы. Своею грамотностію и сочиненіемъ каноновъ чудотворцамъ Григорій обратилъ на себя вниманіе самого патріарха Іова, который взялъ его къ себѣ; потомъ даже бралъ его съ собою въ царскую думу, гдѣ онъ могъ наблюдать придворные и правительственные порядки Московскаго государства (чѣмъ и могъ впослѣдствіи быть полезенъ самозванцу). Но молодой Отрепьевъ любилъ выпить и былъ не въ мѣру болтливъ. Какія-то похвальбы или неосторожныя рѣчи о смерти царевича Димитрія, о возможности того, что царевичъ спасся отъ убійцъ и скоро объявится, навлекли на него подозрѣніе. Донесли о томъ патріарху; послѣдній не далъ вѣры; тогда донесли самому царю Борису. Тотъ велѣлъ дьяку Смирнóму-Васильеву сослать нескромнаго монаха подъ начало въ Соловки за его яко бы занятія чернокнижествомъ. Но у Григорія нашлись заступники; дьякъ не спѣшилъ исполнить приказъ, а потомъ о немъ забылъ. Узнавъ о грозящей опасности, Отрепьевъ бѣжалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ двумя другими чернецами, Варлаамомъ и Мисаиломъ Повадинымъ. Послѣ разныхъ странствій и приключеній, бѣглецы перебрались за Литовскую границу, побывали въ Кіевскомъ Печерскомъ монастырѣ, потомъ жили нѣкоторое время въ Острогѣ у извѣстнаго князя Константина-Василія Острожскаго. Отсюда Григорій отправился къ пану Гойскому въ его мѣстечко Гощу, которая тогда славилась своею аріанскою школою. А затѣмъ слѣдъ Григорія какъ бы пропадаетъ изъ глазъ исторіи. Вскорѣ въ Западной Руси объявился человѣкъ, назвавшій себя царевичемъ Димитріемъ.

Весьма возможно, что во время пребыванія Сапѣгина посольства въ Москвѣ какіе-то посредники привлекли Отрепьева къ задуманному предпріятію и свели его съ тѣмъ шляхтичемъ, который готовился принять на себя имя Димитрія. Можетъ быть, Отрепьевъ сдѣлался его руководителемъ въ странствованіяхъ и въ ознакомленіи съ Московскою Русью, а также однимъ изъ агентовъ для распространенія вѣсти о чудесномъ спасеніи царевича Димитрія. По нѣкоторому извѣстію, тотъ же Отрепьевъ изъ Литвы, и, конечно,

не одинъ, ѣздилъ на Донъ, чтобы поднять казаковъ на помощь мнимому царевичу; а самъ этотъ мнимый царевичъ, повидимому, въ то время ѣздилъ на Запорожье съ тою же цѣлью. Наконецъ, имѣемъ довольно достовѣрное извѣстіе, что Григорій Отрепьевъ сопровождалъ Лжедимитрія при его походѣ въ Московское государство.

Темные слухи о какой-то интригѣ, переплетенной съ именемъ и судьбою царевича, рано дошли до Бориса и сильно его смутили. Едва ли не въ связи съ ними воздвигнуто было извѣстное гоненіе на семью Романовыхъ, а также ихъ родственниковъ и свойственниковъ Черкасскихъ, Репниныхъ, Сицкихъ и др. Гоненіе это началось какъ разъ во время Сапѣгина посольства. Предлогомъ для того, какъ извѣстно, послужили мѣшки съ какими-то подозрительными кореньями, яко бы найденными въ кладовой одного изъ братьевъ Романовыхъ. Точно также впослѣдствіи, когда гласно объявился названный Димитрій, Борисъ, узнавъ, что дьякъ Смирной-Васильевъ не исполнилъ его повелѣнія относительно Григорія Отрепьева, придумалъ для наказанія дьяка совсѣмъ иной предлогъ: царь велѣлъ провѣрить дворцовую казну; на Смирнова при этомъ сдѣлали большой начетъ, подвергли его правежу и забили до смерти.

И такъ 1600—1601 годы были эпохою первыхъ, темныхъ слуховъ о самозванческой интригѣ. Та же эпоха отмѣчена несомнѣннымъ переломомъ въ поведеніи царя Бориса: онъ становится крайне подозрителенъ, поощряетъ шпіонство и доносы, ищетъ и преслѣдуетъ своихъ тайныхъ враговъ. Очевидно помянутые слухи подѣйствовали на него крайне раздражающимъ образомъ. Современныя свидѣтельства говорятъ, что не рѣшаясь прибѣгать къ явнымъ казнямъ, онъ приказываетъ изводить подозрѣваемыхъ людей разными другими способами: ихъ морили голодомъ въ тюрьмахъ, забивали палками, спускали подъ ледъ и т. п. Борисъ сталъ недовѣрчиво относиться къ сосѣдямъ; особенно опасался поляковъ и ожидалъ оттуда грозы; ибо съ западнаго рубежа уже приходили зловѣщіе слухи о близкомъ появленіи Димитрія. Эти опасенія и тревожные слухи сообщались окружающимъ, а отъ нихъ проникали и въ народъ. По Москвѣ стали ходить разсказы о разныхъ видѣніяхъ и знаменіяхъ, предвѣщавшихъ ужасныя бѣды со стороны Польши. Страшный голодъ, угнетавшій въ то время населеніе, казался только началомъ великихъ бѣдствій, долженствовавшихъ разразиться надъ Русскою землею.

Человѣкъ, принявшій на себя имя царевича Димитрія, объявился приблизительно во второй половинѣ 1603 года. Объявился онъ въ числѣ слугъ богатаго западнорусскаго вельможи князя Адама Вишневецкаго, въ его мѣстечкѣ Брагинѣ, которое было расположено недалеко отъ Днѣпра, почти на самомъ пограничьѣ съ Московскою Сѣверщиной. Названный Димитрій представлялъ изъ себя

хотя молодого человѣка, но уже не первой молодости, — бывшаго по крайней мѣрѣ на пять лѣтъ старше убитаго царевича. Небольшого роста, худощавый, но крѣпко сложенный, онъ отличался физическою силою и ловкостью въ военныхъ упражненіяхъ; у него были рыжеватые волосы, сѣрые глаза, смуглое некрасивое лицо; за то онъ обладалъ звучнымъ голосомъ, даромъ слова и притомъ нелишенъ былъ нѣкотораго образованія. Вообще онъ былъ способенъ при случаѣ производить впечатлѣніе и убѣждать, увлекать за собой другихъ. Тѣ, которые выставили его, безъ сомнѣнія приняли въ разсчетъ всѣ эти качества.

Объявленіе названнаго царевича произошло какъ бы случайно. По этому поводу существуютъ разные разсказы, болѣе или менѣе сомнительнаго свойства. Такъ, по одному сказанію, молодецъ сказался опасно больнымъ и позвалъ для предсмертной исповѣди священника; а сему послѣднему за великую тайну сообщилъ, что онъ не тотъ, за кого его принимаютъ, и просилъ послѣ его смерти прочесть скрытый подъ постелью свитокъ, который все разъяснитъ. Священникъ сообщилъ о семъ самому пану, т. е. князю Адаму; а тотъ поспѣшилъ конечно взять указанный свитокъ, и узналъ изъ него, что въ числѣ его слугъ скрывался никто иной какъ самъ московскій царевичъ Димитрій, яко бы чудеснымъ образомъ спасенный отъ гибели, которую готовилъ ему Борисъ Годуновъ. Обрадованный князь Адамъ тотчасъ началъ оказывать всевозможныя почести мнимобольному, который, разумѣется, не замедлилъ выздоровѣть. По другой баснѣ, открытіе произошло въ банѣ, гдѣ князь Адамъ, за что̀-то разсердясь на слугу, ударилъ его. Тотъ горько заплакалъ и сказалъ, что если бы князь зналъ, кто онъ такой, то иначе обращался бы съ нимъ. И затѣмъ по настоянію пана открылъ ему свое царственное происхожденіе. Само собй разумѣется, что объявленіе мнимаго царевича должно было произойти вслѣдствіе той или другой случайности, заранѣе условленной между главными дѣйствующими лицами. Разсказъ Лжедимитрія о его спасеніи и послѣдующей судьбѣ заключался въ немногихъ словахъ: какой-то приближенный человѣкъ или его докторъ, узнавъ о готовившейся царевичу гибели, подмѣнилъ его на ночь другимъ мальчикомъ, который и былъ убитъ вмѣсто него. Затѣмъ доброхоты царевича скрыли его куда-то и воспитывали въ неизвѣстности; потомъ онъ подъ видомъ чернеца странствовалъ по монастырямъ, пока не ушелъ въ Литву. Не говоря уже о небываломъ ночномъ убійствѣ, никакихъ точныхъ указаній на лица и обстоятельства, никакихъ достовѣрныхъ подробностей онъ не могъ представить; только показывалъ золотой крестъ, украшенный драгоцѣнными камнями и будто бы данный ему крестнымъ отцомъ, покойнымъ княземъ Ѳед. Ив. Мстиславскимъ. И однако вся эта явно сочиненная, нелѣпая басня имѣла потомъ полный успѣхъ;

ибо нашла вполнѣ благопріятную для себя почву и какъ бы отвѣчала на потребность времени. Даже нѣкоторыя тѣлесныя отличія или примѣты самозванца и тѣ пошли въ дѣло; у него оказалась бородавка на щекѣ, родимое пятнышко на правомъ плечѣ и одна рука короче другой. Эти примѣты объявлены принадлежавшими маленькому царевичу Димитрію, и съ нихъ начато было удостовѣреніе въ его подлинности.

Распустивъ по окрестностямъ извѣстіе о новоявленномъ царевичѣ, Адамъ Вишневецкій спѣшилъ какъ бы подѣлиться своею радостью съ братомъ Константиномъ, и изъ Брагина самъ повезъ мнимаго Димитрія къ нему на Волынь, гдѣ были обширныя помѣстья Вишневецкихъ и самое гнѣздо фамиліи—зàмокъ Вишнёвецъ, расположенный на берегахъ Горыни. Здѣсь устроена была слѣдующая комедія, съ помощью канцлера Льва Сапѣги. У сего послѣдняго находился въ услуженіи какой-то бѣглый москвитинъ, называвшій себя Юріемъ Петровскимъ. Онъ говорилъ о себѣ, будто бывалъ въ Угличѣ и видалъ маленькаго царевича. Вишневецкіе призвали его и показали ему названнаго Димитрія. Слуга какъ только осмотрѣлъ вышеназванныя примѣты, такъ и воскликнулъ: «Да, это истинный царевичъ Димитрій!» Константинъ Вишневецкій тоже не долго мѣшкалъ у себя съ новооткрытымъ царевичемъ, и повезъ его въ Червонную Русь къ своему тестю Юрію Мнишку, въ зàмокъ Самборъ. Этотъ деревянный зàмокъ былъ расположенъ въ прекрасной мѣстности, на верхнемъ теченіи Днѣстра, и служилъ средоточіемъ королевскихъ столовыхъ имѣній того края или такъ называемой «экономіи». Мнишекъ, въ молодые годы вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ бывшій любимцемъ и самымъ приближеннымъ человѣкомъ короля Сигизмунда II Августа, подъ старость съумѣлъ втереться въ милость Сигизмунда III, получилъ отъ него воеводство Сендомірское, староство Львовское и управленіе Самборской экономіей.

Старый интриганъ ловко разыгралъ радушнаго хозяина, удивленнаго и обрадованнаго прибытіемъ столь неожиданнаго и высокаго гостя. Повторилась та же комедія съ примѣтами. Въ Самборѣ оказался слуга, при осадѣ Пскова попавшій въ московскій плѣнъ и будто бы во время своего плѣна видавшій царевича Димитрія. Теперь онъ призналъ его въ неожиданномъ гостѣ. Потомъ стали пріѣзжать нѣкоторые московскіе выходцы, бѣжавшіе въ Литву при Иванѣ IV или при Годуновѣ, и такъ какъ имъ не было никакого интереса отрицать басню, на которой настаивали въ Самборѣ, то они охотно подтверждали признаніе. Названный Димитрій замѣшкался здѣсь на продолжительное время; что несомнѣнно выдаетъ значеніе Самборскаго воеводскаго двора какъ главнаго очага интриги. Мнишекъ сталъ приглашать окрестныхъ пановъ съ ихъ семьями и задавать пиры въ честь мнимаго царе-

вича, стараясь какъ можно болѣе сдѣлать его извѣстнымъ, расположить въ его пользу польско-русскую шляхту и подготовить ея участіе въ его предпріятіи. Отъ многочисленныхъ гостей не скрывалось его настойчивое ухаживаніе за панной Мариной Мнишковной, которая играла конечно роль царицы Самборскихъ празднествъ и баловъ, питая сладкую надежду вскорѣ сдѣлаться царицею московскою. По наружности своей Марина была подъ стать Лжедимитрію, ибо отнюдь не представляла изъ себя какой-либо выдающейся красавицы; небольшого роста, худенькая шатинка, съ довольно неправильными чертами лица, она привлекала вниманіе мужчинъ парою пригожихъ глазъ, живостью характера и истинно польскою кокетливостью.

Пока молодежь предавалась здѣсь танцамъ и веселью, а старшее поколѣніе упивалось венгерскимъ, шла дѣятельная работа по разнымъ тайнымъ сношеніямъ. Съ одной стороны вѣрные агенты ѣздили къ Донскимъ и Запорожскимъ казакамъ поднимать ихъ на службу названному царевичу, обѣщая великія и щедрыя награды; а съ другой велись усердные переговоры съ краковскимъ королевскимъ дворомъ.

Безъ прямого покровительства и содѣйствія короля трудно, почти невозможно было разсчитывать на успѣшный исходъ предпріятія. Коноводы его повели на Сигизмунда III приступы съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны дѣйствовали внушенія канцлера Сапѣги и нѣкоторыхъ единомышленныхъ съ нимъ сановниковъ, напримѣръ виленскаго епископа Венедикта Войны и краковскаго воеводы Николая Зебжидовскаго. Они представили королю тѣ выгоды, которыя могла получить Рѣчь Посполитая, въ случаѣ удачи отъ человѣка, посаженнаго ею на престолъ Московскаго государства, а въ случаѣ неудачи отъ имѣвшей произойти тамъ смуты. Главнымъ образомъ конечно имѣлось въ виду отторженіе отъ Москвы областей Сѣверской и Смоленской, входившихъ когда-то въ составъ великаго княжества Литовскаго. Лично для Сигизмунда являлась надежда отвлечь Москву отъ союза съ его дядею Карломъ, захватившимъ шведскій престолъ, и даже съ ея помощью воротить себѣ этотъ престолъ. Съ другой стороны начинатели дѣла постарались затронуть извѣстную католическую ревность Сигизмунда III и обратились къ помощи высшаго духовенства. У Мнишка и тутъ были сильныя связи; такъ кардиналъ-епископъ краковскій Бернардъ Мацѣйовскій приходился родственникомъ, и началъ охотно помогать ему въ семъ дѣлѣ. Еще важнѣе то, что Мнишку удалось пріобрѣсти усерднаго себѣ пособника въ лицѣ папскаго нунція Клавдія Рангони. Юрій Мнишекъ писалъ къ нему самъ, заставлялъ писать и Лжедимитрія. Рангони пока не отвѣчалъ послѣднему, но письма его сообщалъ въ Римъ при своихъ донесеніяхъ. Въ первыхъ сообщеніяхъ, отправленныхъ въ ноя-

брѣ 1603 года, нунцій приводитъ слышанную имъ отъ самого короля басню о чудесномъ спасеніи царевича, повидимому не настаивая на ея достовѣрности. Самъ папа Климентъ VIII отнесся къ ней въ началѣ недовѣрчиво, и написалъ на донесеніи нунція: «это въ родѣ воскресшаго короля Португальскаго» (извѣстнаго Лжесебастіана). Тѣмъ не менѣе католичество и папство не могли конечно устоять противъ, указанной Мнишкомъ, столь соблазнительной перспективы, какъ распространеніе только-что введенной въ Западной Руси церковной уніи и на всю Восточную Русь посредствомъ будущаго самодержавнаго царя, выражающаго явную склонность немедленно перейти въ католицизмъ. По сему вопросу начались дѣятельные переговоры между Краковымъ и Самборомъ съ одной стороны и между Краковымъ и Римомъ съ другой, въ смыслѣ благопріятномъ для самозванца. Изъ роли наблюдателя Рангони скоро перешелъ къ роли усерднаго его сторонника.

При всей недальновидности своей, Сигизмундъ III понималъ, что имѣетъ дѣло съ грубымъ обманомъ; однако уступилъ помянутымъ внушеніямъ и позволилъ вовлечь себя въ это гнусное дѣло. Свое участіе онъ началъ какъ бы съ соблюденіемъ нѣкоторой осторожности. Въ январѣ слѣдующаго 1604 года отъ Краковскаго двора посланъ былъ въ Самборъ для повѣрки личности Димитрія какой-то ливонецъ, будто бы нѣкогда находившійся у него въ услуженіи въ Угличѣ. Произошла новая комедія взаимнаго признанія. Названный Димитрій узналъ яко бы своего бывшаго слугу; а сей послѣдній узналъ Димитрія по его отличительнымъ знакамъ, особенно по его неровной длины рукамъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, и этотъ лжесвидѣтель былъ подставленъ все тѣмъ же Львомъ Сапѣгой. Послѣ того, по приглашенію короля, въ мартѣ 1604 года, Лжедимитрій вмѣстѣ съ Константиномъ Вишневецкимъ прибылъ въ Краковъ, гдѣ остановился въ домѣ Мнишка. Вскорѣ туда же пріѣхалъ самъ хозяинъ, и также усердно началъ задабривать вліятельныхъ лицъ, знакомя ихъ съ мнимымъ царевичемъ, стараясь ласкательствомъ и угощеніями привлечь ихъ на его сторону. 13-го марта Мнишекъ давалъ пиръ для сенаторовъ. На этомъ пиру Рангони впервые увидалъ Лжедимитрія. Въ его донесеніи Риму, по поводу перваго впечатлѣнія, уже замѣтно явное пристрастіе. «Димитрій—пишетъ онъ—молодой человѣкъ съ хорошею выдержкой, смуглый лицомъ, большимъ пятномъ на носу противъ праваго глаза; бѣлая продолговатая кисть руки указываетъ на его высокое происхожденіе; онъ смѣлъ въ рѣчахъ, а въ его поступкахъ и манерахъ отражается по истинѣ что-то великое».

Спустя два дня послѣ того, покровители самозванца, съ папскимъ нунціемъ во главѣ, добились самаго важнаго: Лжедимитрій былъ принятъ королемъ въ аудіенціи. На ней присутствовали только немногіе сановники, каковы вице-канцлеръ, надворный мар-

шалъ, королевскій секретарь, виленскій епископъ Война и тотъ же нунцій Рангони. Сендомірскій воевода сопровождалъ своего будущаго зятя во дворецъ; но во время аудіенціи оставался въ передней комнатѣ. Король съ горделивою осанкою, имѣя шляпу на головѣ, стоялъ, опершись одною рукою на маленькій столикъ; а другую протянулъ вошедшему Лжедимитрію. Тотъ смиренно ее поцѣловалъ; а затѣмъ пробормоталъ нѣсколько безсвязныхъ фразъ о своихъ правахъ на московскій престолъ и своемъ спасеніи отъ козней Годунова. Оправясь отъ перваго смущенія, мнимый царевичъ началъ просить короля о помощи и даже напомнилъ ему, какъ онъ самъ родился узникомъ (во время заключенія его отца Іоанна, гонимаго своимъ братомъ королемъ шведскимъ Эрихомъ) и какъ много претерпѣлъ въ своемъ дѣтствѣ. Сигизмундъ далъ ему знакъ удалиться; послѣ чего нѣсколько времени совѣщался съ нунціемъ и вельможами. Мнимаго царевича позвали снова, и тутъ вице-канцлеръ держалъ къ нему отвѣтную рѣчь такого содержанія: король соизволилъ объявить, что вѣритъ словамъ просителя, признаетъ его истиннымъ царевичемъ Димитріемъ, намѣренъ назначить ему денежное вспоможеніе и разрѣшаетъ ему искать совѣта и помощи у королевскихъ дворянъ. Лжедимитрій выслушалъ этотъ отвѣтъ въ почтительной позѣ, съ наклоненной головой и сложенными на груди руками. Подѣйствовали ли на дерзкаго обманщика сухость и торжественность королевскаго пріема, вмѣстѣ съ сознаніемъ своего ничтожества, или онъ ожидалъ болѣе существенныхъ знаковъ вниманія; только самозванецъ пришелъ еще въ большее смущеніе, такъ что не сказалъ ни слова, и нунцій за него обратился къ королю съ выраженіемъ благодарности.

Хотя король не обѣщалъ прямой государственной помощи, да и не могъ ея обѣщать безъ согласія сейма; однако означенной аудіенціей предпріятіе Лжедимитрія дѣлало большой шагъ впередъ: онъ былъ признанъ царевичемъ, могъ теперь свободно вербовать себѣ сторонниковъ и готовить военную экспедицію. Спустя нѣсколько дней, онъ вмѣстѣ съ Мнишкомъ сдѣлалъ парадный визитъ папскому нунцію уже какъ московскій царевичъ; при чемъ толпы народа сбѣжались посмотрѣть на иноземнаго принца, который привлекалъ общее вниманіе вслѣдствіе успѣвшихъ уже распространиться толковъ о его чудесномъ спасеніи. Мнимый царевичъ благодарилъ нунція за его ходатайство передъ королемъ и просилъ о таковомъ же передъ римскимъ престоломъ, изъявляя свое глубокое уваженіе къ святѣйшему отцу и обѣщая заодно съ другими европейскими государями вооружиться противъ враговъ св. креста (турокъ), когда онъ возсядетъ на своемъ наслѣдственномъ тронѣ. Нунцій похвалилъ его чувства; но не преминулъ напомнить, что пора исполнить его обѣщаніе, т. е. перейти въ лоно католической церкви. Лжедимитрій не заставилъ себя долго убѣждать, и его

обращеніе вскорѣ совершилось, при помощи извѣстныхъ мастеровъ этого дѣла, т. е. отцовъ іезуитовъ.

Трудно сказать съ точностію, когда именно іезуитскій орденъ вмѣшался въ сію польскую интригу. Если вѣрить извѣстію, выходящему изъ среды самого ордена, то Лжедимитрій впервые вошелъ въ сношенія съ нѣсколькими іезуитами только по пріѣздѣ въ Краковъ и при посредствѣ самборскаго священника Помаскаго. Этотъ Помаскій и нѣкоторые монахи францисканскаго ордена или бернардины, какъ ихъ называли въ Польшѣ, подготовили Лжедимитрія къ принятію католицизма; а іезуитамъ нунцій поручилъ собственно довершить его обращеніе. Дѣло это не представляло никакой трудности; ибо самозванецъ отлично понималъ, что только подъ симъ условіемъ онъ могъ разсчитывать въ Польшѣ на покровительство и помощь со стороны короля и могущественнаго духовенства. А потому онъ самъ шелъ на встрѣчу католическимъ убѣжденіямъ, и, ни во что̀ самъ не вѣруя серьезно, показывалъ видъ, что очень занятъ вопросомъ объ истинной церкви, что склоненъ признать таковою католичество, только его будто бы волнуютъ нѣкоторыя сомнѣнія, которыя онъ желалъ бы разсѣять. По его просьбѣ воевода краковскій Зебжидовскій устроилъ ему въ своемъ домѣ свиданіе съ двумя іезуитскими патерами, Гродзицкимъ и Савицкимъ; но свиданіе это было обставлено таинственностію, чтобы не возбуждать подозрѣній со стороны тѣхъ русскихъ людей, которые уже успѣли пристать къ самозванцу и состояли въ его свитѣ. Въ бесѣдѣ съ іезуитами Лжедимитрій высказалъ свои сомнѣнія относительно трехъ извѣстныхъ пунктовъ: догмата о происхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына, причастія подъ однимъ видомъ и папы какъ намѣстника Христова. Произошли довольно оживленныя пренія; при чемъ іезуиты замѣтили, что названный царевичъ въ значительной степени напитанъ аріанскою ересью. Несмотря на многія его возраженія, конечно, они постарались устранить всѣ его сомнѣнія и недоумѣнія, такъ что въ концѣ бесѣды онъ казался убѣжденнымъ ихъ доводами и высказалъ желаніе ввести святую унію въ Московскомъ государствѣ, когда возсядетъ на отцовскомъ престолѣ. Однако хитрый самозванецъ сдался невдругъ. Потребовалось еще новое его преніе съ іезуитами, которое происходило въ домѣ отцовъ бернардиновъ. Тутъ онъ изъявилъ наконецъ желаніе исповѣдаться и причаститься по католическому обряду въ самый день наступавшей Пасхи. Всѣ эти тайные переговоры и бесѣды велись подъ руководствомъ нунція, которому іезуиты подробно обо всемъ доносили. Въ обсужденіи дѣла принимали участіе главнѣйшіе изъ членовъ іезуитскаго ордена, находившихся въ Краковѣ, въ томъ числѣ знаменитый проповѣдникъ Петръ Скарга и духовникъ короля Фридрихъ Барщъ, кромѣ того, воевода Зебжидовскій, сдѣлавшійся усерднымъ покровителемъ

самозванца. По просьбѣ этого плута, воевода устроилъ ему тайное свиданіе съ патеромъ Савицкимъ, котораго тотъ выбралъ себѣ въ духовные отцы.

Въ Краковѣ существовало братство милосердія, которое было основано Скаргою и въ которомъ участвовали нѣкоторые знатнѣйшіе сановники. Въ послѣдніе дни Страстной недѣли братчики имѣли обычай одѣваться въ рубище и собирать милостыню для своего братства. Зебжидовскій, какъ членъ его, вмѣстѣ съ Лжедимитріемъ, переодѣтые нищими и прося милостыню, пробрались 17-го апрѣля въ Страстную субботу къ церкви св. Варвары, находившейся въ вѣдѣніи іезуитской коллегіи. Здѣсь настоятель церкви, патеръ Савицкій, исповѣдалъ самозванца. Патеръ самъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что передъ исповѣдью, желая разсѣять сомнѣнія въ подлинности царевича (господствовавшія въ польскомъ обществѣ), краснорѣчиво убѣждалъ его открыть всѣ свои тайные помыслы, если хочетъ получить Божью помощь въ своемъ трудномъ предпріятіи. Лжедимитрій смутился было при этихъ словахъ; но скоро овладѣлъ собою, и началъ увѣрять въ правотѣ своего дѣла; затѣмъ, упавъ на колѣна, сталъ каяться въ грѣхахъ своихъ. Получивъ разрѣшеніе отъ нихъ по правиламъ католической церкви, онъ соединился съ Зебжидовскимъ, который ожидалъ его на хорахъ; принявъ снова видъ нищихъ, они воротились домой.

Спустя нѣсколько дней, т. е. на Святой недѣлѣ, 24-го апрѣля, самозванецъ имѣлъ вторую аудіенцію у короля, прощальную; причемъ получилъ отъ него разные подарки, какъ-то золотую цѣпь на шею съ медальоннымъ его портротомъ и куски шитой золотомъ и серебромъ парчи на платье. Кромѣ того, король назначилъ ему ежегодную пенсію или субсидію въ 4,000 злотыхъ, которую Мнишекъ долженъ былъ выплачивать изъ доходовъ Самборской экономіи—субсидія не особенно щедрая; но король извинялся тѣмъ, что пока не можетъ дать болѣе, а развѣ увеличитъ ее впослѣдствіи. Самозванецъ униженно благодарилъ за милости. Изъ королевскаго дворца, по заранѣе условленному плану, онъ отправился къ нунцію какъ бы для того, чтобы проститься съ нимъ, а въ самомъ дѣлѣ, чтобы тайкомъ отъ своей русской свиты принять изъ его рукъ причастіе. Его вмѣстѣ съ Мнишкомъ провели въ одну изъ внутреннихъ комнатъ, гдѣ уже были приготовлены алтарь и всѣ принадлежности для исполненія католической мессы, которую нунцій и совершилъ торжественно; ему прислуживали два капелана; кромѣ нихъ былъ еще только патеръ Савицкій. Во время служенія Рангони причастилъ Лжедимитрія и совершилъ надъ нимъ обрядъ мѵропомазанія. По окончаніи мессы алтарь вынесли. Нунцій подарилъ новообращенному восковое позолоченное изображеніе Агнца и 25 венгерскихъ золотыхъ. Самозванецъ

горячо благодарилъ его, выражалъ большую радость о своемъ обращеніи; обѣщалъ ввести унію на мѣсто «греческой схизмы» въ своемъ государствѣ, и, упавъ на колѣна, хотѣлъ облобызать ноги нунція, какъ представителя его святѣйшества папы, не имѣя возможности облобызать ихъ у него самого. Рангони однако не допустилъ мнимаго царевича до такого униженія, а поспѣшилъ его поднять и заключить въ свои объятія. При семъ самозванецъ вручилъ ему свое посланіе къ Клименту VIII, которое было имъ написано по-польски, а патеромъ Савицкимъ переведено на латинскій языкъ. Въ посланіи этомъ повторялись тѣ же выраженія радости о своемъ присоединеніи къ святой Римской церкви и тѣ же обѣщанія ввести унію въ московскомъ народѣ по достиженіи прародительскаго престола; для чего мнимый царевичъ умолялъ святѣйшаго папу не лишать его своей поддержки и милости.

Въ наружномъ рвеніи къ католической церкви нашъ неофитъ, ищущій Московскаго престола, пошелъ еще дальше. Онъ выразилъ нунцію свое яко бы тяжкое недоумѣніе по слѣдующему поводу. По существующему въ Москвѣ обычаю, новый царь послѣ обряда коронаціи принимаетъ св. Причастіе изъ рукъ патріарха; какъ теперь ему поступить, т. е. принять ли таинство изъ рукъ схизматика? По такому важному вопросу Рангони отказался выразить собственное мнѣніе, а обѣщалъ донести о томъ въ Римъ. (Откуда впослѣдствіи получился отвѣтъ отрицательный). За то онъ собственною властію разрѣшилъ ему по постамъ кушать скоромное; такъ какъ постное оказывалось вреднымъ для его драгоцѣннаго здоровья. Далѣе, самозванецъ просилъ назначить къ нему въ Москву священника изъ среды іезуитовъ, и нунцій озаботился сообщить о томъ ихъ польскому провинціалу. Вообще разставанье было трогательное: съ той и другой стороны выражены самыя теплыя чувства, пожеланія и надежды. Надобно отдать справедливость лицедѣйскому таланту молодого Лжедимитрія и дипломатическому искусству его руководителя стараго Мнишка: имъ удалось опутать, провести и заставить служить своимъ личнымъ цѣлямъ даже такихъ знаменитыхъ, искушенныхъ въ политической интригѣ дѣятелей, каковы Римская курія и Іезуитскій орденъ. Этихъ дѣятелей, очевидно, подкупали лицемѣрная преданность католичеству со стороны новообращеннаго искателя приключеній и его якобы искренніе обѣщанія ввести унію въ Московскомъ государствѣ; хотя въ подлинность его царскаго происхожденія тогда въ Краковѣ едва ли кто вѣрилъ, и многіе поляки открыто называли его самозванцемъ; о чемъ помянутый патеръ Савицкій записалъ въ своемъ дневникѣ.

Въ виду невыгодныхъ толковъ о новоявленномъ московскомъ царевичѣ, самъ Сигизмундъ III, какъ ни подстрекали его свѣтскіе и особенно духовные покровители Лжедимитрія, затруднялся выступить въ этомъ случаѣ открыто и рѣшительно. Онъ попытался

заручиться согласіемъ наиболѣе вліятельныхъ сенаторовъ, и разослалъ имъ письма, приглашая ихъ высказать свои мнѣнія о дѣлѣ царевича; при чемъ указывалъ на тѣ выгоды, которыя могла бы извлечь изъ него Рѣчь Посполитая. Но отвѣты, полученные имъ, большею частію оказались или уклончивые или прямо неблагопріятные: сенаторы не совѣтовали рисковать вмѣшательствомъ въ это дѣло, и ради какого-то сомнительнаго претендента нарушить недавно заключенное перемиріе съ Москвою, утвержденное торжественною присягою. Король по преимуществу старался склонить въ пользу предпріятія коронного канцлера и гетмана Яна Замойскаго, и думалъ плѣнить его мыслію о будущемъ тѣсномъ союзѣ съ Московскимъ царемъ, о его помощи противъ шведовъ и особенно противъ турокъ, столь еще грозныхъ христіанскому міру; при чемъ внушалъ, что такое щекотливое дѣло не слѣдуетъ подвергать публичному обсужденію на сеймѣ. Но маститый государственный человѣкъ рѣшительно высказался и противъ подлинности Димитрія, и противъ нарушенія перемирія, совѣтовалъ во всякомъ случаѣ отложить это дѣло до ближайшаго сейма, который имѣлъ открыться въ январѣ слѣдующаго 1605 года. Тщетно Юрій Мнишекъ нѣсколько разъ принимался писать Замойскому, убѣждая его принять участіе въ московскомъ царевичѣ, въ подлинности котораго будто бы не слѣдуетъ сомнѣваться, и толковалъ о выгодахъ, могущихъ произойти отъ того для Рѣчи Посполитой. Руководимый Мнишкомъ, Лжедимитрій тоже обращался къ Замойскому съ униженною просьбою о помощи. Канцлеръ отвѣчалъ Мнишку уклончиво, а письма самозванца оставилъ безъ отвѣта. Кромѣ Замойскаго, открытыми противниками дерзкаго предпріятія заявили себя извѣстный ревнитель православія, кіевскій воевода, престарѣлый Константинъ Острожскій и сынъ его Янушъ, краковскій каштелянъ. Къ противникамъ сего предпріятія, хотя и не столь рѣшительнымъ, принадлежали родственникъ Замойскаго, товарищъ его по гетманству, т. е. польный коронный гетманъ Станиславъ Жолкевскій, воевода брацлавскій князь Збаражскій и нѣкоторые другіе. Но покровители превосходили ихъ числомъ, искусствомъ въ интригѣ и усердіемъ въ этомъ дѣлѣ. Напомнимъ, что кромѣ Мнишковъ и Вишневецкихъ, тутъ дѣйствовали нунцій Рангони, кардиналъ-епископъ Мацѣйовскій, литовскій канцлеръ Сапѣга, виленскій каштелянъ Іеронимъ Ходкевичъ, виленскій епископъ Война и братъ его литовскій подканцлеръ, воевода краковскій Збежидовскій, коронный подканцлеръ Пстроконскій и еще нѣкоторые менѣе важные сановники; притомъ они имѣли на своей сторонѣ короля.

Итакъ въ концѣ апрѣля 1604 года Лжедимитрій съ Мнишкомъ воротился въ Самборъ, и здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ они занимались приготовленіями къ походу, т. е. вербовкою военныхъ людей, ихъ снаряженіемъ и организаціей, производившимися

главнымъ образомъ на средства Мнишковъ и Вишневецкихъ. Сборнымъ пунктомъ навербованныхъ людей сдѣлался Львовъ, главный городъ Русскаго воеводства; ибо Юрій Мнишекъ въ числѣ своихъ сановъ имѣлъ и львовское староство. Рядомъ съ этими приготовленіями, въ Самборскомъ замкѣ пошли опять празднества и угощеніе окрестной шляхты; при семъ хозяинъ уже не скрывалъ своихъ отношеній къ мнимо-высокому гостю какъ къ своему будущему зятю. А съ симъ послѣднимъ онъ заключилъ формальныя письменныя условія, на основаніи которыхъ соглашался жертвовать своимъ состояніемъ при добываніи ему Московскаго престола, а когда онъ сядетъ на этотъ престолъ, то выдать за него свою дочь Марину. До насъ дошли двѣ такихъ договорныхъ грамоты, въ которыхъ самозванецъ именуетъ себя «Димитріемъ Ивановичемъ, Божіею милостію царевичемъ Великой Россіи, Углицкимъ и пр.». Одною изъ нихъ, данною въ маѣ 1604 года, онъ, по достиженіи престола, обязывается: 1) уплатить воеводѣ Сендомірскому милліонъ злотыхъ на покрытіе его долговъ и на расходы по снаряженію панны Марины въ Москву; при чемъ доставить ей изъ московской царской казны драгоцѣнности и столовое серебро; 2) прислать торжественное посольство польскому королю съ просьбою дать его согласіе на бракъ съ Мариной; 3) отдать ей въ полное владѣніе Великій Новгородъ и Псковъ со всѣми ихъ уѣздами и населеніемъ; 4) предоставить ей полную свободу вѣроисповѣданія съ правомъ держать при себѣ латинскихъ священниковъ и строить латинскіе костелы въ своихъ владѣніяхъ; 5) ввести въ своемъ государствѣ римскую вѣру. Въ другой грамотѣ, данной въ іюнѣ, самозванецъ идетъ еще далѣе по части раздробленія своего будущаго государства: онъ обязывается отдать своему тестю, Юрію Мнишку, часть Смоленской и Сѣверской земли; при чемъ упоминается о какой-то предшествующей грамотѣ, по которой остальная часть этихъ земель уступалась королю и польской Рѣчи Посполитой.

Эти документы ясно свидѣтельствуютъ, до какой степени простиралось легкомысліе и самозванца, и его пособниковъ-руководителей, съ королемъ Сигизмундомъ во главѣ, — которые принялись дѣлить шкуру еще незатравленнаго медвѣдя. Очевидно, Лжедимитрій не стѣснялся ничѣмъ по части обязательствъ: онъ уже такъ далеко зашелъ въ своемъ отчаянномъ предпріятіи, что ничего не оставалось какъ обѣщать направо и налѣво самыя неисполнимыя вещи, лишь бы не останавливаться и идти впередъ.

Посмотримъ теперь, какъ эти событія отозвались въ Москвѣ.

Когда пришла сюда вѣсть, что въ Литвѣ уже открыто объявился царевичъ Димитрій, царь Борисъ, по выраженію лѣтописца, ужаснулся. Онъ понялъ всю грозившую ему опасность и почувствовалъ, какъ заколебалась подъ нимъ почва. Едва ли эта вѣсть была для него неожиданностью; при своей крайней подозритель-

ности и благодаря многочисленнымъ шпіонамъ, онъ могъ заранѣе къ ней приготовиться. Тѣмъ не менѣе она произвела страшное впечатлѣніе, и при всей изворотливости своей Борисъ не могъ придумать ни одной дѣйствительной мѣры для борьбы съ надвигавшейся грозой. Первымъ стараніемъ его было по возможности скрыть грозную вѣсть отъ народа и для того прекратить почти всякія сообщенія съ литовскимъ зарубежьемъ. Около того времени въ Смоленской области распространилось моровое повѣтріе, и по сему случаю учреждены были заставы по дорогамъ, ведущимъ изъ этой области въ Москву. Борисъ воспользовался тѣмъ же предлогомъ и велѣлъ умножить заставы такъ, чтобы изъ Литвы не переходило никакихъ вѣстей въ пограничныя области. Въ то же время онъ разослалъ многихъ лазутчиковъ провѣдывать о самозванцѣ. Слухи о немъ распространились уже за предѣлы Польши. Такъ императоръ германскій, въ іюнѣ 1604 года, чрезъ особаго посланника извѣщалъ Бориса, какъ союзнаго себѣ государя, о появленіи въ Польшѣ Димитрія и о той помощи, которую поляки намѣрены ему оказать; вообще совѣтовалъ быть осторожнымъ. Борисъ принялъ посла съ обычною торжественностью, и велѣлъ благодарить императора за предупрежденіе; но прибавилъ, что Димитрія давно нѣтъ на свѣтѣ, а это какой-то обманщикъ, съ помощью котораго поляки думаютъ возмутить его государство, но котораго онъ можетъ уничтожить однимъ пальцемъ.

Разумѣется, такой отвѣтъ былъ только маскою равнодушія и презрѣнія. Въ дѣйствительности Борисъ сильно тревожился и совсѣмъ лишился покоя. Никакія запрещенія и наказанія не прекращали проникшихъ въ народъ толковъ о появленіи Димитрія. Умножились только доносы и тайныя казни. Всякій, кто неосторожно говорилъ о Димитріи, подвергался жестокимъ пыткамъ и обрекался на жалкую смерть со всѣмъ своимъ семействомъ и родными, если вѣрить извѣстію современника-иноземца. Отсюда народное недовольство и ропотъ противъ Бориса все болѣе возростали и сгущали тучи, нависшія надъ его домомъ. Особенно усилилась его подозрительность въ отношеніи бояръ; онъ предполагалъ ихъ участіе въ приготовленіи самозванца, и прямо говорилъ, что это ихъ дѣло.

Вѣрный сынъ своего вѣка, Борисъ не былъ чуждъ грубому суевѣрію. Въ Москвѣ при какой-то часовнѣ въ землянкѣ жила юродивая, по имени Елена, которую народная молва надѣляла даромъ предсказанія. Борисъ тайкомъ и смиренно посѣтилъ ея пещеру, чтобы спросить о своей судьбѣ. Юродивая взяла обрубокъ дерева, призвала поповъ, велѣла служить панихиду надъ этимъ обрубкомъ и кадить ему. Царь въ ужасѣ удалился. Черныя мысли и всякія сомнѣнія терзали его до того, что иногда онъ самъ готовъ былъ усумниться въ смерти царевича Димитрія. Чтобы

успокоить себя съ этой стороны, онъ велѣлъ тайно привезти изъ дальняго монастыря въ Москву мать царевича инокиню Мареу; ѣздилъ къ ней съ патріархомъ въ дѣвичій Воскресенскій монастырь; потомъ призвалъ ее къ себѣ, и, запершись въ спальнѣ, допрашивалъ ее, живъ ея сынъ или нѣтъ. Если вѣрить иноземному свидѣтельству, Мареа замялась, и отвѣчала, что она не знаетъ. При этомъ допросѣ присутствовала супруга Бориса Марья Григорьевна, какъ истая дочь Малюты Скуратова, отличавшаяся жестокосердіемъ и мстительностью, а потому имѣвшая вредное вліяніе на своего мужа. Отвѣтъ Мареы привелъ ее въ ярость; она схватила горящую свѣчу и съ ругательствами бросилась къ старицѣ, чтобы выжечь ей глаза; мужъ съ трудомъ ее удержалъ. Тогда возмущенная Мареа будто бы сказала, что сынъ ея еще живъ. Борисъ велѣлъ отвезти ее въ другой монастырь и стеречь еще строже.

Трудно сказать, откуда произошло въ Москвѣ ложное мнѣніе о личности самозванца: было ли правительство само введено въ заблужденіе собственными неудачными лазутчиками, или оно дѣйствовало умышленно. Первое намъ кажется вѣроятнѣе. Побѣгъ въ Литву чудовского монаха Григорія Отрепьева съ нѣсколькими товарищами и его тайное участіе въ дѣлѣ самозванца повели къ тому, что въ Москвѣ Борисъ и его приближенные сего бѣглаго монаха отождествили съ названнымъ Димитріемъ. Чтобы удостовѣриться въ томъ, царь послалъ въ Литву гонцомъ Смирного-Отрепьева, который приходился роднымъ дядею Григорія; но послалъ не отъ своего имени, а отъ имени бояръ для переговоровъ съ важнѣйшими литовскими сановниками, въ особенности съ канцлеромъ Львомъ Сапѣгою и воеводою виленскимъ Христофоромъ Радивиломъ (въ Москвѣ еще не знали, что послѣдній уже умеръ) Въ грамотахъ, привезенныхъ Смирнымъ, говорилось только о нѣкоторыхъ пограничныхъ недоразумѣніяхъ. Исполнивъ офиціальное порученіе, гонецъ просилъ канцлера о свиданіи наединѣ; вѣроятно московское правительство догадывалось о роли сего послѣдняго въ дѣлѣ самозванца и желало тѣмъ или другимъ способомъ склонить его на свою сторону. Сапѣга отвѣчалъ, что онъ не можетъ вести переговоры о пограничныхъ дѣлахъ безъ своихъ товарищей, т. е. другихъ королевскихъ коммисаровъ. Тогда Смирной вынужденъ былъ словесно объявить протестъ московскаго правительства противъ нарушенія перемирія помощью, которую польскій король оказывалъ человѣку, принявшему на себя имя Димитрія; называлъ самозванца своимъ племянникомъ и для уличенія его требовалъ очной съ нимъ ставки, а, если онъ окажется истиннымъ сыномъ Ивана IV, то обѣщалъ присягнуть ему. Но подвергать подобному слѣдствію личность названнаго Димитрія было совсѣмъ не въ интересахъ его покровителей и руководителей. Напротивъ въ ихъ интересахъ было поддерживать заблужде-

ніе московскихъ правителей и тѣмъ заставлять ихъ дѣлать ложные шаги. Возможно также, что покровители опасались какихъ-либо козней, напримѣръ, подосланныхъ убійцъ. Есть извѣстіе, что противъ ложнаго Димитрія совершено было нѣсколько неудавшихся покушеній; послѣ чего поляки стали тщательно его оберегать. Какъ бы то ни было, Сапѣга отвѣтилъ, что на такое слѣдствіе нужно не только разрѣшеніе короля, но и согласіе сейма, до собранія котораго и надобно отложить дѣло. Смирной такъ и уѣхалъ, не видавъ самозванца.

Въ Москвѣ этотъ отказъ истолковали какъ подтвержденіе своей догадки, что самозванецъ есть Григорій Отрепьевъ и что его побоялись свести на очную ставку съ собственнымъ дядею. Сего послѣдняго Борисъ, вмѣсто обычной въ подобныхъ случаяхъ опалы, сталъ напротивъ держать въ чести, какъ средство уличить самозванца. Здѣсь не оставили безъ вниманія отсрочку вопроса до ближайшаго сейма, и, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ январѣ слѣдующаго 1605 года, когда собрался этотъ вальный сеймъ въ Варшавѣ, явился посломъ отъ Бориса дворянинъ Постникъ Огаревъ и представилъ королю грамоту, въ которой, кромѣ разбора пограничныхъ дѣлъ, царь жаловался на помощь самозванцу и прямо требовалъ или казни, или выдачи дьякона-разстриги, принявшаго на себя имя царевича Димитрія; причемъ излагалась исторія его бѣгства изъ Москвы.

На этомъ сеймѣ между прочими дѣлами обсуждалось и дѣло самозванца; цѣлая партія сенаторовъ (съ Замойскимъ во главѣ) шумѣла противъ помощи, ему оказанной, и противъ нарушенія перемирія. Замойскій прямо смѣялся надъ разсказами о томъ, что въ Угличѣ былъ убитъ другой мальчикъ, вмѣсто царевича. «Помилуй Богъ! — говорилъ онъ, — это комедія Плавта или Теренція, что ли? Вѣроятное ли дѣло: велѣть кого убить, а потомъ не посмотрѣть, тотъ ли убитъ или кто другой. Если никто не смотрѣлъ, дѣйствительно ли убитъ и кто убитъ, то можно было подставить для этого козла или барана». Назначили цѣлую комиссію изъ сенаторовъ для переговоровъ съ Огаревымъ. Такъ какъ въ этой комиссіи участвовали коронный канцлеръ Янъ Замойскій, Янушъ Острожскій и князь Збаражскій, то Огаревъ могъ надѣяться на успѣхъ своего посольства. Но въ той же комиссіи, кромѣ епископа Войны и виленскаго каштеляна Ходкевича, участвовалъ и литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, который, конечно, не допустилъ до погибели дѣло рукъ своихъ. Въ концѣ концовъ Сапѣга, отъ имени короля, отвѣтилъ Огареву, что Рѣчь Посполитая не думала нарушать перемиріе; что не король, а частныя лица и особенно запорожскіе казаки помогаютъ претенденту, и что сей послѣдній находится уже не въ польскихъ предѣлахъ, а въ московскихъ, гдѣ его пусть и ловитъ московское правительство.

Около того же времени, когда самозванецъ уже вошелъ въ мо-

сковскіе предѣлы, царь Борисъ рѣшился объявить всенародно объ Отрепьевѣ. По его желанію патріархъ разослалъ въ епархіи и монастыри грамоту, въ которой излагалась все та же исторія Гришки и его бѣгства изъ Чудова монастыря съ чернецами Варлаамомъ и Мисаиломъ въ Литву, гдѣ его видѣли еще два московскихъ инока Пименъ и Венедиктъ, да третій посадскій человѣкъ Степанко Иконникъ, которые показали о томъ при допросѣ на освященномъ соборѣ. Въ Литвѣ—говорила грамота—Гришка уклонился въ ересь и «по сатанинскому ученію, по Вишневецкихъ князей воровскому умышленію и по королевскому велѣнію учалъ называться княземъ Димитріемъ». Патріархъ извѣщалъ, что онъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ предалъ разстригу Отрепьева вѣчному проклятію, и повелѣваетъ его впредь вездѣ проклинать. Послали также соборныя грамоты къ литовскому и польскому духовенству, и особую князю Константину Острожскому, съ обличеніемъ самозванца и увѣщаніемъ дѣйствовать противъ него. Но это были запоздалыя мѣры, принятыя въ разгаръ ошеломляющихъ успѣховъ ложнаго Димитрія. Прежде нежели появились патріаршія посланія, въ Сѣверской Украйнѣ уже распространились подметныя грамоты отъ имени яко бы спасеннаго царевича, которыя призывали народъ отложиться отъ Годунова, незаконно похитившаго престолъ, и присягать своему законному государю. Крѣпкія заставы не помѣшали этимъ подметнымъ грамотамъ; ихъ провозили въ мѣшкахъ съ хлѣбомъ, который тогда въ большомъ количествѣ шелъ изъ Литвы въ Московсковское государство по причинѣ неурожаевъ въ послѣднемъ. Не помогло также и всенародное на Лобномъ мѣстѣ свидѣтельство князя Василія Шуйскаго о томъ, что истинный царевичъ Димитрій умеръ въ Угличѣ и что онъ самъ былъ при его погребеніи. Народные умы, при общемъ тогда недовольствѣ, недовѣрчиво относились ко всѣмъ подобнымъ увѣщаніямъ и свидѣтельствамъ и наоборотъ легко поддавались увѣреніямъ въ спасеніи царевича. Волненіе умовъ, какъ это бываетъ передъ грозными событіями, еще болѣе усиливалось разными странными явленіями, которыя принимались какъ предзнаменованія грядущихъ смутъ и бѣдствій. Такъ по ночамъ видѣли огненные столпы на небѣ, сталкивавшіеся другъ съ другомъ; иногда вдругъ показывались два, три солнца или двѣ, три луны; страшныя бури срывали верхи колоколенъ и городскихъ воротъ; слышался ужасный вой волковъ, которые большими стаями бродили по окрестностямъ Москвы; а въ самой столицѣ поймали нѣсколько чернобурыхъ лисицъ, забѣгавшихъ изъ лѣсовъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвело появленіе кометы весною 1604 года. Смущенный Борисъ обратился къ одному иноземцу-астрологу и, посредствомъ дьяка Аѳанасія Власьева, спрашивалъ его мнѣніе объ этомъ явленіи. Тотъ будто бы отвѣтилъ ему: «Тебѣ грозитъ великая опасность».

II.

Вопросъ о личности и руководителяхъ перваго Лжедимитрія [1]).

Разногласіе источниковъ.—Извѣстіе Буссова.—Обзоръ разныхъ мнѣній въ русской литературѣ. — Вопросъ о тождествѣ самозванца съ Григоріемъ Отрепьевымъ.— Костомаровъ и Вицинъ.— О. Пирлингъ.— Послѣдующія мнѣнія.— Сущность моихъ выводовъ.—Несостоятельность предположенія о подготовкѣ самозванца боярами.—Мои доводы противъ тождества съ Гр. Отрепьевымъ, въ пользу происхожденія Лжедимитрія изъ Западной Руси и его ранняго ополяченія.— Маржеретъ противъ его подготовки іезуитами.— Свидѣтельства, подтверждающія польскую самозванческую интригу.

Личность перваго Лжедимитрія и происхожденіе его самозванства издавна возбуждали пытливость историческихъ писателей и породили значительную литературу; мнѣнія и догадки о немъ высказывались очень разнообразныя.

Нѣкоторые иностранные источники называютъ самозванца истиннымъ царевичемъ; именно Маржеретъ, Паэрле, Бареццо-Барецци, Гревенбрухъ, Геркманъ и первыя двѣ записки изъ трехъ, изданныхъ гр. Растопчинымъ въ 1862 г. Склоняются къ тому же мнѣнію вообще писатели-іезуиты; напримѣръ, Поссевинъ (его письмо къ великому герцогу Тосканскому у Чіампи въ Esame critico) и Велевицкій (пользовавшійся дневникомъ патера Савицкаго), а въ наше время даже такой основательный изслѣдователь какъ о. Пирлингъ. Въ особенности это мнѣніе поддерживали польскіе источники и компиляторы, напримѣръ, такъ называемый «Дневникъ Марины» (Устрялова «Сказ. современ.» IV), Маскевичъ (ibid. V), Товянскій (Когновицкаго Cycia Sapiehów II. 63—70) и Нѣмцевичъ (Dzieje panowania Cygmunta III). Но разсказы о спасеніи маленькаго царевича отъ смерти въ Угличѣ такъ противорѣчатъ всѣмъ извѣстнымъ фактамъ и отзываются такимъ баснословіемъ, что не заслуживаютъ даже серьезнаго опроверженія. Затѣмъ всѣ русскіе источники, т. е. лѣтописи, хронографы, сказанія, грамоты, выдаютъ самозванца за Гришку Отрепьева, бѣглаго московскаго монаха, называя его иногда просто «Разстригою». Особенно наглядно и какъ бы фактически подтверждалось это мнѣніе челобитною царю Василію Шуйскому или такъ называемымъ «извѣтомъ» чернеца Варлаама, въ которой довольно подробно разсказываются похожденія Лжедимитрія и начало его самозванства. Это мнѣніе о тождествѣ Гришки Отрепьева и самозванца такъ настойчиво проводилось въ Москвѣ того времени, что оно было усвоено и нѣкоторыми иностранцами-современниками въ ихъ за-

[1]) Согласно условіямъ даннаго періодическаго изданія, излагаю сей вопросъ по возможности въ сжатомъ видѣ, останавливаясь только надъ фактами и свидѣтельствами, которыя считаю наиболѣе существенными.

нисках, каковы, напримѣръ, Масса, Петрей, Шаумъ, Делявиль и даже Жолкевскій. Оно проникло въ русскую исторіографію и долго въ ней господствовало, какъ у гражданскихъ историковъ, Миллера, Щербатова, Карамзина, Арцыбашева, Бутурлина, Соловьева, гр. Толстого («Католицизмъ въ Россіи»), такъ и у церковныхъ, отчасти у Платона, вполнѣ у Филарета и Макарія. Изъ нихъ только Миллеръ колебался и, если вѣрить свидѣтельству англичанина Кокса, въ частныхъ разговорахъ склонялся къ тому, что самозванецъ былъ истиннымъ царевичемъ. («Рус. Стар.» 1877. № 2, стр. 321).

Только немногіе иностранные источники указываютъ на иноземное происхожденіе Лжедимитрія. Буссовъ сообщаетъ слѣдующее: многіе знатные польскіе вельможи открыли ему, что самозванецъ былъ побочный сынъ Стефана Баторія; а Янъ Сапѣга однажды за столомъ, хвастая польскою храбростію, прямо сказалъ, что поляки посадили на московскій тронъ самозванца (Rer rossic. script. ext. I. 19 и 63. И хроника Бера у Устрялова въ «Сказ. соврем.» I. 52 и 104. Тутъ Сапѣга назвалъ самозванца «бродягою»). По словамъ Видекинда, нѣкоторые думали, что Лжедимитрій родомъ валахъ, а другіе приписывали ему итальянское происхожденіе (Hist. Belli Sveco Moscovitici. 21) Маржеретъ также упоминаетъ, что нѣкоторые считали его или полякомъ, или трансильванцемъ (у Устрялова 103 стр.). Къ сожалѣнію наиболѣе безпристрастный изъ иноземныхъ источниковъ, итальянецъ Чилли, ничего не говоритъ о происхожденіи Димитрія, а просто считаетъ его самозванцемъ (Hist. di Moscovia).

Въ русской исторической литературѣ критическое отношеніе къ личности Лжедимитрія и къ распространенному разсказу о происхожденіи его самозванства началось собственно съ митрополита Платона, который въ своей «Краткой Россійской церковной исторіи» высказываетъ мнѣніе, что самозванецъ былъ неизвѣстно кто, можетъ быть и Отрепьевъ, но во всякомъ случаѣ лицо, заранѣе подготовленное къ своей роли въ Польшѣ іезуитами, вообще врагами Россіи. Затѣмъ А. Ѳ. Малиновскій отрицалъ тождество этихъ двухъ лицъ («Біографич. свѣд. о кн. Д. М. Пожарскомъ». М. 1817). Археографъ Бередниковъ первый высказалъ сомнѣніе въ достовѣрности «Извѣта» старца Варлаама, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ тождествѣ Лжедимитрія съ Гришкою Отрепьевымъ («Ж. М. Н. Пр.» 1835. Ч. VII. 118—120). Несмотря на сіи критическія попытки, Соловьевъ наоборотъ вполнѣ вѣрилъ въ это тождество и считалъ «Извѣтъ» непререкаемымъ источникомъ. Онъ полагалъ, что самозванца приготовили московскіе бояре, желавшіе свергнуть Годунова, а іезуиты имъ только воспользовались. Относительно подготовки боярами онъ повторяетъ предположеніе кн. Щербатова (Рос. Ист. XIII. 205); но пошелъ еще далѣе въ своихъ догадкахъ,

и утверждалъ, что самозванецъ приготовленъ уже въ дѣтствѣ, а потому самъ былъ увѣренъ въ томъ, что онъ истинный царевичъ Димитрій, слѣдовательно онъ не былъ сознательнымъ обманщикомъ (Ист. Рос. VIII. Гл. 2). Это свое мнѣніе нашъ историкъ пытался построить на весьма шаткихъ основаніяхъ, въ родѣ того, что еслибы самозванецъ зналъ о своемъ обманѣ, то не дѣйствовалъ бы съ такою увѣренностью въ своихъ правахъ. Какъ будто можно назначить предѣлы хорошему актеру, во-первыхъ; а во-вторыхъ видъ увѣренности онъ получилъ только по достиженіи успѣха; первые же его шаги, по всѣмъ признакамъ, совсѣмъ не отличались увѣренностію. Въ третьихъ, ни съ чѣмъ не сообразнымъ является какое-то соглашеніе бояръ съ іезуитами и совсѣмъ непонятнымъ его переходъ отъ бояръ къ іезуитамъ съ увѣренностію въ своемъ царственномъ происхожденіи; въ четвертыхъ, наконецъ, исторія представляетъ намъ не мало примѣровъ сознательныхъ самозванцевъ съ подобными же чертами.

Костомаровъ посвятилъ особое изслѣдованіе вопросу: «Кто былъ первый Лжедимитрій?» (Спб. 1864). Одинъ изъ главныхъ выводовъ его заключается въ томъ, что Лжедимитрій и Григорій Отрепьевъ были два разныя лица. Это положеніе было доказано имъ только до извѣстной степени; причемъ онъ предполагаетъ въ самозванцѣ все-таки человѣка изъ московской Руси. Затѣмъ онъ, подобно Соловьеву, полагаетъ, что самозванца съ дѣтства подготовили московскіе бояре, и что онъ самъ «вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе». Но впослѣдствіи въ своемъ «Смутномъ времени» онъ отказался отъ послѣдняго мнѣнія и ближе подошелъ къ истинѣ, предполагая, что самозванецъ приготовленъ въ Западной Руси поляками; но не опредѣляетъ, кѣмъ именно, и повидимому считаетъ его полякомъ. По поводу перваго изслѣдованія Костомарова появилась брошюра студента (впослѣдствіи профессора) В. С. Иконникова, почти подъ тѣмъ же заглавіемъ: «Кто былъ первый самозванецъ?» (Изъ «Кіев. Универс. Извѣстій». 1865 г.). Брошюра эта склоняется въ пользу мнѣнія, что Отрепьевъ и Лжедимитрій были два разныя лица. Одновременно съ изслѣдованіемъ Костомарова вышло пространное разсужденіе Бицина (псевдонимъ Н. М. Павлова), озаглавленный «Правда о Лжедимитріи» (Газета «День». 1864). Разсужденіе это исполнено многихъ остроумныхъ соображеній и догадокъ. А главный его выводъ заключается въ томъ, что бояре въ Москвѣ приготовили Гришку Отрепьева и отправили его въ Польшу; но изъ Польши, къ ихъ удивленію, пришло подъ именемъ Димитрія другое лицо, приготовленное іезуитами съ цѣлію введенія въ Россіи уніи. Любопытна происшедшая отсюда полемика между Костомаровымъ и Бицинымъ (перепечатана въ «Рус. Арх.» 1886 г. № 8). Костомаровъ отказывается отъ нѣкоторыхъ своихъ положеній; онъ отрицаетъ, чтобы бояре приготовили

самозванца въ лицѣ Гришки Отрепьева; отрицаетъ и подготовку его іезуитами. Усердными противниками трехъ названныхъ писателей и поборниками господствовавшаго прежде мнѣнія о тождествѣ перваго Лжедимитрія съ Отрепьевымъ выступили, во-первыхъ, Добротворскій («Вѣстникъ Запад. Рос.» 1866 г. №№ 6 и 7), во-вторыхъ проф. Казанскій («Рус. Вѣстн.» 1877 г. №№ 8—10); но ихъ защита стараго мнѣнія нисколько неубѣдительна.

Весьма видное мѣсто въ исторіи даннаго вопроса заняло сочиненіе члена іезуитскаго ордена изъ русскихъ уроженцевъ о. Пирлинга «Rome et Demetrius d'apres les documents nouveaux». Lyon. 1877. Второе изданіе: Paris. 1878. Авторъ какъ бы считаетъ Лжедимитрія истиннымъ царевичемъ; на этомъ положеніи впрочемъ онъ не особенно настаиваетъ; главная же его задача состоитъ въ томъ, чтобы опровергнуть мнѣніе о подготовкѣ названнаго Димитрія іезуитами. Нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній на это сочиненіе сдѣлано проф. Успенскимъ («Ж. М. Н. Пр.» 1884 г. Октябрь), но собственно на первое изданіе. Второе же изданіе богаче обставлено извлеченіями изъ ватиканскихъ архивовъ. По нашему убѣжденію въ этомъ главномъ своемъ тезисѣ о. Пирлингъ приблизительно правъ. Хотя онъ до очевидности преуменьшаетъ вообще участіе іезуитовъ въ дѣлѣ самозванца; но довольно правдоподобно доказываетъ, что они взялись за это дѣло уже послѣ Мнишковъ и Вишневецкихъ, уже тогда, когда о немъ стали громко говорить, когда участіе въ немъ приняли нунцій и король. Нельзя не сознаться, что, какъ и при началѣ уніи въ Западной Россіи, наши историческіе писатели доселѣ слишкомъ склонны были преувеличивать роль іезуитовъ и слишкомъ рано приписывать имъ въ Польшѣ и Литвѣ то большое значеніе, которое они пріобрѣли собственно позднѣе. Очевидно въ дѣлѣ самозванца іезуиты явились не иниціаторами, а только участниками, и притомъ не главными. Уже нѣкоторые современники самозванца считали его лицомъ, приготовленнымъ іезуитами; но такъ говорили собственно протестантскіе писатели, какъ явные враги іезуитовъ. И уже Маржеретъ дѣльно возражалъ имъ въ своихъ запискахъ о Россіи (стр. 108—109 рус. перевода).

Г. Левитскій въ своей монографіи «Лжедимитрій 1 какъ пропагандистъ католичества въ Москвѣ» (Спб. 1886 г.) также представляетъ нѣкоторыя дѣльныя соображенія противъ мнѣнія о подготовкѣ самозванца іезуитами и доказываетъ, что онъ принялъ католицизмъ неискренно. Онъ примыкаетъ къ догадкѣ Щербатова и Соловьева, что самозванецъ былъ приготовленъ боярами для сверженія Годунова. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ X главѣ своей «Русской Исторіи», приводя разныя мнѣнія, съ обычною осторожностію своею не высказывается ни за какое изъ нихъ, и только въ примѣчаніи говоритъ: «Указаніе на то, что Отрепьевъ и Лже-

димитрій—два лица, едва ли не слѣдуетъ принять»; причемъ ссылается на свидѣтельство Маржерета («Ж. М. Н. Пр.» 1887 г. Іюль). Г. Платоновъ въ своей диссертаціи «Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени» (Спб. 1888 г.) останавливается нѣсколько надъ «Извѣтомъ» старца Варлаама и вслѣдъ за Костомаровымъ скептически относится къ этому источнику; но не старается дойти до корней возобладавшаго въ русскихъ сказаніяхъ отождествленія Гришки Отрепьева съ первымъ Лжедимитріемъ. В. С. Иконниковъ въ своей брошюрѣ «Новыя изслѣдованія по исторіи Смутнаго времени» (Кіевъ. 1889 г., по поводу названныхъ работъ Левитскаго и Платонова) приводитъ много фактическихъ и библіографическихъ указаній; но также не высказываетъ окончательныхъ выводовъ, и приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Итакъ, очевидно, многіе вопросы Смутной эпохи требуютъ новыхъ изслѣдованій, дополненій и пересмотра».

Теперь повторю вкратцѣ сущность моего собственнаго мнѣнія о происхожденіи самозванства и личности перваго самозванца, а затѣмъ перейду къ изложенію самихъ основаній, на которыхъ это мнѣніе построено.

Я не считаю Лжедимитрія ни Гришкою Отрепьевымъ, ни лицомъ, заранѣе, съ дѣтства подготовленнымъ боярами или іезуитами, а считаю его лицомъ, выставленнымъ нѣкоторыми польско-русскими панами. Я полагаю, что онъ былъ родомъ изъ Западной Руси; что онъ принадлежалъ къ классу мелкой служебной шляхты, наполнявшей дворы знатныхъ пановъ и уже подвергшейся до нѣкоторой степени ополяченію. Польскимъ языкомъ Лжедимитрій владѣлъ, очевидно, не менѣе чѣмъ русскимъ. Мысль назвать себя царевичемъ могла придти ему подъ вліяніемъ той страсти, которую внушила ему Марина Мнишекъ. Повидимому, онъ рано попалъ на службу къ этой фамиліи, и здѣсь-то зародилась въ немъ идея самозванства, поощряемая, а, можетъ быть, и навѣянная самими Мнишками въ ихъ личныхъ интересахъ. Вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ смерти царевича Димитрія и непопулярности Бориса Годунова, самозванство висѣло, такъ сказать, въ воздухѣ. Левъ Сапѣга, уже по своей должности слѣдившій и хорошо знавшій, что дѣлалось въ Москвѣ, а также находившійся въ интимныхъ сношеніяхъ съ Мнишками, едва ли не далъ главный толчекъ идеѣ самозванства, интригуя противъ Москвы въ видахъ политическихъ. Онъ замѣшалъ въ посольскую свиту и взялъ съ собою въ Москву будущаго самозванца, конечно, хорошо зная его недюжинныя способности и отважный, воинственный характеръ. А для такого отчаяннаго предпріятія, какъ добываніе Московскаго трона, требовался, прежде всего, смѣлый искатель приключеній и храбрый рубака, какимъ въ дѣйствительности и явился первый самозванецъ. Но при объявленіи его Сапѣга благоразумно оставался въ сторонѣ;

а только доставлялъ лжесвидѣтелей, которые какъ по нотамъ разыгрывали комедію съ примѣтами. Близкое участіе свое въ дѣлѣ Сапѣга обнаружилъ еще тѣмъ, что выхлопоталъ у короля награжденіе помѣстьемъ московскимъ выходцамъ пяти братьямъ Хрипуновымъ, признавшимъ названнаго Димитрія (А. З. Рос., IV, № 160. Грамота отъ 27 марта 1604 г.). Роль первыхъ его глашатаевъ предоставлена братьямъ Вишневецкимъ, обработаннымъ съ помощію жены одного изъ нихъ Урсулы Мнишковны, усердствовавшей ради старшей сестры своей Марины. Затѣмъ уже усиліями этихъ трехъ фамилій привлечены были къ участію въ дѣлѣ нунцій Рангони, король, іезуиты и нѣсколько другихъ знатныхъ лицъ. Что касается до русскихъ бояръ, то вопросъ о сознательной и самостоятельной подготовкѣ ими самозванца не имѣетъ почти никакой исторической вѣроятности, хотя Борисъ потомъ и ворчалъ на нихъ, говоря, что это ихъ дѣло, и хотя подобное мнѣніе повторялось иногда современниками-иноземцами (напримѣръ, письмо неизвѣстнаго къ герцогу Тоскан. въ «Рус. Ист. Библ.», VIII, № 8, гдѣ, впрочемъ, говорится о сохраненіи боярами истиннаго царевича). Но въ такомъ дѣлѣ трудно было имъ сговориться и дѣйствовать единодушно, при извѣстномъ соперничествѣ знатнѣйшихъ фамилій; а въ числѣ ихъ были и такія, которыя могли претендовать на престолъ, именно Шуйскіе, Мстиславскіе, Голицыны и Романовы. Притомъ подобный обширный заговоръ не могъ бы укрыться отъ бдительныхъ шпіоновъ Годунова. Существуютъ только немногіе намеки на то, что нѣкоторыя фамиліи какъ будто или знали, или догадывались о самозванствѣ, готовившемся въ Польшѣ-Литвѣ. Это фамилія Романовыхъ и родственныя съ нею семьи Черкасскихъ, Репниныхъ и Сицкихъ. Опала ихъ и ссылки послѣдовали какъ разъ во время пребыванія Сапѣгина посольства въ Москвѣ, и можно предположить, что отъ шпіоновъ Годунова не укрылись какія-либо тайныя сношенія посольства съ сею фамиліей. А извѣстна тактика Бориса: обвинять не прямо въ томъ, въ чемъ онъ подозрѣвалъ, но изыскивать другой поводъ, которымъ въ данномъ случаѣ послужилъ мнимый замыселъ отравленія.

Григорій Отрепьевъ, служившій прежде у Черкасскихъ и Романовыхъ, а потомъ въ Чудовѣ монастырѣ, обратившій на себя вниманіе невоздержными рѣчами и намеками на спасеніе царевича Димитрія, также является какимъ-то посредствующимъ звеномъ въ этой темной исторіи. Есть какъ будто указанія на то, что о приготовлявшемся у поляковъ-литвы самозванцѣ догадывались и сочувствовали ему дьяки Василій Щелкаловъ и Аѳанасій Власьевъ, которые уже по своей должности могли входить въ непосредственныя сношенія съ Сапѣгою и его посольствомъ. Дьякъ Щелкаловъ послѣ опалы Романовыхъ тоже былъ удаленъ отъ дѣлъ, а при Лжедимитріи является окольничимъ («Росс. Вивл.», XX, 78); а дьякъ

Власьевъ по воцареніи Лжедимитрія сдѣлался однимъ изъ самыхъ довѣренныхъ его лицъ. На покровительство братьевъ Щелкаловыхъ во время его дѣтства указывалъ будто бы самъ Лжедимитрій (Щербатовъ, XIII, 211. Изслѣдованіе Костомарова, 41).

Возвращаясь къ мнѣнію о тождествѣ Гришки Отрепьева и Лжедимитрія, можемъ только удивляться, что это мнѣніе могло такъ долго господствовать въ русской исторіографіи, вопреки всѣмъ началамъ здравой критики. Уже самый возрастъ Отрепьева тому противорѣчитъ: онъ былъ слишкомъ старъ для роли царевича Въ 1602 году, къ которому относится его бѣгство въ Литву, ему было никакъ не менѣе 30-ти лѣтъ, слѣдовательно онъ былъ по крайней мѣрѣ лѣтъ на десять старше истиннаго царевича. Всѣ писавшіе о Лжедимитріи (въ томъ числѣ и противники тождества какъ Костомаровъ и Бицинъ), обыкновенно упускали изъ виду одно немаловажное обстоятельство: Григорій, пребывая въ Чудовѣ монастырѣ, имѣлъ уже дьяконскій чинъ; а по уставамъ русской церкви онъ не могъ быть посвященъ въ дьяконы ранѣе 25 лѣтъ. Далѣе, мы имѣемъ прямыя свидѣтельства источниковъ о Григоріи Отрепьевѣ или такъ назыв. «Разстригѣ», какъ личности отдѣльной отъ Лжедимитрія. Маржеретъ говоритъ, что Разстрига дѣйствительно убѣжалъ въ Литву съ какимъ-то другимъ монахомъ; что ему, какъ это дознано, было отъ 35 до 38 лѣтъ; что онъ былъ негодяй и горькій пьяница; что Димитрій, воцарившись, сослалъ его въ Ярославль, а Василій Шуйскій потомъ его окончательно куда-то спровадилъ (103—106 рус. перевода). Независимо отъ Маржерета, хроника Буссова-Бера также говоритъ объ Отрепьевѣ, какъ объ отдѣльномъ лицѣ; по ея словамъ, этотъ бѣглый изъ Москвы монахъ въ Бѣлоруссіи нашелъ какого-то благороднаго юношу и руководилъ первыми шагами сего самозванца, а потомъ отправился къ казакамъ поднимать ихъ во имя названнаго Димитрія; что и выполнилъ съ успѣхомъ (стр. 19 подлинника и 31—33 рус. перевода у Устрялова). Третье свидѣтельство, независимое отъ двухъ названныхъ, встрѣчается въ письмахъ іезуитскихъ патеровъ Чировскаго и Лавицкаго, сопровождавшихъ войско самозванца къ п. Страверію изъ Путивля, отъ 8 марта 1605 года: «Приведенъ Гришка Отрепьевъ, извѣстный чернокнижникъ (celebris magus), котораго Годуновъ выдавалъ за принца, пришедшаго съ ляхами; москвитянамъ ясно открылось, что онъ и Димитрій Ивановичъ суть два разные человѣка». (Пирлингъ, 204). Московское правительство, отождествляя самозванца съ Гришкою Отрепьевымъ, какъ извѣстно, въ своихъ грамотахъ говорило, что, живя въ Чудовѣ монастырѣ, онъ былъ уличенъ въ чернокнижествѣ и бѣжалъ, избѣгая наказанія (Дополн. къ Ак. Ист., I, 255). Данное сообщеніе іезуитовъ подтверждается и русскимъ свидѣтельствомъ. По «Иному сказанію о самозванцахъ» въ Москвѣ нѣкоторые говорили, что «идетъ Ди-

митрій, а не рострига, да и ростригу же прямо съ собою въ Москву везетъ и оказуетъ его, чтобы не сумнялись люди». (Времен., XVI, 22). Карамзинъ, а за нимъ и Соловьевъ пытались устранить подобныя свидѣтельства толкованіемъ Морозовской лѣтописи и «Повѣсти о Борисѣ и Разстригѣ», что Лжедимитрій для отвода глазъ передалъ свое имя Григорія Отрепьева другому монаху, по словамъ первой чернецу Пимену, а по другой монаху Крыпецкаго монастыря Леониду, который ушелъ въ Литву вмѣстѣ съ нимъ, Варлаамомъ и Мисаиломъ Повадинымъ. Костомаровъ въ своемъ изслѣдованіи указалъ на несообразность и противорѣчія, заключающіяся въ этомъ извѣстіи (стр. 33).

Въ VIII томѣ «Записокъ Петербургскаго Археологическаго Общества» «обнародована была, открытая г. Добротворскимъ въ библіотекѣ Загоровскаго волынскаго (бывшаго уніатскаго) монастыря, надпись на сочиненіи Василія Великаго о постничествѣ, Острожской печати 1594 года; надпись отъ имени инока Григорія говоритъ, что книга эта подарена была ему, Григорію, да Мисаилу и Варлааму княземъ Константиномъ—Василіемъ Острожскимъ. Причемъ подъ словомъ «Григорію» приписано: «царевичу московскому». Г. Добротворскій на сей припискѣ построилъ свою ревностную защиту тождества Отрепьева съ Лжедимитріемъ. Онъ сопоставляетъ эту надпись съ «извѣтомъ» старца Варлаама и находитъ въ нихъ взаимное подтвержденіе. Но дѣло въ томъ, что приписка («царевичу московскому»), судя по перу и черниламъ, сдѣлана позднѣе самой надписи, хотя, по увѣренію г. Добротворскаго, тою же рукою; но и это увѣреніе очень сомнительное. Приписка свидѣтельствуетъ только о томъ, что сдѣлавшій ее, какъ и многіе другіе, на основаніи увѣреній московскаго правительства отождествлялъ Отрепьева съ Лжедимитріемъ, и ничего болѣе. А самая надпись подтверждаетъ «извѣтъ» Варлаама въ томъ смыслѣ, что онъ и Мисаилъ Повадинъ дѣйствительно вмѣстѣ съ Григоріемъ Отрепьевымъ скитались въ Западной Россіи, и нѣкоторое время пребывали въ Острогѣ, и опять ничего болѣе. Едва ли и сами князья Острожскіе на нѣкоторое время не были введены въ заблужденіе московскими грамотами; по крайней мѣрѣ Янушъ Константиновичъ полагалъ, что незадолго гостившій у его отца Отрепьевъ и есть Лжедимитрій (Нѣмцевичъ. II, 197. Примѣчаніе). Возможно, что и самъ Лжедимитрій послѣ своего пребыванія въ Москвѣ въ свитѣ Сапѣгина посольства скитался нѣкоторое время по монастырямъ Восточной и Западной Россіи въ товариществѣ того же Отрепьева и Варлаама. Отсюда и произошла такая путаница въ извѣстіяхъ о немъ и Отрепьевѣ; сами современники, не посвященные въ тайну интриги, не могли разобраться въ этой путаницѣ. Что Лжедимитрій побывалъ въ Москвѣ, замѣшанный въ Сапѣгину свиту, о томъ говоритъ иноземецъ Масса; о томъ и самъ онъ упоминалъ

въ одномъ изъ своихъ манифестовъ по вступленіи въ предѣлы Московскаго государства (по извѣстію Буссова). По окончаніи же посольства онъ, по всѣмъ признакамъ, нѣкоторое время бродилъ по монастырямъ подъ чьимъ-то руководствомъ. Это должно было входить въ общій планъ интриги: кромѣ такого удобнаго, невозбуждающаго подозрѣнія, способа ознакомиться съ Московскою землею, онъ потомъ, повторяя басню о своемъ спасеніи, недаромъ указывалъ на то, что отъ Борисовыхъ клевретовъ укрывался именно подъ монашескою рясою въ разныхъ монастыряхъ.

Приведемъ и другія доказательства тому, что самозванецъ нетолько не былъ Григорій Отрепьевъ; но что онъ былъ родомъ изъ польско-литовской, а не московской Руси. Маржеретъ, пытаясь защитить подлинность названнаго Димитрія и опровергнуть противныя мнѣнія, дѣлаетъ важное для насъ сообщеніе: «Многіе иноземцы, говоритъ онъ, именуя Димитрія полякомъ или трансильванцемъ, который рѣшился на обманъ или самъ собою, или по замыслу другихъ людей, въ доказательство своего мнѣнія приводятъ то, что онъ говорилъ по-русски неправильно, осмѣивалъ русскіе обычаи, наблюдалъ русскую вѣру только для виду: однимъ словомъ, говорятъ они, всѣ пріемы и поступки обличали въ немъ поляка» (106 рус. перевода). Отсюда мы видимъ, что сами современники, лично знавшіе Лжедимитрія, не мало ломали себѣ голову надъ вопросомъ о его таинственномъ происхожденіи; причемъ явно склонялись къ тому главному предположенію, что онъ былъ не изъ московской Руси. А затѣмъ выставленныя противъ нихъ Маржеретомъ опроверженія являются крайне слабыми; напримѣръ, будто бы невѣроятно, чтобы воевода Сендомірскій не развѣдалъ прежде, кто будетъ его зятемъ, а король дозволилъ бы помогать обманщику; въ противномъ случаѣ послѣдній отправилъ бы съ нимъ въ Россію многочисленное войско и снабдилъ бы его денежною казною. Но Маржеретъ какъ будто не зналъ, что польскій король не былъ самодержавнымъ государемъ и зависѣлъ отъ сейма. А что Сигизмундъ III вѣдалъ истину, о томъ онъ самъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, въ инструкціи своему секретарю Самуилу Грушецкому, отправленному посломъ къ испанскому королю въ 1612 г. «Тотъ, который подъ ложнымъ именемъ Димитрія съ помощію польскихъ войскъ вторгнулся въ государство, былъ убитъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ самими москвитянами, наскучившими такимъ обманомъ» (Чт. О. И. и Др. 1847. № 4). Сигизмундъ могъ бы оправдываться въ своемъ участіи тѣмъ, что прежде онъ самъ вѣрилъ въ подлинность Димитрія; но онъ даже не счелъ нужнымъ дѣлать такую оговорку. А что касается до Юрія Мнишка, то для насъ теперь ссылка на добросовѣстность одного изъ главныхъ заводчиковъ дѣла является только наивною. Изъ приведенныхъ выше указаній для насъ особенно важно то, что

Лжедимитрій «не чисто» или «не правильно» выражался по-русски (т. е. по-московски). Маржеретъ (какъ иностранецъ, едва ли компетентный въ семъ вопросѣ) утверждаетъ, будто бы онъ говорилъ очень правильно, «только для прикрасы примѣшивалъ иногда польскія поговорки». «Неточное же произношеніе нѣкоторыхъ словъ ни мало не доказываетъ, чтобы сей государь былъ иноземецъ, если вспомнимъ сколь долго съ юныхъ лѣтъ онъ не видалъ отечества». Ясно, что Гришку Отрепьева никакъ нельзя было бы оправдывать такимъ доводомъ въ неправильномъ произношеніи русскихъ словъ; ибо онъ ушелъ въ Литву не ранѣе 1602 года, когда ему было не менѣе 30 лѣтъ отъ роду. Слѣдовательно это не былъ Отрепьевъ; но и вообще не былъ москвичъ. Характеристика его рѣчи именно указываетъ на западно-русскаго ополячившагося шляхтича. Уже въ качествѣ западно-русса онъ долженъ былъ отличаться нѣкоторымъ акцентомъ отъ москвичей; а его польскія поговорки указываютъ на большую привычку къ польскому языку, которымъ онъ владѣлъ вполнѣ. Любопытно, что свое письмо къ папѣ Клименту VIII онъ сочинилъ самъ по-польски; а русскія его письма хотя «были безъ ошибокъ», какъ выражается Маржеретъ, но тутъ же сознается, что онѣ были писаны «со словъ Димитрія», а не имъ самимъ. Очевидно передъ нами полурусскій, полуполякъ.

Далѣе, относительно русскихъ церковныхъ обрядовъ и обычаевъ мы имѣемъ указаніе, что Лжедимитрій, хотя по наружности старался ихъ соблюдать, но иногда невольно выдавалъ неполное, невошедшее въ привычку, съ ними знакомство. Такъ любопытно слѣдующее свидѣтельство Массы. Когда самозванецъ торжественно вступалъ въ Москву, духовенство, встрѣчавшее его со крестами и хоругвями, поднесло ему икону Богородицы (вѣроятно Владимірской), чтобы онъ приложился. Самозванецъ «сошелъ съ коня; приложился къ иконѣ, но не такъ какъ бы слѣдовало по обычаю; нѣкоторые монахи, видѣвшіе это, усумнились въ томъ, что онъ дѣйствительно родомъ изъ Москвы, а также и въ томъ, что онъ истинный царь» (159 стр. рус. перевода). Если подобные факты обнаруживали вообще его не московское происхожденіе, то они окончательно дѣлаютъ невозможнымъ его тождество съ Отрепьевымъ, бывшимъ московскимъ монахомъ и дьякономъ. Самозванецъ могъ въ общихъ чертахъ исполнять русскіе православные обычаи; но несмотря на предварительное посѣщеніе Москвы и скитаніе по монастырямъ, ему трудно было въ сравнительно короткое время усвоить себѣ всѣ тѣ подробности, которыми Восточная Русь отличалась отъ Западной, а въ языкѣ и манерахъ не обнаружить своего ополяченія.

Маржерету уже извѣстно было мнѣніе тѣхъ протестантовъ, которые считали Лжедимитрія воспитанникомъ и орудіемъ іезуитовъ. Онъ совершенно основательно разсуждаетъ о несообразностяхъ от-

сюда вытекающихъ. Между прочимъ говоритъ слѣдующее: «если бы онъ воспитывался у іезуитовъ, то безъ сомнѣнія долженъ былъ знать латинскій языкъ; но я увѣряю, что Димитрій не умѣлъ на ономъ говорить и еще менѣе читать или писать, какъ я докажу подписью имени его весьма не твердою. Кромѣ того, онъ оказалъ бы тогда іезуитамъ гораздо болѣе милости: въ Россіи явилось бы ихъ не трое—и то съ польскими войсками, неимѣвшими другихъ патеровъ» (109 стр.). Сообщеніе Маржерета относительно подписи вполнѣ подтверждается сохранившимися актами: въ одномъ мѣстѣ самозванецъ подписался Demiustri вмѣсто Demetrius, а въ другомъ in Perator вмѣсто imperator (Устрялова, 97 примѣч. къ переводу Маржерета и кн. Оболенскаго «La legende de la vie» и пр. Приложенія № 4). По воцареніи своемъ Лжедимитрій дѣйствительно менѣе всего заботился объ исполненіи обѣщаній, относившихся ко введенію церковной уніи; папа и іезуиты имѣли полное основаніе жаловаться на его забывчивость. Если бы іезуиты его воспитали и подготовили, то навѣрно онъ не явился бы такимъ индиферентомъ въ дѣлѣ религіи. Папу и іезуитовъ онъ обманулъ, сдѣлавъ ихъ орудіемъ для достиженія своей личной цѣли, какъ обманулъ и короля Сигизмунда, съ которымъ, вмѣсто благодарности, затѣялъ потомъ разныя пререканія. Самозванецъ не обманулъ только Мнишковъ, отца съ дочерью, и остался имъ вѣренъ до конца; чѣмъ и засвидѣтельствовалъ свои тѣсныя, таинственныя связи съ этой семьей. Ясно, что здѣсь находились корни его самозванства; что отецъ и дочь хорошо знали тайну его происхожденія; они одни—или изъ числа немногихъ—могли его выдать; но въ ихъ интересахъ было хранить эту тайну. Что руководящимъ чувствомъ Марины было честолюбивое желаніе сдѣлаться московскою царицею, она наглядно доказала это своимъ дальнѣйшимъ поведеніемъ, незатрудняясь признать своимъ мужемъ и другого бродягу, т. е. второго Лжедимитрія.

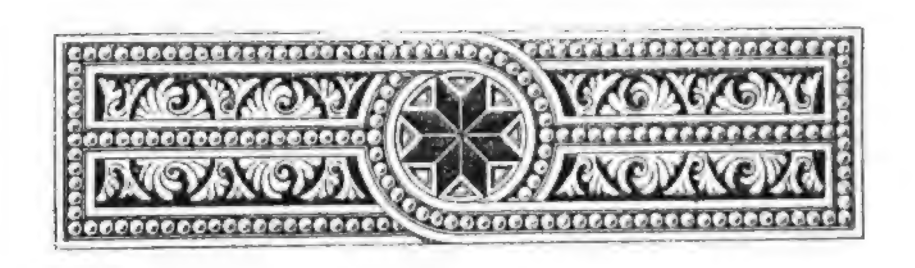
Наконецъ свое не московское, а западно-русское происхожденіе первый Лжедимитрій ясно обнаружилъ всѣмъ своимъ характеромъ, поведеніемъ и привычками. На престолѣ онъ былъ все тотъ же тщеславный, легкомысленный рубака, любитель женщинъ, пировъ и танцевъ, какъ истый шляхтичъ, выросшій при дворѣ польскихъ и ополяченныхъ русскихъ пановъ того времени. Нѣкоторые изъ этихъ польско-русскихъ пановъ (вышеуказанные), по нашему крайнему разумѣнію, и были настоящими виновниками самозванческой смуты. Хотя они тщательно скрывали истину; но иногда, въ пьяномъ видѣ, проговаривались, что самозванецъ ихъ дѣло; какъ о томъ свидѣтельствуетъ хроника Буссова. Особенно заслуживаетъ вниманія его ссылка на Яна Сапѣгу; трудно предположить, чтобы сему послѣднему осталось неизвѣстнымъ тайное, но вмѣстѣ руководящее участіе въ семъ дѣлѣ главы его фамиліи канцлера Льва Сапѣги. Приведемъ также свидѣтельство итальянца Нери Дже-

ральди въ его письмѣ изъ Нюренберга къ великому герцогу Тосканскому, отъ 26 сентября 1605 года, т. е. во время царствованія Лжедимитрія. Со словъ встрѣченныхъ имъ польскихъ купцовъ, онъ говоритъ, что Мнишекъ истратилъ почти все свое состояніе на поддержку «сего князя»; что послѣдній въ юности находился въ услуженіи у Мнишка и «свободно владѣетъ языками польскимъ, латинскимъ и природнымъ русскимъ». Повидимому Джеральди былъ ранѣе въ Польшѣ и видѣлъ самозванца или человѣка на него похожаго. «Мнѣ сперва казалось, — продолжаетъ онъ,—что я знавалъ его лично, но убѣдился въ ошибкѣ своей принимая вмѣсто него сына смоленскаго воеводы, который бѣжалъ къ московскому князю Іоанну Васильевичу, отцу нынѣшняго царя». (Сборникъ Чіампи въ Архивѣ Калачова). Любопытно, хотя и темно, это вскользь брошенное замѣчаніе о сходствѣ самозванца съ извѣстнымъ автору письма лицомъ. Что касается до обладанія тремя языками, то латинскій, по всѣмъ даннымъ, самозванецъ зналъ очень мало. Кромѣ свидѣтельства Маржерета, напомнимъ извѣстіе іезуита Савицкаго о томъ, что самозванецъ сочинилъ посланіе къ папѣ Клименту VIII по-польски, а іезуитъ перевелъ его по-латыни.

Къ названнымъ сейчасъ свидѣтельствамъ весьма нелишнимъ дополненіемъ служатъ «слова, сказанныя въ польскомъ сенатѣ на сеймѣ 1611 года, по поводу вопросовъ, касавшихся смутнаго времени»—слова, взятыя Костомаровымъ изъ одной рукописи библіотеки Красинскихъ и поставленныя имъ въ видѣ эпиграфа къ своему Смутному времени. Приведемъ ихъ въ русскомъ переводѣ: «Источникъ этого дѣла, изъ котораго потекли послѣдующіе ручьи, по правдѣ заключается въ тайныхъ умышленіяхъ, старательно скрываемыхъ, и не слѣдуетъ дѣлать извѣстнымъ того, что можетъ на будущее время предостеречь непріятеля». Только не многіе, болѣе благородные характеры, въ родѣ знаменитаго Яна Замойскаго, не хотѣли участвовать въ этой чудовищной польской интригѣ противъ Московскаго государства. Наконецъ его родственникъ, другой знаменитый гетманъ, Жолкевскій въ своихъ «Запискахъ о Московской войнѣ», прямо заводчикомъ зла называетъ Юрія Мнишка: онъ, изъ честолюбія и корыстныхъ видовъ, упорно поддерживалъ Лжедимитрія, самозванство котораго ему было очень хорошо извѣстно, и, при помощи своего родственника кардинала-епископа Мацѣевскаго, вовлекъ въ это дѣло короля.

Самая физіономія перваго самозванца, судя по наиболѣе достовѣрнымъ портретамъ, выдаетъ его невеликорусское происхожденіе.

Д. Иловайскій.

МОИ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДЕБЮТЫ И РЕДАКЦІЯ „АЗІАТСКАГО ВѢСТНИКА".

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Въ СЕНТЯБРѢ 1870 года, когда я былъ студентомъ Кіевскаго университета, въ «Кіевскомъ Вѣстникѣ», газетѣ, издававшейся въ Кіевѣ Рокотовымъ, бывшимъ псковскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, появилось объявленіе о томъ, что приглашаютъ студента заниматься съ двумя мальчиками ежедневно и предлагаютъ за это пять рублей въ мѣсяцъ. Объявленіе надѣлало шуму въ нашей, только-что основанной, студенческой столовой. У насъ было два лакея, и они получали по двадцати рублей въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ, работая не болѣе четырехъ часовъ въ день. Начались сравненія, вспомнили студента Базилевскаго или Базилевича, незадолго передъ тѣмъ покончившаго съ собою отъ голодной жизни; и начали мы строчить въ мѣстныя газеты обличительныя замѣтки. Одну изъ такихъ замѣтокъ настрочилъ и я и снесъ ее въ «Кіевлянинъ». Тогдашній редакторъ «Кіевлянина» Шульгинъ напечаталъ мою замѣтку, но передѣлалъ ее. Замѣтка была написана такъ, что автора, по его словамъ, хоть сейчасъ въ Сибирь—за неблагонадежность. Передѣлавъ замѣтку, Шульгинъ цѣликомъ подписалъ мою фамилію, и статейка вышла такая, что автора можно было погладить по головкѣ. Чувствуя себя посрамленнымъ, я возгорѣлся полемическимъ жаромъ и разразился возраженіемъ, которое цѣликомъ было напечатано черезъ недѣлю въ «Кіевскомъ Вѣстникѣ». Редакторъ «Кіевскаго Вѣстника» силою вещей поста-

вленный такъ, что онъ долженъ былъ враждовать съ «Кіевляниномъ», нашелъ, что слогъ у меня недурной, что есть «жаръ» и есть «нервъ». Онъ предложилъ мнѣ сотрудничать въ «Кіевскомъ Вѣстникѣ», писать передовыя статьи по такимъ вопросамъ, въ которыхъ я, въ качествѣ естественника, ничего не смыслилъ, и вести внутренній отдѣлъ, помимо фельетоновъ. За все это онъ далъ мнѣ пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. Я переселился въ комнату при редакціи, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Р., который тоже воспылалъ желаніемъ писать, и мы начали «печататься» въ «Кіевскомъ Вѣстникѣ». Съ большимъ чувствомъ нападали мы на дурное веденіе хозяйства городскимъ головой, на скверное состояніе бульваровъ и мостовыхъ, горячо поднимали вопросы о женскомъ образованіи, о всеобщей воинской повинности, о реальномъ и классическомъ образованіи, о новомъ городовомъ положеніи и о многихъ другихъ матеріяхъ, которыхъ ни одинъ изъ насъ не изучалъ, но о которыхъ спѣшилъ высказываться съ авторитетнымъ задоромъ, свойственнымъ безусой молодости. Былъ у насъ еще товарищъ по газетѣ, отличавшійся острымъ перомъ, нѣкто В.; а затѣмъ присталъ М. Тогда еще молодежь не выступила на тотъ путь, который впослѣдствіи привелъ къ такому трагическому концу многихъ изъ насъ. Мы собирались другъ у друга, читали Кэри и Прудона, Миля съ примѣчаніями Чернышевскаго, и историческія письма Миртова. Все ограничивалось теоретическими разсужденіями и мечтами. Сходки случались часто, и на нихъ полиція смотрѣла сквозь пальцы, тѣмъ болѣе, что, обыкновенно, онѣ кончались истребленіемъ пива въ огромномъ количествѣ. Сходки и студенческое движеніе усиливались къ концу году. Въ мартѣ мѣсяцѣ происходили мартовскія революціи, какъ юмористически называли ихъ нѣкоторые профессора. Ни ректоръ, ни полиція не признавали офиціальнаго права существованія за студенческой кассой. Изъ-за этого происходили постоянныя недоразумѣнія съ начальствомъ. Нѣсколько сотъ человѣкъ собиралось въ библіотекѣ, или въ одной изъ залъ университета; поднимался шумъ и крикъ, выступали ораторы, внезапно произносили рѣчи, совсѣмъ не относящіяся къ кассѣ, составлялись адресы или колективныя прошенія; между тѣмъ, какъ другая труппа студентовъ, преимущественно филологовъ, представлявшихъ въ университетѣ консервативный элементъ, подавала контръ-адресы и просила начальство не обращать вниманія на наши мальчишескія домогательства. Бывали студенты, и ихъ было немало, которые подписывались и на адресахъ, и на контръ-адресахъ. Вся эта юношеская сумятица отражалась на «Кіевскомъ Вѣстникѣ», который былъ газетою молодежи и то отличался серьезной научностью своихъ статеекъ, то вдругъ заливался радикальными трелями. По поводу одной статейки, авторъ которой задался статистическими изысканіями, во что

обходятся городу иллюминаціи, генералъ-губернаторъ Дондуковъ-Корсаковъ серьезно пригрозилъ редакціи. Кончилось тѣмъ, что редакторъ предложилъ мнѣ заняться беллетристикой и, хотя я считалъ беллетристику и поэзію дѣломъ пустымъ, тѣмъ болѣе, что въ молодости, которую я называлъ тогда своимъ дѣтствомъ, я ужъ заплатилъ изрядную дань стихамъ и прозѣ, я состряпалъ разсказецъ подъ заглавіемъ: «Странная женщина». Сюжетъ ея былъ такой: живетъ на свѣтѣ необыкновенная дѣвушка, и душу ея разрываютъ порывы къ высокимъ идеаламъ. Въ своей фантазіи она ужъ считаетъ, наконецъ, что эти идеалы осуществились, словно она прожила тысячу лѣтъ, проснулась и увидѣла, какая перемѣна къ лучшему произошла на землѣ. Но тоска по чемъ-то, еще болѣе идеальномъ, не оставляетъ ее; она продолжаетъ страдать и въ тѣ мгновенія, когда ея воображеніе позволяетъ ей принимать мечтанія за дѣйствительность. Тутъ вмѣшивается любовь, и тоже необыкновенный молодой человѣкъ требуетъ ея сочувствія и взаимности. Она любитъ молодого человѣка, но любовь представляется ей почти низостью. Чтобы побѣдить это низкое чувство, она сжигаетъ на свѣчномъ пламени палецъ. Эта идеалистическая чушь многимъ понравилась. Я принялся было за новый опытъ въ томъ же родѣ, но ужъ ничего такого прекраснаго не выходило. Кстати «Кіевскій Вѣстникъ» былъ закрытъ, но желанію самого редактора, рѣшившаго сдѣлаться театральнымъ антрепренеромъ въ Новочеркаскѣ.

Въ 71-мъ году я пріѣхалъ въ Петербургъ и прожилъ въ немъ зиму. Мнѣ хотѣлось заняться литературой и, вѣроятно, я тогда бы погрузился въ журнальныя волны, если бы не встрѣча съ Василіемъ Степановичемъ Курочкинымъ. Очутившись въ столицѣ безъ средствъ, я сталъ искать корректурной работы, и на второй же или на третій день, П. И. Пашино, задумавшій въ то время издавать журналъ «Азіатскій Вѣстникъ», предложилъ мнѣ мѣсто секретаря въ своей редакціи съ жалованьемъ по пятидесяти рублей и съ предоставленіемъ мнѣ всей переводной работы, какая будетъ въ журналѣ. Если же я напишу что-нибудь азіатское (а для этого стоитъ только посидѣть мѣсяцъ, другой въ Публичной Библіотекѣ), то за статьи компилятивныя и самостоятельныя я буду получать особо. Хотя ничего азіатскаго я написать не могъ и не чувствовалъ въ себѣ для этого достаточно силъ и способностей, тѣмъ не менѣе мѣсто секретаря обезпечивало мнѣ кусокъ хлѣба. Съ 1-го октября я сталъ являться акуратно на занятія въ редакцію, помѣщавшуюся на Артилерійскомъ плацу (нынѣ застроенномъ); но занятій никакихъ не было. Редакторъ «Азіатскаго Вѣстника» ходилъ изъ угла въ уголъ по своему кабинету, прихрамывая, разсказывалъ мнѣ о своихъ путешествіяхъ, о томъ, что онъ товарищъ Добролюбова и сочинилъ ему псевдонимъ Лайбовъ, передавалъ всевозможные слухи изъ литературнаго міра, касавшіеся, впрочемъ,

личной жизни писателей, и все ѣлъ какія-то сладкія восточныя лепешки. Прошелъ мѣсяцъ въ ничего недѣланіи, и мнѣ совѣстно было спросить денегъ. Пашино догадался, что я деликатничаю и, въ свою очередь, былъ настолько деликатенъ, что тоже не предложилъ денегъ. На второй мѣсяцъ онъ предложилъ мнѣ перевести французскую рукопись—«Записки Якубъ-хана», и за это я получилъ гонораръ.

— Однако же пора приниматься за журналъ,—объявилъ вскорѣ затѣмъ Пашино и пригласилъ меня на редакціонное совѣщаніе.

Я явился вечеромъ. Никого, кромѣ меня, не было. Петръ Иванычъ подождалъ часъ, подождалъ другой и сказалъ:

— Чтожъ приступимъ. Какъ вы думаете, пригласить мнѣ въ редакторы Курочкина? Онъ отлично велъ «Искру», имѣлъ тысячъ тридцать доходу въ годъ и на лѣто уѣзжалъ въ Парижъ. На столѣ у него пепельница — серебряный башмачокъ. А тридцать тысячъ у меня есть, и я могу ему дать 250 рублей жалованья; онъ согласится; двѣсти онъ получаетъ отъ Леонтьева (издатель «Искры»). Правый каблукъ на его сапогѣ немножко скривился. Впрочемъ, теперь его можно застать въ театрѣ Берга. Хотите, поѣдемъ?

У меня не было денегъ на театръ, и я отказался. Мы вышли вмѣстѣ. Петръ Иванычъ сѣлъ на извозчика и поѣхалъ къ Бергу розыскивать Курочкина. На другой день я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ меня извѣщалъ, что у меня есть теперь начальникъ, Василій Степановичъ Курочкинъ, и приказалъ мнѣ отправиться къ нему для инструкцій.

Василій Степановичъ Курочкинъ жилъ на Фурштадской улицѣ. Въ квартирѣ имѣлся особый подъѣздъ, и она была хоть невелика, но хорошо обставлена. Курочкинъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ, одѣтый въ персидскій заношенный халатъ. Онъ слегка картавилъ, и въ его черныхъ волосахъ и бородѣ серебрилась сѣдина. Глаза у него были добрые, ласковые и проницательные. Онъ улыбнулся, когда услыхалъ, что я пришелъ за инструкціями, и спросилъ меня:

— Вы на восточномъ факультетѣ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—я естественникъ.

— Такъ вы такой же помощникъ мнѣ, какъ я Петру Ивановичу: я въ Азіи ни бельмеса не смыслю. Впрочемъ, я ужъ обдумалъ, какъ вести «Азіатскій Вѣстникъ». Мы будемъ его вести такъ, чтобы въ немъ преслѣдовалось все азіатское, чтобъ это былъ журналъ, направленный противъ всего дряннаго, азіатскаго, чѣмъ такъ богата наша Русь. У Пашино совсѣмъ другія цѣли; онъ имѣетъ субсидію отъ лицъ, заинтересованныхъ нашими военными успѣхами въ Азіи. Но я не раздѣляю этой точки зрѣнія. Такъ ужъ будемъ врагами Азіи.

Онъ сталъ угощать меня чаемъ; а я съ любопытствомъ, смѣ-

шаннымъ съ благоговѣніемъ, смотрѣлъ на него и его кабинетъ. Надъ широкой отоманкой висѣлъ большой портретъ Беранже. Письменный столъ закрывался, какъ рояль, и, когда Василій Степановичъ открылъ крышку, я увидѣлъ серебряный башмачокъ, о которомъ упоминалъ Пашино. Вышла жена Курочкина, Наталья Романовна, и стала разспрашивать о Пашино.

— А вы литераторъ?—спросила она меня.

Я объяснилъ, какіе скромные литературные дебюты были у меня.

— Часто на этомъ и кончается,—произнесъ Курочкинъ.—Сначала все это кажется ново и прекрасно, а втянетесь въ черную журнальную работу, и осточертѣетъ она вамъ такъ, что потомъ всю жизнь будете вздыхать.

— Да, даже если и успѣхъ будете имѣть, проклянете, — вмѣшалась Наталья Романовна.—Вы спросите у Василія Степановича, сколько онъ денегъ перевелъ.

Она стала разсказывать о пышной жизни Василія Степановича. Тотъ кивалъ головой и жаловался на то, что печать убита.

— «Искра», — сказалъ онъ,— когда я ее велъ, была, дѣйствительно, органомъ живого и свободнаго слова; вся Россія читала ее; это былъ тотъ же «Колоколъ». А теперь? — пустой листокъ. Я умылъ руки. Да и вообще въ литературѣ никого нѣтъ; только и есть Некрасовъ, я, да Минаевъ.

— Только, только,—подтвердила Наталья Романовна.

Я сталъ часто бывать у Василія Степановича, тѣмъ болѣе, что Пашино, одержимый духомъ издательскаго безпокойства, постоянно посылалъ меня къ нему и интересовался знать, что дѣлаетъ для «Азіатскаго Вѣстника» новый редакторъ. Между тѣмъ редакторъ давалъ мнѣ порученія узнать, что дѣлаетъ для своего журнала Пашино. Оба ничего не дѣлали.

Бывая у Курочкина, я познакомился съ покойнымъ Н. А. Демертомъ. Обыкновенно, онъ увлекалъ куда-нибудь Василія Степановича, и тогда Наталья Романовна жаловалась мнѣ на горькую долю жены литератора и плакала. Мнѣ же казалось, что доля у ней завидная, и будь у меня сестра, я былъ бы счастливъ, еслибъ она вышла за литератора.

— Ахъ, вы думаете, что у насъ богатство большое!—вскричала Наталья Романовна. — Да вотъ у меня салопъ въ 700 рублей, но развѣ мнѣ тепло въ немъ? Я совершеннно одинока, и богатство наше призрачное, мы часто нуждаемся. Я вижу, что долго жалованье платить Василію Степановичу не будутъ; я васъ спрашиваю — за что? Онъ самъ смѣется надъ «Азіатскимъ Вѣстникомъ».

Только въ ноябрѣ началось оживленіе въ нашей редакціи. Были написаны письма и посланы авансы Ядринцеву, который прислалъ повѣсть, Шелгунову въ Калугу, который написалъ статью о Японіи по иностраннымъ источникамъ и совѣтовалъ намъ подражать японцамъ въ ихъ необыкновенномъ стремленіи къ прогрессу. Что-то обѣщалъ Глѣбъ Успенскій, далъ статью Скабичевскій, и я былъ посланъ къ Кущевскому, автору «Благополучнаго россіянина», съ авансомъ и съ предложеніемъ что-нибудь написать для «Азіатскаго Вѣстника», такъ какъ Кущевскій былъ родомъ изъ Сибири. Съ сознаніемъ важности своей миссіи, я отправился на Каменный островъ, гдѣ въ небольшомъ деревянномъ домикѣ жилъ, славившійся въ то время, романистъ. Я увидѣлъ молодого человѣка лѣтъ 25-ти, въ одномъ бѣльѣ и съ раскрытой грудью. Хотя было холодно въ комнатѣ, но онъ отдувался, и его огромное, толстое тѣло привыкло къ стужѣ и было равнодушно къ низкой температурѣ. Жирныя складки рельефно выступали на его короткой шеѣ и груди. Крошечные усики слегка оттѣняли губы на его жирномъ, но довольно красивомъ лицѣ. Странно размахивая руками, онъ весело принялъ меня. На его письменномъ столѣ стоялъ графинчикъ съ водкой и нѣсколько кусочковъ сахару. Черезъ каждыя пять минутъ онъ выпивалъ по рюмкѣ и закусывалъ сахаромъ. Я передалъ ему просьбу редакціи и спросилъ, не желаетъ ли онъ денегъ. Денегъ Кущевскій пожелалъ и взялъ у меня пятьдесятъ рублей.

— Только вотъ на счетъ повѣсти не знаю,— сказалъ онъ,— у меня много срочныхъ работъ. Хорошо, хорошо, я подумаю. Все же надо вамъ дать росписку.

Онъ взялъ клочекъ бумажки и написалъ: «Отъ секретаря редакціи получилъ авансомъ пятьдесятъ рублей серебромъ, за повѣсть, которую обязуюсь доставить въ началѣ года, подъ заглавіемъ...»

Тутъ онъ сталъ думать, выпилъ рюмку водки и, обратясь ко мнѣ, спросилъ:

— Какъ вы думаете? Посовѣтуйте заглавіе.

Я ничего не могъ посовѣтовать и не смѣлъ этого сдѣлать.

Писатель выпилъ еще рюмку, и тогда его осѣнила мысль.

— А!—воскликнулъ онъ.—Нашелъ!

И прописалъ на роспискѣ: «подъ заглавіемъ: «Іоаннъ Креститель».

Росписку Кущевскаго я свезъ и отдалъ Пашино, а повѣсти Кущевскій такъ и не доставилъ.

Приближался декабрь. Надо было приступать къ печатанію первой книжки журнала. Курочкинъ разобралъ матеріалъ, и вечеромъ была сдѣлана диспозиція. Мнѣ пришлось быть и корректоромъ журнала. Весь декабрь прошелъ въ печатаніи книжки,

поспѣвшей къ первому января. Гонораръ былъ выплаченъ всѣмъ акуратно, тѣмъ болѣе, что большая часть его взята была авторами впередъ. Началась вторая книжка. Но по мѣрѣ того, какъ уходили дни, настроеніе нашего издателя становилось все мрачнѣе и мрачнѣе. Иногда онъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ Симеоновскій переулокъ, мучительно-медленно пилъ чай, ѣлъ восточныя лепешки, которыя онъ привозилъ съ собой, и уѣзжалъ, не сказавъ ни слова.

Наталья Романовна стала не на шутку тревожиться. «Стоило мараться изъ-за такихъ пустяковъ,—кричала она на мужа.—Посмотришь, онъ не выпуститъ второй книжки. Ему совсѣмъ не того нужно было, что̀ ты дѣлаешь. У тебя нѣтъ ни одной патріотической статьи».

Я объ этомъ передалъ Пашино и, заинтересованный своимъ собственнымъ положеніемъ, спросилъ у него, долго ли будетъ издаваться «Азіатскій Вѣстникъ»?

Пашино помолчалъ и сказалъ:

— Неужели ужъ говорятъ о прекращеніи? Это очень вредные слухи. Правда, подписчиковъ мало, однако же 92 человѣка; къ концу года, можетъ быть, и тысяча наберется. Да, да, Василій Степановичъ вовсе не такъ ведетъ, какъ надо. Я напрасно понадѣялся на него. Я ожидалъ огромнаго успѣха при такихъ литературныхъ силахъ. Графъ ***, дѣйствительно, можетъ не дать больше ни гроша. Какое имѣетъ отношеніе къ Азіи статья Скабичевскаго? Отчего вы не вмѣшались? Вотъ бессарабскій шербетъ—его дѣлаютъ изъ миндальной шелухи.

Понявъ праздность своихъ упрековъ, обращенныхъ ко мнѣ, Пашино одѣлся и отправился объясняться къ Курочкину. По требованію Натальи Романовны, онъ выдалъ ему жалованье впередъ за мѣсяцъ, и обѣ стороны успокоились недѣли на двѣ. Вторая книжка была ужъ готова, хотя еще не выпущена въ свѣтъ. Я явился къ издателю за деньгами для типографіи и для себя. Увы! Петра Иваныча не было. Онъ счелъ за благо уѣхать изъ Петербурга и предоставить лицамъ заинтересованнымъ изданіемъ «Азіатскаго Вѣстника» развести руками и сказать: «однако»!

— Да вѣдь этого надо было ожидать,—утѣшалъ меня Курочкинъ.

— Мы бы вамъ дали взаймы десять рублей,—сказала Наталья Романовна, тронутая тѣмъ, что я остался безъ гроша денегъ,—но, согласитесь сами, намъ не изъ чего дать. Теперь, того гляди, и Леонтьевъ сбѣжитъ.

И въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ издатель «Искры» послѣдовалъ примѣру издателя «Азіатскаго Вѣстника».

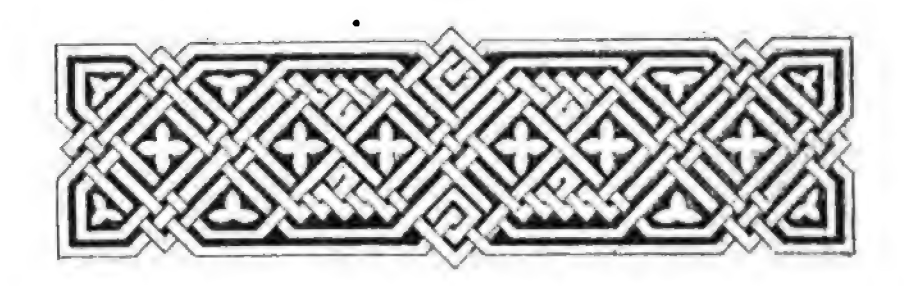
Я написалъ разсказъ и снесъ его въ «Петербургскій Листокъ», гдѣ онъ былъ напечатанъ подъ псевдонимомъ «Ѳомы Личинкина».

Курочкинъ пробѣжалъ мой разсказъ еще въ рукописи, одобрилъ его, сказалъ, что, пожалуй, можно было бы напечатать въ смѣси въ «Азіатскомъ Вѣстникѣ», да, жаль, ужъ нѣтъ этого журнала; но посовѣтовалъ лѣтъ десять не приниматься за серьезную беллетристику, бросить сотрудничество въ газетахъ ради денегъ, уѣхать въ провинцію, понаблюдать жизнь, и тогда вернуться въ Петербургъ, если ужъ меня такъ тянетъ къ литературѣ.

Я послѣдовалъ его благому совѣту.

I. Ясинскій.

СТАРЫЙ КОННОГВАРДЕЕЦЪ.

НА ВЫСОКОМЪ крутомъ берегу рѣки Ворсклы раскинулось большое село Плющи. И красиво же бывало это село по веснѣ, когда его крохотныя бѣленькія хатки тонули въ пушистой, молодой зелени садовъ, а серебристыя воды Ворсклы, освободившись отъ зимнихъ оковъ, заливали на огромное пространство низкій противуположный берегъ рѣки. И какихъ только картинъ не отражала въ себѣ эта зеркальная поверхность! Нарядными, кудрявыми островками во множествѣ виднѣлись на этомъ водномъ пространствѣ маленькія рощицы, блестя на весеннемъ солнышкѣ и окрашивая своимъ отраженіемъ воду въ изумрудный цвѣтъ своей листвы; опрятныя хохлацкія мазанки, разбросанныхъ кое-гдѣ по пригоркамъ хуторовъ, рѣзко бѣлѣя на зеленомъ фонѣ своихъ «вишневыхъ садочковъ», смотрѣлись въ подходившія чуть не къ самой ихъ заваленкѣ волны родимой рѣки. Изъ ближайшей къ селу рощи, съ мелкимъ весеннимъ вѣтеркомъ, несся ароматъ фіалокъ и ландышей. Внизу, у самаго съѣзда къ рѣкѣ съ крутого берега, на которомъ расположились Плющи, шумѣла и гудѣла, скрытая отъ глазъ вѣковыми вербами, водяная мельница, далеко разбрасывая колесами куски бѣлой пѣны по водѣ.

Весело было въ ту пору и людямъ въ Плющахъ... Въ одной только хатѣ стараго Грицька Кныша весь день плакали и причитали бабы.

Подъ вечеръ одна изъ обитательницъ этой избы вышла за ворота и стала въ раздумьѣ, прислонившись спиной къ плетню.

Черезъ нѣсколько минутъ къ ней подошла старуха-сосѣдка.

— Здорово, Наталко. Що у васъ сёгодня голосили у хаті? Чи заболівъ хто?—спросила она.

— Ни, бабусю, вси здорови, слава Богу... Та тильки брата Прокипа въ солдаты берутъ, — отвѣтила Наталка и опять стала всхлипывать.

Старуха выразила, какъ умѣла, свое сочувствіе горю Наталки и, покалякавъ съ ней еще немного, пошла домой.

Семья стараго Кныша была многочисленна: кромѣ его самаго съ женой, она состояла изъ двухъ женатыхъ сыновей, третьяго, еще холостого, Прокипа, или по-русски Прокофія, трехъ дочерей, изъ которыхъ одна была замужемъ, другая, Наталка, невѣста, а третья — подростокъ лѣтъ двѣнадцати - тринадцати, потомъ еще штукъ пяти внучатъ и старухи, матери самого хозяина.

Жили Кныши хорошо, зажиточно; на селѣ слыли за людей тихихъ и трезвыхъ. На молодого же Прокипа охотно заглядывались «дівчата». И дѣйствительно, Прокипъ смѣло могъ считаться паробкомъ-красавцемъ не въ однихъ Плющахъ. Чуть не трехъаршиннаго роста, съ черными волосами и бровями, съ карими очами, съ едва пробивавшимися темными усиками, съ здоровымъ, густымъ румянцемъ во всю щеку, онъ былъ парень хоть куда! Одно только портило его молодость: это хохлацкая манера сутуловато держаться и присущая всѣмъ его единоплеменникамъ сонливость движеній. Глядя на этого молодца, такъ и хотѣлось встряхнуть его хорошенько. Но, конечно, Плющинскія красавицы не понимали этихъ недостатковъ, потому что у нихъ и всѣ парни были таковы. И вотъ теперь этого Прокипа брали въ солдаты!.. Шутка ли протянуть двадцать пять лѣтъ военной службы?! Чего тамъ не навидаешься, что̀ не приключится! Было о чемъ голосить въ тѣ времена, провожая мужа, сына или брата, на такой срокъ изъ-подъ родной кровли.

Но голоси — не голоси, а дѣлу не поможешь. Такъ и семья Кныша, оплакавъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней подъ рядъ своего Прокипа, все-таки должна была съ нимъ разстаться. Однимъ раннимъ утромъ, батька запрегъ черезъ слезы пару сивыхъ воловъ въ телѣгу, и подъѣхалъ къ крыльцу. Бабы, наваривъ, нажаривъ и уложивъ въ разныя сумочки всякой всячины путникамъ на дорогу, проводили съ остальными членами семьи своего Прокипа за село, и вернулись домой, таща подъ руки безумно рыдавшую мать. А отецъ съ сыномъ-новобранцемъ потянулись медленнымъ шагомъ къ Чугуеву, гдѣ слѣдовало сдать рекрута.

Оглянулся Прокипъ въ послѣдній разъ на родное село — и защемило сердце. «Що-то буде, якъ до дому вернусь?»—подумалъ онъ.— «Батька, маты, а може и никого̀ не застану».

Протащившись не мало дней на своихъ волахъ, путники, на-

конецъ-таки, добрались до Чугуева. Много дивовались они тамъ на большіе двухъ-этажные дома, каменныя церкви (до того и отецъ и сынъ отродясь не бывали ни въ какомъ городѣ), ахнули и обомлѣли впервые услыхавъ полковую музыку, вдоволь наглазѣлись на разные мундиры, парады, ученья. Прокипъ, глядя на всѣ эти диковины, пріободрился немного, и только всплакнулъ, когда сталъ съ батькой прощаться. Да еще одно крѣпко нудило его: благодаря его трехъ-аршинному росту, его рѣшено было отправить въ Петербургъ, въ гвардію. «Люди кажуть що се далеко. И тамъ одни москали живутъ»,—думалъ онъ, и горька была молодцу эта мысль. А перечить не станешь... Одинъ разъ, именно когда ему объявили, что онъ отправленъ будетъ въ Петербургъ, онъ попробовалъ было высказать свое несогласіе, рѣшительно заявивъ, что: «я туды не поіду, тамъ москали», но полковникъ только погрозилъ ему пальцемъ и сказалъ, что его согласія никто и не спрашиваетъ. Нечего дѣлать! Пришлось покориться судьбѣ.

Теперь представьте себѣ, читатель, моего героя, дальше Плющей до Чугуева ничего не видавшаго на своемъ вѣку, въ Питерѣ. Глянулъ Прокипъ на Зимній дворецъ—да такъ и обмеръ на мѣстѣ, словно онъ придавилъ его своей громадой; глянулъ на Александровскую колонну—ажно шапку съ головы потерялъ; увидѣлъ стоящаго въ огромной медвѣжьей шапкѣ дворцоваго гренадера на часахъ — и еслибы тотъ не моргнулъ глазами, отъ роду не повѣрилъ бы парень, что это живой человѣкъ; увидѣлъ Казанскій соборъ съ его колоннадой—и не домекнулъ, что то церковь, хотя и ярко горѣлъ золотой крестъ на его куполѣ; а наткнулся случайно на чугунныхъ коней на Аничковомъ мосту—и безъ памяти кинулся домой, въ казармы и, должно быть, ночи три подъ рядъ все мерещились ему во снѣ тѣ мудреные кони.

Прокипа назначили въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ. Привели его въ казармы; оглянулся онъ кругомъ и тоже диву дался. Хаты-то большущія, прибольшущія, ровно загонъ для скота какого, окна здоровенныя, съ добрую дверь будутъ. Только народу было тутъ мало: полкъ выступилъ уже въ лагерь подъ Красное Село. Пробылъ здѣсь Кнышъ нѣсколько дней, а тамъ и его съ другими новобранцами, въ числѣ которыхъ, къ немалому его удовольствію, попался одинъ тоже хохолъ, отправили въ полкъ. Потужилъ маленько Прокипъ, какъ ему чубъ остригли, даже нѣсколько дней боялся на себя въ зеркало глянуть, покривился, когда ему хохлацкую сутулину выправлять стали, замахнулся было на унтера, когда тотъ за ту же сутулину ему въ горбъ тумака далъ, да къ счастью оказался въ полку еще одинъ землякъ (находившійся ужъ лѣтъ двадцать на службѣ), который во время остановилъ его, и взялся уму-разуму учить.

Скоро и обмундировали новобранцевъ. Чудно было Прокипу

натянуть на себя, вмѣсто сѣрой свиты, узкій бѣлый мундиръ, зазорно послѣ широченныхъ хохлацкихъ штановъ, гдѣ изъ одной калоши смѣло могла выйти женская юбка, ходить въ туго обтянутыхъ рейтузахъ, такихъ узенькихъ—что страшно было ногу согнуть; тяжела показалась, замѣнившая мягкую смушковую шапку, металическая каска съ цѣлой птахой наверху, крѣпко давили непривычныя плечи и спину мѣдныя латы, до боли жали ногу, надѣтые вмѣсто шлепанцевъ-ходаковъ, тѣсныя ботфорты. Примѣривъ всю эту амуницію, Прокипъ рѣшилъ, что «більше нехай хоть убьютъ менэ, а я сёго добра не надіну. Ни за що на світі мучити себэ не стану».

Но опытный землякъ и тутъ помогъ бѣдѣ. Приказавъ Прокипу надѣть опять всю амуницію, онъ подвелъ его къ зеркалу и сказалъ:

— А ну, хлопче, подивись: чи пизнаешь себэ?

Прокипъ глянулъ въ зеркало — и сразу выпрямился и пріосанился. И чтожъ за красавецъ глядѣлъ на него изъ зеркала! Бѣлый мундиръ необыкновенно шелъ къ его смуглому, съ густымъ румянцемъ, лицу, изъ-подъ горѣвшей какъ жаръ золотой каски, сверкали карія очи, металлическій орелъ на каскѣ еще чуть не на полъаршина прибавлялъ росту.

— Ну що, дядько,—обратился онъ ужъ весело къ земляку,— якъ бы менэ теперь свои побачили? Не пизналибъ, зъ роду не пизналибъ!

— Якъ тобі те и кажу. А ты кажешь: «не хòчу носити сёго». Що трошки важко—не біда, обвыкнешь.

И дѣйствительно, Прокипъ скоро привыкъ ко всему: и къ своей тяжелой обмундировкѣ, и къ ходьбѣ размѣреннымъ шагомъ, и ко всевозможнымъ военнымъ пріемамъ, и даже сталъ чуточку дисциплину разумѣть. Приладился онъ чистить и коня, и амуницію, но въ особенности понравилась ему верховая ѣзда. Сѣсть на коня—стало для неповоротливаго хохла настоящимъ удовольствіемъ. Своими необычайно быстрыми успѣхами въ этомъ искусствѣ, онъ просто изумлялъ начальство и къ концу лагернаго сбора, опередилъ въ этомъ дѣлѣ многихъ своихъ товарищей, ранѣе его поступившихъ въ полкъ.

Однажды, вечеромъ, передъ перекличкой, Прокипъ сидѣлъ съ своими однополчанами и разговаривалъ о чемъ-то, когда къ нимъ торопливо подошелъ фельдфебель и скороговоркой, запыхавшись, проговорилъ:

— Ребята, завтра великій князь смотръ дѣлаетъ. Гляди въ оба: чтобы лошади, амуниція, все, все, было въ порядкѣ.

— Хто будэ смотръ робить?—насмѣлился переспросить Прокипъ.

— Великій князь. Братъ царя. Понялъ, мазепа?

— Эге! — промычалъ Кнышъ, и отошелъ отъ фельдфебеля къ своему молодому земляку.

— Що винъ казавъ?—спросилъ послѣдній.—Хто будэ?

— А бреше, поганій. Усе смієтця зъ насъ,— нехотя отвѣтилъ Прокипъ.

— Та щô казавъ?

— Каже царевъ братъ буде. Хибажъ то правда? Хиба царь чоловікъ що у нёго братъ е? Такъ каляка не зна що.

Но хотя Кнышъ и не допускалъ возможности, чтобы у царя, какъ у обыкновеннаго человѣка, былъ родной братъ, а полкъ на другой день, дѣйствительно, долженъ былъ явиться на смотръ великаго князя Михаила Павловича.

Блестя мѣдными касками и латами, въ тщательно сохраненныхъ отъ лѣтней пыли бѣлыхъ мундирахъ, полкъ выстроился часамъ къ девяти утра слѣдующаго дня въ конномъ строю на плацу.

Михаилъ Павловичъ, только-что передъ этимъ возвратившійся изъ поѣздки на югъ Россіи, подскакавъ на сѣромъ конѣ къ линіи войскъ, началъ объѣздъ, здороваясь съ каждой частью отдѣльно. Когда онъ подъѣхалъ къ лейбъ-гвардіи Конному полку, Прокипъ совершенно покойно, въ упоръ, поглядѣлъ на него, нашелъ, что онъ «молодчина», и, вѣроятно, есть самый наибольшій генералъ.

Объѣхавъ линію войскъ, великій князь остановился и отдалъ приказаніе пропустить войска церемоніальнымъ маршемъ. Вслѣдъ за церемоніальнымъ маршемъ, войска, въ разныхъ построеніяхъ, прошли шагомъ, затѣмъ рысью и, наконецъ, пущены были въ карьеръ.

Услыхавъ послѣднюю команду, Прокипъ оживился. По его понятіямъ показать свою удаль и искусство только и можно было, что летя во весь опоръ. Когда дѣло дошло до его эскадрона, онъ ловко подобралъ коня, далъ шпоры и, самъ не сознавая, ураганомъ пронесся мимо великаго князя.

— Правофланговый кто? — обратился Михаилъ Павловичъ къ стоявшему подлѣ него командиру Коннаго полка.

— Новобранецъ Прокофій Кнышъ, ваше императорское высочество,—отвѣтилъ тотъ.

— Изъ хохловъ?

— Такъ точно, ваше высочество.

— Чуднôй народъ:—едва замѣтно улыбнулся великій князь,—ростутъ съ быками, а лучшіе наѣздники изъ нихъ выходятъ.

По окончаніи смотра, Михаилъ Павловичъ объявилъ, что государь будетъ смотрѣть войска красносельскаго лагеря, какъ только возвратится съ большихъ маневровъ подъ Чугуевомъ.

Въ ожиданіи царскаго смотра, во всѣхъ полкахъ поднялась страшная суматоха; начались безпрестанныя репетиціи, муштровки, осмотръ и чистка амуницій, перековка лошадей.

Кныша тоже волновала мысль, что онъ вдругъ своими глазами увидитъ царя.

— Дядько Панасъ, — обратился онъ однажды къ своему старшему земляку,—скажи ты міні, якій царь?

— Ось самъ побачишь якій. Такій — що хоть Богу молись на нёго.

— А хиба на нёго не можно Богу молытыся?

На этотъ вопросъ и старый Панасъ, должно быть, не съумѣлъ вѣрно отвѣтить и только повторилъ: «ось самъ побачишь».

Сойдясь наканунѣ царскаго смотра съ своимъ молодымъ землякомъ, Прокипъ возобновилъ тотъ же вопросъ:

— А що, Грицько, якъ ты думаешь: якій е взаправду царь?

— Не знаю,—тихо отвѣтилъ тотъ.

— Чи вінъ съ кrілами, чи ни? (Или онъ съ крыльями, или нѣтъ?)

— Може и съ кріламы.

— Відкиль же винъ прійдэ? (Откуда же онъ придетъ?)

— А хтожъ ёго зна.

Да не подумаетъ читатель, что я измышляю или преувеличиваю тупоуміе моего героя. Отнюдь нѣтъ. Это подлинный разсказъ самого Кныша, надъ которымъ онъ самъ теперь добродушно посмѣивается. Да принявъ во вниманіе время и обстановку, въ какой онъ выросъ, все это станетъ отчасти понятнымъ. Родился и жилъ Прокипъ въ глухой малороссійской деревнѣ, гдѣ въ ту пору о желѣзной дорогѣ и слухомъ не слыхали, гдѣ только и было на все село два грамотныхъ человѣка: священникъ, да дьякъ; гдѣ даже не жили никогда паны, такъ какъ плющевцы не были крѣпостные крестьяне, а «козаки»; а нѣтъ пановъ—нѣтъ и дворовыхъ людей, отъ которыхъ все-таки можно было бы позаимствоваться какими-нибудь свѣдѣніями. При этомъ хохолъ и по своему характеру не любознателенъ и не сообщителенъ. Другое дѣло въ наши дни, когда грамотность дала кой-какія понятія о томъ, о семъ, а желѣзныя дороги еще болѣе грамоты просвѣтили нашего мужика. Да, пожалуй, и теперь еще найдется не мало темнаго люда, въ своихъ понятіяхъ не далеко ушедшаго отъ героя моего разсказа, въ особенности между хохлами - хуторянами, живущими особнякомъ, и, такимъ образомъ, лишенными общества даже своихъ односельчанъ.

Прокипъ зналъ, что есть царь, который правитъ всей «Москивщиной» и Украйной, зналъ—что онъ чего только пожелаетъ—все можетъ, чуялъ, что онъ есть что̀-то иное, отъ другихъ людей отличное, а чѣмъ отличное? Это было ему неизвѣстно. Слышалъ онъ какъ батюшка въ церкви его поминалъ, а молился ли онъ о немъ, или ему — этого онъ понять не могъ. Въ казармахъ говорили, что онъ есть помазанникъ Божій, а что̀ означало это слово —

того ему не домекнуть. Поэтому болѣе чѣмъ естественно, что въ его представленіи личность царя являлась непремѣнно какой-нибудь особенной, необычайной, и ужъ никакъ не такой, какъ всѣ люди вообще, начиная съ него Прокипа, самого, и кончая самымъ наибольшимъ генераломъ, Михаиломъ Павловичемъ.

Наконецъ, желанный день насталъ. Войска красносельскаго лагеря выстроились на томъ же плацу, гдѣ передъ этимъ смотрѣлъ ихъ великій князь.

Прокипъ, сидя на конѣ, обвелъ глазами эту чудную картину, какое-то умилительное, трепетное чувство охватило его.

Русская гвардія, это излюбленное дѣтище, эта гордость покойнаго императора Николая I, въ полной парадной формѣ, блестя и сверкая, развернулась, казалось, безконечной, пестрой лентой, въ ожиданіи пріѣзда государя. Бѣлые съ золотыми латами и касками кавалергарды и конногвардейцы, красные, расшитые шнурами, съ накинутыми на плечи бѣлыми съ темной мѣховой опушкой ментиками, лейбъ-гусары, пестрые уланы, синіе и желтые кирасиры, голубые и малиновые лейбъ-казаки, красногрудые преображенцы, темные артилеристы; сверкающіе на солнцѣ обнаженные палаши и сабли, стройный рядъ казачьихъ пикъ: блестящіе штыки пѣхоты; длинные съ пушистыми головками, артилерійскіе банники и тяжело бьющіяся, при легкомъ дуновеніи вѣтерка, о древко своей упругой матеріей, расшитыя знамена.

Передъ строемъ, въ лентахъ и орденахъ, гарцуютъ генералы, ровняя войска и тревожно поглядывая на часы.

Прокипъ, при всей своей простотѣ, замѣтилъ, что вся эта масса, отъ рядового и до самаго высшаго начальства, какъ-то иначе настроена, взволнована. Попробовалъ онъ было обратиться тихонько съ какимъ-то вопросомъ къ своему сосѣду, тотъ только головой мотнулъ: «отстань, молъ, не до того теперь».

Проходитъ часъ томительнаго ожиданія. Наконецъ вдали, по дорогѣ отъ дворца, показалось легкое облако пыли. Войска сразу встрепенулись, словно электрическая искра пробѣжала по линіи. Начальство засуетилось. Маршъ-маршъ проскакало вдоль строя нѣсколько генераловъ, наскоро отдавая послѣднія приказанія.

Прокипъ перевелъ глаза по направленію дороги, куда теперь обращены были взоры всѣхъ... Облако быстро приближалось, такъ что черезъ нѣсколько минутъ можно было различить мундиры и даже лица всадниковъ.

— Смир-р-р-но!—Пронеслась команда.

Прокипу показалось, что нетолько люди, лошади, но даже самый воздухъ замеръ на мгновеніе.

Но вотъ, сперва глухо, а потомъ все громче и яснѣе донеслось перекатнымъ эхомъ, неумолкаемое «ура», которымъ народъ, во множествѣ собравшійся около плаца, привѣтствовалъ своего госу-

даря. Еще минута—и какъ-то тревожно забили барабаны, музыка заиграла встрѣчу, знамена медленно склонились. Императоръ приближался.

Прокипъ сразу узналъ его, и почувствовалъ, что какія-то мурашки пробѣжали у него по спинѣ, волосы подымаются вверхъ, такъ что тяжелая каска словноползетъ съ головы, а изъ глазъ одна за другой катятся непонятныя слезы.

На бѣломъ конѣ, шедшемъ такимъ аллюромъ, какимъ далеко не всякій кавалеристъ съумѣетъ заставить идти его, въ бѣломъ кавалергардскомъ мундирѣ, все яснѣе и яснѣе вырисовывалась величественная фигура государя Николая Павловича.

— Здорово, конногвардейцы! — прозвучалъ его могучій голосъ совсѣмъ близко отъ Прокипа.

Прокипъ вздрогнулъ и впился глазами въ лицо подъѣзжавшаго государя.

Конногвардейцы радостно и дружно грянули отвѣтъ на царское привѣтствіе. Но Прокипу было не до крику; да едва ли бы онъ и припомнилъ теперь, что̀ именно слѣдовало ему отвѣчать. Взглядъ государя на минуту скользнулъ по немъ, и Прокипу показалось, что онъ сейчасъ, сію минуту умретъ, не выдержитъ этого взора. «А казали що вінъ чоловікъ! И що у нёго рідный братъ е»,—подумалъ онъ, провожая глазами скакавшую уже далѣе фигуру императора. «Та и кінь (конь) его! Хиба це и взаправду кінь? Вінъ летитъ, по̀ воздуху летитъ, и до земли не хвата»...

На другой же день въ Плющи полетѣло, написанное подъ диктовку Прокипа однимъ полуграмотнымъ его товарищемъ, письмо, въ которомъ Кнышъ сообщалъ своимъ односельчанамъ, что вчерашній день онъ, Прокипъ Кнышъ, видѣлъ своими собственными глазами царя. Что царь хотя и пріѣхалъ къ нимъ просто «енараломъ» (Прокипъ все-таки боялся сказать, что государь явился ему въ образѣ человѣка), но больше всего онъ похожъ на Юрія (Георгія) Побѣдоносца, какъ онъ въ ихней сельской церкви около лѣваго клироса написанъ.

По окончаніи лагернаго сбора, Конный полкъ вернулся на зимнюю стоянку въ Петербургъ. Часто здѣсь приходилось Прокипу видать государя и на разводахъ, и на полковомъ праздникѣ, и на улицѣ; и хотя царь являлся всегда «просто енараломъ», но Кнышъ долго еще не могъ усвоить себѣ понятія о немъ, какъ объ обыкновенномъ человѣкѣ. Чтожъ изъ того, что онъ безъ крыльевъ и будто просто «енаралъ». Отчего же на него, Прокипа, такой трепетъ нападаетъ, когда онъ находится въ присутствіи царя? Этого не было бы, еслибы онъ былъ простой человѣкъ. Боится Прокипъ своего начальства, боится и царя, да только не такъ: онъ и боится его, и благоговѣетъ предъ нимъ, и любитъ его. И какъ любитъ? Опять-

таки не такъ, какъ любятъ людей: отца, мать, братьевъ, сестеръ. Опять это какое-то иное, особенное чувство.

— А що, дядько,—обратился онъ однажды къ земляку Панасу,— царь зна що мы ёго такъ любимо?

— А то хиба ни? Вінъ усе зна. (А то развѣ нѣтъ? Онъ все знаетъ).

И долго мѣшало Прокипу его горячее патріотическое чувство къ царю вѣрно понять личность монарха. Только свадьба дочери государя, великой княжны Маріи Николаевны, убѣдила Кныша, что царь есть человѣкъ, имѣющій жену, дѣтей, братьевъ, сестеръ, но что человѣкъ онъ все-таки совсѣмъ особенный. Во-первыхъ, говорятъ, онъ есть избранникъ Божій, попеченію и управленію котораго ввѣрена такая «громада», какъ вся Украйна, Москивщина, Сибирь и еще какія-то мудреныя страны. Слѣдовательно, еслибы въ немъ не было особой силы, еслибы онъ былъ совсѣмъ обыкновеннымъ человѣкомъ, онъ не былъ бы избранникомъ Божіимъ и не могъ бы справиться съ такой службой. Въ казармахъ, отъ старыхъ солдатъ, Кнышъ узналъ, что царя въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, короновали и мvромъ мазали, оттого онъ и называется помазанникомъ Божіимъ. А совершалось то, чтобы призвать на него благодать и благословеніе Божіе, испросить ему силы и помощи для его великаго служенія. «Всѣ мы: и я, и нашъ командиръ,— разсуждалъ Кнышъ, — есть царскіе слуги, а онъ — Божій слуга. Выше его на всемъ свѣтѣ никого нѣту. Стало быть его не только нельзя, но грѣшно къ другимъ людямъ ровнять».

Безконечной вереницей потянулись одинъ за другимъ служебные годы Прокипа. Сроднился онъ съ своимъ полкомъ, сталъ понемногу и къ нашей сѣверной столицѣ привыкать, и даже находить въ ней нѣкоторыя преимущества передъ Плющами. Съ однимъ только труднѣе всего мирился онъ: что здѣсь почти за всю зиму солнца не увидишь. Иной день выпадетъ и ясный, морозный, а оно чуть покажетъ свой край изъ-за одной трубы казармы — и скорѣе спѣшитъ спрятаться за другую. Да еще приходъ петербургской весны раздражалъ его и наводилъ тоску. Такъ бы, кажется, и перелетѣлъ онъ на это время въ свои родные Плющи. Выйдетъ, бывало, Кнышъ вечеркомъ на широкій дворъ своихъ казармъ, присядетъ на крылечко и замечтается. И чудится ему, что внизу гудитъ водяная мельница, въ воздухѣ пахнетъ фіалками, высоко-высоко раскинулось надъ нимъ темносинее небо съ ярко горящими «зірочками», а вотъ легенькій вѣтерокъ пронесся надъ его головой: должно быть то запоздалый аистъ спѣшитъ на ночлегъ, на крышу ихъ хаты. Оглянется Прокипъ—и злодѣйка-тоска такъ и охватитъ всего. Казенныя, каменныя постройки кругомъ, голый, безъ всякихъ признаковъ растительной жизни, вымощеный булыжникомъ, дворъ, однообразный шумъ экипажей, доносящійся съ

улицы, запахъ антрацитнаго дыма и гари въ воздухѣ, бѣлобрысая ночь и темное облако копоти надъ головой. Тяжко становилось въ такія минуты уроженцу благодатной Украйны, да горю-то не поможешь. Изъ Плющей приходили кой-когда письма Прокипу, изрѣдка нарушался чѣмъ-нибудь однообразный строй казарменной жизни... А время незамѣтно все шло своей чередой.

Вотъ ужъ дядько Панасъ отслужился и сталъ въ отставку собираться.

— Щожъ, дядько,—спросилъ его какъ-то Кнышъ,—ты зразу до дому пiдешь, якъ тобi билетъ дадуть?

— Ни, не пiду. Буду тутычки собi мiсця шукать (мѣста искать),—отвѣтилъ тотъ.

— А я такъ зразу-бъ пiшовъ, якъ бы менэ пустили.

— Ще не дуже привыкъ, отъ и сбираешься. А пiсля и самъ не схочешь... Та чого и iйты? Свои уси перемерли, отъ порядку отвыкъ, и самому теперь дома чудно буде.

Насталъ и день когда Панасъ съ другими своими сослуживцами, тоже выходившими въ отставку, долженъ былъ явиться въ Зимній дворецъ, чтобы проститься съ государемъ.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ Кнышъ его возвращенія оттуда. Когда же старые служаки вернулись, онъ замѣтилъ, что глаза у всѣхъ у нихъ были заплаканы. А вечеромъ по всѣмъ угламъ казармъ только и шли разсказы о томъ, какъ прощался съ ними государь.

— Привели этто насъ во дворецъ,—повѣствовалъ старый унтеръ,—выстроили въ большой залѣ и приказали обождать (государь чѣмъ-то занятъ былъ). Ну, стоимъ мы. Смотримъ, маленько сгодя, дверь направо отворилась и вошелъ онъ къ намъ... Старый генеральскій сюртукъ на немъ, орденовъ никакихъ не надѣто. Подошелъ этто онъ ближе къ намъ, остановился и заговорилъ: — «Ну, молодцы, спасибо вамъ за вашу вѣрную службу. Теперь на отдыхъ пора. Идите съ Богомъ по домамъ. Ведите себя, гдѣ бы не жили, хорошо: мундира своего не срамите, не пьянствуйте, худого ничего не дѣлайте, а обижать будутъ—помните: (государь при этомъ поднялъ голосъ), мои ворота для васъ всегда открыты. Вали прямо ко мнѣ. Я самъ заступлюсь! Ну, прощайте. Богъ съ вами»,—проговорилъ государь и, подойдя къ крайнему, обнялъ и поцѣловалъ его. И что̀ тутъ у насъ было—и разсказать не можно! Какъ упали мы ему въ ноги, какъ заголосили всѣ, и кто изъ насъ что̀ говорилъ ему, того теперь и не упомнимъ. Государь еще разъ поблагодарилъ насъ за службу и пошелъ изъ комнаты, взялся ужъ за ручку двери и опять оглянулся на насъ, молча кивнулъ намъ головой, а у самого, глядимъ, тоже слезы на глазахъ... И ни за что̀ я, пока живъ, никуда не пойду отсюда,—утирая глаза суконнымъ рукавомъ, закончилъ унтеръ.—Хоть когда гдѣ на улицѣ его, батюшку, повидаю. Все одно дома стоскуюсь по немъ.

Внимательно слушалъ Прокипъ эти разсказы, и молилъ въ душѣ Бога, чтобы и ему довелось при государѣ Николаѣ Павловичѣ въ отставку выйти, чтобы и ему пришлось такъ-то съ своимъ царемъ проститься, и теперь понималъ онъ отчасти почему и дядька Панасъ не хочетъ домой идти.

Была у Прокипа и еще одна усердная молитва къ Богу: ему все хотѣлось гдѣ-нибудь близко встрѣтить государя самъ-на-самъ, такъ чтобы онъ глянулъ своими орлиными очами на него, Прокипа, одного. Случай близко видѣть царя ему, совершенно неожиданно, представился, но только государь на этотъ разъ не обратилъ особеннаго вниманія на Кныша.

А случилось это такъ:

Дядька Панасъ дѣйствительно домой не пошелъ и, по выходѣ въ отставку, получилъ, чрезъ ходатайство своего бывшаго командира, мѣсто привратника въ Павловскомъ дворцовомъ паркѣ. Устроившись на новой службѣ, старикъ задумалъ жениться. Скоро, съ помощью свахи, найдена была и подходящая невѣста въ лицѣ скромной, работящей и, въ сравненіи съ женихомъ, еще молодой, бездѣтной вдовы Арины Ѳедоровны. Жениха и невѣсту познакомили, оба они остались совершенно довольны другъ другомъ и рѣшено было по веснѣ отпраздновать свадьбу.

Прокипъ, какъ однополчанинъ и землякъ жениха, былъ въ числѣ приглашенныхъ на это торжество, и въ назначенный для свадьбы день, отпросившись у начальства, поѣхалъ въ Павловскъ.

Утромъ, послѣ обѣдни, молодыхъ обвѣнчали, и затѣмъ все общество отправилось пировать въ Панасову караулку. Погода стояла прекрасная. Пиръ задалъ Панасъ на славу: и обѣдъ, и «горілка», и всякое угощеніе, и даже музыка въ представительствѣ гармоніи и одной скрипки, все было на лицо. Гости веселились отъ души и такъ увлеклись пиршествомъ, что и не видали, и не слышали что̀ дѣлалось въ это время внѣ караулки.

А между тѣмъ, къ воротамъ парка подъѣхалъ, запряженный въ одну лошадь, изящный кабріолетъ. Въ немъ сидѣли кавалеръ и дама. Видя, что ворота затворены и никого нѣтъ вблизи, кавалеръ, придержавъ лошадь, издали громко кликнулъ: «ворота!» Но и на этотъ зовъ никто не явился. Тогда кавалеръ, сойдя съ кабріолета и передавъ дамѣ возжи, вошелъ черезъ калитку въ паркъ и затѣмъ въ караулку. Дверь была настежь отворена, такъ что посѣтитель, ни кѣмъ не замѣченный, пріостановился на мгновеніе у порога, и окинулъ глазами представившуюся ему картину пиршества.

Въ небольшой комнаткѣ, въ облакахъ табачнаго дыма, двигались и шумѣли разныя фигуры. Въ одномъ углу жалобно пищала скрипка, ей вторилъ хриплый голосъ сидѣвшаго на лавкѣ, подперши щеки кулаками, отставного унтера; въ другомъ—отчаянно

нажаривала «Комаринскую» гармонія, а молодой солдатикъ, стоя передъ музыкантомъ, ловко подбоченясь, выбивалъ тактъ каблуками; посреди комнаты, съ чаркой въ рукахъ и покачиваясь изъ стороны въ сторону, какая-то фигура громко ораторствовала, а пожилая женщина, примостившить на небольшомъ сундучкѣ, разсказывала очевидно что-то трогательное своей сосѣдкѣ, поминутно отирая глаза свернутымъ въ трубочку платочкомъ.

Вошедшій, простоявъ нѣсколько секундъ на порогѣ и ничего не разобравъ изъ того, что̀ происходило передъ его глазами, наконецъ, громко спросилъ:

— Что̀ у васъ тутъ дѣлается?

На этотъ голосъ всѣ присутствующіе оглянулись, и женихъ, онѣмѣлый отъ страха, только вытянулся въ струнку, руки по швамъ, не въ силахъ будучи произнести ни слова. Посѣтитель повторилъ свой вопросъ.

Тогда хозяинъ, стуча зубами и заикаясь, еле проговорилъ:

— Весілле справляемъ, ваше императорское величество.

Оказалось, что вошедшій былъ государь Николай Павловичъ.

— Да какое веселье справляешь?—переспросилъ онъ.

— Свадьбу граемъ, ваше императорское величество,—пояснилъ Панасъ, сообразивъ, что онъ на своемъ родномъ и непонятномъ для государя языкѣ отвѣтилъ ему.

— А, свадьбу! Ктожъ женится-то?

— Я, ваше императорское величество.

— Семьей обзаводишься? Молодецъ, хвалю,—проговорилъ государь.—А жена же твоя гдѣ?

Панасъ указалъ на низко поклонившуюся государю Арину Ѳедоровну.

— Ну, давай чарку. Надо же тебя поздравить.

Панасъ кинулся къ столу, дрожащими отъ волненія руками налилъ рюмку вина какое было «поблагороднѣе» и поднесъ царю.

Государь взялъ рюмку и, обращаясь къ молодымъ, проговорилъ:

— Ну, поздравляю васъ, желаю всякаго благополучія и счастья. Ты,—повернулся онъ къ Аринѣ Ѳедоровнѣ,—моего старика догляди, почитай его; а ты, старина, смотри, чтобы мнѣ сына родилъ. Да такого жъ молодца, какъ и самъ. А родишь — крестить позови.

Государь выпилъ вино и, наклоненіемъ головы простившись со всѣми, пошелъ изъ караулки. Хозяева и гости кинулись провожать его.

Подойдя къ кабріолету, государь, обращаясь къ супругѣ своей, государынѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ, громко сказалъ:

— Прости, что замѣшкался. Тутъ къ одному своему сослуживцу на свадьбу попалъ.

Государыня тоже милостиво поклонилась высыпавшей изъ караулки публикѣ, и царскій кабріолетъ покатилъ дальше.

Къ марту, слѣдующаго года, наказанный государемъ сынъ, дѣйствительно, родился у Панаса. Не смѣя ослушаться царскаго приказанія, старый гвардеецъ явился на Благовѣщеніе въ Петербургъ, въ казармы своего родного полка, празднующаго въ этотъ день свой полковой праздникъ.

Доложили командиру въ чемъ дѣло, тотъ приказалъ поставить Панаса на такомъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ проходить государь.

Государь пріѣхалъ, и когда онъ, по окончаніи церковнаго парада, направился мимо Панаса въ полковыя казармы, послѣдній, снявъ фуражку, выступилъ на шагъ впередъ и вытянулся во фронтъ.

— Что̀ скажешь, старина?—обратился къ нему, поровнявшись съ нимъ, императоръ.

— Ваше императорское величество приказать изволили.....— путаясь и запинаясь проговорилъ Панасъ,— чтобы сына родить... И ваше императорское величество крестить.... позволили просить...

— Родился?

— Такъ точно, ваше императорское величество.

— Молодецъ! Хорошо, буду крестить. Я помню. У тебя на свадьбѣ гулялъ,—милостиво отвѣтилъ государь, тогда какъ окружающіе его еле сдерживались отъ смѣха.

Государь заочно крестилъ новорожденнаго, названнаго въ честь своего высокаго воспріемнаго отца Николаемъ, а конногвардейская молодежь, къ немалой гордости стараго Панаса, величала царскаго крестника не иначе, какъ старо-гвардейскимъ сыномъ, рожденнымъ «по указу его императорскаго величества».

Завидовалъ Прокипъ въ душѣ своему земляку, что на долю его одного столько счастья выпало. И видить-то государя онъ всякій разъ одинъ-на-одинъ, когда онъ въ Павловскій паркъ пріѣзжаетъ, а старый Панасъ отворяетъ ему ворота, и говорилъ-то онъ съ нимъ не разъ, и на свадьбу дождался такого гостя, и покумился теперь съ нимъ. Прокипъ изъ силъ выбивался, чтобы чѣмъ-нибудь отличиться и привлечь на себя вниманіе государя. И старанія его не пропали даромъ. Его красивая, молодецкая фигура, картинная посадка на лошади и отважно-артистическая ѣзда, не прошли незамѣченными предъ зоркимъ окомъ царя. На одномъ изъ ученій, во время лагернаго сбора подъ Краснымъ Селомъ, Кнышъ пожалованъ былъ въ унтеръ-офицеры. Пронесясь во весь опоръ мимо государя, онъ услышалъ хорошо знакомый ему, звучный голосъ:

— Лихо! Молодецъ!

Дальше онъ ужъ ничего не слыхалъ. Цѣль была достигнута: государь его замѣтилъ. Когда же, послѣ ученья, полковой коман-

диръ поздравилъ его съ царской милостью, съ производствомъ въ унтеръ-офицеры, Прокипъ прежде и ушамъ своимъ не повѣрилъ, а потомъ не выдержалъ—и заплакалъ отъ радости.

Товарищи, узнавъ о монаршей милости, также поздравляли его. Кнышъ благодарилъ, конфузился и положительно не зналъ, что̀ ему дѣлать. Въ карманѣ не было ни гроша, а какъ не угостить однополчанъ ради такого торжественнаго дня? Кинулся было Прокипъ къ своему земляку Грицьку, но оказалось, что и тамъ пусто.

— А знаешь що?—сказалъ товарищъ.—Тутъ, у города, е одинъ жидъ, у нёго шинокъ свій. Сходи ты къ нему, може вінъ у доягъ дасть. Вінъ нашихъ зна. Кой кому — не то горілку — а и гроши позыча (даетъ взаймы).

Прокипъ рѣшился попробовать счастья, и, испросивъ позволеніе отлучиться, отправился передъ вечеромъ къ жиду, надѣясь какъ-нибудь уломать его, дать въ долгъ хотя полведра водки и нѣсколько булокъ для закуски. Идти пришлось ему далеко, такъ какъ кабакъ находился въ совершенно противоположной отъ стоянки полка окраинѣ города. Быстро отмѣривъ гвардейскимъ шагомъ пространство, отдѣлявшее лагерь отъ города, пробѣжавъ нѣсколько маленькихъ переулковъ, Прокипъ только хотѣлъ пересѣчь главную улицу, какъ неожиданно чуть не столкнулся съ размаха на поворотѣ за уголъ съ одиноко шедшимъ ему навстрѣчу государемъ. Кнышъ часто, идя куда-нибудь со двора, мечталъ о такой счастливой случайности, рисовалъ въ своемъ воображеніи цѣлыя картины этой желанной встрѣчи, придумывалъ къ ней діалоги и всевозможныя добавленія и, казалось, гдѣ бы и какъ не произошло это событіе, съ какимъ бы вопросомъ не соблаговолилъ обратиться къ нему императоръ, онъ всегда былъ на чеку, его никогда нельзя было застать въ этомъ дѣлѣ врасплохъ. И вдругъ все это случилось такъ неожиданно! Онъ страшно испугался этой нечаянной встрѣчи, но не растерялся въ конецъ. Ловко отступивъ шагъ назадъ, онъ поспѣшно сдернулъ фуражку съ головы и сталъ во фронтъ.

Государь, въ накинутой на плечи сѣрой шинели, шелъ медленно, задумавшись. Увидя фигуру гвардейца, онъ поднесъ машинально руку къ козырьку и, разсѣянно взглянувъ въ лицо солдата, прошелъ было дальше; но чрезъ секунду, словно вспомнивъ что̀-то, остановился и оглянулся.

— Сегодня въ унтеръ-офицеры произведенъ?—послышался его голосъ.

— Такъ точно, ваше императорское величество.

— Куда идешь?

Прокипъ не зналъ, что̀ отвѣчать.

— А, знаю: поздравлять будутъ,—проговорилъ государь, опуская руку въ карманъ. — Ну вотъ тебѣ! Угости товарищей. Да

смотри: пьяными не напиваться! Не люблю!—коротко сказалъ государь, протягивая руку гвардейцу.

Прокипъ кинулся къ рукѣ государя, благоговѣйно приложился къ ней, и впослѣдствіи самъ никакъ не могъ вспомнить—или онъ ужъ слишкомъ много наговорилъ государю—или вовсе не сказалъ ничего. Фигура императора была уже далеко, а Кнышъ все еще стоялъ на томъ же мѣстѣ, глядя ему вслѣдъ, туго зажавъ въ рукѣ два червонца, подарокъ любимаго царя.

— «Батько, какъ есть родной батько! Его сердца на всѣхъ хватитъ»,—проговорилъ онъ вслухъ и, пользуясь тѣмъ, что улица была пуста, далъ волю благодарнымъ слезамъ. Въ немъ все трепетало въ эту минуту! И, казалось, прикажи ему государь сейчасъ передвинуть гору на другое мѣсто, онъ не только съ радостью, не задумываясь, кинулся бы исполнять царское приказаніе, но и твердо вѣрилъ, что смогъ бы исполнить его.

На одинъ изъ подаренныхъ государемъ червонцевъ были угощены товарищи, а другой, не взирая на всякія житейскія нужды, свято хранится Кнышемъ, какъ драгоцѣнная память царя-отца.

А между тѣмъ, черная туча повисла надъ Россій. Совершенно нежданно, 18-го февраля 1855 года, государя Николая Павловича не стало. Громовымъ ударомъ пронеслась эта вѣсть по всей Руси, и острой болью отдалась въ сердцѣ каждаго истиннаго патріота.

Чтò творилось въ душѣ Прокипа, когда роковая вѣсть достигла казармъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, того онъ и выразить не сумѣмъ бы. «Не уберегли»,—горько проговорилъ онъ и почуялъ, что вся цѣль, весь смыслъ его жизни словно исчезли куда-то. Какъ пережилъ онъ тѣ страшно-мучительные дни, какъ не разорвалось его сердце, уцѣлѣли мозги, тому онъ впослѣдствіи только дивился. Его безъисходное горе было замѣчено даже начальствомъ. Пробовали утѣшать его: говорили, что государь оставилъ наслѣдника, родного своего сына. Но Прокипъ могъ только соболѣзновать молодому царю въ его тяжкой утратѣ.

Не скоро оправился онъ отъ столь тяжкаго и нежданнаго удара, и только необходимость заставила его снова приняться за свои обязанности. Онъ горячо полюбилъ молодого государя, какъ сына своего царя-батьки, но это было иное, скорѣе какое-то нѣжное чувство. Когда ему случалось на смотрахъ или парадахъ услышать изъ устъ молодого царя похвалу или благодарность, онъ безконечно радовался, что угодилъ, утѣшилъ его. Несмотря на то, что цесаревичъ Александръ вступилъ на престолъ въ зрѣломъ возростѣ, въ глазахъ Прокипа онъ былъ отрокъ-сирота, оставленный, какъ дорогое наслѣдіе отечеству, государемъ Николаемъ Павловичемъ, на попеченіе ихъ, старыхъ, преданныхъ слугъ его.

Умиленно глядя на молодого государя, ему все чудилось, что позади его стоитъ ангеломъ-хранителемъ могучая, величественная

фигура царя-отца, зоркимъ, недремлющимъ окомъ слѣдящая за всѣмъ и все видящая. И онъ старался угодить царю-сыну, какъ нѣжная, любящая нянька старается угодить своему питомцу.

Механически исполняя свои обязанности, Прокипъ давно потерялъ и счетъ времени. Онъ и жилъ какъ-то безсознательно, словно не разумѣя, что живетъ. Вѣсть, что и ему пора собираться въ отставку, не только не обрадовала его, но наоборотъ, испугала. Тутъ, на службѣ, все шло своей чередой, и ему ни о чемъ не нужно было размышлять, а теперь приходилось встряхнуться, подумать, что̀ дѣлать съ собой, куда дѣваться. Плющи ужъ больше не тянули его къ себѣ; отецъ, мать померли; братья и сестры проживутъ и безъ него, да и самъ онъ отвыкъ отъ прежней жизни и обстановки. Пойти на время на родину, провѣдать свое родное село, это еще такъ-сякъ, а жить тамъ постоянно—онъ чуялъ, что не выдержитъ, стоскуется. Остаться въ Петербургѣ, какъ въ большинствѣ его старые сослуживцы дѣлали, да безъ царя-батьки равно̀ и столица пустая стала...

— «Нѣтъ, не пойду до дому, тутъ останусь»,—порѣшилъ Кнышъ,—«не пришлось вѣкъ дожить съ моимъ царемъ—нехай меня хоть одна земля съ нимъ прійме».

И старый гвардеецъ, получивъ отставку и солдатскій знакъ ордена св. Анны за безпорочную службу, остался доживать свой вѣкъ въ Петербургѣ.

Десятки лѣтъ прошли со смерти императора Николая, но и теперь, одинъ разъ въ году, можно видѣть въ Красномъ Селѣ высокую, сухую фигуру отставного конногвардейца, вмѣнившаго себѣ въ священную обязанность, въ этотъ достопамятный для него день, посѣтить то самое мѣсто, гдѣ онъ удостоился когда-то царскаго вниманія и милости. А если удастся разговориться съ нимъ, онъ охотно подѣлится съ вами въ этотъ день своими дорогими воспоминаніями о царѣ-отцѣ, и благоговѣйно покажетъ вамъ драгоцѣнный червонецъ, который въ этотъ день достается изъ сундучка и обязательно находится при немъ.

К. Икскуль.

ОДИНЪ ИЗЪ РУССКИХЪ ПІОНЕРОВЪ НА ДАЛЕКОМЪ ВОСТОКѢ.

Съ НЫНѢШНЯГО года нашъ далекій Востокъ вступаетъ въ новую свѣтлую эру своего существованія. На рубежѣ прошлаго и грядущаго этой отдаленной окраины стоитъ знаменательный фактъ посѣщенія ея русскимъ престолонаслѣдникомъ, фактъ, который, несомнѣнно, займетъ выдающуюся страницу въ исторіи русскаго восточнаго приокеанія.

Обладаніе нами восточной окраиной имѣетъ громадное государственное значеніе и громадная заслуга передъ отечествомъ главнаго виновника этого обладанія, графа Николая Николаевича Муравьева-Амурскаго, въ настоящее время—общепризнана. Только десять лѣтъ прошло, какъ этотъ замѣчательный государственный дѣятель оставилъ жизненное поприще, но для увѣковѣченія его достойной памяти, ближайшее потомство уже сдѣлало все, что на долю многихъ другихъ отечественныхъ дѣятелей выпадаетъ спустя многіе десятки лѣтъ послѣ ихъ кончины.

Но, если благодарное потомство не замедлило увѣковѣчить память графа Муравьева-Амурскаго, то нельзя упрекнуть его и въ томъ, что забыло оно и другихъ дѣятелей по закрѣпленію за нами восточной окраины.

Въ славной плеядѣ ближайшихъ сотрудниковъ графа Муравьева-Амурскаго, выдающееся мѣсто, безспорно, принадлежитъ адмиралу Геннадію Ивановичу Невельскому. Его заслуги въ настоящее время оцѣнены по достоинству и дѣятельность его увѣковѣчена памятникомъ, воздвигнутымъ въ нынѣшнемъ году во Владивостокѣ, гдѣ, въ 1889 г., зародилась и мысль о сооруженіи этого памятника. Въ томъ же году послѣдовало и высочайшее соизволеніе на открытіе подписки на памятникъ, давшей около 10,000 рублей. Памятникъ сооруженъ по проекту А. Н. Антипова; бюстъ Невельскаго и дру-

гіе металическіе предметы исполнены скульпторомъ Бахомъ и отлиты въ Петербургѣ, въ мастерской Верфеля, въ магазинѣ котораго и были выставлены для обозрѣнія публики. Памятникъ, какъ видно изъ прилагаемаго рисунка, состоитъ изъ пирамиды, увѣнчанной бронзовымъ шаромъ и парящимъ орломъ. Пирамида сдѣлана изъ мѣстнаго гранита, добываемаго въ бухтѣ Петра Великаго. На лицевой сторонѣ основанія пирамиды сдѣлана ниша, въ которой установленъ бюстъ Невельскаго, а на трехъ другихъ сторонахъ укрѣплены металическія доски съ слѣдующими на нихъ надписями: 1) Въ 1851 г., по поводу смѣлаго занятія Г. И. Невельскимъ берега Амура, государь императоръ Николай Павловичъ, назвавъ поступокъ Невельскаго смѣлымъ, благороднымъ и патріотическимъ, сказалъ слова, довершившія все дѣло: «Гдѣ разъ поднятъ русскій флагъ, онъ уже спускаться недолженъ»; 2) въ 1849 г. транспортъ «Байкалъ» командиръ капитанъ-лейтенантъ Г. И. Невельской 1-й; лейтенанты П. В. Казакевичъ 2-й и А. П. Гревенсъ; мичмана А. О. Геймаръ и Э. В. Гроте; кор. шт. пор. А. А. Халезовъ и подп. А. А. Поповъ, лекарь В. Г. Бергъ; юнкеръ князь К. Ухтомскій и 28 нижнихъ чиновъ. (Передъ текстомъ на доскѣ изображена корма транспорта «Байкалъ»); 3) Амурская экспедиція. Въ 1850 и 1851 гг. Капитанъ 1-го ранга Г. И. Невельской, лейтенантъ Н. К. Бошнякъ, мичманъ Н. М. Чихачовъ, проп. кор. шт. Д. И. Орловъ, лейтенантъ Гавриловъ, прапорщикъ Семеновъ, докторъ Орловъ, приказчикъ Р. А. К. Березинъ, нижнихъ чиновъ 46 человѣкъ. Жены участниковъ экспедиціи: Е. И. Невельская, Х. М. Орлова, жены нижнихъ чиновъ 4. Въ 1852 г. Кромѣ лейтенанта Гаврилова, всѣ остальные и мичмана: Разградскій и Л. П. Петровъ; нижнихъ чиновъ 56 человѣкъ. Въ 1853 г. Кромѣ гг. Чихачова и Семенова, всѣ остальные и сверхъ того кап.-лейт. Бачмановъ съ супругою Е. О., священникъ Гавріилъ съ супругою Е. И., приказчикъ Бауровъ. Въ Сахалинской экспедиціи: маіоръ Н. В. Буссе, лейтенантъ Рудановскій, приказчикъ Р. А. К. Самаринъ, нижнихъ чиновъ 86 человѣкъ. Транспортъ «Иртышъ», подъ командою лейтенанта П. Ф. Гаврилова и К. Л. Чихачова, корабль «Николай» подъ командою Клинковстрема, ботъ «Кадьякъ» подъ командою Шарапова; всего нижнихъ чиновъ 91 человѣкъ».

Памятникъ воздвигнутъ въ скверѣ и смотритъ на море, для котораго такъ много потрудился Г. И. Невельской.

Имя Невельскаго чрезвычайно популярно среди моряковъ, хорошо знакомо изслѣдователямъ нашихъ окраинъ, но, къ сожалѣнію, мало извѣстно остальному обществу. Въ настоящемъ краткомъ біографическомъ очеркѣ мы познакомимъ читателей съ главнѣйшими моментами жизни и дѣятельности Невельскаго.

Геннадій Ивановичъ родился 25-го ноября 1813 года, въ Солигаличскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, и происходилъ изъ мѣст-

ной старинной семьи потомственныхъ дворянъ. Образованіе получилъ въ морскомъ кадетскамъ корпусѣ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1832 года былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ и началъ службу въ 27-мъ флотскомъ экипажѣ. Для довершенія своего морского образованія, Невельской, въ чинѣ мичмана, поступилъ въ морскіе офицерскіе классы, гдѣ слушалъ курсъ высшихъ морскихъ наукъ и, по окончеіи классовъ, въ 1836 г. былъ произведенъ въ лейтенанты. Какъ во время пребыванія въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ офицерскихъ классахъ, такъ и по окончаніи ихъ, до 1846 г. включительно, Невельской ежегодно находился въ плаваніи; совершивъ нѣсколько плаваній съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, онъ одно время былъ руководителемъ его высочества въ морскихъ наукахъ.

Будучи усидчивымъ труженикомъ, Невельской съ особымъ усердіемъ занялся изученіемъ нашего Востока, его береговъ и омывающихъ ихъ водъ, по тѣмъ даннымъ, какія въ то время имѣлись въ нашей и иностранной литературахъ. Добросовѣстно изучивъ всѣ матеріалы, добытые прежними изслѣдователями побережій Восточнаго океана, Невельской пришелъ къ глубокому убѣжденію въ ошибочности ихъ заключеній, въ особенности относительно рѣки Амура, и съ тѣхъ поръ дѣятельность на Востокѣ сдѣлалась его излюбленною мечтой.

Въ 1848 г. для Невельскаго представилась возможность, хотя отчасти, осуществить свои планы; въ этомъ году онъ, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, былъ назначенъ командиромъ строившагося въ Гельсингфорсѣ, транспорта «Байкалъ», на которомъ Невельской долженъ былъ доставить въ Охотскъ и Петропавловскъ провіантъ и другіе грузы. Узкая, строго опредѣленная роль командира грузоваго транспорта должна была значительно ограничить осуществленіе широкихъ плановъ Невельскаго, съ какими онъ отправлялся на Востокъ. Къ тому же и свѣдѣнія, добытыя прежними экспедиціями, далеко не располагали въ то время высшія правительственныя сферы къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ Амура. Благодаря этому и императоръ Николай Павловичъ не одобрялъ попытокъ къ новымъ изслѣдованіямъ этой рѣки и былъ того мнѣнія, что «для чего намъ эта рѣка, когда нынѣ уже положительно доказано, что входить въ ея устье могутъ только одни лодки».

Послѣдняя эспедиція для изслѣдованія устьевъ рѣки Амура и вопроса объ его судоходности была снаряжена въ 1846 г. на бригѣ «Константинъ», подъ начальствомъ подпоручика корпуса флотскихъ штурмановъ Гаврилова. Экспедиція продолжалась около трехъ мѣсяцевъ и Гавриловъ пришелъ къ заключенію, что амурскій лиманъ, въ сѣверной его части, съ большимъ трудомъ доступенъ для судовъ, имѣющихъ не болѣе шестнадцати футъ углубленія, а дальнѣйшее плаваніе по лиману просто невозможно. Отно-

сительно же самой рѣки, Гавриловъ заключилъ, что въ нее можно найти проходы, но только для судовъ съ пятифутовою осадкою и только при наличности средствъ, какія употребляются при промѣрахъ въ финляндскихъ шхерахъ. На всеподданнѣйшемъ докладѣ о результатахъ эспедиціи Гаврилова, императоръ Николай Павловичъ написалъ: «Весьма сожалѣю. Вопросъ объ Амурѣ, какъ о рѣкѣ безполезной, оставить; лицъ посылавшихся на Амуръ наградить».

Но, несмотря на эти неблагопріятныя для Амура мнѣнія, укоренившіяся въ государственныхъ сановникахъ того времени и раздѣляемыя императоромъ Николаемъ Павловичемъ, Невельской продолжалъ оставаться при своемъ глубокомъ убѣжденіи, что такая рѣка, какъ Амуръ, не можетъ быть не судоходна. Съ этимъ соглашались и нѣкоторые высшіе чины морского министерства, но такъ какъ вопросъ объ Амурѣ имѣлъ въ то же время и политическій характеръ, то безъ согласія министерства иностранныхъ дѣлъ Невельской не могъ получить отъ своего начальства инструкцій, соотвѣтствовавшихъ его намѣреніямъ.

Въ это самое время состоялось назначеніе графа Н. Н. Муравьева генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири. Бывшій въ то время начальникомъ главнаго морского штаба, свѣтлѣйшій князь А. С. Меншиковъ, расположенный къ Невельскому, посовѣтовалъ ему тотчасъ же обратиться къ Муравьеву и познакомить послѣдняго съ своими планами относительно Амура. Какъ только графъ Муравьевъ пріѣхалъ въ Петербургъ, къ нему явился Невельской. Молодой, энергичный начальникъ края отнесся весьма сочувственно къ предположеніямъ Невельскаго и обѣщалъ ему свое содѣйствіе.

По отъѣздѣ Муравьева въ Восточную Сибирь, Невельской началъ дѣятельно хлопотать о скорѣйшемъ окончаніи постройки транспорта и о назначеніи на него наиболѣе способныхъ морскихъ офицеровъ, а также и о снабженіи траспорта лучшими инструментами. По настоянію же Невельскаго и припасы, отправляемые въ Петропавлоскъ и Охотскъ, были заготовлены качествомъ лучше тѣхъ, какіе обыкновенно отправлялись изъ казенныхъ складовъ на отдаленныя окраины.

Въ отсутствіе Муравьева, Невельской, убѣдившись, что собственными силами онъ не въ состояніи подвинуть вопроса о новомъ изслѣдованіи Амурскаго лимана, рѣшилъ письменно обратиться къ Муравьеву за обѣщаннымъ содѣйствіемъ и въ этомъ же письмѣ изложилъ планъ своихъ дѣйствій, въ случаѣ, еслибы ему пришлось попасть на Амуръ. «Безъ ходатайства вашего превосходительства здѣсь никто о томъ и не думаетъ, а безъ предписанія я самъ собою не посмѣю дѣйствовать»,—писалъ Невельской Муравьеву. Въ первыхъ числахъ мая 1849 г. Невельской предполагалъ прибыть на транспортѣ «Байкалъ» въ Петропавловскій портъ, чтобы сдать тамъ

грузъ; остающуюся затѣмъ часть лѣта употребить на осмотръ и опись юговосточныхъ береговъ Охотскаго моря, начиная отъ Тугурской губы и далѣе къ востоку до лимана рѣки Амуръ, на изслѣдованіе и опись самыхъ устьевъ этой рѣки и пространства между островомъ Сахалиномъ и берегомъ Азіи. Далѣе Невельской пишетъ, что сознавая «всю важность познаній для Россіи этой страны, употребилъ бы всю свою дѣятельность, всѣ свои способности, чтобы представить подробную и добросовѣстную картину мѣстъ, мракомъ доселѣ отъ насъ сокрытыхъ, представить не для одного любопытства науки, но главное для практической пользы, т. е. гдѣ и съ какими удобствами можно основать портъ, какіе находятся лѣса, растенія и качество земли, въ какой степени безопасности можно совершать плаванія, какія можно встрѣтить препятствія отъ климата, теченій и мелей» и т. д. «А при такомъ изслѣдованіи,— пишетъ Невельской,— кто можетъ теперь исчислить всѣ важныя послѣдствія, какія для блага Россіи произойти могутъ».

Въ этомъ же письмѣ Невельской проситъ, чтобы въ инструкціи ему было официально помѣщено предписаніе сдать въ Петропавловскѣ грузъ, назначенный въ Охотскъ, и въ концѣ мая выйти изъ Петропавловскаго порта и слѣдовать для описи новой Великокняжеской губы и лежащаго отъ нея къ востоку берега и, что, если въ продолженіе лѣта 1849 г. опись не будетъ окончена, то идти на зиму въ Петропавловскъ, и за невозможностью туда попасть, провести зиму на островахъ Тихаго океана.

Стараясь, во что бы то ни стало, попасть въ лиманъ р. Амура, Невельской проситъ генералъ-губернатора, чтобы къ инструкціи было добавлено секретное предписаніе: «не давая подозрѣній, подъ какимъ-либо предлогомъ, происходящимъ отъ случайности, напримѣръ, туманъ, буря, теченіе и т. п. постараться зайти въ лиманъ Амура, изслѣдовать устье этой рѣки и пространство между островомъ Сахалиномъ и материкомъ до предѣла къ югу, сколь можно большему».

При полученіи такого рода инструкціи, вполнѣ отвѣчавшей намѣреніямъ Невельскаго, онъ предполагалъ распорядиться слѣдующимъ образомъ: 1) на пути въ Петропавловскъ, на Сандвичевыхъ островахъ, оставить провизіи на восемь мѣсяцевъ; 2) сдать охотскій грузъ въ Петропавловскѣ и оттуда идти прямо въ лиманъ Амура, между Сахалиномъ и матерымъ берегомъ, куда, по словамъ Невельскаго, «официально занесли бы его туманъ или теченіе» и проч. и по такимъ же официально представленнымъ причинамъ не вышелъ бы оттуда до тѣхъ поръ, пока подробно все не изслѣдовалъ бы и 3) изъ Амура уже отправиться въ Новую губу и начать опись береговъ, а затѣмъ, сдавъ судно въ Охотскѣ, предоставить себя и своихъ офицеровъ въ распоряженіе генералъ-губернатора. Свое письмо Невельской заключаетъ слѣдующими словами:

Адмиралъ Г. И. Невельской.

«Мнѣ бы гораздо, конечно гораздо, легче было, какъ доселѣ предполагается, отвезти грузъ въ Петропавловскъ и Охотскъ, сдать судно и преспокойно воротиться, нежели имѣть на своей отвѣтственности подобную работу. Но я вполнѣ понимаю, сколь важны для нашего отечества подобныя изслѣдованія, священнымъ долгомъ поставилъ бы себѣ представить о всемъ этомъ добросовѣстно и такъ, какъ оно дѣйствительно есть. Чувствую, что дѣятельности, знаній и способностей моихъ достанетъ и средства и время есть. У меня и прекрасно снабженное совершенно новое судно, здоровая и хорошая команда и прекрасные офицеры. Какъ русскій, какъ преданный моему отечеству, смѣю представить о томъ вашему превосходительству, уповая на Господа, не щадя ни правъ своихъ, ни здоровья, ни самой жизни, надѣясь исполнить, но безъ ходатайства вашего превосходительства ничего не будетъ; надобно, чтобы наше начальство мнѣ вмѣнило это въ обязанность, а безъ того, вы сами изволите знать, могу ли я дѣйствовать? Смѣю надѣяться, что ваше превосходительство не оставите своимъ ходатайствомъ и почтите меня до отхода вашимъ приказаніемъ и увѣдомленіемъ».

Это письмо было получено графомъ Муравьевымъ уже въ Иркутскѣ и тогда же, согласно желанію Невельскаго, была составлена для него инструкція и отправлена въ Петербургъ черезъ морское министерство на высочайшее утвержденіе. Обо всемъ этомъ графъ Муравьевъ письмомъ извѣстилъ Невельскаго, ободряя его надеждой, что инструкція не будетъ измѣнена. Между тѣмъ, подходило время къ отправкѣ «Байкала» по назначенію. Составленная генералъ-губернаторомъ инструкція еще не успѣла получить высочайшаго утвержденія, а Невельской ушелъ въ море, имѣя лишь временную инструкцію отъ тогдашняго начальника главнаго морского штаба, князя А. С. Меншикова, и твердую увѣренность въ дальнѣйшихъ ходатайствахъ и поддержкѣ графа Муравьева, на совмѣстную работу съ которымъ Невельской шелъ полный энергіи и знаній.

Отправляя Невельскаго, князь Меншиковъ исключилъ въ данной ему инструкціи малѣйшіе намеки на посѣщеніе и тѣмъ болѣе изслѣдованіе Амурскаго лимана и предварилъ о тяжкой отвѣтственности, угрожающей Невельскому, въ случаѣ его самовольныхъ дѣйствій въ восточныхъ водахъ. Оградивъ себя такимъ образомъ отъ отвѣтственности, Меншиковъ весьма тонко далъ понять Невельскому, что, если все затѣянное имъ по изслѣдованію Амурскаго лимана произойдетъ «случайно», безъ потери людей и ущерба казнѣ, то дѣло, можетъ быть, и не будетъ имѣть для него печальныхъ послѣдствій.

21-го августа 1848 г., Невельской отплылъ на транспортѣ «Байкалъ» изъ Кронштадта въ Петропавловскъ и на пути долженъ былъ посѣтить Портсмутъ, Ріо-Жанейро и Вальпарайзо. Условія плаванія сложились для Невельскаго такъ благопріятно, что, согласно его

первоначальнымъ предположеніямъ, «Байкалу» удалось придти въ Петропавловскъ въ первой половинѣ мая и благополучно сдать привезенный грузъ.

Между тѣмъ, въ концѣ января 1849 г., въ Петербургѣ, по высочайшему повелѣнію, былъ учрежденъ особый комитетъ по вопросу объ Амурѣ. Комитетъ призналъ необходимымъ дѣйствовать съ чрезвычайною осторожностью, чтобы не возбудить подозрѣній и непріязни со стороны китайцевъ. По мнѣнію комитета, было желательно, чтобы лѣвый берегъ устья Амура и находящаяся противъ него часть острова Сахалина не были заняты никакою постороннею державою. Чтобы предупредить это, не давъ поводовъ къ недоразумѣніямъ съ Китаемъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельроде полагалъ, подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, отправить туда изъ Аянскаго порта небольшую морскую экспедицію, начальство надъ которой поручить благоразумному и осторожному лицу. Цѣль этой экспедиціи была торговля съ гиляками для наибольшаго сближенія съ ними и упроченія среди нихъ нашего вліянія. Исполненіе этого предпріятія признавалось наиболѣе удобнымъ поручить Невельскому, въ то время уже находившемуся на востокѣ. Невельской долженъ былъ произвести осмотръ берега отъ Шантарскихъ острововъ до устья Амура и сѣверныхъ береговъ Сахалина. На этомъ пространствѣ и въ недалекомъ разстояніи отъ устья Амура слѣдовало отыскать удобное мѣсто, которое, въ случаѣ надобности, могло бы быть нами занято.

Только около этого времени состоялось утвержденіе инструкціи Невельскому и морское министерство отправило ее къ графу Муравьеву. Для передачи инструкціи Невельскому, генералъ-губернаторъ отправилъ изъ Иркутска въ Охотскъ, состоявшаго при немъ шт.-капитана Корсакова, который долженъ былъ изъ Охотска, моремъ, отправиться въ Петропавловскъ, чтобы застать тамъ Невельскаго. Долго неоткрывавшаяся навигація задержала Корсакова въ Охотскѣ до іюня мѣсяца и только тогда состояніе льдовъ позволило ему отправиться въ Петропавловскъ на ботѣ «Кадьякъ». Но здѣсь Невельскаго уже не было и Корсаковъ, въ надеждѣ встрѣться съ «Байкаломъ» въ морѣ, нѣкоторое время крейсировалъ между материкомъ и берегами острова Сахалина и заходилъ въ Константиновскую гавань. Потерявъ надежду найти Невельскаго, Корсаковъ на своемъ ботѣ прибылъ въ Аянъ.

Между тѣмъ Невельской, какъ уже выше сказано, въ маѣ мѣсяцѣ благополучно прибылъ въ Петропавловскъ. Не найдя здѣсь никакихъ инструкцій, кромѣ частнаго письма Муравьева, поспѣшилъ сдать грузъ и, не ожидая инструкцій, на свой рискъ, вышелъ къ берегамъ Сахалина и къ Амурскому лиману.

24-го іюня транспортъ «Байкалъ» бросилъ якорь у мыса Головачева и Невельской отправилъ мичмана Грота и подпоручика

Попова отыскивать фарватеръ, но рекогносцировка осталась безъ результатовъ. Отсюда «Байкалъ» отошелъ къ материку и 28-го іюня бросилъ якорь въ завѣтномъ для Невельскаго Амурскомъ лиманѣ. Лейтенанту Казакевичу было поручено произвести изслѣдованіе вдоль берега материка, а мичману Гроту—вдоль сахалинскаго берега. Гротъ дошелъ до отмели, идущей поперекъ пролива, а Казакевичъ нашелъ устье, вошелъ въ рѣку и, идя узкимъ извилистымъ фарватеромъ, достигъ гиляцкаго селенія Чадбахъ. 10-го іюля Невельской лично отправился на изслѣдованіе. Слѣдуя сначала вдоль лѣваго берега Амура, Невельской дошелъ до полуострова Куегда (тогда же названнаго Константиновскимъ), отсюда перешелъ къ правому берегу и вдоль него началъ спускаться къ лиману. Дойдя до мѣста, гдѣ материкъ сближается съ Сахалиномъ, Невельской лично убѣдился въ отсутствіи здѣсь перешейка, о существованіи котораго утверждали прежніе изслѣдователи: Лаперузъ, Броутонъ, Крузенштернъ и Гавриловъ. Открытый Невельскимъ проливъ имѣлъ глубину въ пять саженъ и ясно доказывалъ, что Сахалинъ островъ. Противоположныя мысы названы Невельскимъ именами Лазарева и Муравьева. Изслѣдованіе лимана рѣки Амура и его устьевъ продолжались до конца августа, а затѣмъ Невельской на транспортѣ «Байкалъ» отправился обратно въ Охотское море.

Въ это время графъ Муравьевъ возвращался изъ поѣздки въ Камчатку. Изъ Петропавловскаго порта генералъ-губернаторъ плылъ на транспортѣ «Иртышъ» въ Аянъ, разсчитывая, между прочимъ, спустившись къ сѣверной оконечности Сахалина, встрѣтиться съ Невельскимъ. Но ни тамъ, ни у Шантарскихъ острововъ, къ которымъ «Иртышъ» нарочно подходилъ, «Байкала» не было. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ безуспѣшными поисками «Байкала», произведенными Корсаковымъ, заставляло думать, что Невельской погибъ. Безвѣстное отсутствіе Невельскаго крайне озабочивало графа Муравьева.

Наконецъ, 3-го сентября, еще во время пребыванія генералъ-губернатора въ Аянѣ, къ общей радости, показался транспортъ «Байкалъ». Обрадованный графъ Муравьевъ, тотчасъ же отправился съ своей свитой на катерѣ, навстрѣчу «Байкалу» и, еще не входя на его палубу, спросилъ Невельскаго: «откуда онъ явился?» Невельской съ палубы доложилъ генералъ-губернатору: «Господь Богъ намъ помогъ... Главное кончено... все благополучно... Сахалинъ островъ, входъ въ лиманъ и рѣку Амуръ возможны для мореходныхъ судовъ съ сѣвера и юга. Вѣковое заблужденіе положительно разсѣяно. Истина обнаружилась; доношу вамъ объ этомъ нынѣ».

Таковы были результаты смѣлыхъ дѣйствій Невельскаго, предпринятыхъ имъ на собственный рискъ.

Тутъ же генералъ-губернаторъ приказалъ Невельскому отправиться въ Иркутскъ, куда долженъ былъ самъ вскорѣ возвра-

титься. Изъ Аяна Невельской отправился въ Охотскъ, чтобы сдать транспортъ «Байкалъ», привести въ порядокъ собранные матеріалы и исправить карты.

Въ своемъ рапортѣ главному морскому штабу, объ успѣхахъ дѣйствій Невельскаго, графъ Муравьевъ писалъ: «Множество предшествовавшихъ экспедицій (къ берегу сахалинскому) достигали европейской славы, но ни одна не достигла отечественной пользы по тому истинно русскому смыслу, съ которымъ дѣйствовалъ Невельской».

1-го января 1850 г. Невельской былъ командировалъ генералъ-губернаторомъ изъ Иркутска въ Петербургъ, съ подробнымъ отчетомъ о возложенномъ на него порученіи, съ рапортами и письмами графа Муравьева. По пріѣздѣ Невельскаго въ Петербургъ, надъ нимъ едва не стряслась бѣда. Нѣкоторые изъ членовъ комитета находили дѣйствія его преступными и заслуживающими строгой кары. Но, на счастіе Невельскаго, между членами комитета и высшими государственными сановниками были люди, по достоинству оцѣнившіе его заслуги и вступившіеся за него.

Несмотря на все это, очевидная важность сдѣланныхъ Невельскимъ открытій и представленія, по поводу ихъ, графа Муравьева, привели къ утвержденію особой амурской экспедиціи, съ цѣлью основать зимовье въ заливѣ «Счастія» или въ другомъ мѣстѣ близъ Амурскаго лимана, но «отнюдь не въ лиманѣ, а тѣмъ болѣе на рѣкѣ Амурѣ». Въ этомъ зимовьѣ, подъ видомъ торговли «Россійско-американской компаніи», должны были происходить сношенія съ гиляками, для развѣдыванія края, «не касаясь ни подъ какимъ предлогомъ устья рѣки Амура». Для избранія мѣста для этого зимовья, въ распоряженіе генералъ-губернатора былъ командированъ Невельской, произведенный въ чинъ капитана 2-го ранга.

Въ февралѣ 1850 г. Невельской выѣхалъ изъ Петербурга обратно въ Иркутскъ, а уже въ апрѣлѣ былъ командированъ графомъ Муравьевымъ, для основанія зимовья на берегахъ Охотскаго моря. Въ іюнѣ Невельской прибылъ на транспортѣ «Байкалъ» въ заливъ «Счастія» къ устью рѣки Амура; вмѣстѣ съ нимъ прибыло и 25 человѣкъ команды. По тщательной развѣдкѣ мѣстности, Невельской рѣшилъ заложить зимовье противъ острова Лутковскаго, такъ какъ къ этому мѣсту былъ свободный доступъ судамъ и здѣсь же было удобно имъ и зимовать. Мѣстные жители, гиляки, приняли Невельскаго весьма радушно и, при ихъ помощи, 29-го іюня было приступлено къ закладкѣ поста. На слѣдующій день, наканунѣ отъѣзда Невельскаго, на нѣсколько дней, въ Аянъ, къ нему явилось до 60 гиляковъ изъ сосѣднихъ деревень, чтобы освѣдомиться куда и надолго ли онъ уѣзжаетъ и завѣрить въ своемъ добромъ къ русскимъ расположеніи. Когда Невельской сообщилъ имъ, что на короткое время уѣзжаетъ въ Аянъ къ своему начальнику, то

гиляки начали просить его взять съ собой нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы они могли заявить его начальнику свою преданность и выбрать въ Аянѣ необходимые товары. Невельской удовлетворилъ желаніе гиляковъ и взялъ съ собой двоихъ: Позвейна и Падхина. Отправившись въ Аянъ, Невельской оставилъ новое зимовье, названное имъ Петровскимъ, на попеченіе прапорщика Орлова, прибывшаго туда еще зимою.

Графъ Муравьевъ былъ чрезвычайно доволенъ дѣятельностью Невельскаго и писалъ о немъ графу Л. А. Перовскому, между прочимъ, слѣдующее: «Я доношу государю обо всѣхъ полученныхъ мною изъ Аяна свѣдѣніяхъ и о тѣхъ приготовленіяхъ, какія сдѣлалъ въ Охотскомъ морѣ на случай особыхъ мнѣ высочайшихъ повелѣній въ Петербургѣ; туда же вслѣдъ за мною, пріѣдутъ съ окончательными свѣдѣніями: съ устья Амура—Невельской, изъ Камчатки—Корсаковъ, и если будетъ только-что приказано, то оба они изъ Петербурга могутъ отправиться прямо опять къ Охотскому морю для дѣйствія. Это два драгоцѣнные чиновника: ихъ дѣятельность и способности изгладили 4 тысячи верстъ разстоянія между Иркутскомъ и Охотскимъ моремъ».

Эти-то 4,000 верстъ, о которыхъ пишетъ графъ Муравьевъ, можетъ быть и дали предпріимчивой и рѣшительной натурѣ Невельскаго возможность во многихъ случаяхъ дѣйствовать на свой страхъ и рискъ и тѣмъ подвигать дѣло, которое могло бы, при другихъ обстоятельствахъ, затормозиться еще на много лѣтъ. Возвратясь изъ Аяна въ Петровское зимовье, Невельской, опять-таки на свой рискъ, отправился сѣвернымъ проходомъ въ рѣку Амуръ, и, пройдя, на вельботѣ, около 100 верстъ вверхъ по Амуру, въ 25-ти верстахъ отъ устья избралъ мѣсто для основанія новаго поста, близъ гиляцкаго селенія Куегда. Во время этого смѣлаго плаванія Невельскому встрѣтилась толпа гиляковъ, мангунъ и манджуръ, потребовавшихъ удаленія русскихъ. Въ отвѣтъ на это требованіе, Невельской рѣшительно объявилъ имъ, что отнынѣ Амуръ до Хинганскихъ горъ, вся приморская земля и островъ Сахалинъ, принадлежатъ Россіи и русскій царь принимаетъ жителей подъ свою защиту. 6-го августа, въ день Преображенія Господня, былъ заложенъ постъ, названный Николаевскимъ, и впервые на Амурѣ взвился русскій военный флагъ. Здѣсь было оставлено пять человѣкъ команды съ одной небольшой пушкой.

Оставивъ свой вельботъ на новомъ посту, Невельской возвратился въ Петровское зимовье сухимъ путемъ, на оленяхъ. Здѣсь онъ засталъ гамбургскій и американскій китобойные корабли, которымъ также объявилъ о сдѣланномъ Россіи пріобрѣтеніи Амурскаго края и острова Сахалина. Съ Амура Невельской отправился въ Аянъ, а оттуда въ Иркутскъ, для личнаго доклада генералъ-губернатору о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ на рѣкѣ Амурѣ. Въ это

время графъ Муравьевъ уже выѣхалъ въ Петербургъ и въ Иркутскѣ Невельской нашелъ его распоряженіе слѣдовать за нимъ туда же. Въ это же время въ Иркутскъ возвратился изъ Охотскаго моря и капитанъ Корсаковъ, вмѣстѣ съ которымъ Невельской выѣхалъ въ Петербургъ, куда прибылъ вскорѣ послѣ графа Муравьева.

Самовольныя дѣйствія Невельскаго на Амурѣ подняли въ Петербургѣ цѣлую бурю. По пріѣздѣ въ Петербургъ графъ Муравьевъ исходатайствовалъ личный докладъ государю Николаю Павловичу. Государь одобрилъ все сдѣланное на Амурѣ и приказалъ Муравьеву представить обо всемъ подробную записку. Результатомъ доклада и записки было образованіе особаго Гиляцкаго комитета, въ составъ котораго вошли: графъ Нессельроде, военный министръ князь Чернышевъ, министръ финансовъ Вронченко, начальникъ главнаго морскаго штаба князь Меншиковъ, графы Перовскій и Бергъ, тайный совѣтникъ Сенявинъ и самъ Муравьевъ. Комитетъ признавалъ всѣ наши дѣйствія на Амурѣ преждевременными и опасными. Относительно торжественнаго занятія Невельскимъ пункта на Амурѣ, графъ Нессельроде полагалъ, что это занятіе не можетъ не встревожить китайцевъ, и благоразуміе требуетъ оставить этотъ пунктъ, не ожидая никакихъ по этому поводу вопросовъ и жалобъ со стороны китайскаго правительства. Мнѣніе графа Нессельроде горячо поддерживали князь Чернышевъ и Сенявинъ. Въ этомъ засѣданіи комитета Муравьевъ старался доказать необходимость удержанія за нами пункта занятаго Невельскимъ на Амурѣ. Раздраженный князь Чернышевъ съ горечью замѣтилъ Муравьеву: «вы хотите воздвигнуть себѣ памятникъ!».

Графъ Нессельроде находилъ поступки Невельскаго настолько серьезными, что настаивалъ на его разжалованіи. Постановленіе Гиляцкаго комитета, согласно большинству мнѣній его членовъ, состоялось въ смыслѣ неблагопріятномъ для занятія Амура. Графъ Муравьевъ, конечно, остался при особомъ мнѣніи и настоялъ на докладѣ государю собственнаго мнѣнія вмѣстѣ съ журналомъ комитета. Послѣ этого Муравьевъ получилъ еще одну аудіенцію у государя и подробно доложилъ ему объ обстоятельствахъ и причинахъ, побудившихъ Невельскаго на самостоятельныя и рѣшительныя дѣйствія на Амурѣ. Государь снова одобрилъ поступокъ Невельскаго, назвавъ его «молодецкимъ», «благороднымъ» и «патріотическимъ». Вмѣсто требуемаго графомъ Нессельроде разжалованія, Невельской былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени. Въ одобреніе поступка Невельскаго, государь Николай Павловичъ сказалъ Муравьеву: «Гдѣ разъ поднятъ русскій флагъ, онъ уже спускаться не долженъ».

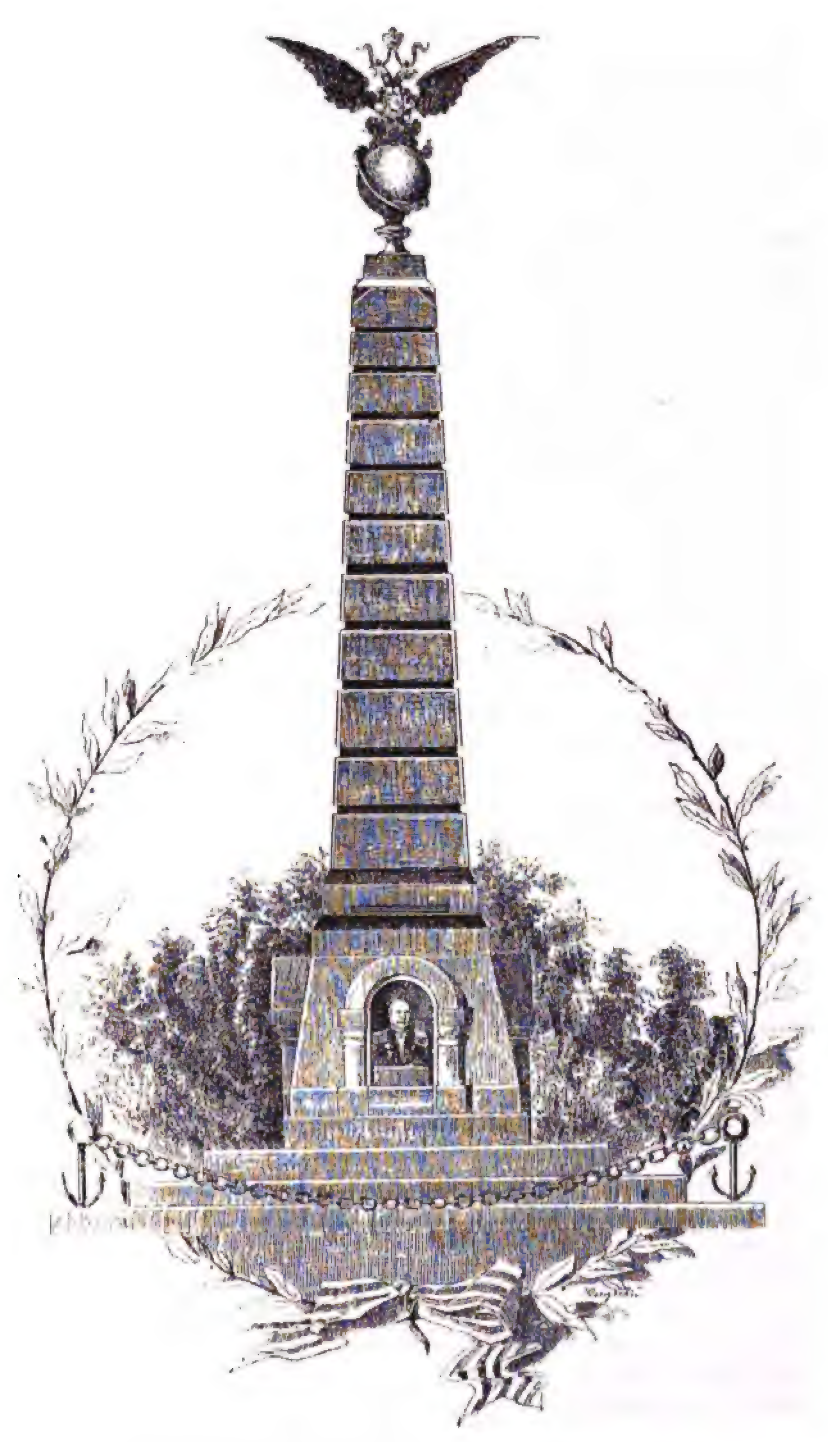
На всеподданнѣйшемъ докладѣ журнала Гиляцкаго комитета государь написалъ: «Комитету собраться вновь подъ предсѣдатель-

ствомъ государя наслѣдника цесаревича». Такимъ образомъ амурское дѣло Муравьева и Невельскаго вступило на путь къ спасенію. До открытія комитета, наслѣдникъ цесаревичъ призвалъ къ себѣ Муравьева, выслушалъ его и взялъ пояснительную записку. 19-го января 1851 года состоялось засѣданіе комитета подъ предсѣдательствомъ наслѣдника цесаревича, высказавшагося въ пользу занятія Амура. Къ мнѣнію августѣйшаго предсѣдателя присоединились нѣкоторые члены комитета, но графъ Нессельроде, военный министръ князь Чернышевъ, министръ финансовъ Вронченко и тайный совѣтникъ Сенявинъ упорно продолжали оставаться противниками нашихъ дѣйствій на Амурѣ. Журналъ [1]) комитета былъ представленъ государю.

Прочитавъ постановленіе комитета, государь повелѣлъ, чтобы военный постъ, основанный Невельскимъ въ устьѣ Амура и названный Николаевскимъ, оставить подъ видомъ лавки Россійско-Аме-

---

[1]) При подписаніи этого журнала графъ Муравьевъ приложилъ секретную записку слѣдующаго содержанія: «Соглашаясь съ мнѣніемъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ томъ, что относительно мѣстъ, прилегающихъ къ устью Амура, должно поступать постепенно, съ осторожностью и не иначе, какъ черезъ американскую компанію, поручивъ оной объявлять иностраннымъ судамъ, которыя стали бы входить въ Амурскій лиманъ и въ устье Амура, а также заниматься или обнаруживать намѣреніе занять какой-либо пунктъ въ землѣ обитаемой гиляками, что безъ согласія россійскаго и китайскаго правительствъ дѣйствія эти самовольны и нашимъ правительствомъ допускаемы быть не могутъ—я полагалъ и полагаю, что нѣтъ покуда никакой причины ограничивать торговыхъ предпріятій и учрежденій американской компаніи въ землѣ гиляковъ тѣмъ или другимъ мѣстомъ, ибо опасенія, изложенныя министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, чтобы не встревожить китайцевъ, относятся ко всей землѣ гиляковъ и слѣдовательно, одинаково ко всѣмъ пунктамъ, которые бы въ этой землѣ могли быть избранными компаніей для учрежденія своихъ торговыхъ построекъ и даже самой гавани Счастія, находящейся также въ землѣ гиляковъ; а между тѣмъ для исполненія порученія объявлять иностранцамъ, какъ выше изложено, даже необходимо, чтобы компанія имѣла въ различныхъ пунктахъ гиляцкой земли свои лавки и людей при нихъ, ибо корветъ никакимъ образомъ крейсерствовать по лиману между отмелями не можетъ. По тѣмъ же причинамъ я не вижу надобности снимать нынѣ лавку американской компаніи и прочее, находящееся на Николаевскомъ постѣ, и полагалъ бы, ожидая для всякихъ дальнѣйшихъ дѣйствій (согласно мнѣнію министерства иностранныхъ дѣлъ), что напишетъ китайское правительство по этимъ предметамъ, и тогда уже, по предварительному сношенію съ генералъ-губернаторомъ, принять сообразныя съ обстоятельствами мѣры. Вмѣсто же 2-го и 3-го пунктовъ мнѣнія министерства иностранныхъ дѣлъ, я полагалъ бы поручить американской компаніи продолжать упрочивать наше вліяніе между гиляками, черезъ торговыя съ ними связи и сношенія, избѣгая всякихъ дѣйствій, которыя могли бы нарушить наши дружескія сношенія съ китайскимъ правительствомъ; а генералъ-губернатору предписать имѣть за этимъ особенное наблюденіе и всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами содѣйствовать американской компаніи къ исполненію возложеннаго на нее отъ правительства порученія, какъ это уже и въ началѣ нынѣшняго года предписано ему было». (Барсуковъ «Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій». Книга вторая).

Памятникъ адмиралу Невельскому въ Владивостокѣ.

риканской компаніи и усилить содѣйствіемъ одного морского судна въ лѣтнее время, но никакихъ дальнѣйшихъ распространеній въ этой странѣ не предпринимать и отнюдь не занимать никакихъ новыхъ мѣстъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшено было снестись съ китайскимъ правительствомъ, съ приглашеніемъ войти съ нами въ объясненія относительно обезпеченія устьевъ Амура отъ покушеній иностранныхъ державъ, предоставивъ въ то же время Россійско-Американской компаніи и русскому крейсеру, въ случаѣ появленія близъ устья Амура иностранныхъ судовъ и обнаруженія ими намѣренія занять какой-либо пунктъ, объявлять имъ, что, безъ согласія русскаго и китайскаго правительствъ, никакія распоряженія не могутъ быть допущены, и что за послѣдствія такихъ самовольныхъ поступковъ, на нихъ можетъ пасть отвѣтственность.

Весной 1851 г., амурская экспедиція, подъ начальствомъ Невельскаго, вышла изъ Охотска на транспортѣ «Байкалъ» и баркасѣ Россійско-Американской компаніи «Шелеховъ» и отправилась въ Амурскій лиманъ къ Петровскому зимовью, подходя къ которому баркасъ «Шелеховъ» началъ тонуть. Только благопріятный вѣтеръ далъ возможность «Шелехову» приблизиться къ берегу и спасти команду. Невельской, при помощи своей команды и экипажа, пришедшаго въ Петровское, корвета «Оливуца», успѣлъ разгрузить затонувшій баркасъ и 5-го августа отправился въ устье Амура для основанія селенія на мѣстѣ заложеннаго имъ Николаевскаго поста, близъ мыса Куегда. На этотъ разъ Невельскаго сопровождалъ лейтенантъ Бошнякъ съ 25-ю человѣками команды при одной пушкѣ. 9-го августа, Невельской прибылъ на мѣсто и, оставивъ здѣсь Бошняка съ командой, въ тотъ же день отправился обратно въ Петровское, откуда, съ нанятыми гиляками, отправилъ провизію въ Николаевскій постъ.

Положивъ начало укрѣпленію нашего вліянія на Амурѣ, Невельской продолжалъ свои изслѣдованія, предпринимая ихъ, большею частью, безъ всякаго разрѣшенія, и въ то же время настаивалъ передъ генералъ-губернаторомъ о расширеніи и болѣе прочной организаціи русскаго дѣла на Амурѣ. Графъ Муравьевъ вполнѣ раздѣлялъ всѣ представленія Невельскаго и на основаніи ихъ предполагалъ реорганизовать амурскую экспедицію слѣдующимъ образомъ: 1) въ землѣ гиляковъ имѣть одну команду изъ 4-хъ ротъ 46-го флотскаго экипажа съ надлежащимъ числомъ офицеровъ, мастеровыхъ, священника, доктора и отдѣленія камчатскаго госпиталя; 2) имѣть тамъ же полсотни казаковъ съ офицеромъ; 3) всѣмъ командамъ предоставить особыя преимущества; 4) освободить Россійско-Американскую компанію отъ обязанностей по описанію и заселенію тамошнихъ мѣстъ и 5) вознаградить эту компанію за понесенные ею убытки. На представленіе объ этомъ въ Петербургъ, Муравьевъ получилъ отвѣтъ, что «при постоянномъ желаніи

государя, чтобы въ распростроненіи нашихъ сношеній съ чуждыми намъ доселѣ племенами восточнаго азіатскаго края соблюдалась крайняя осторожность и неспѣшность, предлагаемыя нынѣ генералъ-губернаторомъ по этому предмету мѣры и распоряженія, признаются при настоящихъ обстоятельствахъ рановременными и потому въ исполненіи своемъ должны быть отложены». Въ Петербургѣ только разрѣшили Муравьеву отправить на Амуръ священника.

Въ февралѣ 1852 г., Невельской отправилъ на Сахалинъ лейтенанта Бошняка, поручивъ ему пройти островъ до Охотскаго моря и осмотрѣть гавани. Въ апрѣлѣ того же года онъ снарядилъ экспедицію вверхъ по Амуру. Экспедиція обслѣдовала рѣку до селеній Ухтръ (нынѣшній Богородскій) и Кетово. Все это Невельской предпринималъ вопреки даннымъ ему инструкціямъ и продолжалъ настаивать на занятіи залива Де-Кастри и селенія Кизи на Амурѣ, для наблюденія за судами, подходящими съ юга и для изслѣдованія Татарскаго берега. Муравьевъ сдѣлалъ объ этомъ представленіе въ Петербургъ, но и на этотъ разъ получилъ отказъ, причемъ князь Меншиковъ сообщилъ ему, что «государь императоръ, вслѣдствіе объясненія канцлера графа Нессельроде, не утвердилъ занятія селенія Кизи и залива Де-Кастри и сплава по Амуру, а повелѣлъ еще повторить вамъ о необходимости крайней осторожности и неспѣшности въ этомъ дѣлѣ».

Пока продолжалась переписка генералъ-губернатора съ Петербургомъ, Невельской уже основалъ русскія поселенія въ Де-Кастри и Кизи. По порученію Невельскаго, лейтенантъ Бошнякъ провелъ зиму въ Де-Кастри и въ маѣ мѣсяцѣ 1853 г. отправился на лодкѣ вдоль берега на югъ и произвелъ опись. Дойдя до бухты Хаджи, онъ назвалъ ее заливомъ императора Николая I (Императорская гавань), а внутреннія ея развѣтвленія — заливами: Крестовымъ, Маріи, Ольги, Александры и бухтами: Александровскою, Константиновскою, Владимірскою, Алексѣевскою и Михайловскою.

12-го іюля 1853 г., въ Петровское прибылъ изъ Аяна транспортъ «Байкалъ», на которомъ, наконецъ, было прислано Невельскому высочайшее повелѣніе о занятіи острова Сахалина, залива Де-Кастри и селенія Кизи. Нечего говорить, какую радость Невельскому и его сотрудникамъ принесло это монаршее распоряженіе. Теперь Невельскому нечего было опасаться за послѣдствія уже сдѣланныхъ имъ распоряженій и съ свободными руками онъ смѣло могъ продолжать начатое дѣло.

Получивъ высочайшее повелѣніе и предписаніе генералъ-губернатора, Невельской, не теряя времени, тотчасъ же отправился на транспортѣ «Байкалъ». къ берегамъ Сахалина. Слѣдуя вдоль восточнаго берега Сахалина и пройдя черезъ Лаперузовъ проливъ, Невельской основалъ близь рѣки Кусунай Ильинскій постъ, на

которомъ оставилъ шесть человѣкъ команды съ гиляцкой лодкой, для наблюденія за появленіемъ ожидавшейся американской эскадры. 1-го августа, Невельской поднялъ военный флагъ и основалъ постъ въ Константиновскомъ заливѣ; 5-го августа занялъ заливъ Де-Кастри, поднявъ военный флагъ и учредивъ Александровскій постъ, а 7-го августа уже былъ поднятъ флагъ на посту Маріинскомъ, основанномъ у деревни Котовъ, при выходѣ изъ озера Кизи. На обратномъ пути транспортъ «Байкалъ» высадилъ на Ильнскомъ посту подпоручика Орлова и еще восемь человѣкъ команды и возвратился въ Петровское зимовье, гдѣ Невельской нашелъ сообщеніе генералъ-губернатора о присылкѣ, въ будущемъ году, въ составъ амурской экспедиціи, еще 250 человѣкъ, для которыхъ необходимо заготовить продовольствіе. По распоряженію Невельскаго, транспортъ «Байкалъ» отправился въ Аянъ, а оттуда на зимовку въ Петропавловскій портъ, чтобы весною, нагрузившись провіантомъ, доставить его въ заливъ Де-Кастри, а транспортъ «Иртышъ» изъ Аяна ушелъ въ Аниву съ грузомъ провіанта для сахалинской экспедиціи.

26-го августа, въ Петровское зимовье пришелъ корабль Россійско-Американской компаніи «Николай», на которомъ находился состоявшій при генералъ-губернаторѣ маіоръ Буссе съ командой, назначенной на Сахалинъ. На этомъ кораблѣ Невельской отправился на Сахалинъ и у селенія Томара-Анива высадилъ маіора Буссе и лейтенанта Рудановскаго съ 80 человѣками команды.

О своихъ дѣйствіяхъ по занятію, указанныхъ въ высочайшемъ повелѣніи, мѣстностей и о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ Невельской доносилъ генералъ-губернатору, который, въ свою очередь, сообщалъ объ этомъ въ Петербургъ. Рапортъ Невельскаго о занятіи Сахалина Муравьевъ препроводилъ въ Петербургъ и государь, прочитавъ его «съ видимымъ удовольствіемъ» собственноручно написалъ на немъ «весьма любопытно» и повелѣлъ наградить чиновъ амурской экспедиціи, согласно представленію объ этомъ генералъ-губернатора. Невельской былъ произведенъ въ контръ-адмиралы «за найденное генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Муравьевымъ отличное исполненіе особыхъ высочайшихъ повелѣній въ Приамурскомъ краѣ, осуществленныхъ съ ничтожными средствами, въ пустынныхъ и отдаленныхъ мѣстахъ, между дикарями и сопряженныхъ съ неимовѣрными лишеніями и постоянною опасностью для жизни, бдительностью и отважностью и за распространеніе тамъ нашего вліянія на народы, обитающіе на Сахалинѣ, на берегахъ лимана рѣки Амура, на южныхъ берегахъ Охотскаго моря, Татарскаго пролива и по берегамъ рѣки Амура, что положило основаніе къ пріобрѣтенію для Россіи Приамурскаго и Приуссурійскаго края».

Здѣсь, собственно говоря, оканчивается вполнѣ самостоятель-

ная, обезсмертившая имя Невельскаго, дѣятельность Геннадія Ивановича. Узкія рамки настоящаго очерка позволяютъ только въ общихъ чертахъ познакомить читателей съ дальнѣйшей дѣятельностью этого мирнаго завоевателя обширнѣйшей изъ нашихъ окраинъ. Яркой иллюстраціей дѣятельности Невельскаго служатъ слѣдующія строки И. В. Шумахера: «Капитанъ Невельской, по возвращеніи своемъ въ октябрѣ 1853 года въ Петровское зимовье, узналъ, что туда заходилъ, во время его отсутствія, командиръ шхуны «Востокъ» Римскій-Корсаковъ и передалъ, что вице-адмиралъ Путятинъ рѣшительно противъ всякихъ занятій на материкѣ, противъ всякихъ видовъ на Амуръ, запретилъ ему, Римскому-Корсакову, входить въ эту рѣку, такъ какъ это мѣсто принадлежитъ Китаю, протестовалъ противъ занятія Сахалина, увѣряя, что это помѣшаетъ его переговорамъ съ японцами и что впослѣдствіи онъ Сахалинъ займетъ самъ. Вліяніе графа Нессельроде было явное. Но въ это время генералу Муравьеву было не до антагонизма Путятина съ Невельскимъ: ему предстояло спасать страну отъ другого непріятеля. Онъ самъ хорошо понималъ, насколько намъ нужно было заботиться о Сахалинѣ. Несмотря на все это, твердость духа и отчаянная рѣшимость начальника экспедиціи, постоянно руководимаго необычайнымъ тактомъ и мудрыми указаніями Муравьева, привели къ тому, что, по истеченіи только двухъ лѣтъ, русскіе стали твердою ногою въ устьѣ Амура на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь городъ Николаевскъ,—открыли, что рѣка, въ 300 верстахъ выше устья, весьма близко подходитъ къ единственному близь лимана заливу Де-Кастри, почему и заняли Кизи и составляющій какъ бы второе устье Амура заливъ Де-Кастри, сдѣлавшійся въ настоящее время непремѣнною станціею для судовъ, идущихъ съ юга въ устье Амура. Вмѣстѣ съ этимъ были открыты мѣсторожденія каменнаго угля на Сахалинѣ и одна изъ лучшихъ гаваней въ мірѣ—заливъ императора Николая I; собраны были положительныя данныя о независимости жителей матерого берега и острова Сахалина; доставлены свѣдѣнія о рѣкѣ Уссури и ея важности—близкаго сосѣдства ея съ незамерзающими портами Манджурскаго (Татарскаго) берега, и получены были основательныя доказательства того, что край, отъ меридіана рѣки Уды къ востоку до моря, составляетъ неотъемлемую принадлежность Россіи. Вотъ, что сдѣлали въ Приамурскомъ краѣ ничтожный экипажъ транспорта «Байкалъ» въ 1849 году и горсть людей, заброшенная въ 1850 году на дикое прибрежье, среди непроходимыхъ пустынь, за 10,000 верстъ отъ образованнаго міра. Претерпѣвая невыразимыя лишенія, зимою холодъ, часто и голодъ отъ неприсылки судовъ изъ Камчатки, подвергаясь опасности быть потопленными наводненіемъ, эти добровольные изгнанники изъ образованнаго круга не унывали среди окружавшихъ ихъ опасностей, не падали духомъ подъ бременемъ

выпавшихъ на ихъ долю трудовъ и испытаній; руководимые своимъ достойнымъ начальникомъ, дѣйствовавшимъ часто внѣ повелѣній, подъ ежеминутнымъ опасеніемъ, при малѣйшей неудачѣ, подвергнуться строгой отвѣтственности, они во всѣхъ случаяхъ бодро шли впередъ, подкрѣпляемые упованіемъ на волю и милосердіе Всевышняго и сознаніемъ высокихъ общественныхъ цѣлей, предназначенныхъ имъ осуществить на пользу отечества».

Не входя здѣсь въ оцѣнку мѣстныхъ распоряженій Невельскаго, скажемъ только, что нѣкоторыя его дѣйствія по отношенію Россійско-Американской компаніи и происки его недруговъ, дали первый поводъ Муравьеву сдѣлать ему офиціальное замѣчаніе въ слѣдующей формѣ: «Вслѣдствіе полученнаго мною секретнаго письма и сообщенія мнѣ различныхъ офиціальныхъ бумагъ вашихъ въ Главное (Россійско-Американской компаніи) Правленіе, я, къ сожалѣнію, долженъ замѣтить вашему высокоблагородію, что выраженіе и самый смыслъ этихъ бумагъ выходитъ изъ границъ приличія и, по моему мнѣнію, содержаніе оныхъ, кромѣ вреда для общаго дѣла, ничего принести не могло; въ заключеніи этомъ вы убѣдитесь сами, прочитавъ прилагаемую записку Главнаго правленія Россійско-Американской компаніи». Въ назиданіе Невельскому, далѣе Муравьевъ говоритъ: «Неудовольствія ваши не должны были ни въ какомъ случаѣ давать вамъ право относиться неприлично въ Главное Правленіе, мѣсто, признаваемое правительствомъ наравнѣ съ высшими правительственными мѣстами».

Не знаемъ насколько этотъ упрекъ былъ справедливъ по отношенію къ Невельскому, одно время предоставленному самому себѣ и энергически дѣйствовавшему ради высокихъ патріотическихъ цѣлей, въ одномъ и томъ же мѣстѣ и одновременно съ торговымъ предпріятіемъ, признававшимся тогда «наравнѣ съ высшими правительственными мѣстами».

Вообще, въ послѣднее время службы Невельскаго въ Восточной Сибири начало замѣчаться нѣкоторое охлажденіе въ отношеніяхъ къ нему Муравьева. Это можно видѣть и изъ нѣкоторыхъ писемъ Муравьева. Такъ, въ письмѣ къ Корсакову Муравьевъ, между прочимъ, говоритъ: «Невельской проситъ меня не обездолить его народомъ и строитъ батарею въ Николаевскомъ портѣ на увалѣ, кажется противъ своего дома, а не тамъ, гдѣ приказано—противъ входа въ рѣку. Онъ оказывается также вреденъ, какъ и атаманъ [1]): вотъ къ чему ведетъ честныхъ людей самолюбіе и эгоизмъ». Далѣе, въ этомъ же письмѣ, Муравьевъ пишетъ Корсакову: «Для успокоенія Невельскаго я полагаю назначить его при себѣ исправ-

---

[1]) Атаманъ и губернаторъ Забайкальской области Запольскій, которымъ генералъ-губернаторъ былъ чрезвычайно недоволенъ за неисполненіе его распоряженій и даже противодѣйствіе всему, что касалось Амурской экспедиціи.

ляющимъ должность начальника штаба... Такимъ образомъ Невельской съ громкимъ названіемъ не будетъ никому мѣшать и докончить свое тамъ поприще почетно».

Между тѣмъ, на побережьи Восточнаго океана начались непріязненныя противъ насъ дѣйствія соединенной англо-французскій эскадры. Война застала Невельскаго еще въ должности начальника Амурской экспедиціи, а затѣмъ уже онъ былъ назначемъ начальникомъ штаба къ генералъ-губернатору. Въ началѣ мая 1855 года въ Де-Кастри собрались наши суда: фрегатъ «Аврора», корветъ «Оливуца», транспорты «Байкалъ», «Иртышъ» и «Двина». Туда же прибылъ и Невельской. Наши суда со дня на день ожидали появленія непріятельской эскадры, такъ какъ въ Де-Кастри было извѣстно, что часть англійской эскадры была направлена для блокады Охотскаго моря. Дѣйствительно, 8-го мая, въ виду Де-Кастри появились три непріятельскіе корабля. Въ шесть часовъ вечера англійскій корветъ вошелъ въ губу и открылъ огонь по нашему корвету «Оливуца»; между обоими судами началась перестрѣлка. Вскорѣ англійскіе суда ушли и въ Де-Кастри начали ожидать новаго нападенія на слѣдующій день. На корветѣ «Оливуца», въ присутствіи Невельскаго, состоялся военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено: въ случаѣ новаго нападенія, драться до послѣдней крайности. Въ ожиданіи непріятеля прошло нѣсколько дней, но онъ не появлялся. Тогда наша эскадра поспѣшила уйти изъ Де-Кастри къ Лазареву мысу. На другой день по уходѣ нашихъ судовъ, 16-го мая, въ Де-Кастри пришли англійскіе фрегатъ и корветъ. Высаженный дессантъ ни кого уже тамъ не засталъ и англичане ограничились захватомъ имущества аптекаря, неуспѣвшаго перевезти его въ Кизи. Муравьевъ, узнавъ объ этомъ безнаказанномъ дессантѣ англичанъ въ Де-Кастри, остался крайне недоволенъ Невельскимъ, не распорядившимся выслать туда войска изъ Кизи. Командира же поста въ Кизи, есаула Имберга, Муравьевъ предалъ суду [1]). Послѣ этого состоялось назначеніе Невельскаго начальникомъ штаба.

Посвятивъ Востоку лучшіе свои годы, Невельской дѣйствительно работалъ, не щадя ни силъ, ни здоровья, ни даже жизни. Вѣрной спутницей и добрымъ геніемъ Геннадія Ивановича была его молодая супруга Екатерина Ивановна, только передъ самымъ отправленіемъ на дальній Востокъ окончившая курсъ въ Смольномъ институтѣ. Несмотря на непривычную для нея обстановку суровой пустыни, въ которой такъ энергически дѣйствовалъ Невельской, Екатерина Ивановна безропотно дѣлила съ горячо любимымъ мужемъ всѣ многочисленныя лишенія и опасности.

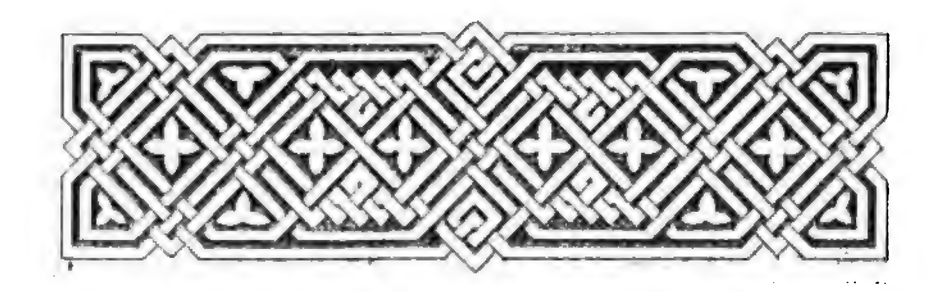
[1]) Судъ не состоялся, такъ какъ вскорѣ была выяснена полная невинность Имберга и онъ получилъ награду наравнѣ съ другими.

Въ концѣ 1856 года Невельской оставилъ службу въ Восточной Сибири и переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ назначенъ членомъ ученаго комитета морского министерства и въ этой должности состоялъ до самой смерти. Во время пребыванія своего въ Петербургѣ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ общества для содѣйствія русскому торговому мореходству и былъ предсѣдателемъ петербургскаго отдѣленія этого общества. Въ теченіе своей службы Невельской провелъ въ морѣ девяносто одинъ мѣсяцъ, т. е. почти восемь лѣтъ.

Геннадій Ивановичъ скончался 17-го апрѣля 1876 года, послѣ почти двухлѣтнихъ тяжелыхъ страданій. Смерть застигла этого замѣчательнаго дѣятеля на шестьдесятъ второмъ году отъ рожденія.

М. Робушъ.

ГОЛОДЪ И НАША ПУБЛИЦИСТИКА.

НАРОДНОЕ бѣдствіе, постигшее Россію въ текущемъ году, отразилось въ печати иначе, чѣмъ крупныя событія минувшаго времени. Многочисленныя статьи, справки, замѣтки, появляющіяся въ повременныхъ изданіяхъ по поводу этого бѣдствія, несмотря на разнорѣчивость ихъ содержанія, несомнѣнно, отличаются однимъ общимъ характеромъ. Излюбленнѣйшій пріемъ нашей публицистики кивать то на Ивана, то на Петра, смотря по лагерю, къ которому принадлежитъ данный органъ, почти совершенно отсутствуетъ; отсутствуютъ и всякія отвлеченныя разсужденія, господствуетъ же простое желаніе энергично и дѣятельно придти на помощь голодающимъ. Выражаясь иначе, можно сказать, что духъ протеста, обобщеній и отвлеченнаго философствованія замѣнился практическимъ настроеніемъ. Сдѣлана только одна попытка перенести центръ тяжести соображеній съ ихъ естественной почвы на почву такъ называемыхъ «проклятыхъ вопросовъ». Неудачная эта попытка, прозвучавшая довольно безслѣдно, принадлежитъ философу, выступающему часто въ роли публициста, г. Владиміру Соловьеву, и живо напоминаетъ намъ мѣткое замѣчаніе одного француза,—что у русскихъ всюду наталкиваешься на «samovar» и на «repentir». О чемъ бы ни заговорилъ русскій человѣкъ, онъ обязательно приходитъ къ заключенію, что надо покаяться, но такъ какъ онъ ограничивается одними словами и

продолжаетъ грѣшить попрежнему, то ему вѣчно приходится раскаяваться. Въ данномъ случаѣ г. Соловьевъ въ своихъ разсужденіяхъ о голодѣ киваетъ на Петра послѣ того, какъ ему, видимо, наскучило кивать на Ивана. Но онъ представляетъ, какъ сказано, исключеніе. Остальные наши публицисты предпочли заняться болѣе благодарнымъ дѣломъ и, вмѣсто того, чтобы толковать о необходимости раскаянія и объ организаціи кающагося общества,— на которую во всякомъ случаѣ потребуется еще много времени,— съ рѣдкимъ единодушіемъ, забывая партійные и всякіе другіе раздоры, принялись за посильное обсужденіе практическихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ обрушившимся на насъ тяжелымъ бѣдствіемъ. Благодаря такому отношенію печати къ дѣлу, получается освѣщенная во всѣхъ деталяхъ картина бѣдствія и мѣръ, которыя могутъ и должны быть приняты для предотвращенія грозныхъ его послѣдствій. Дѣятельность печати находится такимъ образомъ на высотѣ готовности общества, чѣмъ только можно, придти на помощь пострадавшимъ и облегчить ихъ участь. Это— несомнѣнный подъемъ духа и притомъ въ направленіи осмысленно-практическомъ, вѣрнѣе всего обезпечивающемъ достиженіе положительныхъ результатовъ. Насколько эти результаты окажутся блестящими, — трудно предусмотрѣть теперь: общество наше молодо и не привыкло еще трудиться на пользу ближняго въ практической сферѣ и воодушевляться будничною, мало замѣтною и выдержанною дѣятельностью. Но что таково настроеніе его, выразившееся въ совершенно наглядныхъ фактахъ—оспоривать нельзя, и такъ какъ намъ кажется, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ явленіемъ не мимолетнымъ и случайнымъ, а составляющимъ неизбѣжную ступень въ развитіи нашего общественнаго самосознанія, то чрезвычайно интересно прослѣдить причины этого поворота въ исторической ихъ послѣдовательности. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы уяснимъ себѣ, насколько эта перемѣна въ настроеніи нашего общества и печати устойчива, т. е. можно ли разсчитывать, что она переживетъ постигшее насъ великое бѣдствіе и превратится въ постоянный факторъ нашихъ культурныхъ успѣховъ.

Давно уже замѣчено, что наша публицистика переживаетъ вмѣстѣ съ обществомъ довольно серьезный и глубокій кризисъ, выражающійся, между прочимъ, въ общихъ сѣтованіяхъ на отсутствіе идеаловъ и широкихъ жизненныхъ цѣлей. Вникая въ смыслъ этихъ постоянныхъ сѣтованій, мы убѣждаемся, что, по распространенному воззрѣнію, въ недавнемъ прошломъ, когда мы переживали переходное время, наше общество преслѣдовало ясныя и устойчивыя цѣли, а что теперь, когда государственная жизнь,

такъ сказать, яснѣе опредѣлилась, обнаруживается такой разбродъ общественной мысли, что можно, пожалуй, даже совершенно отрицать ея существованіе или, по крайней мѣрѣ, присутствіе въ ней опредѣленныхъ общественныхъ и политическихъ идеаловъ. Тогда (въ шестидесятые и семидесятые годы) мы воодушевлялись «послѣдними словами науки» или разными громкими «лозунгами», вокругъ которыхъ группировалась значительная часть интелигенціи и которые принимались за надежную путеводную нить. Теперь всѣ эти «послѣднія слова науки» и «лозунги» утратили свою свѣжесть, свое обаяніе, перемѣшались, перепутались, и общество не знаетъ, чего придерживаться, къ чему стремиться, чѣмъ увлекаться, на что негодовать. Если въ шестидесятые годы одинъ изъ самыхъ видныхъ нашихъ беллетристовъ могъ говорить о «взбаломученномъ морѣ» нашей общественной мысли, то въ настоящее время она-де представляетъ собою стоячее болото, изъ котораго поднимаются одни только вредныя и удушливыя испаренія.

Вѣренъ ли этотъ взглядъ? Правда ли, что въ нашемъ обществѣ нѣтъ устойчивыхъ идеаловъ? Справедливо ли, что въ немъ проявляется застой, что оно, разочарованное крушеніемъ прежнихъ идеаловъ, не находитъ въ себѣ уже силъ, чтобъ выработать новые? Вопросъ этотъ очень сложенъ, и не здѣсь мѣсто дать на него всесторонній отвѣтъ. Но стоитъ только приглядѣться къ новымъ теченіямъ въ нашей беллетристикѣ, къ журнальнымъ статьямъ, посвященнымъ обсужденію общественныхъ и политическихъ вопросовъ, а отчасти и къ нашей художественной критикѣ, — словомъ, присмотрѣться къ проявленіямъ общественной мысли всюду, гдѣ въ ней бьетъ публицистическая жилка, чтобы придти къ одному несомнѣнному выводу, именно, что если у нашего общества и нѣтъ въ настоящее время опредѣленныхъ и ясныхъ идеаловъ, то оно къ нимъ стремится, оно ихъ ищетъ,—ищетъ, быть можетъ, съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и въ разгаръ такъ называемаго переходнаго времени. И теперь существуетъ «взбаломученное море», которое, несомнѣнно, волнуется, — если не на своей поверхности, то въ глубинѣ,—и то и дѣло выбрасываетъ ясныя свидѣтельства этого волненія,—разныя произведенія общественной мысли, которыя не обращаютъ на себя достаточнаго вниманія развѣ только потому, что значительная часть нашей критики, подчиняясь прежнимъ лозунгамъ, весьма часто не въ состояніи оцѣнить ихъ по достоинству.

Наша публицистика возникла и развилась иначе, чѣмъ западная. Это различіе проявилось, главнымъ образомъ, въ томъ фактѣ, что на западѣ публицистика касалась съ самаго своего зарожденія практическихъ государственныхъ и общественныхъ вопросовъ; у

насъ же, вслѣдствіе общеизвѣстныхъ причинъ, публицистика возникла въ области теоріи и притомъ крайне отвлеченной. На западѣ уже во второй половинѣ прошлаго столѣтія (съ 1769—1771 г.) могли появиться знаменитыя письма Юнія, разбиравшія съ необыкновенною смѣлостью практическіе вопросы политики. У насъ публицистика зародилась у такого источника, какъ философія Гегеля, и долгое время проявлялась только въ столь узкой сферѣ, какъ ничтожное собраніе лицъ, охарактеризованное Тургеневымъ насмѣшливымъ эпитетомъ «ein кружокъ in der Stadt Moskau». Правда, изъ этихъ кружковъ вышла плеяда писателей, составляющихъ гордость Россіи, но они, что касается до публицистики, не могли выйти изъ заколдованнаго круга крайне отвлеченнаго размышленія о государственныхъ дѣлахъ. Жизнь съ ея непреложными требованіями какъ бы не касалась этихъ размышленій. Весь вопросъ заключался въ отвлеченномъ принципѣ. Разумно ли существующее или неразумно; слѣдуетъ ли ему подчиняться или, напротивъ, возставать противъ него? Метафизическія начала измѣнялись; измѣнялась и основа публицистическихъ разсужденій. Увлекаясь Гегелемъ, Бѣлинскій писалъ, что «политика у насъ въ Россіи не имѣетъ смысла, и ею могутъ заниматься лишь пустыя головы», что «Россія не изъ себя разовьетъ свою гражданственность и свою свободу, но получитъ то и другое отъ своихъ царей такъ, какъ уже много получила отъ нихъ того и другого», что «правда, мы еще не имѣемъ правъ, мы еще рабы, если угодно», но что «это оттого, что мы еще должны быть рабами», что «въ понятіи нашего народа свобода есть воля, а воля—озорничество», что «не въ парламентъ пошелъ бы освобожденный русскій народъ, а въ кабакъ побѣжалъ бы онъ пить вино, бить стекла и вѣшать дворянъ, которые брѣютъ бороду и ходятъ въ сюртукахъ, а не въ зипунахъ, хотя бы, впрочемъ, у большой части этихъ дворянъ не было ни дворянскихъ грамотъ, ни копѣйки денегъ». Это писалъ въ тридцатыхъ годахъ будущій неумолимый врагъ славянофиловъ. Въ тридцатыхъ годахъ онъ признавалъ еще, что «все существующее разумно»; но вслѣдъ затѣмъ онъ уже пишетъ: «Благодарю покорно, Егоръ Ѳедоровичъ (Гегель), кланяюсь вашему философскому колпаку; но со всѣмъ подобающимъ вашему философскому филистерству уваженіемъ честь имѣю донести вамъ, что, еслибъ мнѣ и удалось влѣзть на верхнюю ступень лѣстницы развитія, я и тамъ попросилъ бы васъ отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайности, суевѣрія, инквизиціи, Филиппа II и пр., и пр.; иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ головою».

Такая рѣзкая перемѣна въ убѣжденіяхъ, случившаяся съ Бѣлинскимъ, повторилась затѣмъ со многими русскими писателями и публицистами, замѣчательно легко переходившими отъ одного

политическаго міросозерцанія къ другому. Замѣчу при этомъ, что мы тутъ имѣемъ дѣло съ людьми искренними, честными, не подчинявшими своихъ убѣжденій какимъ-нибудь житейскимъ разсчетамъ или выгодамъ. Процессъ, происходившій въ ихъ душѣ, былъ, такъ сказать, процессъ самоопредѣляющійся, часто нисколько независѣвшій даже отъ внѣшнихъ перемѣнъ въ политической жизни нашего отечества. Славянофилы остались славянофилами, не смотря на севастопольскій погромъ и коренныя реформы прошлаго царствованія; западничество народилось задолго до этихъ событій. Другими словами, политическое міросозерцаніе даже выдающихся русскихъ умовъ являлось не продуктомъ зрѣлаго обсужденія реальныхъ условій жизни, а выводомъ изъ той или другой философской системы. Въ области же философіи мы только воспринимали и ничего оригинальнаго не создавали. Слѣдовательно, мы пѣли съ чужого голоса, и если новый голосъ заглушалъ прежній, то мы подчинялись этому новому голосу и соотвѣтственно измѣняли свое политическое міросозерцаніе.

Я этимъ вовсе не хочу сказать, что внѣшнія условія, т. е. реальная жизнь не имѣла уже никакого вліянія на нашу политическую мысль. Но надо прежде всего условиться относительно того направленія и тѣхъ вопросовъ, которые оказались доступными воздѣйствію внѣшнихъ условій и событій. Если славянофильство, какъ стройная и цѣльная политическая теорія, возникла у насъ, такъ сказать, въ сферѣ абстрактнаго философскаго мышленія подъ непосредственнымъ вліяніемъ нѣмецкой философіи, (принявшей послѣ подъема народнаго духа во время наполеоновскихъ войнъ національное направленіе, которое отразилось и на исторіи, и на юриспруденціи, и на государствовѣдѣніи), то съ другой стороны, нельзя отрицать, что блестящія побѣды, одержанныя Россіею въ ту же эпоху, и вліятельное, даже всесильное, ея положеніе среди другихъ народовъ въ значительной степени способствовали возникновенію того ученія, выразителями котораго были въ области отвлеченной мысли славянофилы и которое нашло себѣ выраженіе и въ нашей поэзіи: «Русь, кудажъ несешься ты, дай отвѣтъ? Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ, гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ и, косясь, постороняваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства»... Точно также можно сказать, что если западничество, какъ стройная и цѣльная политическая теорія, зародилось подъ вліяніемъ той же нѣмецкой философіи, то съ другой стороны недовольство внутренними условіями государственной и общественной жизни, несомнѣнно, отразилось на немъ. Но въ то же время нельзя утверждать, что родоначальники славянофильскаго и западническаго ученій, что Константинъ Аксаковъ и Бѣлинскій, — эти чисто-каби-

нетные дѣятели, были хорошо знакомы съ русскою дѣйствительностью, и что ихъ ученія возникли не на почвѣ болѣе или менѣе отвлеченныхъ философскихъ построеній, а на почвѣ реальныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ интересовъ отечества. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы поймемъ, почему ихъ ученія касались только общихъ основъ народной жизни въ связи конечно съ наилучшими пожеланіями, вытекавшими изъ ихъ благородныхъ, возвышенныхъ, идеальныхъ натуръ. Сердца ихъ жаждали удовлетворенія; ихъ пламенная любовь къ родинѣ искала пищи въ явленіяхъ дѣйствительной жизни. Но они обращали вниманіе только на тѣ явленія, которыя могли быть подведены подъ ихъ философскую, отвлеченную точку зрѣнія, опредѣлявшую ихъ аналитическое или творческое мышленіе. Все ихъ вниманіе было направлено на основы народной и государственной жизни и все приводилось ими въ связь съ тѣмъ отвлеченнымъ міромъ, въ которомъ они смолоду привыкли вращаться.

Выдающіяся ихъ способности наложили властную печать на все дальнѣйшее развитіе нашей общественной мысли, тѣмъ болѣе, что процессъ отчужденія нашей интелигенціи отъ народа, какъ извѣстно, развивался съ большою быстротою. Петербургъ и Москва, ихъ литературные кружки и канцеляріи, отдѣленныя высокою стѣною отъ народной жизни, сосредоточили въ себѣ все, что было мыслящаго на Руси, такъ что во многихъ отношеніяхъ мы и теперь еще продолжаемъ трудиться надъ открытіемъ Америки, какою намъ все еще представляется наше собственное отечество. Сколько свѣтлыхъ умовъ, составивъ себѣ, какъ имъ казалось, вполнѣ ясное и опредѣленное политическое и общественное міросозерцаніе, къ ужасу своему убѣждались, когда они приходили въ соприкосновеніе съ народною жизнію, что это міросозерцаніе имѣетъ мало общаго съ дѣйствительностью, и не присутствовали ли мы неоднократно при громадной сенсаціи, которую производилъ простой пересказъ, а тѣмъ болѣе художественное описаніе, реальной русской жизни (вспомнимъ Гоголя, Тургенева, Толстого, Гл. Успенскаго и мн. др.)? Сила впечатлѣнія, которое производили этого рода литературные труды, только подтверждала наше полное незнакомство съ тѣмъ народомъ, для котораго у насъ давно уже были готовы болѣе или менѣе коренные и всеобъемлющіе планы спасенія. Но хотя наше невѣжество въ этомъ отношеніи обнаруживалось съ большою наглядностью, мы тѣмъ не менѣе цѣпко придерживались плановъ, построенныхъ на почвѣ чисто-метафизической, и объективное знакомство съ нашею публицистикою даже въ лицѣ лучшихъ ея представителей не допускаетъ сомнѣнія, что наши политическіе идеалы почти исчерпывались перемѣнами въ верхнихъ этажахъ государственнаго зданія и если касались его фундамента, то развѣ только съ точки зрѣнія опять-

таки отвлеченныхъ идей, почерпнутыхъ нами изъ модныхъ иностранныхъ книгъ или брошюръ.

Словомъ, если резюмировать все вышесказанное, то мы придемъ къ заключенію, что наша публицистика руководствовалась въ своихъ сужденіяхъ и работахъ синтезомъ, сдѣланнымъ иностранцами, а къ обстоятельному анализу русской дѣйствительности приступала рѣдко и неумѣло. Это до такой степени вѣрно, что даже беллетристы съ публицистическою жилкою, изучая русскую жизнь, усматривали въ ней отрицательныя или положительныя стороны, смотря потому, къ какому лагерю они принадлежали, и даже одинъ и тотъ же беллетристъ относился къ жизни различно, смотря по тому, какой онъ въ данное время придерживался общественно-политической теоріи. Если, напримѣръ, сопоставить изображеніе народа у Тургенева, Григоровича и Успенскаго, то мы будемъ поражены крайнимъ различіемъ въ ихъ взглядахъ. Одинъ и тотъ же народъ у разныхъ писателей представляется намъ въ совершенно различномъ свѣтѣ, и причина тутъ, конечно, не можетъ быть иная, какъ различіе въ настроеніи писателей, его изображавшихъ. Противоположность же взглядовъ публицистовъ на русскую дѣйствительность еще разительнѣе: одни не допускаютъ въ ней никакихъ отрадныхъ явленій и все видятъ въ мрачномъ свѣтѣ; другіе, напротивъ, находятъ, что при нынѣшнемъ своемъ положеніи Россія представляетъ всѣ задатки процвѣтанія. Въ одномъ только оба лагеря сходятся, именно, въ надеждахъ, возлагаемыхъ ими на народъ, т. е. на тотъ главный факторъ, который они оба менѣе всего знаютъ: и консерваторъ, и радикалъ, одинаково аппелируютъ къ народу, возлагая на него свои упованія, но смотрятъ на него не иначе, какъ сквозь призму теоріи.

Эта склонность русскихъ публицистовъ витать въ отвлеченностяхъ при недостаточномъ знакомствѣ съ реальными условіями народной жизни объясняется, конечно, не только основнымъ источникомъ, изъ котораго они заимствовали свои теоріи. Источникомъ этимъ, какъ мы видѣли, была философія, разработанная иностранцами и совершенно неразработанная у насъ, въ Россіи. Она, какъ извѣстно, долгое время составляла базисъ для всѣхъ почти остальныхъ наукъ, въ томъ числѣ и для наукъ политическихъ, которыя черпали свои основныя положенія изъ философскихъ системъ. Такимъ образомъ и юридическія науки какъ на западѣ, такъ и у насъ, были построены на метафизическихъ началахъ (вспомнимъ, напримѣръ, Неволина, горячаго сторонника Гегеля). Было, конечно, гораздо легче усвоить себѣ западную философскую систему и положить ее въ основаніе воздвигаемаго въ Россіи зданія той или другой спеціальной науки, чѣмъ разработать послѣднюю индуктивнымъ путемъ, составляющимъ въ настоящее время, однако, единственно научный методъ. Для всесторонней и плодотворной

индукціи не было еще собрано необходимаго матеріала, и мы, дѣйствительно, видимъ, что университетскіе курсы по юридическимъ и политическимъ наукамъ представляли собою въ лучшемъ случаѣ не болѣе, какъ компилятивный трудъ съ поклоненіемъ тому или другому иностранному научному свѣтилу, а часто простой перечень законодательныхъ постановленій съ весьма поверхностными и нехитрыми коментаріями. Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, когда я проходилъ университетскій курсъ. Само собою разумѣется, что подобное преподаваніе не могло дать окрѣпнуть у насъ политической мысли въ духѣ самостоятельнаго изслѣдованія русской дѣйствительности. Единственнымъ профессоромъ, оказавшимъ своимъ слушателямъ въ этомъ отношеніи пользу, былъ покойный П. Г. Рѣдкинъ. Его университетскій курсъ, какъ теперь всѣмъ легко убѣдиться (значительная часть его лекцій появилась недавно въ свѣтъ), представляетъ собою попытку самостоятельной разработки науки и, главное, былъ направленъ къ тому, чтобъ пріучить слушателей къ подобной самостоятельной работѣ. Это не была механическая группировка чужихъ выводовъ; это была оригинальная научная работа. Покойный профессоръ не задавался цѣлью сообщить возможно больше знаній: онъ ограничивался какимъ-нибудь спеціальнымъ вопросомъ и показывалъ живымъ примѣромъ, какъ слѣдуетъ разработывать науку. Поэтому, несмотря на то, что его предметъ, по своему содержанію, имѣлъ очень отдаленное отношеніе къ русской дѣйствительности, профессоръ принесъ своимъ слушателямъ большую пользу въ смыслѣ возбужденія въ нихъ желанія трудиться на почвѣ положительныхъ фактовъ для уясненія себѣ реальной жизни. Но одинъ въ полѣ не воинъ, и вліяніе многоуважаемаго П. Г. Рѣдкина не могло служить достаточнымъ противовѣсомъ вліянію остальныхъ преподавателей, которые либо сообщали только сырой матеріалъ, въ видѣ массы необработанныхъ законодательныхъ постановленій, и этимъ внушали слушателямъ нерасположеніе къ наукѣ, либо увлекались новоиспеченною научною теоріею и примѣняли ее весьма неискусно къ тому же матеріалу, либо наконецъ превращали науку въ средство для достиженія цѣлей практической политики. Послѣднія двѣ категоріи профессоровъ сильнѣе всего вліяли на умы и укрѣпляли въ слушателяхъ стремленіе вращаться въ отвлеченностяхъ и произносить надъ дѣйствительностью судъ съ точки зрѣнія модныхъ политическихъ лозунговъ.

Тутъ университетская и внѣ-университетская жизнь шли рука объ руку, и мы вмѣстѣ съ тѣмъ наталкиваемся еще на одну причину господствующаго у насъ стремленія обсуждать политическіе вопросы, такъ-сказать, съ птичьяго полета, не уясняя себѣ основательнымъ трудомъ, насколько наши сужденія подкрѣпляются окружающими насъ реальными условіями. Не слѣдуетъ забывать,

что русское государство развивалось иначе, чѣмъ большинство западныхъ государствъ. Тамъ многое создавалось снизу; у насъ все создано сверху. Тамъ государственная власть могла опереться на тотъ или другой вліятельный своимъ просвѣщеніемъ общественный классъ. Достаточно, напримѣръ, упомянуть о томъ фактѣ, что университетская жизнь развивалась на западѣ помимо государства, что въ борьбѣ съ феодализмомъ во всѣхъ его видахъ государственная власть могла вступить въ союзъ съ просвѣщенными и вліятельными своимъ богатствомъ, духомъ предпріимчивости и промышленнымъ развитіемъ, горожанами. Тамъ государственная власть, создавая современное государство, имѣла возможность идти рука объ руку, смотря по обстоятельствамъ, съ тѣмъ или другимъ могущественнымъ общественнымъ классомъ, упрочившимся и развившимся помимо нея. У насъ государственной власти пришлось создавать все по собственному почину, создавать всѣ элементы и всѣ факторы культурной жизни. Правительство работало для всѣхъ и вездѣ наталкивалось на инертность общества. Въ своихъ усиліяхъ обезпечить военное могущество, просвѣщеніе народа, болѣе нормальныя экономическія и соціальныя условія, оно было предоставлено самому себѣ и вынуждено было само постепенно подготовлять себѣ союзниковъ, помощниковъ, болѣе или менѣе умѣлыхъ исполнителей своихъ намѣреній. Современное русское государство создано Петромъ Великимъ, и всюду ему самому пришлось прокладать новые пути.

«То академикъ, то герой,
«То мореплаватель, то плотникъ,
«Онъ всеобъемлющей душой
«На тронѣ вѣчный былъ работникъ».

Въ этой могучей дѣятельности реформатора все было направлено къ государственной пользѣ, и его сильная рука опредѣлила дальнѣйшее развитіе нашего отечества. Сверху, съ высоты престола, шла всякая новизна, всякія начинанія, направленныя къ обезпеченію могущества и блага Россіи. Иного почина не было, да и не могло быть по вышеуказанной причинѣ. Вотъ почему наша общественная жизнь въ своемъ конечномъ выводѣ имѣла цѣлью обезпеченіе интересовъ государства. Все у насъ стало государственнымъ,—и сословія, и наука, и религія,—все получило отпечатокъ государственности. Да, у насъ создавались или поддерживались цѣлыя сословія для пользы государственной, не говоря уже о томъ, что просвѣщеніе, распространяемое исключительно сверху, носило правительственный характеръ въ смыслѣ подготовленія необходимыхъ государству воиновъ, чиновниковъ, техниковъ и даже женъ для нихъ (наши женскіе институты первоначально существовали только для дочерей военныхъ и чиновниковъ, послужившихъ государству, и имѣли основною цѣлью воспитать

для нихъ женъ). Въ этомъ направленіи продолжала развиваться русская жизнь почти въ теченіе двухъ столѣтій, и поэтому естественно, что въ обществѣ установился взглядъ, господствующій отчасти и понынѣ, именно, что все, что̀ происходитъ въ сферѣ общественной и государственной, имѣетъ своимъ источникомъ государственную власть, которая и несетъ полную отвѣтственность за всѣ положительныя и отрицательныя стороны нашей общенародной жизни.

Только ставъ на эту точку зрѣнія, составляющую одинъ изъ краеугольныхъ камней нашего общественнаго самосознанія и объясняющую намъ многія политическія увлеченія нашего общества, мы поймемъ основной характеръ нашей публицистики, ея тенденціи, ея открытыя и тайныя стремленія, ея дѣленія на лагери, партіи, кружки. Устраните эту основную точку зрѣнія,—и все для васъ станетъ непонятнымъ: вы лишитесь путеводной нити въ безконечномъ лабиринтѣ нашихъ публицистическихъ разсужденій, гдѣ бы вы ихъ не встрѣчали: въ политическихъ статьяхъ, художественной критикѣ, или беллетристикѣ. Между тѣмъ какъ на западѣ дѣленіе на партіи вызывается экономическими, религіозными, соціальными и политическими интересами, у насъ въ основѣ дѣленія на лагери лежитъ главнымъ образомъ политическая доктрина. Основныя наши партіи,—западническая и славянофильская,—постепенно развѣтвлялись на множество лагерей, не благодаря воздѣйствію на нихъ дѣйствительности, а главнымъ образомъ вслѣдствіе возникновенія на западѣ разныхъ новыхъ «послѣднихъ словъ» науки или «лозунговъ». Такимъ образомъ получилось то интересное явленіе, что при почти полномъ отсутствіи въ обществѣ политической дѣятельности образовалось множество разныхъ партій въ средѣ одной общественной группы (интеллигенціи), которая въ сущности преслѣдовала общую цѣль, именно, двинуть русскій народъ на пути духовнаго и матеріальнаго благосостоянія. Получилось затѣмъ еще болѣе интересное явленіе: рѣдко кто трудился на пользу этой цѣли; всѣ только разсуждали, какъ ее достигнуть, и тратили свои силы и свой нерѣдко огромный талантъ на безконечные споры и велерѣчивыя разсужденія о томъ, какъ вѣрнѣе достигнуть цѣли, къ достиженію которой никто дѣятельной руки не прикладывалъ. Не замѣчая фальшиваго положенія своихъ руководителей и забывая, что всякіе успѣхи зависятъ, главнымъ образомъ, отъ него самого, русское общество увлекалось этою логомахіею и склонно было думать, что въ ней и заключается основное и единственное условіе прогресса.

Вотъ въ общихъ чертахъ причины крайне отвлеченнаго характера нашей публицистики. Въ виду отмѣченнаго нами происхожденія ея и условій дальнѣйшаго ея развитія, весьма понятно, что даже самые видные представители нашей публицистики не могли

указать обществу иныхъ путей и, напротивъ, сами поддерживали въ немъ отчужденіе отъ реальныхъ интересовъ и увлеченіе абстрактными политическими принципами и теоріями. Возьмемъ ли мы дѣятельность Герцена, Каткова, Чернышевскаго, Ивана Аксакова, или даже менѣе извѣстныхъ публицистовъ, въ родѣ К. Д. Кавелина и А. Д. Градовскаго,—мы у всѣхъ натолкнемся на ту общую черту, что они не разработывали политическихъ вопросовъ въ деталяхъ и почти не занимались второстепенными вопросами, отъ которыхъ такъ часто зависитъ рѣшеніе основныхъ, а если изрѣдка и входили въ обсужденіе второстепенныхъ вопросовъ, то эрудиція и талантъ имъ какъ будто измѣняли, или во всякомъ случаѣ общество почти всегда относилось къ ихъ статьямъ съ леденящимъ равнодушіемъ. Катковъ, будучи по профессіи философомъ, а не государствовѣдомъ, стяжалъ себѣ первые публицистическіе лавры въ полемикѣ съ Герценомъ. Наиболѣе блестящій періодъ его дѣятельности совпалъ съ моментомъ, когда сама жизнь выдвинула вопросъ высшей политики (во время дипломатической борьбы Россіи со всею почти Европою въ 1863 году). Вся дальнѣйшая его дѣятельность, по скольку она обращала на себя общее вниманіе, была посвящена выясненію такъ называемыхъ основъ государственной жизни. Но, что касается до второстепенныхъ вопросовъ, то ему тутъ не везло, и онъ весьма часто кореннымъ образомъ измѣнялъ свою точку зрѣнія. Онъ былъ, напримѣръ, сторонникомъ умѣреннаго классицизма, а затѣмъ строгаго классицизма по нѣмецкому образцу, горячимъ сторонникомъ началъ свободы торговли, а затѣмъ столь же горячимъ сторонникомъ протекціонизма, приверженцемъ Бисмарковской Германіи, а затѣмъ Франціи. Чернышевскій, начавшій свою дѣятельность съ филологическихъ изслѣдованій и критики художественныхъ произведеній, очень скоро посвятилъ себя изученію западныхъ экономическихъ теорій, явно преслѣдуя при этомъ широкія политическія цѣли. Герценъ страстно занимался высшею политикою и вѣчно колебался между своеобразнымъ славянофильствомъ и западничествомъ. Объ Аксаковѣ и говорить нечего. Будучи единственнымъ изъ нашихъ первоклассныхъ публицистовъ, получившимъ юридическое образованіе и практически ознакомившимся съ административною дѣятельностью, онъ представляетъ полную послѣдовательность во всѣхъ своихъ политическихъ разсужденіяхъ и одинъ съ начала до конца не измѣняетъ своимъ идеаламъ, воспринятымъ у брата Константина. Но въ своихъ стихотвореніяхъ онъ, какъ извѣстно, мало занимался политикой и является совершенно инымъ человѣкомъ. Посвящая свои публицистическія статьи исключительно вопросамъ высшей политики, онъ во многихъ своихъ стихотвореніяхъ съ болью въ сердцѣ отмѣчаетъ, что мы все подвиговъ ищемъ и брезгаемъ упорнымъ трудомъ и черною работою. А. Д. Градовскій, какъ публицистъ, занимался также такъ назы-

ваемой haute politique и былъ въ началѣ своей дѣятельности славянофиломъ, а затѣмъ, какъ извѣстно, рѣшительно примкнулъ къ либеральному лагерю. К. Д. Кавелинъ въ концѣ концовъ совершенно охладѣлъ къ публицистикѣ и началъ заниматься этикой. Только при отрѣшенности отъ реальныхъ интересовъ жизни мы можемъ уяснить себѣ тотъ фактъ, что наши видные публицисты вынуждались настроеніемъ общества къ обобщеніямъ, къ синтезу, къ которому они не были подготовлены ни по своимъ прежнимъ занятіямъ, ни по наличности необходимыхъ предварительныхъ матеріаловъ, весьма часто колебались въ своемъ міросозерцаніи, черпали свои основные политическіе принципы изъ теорій, сложившихся на западѣ, и почти совершенно избѣгали обсужденія практическихъ вопросовъ. Такимъ образомъ наши публицисты шли очень долго разъ намѣченнымъ путемъ. Въ уклоненіи отъ этого пути они не могли ощущать и потребности, во-первыхъ потому, что онъ соотвѣтствовалъ полученной ими подготовкѣ, преимущественно философской, а во-вторыхъ, и потому, что само общество предъявляло имъ запросы только въ этомъ направленіи.

Если мы спустимся многими ступенями ниже и возьмемъ средняго русскаго публициста, не отличавшагося ни образованіемъ, ни выдающимися способностями, подобно такимъ виднымъ представителямъ русской публицистики, какими были Катковъ, Аксаковъ, Герценъ, Чернышевскій, Градовскій, то мы еще яснѣе поймемъ, почему, въ общемъ, наша публицистика не могла избрать болѣе вѣрнаго пути въ обсужденіи общественныхъ и государственныхъ вопросовъ. Отъ средняго публициста нельзя было, конечно, требовать, чтобы онъ отрѣшился отъ настроенія общества; все, чего отъ него можно было ожидать, это болѣе или менѣе вѣрнаго выраженія господствующихъ взглядовъ. Въ этомъ направленіи трудились, дѣйствительно, и пріобрѣтали извѣстность публицисты средней руки. Вдумываясь теперь въ прошлое, нельзя не удивиться на видъ крайне непослѣдовательному образу дѣйствій нашей журналистики въ этомъ отношеніи. Въ шестидесятые и семидесятые годы публицистикѣ во всѣхъ ея видахъ отводилось въ нашихъ журналахъ и газетахъ самое широкое мѣсто, и она признавалась, такъ сказать, нервомъ всякаго неспеціальнаго періодическаго изданія. При такихъ условіяхъ можно подумать, что журналы и газеты весьма дорожили подготовленными дѣятелями въ области политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ. На самомъ дѣлѣ, ничего подобнаго не было. Вѣрность знамени и бойкость пера, а не научная и практическая подготовка служили цензомъ для публициста. Притомъ въ публицистикѣ тотчасъ же установилась извѣстная іерархія между разными вопросами: на первомъ мѣстѣ ставились соціальные вопросы, второе мѣсто занимали экономическіе, затѣмъ слѣдовали вопросы внутренней политики, а послѣднее мѣсто уже занимали

вопросы внѣшней политики. Такъ было въ либеральномъ лагерѣ. Въ консервативномъ же установилась обратная іерархія: вопросы внѣшней политики занимали тутъ первое мѣсто, а соціальные — послѣднее. Но такъ какъ въ упомянутую эпоху либеральные органы преобладали, а консервативные составляли незначительное меньшинство, то публицистика средней руки развилась преимущественно въ либеральномъ лагерѣ. Тутъ сознаніе тѣсной неразрывной связи между политическими, соціальными и экономическими науками было очень мало распространено; да и самая наука не пользовалась ни вліяніемъ, ни почетомъ. Выводы, къ которымъ приходили серьезные государствовѣды, игнорировались, сами эти ученые признавались отсталыми при полномъ незнакомствѣ съ ними, а Лассали, да Марксы возводились въ міровые геніи. Соотвѣтственно этому вербовались и газетные и журнальные сотрудники. Создалась какая-то особая соціальная и экономическая наука ad usum русскаго читателя, который, ставя публицистику очень высоко, въ то же время избѣгалъ всякаго головоломнаго труда для выясненія себѣ политическихъ и общественныхъ вопросовъ. Что же касается до вопросовъ внѣшней политики, которою въ значительной степени обусловливается и внутренняя жизнь государства, то для нихъ въ либеральномъ лагерѣ не было пониманія. Проявлять тутъ горячность въ защитѣ интересовъ Россіи признавалось неумѣстнымъ, а патріотизмъ этого рода—отсутствіемъ истиннаго патріотизма. Достаточно упомянуть, напримѣръ, о фактѣ, что журналъ, занимавшій руководящую роль и проникнутый во всѣхъ отдѣлахъ публицистическими тенденціями, считалъ лишнимъ имѣть спеціальнаго сотрудника по отдѣлу внѣшней политики и довольствовался... корреспонденціями иностранца. Цензомъ для сотрудника по внѣшней политикѣ обыкновенно признавалось только знаніе иностранныхъ языковъ и бойкость пера. Знакомство съ исторіей и политической наукой считалось роскошью. Въ общемъ, можно сказать, что въ нашихъ либеральныхъ органахъ внѣшняя политика долгое время составлялась исключительно на основаніи иностранныхъ газетъ лицами, не имѣвшими ни исторической, ни политической подготовки. Поэтому весьма естественно, что у насъ установился двойственный взглядъ на публицистовъ и публицистику: съ одной стороны публицисты ставились очень высоко, съ другой — очень низко. Названіе публициста было и почетное и пренебрежительное. Помнится, на одномъ публичномъ обѣдѣ зашла рѣчь о Салтыковѣ, и застольный ораторъ (не безъизвѣстный журнальный дѣятель), желая почтить заслуги покойнаго писателя, въ горячей рѣчи торжественно заявилъ, что Салтыковъ былъ не только «сатирикомъ», что онъ былъ даже «публицистомъ». Слѣдовательно, въ глазахъ оратора, слава Ювенала и Свифта оказывалась недостаточною для почтенія заслугъ Салтыкова. По его мнѣнію, истин-

ный дѣятель даже въ области беллетристики, долженъ быть публицистомъ. Но въ то же время подъ публицистомъ у насъ часто разумѣютъ составителя дешевыхъ статеекъ для журналовъ и газетъ. Однако, если обсужденіе государственныхъ и общественныхъ вопросовъ составляетъ одно изъ высшихъ проявленій человѣческаго мышленія, то можно ли довѣрять его людямъ совершенно къ нему неподготовленнымъ? Можно ли проводить рѣзкую границу между дипломатическою или административною дѣятельностью, т. е. государственною въ широкомъ значеніи этого слова, и дѣятельностью людей, обсуждающихъ государственные вопросы въ печати? Можно ли превозносить послѣднихъ, когда они вращаются въ сферѣ крайнихъ отвлеченностей и говорятъ эзоповскимъ языкомъ, и относиться пренебрежительно къ дѣятелямъ, спускающимся изъ сферы отвлеченныхъ разсужденій въ жизнь и изучающимъ практическіе вопросы народнаго благополучія? Даже въ политическихъ лексиконахъ говорится, что «публицистъ имѣетъ большое сродство съ государственымъ человѣкомъ, что у нихъ должно быть очень много общихъ качествъ, и что разница между ними заключается только въ томъ, что публицистъ пишетъ, а государственный человѣкъ дѣйствуетъ». (Maurice Block. Dictionnaire général de la politique). Но у насъ на газетную и журнальную публицистику, посвященную обсужденію практическихъ вопросовъ, смотрѣли свысока, довѣряли ее лицамъ, совершенно неподготовленнымъ къ трудной своей задачѣ, и поэтому публицисты средней руки принесли такъ мало пользы, плыли только по теченію и поддерживали общество въ его скороспѣлыхъ и поверхностныхъ сужденіяхъ.

Мы только-что упомянули о Салтыковѣ. На смертномъ одрѣ онъ собирался еще напомнить о «забытыхъ словахъ». Слова эти, конечно, были: человѣчность, правда, любовь къ родинѣ, совѣсть, честь. Слова эти, однако, стары, какъ міръ, и тѣмъ не менѣе постоянно чувствуется потребность напоминать о нихъ. Очевидно, они остаются только словами и мало проникаютъ въ жизнь, мало воплощаются въ дѣлахъ. Поэтому напоминать о нихъ не мѣшаетъ, но еще болѣе, быть можетъ, не мѣшаетъ изыскивать способы и пути осуществленія въ жизни понятій, которымъ они служатъ символами. И далѣе, быть можетъ, существеннѣе заслуга тѣхъ, кто находитъ и указываетъ эти практическіе пути, чѣмъ тѣхъ, кто только напоминаетъ о постоянно «забываемыхъ словахъ». Мы въ предыдущемъ старались выяснить, какимъ отвлеченнымъ характеромъ отличалась русская общественная мысль, какъ много русское общество выдвинуло талантливыхъ представителей слова, и какъ мало она создала представителей дѣла. Наша изящная литература въ яркихъ образахъ представила намъ цѣлую галлерею блестящихъ общественныхъ говоруновъ и застыла на безплодныхъ попыткахъ указать намъ въ живыхъ образахъ на обществен-

ныхъ дѣятелей. Въ этомъ отношеніи нашей литературѣ не повезло. Она оказалась, да и не могла не оказаться, безсильной, потому-что изящная литература есть ничто иное, какъ отраженіе жизни, а русская дѣйствительность, если и создаетъ героевъ дѣла, то въ весьма небольшомъ числѣ и притомъ не въ такихъ сферахъ, о которыхъ мы привыкли говорить и писать.

Практическое осуществленіе забываемыхъ нами вѣковѣчныхъ нравственныхъ и общественныхъ истинъ требуетъ не только самоотверженія, но и знаній. Въ сферѣ индивидуальной, быть можетъ, знанія не такъ необходимы; но въ сферѣ общественной созданіе условій благопріятныхъ для торжества нравственныхъ началъ является задачею многосложною. Общественнымъ и политическимъ реформаторомъ можетъ быть съ пользою только человѣкъ, изучившій какъ законы, управляющіе человѣческимъ обществомъ, такъ и среду, въ которой онъ дѣйствуетъ. Поэтому мы и видимъ, что вліяніе публицистовъ, не подготовленныхъ къ своей задачѣ, даже при значительномъ талантѣ, скоропреходяще, и что ихъ дѣятельность, несмотря на вызываемый ею шумъ, замѣтнаго слѣда не оставляетъ.

Въ этомъ смыслѣ указанный нами поворотъ въ русской публицистикѣ представляетъ большой историческій и практическій интересъ. Тысячи признаковъ совершенно наглядно показываютъ, что отсутствіе въ нашемъ обществѣ идеаловъ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ признанія имъ прежнихъ, крайне отвлеченныхъ, идеаловъ несостоятельными. Всюду наблюдается стремленіе пріобрѣтать знанія пригодныя для непосредственнаго примѣненія къ жизни; всюду проявляется стремленіе уяснить себѣ жизненныя цѣли, соотвѣтствующія не какому-то будущему совершенному состоянію общества, а задачамъ, выдвигаемымъ реальными условіями окружающей насъ дѣйствительности. Быть можетъ, никогда еще книги, сообщающія общеполезныя знанія, не распространялись у насъ съ такою быстротою, какъ именно въ настоящее время. Никогда еще въ публицистикѣ не замѣчалось такого явнаго стремленія обсуждать разные общественные вопросы съ точки зрѣнія непосредственныхъ потребностей данной минуты и рѣшать ихъ въ соотвѣтствіи съ существующими условіями. Никогда еще въ нашемъ обществѣ интересъ къ историческимъ изслѣдованіямъ, разъясняющимъ преемственность задачъ русской дѣйствительности, не проявлялся съ такою силою, какъ теперь. Отвлеченныя разсужденія, очевидно, обществу наскучили, потому что оно извѣрилось въ ихъ пользѣ. Взятые у иностранцевъ на-прокатъ идеалы, общественные и политическіе, также мало насъ занимаютъ; зато русское общество чрезвычайно чутко ко всему, что происходитъ у насъ и за границею въ сферѣ практическаго осуществленія вѣковѣчной нравственной и общественной правды.

Мы поставлены тутъ лицомъ къ лицу съ рѣшительнымъ поворотомъ въ нашемъ общественномъ самосознаніи. Молодыя литературныя силы, живѣе чувствующія пульсъ русской общественной жизни, даютъ этому повороту уже довольно ясное выраженіе въ своихъ трудахъ. Не мѣсто здѣсь входить въ соотвѣтственныя указанія, подвести, напримѣръ, разныя современныя беллетристическія произведенія подъ эту точку зрѣнія. Достаточно будетъ привести одинъ примѣръ этого рода. До сихъ поръ молодые критики, поэты и беллетристы, признавали себя провозвѣстниками всякаго рода правды. Но когда къ покойному Надсону обратились его юные друзья съ излюбленнымъ вопросомъ: что же намъ дѣлать? онъ имъ отвѣтилъ стихотвореніемъ [1]), изъ котораго мы и приводимъ здѣсь главное мѣсто:

«Учить не властны мы... Учись у мудрецовъ;
«На жадный твой запросъ у нихъ ищи отвѣта.
. . . .
«Мы каждую твою побѣду воспоемъ,
«На каждую слезу откликнемся слезою,—
«Но указать тебѣ спасительный исходъ
«Не намъ, о родина!... Исхода мы не знаемъ».

Основной мотивъ этого стихотворенія, очевидно,— сознаніе невозможности для поэта дать отвѣтъ на главный запросъ, предъявляемый жизнію. Поэтъ можетъ воспѣть «побѣду» родины, т. е. всякій ея успѣхъ, «откликнуться слезою на ея слезу», но «указать спасительный исходъ» онъ не въ состояніи. Для этого теперь нужны не люди «сладкихъ звуковъ и молитвъ», а люди дѣла.

Указанный нами поворотъ въ нашей общественной мысли предусмотрѣнъ давно уже съ замѣчательнымъ пророческимъ даромъ лучшими представителями нашего общества, и если ихъ слова прозвучали въ свое время безслѣдно, то только потому, что они были сказаны слишкомъ рано, когда общество еще не было подготовлено воспринять ихъ. Вотъ, напримѣръ, основной мотивъ музы Ивана Аксакова:

«И понялъ я, что подвиговъ живыхъ,
«Блестящихъ жертвъ, борьбы великодушной
«Пора прошла,—и намъ въ замѣну ихъ
«Борьбы глухой достался подвигъ скучный...
. . . .
«Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка:
«Сгораетъ въ немъ порыва скорый пламень;
«Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка:
«Онъ точитъ дубъ... Долбитъ и капля камень».

Но яснѣе еще въ этомъ смыслѣ высказался Тургеневъ. Такъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, относящихся къ 1874 г., онъ говоритъ: «Для предстоящей общественной дѣятельности... нужно тру

[1]) Родина.

любіе, терпѣніе; нужно умѣть жертвовать собою безъ всякаго блеска и треска,—нужно умѣть смириться и не гнушаться мелкой и темной и даже жизненной работы,—я беру слово жизненный въ смыслѣ простоты, безхитростности, terre à terre'а. Что можетъ быть, напримѣръ, жизненнѣе — учить мужика грамотѣ, помогать ему, заводить больницы и т. д.?.. Чувство долга, славное чувство патріотизма въ истинномъ смыслѣ этого слова,—вотъ все, что нужно. А Базаровъ все-таки еще типъ, провозвѣстникъ, крупная фигура, одаренная извѣстнымъ обаяніемъ, нелишенная нѣкотораго ореола: это все теперь неумѣстно,—и смѣшно толковать о герояхъ или художникахъ труда. Блестящихъ натуръ въ литературѣ, вѣроятно, не проявится; тѣ, которые бросятся въ политику, только даромъ погубятъ себя. Все такъ; но примириться съ этимъ фактомъ, съ этой сѣренькой средой, съ этой скромной рѣшительностью, многіе не могутъ сразу, особенно впечатлительныя и энтузіастическія женщины, какъ вы. Чтобы бы вы ни говорили,—вамъ все-таки хочется восторгаться и увлекаться; вы сами пишете, что вы желаете преклоняться: а передъ только полезными людьми не преклоняются. Мы вступаемъ въ эпоху только полезныхъ людей... и это будутъ лучшіе люди. Ихъ, вѣроятно, будетъ много; красивыхъ, плѣнительныхъ—очень мало. А въ вашемъ исканіи Базарова—настоящаго—все-таки сказывается, быть можетъ, безсознательно, жажда красоты,—конечно, своеобразной. Всѣ эти мечты надо бросить».

Восемь лѣтъ спустя, въ 1882 г., за годъ до смерти, Тургеневъ резюмировалъ свою мысль въ слѣдующихъ знаменательныхъ словахъ: «Въ жизни не слѣдуетъ искать идеала общаго, — а, напротивъ, спеціальнаго, единственно живого. Такой идеалъ и свойственную ему дѣятельность указываетъ человѣку то, что называется его прирожденною способностью, талантомъ, говоря проще, охотой, расположеніемъ къ извѣстному дѣлу. Я еще не встрѣчалъ человѣка, который не былъ бы одаренъ такого рода талантомъ. Но многіе либо не стараются сознать его, либо находятъ его слишкомъ мелкимъ или недостойнымъ того, чтобы посвятить ему свою дѣятельность,—и въ этомъ заключается большая ошибка. Спеціальный идеалъ не только не противорѣчитъ общему, но оплодотворяется имъ и взаимно даетъ ему жизнь».

Эти глубокія слова могли въ свое время не обратить на себя вниманія, но, заключая въ себѣ жизненную правду, они оправдались на дѣлѣ и постепенно становятся руководящимъ принципомъ нашего общества. Число лицъ, ищущихъ не столько «общаго», сколько «спеціальнаго» идеала, «оплодотворяющаго» первый и «дающаго ему жизнь», становится все значительнѣе. Нѣтъ теперь сферы, въ которой не встрѣчались бы дѣятели этого рода и наповѣрку, можетъ быть, окажется, что эти дѣятели, только по-

лезные, вѣрнѣе двинутъ прогрессъ и сдѣлаютъ больше для торжества «забытыхъ словъ», чѣмъ «крупныя фигуры, провозвѣстники правды, одаренные обаяніемъ и не лишенные ореола. Быть можетъ, окажется, что въ нихъ-то русская жизнь главнымъ образомъ нуждается, что безъ нихъ преобладающимъ типомъ нашихъ общественныхъ дѣятелей попрежнему будутъ «мелюзга, грызуны, гамлетики, самоѣды, темнота и глушь подземная, толкачи, изъ пустого въ порожнее переливатели, да палки барабанныя» или люди, «до позорной тонкости самихъ себя изучающіе, щупающіе безпрестанно пульсъ каждому своему ощущенію и докладывающіе самимъ себѣ: вотъ что молъ я думаю, вотъ что я чувствую», россійскіе гамлеты, да донъ-кихоты, которыхъ самъ Тургеневъ изобразилъ намъ въ такихъ живыхъ и глубоко-печальныхъ образахъ.

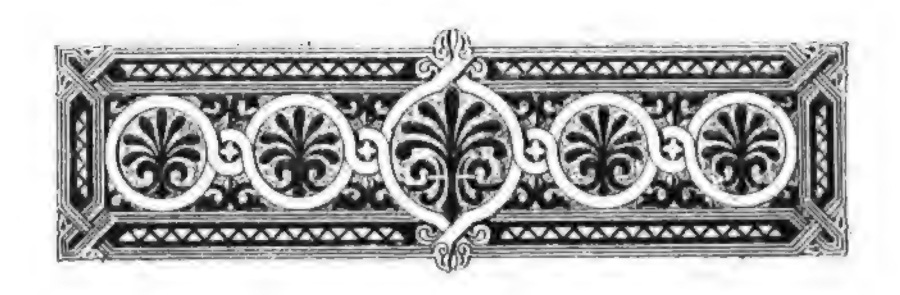
Исканіе этихъ «спеціальныхъ» идеаловъ проявляется теперь съ необыкновенною силою и въ публицистикѣ. Тяжелое народное бѣдствіе, постигшее насъ, только яснѣе опредѣляетъ это новое направленіе нашей общественной мысли. Не нытье надъ «общими условіями», не взаимныя обвиненія, составляютъ доминирующую ноту всѣхъ статей, замѣтокъ и разсужденій. Несмотря на тяжесть постигшаго насъ испытанія, во всякой строчкѣ чувствуется бодрость, энергія, пытливость ума, желаніе придти на помощь пострадавшимъ. Благодаря этой работѣ, получается ясная картина бѣдствія и чрезвычайно цѣнныя указанія на средства предотвращенія его опасныхъ послѣдствій. Печать слилась съ остальными факторами народной жизни для дружныхъ усилій, направленныхъ къ устраненію голода. Не есть ли это проявленіе настоящей любви къ ближнему, бодрой, энергической, дѣятельной и лучшихъ качествъ человѣческой природы: гуманности, сострадания, человѣколюбія? И если, благодаря этимъ дружнымъ усиліямъ всѣхъ факторовъ народной жизни, удастся въ значительной степени ослабить бѣдствіе, предотвратить его грозныя послѣдствія, осушить много слезъ, избѣжать обѣднѣнія и раззоренія массы людей изъ того народа, передъ которымъ мы до сихъ поръ только преклонялись, не находя въ себѣ силъ и способовъ оказать ему дѣятельную помощь, то не будетъ ли это сознаніе исполненнаго долга въ тысячу разъ плодотворнѣе и не возвыситъ ли оно насъ въ собственныхъ глазахъ гораздо болѣе, чѣмъ вѣковая скорбь надъ участью народа, не проявляющаяся въ жизненныхъ наглядныхъ дѣйствіяхъ? Если русское общество въ этомъ смыслѣ окончательно убѣдится въ превосходствѣ «спеціальнаго» идеала надъ «общимъ», то постигшее насъ тяжелое испытаніе пройдетъ не безслѣдно и сослужитъ важную службу нашему общественному самосознанію. Времена народнаго бѣдствія пройдутъ, но въ обществѣ крѣпко засядетъ мысль, что мы довольно занимались спорами о правдѣ, что пора подумать и о средствахъ ея осуществленія въ жизни, и что наиболѣе вѣр-

нымъ средствомъ является не вѣчное недовольство, а энергическій починъ каждаго индивида въ устраненіи ближайшихъ несовершенствъ, бодрая, жизнерадостная дѣятельность, соединенная съ знаніями и съ пониманіемъ специальныхъ идеаловъ, присущихъ нашему народу и обществу въ данное время.

Въ области публицистики это значитъ—внимательнѣе изучать дѣйствительность, не оцѣнивать ее исключительно съ точки зрѣнія заемныхъ теорій, разсматривать всякое явленіе въ историческомъ его развитіи, пользоваться опытомъ всѣхъ народовъ для исцѣленія общественныхъ недуговъ, отводить историческимъ, государственнымъ, экономическимъ знаніямъ гораздо больше значенія, чѣмъ до сихъ поръ, и относиться отрицательно къ разнымъ утопіямъ, порождаемымъ голымъ воображеніемъ и побуждающимъ насъ произносить приговоръ надъ дѣйствительностью, надъ успѣхами, которыхъ мы достигаемъ въ ограниченной сферѣ, надъ цѣлями, къ которымъ мы стремимся въ смыслѣ удовлетворенія реальныхъ интересовъ. Наше время требуетъ логики не только въ словахъ и мысляхъ, но и въ дѣйствіяхъ, и когда наша публицистика вмѣстѣ съ обществомъ окончательно проникнутся этимъ сознаніемъ, когда вопросы не только мысли, но и жизни, будутъ ею разсматриваться и обсуждаться съ полною компетентностью, когда она приметъ дѣятельное участіе въ разрѣшеніи практическихъ задачъ, указываемыхъ исторіею и условіями, въ которыхъ мы поставлены, ея голосъ, какъ выразительницы общества, будетъ раздаваться, быть можетъ, не такъ шумно, какъ прежде, но гораздо авторитетнѣе и съ неотъемлемымъ правомъ быть голосомъ совѣщательнымъ и во многихъ случаяхъ рѣшающимъ.

Р. Сементковскій.

ЧЕРТЫ РУССКОЙ ИСТОРІИ И БЫТА ЭПОХИ ПЕТРА II[1].

IV.

Къ исторіи русской литературы и науки.—Старость Софронія Лихуда.—Князь Иванъ Лихудіевъ.—Аѳанасій Скіада.—Аѳанасій Кондоиди.—Алексѣй Барсовъ.—Іоакимъ Богомолевскій.—Іеронимъ Колпецкій.—Ѳеофилъ Кроликъ.—Ѳедоръ Поликарповъ.—Князь А. М. Черкаскій и его школа.

КОМУ изъ русскихъ неизвѣстны досточтимыя имена братьевъ Лихудовъ? Потомки византійскаго княжескаго рода царской крови, получивъ въ Италіи самое лучшее научное образованіе своего времени, они, по совѣту восточныхъ патріарховъ, были приглашены русскимъ правительствомъ въ Москву для устройства въ ней высшаго научнаго образованія, и, ведя это дѣло, по мѣрѣ возможности, съ полнымъ умѣньемъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, за самое скудное вознагражденіе (Софроній Лихудъ, какъ видно изъ дѣлъ настоящаго тома, завѣдуя «греческою школою» въ Москвѣ, жалованья за свое учительство не получалъ никакого, довольствуясь тѣмъ вознагражденіемъ, какое выдавалось ему «за библейный его трудъ, т. е. за трудъ по исправленію славянской библіи, по 50 руб. въ годъ), то въ Москвѣ, то въ Новгородѣ при митрополитѣ Іовѣ, то снова въ Москвѣ, успѣли образовать первое поколѣніе велико-русскихъ уче-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. XLVI, стр. 409.

ныхъ. Въ то же время они составили первые учебники по предметамъ академическаго курса; наконецъ, они же вынесли на своихъ плечахъ всю тягость защиты ученія церкви восточной о евхаристіи противъ ученія католическаго и протестантскаго, составивъ нѣсколько крупныхъ и капитальныхъ по тому времени сочиненій по богословію вообще. Старшій изъ братьевъ трудился такимъ образомъ тридцать два года (съ 1685 по 1717 г.), а младшій—тридцать семь лѣтъ — по 1722 годъ, когда, вслѣдствіе слитія «греческой школы» съ школою славяно-латинскою, подъ общимъ названіемъ Московской славяно-греко-латинской академіи, причемъ на должность ректора послѣдней стали назначаться ученые кіевляне, онъ долженъ былъ оставить свое излюбленное дѣло и былъ назначенъ въ настоятели Солотчинскаго монастыря въ рязанской епархіи. Большая часть біографіи приснопамятныхъ подвижниковъ науки извѣстна въ подробностяхъ (см. «Исторію Московской славяно-греко-латинской Академіи» С. К. Смирнова и статьи протоіерея І. Я. Образцова); но свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ жизни Софронія Лихуда—съ 1722 года, которыя находимъ въ VIII томѣ «Описанія синодальнаго архива», являются совершенною новостію.

Солотчинскій монастырь былъ изъ числа весьма достаточныхъ--владѣлъ большимъ количествомъ земли и большимъ числомъ крестьянъ, съ которыхъ получались хорошіе доходы. Софроній могъ бы въ немъ въ достаткѣ и спокойно проводить свою старость. Но съ самаго его прибытія въ монастырь начались въ немъ для него бѣды. По установившемуся порядку, архимандриты въ монастыри обыкновенно назначались по заручнымъ принятіямъ братіи, вкладчиковъ (т. е. лицъ, дѣлавшихъ періодически или единовременно въ монастырь вклады—пожертвованія деньгами, провизіей или вещами) и монастырскихъ крестьянъ. Затѣмъ въ каждомъ изъ монастырей, имѣвшихъ крестьянъ и земли, для управленія оными существовали особые управители изъ подъячихъ, называвшіеся «стряпчими»—эти лица обыкновенно были дѣйствительными хозяевами монастырскихъ владѣній. Злоупотребленія всякаго рода со стороны этихъ лицъ были явленіемъ обыкновеннымъ, и монастырскія дѣла синодальнаго архива за описанные годы наполовину почти состоятъ изъ жалобъ на такія злоупотребленія и изъ вызваннаго ими дѣлопроизводства. Когда о. Софроній прибылъ въ Солотчинскій монастырь, монахи, особенно монастырскія власти—ризничій, казначей, намѣстникъ—встрѣтили недружелюбно архимандрита, не ими избраннаго, чужеземца-гречина, до заслугъ котораго для православной церкви и русскаго государства имъ было мало дѣла. Но особенную непріязнь встрѣтилъ о. Софроній со стороны монастырскаго стряпчаго, Панкрата Иванова. Этотъ стряпчій можетъ быть признанъ типическимъ представителемъ людей своей профессіи въ то время, и исторія борьбы съ нимъ о. Софро-

нія служитъ прекрасной картиной монастырскаго быта старыхъ временъ. Прошлое его было таково. Неизвѣстно, съ котораго года состоялъ онъ стряпчимъ монастыря. Въ 1717 г. указомъ митрополита рязанскаго Стефана Яворскаго, «за вѣдомое коварство, возмутительный мятежъ, лжесоставное ябедничество, и за присвоеніе себѣ цѣлаго большого участка монастырской земли» (Чешуевской) онъ былъ отрѣшенъ отъ должности стряпчаго, съ отнятіемъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, земли и сѣнныхъ покосовъ и съ запрещеніемъ быть у дѣлъ гдѣ-либо. Однако, онъ этого указа не исполнилъ, «одноличною своею наглостію, благодаря нажитому отъ монастыря богатству и подкупленнымъ имъ судьямъ, остался у дѣлъ монастырскихъ стряпчимъ попрежнему, завѣдуя монастырскими вотчинами и подрядами». По вторичному указу митрополита Стефана, вслѣдствіе жалобъ тогдашняго солотчинскаго архимандрита Исаакія, «за многое воровство, ругательство ко властямъ, противности, за денные и ночные приступы къ монастырю съ многолюднымъ собраніемъ и со всякимъ разбоемъ» Панкратъ былъ взятъ въ Переяславль и битъ «снемъ рубаху» плетьми нещадно предъ Приказомъ, послѣ чего его велѣно было выслать въ Москву. Успѣвши, однако, выкрасть изъ монастырской казны подлинные указы о немъ митрополита Стефана, онъ снова самовольно остался при монастырѣ, и наглостію своею взялъ въ свое владѣніе монастырскую землю—50 нивъ въ полѣ, а въ дву потому жъ, получалъ съ этой земли дохода 50 руб., а показывалъ получку въ 30 руб., не отдавая, впрочемъ, монастырю ничего и «напрасно» корыстуясь также упомянутою выше Чешуевскою землею. Въ 1720 г. Чешуевская земля была отнята отъ Панкрата и возвращена монастырю. Когда о. Софроній прибылъ въ монастырь на архимандритство, Панкратъ, между другими бумагами, подложилъ ему для подписи свое прошеніе о томъ, чтобы Чешуевская земля была отдана ему вновь во владѣніе. О. Софроній «за новостію пріѣзда внезапно закрѣпилъ» это прошеніе, не читавъ, и Панкратій снова сталъ отдавать эту землю въ наймы въ свою пользу, богатѣя на счетъ монастыря. Затѣмъ, какъ доносилъ о. Софроній, уже въ бытность его архимандритомъ, Панкратъ «убилъ до смерти» рекрутнаго солдата Никиту, за что̀, по доносу, держанъ былъ подъ стражей многое время; за подарки, подъ предлогомъ болѣзни, онъ освобожденъ былъ на росписку, и скоро затѣмъ совершилъ второе убійство,—монастырскаго пономаря Аѳанасія, о чемъ сдѣланъ былъ извѣтъ всею братіей. Но и на этотъ разъ, за великіе презенты, ему никакого наказанія не учинено, ибо «убитые солдатъ и пономарь были люди бездомные и дѣла о ихъ убійствѣ явились безгласны». Въ мартѣ 1728 г., когда главный свидѣтель по дѣлу объ убійствахъ, совершенныхъ Панкратомъ, конюшій Шариковъ, былъ потребованъ для очной ставки

съ убійцей въ Переяславль, сыновья Панкрата, Александръ и Никита, подговорили его къ бѣгству и невѣдомо куда ухоронили,—можетъ быть убили. Въ 1724 г., Александръ Панкратовъ, будучи въ Тамбовской вотчинѣ монастыря, собралъ съ нея многое число денегъ, которыя подѣлилъ между собою и товарищами, и несмотря на то, что на такое воровство его подана была жалоба, онъ, возвратясь въ монастырь, «озорничествомъ и богатымъ проискомъ» снова вступилъ въ монастырское вотчинное правленіе. О. Софроній съ братіей со слезами жаловались на него тогдашнему епископу рязанскому Сильвестру: Александръ былъ битъ плетьми нещадно и отрѣшенъ отъ стряпческой должности, но и послѣ того не прекратилъ своихъ неистовствъ въ монастырѣ. Когда, въ 1727 г., по просьбѣ о. Софронія, въ монастырь назначенъ былъ новый намѣстникъ, Галактіонъ, Панкратъ съ сыновьями богатыми подарками, лжековарнымъ проискомъ, своими нападками, согнали его изъ монастыря,—его потребовали въ Коллегію Экономіи подъ тѣмъ предлогомъ, что до него есть тамъ касательство. Однимъ словомъ, жаловался о. Софроній, «Панкратъ съ сыновьями, что хотятъ, то и творятъ надъ монастыремъ». «И отъ того ихъ воровства да отъ возмущенія тамбовскихъ и рязанскихъ крестьянъ монастыря (которое произошло вслѣдствіе несправедливыхъ поборовъ съ нихъ того же Панкрата) обитель святая раззорена и пустѣетъ явно, писалъ о. Софроній, а мы обруганы и наконецъ живота моего тирански гонитъ меня изъ монастыря пятый годъ и моритъ гладомъ безвинно». Доброжелательные архимандриту монахи безъ всякой вины были изгнаны изъ монастыря и «обороны на Панкрата съ сыновьями—вѣдомыхъ воровъ и смертоубійцъ—не можемъ получить, писалъ Софроній, понеже оные воры на тяжбу приказнымъ людямъ въ презенты даютъ монастырскія деньги и разный хлѣбъ, собирая съ крестьянъ всякій запасъ и деньги, въ чемъ возбранить имъ никто не смѣетъ, потому-что всѣ убѣждены отъ нихъ страхомъ чрезвычайно и всю ихъ воровскую волю отъ нестерпимаго ихъ раззоренія и тяжкихъ боевъ по неволѣ должны исполнять». Къ числу противниковъ архимандрита присоединились низшія монастырскія власти: казначей Корнилій, іеродіаконъ Ануфрій и другіе. О Корниліѣ о. Софроній въ другомъ прошеніи въ Сунодъ писалъ: «опредѣленный за многолѣтніе труды свои въ Солотчинъ монастырь на покой во архимандриты... я нынѣ во всемъ злостражду: казначей іеромонахъ Корнилій моритъ меня гладомъ и, всячески ругаясь, называетъ безтолковымъ и бездушнымъ древомъ; по запрещенію его іеромонахи монастыря съ 1727 г. меня не поминаютъ (на эктеніяхъ) и антидора мнѣ не даютъ, и прочіе изъ братства, взирая на Корнилія, ругаются надо мною, никакого чина церковнаго и служебнаго не исправляютъ, токмо во всемъ по волѣ своей безчинствуютъ...» Жалуясь на Панкрата

и Корнилія, о. Софроній домогался, чтобы на мѣсто Панкрата стряпчимъ монастыря назначенъ былъ прежде занимавшій эту должность Дмитрій Чижовъ, а на мѣсто Корнилія намѣстникомъ монастыря—іеромонахъ Герасимъ.

По двумъ прошеніямъ о. Софронія началось судебное разбирательство. Прежде всего у Софронія спросили, кто составлялъ ему его прошенія, и о томъ, что содержится въ доношеніяхъ, онъ знаетъ ли, не будетъ ли спорить противъ нихъ, и самъ ли къ тѣмъ прошеніямъ приложилъ руку. Софроній отвѣчалъ, что его доношенія составлялъ его келейный, Иванъ Родіоновъ, служившій въ Иностранной Коллегіи копіистомъ, что доношенія писаны съ вѣдома его, Софронія, и подписаны имъ собственноручно. Противники же его доносили, что самъ о. Софроній русскаго письма съ 1724 г. не читаетъ, и руку прикладываетъ съ немалою нуждою, съ образца, и просили, чтобы доношеніямъ его не вѣрить и оныхъ не принимать. «Никакого русскаго обхожденія и письма онъ не знаетъ ни малой части», писали они въ другой разъ; не только по-русски, но и по своему языку отъ случившейся ему болѣзни говоритъ мало, а всѣ его доношенія пишутъ обрѣтающіеся при немъ переводчики. Въ третій разъ на него жаловались: по-русски не говоритъ, по присылаемымъ указамъ, за древностію лѣтъ, никакого отправленія не чинитъ; объ обители старанія никакого не имѣетъ, точію обитающіе при немъ переводчики, не растолкуя ему сущей правды, просителямъ дѣлаютъ неправду. Доносили даже, будто о. Софроній дѣйствуетъ во вредъ интересамъ монастыря: по указу Петра I, часть земельныхъ владѣній Солотчина монастыря, съ крестьянами, отдана была во владѣніе генералъ-маіору Ульяну Синявину; съ воцареніемъ Петра II, всѣ владѣнія монастырей, когда-либо розданныя свѣтскимъ лицамъ, велѣно возвратить монастырямъ. Софроній, доносили его враги, держитъ сторону Синявина, котораго убѣждаетъ тѣхъ вотчинъ монастырю не отдавать, а Сvноду хочетъ донести, что тѣ вотчины монастырю и не надобны... Много и другихъ обвиненій взводили на о. Софронія его враги. Особенно указывали на безобразія находившагося при Софроніи его внука, князя Ивана Лихудіева: въ архимандричьихъ кельяхъ онъ игралъ въ гудки, въ тѣхъ же кельяхъ и баняхъ блудилъ съ крестьянскими женками, которыхъ бралъ къ себѣ въ кельи насильно для пляски, билъ крестьянъ и корыстовался ихъ имѣніемъ и т. д. Дѣло тянулось долго, и еще въ 1729 году было не окончено. Въ іюнѣ 1728 г. было постановлено рѣшеніе, которое удивляетъ своею несправедливостью по отношенію къ о. Софронію: въ то время, какъ онъ, архимандритъ, жаловался на злоупотребленія, угнетенія и истязанія, чинимыя ему со стороны казначея Корнилія, Сvнодъ опредѣлилъ: впредь не принимать отъ о. Софронія никакихъ доношеній иначе, какъ

за подписаніемъ казначея и братіи. Дѣло въ томъ, что какъ только началось въ Сѵнодѣ дѣло по жалобамъ Софронія, двое наиболѣе энергичные изъ его враговъ, іеромонахъ Ануфрій и Александръ Панкратовъ, оказались въ Москвѣ на лицо, захвативъ съ собою монастырскія деньги и цѣлые возы припасовъ, которые и раздавали щедро подъячимъ, а можетъ быть кому-либо и выше ихъ; Софроній же въ это время сидѣлъ въ монастырѣ подъ арестомъ своихъ подчиненныхъ, не будучи въ состояніи ни самъ явиться въ Сѵнодъ для объясненій, ни прислать кого-либо отъ себя довѣреннымъ. Послушаемъ, какъ разсказываетъ объ этомъ самъ о. Софроній въ своихъ донесеніяхъ Сѵноду, отъ 16-го іюня 1728 г. Послать кого-либо отъ себя повѣреннымъ въ Сѵнодъ, писалъ о. Софроній, ему некого, такъ какъ служителей Солотчинскаго монастыря при немъ никого не имѣется, а которые изъ тѣхъ служителей, заобычайные къ приказному дѣлу, и есть, тѣхъ, за угрозою отъ Панкрата, послать онъ не смѣетъ, а посторонняго человѣка, за раззореніемъ отъ Панкрата, нанять ему не на что̀, понеже которые и являются, просятъ за труды плату немалую; а денегъ ни келейныхъ собственныхъ, ни казенныхъ монастырскихъ, при немъ, Софроніѣ, не имѣется, такъ какъ монастырскія деньги казначей всѐ забралъ съ собою, никому ничего не отдавъ. Въ доношеніи, отъ 21-го марта 1729 г., о. Софроній писалъ: въ февралѣ 1729 г., бывшій стряпчій монастыря Александръ Панкратовъ привезъ въ монастырь невѣдомо откуда подозрительнаго монаха Александра Пименова, называя его намѣстникомъ, который и занялъ кельи намѣстничьи, безъ вѣдома его, архимандрита, и не предъявивъ ему какого-либо указа о своемъ назначеніи. А быть ему, Александру, намѣстникомъ по силѣ святыхъ правилъ, невозможно, понеже онъ чернецъ слабый и весьма невоздержный... Водворивъ новоприбывшаго въ кельяхъ намѣстника, Панкратовъ съ конюшимъ и съ служителями, многолюднымъ собраніемъ, съ дубьемъ и съ оглоблями, обступили кругомъ архимандричью келью, разломали у ея загородки двери и увели на конюшню двухъ лошадей, которыхъ онъ, Софроній, держалъ при себѣ. Боясь за свою жизнь, Софроній велѣлъ запереть свою келью; тогда собравшіеся стали бранить его матерно и бросать въ него камнями, перебили всѐ стекла въ окнахъ кельи и «тщались убить» самого его, о. Софронія, съ находившимися при немъ. Трои сутки сидѣлъ онъ съ слугами своими въ осадѣ, не получая даже пищи отъ монастыря и питаясь лишь тѣмъ, что удалось пронести къ нему тайкомъ людямъ, ему преданнымъ,—за что̀ этихъ послѣднихъ, узнавъ о томъ, Панкратовъ мучилъ смертельно, отнявъ при этомъ и находившіеся при немъ деньги и скарбъ. Боясь быть убитымъ, о. Софроній рѣшился тайкомъ бѣжать изъ монастыря и велѣлъ изготовить себѣ самыя простыя сани. Но Панкратъ узналъ о томъ, велѣлъ согнать

изъ монастыря всѣхъ лошадей, оставивъ двухъ (для себя), къ которымъ приставилъ караулъ. Тогда, «забывъ свою старость», о. Софроній самъ отправился на конюшенный дворъ и, при помощи своихъ людей, успѣлъ взять оставшихся лошадей, и бросивъ на произволъ судьбы свою келью съ находившимся въ ней скарбомъ, успѣлъ доѣхать до монастырскаго села Григоровскаго. Здѣсь ему сказали, что монастырскими управителями запрещено давать ему подводы и провіантъ, чтобы онъ не уѣхалъ въ Москву; что, впрочемъ, все уже забрано Панкратовымъ, который, за преданность архимандриту, билъ смертнымъ боемъ четырехъ крестьянъ, которые лежатъ при смерти, — прочіе же жители деревни разбѣжались «куда глаза глядятъ»... Одинъ одинехонекъ отправился старецъ въ Москву. Служители его, не имѣя возможности оставаться въ монастырѣ, прибѣжали, уже послѣ, также въ Москву, пѣшіе... Удалось ли о. Софронію, по прибытіи въ Москву, при личномъ состязаніи одержать побѣду надъ своими противниками — о томъ въ дѣлахъ за 1728 годъ свѣдѣній нѣтъ.

Кстати здѣсь сообщимъ свѣдѣнія о родѣ Лихудовъ, какія находимъ въ другомъ дѣлѣ настоящаго тома. Князь Николай Лихудій, племянникъ Іоанникія и Софронія, прибылъ изъ Кефалоніи въ Москву (годъ прибытія не обозначенъ), былъ пожалованъ въ стольники и опредѣленъ на службу у корабельнаго строенія въ Воронежѣ, затѣмъ перешелъ на какую-то службу въ Сибирь, гдѣ и скончался. Жена его вышла замужъ, послѣ его смерти, за отставного прапорщика Ивана Чаплыгина. У Николая Лихудія былъ единственный сынъ, который, будучи семи лѣтъ, опредѣленъ былъ для обученія въ греческую школу, которою завѣдовалъ его дѣдъ Софроній, гдѣ Иванъ и находился по 1723 годъ. Въ этомъ году онъ переселился къ дѣду въ Солотчинскій монастырь, гдѣ оставался до 1726 года, когда снова поступилъ въ школьники славяно-греко-латинской академіи. Въ 1728 г. онъ значился еще въ спискахъ учениковъ академіи, какъ доносилъ ректоръ академіи архимандритъ Германъ на запросъ о немъ Сvнода, вызванный донесеніемъ прапорщика Смоленскаго полка Елисея Авинина о томъ, что Иванъ Лихудіевъ укрывается отъ военной службы.

При объясненіи злоключеній о. Софронія въ Солотчинскомъ монастырѣ, слѣдуетъ принять въ соображеніе, что во главѣ церковнаго правительства въ это время находился Ѳеофанъ Прокоповичъ и другіе ученые кіевляне, которые вообще не любили грековъ, прибывавшихъ въ Москву, за ту энергическую защиту ученія восточной церкви, какую они, съ Лихудами во главѣ, вели противъ то отчасти латинствовавшихъ, то отчасти протестантствовавшихъ кіевлянъ, выдвинутыхъ въ составъ русской церковной іерархіи Петромъ I. Еще покойный Хомяковъ совершенно справедливо замѣтилъ, что въ сочиненіяхъ даже Стефана Яворскаго видна

«католическая окраска», а въ сочиненіяхъ Θеофана «окраска протестантская». Можетъ быть даже болѣе, чѣмъ окраска..... Борьба восточнаго и западнаго богословія на русской почвѣ довольно извѣстна. Побѣда осталась на сторонѣ западниковъ—Стефана Яворскаго и Θеофана Прокоповича; ученые греки и защитники восточнаго ученія сошли со сцены; Іоанникій Лихудъ первый палъ въ этой борьбѣ; за нимъ послѣдовалъ его братъ Софроній, который вскорѣ послѣ смерти Іоанникія долженъ былъ покинуть созданную братьями греческую школу въ Москвѣ и едва нашелъ себѣ убѣжище у митрополита Іова въ Новгородѣ, откуда, впрочемъ, продолжалъ борьбу за чистоту восточнаго православія противъ то латинствовавшихъ, то полупротестантствовавшихъ западниковъ-кіевлянъ. Возвращенный въ Москву, гдѣ созданная имъ греческая школа безъ него не могла существовать, онъ, однако, въ 1722 г. снова, и уже окончательно, сошелъ со сцены, удаленный въ почетную ссылку въ Солотчинскій монастырь. Какъ видно изъ изложенныхъ выше подробностей о пребываніи его въ этомъ монастырѣ, его принципіальные враги не оставили его и здѣсь въ покоѣ. Что касается Θеофана, то онъ, кромѣ принципіальной вражды къ Лихудамъ, имѣлъ и личныя причины враждовать противъ Софронія; еще въ то время, когда Θеофанъ лишь предназначался въ архіереи, Софроній, у котораго нашли нужнымъ спросить мнѣнія объ образѣ мыслей кіевскаго кандидата въ великорусскіе архіереи, далъ о немъ письменный отзывъ, въ которомъ аттестовалъ Θеофана, какъ еретика. Подобныхъ вещей Θеофанъ никогда не забывалъ и мстилъ за нихъ безпощадно, тѣмъ болѣе, что и теперь, уже по смерти Петра, въ царствованіе Екатерины I, продолжались еще попытки со стороны старорусской партіи скомпрометировать его богословскій образъ мыслей, о чемъ мы узнаемъ какъ изъ происходившаго въ это время процесса по доносу Родышевскаго, такъ въ особенности изъ дѣла іеродіакона Невскаго монастыря Макарія, который осмѣлился заняться изслѣдованіемъ Ахиллесовой пяты Θеофана—кіевскихъ «ересей» (т. е. ученія и церковной практики, которыя перенесены были отчасти и въ Великороссію учеными кіевлянами), былъ схваченъ Θеофаномъ подъ предлогомъ неимѣнія паспорта, подвергнутъ заключенію и разнообразнымъ истязаніямъ при Сѵнодѣ и, наконецъ, сосланъ въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ монастырей Сибири (см. мою статью о Макаріѣ въ «Христ.Чтеніи» за 1883 годъ).

Въ это же время, тремя годами ранѣе Софронія, сдѣлался жертвой ученыхъ кіевлянъ еще одинъ изъ грековъ, остававшихся въ Москвѣ у дѣла высшаго научнаго образованія — Аθанасій Скіяда, въ числѣ услугъ котораго русскому просвѣщенію, какъ значится въ дѣлахъ VIII тома, было приведеніе въ порядокъ («разобраніе») греческихъ рукописей, находившихся въ вѣдѣніи синодальнаго дома, и составленіе ихъ каталога,—за что ему дано было

50 рублей. Когда Софроній еще былъ въ Москвѣ, завѣдуя греческой школой, Скіяда состоялъ въ этой школѣ въ должности аудитора (репетитора). По удаленіи Софронія, его помощникъ, Скіяда, назначенъ былъ на его мѣсто съ званіемъ профессора. Софроній за свои труды по греческой школѣ ничего не бралъ; Скіядѣ назначено было жалованье изъ Каморъ-Конторы по 150 р. въ годъ, да изъ типографіи 50 р., да на дрова 22 р. въ годъ. Но вотъ, по представленію ученаго кіевлянина-протектора школъ и типографій архимандрита Гавріила Бужинскаго, состоялось распоряженіе: закрыть греческую школу, какъ особое учрежденіе, и вмѣсто ея открыть классы греческаго языка въ славяно-латинской академіи, такъ чтобы прежней греческой школѣ быть подъ вѣдѣніемъ ректора славяно-греко-латинской академіи (т. е. ученаго кіевлянина Ѳеофилакта Лопатинскаго). Скіяда долженъ былъ удалиться отъ своего дѣла, находя, что если бы изъ прежняго начальника особаго ученаго учрежденія онъ сталъ простымъ учителемъ академіи, то чрезъ это «честь его безъ вины умалилась бы». Онъ сталъ проситься въ свое отечество; его освободили отъ занятій преподаваніемъ греческаго языка, но «абшита» вдругъ не дали, оставивъ ему на 1725 г. часть жалованья, (именно 50 р. выдававшіеся изъ типографіи), которая положена была ему сверхъ профессорскаго трактамента, ради его иноземчества, да изъ выдававшагося ему оклада изъ Каморъ-Конторы дана половина по 1726 годъ... Вскорѣ за Скіядой потерялъ вліяніе на общій ходъ церковныхъ дѣлъ Аѳанасій Кондоиди, послѣдній изъ грековъ, оказывавшій нѣкоторое покровительство своимъ соплеменникамъ въ Россіи въ бытность свою членомъ Сѵнода. Въ 1726 году онъ назначенъ былъ епископомъ въ Вологду, гдѣ съ первыхъ же дней оказался весьма дѣятельнымъ и полезнымъ администраторомъ. Донося о своей дѣятельности по церковному управленію, онъ между прочимъ, какъ на источникъ доходовъ архіерейскаго дома, указывалъ на устройство имъ конюшеннаго завода, якоже и въ прочихъ (т. е. разумѣется архіерейскихъ) домахъ, то имѣется (VIII, 136).

На должность учителя греческаго языка въ славяно-греко-латинской академіи въ мартѣ 1725 года, на мѣсто Скіяды, назначенъ уже чисто русскій ученый, ученикъ Лихудовъ—справщикъ типографіи Алексѣй Барсовъ. Получивъ эту должность съ прекращеніемъ занятій въ типографіи, гдѣ онъ получалъ жалованья 110 р., да по экземпляру каждой отпечатанной книги, Барсовъ обратился въ Сѵнодъ съ прошеніемъ, въ которомъ объяснялъ, что онъ, будучи теперь въ большемъ нежели типографскомъ градусѣ и трудѣ, за выдачею половины каморъ-конторскаго жалованья за 1725 г. Скіядѣ, имѣетъ умаленіе трактамента противъ прежняго, и просилъ назначить ему прежній полный окладъ своего антецессора. Эта просьба оставалась, однако, безъ исполненія въ продолженіе

трехъ почти лѣтъ. Лишь въ 1728 г., ему назначены были какъ недоданная часть каморъ-конторскаго оклада, такъ и полное жалованье, положенное по штату всѣмъ учителямъ славяно-греко-латинской академіи. Въ своемъ прошеніи 1728 г. Барсовъ хвалился, что проходя курсъ греческаго языка по регулѣ академической въ четырехъ классахъ—фарѣ, инфимѣ, грамматикѣ и синтаксисѣ, онъ приготовилъ пятьдесятъ шесть знатоковъ греческаго языка, которые перешли затѣмъ къ изученію языка латинскаго.— Алексѣй Барсовъ былъ единственный изъ учениковъ Софронія, не покинувшій своего учителя въ тяжелую годину его солотчинскихъ страданій. Вышеупомянутый Панкратъ Ивановъ указывалъ на него, въ одномъ изъ своихъ доношеній Сvноду, какъ па одного изъ главныхъ руководителей и помощниковъ Софронія въ борьбѣ его съ врагами.

Кстати здѣсь будетъ сообщить свѣдѣнія о доселѣ малоизвѣстномъ ученомъ южно-руссѣ, недавно выдвинутомъ на сцену нашей исторической литературой. Г. Шляпкинъ въ своемъ сочиненіи о св. Димитріѣ Ростовскомъ упоминаетъ объ «учителѣ» Іоакимѣ Богомолевскомъ, имя котораго фигурируетъ между прочимъ въ матеріалахъ, которыми авторъ пользовался, какъ имя одного изъ дѣятелей просвѣщенія въ южной Руси (стр. 373). Вотъ какія свѣдѣнія находимъ мы въ VIII томѣ «Описанія» объ этой личности. Сынъ священника кіевской епархіи, села Краснаго, обучившись въ домѣ отца грамотѣ и письму, Богомолевскій былъ затѣмъ отданъ въ Кіево-Печерскій монастырь, гдѣ пребывалъ «для услуженія» у своего родственника, іеромонаха Барановскаго, въ продолженіе трехъ лѣтъ; затѣмъ поступилъ въ кіево-братскія школы, въ которыхъ учился 12 лѣтъ. Затѣмъ префектомъ Кіевской академіи Стефаномъ Яворскимъ былъ отправленъ для наукъ въ Польшу и въ другія государства, учился въ Львовѣ, Люблинѣ, Краковѣ, Варшавѣ, Калишѣ, годъ былъ въ Познани—въ Гданскѣ и Королевцѣ, откуда переселился въ Вильно, затѣмъ возвратился снова въ Кіевъ, въ Кіево-братскій монастырь. Послѣ стольких трудовъ и путешествій ради науки, онъ, повидимому, долженъ былъ бы занять болѣе или менѣе видное мѣсто въ Кіевской академіи. Но, какъ видно, на него здѣсь не обратили должнаго вниманія, и изъ Кіева онъ отправился въ Москву, къ митрополиту Стефану, въ которомъ видѣлъ своего покровителя. Стефанъ, посвятивъ его въ монашество, взялъ съ собою въ Рязань; оттуда онъ возвратился въ Москву, въ Заиконоспасскій монастырь, гдѣ пять лѣтъ былъ учителемъ, потомъ, вмѣстѣ съ двумя учителями, Прибыловичемъ и Томиловичемъ, былъ возвращенъ въ Кіевъ, въ распоряженіе митрополита Іоасафа Краковскаго, который опредѣлилъ его въ Николаевскій пустынный монастырь въ званіи соборнаго старца. Отсюда, съ разрѣшенія игумена Чернуцкаго, Іоакимъ отбылъ опять въ Петербургъ, къ митрополиту Стефану, для подачи прошенія объ отдачѣ ему имущества отца, которое находилось въ

Софійскомъ соборѣ (въ Кіевѣ). Стефанъ далъ ему письмо къ софійскому намѣстнику, по которому и было возвращено ему имущество отца. Возвратившись въ Кіевъ, онъ снова жилъ два года въ Николаевскомъ монастырѣ, но затѣмъ отправился въ Нѣжинъ, гдѣ годъ жилъ въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, а потомъ снова отправился въ С.-Петербургъ, гдѣ явился къ преосвященному Ѳеофилакту, отъ котораго получилъ паспортъ для поѣздки зачѣмъ-то въ Новгородъ. По поводу его «нужды» Стефанъ и Ѳеофилактъ дали ему письма къ митрополиту кіевскому Варлааму. Возвращаясь въ Кіевъ, въ Москвѣ онъ взялъ паспортъ до Кіева и обратно до Москвы. Митрополитъ Варлаамъ, получивъ отъ него письма Стефана и Ѳеофилакта, оказалъ ему вниманіе—бралъ его съ собою въ Нѣжинъ и Глуховъ, въ Глуховѣ у него затѣялось дѣло съ сотникомъ Стожкомъ, который обвинялъ его въ грѣховныхъ «сношеніяхъ съ шинкаркою». Эта тяжба его не была рѣшена ни въ Глуховѣ, ни въ Кіевѣ, и была перенесена въ Сѵнодъ въ Москву, куда по этому случаю прибыли оба тяжущіеся.—Очевидно, это былъ сторонникъ Стефана Яворскаго, почему ему и не дано было никакого дѣла въ области научной ни въ Кіевѣ, ни въ Москвѣ, такъ какъ въ Кіевѣ, въ особенности въ это время, вліяніе Ѳеофана Прокоповича, врага и антагониста Стефана, господствовало безусловно.

Та же судьба постигла въ Москвѣ другого подобнаго ученаго кіевлянина, іеромонаха Іеронима Колпецкаго. Будучи монахомъ Кіево-Печерскаго монастыря, онъ опредѣленъ былъ учителемъ въ кіево-братскія школы, гдѣ трудился три года; въ 1722 г. архимандритъ Ѳеофилактъ Лопатинскій, ректоръ Московской славяно-греко-латинской академіи, самъ кіевлянинъ, перевелъ его въ свою академію, гдѣ онъ трудился въ преподаваніи и въ сказываніи проповѣдей четыре года. Въ 1726 г. онъ былъ посланъ въ Голландію къ полномочному министру графу Ивану Гавриловичу Головкину, при которомъ состоялъ два года. Возвратившись въ 1728 г., вмѣстѣ съ Головкинымъ, въ Россію, онъ просилъ у Сѵнода милостиваго опредѣленія къ какому-либо дѣлу. Отъ него спрашивали «желательнаго извѣстія», т. е. чего именно онъ желаетъ. Колпецкій выразилъ желаніе быть архимандритомъ какого-либо монастыря въ Москвѣ, съ тѣмъ, чтобы ему позволено было сказывать по его желанію проповѣди въ соборѣ и въ другихъ знатныхъ мѣстахъ. Сѵнодъ такого мѣста не нашелъ для него, и онъ долженъ былъ возвратиться въ Кіево-Печерскій монастырь «на обѣщаніе». Очевидно, что въ 1728 г. даже въ Сѵнодѣ, гдѣ засѣдали Ѳеофанъ Прокоповичъ и Ѳеофилактъ—оба ученые кіевляне, находили, что ученыхъ кіевлянъ въ Великороссіи въ составѣ іерархіи и на ученой службѣ уже довольно, считали возможнымъ не продолжать далѣе въ этомъ отношеніи церковную политику Петра I.

Интересныя новыя свѣдѣнія находимъ въ VIII томѣ «Описанія»

о жизни и судьбѣ знаменитой въ исторіи русскаго образованія личности—чудовскаго архимандрита Өеофила Кролика, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени. Здѣсь напечатана полностію его автобіографія, представленная имъ въ видѣ прошенія въ Сvнодъ. Сначала онъ былъ учителемъ и префектомъ Московской академіи въ то время, когда ею управлялъ, въ качествѣ ректора, Өеофилактъ Лопатинскій; изъ любви къ просвѣщенію онъ, по выраженію Өеофилакта, «уходомъ ушелъ»—выпросился—за границу учиться богословію, философіи и иностраннымъ языкамъ. Въ 1716 году получилъ порученіе заняться въ Богеміи, въ качествѣ человѣка, латинскому языку довольно ученаго, переводомъ на россійскій языкъ «нѣкіихъ книгъ, которые съ нѣмецкаго языка на чешскій имѣли быть переложены». Прибывъ въ Прагу, онъ «усмотрѣлъ, что чешскаго перевода книгъ исправлять невозможно, развѣ вновь съ чешскаго на славянскій языкъ перевода, что̀ ему, яко нѣмецкій языкъ лучше нежели чешскій знающему, не было удобно». Онъ успѣлъ перевести лишь два изъ четырехъ томовъ Буддеева историческаго лексикона—непосредственно съ нѣмецкаго, причемъ имъ ущажена знатная сумма, которая имѣла быть иждивена на неспособный ему чешскій переводъ». Въ 1722 г. онъ по волѣ Петра I назначенъ ассесоромъ Сvнода, въ возведеніемъ въ санъ іеромонаха, а въ 1723 году сдѣланъ архимандритомъ Чудова монастыря и совѣтникомъ Сvнода. Когда, въ 1726 году, Сvнодъ былъ преобразованъ въ своемъ устройствѣ (раздѣленъ на два апартамента) такъ, что собственно присутствіе Сvнода должно было состоять изъ однихъ архіереевъ, онъ былъ отчисленъ отъ Сvнода и назначенъ состоять, оставаясь Чудовскимъ архимандритомъ, у управленія дѣлъ въ Московской сvнодальной канцеляріи. Но и отъ этой должности онъ въ томъ же 1726 г. былъ отставленъ по настоянію ростовскаго архіепископа Георгія. Өеофилъ былъ человѣкъ довольно либеральнаго образа мыслей, что̀ доказывается его дружбой съ знаменитымъ сатирикомъ княземъ Кантемиромъ, въ честь котораго онъ написалъ извѣстное стихотвореніе, печатавшееся прежде въ изданіяхъ сочиненій Кантемира. Это былъ западникъ—въ полномъ смыслѣ этого слова—между духовными лицами того времени: долго пробывъ за границей, онъ свободно объяснялся на иностранныхъ языкахъ, дружилъ съ иностранцами, бывшими въ Россіи, и живо интересовался западною политическою, общественною и литературною жизнью. Это направленіе его вообще и въ частности дружба съ сатирикомъ, осмѣивавшимъ между прочимъ и духовныхъ сановниковъ того времени, членовъ Сvнода (слова Кантемира въ одной изъ сатиръ: «тотъ, что чинъ патріаршъ ища достати, свой конскій заводъ раздарилъ не кстати» не могли быть отнесены ни къ кому другому, какъ къ члену Сvнода архіепископу ростовскому Георгію Дашкову), имѣло для него бѣдствен-

ныя послѣдствія. Въ 1727 году его неожиданно назначили «состоять при россійскомъ войскѣ, посылавшемся въ помощь цесарскому войску — для искусныхъ съ чужестранными духовными людьми поступковъ» (ироническій намекъ на сношенія его съ католикомъ Рибейрой). При этомъ, вопреки существовавшему обычаю, его не оставили въ занимаемой имъ должности чудовскаго архимандрита, хотя на этой должности онъ заявилъ себя хорошимъ администраторомъ, съэкономивъ для монастыря въ короткое время 5,000 руб. Между тѣмъ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ собраться и отправиться въ эту командировку, въ Цесаріи состоялось перемиріе, россійская помощь тамъ не понадобилась, и Ѳеофилъ остался, по его выраженію, «яко граждански или натурально умершій, безъ всякаго призрѣнія», найдя себѣ пріютъ въ Новоспасскомъ монастырѣ, гдѣ ему ни священнослуженія не было назначено, ни келіи, ни пропитанія «яко забвенному извергу, не было дано, что̀ и въ важныхъ винахъ не токмо духовнымъ, но и свѣтскимъ злодѣямъ по правамъ дается». Ѳеофанъ Прокоповичъ, котораго горячимъ сторонникомъ онъ всегда былъ, въ это время малодушно отступился отъ него, и не раньше, какъ уже при императрицѣ Аннѣ, въ 1730 году, ему вновь дана была архимандрія—въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Съ довольно несимпатичными чертами характера является въ дѣлахъ 1728 года директоръ московской типографіи Ѳедоръ Поликарповъ, бывшій въ этой должности еще при Петрѣ I, отставленный отъ нея, вслѣдствіе обнаруженныхъ злоупотребленій, и замѣненный Замятинымъ, но потомъ, по устраненіи Замятина, снова занявшій должность директора типографіи. Почему онъ оказался вновь необходимымъ для Сѵнода—изъ дѣлъ не видно, но возстановленный въ своей прежней должности, онъ держитъ себя по отношенію къ Сѵноду съ большимъ достоинствомъ: медлитъ и вовсе манкируетъ представленіемъ отчетовъ по типографіи, такъ что Сѵнодальная канцелярія должна неоднократно напоминать ему объ этой обязанности; представленные имъ отчеты обыкновенно неполны (напримѣръ, исчисливъ подробно расходы, доходы онъ представляетъ лишь въ общемъ итогѣ, безъ подробнаго перечня ихъ, какъ требовалось),—обыкновенно это худшіе изъ отчетовъ подвѣдомственныхъ Сѵноду учрежденій. Въ концѣ концовъ, на немъ, какъ директорѣ типографіи, оказывается начетъ денегъ—бывшихъ доходовъ типографіи, не представленныхъ въ Сѵнодъ—болѣе чѣмъ въ 10,000 рублей, сумма по тому времени громадная. Въ связи съ производившимися въ 1728 г. дѣлами о Ѳедорѣ Поликарповѣ, въ VIII томѣ содержится много новыхъ подробностей изъ исторіи типографіи и вообще книжнаго дѣла въ Россіи при Петрѣ I, Екатеринѣ I и Петрѣ II. Обзоръ этихъ свѣдѣній можетъ составить предметъ особой статьи.

Вообще объ alma mater великорусскаго научнаго образованія—

Московской славяно-греко-латинской академіи—въ восьми томахъ «Описанія Сvнодальнаго Архива» находится большое количество совершенно новыхъ свѣдѣній, не бывшихъ въ рукахъ у составителя единственной доселѣ печатной исторіи ея—С. К. Смирнова: о числѣ и составѣ по сословіямъ учившихся въ ней, о программахъ ея курсовъ, о диспутахъ и коллоквіумахъ, о средствахъ содержанія, объ учащихъ и начальствующихъ и т. д. Мы не будемъ сообщать здѣсь всѣхъ этихъ новыхъ, весьма интересныхъ свѣдѣній, такъ какъ это потребовало бы много мѣста. Но не можемъ не упомянуть о весьма оригинальной школѣ, существовавшей въ Москвѣ, при домѣ князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго, доселѣ неизвѣстной въ исторіи. Школа эта—изъ дѣла не видно, для однихъ ли его дворовыхъ она существовала, или была общедоступной—ни много, ни мало—была нечѣмъ инымъ, какъ копіей не то академіи Кіевской, не то Московской славяно-латинской академіи. Кромѣ обученія русскому чтенію и письму, въ ней преподавались славянскій языкъ, латинскій языкъ, риторика. Для преподаванія латинскаго языка и риторики избранъ былъ, по особой рекомендаціи, одинъ изъ лучшихъ учениковъ славяно-греко-латинской акаденіи, Иванъ Змилевскій, который вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ быть вторымъ священникомъ домовой церкви князя Черкасскаго. Въ этой церкви два священника по очереди совершали богослуженіе два раза въ недѣлю, кромѣ дней воскресныхъ и праздничныхъ, сказывая при этомъ каждый разъ поученія; Змилевскій, кромѣ того, обязывался имѣть полное смотрѣніе надъ учениками школы, «чтобы жили и поступали благочинно, въ надлежащіе дни ходили въ церковь къ утренѣ, литургіи и вечернѣ»; по субботамъ, особо отъ классныхъ уроковъ, Змилевскій обязанъ былъ толковать ученикамъ сvмволъ вѣры, заповѣди и прочее, принадлежащее къ познанію христіанскаго закона. За всю эту службу Змилевскому назначалось содержаніе, по тому времени весьма щедрое: при готовомъ помѣщеніи въ домѣ—деньгами 40 р. въ годъ, муки ржаной по 20 четвертей, пшеничной по 3 четверти, крупъ гречневыхъ по 2, а овсяныхъ или ячныхъ — по 3 четверти, солоду ячнаго по 6, ржанаго по 4 четверти, гороху по 3, а овса по 12 четвертей, мяса по 12 пудовъ, да барановъ съ овчинами по 10 въ годъ, вина простого по 3, а водки—по 1 ведру, дровъ по двѣ сажени, масла коровья по 3 пуда, масла конопляпаго по 2 ведра, рыбы соленой по 1 пуду въ годъ. Князь А. М. Черкасскій былъ, очевидно, русскій меценатъ въ родѣ боярина Ртищева.

V.

Отношенія помѣщиковъ къ священникамъ: Сытинъ и Ржевскій.—Монастырскіе «управители» и ихъ значеніе въ народной исторіи.—Отставные служивые временъ Петра I: Евстратовъ и Лихаревъ. — Учительница дѣтей фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева.—Матросъ Гуляевъ. — Приказный Военной Коллегіи Галкинъ. — Стольникъ Мякининъ и солдатъ Титовъ. — Стольникъ Порошинъ.—Романъ монахини Маргариты.—Монастырскій «бунтовщикъ».

Въ VIII томѣ есть нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о дикихъ нравахъ лицъ изъ образованнаго сословія того времени и о крайне унизительномъ положеніи, по отношенію къ помѣщикамъ, бѣдныхъ сельскихъ священниковъ. Попъ города Старицы Алексѣй Васильевъ былъ приглашенъ помѣщикомъ Сытинымъ въ его имѣніе отслужить литургію въ его церкви, послѣ чего помѣщикъ позвалъ его къ себѣ на обѣдъ. Послѣ обѣда, приказавъ своимъ людямъ запереть всѣ ворота и двери, Сытинъ началъ «бить о. Алексѣя, и увѣчить его, нагого, мучительски и ругательски, дубьемъ, плетьми и топтунками, изодралъ его суконную рясу и кафтанъ китайчатый...» По жалобѣ о. Алексѣя въ Старицкую воеводскую канцелярію, его осматривали и нашли, что лицо его исцапано, грудь вспухла, спина и бока изстеганы и синебагровы. Однимъ осмотромъ избитаго канцелярія и ограничилась, въ то время какъ о. Алексѣй «лежалъ при смертной кончинѣ». Сѵнодъ сообщилъ о поступкѣ Сытина Сенату, требуя разслѣдованія и сатисфакціи, но была ли дана таковая изъ дѣла не видно.

Подобные факты, en masse, сдѣлались извѣстными, въ 1728 г., въ Смоленской епархіи. Епископъ Гедеонъ доносилъ, что смоленская шляхта и другихъ чиновъ многіе помѣщики причетниковъ, дьяконовъ и священниковъ, бьютъ безвинно дубинами, тростями, плетьми и всякими прочими побоями, безъ всякаго милосердія, держатъ въ цѣпяхъ и въ кандалахъ, отнимаютъ данныя имъ съ давнихъ поръ вмѣсто руги земли, такъ что въ Смоленской епархіи въ священнослуженіи и совершеніи требъ происходитъ не малая остановка. Помѣщикъ села Леташева, отставной полковникъ Василій Ржевскій, имѣлъ обыкновеніе требовать къ себѣ въ домъ по ночамъ мѣстнаго священника, Ивана Иванова, — тотъ не осмѣливался отказываться отъ приглашенія,—спеціально для того, чтобы бранить его всякою скверною бранью, бить смертнымъ боемъ; а молодую жену мѣстнаго дьячка, сына священника Иванова, Сытинъ бралъ по ночамъ же силою въ свой дворъ «незнаемо для чего»; о. Иванъ долго терпѣлъ и не жаловался. Наконецъ, 6-го ноября 1728 г., послѣ литургіи, Ржевскій, призвавъ къ себѣ того попа на обѣдъ, по окончаніи обѣда безъ всякой причины билъ его смертнымъ боемъ палкою, трепалъ за волосы и, наконецъ,

взявъ ножницы, остригъ ему бороду и усы. Такъ какъ при этомъ присутствовали крестовый попъ Ржевскаго, да съ сосѣднихъ желѣзныхъ заводовъ иноземцы Янъ Янусовъ и Николай Вахромѣевъ, обучавшій сына Ржевскаго, то о. Иванъ рѣшился на этотъ разъ пожаловаться на обидчика, ссылаясь на упомянутыхъ лицъ, какъ на свидѣтелей. По осмотру оказалось, что усы и борода у о. Ивана дѣйствительно обстрижены, а на спинѣ и плечахъ у него багрово. Билъ Ржевскій о. Ивана, принуждая его пить и при каждомъ ударѣ приговаривая: «пей-ка, пей, такая твоя мать!» 15-го января 1729 г. Ржевскій и попъ Иванъ подали въ Сѵнодъ мировое прошеніе: о. Иванъ прощалъ нанесенныя ему обиды, если Ржевскій внесетъ на церковь села Леташева сто тридцать рублей, на что Ржевскій соглашался. Но 5-го августа 1730 г. сынъ о. Ивана, дьяконъ села, донесъ Сѵноду, что отецъ его, бывъ позванъ къ Ржевскому яко-бы для причащенія больной жены его управителя, былъ имъ убитъ, что малоярославецкій воевода, которому донесено было о томъ, велѣлъ погребсти убитаго не производя разслѣдованія, хотя самъ убійца сознавался въ преступленіи, уговаривая дьякона-доносчика на него не жаловаться. Св. Сѵнодъ передалъ это доношеніе дьякона Иванова для разслѣдованія дѣла въ Сыскной Приказъ (690).

Монастырскіе «управители», въ родѣ упоминаемаго въ дѣлѣ Софронія Лихуда Панкрата Иванова, были настоящимъ бѣдствіемъ для монастырскихъ крестьянъ. Въ дѣлахъ Сѵнодальнаго архива за 1721—1728 г. находится масса жалобъ и со стороны крестьянъ и отъ настоятелей монастырей на ихъ злоупотребленія. Такъ, староста села Большаго Рогачева съ товарищи, рѣшаясь хлопотать предъ Сѵнодомъ объ отпискѣ отъ Троице-Сергіева монастыря монастыря Пѣсношскаго, которому принадлежало, въ числѣ другихъ деревень, и Рогачево, жаловался, что со времени приписки монастыря Пѣсношскаго къ Троице-Сергіеву, сверхъ прежней работы и денежныхъ сборовъ для монастыря Пѣсношскаго, на нихъ наложено вновь многое излишество, и отъ присылаемыхъ монастырскихъ служителей чинятся имъ всякіе убытки и разореніе, что въ собранныхъ съ нихъ деньгахъ собиратели не даютъ имъ росписокъ, а бить за то на нихъ челомъ имъ, крестьянамъ, негдѣ и не смѣютъ, боясь, дабы, злобствуя, ихъ не разорили до конца. Сѵнодъ не уважилъ просьбы крестьянъ объ отпискѣ отъ Троице-Сергіева монастыря монастыря Пѣсношскаго, которому бы одному и платились тѣми крестьянами пошлины, и это имѣло своимъ послѣдствіемъ открытый бунтъ крестьянъ Рогачева и другихъ деревень противу собирателей податей, присланныхъ изъ монастыря Сергіева. Въ 1729 году власти Сергіева монастыря жаловались на крестьянъ Пѣсношскаго монастыря, что они уже два года не плотятъ Сергіеву монастырю никакихъ оброковъ; согласно ихъ просьбѣ въ Рогачево и прочія деревни Пѣсношскаго монастыря послана

была военная экзекуція (солдаты съ офицерами подъ начальствомъ подполковника Вавиловича), съ которою отправлено было письмо къ воеводѣ города Дмитрова маіору Маслову съ просьбою оказать свое содѣйствіе экзекуціи, отправивъ съ своей стороны къ сопротивляющимся подъячаго. Возвратившись въ Сергіевъ монастырь Вавиловичъ донесъ его властямъ, что письмо Маслову онъ подалъ, но оный воевода сказалъ, что не только не пошлетъ къ нимъ въ Рогачевъ своего подъячаго, но и ему, подполковнику, ѣхать туда не велитъ, а если онъ съ солдатами туда поѣдетъ, и будетъ доправлять съ крестьянъ тѣ монастырскіе сборы съ принужденіемъ, а оные крестьяне будутъ ему на то жаловаться, то когда онъ, Вавиловичъ, будетъ въ Сергіевъ монастырь возвращаться, они, крестьяне, будутъ его провожать, а онъ, воевода, встрѣчать, и отвезутъ-де его, Вавиловича, куда онъ, воевода, знаетъ. — Въ 1728 г. архимандритъ Калязина монастыря жаловался Сvноду, что комиссаръ Василій Григоровъ, присланный въ вотчины монастыря для сбора оброка, билъ приказчиковъ, сотскихъ и выборныхъ этихъ вотчинъ смертнымъ боемъ безвинно, вымогая излишнее, что самъ онъ, а также прибывшіе съ нимъ его мать, жена, дѣти и служки, вымогали отъ крестьянъ великія взятки, отъ которыхъ взятокъ и несносныхъ налоговъ крестьяне пришли во всеконечную скудость и, побросавъ свои домы, разбѣжались, такъ что многія цѣлыя деревни запустѣли.

Подобнымъ же образомъ и по тѣмъ же причинамъ крестьяне Рождественскаго монастыря въ Торжкѣ просили объ отпискѣ ихъ монастыря отъ монастыря Борисоглѣбскаго: и съ нихъ, какъ съ крестьянъ Пѣснопіскаго монастыря монастырскими свѣтскими управителями вымогались двойные оброки, въ пользу того и другого монастыря, такъ что отъ непомѣрныхъ поборовъ они пришли во всеконечную скудость. Отобравъ отъ крестьянъ всѣ деньги, управители затѣмъ поотбирали отъ нихъ хлѣбъ и всякіе припасы, такъ что, побросавъ свои домы, крестьяне разбрелись побираться Христовымъ именемъ, а много было изъ нихъ и поумиравшихъ голодною смертію. Подобныхъ фактовъ, неизвѣстныхъ не только первому историку крестьянства на Руси, покойному И. Д. Бѣляеву, но и новѣйшему его историку, В. И. Семевскому, въ восьми томахъ «Описанія» содержится очень много, такъ что изъ нихъ могъ бы составиться цѣлый томъ.

Какъ извѣстно, по силѣ указовъ императора Петра I, отставные солдаты, за не имѣніемъ инвалидныхъ домовъ, отсылались для пропитанія въ монастыри. Нельзя сказать, чтобы здѣсь положеніе ихъ всегда было хорошее и безбѣдное. Вотъ два факта, знакомящіе насъ съ судьбою Петровскихъ героевъ послѣ ихъ отставки... Солдатъ Иванъ Евстратовъ состоялъ въ дѣйствительной службѣ—въ Смоленскомъ и Ингерманландскомъ полкахъ—сорокъ

лѣтъ, былъ въ первомъ крымскомъ и второмъ азовскомъ походахъ, участвовалъ въ Полтавской битвѣ, имѣлъ нѣсколько ранъ и невынутую пулю въ боку; затѣмъ былъ подъ Ригою, на турецкой акціи и на морѣ, какъ брали фрегаты, причемъ былъ раненъ въ ротъ и въ щеку, причемъ пули вынималъ у него самъ его императорское величество. Это ли не герой? Онъ ли не заслуживалъ, находясь въ глубокой старости, покоя и призрѣнія? Однако, вотъ что съ нимъ произошло. Въ 1715 г. по смотру генералъ-крихсъ-коммисара князя Долгорукова онъ уволенъ въ отставку, и шесть лѣтъ неизвѣстно чѣмъ существовалъ,—вѣроятно питался милостыней. Лишь въ 1723 г., по смотру генерала Чернышева онъ отосланъ былъ для пропитанія въ Болдинъ монастырь (Смоленской епархіи) съ назначеніемъ ему содержанія въ количествѣ 5 четвертей хлѣба и 5 рублей денегъ въ годъ. Но съ 1723 г. и по 1727 г. ни хлѣбнаго, ни денежнаго жалованья ему здѣсь не давали. Онъ побывалъ въ Смоленскѣ и жаловался тамъ архіепископу Филоѳею, но тотъ по прошенію его ничего не учинилъ, а когда возвратился въ монастырь, то намѣстникъ за то его прошеніе у архіерея билъ старца смертнымъ боемъ батогами, снявъ рубаху, и тростью, и выбросилъ его, еле живого, за монастырь. Оправившись отъ побоевъ, старецъ отправился жаловаться въ Москву, въ Сvнодальную Каморъ-Контору; жалоба его была уважена и ему было выдано жалованье за 1723 и 1724 годы, но не по 5 руб. за годъ, а лишь по 3 руб., а за 1725 г. лишь 2 руб. 50 коп. Въ ноябрѣ 1725 г. его препроводили на пропитаніе изъ Болдина монастыря въ Бизюковъ, но здѣсь опять жалованья ему не давали ни копѣйки — за 1725 г., 1726 и 1727 г. по той причинѣ, что указомъ велѣно давать ему жалованье не изъ Бизюкова, а изъ Болдина монастыря. По новой его жалобѣ посланъ былъ указъ изъ Каморъ-Конторы къ коммисару Смоленской епархіи о выдачѣ Евстратову слѣдующаго ему жалованья, но этотъ указъ остался безъ исполненія, а архимандритъ Болдина монастыря хвалился даже, что если Евстратовъ снова явится за пропитаніемъ въ его монастырь, то онъ, архимандритъ, велитъ убить его до смерти. Тогда заслуженный доблестный воинъ рѣшился жаловаться въ Верховный Тайный Совѣтъ. Совѣтъ препроводилъ его жалобу въ Сvнодъ; Сvнодъ поручилъ разсмотрѣть ее тому же епископу смоленскому, который раньше уже отказался удовлетворить просьбѣ Евстратова, принявъ сторону архимандрита Болдина монастыря (очень извѣстнаго, по дѣламъ архива, не съ хорошей стороны) Флавіана. Филоѳей отвѣчалъ Сvноду, что за отбытіемъ обоихъ архимандритовъ — болдинскаго и бизюковскаго — въ Москву, слѣдствія по жалобѣ Евстратова онъ произвести не можетъ. Сvнодъ потребовалъ къ себѣ Евстратова вмѣстѣ съ архимандритомъ монастыря, и такъ какъ въ это время архіепископъ Филоѳей былъ смѣщенъ и отправленъ на жительство въ Нѣжинъ,

а на мѣсто его назначенъ Гедеонъ, бывшій ректоръ Московской славяно-греко-латинской академіи, человѣкъ просвѣщенный, то этому послѣднему и было поручено вновь разсмотрѣть жалобу Евстратова. А казалось бы что тутъ разсматривать? Дѣло ясное: монастырь долженъ былъ давать пропитаніе и жалованье заслуженному воину по точному смыслу закона и по силѣ даннаго указа. Какая резолюція была постановлена Гедеономъ, неизвѣстно.

Были, однако, и такіе случаи, что Сѵнодъ не только охотно давалъ отставнымъ солдатамъ назначенное имъ содержаніе, но и назначалъ имъ для мѣстопребыванія тѣ монастыри, въ которыхъ жить изъявляли они желаніе сами,—обыкновенно ближайшіе къ ихъ родинѣ (—513).

Другой фактъ подобный исторіи Евстратова, представляетъ дѣло отставного сержанта Семеновскаго полка Лихарева. Онъ началъ службу еще въ потѣшныхъ, въ 1681 г., былъ въ «потѣхахъ» подъ Семеновскимъ, въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ и подъ Кожуховымъ, былъ затѣмъ въ трехъ азовскихъ походахъ—на приступахъ и на вылазкахъ; подъ Нарвой былъ раненъ пулей въ плечо,—отъ той раны у него вывалилось девять костей при вырѣзываніи пули, которая сидѣла въ плечѣ семь мѣсяцевъ. Выздоровѣвъ отъ этой раны, онъ опять поступилъ въ строй и былъ въ походахъ: подъ Шлишенбурхомъ, во второмъ нарвскомъ походѣ, въ польскихъ городахъ и въ Митавѣ; въ Гроднѣ сидѣлъ въ осадѣ отъ шведовъ, былъ въ сраженіяхъ подъ Головцынымъ, подъ Добрымъ, подъ Лѣснымъ, подъ Полтавою, подъ Переволочной, въ турецкой акціи, въ Помераніи, подъ Фридрихштадтомъ, подъ Штетиномъ и лишь въ 1715 г. за ранами получилъ отставку. Сослуживцы Лихарева были повышены въ рангахъ — кто произведенъ въ поручики, а кто и въ капитаны, а онъ лишь отосланъ «къ дѣламъ» въ Дворцовую Канцелярію. Какъ человѣкъ по тому времени образованный—граматный, Лихаревъ просилъ Сѵнодъ опредѣлить его для пропитанія въ подъячіе въ Троицкій монастырь. Сѵнодъ отказался исполнить эту просьбу на томъ основаніи, что опредѣленія въ подобныхъ случаяхъ дѣлаются не по личнымъ прошеніямъ, а по доношеніямъ Военной Коллегіи.

1-го марта 1728 г. въ Сѵнодальную канцелярію поступило прошеніе прибывшей изъ Кенигсберга дѣвки жидовской вѣры, Шарлотты Мейеръ, о томъ, что обученная въ малолѣтствѣ русскому языку и читая божественныя христіанскія книги, въ которыхъ греческое благочестіе сіяетъ, она убѣдилась въ истинности христіанскаго ученія, и такъ какъ потеряла уже и родителей и двухъ братьевъ, то желаетъ воспріять святое крещеніе. Личность и искренность желанія просительницы удостовѣрили чиновникъ канцеляріи отъ строеній Иванъ Алексѣевъ, купецкій человѣкъ Егоръ Иноземцевъ и посадскій Андрей Евдокимовъ. При соблюденіи всѣхъ про-

чихъ формальностей, просительница была крещена протопопомъ петербургскаго Троицкаго собора Іоанномъ Семеновымъ и получила имя Евдокіи. Но не прошло и недѣли послѣ того, какъ въ юстицъ-коллегію явился бывшій боцманъ грекъ Георгій Галатьяновъ и заявилъ, что новокрещенная—не жидовка, а природная русская, крѣпостная жены фельдмаршала графини Шереметевой, ея «верховая», бѣжавшая изъ дома фельдмаршала, по имени Ненила Емельянова. Это доношеніе подтвердилъ служитель Шереметевой, Коровинъ, по порученію графини отыскивавшій бѣжавшую и подававшій о сыскѣ ея челобитную въ московскую полиціймейстерскую канцелярію. Призванная къ допросу въ юстицъ-коллегію и затѣмъ въ Сѵнодальную канцелярію, Ненила созналась въ своемъ обманѣ и разсказала свои приключенія. Родилась она въ домѣ Шереметевой; лѣтъ пятнадцать тому назадъ она была отдана графиней въ Вознесенскій женскій монастырь старицѣ Евдокіи для обученія грамотѣ; выуча ее, старица опредѣлила учительницей къ дѣтямъ флотскаго капитана Захарія Данилова Мишукова; когда Мишуковъ съ семействомъ поѣхалъ въ Померанію, она послѣдовала за нимъ; тамъ, оставаясь въ продолженіе двухъ лѣтъ, она обучилась хорошо нѣмецкому языку. По возвращеніи въ Москву, Мишуковъ отдалъ ее обратно въ Вознесенскій монастырь той же старицѣ Евдокіи, отъ которой взяла ее къ себѣ обратно Шереметева и поручила ей обученіе собственныхъ дѣтей. Ненилѣ, однако, плохо жилось въ домѣ графа и въ почтенномъ званіи учительницы его дѣтей: она была все-таки крѣпостная графини, и въ штатѣ ея дома значилась не болѣе, какъ ея горничною — «верховою». «Опасаясь себѣ уничтоженія и отъ зависти другихъ служащихъ въ домѣ», писала Ненила, она, безъ вѣдома графини, ушла отъ нея и скрылась на первый разъ въ Нѣмецкой слободѣ у знакомаго ей купецкаго человѣка Григорія Холщевникова, который, впрочемъ, держалъ ее у себя лишь пока не огласилась молва о ея побѣгѣ. Не желая быть открытой и вновь возвращенной къ Шереметевой, она назвалась жидовкой Шарлоттой (на обратномъ пути изъ Помераніи она, вмѣстѣ съ Мишуковымъ, пробыла два мѣсяца въ домѣ жида Мэра Рыхтера въ Кенигсбергѣ, гдѣ и научилась манерамъ жидовокъ и порядкамъ ихъ жизни, такъ что изобразить изъ себя жидовку ей было очень легко) и уѣхала въ Петербургъ, имѣя спутницей солдатку Матрену Аверкіеву. Здѣсь она двѣ недѣли жила у служителя г. Салтыкова, Матвѣя, который принялъ ее къ себѣ по рекомендаціи дворецкаго князя Мих. Мих. Голицына; этотъ Матвѣй былъ крещенный еврей и не сомнѣвался, что Шарлотта дѣйствительно еврейка. Затѣмъ, разсказывала Ненила, недѣли три прожила она въ домѣ иноземца Христофора Иванова; наконецъ—недѣль пять въ домѣ Василія Опухтина, у упомянутой солдатки Аверкіевой. Въ числѣ жильцовъ въ домѣ Опухтина былъ канце-

ляристъ Иванъ Алексѣевъ, который, приходя къ Шарлоттѣ, склонялъ ее жить съ нимъ блудно. Она ему отвѣчала, что ей, не крестясь, оставаясь жидовкою, сожительствовать съ нимъ невозможно; тогда, съ согласія ея, Алексѣевъ написалъ челобитную въ Сунодъ о крещеніи ея. Не сказала она при этомъ, что уже крещена, ради стыда и чтобы не обнаружить своего бѣгства отъ Шереметева. Живя у Матвѣя жидка, она, какъ и всегда послѣ, держала себя православной христіанкой, и втайнѣ въ совѣсти своей христіанскія молитвы исправляла, только образамъ не кланялась, чтобы показать себя жидовкой, а какое различіе между христіанствомъ и жидовствомъ она совершенно не вѣдаетъ и сказать не умѣетъ; жидовкой называлась отъ простоты своей, не вѣдая, что это грѣхъ; что таинство крещенія не повторяется, также не знала; въ этомъ своемъ неразуміи и грѣхѣ проситъ прощенія у его императорскаго величества и разрѣшенія отъ Сунода. Сунодъ опредѣлилъ: какъ Нениду, такъ и всѣхъ, прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ—Алексѣева, Обезьянинова, Иноземцева, Аверкіеву—отослать въ юстицъ-коллегію для жестокаго наказанія по градскимъ законамъ, дабы впредь другимъ на то глядя чинить такъ было неповадно.

Русскій корабль «Кронделивдъ» шелъ мимо Копенгагена; здѣсь ему понадобился штурманъ, за которымъ и послана была въ городъ шлюпка съ матросомъ Петромъ Гуляевымъ. Выйдя на берегъ, Гуляевъ неожиданно встрѣтилъ здѣсь двухъ земляковъ, русскихъ солдатъ, убѣжавшихъ изъ отечества и по волѣ своей поступившихъ въ датскую королевскую службу въ одномъ изъ копенгагенскихъ полковъ. Земляки уговаривали его послѣдовать ихъ примѣру. Они пришли къ третьему русскому эмигранту, бывшему солдату Преображенскаго полка Герасиму; здѣсь продолжали его уговаривать не только перейти въ датскую службу, но и принять тамошнюю вѣру—обратиться въ лютеранство. Земляки, по случаю радостной встрѣчи, изрядно выпили; затѣмъ полупьянаго Гуляева привели къ поручику датскаго «финскаго полка», который записалъ его въ датскую службу, взявъ съ него присягу въ вѣрности датскому королевскому величеству. Кстати съ него взяли при этомъ и отреченіе отъ православной вѣры и онъ принялъ причастіе отъ лютеранскаго пастора. Изъ дѣла не видно, когда и какимъ образомъ Гуляевъ затѣмъ возвратился въ отечество, гдѣ подалъ покаянное прошеніе, былъ возсоединенъ съ православною церковію и вновь поступилъ на службу.

Одно изъ оригинальныхъ явленій въ области духовно-религіозной жизни того времени представляетъ нѣкто Иванъ Галкинъ. Съ 1707 г. онъ служилъ въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, съ 1719 г. находился въ военной коллегіи, у дѣлъ шведскихъ полонянниковъ, имѣлъ семейство—самъ пятъ. Внезапно заболѣвъ, и страдая затѣмъ разными болѣзнями, отъ которыхъ ни-

какъ не могъ освободиться, онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что тѣ болѣзни постигли его вслѣдствіе «наложенія» на него кѣмъ-либо «молитвы и клятвы». Исповѣдуясь и причащаясь повсягодно, онъ тщетно старался узнать отъ духовниковъ, отъ кого наложена та клятва и молитва, такъ какъ отцы духовные ничего не могли сказать ему по этому предмету. Болѣзни продолжались, работать онъ не могъ, обѣднѣлъ и не зналъ, чѣмъ кормиться. Продолжая думать, что причина его болѣзней и бѣдъ — наложенная на него отъ духовнаго чина клятва, которая и гнететъ его денно и нощно, неослабно, уже семь лѣтъ, хотя о той клятвѣ ни откуда ему указание объявлено, и никакимъ правительственнымъ учрежденіемъ не показано правильныхъ государственныхъ причинъ той клятвы, онъ рѣшился обратиться въ Верховный Тайный Совѣтъ съ прошеніемъ о томъ, что ежели клятва та наложена Сvнодомъ, то чтобъ повелѣно было оную съ него снять или по крайней мѣрѣ объяснить причины и вины ея и велѣть Сvноду его освидѣтельствовать. Въ Верховномъ Совѣтѣ ему объяснили, что съ такимъ прошеніемъ ему слѣдуетъ обратиться въ Сvнодъ. Сvнодъ призвалъ его въ свое собраніе и «увѣщевалъ», но и по увѣщаніи Галкинъ утверждалъ, что, несомнѣнно, на немъ тяготѣетъ клятва отцовъ духовныхъ и другихъ причинъ его бѣдъ нѣтъ и не можетъ быть. Сvнодъ, не находя въ немъ какихъ-либо признаковъ помѣшательства и признавая его вполнѣ въ здравомъ умѣ, опредѣлилъ дѣло по его просьбѣ обратить снова въ Верховный Тайный Совѣтъ, а пока держать его неисходно подъ карауломъ при Сvнодѣ. Призванный предъ собраніе Верховнаго Тайнаго Совѣта, Галкинъ и здѣсь продолжалъ утверждать прежнее и слезно просилъ о снятіи съ него ничѣмъ не заслуженной имъ клятвы. Тайный Совѣтъ пришелъ къ убѣжденію, что онъ «въ несостоятельномъ умѣ», о каковомъ своемъ мнѣніи и извѣстилъ Сvнодъ. Сvнодъ опредѣлилъ: подъ арестомъ Галкина болѣе не держать, и велѣть отцамъ его духовнымъ по часту къ нему на домъ приходить, и наставлять о всемъ, въ чемъ онъ сомнѣніе имѣетъ, представляя резоны отъ св. Писанія.

Стольникъ Иванъ Мякининъ былъ въ ссорѣ съ солдатомъ Преображенскаго полка Василіемъ Титовымъ. Однажды послѣдній, въ присутствіи двухъ офицеровъ полка, сказалъ Мякинину, что у него образъ Богородицинъ подъ пятою. Услышавъ такую «богомерзость», стольникъ пришелъ въ «жестокое недоумѣніе», и просилъ тѣхъ офицеровъ осмотрѣть его, «понеже то дѣло важное, касающееся къ Божеству, которое не токмо чинить, но и помыслить страшно». Офицеры велѣли денщику разуть Макинина и осмотрѣть стопы его ногъ. Мякининъ просилъ и всего его обнажить и освидѣтельствовать. Богородицина образа ни подъ пятою, ни вообще на тѣлѣ Мякинина не оказалось. Тогда Мякининъ принесъ жа-

лобу на Титова въ Сvнодъ, прося поступить съ нимъ по законамъ. Сvнодъ отнесся къ дѣлу вполнѣ серьезно: опредѣлилъ «допросить Титова и изслѣдовать все обстоятельно и достовѣрно», для чего посланъ былъ указъ въ Преображенскую канцелярію о присылкѣ Титова въ Сvнодальную канцелярію.

Стольнику Якову Порошину (вѣроятно дѣдъ извѣстнаго автора знаменитыхъ мемуаровъ) въ 1714 г. были вырваны ноздри и онъ былъ посланъ въ каторжную работу. Въ іюнѣ 1721 г., по случаю мира съ Швеціею, вмѣсто ссылки въ Тобольскъ, по его прошенію, ему велѣно постричься въ монашество. До 1728 г. онъ, однако, этого не исполнилъ и свободно проживалъ въ имѣніяхъ своего сына, въ селѣ Масловѣ, Московскаго уѣзда и въ селѣ Пустошкѣ, Мещовскаго уѣзда. Сvнодъ, узнавъ о томъ, распорядился сыскать его, чтобы приговоренный къ монашеству не оставался мірскимъ человѣкомъ. Найденный въ Москвѣ, въ домѣ своего сына, Порошинъ объявилъ посланнымъ, что явится въ Сvнодъ «собою», однако не пришелъ. Когда посланные явились вторично, его уже не нашли въ домѣ. Позже, однако, Порошинъ самъ обратился въ Сvнодъ съ просьбою о постриженіи его въ монашество въ Высоцкомъ Серпуховскомъ монастырѣ.

VI.

Князь и княгиня Вяземскіе.—Флигель-адъютантъ Щербининъ.—Копіистъ Алексѣинцевъ и мельничный мастеръ Симаковъ.—Купецъ Лаптевъ и его жена.

30-го мая 1728 г. генералъ-маіоръ князь Василій Матвѣевичъ Вяземскій и жена его Марья Васильевна подали въ Сvнодъ прошеніе, въ которомъ писали, что онъ, князь, женился на нынѣшней женѣ своей вторымъ бракомъ, и она вышла за него замужъ будучи вдовою, осмнадцать лѣтъ тому назадъ; оба они обрѣтаются въ престарѣлыхъ лѣтахъ, къ тому жъ онъ, князь, въ службахъ израненъ, да и она, княгиня, за старостію, бываетъ въ частыхъ болѣзняхъ. Того ради положили они между собою полюбовное намѣреніе другъ съ другомъ отъ супружества разлучиться и того разлученія она, княгиня, желаетъ безъ принужденія, почему и просятъ ихъ развести. Сvнодъ опредѣлилъ 8-го іюня: супруговъ Вяземскихъ допросить въ подтвержденіе обстоятельно Духовной Дикастеріи, при архимандритѣ Знаменскаго монастыря Сераніонѣ и при духовномъ отцѣ княгини: Вяземскій жену свою отъ супружества отрѣшаетъ по полюбовному ли общесогласію, за немощами и древностію и не изъ принужденія ли; княгиня поручала ль прошеніе свое за себя подписывать внуку своему, лейбъ-регимента поручику князю Якову Шаховскому, и подлинно ль

отъ мужа къ тому разлученію нѣтъ никакого принужденія, и по разлученіи жительство гдѣ она имѣть будетъ. На допросѣ, произведенномъ въ ихъ домѣ архимандритомъ Серапіономъ, въ присутствіи духовника княгини, при секретарѣ Алексѣѣ Волковѣ, супруги подтвердили свое письменное прошеніе и удостовѣрили добровольное свое согласіе на разводъ. Княгиня присоединила къ тому, что жить она послѣ развода будетъ въ имѣніяхъ своихъ въ Старицкомъ, Ржевскомъ и Ярославскомъ уѣздахъ. Сѵнодъ, принявъ во вниманіе соотвѣтственныя церковныя и гражданскія узаконенія, опредѣлилъ: онымъ генералъ-маіору князю Василію Вяземскому и княгинѣ Марьѣ Вяземской по самовольному ихъ желанію ради вышепоказанной старости и частыхъ ихъ болѣзней, по силѣ словъ апостола Павла 1 Кор. VII, 10, 11 и правилъ св. отцевъ, въ Кормчей напечатанныхъ, отъ законнаго супружества другъ отъ друга быть свободнымъ, токмо по вышеозначеннымъ словамъ апостола и отеческимъ правиламъ, какъ ему, князю, иныя жены въ супружество не понимать, такъ и княгинѣ Марьѣ за иного мужа не посягать, но жить коемуждо особно безбрачнымъ, и беззаконныхъ, правиламъ противныхъ, никакихъ дѣлъ имъ не чинить, и въ томъ обязать ихъ письменно по надлежащему съ рукоприложеніемъ, подъ страхомъ правильнаго за несодержанье по тому самовольному своему разлученію въ церковное покаянье приведенія и достойнаго запрещенія и наказанія, а въ Москвѣ учинить заказъ, что ежели кто изъ нихъ впредь дерзнетъ къ брачному приступить бракосочетанію, то священникамъ ихъ оного не вѣнчать подъ опасеніемъ лишенія священства безъ всякаго упущенія, и о томъ въ Духовную Дикастерію послать указъ. Въ слушаніи и исполненіи этого постановленія Сѵнода князь и княгиня дали собственноручныя росписки.

Флигель-адъютантъ генералъ-фельдмаршала князя Василія Владиміровича Долгорукаго Андрей Григорьичъ Щербининъ, прикомандированный къ Азовскому полку, находившемуся въ составѣ низоваго корпуса, отправился вмѣстѣ съ полкомъ въ іюлѣ 1722 г, на происходившую въ то время войну съ Персіей и затѣмъ находился въ гарнизонѣ новозавоеванныхъ городовъ до 1728 г. Молодая жена его, урожденная Афросимова, оставалась на попеченіи его матери и проживала въ ихъ родовомъ имѣніи въ Псковской губерніи. Какъ ни строго смотрѣла свекровь за невѣсткой, послѣдняя «не соблюла себя» и измѣнила мужу — «жила блудно съ его человѣкомъ, Ананіемъ Ѳеоновымъ, да кромѣ того, съ человѣкомъ поручика Михайлы Чихачева, прижила съ Ананіей сына, котораго отдала тайно на воспитаніе крестьянину сосѣдняго помѣщика Козодавлева, и, кромѣ того, самое имѣніе мужа привела во всеконечную скудость. Мать въ письмахъ къ сыну въ Персію доносила ему объ этихъ его семейныхъ несчастіяхъ. Возвратившись

Щербининъ подалъ въ Сѵнодъ прошеніе о разводѣ, хотя жена слезно умоляла его о прощеніи. Сомнѣнія въ виновности быть не могло: кромѣ ея собственнаго сознанія и доноса ея свекрови, о нарушеніи ею супружеской вѣрности свидѣтельствовали собственный отецъ виновной и ея духовникъ. Тѣмъ не менѣе Сѵнодъ поручилъ—по мѣсту ея жительства, Псковскому архіерею—произвести разслѣдованіе. Щербинина была взята архіерейскими подъячими изъ своего имѣнія и привезена въ Псковъ, гдѣ произведенъ былъ судъ по формѣ, послѣ котораго, по силѣ правилъ, она была отлучена отъ супружества съ мужемъ, ей запрещено впредь вновь посягать замужъ и велѣно отнюдь неблудодѣйствовать, и, кромѣ того, велѣно ей исполнить духовное покаяніе и оставаться затѣмъ въ домѣ своихъ родителей подъ строгимъ надзоромъ.

Мельничнаго дѣла мастеръ Филиппъ Симаковъ былъ одинъ изъ «птенцовъ гнѣзда Петрова», человѣкъ ученый: въ 1718 году «для разныхъ наукъ» онъ, вмѣстѣ съ другими, посылался правительствомъ въ Голландію; по возвращеніи оттуда ему даны были особыя права — онъ носилъ шпагу и имѣлъ особенную форменную одежду, присвоенную его роду службы — ученаго техника. Кругъ его знакомыхъ въ Петербургѣ состоялъ изъ подобныхъ ему ученыхъ техниковъ-спеціалистовъ—въ числѣ ихъ были «мастеръ ботоваго дѣла» Грабленовъ и «академическій геодезистъ» Герасимовъ. Онъ завѣдывалъ ижорской пильной мельницей; ему же, между прочимъ, поручено было устройство казенной пильной мельницы въ петербургской гавани. Но вмѣстѣ съ европейскими техническими знаніями онъ привезъ съ собою съ запада и европейскіе нравы. Однажды, придя въ гости къ копіисту Сарваевской оберъ-конторы (адмиралтейскаго вѣдомства) Алексѣинцеву, Симаковъ «выпросился у него пожить малое время» и пробывъ «около мѣсяца», дурно отблагодарилъ его за гостепріимство: «учинилъ ему пакость—сжился съ его женою блудно», и былъ пойманъ Алексѣинцевымъ на мѣстѣ преступленія..... Алексѣинцевъ подалъ жалобу въ Сѵнодъ. На допросѣ въ Сѵнодальной канцеляріи и предъ мужемъ виновная Алексѣинцева доказывала, что Симаковъ долго ее обольщалъ прежде, чѣмъ она пала, и склонилъ ее ко грѣху, напоивъ ее виномъ; Симаковъ починъ грѣха приписывалъ самой Алексѣинцевой. Начался уже судъ по формѣ; какъ вдругъ, неожиданно для судей, въ простомъ русскомъ человѣкѣ заговорили добрая русская душа и христіанскій разумъ: 11 декабря оскорбленный мужъ подалъ въ Сѵнодъ новое прошеніе, въ которомъ объяснялъ, что «не желая перваго, отъ Бога дарованнаго къ совокупленію законнаго брака, вѣнца оставить», онъ простилъ Симакову его вину съ тѣмъ, чтобы онъ поношенія женѣ его никакого, ни письменнаго, ни словеснаго, не производилъ; въ чемъ Симаковъ и далъ ему обязательство. Несмотря, однако, на то, Сѵнодъ постановилъ: жену Алексѣинцева, осво-

бодивъ изъ-подъ ареста, отдать мужу въ супружество попрежнему, такъ какъ хотя она и виновна въ прелюбодѣяніи, но мужъ ее прощаетъ и разлученія съ нею имѣть не хочетъ, почему Сунодъ и предоставляетъ на его волю требовать развода съ нею, или, наказавъ ее, продолжать съ нею сожительствовать; что же касается Симакова, то его наказать въ Сунодальной канцеляріи плетьми безъ пощады; затѣмъ обоихъ прелюбодѣевъ отдать подъ наблюденіе отцовъ ихъ духовныхъ и подъ епитимію.— Въ слѣдъ за этою резолюціей, данной архіепископомъ Питиримомъ, значится дополненіе, писанное рукою секретаря: «а лучшаго ради отъ поползновенія удержанія, наказать и прелюбодѣйцу плетьми при Сунодѣ неотложно».

Житель Конюшенной слободы въ Москвѣ, Семенъ Лаптевъ, женился на дочери купецкаго человѣка Макара Алексѣева; послѣ девятимѣсячнаго ихъ сожительства неожиданно оказалось, что жена Лаптева—раскольница. Послѣ свадьбы къ ней по-часту приходили дочь оброчнаго крестьянина дворцоваго села Покровскаго, Кирилла Константинова, Катерина, да невѣдома какая кривая дѣвка, Кузьмина дочь. Уходя изъ дома Лаптева, эти дѣвки, какъ доносилъ Лаптевъ, каждый разъ уносили съ собою что-либо изъ его имущества, а наконецъ и жена его отпросилась у мужа яко бы къ обѣднѣ въ церковь св. Николая, что на Пупышевѣ, забравъ съ собою свой скарбъ и значительную часть денегъ мужниныхъ, всего, по показанію Лаптева, на 528 руб., бѣжала и скрылась невѣдомо гдѣ, оставивъ мужу, матери, сестрамъ и бабкѣ письма, въ которыхъ просила ихъ ее не искать.

«Вселюбезнѣйшій мой государь сожитель, преблагой буди ко мнѣ грѣшней рабѣ твоей Парасковьѣ Марковой, какъ милостивъ Отецъ нашъ небесный до своихъ людей: прошу тебя пожалуй умилосердися ради свѣта Христа, не ищи меня, но оставь Господу моему молитися о грѣхахъ моихъ и не тужи; да управитъ Господь путь нашъ предъ собою... Я тебѣ нарокомъ сказывала, что брюхата... А хотя ты меня и найдешь, то я съ тобою не хочу жить и ты изволь себѣ другую присовокупить. Да еще тебѣ доношу Семенъ Логиновичъ, буде хочешь меня съ пути совратить, то я тебѣ жива въ руки не дамся, либо утоплюсь, либо желѣзу предамся... Съ тобою не хочу жить, хочу себѣ спасеніе получити. Меня ничто не можетъ отъ любви Христовой отвратить: ни страхъ, ни мука, ни огнь, ни вода: пожалуй Христа ради, побойся Бога, полно тебѣ, того ты не знаешь, что сегодня живъ, заутра умеръ... Миръ тебѣ. Прощенія прошу». «Вселюбезный мой сожитель, своею рукою тебѣ пишу: яви милость на мнѣ рабѣ твоей... оставь меня грѣшную Богу работати... Развѣ тебѣ того хочется, чтобы меня на площадѣ въ срубѣ сожгли: то я рада пострадати». «Государыня матушка! въ милости Божіей живи, да за насъ Бога моли.

Обо мнѣ не тужи, Господь управитъ путь нашъ предъ собою... Хотя меня и приведете къ мужу, узрѣте вскорѣ мертву... Итакъ я васъ потѣшила, что дѣвство свое растлила. Господь меня избавилъ отъ прелести прелестнаго свѣта. Пожалуй, свѣтъ мой, радость моя, не плачь по мнѣ... только возведи печаль ко Господу, да подастъ тебѣ вѣдѣти, гдѣ мы живемъ... Кто мене отъ любви Христовы можетъ отлучити? Ни огненное прещеніе, ни водное топленіе, ни грозное прещеніе и страшное мученіе. Я вить вамъ говорила, когда я грѣшная еще у васъ жила: не можно мнѣ ради отца и матери Христовой любви отречься, (еще) тогда я только положила обѣщаніе на себя, что се меня Господь увидѣлъ, не дѣла моя, но помыслы сердца моего исправилъ, и управилъ путь мой предъ собою. Азъ грѣшная и говорити сего недовольна—только у Господа милости прошаю, къ Нему руцѣ свои воздѣваю и гласъ на небо возсылаю, да подастъ намъ мирно жити и сокровенную радость отъ любимаго Христа желаемаго получити. Яко ко Господу прибѣгнувъ, всѣхъ золъ отбѣгнемъ». «Государыня моя бабушка, живи въ милости Божіей, да за насъ Бога моли». «Государыня моя сестрица, съ сожителемъ своимъ и съ чады, живите, да Бога молите. Парасковья Маркова Лихачева кланяюся». «Вселюбезная моя государыня матушка! со слезами я тебя прошу, къ ногамъ твоимъ припадая. Прости ради Христа! Во всемъ была тебѣ досадница, во всемъ я тебѣ согрубительница, въ словахъ и дѣлахъ. Прости меня! Либо намъ видѣться, либо нѣтъ, да не плачь о мнѣ, моя государыня, только Богу молися. Миръ вамъ даю и прощенія прошу, а сама въ путь свой иду. Аминь».

Прилагая эти письма, Лаптевъ просилъ позволенія жениться на другой, такъ какъ безъ того ему прожить невозможно: отъ роду онъ имѣлъ 33 года, и безъ жены ему, купецкому человѣку, во время отлучекъ для купецкаго промысла, за его имуществомъ присмотрѣть некому. На справку по этому прошенію канцелярія выписала изъ Кормчей правила собора Гангрійскаго 9 и 12, Василія В. 9-е и 35-е съ толкованіями, «новыхъ заповѣдей» Юстиніана, гл. 44, § 4, и грани 13 гл. 3, закона градскаго §§ 9 и 10. Сѵнодъ жениться вторично Лаптеву не позволилъ, такъ какъ для совершеннаго развода правильной вины о своей женѣ онъ не показалъ, объявивъ токмо, что она отъ него бѣжала, а гдѣ она обрѣтается не сыскалъ, а только письма ея, содержащія нѣкакія угроженія, представилъ; почему ему, Лаптеву, слѣдуетъ ту его утекшую жену сыскивать, а кромѣ ея на другой весьма не жениться.

Унтеръ-лейтенантъ Преображенскаго полка, Иванъ Казимеровъ, въ декабрѣ 1726 г., за прелюбодѣяніе своей жены былъ разведенъ съ нею съ позволеніемъ вступить ему въ бракъ вторично, на что̀ выданъ былъ ему изъ тіунской конторы Сѵнода «аттестатъ». 3-го ноября 1728 г., онъ подалъ въ Сѵнодъ прошеніе, въ которомъ

объяснялъ, что возъимѣлъ намѣреніе жениться вторично, а вѣнечной памяти ему не даютъ. 20-го ноября, преосвященный Ѳеофанъ словесно объяснилъ, что, какъ дошло до его свѣдѣнія, Казимеровъ повѣнчался уже безъ вѣнечной памяти, увѣривъ священника въ разрѣшеніи на такое повѣнчаніе отъ него, Ѳеофана, сказанномъ, будто бы, чрезъ состоящаго при немъ іеродіакона Адама, но что на самомъ дѣлѣ онъ, Ѳеофанъ, такого разрѣшенія не давалъ, и та клевета произносится на него отъ непотребныхъ и честь его повреждающихъ людей. По изслѣдованію оказалось, что Казимеровъ дѣйствительно повѣнчанъ на иноземкѣ вдовѣ Софьѣ Эверсъ, священникомъ Алексѣемъ Безсоновымъ. Сѵнодъ призналъ бракъ этотъ незаконнымъ и опредѣлилъ Безсонова отрѣшить отъ мѣста и послать въ монастырь на мукомольные труды, а бракъ расторгнуть. Казимеровъ, на время производства дѣла уѣзжавшій въ свое помѣстье вмѣстѣ съ женой, явившись неожиданно въ Сѵнодъ, объявилъ, что онъ надѣется жену свою обратить въ православіе и дѣтей отъ нея будетъ крестить въ православной вѣрѣ и просилъ рѣшеніе о разводѣ его второго брака отмѣнить. Сѵнодъ, въ виду этихъ заявленій, призналъ бракъ дѣйствительнымъ. Одновременно съ этимъ и Безсоновъ, по ходатайству прихожанъ, которые доносили, что онъ служа при ихъ церкви безпорочно многіе годы, о церковномъ строеніи и украшеніи имѣлъ радѣніе старательное, и что онъ имъ впредь угоденъ, былъ вновь опредѣленъ къ церкви св. Николая, что въ Москвѣ, за Покровскими воротами.

Подобныхъ ненормальныхъ явленій въ семейномъ быту крестьянства, вытекавшихъ изъ условій крѣпостного права, указывается въ дѣлахъ за 1728 годъ еще нѣсколько.

Въ своей статьѣ мы отнюдь не имѣли въ виду исчерпать все интересное содержаніе VIII тома «Описанія Сѵнодальнаго архива», желая лишь сообщить читателямъ понятіе о томъ историческомъ матеріалѣ, какой въ немъ содержится. Думаемъ, что вышеизложеннаго для этой цѣли вполнѣ достаточно. Позволяемъ себѣ еще разъ повторить сказанное вначалѣ: почтенное изданіе Высочайше учрежденной Сѵнодальной архивной комиссіи вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы въ наличной исторической нашей литературѣ занять мѣсто на ряду съ другими первоисточниками отечественной исторіи.

Н. Барсовъ.

ПО ПОВОДУ ВЫСТАВКИ НАРОДНЫХЪ КАРТИНЪ.

Комитету Грамотности, въ нынѣшнемъ году, пришла весьма счастливая мысль—устроить въ зданіи Вольно-Экономическаго Общества первую выставку «народныхъ картинъ». Въ указателѣ, изданномъ для обзора этой оригинальной выставки, сказано, что она имѣетъ цѣлью «ознакомить съ современными картинами этого рода, показать тѣ успѣхи, которые сдѣланы въ ихъ исполненіи, и тѣмъ самымъ способствовать установленію правильнаго на картины взгляда и ихъ улучшенія, какъ со стороны художественной, такъ и со стороны воспитательной и учебной». Въ виду этой цѣли, на выставку «народныхъ картинъ» принимались картины по слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Старинныя лубочныя картины. II. Народныя картины религіознаго содержанія, почерпнутыя какъ изъ св. Писанія, такъ и изъ отеческихъ книгъ и преданій. III. Народныя картины нравственнаго содержанія, изображающія гибельныя послѣдствія пороковъ, высокое преимущество добродѣтели и т. д. IV. Народныя картины, изображающія притчи и сказанія. V. Народныя сатиры и карикатуры. VI. Картины историческаго и географическаго содержанія (виды городовъ и монастырей; сцены изъ военнаго быта и т. д.). VII. Картины естественно-историческаго содержанія. VIII. Портреты историческихъ лицъ. IX. Дѣтскія картины. X. Народныя картины, изданныя за границею (въ особенности изданныя для распространенія въ Россіи).

Особыми заявленіями къ участію въ выставкѣ приглашены были частныя лица, владѣтели коллекцій, учрежденія, составители и издатели картинъ, какъ въ Петербургѣ находящіеся, такъ и иногородные. Экспонентамъ были назначены награды отъ Комитета Грамотности въ видѣ большихъ и малыхъ серебряныхъ медалей, медалей бронзовыхъ и похвальныхъ листовъ.

Приглашенія къ участію въ выставкѣ были разосланы нѣсколько поздно, да и самая выставка «народныхъ картинъ» явилась такою небывалою у насъ новинкою, что очень многіе собиратели и производители «народныхъ картинъ» не успѣли своевременно прислать свои экспонаты на выставку; многіе отнеслись къ этому важному дѣлу съ нѣкоторымъ недовѣріемъ и даже небрежностью, и намѣренно уклонились отъ участія въ выставкѣ... Но, несмотря на все это, выставка оказалась весьма любопытною, довольно полною и въ многихъ отношеніяхъ настолько поучительною, что о ней несомнѣнно слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ, такъ какъ народныя картины, очевидно, являются весьма важнымъ элементомъ народнаго воспитанія.

Прежде, чѣмъ дать вполнѣ ясное понятіе о современномъ положеніи народныхъ картинъ въ Россіи, необходимо нѣсколько оглянуться назадъ. Несомнѣннымъ, прежде всего, является тотъ фактъ, что значеніе народной картины, въ данное время, совершенно измѣнилось, отчасти потому, что измѣнилась самая среда, для которой народная картина создается. Если сравнимъ, по сюжетамъ, коллекціи старинныхъ лубочныхъ картинъ съ составленными въ послѣднее время обширными коллекціями народныхъ картинъ, то намъ бросится въ глаза не только иной выборъ сюжетовъ, иная обработка ихъ, но даже вообще — иное направленіе во всей массѣ этого низкопробнаго художественнаго матеріала. Даже и съ перваго взгляда на новыя коллекціи, замѣчаешь, что и производитель у народной картины уже не тотъ, что прежде— и покупатель ея не тотъ... Покупатель, очевидно, заявляетъ новыя требованія, вслѣдствіе нѣсколько повышеннаго уровня развитія и образованности; производитель, понимая это, ищетъ, высматриваетъ, придумываетъ, изобрѣтаетъ, выбивается изъ силъ, чтобы удержать за собою рынокъ и наполнить его ходкимъ товаромъ. Дѣло въ томъ, что каждый изъ образованныхъ народовъ Европы, въ свое время, переживалъ тоже, что переживаетъ въ данный моментъ народъ русскій; а именно: періодъ перехода отъ полной безграмотности, сначала, къ полуграмотности, а потомъ — къ грамотности обширно распространенной и болѣе или менѣе равномѣрно-распредѣленной между различными слоями народонаселенія. Этотъ переходный періодъ оказывается особенно-тягостнымъ именно въ томъ смыслѣ, что даже и при усиленномъ желаніи читать и учиться, народъ не можетъ сразу найти удовлетвореніе этому жела-

нію настолько полное и разнообразное, насколько бы ему того хотѣлось. Школы всюду (и у насъ, и въ Европѣ), распространялись довольно медленно, отчасти по недостатку въ матеріальныхъ средствахъ, отчасти по врожденной народнымъ массамъ косности. Еще медленнѣе создавалась литература народно-учебная, духовно-нравственная, общедоступная и общеобразовательная; для появленія такой литературы, въ наиболѣе счастливомъ случаѣ, оказывались необходимы десятки лѣтъ, а иногда и цѣлое полустолѣтіе... Чѣмъ же довольствовался въ такіе переходные періоды народъ, уже вкусившій «отъ плодовъ» грамотности? Большою утѣхою ему, въ подобные періоды—отчасти даже подспорьемъ развитію и образованію народному—оказывались въ Западной Европѣ тѣ **народныя гравюры**, которыя у насъ на Руси, по свойству матеріала, служившаго для ихъ издѣлія, получили названіе **лубочныхъ картинъ**. На Западѣ, особенно въ XV и XVI вв., народныя гравюры пріобрѣли чрезвычайно важное значеніе не только потому, что онѣ давали наглядное и всѣмъ понятное изображеніе предметовъ, но и потому, что при изображеніяхъ постоянно находились соотвѣтственныя подписи, иногда довольно подробныя, и всегда мѣткія, остроумныя, разсчитанныя на пониманіе народной массы. Въ основѣ этихъ подписей лежалъ нерѣдко грубоватый юморъ, направленный на то, чтобы потѣшить и разсмѣшить читателя, или же — нравственное назиданіе и поученіе, связанное отчасти съ желаніемъ дать народу многое въ маломъ объемѣ. Послѣднее направленіе на Западѣ даже взяло, наконецъ, верхъ надъ первымъ: — народная гравюра, мало-по-малу, отъ карикатуры и памфлета, перешла въ огромномъ большинствѣ къ изображенію предметовъ священныхъ и поучительныхъ для народа, а въ подписяхъ къ подобнымъ гравюрамъ явились соотвѣтствующія изображеніямъ назиданія, пословицы или изреченія, заимствованныя изъ св. Писанія. Милліоны народныхъ гравюръ, распространенныя по Западной Европѣ, въ періодъ Реформаціи и первое время послѣ изобрѣтенія книгопечатанія (при отсутствіи народной литературы) въ значительной степени способствовали внесенію въ массу многихъ здравыхъ понятій и расширенію тѣснаго круга воззрѣній народа, еще чуждавшагося и науки, и школы.

До нѣкоторой степени подобную же услугу нашему народу оказали и первыя явившіяся у насъ лубочныя картины. Въ основѣ ихъ лежало также преимущественно юмористическое или назидательное начало, почерпавшее сюжеты для лубочныхъ картинъ изъ противуположенія добродѣтели и порока, или изъ осмѣянія, отживающей, гонимой старины и восхваленія вводимыхъ новшествъ. Къ тѣсному кругу этихъ лубочныхъ картинъ примѣшались съ теченіемъ времени—пословицы и сказки въ лицахъ, изображенія Страшнаго Суда и наконецъ изображенія святыхъ

лицъ и святыхъ мѣстъ. Эти картины, въ долгій періодъ полной безграмотности нашего народа, составляли единственное произвеніе искусствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ единственное наглядное подспорье къ просвѣщенію темныхъ массъ, проникавшее въ самые отдаленные и самые темные углы нашего отечества. Главнымъ центромъ производства лубочныхъ картинъ являлась въ этотъ долгій періодъ Москва и московскія подгородныя села, въ которыхъ отпечатанные въ Бѣлокаменной лубки раскрашивались варварскимъ образомъ въ два или три сплошныхъ колера. Главнымъ мѣстомъ сбыта лубочной картины была Нижегородская ярмарка; главными сбытчиками—офени и всякаго рода коробейники. Производство было довольно значительное, распространеніе лубочныхъ картинъ—широкое; но образованные классы русскаго общества еще очень мало обращали вниманія на это важное производство и даже цензура, непридававшая ему надлежащаго значенія, относилась къ лубочнымъ картинамъ довольно снисходительно.

Но съ половины нынѣшняго столѣтія въ развитіи лубочныхъ картинъ наступилъ совершенно новый періодъ. Вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ обществѣ нашемъ проявилось благородное и высокое стремленіе—просвѣщать народъ, учить его, вести къ свѣту, къ развитію, къ образованности. Разомъ явилось множество школъ, множество дѣятелей въ различныхъ углахъ Россіи. Планъ школы былъ невыработанъ; дѣятели спѣшили, желая научить народъ грамотѣ поскорѣе и вѣря въ возможность очень быстраго сближенія съ нимъ на почвѣ развитія и образованія. Первыя попытки въ большинствѣ случаевъ окончились полною неудачею; историческая послѣдовательность развитія народной массы, недопускающая никакихъ пропусковъ и пробѣловъ, сказалась ясно и заявила свои права... Притомъ оказался недостатокъ въ книгахъ, въ пособіяхъ пригодныхъ для русской школы... Почти четверть вѣка прошло въ исканіяхъ и выработкѣ того типа народной и церковно-приходской школы, который теперь всѣми признанъ за наиболѣе цѣлесообразный. Но этотъ періодъ выработки, сопровождавшійся борьбою различныхъ началъ, партій и воззрѣній, ни для кого незамѣтно, нашелъ себѣ весьма существенные отголоски въ совершенно иной области, несвязанной тѣсно со школою:—въ области народныхъ картинъ.

Сближеніе съ Западомъ, рѣзко сказавшееся (и далеко не вездѣ и не во всемъ въ пользу Россіи) у насъ въ бурный періодъ 60-хъ годовъ, когда мы такъ охотно все воспринимали отъ Европы, и такъ настойчиво и неразумно спѣшили отказаться отъ всего своего—повліяло весьма существенно и на производство народныхъ картинъ. Масса картинъ западнаго производства (преимущественно нѣмецкая литографія) нахлынула къ намъ въ Россію, благодаря облегченнымъ тарифамъ. Дешевизна и разнообразіе этого иноземного наплыва «на-

родныхъ» картинъ были поразительныя. Чего тутъ только не было? И пейзажи съ водопадами, и морскіе виды съ кораблями и чудовищами подводнаго царства, и сцены изъ жизни животныхъ, и снимки съ сюжетовъ св. Писанія (разработанные по оригиналамъ первѣйшихъ художниковъ) и просто иконы, самаго опредѣленнаго католическаго пошиба, и даже типы нѣмецкой деревни и нѣмецкаго кнейпа! Товаръ былъ казовый, яркій:—передъ нимъ стирались и блѣднѣли скромныя произведенія московскихъ литографій третьей руки, давно уже вытѣснившихъ лубокъ... Офени запаслись новымъ товаромъ на ярмаркѣ въ Нижнемъ—и понесли его во всѣ концы свѣта бѣлаго! Тогда насталъ очень тяжелый періодъ для нашей торговли народными картинами. Вопросъ о ея существованіи былъ поставленъ на очередь:—въ рукахъ народа были уже несравненно лучшіе образцы иноземной дешевой картины, правда, не вполнѣ подходящіе по сюжету, но заманчивые по выполненію. Приходилось отказаться отъ вѣковото застоя, отъ способовъ выполненія, отжившихъ свой вѣкъ, отъ сюжетовъ, утратившихъ свое прежнее значеніе въ силу новой эры, наступившей такъ неожиданно въ нашей общественной и народной жизни. Чтобы удержать за собою рынокъ, нужно было одновременно искать и новыхъ сюжетовъ, и новыхъ способовъ ихъ выполненія... А тутъ еще и власти за умъ взялись—поняли значеніе народной картины; и цензурныя условія ея печатанья сдѣлались, вслѣдствіе этого, крайне стѣснительными.

И надо отдать справедливость тѣмъ простымъ русскимъ людямъ, которые издавна держали въ рукахъ своихъ производство и распространеніе въ массѣ народныхъ картинъ;—они, при наступленіи этого кризиса, выказали много практическаго ума и такта, много устойчивости и тонкаго пониманія народныхъ нуждъ, и, благодаря этимъ качествамъ, не только удержали все дѣло въ своихъ рукахъ, но даже съумѣли внести въ него много новаго и важнаго... Отдѣльные, мелкіе дѣятели соединились въ большіе кружки и товарищества, маленькія литографійки и печатни съ допотопными станками и ручными машинами замѣнились огромными и сильными паровыми скоропечатнями, изъ которыхъ стали выходить въ свѣтъ хромолитографіи, ни въ чемъ неуступавшія заграничнымъ народнымъ картинамъ! Конкурренція нѣмецкаго художественнаго товара съ русскимъ оказалось невозможною, благодаря поразительной дешевизнѣ русскихъ народныхъ картинъ... Но это мало: въ послѣднее десятилѣтіе не только художественный уровень производства народныхъ картинъ значительно поднялся, но и самые сюжеты сдѣлались болѣе осмысленными. Такъ, напримѣръ, явилось желаніе давать не фантастическія изображенія св. горы Аѳонской или Кіево-Печерскаго монастыря, а дѣйствительныя, снятыя съ фотографій; въ снимки чудотвор-

ныхъ иконъ внесено было болѣе сходства съ подлинниками; сцены и лица св. Писанія не перерисовывались уже болѣе съ иностранныхъ, готовыхъ образцовъ и явились попытки создать нѣчто иное, болѣе подходящее къ православнымъ воззрѣніямъ массы. Мало-по-малу стали являться среди народныхъ картинъ сюжеты историческіе и, рядомъ съ портретами историческихъ дѣятелей и народныхъ героевъ, стали являться портреты русскихъ авторовъ, окруженные эпизодическими картинками, заимствованными изъ ихъ произведеній. Не вполнѣ иссякла и прежняя струя, нѣкогда преобладавшая среди нашихъ лубочныхъ картинъ: сказочные сюжеты, подвиги Еруслана и Ильи Муромца, встрѣчаются и нынѣ среди массы современныхъ народныхъ картинъ, хотя и въ лучшей обработкѣ и въ лучшемъ исполненіи, нежели прежде. Въ другихъ старыхъ сюжетахъ (напримѣръ, въ изображеніяхъ Страшнаго суда, въ «Ступеняхъ человѣческаго вѣка»), еще удержавшихся въ современной народной картинѣ, замѣтны также новыя вѣянія: многое въ нихъ урѣзано, измѣнено, примѣнено къ современнымъ условіямъ жизни. Менѣе всего осталось слѣдовъ прежняго юмористическаго направленія народной картины, которая замѣтно, становясь болѣе осмысленною, становится и болѣе серьезною, и до нѣкоторой степени, болѣе сухою; въ нѣкоторой части современной народной картины замѣтно даже стремленіе къ утилитаризму: народную картину многіе производители хотятъ приравнять къ наглядному пособію, которое бы одинаково могло распространиться и въ массѣ народа, и въ школѣ...

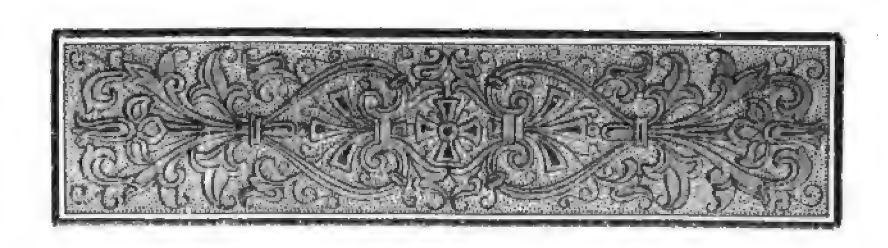
Все это вполнѣ ясно показала намъ первая выставка народныхъ картинъ, устроенная Комитетомъ Грамотности при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, выставка, на которой собраны были довольно значительныя коллекціи и старыхъ лубочныхъ картинъ, и весьма полный подборъ народныхъ картинъ новѣйшаго періода (драгоцѣнная коллекція А. М. Калмыковой). Чрезвычайно любопытны были и самыя цифры, сообщенныя производителями и распространителями народныхъ картинъ, указывающія на распространенность этихъ художественныхъ произведеній въ народѣ:—цифры громадныя, среди которыхъ сотни тысячъ экземпляровъ оказываются весьма обычнымъ явленіемъ...

Въ общемъ выводѣ, для каждаго посторонняго наблюдателя, внимательно обозрѣвшаго собранный на этой выставкѣ матеріалъ, получается одно несомнѣнное убѣжденіе:—народныя картины представляютъ собою весьма важный элементъ въ дѣлѣ народнаго образованія и развитіи въ народѣ художественнаго вкуса. И самые производители народныхъ картинъ, и даже распространители ихъ въ народѣ—составляютъ немаловажную силу, которую нельзя упускать изъ виду и съ которою слѣдуетъ считаться... Эти производители уже додумались до того, что привлекаютъ къ участію въ

своемъ дѣлѣ крупныхъ художниковъ и платятъ имъ большія деньги за хорошее выполненіе сюжетовъ, избранныхъ для народной картины; но самый выборъ сюжетовъ и общее направленіе, преобладающее въ массѣ народныхъ картинъ, оставляютъ еще желать очень многаго. Мы думаемъ, что, при крайней бѣдности и ограниченности нашей народной литературы, очень важнымъ подспорьемъ для распространенія въ народѣ необходимыхъ ему элементарныхъ научныхъ свѣдѣній и даже элементарныхъ основъ морали должна бы была явиться—именно—народная картина! Составленныя умно и толково, по извѣстному, строго-выработанному и строго-обдуманному плану, народныя картины могли бы сослужить весьма серьезную службу въ дѣлѣ развитія народнаго самосознанія. Картины эти, выпущенныя въ свѣтъ отдѣльными серіями, могли бы обнимать цѣлыя области знанія, то знакомя народъ съ нашей отечественной исторіей, то съ исторіей русской церкви и ея подвижниковъ, то съ различными отраслями сельскаго хозяйства и простѣйшей техники, то съ практическими сторонами различныхъ промысловъ и производствъ, то съ богатствами Россійской имперіи и ея разноплеменнымъ населеніемъ и т. д. Но для того, чтобы внести все это въ кругъ нашихъ народныхъ картинъ, необходимо было бы привлечь къ участію въ составленіи ихъ и литераторовъ, и ученыхъ, и техниковъ—и подчинить выборъ и выработку новыхъ сюжетовъ народной картины особому жюри, составленному изъ спеціалистовъ... Полагаемъ, что производители народныхъ картинъ и до этого додумаются... Въ этомъ убѣждаетъ насъ все то, что намъ удалось видѣть на выставкѣ народныхъ картинъ. Мы вѣримъ въ возможность дальнѣйшаго и весьма серьезнаго развитія народной картины, которой предстоитъ въ будущемъ весьма видная и важная роль въ дѣлѣ образованія народа и распространенія среди него общеполезныхъ свѣдѣній.

Пепо.

РОСТОВСКІЙ БОРИСОГЛѢБСКІЙ МОНАСТЫРЬ, ЧТО НА УСТЬѢ, ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХІИ.

«Все къ размышенью здѣсь влечетъ невольно насъ!
«Все въ душу томную уныніе вселяетъ;
«Какъ будто здѣсь опа изъ гроба важный гласъ
«Давно минувшаго внимаетъ!..»

Борисоглѣбскій монастырь находится въ 18-ти верстахъ отъ Ростова по угличской большой дорогѣ и расположенъ почти на самомъ берегу рѣки Устья. По своему живописному положенію — это безъ сомнѣнія одинъ изъ лучшихъ монастырей во всей Ярославской епархіи, а по числу своихъ древнихъ построекъ и массивности стѣнъ, онъ представляется издали цѣлымъ городомъ, какъ это замѣтилъ императоръ Александръ Благословенный, проѣзжая изъ Ярославля къ Ростову 23-го августа 1823 года. Легендарныя сказанія говорятъ, что на мѣстѣ нынѣшняго монастыря было нѣкогда жилище какого-то заморскаго великана «Акула» и что тутъ жили «паны». Эти паны были на столько велики и сильны, что перекидывали каменья, топоры и плахи, къ своимъ женамъ «въ городецъ на Сарѣ», т. е. слишкомъ за двадцать верстъ [1]). Дѣйствительно, верстахъ въ пяти отъ монастыря находится и посейчасъ такъ называемый «Акуловскій городокъ», имѣющій четырехъугольную форму. Городокъ помѣщается на высокомъ мѣстѣ, на склонѣ горы къ рѣкѣ Устью. Внѣшнія укрѣпленія — валы и рвы отчасти сохранились съ трехъ сторонъ. Что это былъ за городокъ—никакихъ историче-

[1]) «Ростовскій уѣздъ Ярославской губ.» А. Титова. Москва, 1885 г. стр. 352.

скихъ записей не существуетъ; но народное преданіе говоритъ то же, что на этомъ мѣстѣ жили «паны». Лѣтомъ здѣсь бываютъ гулянья, называемыя «игрищенскими», собираясь на которыя крестьяне, говорятъ: «пойдемъ на игрища» [1]). Монастырь основанъ былъ въ 1363 году, по благословенію преподобнаго Сергія, Радонежскаго чудотворца, при ростовскомъ князѣ Константинѣ и при епископѣ Игнатіи III, въ княженіе великаго князя московскаго Димитрія Ивановича Донского. Сначала на этомъ мѣстѣ поселился одинъ пустынникъ, по имени Θеодоръ, прибывшій сюда изъ Новгорода, а потомъ къ нему вскорѣ пришелъ и братъ его, Павелъ. Нѣсколько времени жили они въ выстроенной ими среди дремучаго лѣса лачужкѣ, питаясь милостыней отъ проходившихъ и проѣзжавшихъ по дорогѣ (изъ Ростова къ Угличу и Бѣлоозеру), пролегавшей черезъ этотъ лѣсъ. Узнавъ однажды о прибытіи преподобнаго Сергія въ Ростовъ, для поклоненія ростовскимъ святынямъ, пустынники поспѣшили увидѣться съ преподобнымъ и упросили его посѣтить и благословить ихъ жилище. Преподобный не замедлилъ исполнить ихъ желаніе и указалъ мѣсто для построенія храма въ честь благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба, чего между прочимъ желали и сами св. князья, открывшись пустынникамъ въ чудномъ видѣніи. Благословляя мѣсто для храма, преподобный Сергій предсказалъ, что «сіе мѣсто вельми возродится и въ предбудущія времена будетъ превозносимо предъ большими лаврами». И эти пророческія слова вполнѣ подтвердились дальнѣйшей исторіей обители. Въ непродолжительное время, какъ и во всѣхъ новооткрываемыхъ русскихъ монастыряхъ, около первыхъ пустынниковъ собралось очень значительное число братіи, и преподобный Θеодоръ былъ избранъ игуменомъ. Въ новоустроенномъ монастырѣ стали искать мѣста своего погребенія многіе изъ ростовскихъ вельможъ, и на поминъ души ихъ поступали во владѣніе монастыря села, деревни и пожни.

Вскорѣ послѣ постройки второй теплой церкви во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, Θеодоръ, ища уединенія, удалился съ двумя учениками въ предѣлы вологодскіе, на мѣсто называемое «святая лука»,—гдѣ они поставили «малу клѣтцу», но «неразумніи невѣгласіи людіе и еще чудское бяше сего преподобнаго трудника изгнаша и клѣтцу ону размѣташа» [2]) Вслѣдствіе такого отношенія «неразумныхъ людей», преподобный удалился въ Бѣлоозерскую область и здѣсь, на рѣкѣ Ковжѣ, основалъ мужской Николаевскій монастырь, испросивъ у бѣлоозерскаго князя Андрея Димитріевича жалованную грамоту, которой отдавались во владѣніе новаго монастыря разные починки, покосы и право на рыбную

---

[1]) Ibid, стр. 467.

[2]) Рукописное житіе преп. Θеодора моего собранія по охр. кат. № 43.

Общій видъ Борисоглѣбскаго монастыря.

ловлю по рѣкѣ Ковжѣ, что впослѣдствіи было подтверждено также грамотами князя Михаила Андреевича, царя Михаила Ѳеодоровича и друг. Изъ этихъ грамотъ видно, что Николаевскій монастырь находился въ вѣдѣніи Борисоглѣбскаго, «а кого», говорится тамъ, «игуменъ борисоглѣбской въ томъ монастырѣ посадитъ игумена и тотъ игуменъ тѣхъ людей вѣдаетъ и судитъ. А у борисоглѣбскаго игумена збратьею того монастыря не отымать». Ковженскій монастырь до самаго упраздненія своего состоялъ такимъ образомъ приписнымъ къ Борисоглѣбскому.

Уже преклонныхъ лѣтъ преподобный Ѳеодоръ возвратился въ Борисоглѣбскій монастырь, гдѣ и скончался 22 октября 1410 года, передавъ игуменство брату и сподвижнику своему Павлу, которому завѣщалъ также заботиться и объ основанномъ имъ на Ковжѣ монастырѣ. Погребенъ преподобный въ церкви Бориса и Глѣба; рядомъ съ нимъ былъ потомъ положенъ и братъ его Павелъ.

Молва о первыхъ подвижникахъ новаго монастыря и живописное положеніе послѣдняго привлекли сюда жителей, такъ что вокругъ обители образовались вскорѣ цѣлыя слободы, въ которыхъ въ настоящее время насчитывается болѣе 165 дворовъ. Эти слободы прежде принадлежали монастырю; но, по учрежденіи штатовъ, императрица Екатерина II подарила слободы со всѣми монастырскими угодьями графу Григорію Орлову, а затѣмъ они перешли въ родъ графа Панина.

Кругомъ монастыря прежде можно было видѣть прекрасные сосновые и еловые лѣса, и многіе пріѣзжали сюда лечиться отъ грудныхъ болѣзней, но въ началѣ семидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія управляющій графа Панина продалъ за безцѣнокъ эти лѣса ростовскимъ лѣсопромышленникамъ, которые свели ихъ въ конецъ и пустили сѣчу подъ пастбище. Мѣстность такимъ образомъ навѣки лишилась своего украшенія, если не считать тѣ рощи, которыя кое-гдѣ еще и теперь виднѣются къ югу отъ монастыря.

Борисоглѣбскій монастырь замѣчателенъ и въ историческомъ отношеніи. Во время несчастнаго царствованія царя Василія Іоанновича Шуйскаго и въ смутную годину междуцарствія, когда поляки и литовцы хозяйничали въ сѣверной Россіи подъ начальствомъ Кожинскаго, Лисовскаго, Микулинскаго, Сапѣги и др., этотъ монастырь былъ спасенъ отъ разоренія единственно заступничествомъ препод. Иринарха, которому гетманъ Сапѣга подарилъ отъ себя еще 5 рублей. Въ житіи препод. Иринарха между прочимъ записаны слова Сапѣги, сказанныя окружающимъ послѣ посѣщенія преподобнаго: «Я такого батька нигдѣ не видалъ, ни здѣ, ни во иныхъ земляхъ, крѣпка зѣло и небоязлива». На западной сторонѣ, въ полуверстѣ отъ монастыря, до сихъ поръ видны слѣды правильно расположеннаго когда-то лагеря поляковъ, отчего и самая мѣстность называется «лагерями». Такъ живы въ народѣ преданія

Колокольня и соборъ св. Бориса и Глѣба

о бѣдственномъ времени въ Россіи! Въ 1545 году, при архіепископѣ ростовскомъ Алексіѣ, царь Иванъ Васильевичъ Грозный, въ бытность свою въ Ростовѣ, посѣтилъ и Борисоглѣбскій монастырь, гдѣ угощалъ братію и жаловалъ «отъ царскихъ щедротъ». Въ 1612 году князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, собираясь идти на освобожденіе Москвы, прибылъ сюда, чтобы получить благословеніе отъ препод. Иринарха. Праведный мужъ благословилъ князя крестомъ, предсказавъ ему полный успѣхъ въ его святомъ дѣлѣ. Пожарскій, по исполненіи своей высокой миссіи, возвратилъ крестъ св. прозорливцу[1]) и грамотой освободилъ Борисоглѣбскій монастырь отъ доставленія припасовъ для войска, собираемыхъ тогда по случаю войны.

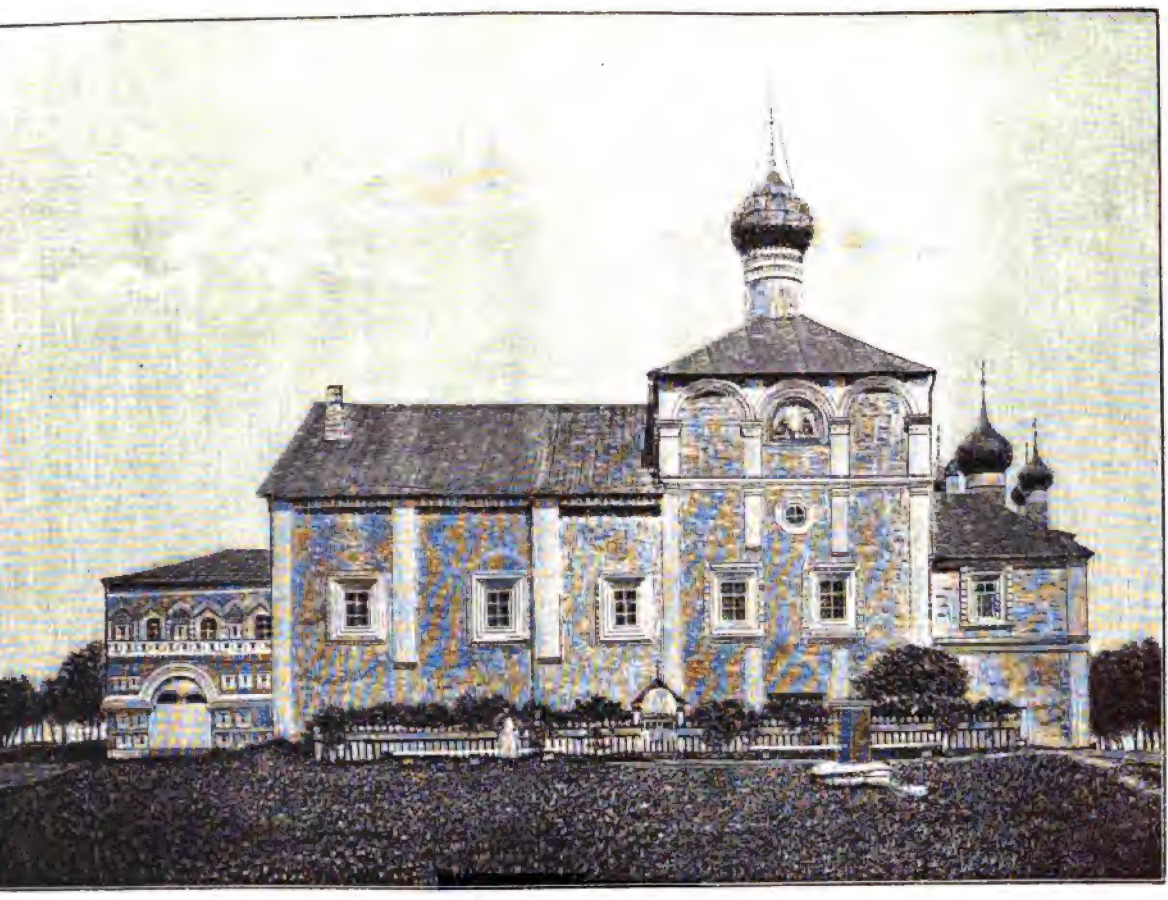
Строеніе въ монастырѣ первоначально было деревянное, каковымъ оно было въ продолженіе 159 лѣтъ. Но въ 1522 году, при игуменѣ Ѳеофилѣ, начались постройки каменныхъ зданій. Этотъ энергичный игуменъ испросилъ у великаго князя Василія Ивановича грамоту для отысканія извести въ окрестностяхъ Ростова и Переяславля. Когда же таковой нигдѣ не могли найти, препод. Ѳеофилъ обратился съ молитвою къ Богу о своей нуждѣ и молитва его была услышана: на другой день одинъ крестьянинъ въ пяти верстахъ отъ монастыря указалъ мѣсто, гдѣ известь лежала поверхъ земли и отличалась необыкновенной бѣлизной. Это обстоятельство было большимъ подспорьемъ для начала построекъ, предпринятыхъ игуменомъ Ѳеофиломъ при щедрыхъ жертвахъ царя Василія.

Въ настоящее время монастырскія зданія представляются въ слѣдующемъ видѣ:

1) Соборная церковь во имя св. благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба построена по благословенію архіепископа ростовскаго Іоанна, которымъ и освящена 1524 года сентября 22 дня. Своды храма поддерживаютъ два столпа, украшенные иконами. До 1830 года, какъ этотъ храмъ, такъ и остальные, кромѣ ниже упоминаемаго Ильинскаго придѣла, сохранялись почти во всей неприкосновенности. Но въ 1824 г. на ярославскую каѳедру поступилъ преосв. Авраамъ, изъ вдовыхъ московскихъ поповъ, большой любитель построекъ и торжественныхъ освященій церквей. Какъ

---

[1]) Крестъ этотъ украденъ съ гробницы преподобнаго въ 1830 г. По словамъ же нѣкоторыхъ старожиловъ, архимандритомъ Рафаиломъ былъ проданъ раскольникамъ за значительную сумму. Впрочемъ, о. архимандритъ деньгами, вырученными отъ продажи историческаго креста, лично не воспользовался, а употребилъ на благоукрашеніе и переломку драгоцѣнныхъ архитектурныхъ памятниковъ XVI вѣка. Онъ уничтожалъ ихъ во время своего двѣнадцатилѣтняго пребыванія на столько, на сколько у него доставало средствъ для этой затѣи. Рисунокъ съ пропавшаго креста преосвященнымъ Амфилохіемъ, епископ. угличскимъ, случайно найденъ въ числѣ собранія снимковъ съ крестовъ, принадлежащихъ Обществу Любителей духовнаго просвѣщенія и помѣщенъ имъ въ житіи преп. Иринарха. Москва. 1874 г.

Церковь Благовѣщенія.

разрушительный ураганъ пронесся тогда почти надъ всѣми древними памятниками Ярославской губерніи. Чѣмъ древнѣе было зданіе, тѣмъ безжалостнѣе оно обработывалось въ новѣйшемъ вкусѣ. Уцѣлѣвшія во всей неприкосновенности постройки царя Грознаго, съ датами строителя и мастеровъ — Богоявленскій храмъ Авраміевскаго монастыря [1]), Вознесенская церковь въ Ростовѣ—были варварски передѣланы. Въ это же время и Борисоглѣбскій монастырь не миновалъ рукъ доблестнаго старца. Вскорѣ послѣ образованнаго архимандрита Палладія, переведеннаго въ законоучители Ришельевскаго одесскаго лицея, и Өеофила—друга генерала Витта, бывшаго также законоучителемъ лицея, — преосв. Авраамомъ архимандритомъ въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ былъ опредѣленъ Рафаилъ Верховскій, бывшій до поступленія въ монашество сторожемъ ярославской духовной консисторіи. Мы не станемъ касаться нравственнаго облика о. Рафаила, такъ какъ прежнее прохожденіе извѣстной должности достаточно его характеризуетъ, а легенда утраты этимъ почтеннымъ архимандритомъ историческаго креста, болѣе двухъ вѣковъ сохранявшагося на ракѣ преподобнаго, не требуетъ даже и коментарій. Мы укажемъ только на то, что̀ сдѣлалъ этотъ современный «тамерланъ» изъ древнихъ зданій обители, пощаженныхъ не только вѣками, но даже буйными шайками литовскихъ полчищъ Льва Сапѣги и другими проходимцами, раззорявшими Русь въ XVII столѣтіи.

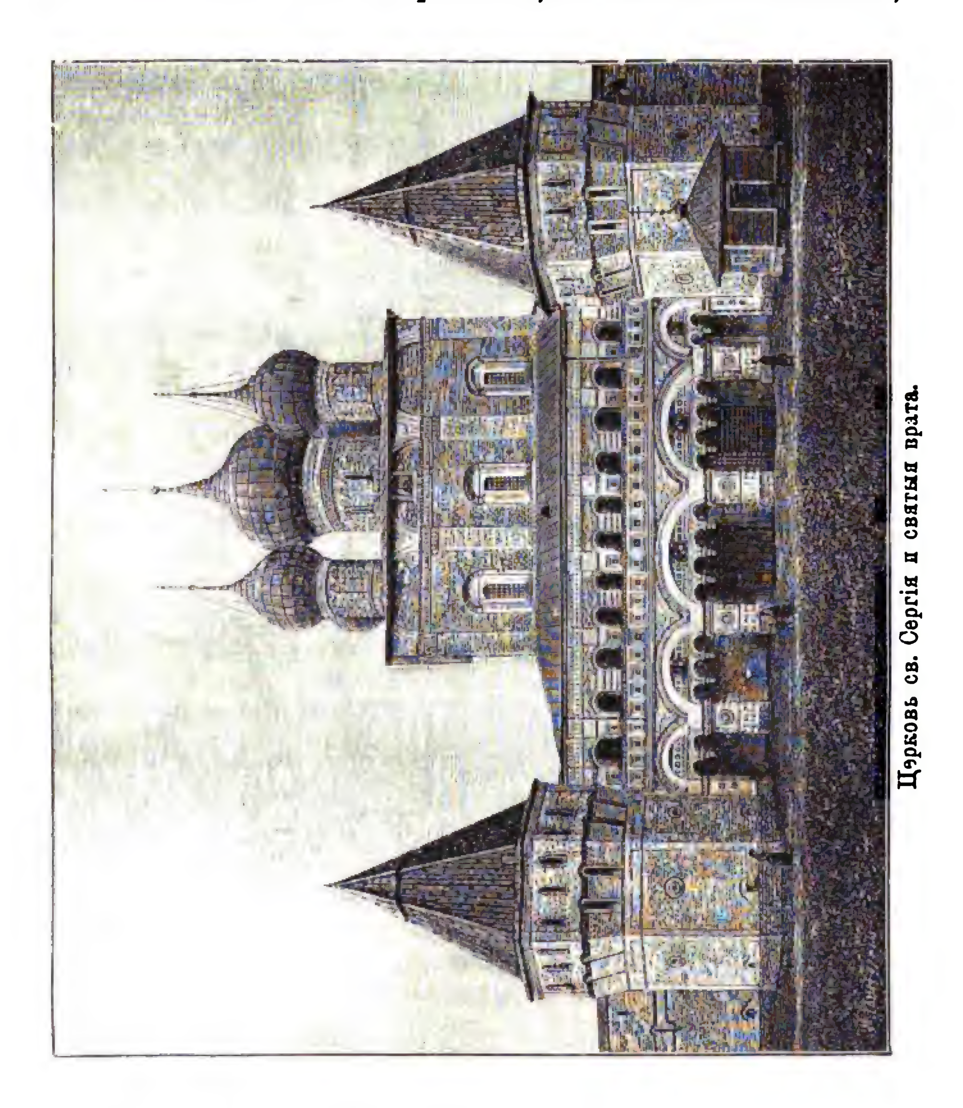
Въ первый же годъ Рафаилъ обратилъ свое вниманіе на этотъ древнѣйшій соборный храмъ. И вотъ, въ 1836 г., согласно монастырской записи архимандритъ Рафаилъ, съ благословенія преосв. Авраама, своего покровителя, вмѣсто одной главы, пристроилъ по угламъ храма четыре новыхъ деревянныхъ главы, оштукатуренныхъ по древесной драни. Въ настоящее время штукатурка этихъ главъ новѣйшей конструкціи начинаетъ мѣстами обваливаться. «Лишивъ первобытнаго стиля прекрасный фасадъ собора,—говоритъ посѣтившій этотъ монастырь въ 1887 г. археологъ И. А. Шляковъ,—пристроилъ на куполѣ четыре главы, вслѣдствіе чего стало падать менѣе свѣту черезъ пролеты оконъ большой главы, архимандритъ Рафаилъ, для достиженія лучшаго освѣщенія въ храмѣ, счелъ необходимымъ расширить прежнія узко-продолговатыя окна Борисоглѣбскаго собора и вовсе не дорожа памятью отца Грознаго—строителя собора, растесалъ окна самымъ грубымъ образомъ» [2]). Мы же съ своей стороны добавимъ, что по личномъ и неоднократномъ нашемъ осмотрѣ черезъ эту растеску оконъ са-

[1]) Впрочемъ, несмотря на всѣ синодскіе указы и Высочайшія повелѣнія, уцѣлѣвшіе отъ Грознаго остатки этого храма благоукрашаются и посейчасъ благопопечительными оо. архимандритами.

[2]) «Путевыя замѣтки о памятникахъ древне-русскаго зодчества» И. А. Шлякова, Ярославль, 1887 г., стр. 33.

мый храмъ опасенъ и въ алтарѣ стѣна дала уже трещину. Нужны скорыя и серьезныя мѣры, чтобы сохранить этотъ замѣчательный храмъ, одинъ изъ немногихъ памятниковъ XVI вѣка.

Иконостасъ въ храмѣ очевидно XVII вѣка, но иконы въ немъ не только большею частію переписаны, но даже замѣнены новыми,

Церковь св. Сергія и святыя врата.

впрочемъ и теперь еще уцѣлѣло нѣсколько образовъ современныхъ постройкѣ Борисоглѣбскаго храма. Прекрасное стѣнное письмо, сдѣланное еще при Иванѣ Грозномъ, было цѣло до 1783 г., тогда оно было возобновлено, а въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія тѣмъ же архимандритомъ Рафаиломъ замарано голубой краской съ

живописными клеймами. Эта современная живопись плохо гармонируетъ съ величіемъ и древностію храма. Въ сѣверозападномъ углу скромно помѣщается гробница основателей монастыря преп. Ѳеодора и Павла, обитая съ двухъ сторонъ мѣдью съ тремя чеканными позолочеными клеймами. На правой сторонѣ соборнаго храма устроена придѣльная церковь во имя пророка Иліи, тоже съ двумя столпами посрединѣ. Здѣсь подъ спудомъ почиваютъ мощи преподобнаго Иринарха († 1615 г.), какъ уже было выше сказано подвизавшагося слишкомъ 38 лѣтъ въ этомъ монастырѣ. При гробницѣ находятся тяжелыя цѣпи и другія орудія молитвенныхъ подвиговъ преподобнаго, то же къ сожалѣнію не всѣ уцѣлѣвшія. Этотъ придѣльный храмъ былъ передѣланъ въ 1809 году архимандритомъ Анатоліемъ. Прежде же съ XVII вѣка на этомъ мѣстѣ примыкало къ соборному храму каменное со сводами зданіе, покрытое деревянной чешуйчатой крышей, которое и называлось «гробничной палаткой преподобнаго Иринарха». Близь алтаря соборной церкви, въ особой палаткѣ, погребенъ мѣстночтимый юродивый Алексѣй Степановичъ, скончавшійся въ 1781 году и жившій въ монастырѣ въ юродствѣ 32 года. Здѣсь же погребенъ и преосвященный Тихонъ, жившій въ монастырѣ съ 1503 года на покоѣ [1]).

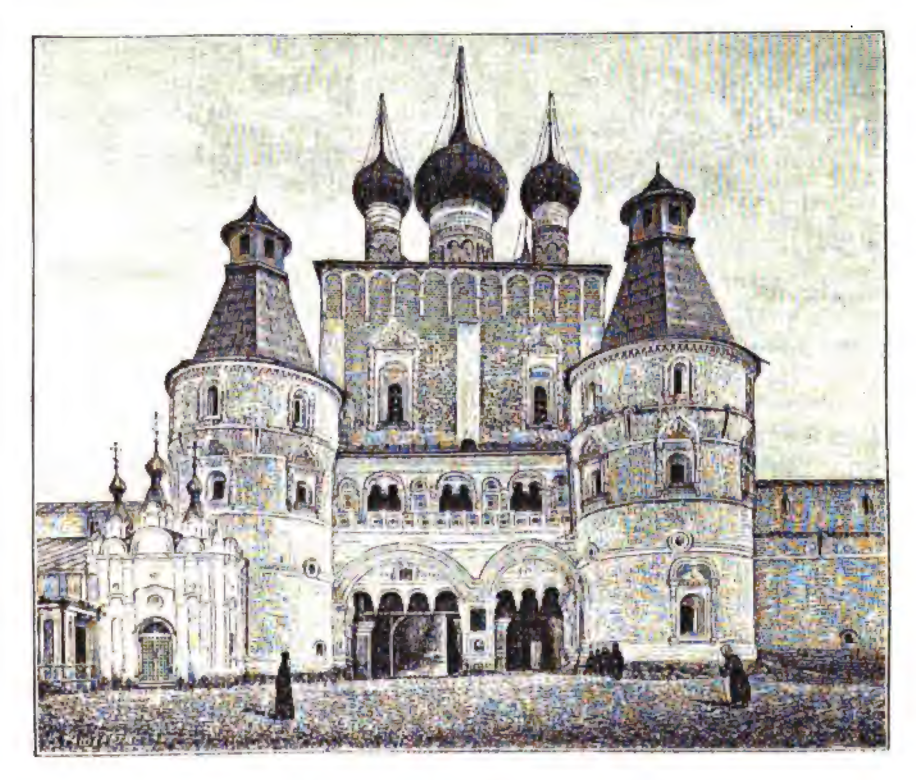
2) Теплая церковь во имя Благовѣщенія пресвятой Богородицы заложена игуменомъ Ѳеофиломъ въ 1524 году іюня въ 30 день, по благословенію архіепископа Іоанна; освящена въ 1526 преосвященнымъ Кирилломъ, архіепископомъ ростовскимъ. Эта церковь замѣчательной архитектуры, одноглавая; пролостный иконостасъ XVII вѣка уничтоженъ въ 1829 году тѣмъ же приснопамятнымъ для обители архимандритомъ Рафаиломъ и замѣненъ очень плохимъ. Имъ же сдѣланъ подъ верхнимъ сводомъ для теплоты накатъ въ родѣ потолоки, причемъ живопись временъ Грознаго также замалевана. Сводъ храма поддерживается однимъ столпомъ по срединѣ. На лѣвой сторонѣ церкви находится еще придѣлъ въ честь святителя Николая новѣйшаго созданія.

3) Средину монастыря близь Борисоглѣбской церкви занимаетъ громадная колокольня. (На ней были прежде знаменитые часы). Изящный портикъ съ замѣчательными кафелями довершаетъ красоту этого зданія. Подъ колокольней устроена холодная цер-

---

[1]) Преосвященный Тихонъ Малышкинъ рукоположенъ въ 1489 году изъ архимандритовъ Ярославскаго Спасскаго монастыря. Онъ извѣстенъ по участію на двухъ соборахъ: противъ жидовствующихъ (1491 г.) и для утвержденія новаго пасхальнаго круга на VIII тысячу лѣтъ. Еще до 1830—1840 г., какъ разсказывали старожилы, была цѣла его надгробная плита изъ бѣлаго камня, съ уцѣлѣвшими буквами вязью, но архимандритомъ Рафаиломъ, вмѣстѣ со многими другими, драгоцѣнными для исторіи, была извержена и употреблена на разныя монастырскія постройки.

ковь во имя Іоанна Предтечи. Стѣнной живописи нѣтъ. По преданію, все это зданіе построено въ XVII вѣкѣ ростовскимъ митрополитомъ Іоной Сысоевичемъ и снаружи имѣетъ самое близкое сходство съ ростовской соборной колокольной, сооруженной тѣмъ же митрополитомъ. Но это едва ли справедливо. Судя по характеру постройки, очевидно она была построена въ томъ же XVI вѣкѣ вмѣстѣ съ церквами игуменомъ Ѳеофиломъ или его преемникомъ. Митрополитъ Іона только взялъ за образецъ это зданіе

Церковь Срѣтенія съ Водяными вратами.

для постройки соборной колокольни въ Ростовѣ и въ Угличѣ въ Воскресенскомъ монастырѣ [1]). На колокольнѣ имѣется 8 колоколовъ, изъ которыхъ самый большой въ 261 пудъ (слитъ въ 1758 г.). До Петра I на колокольнѣ было много больше колоколовъ, но въ виду недостатка артилеріи, они были вмѣстѣ съ другими ростовскими вытребованы въ Москву и перелиты въ пушки.

4) Съ южной стороны, надъ святыми воротами выстроена большая пятиглавая каменная церковь во имя преподобнаго Сергія Радо-

[1]) «Истор. Вѣстн.» 1887 г. Церкви упраздненнаго Воскресенскаго монастыря въ Угличѣ.

нежскаго чудотворца. Къ этому храму за алтаремъ пристроено особое зданіе въ видѣ **тайника**, ходъ въ который по изслѣдованію И. А. Шлякова[1]) идетъ изъ алтаря чрезъ капитальныя стѣны храма по узкой каменной лѣстницѣ. Тайникъ этотъ чуть освѣщается маленькими окнами, въ стѣнахъ сдѣланы печурки, съ деревянными дверками на массивныхъ желѣзныхъ крюкахъ. И. А. Шлякову передавали, что въ этомъ тайникѣ, по преданію, во время польскаго погрома спасалась оставшаяся часть монашествующей братіи, а внизу подъ тайникомъ, въ кладовой палаткѣ, были скрыты монастырскія деньги и ризница. Въ иконостасѣ уцѣлѣло еще нѣсколько древнихъ иконъ, но къ сожалѣнію этотъ иконостасъ передѣланъ въ 1837 году. Своды поддерживаются двумя столпами.

5) Съ сѣверной стороны надъ въѣзжими или водяными воротами возвышается пятиглавая церковь во имя Срѣтенія Господня съ двумя папертями, на которыхъ, по словамъ г. Шлякова, достойны вниманія арки входныхъ дверей, выдѣланныя изъ простого кирпича въ видѣ разнообразныхъ розетокъ. Этотъ **окладъ** арки, какъ образецъ каменнографическаго дѣла въ Россіи XVI вѣка, свидѣтельствуетъ о высокомъ процвѣтаніи тогдашняго русскаго зодчества.

Келіи настоятелей, каменныя, устроены въ связи съ теплой Благовѣщенской церковью; подъ ними помѣщается братская трапеза съ кухней. Неподалеку отъ настоятельскихъ келій, близь водяныхъ воротъ, находится каменный корпусъ, предположенный для братскихъ келій. Онъ состоитъ изъ трехъ отдѣленій, изъ которыхъ одно занимается келіями казначея, а два остальныя отведены для монаховъ. На западной сторонѣ, противъ соборной церкви, расположенъ двухъэтажный корпусъ, издавна именуемый архіерейскимъ домомъ. Онъ построенъ, какъ говоритъ преданіе, архіепископомъ Самуиломъ Миславскимъ[2]), который имѣлъ этотъ монастырь своей лѣтней резиденціей. Здѣсь нѣкогда помѣщалось уѣздное духовное училище. Возлѣ этого дома находится одноэтажный каменный флигель, служившій помѣщеніемъ для архіерейской свиты.

Вокругъ монастыря идетъ высокая ограда съ 14 огромными башнями; особенно высоки наугольныя башни. Ограда и башни съ бойницами и амбразурами; высота ея 5 саж., толщина $3^1/_2$ арш., высота башенъ въ 8 саж. и болѣе, а ширина въ поперечникѣ 3 саж. и болѣе. Вся ограда въ окружности имѣетъ 480 саж.; по ней есть ходъ, крытый тесомъ. Внѣшній видъ ограды имѣетъ поразительное сходство съ оградою лавры преподобнаго Сергія и она едва ли не современна послѣдней. На западной сторонѣ за огра-

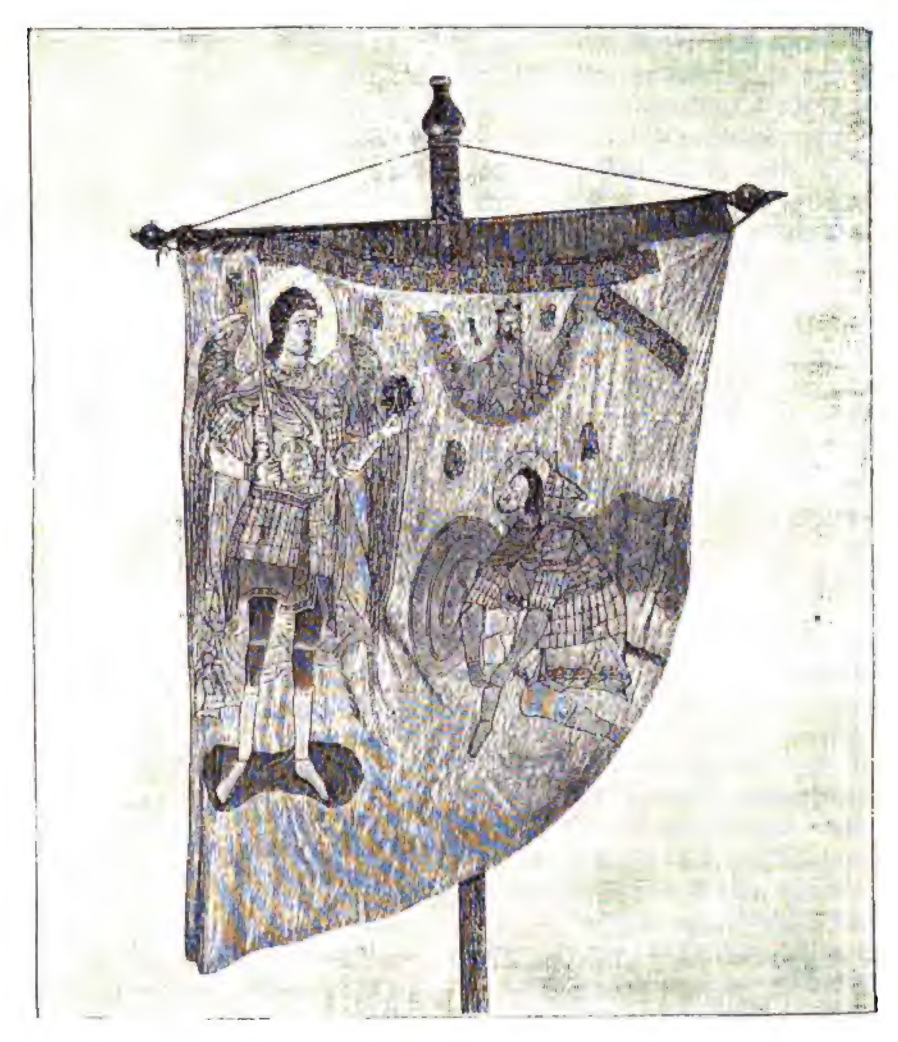
---

[1]) «Путевыя замѣтки» И. А. Шлякова, стр. 35.

[2]) Бывшимъ впослѣдствіи 1783—1796 митрополитомъ кіевскимъ.

дою—длинный и широкій прудъ, имѣющій сообщеніе съ небольшимъ прудомъ, находящимся въ саду.

Внѣ ограды монастырю принадлежатъ: скотный дворъ съ постройками для лошадей и экипажей и гостинница, каменная, от-

Знамя, данное Сапѣгой преподобному Иринарху.

даваемая въ аренду. Къ оградѣ же пристроены въ послѣднее время лавки. Хотя постройка ихъ совершенно испортила и архитектуру ограды и самый видъ монастыря, но доходъ съ нихъ служитъ нѣкоторой поддержкой прелестныхъ зданій этой древней обители.

До учрежденія штатовъ (1764 г.) за монастыремъ было, съ приписными монастырями, 6,785 душъ крестьянъ. Слѣдовательно монастырь былъ богатый и имѣлъ всѣ средства производить тѣ огромныя постройки, о которыхъ мы говорили нѣсколько выше. Вкладчиками монастыря были цари, князья, бояре, духовные и міряне. Ихъ жертвы въ теченіе трехъ вѣковъ очень тщательно заносились въ Кормовыя и Вкладныя книги [1]). Пробѣгая эти послѣднія, нельзя не обратить вниманія на личности самихъ вкладчиковъ. Въ этой живой лѣтописи мелькаютъ имена и неизвѣстныя и крупно-историческія. Тутъ и царь Иванъ Васильевичъ съ жертвами его гнѣва; тутъ и его многочисленныя жены-царицы; тутъ и Борисъ Годуновъ, и «тишайшій» царь Алексѣй Михайловичъ; наряду съ ними: крестьяне, епископы, простые чернецы, патріархи, торговые люди, митрополиты, подъячіе, игумны, князья и княгини и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, тутъ вся Русь, начиная съ Грознаго царя, окруженнаго тѣнями (какъ выражается нашъ лѣтописецъ) «опальныхъ людей», и кончая бѣднякомъ-смердомъ. Но въ этомъ разнообразіи есть удивительное единство. Это — вѣра. Всѣ — отъ царя, до его послѣдняго раба, котораго онъ считаетъ за ничто, всѣ вѣруютъ въ чудодѣйственную силу своихъ жертвъ предъ святыми угодниками Борисомъ и Глѣбомъ; всѣ наполняютъ монастырскую казну, по мѣрѣ своихъ средствъ. Золото и серебро, села и деревни, и самые ничтожные вклады, заносятся въ монастырскую лѣтопись ея творцомъ, съ одинаковымъ безпристрастіемъ. Для лѣтописца нѣтъ ужасной пропасти между добромъ и зломъ, между правдой и кривдой. Одинаково твердымъ почеркомъ онъ пишетъ, что вотъ такого-то лѣта и дня пожертвованы такимъ-то крестьяниномъ «меринъ карь да корова» за его здравіе; а вотъ-де царь и государь Иванъ Васильевичъ всея Руссіи прислалъ по опальныхъ людяхъ, по Никитѣ Фуниковѣ «съ товарищи», «триста рублевъ денегъ». Обитель получила извѣстный вкладъ; она обязана творить за вкладчика извѣстныя молитвы, давать братіи тѣ или другіе кормы: вотъ что важно для монастырскаго лѣтописца! На все остальное онъ смотритъ спокойно, равнодушно, «не вѣдая ни жалости, ни гнѣва» [2]).

Изъ древнихъ вещей, разграбленныхъ ляхами, уворованныхъ нечестивыми иноками, растраченныхъ легкомысленными настоятелями, какими-то судьбами уцѣлѣли слѣдующіе замѣчательные предметы: 1) Старинное знамя изъ шелковой красноватаго цвѣта матеріи, довольно широкое, водруженное на длинномъ древкѣ. На немъ съ обѣихъ сторонъ вышиты золотомъ, серебромъ и разными шелками изображенія: а) Господа Саваоѳа, сѣдящаго на

---

[1]) Книги эти напечатаны нами въ 1881 г.

[2]) «Вкладныя и Кормовыя книги Борисоглѣбскаго монастыря, А. Титова».

облакахъ и благословляющаго обѣими руками, б) архистратига Михаила, въ воинскихъ доспѣхахъ, держащаго въ рукѣ мечъ и в) Іисуса Навина, тоже въ воинскомъ вооруженіи, припавшаго предъ нимъ съ лѣвой стороны на правое колѣно. На знамени имѣется надпись, изъ которой можно разобрать только слѣдующія слова, вышитыя вязью: «Ко Іисусу: иззуй сапогъ съ ногу твоею, мѣсто бо, на немъ же ты стоиши, свято есть и сотвори Іисусъ тако» (Кн. Іис. Нав., гл. 5, ст. 15). Когда и какъ появилось знамя въ монастырѣ, сказать объ этомъ что-нибудь опредѣленное очень трудно. Преданіе, впрочемъ, говоритъ, что его подарилъ монастырю гетманъ Сапѣга, осаждавшій монастырь въ 1609 году и пощадившій обитель изъ уваженія къ препод. Иринарху. По другой легендѣ—это знамя положено неизвѣстнымъ лицомъ въ память стрѣлецкихъ бунтовъ. Замѣтимъ кстати, что въ войскѣ Сапѣги могли быть знамена и съ славянскими надписями. 2) Орудія подвижничества препод. Иринарха: суровая власяница, схимонашескіе наглавники; желѣзныя вериги: праздничныя, будничныя и поліелейныя; наглавникъ, поясъ, цѣпи, ужище, камень, палица (дубинка), кресты наперстные (по 3 фун.). Вѣсу во всѣхъ этихъ вещахъ 9 пуд. 19 фун. 3) Семь старинныхъ, поясныхъ, писанныхъ на холстѣ портретовъ царей: Іоанна Грознаго, Ѳеодора Іоанновича, Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича, царицы Натальи Кирилловны, Ѳеодора Алексѣевича и Іоанна Алексѣевича. 4) Въ ризницѣ хранятся: а) мѣдные кресты, принадлежавшіе препод. Иринарху; б) крестъ серебряный позолоченый съ мощами 80 святыхъ, съ частицею Креста Господня и камнемъ отъ гроба Господня, устроенный въ 1716 году архимандритомъ Іосифомъ; в) крестъ архимандритскій серебряный съ мощами еванг. Марка, Іоанна Златоуста, св. Николая, Ефрема Сирина, Іоанна Многострадальнаго, Павла Послушливаго и г) крестъ каменный, обложенный серебромъ.

Въ библіотекѣ, по словамъ изслѣдователя ярославской епархіи прот. Троицкаго, достойны вниманія: а) рукописный сборникъ съ завѣщаніемъ св. Димитрія; б) краткій катихизисъ, по мѣстамъ направленный противъ раскольниковъ; в) «Чудо новое» препод. Кирилла Новоезерскаго, гдѣ между прочимъ значится, что за Ковженскимъ монастыремъ по новой ревизіи считается 240 душъ крестьянъ; г) Лѣтописецъ отъ сотворенія міра, краткій, въ концѣ котораго упоминается о привезеніи въ Москву Стеньки Разина; д) древній сѵнодикъ, въ которомъ записаны, между прочимъ, роды: кн. Іоанна Димитріевича Бѣльскаго, кн. Андрея Ростовскаго, кн. Юрія Ивановича Темкина, князей Ростовскихъ—Хохолковыхъ, кн. Іоанна Гвоздева-Ростовскаго, кн. Ивана Михайловича Шуйскаго, кн. Петра Михайловича Щенятева, князей Пронскихъ, кн. Ивана Андреевича Гондурова, кн. Ивана Михайловича Хворостинина, кн. Алексѣя

Михайловича Львова, Михайла Михайловича Салтыкова, стольника Титова, окольничаго Колгузина и др.[1]).

Настоятели монастыря сперва были игумены, но съ 1688 года, при царяхъ Иванѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ и при святѣйшемъ патріархѣ Іоакимѣ, учреждена была архимандрія. По настольной грамотѣ, данной 1719 года октября 29 дня, Георгіемъ, епископомъ ростовскимъ и подтвержденной преосв. Іоакимомъ, здѣшнимъ архимандритамъ дозволено было служить съ набедренникомъ, палицею, въ шапкѣ среброкованной, съ рипидами и на коврѣ.

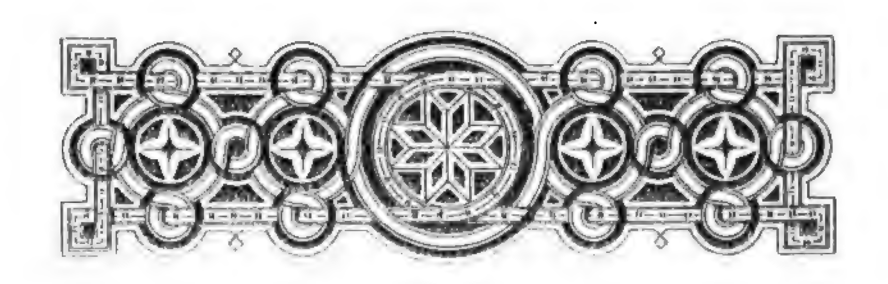
Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ «о тѣсной келіи преподобнаго Иринарха», въ которой онъ провелъ 38 лѣтъ и 4 мѣсяца, обремененный желѣзными цѣпями. Она уцѣлѣла до нашего времени и находится у стѣны за алтаремъ Борисоглѣбской соборной церкви. Въ ней узенькое, едва пропускающее свѣтъ, окошечко и голыя мрачныя стѣны... Какъ три вѣка назадъ, такъ и теперь:

«Весна сихъ сводовъ не видала,
«Ты не найдешь на нихъ цвѣтка,
«На нихъ затворника рука
«Страданій повѣсть начертала»...

А. Титовъ.

[1]) Синодикъ находится въ Ростовскомъ музеѣ церковныхъ древностей и напечатанъ нами почти весь въ Описаніи рукописей этого музея.

РУССКІЙ ДВОРЪ ВЪ 1826—1832 ГОДАХЪ.

НЕДАВНО появился въ печати первый томъ записокъ генерала Леопольда Герлаха подъ заглавіемъ «Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs, Generals der Infanterie und General-Adjutanten König Friedrich Wilhelms IV. Nach seinen Aufzeichnungen herausgegeben von seiner Tochter»[1]). Такъ какъ авторъ записокъ занималъ видное мѣсто при прусскомъ дворѣ, находился въ близкихъ сношеніяхъ съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV, его братомъ, принцемъ Вильгельмомъ, (впослѣдствіи германскимъ императоромъ) и другими членами королевской фамиліи, кромѣ того, неоднократно путешествовалъ въ свитѣ принца Вильгельма и нѣсколько разъ бывалъ въ Россіи, то его записки не лишены интереса и для русскихъ читателей. Имѣя случаи бесѣдовать съ высокопоставленными лицами о событіяхъ современной политики и къ тому же отличаясь твердостью политическихъ убѣжденій и замѣчательными способностями, авторъ записокъ получилъ возможность сообщить потомству множество любопытныхъ подробностей о придворномъ бытѣ въ Пруссіи и Россіи и о важнѣйшихъ вопросахъ политики въ царствованіе императора Николая и прусскихъ королей Фридриха-Вильгельма III и Фридриха-Вильгельма IV. То обстоятельство, что чуть ли не на каждой страницѣ записокъ Герлаха идетъ рѣчь о принцѣ Вильгельмѣ, которому было суждено впослѣдствіи занять столь важное мѣсто и въ обще-европейской

[1]) Berlin, Verlag von Wilhelm Hertz, 1891. Erster Band; 848 стр.

политикѣ и въ исторіи нашего вѣка, придаетъ этому источнику особое значеніе. Въ настоящемъ очеркѣ мы извлекаемъ изъ записокъ Герлаха свѣдѣнія относящіяся къ Россіи, именно въ первое время царствованія императора Николая Павловича.

Скажемъ нѣсколько словъ о личности Герлаха и его карьерѣ.

Семейство Герлахъ въ продолженіе послѣднихъ столѣтій занимало видное мѣсто въ прусской бюрократіи; нѣкоторые члены этого семейства служили въ военной службѣ. Отецъ автора записокъ былъ бюргермейстеромъ въ Берлинѣ въ то время, когда Пруссія находилась въ нѣкоторой зависимости отъ Франціи (1809—1813 гг.). И онъ и сыновья его принадлежали постоянно къ партіи консерваторовъ. Братъ автора записокъ, Людвигъ, въ 1849 г. основалъ извѣстную «Neue Preussische Zeitung» (такъ называемую «Kreuz-Zeitung»), въ которой проповѣдывались до новѣйшаго времени начала реакціи противъ всякой попытки прогресса и либерализма. Людвигъ Герлахъ до семидесятыхъ годовъ упорно боролся противъ конституціонализма и въ качествѣ члена, такъ называемой, клерикальной партіи нападалъ иногда на Бисмарка, на извѣстнаго министра Фалька и пр. Младшій братъ, Оттонъ, посвятилъ себя богословію, сдѣлался пасторомъ, былъ профессоромъ, и имѣлъ нѣкоторое значеніе, какъ писатель, въ своей спеціальности.

Авторъ записокъ, Леопольдъ, родившійся въ 1790 году, воспитывался сначала въ гимназіи, затѣмъ въ военной академіи и участвовалъ въ походахъ противъ Франціи. Онъ сражался при Ауэрштетѣ въ 1806 году и немного позже былъ взятъ въ плѣнъ французами. По возвращеніи на родину, онъ нѣкоторое время былъ студентомъ въ Гёттингенѣ, гдѣ занимался изученіемъ литературы, богословія, права и пр. Уже въ это время довольно сильно развивалась въ немъ ненависть противъ либерализма и революціонной Франціи. Въ 1813 году онъ участвовалъ въ войнѣ за освобожденіе Германіи и находился въ главной квартирѣ при Блюхерѣ. Послѣ заключенія Вѣнскаго мира онъ, оставаясь въ военной службѣ, занимался изученіемъ политическихъ теорій въ смыслѣ реакціонныхъ стремленій противъ переворота 1789 г. и слѣд. Въ 1824 году, онъ былъ причисленъ къ свитѣ принца Вильгельма, что̀ и представляло ему случаи побывать въ разныхъ странахъ, между прочимъ и въ Россіи. Не раньше какъ въ 1859 г. онъ сдѣлался генераломъ отъ-инфантеріи, но во все время и до этого онъ пользовался особеннымъ довѣріемъ не только принца Вильгельма, но и короля Фридриха-Вильгельма IV, всюду и всегда и во всѣхъ отношеніяхъ поддерживая реакціонныя стремленія. Простудившись на похоронахъ короля Фридриха-Вильгельма, Леопольдъ Герлахъ скончался въ началѣ 1861 года.

Изданіе записокъ его будетъ обнимать, въ двухъ томахъ, время отъ 1825 года до конца царствованія Фридриха-Вильгельма IV.

Первый томъ доведенъ до 1852 года. Особенно любопытно изложеніе перваго времени царствованія короля Фридриха-Вильгельма IV. Частыя бесѣды Герлаха съ королемъ и кронпринцемъ о текущихъ дѣлахъ, о вопросахъ внѣшней и внутренней политики, объ опасности чрезмѣрно-либеральнаго развитія государственнаго права, отношенія Герлаха къ другимъ коронованнымъ лицамъ, къ министрамъ, къ замѣчательнымъ представителямъ науки и литературы, глубоко нравственное отношеніе его ко всѣмъ вопросамъ свѣтскимъ и духовнымъ, широкая эрудиція, даже, смѣемъ сказать, односторонность его политическихъ и религіозныхъ воззрѣній—все это придаетъ запискамъ Герлаха довольно важное значеніе.

Четыре раза онъ, вмѣстѣ съ принцемъ Вильгельмомъ, пріѣзжалъ въ Петербургъ, именно въ 1826, 1828, 1832 и 1834 годахъ. О четвертой поѣздкѣ мы не находимъ данныхъ въ изданіи. За то разсказы о впечатлѣніи, произведенномъ на него Россіей, дворомъ, членами царской фамиліи и пр. до 1832 года, имѣя характеръ краткихъ, отрывочныхъ замѣтокъ, все-таки отличаются рельефностью и могутъ считаться занимательными. Во время первой поѣздки Герлаха въ Петербургъ, главнымъ предметомъ вниманія его были: перемѣна на престолѣ въ Россіи, декабристы и произведенное надъ ними слѣдствіе; въ 1828 году, Герлаха и лицъ съ которыми онъ встрѣчался при русскомъ дворѣ главнымъ образомъ интересовали восточный вопросъ, греки, предстоявшая турецкая война. Когда принцъ Вильгельмъ, а въ свитѣ его и Герлахъ, прибыли въ Россію въ 1832 году, имъ, какъ и другимъ современникамъ, приходилось, въ виду событій въ разныхъ государствахъ, заниматься вопросомъ о революціи и о конституціонализмѣ.

Принцъ Вильгельмъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ январѣ 1826 г. и оставался тамъ до апрѣля, безъ малаго три мѣсяца. Между нимъ и императоромъ Николаемъ существовали еще до этого близкія, родственныя отношенія. Съ 1817 года, сестра принца, принцесса Шарлотта—императрица Александра Ѳеодоровна—была супругою Николая. Берлинскіе гости были приняты въ Петербургѣ особенно радушно. Любезность въ обращеніи государя съ лицами свиты принца не могла не произвести глубокаго впечатлѣнія на Герлаха и его товарищей. Генералъ Тиле былъ въ восхищеніи отъ личности Николая. Въ разговорѣ съ генераломъ, государь замѣтилъ, что онъ, Николай, относится къ королю Фридриху-Вильгельму III съ любовью и довѣріемъ, какъ сынъ къ отцу. «Скажите всѣмъ моимъ товарищамъ въ Берлинѣ,—сказалъ онъ генералу Тиле,—что я съ отмѣнною радостью вспоминаю о времени, проведенномъ мною въ Берлинѣ». Весьма радушно Николай бесѣдовалъ и съ Герлахомъ понѣмецки, показывалъ ему и другимъ лицамъ свиты принца своихъ дѣтей, наслѣдника цесаревича, которому тогда было восемь лѣтъ и великихъ княженъ. Веселость и рѣзвость дѣтей при серьез-

ности положенія двора непосредственно послѣ воцаренія Николая Павловича произвели впечатлѣніе на Герлаха. Неоднократно и послѣ Герлахъ имѣлъ случай видѣть этихъ дѣтей, удивляясь ихъ красотѣ и развязности. Во время пребыванія принца въ Петербургѣ, 10-го (22 го) марта, праздновали день его рожденія. Съ поздравленіемъ сначала пріѣхала императрица съ дѣтьми, не въ черномъ платьѣ, затѣмъ и государь. Онъ обнялъ всѣхъ лицъ свиты принца, а императрица замѣтила: «Бѣдный Випсъ (Вильгельмъ) празднуетъ день своего рожденія при довольно печальныхъ обстоятельствахъ», т. е. во время придворнаго траура. Личность Николая производила самое благопріятное впечатлѣніе. Удивлялись его прекрасной наружности. Говорили о его благочестіи. Нѣкто Мортимеръ, пасторъ гернгутерскаго прихода, разсказывалъ Герлаху, что государь ежедневно занимается чтеніемъ священнаго писанія; подтверждая разсказъ Мортимера, Гриммъ, служившій тогда при гардеробѣ государя, прибавилъ, что въ этихъ занятіяхъ, т. е. въ чтеніи священнаго писанія по утрамъ и по вечерамъ, регулярно участвовалъ и великій князь Михаилъ Павловичъ.

Въ первое пребываніе принца въ Петербургѣ русскій дворъ находился подъ вліяніемъ впечатлѣнія кончины императора Александра и печальныхъ событій, сопровождавшихъ воцареніе Николая. Когда берлинскіе гости прибыли вновь въ Петербургъ въ 1828 году, общее настроеніе двора было какъ-то веселѣе, спокойнѣе. Герлахъ въ своемъ дневникѣ говоритъ объ этой, бьющей въ глаза, разницѣ. Императрица въ 1826 году имѣла болѣзненный видъ; теперь она была здоровою и отличалась красотою. Тогда всѣхъ занимала мысль объ опасности, грозившей со стороны заговорщиковъ, и слѣдствіе надъ декабристами было при дворѣ главнымъ предметомъ бесѣдъ и заботъ; теперь же дворъ могъ предаваться обычнымъ удовольствіямъ. Особенно часто играли «á la mouche». Императрица, какъ замѣчаетъ Герлахъ, веселостью походила на брата Вильгельма. 2-го (14-го) января 1828 г. былъ балъ при дворѣ, великолѣпіе котораго, при этомъ случаѣ, удивило Герлаха и его товарищей. Государь весьма любезно разговаривалъ со всѣми, шутилъ съ Герлахомъ, затрогивалъ слегка вопросы политики и проч. Была устроена и охота на медвѣдей въ окрестностяхъ Петербурга, при чемъ костюмы загонщиковъ обратили на себя вниманіе Герлаха. Петергофъ, куда всѣ отправились на два дня и откуда была предпринята экскурсія въ Кронштадтъ для осмотра тамошнихъ укрѣпленій, не особенно понравился Герлаху и онъ удивлялся тому, что въ Петербургѣ говорили о прелести природы, окружающей Петергофъ, съ такимъ же восхищеніемъ, съ какимъ могъ бы расхваливать мѣстоположеніе своей столицы король неаполитанскій. Дѣло въ томъ, что Герлахъ былъ въ Петергофѣ въ январѣ.

Вмѣстѣ съ принцемъ Герлахъ бывалъ у нѣкоторыхъ вель-

можъ, завтракалъ у князя Голицына, у князя Кочубея, и друг. Однажды, его къ себѣ пригласила императрица, и онъ просидѣлъ у нея часъ. Другой разъ онъ былъ свидѣтелемъ слѣдующаго эпизода. На вечерѣ у императрицы собралась нѣсколько болѣе многочисленная компанія. Сначала бесѣдовали, затѣмъ принялись за игру «á la mouche»; наконецъ императрица предложила игру фаро (или фарао). Государь шутя не согласился дозволить эту азартную игру, говоря: «Non ma chére, et je vous prie sérieusement de ne pas faire cela, sur tout comme nous ne sommes pas entre nous; on en parlera dans la ville». Обращаясь затѣмъ къ бывшему тутъ же виртембергскому принцу, Николай Павловичъ прибавилъ: «Et Monseigneur racontera aussi de vous á Stuttgart».

Герлаху разсказывали, что императоръ Николай Павловичъ въ это время регулярно работалъ по утрамъ отъ 8 до 12 часовъ, а по вечерамъ отъ 9 до глубокой ночи. Въ дневникѣ Герлаха выражается удивленіе фамиліарности въ обращеніи государя и государыни съ лицами ихъ окружающими. Какъ кажется, въ Берлинѣ и въ тѣсномъ кругу правила этикета имѣли бóльшее значеніе. Разсказы объ обращеніи государя съ дѣтьми, о разныхъ шуткахъ его, производятъ чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе. Однажды, когда Герлахъ ужиналъ за однимъ столомъ съ императоромъ, императрицею и принцемъ, послѣдній, замѣтивъ, что одинъ столъ былъ поставленъ повыше другого, сказалъ: «C'est la chambre haute et la chambre basse», а Николай Павловичъ возразилъ: «Ne me parlez pas ici de constitusion», Это было въ 1832 г. Тогда именно въ Англіи газеты сильно нападали на Николая Павловича, что̀ ему казалось очень забавнымъ. Однажды вечеромъ, онъ, встрѣтивъ Герлаха, сказалъ ему и прусскому дипломату Каницу, что въ англійскомъ парламентѣ его сравнивали съ Нерономъ, называли его Каннибаломъ и проч. и что весь англійскій словарь оказался недостаточнымъ для выраженія всѣхъ ужасныхъ качествъ, которыми отличается всероссійскій императоръ. Лордъ Дургамъ, англійскій дипломатъ, прибывшій въ Россію, находился въ неловкомъ положеніи, а императоръ Николай шутя говорилъ: «Je me signerai toujours Nicolas cannibal».

Неоднократно Герлахъ въ своихъ запискахъ говоритъ и о другихъ членахъ царскаго дома. Его трогала любезность, съ которою обращался съ нимъ и съ другими лицами великій князь Михаилъ Павловичъ, который съ Герлахомъ иногда, хотя и сдержанно, говорилъ о политикѣ, напримѣръ о декабристахъ, о грекахъ и проч. Великаго князя Константина Павловича Герлахъ не видалъ. Когда онъ въ свитѣ принца Вильгельма въ началѣ 1826 г. былъ проѣздомъ въ Варшавѣ, великій князь не показывался лицамъ свиты и пригласилъ къ себѣ обѣдать только одного принца. Консулъ Шмидтъ въ Варшавѣ, у котораго обѣдали Герлахъ и другія лица свиты

принца, разсказывалъ нѣкоторыя подробности о характерѣ и дѣйствіяхъ великаго князя, замѣчая при этомъ, что бракъ съ княгинею Ловичъ оказалъ весьма благопріятное вліяніе на нравъ Константина Павловича, такъ что въ послѣднее время измѣнилось въ лучшему его суровое обращеніе съ поляками. Онъ былъ нѣжнымъ супругомъ. Кончина императора Александра такъ сильно подѣйствовала на него, что онъ рыдая обнималъ принца Вильгельма при встрѣчѣ съ нимъ. Шмидтъ разсказывалъ далѣе, что великій князь вполнѣ одобрялъ мысль императора Александра сохранить нѣкоторую самостоятельность и своеобразность Польши и проч.

Императрица-мать, Марія Ѳеодоровна, удивляла берлинскихъ путешественниковъ своею неутомимою дѣятельностью въ завѣдываніи школами. Герлахъ замѣчаетъ, что, бывало, даже ночью, послѣ придворныхъ вечеровъ, довольно часто происходившихъ въ ея покояхъ, она была занята дѣлами по администраціи учрежденій, находившихся въ ея вѣдомствѣ. Герлахъ прибавляетъ, что несмотря на неусыпные труды императрицы, весьма часто совсѣмъ неожиданно посѣщавшей эти училища, въ нихъ происходили замѣчательныя злоупотребленія.

Понятно, что во время перваго пріѣзда Герлаха въ Петербургъ, непосредственно послѣ кончины императора Александра, весьма часто заходила рѣчь о покойномъ государѣ. Говорили о болѣзненномъ состояніи его въ послѣднее время жизни, о его душевномъ разстройствѣ; императрица Александра Ѳеодоровна разсказывала Герлаху о нѣкоторыхъ чертахъ сюда относящихся. Марія Ѳеодоровна сказала Герлаху объ Александрѣ: «Онъ былъ лучшимъ другомъ вашего короля» и проч. Герлахъ далѣе говоритъ въ своихъ запискахъ о когда-то происходившей бесѣдѣ императора Александра съ своимъ шуриномъ, принцемъ Вильгельмомъ, въ которой Александръ выразилъ намѣреніе отказаться отъ престола. Герлахъ къ этому прибавляетъ нѣкоторыя данныя о намѣреніи Александра назначить себѣ преемникомъ Николая, о чрезмѣрномъ довѣреніи Александра къ Аракчееву и проч. Саксонскій дипломатъ Розенцвейгъ, съ давнихъ поръ проживавшій въ Петербургѣ, сообщилъ Герлаху нѣкоторыя подробности объ отношеніяхъ Александра къ Наполеону во время событій въ Тильзитѣ. Александръ, говоритъ Розенцвейгъ, былъ «de bon coeur» союзникомъ Наполеона, но послѣ заключенія Тильзитскаго мира въ продолженіе нѣсколькихъ дней не выходилъ изъ своихъ покоевъ и никого не принималъ (?). Дибичъ разсказывалъ генералу Тиле, будто главною причиною душевнаго разстройства, меланхоліи, Александра было отчаяніе по поводу страшныхъ злоупотребленій въ администраціи и что покойный государь сомнѣвался въ возможности помочь этому злу. Далѣе Дибичъ говорилъ, что ему самому ничего не было извѣстно объ отреченіи великаго

князя Константина Павловича отъ престола, что императоръ Александръ во время послѣдней болѣзни ни слова не сказалъ ему объ этой перемѣнѣ въ порядкѣ престолонаслѣдія и что поэтому онъ, Дибичъ, на другой день послѣ кончины Александра послалъ докладъ Константину и только тогда, значитъ довольно поздно, получилъ въ отвѣтъ отъ великаго князя приказаніе, обращаться съ докладами къ императору Николаю Павловичу. И князь А. Н. Голицынъ, съ которымъ Герлахъ сошелся близко, благодаря бесѣдамъ о религіи, сообщилъ ему нѣкоторыя свѣдѣнія объ Александрѣ, при чемъ замѣтилъ: «Je suis lié à l'empereur Alexandre depuis trente ans; notre amitié date des temps de l'impératrice Cathérine». Похороны Александра происходили во время пребыванія берлинскихъ гостей въ Петербургѣ, и Герлахъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности объ этой церемоніи; гробъ сначала былъ привезенъ въ Царское Село, императрица Марія Θеодоровна, увидѣвъ тѣло сына, нѣсколько разъ цѣловала руку покойника и воскликнула: «Oui, c'est mon cher fils, mon cher Alexandre, ah, comme il a maigri». Герлахъ присутствовалъ при погребеніи въ Петербургѣ, при церемоніи въ Казанскомъ соборѣ и въ Петропавловскомъ соборѣ, при чемъ особенно сильно на него подѣйствовало церковное пѣніе. По его разсказу, отсутствіе вдовы Александра и великаго князя Константина при погребеніи Александра возбудило неблагопріятные толки.

Главнымъ предметомъ бесѣдъ при русскомъ дворѣ во время перваго пребыванія принца Вильгельма въ Петербургѣ при Николаѣ, разумѣется, были декабристы. Всѣ находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ событій, совершившихся при перемѣнѣ на престолѣ. Марія Θеодоровна говорила Герлаху объ этихъ событіяхъ: «Ужасныя сцены происходили въ моихъ глазахъ, подъ окнами моихъ комнатъ; оба сына находились въ крайней опасности; бѣдные солдаты были приведены въ заблужденіе. Для меня было утѣшеніемъ видѣть, какъ при этомъ случаѣ держалъ себя мой сынъ Николай; лучшею поддержкою при этомъ ему служила его супруга, которая поступала во всѣхъ отношеніяхъ какъ нельзя лучше, моя милая, любезная дочь!» . . . .

. . . .

До Герлаха доходили кое-какія свѣдѣнія о дѣйствіяхъ слѣдственной комиссіи, судившей декабристовъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ говорилъ Герлаху о слѣдствіи, въ которомъ онъ принималъ дѣятельное участіе: «Ce n'est pas seulement une fatigue physique, mais aussi une fatigue morale; cela blesse le coeur. Ces messieurs parlent avec un sangfroid de ces horreurs, comme s'ils étaient en plein droit. Ou nous sommes des faquins et ces messieurs là des honnêtes gens, ou ils sont des faquins et nous les honnêtes gens. Ils sont sans foi et sans loi absolument; ils ne veulent que l'assassinat et le pillage». Принцъ Вильгельмъ сообщалъ лицамъ, его окружавшимъ, нѣкоторыя подробности о слѣдствіи надъ декабристами. Допросы происходили въ помѣщеніи смежномъ съ покоями императрицы Маріи Θеодоровны, такъ что въ послѣднихъ было слышно, что говорили при допросахъ. Случился слѣдующій эпизодъ. Одинъ молодой человѣкъ открыто сознался въ своей винѣ и въ слезахъ упалъ въ ноги императору. Послѣдній сказалъ ему, что его наказаніе ограничится шестимѣсячнымъ заключеніемъ въ Выборгскомъ замкѣ. Молодой человѣкъ хотѣлъ вытереть слезы, но при этомъ замѣтилъ, что у него не было платка, государь далъ ему свой платокъ, замѣтивъ при этомъ: «Оставь платокъ у себя и не забывай, что ты проливалъ слезы раскаянія». . . . .

. . . . Говорили далѣе о намѣреніи заговорщиковъ, а именно нѣкоторыхъ офицеровъ-артиллеристовъ, убить великаго князя Константина на пути изъ Варшавы въ Таганрогъ. Дибичъ говорилъ Герлаху, что онъ съ своей стороны считаетъ положеніе не столько опаснымъ, и что арестованіе 300 человѣкъ положило конецъ бунту; онъ же разсказывалъ о молвѣ въ народѣ, будто Александръ еще живъ и въ могилу опущенъ пустой гробъ.

Во время пребыванія Герлаха въ Петербургѣ, государь на парадѣ обратился съ рѣчью къ двумъ полкамъ, участвовавшимъ въ безпорядкахъ; въ отвѣтъ на эту рѣчь раздалось громкое «ура»! Николай Павловичъ сказалъ Дернбергу, присутствовавшему при этой сценѣ: «Теперь я на нихъ вновь могу надѣяться вполнѣ».

При всемъ томъ, однако, положеніе двора считалось очень опаснымъ. Кто-то изъ придворныхъ говорилъ генералу Тиле: «Будьте увѣрены, что не всѣ заговорщики находятся въ крѣпости: они отчасти еще между нами; мы съ ними встрѣчаемся въ передней у государя, и у него въ рукахъ имѣются доказательства ихъ измѣны». . . . .

. . . . Герлахъ видѣлъ выраженіе крайней заботы на

лицѣ императора. Императрица Марія Θеодоровна неоднократно въ сильномъ волненіи спрашивала принца Вильгельма, считаетъ ли онъ вообще возможнымъ, чтобы русскіе отважились на столь ужасныя преступленія?

Вообще, положеніе Россіи казалось Герлаху далеко неудовлетворительнымъ. Онъ говорилъ съ разными лицами, въ томъ числѣ и русскими, объ исторіи Россіи, о ея государственномъ и общественномъ строѣ, экономическомъ положеніи народа и приходилъ къ выводу, что въ разныхъ отношеніяхъ коренныя реформы оказывались необходимыми. Во время пребыванія въ Кронштадтѣ, въ февралѣ 1826 года, Герлахъ вынесъ впечатлѣніе о крайне неудовлетворительномъ состояніи флота. При другомъ случаѣ онъ удивлялся тому, что русскіе офицеры не были хорошими всадниками. Въ этомъ родѣ въ его запискахъ разсыпаны и другія замѣчанія о положеніи Россіи въ религіозномъ отношеніи, о крестьянахъ, о положеніи дѣлъ на Кавказѣ и проч. Во второе пребываніе въ Петербургѣ, наканунѣ турецкой войны, Герлахъ замѣтилъ: «Борьба предстоящая внутри Россіи опаснѣе войны въ долинахъ Балканскихъ горъ».

Нѣкоторыя замѣчанія объ Аракчеевѣ и военныхъ поселеніяхъ не лишены интереса. Герлахъ видѣлъ Аракчеева при дворѣ, и бывшій любимецъ Александра произвелъ на него самое невыгодное впечатлѣніе. Полковникъ Мердеръ, занимавшій мѣсто наставника цесаревича, говорилъ съ Герлахомъ объ Аракчеевѣ, порицая его нравъ и неудачную административную дѣятельность. Всѣ въ одинъ голосъ,—пишетъ Герлахъ въ другомъ мѣстѣ, «осуждаютъ военныя поселенія, тираннія неслыханная» и проч. Разсказывали разные случаи деспотизма Аракчеева. Удивлялись тому, что государь не выражалъ болѣе энергично свое нерасположеніе къ Аракчееву, который счастливъ только тогда, когда бываетъ мучителемъ. До отъѣзда, весною 1826 г., принцъ и лица его окружавшія, отправились въ Новгородскую губернію смотрѣть военныя поселенія. Здѣсь Аракчеевъ произвелъ на путешественниковъ самое неблагопріятное впечатлѣніе. Пробывъ не болѣе одного дня въ этихъ военныхъ поселеніяхъ, принцъ Вильгельмъ и его свита убѣдились въ полной справедливости всѣхъ неблагопріятныхъ отзывовъ объ этомъ учрежденіи. Они нашли военныя поселенія «отвратительными, ужасными» (in ihrer ganzen Abschenlichkeit), основанными на совсѣмъ неправильныхъ началахъ и поддерживаемыхъ исключительно жестокостью и проч. Генералъ Головинъ замѣтилъ при этомъ:: «L'homme dans ces colonies est sujet au caporalisme jusqu'aux détails de sa vie pricvèe».

Любопытны также нѣкоторыя замѣчанія о вліяніи протестантизма въ Россіи. Герлахъ на вопросы религіи обращалъ особенное вниманіе. Его поэтому въ высшей мѣрѣ интересовали лица въ

родѣ князя Голицына, Госнера, Ливена и друг. Онъ справлялся о дѣятельности Госнера, игравшаго довольно важную роль въ послѣднее время царствованія императора Александра. Гернгутерскій пасторъ Мортимеръ разсказывалъ Герлаху о необычайно успѣшной пропагандѣ Госнера, бывшаго прежде католикомъ и перешедшаго въ протестантскую вѣру, о его краснорѣчіи, объ отношеніяхъ къ нему императора Александра и пр. Съ Ливеномъ Герлахъ подробно бесѣдовалъ и состояніи протестантизма, о расколѣ, о князѣ Голицынѣ, объ отношеніяхъ Александра къ вопросамъ религіи и т. под. Въ то время, когда Герлахъ прибылъ въ Петербургъ, тамъ не было болѣе Госнера. Однако послѣдній, находясь въ Германіи, оттуда переписывался съ братьями Гриммами и чрезъ нихъ старался все еще оказывать вліяніе на русскій дворъ, какъ видно между прочимъ изъ письма его къ Гримму, напечатаннаго въ изданіи дневника Герлаха (стр. 16—17). Объ Александрѣ I Герлаху разсказывали, что Меттернихъ всячески уговаривалъ его принять мѣры противъ масоновъ, но что государь возразилъ: «Laissez les franc-maçons; ce sont de bons gens»; вскорѣ однако началось гоненіе на Библейское Общество. Что касается до Госнера, то Герлахъ досталъ себѣ рукописи съ проповѣдями этого извѣстнаго пропагандиста и по прочтеніи ихъ доставилъ всѣ бумаги принцу Вильгельму, который также занимался ими и находилъ, что все содержаніе проповѣдей и писемъ Госнера вполнѣ соотвѣтствовало духу христіанской религіи. Вопросъ о библейскихъ обществахъ былъ тогда предметомъ бесѣдъ при дворѣ. Великій князь Михаилъ Павловичъ, въ разговорѣ съ принцемъ Вильгельмомъ, намекнулъ на опасность, грозившую со стороны библейскихъ обществъ для народа и ссылался при этомъ на мнѣніе высказанное духовенствомъ. Принцъ Вильгельмъ и Герлахъ все это, въ бесѣдѣ между собою, подвергали подробному обсужденію. Императоръ Никаолай говорилъ о Госнерѣ и другихъ пропагандистахъ: «Эти люди намъ нанесли много вреда». Напрасно принцъ въ бесѣдѣ съ государемъ попытался было оправдать Госнера, ссылаясь на содержаніе прочитанныхъ имъ бумагъ этого проповѣдника. Николай указалъ на какую-то книгу Госнера, считавшуюся чрезвычайно вредною и заставившую правительство удалить его. Принцъ и Герлахъ узнали, что архимандритъ Фотій въ борьбѣ противъ Голицына, Госнера и библейскихъ обществъ, воспользовался Аракчеевымъ какъ орудіемъ для того, чтобы заставить императора Александра принять строгія мѣры. Впрочемъ, берлинскіе гости узнали также, что императоръ Николай презиралъ Фотія.

Принцъ Вильгельмъ и лица его свиты не могли не обращать вниманія на положеніе иностранцевъ въ Россіи. При дворѣ они встрѣтили многихъ выдающихся представителей прибалтійскаго края, нѣмцевъ, французовъ, англичанъ. Герлахомъ были собраны

данныя о значеніи иностранцевъ въ исторіи внѣшней торговли и фабричной промышленности Россіи, о врачахъ-иностранцахъ и пр., и его замѣчанія о вліяніи этихъ пришельцевъ на развитіе культуры Россіи не лишены интереса. Онъ также старался узнать подробнѣе о состояніи Дерптскаго университета, причемъ особенно выставлялъ на видъ значеніе медицинскаго и богословскаго факультетовъ. Ему казалось, что учрежденіе этого университета императоромъ Александромъ имѣло особенно важный успѣхъ и принесло великую пользу.

Во все время перваго пребыванія принца Вильгельма въ Россіи при императорѣ Николаѣ, въ дневникѣ Герлаха почти вовсе не говорится о внѣшней политикѣ. Все вниманіе путешественниковъ сосредоточивалось на событіяхъ при дворѣ и въ столицѣ. Когда два года спустя принцъ Вильгельмъ и его адъютантъ опять прибыли въ Россію, восточный вопросъ обращалъ на себя одинъ вниманіе. Въ октябрѣ 1827 года, происходила битва при Наваринѣ, въ которой соединенный англо-русско-французскій флотъ разбилъ турецкій. 19—31 декабря прибылъ въ Петербургъ принцъ Вильгельмъ. Весною 1828 года началась турецкая война. Борьба грековъ за независимость началась еще въ послѣднее время царствованія императора Александра; однако европейскія державы вмѣшались въ дѣла на Балканскомъ полуостровѣ не раньше какъ съ 1826 года. Особенно Англія старалась въ пользу грековъ; Каннингъ дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ на Балканскомъ полуостровѣ, Веллингтонъ въ Петербургѣ. О пріѣздѣ знаменитаго англійскаго полководца въ Россію, въ мартѣ 1826 г., упомянуто въ дневникѣ Герлаха; тамъ же сказано нѣсколько словъ о грекахъ. Однако гораздо подробнѣе говорится о Турціи и о Греціи въ 1828 году. Россія готовилась вмѣстѣ съ Англіею объявить войну Оттоманской Портѣ. Спрашивалось: можно ли будетъ разсчитывать и на содѣйствіе Пруссіи? Во время пребыванія принца Вильгельма въ Петербургѣ до конца апрѣля 1828 года этотъ вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно. Король Фридрихъ-Вильгельмъ III объявилъ, что не считаетъ возможнымъ присоединиться къ коалиціи. Понятно, что принцъ Вильгельмъ и Герлахъ въ это время зорко слѣдили за событіями.

Уже императоръ Александръ I думалъ о разрывѣ съ Оттоманскою Портою. Въ началѣ царствованія Николая приходилось рѣшить вопросъ о мирѣ или войнѣ. Герлахъ иногда принималъ участіе въ бесѣдахъ по этому предмету. Уже въ 1826 году онъ говорилъ о грекахъ и туркахъ съ княземъ Меншиковымъ, причемъ удивился уму и способностямъ этого сановника. На пути въ Россію принцъ Вильгельмъ бесѣдовалъ съ Герлахомъ постоянно о турецкихъ дѣлахъ и о принципѣ вмѣшательства въ дѣла другихъ державъ. Послѣ пріѣзда въ Петербургъ, Герлахъ разговари-

валъ объ этомъ же предметѣ съ Дибичемъ, который объяснялъ, при какихъ условіяхъ можно думать о взятіи Константинополя, о выгодахъ для Россіи расширить свои предѣлы въ Азіи и пр. Герлахъ въ своемъ дневникѣ приводитъ слова императора Николая Павловича: «La Russie ne fera pas des conquêtes en Europe; pour l'Asie c'est autre chose». Меншиковъ объяснилъ Герлаху, что при размѣрахъ торговыхъ сношеній Россіи съ Азіею нельзя не думать о принятіи мѣръ для обезпеченія караваннаго движенія. Кочубей выразилъ мысль объ учрежденіи въ Константинополѣ республики (!?). Вопросъ о томъ: достойны ли греки заступничества за нихъ европейскихъ державъ или нѣтъ, становился жгучимъ. Принцъ Вильгельмъ считалъ вмѣшательство въ турецкія дѣла необходимымъ, называя такую «intervesion» не иначе, какъ «la bonne cause». Герлахъ не раздѣлялъ этого взгляда и сомнѣвался въ правѣ державъ вмѣшиваться въ дѣла, происходившія на Балканскомъ полуостровѣ. Въ его глазахъ греки состояли въ тѣсной связи съ либерализмомъ въ Европѣ и поэтому онъ не могъ понять, какимъ образомъ принцъ Вильгельмъ могъ желать вмѣшательства въ ихъ пользу. Императоръ Николай Павловичъ сначала былъ такого же мнѣнія; но пріѣздъ Веллингтона все-таки имѣлъ слѣдствіемъ составленіе «петербургскаго протокола», въ которомъ въ принципѣ была высказана мысль о заступничествѣ за грековъ. 11-го марта, государь встрѣтилъ Герлаха въ покояхъ императрицы и спросилъ его: «Скажите, Герлахъ, будетъ ли война или нѣтъ?» Герлахъ отвѣтилъ: «Рѣшеніе этого вопроса въ рукахъ вашего величества».—«А мнѣ почему знать, что̀ будетъ? Нужно спросить султана». При Герлахѣ Николай Павловичъ велѣлъ принести планы Константинополя и объяснялъ технику дѣла при бомбардированіи города. Другой разъ Герлахъ бесѣдовалъ объ этомъ же предметѣ съ графомъ Строгоновымъ, объяснявшимъ, что при неминуемо предстоящемъ паденіи Порты нужно принять нѣкоторыя мѣры предосторожности, и что поэтому приходится поддерживать грековъ, но что послѣдніе не будутъ въ состояніи управлять собою, и что если другіе не позаботятся объ устройствѣ ихъ дѣлъ, то можно ожидать анархіи въ этомъ краѣ.

Между тѣмъ состоялось заключеніе союза Россіи съ Англіею и Франціею. Герлаху казалось, что это соглашеніе заключало въ себѣ нѣкоторымъ образомъ союзъ этихъ державъ съ якобинизмомъ и что Греція будетъ исходною точкою чрезвычайныхъ усложненій. Меттернихъ былъ того же мнѣнія. 5-го (17-го) апрѣля Дибичъ говорилъ Герлаху: «Въ случаѣ нашего перехода чрезъ Балканы и побѣды надъ турками близъ Адріанополя, мы, пожалуй, возьмемъ и Константинополь; а потомъ что̀ будетъ? Самое лучшее было бы обезпечить самостоятельность христіанскихъ народовъ на Балканскомъ полуостровѣ, организовать тамъ нѣкоторое число независи-

мыхъ государствъ для отвращенія опасности въ случаѣ сокрушенія Оттоманской Порты и для обезпеченія интересовъ торговли».

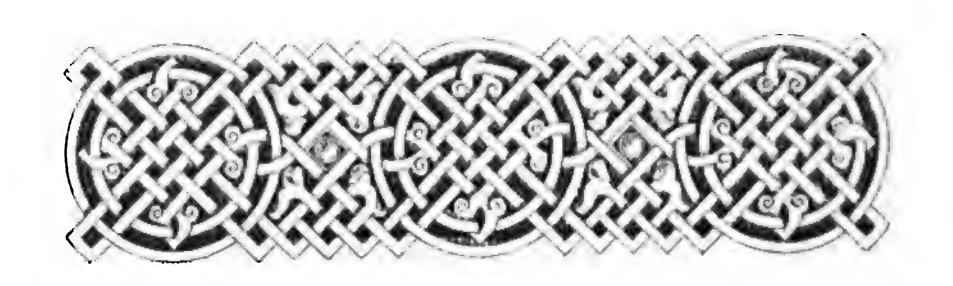
Таково было положеніе дѣлъ въ ту минуту, когда принцъ и Герлахъ покинули Петербургъ. Съ одной стороны Герлахъ порицалъ объявленіе войны Турціи, съ другой онъ сожалѣлъ о нежеланіи Пруссіи участвовать въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ, по его мнѣнію, присутствіе принца Вильгельма могло предотвратить нѣкоторыя несправедливыя мѣры Россіи, которыхъ Герлахъ опасался.

Въ февралѣ 1829 г. принцъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Герлахъ, были въ Веймарѣ, гдѣ происходила помолвка Вильгельма на принцессѣ Августѣ. Здѣсь былъ и великій князь Михаилъ Павловичъ, который выразился довольно рѣзко о грекахъ: «Ces gueux, ces Grecs; quelle quantité de braves gens doit périr pour ces canailles». Три года спустя, когда принцъ Вильгельмъ съ Герлахомъ, лѣтомъ 1832 года, опять находились въ Петербургѣ, великій князь Михаилъ Павловичъ на балу въ Елагинскомъ дворцѣ, замѣтивъ Герлаха, подошелъ къ нему, заговорилъ о политикѣ и сказалъ между прочимъ: «Les malheurs de l'Europe ont commencé avec cette malheureuse Grèce».

Во время этого третьяго пребыванія берлинскихъ гостей въ Россіи, лѣтомъ 1832 г., довольно часто заходила рѣчь о революціонныхъ событіяхъ во Франціи и въ другихъ странахъ, о польскомъ возстаніи и пр. Однажды, на вечерѣ у императрицы, императоръ Николай заговорилъ съ Герлахомъ о крайне опасномъ положеніи Европы, при чемъ указывалъ на необходимость для Россіи, Австріи и Пруссіи дѣйствовать сообща, замѣчая при этомъ: «Съ революціями шутить нельзя; нужно подавлять ихъ по возможности скорѣе; иначе онѣ окажутся сильнѣе насъ». При другомъ случаѣ государь съ раздраженіемъ говорилъ о Франціи и сказалъ о Людовикѣ-Филиппѣ: «Ce qu'on appelle roi de France». Также и великій князь Михаилъ Павловичъ въ бесѣдѣ съ Герлахомъ сказалъ между прочимъ: «Un pauvre vermisseau comme moi ne peut pas se mêler de la politique, mais il me paraît cependant un devoir de s'opposer à la révolution», а въ тотъ же вечеръ императоръ Николай Павловичъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ говорилъ о польской революціи и о необходимости принятія самыхъ крутыхъ мѣръ противъ трехцвѣтной кокарды и пр.

Ограничиваясь краткими выдержками изъ дневника Герлаха, мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что первый томъ этихъ записокъ заключаетъ въ себѣ еще нѣкоторыя данныя объ отношеніяхъ Россіи къ западной Европѣ во время революціи 1848 г., при чемъ также приводятся замѣчанія императора Николая о событіяхъ во Франціи, въ Германіи и пр. Можно думать, что во второмъ томѣ записокъ Герлаха найдутся любопытныя данныя для исторіи Крымской войны, перемѣны на престолѣ въ Россіи въ 1855 г. и перваго времени царствованія императора Александра II.

А. Брикнеръ.

САЛЮТИСТЫ ВЪ БЕЛЬГІИ.

Въ статьѣ моей «Что такое салютизмъ», напечатанной въ октябрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», я очертилъ дѣятельность салютистовъ въ Швейцаріи. Для полноты представленія, какъ о существѣ ученія салютистовъ, такъ и о внѣшней сторонѣ этого ученія, будетъ небезполезно бросить также взглядъ на картину дѣятельности «Арміи спасенія» въ Бельгіи.

Салютисты бельгійскіе отличаются отъ швейцарскихъ многими признаками. Разница эта сказывается и въ большей свободѣ проповѣди и въ способахъ и пріемахъ пропаганды, хотя въ основныхъ взглядахъ на конечныя цѣли и стремленія Арміи различія нѣтъ, и все, что находится подъ властною рукою генерала Бутса и признаетъ его авторитетъ, идетъ прямо и твердо къ поставленной цѣли — вербовать какъ можно болѣе народа въ ряды спасителей человѣчества и всемѣрно радѣть объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ Арміи.

Въ Бельгіи салютисты чувствуютъ себя привольнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Нѣмцы, т. е. германцы, вовсе не пускаютъ ихъ къ себѣ; въ Швейцаріи, странѣ политической и религіозной свободы, идетъ формальное преслѣдованіе салютистовъ; во Франціи имъ много мѣшаетъ католическое духовенство, и только въ Бельгіи они безпрепятственно могутъ уловлять въ свои сѣти кого хотятъ, гдѣ хотятъ и какими средствами имъ угодно. Полиція ихъ ни мало не стѣсняетъ, печать къ ихъ услугамъ, а потому и уличныя процессіи и

всякія демонстраціи тамъ до-нельзя шумны, собранія бурны и, словомъ, та «наступательная» пропаганда (christianisme agressif), сторонниками которой салютисты себя объявляютъ, не встрѣчаетъ тамъ никакого противодѣйствія. Весь успѣхъ, такимъ образомъ, зависитъ отъ воспріимчивости и здраваго смысла бельгійцевъ.

Къ немалому разочарованію бельгійскихъ руководителей салютизма, народъ, и особенно голландцы и фламандцы, оказались мало податливы къ проповѣди спасенія. Въ Брюсселѣ, на пятьсотъ тысячъ населенія, имѣется всего только два «корпуса», т. е. двѣ залы (въ одной проповѣдь идетъ на французскомъ языкѣ, а въ другой—па фламандскомъ),—а во всей прочей Бельгіи не насчитывается пока и десяти корпусовъ. Выходитъ, такимъ образомъ, что самъ народъ не симпатизируетъ усиліямъ Арміи, а слѣдовательно и властямъ не приходится ограждать населеніе отъ дѣйствія «свободной проповѣди» салютизма. Не далѣе какъ въ прошломъ году бельгійцы сами оградили себя отъ назойливой пропаганды салютистовъ и, что называется, разнесли въ Брюсселѣ «французское» собраніе самымъ безпощаднымъ образомъ.

Въ Бельгіи власть не принимаетъ никакого участія въ дѣлѣ и ограничивается ролью спокойнаго созерцателя. Напротивъ, въ Швейцаріи сама власть ввязалась въ борьбу съ салютистской пропагандой (воспрещеніе сходокъ салютистовъ и уличныхъ процессій, сажаніе въ тюрьму, арестованія и пр.), но такъ какъ свободный швейцарскій народъ не терпитъ никакого насилія, а тѣмъ болѣе правительственнаго, то вмѣшательство власти только прибавило друзей салютизма и дѣло ихъ въ Швейцаріи не падаетъ, а цвѣтетъ и развивается. Въ Бельгіи также оно потихоньку развивается.

Еще недавно, въ прошломъ году, салютисты одержали въ Швейцаріи большую «моральную» побѣду и при томъ самымъ легальнымъ образомъ. Извѣстный «Евангелическій Союзъ» (Alliance Evangelique), вѣтви котораго имѣются повсюду, а также и въ Швейцаріи, обратился къ салютистамъ съ такимъ предложеніемъ: мы-де васъ будемъ защищать отъ преслѣдованія швейцарскихъ властей и исходатайствуемъ вамъ разныя льготы,—а вы, съ своей стороны, откажитесь отъ уличныхъ процессій и всѣхъ вашихъ, такъ сказать, внѣшнихъ оказательствъ (manifestations éxterieures). Салютисты страшно вознегодовали и не только предложенія не приняли, но разразились громовой брошюрой («La liberté de sauver»), въ которой заключался цѣлый обвинительный актъ противъ самого Евангелическаго Союза. Объявляя, что они живутъ вовсе не для себя, а для Того, Который ихъ возлюбилъ больше чѣмъ другихъ, они высказали, что не ищутъ какихъ-либо новыхъ правъ, а требуютъ только того, что у нихъ произвольно отнято, т. е. свободы проповѣдывать и спасать людей. Больше-де ничего они не

желаютъ, а что касается до формы ихъ проповѣди, что касается до уличныхъ процессій и всякихъ внѣшнихъ оказательствъ, то форма не имѣетъ для нихъ никакого значенія и нападеніе на форму только доказываетъ, что весь Евангелическій Союзъ есть ничто иное какъ «орудіе сатаны» — ибо только сатана подстрекаетъ нападать на форму, когда нападающіе чувствуютъ себя безсильными опровергнуть сущность ученія. Нисколько не отрицая того, что они прибѣгаютъ къ «возбужденію нервовъ»—но только для лучшаго воспринятія ихъ ученія, салютисты поясняютъ, «что въ нашъ вѣкъ, то дѣловой, то разсѣянной жизни, они не знаютъ другого способа привлекать народъ и что это-де всегда такъ было, какъ свидѣтельствуетъ сама Библія».

Когда, одновременно съ этимъ, только-что описаннымъ эпизодомъ, швейцарскій высшій судъ высказалъ по одному дѣлу: 1) что къ салютистамъ не могутъ быть примѣнены тѣ мѣры, какія были примѣнены къ іезуитамъ [1]); 2) что ученіе ихъ не опасно для государства; 3) что они не возбуждаютъ никакихъ распрей между разными вѣроисповѣданіями; 4) что они не вмѣшиваются въ политику и 5) что обвиненіе ихъ въ корысти неосновательно, — то торжеству и ликованію салютистовъ не было предѣловъ и цѣлую недѣлю сряду, во всѣхъ швейцарскихъ и заграничныхъ «корпусахъ» не было другой рѣчи, какъ объ одержанной побѣдѣ. Брошюра «La liberté de sauver» разошлась очень быстро и не только въ «корпусахъ», но и на улицахъ торговали ею очень бойко.

И такъ въ Бельгіи полное раздолье салютистамъ. Ихъ не стѣсняютъ ни въ свободѣ «спасать людей», ни въ свободѣ проповѣди и вербованія новыхъ прозелитовъ, ни въ свободѣ распространенія десятковъ тысячъ брошюръ, всегда необыкновенно дешевыхъ и ясныхъ, вышедшихъ, большею частью, изъ-подъ пера или самого «генерала» или дочери его «madame la marechale», по мужу Клиборнъ, или еще кого-нибудь изъ штаба генерала.

Все препятствіе быстрому и широкому развитію салютизма въ Бельгіи и признанію тамъ полнаго авторитета «notre-general», оказывается, такимъ образомъ, заключается только въ здравомъ смыслѣ самого народа, — но это-то препятствіе явилось весьма трудно преодолимымъ и только приложенныя салютистами экстраординарныя старанія и усилія успѣли открыть путь къ сердцамъ спокойныхъ и флегматичныхъ голландцевъ и фламандцевъ.

Зато и принятыя въ борьбѣ съ равнодушіемъ бельгійской публики мѣры были исключительнаго характера. Тутъ были испробованы всѣ способы для «возбужденія нервовъ».

Цѣлую недѣлю я ходилъ въ брюссельскій «храмъ спасенія» и убѣдился и въ непреодолимой энергіи и настойчивости мѣстныхъ

---

[1]) Примѣненія этихъ мѣръ требовали нѣкоторые пасторы.

вожаковъ салютизма и въ ихъ пламенномъ желаніи спасать всѣхъ и вся прежде всего отъ власти сатаны...

Еще раньше, въ Швейцаріи, мнѣ приходилось не разъ слышать въ салютистскихъ собраніяхъ о повсемѣстномъ присутствіи сатаны, и бывало когда долго не появляется охотниковъ возсѣсть на «скамью покаянія», — капитанъ или капитанша никогда не затруднялись приписать это присутствію въ собраніи дьявола... Врагъ рода человѣческаго предполагается салютистами присутствующимъ вездѣ и всюду, но онъ какъ бы спеціально занятъ противодѣйствіемъ благимъ начинаніямъ именно салютистовъ... Каждый воздерживающійся отъ признанія ученія салютистовъ, по мнѣнію ихъ, смущаемъ сатаной, каждый колеблющійся - также; всѣ сомнѣнія — отъ сатаны, заблужденіе милліоновъ людей, не признающихъ пока салютизма,—есть также дѣло сатаны... Сатана вездѣ и всюду, отъ сатаны зависитъ весь неуспѣхъ проповѣди и обращенія, и отъ него, полагаютъ они, не избавленъ рѣшительно никто, кромѣ разумѣется уже достигшихъ святости, т. е. салютистовъ. Легко себѣ представить, что съ такимъ аргументомъ въ рукахъ легче всего справляться съ простымъ народомъ, который и такъ достаточно вѣруетъ въ могущество сатаны, — а съ другой стороны понятно, что всякій успѣхъ салютистовъ выставляется ими какъ побѣда надъ сатаной и всякій видитъ, что уже одна непрерывная борьба съ злымъ духомъ должна свидѣтельствовать о томъ, какіе великіе труды подъемлютъ салютисты для спасенія рода человѣческаго.

И такъ тема о сатанѣ стоитъ на первомъ мѣстѣ, хотя въ Бельгіи пугаютъ дьяволомъ гораздо меньше чѣмъ въ Швейцаріи. Причина этому та, что въ Швейцаріи въ собранія салютистовъ стекаются рабочіе, преимущественно даже чернорабочіе, а въ Бельгіи (собственно въ Брюсселѣ) публика больше интелигентная и рабочихъ почти нѣтъ. Такая разница въ составѣ публики происходитъ отъ того, что въ Брюсселѣ входъ въ собраніе платный и въ этомъ заключается первое отличіе швейцарскихъ салютистовъ отъ бельгійскихъ.

Взиманіе платы, прежде всего, очень уменьшаетъ численность собранія, не говоря уже про то, что платная публика идетъ въ собраніе какъ въ кафе-шантанъ, съ намѣреніемъ и позубоскалить, и потѣшиться; эта публика считаетъ себя вправѣ громко критиковать все созерцаемое и высказывать свои сужденія громко и не стѣсняясь. Сами бельгійскіе салютисты признаютъ, что требованіе денегъ за входъ въ ихъ собраніе — есть большая ошибка, но, съ одной стороны, они видятъ въ этомъ источникъ средствъ для содержанія своего «корпуса», а съ другой — взиманіе платы предохраняетъ ихъ отъ нашествія буйной брюссельской черни, которая уже разъ разнесла «храмъ спасенія».

Этотъ храмъ находится въ одной изъ самыхъ людныхъ частей Брюсселя. Издали уже видна надъ большимъ домомъ огромная красная вывѣска: «Armée du salut», а изъ оконъ этого дома, занимаемаго сплошь одними салютистами, смотрятъ портреты Бутса и другихъ столповъ салютизма, съ разными виньетками и рисунками, и тутъ же выставлены на продажу брошюры, газеты и вся литература «Арміи спасенія».

Здѣсь салютисты, не такъ какъ въ Швейцаріи, не скрываются въ подвальныхъ этажахъ узкихъ и кривыхъ улицъ, здѣсь они всѣмъ видны и замѣтны и о своихъ вечернихъ собраніяхъ возвѣщаютъ огромными афишами. Какой-нибудь салютистъ въ красномъ джерсеѣ, съ надписью на груди «алилуія», возитъ по городу телѣжку, на которой высится огромное, перпендикулярно поставленное, полотно, съ приглашеніемъ пожаловать къ салютистамъ. На этомъ полотнѣ то объявлено просто: «Soirée», то «Grande soirée», а то съ такой прибавкой «Grande soirée, presidée par monsieur commissair Cliborn, avec 40 officiers de son état-major». Въ такихъ случаяхъ разъѣзжающую вывѣску сопровождаетъ хоръ пяти-шести трубачей, конечно салютистовъ, непремѣнно въ красныхъ джерсеяхъ и форменныхъ шапкахъ.

Когда затѣвается такое «grande-soirée», то кромѣ предварительныхъ объявленій, возимыхъ на телѣжкѣ за нѣсколько дней, прибѣгаютъ для привлеченія публики еще къ такому маневру. Телѣжку съ объявленіемъ возятъ по городу передъ самымъ началомъ собранія. Надпись на полотнѣ гласитъ: «Черезъ полчаса маіоръ Коссанде или комиссаръ Шатсленъ откроютъ большую конференцію». Идущая за телѣжкой и трубачами толпа, разумѣется, все сгущается и сгущается, и когда она подходитъ къ самому храму спасенія, то разсчитываютъ, что толпа, доведя процессію до воротъ, не остановится передъ ними, а войдетъ въ храмъ и полюбопытствуетъ послушать конференцію,—но разсчетъ этотъ почти никогда не удается, потому что толпа, уже вошедшая въ ворота, натыкается на плотную цѣпь салютистовъ, стоящихъ передъ будкою, надъ которой красуется надпись: «entrée 20 centimes». При видѣ этой надписи толпа рѣдѣетъ и большая часть поворачиваетъ назадъ, нерѣдко съ громкими ругательствами.

Если мы войдемъ въ брюссельскій «храмъ спасенія» (французскій), то увидимъ очень большую и высокую залу, почти квадратной формы. Ряды скамеекъ занимаютъ двѣ трети залы; передъ ними «скамья покаянія» (banc de penitence), а за этой скамьей круто, амфитеатромъ, поднимаются скамьи салютистовъ, такъ что верхній рядъ приходится почти подъ потолкомъ. На стѣнахъ развѣшаны объявленія: «просятъ не курить».

Въ самомъ отправленіи culte'a сразу замѣтна разница между швейцарскими и бельгійскими порядками. На сколько тамъ чинно,

тихо и солидно, на столько здѣсь развязно, шумно, весело. Съ эстрады «обращенныхъ» несутся не только веселыя рѣчи и пѣсни, но иногда какой-нибудь «спасенный», должно быть большой весельчакъ, громко засвищетъ, воспользовавшись короткимъ антрактомъ между молитвами, пѣніемъ и проповѣдью. Это веселое настроеніе, очевидно разсчитанное на то, чтобы расшевелить тяжелыхъ фламандцевъ, не ослабѣваетъ весь вечеръ.

Всѣ стѣны испещрены надписями то назидательнаго, то вопросительнаго характера. Напримѣръ: «Ou allez-vous passer l'éternité?» или: «Etes-vous sauvé?» или: «Votre coeur est-il droit?» или «Le monde pour Dieu, l'espoir pour vous! La vie est courte,—l'éternité est longue!» и т. под.

Какъ и въ Швейцаріи, каждый вечеръ, съ восьми часовъ совершается culte собственно для публики[1]). Благодаря платѣ за входъ, въ залѣ бываетъ обыкновенно довольно пусто, но въ іюлѣ нынѣшняго года была въ Брюсселѣ большая шестинедѣльная ярмарка, такъ называемая «Кермесъ» и у салютистовъ перебывало довольно много любопытствующихъ.

Съ восьми часовъ вечера въ храмѣ спасенія уже гремитъ музыка и раздается пѣніе. Шесть мѣдныхъ трубъ, восемь бубновъ, одна гитара, одна ручная гармонія и піанино—вотъ необыкновенный составъ оркестра. Къ этой музыкѣ присоединяются голоса поющихъ (а поютъ почти всѣ), и легко себѣ представить какой шумъ поднимается въ этой залѣ, съ отличной акустикой, и въ особенности пока храмъ еще достаточно не наполнился.

Въ первый разъ, какъ я попалъ къ бельгійскимъ салютистамъ, мнѣ пришлось услышать рѣчь капитана Шока. Капитанъ этотъ фламандецъ, говоритъ отчаяннымъ французскимъ языкомъ и все сбивается на фламандскую рѣчь, но такъ какъ это собраніе «французское», то опять переходитъ на французскій языкъ. Самъ капитанъ сидитъ на передней скамьѣ; рядомъ съ нимъ старенькая дама—его жена, а за піанино—дочь. Madame Шокъ часто обращается къ собранію и какимъ-то ноющимъ голосомъ призываетъ къ покаянію; дочь аккомпанируетъ и себѣ и другимъ и поетъ громче всѣхъ.

Шокъ только-что пріѣхалъ изъ Лондона, гдѣ былъ «по службѣ» и теперь докладываетъ собранію о своей поѣздкѣ. Оказывается, что въ іюнѣ этого года Бутсъ произвелъ въ Лондонѣ смотръ тридцати тысячамъ воинамъ своей англійской арміи (такъ докладывалъ Шокъ) и докладчикъ былъ вызванъ присутствовать на этомъ смотрѣ. Смотръ, состоявшійся въ Кристальномъ дворцѣ, разумѣется, оказался блестящимъ. Тридцать пять странъ прислали своихъ делегатовъ, четыре тысячи музыкантовъ играли подъ управленіемъ одного

[1]) По регламенту сами салютисты проводятъ въ молитвѣ и бесѣдахъ весь день или все свободное время.

капельмейстера, шестьдесятъ двѣ тысячи зрителей присутствовало на смотру и генералъ Бутсъ — «самый великій христіанинъ» — (такъ назвалъ его Шокъ) остался всѣмъ очень доволенъ.

Все это Шокъ разсказалъ съ большимъ увлеченіемъ и завѣрялъ публику, что во время смотра дѣйствіе Св. Духа проявилось особенно видимымъ и замѣтнымъ образомъ въ томъ, что два хора пѣвцовъ, по четыреста человѣкъ каждый, спѣли удивительно согласно и притомъ безъ всякаго приготовленія, нѣсколько гимновъ и священныхъ пѣсенъ.

«Говорятъ,—такъ заключилъ свой докладъ капитанъ Шокъ,—что мы, салютисты, нѣчто въ родѣ сумасшедшихъ, и что мы способны дѣлать одни глупости!... Но собраніе въ Кристальномъ дворцѣ, кажется, свидѣтельствуетъ, что мы вовсе не такіе дураки, какими насъ воображаютъ! Въ одинъ годъ и въ одномъ только Лондонѣ, на скамьѣ покаянія перебывало двѣсти тридцать тысячъ человѣкъ! Какіе же мы послѣ этого глупцы? Не показываетъ ли эта цифра, что мы кое-что значимъ? Вѣдь это фактъ! Вѣдь это нѣчто! Или мы глупцы потому только, что ищемъ небесъ?!»

И тотчасъ же Шокъ затягиваетъ cantique, въ которомъ безпрестанно повторяется: Jésus est là! Jésus est là! а все собраніе, поднявъ правыя руки къ потолку, а очи къ небесамъ, восторженно припѣваетъ:

«Là, plus de deuil, plus de douleurs
«Là, Jésus sèchera nos pleurs
«Aucun péché n'entrera là
«Jésus est là! Jésus est là!»

Благоговѣйное настроеніе продолжается послѣ окончанія cantique еще нѣсколько секундъ и прерывается бурнымъ маршемъ, съ участіемъ всѣхъ голосовъ и всѣхъ инструментовъ. Шесть трубъ, восемь бубновъ, гитара и гармонія—все гремитъ, трещитъ и завываетъ. Дѣвица Шокъ колотитъ по фортепіано, пѣвцы усиливаются перекричать трубы. И вдругъ, разомъ, по-солдатски пѣніе оборвалось.

Къ эстрадѣ подходитъ молодой «капитанъ» этого собранія; онъ обводитъ публику глазами и, иронически улыбаясь, говоритъ:

— Что вы, друзья мои, такіе скучные!? Ужъ не были ли вы на ярмаркѣ? Вѣдь тамъ, говорятъ, такъ весело, — а вы скучны! Чего же вы скучаете? Вѣдь жизнь свѣта, когда не знаютъ Бога, а служатъ сатанѣ, такъ весела?! Вотъ мы, какъ видите, не скучаемъ, — и хоть я не говорю, что мы, салютисты, лучшіе люди (хотя мы на самомъ дѣлѣ лучшіе—говоритъ капитанъ, обращаясь къ эстрадѣ,—откуда отвѣчаютъ единогласнымъ «amen»), но намъ всетаки лучше живется чѣмъ вамъ...

— О друзья и братья, кричитъ капитанъ, оставьте вашихъ идоловъ, разбейте ихъ, вы выиграете! Вы помните, какъ одному индій-

скому завоевателю предложили пощадить какого-то особо почитаемаго идола, и когда онъ не согласился и приказалъ его разбить, то въ немъ оказалось золото и драгоцѣнные камни... Разбейте вашихъ идоловъ, и вы пріобрѣтете также и золото и драгоцѣнные камни. Не смотрите на свѣтъ, смотрите на Христа, и вамъ будетъ, вы увидите, такъ легко, легко... Посмотрите, какъ легко намъ! Мы всегда ровны, всегда одинаковы, намъ всѣ завидуютъ и вамъ будутъ завидовать также. Или вы не надѣетесь достигнуть святости? Или вы сомнѣваетесь? О я вижу, что вы жаждете узнать отъ меня, какъ достигнуть святости! Ну такъ слушайте:

— Нужно всего только три условія: первое, это убѣжденіе въ необходимости сдѣлаться святымъ, второе—отреченіе отъ всего злого, дурного или сомнительнаго (напримѣръ, вина, сигаръ, вредныхъ и расточительныхъ привычекъ) и третье — посвященіе себя всецѣло Богу, — въ лицѣ нашей благодатной арміи, посвященіе полное, не какой-нибудь сантиментальный разговоръ, а истинная жертва, т. е. нужно отдать Богу все, что мы имѣемъ, все что мы называемъ нашимъ и сдѣлаться покорнымъ исполнителемъ его велѣній, чрезъ посредство нашей благодатной арміи. Это только вначалѣ кажется будто нелегко, но разъ на алтарь принесено все, все — тѣло, душа, умъ, честь, репутація, состояніе, — и тогда на васъ сойдетъ небесный огонь, онъ сожжетъ въ васъ все нечистое и наполнитъ душу пламеннымъ рвеніемъ, любовью и могуществомъ!

— Друзья мои и братья,—продолжалъ капитанъ,—это посвященіе есть какъ бы ваше распятіе и крестная смерть! Своимъ посвященіемъ вы знаменуете смерть всѣмъ удовольствіямъ и наслажденіямъ, источникъ которыхъ есть себялюбіе, восхищеніе и удивленіе свѣта, обладаніе имуществомъ, излишнія и преувеличенныя привязанности къ роднымъ и друзьямъ... Но откажитесь отъ всего и тѣло ваше сдѣлается обителью Св. Духа, — все ваше достояніе пойдетъ на распространеніе владычества Бога, а вы сдѣлаетесь чистыми сердцемъ и святость достигнута будетъ вами навсегда...

— Сказать ли вамъ, какіе плоды вы пожнете, посвятивъ себя Богу? Прежде всего вы обрѣтете душевный міръ, радостное возбужденіе и небесные восторги. Вы получите спокойную и продолжительную увѣренность въ божьемъ благословеніи и дарованіи вамъ особыхъ умственныхъ и духовныхъ преимуществъ (faveurs spirituelles). Вамъ будетъ дарована великая сила служить Богу, не отступая ни передъ чѣмъ; вы проникнетесь равнодушіемъ къ честолюбію и свѣтскимъ удовольствіямъ, и вы не только одержите полную побѣду надъ всѣми страстями и искушеніями, но и сдѣлаетесь впредь неуязвимы для какихъ бы то ни было искушеній. Да, друзья мои, сдѣлайтесь святыми, не отлагая это до другого раза... Это такъ легко!—мечтательно закончилъ капитанъ и, склонившись на колѣна, запѣлъ:

«Le ciel est ma belle patrie
«Les anges y font leurs séjour
«Le soldat qui lutte et qui prie
«Y sera bientot à son tour!»

А хоръ, со всѣми бубнами и трубами, подхватилъ:

«En marche! En marche!
«Soldat vers la patrie»!

Послѣдній куплетъ этого чуть ли не двадцатистрофнаго гимна былъ пропѣтъ съ особеннымъ жаромъ:

«Choisissez le ciel pour la patrie
«Amis ne le méprisez pas!
«Toute l'Armée vous convie,
«Ce soir!—Faites le prémier pas!»

Настала полная тишина. «Перваго шага», однако, никто не пожелалъ сдѣлать, несмотря даже на то, что красные джерсеи, разсѣявшись по залѣ, подсѣли къ разнымъ, вѣроятно, по ихъ мнѣнію, болѣе воспріимчивымъ субъектамъ, и начали съ ними тихій шопотъ...

Пока красные джерсеи убѣждали тѣхъ, которые имъ казались наиболѣе удрученными и подготовленными возсѣсть на скамью покаянія, капитанъ спѣлъ, подъ акомпаниментъ дѣвицы Шокъ, что-то на манеръ романса: «Quel honneur d'être salutiste!»—а хоръ, въ концѣ каждаго куплета, зычно вскрикивалъ: «Vends tout! Vends tout! Vide ta bourse et sois heureux!»

Все это призываніе къ святости и къ небесамъ закончилось впрочемъ совершенно банально и прозаически. Молодой капитанъ очень шутливо и развязно подошелъ къ эстрадѣ и, весело улыбаясь, обратился къ публикѣ:

— Ну, друзья мои,—сказалъ онъ,—я цѣлый часъ просилъ васъ раскрыть ваши сердца, но вы этого не захотѣли сдѣлать,—такъ хоть раскройте ваши кошельки.... для нашей коллекты....

Въ залѣ раздался громкій смѣхъ,—но три джерсея тотчасъ спустились съ эстрады и съ глубокими кошелями на длинныхъ палкахъ стали обходить по рядамъ. Капитанъ все это время громко объяснялъ, что Армія не могла бы существовать, еслибы не дѣлались коллекты и, подъ звуки этой рѣчи, сантимы падали въ кошели.

Приведенный образецъ проповѣдничества очень наглядно рисуетъ, какъ бельгійскіе салютисты энергично зазываютъ въ свой лагерь и какъ они безцеремонны въ собираніи средствъ на нужды всеобщаго спасенія.

Вслѣдъ за описаннымъ, обыкновеннымъ soirée, мнѣ довелось присутствовать на grande soirée, объявленномъ заблаговременно и съ большою помпою. На 16-е іюля возвѣщалось о предстоящемъ прибытіи маіора Клиборна, съ сорока офицерами своего штаба и о предполагаемой конференціи: «о необходимости Арміи спасенія для каждаго государства».

Тема эта была такъ интересна, что несмотря на удушливый зной и возвышенную плату (вмѣсто 10 — 20 сантимовъ), храмъ спасенія наполнился до верху. На нижней скамьѣ эстрады сидѣли десять джерсеевъ; слѣдующій рядъ состоялъ изъ музыкантовъ; затѣмъ три скамьи были заняты салютистками въ форменныхъ шляпахъ и платьяхъ, и они-то собственно и составляли штабъ Клиборна.

Маіоръ заставилъ себя ждать недолго. Время ожиданія было наполнено пѣніемъ и шумными маршами. При входѣ Клиборна на эстраду, весь штабъ дружно грянулъ привѣтственное: «алилуіа»; а маіоръ, въ отвѣтъ, помахалъ нѣсколько разъ въ воздухѣ своей форменной фуражкой. Тотчасъ же раздалась «Марсельеза»,— на извѣстный мотивъ, но съ перефразировкой въ духѣ салютизма.

Первый куплетъ пропѣтъ такъ:

«Allons enfants de la lumiére
«Par le ciel mis en liberté
«Fils de Dieu dont Christ est le frére
«Affranchi par la verité!
«En avant,—tous avec courage,
«Sans peur annoncer le salut,—
«Qui change et la vie et le but
«Du pécheur, brisant l'ésclavage!»

Во второмъ куплетѣ поется про ègalité,—въ третьемъ—про fraternité,— совершенно такъ, какъ въ «Марсельезѣ», и къ каждому куплету слѣдуетъ припѣвъ:

«Aux armes! Combattants!
«Formez vos bataillons!
«Marchons, marchons!
«Au nom de Dieu
«Sauvons! Sauvons! Sauvons!»

Когда смолкла эта салютистская «Марсельеза»,—Клиборнъ подошелъ къ эстрадѣ и на очень плохомъ французскомъ языкѣ открылъ свою «conference!» Произнесенная Клиборномъ рѣчь интересна въ томъ отношеніи, что она рисуетъ размѣры претензій салютистовъ, ничего будто бы не желающихъ, кромѣ насажденія «чистаго христіанства» и не претендующихъ ни на какую политическую роль.

Клиборнъ началъ съ того, что повторилъ разсказъ Шока о смотрѣ въ Кристальномъ дворцѣ, хвастливо прибавивъ въ концѣ разсказа: «вы видите, что для самого императора (Вильгельма) собралось только сорокъ три тысячи зрителей,— а у насъ ихъ было шестьдесятъ три тысячи!»

— Кажется, насъ нельзя игнорировать,—продолжалъ онъ.—Кажется, мы идемъ въ счетъ и признаемся не какими-нибудь нулями,— задорно вопрошалъ маіоръ,—а нынѣшній вечеръ, я надѣюсь, друзья

мои, съ помощью Бога, доказать вамъ, что у насъ не какія-либо простыя обязанности къ государству, а что у насъ отношенія съ властями, и что не мы нуждаемся въ правительствѣ, а всякое правительство нуждается въ насъ. Смотрите и слушайте:

1) Мы научаемъ населеніе уважать законъ. Вы, можетъ быть, думаете, что масса подчиняется власти по убѣжденію? Если вы такъ думаете, вы очень заблуждаетесь,—она подчиняется по принужденію;—но вотъ мы беремъ подъ свое покровительство массу бродягъ, забираемъ къ себѣ все способное на совершеніе преступленія и обучаемъ эту массу уваженію къ закону и, такимъ образомъ, избавляемъ государство отъ тысячей лицъ для него опасныхъ....

2) Мы внушаемъ людямъ страхъ Божій. Вы, можетъ быть, скажете, что на это у васъ есть учителя?! Знаю я вашихъ учителей! Чѣмъ болѣе они учатъ, тѣмъ болѣе развиваютъ наклонность къ сопротивленію, потому что они развиваютъ только умъ, а мы—душу и сердце!

3) Мы проповѣдуемъ всемірное братство и равенство. У насъ одна задача: спасай себѣ подобныхъ! И сколько уже лицъ перешли къ намъ, пренебрегши житейскими радостями, блестящими браками, роскошью, карьерами, чтобы отыскивать и спасать заблудшихъ овецъ.

4) Мы призрѣваемъ несчастныхъ.... Тутъ ораторъ привелъ громадныя цифры денежныхъ и всякихъ иныхъ пожертвованій салютистовъ, не забывъ упрекнуть тѣхъ, кто «держитъ кошелекъ закрытымъ» для дѣла всеобщаго спасенія и не ревнуетъ о «союзѣ душъ»,— союзѣ единовременно любви и ненависти,— любви — къ добру, ненависти ко злу....

5) Мы исправляемъ общественную нравственность.... Вы знаете, пояснилъ ораторъ, чтобы поднять тѣсто, нужно положить немного дрожжей,— такъ точно достаточно, чтобы завелся гдѣ-либо хоть одинъ салютистъ, чтобы нравственность начала подниматься.... На всѣхъ нашихъ верфяхъ, фабрикахъ и въ шахтахъ, уже замѣтно вліяніе салютизма. Я бы вамъ могъ указать такія мѣста, которыя недавно были адомъ и гдѣ теперь, сравнительно, рай; я могъ бы перечислить вамъ многіе пункты, гдѣ рабочіе посвящали время своего отдыха пьянству и картамъ и гдѣ теперь идутъ религіозныя бесѣды, а карты и пьянство изгнаны. Да, мы исправляемъ общественную нравственность!

6) Мы возвращаемъ на путь массу погибшихъ женщинъ! Богу угодно было особенно благословить наши усилія въ этомъ отношеніи. Давъ надежный пріютъ многимъ несчастнымъ изъ низшаго класса, мы теперь озабочены устройствомъ убѣжища для падшихъ женщинъ высшаго класса, дабы они вновь не сбивались съ пути. Вы, можетъ быть, не знаете, сколько образованныхъ женщинъ по-

грязаетъ въ развратѣ? Сколько трогательныхъ сценъ я могъ бы вамъ разсказать относительно обращенія этихъ женщинъ! Они всецѣло возвращаются на путь добродѣтели, слыша наши постоянныя бесѣды о небесахъ, вѣчности, святости! Ихъ обуреваетъ ужасъ предъ грозящей душѣ ихъ вѣчной погибелью и они преображаются въ честнѣйшихъ женъ и матерей....

Каждый изъ этихъ пунктовъ Клиборнъ разъяснялъ съ самыми утомительными подробностями, стараясь быть вполнѣ доказательнымъ и приводя множество фактовъ и именъ. Рѣчь его тянулась около полутора часа и онъ все еще не исчерпалъ всѣхъ пунктовъ, доказывающихъ, что у салютистовъ существуютъ къ государству не обязанности, а отношенія.

— Мало того, продолжалъ онъ перечислять эти отношенія, что всѣ видятъ, что всѣ обращенные всегда хорошо одѣты и обладаютъ хорошими манерами,—но и не только по внѣшности, но дѣйствительно они счастливы. Правда намъ приходится иной разъ бороться и иногда отчаянно,—напримѣръ съ кабатчиками,—но мы не смущаемся и идемъ впередъ...

7) Мы возбуждаемъ желаніе знаній... Достаточно сказать, неожиданно похвалился Клиборнъ, что наши только два журнала: «Cri de guerre» и «Le petit soldat», — расходятся въ количествѣ 450 тысячъ экземпляровъ въ недѣлю...

8) Мы улучшаемъ матеріальное положеніе массы...

9) Мы благотворно вліяемъ на молодое поколѣніе, на дѣтей, ибо «возрожденные и спасенные родители спасаютъ своихъ дѣтей»...

10) Мы увеличиваемъ число честныхъ рабочихъ (отовсюду до благодарности) и т. д. и т. д.

Клиборнъ перечислилъ еще нѣсколько пунктовъ благотворныхъ результатовъ дѣятельности Арміи спасенія и закончилъ такими словами: «И такъ вы видите какими способами мы дѣйствуемъ... Наше великое реформаторское дѣло покоится на великихъ принципахъ личной и общественной нравственности. Мы вовсе не принадлежимъ къ разряду тѣхъ слѣпцовъ, которые рады принять большой дымъ за огонь. Вы кричите и протестуете противъ шума и треска (éclat), которыми мы окружаемъ наши операціи?! Но если вы захотите посмотрѣть на вещи поближе, вы увидите, что и шумъ и трескъ неизбѣжны,—потому что тѣ, на кого мы хотимъ дѣйствовать, не поддадутся никакимъ другимъ средствамъ. О, друзья мои, я вмѣстѣ съ вами готовъ оплакивать то состояніе умственной приниженности массы, которое дѣлаетъ необходимымъ всѣ эти манипуляціи... но таково положеніе вещей (les choses sont ainsi), и если вы хотите быть услышаны чернью, то вы можете это сдѣлать только приспособивъ вашу манеру мыслить, выражаться, дѣйствовать, къ натурѣ этой черни. Мы имѣемъ

поразительныя доказательства, что всякія попытки проповѣдывать, съ соблюденіемъ такъ называемаго comme il faut—никуда не годятся... Всѣ ваши епископы, священники, пасторы, признають это! Между тѣмъ и здравый смыслъ и христіанская мораль вамъ подсказываетъ: пошлите народу такихъ проповѣдниковъ, которыхъ онъ не только хочетъ, но и можетъ понять! Низойдите до этихъ темныхъ людей, на сколько позволяетъ ваша совѣсть, чтобы ихъ возвысить до себя, вмѣсто того, чтобы оставлять ихъ во тьмѣ, пока вы кичитесь вашимъ достоинствомъ (tandis que vous restez perchés sur votre dignité). Я вамъ говорю, друзья мои, что одно уже чувство вашей личной безопасности должно заставить васъ понять, что тутъ нечего думать о сохраненіи достоинства, когда идетъ рѣчь о спокойномъ существованіи васъ и семей вашихъ, когда возникаетъ рѣчь объ имущественной безопасности, о сохраненіи вашихъ гражданскихъ правъ и, быть можетъ, вашей жизни»...

Закончивъ свою рѣчь такимъ яснымъ намекомъ на приближающуюся грозу соціальной революціи, Клиборнъ преклонилъ колѣно и вся зала грянула хоромъ:

«Une couronne nous attend
«A la fin de cette vie
съ припѣвомъ: «Toujours soldats en avant
«Nous aurons la victoire!»

Эти картинки, списанныя съ натуры достаточно характеризуютъ и внѣшнюю и внутреннюю стороны проповѣдничества салютистовъ въ Бельгіи и въ какихъ-либо комментаріяхъ, приведенные образцы проповѣдей, не нуждаются.

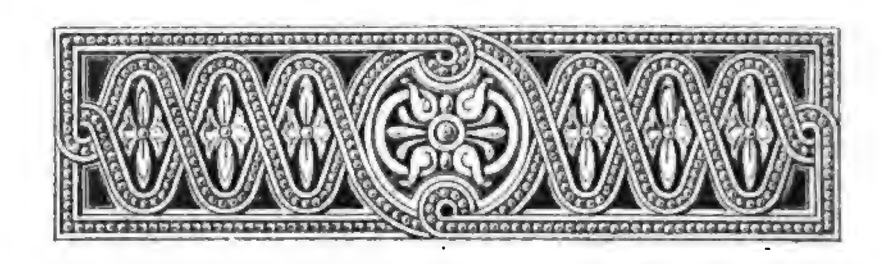
Можетъ быть для полноты картины дѣятельности бельгійскихъ салютистовъ слѣдовало бы упомянуть еще объ одномъ изъ самыхъ могущественныхъ способовъ ихъ пропаганды—именно о печати,—но едва ли это нужно, такъ какъ въ печатныхъ органахъ салютистовъ воспроизводятся тѣ же мысли и положенія, которыя высказываются со всѣхъ эстрадъ, съ варіантами по усмотрѣнію и по вдохновенію проповѣдниковъ и проповѣдницъ. Газетные листки и сотни тысячъ брошюръ распространяются въ народѣ безпрепятственно, то по общедоступнымъ цѣнамъ, то совсѣмъ даромъ и, такимъ образомъ, салютистскія идеи находятъ себѣ повсюду свободный доступъ. Достойно развѣ упоминанія только то обстоятельство, что во всѣхъ этихъ газетныхъ листкахъ печатается множество стиховъ, въ качествѣ плодовъ вдохновенія, ниспосланнаго Св. Духомъ. Стиховъ этихъ такъ много, что ни одинъ нумеръ газеты не появляется безъ 4 — 5 рифмованныхъ произведеній; всѣ эти стихи принадлежатъ преимущественно офицерамъ обоего пола и всегда снабжены не только подписью автора, но и указаніемъ его чина или званія. Больше всѣхъ пишутъ стиховъ: маіоръ Косанде

маіоръ Клиборнъ и адъютантъ Шателенъ. Затѣмъ цѣлый отдѣлъ: «Flêches de salut» (Стрѣлы спасенія)—ведетъ комисаръ Говардъ, другой отдѣлъ называется «Святость» (Sainteté), третій — «Зерна золота» (Grains d'or); въ обоихъ послѣднихъ печатаются случаи обращенія. Наконецъ, какъ подобаетъ военному журналу, «Cri de guerre» имѣетъ двѣ чисто военныя рубрики. Одна изъ нихъ называется: «По всей линіи» (Le long de la ligne), а другая «Наша битва» (Notre combat). Въ отдѣлѣ беллетристическомъ, въ теченіе всего лѣта m-me Бутсъ печатала длинный романъ: «Sauve-toi», въ которомъ высказывала такія положенія: лучше тридцать минутъ молитвы, нежели три часа пріятнаго разговора; лучше имѣть корону на небесахъ, нежели дворецъ на землѣ; лучше нравиться Богу, чѣмъ друзьямъ; лучше умереть въ борьбѣ, нежели на постели; лучше прославиться чистою жизнью, нежели хорошимъ голосомъ и т. д.

Такъ салютисты ведутъ свое дѣло въ Бельгіи. Не взирая на малую податливость голандской расы и буйный характеръ брюссельской черни, они все-таки имѣютъ успѣхъ. И словомъ, и дѣломъ, и примѣромъ, и убѣжденіемъ, а гдѣ можно хитростью и даже насиліемъ, они понемногу умножаютъ число своихъ приверженцевъ и идутъ, что называется, на проломъ, не смущаясь ни насмѣшками, ни даже побоями. И чтобы не говорили объ ихъ балаганныхъ процессіяхъ и подчасъ шутовскомъ тонѣ ихъ культа, всякій можетъ видѣть, что успѣхъ салютистской пропаганды обезпечивается столько же рѣдкой энергіей ея руководителей, огромной дисциплиной арміи и единствомъ цѣли этого своеобразнаго ученія, сколько широкой благотворительностью и обиліемъ добрыхъ дѣлъ. Воздѣйствуя, всѣми способами, на грубую и невѣжественную толпу, и изъ нея пополняя свои ряды, салютисты, однако, успѣли завербовать, въ число если не совсѣмъ своихъ сторонниковъ, то, во всякомъ случаѣ, въ число лицъ прямо или косвенно имъ симпатизирующихъ много интелигентныхъ, богатыхъ и вліятельныхъ особъ [1]) и пока не только нѣтъ никакихъ признаковъ паденія салютизма,—но онъ получаетъ все большее распространеніе. Что будетъ далѣе неизвѣстно и, можетъ быть, пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ вполнѣ выяснится, что это такое: широкое ли благотворительное предпріятіе, на неслыханныхъ до сихъ поръ началахъ, или соціальная утопія, или дикая, еретическая секта, или, наконецъ, практическая попытка—осуществить недостижимый на землѣ идеалъ всеобщей любви, равенста и братства.

Н. Дингельштедтъ.

[1]) Въ одной изъ салютистскихъ брошюръ (Quelques jugements sur l'Armée du salut) приведены мнѣнія о салютизмѣ разныхъ высокопоставленныхъ особъ, начиная съ королевы Викторіи, Джона Брайта и кончая епископами Іоркскимъ, Винчестерскимъ и др. Всѣ эти мнѣнія благопріятны для салютистовъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. М. Ядринцевъ. Сибирскія инородцы, ихъ бытъ и современное состояніе. Этнографическія и статистическія изслѣдованія. Спб. 1891.

НАЗВАНІЕ, которое г. Ядринцевъ далъ своей книгѣ, во многихъ отношеніяхъ не соотвѣтствуетъ ея содержанію. Въ числѣ «этнографическихъ и статистическихъ изслѣдованій» оказывается рядъ главъ — статей или чисто-историческаго содержанія или такихъ, которыя представляютъ живой интересъ для историка по своимъ подробностямъ. Послѣ небольшихъ очерковъ, посвященныхъ характеристикѣ внѣшняго быта сибирскихъ татаръ, вогуловъ, остяковъ, самоѣдовъ и калмыковъ, г. Ядринцевъ переходитъ на историческую почву и даетъ главы культурно-историческаго содержанія: «Изслѣдованіе по исторіи культуры угро-алтайскихъ племенъ», «причины вымиранія инородцевъ и ихъ способность къ культурѣ», «взаимодѣйствіе русскаго и инородческаго населенія», «вліяніе культуры и просвѣщенія на инородцевъ Сибири», «кочевый бытъ и его значеніе въ исторіи человѣческой культуры». Длинный рядъ сибирскихъ инородцевъ и между ними такіе важные, какъ якуты и буряты, остаются внѣ изслѣдованія, и читатель послѣ прочтенія «Сибирскихъ инородцевъ» съ полнымъ правомъ можетъ повторить слова, сказанныя авторомъ книги въ предисловіи: «матеріалъ (по вопросу о сибирскихъ инородцахъ) далеко не сведенъ въ одно цѣлое, а въ самомъ изученіи склада инородческой жизни остается еще многаго желать». Мы не будемъ впрочемъ упрекать почтеннаго автора за то, о чемъ онъ *не говоритъ*, и обратимся къ тѣмъ главамъ его книги, которыя имѣютъ историческій интересъ.

На первомъ планѣ и по мѣсту въ книгѣ и по своему научному достоинству стоитъ глава съ недостаточно-опредѣленнымъ названіемъ «изслѣдованіе по исторіи культуры урало-алтайскихъ племенъ». Въ ней г. Ядринцевъ первый, насколько намъ извѣстно, прилагаетъ къ изслѣдованію внѣшняго быта сибирскихъ инородцевъ установившееся въ наукѣ исторіи культуры положеніе, что степени развитія отдѣльныхъ элементовъ культуры (жилища, одежды, орудій труда), наблюдаемыя въ пространствѣ, у различныхъ современныхъ народовъ, соотвѣтствуютъ періодамъ развитія этихъ элементовъ во времени; одинъ народъ удерживаетъ болѣе раннюю, другой болѣе позднюю форму. Онъ даетъ намъ нѣсколько весьма удачно обработанныхъ эпизодовъ изъ исторіи внѣшняго быта сибирскихъ народовъ—исторію сибирскаго земледѣлія, сибирскаго жилища, отмѣчая факторы, подъ вліяніемъ которыхъ возникаютъ переходы отъ одного типа внѣшняго быта къ другому (переселеніе народа изъ степи въ лѣсъ, въ горы). По пути авторъ рѣшаетъ на основаніи своего матеріала общіе культурно-историческіе вопросы, напримѣръ, о происхожденіи осѣдлости (вліяніе лѣса). Положенія, къ которымъ приходитъ въ этомъ случаѣ г. Ядринцевъ, нуждаются, конечно, въ провѣркѣ на другой почвѣ, внѣ Сибири, но для исторіи древней культуры въ Европѣ и въ особенности восточной, вслѣдствіе аналогіи условій (степь, лѣсъ, горы), они имѣютъ существенно-важное значеніе; игнорировать ихъ не вправѣ будетъ, мы думаемъ, ни одинъ изслѣдователь древней культуры славянъ и германцевъ.

Слѣдующія главы имѣютъ болѣе публицистическій, чѣмъ научный характеръ. Факты выбираются и пригоняются такъ, чтобы въ сознаніе читателя глубже врѣзывалась та или другая основная мысль; частности обобщаются, не выгодныя для приводимой идеи данныя стушевываются. Глава о вымираніи инородцевъ направлена къ тому, чтобы опровергнуть высказываемое кое-кѣмъ въ Сибири убѣжденіе, что инородцы вырождаются и заботы объ охраненіи ихъ ни къ чему не приведутъ, побудить общество и власть отнестись къ нимъ съ большимъ вниманіемъ и заботливостью. Г. Ядринцевъ утверждаетъ, что «вымираніе и уменьшеніе инородцевъ въ разныхъ группахъ случайное, локальное, но не постоянное, неизбѣжное, непредотвратимое... тѣ же племена при другихъ условіяхъ и при всякой перемѣнѣ къ лучшему обнаруживаютъ всѣ задатки жизненности» (151). Читатель имѣетъ полное право желать, чтобы выводъ такой капитальной научной и практической важности былъ основанъ на достаточномъ количествѣ достовѣрныхъ данныхъ. Ничего подобнаго мы не находимъ, къ сожалѣнію, въ книгѣ нашего автора; рѣшительный тезисъ слѣдуетъ за единственной страничкой, на которой сообщается голословно, что у такихъ-то инородцевъ наблюдается частичное вымираніе, у такихъ-то нѣтъ (150). Мало того—относительно одного и того же племени мы встрѣчаемъ противорѣчивыя извѣстія: на стр. 150 авторъ говоритъ, что «мы не имѣемъ никакихъ данныхъ и свидѣтельствъ вымиранія цѣлаго племени», на стр. 153 мы читаемъ: «о томъ, что это явленіе (смертность) общее у вогуловъ, свидѣтельствуетъ вымираніе цѣлаго племени», а въ слѣдующей главѣ сообщается, что у вогульскихъ и остяцкихъ женщинъ замѣчается наименьшая и притомъ убывающая плодовитость (важнѣйшій признакъ вырожденія). Благодаря такой постановкѣ «изслѣдованія», вопросъ о вымираніи сибирскихъ инородцевъ остается въ прежнемъ состояніи. Мы можемъ желать вмѣстѣ съ г. Ядрин-

цевымъ, чтобы торгаши не эксплуатировали инородцевъ, чиновники не грабили ихъ, чтобы на эпидеміи, поражающія ихъ, было обращено вниманіе властей—и въ то же время считать необходимымъ не публицистическое, а строго-научное рѣшеніе вопроса.

Такой публицистическій характеръ имѣетъ и глава о взаимодѣйствіи русскаго и инородческаго населенія въ Сибири. Г. Ядринцевъ желаетъ обратить вниманіе общества и власть имѣющихъ на необходимость школъ, просвѣщенія для русскаго населенія Сибири. Никто, вѣроятно,—кромѣ чуйскихъ и туруханскихъ исправниковъ,—не будетъ оспоривать этой необходимости. Аргументовъ, доказывающихъ ее, въ русской публицистической литературѣ высказано не мало. Авторъ «Сибирскихъ инородцевъ» думаетъ иначе и старается ошеломить скептиковъ —вѣроятно, сибирскихъ—категорическимъ заявленіемъ, что безъ школъ русское населеніе Сибири превратится въ бурятовъ, якутовъ и другихъ монголоидовъ.. Посвятивъ главу взаимодѣйствію русскаго и инородческаго населенія, онъ вскользь говоритъ о вліяніи русскихъ на инородцевъ и сосредоточиваетъ все свое вниманіе на воздѣйствіи туземцевъ на прошлое русское населеніе. Картина, которая складывается изъ искусно подобранныхъ фактовъ, выходитъ, по собственному выраженію автора, безотрадной. Русское населеніе перерождается или вырождается физически: въ Туруханскомъ краѣ мужчины становятся меньше ростомъ и слабосильнѣе, женщины утрачиваютъ плодовитость, повсюду славянскій типъ смѣняется монголообразнымъ. Рядомъ съ физическими измѣненіями замѣчаются и психическія, культурныя. «Заимствованіе инородческой культуры, обычаевъ и языка русскими на востокѣ составляетъ несомнѣнный фактъ... Съ кѣмъ бы они ни сталкивались—остяки, тунгусы, якуты, буряты и киргизы имѣли сильное вліяніе и русскіе уступали имъ». «Въ общемъ (sic!) русскіе переходили къ полигаміи, къ инородческимъ воззрѣніямъ на женщину; они воспринимаютъ фетишизмъ, антропоморфизмъ, шаманизмъ и идолопоклонство, усвояютъ примѣты и суевѣрія инородцевъ, измѣняютъ одежду, переходятъ къ образу жизни и промысламъ инородцевъ, забываютъ русскій языкъ и воспринимаютъ инородческій»... (200) Узнавъ о всѣхъ этихъ ужасахъ, въ особенности о фетишизмѣ и антропоморфизмѣ, даже чуйскій исправникъ завопитъ, вѣроятно, о школахъ, но историкъ, который ищетъ въ книгѣ Ядринцева научнаго объективнаго изслѣдованія результатовъ трехвѣковаго сожительства русскихъ съ инородцами Сибири, отнесется скептически къ тому, чтобы «въ общемъ» дѣла въ Сибири стояли такимъ образомъ. Еслибы мы не имѣли никакихъ свѣдѣній относительно Сибири, и тогда мы позволили бы себѣ усомниться, чтобы народъ, ассимилировавшій безъ остатка и продолжающій ассимилировать столько тюркскихъ и финскихъ племенъ въ Европѣ, перейдя за Уралъ, оказался способнымъ только къ превращенію въ бурятовъ, якутовъ и т. д. Но мы имѣемъ факты,—и факты эти вразбросъ и необобщенные заключаются въ самой книгѣ г. Ядринцева.

Телеуты или черневые татары, селенія которыхъ расположены въ Кузнецкомъ округѣ между русскими волостями, быстро русѣютъ, въ большинствѣ православные, хорошо говорятъ по-русски и занимаются земледѣліемъ (93). Кумышскіе татары совершенно утратили свои инородческія черты и въ нѣсколько лѣтъ переродились въ русскихъ (94, 120). Лѣсные кочевники вообще, замѣчаетъ г. Ядринцевъ, въ противоположность степ-

нымъ быстро русѣютъ, принимаютъ русскія орудія, русскій костюмъ и затѣмъ сливаются съ русскими крестьянами (120). Среди многихъ енисейскихъ и томскихъ инородцевъ, по наблюденіямъ Адріанова, уже трудно отыскать ихъ происхожденіе (121). Обрусеніе замѣтно и въ Забайкальи и въ Якутской области, гдѣ, какъ мы видѣли, русское населеніе представляется наиболѣе утратившимъ свои національныя черты. На стр. 173 г. Ядринцевъ говоритъ объ обрусѣлыхъ якутахъ, на стр. 174, 177 объ обрусѣвшихъ ясачныхъ или осѣдлыхъ бурятахъ. Предполагается, что многіе или даже большая часть русскихъ, живущихъ вмѣстѣ съ ясачными, являются обрусѣвшими потомками старыхъ ясачныхъ бурятовъ (175). Эти ясачные буряты по наружности даже кажутся совершенно русскими крестьянами (177). Фактовъ, которые мы нашли въ самой книгѣ г. Ядринцева, вполнѣ достаточно для того, чтобы выдвинуть истинные и вполнѣ согласные съ европейскими данными результаты воздѣйствія русскихъ на инородческія племена Сибири. Количество ихъ увеличится несомнѣнно, если изслѣдователь обратится къ литературѣ существующей относительно этихъ племенъ. Г. Ядринцевъ ничего, напримѣръ, не говоритъ объ обрусѣвшихъ вогулахъ, а между тѣмъ они составляютъ уже значительный процентъ въ этомъ племени. Эти факты даютъ другой смыслъ предполагаемому подчиненію русскихъ пришельцевъ культурѣ мѣстныхъ инородцевъ. Если среди русскаго населенія значительную часть составляютъ обрусѣлые инородцы, то вполнѣ естественнымъ представляется фактъ, что они сохранили то, что держится крѣпче всего у народа—старыя вѣрованія—держатъ тайно домашнихъ идоловъ, шаманствуютъ. Этнографическая неопредѣленность тѣхъ данныхъ, которыя лежатъ въ основѣ выводовъ г. Ядринцева, позволяетъ предполагать, что миссіонеры и путешественники не отдѣляли обрусѣвшихъ инородцевъ отъ русскихъ (см. стр. 189). Выдвигая это предположеніе, мы не хотимъ вполнѣ отрицать фактъ воздѣйствія инородцевъ на русскихъ и даже случаевъ полной ассимиляціи послѣднихъ съ первыми; такія явленія извѣстны и въ европейской Россіи, но они не остановили естественнаго хода исторіи, не спасли инородцевъ отъ обрусѣнія. Что касается заимствованій, сдѣланныхъ русскими у инородцевъ Сибири въ области внѣшняго быта, то, причисляя это явленіе къ «безотраднымъ», г. Ядринцевъ забываетъ цитированныя имъ самимъ по другому поводу слова Миддендорфа: «Спѣсивый европеецъ, не упускающій случая все устроивать по своему, лучше глупыхъ туземцевъ Сѣверной Азіи, вскорѣ послѣ жестокихъ уроковъ отказывается отъ всякаго умничанья и, если не хочетъ погибнуть, превращается въ кочующаго азіатца» (162).

Глава о «вліяніи культуры и просвѣщенія на инородцевъ Сибири» заключаетъ въ себѣ рядъ интересныхъ фактовъ, относящихся къ исторіи миссіонерскаго и школьнаго дѣла въ Сибири. Въ заключеніе авторъ высказываетъ нѣсколько соображеній относительно нормальной постановки инородческаго просвѣщенія. Первымъ условіемъ успѣха въ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ онъ считаетъ первоначальное преподаваніе на родномъ для инородца языкѣ. Всякій знакомый съ постановкой школьнаго дѣла въ инородческихъ краяхъ вполнѣ согласится съ г. Ядринцевымъ по этому пункту относительно перваго года ученія. Но сибирскіе публицисты, которыхъ сочувственно цитируетъ нашъ авторъ, идутъ дальше и ставятъ подчасъ весьма курьезныя хотя и благожелательныя требованія: «дайте ему (инородцу)

описаніе его жизни, его племени, его исторіи... пусть онъ узнаетъ, чтò его племя совершило и чтò ему слѣдуетъ совершить», говоритъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ въ газетѣ «Сибирь». Желали бы мы знать, кто и на основаніи какихъ источниковъ будетъ въ состояніи дать вогулу, тунгузу, камчадалу, его исторію и начертать то, что ему слѣдуетъ совершить (конечно, примѣнительно къ совершенному уже).

Интересная книга г. Ядринцева заканчивается главой о «значеніи кочеваго быта въ исторіи человѣческой культуры». Публицистика, въ видѣ полемики съ неизвѣстными культуртрегерами, угрожающими превратить кочевниковъ разомъ въ земледѣльцевъ, занимаетъ по страничкѣ въ началѣ и концѣ главы и не отражается на ея содержаніи, подборѣ и группировкѣ фактовъ. Читатель найдетъ въ ней массу данныхъ прекрасно иллюстрирующихъ кочевой бытъ и тѣ завоеванія, которыя сдѣланы благодаря ему цивилизаціей. Приложенныя къ книгѣ статистическія таблицы могутъ, конечно, интересовать только спеціалистовъ. И. С.

Н. П. Лихачевъ. Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ. Историко-археографическій очеркъ. Спб. 1891.

Лишнимъ, конечно, будетъ говорить о томъ, насколько важно бываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не говоримъ ужъ точно, но даже хоть приблизительно, опредѣлить, къ какому времени относится тотъ или другой актъ, тотъ или другой документъ. А между тѣмъ сдѣлать это далеко не всегда бываетъ возможно и нисколько не удивительно, если изслѣдователь, несмотря на все свое стараніе не придетъ ни къ какимъ результатамъ, или допуститъ какую-нибудь ошибку, иной разъ крупную и досадную. Для опредѣленія, напримѣръ, хронологіи какого-нибудь документа, изслѣдователь, русскій конечно, располагаетъ въ настоящее время лишь палеографіей, которая нельзя сказать, чтобы давала какія-нибудь прочныя основанія, позволяла высказать мнѣніе вѣрное и точное. «Кому много приходилось, говоритъ г. Лихачевъ, заниматься старинными русскими актами, можетъ засвидѣтельствовать, что если московская приказная скоропись даетъ еще возможность прослѣдить постепенныя ея измѣненія по періодамъ въ 20—30 годовъ, то изученіе документовъ, писанныхъ въ то же время частными лицами, способно разрушить всѣ эти наблюденія. Если въ московской офиціальной каллиграфіи господствовали извѣстныя традиціи, то частные люди, какъ всегда, писали, кто какъ умѣлъ. Да и въ московскомъ подъяческомъ письмѣ встрѣчаются иной разъ поразительныя отступленія»... Легко видѣть, насколько точныя основанія даетъ изслѣдователю палеографія. Значеніе этой вспомогательной науки совершенно незначительно. Г. Лихачевъ, издавая настоящій свой трудъ, имѣлъ главнымъ образомъ ввиду придти на помощь изслѣдователю, дать въ его руки еще одинъ ключъ къ разрѣшенію тѣхъ «мучительныхъ сомнѣній», которыя приходится испытывать человѣку, передъ которымъ лежитъ недатированный документъ. Дѣлаетъ это г. Лихачевъ такимъ образомъ. Древняя Русь долгое время, почти до конца XVII вѣка, не имѣла собственныхъ бумажныхъ мельницъ, а вслѣдствіе этого должна была пользоваться привозной бумагой, иностранной, которая была снабжена тѣмъ или другимъ, смотря по времени и странѣ, откуда

привозилась бумага, водянымъ знакомъ. Авторъ, замѣтивъ такое соотношеніе между водяными знаками и временемъ, рѣшилъ воспользоваться имъ для опредѣленія хронологіи бумаги, снабженной этими знаками. Для этого, г. Лихачеву пришлось изучить громадную литературу, существующую на Западѣ по исторіи бумаги, такъ и самые водяные знаки. Авторъ собралъ всѣ рисунки филиграней (водяныхъ знаковъ), встрѣчающихся во всей уцѣлѣвшей отъ старины бумаги, точно опредѣлилъ на основаніи данныхъ, заключающихся въ самихъ документахъ, хронологію ихъ и такимъ образомъ далъ возможность изслѣдователю по водяному знаку, справившись съ альбомомъ, состоящимъ изъ 116 таблицъ съ изображеніями бумажныхъ водяныхъ знаковъ, и указателемъ, приложенными къ настоящему труду, почти безъ труда опредѣлить хронологію всякаго документа. Насколько этотъ способъ удобенъ легко видѣть изъ слѣдующаго примѣра, приведеннаго г. Лихачевымъ. Въ собраніи Императорской Академіи Наукъ хранится одна изъ знаменитѣйшихъ бумажныхъ рукописей древней Руси, такъ называемая Ипатьевская лѣтопись, прежде входившая въ составъ библіотеки Ипатьевскаго монастыря въ Костромѣ. Въ 1843 году издатели лѣтописи (собственно редакторъ Березниковъ), за неимѣніемъ точнаго хронологическаго указанія времени написанія рукописи, опредѣлили ее такимъ образомъ: «Ипатьевская лѣтопись въ спискѣ конца XIV или начала XV в., въ листъ 306 лл., писана на бомбицинѣ, въ двѣ колонны, разными почерками»... Часть рукописи, по мнѣнію издателей, отъ 103 до 196 л., повидимому, древнѣе первыхъ и послѣднихъ тетрадей, писанныхъ особыми почерками, хотя въ бумагѣ и непримѣтно различія. Изслѣдованіе бумаги, на которой написана лѣтопись, приводитъ однако къ другимъ выводамъ, а именно, что вся бумага относится къ одному и тому же времени. «Какъ въ первыхъ, такъ и въ послѣднихъ листахъ рукописи встрѣчается тожественный водяной знакъ ввидѣ дельфина. Эта типичная филигрань точно указываетъ на французское происхожденіе бумаги ею помѣченной. Совершенно подобные дельфины находятся въ сборникѣ «Midont», извлеченные изъ различныхъ актовъ 1417—1422 года» (стр. 53). Такимъ образомъ, принимая во вниманіе то обстоятельство, что филигрань дельфинъ относится къ 1417—1422 гг., можно болѣе увѣренно отнести списокъ Ипатьевской лѣтописи къ началу XV вѣка, приблизительно къ 1425 г., такъ какъ филиграни, заключающіеся въ бумагѣ лѣтописи, встрѣчаются лишь въ первой четверти XV вѣка. Само собой понятно, что не всегда можно полагаться и на филиграни, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ переживали довольно длинные періоды, что, конечно, мѣшаетъ опредѣленному уясненію хронологическихъ датъ. Трудъ г. Лихачева, конечно, этого неудобства устранить не могъ, но тѣмъ не менѣе даетъ возможность получить во всякомъ случаѣ болѣе вѣрный результатъ, чѣмъ это можно сдѣлать при помощи палеографіи. Все, что только можно было сдѣлать—г. Лихачевъ сдѣлалъ и его трудъ, основанный на изученіи громадной западно-европейской литературы и русской старинной бумаги, является единственнымъ руководствомъ, необходимымъ для каждаго, кому только приходится имѣть дѣло съ разборомъ старинныхъ документовъ. Являясь руководствомъ, книга кромѣ того даетъ намъ исторію бумаги, главнымъ образомъ въ Россіи, и вотъ выводы, къ которымъ пришелъ г. Лихачевъ. Писчая бумага вошла въ употребленіе на Руси еще въ первой половинѣ XIV столѣтія; наиболѣе вѣроятно, что ее первые занесли ганзейцы черезъ

Новгородъ. Въ XIV в. бумага, обращавшаяся въ Россіи, преимущественно была итальянскаго происхожденія и только къ концу столѣтія начала появляться бумага французская. XV и XVI столѣтія были, можно сказать, вѣками господства французской бумаги. Съ конца XV столѣтія замѣчается сильная примѣсь нѣмецкой бумаги, со второй половины XVI в. — незначительная примѣсь бумаги польской выдѣлки. XVII столѣтіе представляетъ время борьбы французской бумаги съ голландской; продукты голландскаго производства уже во второй половинѣ XVII в. берутъ верхъ и господствуютъ въ XVIII. Употребленіе англійской бумаги до Петра сводится почти къ нулю. Въ самомъ Московскомъ государствѣ происходитъ рядъ попытокъ дѣлать свою бумагу. Эти попытки оказались болѣе или менѣе неудачными. Одна изъ такихъ попытокъ принадлежала патріарху Никону, который при типографіи устроилъ бумажную мельницу (стоила 400 руб.), но была размыта водой. Правильное бумажное производство началось у насъ при Петрѣ, при чемъ голландцы оказали большое вліяніе какъ на устройство мельницъ, такъ и на рисунокъ филиграней. Славились выдѣлкой бумаги во второй половинѣ XVIII вѣка, кромѣ Петербурга и Москвы, — Ярославль и Калуга. В. Б.

Сибирская библіографія. Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ и однѣхъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ за весь періодъ книгопечатанія. Томъ II. Составилъ И. В. Межовъ. Издалъ И. М. Сибиряковъ. Спб. 1891.

О первомъ томѣ этого труда уже говорилось на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Второй томъ отличается тѣми же несомнѣнными солидными достоинствами. Онъ содержитъ перечень трудовъ по исторіи, географіи, статистикѣ, этнографіи и картографіи Сибири и заключаетъ въ себѣ около 11,000 указаній. Уже одна эта цифра показываетъ, съ какою полнотою составлена библіографія г. Межова, и, если мы позволимъ себѣ сдѣлать два-три, по нашему мнѣнію, важныхъ дополненія къ замѣчательному труду почтеннаго библіографа, то это, разумѣется, нисколько не умаляетъ его достоинствъ. Изъ пропущенныхъ болѣе или менѣе крупныхъ трудовъ мы можемъ указать на статью Пейзена: «Историческій очеркъ колонизаціи Сибири», напечатанную въ «Современникѣ» за 1859 г., статью «Водвореніе въ Западной Сибири переселенцевъ изъ Европейской Россіи» («Журналъ Мин. Гос. Им.» 1856 г.); неуказаны также статьи Чудновскаго: «Колонизаціонное значеніе сибирской ссылки» («Русская Мысль», 1886, № 10), Н. Н. Оглоблина: «Мангазѣйскій чудотворецъ Василій», Д. И. Иловайскаго «Ермакъ и покореніе Сибири» («Русскій Вѣстникъ», 1889 г., № 9), А. Н. Пыпина—рядъ статей, посвященныхъ исторіи изученія Сибири («Вѣстникъ Европы», 1888 г.). Не нашли мы также у Межова книги г. Н. М. Ядринцева: «Сибирь, какъ колонія», книги Максимова: «Сибирь и каторга». Не всегда точно указаны изданія; напримѣръ, трудъ Анучина «Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака» указанъ какъ книга, а въ дѣйствительности онъ былъ напечатанъ въ «Древностяхъ, трудахъ Московскаго Археологическаго общества», отдѣльные же оттиски, если не ошибаемся, въ продажу не поступали. Наоборотъ, статья Дмитріева «Волеговъ, какъ историкъ рода Строгоновыхъ» не только была напечатана въ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», но

вышла и отдѣльной брошюрой. Неполны и указанія на рецензіи, напримѣръ отзывы о книгѣ Латкина: «Красноярскій округъ Енисейской губерніи», помимо «Этнографическаго Обозрѣнія» были еще въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и въ «Новомъ Времени». Мы, конечно, не ручаемся, что указанныя книги не скрываются гдѣ-нибудь въ «Библіографіи» г. Межова, но, по крайней мѣрѣ, мы, при всѣхъ своихъ стараніяхъ, никакъ не могли ихъ отыскать, а старанія пришлось приложить не мало, такъ какъ во-первыхъ раздѣленія по отдѣламъ далеко не строго выдержаны (хоть бы, напримѣръ, отдѣлъ празднованія 300-лѣтняго сибирскаго юбилея — иныя указанія, которыя должны были быть именно въ этомъ дѣлѣ, попали въ отдѣлъ «Исторіи Сибири вообще»), а во-вторыхъ, не выдѣлены нѣкоторые отдѣлы, часто довольно важные, какъ, напримѣръ, исторія колонизаціи Сибири. Конечно, этотъ недостатокъ будетъ устраненъ въ значительной степени общимъ алфавитнымъ указателемъ къ труду г. Межова, если только неразысканные нами труды дѣйствительно затерялись среди той массы матеріала, которую собралъ г. Межовъ. С. А—въ.

Американская республика Джемса Брайса, автора книги «Священная римская исторія» и члена палаты депутатовъ отъ Абердина. Часть III. Пер. В. Н. Невѣдомскій. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1890.

Третій томъ книги англійскаго публициста (отчетъ о двухъ первыхъ см. «Ист. Вѣст.» 1890 года), заканчиваетъ его монографію: онъ заключаетъ въ себѣ главы отъ 76—116 и распадается на три отдѣла: общественное мнѣніе, объяснительные примѣры и замѣчанія, и строй общественной жизни. Первый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія главы: характеръ общественнаго мнѣнія; роль общественнаго мнѣнія въ системѣ управленія; какимъ образомъ управляетъ общественное мнѣніе въ Америкѣ? вліяніе народныхъ нравовъ на общественное мнѣніе; вліяніе различныхъ классовъ населенія на него; мѣстные типы общественнаго мнѣнія, дѣятельность общественнаго мнѣнія, фатализмъ народной массы; тиранія большинства; въ чемъ общественное мнѣніе безсильно? въ чемъ общественное мнѣніе дѣйствуетъ успѣшно? Эти главы, кромѣ массы весьма интересныхъ и поучительныхъ указаній на положеніе вещей въ Америкѣ, заключаютъ въ себѣ нѣчто въ родѣ теоріи общественнаго мнѣнія—главнаго двигателя современной намъ жизни, теоріи, изложенной съ чисто-англійской наглядностью и ясностью. Конечно, не всѣ положенія Брайса могутъ считаться аксіомами, тѣмъ болѣе, что сфера его наблюденій все-таки довольно ограничена: онъ хорошо знаетъ только Англію и Штаты и умышленно избѣгаетъ историческихъ паралелей; но все же эти положенія въ высшей степени поучительны. Брайсъ убѣжденъ, что 19 человѣкъ изъ 20 даже въ просвѣщенной демократической Америкѣ не выражаютъ собственнаго мнѣнія, а довольствуются чужимъ навязаннымъ имъ извнѣ; 20-й же человѣкъ, хотя и имѣетъ собственное мнѣніе, но внимательно прислушивается и до извѣстной степени руководствуется тѣмъ пассивнымъ мнѣніемъ, которымъ живутъ 19 его товарищей (стр. 6). Такимъ образомъ существуетъ постоянное взаимодѣйствіе между вожаками и массой, и результатомъ его является такъ называемое «общественное» мнѣніе. Отношеніе между его составными частями различно въ

разныхъ мѣстахъ и колеблется, по убѣжденію автора, между ³/₄ и ¹/₄, то есть въ иныхъ странахъ «вожакамъ принадлежитъ ³/₄ всего, что входитъ въ составъ общественнаго мнѣнія, а народной массѣ принадлежатъ только ¹/₄; въ другихъ странахъ мы находимъ совершенно противоположное» (стр. 10). Какъ измѣрить это отношеніе, авторъ къ сожалѣнію не объясняетъ.

Брайсъ убѣжденъ, что когда низшіе классы расходятся во мнѣніяхъ съ высшими, то правы обыкновенно бываютъ первые: не имѣя собственности, они менѣе робки, и не имѣя, такъ называемаго, образованія, которое въ сущности вовсе не даетъ намъ указаній на то, что въ данный моментъ выгодно для общества и что нѣтъ, они болѣе работаютъ надъ уясненіемъ того, о чемъ должны составить мнѣніе.

Въ формированіи общественнаго мнѣнія Брайсъ, естественно, придаетъ большое значеніе газетамъ; публицисты, какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, именно та малая часть общества, которая должна имѣть не пассивное, а активное мнѣніе. Но такъ какъ съ другой стороны газета только тогда пользуется успѣхомъ, когда проводимыя ею идеи соотвѣтствуютъ мнѣнію большинства, то ея редакторъ и сотрудники стараются изо всѣхъ силъ подладиться къ послѣднему. Такимъ образомъ здѣсь это взаимодѣйствіе между руководителями и руководимыми выражается особенно наглядно. Рядъ интересныхъ сообщеній и замѣчаній объ американскихъ газетахъ, пользующихся, какъ извѣстно, неограниченной свободой и переполненныхъ постоянно «разоблаченіями», Брайсъ заключаетъ такимъ выводомъ: «хотя своей неосмотрительностью пресса иногда приноситъ вредъ людямъ невиннымъ, за то она оказываетъ большую услугу, обнаруживая такія дурныя дѣла, которыя остались бы безнаказанными, если бы она сообщала только то, что основано на достаточныхъ доказательствахъ. Пресса—дворовая собака, лай которой слѣдуетъ выносить даже тогда, когда онъ вызванъ приближеніемъ человѣка, не замышляющаго ничего дурного. Не подлежитъ сомнѣнію, что газетныя нападки не рѣдко бываютъ очень легкомысленны и что въ Америкѣ на нихъ обращаютъ менѣе вниманія, чѣмъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ обиженный чаще возбуждаетъ преслѣдованіе за клевету. Но гласность часто разоблачаетъ злоупотребленія и еще чаще заставляетъ воздерживаться отъ нихъ» (стр. 22). Слѣдующій отдѣлъ подъ заглавіемъ «объяснительные примѣры и замѣчанія» состоитъ изъ 10 главъ, довольно разнообразныхъ по содержанію: кружокъ Твида въ городѣ Нью-Іоркѣ (такъ называлась шайка людей, грабившихъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ богатѣйшій городъ Америки и наконецъ благополучно истребленная опомнившимися гражданами); Газовой кружокъ въ Филадельфіи (онъ продолжаетъ господствовать въ городѣ до сихъ поръ, вслѣдствіе того же равнодушія высшихъ классовъ, которое долго поддерживало и Твида въ Нью Іоркѣ); Кирнеизмъ въ Калифорніи; проблема територіальнаго расширенія; laissez faire (здѣсь авторъ выражаетъ и развиваетъ убѣжденіе американцевъ, что чѣмъ меньше правительство вмѣшивается въ дѣла гражданъ и чѣмъ меньше граждане надзираютъ за правительствомъ, тѣмъ лучше живется и отдѣльнымъ гражданамъ и всему обществу); предоставленіе женщинамъ права голоса (авторъ убѣжденъ, что въ концѣ концовъ женщины побѣдятъ, такъ какъ права ихъ расширяются въ разныхъ мѣстахъ постепенно и почти нигдѣ не берутся назадъ); мнимые недостатки демократіи; дѣйствительные недостатки американской демократіи (таковыми авторъ считаетъ: ослабленіе индивидуаль-

ности, апатію высшихъ классовъ, некомпетентность правительственныхъ органовъ и нерадѣніе въ завѣдываніи общественными дѣлами; все это проявляется въ болѣе или менѣе сильной степени, но во всякомъ случаѣ не на столько въ сильной, чтобы могло грозить серьезными бѣдствіями); сила американской демократіи; въ какой мѣрѣ опытъ американцевъ можетъ быть полезенъ для Европы (въ этой главѣ авторъ перечисляетъ рядъ основныхъ положеній, которыми американская конституція положительно или отрицательно можетъ послужить примѣромъ для развивающихся въ Европѣ демократій).

Третій отдѣлъ называется «строй общественной жизни» и заключаетъ въ себѣ 19 главъ о разныхъ сторонахъ американской культуры, о правосудіи, наукѣ, религіи, искусствѣ, женщинахъ, общемъ складѣ жизни и пр., изъ которыхъ почти каждая настолько интересна, что рецензентъ подвергается искушенію изложить ея содержаніе на 3-хъ—4-хъ страницахъ. Мы ограничимся въ видѣ примѣра одной CII главой объ университетахъ.

По отчету Воспитательнаго Бюро (Education Bureau) за 1885—1886 въ штатахъ было 345 высшихъ школъ, которыя болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ нашимъ университетамъ, съ 4670 профессорами и 67623 студентами; въ томъ числѣ философскихъ факультетовъ было 90, на нихъ профессоровъ 974, студентовъ 10532.

Богословскихъ факультетовъ	142,	проф. 803,	студ. 6,344
Юридическихъ »	49,	» 283,	» 3,054
Медицинскихъ »	175,	» 2,829,	» 16,407
(Въ томъ числѣ гомеопат.	13,	» 212,	» 1,103).

Поразительныя цифры! По словамъ Брайса, онѣ никакъ не выше, а навѣрно ниже настоящихъ, такъ какъ многія заведенія, выдающія ученые дипломы, не представляютъ своихъ отчетовъ правительству и вовсе не изъ страха, что ихъ дипломамъ не придадутъ надлежащей силы—правительство никогда не отказываетъ учебнымъ заведеніямъ въ правахъ, а просто по небрежности или по безполезности правительственной санкціи. При такихъ грандіозныхъ цифрахъ американская наука, повидимому, должна бы далеко обогнать европейскую; а между тѣмъ на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ иное, американцы до сихъ поръ ѣдутъ доучиваться въ Европу, преимущественно въ Германію, и почти во всѣхъ областяхъ знанія стараются только слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ наукѣ европейской.

Разгадка въ томъ, что изъ этихъ 345 университетовъ по крайней мѣрѣ 300 на самомъ дѣлѣ ничто иное, какъ гимназіи или реальныя училища, съ тою только разницею, что ученики въ нихъ пользуются большею сравнительно съ нашими свободой. Настоящихъ университетовъ Брайсъ насчитываетъ всего 8 или 9. Между гимназіями и настоящими университетами среднее мѣсто занимаютъ 35—40 учебныхъ заведеній съ претензіями давать высшее образованіе, но съ чрезвычайно ограниченными средствами [1]).

Въ настоящіе университеты поступаютъ обыкновенно молодые люди 18—19 лѣтъ изъ всѣхъ классовъ общества. Они остаются тамъ 4 года, ведутъ себя большею частью серьезно и прилично; работаютъ для знанія, а не для наградъ, но держатъ экзаменъ и получаютъ дипломы. Лучшіе изъ

[1]) Есть университеты, наличный преподавательскій составъ которыхъ ограничивается двумя спеціалистами!

студентовъ по окончаніи курса переходятъ иногда въ другой университетъ, гдѣ слушаютъ только спеціальные курсы, соотвѣтствующіе нѣмецкимъ семинаріямъ; но это дѣло, по словамъ Брайса, еще только въ зародышѣ.

Въ большихъ университетахъ есть братства или общества, составляющія нѣчто среднее между англійскими клубами и нѣмецкими «корами», но съ привнесеніемъ благородной цѣли взаимнаго усовершенствованія. Членомъ братства бывшій студентъ остается на всю жизнь, и если онъ принадлежалъ къ братству сравнительно старому и многочисленному, онъ найдетъ собратьевъ, а стало быть и помощь во всякомъ городѣ Штатовъ, куда бы ни забросила его судьба.

Американскіе университеты управляются комитетомъ «регентовъ», которые не принадлежатъ къ преподавательскому персоналу, а выбираются согражданами или назначаются правительствомъ Штата. Исполнительная власть принадлежитъ, такъ называемому, президенту, который часто бываетъ членомъ комитета «регентовъ» и въ то же время профессоромъ; президентъ пользуется большимъ уваженіемъ и часто принадлежитъ къ духовенству господствующаго вѣроисповѣданія.

Допущеніе женщинъ во многіе американскіе университеты, по словамъ Брайса, имѣло благотворное вліяніе на нравы студентовъ. Число женщинъ никогда не равняется числу мущинъ, а всегда значительно меньше его: рѣдко оно доходитъ до одной четверти числа студентовъ; это объясняется между прочимъ тѣмъ, что для женщинъ открыто нѣсколько особыхъ университетовъ, а иногда при большихъ университетахъ для нихъ учреждаются особые курсы.

Мы убѣждены, что кому бы книга Брайса не попала въ руки, всякій найдетъ въ ней для себя много интереснаго и поучительнаго. Это одно изъ лучшихъ пріобрѣтеній въ русской переводной литературѣ, такъ усердно обогащаемой фирмой К. Т. Солдатенкова. А. К.

В. С. Карцовъ и М. Н. Мазаевъ. Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей. Спб. 1891.

Въ нашей литературѣ до сихъ поръ не было сколько-нибудь полнаго свода псевдонимовъ русскихъ писателей — самый полный изъ нихъ С. Пономарева, содержитъ лишь 700 указаній съ небольшимъ. А между тѣмъ подобный словарь можетъ не мало оказать услугъ историку нашей новой литературы. Настоящій трудъ и имѣетъ въ виду пополнить такой пробѣлъ. Въ «Опытѣ» собрано до 4,000 псевдонимовъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ литераторовъ. Конечно, и въ немъ есть пропуски—нѣтъ, напримѣръ, такого крупнаго псевдонима, какъ А. В--инъ, маститаго сотрудника «Вѣстника Европы», но вѣдь сразу ничего не дѣлается, и надо благодарить составителей уже за тотъ громадный шагъ впередъ, который они совершили сравнительно съ своими предшественниками. Гораздо труднѣе примириться съ другимъ недостаткомъ—составители не приложили къ своему труду указателя истинныхъ фамилій, упоминаемыхъ въ ихъ словарѣ, а этимъ значительно затрудняется пользованіе «Опытомъ». Для того, напримѣръ, чтобы собрать всѣ подписи хоть бы Авсѣенко, нужно просмотрѣть весь словарь отъ начала до конца. Надѣемся, что въ слѣдующемъ изданіи этотъ недостатокъ будетъ устраненъ. Затѣмъ, въ разбираемой книгѣ есть еще одна

нехорошая сторона — раскрыты многіе псевдонимы живыхъ писателей и раскрыты безъ ихъ согласія. Можетъ быть гг. составители и руководились при этомъ какими-нибудь особыми соображеніями, но, мы думаемъ, что подобныя вещи въ литературѣ не приняты, и навѣрно за это авторы услышатъ больше порицанія, чѣмъ благодарности.

С. А—въ.

Спутникъ-толмачъ по Индіи, Тибету и Японіи. Составилъ А. В. Старчевскій. Спб. 1891.

Къ полувѣковому юбилею своей литературной дѣятельности старѣйшій изъ нашихъ журналистовъ, занимающійся теперь лингвистическими работами, издалъ полезную книгу, которою заканчивается серія составленныхъ имъ руководствъ для практическаго ознакомленія съ языками нашихъ инородцевъ и сосѣдей. Знаніе языковъ индостанскаго, тибетскаго и японскаго, конечно, необходимо для сношеній со странами, если и не находящимися въ сферѣ русскаго вліянія, то и не чуждыми сближенія съ нами. Г. Старчевскій говоритъ, что «Спутникъ», выпускаемый имъ нынѣ въ свѣтъ, былъ готовъ уже десять лѣтъ тому назадъ, а теперь только дополненъ по новѣйшимъ источникамъ и на основаніи изслѣдованій іеромонаха Смирнова по японскому языку. Мы не можемъ, однако, вполнѣ согласиться съ почтеннымъ составителемъ «Спутника», что практическое знакомство, хотя и поверхностное, съ какимъ-либо языкомъ полезнѣе его основательнаго изученія. «Лингвистическіе труды моихъ предшественниковъ,—говоритъ онъ,— предпринятые на Руси исключительно съ ученой цѣлью, тлѣютъ въ разныхъ библіотекахъ, я первый рѣшился распустить (?) лингвистическія свѣдѣнія въ русской публикѣ и сдѣлать ихъ доступными для каждаго». Но именно эта-то распущенность свѣдѣній и дѣлаетъ ихъ во многихъ случаяхъ весьма сомнительными источниками знанія. Откуда и отъ кого составитель собиралъ всѣ эти слова, фразы, разговоры, обороты рѣчи? Отъ живыхъ людей или изъ книгъ? Простонародный языкъ вездѣ далекъ отъ книжнаго. Слова, напримѣръ, индостанскаго языка, выраженныя русскими буквами, переданы съ тѣми ли оттѣнками произношенія какъ у туземцевъ, нерѣдко измѣняющими свое значеніе отъ перенесенія ударенія, смягченія или усиленія гласныхъ и согласныхъ звуковъ? На первой же страницѣ «Спутника» находимъ двусложныя слова съ удареніемъ на каждомъ слогѣ. Какъ же ихъ произносить? Не говоримъ уже о томъ, что иногда въ двухъ сосѣднихъ мѣстностяхъ господствуютъ совершенно различныя нарѣчія. «Спутникъ» даетъ слова и правила офиціальнаго языка въ Индіи—урду, обязательнаго для войскъ и чиновниковъ, но образовавшагося при великихъ моголахъ, а не природнаго языка индусовъ, употребляющихъ даже и другой алфавитъ—даванагаръ (санскритскій). Стало быть, по «Спутнику» можно бесѣдовать въ Индіи только съ чиновниками да съ индѣйскими мусульманами, а не съ туземцами. Въ тибетскомъ языкѣ 17 нарѣчій, но «Спутникъ» не указываетъ, которому изъ нихъ принадлежатъ приводимыя общія и спеціальныя слова и фразы. Японскій языкъ находится теперь въ періодѣ реформъ и принимаетъ латинскій алфавитъ. Этому языку отведено болѣе трети «Спутника», состоящаго изъ 430-ти страницъ, за которыя назначена довольно высокая цѣна, ее можно было бы уменьшить, раздѣливъ руководство къ изученію трехъ языковъ на три части.

Желательны были бы также болѣе подробныя объясненія при переводѣ словъ. Такъ, напримѣръ, глаголъ «накладываю» переводится по-японски: «цумэ кому, цуми агеру, цуми касмеру». Въ какихъ же случаяхъ употребляется первое, второе или третье выраженіе? А такихъ словъ, по поводу которыхъ можно сдѣлать подобные вопросы,—въ книгѣ не мало.

В. З.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1888 годъ. Спб. 1891.

Вышедшій недавно отчетъ Публичной Библіотеки за 1888 г. открывается жалобой на недостатокъ помѣщенія, особенно въ отдѣленіи русскихъ книгъ, гдѣ, «за недостаткомъ мѣста, приходилось складывать книги на полъ». Въ послѣднее время жалобы такого рода раздаются все чаще и чаще и, хотя онѣ свидѣтельствуютъ о возростаніи количества книгъ въ нашемъ отечествѣ, однако, заставляютъ конечно задумываться прежде всего о помѣщеніи для нихъ, а затѣмъ и надъ несчастной судьбой будущихъ поколѣній, которымъ далеко не легко будетъ разобраться во всей массѣ печатнаго матеріала, остающагося въ наслѣдство отъ насъ. Не считая уже газетъ, ежедневно выпускающихъ по громадному листу, и журналовъ, дающихъ въ годъ по 12 обязательныхъ книжекъ, у насъ выходитъ еще множество книгъ, брошюръ. Въ отчетномъ году, напримѣръ, въ библіотеку поступило печатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ листовъ 26,538 сочиненій, въ 30,066 томахъ (стр. 180), рукописей, автографовъ и актовъ—5,801, не считая уже фотографій, эстамповъ, картъ, плановъ, нотъ (стр. 181).

Матеріалъ ростетъ съ каждымъ годомъ, а помѣщеніе для библіотеки остается все такимъ же, все больше и больше заваливается книгами, которыя помѣщаются и на лѣстницахъ, такъ что почти загораживаютъ проходъ, и въ подвалахъ, откуда изгоняются служителя, вслѣдствіе чего, въ 1888 году, уменьшенъ штатъ служителей на 7 человѣкъ. Все это вполнѣ естественно отнимаетъ нѣкоторыя удобства у людей пользующихся библіотекой и вызываетъ иногда совершенно неосновательныя выраженія неудовольствія, высказывавшіяся неразъ даже печатно. Конечно, хорошо было бы расширить помѣщеніе, но для этого нужны средства, которыхъ у библіотеки не много. Въ 1888 году, библіотека, напримѣръ, получила 92,873 р. 32 к., а израсходавала 89,073 р. 32 к., такъ что осталось всего 3.800 р., на которые не только построить новаго, болѣе обширнаго, помѣщенія нельзя, да врядъ ли возможно и это расширить.

Билетовъ для занятій въ 1888 году было выдано—11,127 (въ 1887 г.—11,234), при чемъ на долю женщинъ приходится 1,569 (въ 1887 г.—1,574). Читателей въ общей читальной залѣ было 102,538 (въ 1887 г.—97,815). Общее число взятыхъ посѣтителями книгъ, какъ выданныхъ изъ отдѣленій, такъ и находящихся въ библіотекѣ при читальной залѣ—185,104 т. (въ 1887 г.—176,389 т.), повременныхъ изданій—54.563 номера (въ 1887 г.—43,135 ном.). Въ теченіе года, по разнымъ причинамъ, библіотекѣ приходилось отказывать по нѣкоторымъ требованіямъ. Иногда требовались книги, которыхъ въ библіотекѣ нѣтъ, или же которыя въ это время читались, иногда даже сочиненія, никогда не появлявшіяся въ печати; подавались неточныя и неразборчивыя требованія. За неимѣніемъ книгъ, впрочемъ, и за неполученіемъ

книгъ въ моментъ ихъ требованія изъ цензурныхъ установленій, было отказано всего по 4,208 требованіямъ, при чемъ въ русскомъ отдѣлѣ только по 325 требованіямъ (въ 1887 г.—по 3,997 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 1,040 требованіямъ). Всего же было отказано изъ отдѣленій по 10,740 требованіямъ, а изъ библіотеки при читальной залѣ по 13,088. Изъ 496 повременныхъ изданій на русскомъ языкѣ, какъ это видно изъ списка, болѣе всего читались: «Вѣстникъ Европы», выданный 2,132 раза, при чемъ отказано по 309 требованіямъ, а изъ газетъ -- «Новое Время», которое было выдано 1,232 раза и отказано 151 разъ. Изъ иностранныхъ— «Révue des deux Mondes» (339 разъ и 72 отказано), «Ateneum»—327 разъ и 51 отказано и «Иверія» (грузинская газета)—264 раза и 40 отказано...

Помимо такихъ статистическихъ данныхъ, знакомящихъ насъ съ состояніемъ библіотеки, отчетъ заключаетъ въ себѣ еще описаніе пріобрѣтеній библіотеки, изъ которыхъ особенно замѣчательны — собраніе рукописей XIV—XVIII в. (числомъ 125), принесенное въ даръ библіотекѣ крестьяниномъ деревни Гуськовъ, Новгородской губ., П. Д. Богдановымъ, часть переписки графовъ Румянцовыхъ, при чемъ письма графа Н. П. Румянцева къ Александру I и Аракчееву, въ которыхъ идетъ рѣчь объ отставкѣ канцлера, какъ чрезвычайно важныя для характеристики графа, напечатаны цѣликомъ, затѣмъ богатое собраніе матеріаловъ, состоящее изъ одиннадцати томовъ, для исторіи раскола частью въ XVIII в., главнымъ же образомъ въ текущемъ столѣтіи (до конца пятидесятыхъ годовъ) вмѣстѣ съ изслѣдованіями и офиціальными записками по исторіи раскола и мн. др. Кромѣ того, напечатаны въ видѣ приложеній: «Письма митрополита московскаго Филарета», хранящіяся въ собраніи автографовъ Императорской Публичной Библіотеки (стр. 1—77), «Каталогъ собранія славяно-русскихъ рукописей П. Д. Богданова, составленный И. А. Бычковымъ (стр. 77—202), «Матеріалы для исторіи Арзамасскаго общества, «Рѣчь Д. Н. Блудова въ одномъ изъ его засѣданій» (стр. 1—8) и «Флорентинская елка», даръ И. Е. Бецкаго, листы 6-й и 7-й. В. Б.

Аріостъ. Неистовый Роландъ. Переводъ подъ редакціею В. Р. Зотова. Спб. 1892.

Одинъ изъ нашихъ старѣйшихъ книгопродавцевъ Н. А. Шигинъ, издатель лучшаго перевода на русскій языкъ «Донъ-Кихота», выдержавшаго три изданія, и множества оригинальныхъ романовъ, выпустилъ въ свѣтъ другое классическое произведеніе, которымъ зачитывалось образованное общество XVI и XVII вѣка. Редакторъ русскаго перевода поэмы Аріоста, написавшій обширное введеніе о ея значеніи въ исторіи всемірной литературы, нашелъ необходимымъ объяснить причины ея появленія въ нашъ далеко не поэтическій вѣкъ. «Кто изъ любителей чтенія обратится отъ современнаго романа съ его протокольною психологіею и холоднымъ пессимизмомъ къ описанію сказочныхъ поединковъ, небывалыхъ событій, въ которыхъ дѣйствуютъ невозможные герои карловинской саги»? И однако переводчикъ находитъ, что эти сказочныя времена производятъ на многихъ и въ наше время сильное обаяніе, и читатели, пресытившись психопатическимъ романомъ, могутъ заинтересоваться старою романтическою сказкою, занимавшею съ эпохи возрожденія интелигентный міръ. Желаемъ, чтобы издатель не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ и чтобы публика 1891 года встрѣтила съ такимъ же вниманіемъ

поэму Аріоста, съ какимъ сто лѣтъ тому назадъ читатели 1791 года приняли первое появленіе на русскомъ языкѣ «Неистоваго Роланда» въ переводѣ Петра Молчанова. Этотъ переводъ, составляющій теперь библіографическую рѣдкость, выходилъ въ Москвѣ въ теченіе трехъ лѣтъ (1791—93) въ трехъ томахъ, конечно, съ огромными пропусками и безъ имени переводчика, обнаруженнаго Сопиковымъ, хотя Петръ Степановичъ Молчановъ еще въ вольномъ благородномъ университетскомъ пансіонѣ упражнялся въ словесности и стиходѣйствѣ, перевелъ, конечно съ французскаго, итальянскую повѣсть «Венеціанскій арапъ», въ 1787 году и былъ усерднымъ сотрудникомъ въ журналахъ «Покоющійся Трудолюбецъ» (1784—85) «Зеркало свѣта» и «Распускающійся цвѣтокъ». Какъ ни слабъ переводъ Молчанова, но онъ все-таки даетъ болѣе обстоятельное понятіе о поэмѣ, чѣмъ стихотворное искаженіе ея бездарнымъ Раичемъ, издававшимъ въ теченіе шести лѣтъ (1832—37) въ трехъ томахъ 15 первыхъ пѣсенъ, пляшущимъ размѣромъ (четырехстопный ямбъ въ перемежку съ трехстопнымъ), замѣнявшимъ звучную октаву Аріоста. Но попытки и другихъ нашихъ писателей, неисключая Пушкина — переводить итальянскаго поэта, доказываютъ сочувствіе, къ послѣднему въ русской литературѣ. Переводъ, являющійся въ настоящее время, сдѣланъ правильнымъ литературнымъ языкомъ, хотя мѣстами тонъ его нѣсколько приподнятъ, что было впрочемъ неизбѣжно при передачѣ, возможно близко къ подлиннику, поэтическихъ оборотовъ свойственныхъ итальянскому эпосу XVI вѣка. Но русскій переводъ, точно и добросовѣстно слѣдя за оригиналомъ, не измѣняетъ и не пропускаетъ ни одного стиха, даже и въ томъ эпизодѣ поэмы, гдѣ скромный Аріостъ, недопускавшій въ своемъ произведеніи никакихъ эротическихъ сценъ, какими переполнена лирика того времени, дѣлаетъ единственное исключеніе, передавая съ самыми откровенными подробностями скабрезную исторію Жоконда, которою воспользовался и Бокачіо въ своемъ «Декамеронѣ». Вообще изданіе г. Шигина можно причислить къ такъ называемымъ «роскошнымъ изданіямъ». Къ нему приложено двадцать большихъ гравюръ, исполненныхъ извѣстными французскими художниками и самый схожій портретъ Аріоста. Сжатый и четкій шрифтъ текста и большой форматъ изданія позволили умѣстить на 542-хъ страницахъ, всѣ 46 пѣсенъ поэмы. Введеніе къ ней опредѣляетъ ея значеніе, передаетъ біографію поэта и подробное содержаніе поэмы Воярдо «Влюбленный Роландъ», которому «Неистовый Роландъ» служилъ продолженіемъ, до того органически связаннымъ съ первою поэмою, что безъ нея непонятны ни лица, ни эпизоды послѣдней. Приключенія многихъ лицъ, начатыя Воярдомъ, окончены у Аріоста, хотя русскій энциклопедическій словарь Брокгауза увѣряетъ напротивъ, что Воярдо продолжалъ Аріоста, хотя и умеръ за 20 лѣтъ до появленія «Неистоваго Роланда». Жаль, что редакторъ русскаго перевода не обставилъ хотя бы главныхъ мѣстъ поэмы примѣчаніями и коментаріями. Они положительно необходимы въ твореніи, написанномъ почти четыре вѣка назадъ. Если наше поколѣніе, несмотря на его классическое образованіе, мало знакомо съ миѳологическими именами и преданіями, упоминаемыми чуть не въ каждой октавѣ поэмы, то историческія лица и событія итальянскихъ герцогствъ и республикъ, къ которымъ очень часто обращается Аріостъ, уже и вовсе чужды нашему времени. Правда, при обширныхъ коментаріяхъ переводъ поэмы увеличился бы въ своихъ размѣрахъ и принялъ научно-литературное значеніе, а цѣль издателя была дать книгу для лег-

каго чтенія, романтическую сказку, которая заинтересовала бы читателя разнообразіемъ содержанія, запутанностью приключеній, а не объясненіемъ малоизвѣстныхъ подробностей, приводимыхъ поэтомъ. Можно было, конечно, въ переводѣ выбросить эти подробности, но тогда поэма явилась бы не въ полномъ видѣ и потеряла бы свой средневѣковой, легендарный колоритъ. Поэтому редакція перевода, принявъ въ основаніе полный текстъ поэмы, оставила безъ примѣчаній ея малосущественныя миѳологическія историческія подробности. В—ъ.

А. Н. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. Томъ III. Этнографія малорусская. Спб. 1891.

О первыхъ двухъ томахъ названнаго сочиненія А. Н. Пыпина мы уже имѣли случай говорить на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (т. XL, стр. 212 — 213 и т. XLIV, стр. 410 — 432). Третій томъ посвященъ исторіи изученій малорусскаго племени, которое, будучи русскимъ по глубочайшей своей основѣ, цѣлые вѣка прожило раздѣльно отъ племени великорусскаго. «Всѣ различныя условія, дѣйствовавшія на образованіе народности, а именно: свойства и обстановка природы, искони вліявшія на физическій складъ племени и его бытъ; племенное сосѣдство въ древніе и средніе вѣка, издавна дѣйствовавшее въ южномъ племени иначе, чѣмъ въ сѣверномъ, на этнологическій составъ народности; остатки первобытной старины, уцѣлѣвшіе на югѣ и забытые на сѣверѣ, или, наоборотъ, позднѣйшія историческія отношенія, неизвѣстныя на сѣверѣ и сообщавшія новыя понятія и обычаи; національная историческая борьба XV—XVII столѣтій и т. д., все это вмѣстѣ создавало типъ народности, столь отличный отъ сѣвернаго, что при «возсоединеніи», въ половинѣ XVII столѣтія, онъ не могъ слиться съ господствующей народностью и прибавился къ ней особымъ оттѣнкомъ».

Первыя проявленія интереса къ малорусской народности относятся къ прошлому столѣтію. Уже въ 1777 г. появилось «Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ» Калиновскаго. Тогда же малорусскія пѣсни, наряду съ великорусскими, вошли въ сборники Чулкова и Новикова. Спеціально къ изученію малорусской поэзіи первый обратился князь Н. А. Цертелевъ («Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней», 1819 г.). Цертелевъ, по замѣчанію г. Дашкевича, находился подъ вліяніемъ романтическаго движенія и примыкалъ къ сознательно выработанной программѣ народности. Во имя послѣдней «онъ требовалъ вниманія литераторовъ къ народной поэзіи, изученія родной природы, нравовъ и характеровъ своего народа и его языка. Этому призыву и подобнымъ послѣдовали украинскіе литераторы съ конца двадцатыхъ годовъ настоящаго вѣка». Ближайшимъ преемникомъ Цертелева былъ М. А. Максимовичъ (1804—1873). Къ 20 и 30-мъ годамъ относится также этнографическая дѣятельность оригинальной и даровитой личности—Адама Чарноцкаго,—поляка, не только писавшаго, но и жившаго (и даже путешествовавшаго на средства правительства) подъ псевдонимомъ Зоріана Доленгиходаковскаго. Затѣмъ, въ лицѣ ученыхъ слѣдующаго поколѣнія, И. И. Срезневскаго и О. М. Бодянскаго, также не чуждыхъ романтическаго увлеченія народностью, малорусская этнографія приходитъ въ тѣсное соприкосновеніе съ славяновѣдѣніемъ, получившимъ въ то время вполнѣ научную постановку.

Къ началу 60-хъ годовъ постоянно возроставшій этнографическій интересъ переходитъ въ такъ называемое «украинофильство», мѣстный малорусскій патріотизмъ. Начало этого направленія очень часто возводятъ къ «Основѣ»—журналу 1861—1862 гг., во главѣ котораго стояли Костомаровъ, Кулишъ и Шевченко. Въ дѣйствительности «Основа» не имѣла приписываемаго ей значенія: это изданіе было однимъ изъ проявленій общественнаго настроенія того времени и «далеко невсегда совпадало съ другими проявленіями мѣстнаго малорусскаго патріотизма въ то время и послѣ». Дѣятели «Основы» имѣли предъ собой уже готовыя народно-литературныя стремленія какъ въ этнографіи, такъ и въ беллетристикѣ на малорусскомъ языкѣ. «Основа» явилась только органомъ для выраженія этихъ стремленій, чему благопріятствовало и современное состояніе всего русскаго общества. Руководители «Основы» были проникнуты горячей любовью къ народу, стремленіемъ къ изученію малорусской старины и народности и желаніемъ содѣйствовать успѣхамъ книжнаго малорусскаго языка и народнаго образованія. До тѣхъ поръ малорусская литература жила только въ своемъ замкнутомъ кругѣ и не имѣла опредѣленнаго положенія; тогда явилась потребность выяснить положеніе этой литературы и защитить право существованія ея противъ возраженій и нападокъ, появлявшихся съ разныхъ сторонъ. Великорусское общество большею частью равнодушно относилось къ интересамъ малорусской литературы, о которой оно и знало очень мало, считая ее ненужнымъ отвлеченіемъ силъ отъ общаго хода образованія; появилось уже мнѣніе, что она вредна, какъ противорѣчіе національному единству. «Въ то же время съ польской стороны можно было замѣтить отношеніе къ малорусскому движенію не весьма дружелюбное: это движеніе обыкновенно соединялось съ оживленіемъ старыхъ историческихъ преданій, а эти преданія могли только подновлять старую племенную и религіозную вражду, тогда какъ полякамъ на западѣ и юго-западѣ хотѣлось безмятежно первенствовать надъ малорусскимъ населеніемъ или попрежнему считать его однимъ оттѣнкомъ того же польскаго народа. Надо было, наконецъ, опредѣлить тѣ племенныя особенности малорусскаго народа, припомнить тѣ черты его исторіи, которыя создавали его нравственно-національную характеристику и утверждали его народное право. Всѣ эти вопросы и положенія составили предметъ многочисленныхъ работъ, которыя касались ихъ прямо или косвенно и доставлены были въ «Основу» какъ представителями стараго кружка, такъ и цѣлымъ рядомъ другихъ писателей старыхъ и молодыхъ».

Хотя «Основа» и не была чужда нѣкоторыхъ крайностей, какъ, напр. сантиментальной идеализаціи малорусскаго народнаго характера, въ нѣкоторыхъ статьяхъ, она имѣла важное значеніе въ малорусской литературѣ и этнографіи. Въ ней появились беллетристическія произведенія Шевченко, Марка Вовчка, А. Стороженка, Кулиша и др. Въ каждой книжкѣ ея помѣщались статьи этнографическаго содержанія, въ томъ числѣ замѣчательныя статьи Костомарова. «Общимъ выводомъ были: необходимость изученія народной жизни, уваженіе къ народной мысли и чувству, къ народной личности—въ томъ же смыслѣ, какъ объ этомъ говорилось тогда и въ цѣлой русской литературѣ, по давно слагавшемуся убѣжденію, которое особенно усилилось тогда подъ вліяніемъ крестьянской реформы; у писателей малорусскихъ это стремленіе сказывалось лишь съ тѣми видоизмѣненіями, какія

приводились очевидными различіями племенными, историческими и бытовыми». Этнографическій интересъ, нашедшій свое выраженіе въ «Основѣ», отразился важными трудами въ области этнографіи, исторіи и археологіи въ послѣдующія десятилѣтія, когда выступили новые дѣятели, выросшіе подъ вліяніемъ общественнаго движенія конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ. Первое мѣсто въ ряду этихъ дѣятелей, безспорно, принадлежитъ П. П. Чубинскому, труды котораго по собиранію и объясненію этнографическаго матеріала по истинѣ грандіозны (этнографическо-статистическая экспедиція въ западно-русскій край, 1869—1870 гг.).

Намѣченное нами постепенное развитіе изученій Малороссіи представлено авторомъ не въ сухой, отвлеченной формѣ, а живо, въ связи съ духовнымъ ростомъ самаго общества. Этому способствуетъ введеніе біографическаго элемента, которому г. Пыпинъ справедливо придаетъ важное значеніе: «не лишено исторической важности,—говоритъ онъ,—именно въ изученіяхъ народныхъ, и особливо мѣстныхъ, опредѣлить, въ какихъ условіяхъ возникало влеченіе къ изслѣдованіямъ народности, какъ взаимно питались и вліяли чувство личное и общественное съ одной стороны, и съ другой—чисто научный интересъ».

Паралельно съ указанными изслѣдованіями, имѣли мѣсто изученія малорусской народности поляками и галицкими русскими. Этимъ изученіямъ авторъ также отводитъ не мало мѣста (гл. IV, VIII, IX, частію X и XII), при чемъ постоянно обращаетъ вниманіе на польско-галицкія и польско-украинскія отношенія, не только научныя, но и соціально-политическія, что, вмѣстѣ съ ранѣе отмѣченными чертами, дѣлаетъ его книгу интересною какъ для спеціалиста, такъ и для всякаго образованнаго читателя. С.

Иркутскъ. Его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири. Очеркъ, редактированный и изданный Иркутскимъ городскимъ головою В. П. Сукачевымъ. Москва. 1891.

Книга, изданная г. Сукачевымъ, распадается на 2 отдѣла: первый, меньшій, заключаетъ въ себѣ компилятивное изложеніе исторіи Иркутска, второй большій — описаніе современнаго положенія этого города. Редакторъ труда самъ называетъ свой трудъ компиляціей и главную цѣну книги видитъ въ ея направленіи, которое можно охарактеризовать въ двухъ словахъ это изданіе стремится указать темныя стороны иркутской общественной жизни и по мѣрѣ силъ и возможности изыскать средства къ ихъ устраненію. На основаніи нѣкоторыхъ намековъ въ самой книгѣ мы заключаемъ, что изданіе это преслѣдуетъ нѣкоторыя практическія цѣли и, вѣроятно попадетъ въ руки, отъ которыхъ будетъ зависѣть исполненіе дезидератъ г. Сукачева. Въ такомъ случаѣ намъ остается только пожелать «Иркутску» полнаго успѣха—съ публицистической точки зрѣнія этотъ трудъ несомнѣнно не лишенъ важныхъ достоинствъ; научныхъ же требованій предъявлять къ нему мы не имѣемъ права, разъ самъ редакторъ не претендуетъ на научность. Впрочемъ г. Сукачевъ обѣщаетъ подарить насъ въ скоромъ времени «самостоятельнымъ трудомъ по изслѣдованію не только исторіи и культурнаго развитія, но и экономическаго положенія нашего города и мѣстности

лежащей въ сферѣ его вліянія». Этотъ трудъ будетъ основанъ «на разработкѣ архивнаго и всякаго другого рода нетронутаго еще матеріала» и несомнѣнно будетъ гораздо цѣннѣе теперешняго. С. А—въ.

Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описаніе святыхъ чудотворныхъ Ея иконъ, чтимыхъ Православною церковью на основаніи Священнаго Писанія и церковныхъ преданій. Составила Софья Снессорева. Съ изображеніями въ текстѣ праздниковъ и иконъ Божіей Матери. Спб. 1892.

Имя г-жи Снессоревой давно извѣстно всѣмъ любителямъ духовно-нравственныхъ сочиненій. Новый трудъ ея, изданный подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, восполняетъ еще одинъ пробѣлъ, давно ощущавшійся въ нашей духовно-исторической литературѣ. Конечно, нельзя сказать, чтобы у насъ до сего времени не было вполнѣ удовлетворительныхъ сказаній о земной жизни Пресвятой Богородицы, но настоящее изданіе отличается отъ прочихъ тѣмъ, что представляетъ простой, безхитростный разсказъ, понятный для дѣтей и народа; это и составляетъ главное достоинство труда г-жи Снессоревой.

Излишне было бы распространяться о томъ, какія знаменательныя событія русской исторіи соединены съ воспоминаніями о нашихъ чудотворныхъ иконахъ Пресвятой Богородицы. Въ трудѣ г-жи Снессоревой описанію этихъ иконъ отведена половина книги. Въ настоящее время это самый полный списокъ существующихъ въ Россіи чудотворныхъ иконъ Божіей Матери; рисунки, приложенные къ описаніямъ, не оставляютъ желать лучшаго. Къ сожалѣнію, въ спискѣ иконъ есть пропуски, (напр. не упомянуто о иконахъ Касперовской (Хер. губ.), Маріупольской (Екат. губ.) и др.), но нѣтъ сомнѣнія, что при слѣдующемъ изданіи книги будутъ сдѣланы дополненія.— Желательно, чтобы лица, сочувствующія этому полезному изданію, доставили, если у нихъ есть, изображенія рѣдкихъ и малоизвѣстныхъ, но мѣстно чтимыхъ, иконъ Божіей Матери. Такого рода сообщенія, конечно, легче всего было бы сдѣлать черезъ посредство издателя книги петербургскаго книгопродавца И. Л. Тузова. Н. Ш.

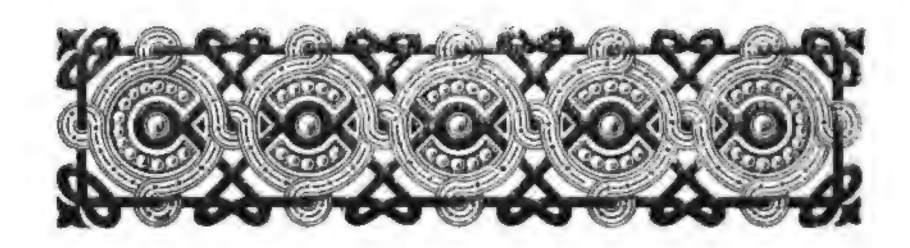
Вл. Боцяновскій. Публичная библіотека въ Житомірѣ. По поводу ея 25-ти лѣтія.—Кіевъ. 1891.

Трудъ г. Боцяновскаго, собственно говоря, даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ его заглавіе: мы находимъ въ немъ не только исторію и современное состояніе Житомірской библіотеки, но и очень любопытныя свѣдѣнія по исторіи публичныхъ библіотекъ въ Россіи вообще, и, затѣмъ, весьма недурной опытъ исторіи внутренней жизни города Житоміра за послѣднее полустолѣтіе. За этимъ введеніемъ, которое, впрочемъ, занимаетъ добрую половину всего труда, слѣдуетъ описаніе прошедшаго и настоящаго самой библіотеки. Тутъ привлечено къ дѣлу все, что только возможно, и нѣкоторой полноты, недостаетъ только въ статистическихъ данныхъ за послѣднее время, но это повидимому, произошло не столько по винѣ автора, сколько вслѣдствіе того,

что администрація Житомірской библіотеки не особенно-то торопится съ опубликованіемъ своихъ отчетовъ. Словомъ, трудъ г. Боцяновскаго свидѣтельствуетъ о томъ, съ какою любовью и усердіемъ отнесся онъ къ своему маленькому дѣлу, и, несомнѣнно, будущій историкъ провинціальной жизни во второй половинѣ нашего вѣка не безъ пользы для себя прочтетъ этотъ трудъ.

С. А—въ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Принцъ Луи-Лукіанъ Бонапартъ. — Романъ генерала Дюмурье, какъ прототипъ романа Буланже.—Тайное общество лже-Богородицы во время французской революціи.—Бѣгство прусскаго принца въ 1848 году.

Принцъ Луи-Лукіанъ Бонапартъ. Съ именемъ Бонапартовъ обыкновенно связывается у всѣхъ представленіе о политикѣ и интригѣ. Такую печать наложили на это имя личности Наполеона I, Наполеона III, явившагося сфинксомъ на тронѣ, и Плонъ-Плона, краснаго принца. Однако, и среди членовъ этой семьи были представители, державшіеся вдали отъ заговоровъ и политической дѣятельности, находившіе удовлетвореніе въ негромкомъ положеніи ученаго и умѣвшіе одерживать безкровныя побѣды на мирномъ полѣ. Таковы: 1) въ 1857 году скончавшійся принцъ Карлъ, съ прозвищемъ Канино, составившій себѣ имя, какъ орнитологъ, и 2) недавно отшедшій въ лучшій міръ—братъ его Луи-Лукіанъ.

Въ политическомъ смыслѣ, большее значеніе принадлежитъ брату Наполеона I — Лукіану, единственному изъ всѣхъ братьевъ завоевателя, не принявшему отъ него короны. Объ его силѣ воли свидѣтельствуетъ прежде всего его отказъ оттолкнуть отъ себя любимую женщину и жениться на какой-нибудь принцессѣ, на что Жеромъ поддался съ такой легкостью. Оба его брака были дѣломъ сердца, — ни Христины Бойе, ни Александрины де-Блешампъ, несмотря на всѣ протесты со стороны императора и короля, онъ въ обиду не далъ. 4-го января, 1813 года, Александрина родила ему четвертаго сына—Луи-Лукіана, колыбель котораго стояла на англійской почвѣ, въ Торнгропѣ, около Ворчестера, пріобрѣтенномъ отцомъ его незадолго передъ тѣмъ, за 9,000 фунтовъ стерлинговъ. Событія 1814 года привели Лукіана съ его семействомъ въ Римъ, гдѣ папа пожаловалъ ему титулъ князя Канино и гдѣ онъ провелъ бо̀льшую часть своей жизни; онъ умеръ въ Ви-

тербо 30-го іюня 1840 года, а Александрина — 12-го іюля 1855 года въ Синегаліи.

Луи-Лукіанъ получилъ превосходное воспитаніе, провелъ юность въ Мувиньяно, много путешествовалъ и занимался химіей и минералогіей въ Соединенныхъ Штатахъ сѣверной Америки, а затѣмъ во Флоренціи; онъ сдѣлалъ очень многое по этимъ наукамъ, но больше всего извѣстенъ, какъ полиглотъ. Онъ владѣлъ совершенно необычайными лингвистическими познаніями, доказательствомъ чему служатъ его «Specimen lexici comparativi omnium linguarum europearum» (Флоренція, 1847 г.) и библіографическая рѣдкость «Притча о сѣятелѣ въ евангеліи Матѳея на 72 европейскихъ нарѣчіяхъ» (Лондонъ, 1857 года, на латинскомъ языкѣ). Онъ акуратно посѣщалъ ученые конгрессы въ Италіи, въ 1849 и 1851 годахъ состоялъ членомъ Парижскаго жюри, а въ 1854 году во время лондонской выставки отъ Оксфордскаго университета получилъ степень доктора гражданскаго права; кромѣ того, былъ почетнымъ членомъ Петербургской Академіи Наукъ, равно какъ и цѣлаго ряда другихъ ученыхъ обществъ въ Европѣ, вице-президентомъ «Philological Society», въ изданіяхъ коего помѣщались многія его сочиненія, сотрудникомъ «Revue de linguistique», «Revue de philologie et d'ethnologie», «Academie» и другихъ журналовъ, гдѣ принималъ дѣятельное участіе многочисленными учеными трудами.

Перворазряднымъ авторитетомъ считался Луи въ довольно заброшенной области—литературѣ басковъ. Онъ изъѣздилъ земли басковъ во Франціи и Испаніи, по всѣмъ направленіямъ, очень заинтересовался діалектами въ Гуйпуцкоа, Бискайѣ и Лабурдѣ, поставилъ въ церкви, въ Сарѣ, памятникъ краснорѣчивѣйшему писателю басковъ Педро Аксулару, издалъ очень много новаго, напримѣръ, «Canticum trium puerorum» (Лондонъ, 1858 г.), многое перевелъ, какъ напримѣръ, «La cantique des cantiques de Salomon» на Гуипуцкоанское нарѣчіе (Лондонъ, 1862 г.) и составилъ (Лондонъ, 1863 г.) карту языковъ семи провинцій басковъ, напечатанную въ 1869 году роскошнымъ изданіемъ и, несмотря на многія возраженія, признанную трудомъ весьма цѣннымъ. Затѣмъ, въ 1869 году, вышла лучшая его работа по изслѣдованію земли басковъ, явившаяся результатомъ пяти лингвистическихъ поѣздокъ «Le verbe basque» (Лондонъ); въ періодъ между 1859—1869 гг. онъ принималъ участіе въ изданіи перевода библіи на языкъ басковъ. Въ коротенькомъ сочиненіи «Langue basque et langues finnoises» (Лондонъ, 1862 г.), напечатанномъ въ небольшомъ числѣ нумерованныхъ экземпляровъ, онъ указываетъ на поразительную аналогію въ грамматикѣ этихъ языковъ. Лукіанъ занимался также изслѣдованіемъ корсиканскихъ нарѣчій и въ 1878 г. появились въ Парижѣ «Remarques sur la classification des langues ouraliques». Считаясь перворазряднымъ авторитетомъ, какъ филологъ по языку басковъ,— такъ именно аттестовалъ его профессоръ Жюльенъ Винсонъ въ Парижѣ въ 1891 г. — онъ съ огромнымъ успѣхомъ занимался также изслѣдованіемъ шотландскихъ и сѣверо-англійскихъ діалектовъ. Весьма интереснымъ для филологіи является изданный имъ въ 250 экземплярахъ трудъ «Song of Salomon in twenty—five English dialects». Онъ многократно проѣхалъ по различнымъ частямъ Англіи. До сихъ поръ не существуетъ вполнѣ удовлетворительной въ научномъ смыслѣ классификаціи современныхъ англійскихъ нарѣчій, и лучшей, относительно, все-таки считается напечатанная имъ въ 1875—1876 гг. «Transactions of the Philological Society» классификація на

13 главныхъ нарѣчій, подраздѣляющихся еще на другія второстепенныя нарѣчія. За труды его по изслѣдованіямъ этихъ нарѣчій королева Викторія и Гладстонъ назначили ему въ іюнѣ 1883 года ежегодную пенсію въ 250 фунтовъ стерлинговъ, изъ liste civile. Единственной страстью Луи была страсть къ ученью, пріятнѣйшее для него общество составляли ученые, и въ кружкахъ послѣднихъ его цѣнили очень высоко, равно какъ и въ англійскихъ литературныхъ кружкахъ. Чертами лица и тембромъ голоса онъ очень напоминалъ Наполеона I, своего дядю, а жаждой познаній — отца своего Лукіана.

Несмотря на то, что Луи принималъ малое участіе въ политикѣ, самое имя его помѣшало ему навсегда удалиться отъ общественной жизни. Вслѣдствіе революціи 1848 года онъ отправился во Францію, 28-го ноября Корсика избрала его въ конституціонное національное Собраніе, но 9-го ноября избраніе это было объявлено недѣйствительнымъ. «Union électorale» выставила его кандидатомъ въ Законодательное Національное Собраніе, куда онъ вступилъ членомъ сенскаго департамента 8-го іюля 1849 года и занялъ мѣсто на правой сторонѣ. Горячо защищая политику своего кузена, принца-президента, онъ не принималъ, однако, никакого участія въ государственномъ перевотѣ 2-го декабря. Съ возникновеніемъ Второй Имперіи Луи 2-го декабря 1852 года сталъ французскимъ принцемъ, получилъ титулъ высочества и мѣсто сенатора, 13-го января сдѣлался кавалеромъ ордена Почетнаго Легіона, но въ сенатѣ роли никакой не игралъ. Паденіе имперіи въ 1870 г., направило его въ Лондонъ. Еще почти юношей 4-го октября 1883 г., во Флоренціи, принцъ Бонапартъ женился на красивой дочери одного скульптора изъ Лукки — Маріаннѣ Чекки (рожд. 27-го марта 1812 г.): но супружество это было несчастливо—бездѣтные супруги разошлись. Маріанна жила въ «Casa Bonaparte» въ Аяччіо, гдѣ она и скончалась въ мартѣ нынѣшняго года. Принцъ въ теченіе многихъ лѣтъ уже страдалъ паралитичными пораженіями, нѣсколько недѣль тому назадъ онъ отправился къ своей племянницѣ, графинѣ Браччи, въ Фано, находящемся на берегу Адріатическаго моря, тамъ 3-го ноября умеръ отъ паралича сердца. Англію считалъ онъ своимъ отечествомъ, въ Лондонѣ же нашелъ онъ и свою могилу.

— **Романъ генерала Дюмурье, какъ прототипъ романа Буланже.** Въ прошломъ имѣется прототипъ романа, во многихъ пунктахъ поразительно схожій съ романомъ Буланже. Дѣло идетъ о генералѣ Дюмурье, въ періодъ первой республики нѣкоторое время игравшемъ выдающуюся роль и затѣмъ кончившимъ свою карьеру позорно. Приведемъ слѣдующія черты изъ изслѣдованія Вельшингера, которое было помѣщено имъ въ «Revue bleue». Какъ Дюмурье, такъ и Буланже, оба вели романическую жизнь, полную приключеній; и тотъ, и другой были солдаты и большую часть жизни провели на полѣ брани; оба были честолюбивы и мстительны, оба льстили народу и партіямъ, въ то же время оба испытали энтузіазмъ народнаго расположенія, тріумфальныя шествія и упоеніе побѣды; оба, наконецъ, умерли въ изгнаніи, покинутые всѣми, забытые, въ положеніи вѣроломныхъ супруговъ, остававшихся вѣрными лишь своимъ возлюбленнымъ, явившимися для нихъ злыми геніями и, вмѣстѣ съ тѣмъ единственными, настоящими предметами ихъ любви. Молодымъ человѣкомъ, именитаго происхожденія, красавецъ собой, въ 1762 году, Дюмурье познакомился съ mademoiselle де-Беллуа, приходившейся ему ку-

зиной, прелестной дѣвушкой 17 лѣтъ. Онъ не замедлилъ влюбиться въ нее и намѣревался жениться на ней, но родители не хотѣли о томъ и слышать, ибо оба они были слишкомъ молоды, да и женихъ былъ недостаточно богатъ. Чтобы порвать дѣло на первыхъ порахъ, они заточили дѣвушку въ монастырь. Дюмурье хотѣлъ ее увезти, но это ему не удалось, послѣ чего онъ травился опіумомъ, и безуспѣшно. Затѣмъ онъ отправился въ Италію, въ Корсику, гдѣ сражался противъ Паоли, и въ Испанію. Мало-по-малу горе его стало ослабѣвать, и онъ снова началъ находить удовольствіе въ дамскомъ обществѣ. Въ Мадридѣ онъ познакомился съ одной барышней, mademoiselle Марке, которой клялся въ ненарушимой вѣрности, пиша въ то же время кузинѣ своей въ монастырь, что никогда не разлюбитъ ее. Возвратившись въ Парижъ, онъ сошелся съ г-жей Легранъ, пріятельницей дю-Барри, и велъ веселую жизнь. Тѣмъ временемъ дѣвица Беллуа заболѣла оспой; тогда она положительно отказалась отъ мірскихъ радостей, постриглась въ монахини и умоляла своего кузена сдѣлать то же самое и точно также посвятить себя Богу. Но онъ, почувствовавъ себя свободнымъ, отправился въ Польшу, на войну. По возвращеніи оттуда, Дюмурье впалъ въ немилость и былъ посаженъ въ Бастилію. Тутъ у него снова воскресла старая любовь и по освобожденіи своемъ изъ заключенія, онъ розыскалъ монахиню въ ея монастырѣ. Она какъ разъ въ это время была больна, и онъ ухаживалъ за ней съ такой горячей самоотверженностью, что, растроганная дѣвушка, по выздоровленіи, вышла изъ монастыря. Родители ея умерли, и такимъ образомъ не представлялось болѣе никакого препятствія для соединенія ея съ Дюмурье. Они поженились и имѣли уже двоихъ дѣтей, когда Дюмурье въ Шербургѣ познакомился съ сестрой Ривароля, именовавшейся баронессой д'Анжель и жившей въ разводѣ съ мужемъ. Это была пронырливая интригантка, но въ то же время образованная и ловкая женщина. Она съумѣла привязать къ себѣ Дюмурье и держала его при себѣ крѣпко. Она высмѣивала благочестіе и строгость г-жи Дюмурье и, подъ ея вліяніемъ, Дюмурье осыпалъ жену упреками: она-де манкируетъ имъ ради Бога и церкви, ревнива, постоянно больна, требуетъ отъ него бережливости и т. п. Эти ложныя претензіи были лишь предлогомъ для развода: Дюмурье заставлялъ жену идти въ монастырь. Никакія просьбы и увѣщанія жены, никакія апелляціи къ старой любви и указанія на пятнадцатилѣтнее мирное супружество не помогали. Столь же безполезными оказались уговоры матери и сестры генерала, а также его друзей, пытавшихся его образумить. Подъ вліяніемъ баронессы д'Анжель, онъ остался при своемъ намѣреніи: бракъ былъ расторгнутъ. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ жена его писала ему: «Льщу себя надеждой, что, по нѣкоторомъ размышленіи, вы отдадите большую справедливость моимъ чувствамъ къ вамъ и поймете, что особа, стоявшая къ вамъ ближе всего, составляла половину васъ самого и была любима вами до тѣхъ поръ, пока другая связь и лукавые совѣты не отстранили васъ отъ нея. Дни мои отъ страшнаго горя пресѣкутся гораздо ранѣе, но и ваше существованіе навѣрное будетъ отравлено гнетущимъ сознаніемъ: я причинилъ горе той, которая любила меня больше всѣхъ!» Такимъ образомъ, оказывается, что бѣдная женщина впала о постороннемъ вліяніи, повергшемъ ее въ несчастіе. Вскорѣ связь генерала съ баронессой сдѣлалась всѣмъ извѣстной.

Въ своихъ мемуарахъ генералъ говоритъ, что возлюбленная его «жен-

щина великой кротости и любезности, желавшая раздѣлить съ нимъ его судьбу и скрасить жизнь его постоянствомъ и благородствомъ своихъ чувствъ». Онъ прибавляетъ, — что она «болѣе всего привязывала его къ жизни», и что «безъ нея жизнь была бы для него невыносимой». Развѣ это не тѣ же слова, что произносилъ Буланже! Въ первые годы революціи Дюмурье жилъ на средства баронессы, которая, по словамъ его, лишала себя необходимаго, чтобы дать ему возможность выплачивать разведенной женѣ его обѣщанную ей пенсію. Развѣ это опять не тотъ же Буланже? Среди близкихъ людей Дюмурье—баронесса пользовалась уваженіемъ и внушала страхъ. Его любимцы разсыпались передъ ней въ любезностяхъ, сообразно съ возроставшимъ вліяніемъ ея на Дюмурье. Его адъютантъ Фавролль никогда не забывалъ, въ видѣ посткриптума, къ каждому дѣловому письму присовокуплять выраженіе почтенія баронессѣ. Ни дать, ни взять, сочлены патріотической лиги. Небезъизвѣстно, что Дюмурье, подъ вліяніемъ баронессы, сталъ во главѣ недовольныхъ и придворныхъ стараго режима, расточая притомъ обѣщанія въ своемъ содѣйствіи всѣмъ самымъ противоположнымъ партіямъ, обѣщанія, сдержать которыя онъ не могъ или не желалъ.

Судьба его извѣстна: въ 1792 году въ теченіе нѣкотораго времени онъ занималъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ получилъ званіе главнокомандующаго надъ центральной арміей и одержалъ тогда много побѣдъ. При этомъ онъ велъ переговоры съ австрійцами о возстановленіи королевства. Конвентъ, которому онъ давно внушалъ уже подозрѣніе, рѣшилъ его арестовать. Не найдя поддержки въ собственныхъ войскахъ, Дюмурье вынужденъ былъ бѣжать къ австрійцамъ (4-го апрѣля 1793 года). Впослѣдствіи онъ отправился въ Англію, куда за нимъ послѣдовала и его возлюбленная. Онъ умеръ близъ Лондона въ 1823 году, забытый и покинутый всѣми.

— Тайное общество лже-Богородицы. Однимъ изъ самыхъ нелѣпыхъ тайныхъ обществъ во время французской революціи было общество Екатерины Тео, въ своемъ сумасбродствѣ величавшей себя Богородицей, и Дона Жерле. Общество это преслѣдовало какія-то политико-религіозныя цѣли, которыя до сихъ поръ остались невыясненными. Правительственный агентъ Сенаръ, уполномоченный накрыть это общество и арестовать его членовъ, сообщаетъ о немъ слѣдующія свѣдѣнія:

Комитетъ Общественнаго Спасенія, получивъ свѣдѣнія о фанатическомъ собраніи, назначенномъ въ отдѣленіи парижской обсерваторія, у одной женщины, именующей себя Богородицей, далъ мнѣ предписаніе самолично удостовѣриться въ этомъ засѣданіи, прослѣдить всѣ его дѣйствія и опросить и поближе приглядѣться къ людямъ, посѣщающимъ эти собранія. Мнѣ отрядили нѣсколько человѣкъ на помощь и снабдили проводникомъ, для входа въ собраніе, подъ предлогомъ желанія вступить въ число его братьевъ. Я размѣстилъ своихъ спутниковъ по сосѣднимъ трактирамъ и кафе. Затѣмъ мы согласились съ проводникомъ принять на себя лицемѣрно благочестивый видъ и выдавать себя за людей принадлежащихъ къ обществу помѣщавшемуся на улицѣ Contrescarpe, въ третьемъ этажѣ.

Мой проводникъ позвонилъ. Вышла женщина. Они взаимно продѣлали нѣсколько условныхъ знаковъ на лбу. «Братъ» былъ узнанъ, и она сказала: «Войдите, братья!» Мы вошли въ комнату, въ родѣ передней. Немедленно

послѣ насъ туда же вошелъ человѣкъ въ длинной бѣлой одеждѣ. Условные знаки были повторены, послѣ чего онъ обратился къ намъ съ словами: «Братья и друзья, присядьте!» Спутника моего одного отвели въ сосѣднюю комнату. Онъ возвратился оттуда съ какой-то женщиной, которая сказала мнѣ: «Приди, смертный человѣкъ! Приди въ безсмертіе. Богородица разрѣшаетъ тебѣ войти».

Внутренно я смѣялся надъ этими глупостями: наружно же старался сохранить видъ благоговѣнія.

Меня ввели въ комнату Богородицы. Пришла женщина, которая, несмотря на то, что было 8 час. утра и вполнѣ свѣтло, зажгла трикирій, приготовила кресло и стулъ безъ спинки, затѣмъ на первый положила книгу.

Взглянувъ на стѣнные часы, она сказала: «Часъ приближается. Богородица явится и приметъ дѣтей своихъ». Вслѣдъ затѣмъ вошла женщина, которую называли свѣченосицей. Она сказала намъ: «Чада Божіи! Приготовьтесь воспѣть славу высшаго существа. Приготовьте себѣ мѣста напротивъ!» И въ то же мгновеніе въ глубинѣ залы мы увидали бѣлое кресло, къ которому вели три ступени. Рядомъ съ нимъ направо стояло голубое кресло на первой ступени, а налѣво ярко-алое кресло на той же высотѣ.

Зазвонили и вдругъ изъ алькова, закрытаго бѣлыми занавѣсами, выступила старуха, которую поддерживали съ обѣихъ сторонъ, при чемъ голова ея и руки находились въ непрестанномъ движеніи. Ее усадили въ большое бѣлое кресло, затѣмъ обѣ женщины, приведшія ее, преклонили колѣна, приложились къ ея туфлѣ, и поднялись, восклицая: «Слава и честь Богородицѣ!».

Затѣмъ послѣдней поднесли чашку молока и нѣсколько бисквитовъ. Послѣ завтрака ей обмыли лобъ, носъ, глаза, уши, подбородокъ, щеки и руки. Затѣмъ она произнесла: «Чада Божіи! Ваша Мать находится среди васъ. Желаю очистить нечестивыхъ».

Каждый занялъ свое мѣсто, поочередно преклонилъ колѣна и облобызалъ Богородицу въ лобъ, причемъ она клала руку на голову стоявшаго передъ ней съ словами: «Друзья моего Сына, я люблю васъ всѣхъ».

Наконецъ, явился Жерле, картезіанскій монахъ и бывшій членъ конституціоннаго собранія. При его появленіи всѣ низко поклонились, оставаясь въ такомъ положеніи нѣкоторое время, затѣмъ снова поднялись. Жерле всталъ на колѣна и облобывалъ Екатерину Тео въ щеку, причемъ она сказала ему, не возлагая, однако, руки своей ему на голову:—«Пророкъ Божій! садись!» Онъ сѣлъ на красное кресло слѣва и воскликнулъ, поднявъ правую руку: «Друзья Божьи! Соединимся!»

Женщина, называемая «свѣченосицей», взяла книгу съ кресла и положила ее между нами, новообращенными, близъ Жерле.

Далѣе, въ сторонѣ, на другомъ стулѣ, сидѣла прекрасная собою блондинка, которую называли пѣвицей, а съ другой стороны, передъ голубымъ стуломъ, напротивъ насъ, сидѣла еще прекраснѣйшая брюнетка, юная и свѣжая, именовавшаяся голубкой.

Жерле сдѣлалъ поклонъ по направленію свѣченосицы, которая отвѣчала ему тѣмъ же, съ словами: «Братья и сестры! Внимайте!»

Затѣмъ она обратилась къ намъ, новообращающимся, и прибавила:

— И вы, нечестивые! Приготовьтесь къ благодати Божіей. Поднимите правую руку и отвѣчайте: клянетесь ли вы пролить даже послѣднюю каплю

вашей крови, поддерживая и защищая дѣло и славу высшаго Существа, хотя бы даже съ оружіемъ въ рукахъ, хотя бы даже подвергаясь всѣмъ возможнымъ родамъ смерти.

Я поднялъ руку и сказалъ:

— Да, я клянусь въ этомъ!

— Клянетесь ли вы, обѣщаетесь ли вы пребывать въ послушаніи и почтеніи передъ присутствующей здѣсь Богородицей?

Тотъ же отвѣтъ: «Клянусь».

— Клянетесь ли вы, обѣщаетесь ли пребывать въ подчиненіи у пророковъ Божіихъ и ихъ слугъ?

Тотъ же самый отвѣтъ: «Клянусь».

Затѣмъ свѣченосица открыла книгу и прочла изъ Апокалипсиса.

Жерле разглядывалъ насъ, испытывалъ нашу твердость, освѣдомился о нашихъ именахъ, мѣстѣ жительства, званіи, потребовалъ отъ насъ обѣщанія письменно изложить отвѣты на эти вопросы, чтобы остался письменный документъ. Свѣченосица прочла намъ затѣмъ Евангеліе, читаемое на Христовой заутрени и, для нашего убѣжденія, сказала проповѣдь на слова: «Богородица есть Екатерина Тео. Слово Бога есть сынъ Его. Она получаетъ откровенія отъ Бога». Затѣмъ Жерле воздѣлъ руки къ небу. Насъ повели къ Богородицѣ и велѣли мнѣ стать на колѣна на первой ступенькѣ. Какая-то женщина схватила меня за голову. Екатерина нагнулась. Жерле надѣлъ мнѣ на голову чепецъ, а Екатерина сказала мнѣ: «Сынъ мой! Принимаю тебя въ число моихъ избранныхъ. Ты будешь безсмертенъ». Послѣ того она напечатлѣла свой поцѣлуй на моемъ лбу, ушахъ, щекахъ, глазахъ и подбородкѣ, произнося слова: «Тебѣ воздана благодать».

Затѣмъ она облизала мои губы своимъ отвратительнымъ языкомъ, причемъ Жерле воскликнулъ «Difusa est gracia in labiis tuis». Я въ точности повторилъ всѣ знаки Екатерины, и она мнѣ сказала:

— Чадо Господне! Избранникъ Богородицы! Ты получилъ семь даровъ, ты безсмертенъ!

Она сдѣлала мнѣ съ лѣваго боку знакъ большимъ пальцемъ, другой надъ бровями, еще одинъ на правой сторонѣ, при чемъ послѣдній подъ острымъ угломъ сошелся съ знакомъ на лѣвой сторонѣ. По подобнымъ знакамъ у мужчинъ на лбу, у женщинъ на сердцѣ и лѣвой ногѣ, когда за ними наблюдали, или они конфузились, избранники различали другъ друга во всѣхъ уголкахъ вселенной. Избранники Богородицы, умирая при участіи въ мятежахъ или на войнѣ, должны были снова воскреснуть и затѣмъ не умирать болѣе никогда.

Вдругъ вошла одна сестра, возвѣстившая собранію о томъ, что въ сосѣднихъ тавернахъ находятся вооруженные люди, которые пьютъ здравицу Богородицы, а вдали маленькой улицы совсѣмъ близко къ дому, замѣтенъ усиленный патруль.

Жерле тотчасъ же воскликнулъ: «Насъ выдали». Я открылъ окно и далъ знакъ, по которому поспѣшили къ намъ солдаты. Но прежде чѣмъ они успѣли добраться до третьяго этажа, на меня было сдѣлано нападеніе, мнѣ угрожали ножами. Меня спасла женщина, которая встала передо мною, воскликнувъ:

— Не станемъ никого убивать; объявимъ себя.

Дверь выломали, и все собраніе было арестовано.

— **Бѣгство прусскаго принца въ 1848 году.** Въ виду того, что бѣгство принца Вильгельма прусскаго извѣстно лишь въ общихъ чертахъ, слѣдующее описаніе одного момента этого бѣгства, сообщенное недавно въ «Kölnische Zeitung», можетъ быть небезъинтереснымъ. Рѣчь идетъ объ обнаруженіи личности принца въ «Перлебергѣ». Показанія основываются на разсказахъ современныхъ очевидцевъ, изъ коихъ многіе живы по сіе время. Принцъ Вильгельмъ прибылъ незамѣченнымъ въ Перлебергъ и остановился отдохдуть въ отелѣ «Zur Stadt London». Въ это время одинъ сѣдельный мастеръ, изъ Церковной улицы, шелъ мимо вышеуказанной гостинницы, поспѣшая выпить стаканчикъ вина на тощакъ. Проходя мимо, онъ заглянулъ въ окна отеля и увидѣлъ принца, котораго зналъ въ лицо, стоящимъ близъ окна и занятымъ разговоромъ съ какой-то другой особой. По собственному его свидѣтельству, въ первый моментъ. онъ страшно перепугался, затѣмъ, придя въ себя, въ нѣсколько прыжковъ добрался до мѣста ранней своей выпивки и, словно бомба, разразился возгласомъ среди бюргеровъ, за кружками пива засѣдавшихъ въ горячихъ политическихъ преніяхъ: «Принцъ Вильгельмъ тутъ рядомъ!» Бѣгство принца было уже извѣстно, тѣмъ не менѣе непосредственная близость бѣглеца страшно смутила провинціаловъ. Стаканы, какъ пустые, такъ и полные, остались нетронутыми, не прошло минуты, какъ толпа народа стояла передъ гостинницей «Городъ Лондонъ», и съ быстротой молніи разнеслась вѣсть по городу о появленіи принца. Когда же стоявшіе снаружи вздумали навести справки въ гостинницѣ, принцъ моментально исчезъ, какъ въ воду канулъ. Перлебержцы до сего времени не могутъ понять, куда могъ тогда скрыться принцъ. Густая толпа народа двинулась по дорогѣ въ Квитцовъ, сосѣднюю деревню по пути къ Гамбургу, но о принцѣ нигдѣ не было ни слуху, ни духу. Принцъ дѣйствительно пѣшкомъ отправился въ Квитцовъ, вошелъ тамъ въ первый попавшійся домъ,—то былъ домъ пастора, — и не найдя никого въ домѣ, спустился въ садъ. Священникъ, занятый въ бесѣдкѣ своею проповѣдью, съ удивленіемъ увидѣлъ незнакомца и выразилъ ему сожалѣніе, что не можетъ дать лошадей, такъ какъ всѣ лошади, не только его, но и остальныхъ поселянъ, находились въ полѣ. Затѣмъ Вильгельмъ открылъ свое имя; и тогда пасторъ вмѣстѣ съ высокимъ гостемъ поспѣшилъ на поиски за экипажемъ. Они нашли хромую рабочую лошадь, не взятую на полевыя работы, запрягли ее въ повозку, и принцъ двинулся въ путь—въ имѣніе Ставеновъ (а не Хагеновъ), принадлежавшее Фоссу. Находившійся какъ разъ въ то время въ имѣніи инспекторъ Эксъ велѣлъ заложить карету и довезъ принца до мекленбургскаго города Грабова, станцію Берлинско-Гамбургской желѣзной дороги. Оттуда принцъ ѣхалъ до Бернедорфа передъ Гамбургомъ, а отсюда, т. е. изъ Гамбурга, продолжалъ путешествіе въ Англію. Въ 70-хъ годахъ въ народѣ, въ Германіи, ходили слухи, что состоявшій тогда начальникомъ ремесленной управы, бывшій инспекторъ Эксъ, за провозъ свой короля Вильгельма, при восшествіи его на престолъ, получилъ цѣнный подарокъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Гончаровъ въ оцѣнкѣ французовъ и англичанъ.—Еврейскій вопросъ въ Россіи.—Какъ судятъ объ немъ французы, нѣмцы и швейцарцы.—Русскіе писатели, неизвѣстные въ Россіи, но восхваляемые за границей.—Международный словарь современныхъ писателей Губернатиса.—Самоубійство Буланже.—Жюль Греви.—Послѣдній комунаръ.—Нѣмецкій историкъ Рима.—Музыкальный эксцентрикъ.

СМЕРТЬ И. А. Гончарова вызвала въ «Атенеумѣ», журналѣ, посвященномъ англійской и иностранной литературѣ, всего строкъ тридцать, въ которыхъ перечислены труды романиста съ ненужными и недостовѣрными подробностями. Такъ при упоминаніи о литературномъ юбилеѣ Гончарова, сказано, что въ 1883 году депутація отъ русскихъ женщинъ поднесла ему поздравительный адресъ и двѣ фарфоровыя вазы. Говорится также, что, по его собственному сознанію, три его романа «воспроизводятъ обстоятельства его собственной жизни» и въ нихъ онъ мастерски обрисовалъ окружающихъ его лицъ. Но и сообщая эти нехитрыя подробности, журналъ не далъ даже себѣ труда напечатать правильно фамилію писателя и называетъ его въ своей статейкѣ: Гучаровъ (Gouсharov). О значеніи его въ русской литературѣ нѣтъ ни одного слова. Гораздо внимательнѣе отнесся къ нему критикъ «Revue bleue» и посвятилъ оцѣнкѣ нашего автора нѣсколько столбцовъ, хотя и нельзя сказать, чтобы отнесся къ нему съ особенной похвалою. Общій выводъ статьи тотъ, что теперь сочиненія Гончарова уже устарѣли и врядъ ли будутъ перечитываться, хотя написаны превосходнымъ языкомъ: русскій романистъ отдѣлывалъ свой слогъ также тщательно какъ Флоберъ. Авторъ статьи, подписавшійся иниціалами T. W., говоритъ, что хотѣлъ перевести одинъ изъ романовъ Гончарова и писалъ ему объ этомъ. Романистъ совѣтовалъ ему лучше переводить Тургенева или

графа Толстого. «Я никогда не вѣрилъ въ безсмертіе литературныхъ произведеній,—писалъ онъ.—Когда книгъ было мало, онѣ могли еще имѣть цѣну въ теченіе лѣтъ двадцати, но затѣмъ потомкамъ оставалось только удивляться сочиненіямъ своихъ предковъ, не понимая ихъ. Кто теперь понимаетъ Софокла или Виргилія? О второстепенныхъ авторахъ нечего и говорить. Теперь условія литературныхъ произведеній совершенно измѣнились. Каждый пишетъ только для своего времени: о будущемъ думаютъ немногіе. Литература теперь такое же искуство, какъ шляпное или мебельное. Каждому времени нужны свои книги, какъ свой фасонъ шляпъ и новая форма креселъ. Въ свое время я пользовался успѣхомъ какого и не заслуживалъ. Теперь мой трудъ устарѣлъ, какъ и я самъ, и пытаться обновить его было бы напрасно». Эти обломовскія мнѣнія совершенно въ духѣ покойнаго романиста, котораго критикъ напрасно называетъ «совершеннѣйшимъ изъ русскихъ авторовъ» (le plus parfait) и напрасно говоритъ, что онъ не написалъ ни одной строки послѣ «Обрыва». Что онъ былъ «менѣе философомъ, чѣмъ Толстой и менѣе поэтомъ, чѣмъ Тургеневъ» — съ этимъ можно согласиться, но что онъ былъ болѣе глубокимъ наблюдателемъ и обладалъ бóльшимъ даромъ творчества—это невѣрно, также какъ сравненіе съ «Человѣческой комедіей» Бальзака трехъ романовъ Гончарова, гдѣ выведенъ «таинственный, странный (baroque), національный русскій типъ». По словамъ критика, Тургеневъ, такъ хорошо знавшій своихъ соотечественниковъ, и такой хорошій психологъ, говорилъ въ концѣ своей жизни, что русскій народный характеръ для него непостижимъ. «Да и самъ Тургеневъ,— прибавляетъ критикъ,—такой добрый и такой злой, такой вѣрный въ дружбѣ и такъ часто измѣнявшій друзьямъ, развѣ не является въ ихъ памяти какимъ-то фантастическимъ лицомъ? Все представляетъ контрастъ въ этихъ странныхъ натурахъ, смѣси самыхъ противоположныхъ качествъ. Лихорадочная жажда дѣятельности встрѣчается въ нихъ съ совершенно пасивною лѣнью; доброта чередуется съ жестокостью, скептицизмъ съ суевѣріемъ, практическій смыслъ съ неумѣньемъ вести дѣла, добродушіе съ насмѣшкой, откровенность съ притворствомъ—и изъ всего этого нельзя создать никакого опредѣленнаго типа». Критикъ видитъ въ трехъ герояхъ Гончарова—Адуевѣ, Обломовѣ и Маркѣ Волоховѣ—одно и то же лицо; ту же самую мысль проводилъ и самъ Гончаровъ, объясняя свои типы, но съ этимъ нельзя согласиться, также какъ съ мнѣніемъ критика, что романы Гончарова можно оцѣнить только послѣ глубокаго изученія ихъ. Никакой глубины нѣтъ въ его типахъ, и изъ нихъ только одинъ Обломовъ, художественно обрисованный, останется въ галереѣ портретовъ русскихъ людей, но и тутъ авторъ, съ любовью отдѣлывая малѣйшіе оттѣнки своего типа, заботясь болѣе всего о подробностяхъ, и объ изящномъ слогѣ, упускалъ изъ виду общую идею и цѣль романа.

— Еврейскій вопросъ въ Россіи сильно интересуетъ европейскую журналистику, но вездѣ объ немъ говорятъ во враждебномъ тонѣ къ намъ. Даже французы склоняются на сторону Израиля и о преслѣдованіи его вопятъ радикальные листки. Справедливо относятся къ намъ только серьезные и консервативные органы. Такъ въ журналѣ «Correspondant», въ статьѣ «La question juive en Russie» Анго де-Ротуръ доказываетъ, что всѣ мѣры принимаемыя у насъ противъ евреевъ вполнѣ логичны и легальны. Эмансипація евреевъ въ Европѣ была узаконена ровно сто лѣтъ назадъ въ одномъ

изъ послѣднихъ засѣданій учредительнаго собранія въ Парижѣ въ 1791 году. Равноправность этого семитическаго племени съ гражданами государства была признана съ большимъ трудомъ, неохотно и послѣ продолжительныхъ преній, хотя политическія права другихъ религій и даже магометанства были признаны безспорно и гораздо раньше. Съ тѣхъ поръ народныя массы не разъ поднимались противъ еврейской эксплуатаціи и оттискивающаго національнаго характера евреевъ. Практическая жизнь на каждомъ шагу возбуждала столкновенія между пришлыми семитами и кореннымъ населеніемъ, но теоретики продолжали отстаивать равноправность всѣхъ религій, хотя вовсе не религія дѣлала евреевъ ненавистными для всѣхъ націй. Берлинскій конгрессъ заставилъ Румынію дать политическія права этимъ семитамъ—и румыны тотчасъ же возстали противъ своихъ новыхъ согражданъ. Лондонскій митингъ 10-го декабря 1890 года провозгласилъ необходимость такого же уравненія правъ и въ Россіи и лордъ-меръ подалъ объ этомъ петицію русскому монарху, оставшуюся безъ отвѣта. Никакихъ новыхъ законовъ о евреяхъ въ Россіи не издавалось, а только съ 1882 года къ нимъ стали строже примѣняться прежнія постановленія, плохо исполнявшіяся. Съ этими постановленіями, довольно запутанными и часто дополняемыми и измѣняемыми, европейская дипломатія могла познакомиться въ «Ежегодникѣ иностраннаго законодательства» 1883 года, въ статьѣ гр. Ив. Капниста. До раздѣла Польши Россія не знала еврейскаго вопроса. Петръ I не пускалъ ихъ въ Россію, Елисавета изгоняла тайно поселившихся купцовъ-евреевъ. Польская шляхта, напротивъ, не могла обойтись безъ этого племени, игравшаго въ Рѣчи Посполитой преобладающую роль и, сдѣлавшись русскими подданными, жиды тотчасъ же начали эксплуатировать и русскій народъ. Екатерина II въ 1786 году допустила существованіе кагала, офиціально уничтоженнаго въ 1845 году, но негласно существующаго до сихъ поръ. Въ 1772 году было въ Россіи до полумилліона жидовъ, теперь ихъ до шести милліоновъ. Въ 1882 году подтвержденъ только законъ, не позволяющій евреямъ селиться въ деревняхъ и выходить за черту осѣдлости. Законъ этотъ плохо соблюдался и вліяніе евреевъ было такъ велико, что комисія для пересмотра постановленій объ нихъ, подъ предсѣдательствомъ Палена, такъ и закрылась, ровно ничего не постановивъ. Наплывъ евреевъ въ западной Россіи сдѣлался, однако, такъ великъ, что они начали сами выселяться изъ нея въ другія страны, хотя вездѣ встрѣчали ихъ недружелюбно. Въ восточномъ кварталѣ Лондона ихъ до 45 тысячъ и между ними 25 тысячъ польскихъ жидовъ. Обезпокоенные все продолжавшимся наплывомъ ихъ, англичане требуютъ, чтобы остановили эмиграцію семитовъ, отбивающихъ хлѣбъ у туземныхъ рабочихъ. Въ парламентѣ назвали только эту мѣру неполитичною, но признали, что правительство имѣетъ полное право принять ее. И въ то же самое время эти же лица обвиняютъ русскія власти въ томъ, что принимаются мѣры противъ переполненія жидами русской земли. А еще въ іюлѣ нынѣшняго года на митингѣ въ Лондонѣ, гдѣ предсѣдательствовалъ бедфордскій епископъ, ораторъ говорилъ: «не надо позволять людямъ континента, чтобы они считали Англію помойною ямой, куда могутъ сваливать свои нечистоты». Сѣверо-американцы, изгнавшіе китайскихъ рабочихъ, примѣняютъ теперь и къ жидамъ законъ, запрещающій бѣднякамъ переселеніе въ штаты. Французскій критикъ говоритъ о романѣ какого-то Руслана «Софіевскій жидъ» (Le juif de Sofievka), вышедшемъ въ

Парижѣ еще въ 1883 году. Романъ плохо написанъ, но изъ него видно, какъ одинъ жидъ разворяетъ цѣлую деревню, поселившись въ ней и постепенно пріучая крестьянъ къ пьянству и безнравственнымъ поступкамъ. Леруа-Болье, защитникъ жидовъ, сознается, что все населеніе западныхъ губерній Россіи въ рукахъ жидовскихъ ростовщиковъ. Полную зависимость этого населенія отъ жидовъ признаетъ и авторъ очерка въ мартовской книжкѣ «Contemporary Review» за 1891 годъ—«Царь и жиды» (The Tsar and the Jews) — единственной статьѣ защищающей Россію во всей англійской печати, такъ какъ благосклонная къ намъ статья въ «Revue britannique» (іюль, 1891 г.) написана съ французской точки зрѣнія. Статья журнала «Correspondant» оканчивается извѣстіемъ объ обществѣ «еврейскій союзъ колонизаціи», основанномъ въ Лондонѣ въ сентябрѣ нынѣшняго года барономъ Гиршемъ, взявшимъ себѣ 19,990 акцій общества; еще семь акцій, каждая въ сто фунтовъ стерлинговъ, розданы Ротшильду, Гольдсмиту, Рейнаху и другимъ жидамъ. Критикъ совѣтуетъ интелигентнымъ людямъ отказаться отъ ученія талмуда, осужденнаго всѣми безпристрастными людьми, запрещеннаго во Франціи еще Людовикомъ IX.

— О жидовскихъ выходкахъ противъ Россіи въ нѣмецкой печати нечего и говорить: клеветы и грубости въ ней доходятъ до послѣдней степени. Даже такія чисто-литературныя изданія какъ «Magazin für Litteratur» распинаются за излюбленныхъ іудеевъ. Пауль Марксъ въ статьѣ «Русскіе жиды» (Russische Juden), описывая печальное положеніе бѣглыхъ семитовъ, отъискивающихъ въ Бразиліи и Аргентинѣ обѣтованную землю, прямо говоритъ, что оставшіеся въ Россіи жиды обречены неминуемой гибели, не мученической смерти, какъ ихъ предки, а постепенному, систематическому истребленію. Россія не изгоняетъ жидовъ, но заключая ихъ въ опредѣленныя мѣстности, заставляетъ умирать съ голоду. Марксъ увѣряетъ, что въ 1882 году издано графомъ Игнатьевымъ постановленіе: «евреямъ запрещается пріобрѣтать средства къ своему существованію». О такомъ знаніи русскихъ законовъ нечего и распространяться.

— Швейцарскіе періодическіе органы заговорили о жидахъ по поводу московской выставки, которую іудофилъ, если не жидъ, Дотремъ собирался предоставить жидовской эксплуатаціи, уступивъ милліонъ входныхъ билетовъ какому-то петербургскому мѣховщику изъ жидовъ (онъ, впрочемъ, свидѣтельствовалъ въ газетахъ, что онъ и другой его братъ—жиды крещеные, и что только третій ихъ братъ, не участвующій въ аферѣ, не крестился). Эта постыдная спекуляція была, впрочемъ, какъ извѣстно, уничтожена вслѣдствіе бѣгства банкира выставки Жуанно и прогнанія Дотрема. Журналъ «Bibliothèque universelle» говоритъ, однако, что плодовитость евреевъ заставляетъ опасаться, что они скоро сдѣлаются господствующимъ племенемъ въ западной Россіи и хотя они вѣчно находятся подъ угрозой высылки, но обходятъ всякіе законы и предписанія, подкупая мелкія, а подчасъ и крупныя власти. Они увѣряютъ, что рѣдко встрѣчаютъ неподкупныхъ людей и, судя по тому, какъ имъ все удается, это кажется правдоподобнымъ. Тотъ же журналъ сообщаетъ акуратно, въ письмахъ изъ Россіи, извѣстія о выходящихъ новыхъ книгахъ. Знакомить съ ними западную Европу не мѣшаетъ, но, къ сожалѣнію, кореспондентъ сообщаетъ нерѣдко изъ Петербурга въ Лозанну свѣдѣнія о такихъ произведеніяхъ, о которыхъ здѣсь никто не говоритъ, ни въ печати, ни въ обществѣ. Такъ, въ послѣднихъ книжкахъ

журнала кореспондентъ восторгается повѣстями Лугового, Орловскаго, Ясинскаго, г-жи Назарьевой, Лѣтневой, посмертнымъ романомъ неудавшагося писателя и министра Валуева, откапываетъ уже совершенно никому неизвѣстнаго романиста Михаила Майкова, разсказывающаго въ «Исторіи одного брака» похожденія молодого шалопая, женившагося на артисткѣ, которая выгоняетъ, на второй годъ замужества, своего прощалыгу-мужа. И всѣ эти, ни для кого неинтересныя свѣдѣнія сообщаются вмѣстѣ съ разборомъ такихъ серьезныхъ произведеній, какъ «Димитрій Ростовскій» г. Шляпкина или изслѣдованіе античной комедіи Эрнстета. Швейцарскій кореспондентъ очень симпатично относится къ Россіи, но вѣдь надо же сообщать объ ней только то, что дѣйствительно заслуживаетъ вниманія.

— Мы не говорили еще о законченномъ нынѣшнимъ лѣтомъ превосходномъ «Международномъ словарѣ современныхъ писателей» Анджело Губернатиса (Dictionaire international des écrivain du jour). Этотъ огромный томъ въ 2,088 страницъ въ два столбца изданъ со всею тщательностью, отличающею почтеннаго составителя, и является положительно настольною, необходимою книгою для каждаго писателя. Она печаталась въ теченіе болѣе трехъ лѣтъ, и къ предполагавшимся первоначально 12-ти выпускамъ пришлось прибавить еще семь, чтобы придать словарю желаемую полноту и законченность. Въ немъ помѣщены біографіи 9,152 писателей съ перечисленіемъ и краткою оцѣнкою ихъ новѣйшихъ произведеній. Эта армія интелигенціи, составленная изъ бойцовъ за права слова во всѣхъ образованныхъ націяхъ, постоянно борется съ невѣжествомъ, предразсудками, злоупотребленіями власти, и ея нравственныя побѣды приносятъ, конечно, больше пользы человѣчеству, чѣмъ всѣ военные подвиги. Къ послѣднему выпуску приложенъ списокъ авторовъ, умершихъ во время печатанія словаря. Жаль, что нѣтъ указателя по національностямъ. Біографіи русскихъ писателей не велики, но составлены старательно и безъ большихъ ошибокъ. Трудъ Губернатиса можетъ служить образцомъ для всѣхъ изданій подобнаго рода.

— Вышло не мало брошюръ и журнальныхъ статей о выдающихся лицахъ, умершихъ въ послѣднее время. Болѣе всего обратило на себя вниманіе общества самоубійство Буланже. «Revue bleue» посвятило двѣ статьи этому странному, опереточному герою, кончившему такъ трагически, хотя и въ театральной обстановкѣ, свою жизнь, полную неожиданныхъ переворотовъ. Человѣкъ безъ имени, безъ блестящихъ дарованій, безъ широкихъ плановъ, безъ твердаго характера, едва не сдѣлался диктаторомъ Франціи, благодаря совершенному ничтожеству остальныхъ членовъ правительства. Да и въ это правительство онъ попалъ случайно, не имѣя въ немъ никакого вліянія, не производя никакихъ выдающихся реформъ. Народъ обратился къ нему, когда онъ возсталъ противъ парламента, гдѣ разныя партіи, не думая объ отечествѣ, только грызлись между собою изъ-за власти, да опрокидывали одно министерство за другимъ. Въ этомъ заурядномъ генералѣ, дѣлавшемъ частые смотры и парады, красиво гарцовавшемъ на черномъ конѣ, храбро размахивавшемъ саблею, французы думали видѣть олицетвореніе силы, которая избавитъ ихъ отъ болтуновъ-казнограбителей. Оказалось, что сила эта была такая же мишурная и фальшивая, какъ всѣ подвиги «браваго генерала», воспѣвавшіеся въ кафе-шантанахъ. Въ немъ не было даже рѣшимости заговорщика, которая помогла въ 1851 году Луи-Наполеону овладѣть Франціей. Буланже не осмѣлился ни захватить власть,

ни обратиться къ народу: онъ зналъ, что армія не будетъ на его сторонѣ, а безъ нея невозможенъ никакой переворотъ. Солдаты не стали бы разстрѣливать ни въ чемъ неповинныхъ парижанъ во имя Буланже, какъ стрѣляли во имя Луи-Наполеона 2-го декабря 1851 года. И когда министры, напуганные его диктаторскими замашками, неимѣвшими, впрочемъ, никогда серьезнаго значенія, начали травить его самыми недостойными средствами, онъ поступилъ еще недостойнѣе, предлагая свои услуги всѣмъ партіямъ, входя въ переговоры то съ бонапартистами, то съ орлеанистами, то съ соціалистами, обманывая всѣхъ и вербуя только для себя приверженцевъ, которые— увы! таяли съ каждымъ днемъ. И когда его предали суду, онъ бѣжалъ въ Брюссель, какъ говорятъ, по настоянію г-жи Бонменъ, женщины порядочнаго общества, влюбившейся въ пятидесятичетырехлѣтняго казарменнаго солдата. И когда она умерла отъ чахотки, положеніе неудавшагося цезаря сдѣлалось невозможнымъ, а средствъ къ жизни не было, политическая карьера его была кончена безвозвратно, общественное мнѣніе осыпало его насмѣшками, разведенная съ нимъ жена высылала ему жалкую пенсію. Онъ подождалъ еще чего-то два съ половиною мѣсяца и, наконецъ, застрѣлился изъ казеннаго револьвера на могилѣ своей возлюбленной—конецъ достойный жалкаго неудачника.

— Незадолго передъ бывшимъ министромъ сошелъ въ могилу и бывшій президентъ республики, котораго этотъ министръ сбирался сплавить, если бы общественное негодованіе не выбросило его раньше изъ правительственной сферы. И этотъ президентъ, какъ и его министры, не обладалъ никакими особенными способностями и достигнулъ высшаго званія въ странѣ только благодаря своей репутаціи честнаго республиканца. Но и на высотѣ общественнаго положенія бывшій адвокатъ Жюль Греви, въ восемьдесятъ лѣтъ, оказался, если не взяточникомъ, то участникомъ въ постыдной продажѣ его зятемъ орденовъ и доходныхъ должностей. На что̀ копилъ эти милліоны старикъ, у котораго была только одна дочь, выданная имъ за проходимца, чтобы спасти ее отъ романической страсти къ пѣвцу парижской оперы, бывшему парикмахеру? Уже бывъ президентомъ, Греви скупалъ въ Парижѣ дома и собиралъ съ жильцовъ плату за квартиру, пряча въ то же время въ карманъ суммы, отпускаемыя страною на представительство, путешествія, балы и пріемы. Это странное скопидомство и погубило старика, низачто не хотѣвшаго оставить мѣсто съ такимъ хорошимъ содержаніемъ. Онъ припоминалъ, вѣроятно, историческія слова маршала Сульта при Луи-Филиппѣ: «жалованье мое возьмутъ у меня только съ моею жизнью». Незнаемъ, оставила ли республика бывшему президенту пенсію, которой онъ былъ, конечно, недостоинъ, какъ человѣкъ, и какъ гражданинъ, такъ позорно кончившій свое политическое поприще.

— Умеръ также въ Парижѣ бывшій членъ, потомъ врагъ комуны, Шарль Люлье, дикой энергіи котораго достало бы на десять безхарактерныхъ Буланже, хотя она не привела его ни къ чему, кромѣ каторги. Онъ былъ лейтенантомъ во флотѣ, когда, послѣ покушенія Орсини, министръ потребовалъ, чтобы всѣ офицеры поднесли адресъ императору съ увѣреніями въ вѣрноподданствѣ. Люлье отказался подписать адресъ и былъ сосланъ въ Сенегалъ, потомъ вовсе уволенъ изъ службы за нарушеніе дисциплины. Онъ вернулся въ Парижъ и оскорбленный въ газетѣ Полемъ Кассаньякомъ далъ ему пощечину. За выходки противъ правительства его засадили въ тюрьму,

оттуда онъ вышелъ 4-го сентября 1870 г., но не ужился и съ правительствомъ народной обороны. 18-го марта комуна назначила его начальникомъ національной гвардіи, но онъ вскорѣ поссорился и съ нею. Дальнѣйшія похожденія свои онъ описалъ въ книгѣ «Мои темницы» (Mes cachots), изданной въ 1881 году. Въ этой книгѣ высказывается его непомѣрное самолюбіе и неукротимый характеръ. Осыпая грубою бранью палату, Мак-Магона, правительство, и относясь снисходительно только къ Тьеру, Люлье осыпаетъ насмѣшками и комуну и, весьма вѣроятно, разогналъ бы ее, еслибы она не отняла у него начальство надъ войскомъ черезъ недѣлю послѣ назначенія, и не заперла его въ тюрьму. Онъ бѣжалъ оттуда въ началѣ апрѣля, былъ опять схваченъ на каѳедрѣ церкви св. Евстафія, превращенной въ клубъ, вторично бѣжалъ изъ тюрьмы и вошелъ въ переговоры съ Тьеромъ, чтобы съ нѣсколькими батальонами національной гвардіи захватить членовъ комуны. Но пока шли переговоры, версальскія войска взяли Парижъ, и Люлье былъ захваченъ въ ту минуту, когда сбирался бѣжать въ Швейцарію. Его приговорили къ смерти, но вслѣдствіе заступничества Тьера, сослали въ Новую Каледонію. Онъ ни за что не хотѣлъ надѣть костюмъ каторжника, дрался съ надсмотрщиками и его связаннымъ перевезли черезъ океанъ. Лежа все время въ трюмѣ, онъ принималъ пищу только для того, чтобы не умереть съ голоду и отомстить своимъ врагамъ. На каторгѣ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ постоянной борьбѣ съ тюремщиками и начальствомъ, никого не слушалъ, не исполнялъ никакихъ предписаній. Желѣзная натура выдержала всѣ испытанія, но когда амнистія позволила ему вернуться во Францію, бывшіе комунары встрѣтили его недружелюбно, продолжая обвинять въ измѣнѣ. На публичной сходкѣ его осудили, оскорбили, оплевали. Напрасно онъ пытался оправдаться, хотѣлъ уѣхать въ Америку, но сдѣлался буланжистомъ и на собраніи въ Ваграмской залѣ стрѣлялъ изъ револьвера въ тѣхъ, кто кричалъ: долой Буланже! Это было его послѣднимъ сумасбродствомъ. Видя, что ему ничего не удается, онъ принялъ скромное мѣсто агента въ трансатлантической панамской компаніи и умеръ въ Панамѣ 53-хъ лѣтъ.

— Празднуя полувѣковой юбилей ученой дѣятельности Гельмгольца, получившаго чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника — за то, что онъ не занимался политикою, и Вирхова, ничего не получившаго за то, что онъ всегда принималъ участіе въ дѣлахъ своего отечества, Германія забыла объ юбилеѣ еще одного своего ученаго — историка Грегоровіуса, умершаго еще лѣтомъ, 70-ти лѣтъ. Фердинандъ Грегоровіусъ родился въ маленькомъ городкѣ восточной Пруссіи—Нейденбургѣ. Отецъ его былъ чиновникъ, предки—рыцари тевтонскаго ордена. Онъ слушалъ лекціи въ Кенигсбергскомъ университетѣ по богословскому факультету и, выдержавъ уже экзаменъ, отказался отъ пасторства и отправился скромнымъ учителемъ въ Сольдау, городокъ на польской границѣ. Въ 1843 году онъ получилъ докторское званіе за дисертацію—«Идея прекраснаго у Плотина». Волненія 1848 года заставили его обратиться къ политикѣ. Онъ написалъ «Идею польщизны: двѣ книги исторіи польскихъ страданій» (Die Jdee des Polenthums: zwei Bücher polnischer Leidensgeschichte). Затѣмъ послѣдовалъ «Сборникъ польскихъ и мадьярскихъ пѣсенъ», въ которыхъ поэтъ оплакиваетъ паденіе свободы, и «Вильгельмъ Мейстеръ Гете, въ развитіи его соціальныхъ элементовъ». Идея этого сочиненія та, что новое общество возродится съ по-

мощью самоотверженія и принудить державы заключить между собою всемірный союзъ. Первымъ историческимъ трудомъ Грегоровіуса была трагедія «Смерть Тиверія» (1851 г.), скорѣе психологическій этюдъ этого тирана мизантропа, чѣмъ сценическое произведеніе. Тогда же явилась его «Исторія императора Адріана и его времени». Черезъ тридцать лѣтъ историкъ совершенно переработалъ эту книгу и издалъ ее вторично. Весною 1852 года онъ уѣхалъ въ Римъ и тамъ прожилъ двадцать два года. Онъ объѣхалъ и описалъ весь полуостровъ, соединяя картины природы съ изображеніемъ историческихъ событій. Шесть томовъ его «Странствованій по Италіи» выдержали шесть изданій. Потомъ онъ перевелъ салернскаго поэта Джіованни Моли, написалъ поэму «Евффіопъ», въ которой очертилъ великолѣпную картину разрушенія Помпеи. Послѣ этюда о папскихъ гробницахъ, онъ, въ теченіе четырнадцати лѣтъ, написалъ свой главный трудъ «Исторію города Рима въ Средніе вѣка» (8 томовъ 1859—72 г.) отъ паденія римской имперіи до реформаціи. Эта книга поставила Грегоровіуса въ число первыхъ историковъ нашего времени. Правительство перевело ее на итальянскій языкъ, Римъ далъ автору титулъ почетнаго гражданина. Въ 1874 году историкъ вернулся въ Германію и поселился въ Мюнхенѣ, гдѣ онъ былъ членомъ академіи наукъ. Но онъ всякое лѣто возвращался въ свою любимую страну—работать въ архивахъ Венеціи и Рима. Затѣмъ онъ написалъ еще монографію «Лукреція Борджія», гдѣ доказываетъ, что она вовсе не была такою дурною женщиною, какъ ее изображаютъ враги ея. Въ 1879 году онъ издалъ біографію папы Урбана VIII, потомъ переписку Александра Гумбольдта съ своимъ братомъ Вильгельмомъ, отправился путешествовать въ Грецію, Палестину и Сирію, и написалъ «Аѳины въ темные вѣка» и «Атенаиса—исторія византійской императрицы». Наконецъ, въ 1889 году явилась «Исторія города Аѳинъ въ средніе вѣка отъ временъ Юстиніана до турецкаго завоеванія». Онъ умеръ въ Мюнхенѣ, давно уже страдая головными болями и приготовившись къ смерти съ твердостью стоика. Историкъ завѣщалъ, чтобы тѣло его было сожжено и пепелъ развѣянъ по вѣтру. Роднымъ разрѣшалось, впрочемъ, если они захотятъ, собрать этотъ пепелъ въ урну. За нѣсколько часовъ до смерти онъ написалъ телеграмму, которую должны были отправить въ Римъ послѣ его кончины: «e morto Ferdinando Gregorovius, cittadino romano» — послѣдній знакъ привязанности этого сына сѣвера къ вѣчному городу, которому историкъ, поэтъ и философъ отдалъ лучшую часть своей жизни и своего дарованія.

— Почти въ одно время съ политическимъ эксцентрикомъ Люлье умеръ во Франціи и музыкальный эксцентрикъ, извѣстный своею бурною жизнью, композиторъ и виртуозъ Генрихъ Литольфъ. Онъ родился въ Лондонѣ, но былъ сынъ француза и матери эльзаски; прославился онъ болѣе всего въ Германіи. Его тощая фигура, костлявое, блѣдное лицо, на которомъ выдѣлялся носъ хищной птицы, загнутый крючкомъ между темными впалыми глазами, густые, взъерошенные волосы — придавали ему странный характеръ. Какъ дирижеръ оркестра, съ своими рѣзкими жестами и движеніями, онъ походилъ на фантастическую фигуру изъ сказокъ Гофмана. Но его манера держаться была дѣланная: онъ подражалъ Паганини, копировалъ Листа слава котораго не давала ему покоя. Въ своей бродячей жизни онъ побывалъ во всѣхъ главныхъ городахъ Европы, вездѣ ссорясь съ музыкантами въ стремленіи прослыть новаторомъ и непризнаннымъ геніемъ; былъ и

въ Петербургѣ два раза, но здѣсь его рѣзкіе пріемы и эксцентричности не понравились публикѣ. Онъ былъ женатъ четыре раза, похитилъ свою первую жену, бросилъ вторую, развелся съ третьею. Онъ писалъ во всѣхъ родахъ отъ симфоній и концертовъ до ритурнелей къ фіеріямъ, и извѣстенъ особенно какъ піанистъ и издатель дешевыхъ колекцій, сдѣлавшихъ музыку доступною для всѣхъ. Началъ онъ съ серьезной оперы «Тампліеры», увертюръ къ «Жирондистамъ» и «Робеспьеру», кончилъ комической опереткой «Элоиза и Абеляръ», имѣвшей большой успѣхъ въ 1872 году, и дирижерствомъ кафе-концертовъ въ Елисейскихъ поляхъ. Въ его произведеніяхъ разбросано много таланта, который могъ бы создать замѣчательныя вещи, если бы шелъ правильнымъ путемъ. Несмотря на свою безпорядочную жизнь, Литольфъ умеръ 73-хъ лѣтъ, переживъ Листа и Берліоза, высоко цѣнившаго знаніе, вдохновеніе и даже увлеченіе даровитаго музыканта, въ которомъ ярко высказывалась семитическая натура его предковъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Голодъ въ Нижегородской губерніи въ 1754—1755 гг.

ВЪ ГОЛОДНЫЕ 1732—1736 годы[1]) въ числѣ пострадавшихъ мѣстностей находилась и Нижегородская губернія. Мрачную картину положенія крестьянъ этой губерніи въ 1734—35 гг., довольно полно рисуетъ одинъ любопытный документъ Москов. Архива Мин-ва Юстиціи, носящій такое длинное заглавіе: «Вѣдомость — коликое число въ Нижегородской губерніи по вѣдомостямъ дворцовыхъ волостей управителей и по скаскамъ помѣщиковъ и прикащиковъ и старостъ, въ прошломъ 734 году посѣяно было ржаного и ярового всякого хлѣба четвертей и противъ сѣву въ умолотѣ, и что къ нынѣшнему 1735 году ржи посѣяно, и сколько въ которой вотчинѣ по осмотру наличнаго хлѣба явилось, и какимъ хлѣбомъ питаютца, и коликое число на которой вотчинѣ на прошлые годы подушныхъ денегъ имѣетца въ доимкѣ—явствуетъ въ оной вѣдомости»[2]).

«Вѣдомость» составлена на мѣстѣ, въ Нижегородской губерніи и отправлена въ Сенатъ, по требованію его «указа». Цифры «вѣдомости» внушаютъ полное довѣріе, такъ какъ взяты губернскою администраціей изъ «сказокъ» помѣщиковъ, старостъ и другихъ мѣстныхъ свѣдущихъ людей.

---

[1]) Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ голодѣ см. въ интересномъ историческомъ очеркѣ В. Н. Щепкина «Голода въ Россіи» («Историч. Вѣстн.», 1886, № 6), с. с. 501—503.

[2]) «Дѣла разныхъ городовъ» кн. № 52, л. л. 1170—1257.—Подъ этимъ заглавіемъ въ А — вѣ М. Юст. хранятся документы Разряднаго Приказа и кн. № 52 содержитъ дѣла приказа за 1678—1707 гг. (л. л. 1—1169). Но Нижегородская «Вѣдомость» 1734—35 гг. не относится къ вѣдомству Разряднаго Приказа и очутилась среди его документовъ совершенно случайно, послѣ передачи въ Сенатъ дѣлъ упраздненнаго Приказа.

«Вѣдомость» составлена по «вотчинамъ»: по каждой вотчинѣ собраны (и расположены въ графахъ) свѣдѣнія о количествѣ «душъ», о числѣ бѣжавшихъ, о размѣрахъ посѣва и умолота озимаго и яровыхъ хлѣбовъ, о состояніи наличныхъ запасовъ хлѣба, о «пропитаніи» крестьянъ, о недоимкѣ въ подушномъ сборѣ и проч. Извлекаю нѣсколько свѣдѣній по Нижегородскому уѣзду (лл. 1171 об.—1203):

Первою описана вотчина «тайнаго дѣйствительнаго совѣтника и обоихъ россійскихъ орденовъ кавалера и ея императорскаго величества кабинетъ-министра», кн. Алексѣя Михайловича Черкасскаго. Его вотчину составляли—с. Ворсма съ 5 приселками и 13 деревнями. Во всей вотчинѣ числилось «по переписи» 3024 «души», изъ нихъ въ 1734—35 гг. «бѣжало» 1008 человѣкъ. «Показанные крестьяне бѣжали отъ скудости и хлѣбнаго недороду, а и сверхъ-де оныхъ бѣглыхъ, многіе, оставя дома свои, съ женами и съ дѣтьми (для) прокормленія бродятъ по міру»...

У оставшившихся крестьянъ въ 1734 г. «имѣлось въ посѣвѣ»: 389 четвертей ржи, 96 четв. пшеницы, 142 четв. ячменя, 338 четв. овса и 252 четв. гречи.

«Въ умолотѣ» у нихъ получилось: 205 ч. ржи, 59 пшеницы, 42 ячменя, 118 овса и 112 гречи. Такимъ образомъ, на всѣхъ поляхъ крестьяне не только не получили ни верна «приплода», но даже всѣхъ сѣмянъ не собрали... Вслѣдствіе этого значительно сократилась площадь посѣва озимой ржи къ 1735 году: крестьяне Ворсменской вотчины посѣяли осенью 1734 г. всего 109 четвертей ржи.

Далѣе «вѣдомость» замѣчаетъ: «посѣянной-де всякой хлѣбъ родился по мѣстамъ, а въ протчихъ мѣстахъ и ничего не уродился и сѣменъ не собрано. И къ нынѣшнему 735 г. сѣяно отъ крестьянъ, которые исправитца могли покупнымъ хлѣбомъ — четвертей по двѣ отъ тягла, а отъ скудныхъ—по осминѣ и меньши. И нынѣшнею весною яровымъ хлѣбомъ, которые могутъ исправитца своимъ, а другіе покупнымъ хлѣбомъ — осѣменить могутъ только 4-ю часть, достальной (земли) за скудостью осѣменить не могутъ»...

Особенно тяжелое впечатлѣніе производитъ слѣдующая рубрика «вѣдомости», гдѣ разсказывается—чѣмъ кормились въ это ужасное время голодные крестьяне «кабинетъ-министра» кн. А. М. Черкасскаго...

«Оной вотчины крестьяне пропитаніе имѣютъ — немногіе чистымъ хлѣбомъ, а достальные за неимѣніемъ хлѣба ѣдятъ дубовые желуди, лебеду, оліяной колоколецъ, грѣчную и овсяную мякину, съ примѣшаніемъ малаго числа ячной и овсяной муки, понеже по осмотру у крестьянъ въ житницахъ явилось овса, ячмени и грѣчи четверти по три и по четыре, а у иныхъ ржи по малому числу, и то у не многихъ, а у другихъ никакого хлѣба въ житницахъ не явилось»...

Послѣдняя рубрика говоритъ, что «подушныхъ денегъ въ доимкѣ» числилось за вотчиною: за 1728 г. — 519 р. 48 к., за 1729 г. — 2058 р. 40 к., за 1734 г.—1022 р., всего за эти 3 года—3594 р. 88 к.

Нѣсколько лучше было положеніе другой вотчины того же кн. А. М. Черкасскаго — с. Павлова съ 1 приселкомъ и 4 деревнями. Изъ 3695 «душъ» этой вотчины бѣжало «отъ хлѣбнаго не дороду» только 248 чел. Объясняется это тѣмъ, что урожай хлѣба здѣсь былъ сносный — не только всѣ сѣмена были собраны, но и получился нѣкоторый «приплодъ»: въ 1734 г

озимой ржи было посѣяно 160 четвертей ржи и 256 ч. разнаго яроваго хлѣба, а въ умолотѣ получалось 365 ч. ржи и 272 ч. яроваго. Къ 1735 г. посѣяно 265 ч. ржи, но изъ яровыхъ полей могли осѣменить весною только «4-ю часть». Однако и озими только «немногіе крестьяне сѣяли собственнымъ и покупнымъ (хлѣбомъ) по четверти и по двѣ», а «не имущіе» по осминѣ и меньше, иные же «скудные и ничего не сѣяли и тѣ претерпѣваютъ гладную нужду»...

Въ самомъ селѣ Павловѣ «крестьяне имѣютъ за собою промыслы и мастерства, и тѣ пропитатца могутъ», но въ приселкѣ и 4 деревняхъ вотчины крестьяне «весьма скудные и отъ неимущества питаютца лебединымъ хлѣбомъ, смѣшивая съ гречневою и овсяною мякиною, и бродятъ отъ скудости въ мірѣ, а по осмотру у крестьянъ въ житницахъ никакого хлѣба кромѣ лебеды не явилось»...

Въ третьей вотчинѣ того же кн. А. М. Черкасскаго—с. Панино съ 5 приселками и 33 деревнями—положеніе крестьянъ было просто отчаянное... Недородъ хлѣба былъ страшный: изъ посѣянныхъ въ 1734 году 3052 четвертей ржи получено въ умолотѣ всего 46 четвертей!.. Изъ 450 ч. пшеницы получено 270 ч., изъ 372 ч. ячменя—203 ч., изъ 1600 ч. овса — 640 ч., а изъ 235 ч. гречи ничего не собрано: всю «гречю побило мразомъ безъ остатку»... Къ 1735 г. озимою рожью засѣяна только «половина земли», равно какъ и въ 1734 г. «осѣменена» была «только половина земли» тѣми крестьянами, которыя могли «исправитца своимъ и покупнымъ» зерномъ, но «многіе» крестьяне «за совершенною скудостію ничего не сѣяли»... Весною 1735 г. изъ яровыхъ полей могутъ осѣменить едва «10-ю часть, по малому числу отъ тягла».

Изъ 3927 «душъ» Панинской вотчины бѣжало 1016 человѣкъ. Оставшіеся крестьяне претерпѣваютъ «гладную нужду и до новаго хлѣба пропитатца никакъ не могутъ».

А питались княжескіе крестьяне ужасно: «питаютца дубовою гнилою колодою (sic!) и желудями, оліянымъ колокольцомъ, лебедою, гречною мякиною, съ малымъ примѣшаніемъ ржаной, ячной и овсяной муки»... «Большая же часть» крестьянъ «никакого хлѣба не имѣютъ» (л. 1174).

Вслѣдствіе такой ужасной пищи крестьяне «пришли въ безсиліе и впадаютъ въ болѣзни»... Съ 1 января по 22 апрѣля 1734 г. померло въ вотчинѣ 242 мужчинъ и 254 женщины, о чемъ «по указу изъ правительствующаго Сената присланнымъ полковникомъ Тиханомъ Мералюкинымъ да штабъ-лекаремъ Зуромъ имѣлось свидѣтельство и о томъ-де въ правит. Сенатъ рапортовано».

Остановлюсь еще на небольшой вотчинѣ кн. Петра Борисовича Черкасскаго, показавшаго въ это тяжелое время рѣдкій примѣръ благородной заботливости о своихъ крестьянахъ... Вотчина его—с. Давыдово съ 3 деревнями—была невелика: въ ней было всего 87 крестьянъ (изъ нихъ бѣжало 48 чел.). Въ 1734 г. «посѣяно было на помѣщика» (эта рубрика рѣдко встрѣчается въ «вѣдомости»): 60 четв. ржи (въ умолотѣ 40 ч.), 18 ч. пшеницы (въ умолотѣ 7 ч.), 20 ч. ячменя (въ умолотѣ 51 ч.), 49 ч. овса (умол. 59 ч.), 12 ч. гречи (умол. 5 ч.). Такимъ образомъ, по ячменю и овсу получился даже приплодъ. Но крестьяне даже по этимъ хлѣбамъ сѣмянъ не собрали: у нихъ было посѣяно 40 четв. ржи (умолотъ 20 ч.), 7 пшеницы (умол. 3 ч.), 60 ячменя (умол. 30 ч.), 50 овса (умол. 25 ч.) и 48 гречи (умол. 24 ч.). Въ 1735 г.

посѣяно у крестьянъ всего 30 четвертей озимой ржи. Весной могутъ осѣменить поля яровымъ хлѣбомъ только 10 человѣкъ...

Крестьяне, какъ и вездѣ, ѣдятъ «дубовые желуди, оліяной колоколецъ, лебеду, гречную мякину, примѣшивая по малому числу ржаной, ячной и овсяной муки». Мука держится у нихъ въ маломъ количествѣ именно благодаря помощи помѣщика, которымъ весь собранный у него хлѣбъ (см. выше) «розданъ не имущимъ на пропитаніе безъ остатку»... (л. 1175).

Совершенно иное впечатлѣніе производятъ отношенія владѣльца къ крестьянамъ въ с. Елнѣ—вотчинѣ «преосвященнаго» Питирима архіепископа Нижегородскаго и Алаторскаго... Здѣсь изъ 1038 крестьянъ (бѣжало 30 человѣкъ) только «немногіе» имѣютъ хлѣба по 2—3 четверти, а большая часть ничего не имѣетъ и питается дубовыми желудями, лебедою и проч. «Но токмо—иронически оговаривается «Вѣдомость»—по осмотру въ архирейскихъ житницахъ имѣется архирейскаго хлѣба всякого съ 300 четвертей, о которомъ оной вотчины управитель показалъ, что оставленъ на пропитаніе монахомъ и дому архирейскаго служителямъ»... (л. 1189).

Такое же тяжелое впечатлѣніе производитъ и замѣчаніе «Вѣдомости» о бѣдственномъ положеніи крестьянъ огромной вотчины «ея высочества благовѣрной государыни царевны» Даріи Арчиловны Имеретинской—с. Терюшева съ его «волостью». Волость имѣла 11331 «душу» (изъ нихъ бѣжало 1106 человѣкъ), за коими накопилось недоимки по подушному сбору 8003 р. 46 к. (за 1724—34 гг.) «Вѣдомость» замѣчаетъ, что «отъ скудости подушныхъ денегъ платить имъ (крестьянамъ) нечѣмъ, и отъ непрестаннаго правежа тѣхъ подушныхъ денегъ принуждены въ нѣкоторыхъ деревняхъ тяглыя земли цѣлыми полями закладывать изъ самой малой цѣны, на многіе годы. а именно-отдаютъ десятину по 11 копѣекъ»... (л. 1180 об.).

Вообще видно, что для центральной власти голодъ не оказался достаточно уважительною причиною къ прекращенію взысканія недоимокъ... Мѣстная же власть видимо становилась на сторону обезсилѣвшаго населенія и старалась доказать, что недоимки «взыскать невозможно»... Кажется именно для подтвержденія этой истины и была составлена разсматриваемая «Вѣдомость». Она заканчивается общимъ итогомъ подушныхъ «доимокъ» по 6 уѣздамъ губерніи—Нижегородскому, Балахонскому, Арзамасскому, Алаторскому, Курмышскому и Ядринскому; всего накопилось по этимъ уѣздамъ за 1724—34 гг. недоимки — 78750 р. 73½ копѣйки. Приведя эту цифру «Вѣдомость» замѣчаетъ: «для взысканія оной доимки посылаются на экзекуцію оберъ и ундеръ-офицеры, только той доимки за крестьянскою скудостію и за хлѣбнымъ недородомъ взыскать невозможно, и въ неплатежѣ оныхъ денегъ (крестьяне) содержатца подъ карауломъ»... (л. 1257).

Возвращаюсь еще нѣсколько къ даннымъ «Вѣдомости» о положеніи голодающаго населенія Нижегородскаго уѣзда. Приведенныя выше свѣдѣнія о вотчинахъ А. М. Черкасскаго и друг. вполнѣ достаточны для характеристики состоянія всего уѣзда: во всѣхъ остальныхъ вотчинахъ положеніе крестьянъ было болѣе или менѣе аналогично съ положеніемъ сс. Ворсмы, Панина. Давыдова и др. Вездѣ число бѣжавшихъ отъ голода крестьянъ также велико, какъ и въ указанныхъ селахъ: бѣжала 3—5 часть, иногда даже половина населенія... Вездѣ встрѣчаемъ тѣ же печальныя отношенія умолота къ посѣву: въ большинствѣ случаевъ даже сѣмена не были собраны съ полей и

очень рѣдко получался полный сборъ сѣмянъ, а еще рѣже—очень небольшой «приплодъ».

Вездѣ была засѣяна осенью 1734 г. только небольшая часть озимыхъ полей и только частію крестьянъ. Еще болѣе уменьшилась площадь яровыхъ посѣвовъ весною 1735 года. Но нерѣдки случаи, когда почти вся вотчина не могла осѣменить своихъ полей. Такой примѣръ представляетъ с. Вараново (вотчина полковника Григорія Каирева), гдѣ изъ 521 «души» (80 изъ нихъ бѣжало) могли осѣменится яровымъ хлѣбомъ только «3 или 4 человѣка» (по 1 четверти или по $1^1/_2$ каждый)... (л. 1175 об.).

Кромѣ недостатка хлѣба, другою причиною уменьшенія площади посѣва былъ недостатокъ скота. Такъ, въ с. Алистѣевѣ большая часть крестьянъ не осѣменила полей, потому что—замѣчаетъ «Вѣдомость»—«какъ хлѣба, такъ и скота не имѣютъ» (л. 1178). Падалъ ли скотъ отъ безкормицы, или былъ съѣденъ голодающимъ населеніемъ, или же проданъ на пополненіе подушной «доимки»—«Вѣдомость» не объясняетъ.

Вездѣ въ Нижегородскомъ уѣздѣ населеніе кормилось тѣми же ужасными суррогатами хлѣба («съ малымъ примѣшаніемъ» настоящаго хлѣба)—лебедою, мякиною и проч. Нерѣдки случаи употребленія «дубовой коры» въ качествѣ хлѣбнаго суррогата, напр. въ с. Барановѣ, вотчинѣ Мих. Ив. Широтморцева (л. 1177) и друг. Въ томъ же селѣ крестьяне ѣли «траву колоколецъ и прочее быліе травное»... Въ с. Алистѣевѣ крестьне ѣли между прочимъ «траву колоколецъ, избойну—что называется дуранда, и прочее быліе»... (л. 1178). Вездѣ отъ такой пищи несчастные крестьяне «пришли въ безсиліе»...

Довольно сносное положеніе крестьянъ оказывается только тамъ, гдѣ населеніе занималось не однимъ земледѣліемъ, но и разными промыслами. Напр. относительно лежавшей на берегу Волги слободы Подгорной (около с. Безводнаго) «Вѣдомость замѣчаетъ, что слободскіе «крестьяне кормятца отъ рыбной ловли», а другіе «ходятъ» на купеческихъ судахъ, и потому могли осѣмениться покупнымъ зерномъ, притомъ же на нѣкоторыхъ слободскихъ поляхъ мѣстами «рожь родилась съ приплодомъ»... Вообще, рыбная ловля была большимъ подспорьемъ для крестьянъ многихъ приволжскихъ селеній.

Въ аналогичномъ положеніи съ Нижегородскимъ уѣздомъ были и остальные уѣзды губерніи—Балахонскій (л. 1204), Арзамасскій (л. 1210), Алаторскій (л. 1229), Курмышскій (л. 1241) и Ядринскій (л. 1251): вездѣ положеніе крестьянъ было очень бѣдственное... **Н. Оглоблинъ.**

Анекдотъ объ императорѣ Александрѣ I.

Въ Суджанскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, проживалъ еще до конца восьмидесятыхъ годовъ и умеръ въ глубокой старости нѣкто Сибилевъ, который, состоя въ должности становаго пристава, сопровождалъ по своему стану императора Александра Павловича во время его послѣдней поѣздки на югъ въ 1825 году.

Этотъ эпизодъ старикъ очень любилъ разсказывать при всякомъ случаѣ и, хотя разсказывалъ, правда, на разные лады,—суть разсказа оставалась однако болѣе или менѣе одинаковою.

Сибилевъ ѣхалъ впереди верхомъ, стараясь гнать свою лошадь, дабы находиться въ достаточномъ отдаленіи, а не пылить на коляску царя, а также, чтобы во́ время успѣвать свернуть съ дороги случайныхъ встрѣчныхъ. Въ одномъ мѣстѣ изъ-за лѣска попался на встрѣчу мужикъ въ телѣгѣ, запряженной кобылой, возлѣ которой бѣжалъ жеребенокъ. Остановивъ его для пропуска коляски и приказавъ строго-на́-строго не двигаться, пока государь проѣдетъ, Сибилевъ поскакалъ дальше. Не прошло и 10 минутъ, какъ онъ услышалъ сзади окликъ; оглянувшись, онъ подскочилъ къ коляскѣ, которая двигалась малою рысью, около нея путался жеребенокъ. Государь все время махалъ ему рукою, видимо желая отогнать.

— Надо его прогнать, а то онъ заблудится, или, пожалуй, попадетъ подъ колесо,—замѣтилъ государь.

Сибилевъ началъ гнать жеребенка, а тотъ, точно нарочно, поджимается къ коляскѣ.

— Стой, стой!—сказалъ государь и началъ выходить изъ экипажа,—вѣдь бѣдный крестьянинъ лишится будущей рабочей лошади.

Съ этими словами государь, сдѣлавъ два шага по дорогѣ, началъ полами шинели гнать жеребенка; тотъ отскочитъ назадъ, да опять къ лошадямъ.

— Ваше величество, я долечу, верну крестьянина; тогда жеребенокъ за маткой пойдетъ,—осмѣлился сказать Сибилевъ.

— Пожалуйста, сказалъ государь, только пожалуй онъ далеко уѣхалъ; какъ онъ самъ не догадался вернуться.

Крестьянинъ, оказалось, вернулся въ отчаяніи и тутъ же подъѣзжалъ за бугоркомъ. Жеребенокъ, какъ только увидѣлъ телѣгу, тотчасъ побѣжалъ къ ней; государь, давъ Сибилеву серебряный рубль, велѣлъ передать его крестьянину, а самъ поѣхалъ дальше.

Сибилевъ, потерявъ нѣсколько минутъ, не могъ уже догнать коляску и скакалъ сзади. Подъѣхалъ онъ къ коляскѣ уже тогда, когда на слѣдующей станціи государю перемѣнили лошадей и онъ собирался ѣхать дальше.

— Гдѣ ты былъ?—спросилъ государь.

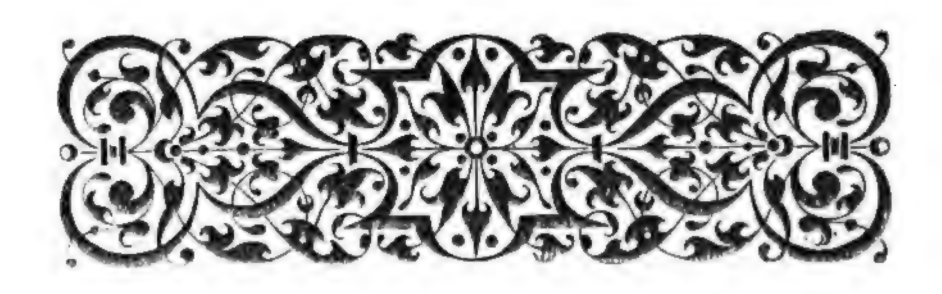
— Простите ваше величество,—сказалъ дрожащимъ голосомъ Сибилевъ,—отдавая крестьянину рубль, я замѣшкался и не могъ догнать коляски.

— Ахъ, это моя вина,—отвѣтилъ ласково государь,—я въ разсѣянности не подождалъ; можно-ли быть такимъ разсѣяннымъ!

Этотъ разсказъ Сибилевъ всегда заканчивалъ монологомъ:

Вотъ какое счастье мнѣ Богъ послалъ въ жизни! Сколько ангельской доброты и глубокой нѣжной ласки было во взглядѣ царя, когда онъ посмотрѣвъ на меня, сказалъ: «Усталъ? Ну, спасибо, большое спасибо», и уѣхалъ. До сихъ поръ взглядъ этотъ какъ бы передо мною; несмотря на то, что шестьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; эти синіе добрые глаза смотрятъ на меня, и не могу я ихъ забыть. Ужъ подлинно не даромъ вся Европа и весь міръ называли царя Александра I ангеломъ кротости; да будетъ его имя благословенно!

И. К. А.

СМѢСЬ.

Реставрація Успенскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ. Владимірскій Успенскій соборъ, освященіе котораго, въ обновленномъ видѣ, происходило 29-го сентября, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ храмовъ древней Руси. Просуществовавъ болѣе семи вѣковъ, соборъ пережилъ и блестящую славу свою, когда онъ былъ главнымъ храмомъ всей Руси великокняжеской, и цѣлый рядъ ужасныхъ бѣдствій, которыя, не сокрушивъ его, тѣмъ не менѣе оставили на немъ свой глубокій слѣдъ. Начало соборнаго храма Успенія во Владимірѣ восходитъ ко временамъ великаго князя Андрея Боголюбскаго. Этотъ князь, желая возвысить городъ Владиміръ на степень великокняжеской столицы, рѣшилъ воздвигнуть здѣсь такой храмъ, который долженъ былъ затмить своимъ великолѣпіемъ всѣ храмы, ранѣе созданные на Руси. И дѣйствительно онъ создалъ такой храмъ, который, по сказанію лѣтописца, горѣлъ золотомъ и серебромъ, и драгоцѣнными камнями, и представлялъ собою «свѣтлость нѣкую зрѣти». Соотвѣтственно этому богатству и великолѣпію извнѣ, соборъ былъ также великолѣпно украшенъ и внутри множествомъ драгоцѣнныхъ иконъ и другихъ предметовъ церковной утвари: въ немъ было множество золотыхъ и серебряныхъ паникадилъ, сосудовъ, даже цѣлый амвонъ былъ сдѣланъ «отъ злата и сребра», по сказанію лѣтописи. Здѣсь же была поставлена и икона Божіей Матери Владимірской, писанная по преданію, евангелистомъ Лукой.

Но не долго соборъ блисталъ своимъ великолѣпіемъ. Послѣ смерти Боголюбскаго, въ 1185 году, во время сильнаго пожара, отъ котораго едва не сгорѣлъ весь городъ, соборный храмъ Успенія лишился всѣхъ своихъ драгоцѣнностей, и отъ прежняго величія остались однѣ обгорѣвшія стѣны. Братъ Боголюбскаго, великій князь Всеволодъ III, «Большое гнѣздо», возстановилъ обгорѣвшій храмъ, причемъ расширилъ и увеличилъ его пристройкою новыхъ стѣнъ и увѣнчалъ его пятью главами, отчего соборъ сдѣлался еще величественнѣе. Не прошло и 50 лѣтъ со времени обновленія

собора, какъ онъ подвергся новому ужаснѣйшему бѣдствію. Въ 1237 г. во время нашествія монголовъ, татары расхитили сокровища храма и во время пожара погибло все бывшее тамъ великокняжеское семейство, святитель Митрофанъ, много женъ боярскихъ и инокинь.

Въ тяжелыя годины ига татарскаго владимірскій Успенскій соборъ, возстановленный великимъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, отцомъ Александра Невскаго, около ста лѣтъ служилъ объединяющимъ центромъ для всей раздробленной и плѣненной Руси, какъ главный храмъ великокняжеской столицы, хранящій въ себѣ главную святыню русскую, икону Богоматери Владимірской. Въ концѣ XIV вѣка, съ возвышеніемъ Москвы и паденіемъ города Владиміра, начинаются вѣка уничиженія и временного упадка и соборнаго храма Успенія. Передавъ въ 1395 г. икону Божіей Матери городу Москвѣ, а затѣмъ въ 1412 г. лишившись всѣхъ своихъ драгоцѣнныхъ утварей во время нашествія татарскихъ полчищъ Талыча, Успенскій соборъ, не поддерживаемый обѣднѣвшими жителями павшаго Владиміра, началъ быстро приходить къ разрушенію: кровля его истлѣла, въ стѣнахъ показались огромныя трещины, стекла въ окнахъ были выбиты и въ самомъ храмѣ птицы вили гнѣзда...

Исполнилась, наконецъ, мѣра бѣдствій, предназначенныхъ для многострадальнаго собора. Въ половинѣ XVII вѣка здѣсь открыты были мощи великаго князя Георгія, убитаго во время нашествія монголовъ на р. Сити, а затѣмъ въ 1702 г. мощи Андрея Боголюбскаго, перваго строителя храма, и сына его князя Глѣба. Съ того времени слава древняго храма какъ бы воскресла вновь: тысячи богомольцевъ потекли на поклоненіе, любители благолѣпія церковнаго поддерживали ветхія стѣны собора отъ дальнѣйшаго разрушенія. Наконецъ, настало время и для возстановленія собора, какъ внутри, такъ и снаружи. Трудами архипастыря владимірскаго Ѳеогноста, Успенскій соборъ явился нынѣ въ первобытной красотѣ временъ Боголюбскаго и Всеволода III, первыхъ строителей его.

Цѣлыхъ десять лѣтъ безпрерывно шла реставрація собора. Сначала были возстановлены древнія фрески XII вѣка, обновленныя въ XV вѣкѣ кистью Андрея Рублева, художникомъ Сафоновымъ подъ руководствомъ московскаго археологическаго общества, а затѣмъ было приступлено къ возстановленію наружнаго вида собора, искаженнаго позднѣйшими пристройками, и обновленію главъ и кровли, проржавѣвшихъ отъ времени. Отняты были громадные и безполезные контрфорсы, облегавшіе со всѣхъ сторонъ соборъ; своды были освобождены отъ ненужныхъ прикладовъ, давившихъ ихъ своею тяжестью и скрывавшихъ красоту кровли. Наконецъ, главы сдѣланы были вновь и возстановлены въ первоначальномъ видѣ, а средняя глава при этомъ вызолочена черезъ огонь, такъ что соборъ снова возвратилъ свое древнее имя «златоглаваго». Много требовалось денежныхъ средствъ для этой реставраціи. Какъ безмолвный свидѣтель минувшаго древней Руси, какъ усыпальница великихъ князей русскихъ, какъ памятникъ древне-русскаго зодчества и иконографіи, соборъ имѣетъ такое же значеніе, какъ св. Софія кіевская и новгородская, какъ непосредственный преемникъ его славы, московскій Успенскій соборъ. Въ древнихъ стѣнахъ его сосредоточилась вся минувшая слава древнестольнаго Владиміра; въ немъ цѣлыя поколѣнія великихъ князей русскихъ, начиная съ Андрея Боголюбскаго до Іоанна III, восходили на престолъ великаго княженія.

Какъ рѣдкій памятникъ древне-русскаго зодчества, храмъ Боголюбскаго представляетъ замѣчательнѣйшій образецъ изящнаго храма, достойнаго временъ процвѣтанія византійскаго искуства. Стройность и соразмѣрность всѣхъ его частей, красота арокъ и главъ, крѣпость стѣнъ, уцѣлѣвшихъ послѣ цѣлаго ряда бѣдствій, которыя постигали его въ теченіе болѣе чѣмъ семивѣкового существованія, заставляютъ невольно удивляться искуству

зодчихъ Боголюбскаго. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ Успенскій соборъ былъ идеальнымъ образцомъ для многихъ древне-русскихъ храмовъ; въ Юрьевѣ, въ Ростовѣ, въ Звенигородѣ, наконецъ въ самой Москвѣ (Успенскій соборъ) были выстроены по образцу Владимірскаго собора. Не меньшее значеніе имѣетъ реставрированный соборъ и какъ памятникъ древне-русской иконографіи съ его фресками XII вѣка. Эти фрески, по полнотѣ иконографическихъ сюжетовъ, по художественности исполненія, не имѣютъ себѣ равныхъ среди памятниковъ древне-русскаго искуства и иконографіи, сохранившихся до нашего времени за исключеніемъ развѣ кіево-софійскихъ мозаикъ и фресокъ и стѣнописи Спасъ-Нередицкой церкви.

И это художественное сокровище внутри было скрыто подъ слоями штукатурки, а снаружи подъ разными ненужными пристройками, обезображивавшими наружный видъ собора. Лишь только теперь, послѣ реставраціи, соборный храмъ Успенія является во своей первобытной красотѣ и снова получаетъ названіе «златоверхаго».

Седьмое присужденіе пушкинскихъ премій. На пушкинскій конкурсъ въ текущемъ году представлено было въ Академію Наукъ семь сочиненій, въ томъ числѣ пять въ стихотворной формѣ, изъ которыхъ четыре были оригинальныя и одинъ—переводъ. Оцѣнку этихъ трудовъ приняли на себя литераторы: Д. В. Аверкіевъ, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, В. В. Латышевъ, Л. И. Поливановъ и Н. Н. Страховъ. Въ составъ распредѣляющей награды комисіи вошли: А. Н. Майковъ, Н. Н. Страховъ, Д. В. Григоровичъ, И. В. Помяловскій и А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Первая премія въ половинномъ размѣрѣ была балотировкою присуждена Я. П. Полонскому за его сборникъ «Вечерній звонъ». Стихи 1887—1890 гг. Разборъ Л. И. Поливанова. Въ своемъ отчетѣ рецензентъ задаетъ два вопроса: сохраняетъ ли поэтъ въ новыхъ произведеніяхъ прежнія достоинства своей поэзіи, не ослабли ли ея звуки и краски? и представляютъ ли эти произведенія позднѣйшихъ годовъ выраженіе чувствъ, вновь переживаемыхъ поэтомъ, т. е. не повторяется ли въ нихъ лишь пережитое въ дни былые? Отвѣчая на нихъ, Л. И. Поливановъ приводитъ на память важнѣйшія черты поэзіи П. П. Полонскаго за все время его поэтической дѣятельности и сопоставляетъ ихъ съ произведеніями, вошедшими въ новый сборникъ. Полонскій, по его мнѣнію, одна изъ тѣхъ задумчивыхъ русскихъ натуръ, которыя не торопятся сообщать свои чувствованія. Ощущеніе западаетъ въ душу такого поэта и потомъ при благопріятныхъ условіяхъ извлекается имъ оттуда. Поэтому произведенія лирики Я. П. Полонскаго являются по большей части выраженіемъ такихъ ощущеній, которыя оставались въ глубинѣ души его дольше, чѣмъ это бываетъ у поэтовъ другого темперамента. Поэзія его—не блестящая, а задушевная. Національность умственнаго и нравственнаго склада нашего поэта составляетъ отличительную черту его поэзіи: изъ всѣхъ лириковъ онъ — болѣе русскій и благодаря этому муза его является намъ кроткою, но въ то же время не уступчивою въ завѣтныхъ своихъ чувствахъ; образъ мыслей ея благороденъ, но чуждъ рыцарства; она выразительна, но далека отъ всякихъ эфектовъ, линіи ея красивы, но свободны отъ всякой позы. На вопросъ: какія же думы волнуютъ нашего поэта нынѣ? рецензентъ отвѣчаетъ, что Я. П. Полонскій чаще и чаще обращается къ мысли о вѣчности. Въ сборникѣ есть два стихотворенія, въ которыхъ авторъ высказываетъ свои думы о современномъ европейскомъ поколѣніи, и думы эти безотрадны: идеализмъ поэта оскорбляется матеріализмомъ и милитаризмомъ вѣка и неискренностью провозглашеній любви («Золотой телецъ» стр. 20). Приведя массу выдержекъ изъ сборника, рецензентъ находитъ, что трудъ этотъ вполнѣ достоинъ увѣнчанія преміей, потому что въ небольшой періодъ времени, съ апрѣля 1887 по 1890 г. включительно, Я. П. Полонскій обогатилъ русскую литературу: нѣсколькими вы-

сокими въ художественномъ отношеніи лирическими произведеніями, не уступающими лучшимъ его стихотвореніямъ прежнихъ лѣтъ: прекрасною балладою, достойно пополняющею одинъ изъ поэтическихъ образовъ всемірной литературы, и оригинальною комическою поэмою, имѣющею крупныя достоинства. Сравнительная оцѣнка этихъ произведеній съ его прежними лучшими произведеніями приводитъ, по мнѣнію рецензента, къ отрадному заключенію, что творчество маститаго поэта не только не ослабѣваетъ, но продолжаетъ служить выраженію новыхъ идей и создаетъ новые образцы или равные прежнимъ, или превышающіе ихъ художественными достоинствами.

Поощрительная премія присуждена И. Н. Потапенко за его «Повѣсти и разсказы», томъ второй. Рецензія Н. Н. Страхова, который находитъ, что имя автора еще недавно только появилось въ литературѣ, но уже пріобрѣло себѣ извѣстность, во-первыхъ, необыкновенной живостью разсказа и, во-вторыхъ, совершенной ясностью темы въ каждомъ произведеніи. Темы развиваются у автора съ извѣстной долей реализма, хотя послѣдній не довольно глубокъ и ярокъ. У автора нѣтъ ни одной страницы, которая могла бы поравняться въ реализмѣ съ отдѣльными мѣстами Чехова, Гаршина, Эртеля, Альбова, Ясинскаго, Вѣжецкаго, Гнѣдича и другихъ авторовъ современной литературы. Тѣмъ не менѣе, во вниманіе къ таланту, обнаруженному авторомъ, и при всей строгости рецензіи, признаваемой самимъ критикомъ, комисія признала справедливымъ присудить г. Потапенко поощрительную премію въ 300 рублей.

Такую же премію комисія назначила А. Д. Львовой за ея «Поэмы и пѣсни». Трудъ этотъ разсматривалъ гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ. Сборникъ раздѣляется на двѣ части: лирическія произведенія и поэмы. Рецензентъ приходитъ къ заключенію, что сборникъ г-жи Львовой, хотя и не можетъ быть признанъ цѣннымъ вкладомъ въ сокровищницу современной русской литературы, но все же явленіе отрадное и подающее надежды, и что дарованіе г-жи Львовой преимущественно лирическое, но въ выраженіи субъективныхъ ощущеній, въ рисовкѣ небольшихъ пейзажей она можетъ достигнуть значительной степени совершенства.

Комисія, за неимѣніемъ достаточной денежной суммы, принуждена была выразить автору свое одобреніе лишь почетнымъ отзывомъ.

Въ заключеніе отдѣленіе Академіи за труды по разбору представленныхъ трудовъ присудило по золотой пушкинской медали Д. В. Аверкіеву, В. В. Латышеву и Л. И. Поливанову.

Историческое Общество. Изъ докладовъ, прочитанныхъ въ послѣднемъ засѣданіи особенно заинтересовалъ слушателей докладъ Е. А. Бѣлова о «верховникахъ и дворянствѣ». Докладчикъ, на основаніи историческаго матеріала, показалъ развитіе аристократіи и дворянства въ Россіи. Аристократическіе роды до XVIII вѣка состояли изъ потомковъ св. Владиміра, литовскаго князя Гедимина и нѣкоторыхъ татарскихъ князей. Къ нимъ принадлежали также нѣсколько бояръ-дружинниковъ удѣльнаго періода. Всѣхъ аристократическихъ фамилій было немного, около 80-ти. При Петрѣ Великомъ старая аристократія уступила свое первенствующее мѣсто въ государствѣ новымъ людямъ, незнатнымъ по происхожденію. Многіе изъ нихъ, по своему государственному значенію, имѣли болѣе и силы, и вліянія, другіе сравнялись съ древнею аристократіею. Еще Иванъ Грозный далъ возможность быть незнатнымъ людямъ въ составѣ боярской думы. Онъ же установилъ титулъ думнаго дворянина. Съ того времени званіе дворянина стало «жаловаться» государями, но до Петра все-таки древніе боярскіе роды, за немногими исключеніями, первенствовали. Петръ I своею табелью о рангахъ пожелалъ уравнять сословія. Согласно табели, званіе дворянина пріобрѣтается служебными заслугами. Явилось много новыхъ дворянскихъ фамилій и вы-

служившееся дворянство. Родовитые аристократы старались съ своей стороны противодѣйствовать появленію новыхъ дворянскихъ фамилій и держались въ сторонѣ отъ нихъ. Иногда, напримѣръ, при воцареніи Анны Ивановны, антагонизмъ между родовитымъ аристократизмомъ и новымъ дворянствомъ проявлялся въ рѣзкой формѣ. Другой рефератъ, прочитанный въ томъ же засѣданіи, представлялъ научное изслѣдованіе г. Форстена о ливонскихъ проектахъ XVI вѣка, когда Ливонія переживала критическій моментъ. Ей пришлось долго бороться за свое существованіе съ сильными сосѣдними державами и въ концѣ концовъ исчезнуть, слившись съ Польшей, Швеціей и Даніей.

Экономическое Общество въ одномъ изъ своихъ собраній слушало докладъ Д. Н. Бородина о голодовкахъ, бывшихъ въ Россіи за все время ея существованія, и о тѣхъ мѣрахъ, которыя принимало правительство противъ голода. До царствованія Бориса Годунова, т. е. до 1601 года, въ лѣтописяхъ встрѣчаются только указанія на бывшія въ разное время голодовки, но ничего почти не говорится о предпринимаемыхъ противъ нихъ мѣрахъ. Къ голодовкамъ правительство относилось съ философскимъ спокойствіемъ и заботилось лишь о томъ, чтобы уменьшить несчастіе въ данную минуту. О будущемъ не думали. Съ 1024 по 1601 г. лѣтописи насчитываютъ 15 крупныхъ голодовъ. Ужасный историческій голодъ 1601 года, въ царствованіе Бориса Годунова въ первый разъ вызвалъ правильно организованную помощь голодающимъ. Исторія подробно описываетъ это страшное бѣдствіе, когда люди умирали отъ голода на улицахъ, ѣли человѣческое мясо, которое продавалось на рынкахъ, какъ говядина. Въ одной Москвѣ погибло отъ голода болѣе 5,000 человѣкъ. Четверть ржи стоила болѣе 20 руб. на наши деньги. Всѣ паллятивныя мѣры, какъ пожертвованія деньгами, не привели ни къ чему. Деньги не давали хлѣба. Тогда Годуновъ открылъ для народа всѣ хлѣбные запасы государства, передвинулъ къ Москвѣ изъ окраинъ находившіеся тамъ хлѣбные запасы и учредилъ общественныя работы. Эти мѣры положили конецъ голоду. Въ послѣдующія царствованія никакихъ мѣръ противъ голодовокъ не принималось, за исключеніемъ лишь обыкновенной помощи голодающимъ. Въ царствованіе императрицы Елисаветы, князь Трубецкой и Шуваловъ составили проектъ общегосударственныхъ хлѣбныхъ запасовъ, правильнаго подвоза хлѣба и организаціи общественныхъ работъ на случай голода. Но проектъ этотъ не осуществился. Также не осуществилась и мысль императрицы Екатерины II—устроить хлѣбные магазины въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Въ царствованіе Александра I мысль эта получила, наконецъ, практическое осуществленіе. Послѣ голода 1822 г. въ Россіи начали устроивать общественные хлѣбные магазины и было положено начало учрежденію продовольственнаго капитала. Свой историческій обзоръ г. Бородинъ закончилъ сопоставленіемъ тѣхъ противоголодныхъ мѣръ, которыя примѣнялись во Франціи и Ирландіи въ 1846 г., т. е. сравнительно недавно, и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Въ заключеніе г. Бородинъ представилъ рядъ слѣдующихъ положеній для предупрежденія послѣдствій и даже самой возможности голодовокъ: Организація общегосударственнаго страхованія отъ неурожаевъ. Учрежденіе центральныхъ государственныхъ хлѣбныхъ складовъ. Организація общественныхъ работъ въ неурожайные годы. Устройство правильнаго и скораго подвоза хлѣба въ нуждающіяся мѣстности, и упорядоченіе вообще дѣла сельскаго хозяйства, какъ главнѣйшее средство и противъ неурожаевъ, и противъ послѣдствій неурожаевъ—голодовокъ.

Археологическое общество. Въ засѣданіи восточнаго отдѣленія, подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена, былъ выслушанъ докладъ В. А. Жуковскаго «Объ избіеніи бабидовъ въ Ездѣ», основанный на полученномъ нашимъ оріенталистомъ изъ Персіи письмѣ, которое и будетъ напечатано въ ближай-

шемъ выпускѣ «Записокъ Восточнаго Отдѣленія». Какъ извѣстно, бабиды—религіозно-политическая секта, основатель которой Бабъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ нашего столѣтія, положилъ начало этому движенію. Возникши несомнѣнно подъ христіанскими вліяніями, это движеніе, проникнутое высоконравственными началами, подрываетъ основы правовѣрнаго мусульманства. Во время послѣдняго рамазана, въ городѣ Ездѣ, гдѣ постъ губернатора занимаетъ внукъ шаха Джемялэддуэ, сынъ извѣстнаго испаганскаго генералъ-губернатора, объявившаго себя, вопреки волѣ отца, претендентомъ послѣ его смерти на персидскій престолъ, два бабида только за то, что пришли въ мечеть, были схвачены и вмѣстѣ съ пятью другими, обвиненными въ принадлежности къ бабизму, заключены въ крѣпость. Отказавшись отречься отъ бабизма передъ судомъ улемовъ, всѣ семеро обвиненныхъ были приговорены къ смерти. Въ исполненіе этого приговора, губернаторъ города Езда далъ приказъ убить осужденныхъ бабидовъ. Въ присутствіи самого принца на перваго изъ бабидовъ накинули петлю и отдали его евреямъ, которые потащили его на базаръ; прочихъ вывели изъ крѣпости съ музыкой и барабаннымъ боемъ, въ сопровожденіи громадной толпы правовѣрныхъ, стремившихся присоединиться къ процесіи, чтобы получить воздаяніе за доброе дѣло. Бабидовъ протыкали копьями, рубили имъ головы, чтобы затѣмъ ихъ разстрѣливать, трупы ихъ забросали камнями и потомъ ихъ сжигали, и, сдѣлавъ это, толпа испросила у правительства разрѣшеніе въ честь такого торжества надъ отступниками мусульманства устроить пятидневную иллюминацію; но празднество это сопровождалось такими безчинствами, что черезъ два дня было пріостановлено. Какъ разъясняетъ докладчикъ, отношенія къ бабидамъ обостряются тѣмъ, что персидскія власти облыжно объявляютъ бабидами и тѣхъ чтимыхъ народомъ потомковъ пророка—сеидовъ, которые подлежатъ обвиненіямъ, влекущимъ за собою смертную казнь. Докладъ В. В. Бартольда «О пизанцѣ Исолѣ» былъ прочитанъ Н. И. Веселовскимъ, по отзыву котораго этотъ молодой оріенталистъ, только окончившій курсъ на восточномъ факультетѣ и въ настоящее время продолжающій свои занятія за границей, обратилъ на себя серьезное вниманіе уже студенческими своими работами. Въ ближайшемъ VII томѣ «Трудовъ» восточнаго отдѣленія будетъ помѣщенъ трудъ г. Бартольда, представляющій сводъ всѣхъ извѣстій арабскихъ писателей о христіанствѣ въ Средней Азіи. Относительно пизанца Исола, занимавшаго важный постъ при дворѣ монгольскаго императора въ концѣ XIII вѣка, г. Бартольдъ сдѣлалъ цѣнныя въ научномъ отношеніи сопоставленія китайскихъ и западныхъ источниковъ. Докладъ о. А. Виноградова, издающаго въ настоящее время большой трудъ по исторіи библіи въ Китаѣ былъ посвященъ ереси китайскаго императора Юнь-Дженъ. Въ томъ же засѣданіи С. Ѳ. Ольденбургъ прочиталъ некрологъ недавно скончавшагося нашего молодого оріенталиста Е. Ф. Каля, успѣвшаго за время пятилѣтней службы въ Ташкентѣ обратить на себя вниманіе своими работами по изученію мѣстныхъ нарѣчій и древностей. Въ засѣданіи классическаго отдѣленія, подъ предсѣдательствомъ Н. И. Стояновскаго, сдѣлано было сообщеніе А. К. Марковымъ «о греческихъ медальерахъ» и А. Н. Щукаревымъ «о микенской культурѣ и гомеровскомъ вопросѣ». А. К. Марковъ въ своемъ докладѣ указалъ на художественное значеніе изображеній въ монетахъ. Художественнаго совершенства въ этихъ изображеніяхъ достигли въ концѣ V вѣка до Р. Х. медальеры греческихъ колоній въ Сициліи и Южной Италіи (Великой Греціи); знаменитѣйшіе изъ нихъ въ Сиракузахъ Киманъ и Эвенетъ и въ Регіумѣ—Ипократъ. Какъ сообщилъ А. Н. Щукаревъ, найденные въ Микенахъ, Родосѣ и Файюмѣ памятники микенской культуры, вмѣстѣ съ картушами фараоновъ XVIII династіи, даютъ основаніе опредѣлять время процвѣтанія этой культуры періодомъ отъ XVI до XIII вѣка до Р. Х. Между тѣмъ детальное знаком-

ство съ этой культурой сказывается въ гомеровскихъ поэмахъ, возникновеніе которыхъ относится къ IX—VII вв. до Р. Х., согласно съ чѣмъ допускается предположеніе, что поэты, участвовавшіе въ развитіи этого эпоса, весьма близко передавали преданія, которыя задолго до нихъ возникали и передавались рапсодами изъ поколѣнія въ поколѣніе безъ перемѣнъ.

Общество любителей древней письменности. Въ послѣднемъ засѣданіи ректоръ Новороссійскаго университета И. Ст. Некрасовъ сдѣлалъ сообщеніе о нѣкоторыхъ областяхъ нашей древней литературы, которыя не были еще изучены надлежащимъ образомъ. Съ особенною обстоятельностью референтъ остановился на разборѣ состава и значенія того рода литературныхъ памятниковъ, который носитъ названіе лечебниковъ. Лечебники у насъ были переводные съ польскаго или нѣмецкаго, съ значительнымъ иногда вліяніемъ итальянскаго языка. Содержаніе ихъ гораздо шире и разнообразнѣе, нежели это полагаютъ; авторитетъ, который придавался имъ, основывался на источникахъ первостепенной важности: лечебники или цѣлебники, какъ говорится въ заглавіяхъ ихъ, выбраны изъ книгъ ветхаго и новаго завѣта и изъ русскихъ, эллинскихъ и сербскихъ лѣтописцевъ. Сначала слѣдуютъ главы о дняхъ творенія съ замѣтными вліяніями другихъ родовъ литературы, напримѣръ, хронографа, физіолога и пр., затѣмъ идутъ главы о сельско-хозяйственныхъ предметахъ, о поваренномъ искусствѣ, понятія о времени, предсказанія о погодѣ и наставленія, какъ держать себя въ обществѣ и въ отношеніи къ женѣ. Но особенное мѣсто занимаютъ медицина и повѣрья при леченіи. Такъ, куница помогаетъ при болѣзни глазъ, печенка свиньи—при ядовитыхъ укушеніяхъ, змѣиная кожа извлекаетъ вошедшее въ тѣло желѣзо. Камни, металлы и травы, какъ средства леченія, находятъ себѣ также обширное примѣненіе. Переходя затѣмъ къ повѣрьямъ и разнымъ обычаямъ, напримѣръ, свадебнымъ, докладчикъ указалъ на старопечатныя книги, какъ на новый источникъ при изученіи этого вопроса, и для образца привелъ выдержки изъ «Московскаго Апостола» 1646 г. и изъ «Тверскихъ епархіальныхъ вѣдомостей за 1865 годъ». Вторая половина доклада была посвящена разбору класификаціи русской народной поэзіи и отысканію главныхъ признаковъ дѣленія этого рода народнаго творчества. Вслѣдъ за Рыбниковымъ, Гильфердингомъ и Потебнею референтъ также находилъ, что напѣвъ и размѣръ пѣсенъ должны считаться существеннымъ основаніемъ класификаціи, и въ заключеніе указываетъ на необходимость собиранія и критическаго изданія произведеній былевой словесности.

† 8-го октября одинъ изъ весьма полезныхъ общественныхъ дѣятелей, **Аполлонъ Ивановичъ Граве.** Онъ былъ крупнымъ землевладѣльцемъ Тамбовской губерніи и всю свою долгую жизнь (умеръ 71 года) посвящалъ улучшенію быта мѣстныхъ крестьянъ, пользуясь среди нихъ большимъ авторитетомъ и уваженіемъ. Главная заботливость его была обращена на развитіе народнаго образованія. Лично имъ и преимущественно на его средства учреждено въ губерніи до ста народныхъ школъ. На устройство тамбовской губернской гимназіи онъ, въ качествѣ попечителя ея, израсходовалъ до 35 тыс. рублей своихъ денегъ, за что помѣщенъ его портретъ въ актовой залѣ гимназіи. Точно также устроена была имъ гимназія въ родномъ небольшомъ городкѣ Елатьмѣ. Со дня открытія мировыхъ судебныхъ учрежденій Граве былъ почетнымъ мировымъ судьею.

† 10-го октября военный инженеръ генералъ-лейтенантъ **Аркадій Захарьевичъ Теляковскій,** извѣстный какъ авторъ перваго полнаго курса фортификаціи на русскомъ языкѣ и какъ одинъ изъ лучшихъ теоретиковъ этой отрасли военныхъ наукъ. «Государство, которое имѣетъ такихъ практиковъ фортификаціи, какъ Тотлебенъ, и такихъ теоретиковъ, какъ Теляковскій, можетъ быть спокойно за свою сохранность»—вотъ отзывъ прусскихъ военныхъ писателей. А. З. происходилъ изъ дворянъ Ярославской губ., родился въ

1806 г., образованіе получилъ въ главномъ инженерномъ училищѣ. За отличные успѣхи въ наукахъ имя его записано на мраморную доску. По окончаніи курса онъ былъ произведенъ въ прапорщики. Во время русско-турецкой войны 1828 г. назначенъ адъютантомъ къ генералу Дену. При осадѣ Браилова молодому офицеру пришлось впервые проявить свои инженерныя знанія и удалось съ успѣхомъ исполнить выпавшую на его долю задачу. Съ 1831—35 годъ занималъ должность адъютанта директора строительнаго департамента по морской части, въ 1856 году прикомандированъ къ штабу главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. Съ этого времени начинается его преподавательская дѣятельность, продолжавшаяся до 1862 г. А. З. читалъ лекціи по фортификаціи въ Пажескомъ корпусѣ, въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ въ Павловскомъ и 2-хъ кадетскихъ корпусахъ. Большинство нынѣшнихъ заслуженныхъ офицеровъ и генераловъ обязано покойному своими знаніями фортификаціи. Въ это же время онъ написалъ курсы полевой и «долговременной» фортификацій, переведенные на французскій, нѣмецкій и шведскій языки. Фортификація Теляковскаго выдержала четыре изданія и была въ свое время незамѣнимою. Въ 1863 г. онъ назначенъ членомъ техническаго комитета главнаго инженернаго управленія, а черезъ два года зачисленъ въ запасныя войска.

† 18-го октября, въ Берлинѣ, изслѣдователь крестьянской жизни и сельской общины, **Владиміръ Григорьевичъ Трироговъ**, 57 лѣтъ. Онъ былъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ директоромъ департамента общихъ дѣлъ. Ученую извѣстность получилъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ многочисленными статьями по податному и общинному вопросамъ, о податной душѣ, о значеніи сельской общины въ народномъ хозяйствѣ и т. п. Статьи эти помѣщались въ повременныхъ изданіяхъ. Въ 1882 г. изслѣдованія Трирогова были собраны въ одну книгу, выпущены въ свѣтъ подъ названіемъ «Община и подать» и вызвали сочувственные отзывы періодической печати, какъ видный вкладъ въ нашу литературу о свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ мірскихъ порядковъ. Изслѣдованія эти основаны на непосредственномъ знаніи народной жизни авторомъ. До перехода въ Петербургъ онъ служилъ, между прочимъ, по крестьянскимъ учрежденіямъ Саратовской губерніи, къ числу землевладѣльцевъ которой принадлежалъ. Скончался В. Г. отъ изнурительной болѣзни, которою давно уже страдалъ и отъ которой предпринялъ заграничное леченіе.

† Въ деревнѣ Керки, на Аму-Дарьѣ, близь границы Афганистана, отъ аму-дарьинской лихорадки одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и талантливыхъ изслѣдователей Средней Азіи **Е. Ф. Каль**, едва 30 лѣтъ. Окончивъ съ золотою медалью курсъ въ Петербургскомъ университетѣ, по факультету восточныхъ языковъ и отбывъ воинскую повинность Е. Ф. поступилъ на службу, на должность младшаго чиновника особыхъ порученій при туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ. Онъ былъ единственный въ этомъ краѣ лингвистъ, поставившій себѣ цѣлью изученіе древностей Средней Азіи и языка тѣхъ горныхъ народовъ, которые представляютъ собою остатки аборигеновъ Средней Азіи. Въ числѣ ихъ одно изъ главныхъ мѣстъ занимаютъ ягноубцы, несомнѣнно родственные древнимъ персамъ и нынѣшнимъ таджикамъ. Е. Ф. Каль собралъ богатый матеріалъ по изслѣдованію ихъ языка; ему поручены были также изысканія и раскопки въ Аулієатинскомъ уѣздѣ, на бывшемъ мѣстѣ жительства несторіанъ уйгуровъ.

† Въ Москвѣ, въ глубокой старости **Ирина Семеновна Кони**, вдова драматурга, издателя журнала «Пантеонъ» и мать сенатора А. Ѳ. Кони. Это была одна изъ даровитыхъ русскихъ женщинъ, полезная и умная артистка и писательница, повѣсти которой имѣли заслуженный успѣхъ. Въ дѣвичествѣ Юрьева, она родилась въ январѣ 1811 г. въ Москвѣ и получила воспитаніе весьма недурное для того времени, въ одномъ изъ мѣстныхъ пансіо-

повъ. Съ молодыхъ лѣтъ она почувствовала влеченіе къ театру и въ тридцатыхъ годахъ поступила на сцену, которую не покидала, даже въ преклонныхъ лѣтахъ, играя то въ Петербургѣ и въ Москвѣ, то въ провинціи на любительскихъ спектакляхъ. Особенно хороша она была въ роляхъ комическихъ старухъ и, можно сказать, создала нѣкоторыя роли, какъ городничихи въ «Ревизорѣ» и свахи въ «Женитьбѣ». Играла она на петербургской сценѣ подъ именемъ Сандуновой (это была фамилія ея перваго мужа). Въ литературѣ она дебютировала книгою «Повѣсти дѣвицы Юрьевой», вышедшей въ 1837 г.. затѣмъ участвовала въ «Литературной Газетѣ» Краевскаго, въ «Пантеонѣ», «Сынѣ Отечества» Фурмана, «Сѣверномъ Цвѣткѣ» и проч. Ея перу принадлежатъ повѣсти и разсказы: «Идеалъ жены», «Сапожный снарядъ», «Цѣлковый», «Воля и доля», «Пуля—дура», «Цыганка, «Купеческая дочь», «Морская пѣна» и мн. друг. Кромѣ того, она написала нѣсколько пьесъ, изъ которыхъ «Порывъ и страсть или два женскихъ сердца», драма въ 2-хъ дѣйствіяхъ, шла въ ея бенефисъ въ 1850 г. и имѣла успѣхъ, особенно благодаря игрѣ Жулевой. Послѣднимъ произведеніемъ Н. С. Кони была повѣсть, напечатанная въ 60-хъ годахъ въ журналѣ доктора Хана «Самообразованіе». Она была немного и музыкантша и оставила нѣсколько пьесъ салоннаго характера.

† **Ѳома Матвѣевичъ Августиновичъ**, принадлежавшій къ числу первыхъ изслѣдователей климатическихъ и почвенныхъ особенностей острова Сахалина и Якутской области. Собранная имъ во время путешествій колекція растеній изъ 40,000 экземпляровъ представляетъ одну изъ замѣчательныхъ колекцій Ботаническаго сада. Отчеты о своихъ путешествіяхъ Августиновичъ помѣщалъ въ 70-хъ годахъ въ «Голосѣ». Покойный по происхожденію вольный крестьянинъ Сѣверо-Западнаго края, родился въ 1809 г., учился сперва въ свислоцкой гимназіи, затѣмъ въ Виленскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1835 г. съ серебряною медалью лекаремъ. Съ 1835 г. по 1842 г. онъ служилъ врачемъ въ Брянскомъ егерскомъ полку и въ 7-й артилерійской бригадѣ, въ концѣ 1868 года—врачебнымъ инспекторомъ Пермской губерніи. Ѳ. М., живя долгое время въ Малороссіи, изслѣдовалъ мѣстный способъ леченія водобоязни у человѣка и вмѣстѣ съ докторомъ Грабовскимъ составилъ наставленіе волостнымъ фельдшерамъ о помощи укушеннымъ бѣшеными собаками и заразившимся сибирскою язвою. Любимымъ занятіемъ покойнаго было наблюденіе явленій природы и ихъ изученіе. Онъ особенно интересовался врачебными свойствами дикорастущихъ растеній.

† Намѣстникъ Троицкой Сергіевой лавры архимандритъ **Леонидъ**, 22-го октября. Въ лицѣ его огромную утрату понесла не только церковь наша, но и русская наука, потерявшая въ немъ одного изъ усерднѣйшихъ изслѣдователей русской старины. Отличавшійся глубокою ученостью, архимандритъ Леонидъ, по его собственному признанію, еще съ молодыхъ лѣтъ почувствовалъ любовь къ занятіямъ отечественной исторіей и археологіей, и имъ посвятилъ всю свою труженическую жизнь. Онъ обогатилъ русскую науку изданіемъ цѣлаго ряда цѣнныхъ историческихъ актовъ, относящихся главнымъ образомъ къ петровскому времени. Масса самостоятельныхъ его изслѣдованій по русской и славянской исторіи, по церковной исторіи, по этнографіи, археологіи, генеалогіи, множество біографій, критическихъ статей и замѣтокъ разсѣяно по разнымъ изданіямъ, какъ спеціальнымъ, ученымъ, такъ и общелитературнымъ, начиная съ средины сороковыхъ годовъ. Онъ участвовалъ этими разнообразными трудами въ «Илюстраціи» Кукольника, въ «Финскомъ Вѣстникѣ», «Литературной Газетѣ», «Москвитянинѣ», «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древностей» и пр. Наконецъ, и духовная литература обязана Леониду изданіемъ матеріаловъ для исторіи духовнаго краснорѣчія въ Россіи и памятниковъ стариннаго

витійства церковнаго. Покойный былъ глубокимъ знатокомъ своего предмета и не боялся труда, какъ бы онъ кропотливъ и неблагодаренъ ни былъ. Отдыха онъ не зналъ и излюбленному труду посвящалъ все время, остававшееся у него отъ занятій, сопряженныхъ съ управленіемъ ввѣренной ему части. Архимандритъ Леонидъ, въ мірѣ Левъ Александровичъ Кавелинъ, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, давшаго нѣсколько выдающихся дѣятелей, въ томъ числѣ и извѣстнаго писателя Константина Дмитріевича Кавелина, и родился въ 1822 году. Воспитаніе получилъ онъ въ первомъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, съ 1835 по 1840 годъ, и служилъ 12 лѣтъ въ гвардіи. Въ 1852 г. постригся въ монашество въ Оптиной пустыни, гдѣ и былъ нѣсколько времени настоятелемъ. Затѣмъ провелъ много лѣтъ въ Іерусалимѣ, сперва въ свитѣ епископа Кирилла, потомъ въ качествѣ настоятеля при русской миссіи, послѣ чего назначенъ былъ настоятелемъ посольской церкви нашей въ Константинополѣ, за тѣмъ настоятелемъ Воскресенскаго монастыря «Новаго Іерусалима», а въ 1877 г., по кончинѣ Антонія, занялъ его мѣсто въ Троице-Сергіевской лаврѣ, какъ намѣстникъ ея.

† Въ Москвѣ, 23-го октября **Алексѣй Алексѣевичъ Гатцугъ**, основатель самаго популярнаго изъ дешевыхъ календарей «Крестнаго Календаря». Онъ родился 2-го октября 1832 г. въ Одессѣ, одиннадцати лѣтъ поступилъ во 2-ю московскую гимназію и по окончаніи курса обучался въ московскомъ университетѣ съ 1853 по 1857 г., откуда выпущенъ кандидатомъ историко-филологическаго факультета. Черезъ два года онъ получилъ каѳедру русской словесности въ Ришельевскомъ лицеѣ, гдѣ читалъ этотъ предметъ съ 1859 по 1861 г., когда слухи о преобразованіи лицея въ университетъ заставили его перебраться въ Москву. Въ немъ давно уже билась публицистическая жилка, и онъ по переѣздѣ въ столицу весь отдался литературно-журнальной дѣятельности, которую началъ въ Одессѣ, въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», и въ еврейскихъ органахъ «Сіонѣ» и «Разсвѣтѣ». Онъ, между прочимъ, напечаталъ въ «Сіонѣ» статью «Евреи въ русской исторіи и поэзіи», посвященную развитію народно-литературныхъ идей на Руси относительно евреевъ, которою обратилъ на себя вниманіе. Затѣмъ онъ сталъ сотрудничать въ «Основѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Голосѣ» и другихъ изданіяхъ и, будучи украинофиломъ, написалъ нѣсколько статей о малороссійской литературѣ, о языкѣ малороссіянъ, занимался также археологіей и исторіей и принималъ участіе въ археологическихъ раскопкахъ въ окрестностяхъ Москвы. Между прочимъ, онъ издалъ двѣ популярныя книжки: «Старина русской земли» и «Николай Коперникъ, основатель новой астрономіи», которыя выдержали нѣсколько изданій и одобрены ученымъ комитетомъ мин. нар. просв. Въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ» и «Трудахъ московск. археологическаго Общества» онъ помѣстилъ любопытныя статьи: «О курганахъ, господствующихъ въ Московск. губ.» и «Изслѣдованіе кургановъ Московск. губ. въ 1863 и 1864 гг.», изъ которыхъ послѣднее вышло и отдѣльно. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ числѣ другихъ статей, у него были помѣщены «Очерки книгопечатнаго дѣла въ Россіи», а въ «Русскомъ Архивѣ» замѣтки объ указѣ царя Алексѣя Михайловича касательно нѣмцевъ, о древнихъ вещахъ изъ чертковскаго собранія и проч. Въ 1865 г. онъ началъ издавать «Крестный Календарь», первый дешевый иллюстрированный календарь въ Россіи, имѣвшій, особенно въ первыя 10 лѣтъ, необычайный успѣхъ и расходившійся въ ста тысячахъ экз. Съ 1875 г. началось его изданіе «Газета Гатцуга», въ которой онъ возставалъ противъ еврейской эксплуатаціи и еврейскаго хищничества вообще. Это обстоятельство и другія поссорили его съ покойнымъ М. Н. Катковымъ, съ которымъ раньше того онъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ: ссора и послѣдовавшая затѣмъ горячая полемика Гатцуга съ Катковымъ дурно отра-

вились на «Газетѣ Гатцуга», ему вскорѣ окончательно не повезло: онъ продалъ свою обширную типографію, а затѣмъ и «Газету», и въ послѣднее время кое-какъ перебивался крохами, уцѣлѣвшими отъ его прежняго недурнаго состоянія.

† 26-го октября, въ Москвѣ поэтъ, сотрудникъ всевозможныхъ журналовъ, иллюстрированныхъ и другихъ изданій **Иліодоръ Ивановичъ Пальминъ**, талантливый юмористическій стихотворецъ, болѣе тридцати лѣтъ работавшій въ литературѣ. Происходя изъ стариннаго рода дворянъ Ярославской губ., онъ родился 15-го іюля 1841 года и по смерти отца, за его заслуги, какъ бывшаго члена комитета о раненыхъ, былъ помѣщенъ казеннокоштнымъ пансіонеромъ въ 3-ю петербургскую гимназію. По окончаніи курса съ большимъ успѣхомъ, онъ поступилъ на юридическій факультетъ Петербургскаго университета, но долженъ былъ вскорѣ выйти изъ него по случаю его закрытія въ 1863 г. Разстроенныя обстоятельства старухи-матери заставили его искать средствъ къ жизни въ литературѣ, къ которой онъ чувствовалъ склонность съ дѣтскихъ лѣтъ, наслѣдовавъ любовь къ поэзіи отъ отца, который также писалъ и печаталъ стихи въ журналахъ 20-хъ и 30-хъ годовъ. Первые стихотворные опыты Пальмина появились въ «Вѣкѣ» П. И. Вейнберга и «Библіотекѣ для чтенія» А. Ѳ. Писемскаго. Вскорѣ онъ вошелъ въ кружокъ сотрудниковъ «Искры» В. С. Курочкина и сдѣлался самымъ усерднымъ ея сотрудникомъ, работая въ ней почти до самаго ея прекращенія. Курочкинъ принималъ въ молодомъ поэтѣ большое участіе, окончательно склонилъ его къ литературной дѣятельности и вообще, И. И., по его собственному признанію, былъ обязанъ Курочкину многимъ: добрымъ руководствомъ, совѣтами и глубокимъ нравственнымъ вліяніемъ. Съ 1869 г. И. И. поселился въ Москвѣ и сдѣлался сотрудникомъ почти всѣхъ изданій, въ ней выходившихъ, начиная отъ серьезныхъ и кончая мелкими листками, въ то же время не оставляя сотрудничества и въ петербургскихъ изданіяхъ. Пальминъ участвовалъ: въ «Дѣлѣ» (Дурново), «Женскомъ Вѣстникѣ», «Литературной Библіотекѣ» (Богушевича), «Наблюдателѣ», «Русской Мысли», «Русской Сценѣ» (Михно) «Будильникѣ», «Заповѣ», «Стрекозѣ», «Осколкахъ», «Всемірной Иллюстраціи» и проч. Трудно перечислить изданія, въ которыхъ онъ работалъ, какъ подъ своимъ именемъ, такъ и подъ безчисленными псевдонимами: Трефоваго короля, Маралы Іерихонскаго, гр. Каліостро, графа Мементо-Мори и друг. Ни одинъ изъ юмористическихъ журналовъ и листковъ нашихъ не обходился безъ участія И. И. Плодовитость его была изумительная, но она нисколько не вредила достоинству произведеній И. И., превосходно владѣвшаго формой и носившаго всегда въ сердцѣ огонекъ поэзіи, который чувствовался даже въ самомъ мелкомъ произведеніи его. И. И. очень любилъ Гейне, до нѣкоторой степени воспитался на его идеяхъ, и оттого-то въ стихахъ И. И. всегда болѣе или менѣе звучала гейневская нота. И. И. Пальминъ весьма недурно переводилъ Мицкевича, Сырокомлю и другихъ польскихъ поэтовъ, также удачно передѣлывалъ на русскій ладъ юмористическіе романы нѣмецкаго карикатуриста и поэта Буша. Стихотворенія И. И. выходили и отдѣльными изданіями, подъ заглавіями: «Сны на яву», «Цвѣты и змѣи», а «Полное собраніе» его стихотвореній издано редакціей журнала «Русская Мысль». И. И. умеръ 50 лѣтъ. Въ его лицѣ литература наша и бѣдная дарованіями отечественная поэзія понесла потерю чувствительную. Добраго характера, тихій, скромный, не заносчивый, И. И. Пальминъ внушалъ къ себѣ невольную симпатію всѣхъ, сколько-нибудь его знавшихъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ воспоминаніямъ Н. И. Иванова.

Въ ноябрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» помѣщено продолженіе «Воспоминаній театральнаго антрепренера» г. Н. И. Иванова.

Въ «Воспоминаніяхъ» этихъ допущены нѣкоторыя неточности относительно тверскаго театра и столкновенія автора съ тверскимъ губернаторомъ Бакунинымъ, неточности происшедшія безъ сомнѣнія, вслѣдствіе «исчезающей съ лѣтами памяти», какъ указываетъ и самъ г. Ивановъ.

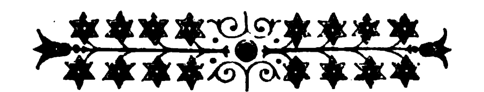
Мнѣ пришлось прожить постоянно въ Твери съ 1845 по 1869 г.; очень хорошо помню и тверскую жизнь, и тверское общество, за то время, котораго касается г. Ивановъ, помню и его самого.

Неточности заключаются въ слѣдующемъ:

Говоря о закрытіи тверскаго театра по случаю кончины государя императора Николая Павловича, слѣдовательно въ февралѣ 1855 года, г. Ивановъ упоминаетъ объ услугѣ, оказанной ему полиціймейстеромъ Д—льномъ. Я не увѣренъ, что въ это время существовалъ еще постоянный театръ въ Твери, но во всякомъ случаѣ положительно могу сказать, что полиціймейстера Д—льна въ Твери, не было. При губернаторѣ Бакунинѣ были три полиціймейстера: Дамичъ, Астромовъ и маіоръ Колзаковъ; послѣдній былъ какъ разъ въ то время, котораго касается г. Ивановъ.

Въ другомъ мѣстѣ, говоря о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ слѣдующимъ лѣтомъ, т. е. въ 1855 году, при открытіи представленій въ Вышневолоцкомъ театрѣ, г. Ивановъ подробно описываетъ свое столкновеніе по этому предмету съ губернаторомъ Бакунинымъ, жалобу на послѣдняго министру внутреннихъ дѣлъ Бибикову, распоряженіе министра объ открытіи Вышневолоцкаго театра, съ возложеніемъ на Бакунина всѣхъ понесенныхъ г. Ивановымъ убытковъ и немедленную отставку губернатора за допущенныя въ отношеніи къ автору пристрастныя дѣйствія. О возложеніи на Бакунина убытковъ мнѣ слышать тогда не пришлось, хотя, нѣтъ сомнѣнія, такой казусъ, да еще при отставкѣ губернатора, получилъ бы гласность въ обществѣ небольшого губернскаго города. Что же касается до самой отставки, то все о томъ сказанное положительно невѣрно. Бакунинъ оставался губернаторомъ не только въ 1855 г., но и въ 1856 году, во время коронаціи получилъ чинъ тайнаго совѣтника и вышелъ въ отставку осенью 1857 года, когда министромъ былъ уже Ланской.

Николай Рубцовъ,
Виленскій городской голова.

УКАЗАТЕЛЬ
ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,
УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ
„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА"
1891 г.[1])

[1]) Въ «Указатель» не включены личныя имена, упоминаемыя въ историческихъ романахъ, беллетристическихъ статьяхъ и въ приложеніяхъ къ «Историческому Вѣстнику».

В.

Л.

О.

П.

С.

Х.

Ц.

Щ.

Э.

Ю.

УКАЗАТЕЛЬ

ГРАВЮРЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА"

1891 г.

Портреты:

Копіи съ картинъ.

Виды городовъ, мѣстностей и зданій.

Бытовыя и другія изображенія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Марины Мнишекъ съ картины (находящейся въ Московскомъ Историческомъ музеѣ), писанной въ 1606 году и изображающей коронованіе Марины Мнишекъ въ Москвѣ. 2) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1891 года и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ тѣхъ же томахъ «Историческаго Вѣстника». 3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина. 4) Объявленія.

При этой книжкѣ разсылается, для гг. городскихъ и иногороднихъ подписчиковъ, объявленіе объ изданіи въ 1892 году общественно-политической еженедѣльной газеты «Недѣля».

This book is a preservation photocopy.
It was produced on Hammermill Laser Print natural white,
a 60 # book weight acid-free archival paper
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)

Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
1995

